Н. М. ДРУЖИНИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И РЕФОРМА П. Д. КИСЕЛЕВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н. М. ДРУЖИНИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И РЕФОРМА П. Д. КИСЕЛЕВА

Том II

РЕАЛИЗАЦИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий, II том монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» является продолжением I тома («Предпосылки и сущность реформы»), вышедшего в свет в 1946 году. Содержание I тома можно вкратце изложить следующим образом.

Сословие государственных крестьян, образованное петровскими указами 1719—1724 годов и постепенно разросшееся за счет различных прослоек земледельческого населения, состояло из мелких сельских производителей, феодально-зависимых от государственной казны: крестьяне сидели на государственной земле, отбывали государству феодальные повинности и подчинялись системе внеэкономического принуждения, воплощенной в органах государственной власти. Окончательно оформленное в период развитого товарного производства, сословие государственных крестьян оказалось в условиях менее суровой феодальной зависимости, чем помещичьи крепостные крестьяне. Развитие капиталистических отношений во второй половине XVIII века оказало двойственное влияние на государственную деревню: с одной стороны, крестьяне вовлекались в развитие торговли и промышленности, в их среде происходил процесс классового расслоения, постепенно расширялась их гражданская правоспособность; с другой стороны, развитие рыночного оборота и сельскохозяйственного предпринимательства породило среди помещиков острую борьбу за земельные угодья и повлекло за собой передачу значительной части земель и крестьян в собственность частных владельцев. Не удовлетворяясь легальными пожалованиями и прямыми захватами, дворянство начало организованный поход против системы «государственного феодализма», стараясь растворить его без остатка в феодализме помещичьем.

Это стремление господствующего класса, отразившееся в проектах крепостников конца XVIII и первой половины XIX века, нашло могучий противовес в массовом движении государственного крестьянства. Тяжесть феодальной эксплуатации, помещичьи покушения на землю и личность государственных крестьян, растущее малоземелье и обеднение казенной деревни — возбуждали все большее недовольство в земледельческих массах. Стихийные волнения государственных крестьян оказывали определенное давление на правительство: самодержавная власть, пользовавшаяся относительной самостоятельностью, оказалась вынужденной поставить преграды хищническим тенденциям крепостнического дворянства. Кроме того, в условиях растущих товарно-денежных отношений приобретали большое значение планомерная эксплуатация государственных имуществ и, следовательно, повышение оброчной и налоговой платежеспособности крестьян. Отсюда вытекало стремление императорской власти сохранить и укрепить систему «государственного феодализма», остано-

вить процесс обеднения казенной деревни и постараться развить ее производительные силы. По мере разложения феодальной формации в связи с наметившейся перспективой крестьянской революции перед дворянским правительством вставала и другая, параллельная задача — упорядочить и укрепить систему «государственного феодализма», чтобы, опираясь на проведенную реформу, внести подобные же преобразования в систему феодализма помещичьего: остановить массовое обезземеление и смягчить чрезмерную эксплуатацию частновладельческого крестьянства, «очистив» отношения феодальной зависимости от наслоившихся элементов рабовладельчества. Такова была руководящая идея многочисленных проектов, вырабатывавшихся правительственными комитетами в 1820—1830 годах и подготовивших материалы для последующей реформы П. Д. Киселева. Противодействие крепостнического дворянства долго мешало реализации этой идеи, которая грозила подорвать незыблемость крепостнического строя, хотя сама по себе страдала внутренним противоречием и была обречена на практическую неудачу.

Социально-политическая обстановка начала 1830-х годов заставила правительство Николая I выйти из состояния длительных колебаний. Европейские революции 1830—1831 годов, повсеместные неурожаи, холерная эпидемия и крестьянские волнения, закончившиеся массовым восстанием в Приуралье, повелительно диктовали неотложные меры для смягчения и государственного урегулирования феодальных отношений. Секретный комитет 1835 года сыграл при этом роль направляющего центра: он наметил план постепенного выхода из социально-экономического кризиса в духе уже подготовленных, но несколько видоизмененных проектов. Усилиями М. М. Сперанского и П. Д. Киселева, сторонников умеренного прогресса, стоявших на позиции частичного преобразования существующего строя, была разработана программа двуединой реформы: с одной стороны, реорганизации управления казенной деревней, с другой,— приближения к этому «образцовому» управлению деревни частновладельческой.

На плечи П. Д. Киселева легла обязанность подготовить и провести в жизнь намеченную реформу. По своему политическому воспитанию и общественным взглядам Киселев вполне соответствовал выдвинутой задаче. Представитель интересов землевладельческого класса, он занимал влиятельное положение в рядах дворянской иерархии и воплощал в себе противоречивые воззрения кризисного периода. Оставаясь убежденным сторонником феодального строя и самодержавной монархии, он подвергся влиянию буржуазной просветительной идеологии, критически относился к дореформенной действительности и понимал неизбежность капиталистического развития. Несмотря на консервативную основу своего политического мировоззрения, Киселев отстаивал необходимость мирной реформы, которая покончила бы с институтом личного рабства и силой закона ограничила бы произвол помещиков.

Несмотря на глухое противодействие господствующего класса, самодержавное правительство в лице Киселева и его помощников подготовило первую часть программы 1835 года. В основу разработанных проектов были положены материалы специальной ревизии казенных имений, охватившей в 1836—1840 годах все губернии Европейской России и Сибири. Ревизия показала высокий удельный вес государственных крестьян в общей массе земледельческого населения империи (44,3%) и раскрыла тяжелое положение казенной деревни: недостаточность и неравномерность земельных наделов, крайнюю обременительность повинностей, систему насилий и вымогательств со стороны продажной администрации. Особенно тяжелым было положение государственных крестьян в районах Правобережной Украины, Литвы, Белоруссии и Прибалтики — там, где

казенные имения сдавались в аренду, а крестьяне были обязаны отбывать барщину. Вместе с тем ревизия обнаружила хозяйственные и бытовые отличия разных районов, побудившие Киселева составить различные проекты управления оброчными крестьянами внутренних губерний, крестьянами западных окраин, состоявшими на барщине, и крестьянами закавказских областей: Грузии, Армении и Айзербайджана.

Опираясь на личную волю Николая I, реализованную V Отделением царской канцелярии, Киселев выделил управление государственными крестьянами в ведение особого Министерства государственных имуществ, создал сложную иерархию местных органов и попытался поднять производительные силы государственной деревни при помощи традиционной политики феодального «попечительства». Реформа Киселева не только создавала административную точку опоры для дальнейшей реорганизации деревенских отношений, но также намечала определенную программу хозяйственных и культурных мероприятий: ликвидацию крестьянского малоземелья, введение более равномерной системы оброка, применение агротехнических улучшений, развитие крестьянской торговли и промыслов, образование сети школьных, медицинских и ветеринарных учреждений и т. д. Одновременно реформа Киселева ставила крестьян под бдительный надзор и ближайшее руководство назначенных «окружных начальников». Волостные и сельские выборные органы оставались орудием коронной администрации, передаточным механизмом, исполнявшим правительственные предначертания. Деревенская жизнь подвергалась всеохватывающей регламентации во имя торжества официальной законности и порядка. Поземельная община сохранялась, так же как сохранялось материальное содержание действующего судебного и административного права. Однако в районах проектированных широких переселений должно было насаждаться индивидуальное подворно-участковое землепользование, открывавшее дорогу для роста предпринимательства и накопления зажиточной прослойки деревни.

Такова была экономическая и культурная программа Киселева, исходившая из идеи упорядоченного «государственного феодализма». Земля, отведенная под крестьянские наделы, навсегда утверждалась за государственной казной, феодальный оброк приобретал более прочное основание, а система внеэкономического принуждения облекалась в более твердые, хотя внешне более благожелательные формы. Государственная казна должна была выполнять по отношению к собственным крестьянам обязанности расчетливого и энергичного хозяина, доказывая помещичьему классу возможность и целесообразность подобной экономической политики в частновладельческой деревне. Таким образом, несмотря на наличие прогрессивных тенденций, реформа 1837—1841 годов оставалась по своему основному существу реформой феодально-крепостнической.

Чтобы сблизить положение помещичьих крестьян с положением крестьян государственных, Киселев попытался через Секретный комитет 1839—1842 годов провести вторую часть двуединой реформы, касавшуюся помещичьих крепостных: предоставить им юридическую свободу, определить размеры крестьянских наделов и повинностей, ограничить вотчинную власть помещиков и частично подчинить крепостных крестьян управлению Министерства государственных имуществ. Однако эта вторая попытка Киселева, вытекавшая из плана Комитета 1835 года, вызвала резкий отпор со стороны крепостнического дворянства и выродилась в жалкий, ублюдочный закон 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах. Замысел согласованной двуединой реформы потерпел политическое крушение, и перед правительством Николая I осталась единственная возможность: демонстрацией реформированной и процветаю-

щей казенной деревни возбудить добровольную, хотя и разрозненную инициативу помещиков. Создать образец разумного «попечительства» на основе личной свободы казенного крестьянина, его феодальной зависимости от казны и всесторонней опеки со стороны государства сталс с этого момента руководящей задачей Киселева.

Содержание II тома знакомит читателя с практическим осуществлением поставленной задачи и показывает, к каким хозяйственным и политическим результатам привела попытка правительства Николая I выйти из состояния кризиса, не посягая на основы феодального строя. Полная неудача этой попытки была предвестием другого, более решительного преобразования — отмены крепостного права и слияния государственных, удельных и частновладельческих крестьян в одно общее сословие. Изучение реформы Киселева помогает шире поставить вопрос о предпосылках и характере реформы 1861 года, которая послужила необходимым условием для перехода старой России от феодальной формации к капиталистической.

Глава первая

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ РЕФОРМЫ

1. Программа и приемы подготовки законопроектов

Реформа управления государственными крестьянами, воплощенная в административных Положениях 1837—1841 годов, преследовала далеко идущие хозяйственные и политические цели: по замыслу Киселева и Николая I, новые центральные и местные органы должны были сыграть служебную роль для всестороннего преобразования государственной деревни, а результаты совершившихся перемен должны были явиться примером для подражания со стороны частных владельцев. И V Отделение собственной е. и. в. канцелярии, и глава нового Министерства никогда не забывали этой основной цели реформы, намеченной Секретным комитетом 1835 года и пронизывавшей всю деятельность по управлению государственными имуществами. Соревнование между двумя системами руководства крестьянами — на казенных и на помещичьих землях — должно было убедить сомневающихся и враждебно настроенных помещиков в хозяйственных и политических преимуществах упорядоченной эксплуатации «свободных сельских обывателей», подчиненных твердой опеке попечительной власти. Чем больше обострялся кризис феодально-крепостнического строя, тем важнее и неотложнее представлялась эта задача Николаю I и Киселеву. Создание новых административных учреждений явилось исходным пунктом целой системы мероприятий, которая должна была охватить разнообразные стороны деревенской жизни. По своему масштабу и значению задуманные меры выходили из рамок текущего управления и требовали предварительного обсуждения спорных вопросов и юридического оформления законопроектов как основополагающих норм деятельности Министерства. Эти сепаратные законы должны были дополнить административную реформу 1837—1841 годов и постепенно реализовать программу, которую еще вначале в своих совместных беседах выработали Киселев и Сперанский. Подготовка законопроектов и проведение их через высшие государственные органы растянулись на весь период управления Киселева и составили одну из важных страниц в истории его реформы.

На первый план по своему значению выдвигались экономические вопросы, предусмотренные Проектом главных оснований хозяйственного

устава. Нужно было прежде всего разрешить земельный вопрос путем перераспределения угодий между сельскими обществами на началах уравнительного землепользования, провести предварительное измерение и оценку земель, установить нормальный земельный пай и наделить им государственную деревню. Одновременно следовало произвести повсеместное межевание земель и уничтожить вредную чересполосицу. В качестве резервной меры для изжития земельного голода имелось в виду добровольное и принудительное переселение не только в пределах одной и той же губернии, но и в другие многоземельные губернии. Сохраняя земельные общины на местах старого жительства крестьян, Проект хозяйственного устава предусматривал организацию семейно-наследственного землепользования в районах нового водворения переселенцев. В разделе о повинностях крестьян важное место занимало переложение оброка с ревизских душ на землю и промыслы, основанное на предварительно проведенном земельном кадастре. До окончания этой операции предлагалось уравнять губернский оклад крестьянских повинностей между сельскими обществами в соответствии с их земельными выгодами. Натуральные земские повинности надо было сделать более равномерными и перевести в денежную форму. Одной из важных мер должно было явиться создание хозяйственного капитала для реализации попечительных мероприятий; эта мера была тесно связана с другой — образованием особого общественного сбора на «частные земские повинности», служившего крупным источником хозяйственного капитала. Кроме того, Проект хозяйственного устава обращал внимание на реорганизацию продовольственного дела и, в частности, на заведение общественной запашки. В качестве предпосылки для подъема благосостояния казенной деревни имелась в виду система мероприятий, направленных к усовершенствованию сельского хозяйства и крестьянской промышленности: учреждение образцовых ферм, пропаганда агрономических знаний, премирование лучших хозяев и пр. [1]

Наряду с экономическими преобразованиями предстояло подготовить ряд мероприятий культурно-бытового характера: устройство начальных школ, богаделен, лечебниц и ветеринарных пунктов; предполагалось обратить серьезное внимание на борьбу с учащавшимися пожарами и упорядочить состояние селений и дорог. Киселев задумывал и другие меры, не предусмотренные «Изложением главных оснований преобразования»: он предполагал ввести более совершенную жеребьевую систему отбывания рекрутской повинности, высказывался за укрепление гражданских прав государственного крестьянства, считал очередной задачей урегулирование положения отдельных категорий «свободных сельских обывателей»: половников, однодворческих крестьян, бродячих цыган и т. д.

На основе этой программы в течение 19 лет управления Киселева, т. е. с 1838 по 1856 год, было подготовлено 483 законопроекта, касавшихся государственной деревни. Из них наиболее важные в количестве 179 (37%) падают на пятилетие 1840—1844 годов. Инициатива в подготовке законодательных дополнений к реформе принадлежала самому Киселеву, действовавшему через V Отделение собственной е. и. в. канцелярии. Занимая положение всемогущего и руководящего органа, V Отделение было направляющим центром, который выдвигал новые вопросы, указывал пути их разработки и контролировал их прохождение через государственные инстанции [2]. Обыкновенно черновая работа по подго-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. ГСДЭ, 1838 г., д. 98, лл. 214—290 (перечень сокращений приложен в конце книги).

[2] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26505, л. 314; ЗД, II, стр. 186.

товке проектов велась департаментами Министерства государственных имуществ в соответствии с их компетенцией; нередко материалы, положенные в основу разрабатываемых проектов, предварительно обсуждались в Учёном комитете Министерства. Затем законопроект поступал на обсуждение Совета министра, а его основания докладывались министром Николаю I. Далеко не всегда Министерство направляло подготовленные законопроекты в высшее законосовещательное учреждение — Государственный совет: Киселев предпочитал обходить эту инстанцию, состоявшую в большинстве из противников предпринятой реформы. Если рассматриваемый вопрос затрагивал компетенцию других министерств, законопроект поступал в Комитет министров. Однако и эта инстанция казалась Киселеву задерживающей его деятельность; нередко он предпочитал более упрощенную процедуру: Николай I утверждал предложенную меру, и она публиковалась Сенатом в качестве именного указа, а порой проводилась в жизнь и без всякой публикации. Иногда Министерству государственных имуществ приходилось считаться с инициативою других ведомств и, получая от них законодательные поручения, разрабатывать меры, вынужденные особыми обстоятельствами (так было с реорганизацией управления западными имениями, предложенной киевским генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым).

2. Земельные законы

Самым важным вопросом в программе дополнительных преобразований Киселева был вопрос о земле, волновавший миллионы государственных крестьян в различных районах страны. По данным Государственного совета, относящимся к 1842 году, в малоземельных земледельческих губерниях насчитывалось 45 тысяч душ, имевших только одну усадьбу, 137 тысяч душ, не имевших даже усадебного участка, и 143 тысячи душ, не имевших никакой оседлости и обреченных на поиски внеземледельческих заработков[3]. В «Проекте главных оснований хозяйственного устава» Киселев предполагал выйти из создавшегося положения сокращением земельного пая с 15 и 8 десятин, узаконенных правительством, до нормальных размеров, определяемых в каждом районе на основании кадастра. Но организация кадастра была чрезвычайно сложной и дорогостоящей операцией, которая могла растянуться на годы и даже на десятки лет. Приходилось принимать неотложные и чрезвычайные меры для того, чтобы остановить катастрофическое сокращение земельных угодий и увеличение избыточного населения деревни. Первой задачей, поставленной Киселевым перед Министерством государственных имуществ, было обеспечение неприкосновенности государственного земельного фонда. Казенные земли служили объектом непрерывных, все более расширявшихся, захватов со стороны помещичьего класса. Нужно было остановить этот процесс расхищения, поставить ему законодательные преграды и обеспечить крестьян резервами угодий для предстоящего наделения прибылых душ.

Киселев прежде всего направил свои усилия на постепенное ограничение и отмену земельных аренд, которые переводили в руки дворянского сословия огромные земельные пространства. Прямая и решительная постановка этого вопроса была невозможна, так как противоречила материальным интересам правящего класса. В собственную е. и. в. канцелярию непрерывно поступали прошения различных ведомств о пожертвованиях землей разнообразным военным и гражданским чинам за

---

[3] ЦГИАЛ, ф. ГСДЭ, 1843 г., д. 24, л. 21.

оказанные ими услуги. Киселеву приходилось, ссылаясь на местные затруднения, представлять Николаю I доклады о необходимости ограничить пожалования в различных районах и отдельным категориям жалуемых лиц. В результате этих усилий в течение 1838—1856 годов был издан ряд разрозненных законодательных актов, которые значительно изменили прежнюю практику земельных пожалований. 7 июня 1838 года раздача земель в Вятской губернии была ограничена двумя восточными уездами — Глазовским и Слободским, но и здесь были исключены лесные поляны и оброчные земли как нужные «для обращения в наделы государственным крестьянам — до приведения в точную известность количества лесов Вятской губернии» [4].

Положением Комитета министров 19 марта 1840 года были ограничены земельные пожалования в Саратовской и Оренбургской губерниях и в Кавказской области: раздача земель в этих районах хотя и была возобновлена, но вводилась в определенные рамки. Закон устанавливал предварительным условием пожалования межевание и нарезку участков, причем копии планов участков, предназначенных к раздаче, предоставлялись кандидатам по очереди через соответствующую Палату государственных имуществ. Прошения об отводе земли с указанием определенных участков в дальнейшем не должны были приниматься; лица, желавшие получить землю, должны были указывать только губернию и ждать своей очереди для выбора обмежеванных и назначенных для отвода участков [5]. В том же году было опубликован указ, который запрещал представлять к земельной награде военных и гражданских чинов ниже полковника и коллежского советника [6]. Чтобы урегулировать и несколько ограничить широкую раздачу казенных земель, именным указом 22 октября 1840 года было предписано направлять прошения о продолжении аренд министру государственных имуществ, который должен был проверять представленные просьбы, наводить необходимые справки и принимать во внимание изданные на этот счет узаконения. Так как закон систематически обходился заинтересованными ведомствами, которые одновременно направляли прошения в Министерство государственных имуществ и непосредственно самому императору, Николай подтвердил, что все прошения о пожаловании арендных производств должны направляться для всеподданнейшего доклада непосредственно министру государственных имуществ [7]. 28 апреля 1841 года Киселев отважился на следующий, более смелый, шаг: он подал Николаю записку о затруднениях, встречаемых при отводе пожалованных земель; с каждым годом количество таких пожалований увеличивается, из числа пожалованных лиц не удовлетворены отводами кандидаты, имеющие право на 752 307 десятин; многие требуют земель в плодородных Саратовской и Оренбургской губерниях, между тем, земли, оставшейся за отводом крестьянам, остается мало. Необходимо, по мнению Киселева, прекратить отводы в Саратовской и Оренбургской губерниях, а в дальнейшем при пожаловании точно указывать избранные губернии. Вероятно, представление этой записки сопровождалось устными, еще более решительными, комментариями Киселева, так как Николай I попытался разрубить узел более строгим и решительным предписанием: объявить через Комитет министров, «что б за огромным назначением земель в раздачу, о сю пору еще не использованным, впредь до разрешения не сметь представлять к сей награде ни в каком ведомстве»; Кавказская область была вовсе исключена из числа районов, предназначенных к отводам.

---

[4] ЗД, II, стр. 134; ЖМГИ, 1841, ч. I, отд. I, стр. X—XI.
[5] ВПСЗ, XV, 13271.
[6] Там же, 13941.
[7] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, л. 177; ВПСЗ, XV, 13880; XIX, 18141.

Пожалование земель в губерниях Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Вятской и Вологодской было ограничено 10 тысячами десятин в год[8]. 19 января 1842 года Киселев представил новый доклад о необходимости прекратить раздачу земель в Оренбургской губернии; результатом представления был именной указ, который ссылался на предшествовавшее распоряжение о Кавказской области и запрещал в дальнейшем производить раздачу земель в Оренбургской губернии[9].

Таким образом, важнейшие районы, которые заключали в себе большие ресурсы государственных земель, были сохранены от расхищения и обеспечены для переселения государственных крестьян.

Ограничение и прекращение отводов были возобновлены в 1850-х годах. 9 января 1850 года был издан именной указ о прекращении отвода земель в Архангельской и Олонецкой губерниях; уже пожалованные лица должны были получить участки в Вологодской и Вятской губерниях, но с новым ограничением: им запрещалось самим выбирать нарезанные участки и предписывалось получать землю по порядку номеров. Таким образом, большие лесные угодья, обильные зверем и составлявшие источник звероловного промысла, сохранялись в руках Министерства государственных имуществ. Несколько позже, 13 августа 1851 года, право получать замену участков в Вологодской и Вятской губерниях было ограничено точно определенным двухгодичным сроком[10]. 25 января 1852 года было воспрещено военному начальству ходатайствовать о продолжении и увеличении аренд, пожалованных за военную службу[11]. Наконец, 18 мая 1856 года, уже после воцарения Александра II, был издан новый указ, который разрешал входить с представлениями о продолжении прежних аренд, но предписывал на некоторое время новых аренд не давать[12]. Все эти колебания правительственной политики говорят о скрытой борьбе заинтересованных группировок, которые стремились парализовать усилия Киселева и восстановить узаконенную практику векового расхищения государственного земельного фонда. Несмотря на свои усилия, Киселев не сумел побороть корыстные интересы правящей дворянской верхушки. Пожалования земельных аренд хотя и были ограничены, но продолжали оказывать разрушающее влияние на государственное хозяйство.

Одним из условий, благоприятствовавших земельным хищениям, была широко распространенная чересполосица казенных и помещичьих земель: частные владельцы пользовались неопределенностью границ и невозбранно захватывали соседние государственные угодья. Количество неразмежеванных чересполосных дач было очень велико. Во время ревизии 1837—1838 годов были установлены значительные пространства общих и чересполосных дач в Калужской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Новгородской и других губерниях. В одной Смоленской губернии было найдено 12 207 десятин чересполосных земель, которыми владели 22 земельных собственника; по данным губернского землемера, в Казанской губернии насчитывалось 143 дачи общего чересполосного владения казны, помещиков и удельного ведомства, пространством в 575 490 десятин[13]. Перед Министерством государственных имуществ стояла задача произвести межевание чересполосных и общих участков, разграничить

[8] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2511, лл. 1—7; ВПСЗ, XVII, 15225.
[9] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, л. 35.
[10] ВПСЗ, XXV, 23805; XXVI, 25496.
[11] ВПСЗ, XXVII, 26544.
[12] ВПСЗ, XXXI, 30498.
[13] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26441, лл. 127—130; д. 26442, лл. 97, 103; д. 26446, лл. 311—317; д. 26432, л. 267; д. 26447, лл. 12—13, 107; д. 26448 л. 96; д. 26449, л. 9; д. 26450, л. 120; д. 26485, ч. VII, лл. 54—55.

угодья и поставить пограничные знаки. Разрешение этой задачи затруднялось недостатком подготовленных землемеров. Вот почему в самом начале деятельности Министерства, 7 марта 1838 года, было издано Положение о формировании корпуса гражданских топографов, который должен был комплектоваться из воспитанников учебных рот Лесного и Межевого институтов. Низшие служители для корпуса гражданских топографов должны были набираться из сирот казенных крестьян, обязанных прослужить на своей должности шестилетний срок. Создавая это наполовину военизированное топографическое учреждение с принудительной мобилизацией части государственных крестьян, правительство стремилось быстрее подготовить кадры для производства повсеместного полюбовного размежевания [14]. Однако наличного числа землемеров долгое время хватало только для удовлетворения текущих нужд Министерства. Вопрос о размежевании затруднялся также сопротивлением дворянского сословия: ревизия 1837—1838 годов показала упорное нежелание массы помещиков представлять юридические документы в доказательство своих прав на захваченные земли; кроме того, неопределенность границ способствовала продолжению и укреплению захватов. Только в 1850 году правительство решило издать Правила о полюбовном размежевании дач с государственными крестьянами: более точным определением процедуры размежевания и обязанностей чиновников Министерство стремилось ускорить это важное, но безнадежно затянувшееся дело. На основании Правил 12 июля 1850 года Палаты государственных имуществ должны были назначить специальных уполномоченных по полюбовному размежеванию дач, состоявших в общем и чересполосном владении с государственными крестьянами. На уполномоченных падали все обязанности, связанные с защитой интересов государственной казны: они должны были сосредоточить в своих руках все планы и сведения о землях, осматривать их на месте, разъяснять крестьянам пользу полюбовного размежевания, наблюдать за избранием крестьянских поверенных от сельского схода и участвовать в переговорах с посредниками и частными владельцами. После съемки земель на планы уполномоченные должны были давать свои отзывы, участвовать в подготовке полюбовных сказок и под руководством Палаты государственных имуществ вступать в соглашения с частными владельцами. Осмотр земель и переговоры о размежевании производились с участием поверенных от крестьян. Палаты государственных имуществ имели право окончательно утверждать полюбовные акты, если не требовалось ни обменов, ни уступок, а также если производились обмены равноценных земель, а уступки по каждой даче не превышали 5% всего количества казенной земли. Правда, и здесь права Палаты ограничивались рядом условий: уступки земель допускались только в том случае, если не поступало жалоб и исков со стороны крестьян и казны на завладение казенной землей, если удобные земли не обменивались на леса, если уступки не превышали 50 десятин и если во владении крестьян оставалось по крайней мере по 4,5 десятины на душу. При отсутствии этих условий дело поступало на разрешение Министерства государственных имуществ, которому предоставлялось право разрешать уступки, не превышавшие 10% пространства земель, но не более 200 десятин по одной даче. Бо́льшие уступки или обмен земель и лесов в разных дачах могли допускаться только с высочайшего разрешения [15].

Особенно запутанными и сложными были земельные споры в казенных имениях Прибалтики; Министерство государственных имуществ сталкивалось здесь с необычайно влиятельными немецкими баронами, за-

[14] ВПСЗ, XIII, 11031.
[15] ВПСЗ, XXV, 24327.

хватившими в свои руки все местное управление; кроме того, на землях казны лежало здесь большое количество сервитутных прав, принадлежавших частным владельцам. Только в 1854 году в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях была проведена мера, предпринятая раньше в литовских, белорусских и украинских губерниях в 1840—1841 годах,— регулирование имений с обмежеванием, оценкой и описанием земельных угодий. Попутно 26 мая 1854 года было издано «Положение о разборе поземельных и сервитутных дел в казенных имениях Остзейских губерний». На основании этого большого и сложного законодательного акта предписывалось в ближайшее время разрешить все поземельные споры, произвести полюбовное размежевание чересполосных и общих дач, а затем точно определить сервитутные права и, по возможности, организовать их выкуп. Палаты государственных имуществ посредством публикаций должны были предложить заинтересованным лицам и ведомствам в течение года прислать свои предположения и заявки. Сервитуты, не заявленные в течение годового срока, должны были считаться уничтоженными. Частные собственники и ведомства в течение четырехнедельного срока со дня объявления должны были выделить своих представителей для обхода границ имений и избрать посредников для решения дел третейским судом. Чиновники, назначенные Палатами государственных имуществ для производства регулирования, были обязаны вместе с представителями от владельцев обойти внешние границы владений и выслушать все претензии. На основании собранных сведений составлялись предположения о размене угодьями. Проекты полюбовных сказок предлагались частным владельцам «на соображение» и по окончании двухнедельного срока утверждались генерал-губернатором, если не вызывали возражений и споров. При наличии разногласий дело передавалось в Нижний третейский суд, который состоял из выборных посредников от заинтересованных сторон; эта инстанция единогласно или с помощью приглашенного общего посредника окончательно разрешала споры, не превышавшие 30 рублей серебром или 100 десятин неудобной земли. Остальные дела поступали на окончательное решение Верхнего третейского суда, состоявшего из местных высших чиновников под председательством губернатора; но и здесь окончательное решение выносилось только в том случае, если стоимость спора не превышала 150 рублей или 500 десятин. Если не достигалось единогласия, спорный вопрос разрешался генерал-губернатором, а высшей инстанцией назначался Сенат. При отчуждении казенной собственности дело поступало на рассмотрение министра государственных имуществ и требовало для окончательного разрешения высочайшей санкции [16].

Наряду с организацией полюбовного размежевания Киселев стремился специальным законодательством остановить непосредственное присвоение казенных земель частными лицами. Еще 22 ноября 1839 года был опубликован именной указ, изменявший раздачу общественных земель казенным крестьянам и лицам других сословий в потомственное пользование: отныне предписывалось отдавать мирские участки не долее как на 50 лет и оставлять их в потомственном владении только у тех, кому они были отданы на основании ранее изданных правил [17]. Указом 14 февраля 1840 года Палатам государственных имуществ было предписано произвести проверку юридических документов в случаях земельных споров и тяжб; если спорные земли оказывались действительно частной собственностью, иски о них направлялись в судебные инстанции; если земли оказывались общественным имуществом и юридически принадлежали казне, Палаты должны были восстановить право казенной собственности. Аналогичные пра-

[16] ВПСЗ, XXIX, 28297.
[17] ВПСЗ, XIV, 12913; МЖГИ, 1841, ч. I, отд. I, стр. XLV.

вила были установлены положением Комитета министров 18 июля 1844 года в случаях отчуждения земель со стороны государственных крестьян: Палаты государственных имуществ и здесь обязаны были проверять документы, а в случае их отсутствия проверять земельные права владельцев и выдавать им свидетельства, удостоверяющие, что земля на самом деле не является казенной. Еще важнее было утвержденное Николаем мнение Государственного совета от 10 января 1855 года, которое предписывало Палатам государственных имуществ в случае присвоения казенных земель в личную собственность требовать от крестьян документы и после их проверки, по мере надобности, с помощью уездного суда восстанавливать право казны на присвоенные владения [18]. Аналогичные меры были приняты в отношении малороссийских казаков, которые имели право передавать казачьи земли только представителям казачьего сословия. И здесь при возникновении споров и тяжб предварительно производились проверка документов и выдача свидетельств Палатами государственных имуществ [19]. В сходном положении были земли однодворцев; утвержденным мнением Государственного совета 20 декабря 1854 года однодворцы, дослужившиеся до офицерских чинов, не имели права присваивать себе в собственность однодворческие земли, а должны были пользоваться ими на равных основаниях с другими однодворцами [20].

Однако, несмотря на все усилия Киселева, Министерству государственных имуществ приходилось идти навстречу настойчивым требованиям различных привилегированных групп. Расхищение государственного земельного фонда было задержано, но не приостановлено. Уже законом 19 октября 1838 года было предоставлено право православным монастырям, там «где возможность позволяет», получать лесные участки из казенных дач пространством от 50 до 150 десятин, смотря по степени изобилия лесов. Эти участки оставались в пользовании монастырей и числились «на их попечении»; монастыри имели право использовать лес для домашнего потребления, но не продавать на рынке [21]. Второе изъятие из государственного земельного фонда было допущено в 1848 году, по-видимому, под впечатлением европейской революции, в связи с желанием Николая I укрепить политическую связь с широкими слоями дворянского общества. На основании закона 20 июля 1848 года «малоимущие дворяне» Смоленской, Рязанской и Симбирской губерний имели право получать в потомственное владение из государственного земельного фонда Симбирской и Тобольской губерний по 60 десятин земли; для нарезки этих участков было выделено 22 800 десятин казенной земли. Дворяне, получившие участки «в виде монаршей милости» без всякого платежа поземельной подати, должны были оплачивать только земские повинности. Водворенные на землях новые владельцы имели право передавать участки своим наследникам, но не могли раздроблять и отчуждать их на сторону [22]. В исключительных случаях и в этот период управления Киселева встречались пожалования казенной земли вместе с государственными крестьянами членам царской фамилии: 28 мая 1841 года Николай I утвердил доклад Киселева «О приписке к московскому дворцу е. и. в. великого князя Михаила Павловича особого имения, с которого доход мог бы удовлетворить определенные на содержание дворца расходы»; дополнительным указом 1 января 1842 года на содержание дворца были приписаны государственные крестьяне [23].

---

[18] ВПСЗ, XV, 13169; XIX, 18082; XXX, 28913.
[19] ВПСЗ, XX, 18789; XXXI, 31177.
[20] ВПСЗ, XXIX, 28848.
[21] ЖМГИ, 1841, ч. I, отд. I, стр. XV.
[22] ВПСЗ, XXIII, 22457.
[23] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, лл. 31, 34.

Проект хозяйственного устава предусматривал разнообразные меры для удовлетворения земельного голода государственного крестьянства. Киселев при составлении проекта Положений 1839—1841 годов не имел в виду широкого наделения государственных крестьян новыми земельными участками; предполагалось, что после проведения земельного кадастра удастся точно определить нормальный душевой пай для наделения крестьян. Но организация кадастра была сложным многолетним начинанием, а население государственной деревни непрерывно росло и малоземелье чувствовалось очень остро. После восьмой ревизии в Министерство стали поступать многочисленные жалобы и прошения государственных крестьян, которые требовали произвести новое наделение землями в соответствии с новым учетом деревенского населения. Действующий закон, предоставлявший государственным крестьянам право иметь по 15 десятин на ревизскую душу в многоземельных губерниях и по 8 десятин в губерниях малоземельных, не давал формального права на такое наделение, он упоминал только о седьмой ревизии. Поэтому 30 июня 1838 года Киселев вынужден был представить в Государственный совет проект изменения закона с пояснительной запиской, предлагавшего распространить право наделения землей в соответствии с данными новой, восьмой ревизии. Государственный совет согласился с доводами Киселева и постановил, что «хотя в проекте Хозяйственного устава между прочим постановлено по составлении кадастра государственным имуществам ввести новый распорядок о наделении крестьян землей, но как дело сие по обширным и многотрудным занятиям, с ним сопряженным, не может быть окончено в скором времени и дабы казенные поселяне, имеющие в земле недостаток, не оставались напрасно без способов к пропитанию и к исправному платежу податей и оброка, особо в тех губерниях, где есть в земле избыток», то Совет постановил испросить разрешение на изменение действующего закона. Взамен слов «по седьмой ревизии» были поставлены слова «по последней ревизии». Проект Государственного совета получил утверждение Николая I 9 ноября 1838 года [24]

Между тем, количество государственных земель, приходившихся на ревизскую душу, становилось все меньше. Министерство должно было изыскивать новые способы для выхода из затруднительного положения. 16 мая 1839 года Положением Комитета министров было предписано на территории Западной Сибири при отводе земель приравнивать 3 десятины солончаков к 1 десятине удобной земли; закон мотивировал принятое решение в откровенной и в то же время лицемерной форме: «Мера сия, с одной стороны, соответствует потребностям местных жителей, а с другой не менее полезна и для казны, которая сохранит в распоряжении своем удобные земли» [25]. С ростом населения прежние многоземельные районы превращались в малоземельные, и Министерство должно было перечислять их из одной категории в другую, чтобы устранить необходимость наделения крестьян 15-десятинной пропорцией земли: например, в 1847 году Оханский и Екатеринбургский уезды Пермской губернии, до того времени числившиеся многоземельными, были переведены в категорию малоземельных [26]. Чтобы смягчить остроту земельного голода, законом 23 января 1850 года были созданы льготные условия для аренды казенных оброчных статей малоземельными сельскими обществами: такие оброчные участки не должны были предъявляться к торгам, а оставались в пользовании крестьян под круговым поручительством, с тем чтобы каждый год оброчного содержания земель крестьяне приплачивали по 1%

[24] ЦГИАЛ, ф. ГСДЭ, 1838 г., д 167; ВПСЗ, XIII, 11725; XVII, 16150.
[25] ВПСЗ, XIV, 12356.
[26] ВПСЗ, XXII, 21733.

к прежней сумме аренды [27]. В 1855 году, незадолго до ухода Киселева, ему еще не удалось осуществить проектированное введение нормального земельного пая и произвести повсеместный и планомерный передел казенных земель с учетом местных условий. Поэтому специальным законом 14 ноября 1855 года пришлось подтвердить старое правило о 15-ти и 8-десятинной норме, но ввести в него небольшую поправку: эти нормы должны были исчисляться не по губерниям, а по уездам [28]. Вся совокупность законов, связанных с вопросом о наделении государственных крестьян новыми земельными участками, показывала бессилие Министерства выйти из рамок прежнего, давно установившегося порядка. Министерство оказалось не в состоянии произвести полный передел земли, сократив норму душевого участка и устранив создавшуюся неравномерность землевладения.

Несколько плодотворнее была законодательная политика Министерства государственных имуществ в вопросе о снабжении государственных крестьян лесными участками. С момента издания закона 1819 года положение государственных крестьян в этом отношении было крайне тяжелым: не имея собственных лесов, сельские общества должны были за попенные деньги [29] приобретать лес в прилегающих казенных дачах и оказывались в полной зависимости от местной лесной администрации, прославившейся своими хищениями и поборами. Неизбежным результатом такого положения был непрерывный рост лесных порубок, которые влекли за собой суровые штрафы и нескончаемые судебные процессы. Киселев решил выйти из создавшегося тупика, предоставив крестьянским общинам особые лесные участки. На основании закона 25 августа 1847 года каждое сельское общество государственных крестьян, не имевшее леса, получало лесные участки из расчета одной десятины на каждую душу последней ревизии. Если сельское общество имело леса, но в меньшей пропорции, то предписывалось сделать ему дополнительную прирезку. Отведенные участки оставались в постоянном пользовании государственных крестьян. Истощенные лесные участки обращались в заказные казенные рощи, а крестьяне получали взамен такие же пространства нового леса. Крестьянские участки разделялись на годовые лесосеки, а лесное начальство должно было наблюдать за правильной вырубкой и нести за нее ответственность. В малолесных районах, там, где отводов нельзя было организовать, крестьяне получали право покупать лес в ближайших казенных дачах за половинную цену [30]. Наряду с этим общим законом были изданы сепаратные нормы об отпуске леса различным категориям государственного крестьянства. Например, Положением Комитета министров 18 февраля 1841 года было предписано отпускать лес архангельским птицеловам на постройку временных жилищ в далеких лесных районах в количестве от 50 до 100 корней на каждую избу без всякого взыскания попенных денег; в построенных избах птицеловы должны были проживать только осенью и зимой во время своего промысла [31].

Кроме того, были созданы льготные условия для добавочного приобретения казенного леса: государственные крестьяне приобрели право покупать лесные материалы из казенных дач с рассрочкой платежа, но при условии покупки не более как на 25 рублей серебром в течение года [32].

---

27 ВПСЗ, XXV, 23861.

28 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1855 г., д. 1545; ВПСЗ, XXX, 29802.

29 Попенные деньги — плата, взимавшаяся с крестьян соответственно количеству вырубленных деревьев.

30 ВПСЗ, XXII, 21488.

31 ВПСЗ, XVI, 14287 (ср. XXIII, 22471).

32 ВПСЗ, XXIII, 22663.

В 1840 году было предписано самовольно вырубленный лес засчитывать сельским обществам в счет установленной годовой нормы [33].

Лесные пространства, когда-то покрывавшие огромные районы России, заметно истощились. Поэтому Министерство государственных имуществ стало принимать меры для планомерного разведения лесов; законом 5 апреля 1843 года были установлены специальные премии лесным чиновникам за разведение леса в степных и безлесных районах, а указом 28 марта 1850 года было установлено право потомственного пользования лесными участками, которые государственные крестьяне разводили в малолесных губерниях на неудобных землях [34].

Отчасти можно было смягчить остроту земельного голода путем разрежения сельского населения: проект Хозяйственного устава имел в виду поощрять перевод государственных крестьян в городские сословия. Эта задача, отвечавшая успехам растущего товарного оборота, была частично разрешена законом 24 января 1849 года: государственные крестьяне приобрели право переходить в городское сословие не только целыми семьями, но также частью семейства и в одиночку при условии получения увольнительного приговора от общества. Препятствием к переходу могли служить только состояние на ближайшей рекрутской очереди, наличие казенных и частных долгов и принадлежность к раскольничьим сектам. Принимающее городское общество не могло отказать государственным крестьянам в их требовании, если крестьяне оплачивали целиком годовую подать. Закон делал при этом явную ставку на зажиточные элементы деревни; при переходе в городское сословие надо было сделать взнос в пользу вспомогательного капитала отставных нижних чинов: поступавшим в купечество — в размере 40 рублей, в мещанство — в размере 15 рублей. Переходившие в город должны были покрыть оставшиеся недоимки и оплатить государственные подати; состоявшие на рекрутской очереди могли представить зачетную квитанцию. Если в городское сословие переходили дети и женщины, то требовалось представление согласия от родителей [35]. Хотя прежние формальные требования, связанные с переходом в городские сословия, были смягчены, но в основном закон сохранил стеснявшие феодальные ограничения.

Переход государственных крестьян в городское сословие был возможен только небольшой группе торгующих и промышляющих мелких производителей. Для того чтобы сильнее разредить население государственной деревни в перенаселенных районах, оставалась старая испытанная мера: организация переселения на малонаселенные окраины. Киселев с самого начала обратил серьезное внимание на переселенческий вопрос [36]. Проект Хозяйственного устава предусматривал два типа переселения: в форме приселения на занятые «податные» (т. е. обложенные податью) участки внутренних губерний и «водворение на запасные земли» многоземельных окраинных губерний. В последнем случае устанавливалась определенная градация в отводе земель: сначала нарезались земли излишние, затем пустопорожние, после них — расчищенные из-под леса и только в последнюю очередь — казенные оброчные статьи. Проект устава предусматривал предварительный учет и нарезку участков, которые должны были удовлетворить требованиям уравнительного землепользования, снабжения переселенцев водой, разделения пашни на четыре поля,

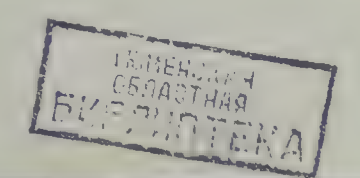
---

[33] ВПСЗ, XV, 13407.

[34] ВПСЗ, XVIII, 16695; XXV, 24027 (ср. XXII, 21514).

[35] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1845 г., д. 7058; ф. V О, д. 27233, лл. 77—78; ВПСЗ, XXIV, 22955.

[36] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2377; ф. V О, д. 26433, л. 111.— Пока разрабатывался проект основного закона, были изданы некоторые частные законодательные меры, облегчавшие переселение (ВПСЗ, XIV, 12059; XV, 13903; XVI, 14198).

правильного ведения хозяйства, устройства общественных учреждений и создания семейных потомственных участков. Предполагалось организовать переселение государственных крестьян постепенно, начиная с самых малоземельных губерний. В 1842 году Киселев поручил I Департаменту разработать проект закона, отвечающего намеченным требованиям. Департамент дополнил его некоторыми пунктами, облегчавшими переселение: он предлагал не требовать в качестве обязательного условия увольнения переселенцев прежним сельским обществом, отменить уплату сельским обществом податей за уходящих переселенцев, освобождать переселенцев от рекрутчины в течение 6 лет, повысить им денежные пособия до 20—35 рублей серебром; самое передвижение предлагалось организовать партиями во главе с проводниками; для лучшей организации приема переселенцев проект предусматривал предварительную высылку на новые места группы работников (из расчета по 2 человека на 10 переселяемых душ), которые должны были приехать к моменту весенних посевов, засеять поля и устроить жилища. Переправа переселенцев через реки была сделана бесплатной. Составленный проект был разослан губернским Палатам, наиболее заинтересованным в проведении проекта. Саратовская, Орловская, Тамбовская и Екатеринославская палаты предлагали еще более расширить права переселенцев и разрешить переселение с раздроблением крестьянских семейств, если фактически номинальное единое семейство уже разделилось и жило отдельными домами. Саратовская палата обратила особое внимание на необходимость предварительной закупки живого и мертвого инвентаря: она предлагала для сокращения расходов приобретать общественные плуги и скот, которые могли бы поступать в пользование переселенцев. Полтавская палата настаивала на необходимости выдачи особого путевого пособия в дополнение к денежным средствам на водворение переселенцев. I Департамент учел многие замечания, и в августе 1842 года проект поступил на рассмотрение Государственного совета [37].

Проект Министерства подвергся здесь ожесточенной критике. Члены Совета рассматривали этот вопрос, когда на территории ряда губерний бушевали крестьянские волнения, а в кругах правящего дворянства обнаружилась сильная оппозиция Министерству государственных имуществ. Члены Совета, выражая крепостническую точку зрения, противопоставили государственным переселениям крестьян переселения, организуемые помещиками из своих имений. По мнению высказывавшихся, Министерству не по силам удовлетворительно организовать переселение «сколь по ограниченности издержек, столь и потому, что трудно положиться в деле сего рода на добросовестность и бескорыстность исполнителей». Кроме того, нет «надобности издавать вновь целые Положения о переселении, тем более, что появление оного могло бы возбудить в крестьянах *беспокойство,* а при влиянии неблагонамеренных поселить в них вредную по своим последствиям мысль о переселении *принужденном»*. Киселеву было поручено взамен проектированного Положения только дополнить существующие правила о переселениях. 30 января 1843 года переработанный проект снова был внесен в Государственный совет с некоторыми дополнениями и поправками. Но и тут последовала строгая критика, главным образом со стороны Министерства двора и уделов. Министр Волконский, находившийся в оппозиции к Министерству Киселева, указывал на ничтожность пособий и льгот, предусмотренных законопроектом; по мнению Волконского, без принуждения в этом деле обойтись невозможно. Ходоков тоже не следует посылать; высылаемым работникам негде будет жить; выдаваемый переселенцам хлеб некуда будет девать во время

[37] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2377; ф. Кнц М, 1840 г., д. 207.

переезда; леса в многоземельных губерниях они не найдут; волы, которых собирается приобретать Министерство, стоят втрое дороже, чем предусмотрено. Не лучше ли, заключал Волконский, начать переселять крестьян в Тобольскую губернию, где по крайней мере много лесов? В ироническом тоне были высказаны также замечания товарищем министра двора Перовским: он ополчился против самого определения «малоземельных губерний» и спрашивал, можно ли определять малоземельность только количеством земли, совершенно не учитывая ее качества; разводить леса посевами, как предполагает Министерство, трудно «даже для самой науки»; для поощрения переселенцев надо, по крайней мере, отдать эти леса в собственность крестьянам; для семейных участков, которые хочет устраивать Министерство, 60 десятин слишком много: у крестьян не хватит работников для обработки такой площади; переселенцы не смогут получить на новом месте ни запасов хлеба, ни леса; пособия на волов и плуги недостаточны, да и как крестьянам научиться с ними обращаться, если раньше они имели дело с сохами и лошадьми? Министерству нужно хотя бы озаботиться иметь на новом месте кузнеца для починки инвентаря. Адмирал Грейг предлагал сохранить за переселенцами право возвращаться на старые места; Блудов отмечал неточность ссылок на статьи Свода законов и не находил в проекте Правил «связи и целого».

Несмотря на суровую критику, проект Министерства был одобрен, но с некоторыми поправками: были несколько увеличены пособия и льготы переселенцам, а леса, разведенные крестьянами, было решено оставить в их пользовании и непосредственном распоряжении. При этом Государственный совет подчеркивал несоответствие между денежными средствами Министерства, отпущенными на переселение, и количеством крестьян, нуждающихся в переселении [38].

Проект получил силу закона 8 апреля 1843 года. Ему был придан характер «Дополнительных правил» к Своду постановлений о благоустройстве в городах и селениях. Задача переселения была формулирована так: «а) дать возможность сельским обществам, нуждающимся в земле, распределить последнюю после ухода переселенцев между оставшимися в должном количестве, б) руки, излишние в одном месте, перевести в другое для возделывания пустых пространств». Закон различал два типа переселения: 1) в пределах той же губернии и 2) в другие губернии, если малоземельные общества имеют в сложности менее 5 десятин на душу. Сравнительно с прежним законом облегчались предварительные условия для разрешения переселения: запрещалось только переселяться государственным крестьянам, состоящим на ближайшей рекрутской очереди, находящимся под судом и следствием и связанным договорами о найме (до истечения их срока). Закон подробно регулировал отводы земель для переселенцев: участки должны были предварительно сниматься на план, иметь размеры от 4 до 7,5 тысяч десятин и разделяться на податные и запасные земли, включая сюда и лесные пространства. Министерству разрешалось на местах нового водворения создавать наследственные семейные участки. Устанавливался определенный порядок переселения: отправлявшиеся на новые места жительства должны были быть обеспечены продовольствием: для засева полей и уборки сена требовалось предварительно выслать необходимое количество работников для обеспечения продовольствия переселенцев и прокормления скота в первую зиму; местная Палата государственных имуществ должна была за счет ассигнованных сумм заготовить переселенцам общественные плуги и рабочий скот; в новых районах должны были быть построены мельницы, колодцы и т. д.; переселенцы обязаны были отправляться партиями в сопровождении

---

[38] ЦГИАЛ, ф. ГСДЭ, 1843 г., д. 24.

проводников. Переселявшимся предоставлялись пособия и льготы: из старых запасных магазинов им выдавался хлеб на прокормление и семена для посева; на новом месте они получали бесплатно по 100 деревьев на семью для постройки жилищ; для хозяйственного обзаведения им давались безвозвратные пособия в размере 20 рублей, а при отсутствии леса — в количестве 35 рублей. Каждый переселенец получал пару волов, а на каждые 8 семей полагался общественный плуг (стоимость инвентаря не должна была превышать 20 рублей на семью). Для расширения средств переселенцы получали право с ведома Палаты сдавать в аренду из отведенного участка земли под пастбища и сенокос и вырученные деньги обращать на общественные нужды. Кроме того, переселенцы получали податную льготу на 8 лет (в течение второго четырехлетия они платили половину оброчной подати на возмещение издержек Министерства по переселению); в течение всех 8 лет переселенцы освобождались от взноса хлеба в запасные магазины; от постойной повинности они освобождались на 6 лет, от рекрутской — на 3 набора.

Наряду с добровольным переселением закон предусматривал возможность переселения по приговору сельских обществ, т. е. в виде карательной меры. В этом случае переселенцы должны были следовать по этапу, их водворяли между старожилами под надзор местной администрации, льготы в податях и повинностях уменьшались им вдвое, а рекрутская вовсе отменялась; одежду и кормовые деньги им выделяло сельское общество, которое выносило приговор об их переселении; дома и обзаведение им обеспечивало местное начальство. Особое место в законе занимало переселение крестьян в кавказские казачьи полки по вызову военного начальства и с добровольного согласия крестьян; в этом случае пособий не выдавалось, а только прощались недоимки; переселенцы сами должны были обеспечить себя в пути, а водворение на новых местах организовывало воинское начальство [39].

После издания Положения о переселении Киселев в качестве управляющего V Отделением поручил I Департаменту составить подробную инструкцию. Инструкция детально нормировала условия переселения государственных крестьян на основании изданного закона, она включила и некоторые поправки, носившие дополняющий характер. Совет министра, обсуждавший проект, высказался за восстановление права государственных крестьян посылать поверенных для предварительного осмотра участков. Кроме того, была исключена проектированная статья о заведении на новых местах общественной запашки. Инструкция вводила очередной порядок для переселения крестьян: в первую очередь переселялись имевшие 2,5 десятины и менее на душу, во вторую очередь — имевшие от 2,5 до 5 десятин. В качестве проводников должны были командироваться нижние чины, снабженные специальными пропусками и маршрутами. На местах Палаты назначали особых попечителей к переселяемым, которые должны были наблюдать за процессом водворения. Переселенцам запрещалось селиться в землянках и в землебитных домах, если они не имели деревянной или соломенной крыши. Переселенцы пользовались в пути некоторыми льготами: они получали от местного населения квартиры, бесплатные пастбища, а заболевшие должны были препровождаться на подводах [40].

Основной закон о переселениях 8 апреля 1843 года был дополнен целым рядом сепаратных узаконений, которые развивали и укрепляли выработанные принципы. Для того чтобы обеспечить быстрое и бесперебойное перечисление переселенцев в районы нового водворения, был издан

---

[39] ВПСЗ, XVIII, 16718; XXX, 29811; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, лл. 240—249.
[40] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, лл. 138—155; ф. Кнц М, 1840 г., д. 207.

закон 20 октября 1852 года, определявший твердые сроки для осуществления всех формальных требований: местные Палаты государственных имуществ обязаны были выслать выписку из ревизских сказок в Палату нового места жительства в течение месяца со дня отправления переселенцев; полученные ревизские сказки в течение двух недель после получения на новом месте должны были быть препровождены в Казенную палату и т. д. Таким образом, была сделана попытка ликвидировать обычную широко распространенную волокиту с формальной процедурой перечисления, которая ставила в тяжелое положение переселенцев и делала их беспаспортными и бездомовыми бродягами [41]. В интересах колонизации окраин, особенно в отдаленных пограничных районах, переселенцам предоставлялись особые дополнительные льготы. Например, широкие льготы были даны переселенцам из Восточной Сибири на полуостров Камчатку: они освобождались на 20 лет от выполнения всяких повинностей и имели право самостоятельно выбирать себе угодья. Переселяться на Мангышлакский полуостров на основании закона 29 апреля 1852 года могли также государственные крестьяне, которые состояли на ближайшей рекрутской очереди. Согласно Положению Сибирского комитета 28 июля 1856 года было разрешено образовывать новые поселения и тем переселенцам, которые имели на месте старого жительства избыточный надел земли [42].

С проблемой переселения государственных крестьян была тесно связана другая, еще более важная, проблема — о смене форм землевладения в государственной деревне. В процессе подготовки реформы Киселев занял определенную позицию по вопросу о крестьянской общине: в противовес авторам предшествующих проектов, он не считал возможным немедленно и повсеместно разрушать общинное землевладение. Этой точки зрения он продолжал держаться в течение всего управления Министерством; нередко он выражал ее в своих замечаниях на составленные проекты и излагал на заседаниях высших государственных учреждений. Читая представленную ему записку Н. Жеребцова «О семейных участках», Киселев написал на полях против места о преимуществах общинного землевладения: «Вернейшая выгода по моему мнению заключается в отвращении *пролетариатства*». На объяснительной записке Департамента сельского хозяйства по тому же вопросу, представленной в 1846 году, Киселев подчеркнул, что общинное землевладение «является *обычаем*, который истекает из древней общественной жизни русского народа». Киселев не отрицал, что личное землевладение с экономической точки зрения имеет несомненные преимущества: оно стимулирует хозяйственную предприимчивость землевладельца, освобождает его от давления мира и влияния чересполосицы, способствует развитию производительных сил деревни; но политические соображения брали верх в сознании Киселева и заставляли его становиться на осторожную точку зрения: нельзя уничтожать векового обычая, необходимо действовать постепенно и неторопливо, не принуждая крестьян к новым условиям сельского быта, а исключительно опираясь на добровольное согласие желающих [43].

В соответствии с позицией Киселева было намечено решение этого спорного, уже давно поставленного правительством, вопроса в проекте Хозяйственного устава 1838 года: поземельная община должна была сохраниться всюду, где она существовала раньше, но в районах «нового водворения» переселенцев в виде опыта и при условии добровольного согласия крестьян предполагалось насаждать новую, индивидуальную

---

[41] ВПСЗ, XXVII, 26660.
[42] ВПСЗ, XXVII, 25895, 26214; XXXI, 30788 (ср. XXIII, 22180; XXV, 23949).
[43] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1845 г., д. 2765, ч. I, лл. 49, 59, 173.

форму землевладения. По такому пути и пошло законодательство по инициативе Министерства государственных имуществ. В течение ряда лет Министерство неотступно работало над составлением проекта о создании семейно-наследственных участков на колонизуемых окраинах и, когда этот проект получил силу закона, сосредоточило свои усилия на его реализации. В 1840 году директор III Департамента фон Брадке ознакомился с состоянием менонитских колоний на реке Молочной и пришел в восхищение от превосходного состояния их хозяйства. Вернувшись в Петербург, он сделал личный доклад Киселеву, который приказал собрать подробные сведения о хозяйстве и быте менонитов, сопоставить их с условиями жизни государственных крестьян и все хорошие и пригодные меры, в том числе систему подворно-наследственного землепользования, перенести на территорию казенных имений. В законе 1843 года о переселении, как мы видели, содержались статьи, предоставлявшие право Министерству государственных имуществ устраивать семейно-наследственные участки в отдаленных губерниях; однако эти статьи не получили практического осуществления, пока не завершилась разработка полученного проекта и не последовало нового толчка в результате расширения государственного земельного фонда. В 1844 году Министерство государственных имуществ получило большую земельную площадь от военного ведомства на территории Симбирской губернии. Эти районы и было решено использовать для организации семейных участков.

Независимо от III Департамента, вопрос о семейных участках был поставлен Ученым комитетом Министерства в том же, 1844 году. Член-корреспондент Комитета Мейер представил доклад «О пользе устройства образцовых усадеб не отдельными дворами, а в виде особых выселков, состоящих из нескольких дворов». По плану автора, образцовые усадьбы должны были служить примерами показательного хозяйства на основах рационального земледелия, правильного севооборота и применения удобрений; они должны были на опыте показывать крестьянам все преимущества владения нераздельными семейными участками, пользу улучшения сельского хозяйства и способы удобного расположения усадеб и хозяйственных строений. Ученый комитет сообщил о предложении Мейера Киселеву, который поручил III Департаменту составить соответствующий проект закона. Таким образом, в Министерстве одновременно составлялось два параллельных проекта: о семейных участках и об образцовых выселках. Проект о выселках предусматривал устройство новых селений на территории внутренних губерний, на отдаленных или оброчных землях; каждый выселок должен был состоять из 10 дворов с правильно нарезанными наследственными семейными участками. Крестьяне, выселявшиеся на эти угодья, получали денежные пособия и вели улучшенное сельское хозяйство по указаниям Палаты государственных имуществ. Выселки проектировались в губерниях, где оброк уже был переложен на земли и промыслы. Крестьяне не имели права сдавать землю в наем, должны были содержать определенное количество скота и исправные земледельческие орудия, обязывались сажать деревья, разводить лес и тщательно обрабатывать поля. В случае нерадивости владельца участка земля у него отбиралась и передавалась другому крестьянину.

Второй проект — о семейных участках — составлялся на основе разнообразных материалов, полученных из губернских комиссий по переложению податей на землю и промыслы, докладных записок и специальных правил о распределении земель в южных губерниях, изданных в 1843 году: в отличие от проекта о выселках, он имел в виду исключительно переселенцев, водворявшихся в многоземельных губерниях. III Департамент, переименованный в 1845 году в Департамент сельского хозяйства, предложил Киселеву объединить оба проекта в одно целое,

выделив основные положения и устранив все детали, которые могли быть вынесены в инструкцию. Заново составленный проект неоднократно перерабатывался с учетом соображений Ученого комитета о заимствованиях из быта менонитов. Киселев предвидел, что поднятый вопрос о крупнейшем нововведении в крестьянской жизни вызовет возражения и в Государственном совете и в Комитете министров и может закончиться отклонением проекта вследствие «опасности нововведений». Он предпочел более безопасный путь, минуя высшие государственные учреждения и непосредственно обратившись к самому царю. Все усилия бюрократического аппарата Министерства были направлены на то, чтобы изложить мотивы закона коротко, но в то же время убедительно и неопровержимо с определенной целью склонить к этому решению Николая I [44].

Так родился именной указ 9 декабря 1846 года о наделении государственных крестьян семейными участками земли. Закон открывался текстом утвержденного доклада Киселева, подробно излагавшего мотивы новой законодательной меры: здесь осуждалось общинное землевладение, неразрывно связанное с переделами и чересполосицей, и развивалась идея полезности личного землевладения не только в многоземельных, но и во внутренних губерниях, однако при условиях полной добровольности, перехода к системе поземельного налога и улучшенного сельского хозяйства. Закон предоставлял право Министерству государственных имуществ взамен раздела земли по душам давать государственным крестьянам в виде опыта семейные участки в двух случаях: при устройстве новых селений в многоземельных губерниях и при основании отдельных выселков в губерниях, где была введена новая податная система. По вопросу о новых селениях закон ссылался на Положение 8 апреля 1843 года; что касается выселков, то они должны были устраиваться или на казенных оброчных землях, признанных удобными, или на землях, отдаленных от селений и потому представляющих трудности в обработке. В обоих случаях требовалось предварительное согласие самих крестьян. Земля, предназначенная для новых селений и выселков, предварительно снималась на план; составлялся проект для устройства каждого поселения и его полеводства, который представлялся на утверждение министра. Каждый участок должен был состоять из 60 десятин удобной земли, а в выселках — от 15 до 40 десятин, в зависимости от степени многоземелья; в обоих случаях в каждом поселении допускалось не более 25 дворов. Каждый семейный участок подвергался преварительной оценке. Водворение государственных крестьян на организованных участках производилось путем вызова желающих через местные Палаты государственных имуществ. При устройстве новых селений на пустующих землях государственные крестьяне получали льготы и пособия, оговоренные в Положении 8 апреля 1843 года. При организации выселков льготы и пособия были меньше; крестьяне освобождались на два срока от выборов на общественные должности, получали по 100 деревьев на каждый двор или, за отсутствием леса, денежное пособие, соответствующее стоимости леса, для постройки строений из других материалов. Кроме того, каждой семье выдавалась ссуда из хозяйственного капитала в размере от 60 до 100 рублей сроком на 14 лет; крестьяне возвращали ее по истечении 4 льготных лет ежегодными равными взносами. Каждым семейным участком нераздельно пользовался один землевладелец, который вел хозяйство и платил за участок поземельную подать. Пользование семейным участком объявлялось наследственным; количество отведенной земли, строения, земледельческие орудия, скот перечислялись в постоянной хозяйственной описи. В таком виде семейный участок по смерти владельца переходил нераз-

[44] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1845 г., д. 2765, ч. I и II; д. 2768.

дельно к намеченному наследнику мужского пола или к старшему из наследников, если хозяин не указал своего преемника. Женщины наследовали на основании действующего закона в случае прекращения мужского поколения. Все остальное имущество хозяина, не занесенное в хозяйственную опись, могло делиться между наследниками тоже на основании закона. Выбывшие из сословия государственных крестьян теряли право пользования семейными участками; его теряли и те, которые неисправно отбывали повинности. В таком случае участок передавался старшему наследнику или поступал в опеку. Так как закон издавался в виде опыта и миновал высшие государственные учреждения, Киселев не считал возможным рассылать его от имени Сената согласно узаконенному порядку. Путем сношений с обер-прокурором Сената было решено, что Киселев лично разошлет указы начальникам многоземельных губерний и губерний, в которых подать переложена с душ на землю, непосредственно заинтересованным в реализации этого акта [45].

Так же как закон о переселениях, указ о семейных участках был дополнен особой инструкцией, разработанной Департаментом сельского хозяйства: здесь были повторены основные пункты закона и введены различные подробности о нарезке участков, устройстве селений и пользовании землею. Однако в соответствии с первоначальными указаниями Киселева в инструкцию были введены пункты, которые противоречили основной задаче закона — ликвидировать не только переделы земли, но и вредное влияние чересполосицы: при организации участков были допущены нарезки земли не только одной окружной межей, особняком, но и в различных местах, отдельными полосами и клиньями, «подобно тому, как делается у лучших иностранных поселенцев Южного края России — менонитов». Это была явная уступка принципу уравнительного землевладения, компромисс с «вековым обычаем общинного землевладения». Правда, законодатель оговаривался, что в таком виде нарезанные участки «назначаются для каждого двора навсегда, постоянные и нераздельные». На территории семейных участков устанавливался обязательный единообразный порядок полеводства в соответствии с местными условиями и принятыми правилами улучшенного хозяйства. Крестьяне должны были обязательно перепахивать сенокосы, для того чтобы предупреждать возможность истощения сенокосных участков; они должны были разводить леса, сооружать по определенному плану хозяйственные строения, иметь определенное количество рабочего скота и сельскохозяйственных орудий, которых требовала избранная система хозяйства. Оценка пашни производилась по вероятным урожаям и существующей в данной местности арендной плате; усадебная земля оценивалась в 1,5—2 раза больше, чем пахота, а лес — по сумме попенных денег с ежегодно отпускаемых крестьянам лесных материалов. В особом примечании инструкция подчеркивала, что «крестьяне совершенно бедные и малосемейные... к водворению на семейных участках не допускаются». Межевые знаки и подробные планы, выдававшиеся на руки домохозяевам, должны были строго отграничивать один семейный участок от другого. Участки запрещалось выдавать в оброчное содержание. Окружные начальники и Палаты государственных имуществ должны были наблюдать за ведением крестьянского хозяйства. Таким образом, закон о семейных участках, устанавливая новую форму личного землевладения, отражал на себе характерные черты киселевского «попечительства»: новые формы землепользования, продиктованные растущими капиталистическими отношениями, сопровождались феодальной опекой над хозяевами участков; тем не менее, это была сознательная и планомерно проводимая

[45] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, л. 230; ВПСЗ, XXI, 20684.

«ставка на сильных», попытка пойти навстречу зажиточной прослойке деревни и помочь ей организовать новое крепкое хозяйство буржуазного типа [46].

Подводя итог земельным преобразованиям Министерства государственных имуществ, проведенным в период 1838—1856 годов, мы наблюдаем в них законодательную реализацию основных принципов киселевской программы. Дополнительными узаконениями этого периода Киселев поставил некоторые преграды расхищению казенных земель, хотя оказался не в силах полностью остановить этот процесс в интересах государственной казны. Киселеву не удалось провести в жизнь свою мысль о введении нормального земельного пая, уменьшенного в сравнении с прежним и установленного в соответствии с варьирующимися условиями различных районов: прежние нормы в 8 и 15 десятин земли сохранились в законе, хотя и не соответствовали обстановке перенаселенной государственной деревни. В отмену прежнего закона 1819 года Киселев обеспечил наделение государственных крестьян лесными участками, и это до некоторой степени должно было разрешить тяжелый вопрос в жизни государственной деревни. Некоторому смягчению земельного голода должна была помочь планомерная организация переселений в многоземельные губернии и на казенные оброчные земли. Наконец, осуществляя старое пожелание многочисленных авторов проектов о переходе к личному землевладению, Киселев в крайне осторожной форме приступил к попытке насаждения индивидуального землепользования параллельно с сохранением и укреплением поземельной общины там, где она существовала раньше.

3. Законы о повинностях

Вторым основным вопросом, который занимал Министерство государственных имуществ в 1838—1856 годы, был старый вопрос о реорганизации повинностей государственных крестьян. В проекте Хозяйственного устава задача переложения оброчных взносов с душ на землю и промыслы выдвигалась на первое место, но речь шла не только о преобразовании оброчной подати: необходимо было повысить денежные поступления государственной деревни, придав бóльшую уравнительность финансовому обложению и установив более правильный порядок взимания податей. Ревизия 1836—1840 годов показала, до какой степени злоупотребления местной администрации понижают платежеспособность крестьянства. Киселеву приходилось, с одной стороны, изыскивать новые источники, чтобы оплатить выросшие расходы на управление и провести систему задуманных культурных мероприятий, с другой стороны, создать условия для прекращения произвольных сборов в пользу местных чиновников и «выборных» крестьянских начальников. Наряду с этой задачей возникала другая — облегчить повинности западных крестьян в арендных имениях и изыскать способы перевода барщины на оброчные платежи. Министерство ставило также вопрос об организации общественной запашки как источнике обеспечения продовольственных запасов. Кроме того, Киселеву было известно, что натуральные повинности, одинаково обязательные для государственных и помещичьих крестьян, перелагаются главным образом на плечи государственной деревни. Наконец, в связи с отбыванием повинностей выдвигался вопрос о преобразовании рекрутской системы: запутанность рекрутских очередей создавала новый источник для многообразных злоупотреблений при наборах.

Уже в самом начале деятельности Министерства государственных имуществ выяснилось, что наличных ресурсов не хватит на межевание, на

[46] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 744; ф. III Д, 1845 г., д. 2765.

погашение расходов по новому управлению и на образование хозяйственного капитала, который должен был создать финансовую базу для проектированного «попечительства». Перед Киселевым встала задача установить такую систему взимания платежей, которая сократила бы недоимки и увеличила бы казенные доходы за счет ликвидируемых частных сборов. Следуя проекту Хозяйственного устава, V Отделение в 1840 году разработало проект организации так называемого «общественного сбора», который должен был объединить в себе все крестьянские взносы, предназначенные на покрытие местных волостных и сельских расходов. Общественный сбор должен был обеспечить отбывание частных земских повинностей и удовлетворение потребностей, которые покрывались прежними мирскими сборами. Из этих средств предполагалось выдавать жалованье волостным и сельским начальникам, приобретать материалы для сельского и волостного делопроизводства, заказывать бланки различных бумаг, подготовлять оспопрививателей и мальчиков для занятия должностей сельских писарей и т. д. В объяснительной записке, которая была составлена V Отделением, предлагаемая мера мотивировалась с различных точек зрения: она должна была устранить разросшиеся злоупотребления при бесконтрольном взимании бесконечных сборов на различные нужды; она упрощала систему отчетности, давая возможность легко и быстро проверять сборы и их расходование; наконец, она уравнивала сборы по различным губерниям. После введения поземельного оброка общественный сбор должен был составить определенный процент надбавки к каждому оброчному рублю; пока поземельного оброка не было введено, общественный сбор должен был взиматься на основании предварительно составленных смет, сведенных и проверенных в Министерстве. Киселев согласовал проект общественного сбора с Министерством финансов и представил проект на обсуждение Государственного совета. Предложение Киселева встретило полное сочувствие тем более, что Министерство государственных имуществ брало на себя обязательство, начиная с 1842 года, оплачивать все расходы по управлению казенными имениями. Государственный совет нашел, что «новый порядок полагает преграду произвольным и злоупотребительным действиям со стороны сельских властей; вводит повинность в пределы действительной необходимости и, уравнивая ее между платящими, поставляет их во всегдашнюю известность как о количестве следующего с каждого из них платежа, так и о предметах законных надобностей; установляет отчетность, устраняющую всякое своекорыстное покушение; дает правительству средства, не обременяя чрез меру государственных крестьян, отнести на их способы содержание управления государственными имуществами, доселе лежащие на государственном казначействе, и осуществить благие виды его, доныне к исполнению недоступные...». Так родилось «Положение об общественном с государственных крестьян сборе» 20 марта 1840 года [47]. «Для устранения неудобств, связанных с мелкими раскладками», устанавливался единый общественный сбор взамен прежних частных земских повинностей, мирских расходов и сборов на случай пожаров. В законе устанавливалось, что общественный сбор идет также на содержание управления, на размежевание земель и на составление хозяйственного капитала. Размеры общественного сбора должны были определяться расходными сметами, составленными в Палатах государственных имуществ «на предметы волостного и сельского учреждения», и потребностями Министерства государственных имуществ на все остальные нужды. На основании собранных данных Министерство должно было составлять на каждое трехлетие общую смету расходов и раскладок об-

---

[47] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26505; ГСДЭ, 1840 г., д. 25; ВПСЗ, XV, 13275.

щественного сбора по губерниям и вносить их на утверждение Государственного совета. После утверждения сметы и раскладок Министерство должно было составить расписание, определяющее размеры сумм, предназначенных на местные расходы, на межевание, на отчисление в хозяйственный капитал и на содержание управления; эти расписания должны были рассылаться по губернским учреждениям. Общественный сбор взимался крестьянскими сборщиками одновременно со взиманием подушной подати и оброка. Собранные суммы должны были поступать в уездные казначейства, которые вели общественному сбору особый счет, выдавали установленные суммы волостным управлениям, а деньги, предназначенные на расходы казны по управлению государственными крестьянами, обращали в общие губернские доходы. Что касается сумм, назначенных на межевание и составление хозяйственного капитала, то они сосредоточивались, согласно закону, «в определенных местах» и расходовались по предписанию Министерства в соответствии с утвержденными штатами и положениями. Остатки от общественного сбора, не израсходованные в течение года, должны были причисляться к хозяйственному капиталу. Одно из примечаний в законе оговаривало возможность по-старому собирать добровольные сборы с государственных крестьян на основании мирских приговоров, но под наблюдением местных органов управления. Закон предусматривал переходный период, пока расходные сметы по губерниям не будут составлены; в течение этого времени дополнительно к ранее составленным сметам мирских расходов разрешалось собирать с крестьян по 3 копейки с души на межевание и по 6 копеек — на хозяйственный капитал. Положение устанавливало, что возмещение расходов казны на окружные управления начинается с 1842 года, а расходов на Палаты государственных имуществ — с 1843 года.

23 декабря 1842 года был издан сенатский указ об утверждении расписания общественного сбора на 1843 год. Здесь содержалось определение сумм общественного сбора по губерниям с точным указанием числа ревизских душ, размеров душевого сбора, погубернских итогов и общего итога по империи. Размер душевого сбора устанавливался в зависимости от местных условий от 51³/₄ копейки до 90³/₄ копеек. Общегосударственная сумма общественного сбора равнялась 4 111 144 рубля и 95¹/₄ копейки. Через полтора года, 14 февраля 1844 года, была утверждена смета на первое трехлетие 1844—1846 годов. В дальнейшем подобные же сметы регулярно утверждались каждые три года — в 1847 году, 1850 году, 1853 году и 1856 году [48].

Закон об общественном сборе путем нового повышения повинностей государственных крестьян создал более или менее прочную финансовую базу для нового Министерства государственных имуществ. Киселев рассчитывал при помощи объединения и точного определения доходов и расходов устранить всякий произвол со стороны местных сельских и волостных начальников и тем самым повысить крестьянскую платежеспособность. Однако допущение добровольных денежных сборов взамен натуральных повинностей и на другие, в законе не предусмотренные потребности открывал пути для восстановления и развития прежних поборов. Вопрос о гарантиях от злоупотреблений местной администрации по-прежнему оставался открытым.

Киселев рассчитывал ликвидировать возможные злоупотребления, усилив регламентацию самой процедуры взимания сборов. 12 декабря 1844 года были изданы новые правила о порядке взимания денежных сборов с государственных крестьян, которые в основном сохранили ста-

---

[48] ВПСЗ, XVII, 16374; XIX, 17610; XXII, 20881; XXV, 23920; XXVIII, 27000; XXXI, 30318.

рую систему 1833 года, но внесли в нее ряд коррективов с целью предупредить возможность всякого отклонения от нормального порядка. Попрежнему должны были ежегодно составляться окладные листы на каждое сельское общество; на основании этих листов, включавших в себя перечень всех денежных сборов, мирской сход должен был производить раскладку между отдельными домохозяевами. Поступающие сборы должны были записываться и в податную тетрадь, которая оставалась на руках у сборщика, и в платежную книжку (заменившую собой прежнюю податную табель), которая находилась на руках у плательщика. Сохранялись и прежние сроки рассылки окладных листов, раскладки окладных сумм, взимания и учета сборов. Но, в отличие от прежнего порядка, окладные листы должны были составляться и рассылаться по сельским обществам не Казенной палатой, а Палатой государственных имуществ. Денежный оклад оставался неизменным в течение всего года; сведения о движении населения — о прибыли и убыли ревизских душ — сосредоточивались и в Палате государственных имуществ, и в Казенной палате, которые путем перекрестного извещения подчиненных органов управления должны были обеспечивать согласованность и единство налоговых расчетов. Отныне раскладка по сельским обществам (а в отдельных случаях по селениям, если они обособленно владели общинной землей) производилась соответственно количеству земли. Закон очень детально указывал, как производить записи предназначенных и поступавших сумм, и наряду с цифровыми обозначениями вводил условные наглядные знаки, которые можно было разбирать при незнании грамоты. Недоимки, которые не были погашены к 1 октября каждого года, должны были раскладываться на все сельское общество.

Поступающие суммы зачитывались прежде всего в счет общественного сбора, затем в счет продовольственного капитала, в третью очередь — на общие земские повинности и уже после этого — в счет подушной подати и оброка; отдельно должны были взыскиваться и записываться частные взыскания с сельских обществ и отдельных лиц. Тот же порядок зачета сумм устанавливался на покрытие недоимок. Мирские сборы на исправление натуральных повинностей взимались независимо от установленной системы «по желанию отдельных обществ», так же как рекрутские деньги, которые непосредственно передавались рекрутским отдатчикам. Таким образом, регламентация, установленная новым законом, распространялась только на основные денежные сборы; допуская особые мирские сборы, закон открывал лазейку для крестьянских «выборных», помогая им ускользать от контроля и подчинения общему порядку [49].

Но главные усилия Министерства были сосредоточены не на этих законах, а на подготовке проекта о переложении оброка с душ на землю и промыслы. Вопрос тщательно и долго подготовлялся в V Отделении и в III Департаменте. Уже в 1839 году Киселеву было представлено несколько докладных записок о возможных основаниях будущей реформы. Чиновники Министерства усердно изучали системы европейского кадастра и выискивали наиболее простые, соответствующие русским условиям, приемы классификации и оценки земельных угодий. Сам Киселев, читая подаваемые записки, давал руководящие указания, стараясь облегчить разрешение трудного вопроса о перенесении в условия отсталого крепостного государства тонких приемов земельного кадастра, он говорил о необходимости «достигнуть его приступа к кадастру простейшими средствами, не завлекаясь теориями, которые неудобоприменяемы по обширности государственных имуществ и по скудости технических спосо-

[49] ВПСЗ, XIX, 18519

бов...». Киселеву было известно, что подготовленных специалистов по межеванию мало, имеющиеся межевые кадры не имеют большого опыта, а применения сложных приемов оценки не допускает низкая культура государственной деревни. «Показав желаемое, нужно предложить возможное»,— таково было главное наставление Киселева, которое он дал чиновникам III Департамента. С другой стороны, Киселеву было ясно, что без участия самих крестьян министерские топографы будут не в состоянии произвести правильную классификацию и оценку земельных имуществ; он знал, что малейшая ошибка в определении валового и чистого дохода крестьянина повлечет за собой неравномерность обложения и, следовательно, недовольство и брожение в деревне. По поводу записки о системе австрийского кадастра Киселев высказался за обязательное привлечение крестьян к опросам и оценкам: «...не должно терять из виду, что казенные поселяне имеют некоторые права на землю и потому должны иметь некоторое участие в оценивании земли, им данной. В других краях владелец не заботится о населении, живущем на его земле,— в России же казенный крестьянин с грунтом, на коем живет, суть одно нераздельное целое, которое расторгнуть невозможно. Сказать домовладельцу «плати или поди» невозможно, а потому для обмежевания земель платою его участие необходимо».

Уже на этой ранней стадии подготовки проекта была формулирована руководящая мысль о необходимости предварительного экономического обследования каждой деревни. Для разработки правил оценки доходов государственных крестьян были образованы три частные (районные) комиссии для различных полос империи: Северной, Центрально-промышленной и Центрально-черноземной. Данные этих комиссий поступили в Специальную комиссию по кадастру, образованную при III Департаменте. В мае 1840 года Департамент представил Киселеву доклад об основных принципах оценки доходов государственных крестьян. Ознакомившись с этим проектом, Киселев предложил упростить определение качества почвы, не гоняться за выяснением хозяйственной выгодности каждого географического пункта и вообще стараться улавливать более известные и простые показатели, например оценку леса строить на учете попенных денег, уплачиваемых крестьянами, не создавать сложной системы различных категорий промыслов, а установить промысловую подать в виде оплаты за выдаваемые билеты. Он предлагал выяснить, нужна ли съемка душевых паев в каждом селении и нельзя ли организовать раскладку налога по количеству урожая и средним ценам на хлеб, не отвлекаясь отысканием чистого дохода крестьянина.

В процессе подготовки проекта возникло немало спорных и трудных вопросов. Особенно занимал чиновников Министерства вопрос о приемах обложения крестьянской промышленности. Вначале предполагалось, что будет обложена не только внутренняя, местная промышленность государственной деревни, но и «внешние промыслы», которые крестьяне «имеют на стороне». Член Совета министра В. И. Карнеев в специальной докладной записке решительно возражал против этой меры: он доказывал, что подобное обложение противоречит самой идее кадастра, т. е. переложению подати с душ на землю. Министерство государственных имуществ, представляя в своем лице вотчинника казенных земель, может требовать от крестьян только платы за пользование своими землями; облагать внеземельные доходы крестьян значило бы «вводить барщину». К тому же число крестьян-промышленников невелико и доход с промыслового обложения составит всего $1^1/_3\%$ общей суммы оброчной подати. Нужно учесть, что крестьяне, уходящие на промыслы, и без того облагаются взносами при получении паспорта, адресного билета, торгового свидетельства, при уплате акциза и т. д. Если вводить промысловую

подать, то нужно вводить ее для всех категорий крестьян: и помещичьих, и удельных, и заводских, иначе государственные крестьяне окажутся в менее выгодном положении. Возникал и другой вопрос: следует ли облагать пустопорожние и оброчные (т. е. сдаваемые в аренду) земли? И Киселев, и члены Совета склонялись к мысли, что необходимо ввести такое обложение с целью стимулировать разработку пустующих угодий. Почти все единодушно высказались против увеличения существующей оброчной подати при переложении оброка на землю и промыслы. Однако принятое мнение проводилось непоследовательно: все допускали, что можно повысить оброк за счет обложения лесов, пустующих земель и промысловых занятий.

Вдумываясь в ход подготовки законопроекта, мы улавливаем борьбу двух противоположных тенденций: с одной стороны, стремление превратить «оброчную подать» в арендную плату за землю, т. е. приблизить ее к капиталистической земельной ренте; с другой стороны, не только сохранить за оброком характер феодальной ренты, но постараться охватить ею все виды крестьянских доходов, т. е. приблизить хозяйственную политику государства к практике помещичьего имения. Желание повысить финансовые поступления в условиях феодального строя дало перевес второй точке зрения и продиктовало искусственное включение необрабатываемых угодий в число облагаемых объектов, в полном противоречии с первоначальной идеей подоходного обложения.

Результатом этой борьбы был компромиссный проект «Положения об уравнении государственных крестьян в денежных сборах по земле и промыслам», согласованный с министром финансов Канкриным и в 1842 году представленный Николаю I. Согласно проекту, перелагались с душ на землю и промыслы не только оброчная подать, но также сборы — земский, общественный и мирские — на исправление натуральной повинности; другими словами, феодальный оброк сохранился, но выступал в замаскированной форме поземельно-промыслового налога. В принципе вводимый поземельно-промысловый сбор должен был устанавливаться в соответствии с размерами чистого дохода, который получали государственные крестьяне каждого селения от обработки казенных земель: пашен, сенокосов, выгонов, пастбищ, садов, огородов, мирских оброчных статей и пр., а также от дополнительных промысловых занятий. Для определения чистого дохода от земель все пространство крестьянских угодий предстояло измерить и распределить по качеству почвы; на основании данных об урожайности и о средних ценах на земледельческие продукты должен был вычисляться валовой доход селения, получаемый со всего измеренного пространства (чистый доход определялся вычитанием стоимости обработки из суммы валового дохода). Для выяснения чистого дохода от промыслов предписывалось собирать сведения о числе промышленников и торговцев, о размерах их валовой выручки и о затратах, произведенных ими при организации промыслов и торговли. Проект предусматривал две формы измерения земель: более точную, путем топографической съемки на план (ей подлежали усадебные угодья и земли, на которых существовало подворное землепользование), и приблизительную в районах общинного землевладения, с помощью измерения цепью нескольких душевых паев с помощью самих крестьян. В последнем случае вычислялся средний душевой пай селения, который умножался затем на количество всех имеющихся паев; этот упрощенный способ, соблазнявший быстротой и дешевизной результата, получил у чиновников Министерства название «народного кадастра». Качество паев должно было определяться посредством агрономического исследования почв и последующего распределения их по разрядам. Средняя степень урожая устанавливалась сопоставлением пробных замолотов и закосов со сведениями о мест-

ных урожаях за последние 10—14 лет. Подобные же сведения должны были собираться о ценах на земледельческие продукты за последние 14 лет с учетом особых выгод местоположения — вблизи городов, речных пристаней и пр. В стоимость обработки пахотных земель включалась стоимость семян, удобрения и затраты на обработку земли, которые вычислялись на основе учета необходимых рабочих дней, ценности рабочего скота и земледельческих орудий, а также суммы, нужной для содержания работающего крестьянина.

Согласно Положению, губернский оклад каждого денежного сбора должен был раскладываться между сельскими обществами «соразмерно чистому доходу, получаемому каждым селением от земельных угодий и земельных оброчных статей». Промысловый сбор вносился особо в форме уплаты за билеты — «в половину или третью часть против оброчного оклада с поземельного дохода, по соображению степени развития и полезности каждого промысла». Особо взимался и лесной сбор — в размере 50% от суммы попенных денег, уже уплаченных крестьянами за полученный лес. Каждому селению предоставлялось разложить общую сумму падающего на него сбора между домохозяевами соответственно их личным доходам.

Проект требовал, чтобы вычисленные оклады каждого селения и сельского общества были предварительно предъявлены крестьянам на сходах и исправлены в случае замеченной неравномерности обложения. Произведенные оценки должны были заноситься в оценочные табели селений, а утвержденные министром оклады — в губернскую окладную книгу. Через 14 лет раскладка должна была подвергаться проверке и изменяться в соответствии с изменением местных условий.

Оценка и раскладка должны были производиться губернскими «комиссиями для уравнения сборов с государственных крестьян» под общим руководством специальной комиссии при III Департаменте.

Таким образом, «уравнение» денежных сборов не вносило коренного изменения в прежнюю систему оброчного обложения: сохранялся примитивный репартиционный (раскладочный) характер оброчного сбора; старый оклад, падавший на губернию, по-прежнему распределялся по сельским обществам и селениям, а оклад селения — между отдельными домохозяевами. Проект Положения стремился ввести равномерное распределение оклада в пределах губернии, но он не вмешивался в раскладку поселенного оклада между отдельными плательщиками и не гарантировал равномерного распределения окладов между разными губерниями. Определение чистого дохода с земель не стало подлинной основой оброчного обложения: его единственной функцией было служить правительству подсобным техническим средством для устранения вопиющей несоразмерности сборов между различными селениями. Но разрешение и этой ограниченной задачи не вполне обеспечивалось предлагаемым проектом, поскольку измерение общинных земель должно было производиться грубыми приемами «народного кадастра», а вычисление чистого дохода — достигаться приблизительными и суммарными расчетами. Присоединение промыслового и лесного сборов к поземельному оброку привело к увеличению старого оклада (т. е. к повышению феодальной ренты) и не стояло ни в какой связи с определением чистого дохода.

В таком виде подготовленный проект был согласован с министром финансов и в 1842 году представлен Николаю I. Киселев предвидел, что реформа оброчной повинности может вызвать массовое недовольство в деревне. Давая инструкции при подготовке доклада, министр потребовал показать все невыгоды настоящего положения, изложить основания новой системы; но вместе с тем Киселев писал: «...не скрывать неудобства и опасения, которые от всякого нововведения отражаются во всех

народах; а паче у нас при младенческом образовании перемены — всегда чудовищная новизна, что на первое время будут недовольные, но что по мнению моему правительство не должно останавливаться на сих опасениях и тем паче, что у нас ничего не совершается полезного без противодействия и проч.»[50].

18 мая 1842 года Николай I утвердил представленный проект Положения, которое, однако, не было опубликовано в виде закона, а осталось руководством к действию для чиновников Министерства. Самый же закон 18 мая 1842 года был формулирован кратко и осторожно: Министерству государственных имуществ предписывалось «произвести в Санкт-Петербургской губернии опыт оценки земли и раскладок податей на основании, предложенном в проекте об устройстве оброчной подати», с тем чтобы опыт был закончен в течение года и результаты представлены вместе с проектом Положения на рассмотрение и утверждение. Для производства оценки были назначены две комиссии и отпущена сумма в 62 583 рублей серебром из средств хозяйственного капитала. Через год, 7 июня 1843 года, был издан новый указ о проверке произведенной оценки земель и раскладок податей в Петербургской и Воронежской губерниях и о производстве опыта оценки в губерниях Тамбовской и Пензенской. Указ 24 апреля 1844 года констатировал, что оценка земель и промыслов и последующая проверка этой оценки в Петербургской и Воронежской губерниях закончены, и предписывал с 1 января 1848 года ввести сбор податей по новым окладам. Такая же процедура была применена сначала в Тамбовской и Пензенской, затем в Рязанской и Тульской, потом в Орловской и Курской губерниях. Постепенно оценочные комиссии передвигались в новые районы и к концу управления Киселева на основании дополнительных законов распространили свое действие на Екатеринославскую, Псковскую, Минскую, Новгородскую, Тверскую, Полтавскую и Саратовскую губернии. Так разрешалась одна из основных задач нового Министерства, намеченная еще в начале XIX века[51].

Наряду с переложением оброка в течение 1838—1856 годов постепенно шла ликвидация отработочной ренты. Уже в самом начале, при разработке административных законов 1838—1841 годов, Министерство приняло курс на перевод крестьян с «хозяйственного положения» на денежный оброк. Единственный пункт, в котором Киселев и его помощники остались на старой позиции, касался организации общественной запашки для обеспечения продовольствия и понуждения неисправных крестьян к оплате государственных податей и оброка. Общественную запашку настойчиво рекомендовали сохранить и расширить отдельные ревизоры в 1837—1838 годах и авторы разнообразных проектов, подававшихся Киселеву. Однако Министерство сразу столкнулось с враждебным отношением государственных крестьян ко всякой попытке организовать общественную запашку и в какой бы то ни было форме восстановить и расширить систему отработочной ренты. Эта решительная реакция крестьянства заставила Министерство занять более осторожную и уклончивую позицию. Если в начале своего управления, в 1841 году, Киселев соглашался на представление генерал-губернатора Восточной Сибири о принудительной организации общественной запашки, то в 1850 году он высказывался уже иначе: на представление кавказского наместника о введении общественных запашек в Ставропольской губернии Кавказский

---

[50] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26898; ф. Кнц М, 1841 г., д. 287.

[51] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, лл. 115—116, 138, 170, 318; ф. Киселева, картон № 2 (карта); ВПСЗ, XVII, 15656; XVIII, 16929; XIX, 17837; XX, 18623, 18624; XXIII, 22115, 22553; XXIV, 22883; XXVI, 24958, 25831; «Положение об уравнении государственных крестьян в денежных сборах по землям и промыслам». СПб., 1843 (ведомственное издание в библиотеке ЦГИАЛ).

комитет с участием Киселева постановил допускать такие запашки лишь по желанию крестьян. Во всех документах I Департамента, которые затрагивали вопрос об общественной запашке, усиленно подчеркивалось, что такая запашка может допускаться только при одном условии, если сами крестьяне признают ее целесообразной и дадут на нее свое согласие [52].

Ликвидация «хозяйственного положения» в районах Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины была предусмотрена административными законами 1837—1839 годов. Предполагалось, что крестьяне будут постепенно переводиться на оброк, по мере успехов организованной люстрации и при условии безубыточности этой меры для государственной казны. В начале 1840-х годов вопрос о ликвидации отработочной ренты получил новую постановку в связи с руссификаторской политикой николаевского правительства в районах польского помещичьего землевладения. В течение 1839—1844 годов генерал-губернаторы Юго-западного края Д. Г. Бибиков и северо-западных губерний Ф. Я. Миркович делали настойчивые представления императору о необходимости широкого введения русского помещичьего элемента в население подведомственных им районов. По мнению Мирковича, «для решительного перерождения духа здешнего [53] дворянства необходимо водворение русского, которое связями родственными могло бы ослабить религиозный фанатизм и уничтожить мечты отдельной народности». В том же духе были докладные записки и устные заявления Бибикова, которые обсуждались на заседаниях Западного комитета. И Бибиков, и Миркович настаивали на необходимости превращения казенных имений в русские майораты; указывая на наличие обширных земельных угодий казны, они предлагали раздать их в потомственное пользование русским помещикам за военные и гражданские заслуги, т. е. возрождали старые проекты расхищения государственного земельного фонда и обращения «свободных сельских обывателей» в крепостное, несвободное состояние. Киселев упорно и последовательно боролся против этих проектов. Признавая в принципе желательным и даже необходимым образование майоратов, он указывал на недопустимость превращения свободных государственных крестьян в помещичьих крепостных русских землевладельцев. В своих докладных записках он исходил из тех же политических соображений, какие руководили Николаем I и генерал-губернаторами западных губерний. «Крепостные крестьяне,— говорил Киселев,— коих число простирается до 3 миллионов душ, имея перед глазами удовлетворительное положение старостинских крестьян и питая чувство недоброжелательства к помещикам, не перестают мыслить и надеяться на присоединение их к массе государственных крестьян как людей, преданных правительству... Первые примеры майоратского управления могут внушить страх и отчаяние крестьян казенных и уничтожить всякую надежду в крестьянах помещичьих». Киселев напоминал, что польский революционер Конарский «старался возбуждать местное крестьянство против угнетения со стороны правительства». Отсюда Киселев делал определенный практический вывод: «Всякая мера обращения людей свободного состояния в помещичье владение, хотя и ограниченное, но вечное, могла бы содействовать осуществлению основной мысли мятежников, глубоко и зрело обдумавших способ враждебного действия против России» [54].

Для того чтобы парализовать попытки противоположного течения, Киселев предлагал Николаю I составить закон о майоратах на иных ос-

[52] ВПСЗ, XVI, 14959; XXV, 24618.
[53] Т. е. польского.
[54] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1840 г., д. 2011, ч. III.

нованиях, чем проектировали Бибиков и Миркович: начать постепенно образовывать майоратные имения из бывших польских имений, приобретаемых в казну, а также из тех конфискованных ленных и поиезуитских имений, которые будут возвращаться в казну из частных рук по тем или иным основаниям. Николай согласился, и 6 декабря 1842 года был утвержден составленный Киселевым законопроект о майоратных имениях, очень близкий по своему содержанию к ранее утвержденному проекту того же Киселева, выработанному в 1835 году[55].

Судя по докладным запискам II Департамента, закон 1842 года имел очень слабое применение. Немудрено, что Бибиков выступил с новым контрпредложением, используя аргументацию самого Киселева и ссылаясь на необходимость для правительства получить твердую опору в массах местного населения. Бибиков предложил немедленно после истечения арендных сроков перевести государственных крестьян казенных имений с «хозяйственного положения» на оброчное. Он мотивировал неотложность и политическую необходимость этой меры задачей сохранить целость империи и упрочить судьбы исконно русского края; «нет иного средства,— говорил Бибиков,— немедленно улучшить хозяйственный быт крестьян, поднять их дух и оправдать их угасающие надежды на правительство». На этот раз Киселев парировал удар своего противника, изменив своей прежней последовательной позиции; признавая принципиально необходимым перевод крестьян с барщины на оброк, Киселев считал невозможным немедленное проведение этой меры из соображений чисто экномических: он ссылался на желание самих крестьян некоторых районов остаться на «хозяйственном положении» и на их неподготовленность к исправной и своевременной уплате оброка. По мнению Киселева, необходимо было выждать окончания люстрации, начатой в 1841 году и рассчитанной на 12 лет, а до завершения этой операции действовать осторожно, разрешая крестьянам переходить на оброк только при условии их согласия и экономической благонадежности. Предлагаемый Бибиковым «крутой переход из хозяйственного на оброчное положение,— полагал Киселев,— не принесет существенной пользы самим крестьянам, а, напротив, расстроит их хозяйство» и в то же время принесет большие убытки казне. Однако политические мотивы николаевского правительства взяли верх над хозяйственными соображениями Киселева. Подчиняясь предписанию императора, Киселев должен был разработать проекты о переводе государственных крестьян сначала Правобережной Украины, а затем Литвы и Белоруссии на оброчное положение. 3 апреля 1844 года был утвержден его доклад, согласованный с мнениями Бибикова и основанный на следующих положениях. Все казенные имения в Киевской, Волынской и Подольской губерниях переводились на систему денежного оброка: вакантные — немедленно, а состоявшие в аренде и в администрации — по истечении срока договоров. Ближайшее руководство этой операцией возлагалось на генерал-губернатора, который получал широкие полномочия при назначении и отрешении от должностей местных чиновников Министерства государственных имуществ. Перевод на оброк должен был осуществиться в кратчайшие сроки, в случае необходимости — с уменьшением окладов, несмотря на ущерб, наносимый этой мерой государственному казначейству

Спустя неделю, 10 апреля 1844 года, Николай I утвердил второй доклад Киселева — о переводе на оброк казенных имений в Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской губерниях. И здесь генерал-губернатор получал такие же широкие полномочия по подбору и удалению чи-

---

[55] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, л. 253: ф. V О, д. 26565, л. 94; ВПСЗ, XVII, 16297.

новников в целях скорейшего разрешения выдвинутой задачи. Однако порядок и темпы проведения реформы в четырех северо-западных губерниях под давлением Киселева были изменены: имения, в которых крестьяне находились в «удовлетворительном состоянии», переводились на оброк так же, как в районе Правобережной Украины, другие — постепенно, но не далее 6 лет, а «неблагонадежные»— только по окончании люстрации.

Правила перевода на оброк, выработанные Министерством государственных имуществ, предусматривали сохранение существующих крестьянских наделов, а в случае необходимости и возможности — увеличение душевого пая до нормы, установленной на случай люстрации. Размеры оброка должны были соответствовать доходу, получаемому казной по инвентарям и контрактам (за вычетом дохода от оброчных статей, хозяйственных заведений и фольварочных земель). Огородники и бобыли должны были, по возможности, получить земельные наделы, а нуждавшиеся крестьяне — пособия на покупку скота. На фольварочных и запасных землях предписывалось учредить общественную запашку для пополнения хлебных магазинов, а оставшиеся земли отдавать в аренду сельским обществам или зажиточным хозяевам. Освободившиеся строения и движимый инвентарь предлагалось использовать на хозяйственные цели или продать с публичных торгов. Повсюду следовало учредить сельские общества по образцу внутренних губерний.

Позднее Киселев согласился на предложения Бибикова — исчислять оброк, исходя из показаний инвентарей, а не из преувеличенных норм арендных контрактов, оброк уменьшить там, где он обременителен для крестьян, распределение земель предоставить сельским обществам, а данины и добавочные работы упразднить вовсе.

В связи с неурожаем и падежом скота в Витебской губернии именной указ 4 июня 1845 года распространил проводимую реформу и на эту губернию. Только последний закон был опубликован во всеобщее сведение, остальные сохранили форму секретных повелений министру государственных имуществ [56].

Меры, связанные с уничтожением барщины, подкрепляли два других закона: один из них был издан раньше — 5 июня 1840 года и устанавливал правила относительно отобрания казенных имений от неисправных владельцев: уже тогда правительство изыскивало способы сокращения числа арендаторов из состава местных польских помещиков. На основании этого акта казенные имения должны были отбираться в казну в случае недоимок и нарушения контрактов, причем различались лица, владевшие имениями по пожалованию, и лица, которые пользовались имениями с публичных торгов, на правах арендаторов. В первом случае имения могли возвращаться обратно при покрытии недоимки, в последнем случае имение отбиралось окончательно и возврату не подлежало [57]. Такая мера облегчала перевод крестьян на оброк, так как хозяйство имения, поступившего в казну до истечения срока контракта, могло быть легко перестроено на новых началах [58]. Другим законом, который облегчал переход на оброчную систему, было Положение комитета по делам западных губерний 26 сентября 1844 года о правилах и форме контрактов для казен-

[56] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1843 г., д. 4080, ч. 1; ф. V О, д. 26482, т. III, л. 63; д. 26565, лл. 174, 178, 180, 215; ВПСЗ, XX, 19073; «Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год» (РА, 1884, вып. 5, стр. 27—28); О. Левицкий. О положении крестьян Юго-Западного края во второй четверти XIX столетия («Киевская старина», 1906, т. 93, стр. 243—245).

[57] Посэссионские имения, в случае накопления фундушевых недоимок, отбирались в секвестр немедленно, в течение шести недель после постановления Губернского правления и возврату не подлежали (ВПСЗ, XVII, 15594).

[58] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 137; ВПСЗ, XV, 13528.

ных имений, временно остающихся на «хозяйственном положении». Закон относился к тем владениям казны, которые оставались в административном управлении и по которым еще не истек срок контрактов. Правительство стремилось этим узаконением поставить администраторов в более ограниченные и строгие рамки: наряду с повторением прежних запрещений сдавать имения в субаренду, отбирать крестьянские грунты, увеличивать повинности и применять крестьянский труд на собственных помещичьих землях закон содержал в себе нормы, создававшие новые взаимоотношения между администраторами и крестьянами. Администратор не имел права брать крестьян в дворовые даже при наличии их согласия. Крестьяне получали право переходить на оброк отдельными семьями с согласия сельского общества; за субаренду имение отбиралось в казну; в случае захвата крестьянских полей администратором он уплачивал крестьянам двойной валовой доход с засеянных угодий; за излишние работы сверх инвентаря крестьяне имели право получать вчетверо больше; в случае использования крестьян в собственных имениях администратор выплачивал им двойное вознаграждение и также терял имение и пр.[59]. Таким образом, создавались точки опоры для понуждения местных преимущественно польских, землевладельцев, временно владевших казенными имениями, возвращать их в казну вследствие экономической невыгодности и суровых требований правительства.

Законы 1844—1845 годов имели крупное принципиальное значение: они ликвидировали отработочную ренту на огромном пространстве западных районов, ответив на многочисленные и настойчивые требования крестьян украинской, белорусской и литовской народностей. Реформа создала для крестьян более свободное положение полусамостоятельных хозяев, в противовес господствующей системе барщинного хозяйства не только польских, но и русских помещиков. В основе этих законодательных мероприятий лежали не только политические соображения петербургских и местных руссификаторов: перевода на оброк требовало хозяйственное развитие Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии, которые все больше вовлекались в товарно-денежные отношения и переживали процесс разложения старой барщинной системы.

Значительно позднее была ликвидирована отработочная рента в районах Прибалтики в связи с регулированием «казенных имений остзейских губерний» на основании закона 27 января 1854 года. Регулирование преследовало те же задачи, какие были поставлены перед люстрацией в украинских, литовских и белорусских губерниях: казенные имения должны были быть сняты на планы, а их земельные угодья — классифицированы, оценены и распределены между местными хозяевами. В результате регулирования должны были быть составлены инвентари: статистические (т. е. описание имений в географическом, физическом, этнографическом и других отношениях) и хозяйственные (т. е. описи всего имущества и доходов). Регулирование должно было производиться перед окончанием сроков содержания имений (за исключением «видм», т. е. угодий, пожалованных за службу, которые регулировались в случае заявления начальства пожалованного чиновника). Процедура регулирования производилась целой системой административных органов: в центре ими руководило Люстрационное отделение II Департамента Министерства во главе с инспектором, в губерниях — Палаты государственных имуществ и новые губернские начальники; непосредственное производство работ ложилось на производителей регулирования, которые снабжались всеми необходимыми документами: вакенбухами, аншлагами, планами и пр.; они должны были наблюдать за обходом границ имения в присутствии владельцев

[59] ВПСЗ, XX, 18250-а.

смежных угодий и представителей от крестьян, следили за съемкой земель землемерами, сами производили классификацию, оценку и распределение угодий. Земли должны были оцениваться по степени производительности, и на основании этой оценки должен был устанавливаться ежегодный доход имения. В первую очередь отводились земельные участки крестьянам: усадьба оставалась в прежнем размере, но допускалась возможность прибавки земли для устройства садов и огородов; пашня и сенокосы отводились, как правило, в прежнем размере, но если в имении было изобилие земли, то малоземельные и безземельные крестьяне получали новые угодья. Такие же нарезки допускались, если сенокосы по своим размерам не соответствовали пахотным землям и не могли обеспечить содержание нужного скота. С другой стороны, допускалось и уменьшение размеров пахотных и сенокосных земель, если крестьянин сам выражал на это желание, если имевшаяся площадь не могла быть обработана наличными средствами, если этого требовали условия размежевания земель, наконец если не хватало площади под общественные учреждения. В случае необходимости производилась расчистка лесов под пашни и сенокосы. Однако, если после наделения крестьян не оставалось земель, мызные хозяйства упразднялись и, таким образом, вся земельная площадь оказывалась в пользовании крестьян. Крестьянские земли разделялись на смены и дворовые участки (при желании крестьян распределение дворовых участков могло производиться сельским сходом); при наличии земельных излишков создавались запасные земли для образования новых дворов. Леса не поступали в непосредственное пользование казенных имений; топливо и строевой лес выдавались по требованию из специально отведенных лесных участков. Если при организации мызных хозяйств оказывались излишний скот и земледельческие орудия, они раздавались в ссуду крестьянам. Самое главное и принципиально важное постановление закона 1854 года заключалось в изменении системы феодальной эксплуатации: в доход имения зачислялась не барщинная повинность, а поземельный оброк, который исчислялся на основании оценки земель и вычета из чистого дохода всех налоговых поступлений и затрат на лесные материалы. Однако барщина могла сохраниться, «если все крестьяне имения или некоторые из них изъявят желание временно остаться на хозяйственном положении и если по совершенной неблагонадежности их к платежу оброка или по другим важным причинам признано будет возможным удовлетворить их желание»; в таком случае оброк вносил арендатор имения, а крестьяне отбывали ему повинности натурой в соответствии с вакенбухом. Одновременно упразднялись строительные и другие работы, которыми были обложены крестьяне по отношению к лесным чинам [60]. Таким образом, и здесь, на территории Прибалтики, к концу управления Киселева был нанесен удар системе отработочной ренты. С этого момента барщина могла сохраняться только в виде пережитка прежней системы. Однако арендная система в Прибалтике не была упразднена: влияние немецких баронов и отсутствие политических мотивов, какие имели место в районах польского землевладения побудили правительство действовать здесь иными, более «осторожными», методами.

Министерство Киселева обратило также внимание на неуравнительность и произвол в распределении земских повинностей. Хотя и менее энергично, Киселев стремился обеспечить более равномерную раскладку натуральных повинностей между всеми категориями местного крестьянства и этим облегчить положение государственной деревни.

Одной из самых неуравнительных повинностей была подводная, которую пыталось чисто формально урегулировать Постановление Коми

[60] ВПСЗ, XXIX, 27886.

тета министров 9 сентября 1847 года; предписывая завести особые шнуровые книги для записи полученных обывательских лошадей на земских станционных пунктах, 26 января 1848 года, по представлению Киселева, Государственный совет принял законопроект «Об устранении стеснений, коему подвергаются сельские обыватели нарядами лошадей на почтовые станции»; отныне категорически воспрещалось наряжать обывательских лошадей для почтовой гоньбы [61]. Более важное значение имели «Правила нового устройства земских повинностей», утвержденные 13 июля 1851 года. Этот закон, кодифицировавший прежние постановления о земских повинностях и вносивший в них различные коррективы, точно определял, какие денежные сборы и натуральные повинности следует считать земскими [62]. Всякие земские сборы, помимо указанных в законе, были строго воспрещены. Министерство государственных имуществ в лице управляющих Палатами было непосредственно привлечено к обсуждению вопросов о назначении и порядке взимания денежных земских сборов. За 10 месяцев до нового трехлетия сметы земских повинностей должны были представляться на заключение Министерству государственных имуществ. После утверждения смет местные Палаты расписывали оклады повинностей по сельским обществам [63].

Министерство всемерно поощряло перевод натуральных повинностей в денежную форму. Этот процесс, обусловленный ростом товарно-денежных отношений, был облегчен специально изданным сенатским указом 25 февраля 1843 года; на основании закона торги на подводную и другие земские повинности, отбываемые государственными крестьянами, разрешалось производить не только в Палатах государственных имуществ и окружных управлениях, но и в волостных правлениях. Другими словами, открывалась возможность участия в торгах для более широкого слоя зажиточных крестьян без затраты времени и денег на поездки в губернский город [64]. Однако все эти законодательные меры не заключали в себе реальных гарантий равномерного и справедливого распределения земских повинностей между казенными, удельными и помещичьими имениями.

Крупные изменения в отбывании повинностей внесло преобразование рекрутской системы. Прежний очередной порядок набора рекрутов имел большие недостатки: было трудно учесть рабочую силу каждого семейства и установить справедливую и не вызывающую никаких споров очередь отбывания повинности; это само по себе открывало широкое поле для разнообразных злоупотреблений местной администрации. С другой стороны, в армию привлекались люди менее молодых возрастов (до 35 лет включительно), которым было труднее бороться с невзгодами и тягостями военной службы; они быстрее выбывали из строя и увеличивали собой категории больных и инвалидов. Очередная система рекрутского набора тяжело отзывалась на хозяйственном положении семейств и вследствие долгого пребывания солдат в армии, создавала особую категорию бездомных, брошенных на произвол солдаток. С 1816 года в Прибалтийском крае стала применяться более совершенная «жеребьевая си-

---

[61] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27221, л. 145; д. 27228, лл. 35—36.

[62] К числу денежных земских повинностей были отнесены: государственные — почтовая, дорожная, на содержание управления, этапная, в отношении мест заключения, на военные потребности; губернские — дорожная, «в отношении помещений местного гражданского управления, на содержание местного гражданского управления, в отношении хозяйства и медицинской полиции», «в отношении потребностей войскового управления». К натуральным повинностям относились: сухопутно-дорожные, по водным сообщениям, подводные, арестантско-этапные, квартирные, постойные, продовольственные, отопление и освещение, отводы землей.

[63] ВПСЗ, XXVI, 25398.

[64] ВПСЗ, XVIII, 16568.

стема», при которой ежегодно в армию зачислялись молодые люди 20—21 года на основании вынутого жребия [65]. В 1836 году, вернувшись из ревизионной поездки по губерниям, Киселев высказал Николаю I свое мнение о преимуществах жеребьевой системы и посоветовал ввести ее в великорусских губерниях. Министерству государственных имуществ было поручено разработать этот вопрос и попытаться провести опыт жеребьевки сначала в одной Петербургской губернии. В ноябре 1838 года Киселев составил докладную записку, в которой подробно изложил преимущества жеребьевого набора в армию с военной и хозяйственной точек зрения. Здесь же были намечены основные принципы новой системы, предварительно разработанные V Отделением. Предлагалось упразднить старые, тысячные участки для призыва новобранцев и заменить их волостными участками, передав руководящую роль по призыву местным волостным органам. Ежегодно должны были призываться к жеребьевке молодые люди, достигшие до 1 января 20 лет или 21 года. Для поддержания хозяйства государственных крестьян должны были освобождаться от призыва одиночки, двойники (семьи, в которых было два работника), единственные работники в семье, братья и сыновья состоящих на военной службе, писаря местных органов управления. Призывные списки, в которые заносились все подлежавшие жеребьевке, должны были проверяться на сельских и волостных сходах. Вынувшие жребий разделялись на несколько категорий: получившие первые номера, в соответствии с количеством призываемых, заносились в жеребьевые списки как рекруты; следующие за ними по порядку номеров составляли категорию подставных (на случай замены заболевших или оказавшихся негодными рекрутов); такое же количество должно было числиться в разряде запаса; все прочие освобождались от приема на военную службу. Во всем остальном сохранял силу старый рекрутский устав, на основании которого исчислялось количество рекрутов, подлежащих призыву, производилась замена одних рекрутов другими, допускались наем охотников взамен призванных новобранцев и представление приобретенных зачетных квитанций взамен натурального отбывания повинности. В случае недостатка рекрутов могли призываться к вынутию жребия молодые люди до 25-летнего возраста включительно. В соответствии с этими принципами в виде опыта был издан 21 июля 1838 года закон о жеребьевой системе для Петербургской губернии [66]. В 1839 году жеребьевая система была распространена на Екатеринославскую и Курскую губернии, однако с одной небольшой поправкой: все призываемые были разделены на два разряда — многосемейные и двойниковые; в первую очередь призывались первые, и только в том случае, если их не хватало, должны были вынимать жребий двойниковые. Кроме того, учитывая особенности переходного периода, правительство разрешало не участвовать в новых наборах тем семействам, которые ставили рекрутов в течение последних 10 лет. Руководство всем делом реорганизации рекрутской повинности было возложено на Палаты государственных имуществ и окружных начальников. Позднее закон был распространен на все губернии Европейской России [67].

Постепенно органы Министерства государственных имуществ накопили большой опыт по проведению в жизнь новой жеребьевой системы. Эти данные были сосредоточены в Рекрутском комитете, который на

---

[65] О жеребьевой системе рекрутского набора между государственными крестьянами (ЖМГИ, 1845, ч. XIV, отд. II, стр. 99—104).

[66] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1522, лл. 174—188; ВПСЗ, XIII, 11417; ИО, ч. II, отд. I, стр. 99—100; ЗД, II, стр. 22.

[67] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1522; ф. Кнц М, 1852 г., д. 1208; ВПСЗ, XXVI, 25390; XXVIII, 27432.

основании собранных материалов составил обобщенный проект о жеребьевом порядке призыва на военную службу, легший в основу закона 9 июня 1854 года. В общем этот закон воспроизводил правила призыва для Петербургской губернии 1838 года, но с рядом исправлений и дополнений. Семейные рекрутские списки должны были составляться в волостных правлениях и проверяться через каждые 4 месяца на сельских сходах. Наряду с одиночками, единственными работниками в семье, двойниками и прочими освобождались от призыва фельдшеры и оспопрививатели из государственных крестьян, успешно закончившие курс на земледельческих фермах, и воспитанники сельскохозяйственных учебных заведений. Призывные списки оглашались на сельском сходе с участием всех домохозяев; при этом исправлялись все допущенные ошибки и одновременно проверялись рост и годность подлежащих призыву. Из сельского общества списки поступали в волостные правления и подвергались ревизии окружного начальника на волостном сходе. Крестьяне имели право, считаясь с фактическим положением семейства, перемещать его из первого во второй разряд. Окончательная проверка списков и разбор всех поступивших жалоб производились в Палате государственных имуществ. Когда объявлялся военный набор, призываемые должны были явиться и вынуть жребий. Закон детально регламентировал самую процедуру жеребьевки: билеты с номерами должны были делаться по единообразной форме из одной бумаги; урна, в которую опускались билеты, должна была быть прозрачной; каждый призываемый по вызову волостного головы должен был обнаженной рукой вынуть жребий и показать голове вынутый номер. После окончания жеребьевки составлялись новые списки по порядку вынутых номеров с указанием различных категорий рекрутов, подставных к рекрутам, запасных (по 7 человек на каждую тысячу подлежащих призыву) и подставных запасных. Тут же производились измерение роста и освидетельствование здоровья. После составления жеребьевых списков отдатчики должны были представить рекрутов вместе со списками в Рекрутское присутствие. Здесь снова производились освидетельствование здоровья и измерение роста, но Рекрутское присутствие уже не имело права входить в существо представленных жалоб и проверять правильность занесения в списки. По-старому, родители могли произвести замену рекрутов другими членами семейств, а призываемые могли нанять за себя охотников или представить взамен отбывания воинской повинности купленные зачетные квитанции. Общество сохраняло право представлять в рекруты членов дурного поведения.

Когда началась Восточная война 1853—1856 годов и рекрутские наборы участились, жеребьевая система оказалась не в состоянии обеспечить потребности в расширении армии; поэтому закон 8 мая 1854 года разрешил призывать в рекруты крестьян старших возрастов, до 35 лет включительно [68].

Тем не менее, жеребьевая система устранила многие недостатки старого порядка набора рекрутов и была использована позднее при подготовке устава о воинской повинности 1874 года.

Параллельно введению жеребьевой системы были разрешены различные второстепенные вопросы, связанные с рекрутской повинностью: были точно определены денежные сборы, связанные с наборами рекрутов (о количестве проводников, сопровождающих рекрутов; о числе подвод, которые имели право брать отдатчики, и т. д.), поставлены некоторые преграды спекуляции с зачетными квитанциями (например, право найма охотников и передача зачетных квитанций были ограничены пределами сельского общества, к которому принадлежал призываемый) и т. д.

---

[68] ВПСЗ, XXIX, 28216, 28331.

Большую трудность при рекрутских наборах представлял вопрос о самовольно разделившихся семействах: в призывных списках они числились под одним номером и подлежали отбыванию рекрутской повинности без учета фактического положения каждой части разделившегося семейства. Идя на компромисс, правительство установило законом 24 октября 1839 года, что разделенными считаются семьи, которые до 1823 года фактически жили различными домами; заявления о таких разделах должны были подаваться крестьянами в течение двухлетнего срока (позднее эти сроки были несколько продлены). Если это условие не было соблюдено, рекрут зачитывался в послугу (т. е. в зачет повинности) той части семейства, от которой фактически он был призван. Законом 27 августа 1840 года обществам государственных крестьян было предоставлено право во время рекрутских наборов отдавать на военную службу односельчан дурного поведения [69].

Таким образом, в течение 1838—1856 годов были внесены существенные изменения в систему прежних повинностей: душевой оброк был переложен на землю и промыслы, организован переход западных имений с отработочной на денежную ренту, точнее нормированы земские (в частности, натуральные) повинности, введена более совершенная жеребьевая система рекрутских наборов. Все эти реформы не ликвидировали феодальной основы эксплуатации государственного крестьянства; даже те преобразования, которые несли в себе новые, прогрессивные черты, были осложнены пережитками старого порядка. Однако в результате опубликованных законов государственные крестьяне еще более, чем раньше, приблизились к положению арендаторов казенных земель, а оброчная подать — к обыкновенному государственному налогу. Оставаясь на почве феодального строя, государство под давлением развития товарно-денежных отношений оказалось вынуждено несколько подвинуться вперед, навстречу новой, капиталистической эпохе.

4. Законы, связанные с политикой «попечительства»

Приступая к преобразованию государственной деревни, Киселев и его помощники намечали широкую программу хозяйственных и культурно-бытовых преобразований. Различными мероприятиями — продовольственными, агрономическими, санитарными, просветительными и другими — предполагалось поднять производительные силы деревни и этим повысить платежеспособность зависимого крестьянства. С другой стороны, материальное благосостояние деревни, по мысли реформаторов, должно было оказать воздействие на помещиков, побудить их улучшить положение собственных крепостных, приблизив их к положению государственных крестьян. Для того чтобы провести намеченную программу «попечительства», необходимо было иметь большие денежные ресурсы, т. е. предварительно создать прочную финансовую базу реформы. Проект Хозяйственного устава наметил пути и средства такого финансирования хозяйственных и культурных нововведений: предполагалось образовать особый хозяйственный капитал за счет различных доходов, получаемых управлением государственных имуществ. Киселев был убежден, что, прежде чем увеличивать оброки и налоги, необходимо повысить хозяйственный уровень государственной деревни. В докладной записке, составленной в 1838 году, он отчетливо высказал эти соображения: «Учреждение особого управления есть без сомнения первейшая потребность для того, чтобы положить основание к будущему устройству сей части, но одна сия мера, т. е. мера администрации, не может заменить недостатки в материальных сред-

[69] ВПСЗ, XIV, 12802; XV, 13107, 13742; XVI, 14283, 15098; XVIII, 16480; XXII, 21814; XXIII, 22341 и т. д.

ствах, необходимых для разных хозяйственных улучшений, для развития сельской промышленности и, следовательно, для усиления способов к умножению государственных доходов». Киселев убеждал Николая I и министра финансов Канкрина, что, не проведя хозяйственных преобразований, он «не только не может принять на себя никакой ответственности в возвышении доходов, но будет лишен возможности приступить к предположенному им переводу на счет государственных крестьян расходов на содержание управления, ибо, не преподав им никаких способов к улучшению своего хозяйства, нельзя обременять их никакими значительными повышениями повинностей». Киселев предлагал обратить на хозяйственные улучшения всю сумму накопившихся на крестьянах недоимок. Он брал на себя обязательство успешно взыскать эти недоимки и употребить их на разнообразные экономические и культурные мероприятия, не нанося никакого ущерба государственной казне. Но этот проект встретил решительные возражения со стороны Канкрина, который противопоставил ему свое предложение: дать заимообразно Министерству государственных имуществ 500 тысяч рублей и установить с крестьян добавочный сбор на пополнение этой суммы. Тогда Киселев предложил взять год наибольшего поступления сборов с государственных крестьян и в дальнейшем, если доходы от сборов превысят эту сумму, 20% с полученного излишка употреблять на реализацию намеченной программы. Однако Канкрин не согласился и с этим предложением: он настаивал на том, что крестьяне обложены очень умеренно и что особый сбор вовсе не будет для них тягостным; новое министерство, по мнению Канкрина, получает более против прежнего на 5655 тысяч рублей. Можно согласиться отпустить 500 тысяч рублей на переселение и уступить 20% «из превосходства доходов с казенных лесов, арендных и оброчных статей; главным источником дохода для Министерства государственных имуществ должен быть дополнительный сбор на переселение и разные пособия» [70].

Киселеву пришлось пойти на уступки и составить проект образования хозяйственного капитала на основе компромиссного решения: капитал должен был составляться путем: 1) начисления к сумме общественного сбора, 2) использования половины доходов от крестьянских оброчных статей и 3) из различных мелких поступлений. Этот проект был соединен с другим — об организации общественного сбора и 16 октября 1839 года представлен Николаю I. В объяснительной записке к законопроекту Киселев подробно мотивировал необходимость предлагаемой меры. Он говорил о неблагоустроенности казенных селений «во всех отраслях хозяйственного управления», о недостатке у крестьян «познаний к улучшению сельского хозяйства и собственного их быта» и делал при этом критические выпады против прежнего управления: «...сего и ожидать надлежало, ибо все меры по управлению казенными имениями доселе ограничивались преимущественно финансовою целью». Киселев доказывал, что словесные внушения, которые содержались в многочисленных наказах XVII, XVIII и XIX веков, оказались совершенно недостаточными; земледельческие общества, журналы и газеты не считаются с интересами и положением крестьян; сами крестьяне не в состоянии получить ссуду на улучшение хозяйства и страдают безденежьем; плохое состояние путей сообщения делает положение государственной деревни еще тяжелее. Особенно чувствуется недостаток у крестьян рабочего скота: в одной Смоленской губернии из 94 тысяч государственных крестьян 15 тысяч душ не имеют скота, не могут вести собственного хозяйства и, следовательно, обречены на бродяжничество. Останавливаясь на источниках образования хозяйственного капитала, Киселев старался подробно мотивировать свое предложение

[70] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26505, лл. 92—107.

об использовании половины доходов от крестьянских оброчных статей, зная, что в Государственном совете могут раздаться возражения против лишения прав сельского общества самостоятельно использовать свои доходы. «Сельское общество,— говорил Киселев,— никогда не может быть добрым хозяином заведения», ему недостает надзора, капиталов и технических сведений, а отдача оброчных статей в посторонние руки сопровождается злоупотреблениями; удельное ведомство уже отобрало оброчные статьи в распоряжение управления, то же самое надо сделать в казенных имениях, но сделать постепенно, чтобы «не произвесть в крестьянах недовольства и недоверия к правительству». Таким образом, Киселев ожидал успеха не от развития инициативы и самодеятельности самого крестьянства, а от попечительных забот идеализируемой бюрократии.

Государственный совет сочувственно принял проект Киселева и одобрил его одинаково в Департаменте государственной экономии и в общем собрании. В заключении Совета было сказано, что проект «представляет удовлетворительный способ к благоустройству казенных селений и к улучшению быта государственных крестьян, не обременяя государственного казначейства новыми расходами»[71]. 20 марта 1840 года Николай утвердил Положение о хозяйственном капитале ведомства Министерства государственных имуществ. Хозяйственный капитал должен был составляться из разных источников: в него поступали 1) отчисления от суммы общественного сбора; 2) половина оброка, назначенная в пользу казны от общественных земель, сданных частным лицам; 3) половина доходов с мельниц, рыбных ловель и других оброчных статей, состоящих в пользовании сельских обществ; 4) штрафные деньги, взыскиваемые с государственных крестьян по сельскому судебному уставу; 5) суммы, вырученные от продажи имущества умерших государственных крестьян при отсутствии у них наследника и соответствующего распоряжения; 6) доход от образцовых хозяйственных заведений Министерства государственных имуществ. Хозяйственный капитал должен был расходоваться на определенные цели: 1) на учреждение заведений, «полезных для сельского хозяйства» (образцовых усадеб, лесных плантаций, сельских дорог и каналов, заемных касс и банков и т. д.); 2) на пособия и ссуды крестьянам (снабжение их улучшенными семенами, скотом, усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, помощь при наводнениях, градобитиях, падеже скота и пр., устройство бессемейных и бобылей и т. д.); 3) на поощрения и награды государственным крестьянам, выделившимся своим «трудолюбием и улучшением хозяйства»; 4) на осушение болот и очистку неудобных земель; 5) на устройство больниц и богаделен; 6) на организацию различных опытов по улучшению крестьянских хозяйств; 7) на удовлетворение расходов «по волостному и сельскому благоустройству». На непредвиденные расходы Министерству предоставлялось право выделить особый капитал до 6 тысяч рублей серебром. В качестве переходной меры признавалось возможным выделить крестьянам доход с оброчных статей, если они испытывают крайний недостаток в земле и не могут обойтись без этих поступлений и если доходы с этих статей уже получены и истрачены крестьянами[72]. Позднее именным указом 12 февраля 1845 года был образован особый неприкосновенный капитал в 2 миллиона рублей в качестве дополнения хозяйственного капитала; указом 9 февраля 1848 года проценты с этого капитала были направлены на усиление продовольственного дела[73].

Образование хозяйственного капитала не было единичной изолированной мерой; Киселев продолжал в этом случае традицию, начатую управ-

[71] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26505, лл. 170—240.
[72] ВПСЗ, XV, 13276.
[73] ВПСЗ, XXIII, 21975.

лением военных поселений и воспринятую ведомством двора и уделов. Оба ведомства широко практиковали создание внутренних денежных ресурсов, имевших различное специальное назначение. Министерство государственных имуществ, следуя этим примерам, стремилось превратить себя в независимое и замкнутое ведомство, имеющее собственное «министерство финансов». Львиную долю нового капитала должны были составить отчисления от общественного сбора и половины крестьянских оброчных доходов: крестьяне должны были платить в государственную казну новые добавочные суммы, предусмотренные сметой общественного сбора, и потерять половину доходов от аренды своих земель, мельниц, рыбных ловель и пр. Преследуя задачу улучшить хозяйственное положение государственной деревни, Киселев пошел по старому, проторенному пути, усилив налоговое обложение государственного крестьянства.

Чтобы расширить финансовую базу будущих преобразований, Киселев решил использовать также процесс капиталистического накопления в недрах государственной деревни; ему было известно, что значительные денежные суммы сосредоточены в виде общественных капиталов в иностранных колониях, в остзейских и белорусских коммунальных кассах, в раскольничьих скитах и монастырях; кроме того, в Министерство обращались отдельные зажиточные крестьяне с просьбой организовать сберегательные кассы [74]. По собранным, далеко не полным данным, в селениях государственных крестьян оказалось уже накопленными 402 779 рублей мирских капиталов.

Киселев понимал, однако, что процесс накопления получит бо́льшую интенсивность, если крестьянам будет предоставлена некоторая самостоятельность; поэтому он предлагал предоставить мирские капиталы в распоряжение сельских обществ и расходовать их по мирским приговорам, без назойливого вмешательства начальства, за которым следует только сохранить наблюдение за законностью действий. «Надо стремиться,— говорил Киселев в противоречии с собственными высказываниями об использовании оброчных статей,— к развитию общественного духа и для того дать бо́льшие права мирским сходам». Проект закона был передан на обсуждение особого комитета о пересмотре учреждений по управлению государственных имуществ (образованный под впечатлением крестьянских волнений 1841—1843 годов). Комитет нашел, что намеченные источники образования хозяйственного капитала недостаточны и требуют расширения: он предлагал включить в мирские капиталы всю сумму доходов с крестьянских оброчных статей и присоединить к ним различные мелкие поступления: от аренды небольших участков земли, от продажи соломы с общественной запашки, от ликвидации излишнего общественного хлеба и картофеля и т. д. Комитет проектировал наряду с безвозвратными ссудами на оплату податей за убылые души, на покупку скота и прочее выдачу крестьянам временных ссуд и с этой целью образование вспомогательных касс, в которых крестьяне «могли бы найти средства удовлетворить разным потребностям по улучшению хозяйства».

В соответствии с намеченными принципами V Отделением был составлен проект Положения о мирских капиталах сельских обществ. 15 ноября 1843 года Киселев представил Николаю I доклад, в котором подробно мотивировал необходимость предлагаемой меры. Он указывал, что в настоящее время уже созданы условия для образования мирских капиталов в государственной деревне: имеется твердая администрация, накоплен значительный хозяйственный капитал в 1,5 миллиона рублей, высказывается желание сберегать денежные излишки самими крестьянами. Мирские капиталы укрепят сельскую общину, которая, «быв основана на древних

[74] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1840 г., д. 203, лл. 5—7.

укоренившихся в народе обычаях, представляет для правительства лучший и удобнейший способ действовать на массу народонаселения». Киселев предлагал начать проведение закона с пяти губерний: Петербургской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Гродненской Проект Министерства государственных имуществ мог вызвать возражения в Комитете министров и Государственном совете; поэтому Киселев предпочел обойтись без их одобрения: он убедил Николая I, что предложенное преобразование «составляет внутреннюю хозяйственную меру собственно по казенным селениям, без всякого отношения к другим ведомствам».

5 декабря 1843 года последовал именной указ Сенату о разрешении сельским обществам государственных крестьян пяти губерний учредить мирские капиталы «на всякие полезные благотворительные дела и на случаи непредвиденных расходов». В мирской капитал разрешалось обращать: 1) часть сумм, поступающих в хозяйственный капитал, именно доходы с мирских оброчных статей; 2) штрафы, взыскиваемые с крестьян по приговору волостной и сельской расправы, и 3) выморочные капиталы крестьян; эти суммы дополнялись доходами, получаемыми от случайной сдачи в аренду общественных угодий, от продажи излишка общественного хлеба и ветхих общественных строений, а также суммами, полученными за постой от квартирующих войск; кроме того, разрешалось производить с утверждения начальства денежные складки и присоединять к капиталу пожертвования крестьян, если они не имели особого назначения. К мирским капиталам могли быть причислены существующие наличные накопления, в том числе хозяйственные капиталы Южного края и малороссийских казаков. Расходоваться должны были проценты с капитала, а по мере возрастания потребностей — и основные суммы. Закон предусматривал следующие статьи назначения: устройство сельских дорог, запруд, колодцев и пр.; покупка лучших пород скота для общественного стада, усовершенствованных земледельческих орудий и семян; устройство и содержание больниц и богаделен; постройка и поправка церквей и различных общественных зданий; перенос крестьянских строений в интересах сельского благоустройства; оплата податей за убылых и несостоятельных крестьян. Мирские капиталы должны были учитываться в особой книге и храниться у специально избранных лиц. Расходы разрешались по письменному приговору мирского схода. Одной из первых статей закона было предписано: «...вмешательство местного начальства в распоряжение этими капиталами не допускается». Именным указом 15 декабря 1847 года было санкционировано распространение принятой меры на все губернии, «кроме Остзейских, Западных и Сибирских по особому их положению» [75]. С некоторым запозданием, 30 декабря 1853 года, была принята «Инструкция по управлению мирскими капиталами». Она еще более расширила источники поступлений, присоединив к ранее указанным доходам новые: «...от весов, лавок и балаганов во время ярмарок и праздничных дней». Заведывание мирскими капиталами возлагалось на сельского старшину и двух попечителей, избираемых из числа благонадежных крестьян. Из мирских капиталов предусматривались ссуды домохозяевам не менее 1 рубля и не более 6 рублей. Ссуды давались на срок от 6 месяцев до 2½ лет под условием оплаты 6% и поручительства благонадежных домохозяев. При неграмотности крестьян учет поступающих и выдаваемых сумм должен был производиться по биркам [76].

Образование мирских капиталов поставило перед Министерством новую задачу — организации в государственной деревне сберегательных и вспомогательных касс. Уже в докладе Киселева 1839 года высказывалась

[75] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26564; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 666; ВПСЗ, XVIII, 17381; XXII, 21790.

[76] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26564

мысль о необходимости пойти навстречу процессу денежного накопления среди государственных крестьян. Киселев говорил о том, что крестьяне, с одной стороны, затрудняются в приискании денег для удовлетворения разных срочных платежей в казну и для покупки необходимых предметов, нужных в сельском хозяйстве, а, с другой стороны, не имеют способа сохранять накопленные деньги, если у них образуются излишки в собственном хозяйстве. Среди крестьян пользуются огромным влиянием «перекупщики», которые разъезжают по селениям и скупают продукты сельского хозяйства. Эти булыни, кулаки и так далее удовлетворяют крестьянские потребности инвентарем и предметами домашнего обихода по дорогой цене, сбывают залежавшиеся товары, а «крестьянин, увлекаясь потребностью настоящего времени, употребляет остаток денег на предметы для него ненужные, а еще скорее на удовлетворение порочных склонностей и вообще редко бывает в состоянии скопить суммы для надобностей в будущем или для полезных оборотов, требующих капиталов». Чтобы удовлетворить назревшей потребности, Киселев предлагал в виде опыта учредить при волостных правлениях сберегательные и вспомогательные кассы: первые — для собирания излишков крестьянских денег, вторые — для выдачи ссуд нуждающимся хозяевам. На первое время Киселев проектировал организацию таких учреждений в промышленных губерниях: Петербургской, Московской, Ярославской, Тамбовской и Смоленской. Получив согласие Николая I, Киселев поручил V Отделению составить соответствующий проект, который был обсужден в Совете министра и 2 февраля 1840 года утвержден Николаем I. В мотивировочной части законопроекта была формулирована следующая задача: «Сбережением и приращением процентами остающегося у крестьян излишка денег, употребляемого иногда на предметы ненужные, а более на удовлетворение порочных склонностей, приучить их к бережливости, увеличивающей материальные их средства и в то же время имеющей влияние на улучшение их нравственности, а с другой, чтобы доставить им пособия в случаях крайней надобности для уплаты податей или для улучшения их хозяйства». Новыми правилами 1842 года были устранены прежние стесняющие формальности при выдаче ссуд в сберегательных кассах и введены книжки для записи выдач. Не доверяя местным волостным управлениям в деле хранения и приращения денежных капиталов, Киселев решил поручить ведение счетов по кассам «особому благонадежному лицу с жалованием волостного писаря», а для содействия волостным правлениям установить институт попечителей из числа «почтеннейших крестьян, купцов и священников», живущих на территории волости. Правила о вспомогательных и сберегательных кассах не были оформлены в виде закона, но были разосланы по Палатам соответствующих губерний на основании приказа Николая I [77].

Таким образом, «попечительная» политика Министерства государственных имуществ получила финансовую базу в форме хозяйственного капитала, сельских мирских капиталов и подкрепляющих их вспомогательных и сберегательных касс. Министерство могло опираться не только на средства государственного казначейства, но и на те рассеянные денежные суммы, которые находились в руках зажиточной крестьянской прослойки в районах развитой промышленности и торговли. Протянув щупальцы к этим скрытым и неиспользованным ресурсам, Министерство направило свободные средства на реализацию своей программы под надзором и руководством местных органов.

Одной из самых важных задач «попечительства», которая встала перед Киселевым и его Министерством в самом начале их деятельности, была неотложная организация продовольственного дела. Уже первые годы

---

[77] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1840 г., д. 203, лл. 5—11, 47—53.

существования Министерства заставили остро почувствовать недостатки прежней продовольственной помощи. В 1839—1840 годах 18 губерний Европейской России были постигнуты тяжелым неурожаем: в 1839 году в результате засухи, которая повлекла за собой повсеместные пожары, 14 губерний имели урожай сам-друг, три губернии — сам-один с небольшим, одна сумела только вернуть себе семена [78]. Неурожай совпал с таким же явлением в Англии, Франции и Голландии, куда было вывезено из России около 5 миллионов четвертей хлеба. Хлебные запасы в неурожайных губерниях были истощены, цены поднялись необычайно, в некоторых губерниях с 5 до 30 рублей за четверть. В государственной деревне во многих районах не существовало никаких запасных сельских магазинов; там, где они были построены, запасы уже были истощены и крестьяне остались без всякого пособия. Киселев получал от знакомых помещиков тревожные письма о безвыходном положении государственных крестьян. В письме помещика Бакунина, объехавшего 11 губерний, передавались такие впечатления от осмотра государственных имений: многие крестьяне оставались без пищи по 3—4 суток или употребляли в пищу мякину, смешанную с желудями, древесной корой, соломой и т. д. Помещики настойчиво рекомендовали Киселеву учредить общественную запашку; некоторые проектировали ее на территории образцовых хуторов, применяющих вольнонаемный труд крестьян; предлагали также использовать государственные средства для систематической закупки хлеба в урожайных губерниях и продажи его по дешевым ценам в годы неурожаев. Профессор Московского университета Иовский прислал Киселеву проект организации центральных запасных магазинов в уездных городах, которые должны были стать складочными пунктами для ссыпки хлеба, взимаемого с крестьян взамен подушного денежного оклада.

Киселев придавал разрешению продовольственного вопроса большое значение. Ему было ясно, что если Министерство государственных имуществ не возьмет в свои руки руководство этим делом, все остальные начинания будут бессмысленными и не принесут никаких результатов. В первую очередь необходимо было сосредоточить организацию продовольствия государственной деревни в самом Министерстве (до тех пор оно находилось в руках губернских продовольственных комиссий); затем нужно было создать прочную основу для организации взаимного страхования крестьян на случай неурожаев, обеспечить в деревне достаточное количество хлебных запасов и изыскать меры для регулирования цен на хлеб [79].

Через департаменты Министерства и через знакомых помещиков Киселев начал собирать сведения о количестве необходимых хлебных запасов на случай неурожая, а также о возможности и степени доходности общественных запашек, если они будут обслуживаться вольнонаемным трудом; не в меньшей степени его занимал вопрос об организованном воздействии на хлебные цены. В 1841 году I Департаментом была представлена Киселеву обстоятельная записка «О главных основах нового положения об обеспечении продовольствия». Здесь давалась резкая критика существующего положения продовольственного дела, перечислялись все недостатки старой системы, вскрытые неурожаем 1839—1840 годов, и высказывалась правильная мысль, что основным источником изжития

---

[78] К числу первых относились губернии: Владимирская, Вологодская, Воронежская, Екатеринославская, Калужская, Киевская, Костромская, Могилевская, Московская, Оренбургская, Тульская, Херсонская, Черниговская и Область Войска Донского; к числу вторых — Рязанская, Подольская, Харьковская; последней была Полтавская губерния.

[79] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26665; «Об обеспечении продовольствия государственных крестьян» (ЖМГИ, 1843, ч. VIII, отд. II, стр. 355—372).

зла может быть только правильное, улучшенное ведение сельского хозяйства. Принимая в основание проекта мысль Киселева о «взаимном для государственных крестьян застраховании от неурожая», I Департамент предлагал значительно повысить крестьянские хлебные взносы, начать усиленную постройку запасных магазинов и за отсутствием магазинов всюду, где это возможно, устраивать ямы для ссыпки хлеба. Записка решительно высказывалась против устройства общественной запашки, так как она не соответствовала привычкам и настроению крестьян оброчных губерний; в крайних случаях признавалась возможной общественная запашка с согласия самих крестьян. I Департамент считал необходимым слить продовольственные средства отдельных губерний и увеличить этот общий продовольственный капитал повышенными денежными сборами с крестьян. Проектировалось также устройство центральных (окружных) и складочных (при речных пристанях) хлебных магазинов: отсюда нуждающимся крестьянам могли продавать хлеб и выдавать продовольственные ссуды. Сосредоточивая в своем распоряжении огромные хлебные запасы, Министерство могло воздействовать на рыночную конъюнктуру, повышая хлебные цены в урожайные годы и понижая их в годы неурожая и дороговизны [80].

Результатом этих предварительных изысканий и проектов был ряд законов, изданных в 1839—1842 годах. Утвержденным мнением Государственного совета от 8 мая 1839 года продовольственное дело в отношении государственных крестьян было передано в ведение Министерства государственных имуществ со всеми запасами хлебных магазинов и денежными капиталами. Министерство должно было составить проект нового положения о продовольствии государственной деревни. Палаты государственных имуществ получили права губернских комиссий продовольствия. Счетоводство по хлебным магазинам отделялось от счетоводства по магазинам помещичьих селений и передавалось тоже Палатам государственных имуществ [81].

Очень скоро на практике выяснился недостаток губернских продовольственных капиталов при выдаче семенных и продовольственных ссуд; поэтому указом 12 июля 1841 года было предписано слить капиталы продовольствия, принадлежащие государственным крестьянам отдельных губерний, в один общий продовольственный капитал с разделением его на две части: на капитал оброчных губерний и губерний «хозяйственного положения» [82]. Раньше, чем было готово новое Положение, были приняты некоторые неотложные организационные меры. Постановлением Комитета министров 25 марта 1841 года были установлены Правила об устройстве ям для хранения хлеба, если не имелось запасных магазинов и если такая мера допускалась почвенными условиями края. Ямы для ссыпки хлеба рекомендовалось устраивать преимущественно в безлесных районах с твердой глинистой почвой, в пунктах, которые безопасны от порчи хлеба, пожара, мышей и т. д. [83] В то же время специальными узаконениями давалось освобождение от натуральных взносов волостям и селениям, которые не имели развитого земледелия, а занимались промыслами в Архангельской, Оренбургской и Псковской губерниях [84].

В начале 1842 года был подготовлен проект Положения о продовольствии государственных крестьян, и Киселев представил его Николаю I, сопроводив большой объяснительной запиской. Он говорил здесь о систематических неурожаях, которые «повторяются почти через каждые 6—7

---

[80] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26665.
[81] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26665, лл. 173—174; ВПСЗ, XIV, 12317; XV, 13887.
[82] ВПСЗ, XVI, 14732.
[83] ВПСЗ, XVI, 14401.
[84] ВПСЗ, XIV, 12331; XV, 13254, 13621; XVIII, 17289.

лет и продолжаются по 2 года сряду», о недостатке хлебных запасов в сельских магазинах, которые никогда не имеют полной пропорции хлеба, о систематическом вздорожании хлебных цен в результате оптовых закупок столичных комиссионеров. Чтобы изменить создавшееся положение, Киселев проектировал повысить хлебные натуральные взносы, чтобы сократить вдвое период составления полной пропорции хлебных запасов и учредить центральные хлебные магазины при верховьях или слиянии судоходных рек для своевременного передвижения продовольствия и поддержания хлебных цен на определенном уровне. Общественные запашки в великорусских губерниях Киселев считал не только неудобными, но и прямо опасными. Проект Положения был утвержден 16 марта 1842 года [85]. Содержание этого закона, подобно другим крупным законам миновавшего Государственный совет и Комитет министров, охватывало все стороны продовольственного дела. В основу реформы была положена мысль об обязанностях государственных крестьян «застраховать свое продовольствие путем хлебных и денежных взносов». Хлебные запасы устанавливались двух типов: местные — в отдельных селениях для обсеменения полей и продовольствия местных жителей, и общие — на главных пунктах водных путей для перевозки хлебных грузов по требованию. Полная пропорция хлеба в сельских запасных магазинах оставалась прежняя — по одной четверти ржи или пшеницы и по полчетверти овса или ячменя на каждую ревизскую душу. На ежегодное пополнение магазинов пропорция хлеба сравнительно с прежней системой увеличивалась вдвое: крестьяне должны были ссыпать собственный хлеб или собирать зерно с общественной запашки по 1 четвертику ржи и по 4 гарнца ярового с каждой ревизской души. Таким образом, период времени, в течение которого составлялась полная пропорция запасов, сокращался с 16 лет до 8. В случае неурожая ссыпка хлеба в сельские магазины отменялась. Взносы должны были приниматься сейчас же по окончании жатвы. В губерниях, состоящих на хозяйственном положении, сбор хлебных запасов производился «по правилам люстрации», т. е. при помощи общественной запашки на специально отведенных землях. В оброчных губерниях общественная запашка могла заводиться только в двух случаях: или по добровольному желанию сельских обществ, или по распоряжению правительства, если хлеб поступал неисправно или не выполнялись другие государственные повинности. Крестьяне промышленных губерний могли отбывать повинность не натурой, а деньгами. Положение обращало большее внимание на устройство сельских запасных магазинов. Они должны были возводиться за счет общественного сбора из лесного материала, который получался из крестьянских лесов, строиться на каменных или кирпичных фундаментах, иметь мерные закрома и находиться под ближайшим присмотром сельских властей. В безлесных местах, где позволяла почва, можно было устраивать ямы для хранения хлеба; хранение запасов в скирдах категорически запрещалось. При отсутствии сельских запасных магазинов хлеб должен был храниться в крестьянских амбарах по выбору сельских обществ. Положение требовало, чтобы каждый год производился обмен хлеба на новый, во избежание порчи. Министерство государственных имуществ должно было получать от Палат систематические сведения о состоянии посевов, об устройстве и степени заполнения сельских запасных магазинов, о движении хлебных цен и обо всех явлениях, угрожающих урожаю. Хлебные ссуды разделялись на семенные и продовольственные, частные и общие. Частные семенные ссуды выдавались по мирскому приговору с разрешения окружного начальника и Палаты государственных имуществ и могли поглощать до половины наличного запаса. Частные про-

[85] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, л. 36; д. 26665, лл. 199—207

довольственные ссуды также производились по приговору сельского общества, проверенному волостным правлением и подтвержденному окружным начальником, с разрешения Палаты и с ведома Министерства; закон подчеркивал, что продовольственное пособие «должно быть ограничено самой крайней мерой для нуждающихся семей». Общие ссуды в случае большого неурожая и массовой нужды выдавались на основании предварительно собранных сведений о действительных потребностях крестьян. В соответствии с ранее изданными Положениями об управлении государственными имуществами сельские сходы должны были избирать по три или более зажиточных благонадежных старожилов, дававших под присягой показания о количестве прежних запасов, о существующих промыслах и вообще о средствах изыскания заработка в случае неурожая. Показания об отдельных крестьянских семьях клались в основу именных списков, куда заносились крестьяне трех разрядов: в первый из них зачислялись те, которые перед лицом грозящего голода не имели никаких надежных средств к существованию; во второй список зачислялись крестьяне, способные восполнить грозящий недостаток хлеба (хотя бы частично) собственными силами; в третьем списке числились крестьяне, не нуждавшиеся ни в какой помощи. Подготовленные списки рассматривались окружным начальником и поступали в Палату государственных имуществ, составлявшую перечневые ведомости действительно нуждающихся крестьян. Вместе с заключением губернатора ведомости пересылались в Министерство государственных имуществ; здесь разрешались ссуды не только из магазинов данного сельского общества, но также из магазинов соседних волостей и даже других округов той же губернии. В случае крайней необходимости Палаты могли разрешать отпуск зерна для обсеменения полей. При недостатке наличных запасов Палаты имели право покупать хлеб с разрешения начальника губернии, черпая суммы из продовольственного капитала государственных крестьян. Такие покупки должны были практиковаться в случае необходимости и центральными органами Министерства. Кроме купленного хлеба, мог быть использован и хлеб, сосредоточенный в других губерниях, преимущественно в центральных магазинах. Специальной статьей закон требовал, чтобы местные управления строго наблюдали за своевременной доставкой хлеба, назначенного в ссуды для нуждающихся крестьян, «в должном количестве, но без всякого излишества и с возможным сбережением расходов». Выданные ссуды должны были возмещаться натурой или деньгами, в последнем случае — по средним сложным ценам. При урожае сам-друг взыскание ссуд приостанавливалось. Наряду с натуральными взносами нормировались денежные продовольственные сборы, которые также увеличивались вдвое: полная сумма сбора составляла 48 копеек серебром с каждой ревизской души, а ежегодный взнос, рассроченный на 8 лет, составлял 6 копеек. Продовольственный капитал предназначался на покупку хлеба и на составление общих хлебных запасов, которые должны были создаваться в урожайные годы. Для хранения таких общих запасов учреждались центральные магазины «в местах наиболее удобных для сообщения с разными частями империи, преимущественно в верховьях или при слиянии рек». Такие магазины должны были иметь при себе штат чиновников во главе со смотрителем; на их обязанность падало продавать хлеб по указаниям Министерства по ценам ниже существующих и выдавать ссуды. Продажа хлеба, предназначалась преимущественно для крестьян промысловых губерний, а выдача ссуд — для крестьян земледельческих губерний, не имевших ни хлеба, ни денег; каждый год общий запас тоже должен был освежаться и частично обмениваться. Закон разрешал после достижения полной пропорции хлебных запасов и денежных сборов взимать с крестьян уменьшенные вдвое продовольственные повинности

(по 4 гарнца ржи, по 2 гарнца ярового и по 3 копейки с души). Эти излишки должны были поступать на пополнение запасов, на устройство центральных магазинов и на увеличение хозяйственного капитала. В дополнение к закону были выработаны подробные инструкции, которые развивали и детализировали положения закона [86].

Положение 1842 года было дополнено законом 20 января 1844 года об облегчении продовольственных ссуд во время чрезвычайных неурожаев. Крестьяне могли возвращать ссуды по ценам, которые определялись в момент выдачи хлеба из центральных магазинов (хотя фактически закупка хлеба могла быть произведена по возросшим иногда вдесятеро ценам) [87].

Законы о продовольствии, изданные по инициативе Министерства государственных имуществ, внесли существенные изменения в старую систему снабжения хлебом при неурожаях: продовольственное дело было сосредоточено непосредственно в Министерстве; ценой повышения продовольственного обложения увеличивались средства снабжения хлебом; достигалась бóльшая гибкость в использовании накопленных ресурсов благодаря слиянию продовольственных капиталов и устройству центральных магазинов. Однако достигнутые результаты повлекли за собой не только усиление крестьянских повинностей, но и сопровождались мерами, которые затрудняли своевременную и быструю помощь голодающей деревне: не доверяя ни крестьянской массе, ни ее выборным, ни местной администрации, законодатель устанавливал громоздкую систему разрешения ссуд, которая на практике должна была неизбежно повлечь за собой чрезвычайную волокиту и сводила на нет декларативные требования о своевременной доставке хлеба нуждающимся крестьянам.

Неурожаи 1830—1840 годов заставили Министерство государственных имуществ поставить вопрос о поднятии уровня сельского хозяйства государственных крестьян как основном средстве борьбы с систематическими недородами и голодовками. В 1839 году к Киселеву поступило несколько докладных записок о необходимости организации образцовых сельских хозяйств, которые могли бы служить примером для введения улучшенных методов обработки земли, разведения лучших пород скота, снабжения крестьян усовершенствованными земледельческими орудиями и т. д. В Тамбовскую губернию из Петербурга был командирован чиновник Павлов, который должен был изучить местные хозяйственные условия и наметить проект организации образцовых хозяйств. Все поступавшие проекты имели одну общую черту: они указывали на необходимость живого конкретного примера, который воздействовал бы на крестьян не силой внешнего, навязанного принуждения, а влиянием очевидных убеждающих успехов. Авторы всех проектов настаивали на необходимости детального учета местных хозяйственных условий, требуя, чтобы образцовые хозяйства были коммерчески выгодными, чтобы их организация была как можно ближе к крестьянскому быту, а руководство образцовыми хозяйствами лежало на обязанности управления государственными имуществами. Разногласия начались в вопросе о том, какого типа должны быть образцовые хозяйства: чисто крестьянские, но находящиеся в ведении местных органов Министерства, или вольнонаемные хозяйства крупного масштаба, имеющие при себе учеников из числа крестьян и применяющие усовершенствованные методы земледелия и скотоводства. Знакомясь с проектами, Киселев высказал мнение, что крестьяне, обучаемые образцовому земледелию, должны, по преимуществу, набираться из числа «бобылей и бедных», а образцовые усадьбы — охватывать собой основные хозяйственные районы страны: губернии — Петербургскую, Олонецкую,

[86] ВПСЗ, XVII, 15386

[87] ВПСЗ, XIX, 17548.

Тамбовскую, Смоленскую, Витебскую, Оренбургскую и губернии Западного края. Товарищ министра Гамалея придавал наибольшее значение показательному примеру улучшенных методов, которые предполагали наличие племенного скотоводства, усовершенствованных орудий и рациональных приемов полеводства. Задачей образцовых хозяйств должна быть не коммерческая прибыль, а непосредственное влияние на окружающее крестьянство. Для обучения образцовому хозяйству надо подбирать добровольцев, нравственных, но не обязательно богатых; грамотность — одно из условий эффективного восприятия улучшенных методов [88].

В соответствии с намеченными принципами III Департаментом был разработан проект закона об образцовых хозяйствах: центр тяжести был перенесен на подготовку молодых людей из состава государственных крестьян с целью распространения методов улучшенного сельского хозяйства путем образцовых крестьянских усадеб, устраиваемых в различных районах; средством для достижения поставленной цели должны были служить учебные фермы, охватывающие своим влиянием различные районы [89]. Так родилось Положение 28 мая 1841 года «Об учреждении учебных ферм», задача которых была формулирована следующими словами: «Учреждение учебных ферм имеет целью путем введения на них образцового хозяйства распространить усовершенствование сельского хозяйства вообще и в особенности между государственными поселянами». Учебные фермы на первое время намечались в следующих районах: Северная ферма должна была обслуживать губернии Олонецкую, Архангельскую, северную часть Вологодской и Новгородскую; Северо-восточная ферма предназначалась для губерний Вятской, Пермской и юго-восточной части Вологодской; Центральная ферма призвана была обслуживать губернии Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую, Орловскую, Рязанскую и Тульскую; Юго-западная — губернии Курскую, Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую и Киевскую; Юго-восточная — губернии Саратовскую, Астраханскую и Оренбургскую. Уже существующая Луганская ферма должна была быть преобразована для обслуживания губерний Причерноморья — Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Области Войска Донского и Кавказских областей. Остальные губернии оставались в ведении отчасти Горыгорецкого земледельческого училища, отчасти в ведении Московского общества сельского хозяйства и Казанского сельскохозяйственного общества, имевших собственные образцовые хутора. При каждой из учебных ферм должны были состоять воспитанники из числа государственных крестьян в возрасте 17—20 лет и в количестве 75—150 человек; признавалось возможным принимать за плату и помещичьих крестьян в числе 25—50 человек. Каждая ферма имела служебный штат, состоявший из преподавателей специальных учебных предметов, священника, учителя русской грамоты, ветеринарного врача, фельдшера, надзирателя, надсмотрщиков, ключников, овчарников, скотника и садовода. Закон требовал простоты и близости к крестьянскому быту — одинаково и в строениях фермы, и в одежде воспитанников, и в их пище. Преподавание на ферме должно было носить практический характер и имело целью знакомить молодых крестьян с улучшенным севооборотом, с удобрением почвы, с разведением технических растений, с применением усовершенствованных орудий, травосеяния, садоводства и лесоразведения, с использованием улучшенных пород скота. Кроме того, имелось в виду обучение ремеслам, строительству, оспопрививанию и наиболее простым приемам лечения скота. Летом воспитанники должны были работать в поле, а зимой обучаться учебным предметам: закону божию, русской грамоте и четырем правилам арифме-

---

[88] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1425.
[89] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1840 г., д. 227.

тики. Курс продолжался два года, причем второй год крестьяне должны были жить и работать на особых отведенных участках в образцовых усадьбах. Крестьяне должны были привлекаться на фермы из разных волостей, а по окончании обучения возвращаться на прежнее местожительство, селиться в заранее устроенных образцовых усадьбах и живым примером усовершенствованного хозяйства влиять на окружающее население. Учебные фермы должны были снабжать их за плату усовершенствованными орудиями, улучшенным скотом и отборными семенами. Воспитанники, обнаружившие хорошие успехи, освобождались от рекрутской повинности. Образцовые крестьянские усадьбы, предназначенные для заселения их воспитанниками, должны были устраиваться сначала по одной в каждой губернии, затем по одной в каждой волости и, наконец, по одной в каждом сельском обществе. На всех учебных фермах предполагалось организовать мастерские земледельческих орудий, открыть продажу улучшенного скота и создать случные пункты и депо семян. Каждая ферма должна была вести журнал своих занятий и показывать все приемы рационального земледелия желающим посетителям. При фермах создавался запасный капитал, предназначенный на непредвиденные расходы, а самые фермы основывались за счет хозяйственного капитала государственных имуществ [90]. Последующими законами количество учебных ферм было увеличено: именным указом 22 января 1845 года была преобразована в новую учебную ферму Мариинская колония питомцев Воспитательного дома, находящаяся близ Саратова, а указом 15 апреля 1846 года была образована новая учебная ферма около Харькова [91].

Одновременно с созданием учебных ферм Министерство приняло меры для улучшения крестьянского коневодства: законом 21 декабря 1842 года было предписано наряду со случными конюшнями устраивать также конские заводы. Приплод, получавшийся в этих учреждениях, должен был раздаваться по волостям. Крестьянам предоставлялось право производить бесплатную случку скота; ежегодно из средств хозяйственного капитала предписывалось производить ассигнования по 15 тысяч рублей на улучшение коневодства, а во главе всего дела был назначен особый специалист, ответственный за успехи этих начинаний [92].

Первое время Министерство считало необходимым непосредственно и активно воздействовать на сельское хозяйство в государственной деревне. Уже вскоре после образования Министерства, в связи с разразившимся неурожаем были изданы специальные указы о распространении картофеля. Повелением Николая I 8 августа 1840 года предписывалось обязательное разведение картофеля «как произрастения, составляющего здоровую и питательную пищу и могущего в случае неурожая зернового хлеба, которому картофель гораздо меньше бывает подвержен, с пользою заменить последний для народного продовольствия, служа также и кормом для домашних животных». Крестьяне должны были разводить картофель на общественных запашках там, где они были устроены (из расчета сбора по полчетверти на душу); там, где не было запашки, местные органы государственных имуществ должны были сажать картофель на новых участках земли при волостных правлениях, нанимая работников за счет хозяйственного капитала. Собранный урожай должен был раздаваться бесплатно или продаваться по дешевой цене местным крестьянам. За разведение картофеля крестьянам должны были выдаваться денежные и другие награды из специальной суммы в 25 тысяч рублей, ежегодно ассигнуемой из средств хозяйственного капитала; кроме того, между крестьянами должны были распространяться «краткие, но ясные руководства, как воз-

[90] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, лл. 124—126; ВПСЗ, XVI, 14585.
[91] ВПСЗ, XX, 18652.
[92] ВПСЗ, XVII, 16353.

делывают, сохраняют и употребляют картофель»[93]. Через $1^1/_2$ года, 16 февраля 1842 года, был издан новый указ, который подтверждал обязанность местных органов энергично распространять посевы картофеля. Закон ссылался на неурожаи 1839—1840 годов и необходимость обеспечить народное продовольствие, напоминая ранее изданные законы 1765 и 1797 годов, которые предписывали повсеместно разводить картофель. Всюду, где посевы картофеля уже были начаты, они должны были продолжаться под наблюдением местного начальства. В тех губерниях, где были заведены участки при волостных правлениях, предписывалось завести новые при всех сельских обществах и «производить на оных возделывание картофеля, доколе не распространится разведение его между государственными крестьянами в достаточной мере». За разведение картофеля крестьянам должны были выдаваться золотые и серебряные медали[94]. Применение этих указов сопровождалось такими злоупотреблениями, что вызвало повсеместные массовые волнения, и завершилось ограничительными мерами. Уже указом 15 февраля 1843 года было предписано прекратить посевы на волостных участках там, где распространение картофеля достигло нормы одного четверика на ревизскую душу; в южных районах (в Астраханской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а также в Кавказских областях) половину общественных участков требовалось засеивать картофелем, а другую половину — кукурузой; назначались специальные награды владельцам паточно-крахмальных и других заводов, которые проявляли инициативу в промышленной обработке картофеля[95]. 8 мая 1844 года был издан новый указ, который констатировал успехи предшествующих мер и предписывал «общественные посевы картофеля при волостных правлениях и сельских обществах повсюду прекратить»; награды и премии крестьянам сохранялись только в том случае, если картофель употреблялся ими на корм скота; посевы кукурузы на общественных участках южных губерний должны были продолжаться[96].

Попытка непосредственного вмешательства в сельское хозяйство государственных крестьян, сопровождавшаяся усиленным принуждением и даже арестами и вызвавшая взрыв массового протеста, заставила Министерство изменить свою тактику: циркуляром 30 ноября 1843 года, подводившим итоги осмотру органов управления в Тульской губернии, Киселев пытался применить иную, более осторожную, форму воздействия на крестьянство. Он предписывал «обратить особенное внимание на хозяйственный быт поселян, без всякого однако же вмешательства во внутреннее их домоводство». Меры улучшения хозяйства Киселев предлагал вводить «постепенно, без отягощения крестьян, действовать на них не властию, но приглашением более образованных, коих пример может иметь влияние на прочих»[97].

Одним из пунктов попечительной программы нового Министерства было повышение культурного уровня государственной деревни. Этого требовали прежде всего задачи реформы: нельзя было проводить задуманные преобразования в селах и волостях, не имея подготовленного штата писарей и выборных крестьянских начальников; с другой стороны, необходимо было расширить элементарную грамотность государственных крестьян, для того чтобы обеспечить реализацию хозяйственных и культурных нововведений. Особенно остро чувствовался недостаток в подготовленных и достаточно честных писарях, как сельских, так и волостных.

---

[93] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, л. 73.
[94] ВПСЗ, XVII, 15296.
[95] ВПСЗ, XVIII, 16538.
[96] ВПСЗ, XIX, 17900.
[97] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 624.

Об этом говорили отчеты ревизоров 1836—1840 годов, в этом убедился и сам Киселев при объезде казенных селений различных губерний. Вот почему уже в октябре 1838 года Министерством был издан циркуляр об организации подготовки крестьянских мальчиков к исполнению писарских обязанностей. Каждая волость должна была выделить по три мальчика и отдать их на 6—7 месяцев на обучение священникам. В своем ответе вологодскому губернатору, который предлагал обучать мальчиков в школах (так как священники «весьма слабы в чистописании и в арифметике, отвлечены своими занятиями и наконец нередко благонравию чужды»), Киселев объяснил, почему он предпочитает в качестве преподавателей представителей духовенства. Этой предварительной мерой Министерство «имело в виду положить основание устройству приходских училищ, дабы распространить между сельским классом религиозное воспитание и добрую нравственность, не отвлекая его от обыкновенных сельских занятий»[98]. Именно эта задача, продиктованная сословно-феодальным мировоззрением Киселева, легла в основу законов 1842 года об организации школьного обучения государственных крестьян. Согласно указу 27 июня 1842 года было предписано учредить в казенных селениях сельские приходские училища на основании общего учебного устава 1828 года. Обучение должно было вестись под руководством епархиальных архиереев местными священниками, а за отсутствием их — дьяконами и причетниками; к преподаванию могли привлекаться также уволенные семинаристы, еще не устроенные при церквах. Все расходы по организации школ должны были производиться за счет общественного сбора. Следующий указ 23 ноября 1842 года точно определил задачи и границы проектированного обучения. Закон считал «главнейшим основанием народного благосостояния религиозно-нравственное воспитание» и стремился к «доставлению людям из низших сословий первоначальных сведений, всякому необходимых». Указ предписывал объявить государственным крестьянам, что, давая возможность сельскому юношеству получить образование, правительство желает, чтобы дети приобретали «в сих училищах истинные понятия о своих обязанностях, предписанных законом божиим, и ибо всем, что необходимо в кругу сельского быта, чтобы они утешали родителей и были бы полезны своему обществу». Общее наблюдение за постановкой образования в приходских училищах возлагалось на министра народного просвещения и прокурора Святейшего синода. На Министерство государственных имуществ падала забота о внешнем благоустройстве приходских училищ, о снабжении их помещениями и учебными пособиями, о доставке им топлива, обеспечении преподавателей жалованьем и т. д. В приходские училища принимались дети по добровольному желанию родителей[99].

В соответствии с указами было опубликовано специальное Наставление по управлению сельскими приходскими училищами. Проектируемые школы должны были устраиваться в центральном селении каждой волости. Киселев предполагал, что имеющихся денежных сумм хватит на содержание 2 тысяч училищ, в том числе 1600 волостных (остальные предполагалось устраивать преимущественно в нерусских и староверческих селениях). Обучение детей было бесплатным. Министерство должно было выплачивать учителям жалованье в размере 85 рублей в год. Сиротам и детям бедных крестьян могли даваться пособия на одежду и обувь. В школы должны были приниматься только здоровые дети не моложе 8 лет. Занятия должны были происходить в течение зимних месяцев, свободных от полевых работ, ежедневно по 6 часов в день. Курс обучения

[98] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26425, ч. III, лл. 251—257; д. 26454, лл. 421—425; ЖМГИ, 1841, ч. I, отд. I, стр. LVIII.

[99] ВПСЗ, XVII, 15794, 16248; ИО, ч. II, отд. I, стр. 52.

был рассчитан на 3 года. В программу обучения входили: закон божий (краткий катехизис, разъяснение литургии и священной истории ветхого и нового завета), русская грамота, т. е. чтение книг гражданской и церковной печати, чистописание и скоропись, первые четыре действия арифметики с простыми и именованными числами, подробное объяснение российских мер, весов, монет и употребление счетов. Особенно подчеркивалась необходимость «развития и утверждения в питомцах религиозно-нравственных начал, без коих никакое учение непрочно, и недостижимо ни общественное, ни частное благо». Инструкция предписывала, «приспособляя объяснения свои к возрасту и понятиям учащихся, вселить в них страх божий, правила святой веры, благоговение к православной церкви и ее постановлениям», вкоренить в учащихся «глубочайшую преданность к державному государю и августейшему его дому, повиновение и благодарность за попечение о них начальству, сердечную привязанность к родителям, признательность к наставникам, почтительность к старшим, полную готовность служить обществу и бескорыстно помогать всем людям». Таким образом, школьное обучение вполне соответствовало основной задаче реформы — воспитать крестьянство в духе беспрекословного подчинения существующему строю. Инструкция предлагала руководиться в отношении к учащимся соображениями снисходительности, «не выражать никогда своей нетерпеливости и досады бранью и криками», прибегая к наказаниям только с согласия родителей. В инструкции оговаривалась желательность занимательного метода изложения и допускалось применение ланкастерских приемов обучения. Итогом всех усилий наставников должны были стать публичные экзамены. Окружные начальники время от времени были обязаны посещать сельские училища и проверять соблюдение законов и инструкций. На все необходимые расходы было ассигновано 250 рублей серебром в год на каждое училище [100].

Подготовка будущих писарей была нормирована специальными законами. Указом 1 мая 1844 года в только что приобретенном имении «Остров» Московской губернии было организовано училище на 120 учеников для подготовки волостных и сельских писарей. Сюда зачислялись дети государственных крестьян от 14 до 17 лет, преимущественно сироты; обучение продолжалось 3 года и носило практический характер: помимо общеобразовательных предметов (в объеме, несколько большем, чем в приходских училищах) школьники изучали законы об управлении государственными крестьянами (преимущественно Учреждения волостного и сельского управления, а также Сельский и Полицейский уставы), практиковались в делопроизводстве и счетоводстве, обучались каллиграфии, черчению и рисованию планов. По окончании училища школьники должны были в течение года работать в канцеляриях Палат и окружных начальников, а затем, по мере открытия вакансий, назначаться на должности писарей [101].

Положением Комитета министров 18 ноября 1841 года было установлено, что выпущенные писаря должны в течение 10 лет работать в учреждениях Министерства государственных имуществ или, если они пожелают идти на другую службу или в другое звание, возместить все расходы, истраченные на их обучение [102]. Для исполнения писарских обязанностей в центральных учреждениях Министерства требовались более подготовленные кадры. Для этой цели в 1844 году при Межевом и Лесном

---

[100] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, лл. 18—19, 102—107.

[101] ВПСЗ, XIX, 17867; XXX, 29960.— В последующие годы подобные же писарские школы были организованы в различных пунктах Европейской России: в имении «Сокolка» Гродненской губернии, в имении «Межерич» Волынской губернии и в Вятской губернии.

[102] ВПСЗ, XVI, 15037.

институтах было образовано новое училище с расширенным курсом обучения; сюда принимались дети лиц, принадлежащих к ведомству Министерства (курьеров, сторожей и т. д.). Обучение продолжалось в течение 4 лет. По окончании учения писаря должны были прослужить в Министерстве 20 лет и хотя не имели права на чин, но пользовались всеми преимуществами «штатных служителей» [103].

Наряду с организацией приходских училищ и специальных писарских школ Министерство решило практиковать командировку детей государственных крестьян в существующие средние и высшие учебные заведения. На основании Положения Комитета министров 15 февраля 1838 года был введен прием детей в Пензенское училище садоводства с обязанностью отслужить 6 лет в органах Министерства. Законом 5 мая 1843 года была предусмотрена командировка детей государственных крестьян в частные сельскохозяйственные учреждения, причем лучшие ученики освобождались от рекрутской повинности. Законом 23 июля 1842 года была санкционирована командировка наиболее способных школьников в Технологический институт; окончившие это учебное заведение освобождались от телесного наказания и рекрутской повинности, но были обязаны прослужить в казенных селениях не менее 10 лет [104].

Стремление Министерства воспитывать государственных крестьян в религиозно-нравственном духе побуждало обратить особенное внимание на постройку церквей и помощь духовенству. Особенно важным, с точки зрения правительства, было насаждение православия в районе западных губерний, населенных польскими помещиками и находившихся под влиянием католического клира. Указом 2 апреля 1846 года было постановлено ассигновать средства на ремонт 496 ветхих церквей этого района и на сооружение 99 новых церквей. Не только на территории западных губерний, но и во внутренних районах России указом 16 июня 1852 года предписывалось безденежно отпускать лес из казенных дач на постройку православных и иноверческих церквей [105].

Подводя итоги школьной политики Министерства государственных имуществ, необходимо отметить специфическую направленность его деятельности в этой области: начальное народное образование рассматривалось правительством как орудие феодальной политики и ставилось в определенные и крайне узкие рамки: с одной стороны, подготовки низшего административного персонала; с другой стороны, насаждения верноподданных крестьян, исполняющих веления высшего начальства. Самый выбор преподавателей из среды православного духовенства и поручение архиереям руководить постановкой обучения говорили об узких феодально-сословных мотивах законодателя. При условии добровольной отдачи детей в школы и ограниченных ассигнованиях на устройство училищ трудно было ожидать, чтобы культурные мероприятия Министерства приобрели широкий размах и достигли поставленной цели — вовлечения крестьян в обучение грамоте и распространения среди них знаний, предусмотренных правительственной программой.

С самого начала своего существования Министерство государственных имуществ обратило большое внимание на организацию врачебного дела в казенных селениях: массовая заболеваемость, в особенности в период эпидемий, была источником чрезвычайной смертности и, следовательно, понижения производительных сил государственного крестьянства. Киселев не мог сразу организовать широкую постановку медицинской помощи, тем более, что создание большого числа больниц и ветеринарных пунктов могло вызвать скрытое сопротивление со стороны реакционных кругов

---

[103] ЦГИАЛ, ф. V О. д. 27211, л. 8; ВПСЗ, XX, 18397.
[104] ВПСЗ, XIII, 10974; XVII, 15886; XVIII, 16816.
[105] ВПСЗ, XXI, 19910; XXVII, 26375.

дворянства. 9 июля 1841 года в качестве первоначальной меры были опубликованы в форме закона врачебные наставления для государственных крестьян, составленные Министерством государственных имуществ и одобренные Медицинским советом. Эти Наставления рассматривались как приложение к ранее изданному Сельскому полицейскому уставу; они предусматривали три категории болезней: 1) обычные, которые требовали применения «простых врачебных средств»; 2) «повальные и заразные» и 3) случаи, требовавшие немедленной помощи (ожог, отравление, укусы бешеных животных и т. д.). В Наставлениях описывались симптомы каждой болезни и указывались способы их лечения. Вторую часть Наставлений составляли указания, как лечить домашних животных, особенно при заразных болезнях и массовых падежах. Наставлениями должны были пользоваться грамотные государственные крестьяне и чиновники управления государственных имуществ; с ними должны были считаться представители младшего врачебного персонала и священники; их должны были изучать учащиеся приходских училищ. Знание мер лечения повальных «прилипчивых» болезней и способов восстановления жизни, в случаях мнимой смерти, считались обязательными для всех крестьян[106]. Вскоре было обнародовано Положение Комитета министров об определении на службу врачей по ведомству государственных имуществ. Врачи не получали вознаграждения и права на пенсию, но сохраняли право на чины и награды. При Палатах государственных имуществ должно было состоять по одному врачу, при окружных управлениях — по два; они одновременно подчинялись управлению государственных имуществ и Врачебной управе. Различались врачи штатные и нештатные; занимавшие штатные должности должны были лечить чиновников Министерства, оказывать помощь приходящим государственным крестьянам, принимать распорядительные меры при эпидемических заболеваниях и в отдельных случаях (но на короткое время) выезжать в казенные селения, «если не будет препятствовать начальство». Почти одновременно, 28 октября 1841 года, было издано другое Положение Комитета министров — об определении ветеринарных врачей в Палаты государственных имуществ; им предоставлялись права государственной службы и назначались жалованье и разъездные деньги по усмотрению Министерства; расходы должны были возмещаться за счет общественного сбора[107].

В следующем году в форме именного указа Сенату 12 мая 1842 года, была проведена наиболее важная мера, предусмотренная врачебной программой Киселева,— об учреждении лечебниц в селениях государственных крестьян. Указ предписывал в центральном селении каждого округа организовать лечебницу для бесплатного приема приходящих государственных крестьян и для лечения больных на месте. Штат лечебницы должен был состоять из врача, фельдшера, попечителя, назначаемого для выполнения хозяйственных функций из числа «благонадежных крестьян, которые хотят посвятить себя благотворительности», и из лечебной прислуги. Лечебницы должны были состоять в ведении губернских Палат и находиться под непосредственным наблюдением окружных начальников. В лечебницах могли производиться легкие операции и должна была прививаться оспа. Органы управления обязаны были снабжать лечебницу хлебом из запасных крестьянских магазинов и лесом из казенных лесных дач. Расходы на лечебницы возмещались из средств хозяйственного капитала[108]. Позднее была издана специальная инструкция для управления лечебницами, которая подробно излагала обязанности должностных лиц,

---

[106] ВПСЗ, XVI, 14727.
[107] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. II, лл. 237—238; ВПСЗ, XVI, 14821. 14974; XXIV. 23156.
[108] ВПСЗ, XVII, 15642.

устройство врачебной и хозяйственной части и правила отчетности. Инструкция требовала, чтобы помещения лечебницы были просторными и светлыми, поддерживались в чистоте и на определенном уровне температуры; при лечебницах должны были находиться бани и прачечные. На врача возлагалась обязанность два раза в день посещать больных. Закупка продуктов должна была производиться хозяйственным способом, причем рекомендовалось завести собственный огород. В инструкции обращалось внимание на экономное расходование денег. Эта тенденция особенно сказывалась в разделе о лекарствах, отпускаемых приходящим больным: лекарства должны «были быть самые простые, а именно: в виде порошков, трав и сборов, и токмо в необходимых, но редких случаях, могут быть выдаваемы капли или микстуры». Больные, желающие поступить на излечение, должны были представлять свидетельство начальства, которое можно было заменять справкой от священника. Инструкция предусматривала выписку больных даже в том случае, если у них сохранялись «маловажные припадки», не препятствующие полевым работам. Вначале предполагалось требовать от больных, чтобы они являлись с собственным бельем, но затем, по замечаниям Совета министров, было решено предоставлять им белье от больницы [109].

Только в 1851 году, т. е. через 14 лет после учреждения Министерства, было опубликовано общее Положение о медицинской части Министерства государственных имуществ, которое подробно нормировало задачи, способы и границы оказания врачебной и ветеринарной помощи в казенных селениях. Согласно этому закону, учреждение медицинской части при Министерстве имело целью «охранение народного здравия в казенных селениях» и предохранение принадлежащих крестьянам домашних животных от болезней и их лечение. Эта цель должна была достигаться двумя способами: врачебно-полицейским (т. е. предупреждением болезней, главным образом эпидемических) и, во-вторых, чисто лечебным. На основании Положения состав медицинской части слагался из главного медика, его помощников, старшего ветеринарного лекаря и фармацевта при Министерстве государственных имуществ и из местных врачей — губернских и окружных. В каждой губернии при Палате государственных имуществ должно было состоять по одному врачу и по одному старшему ветеринарному врачу (в «губерниях первого разряда» к ним присоединялся еще один младший ветеринарный врач). Во всех округах полагалось 145 окружных врачей, из них 70 старших и 75 младших. В каждой волости великорусских губерний и в каждом сельском обществе западных губерний должно было состоять по одному фельдшеру, по одному или по два оспопрививателя (впоследствии их должны были заменить фельдшера), повивальные бабки и коновалы. Положение подробно излагало обязанности всех медицинских чинов: на главного медика падали замещение вакансий подготовленными медицинскими работниками, получение и проверка всех сведений медицинского характера, обеспечение местных врачей необходимыми лекарствами, наблюдение за благоустройством лечебниц, постройка новых лечебных учреждений и т. д. Непосредственное оказание врачебной помощи крестьянам возлагалось на окружных врачей, которые должны были принимать меры к предупреждению эпидемических заболеваний, составлять медицинскую топографию для выяснения местных условий, влияющих на здоровье населения, руководить действиями младшего врачебного персонала и заботиться о снабжении их лекарствами. Положение особо оговаривало обязанность окружных врачей «знакомиться с местными врачебными средствами, употребляемыми простым народом». И здесь было обращено особое внимание на употребляемые лекарства: так как, говорил закон, «простота в пользовании по причине

[109] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, лл. 59—85; ф. Кнц М, 1844 г., д. 576.

несложности болезни у крестьян и вообще как можно большее ограничение употребления лекарств должны быть первым условием при лечении простого народа, то для сего должны быть запасаемы только самые необходимые лекарства, которые приобретаются частию вольною ценою в материальных магазинах или москательных лавках, а большею частию собираются фельдшерами и лесной стражей из дикорастущих врачебных растений». В соответствии с требованием «простоты лекарств» стояло и другое требование: чтобы фельдшера, оспоприviватели, повивальные бабки и коновалы обучались преимущественно «на самой практике» — «в тех местах или заведениях, где бы они могли постоянно видеть предмет своего изучения и не на словах из книг, а на самом деле приобрести те сведения и навыки, которые необходимы для их занятий...» Таким образом, в основу лечебной деятельности клался принцип упрощенной подачи помощи, соответствующей состоянию и потребностям «простого народа», как их понимали представители сословно-дворянской власти. Положение о медицинской части включало в себя и пункты о сельских лечебницах, причем наряду с постоянными лечебницами, учрежденными законом 1842 года, были предусмотрены временные на случай массовых эпидемических заболеваний. На медицинскую часть, согласно этому закону, было ассигновано 238 063 рубля в год, из которых 7588 рублей были назначены на расходы центральных органов Министерства остальные — на расходы по губерниям и округам.

Подводя итог врачебным и ветеринарным преобразованиям Министерства, необходимо подчеркнуть принципиальную важность инициативы, проявленной Киселевым, но в то же время отметить скудость материальных средств и невысокий качественный уровень лечебной помощи, которые были узаконены специальными Положениями для «простого народа».

Одним из самых страшных бедствий государственной деревни были массовые пожары, уничтожавшие целые селения и особенно давшие себя чувствовать в 1839 году в период летней засухи. Хотя крестьяне с давних пор были обложены 4-копеечным сбором на составление пожарного капитала, но его не хватало на организацию необходимой помощи. В одном 1839 году в казенных селениях сгорело общественных и крестьянских построек более чем на 4,5 миллиона рублей. В Петербургской губернии, по вычислениям Министерства, на каждую 461 душу населения приходился один сгоревший дом и материальный ущерб в сумме 600 рублей; в Псковской губернии один дом и убыток в 500 рублей приходились на 643 души.

Поддерживая идею обязательного взаимного страхования от огня, Киселев, однако не считал возможным немедленно осуществить ее в жизни. В своей докладной записке от 18 октября 1839 года он проводил мысль, что необходимо предварительно уменьшить количество пожаров и, следовательно, сократить расходы на страхование путем особых противопожарных мер. В соответствии с этой мыслью в 1839 году были изданы сенатский указ «О мерах к сокращению пожаров в казенных селениях» и циркуляр Министерства, который развивал и детализировал его содержание. Согласно указу, при составлении плана постройки казенных селений, следовало не ограничиваться «гнездами между двумя дворами», а назначать через каждые 10 гнезд место для площадей, а в случае проведения поперечных улиц планировать их такой же ширины, как и площади. Циркуляр предлагал уже существующие селения, если они велики и тесны, пересекать такими же площадями и поперечными улицами, перенося дома за счет казны и сельского общества. Молодые люди из крестьянских сирот должны были обучаться постройке несгораемых крыш из соломы с раствором глины. За счет общественного сбора (а впоследствии хозяйственного капитала) должны были заводиться при селении пожарные орудия, а за

счет поселян — «мелкие пожарные потребности»: крюки, вилы, лестницы, бочки, с точным распределением, кто из крестьян и с какими орудиями должен являться на пожар. Во время пожаров при ветреной погоде сельские начальники должны были приказывать ломать дома, которым угрожало распространение огня [110].

Идея взаимного обязательного страхования была впервые применена в виде опыта в Петербургской губернии указом 22 ноября 1843 года. Крестьяне, желавшие застраховать свои строения, могли объявить на сельском сходе желательную для себя страховую сумму, которая не должна была превосходить $^2/_3$ действительной стоимости здания, «дабы,— пояснял закон,— независимо от страхования крестьяне сами имели побуждение и выгоду охранять свое строение от огня». Наблюдение за выполнением этого пункта возлагалось на волостного голову, сельского старшину и 24 «добросовестных». Крестьяне уплачивали ежегодную премию — за деревянные постройки в размере $^1/_2$% страховой суммы, за каменные — в размере $^1/_4$%. Премия вносилась вместе с податью в уездное казначейство, и в случае пожара на основании распоряжения Палаты уездное казначейство выдавало погорельцам страховую сумму. Страхование возобновлялось через каждые 3 года [111]. Опубликованная мера была распространена на все остальные губернии Положением 31 декабря 1849 года; страхование было сделано обязательным, но из страхуемых зданий были исключены овины и бани; при Казенных палатах был образован особый пожарный капитал, слагавшийся из страховых премий; волостные правления снабжались страховыми ведомостями и бланками для выдачи страховых свидетельств крестьянам. От каждого хозяина зависело назначить ту или иную страховую сумму с условием, чтобы она не превосходила $^2/_3$ стоимости имущества. Если сгорала только часть здания, сельский сход определял размеры понесенного убытка. Окружный начальник должен был проверять, не было ли умышленного пожара, и вообще наблюдать за правильностью применения страхового закона. По истечении каждого года Министерство государственных имуществ рассчитывалось с Министерством финансов, учитывая общее количество страховых премий и выданных сумм [112]. На основании сведений, поступавших с мест, Министерство внесло поправки в Положение 1849 года и, суммировав их, составило новый проект, который был разослан на рассмотрение Палат государственных имуществ. С учетом их замечаний и коррективов проект был переработан и получил силу в виде Положения Государственного совета 1852 года «О взаимном застраховании строений в казенных селениях от пожаров». Оно воспроизводило основные черты старого закона, но с некоторыми дополнениями и поправками: минимальная страховая сумма была определена в 15 рублей серебром (соответствующая страховая премия была назначена в 12 копеек); максимальная страховая сумма не должна была превышать 125 рублей для деревянных строений и 200 рублей — для каменных; на этот раз были признаны подлежащими страхованию все крестьянские здания, в том числе и общественные. В своих отзывах на изданное Положение местные Палаты указывали на ничтожность страховых сумм, которые не могут обеспечить государственным крестьянам реального восстановления сгоревших строений [113].

Борьба с пожарами заставила Министерство Киселева обратить пристальное внимание на приемы строительства в казенных селениях. Указом 26 марта 1841 года был урегулирован порядок составления планов

---

110 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. II, лл. 381—383: ВПСЗ, XIV, 12996.
111 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 438; ВПСЗ, XIX, 17347-а.
112 ВПСЗ, XXIV, 23786.
113 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 17983, ч. I; ВПСЗ, XXVII, 26412.

постройки селений после пожаров. Министерство предписывало руководствоваться нормальными планами, выработанными в центре, и только в необходимых случаях, в силу местных условий, допускать некоторые отклонения от нормы. Теми же планами должны были руководствоваться крестьяне при сносе ветхих домов и замене их новыми. В циркуляре, изданном в развитие этого закона, рекомендовалось строить дома на каменных фундаментах, с дымовыми трубами и с кровлями, сделанными из соломы, пропитанной особым огнестойким составом. Министерство предлагало знакомить крестьянских мальчиков, которые учатся письмоводству, с правилами строительного искусства и при назначении их писарями возлагать на них обязанность заботиться о благоустройстве селений [114]. В той же связи следует отметить Правила 20 сентября 1854 года о поощрении государственных крестьян к устройству промышленных предприятий, выделывающих кирпич и черепицу: сельским обществам предписывалось отводить таким предпринимателям бесплатно по 1 десятине общественной земли, изобилующей глиной, и бесплатно же отпускать лес на постройку заводов и обжигание черепицы. Предприниматели могли получать на первоначальное обзаведение ссуды из хозяйственного капитала до 200 рублей серебром. Если эти предприятия давали в течение трех лет определенную продукцию — не менее 50 тысяч кирпичей или 10 тысяч черепиц ежегодно, и если на расстоянии 30 верст не было раньше подобных заводов, то организаторам предприятий выдавалась премия в 25 рублей серебром. Если продукция завода увеличивалась,— соответственно повышалась премия; наоборот, если продукция уменьшалась и не достигала определенной нормы (20 тысяч кирпичей или 5 тысяч черепиц ежегодно), устроенное предприятие отбиралось в пользу сельского общества и передавалось желающим в оброчное содержание [115].

Улучшение строительства в казенных селениях диктовалось не только противопожарными мерами, но и стремлением Министерства придать более красивый вид казенным селениям. Этот мотив приобретал особое значение, если селение находилось на шоссейном тракте и, следовательно, было объектом наблюдения и критики со стороны проезжающих дворян, чиновников и самого Николая I, как известно, немало ездившего по России. Вот почему указом 22 июля 1844 года было предписано отпускать безвозмездно государственным крестьянам казенный лес для возведения селений по шоссейным трактам и «для приведения в правильный вид казенных селений, как по существующим уже, так и предположенным к сооружению шоссе» [116].

Если мы подведем общий итог законодательно-«попечительным» мерам Министерства государственных имуществ, то увидим в них сочетание прогрессивно-буржуазных и феодально-реакционных черт. Своими финансовыми начинаниями Министерство Киселева заложило основы материальной базы для реализации попечительной политики; поощряя организацию мирских капиталов и сберегательно-вспомогательных касс, оно способствовало процессу капиталистического накопления в казенной деревне. Министерство стремилось упорядочить продовольственное дело, регулярно снабжая крестьянское население семенными и продовольственными ссудами. Постановка вопросов о распространении грамотности, об оказании медицинской помощи, о взаимном страховании и агрономической пропаганде имела прогрессивное значение и была продиктована стремлением развить производительные силы казенной деревни. Однако реализация «попечительной» программы в законодательстве получила очень скромные размеры и носила на себе печать сословно-дворянской реакцион-

---

[114] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, лл. 157—159; ВПСЗ, XVI, 14403.
[115] ВПСЗ, XXIX, 28565.
[116] ВПСЗ, XIX, 18092.

ной политики. Государственное крестьянство рассматривалось Киселевым и его бюрократическим штатом как объект покровительственной опеки со стороны дворянского правительства, причем само «попечительство» мыслилось в ограниченных масштабах в соответствии с представлением о крестьянстве как низшем подчиненном сословии.

5. Законы о специальных категориях крестьян

Министерство государственных имуществ получило от Министерства финансов разнообразные категории крестьян, которые отличались друг от друга условиями своего происхождения и, следовательно, своими правами и обязанностями. Перед Киселевым вставала задача, уже раньше выдвинутая законодательством: постараться унифицировать эти специальные прослойки, уравняв их с основной массой великорусских оброчников. Разрешения этой задачи требовали финансовые и административные мотивы правительства: отклонения от нормы, а иногда юридическая неоформленность той или иной категории вредно отражались на платежеспособности крестьян и затрудняли ход административной работы. Так сложился особый разряд законов, направленных против устаревших сословных перегородок, которые отличали друг от друга половников, однодворцев, бессарабских царан, лашман и пр.

Одной из первых обратила на себя внимание Министерства категория вологодских половников, занимавших двойственное и экономически тягостное положение: не имея наделов, они были обложены двойными повинностями — и в пользу государства, и в пользу частных землевладельцев. По подсчетам специальной комиссии, образованной вологодским военным губернатором, в 1836 году из 5618 половников 3021 не имели письменных договоров с владельцами земли и находились в состоянии полунищих. В докладной записке 1839 года Киселев констатировал, что «из числа половников не давшие записей, почти все, скитаясь без приюта, содержат себя одним подаянием и, посевая повсюду разврат, вредны и для других крестьян, а заключившие условия, хотя существование их и обеспечено на некоторое время, находятся в совершенной зависимости от владельцев и потому не достигают благосостояния, проистекающего от преимуществ лицам, свободного состояния предоставленным». Половники отказывались переселяться на казенные земли, не имея живого и мертвого инвентаря и достаточно средств для обзаведения на новых участках. Вологодский губернатор представлял в Петербург тревожные донесения о настроении половников, а особая комиссия, которая изучала положение половников, приходила к выводу, что необходимо ликвидировать самый институт половничества путем расселения половников на казенные земли. 10 апреля 1840 года получило утверждение Особое положение о половниках Вологодской губернии, которое различало две категории крестьян: заключивших письменные договоры с владельцами и не имевших таких договоров. Первые могли остаться на владельческих землях, вторые должны были переселяться на земли казенные; для этой цели им отводили новые участки или приселяли их к существующим сельским обществам. Половникам разрешалось в течение шести месяцев самим избрать себе подходящие земли. Если происходило приселение к обществам, то предварительно требовалось согласие крестьян-старожилов и наличие в данной местности 15-десятинной пропорции земли; старожилам, которые выделяли участки половникам, разрешался дополнительный отвод казенной земли из свободных резервов. Половники, водворяемые на казенные земли, получали пособие лесом для постройки домов и денежной ссудой в размере 25 рублей на душу; кроме того, им давалась хлебная ссуда и предоставлялось право воспользоваться кредитом на покупку

сельскохозяйственных орудий и скота под ответственностью сельского общества. Полученная сумма могла погашаться в рассрочку в течение десятилетнего срока. Водворенные на казенных землях половники освобождались на 3 года от внесения податей и отбывания повинностей, «рачительные и послушные» могли быть освобождены в течение 10 лет от рекрутской повинности. Правительство предусматривало и другой путь устройства половников — в виде покупки владельческих земель, которые находились в пользовании половников. Переселяемые на казенные земли имели право на половину семян, сельскохозяйственные орудия, скот и принадлежащую им долю запасного хлеба; если они обработали у владельца озимые и яровые поля, то получали за них четвертую часть урожая; если участвовали в уборке хлеба, им отдавалась половина урожая [117].

Реализация закона 1840 года натолкнулась на большие препятствия: государственная казна оказалась не в силах переселить половников, даже не имеющих письменных договоров с владельцами. Поэтому мнением Государственного совета 2 июля 1843 года было разрешено оставлять половников на землях владельцев при условии заключения обеими сторонами добровольного договора, устного или письменного. В договоре должно было быть оговорено, какая сторона обязана уплачивать государственные подати; внесение оброка возлагалось на владельца земли. Министрам государственных имуществ и финансов предлагалось, по взаимному соглашению, распорядиться о сложении с половников всех накопившихся недоимок [118]. Таким образом, институт половничества не мог быть окончательно ликвидирован, хотя и были созданы некоторые условия для слияния половников с остальными крестьянами.

Не меньшее внимание Министерства привлекали к себе однодворческие крестьяне: существование крепостных, принадлежавших не дворянам-помещикам, а феодально-зависимым землевладельцам, противоречило сословной политике Николая I; с другой стороны, сами однодворцы, постепенно разорявшиеся и остро нуждавшиеся в средствах, просили правительство приобрести их крестьян в казну. Ликвидация института однодворческих крестьян считалась не менее настоятельной задачей, чем ликвидация института половников. Положение Совета министров 2 июля 1843 года разрешило этот вопрос, установив правила приобретения однодворческих крестьян: государство должно было выкупать ежегодно у однодворцев до тысячи крестьян, в первую очередь — у неисправных плательщиков податей и у тех однодворцев, которые добровольно желали продать своих крестьян. Владельцы получали за крестьян по 100 рублей серебром (из этой суммы покрывались все недоимки). Купленные однодворческие крестьяне должны были переводиться в многоземельные губернии и расселяться на участках, выделенных для переселенцев; им предоставлялись все те пособия и льготы, которые выдавались переселенцам [119]. Эта мера была дополнена указом 17 апреля 1842 года, предписывавшим у однодворцев, принадлежащих к молоканской и духоборческой сектам, отбирать крестьян в казну с уплатой 100 рублей серебром за душу, причем владельцам запрещалось на будущее время приобретать крестьян даже от людей равного сословия; купленные крестьянские семейства, если они целиком принадлежали вредным сектам, должны были переселяться в Закавказский край [120].

Сами однодворцы, помня о своем служилом происхождении, не переставали добиваться возвращения в лоно дворянского сословия; обладая некоторыми привилегиями, они стремились использовать их практически;

---

[117] ВПСЗ, XV, 13372; ЦГИАЛ, ф. ГСДЭ, 1840 г., д. 20.
[118] ВПСЗ, XVIII, 17004.
[119] ВПСЗ, XVI, 14707.
[120] ВПСЗ, XVII, 15543

однако процесс экономического упадка однодворческого хозяйства все более сливал однодворцев с крестьянской массой и создавал материальную базу для уравнения однодворцев с великорусскими оброчниками. Мнением Государственного совета 4 мая 1842 года было установлено, что свидетельства о праве однодворцев поступать на военную службу могут получать только те, которые «безвинно» (т. е. по ошибке) были зачислены в однодворческое звание [121]. Мнением Государственного совета 2 января 1850 года был разрешен вопрос о праве однодворцев на поместные четвертные земли, которые они считали своей частной собственностью. Исходя из противоположной презумпции, что эти земли составляют государственное имущество и могут быть использованы только при условии платежа оброка, государство заняло компромиссную позицию. Так как, пользуясь четвертными землями, однодворцы не требовали себе надела из состава общественных земель, а слияние четвертных земель с общественными не обещало сельским обществам значительного приращения, было предписано «принять за правило, чтобы обращаемые в общественные владения поместные земли однодворцев оставляемы были за потомками их из платежа оброка, равного платимому крестьянами за другие общественные земли по ценности их и лишь тогда, когда нынешние владельцы на сие не согласятся, отдаваемы были безусловно в распоряжение общества». Таким образом, четвертные земли формально были признаны однодворческими, а фактически уравнены с казенными [122].

Гораздо больше забот доставляли Министерству государственных имуществ западные однодворцы, которые были перечислены в это звание из состава польской шляхты. Правительство Николая I стремилось из политических соображений ликвидировать этот межеумочный институт, возникший в результате пресловутого и затянувшегося «разбора шляхты». Между 1845 и 1850 годами Центральная ревизионная комиссия по проверке прав дворянства Киевской, Подольской и Волынской губерний нашла, что только 581 шляхтич были правильно отнесены к дворянскому званию; 22 тысячи возбудили сомнение и были переданы на рассмотрение герольдии, а 81 121 человек были признаны неправильно получившими дворянское звание и подлежащими зачислению в подушный оклад (не считая бывших польских шляхтичей, которые не представили в срок посемейных списков и были немедленно зачислены в государственные крестьяне) [123]. Огромное количество бывших шляхтичей, ставших «западными одводворцами» и недовольных своим новым положением, беспокоило правительство Николая I. Правительство старалось удалить их из районов, населенных польской народностью, и, переселив во внутренние губернии, слить с оброчными крестьянами, а оставшихся на месте сблизить с государственными крестьянами западных губерний; кроме того, делались попытки возможно большее количество западных однодворцев принять на военную службу. Именной указ 2 июля 1841 года расширял территорию внутренних губерний, на которую можно было переселять западных однодворцев: помимо Саратовской и Оренбургской губерний, а также Кавказской области, ранее предназначенных для переселения, было предписано препровождать однодворцев, если они того пожелают, на земли Екатеринославской губернии, отведенные для поселения малороссийских казаков; переселяемым предоставлялись все льготы и пособия, которыми вообще пользовались переселенцы [124]. Положение Комитета по делам западных губерний 15 декабря 1841 года нормировало быт западных однодворцев,

---

[121] ВПСЗ, XVII, 15602.
[122] ВПСЗ, XXV, 23791.
[123] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27221, л. 52; «Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1837 по 1850 год» (РА, 1884, № 5).
[124] ВПСЗ, XVI, 14601.

живущих на казенных землях [125]: Министерство должно было организовать новую перепись западных однодворцев и исключить из этой категории всех неправильно к ней причисленных; западные однодворцы должны были подчиняться управлению государственных имуществ, входить в состав сельских обществ и исполнять предписания Полицейского и Судебного уставов. Наряду с государственными крестьянами они были обложены оброком и сборами общественным, земским и продовольственным; наравне с государственными крестьянами они должны были выполнять правила рекрутского устава. Особенностями западных однодворцев оставались уплата подымной подати (взамен подати подушной), право числиться однодворцами и не подлежать бритью головы при поступлении в рекруты. Закон обращал особенное внимание на необходимость бороться с самовольными отлучками однодворцев, а с отлучавшимися предписывал поступать как с бродягами [126]. Был даже издан специальный указ 19 февраля 1844 года о самовольно отлучившихся однодворцах западных губерний: указ запрещал держать у себя однодворца, не имеющего установленного вида; задержанные без вида (паспорта или удостоверения) должны были высылаться обратно на местожительство и отдаваться в рекруты в зачет следующих наборов [127]. Неоседлым однодворцам было разрешено указом 19 марта 1846 года переходить в городское сословие [128]. С другой стороны, рядом законов поощрялось поступление западных однодворцев на военную службу: указом 12 июня 1842 года им было дано право наниматься в рекруты за мещан и крестьян всех губерний без исключения (при этом сверх платы, вносимой нанимателями, дополнительно взималось 50 рублей в пользу однодворческих обществ) [129]. На основании указа 1831 года при каждом общем рекрутском наборе призывались и западные однодворцы [130]. Наконец, указы 23 января 1847 года и 11 марта 1853 года разъяснили, что западные однодворцы не имеют права владеть крепостными крестьянами, а имеющиеся у них крестьяне должны быть отобраны в государственную казну [131]. Таким образом, в результате законодательства, направленного против польской шляхты и продиктованного стремлением ослабить эту революционно настроенную прослойку польского общества, государственное крестьянство западных районов пополнилось новой категорией, почти не отличавшейся по своему характеру от общей массы великорусских оброчников.

Одновременно Министерство нормировало права и обязанности однодворцев Бессарабской губернии — так называемых мазылов и рупташей. Именным указом 10 марта 1847 года мазылы были переименованы в однодворцев; они должны были платить государственную подать — даждию, вносить оброк (который на казенных землях составлял 6 рублей 72 копейки серебром ежегодно) и отбывать натуральные и денежные повинности; мазылы, жившие на казенных землях, были подчинены управлению государственных имуществ и введены в состав сельских обществ [132]. Однако за ними были сохранены некоторые особые права: как все население Бессарабской области, они были свободны от рекрутской

---

[125] Помимо западных однодворцев, живших на казенных землях и находившихся в ведомстве Министерства государственных имуществ, были еще однодворцы, жившие на собственных или владельческих землях, которые находились в ведомстве Министерства внутренних дел.

[126] ВПСЗ, XVI, 15121; ЖМГИ, 1842, ч. IV, отд. I, стр. XXI—XXIII.

[127] ВПСЗ, XIX, 17634.

[128] ВПСЗ, XXI, 19848.

[129] ВПСЗ, XVII, 15744; XIX, 18245.

[130] ВПСЗ, XIII, 11380; XIV, 13824; XV, 13634; XVI, 14713; XIX, 18072; XX, 18697, 19425.

[131] ВПСЗ, XXII, 20845; XXVIII, 27087.

[132] Так же как западные однодворцы, мазылы частью жили на владельческих землях.

повинности, их нельзя было подвергать телесному наказанию без особого судебного приговора, они имели право выбирать из своей среды капитана (старшину) и отбывали повинности посемейно, а не подушно; кроме того, за ними, так же как за великорусскими однодворцами, признавалось право поступать на военную службу. Те же правила были распространены на рупташей, происходивших из духовенства, с одним ограничением: в отличие от мазылов, они не были свободны от телесных наказаний, присуждаемых административной властью. И мазылы, и рупташи имели право владеть населенными имениями, но им было запрещено иметь в качестве крепостных людей русских и цыган [133].

Тем же законом 1847 года было нормировано положение бессарабских царан — свободных сельских производителей, живших на владельческих, на собственных и на казенных землях. Царане, составлявшие основную категорию местного крестьянства, были обязаны платить государственную подать (биру), вносить оброк (в том же размере, что мазылы и рупташи) и отбывать земские повинности. Царане, жившие на казенных землях, были освобождены от продовольственного и пожарного сборов, должны были подчиняться управлению государственных имуществ, но имели право переходить на помещичьи и собственные земли, предупредив об этом местную администрацию за 6 месяцев до срока и внеся полностью годовой оброк. Так же как мазылы и рупташи, они имели право владеть населенными имениями, но с теми же ограничениями. Таким образом, в законах о бессарабских крестьянах можно подметить сочетание двух тенденций: с одной стороны — признание прежних прав населения недавно приобретенных провинций, с другой стороны — стремление обособить мелких производителей от дворянства и сблизить их с положением русских государственных крестьян [134].

С развитием товарно-денежных отношений и ростом дорожных перевозок постепенно изменялось положение ямщиков как особой категории государственных крестьян. На территории ямских станов, сильно втянутых в развитие торговли и промышленности, наблюдалось прогрессирующее расслоение крестьян. Зажиточные ямщики стремились заменить ямскую повинность наймом охотников и находили их среди бедняков собственных селений; на более оживленных трактах ямская повинность становилась тяжелой и вызывала просьбы со стороны ямщиков заменить ее организацией подрядов. В этом направлении и развивалось законодательство, касавшееся ямщиков. Положением Комитета министров 14 июня 1838 года было разрешено ямщикам некоторых ямских слобод Московской губернии, которые занимались торговлей и ремеслами и не имели возможности отправлять почтовую гоньбу натурой, производить денежный сбор для выполнения повинности наймом [135]. В 1843 году это право было распространено на ямщиков Новгородской губернии. Положениями Комитета министров 1845 года в ряде мест Смоленской губернии и на Петербурго-Московском тракте была введена подрядная система, а ямщики были перечислены в государственные крестьяне [136]. Мнением Государственного совета 4 июля 1845 года были сняты земские повинности со всех ямщиков «впредь до перечисления в государственные крестьяне и пока они поставляют почтовых лошадей» [137]. Наконец, Положением Комитета министров 28 октября 1847 года было предписано «по мере открытия на трактах вольных почт» перечислять ямщиков в государственные крестьяне, а

---

[133] ВПСЗ, XXII, 20987.
[134] ВПСЗ, XV, 13411; XXII, 20987. Ср. Я. Гросул. Крестьяне Бессарабии. Кишинев, 1956, стр. 198—209.
[135] ВПСЗ, XIII, 11328; XVIII, 16885.
[136] ВПСЗ XVI, 14923, 14996; XXI, 20227.
[137] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, л. 91; ВПСЗ, XX, 19166.

желающим разрешить переход в городское сословие без всяких приемных договоров и взноса денег [138].

Подобные же изменения, хотя и в меньшей степени, испытала на себе категория лашман, приписанных к корабельным лесам. Сначала мнением Государственного совета 9 марта 1842 года 11 217 душ лашман Нижегородской губернии наравне с государственными крестьянами были обложены земским сбором; затем в 1856 году все излишние лашманы в количестве 26 584 человек целыми селениями без раздробления были причислены к сословию государственных крестьян [139].

Особое положение занимали архиерейские и монастырские служители, которые должны были неопределенное время отбывать повинности при архиерейских кафедрах и монастырях. Министерство государственных имуществ и здесь ввело существенные изменения, сблизив архиерейских служителей и их детей с великорусскими оброчниками. На основании Положения 6 апреля 1838 года были определены права и обязанности детей архиерейских служителей: они были приписаны к селениям отцов и должны были жить при родителях; при наступлении 15-летнего возраста они могли быть зачислены по собственному желанию в ту же категорию архиерейских служителей; если они обучались ремеслам, то такое зачисление могло происходить и помимо их воли. Однако дальнейшая служба при монастырях и архиерейских кафедрах должна была продолжаться не более 20 лет. Не поступившие в архиерейские служители до 19 лет могли в течение года избрать себе новое сословное звание и быть зачисленными или в состав духовенства, или в состав мещанского сословия, или в государственные крестьяне, или поступить на военную службу. Если они возвращались в свои селения, то общество должно было отвести им земельный надел, а правительство — предоставить им пособие на обзаведение в размере 60—100 рублей; кроме того, они получали трехлетнюю льготу в податях и повинностях. Положение Комитета министров 28 марта 1839 года распространило эти правила и на самих архиерейских служителей, отбывших 20-летний срок службы [140]. Если они водворялись в казенных селениях и заводили собственное хозяйство, то законом 7 ноября 1855 года им предоставлялось право получить пособие и льготы [141].

Наименее устойчивую категорию населения Российской империи представляли собой цыгане. Формально они числились в составе сословия государственных крестьян, фактически — кочевали по территории российских губерний. Путешествуя по Росии в 1840 году, Николай I убедился, что, несмотря на ранее изданные законы, цыганские таборы продолжали свободно передвигаться в различных районах. Правительством было предписано к началу следующего, 1841 года окончательно водворить цыган в казенных селениях, а занимающихся промыслами — в городах. На основании сведений, полученных от Палат государственных имуществ семи губерний, только небольшая часть цыган оседло жила в определенных пунктах, была наделена землей и занималась хлебопашеством; значительная часть числилась в определенных селениях и городах, занимаясь промыслами, но была в постоянных отлучках; многие цыгане самовольно оставляли место своего жительства, их разыскивали, задерживали и препровождали обратно. Сами цыгане подавали прошения Министерству государственных имуществ, жалуясь на равнодушие к ним местных органов власти и на презрительное отношение к ним населения. Бывали случаи, когда администрация неудачно расселяла цыган

---

[138] ВПСЗ, XXII, 21657. Ср. ВПСЗ, XXVIII, 27220, ст. 4.

[139] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1667, ч. III, лл. 22—24; ВПСЗ, XVII, 15372. Ср ВПСЗ, XXI, 20307.

[140] ВПСЗ, XIII, 11123; XIV, 12182.

[141] ВПСЗ, XXX, 29778.

в самых глухих районах и не обеспечивала их необходимыми наделами [142]. Между Министерствами внутренних дел и государственных имуществ шел продолжительный спор о способах водворения цыган, кочевавших в русских губерниях. Наконец, Положением Комитета министров 20 февраля 1840 года было предписано водворять цыган на месте их задержания и только в случае крайнего неудобства возвращать их на прежнее местожительство. Цыгане, задержанные в городах, могли оставаться на месте. Водворенные в казенных селениях приравнивались к крестьянам-переселенцам, получая все льготы и пособия, которые были установлены законом для заведения самостоятельного хозяйства. Задержание и пересылка цыган возлагались на земскую полицию, а водворение цыган в казенных селениях — на управление государственных имуществ. В дополнение к закону Киселевым был издан циркуляр о способах реализации изданного закона: местные органы власти должны были распределять цыган «раздробительно в многоземельных селениях»; там, где насчитывалось не менее 100 душ населения, водворялось по одному семейству; там, где находилось более 500 душ,— по два семейства. Палаты государственных имуществ должны были позаботиться о наделении цыган, «если пожелают, наравне с другими, землею и в случае нужды о выдаче им для засева полей и на продовольствие до первого урожая хлеба с рассрочкой возврата оного на несколько лет». Кроме того, цыгане могли получить из крестьянских дач, а, за их отсутствием, из казенных лесов, материал на постройку домов [143].

Несмотря на Положение 1840 года, цыгане продолжали свободно кочевать по территории России. 10 декабря 1846 года новым Положением Комитета министров была дана годовая отсрочка для водворения цыган; было предложено перечислять цыган в городское сословие, если они занимались промышленностью и торговлей [144]. Указами 1850-х годов на цыган были распространены правила о рекрутской повинности (исключение было предоставлено только мусульманам Таврической губернии) [145].

Одновременно с водворением цыган Министерство государственных имуществ прилагало энергичные усилия для организации еврейских земледельческих колоний и сближения евреев с государственными крестьянами. Положением Комитета министров 25 марта 1841 года евреи-земледельцы, поселенные на казенных землях, были переданы в ведение Министерства государственных имуществ, а через 3 года, 26 декабря 1844 года, было издано специальное Положение о евреях-земледельцах, дополненное правилами 5 марта 1847 года [146]. На основании этих законов евреи могли селиться на казенных землях, ежегодно отводимых в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях, а также в районах западных губерний. Им предоставлялся земельный надел, сначала по 5—8 и более десятин на каждую душу мужского пола, потом — по 20—40 десятин на семью из 6 душ в южных губерниях и по 10—20 десятин — в западных губерниях. Наделение производилось при условии достаточного количества работников (от 3 до 6 человек на семью) и наличия денежных средств для приобретения инвентаря. Закон различал поселенцев, нуждающихся в пособии, и поселенцев, которые могли обойтись собственными средствами. Пособия должны были выдаваться из сумм коробочного сбора, собираемого с евреев. В новороссийских губерни-

---

[142] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1413, чч. I—VIII

[143] ВПСЗ, XV, 13188, 13393; XVIII, 17044; ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1413, ч. VI, лл. 6—7.

[144] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1413, ч. V, л. 107; ч. VII, л. 103; ВПСЗ, XXI, 20692.

[145] ВПСЗ, XXVII, 26893; XXX, 29766; XXXI, 30028.

[146] ВПСЗ, XVI, 14398; XIX, 18562; XXII, 20977; XXVII, 26532; ИО, ч. II, отд. I, стр. 185—206.

ях поселением евреев заведывал особый Попечительный комитет, в западных губерниях — Палата государственных имуществ; на их обязанности лежали постройка домов для поселенцев и обеспечение их семенами и продовольствием. Каждая поселяющаяся семья получала денежное пособие от 50 до 100 рублей на постройку домов и беспроцентную ссуду в размере 70 рублей на приобретение скота, семян и хозяйственное обзаведение. Колонисты были обязаны на второй год иметь обработанный огород и одну засеянную десятину, на четвертый год— еще одну десятину и на шестой год — третью десятину посева. Евреи-земледельцы должны были лично обрабатывать землю и не имели права сдавать свои наделы в аренду. До заведения и укрепления сельского хозяйства им не разрешались отлучки на промыслы; местные власти призваны были следить за их земледельческими работами, наказывать их за небрежность и тех, кто запускал свое хозяйство, исключать из сельского состояния; если по истечении шести лет не было заведено налаженного хозяйства, то годные к военной службе должны были сдаваться в рекруты. Непосредственными организаторами и руководителями еврейских колоний в новороссийских губерниях были попечители и особые Приказы, а в западных губрениях — окружные начальники. Колонистам предоставлялось в течение 10 лет освобождение от всяких повинностей; по окончании этого срока они уравнивались в этом отношении с государственными крестьянами. Указом 19 августа 1852 года были несколько облегчены условия поселения и увеличены размеры пособий.

Киселева очень заботило положение отставных солдат, живших в казенных селениях, и семей крестьян, взятых на военную службу. По мере усиления рекрутской повинности и разложения патриархально-семейного быта этот вопрос приобретал особенную остроту. Еще во время ревизии 1836—1840 годов пензенский губернатор обращал внимание Киселева на заброшенное положение солдаток; в 1840—1841 годах Киселеву были представлены проекты о земельном обеспечении отставных солдат, один—французским гражданином Гюэ, другой—неизвестным автором [147]. Волнения государственных крестьян, прокатившиеся по многим губерниям в 1841—1843 годах, показали руководящую роль отставных солдат в движении крестьянской массы. Киселев считал, что эту категорию крестьянского населения «следует поставить в привилегированное положение в отношении прочих своих односельцев, дабы не допустить слияния интересов или взаимности в оных», что отставным солдатам «следует дать сколь можно более выгод, дабы разъединить их интересы, как сказано, от крестьян». С другой стороны, из среды отставных солдат, прошедших школу военной дисциплины и беспрекословного повиновения, Министерство старалось создать благонадежных кандидатов на должности сельских старост и волостных старшин: законом 16 октября 1839 года было разрешено выбирать их на мирские и волостные должности [148]. Эти политические мотивы приобретали большое значение в свете статистических данных, собранных Министерством государственных имуществ в 1841 году: в 34 губерниях Европейской России в казенных селениях проживал 53 101 нижний чин, из которых 33 658 были отставными и 19 443 — находящимися в бессрочном отпуску; некоторые губернии — Вятская, Воронежская, Курская, Казанская, Оренбургская, Полтавская — насчитывали по нескольку тысяч нижних чинов, рассеянных по казенным селениям [149]. Обычно им отводились наделы земли, хотя эта практика не была санкционирована законом [150]. Согласно мнению Государственного

[147] ЦГИАЛ. ф. V О, д. 26485, ч. VII, л. 36; дд. 26667, 26674.
[148] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26713, л. 4; ВПСЗ, XIV, 12899; XXVII, 26160.
[149] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26674, л. 57.
[150] ВПСЗ, XV, 13091.

совета от 4 мая 1840 года такие водворенные на землю солдаты, если они имели детей, должны были уплачивать общественный сбор наравне со своими односельчанами [151]. Другим законом, от 18 ноября 1840 года, бесприютным отставным солдатам на территории западных губерний было предписано бесплатно отводить участки земли для устройства усадеб и огородов, а в случае их желания — полевой надел, но при условии уплаты денежного чинша [152].

На основании собранного материала Министерство подготовило проект специального Положения об устройстве военных нижних чинов, водворяющихся в казенных селениях, который получил утверждение 16 апреля 1841 года. Закон различал три категории нижних чинов, водворяемых в казенных селениях: 1) тех, кто заводит самостоятельное хозяйство; 2) тех, кто проживает в семьях у родственников; 3) тех, кто находится на содержании общества. Нижним чинам, желавшим иметь собственное хозяйство, предоставлялась земля для устройства усадьбы и огорода; такие солдаты снабжались лесом для заведения дома и денежным пособием в 40—50 рублей на домашнее обзаведение. Нижние чины, которые устраивались у родственников, получали единовременное денежное пособие в размере 20—25 рублей серебром. Нижние чины, неспособные к ведению хозяйства и не имевшие родственников, получали пенсию в размере 6—9 рублей серебром в год или помещались в благотворительные заведения. Имевшие собственное хозяйство пользовались общественным выгоном и лесом, их дома освобождались от постоя; они имели право участвовать во взаимном страховании от огня и в получении продовольственных ссуд. Натуральные повинности они обязаны были отбывать вместе со всеми крестьянами. Каждый солдат, имевший собственное хозяйство, получал право вернуть к себе одного сына, сданного в кантонисты. Для выдачи пособий создавался особый вспомогательный капитал, который слагался из двухрублевых взносов за каждого сданного рекрута, из десятирублевых взносов с нанимателей рекрутов, а также из специальных сумм, которые должны были вносить государственные крестьяне, переходящие в мещанское и купеческое звание (первые — по 15 рублей, вторые — по 40 рублей). Местные органы Министерства должны были содействовать водворенным нижним чинам в поступлении их на службу — сторожами, рассыльными и пр. Водворенные на землю отставные нижние чины должны были подчиняться окружным начальникам и исполнять требования сельских уставов. Если водворяемые солдаты желали заниматься полевым хозяйством, то они получали надел в малоземельных селениях, а в многоземельных районах, куда переселялись крестьяне, — с освобождением от подушной подати, от уплаты оброка и от несения земских повинностей. Закон не распространялся на малороссийских казаков и на территорию Сибири [153].

Однако Положение 1841 года не разрешило всех вопросов, связанных с водворением отставных и бессрочно отпущенных солдат: между Положением и ранее изданным законом были несогласованные пункты; в великорусских и западных губерниях отставные солдаты селились на разных условиях; водворение солдат в малоземельных селениях было сопряжено с большими трудностями, так как сельские общества неохотно выделяли для них земельные участки. Когда началось переложение оброка с душ на землю и промыслы, со всей остротой встал вопрос о возможности обложения оброком отставных нижних чинов, наделенных полевыми участками (по вычислениям Министерства, в их распоряжении состоя-

---

[151] ВПСЗ, XV, 13443.
[152] ВПСЗ, XV, 13957.
[153] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. II, лл. 248—261; ВПСЗ, XVI, 14464.

ло уже 40 тысяч десятин удобной земли). Значительное число отставных солдат занималось хлебопашеством, в некоторых районах они были освобождены от оброка, в других — уплачивали его, но требовали освобождения от этого сбора [154]. 13 января 1846 года было утверждено новое Положение, которое разрешило вопрос о земельном обеспечении отставных солдат следующим образом: в казенных селениях, имевших более 8 десятин земли на душу, водворенные на землю солдаты освобождались от оброка и земских повинностей; в казенных селениях, имевших менее 8 десятин, они должны были уплачивать оброк и общественный сбор. Не желавшие нести этих расходов могли переселяться в многоземельные селения. Отставные нижние чины, селившиеся в имениях многоземельных, владевших более чем 15 десятинами на душу, освобождались от всяких денежных повинностей [155]. Последним законом, касавшимся этой категории, был именной указ 11 октября 1851 года, разрешавший выдавать отставным дряхлым и увечным нижним чинам, поступившим на службу из государственных крестьян, пособия хлебом из общественных магазинов [156].

Таким образом, на территории государственной деревни была образована привилегированная группа держателей казенной земли, а в ее составе была выделена особая прослойка оброчников, которая сливалась по своему положению с массой государственных крестьян. Формально отставные солдаты не считались государственными крестьянами, но по существу они мало отличались по своему юридическому положению от основного населения государственной деревни.

Устраивая отставных солдат, Министерство специальным указом 15 февраля 1841 года постаралось урегулировать вопрос о женах государственных крестьян, призванных на военную службу. Закон различал разные категории солдаток. Живущие в семьях мужей сохраняли за собой право на земельный надел, получали в семье питание и должны были участвовать в полевых работах: до новой ревизии они уплачивали подушную подать и отбывали все повинности, после ревизии — платили оброк и сборы, общественные и мирские (сельское общество имело право понизить эти сборы, если они оказывались тяжелыми для солдаток). Имевшие самостоятельное хозяйство и законных сыновей пользовались земельными наделами на тех же условиях. Если солдатки были бездетны и представляли удостоверение о честном поведении, то получали в бесплатное пользование участок земли для усадьбы и огорода. Жившие в семье своих родителей или родственников находились на их иждивении. Право на отлучку с получением билетов и паспортов получали солдатки, представившие свидетельство местного начальства о хорошем поведении. Одинокие бесприютные и старые помещались в местные богадельни или на постой к крестьянам (в последнем случае им выдавался хлебный паек). Неизлечимые, душевнобольные и калеки сдавались в богадельню Приказом общественного призрения. Солдатки, замеченные в развратном поведении, должны были помещаться в рабочие дома. В случае смерти мужей солдатки получали особые вдовьи паспорта и поощрялись к вступлению в новый брак [157]. На основании другого закона, от 26 ноября 1846 года, в случае безвестной отлучки и смерти мужа солдатки имели право потребовать к себе одного сына, сданного в кантонисты [158].

---

[154] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26674, лл. 227, 234; д. 26713, лл. 1—2; ф. Кнц М, 1841 г., д. 271/49, лл. 91—100.
[155] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26713; ВПСЗ, XXII, 20797.
[156] ВПСЗ, XXVI, 25626.
[157] ВПСЗ, XVI, 14278.
[158] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27228, лл. 15—16.

Особую категорию государственных крестьян составили крестьяне закавказских районов: Грузии, Армении и Азербайджана, формально поставленные под руководство Министерства государственных имуществ, но фактически подчиненные главноуправляющему Кавказа. После назначения на пост главноуправляющего М. С. Воронцова, 6 декабря 1846 года была проведена контрреформа, которая возвратила армянским меликам и азербайджанским бекам и агаларам отнятые у них казенные земли с населявшими их государственными крестьянами. За беками, агаларами и меликами было признано право потомственного пользования этими земельными имуществами и право феодальной эксплуатации населявших их земледельцев. Закон 1846 года значительно ухудшил положение государственных крестьян Армении и Азербайджана и был проведен, несмотря на активное сопротивление Киселева [159]. М. С. Воронцов, который добивался еще большего расширения своих полномочий, несмотря на возражения Киселева, настоял на полном изъятии всех государственных крестьян Закавказья из ведения Министерства государственных имуществ. 21 декабря 1849 года Николай I утвердил Положение об управлении государственными имуществами в Закавказском крае, которое предписывало закрыть Тифлисскую и Шемахинскую Палаты государственных имуществ со всеми подведомственными им попечительствами и учредить при Главном управлении Закавказского края Экспедицию государственных имуществ, непосредственно подчиненную наместнику [160]. Таким образом, закавказские государственные крестьяне выпали из ведомства Министерства Киселева и в значительной части оказались феодально-зависимыми держателями помещичьей земли. Новое положение Кавказского комитета 5 ноября 1852 года завершило предшествующие акты, устранив всякую, даже формальную, связь между государственными имуществами Закавказского края и Министерством Киселева: закон констатировал, что все дела, связанные с управлением государственными имуществами Закавказского края, представляются Правительствующему сенату с мнениями наместника кавказского, который пользуется в этом случае всеми правами, предоставленными министрам. С этого момента все дела, относящиеся к государственным имуществам Закавказского края, перестали посылаться на заключение министру государственных имуществ [161].

Тенденция унифицировать положение различных категорий государственного крестьянства ярко обнаружилась не только в законах, касавшихся половников, однодворцев, цыган и т. д., но и в некоторых специальных узаконениях. Например, 15 мая 1840 года был опубликован сенатский указ [162], который отменил разнообразные названия казенных имений: старостинские, первые иезуитские и пр.; специальные наименования сохранялись только в том случае, если не прекратились права, связанные с существом этих названий.

Однако наряду с тенденцией к унификации прав и обязанностей крестьян сохраняли своеобразные черты некоторые категории населения, которые впервые зачислялись в сословие государственного крестьянства. В течение 19-летнего управления Киселева это сословие по-прежнему оставалось обширным резервуаром, вбиравшим в себя вновь притекающие элементы из самых различных источников. Законами 1841—1843 годов сюда были зачислены бывшие крепостные западных церковных име-

---

[159] ВПСЗ, XXI, 20672.

[160] ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.86, лл. 5—6; ВПСЗ, XXIV, 23753; И. Г. Антелава. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Сухуми, 1955, стр. 65—73.

[161] ВПСЗ, XXVII, 26739.

[162] ВПСЗ, XIV, 12973; XV, 13471; ЖМГИ, 1841, ч. I, отд. I, стр. XXVII.

ний — не только римско-католических, но и православных[163]. В разное время сюда были включены крестьяне различных благотворительных учреждений и питомцы сиротских воспитательных домов[164]. В 1853 году была установлена непосредственная власть Министерства над лашманами, ранее числившимися в морском ведомстве[165]. В 1854 году Министерству государственных имуществ было подчинено Коннозаводское управление со всеми находившимися в нем крестьянами[166]. К сословию государственных крестьян были присоединены посессионные рабочие, освобожденные их хозяевами[167], и жители городов, оставшихся за штатом[168]. Государственными крестьянами становились вольноотпущенные дворовые и люди, признанные по суду некрепостными[169], казенными крестьянами становились даже лица, уволенные с гражданской службы и исключенные из духовного звания[170]. Правда, все эти прослойки оказывались в условиях единообразного управления и получали более или менее однородные права; тем не менее, несмотря на преобладание основной тенденции к нивелировке различных категорий, они не могли не сохранять некоторых особенностей, которые принесли с собой из своего прежнего положения.

6. Законы о гражданских правах крестьянства

Наименьшее место в законопроектах, подготовленных Министерством государственных имуществ в 1838—1856 годах (так же как и в реформе 1837—1841 годов), занимал вопрос о гражданских правах государственных крестьян. Однако развитие товарно-денежных отношений продолжало оказывать влияние на правительственную политику: промыслы и торговля, которые приобретали все большее значение в казенных имениях, требовали определенных условий для своего дальнейшего роста. Необходимо было расширить гражданские права феодально-зависимого населения деревни и, в частности, обеспечить ему бо́льшую свободу передвижения по территории страны. Вот почему законодательство по этому вопросу продолжало тенденцию, наметившуюся еще ранее, до 1838 года. Рядом сепаратных законов правительство старалось облегчить занятия крестьян мелкой промышленностью и торговлей: например, в 1839 году крестьянам Архангельской и Олонецкой губерний было разрешено ходить торговать в Финляндию на тех же основаниях, как и во все губернии империи; в 1842 году крестьянам заонежских уездов Олонецкой губернии были разрешены беспошлинные смолокурение и сливка дегтя; в 1846—1847 годах крестьянам некоторых волостей Псковской и Черниговской губерний было разрешено покупать и выменивать щетину, не выбирая для этого торговых свидетельств, и т. д.[171]. В неурожайные годы Положениями Комитета министров облегчалась выдача паспортов государственным крестьянам, отправлявшимся на заработки, путем отмены уплаты денежного сбора[172]. Учитывая процесс денежного накопления в государственной деревне, правительство старалось поддерживать и поощ-

---

[163] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, л. 50; ВПСЗ, XVI, 15152, 15153; XVIII, 16828, 16829; XIX, 17673.

[164] ВПСЗ, XVI, 15002; XIX, 18257; ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27221, л. 19.

[165] ВПСЗ, XXVIII, 27804.

[166] ВПСЗ, XXIX, 27872.

[167] ВПСЗ, XIX, 14058-б (прибавление к т. XV).

[168] ВПСЗ, XXIX, 27847.

[169] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27228, л. 31; ВПСЗ, XXIII, 21929; XXVII, 26790; XXX, 29472.

[170] ВПСЗ, XIV, 12042, 12742; XXXI, 30687.

[171] ВПСЗ, XIV, 12438; XVII, 16031; XIX, 18162; XX, 19115; XXI, 20553; XXIII, 21881; XXX, 29051, 29699.

[172] ВПСЗ, прибавление к т. XIV, 12980-а; XXIV, 23727; XXVI, 25659; XXVIII, 27791, ст. ст. 10 и 11. Ср. ВПСЗ, XVIII, 17161; XXIX, 27854.

рять это явление. Законами 1839 и 1852 годов было еще раз признано и закреплено право собственности государственных крестьян, хотя бы они были ранее удельными или помещичьими крепостными, на приобретенные ими земли [173]. Мнением Государственного совета 7 января 1852 года казенные и помещичьи крестьяне были допущены к содержанию почтовых станций, а мнением 2 июля 1843 года было разрешено допустить ямщиков ко всем тем подрядам, которые были дозволены сельским обывателям [174]. Законом 29 марта 1848 года было утверждено право государственных крестьян и вообще сельских обывателей владеть домами в столицах и приобретать дома с лавками [175].

Внимание правительства привлекало к себе не только расширение экономических прав государственных крестьян: отдельными законами за государственными крестьянами были признаны более широкие правовые полномочия и в области семейного права. Мнением Государственного совета от 16 октября 1839 года было запрещено принуждать крестьянских девушек в арендных имениях вступать в брак с крепостными крестьянами, принадлежавшими арендаторам и администраторам имений [176]. Мнение Государственного совета от 2 октября 1850 года нормировало право вдов государственных крестьян; им разрешалось при выходе замуж за крестьянина того же сельского общества оставлять при себе детей от первого брака до наступления 14-летнего возраста; при воспитании сыновей они имели право пользоваться их земельными паями при условии выполнения соответствующих повинностей; при наступлении 14-летнего возраста сыновья, как правило, возвращались в семейство отца, а дочери могли выбрать семью отца или матери по собственному желанию [177]. Законом 29 октября 1851 года жены ссылаемых в Сибирь могли отказаться от следования за мужем без расторжения брака [178].

В стремлении повысить производительность труда государственных крестьян Министерство изыскивало поощрительные меры, которые могли бы стимулировать их хозяйственную энергию и обеспечить их подчинение предписаниям власти. Законами 1840—1855 годов предусматривалась раздача государственным крестьянам денежных премий, почетных и форменных кафтанов, похвальных листов, серебряных медалей трех степеней (нагрудных и на шею), золотых медалей за улучшение хозяйства и «благонравие». Крестьяне, получившие похвальные листы, освобождались от телесных наказаний, сначала условно, затем без всяких ограничений [179]. В 1855 году были освобождены от телесных наказаний и объявлены подсудными не сельским расправам, а общим судебным органам церковные старосты в селениях государственных крестьян [180].

Даже эти незначительные права государственных крестьян возбуждали решительные возражения со стороны реакционно настроенного дворянства. В кругах сановной бюрократии не прекращались разговоры о необходимости раздать государственных крестьян в частные руки. Поэтому в глазах Киселева утверждение гражданских прав государственного крестьянства приобретало большое значение. Не раз он заводил с Николаем I беседы о необходимости издания специальной жалованной грамоты казенным крестьянам, которая уже проектировалась Екатери-

---

173 ВПСЗ, XIV, 12944; XXVII, 26457. Ср. ВПСЗ, XIX, 17501.

174 ВПСЗ, XVIII, 17003; XXVII, 25884.

175 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27228, лл. 65—66; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1667, ч. I, лл 526—527.

176 ВПСЗ, XIV, 12770.

177 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27245, лл. 23—24; ВПСЗ, XXV, 24502.

178 ВПСЗ, XXVI, 25690.

179 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1849 г., д. 854; ф. V О, д. 27147, л. 10; ВПСЗ, XIX, 1345-а, 14079-а (прибавление к т. XV); XVI, 14222; XIX, 18550; XXVI, 25546.

180 ВПСЗ, XXX, 29936.

ной II и должна была торжественно признать гражданские права «свободных сельских обывателей», так же как жалованные грамоты дворянству и городам признали привилегии правящего сословия и торгово-промышленного населения. Николай I, как сообщает биограф Киселева — А. П. Заблоцкий-Десятовский, принципиально не возражал против подобного предложения, но практически уклонялся от его выполнения. Киселев старался достигнуть поставленной цели несколько иным, косвенным путем: он решил кодифицировать все узаконения, касавшиеся государственного крестьянства, и, издав их в виде особого сборника, тем самым придать бо́льшую прочность признанию прав населения государственной деревни. В 1850 году эта кодификационная работа была закончена и опубликована в виде «Сборника постановлений по управлению государственных имуществ». Сборник занял четыре объемистых тома и охватывал собой все нормативные акты, вошедшие в Полное собрание законов и систематизированные в отдельных томах Свода законов. Первый том «Сборника» был посвящен учреждениям Министерства государственных имуществ и его местных органов; в следующих томах были помещены законы о правах состояния, Уставы о податях, о земских повинностях, рекрутский, о службе по выборам, о сельском хозяйстве, о продовольствии и призрении, врачебные, путей сообщения и т. д. Особенно важное принципиальное значение имели разделы «О правах состояния, присвоенных сельским обывателям».Здесь были сформулированы личные права государственных крестьян, которые отличали их от помещичьих крепостных: право вступления в брак, права родительские, права опеки и попечительства, права наследования, права собственности, права обязательственные, право на занятие торговлей и промышленностью. Этот раздел был сконструирован из разных статей томов Свода законов издания 1842 года. Статьей 7 тома II было установлено, что лишение государственных крестьян права состояния может иметь место не иначе, как по суду за совершенное преступление. Статья 50 устанавливала, что права свободного сельского состояния прекращаются: 1) с переходом в другое состояние; 2) поступлением в военную службу; 3) преступлением, влекущим лишение прав. В уставе о податях оброчные сборы государственных крестьян наряду с подушной податью были подведены под понятие «государственных окладных податей». Таким образом, были не только подтверждены и уточнены гражданские права государственных крестьян, но и провозглашен принцип их неотъемлемости, а феодальный оброк приравнен к государственной подати, равноценной поземельному налогу. Такая трактовка вопроса о сословном положении государственных крестьян заключала в себе ту же прогрессивную тенденцию, какая намечалась в первоначальных проектах реформы.

После вступления на престол Александра II, в условиях начавшегося общественного подъема и политических уступок, Киселев снова поставил вопрос об издании специального юридического акта о государственных крестьянах. Но и на этот раз его намерение не встретило сочувствия и поддержки ни у придворной камарильи, ни у самого царя [181].

Юридическое подтверждение сословно-гражданских прав государственных крестьян и их неприкосновенности по закону по-прежнему совмещалось с противоположной тенденцией — рассматривать государственных крестьян как податное феодально-зависимое сословие, близкое к помещичьим крепостным. Государственных крестьян можно было не только ссылать в Сибирь по приговорам сельского общества как опороченных по суду [182], но и принудительно перечислять в другие сословия,

---

[181] ЦГИАЛ, ф. V О, 26565, лл. 152—162, 212; «Сборник постановлений по управлению государственных имуществ», тт. I—IV. СПб, 1850; ЗД, II, стр. 145—151.
[182] ВПСЗ, XXVI, 24929.

лишая их присвоенных прав «свободных сельских обывателей». Сепаратными законами 1850-х годов государственные крестьяне Бердянска, Ананьева и Ейска были зачислены без их собственного согласия в городское сословие [183]. В разное время государственные крестьяне различных районов перечислялись в казаки, не только по их добровольному желанию, но и принудительно, на основании специальных законов. Законами 4 мая 1843 года и 2 апреля 1853 года государственные крестьяне прилинейных уездов Оренбургской губернии были переведены в Оренбургское казачье войско; именной указ 20 апреля 1847 года перевел 5380 душ крестьян Тобольской и Томской губерний в состав Сибирского линейного казачьего войска; законом 23 февраля 1852 года казенные крестьяне Восточной Сибири, обитавшие на пограничной линии, в количестве 803 душ были обращены в забайкальские казаки [184]. В декабре 1840 года два селения Херсонской губернии, насчитывавшие 1004 ревизские души, были перечислены в состав военных поселений. Законами 1841 и 1842 годов, как было указано раньше, некоторые московские государственные крестьяне были приписаны к дворцу великого князя Михаила Павловича [185].

Наиболее ярким примером крепостнического толкования понятия «свободные сельские обыватели» было мнение Государственного совета от 23 февраля 1842 года «О являющихся из бегов людях, не внесенных в последнюю народную перепись». Такие самовольно отлучившиеся государственные крестьяне приравнивались к беглым крепостным принадлежавшим помещикам; сельские общества должны были подавать о них объявления в продолжение четырехнедельного срока после их явки, представлять явившихся в Земский суд, уведомлять Казенную палату и т. д. В свою очередь Палаты должны были произвести разыскание, «кому действительно возвратившиеся из бегов люди принадлежат», независимо от того, были ли они казенными или помещичьими, а «пристанодержатели» (т. е. укрывавшие беглых) подлежали наказанию по судебному приговору. Этот закон 1842 года был объявлен в циркуляре министра государственных имуществ и служил инструкцией для местных органов Министерства. Под давлением финансовой и военной системы крепостнического государства стиралась всякая грань между помещичьим крепостным и «свободным сельским обывателем», если они оказывались в бегах или отыскивались из бегов [186]. Таким образом, несмотря на усиливающуюся тенденцию к ликвидации феодальной зависимости, сохраняла всю свою силу старая, феодально-крепостническая система, которая обращала юридическое признание свободы в клочок бумажки и ограничивала понимание гражданских прав противоположными феодальными коррективами.

7. Итоги

Дополнительными законами, опубликованными в 1838—1856 годах, была завершена реформа управления государственными крестьянами, предпринятая Киселевым. Этими нормативными актами были поставлены и разрешены основные вопросы руководящей программы 1836—1837 годов. Центр тяжести законодательства был перенесен на хозяйственные проблемы, намеченные в «Проекте главных оснований хозяйственного

---

[183] ВПСЗ, XXVIII, 27640 (закон распространялся на всех крестьян, переселившихся в Бердянск до 1843 года), 27655; XXIX, 28006.

[184] ВПСЗ, XVIII, 16811; XX, 18739; XXII, 21131; XXVII, 26015; XXVIII, 27124; XXIX, 28111.

[185] ЗД, II, стр. 135—137.

[186] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 47.

устава» и продиктованные важнейшими потребностями государственной деревни. Таковы были прежде всего вопросы о земле и повинностях, которые приковывали к себе главное внимание и прежних составителей проектов, и Министерства государственных имуществ. Параллельно была развернута сеть «попечительных» мероприятий Министерства, продолжавшая старую традицию XVIII и первой трети XIX века. До известной степени было упорядочено и унифицировано положение специальных категорий государственного крестьянства. Некоторое внимание законодателя было уделено и вопросу о гражданских правах крестьянства[187]. Изданные законы не вносили коренных перемен в положение государственных крестьян: феодальная зависимость этого слоя земледельческого населения России была сохранена в неприкосновенности, так же как ее основание — монополия на землю государства-вотчинника и ее атрибут — система смягченного внеэкономического принуждения. Законодательство 1838—1856 годов только упорядочило эту зависимость: оно укрепило государственный земельный фонд с помощью размежевания казенных и частных земель и создания преград безудержному расхищению государственных имуществ; оно реформировало отбывание феодальных повинностей путем ликвидации барщины в западных губерниях, переложения оброка с душ на землю и промыслы, введения жеребьевой системы и частично — перевода натуральной повинности на деньги. Однако, приспособляя систему феодальной зависимости к развитию новых, капиталистических отношений, законодательство этого периода оставило неразрешенной важнейшую проблему о ликвидации крестьянского малоземелья; Министерство ограничилось смягчением земельной тесноты в государственной деревне при помощи переселения крестьян на малозаселенные окраины и перевода части крестьян в городское сословие. Задача повысить платежеспособность государственной деревни разрешалась скромными начинаниями по организации продовольствия, по улучшению сельского хозяйства, по организации начального образования, врачебной помощи, взаимного страхования от огня и реформирования строительства — с предварительной организацией финансовой базы для проведения «попечительных» мероприятий. В законах 1838—1856 годов не в меньшей степени, чем раньше, обнаружилась тенденция к уничтожению устаревших средневековых перегородок и превращению государственных крестьян в единообразное феодально-зависимое сословие.

Законодательные новеллы указанного периода заключали в себе бесспорные прогрессивные черты: Министерство Киселева окончательно перешло от отработочной феодальной ренты к денежной, являвшейся последним этапом феодального развития; оно стремилось сблизить положение государственных крестьян с положением арендаторов казенных земель; оно приступило, правда, робко и нерешительно, к ликвидации сельской общины и к замене ее индивидуальным замлепользованием; в известной мере Министерство облегчало предпосылки для капиталистического накопления в деревне; оно пыталось всесторонне и шире, чем раньше, удовлетворить культурные и бытовые потребности государственного крестьянства; несколько расширяя гражданские права крестьян и устраняя прежние внутрисословные перегородки, оно создавало более благоприятные условия для экономического развития деревни. Но законодательство 1838—1856 годов, так же как и вся реформа Киселева, было противоречивым по самому своему существу: оно сохраняло не только прежнюю феодальную эксплуатацию крестьян, но и старый феодально-

---

[187] Помимо указанных норм, был опубликован ряд узаконений, вносивших частичные исправления и дополнения в административную систему 1837—1841 годов, но не затрагивавших ее принципиальных оснований.

бюрократический аппарат, который наделяло широчайшими полномочиями по наблюдению и опеке над крестьянами. Именно этому бюрократическому аппарату, органически выросшему из недр феодально-крепостнической системы, и было предоставлено реализовать опубликованные законы. Анализ текущей повседневной деятельности Министерства поможет поставить и разрешить следующий вопрос: какая из двух тенденций, заложенных в реформе 1837—1841 годов, одержит окончательную победу: феодально-консервативная, которая задерживала государственную деревню на пройденном этапе социально-экономического развития, или прогрессивно-буржуазная, которая открывала двери развитию и утверждению капитализма?

Глава вторая

НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ЕЕ ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

1. Источники по вопросу о реализации реформы. 2. Состав правящего чиновничества. 3. Методы управления. 4. Крестьянское «самоуправление». 5. Оценка управления П. Д. Киселевым. 6. Денежные сборы. 7. Переложение оброка на землю и промыслы. 8. Ликвидация барщины, люстрация и регулирование. 9. Натуральные повинности. 10. Итоги фискальной политики.

1. Источники по вопросу о реализации реформы

Чтобы судить о практическом применении реформы 1837—1841 годов, необходимо выяснить, как управлялась государственная деревня на протяжении 19 лет министерской деятельности П. Д. Киселева (1838—1856 годы). На этот вопрос прежде всего отвечают годовые отчеты Министерства государственных имуществ и основанные на них сводные исторические обзоры [1]. При первом знакомстве с этими официальными документами они производят впечатление большой содержательности и безусловной достоверности: всесторонне охватывая различные стороны крестьянской жизни, они заключают в себе богатый статистический материал и скреплены подписью самого Киселева. Отчеты представлялись императору и оглашались на заседаниях Комитета министров; извлечения из отчетов рассылались министрам, членам Государственного совета, сенаторам, начальникам губерний, с 1842 года ежегодно публиковались в печатном органе Министерства и выпускались отдельными изданиями. Сведения отчетов комментировались в иностранной прессе. В досоветский период отчетные данные Министерства использовались историками для характеристики и оценки киселевской реформы [2].

Однако детальное изучение этого источника показывает, насколько необходима критическая проверка его содержания. В основе годовых отчетов Министерства государственных имуществ лежали сведения,

---

[1] «Обозрение управления государственных имуществ за последние 25 лет — с 1825 по 1850 год» (СРИО, т. 98, стр. 468—493); «Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по заведыванию государственными крестьянами с 1838 года по 1866 год». СПб, 1867; «Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ» (ИО). СПб, 1888.

[2] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 497, лл. 9—10; 1852 г., д. 1284; 1856 г., д. 1731; Ю. В. Готье. Государственные крестьяне при Николае I и реформа графа Киселева («Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. II); М. М. Богословский. Государственные крестьяне при Николае I («История России в XIX веке», изд. Гранат, т. I).

представлявшиеся сельскими и волостными управлениями, т. е. составлявшиеся местными писарями, часто малограмотными и недобросовестно относившимися к своим обязанностям; ревизии сельского и волостного делопроизводства не один раз вскрывали расхождения писарских сводок с данными реальной действительности. Из сельских и волостных управлений отчетные материалы поступали сначала к окружным начальникам, а затем в суммированной форме — в губернские Палаты; и здесь, и там они подвергались проверке и «исправлению» — в соответствии с особыми видами чиновников, мало заботившихся о служении истине. В таком виде материалы попадали в Департаменты Министерства, которые производили новую сводку и, наконец, в V Отделение, которое составляло окончательный текст годового отчета. Министерские циркуляры нередко отмечали, какие Палаты представляли неудовлетворительные отчеты; в 1841 году начальник Статистического отделения Шопен, критикуя губернские отчеты, утверждал, что «во многих случаях текст заключает показание, совершенно противное ведомостям, которые прилагаются к сим отчетам» [3]. О том, как подготовлялся окончательный текст управляющим V Отделением Карнеевым, мы имеем красочные воспоминания его сослуживца, впоследствии академика К. С. Веселовского: «...тут начиналась работа особого рода,— иное пропускалось или сокращалось, другое «поправлялось» по административным соображениям, факты были представляемы в том освещении, какое признавалось наиболее соответственным видам правительства... Вообще эти отчеты составлялись очень искусно; по своей краткости были «необременительны» для чтения, а по группировке цифрового материала и по заключениям производили благоприятное впечатление о действиях министерства» [4]. Не мудрено, что современники мало верили оптимистическим выводам Киселева и часто острили по поводу его искусства блистать отчетными итогами [5].

Конечно, исследователь не может пренебрегать официальными отчетами Министерства, но он обязан дифференцированно подходить к имеющимся в них данным. Наибольшей достоверностью обладают отчетные данные о численности крестьян, о сборе податей и оброков, о размерах и стоимости натуральных повинностей: эти сведения не только более тщательно собирались, но и подвергались систематическому контролю со стороны Министерства финансов (а по рекрутской повинности — Министерства военного). Относительно достоверны сведения о накопленных капиталах (проверявшиеся путем специальных ревизий), о крестьянском землевладении (доставлявшиеся межевыми чиновниками и оценочными комиссиями), о продовольственных запасах, поскольку они требовали специального, более строгого учета. Далеко не так достоверны данные о количестве построенных крестьянских домов, действующих школ и учрежденных опек: здесь менее точными были приемы собирания материала и особенно сильной — заинтересованность чиновников в благоприятных показателях. Еще больше сомнений возбуждают сведения о количестве продовольственных запасов и о числе крестьян, подвергшихся оспопрививанию, дававшиеся «на глазок», без строгого наблюдения и учета. Некоторые цифровые итоги, например, о количестве крестьянских мальчиков, отданных в ремесленное обучение, были явно фальсифицированы и должны быть отброшены. Но и те статистические данные, которые более достоверны, требуют оговорок и коррективов, основанных на других источниках. Особенно важно систематически дополнять количественные

---

[3] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, лл. 13—14; ф. III Д, 1841 г., д. 954 лл. 21—22.

[4] РС, 1903, октябрь, стр. 35—36.

[5] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. IX. СПб, 1884, стр. 209.

показатели министерских отчетов качественными оценками, почерпнутыми из более надежных источников.

Таким корректирующим материалом могут служить прежде всего многочисленные циркуляры, издававшиеся министром государственных имуществ и частично публиковавшиеся на страницах ведомственного журнала: здесь давалась оценка губернских отчетов, характеризовалась работа различных Палат, освещались разные стороны в деятельности местных органов, высказывались суждения о действиях тех или иных чиновников. Некоторые циркуляры заключали в себе инструкции по важным административным вопросам и знакомили с итогами их выполнения в губерниях и округах. Иногда в циркулярах излагались результаты личных поездок Киселева, сопровождавшихся осмотрами местных учреждений и беседами не только с чиновниками, но и с крестьянами. Сравнительно с суммарными и приглаженными годовыми отчетами министерские циркуляры выгодно отличаются большей конкретностью и наличием элементов критики [6].

Однако важнейший материал, помогающий дополнить и исправить официальные министерские отчеты, заключают в себе не циркуляры, а богатейшие данные ревизий государственных имуществ, накопленные за 19-летнее управление П. Д. Киселева. Ревизии производились различными органами и по самым разнообразным поводам. Время от времени местные учреждения Министерства проверялись начальниками губерний, которые сообщали о результатах своих ревизий самому Киселеву [7]. Иногда губернские учреждения, в том числе органы Министерства государственных имуществ, ревизовались сенаторами по личному приказанию Николая I [8]. В 1843 году свитским генералам и флигель-адъютантам, наблюдавшим за рекрутским набором, было предписано проверить состояние продовольствия в казенных имениях. Однако чаще всего ревизии назначались центральными органами Министерства и производились специально уполномоченными чиновниками по указаниям Киселева. Именно эти ревизии имели особенно важное значение и оставили после себя наиболее богатые материалы. Наконец, не мало данных сохранилось от личных поездок Киселева, предпринимавшихся по определенному плану и связанных с осмотрами местных министерских органов.

Вначале, в 1838—1839 годах, ревизии, производившиеся представителями Министерства, носили поверхностно-обзорный характер и сводились преимущественно к проверке служебной годности губернских и окружных чиновников. Очень скоро практика управления заставила Киселева расширить рамки ревизий и возложить их на более ответственных и влиятельных чинов Министерства. Поводами к командированию ревизоров обыкновенно бывали сведения о неблагополучном состоянии управления, содержавшиеся в отчетах губернаторов и III Отделения, в заключениях сенаторских ревизий, в именных и анонимных доносах;

---

[6] Собрание циркуляров сохранилось в фондах V Отделения е. и. в. канцелярии и Канцелярии министра государственных имуществ.

[7] См. отношение ярославского губернатора за 1843 год (ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 323—324), извлечения из отчетов архангельского и олонецкого губернаторов за 1842 год (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., дд. 5944—5945), записку калужского губернатора за 1846 год (там же, 1846 г., д. 8010), извлечения из отчетов за 1853 год рязанского губернатора (там же, 1854 г., д. 23110), владимирского губернатора (там же, д. 23154) и т. д.

[8] Таковы ревизия Новгородской губернии сенатором Княжниным (1839 г.), Орловской и Калужской губерний — сенатором Бегичевым (1842—1843 гг.), Восточной Сибири — сенатором Толстым (1844—1845 гг.), Калужской губернии — сенатором Давыдовым (1894 г.), Курской губернии — сенатором Дурасовым (1850 г.), Херсонской губернии — сенатором Брадке (1851 г.). Материалы ревизии сохранились в ЦГИАЛ, в фондах Правительствующего сената и I Департамента МГИ. См. «История Правительствующего сената за 200 лет», т. III. СПб, 1911, стр. 616—657.

иногда основанием для проверки были впечатления Департаментов от текущего делопроизводства Палат и от усиливающихся жалоб государственных крестьян. Не случайно наибольшее количество ревизий (23) падает на 1843 год, ознаменованный бурными крестьянскими волнениями.

Ревизоры, посылавшиеся от Министерства, получали секретные инструкции, которые охватывали все стороны местного управления. Уже в первом «наставлении» 1838 года коллежскому советнику Жадовскому предписывалось проверить, не имеют ли управляющие Палатами «корыстных связей с окружными начальниками и другими чиновниками», как ведут себя местные чиновники, «не волочат ли поселян и в особенности не берут ли с них деньги», нет ли злоупотреблений при сельских выборах, «послаблений винному откупному управлению», «неуравнительности в отправлении натуральных повинностей», жестокостей при взимании податей и недоимок и т. д.; предлагалось выяснить, довольны ли крестьяне новым управлением и какое мнение о чиновниках и их действиях сложилось у местной «публики» [9]. По мере открытия округов, волостей и сельских управлений усложнялась и деятельность ревизоров. В 1842 году был разработан новый проект инструкции; при этом ясно обнаруживалась борьба двух сталкивавшихся тенденций — к расширению и к сужению функций ревизоров. С одной стороны, Министерство было заинтересовано в подробном выяснении истины,— отсюда конкретные указания объектов ревизии и способов их проверки; с другой стороны, Киселев и его сотрудники были озабочены, «чтобы, раскрывая истину, не оскорблять личности ревизуемых, не уронить их в мнении людей, им подведомственных, и не возбуждать в сих последних неуважения к начальству, страсти к несправедливым жалобам и дух беспокойства»,— отсюда исключение из проекта конкретных перечней злоупотреблений, запрещение собирать сходы и основываться на слухах, стремление перенести главное внимание на контроль делопроизводства [10]. Однако и здесь логика жизни оказалась сильнее страха перед возможным возбуждением крестьянства: рассылая ревизоров, приходилось снабжать их реестрами крестьянских жалоб, которые упорно замалчивались губернскими Палатами, и давать устные предписания, которые выходили за пределы формальных, обезличенных инструкций.

Как правило, ревизоры не ограничивались посещением Палат и опросом губернских чиновников: они объезжали округа, волости и селения, подробно знакомились с делопроизводством, проверяли деловые и нравственные качества коронных чиновников и крестьянских «выборных», осматривали хлебные магазины, школы, лечебницы, иногда тюрьмы, где содержались крестьяне; проверяли платежные таблицы и денежное счетоводство, требовали сведений о поставленных рекрутах и натуральных повинностях, подсчитывали количество крестьянских касс и установленных опек. Ревизии продолжались иногда по году и более. Появление ревизора всегда вызывало подачу крестьянских жалоб — устных и письменных, индивидуальных и коллективных. Недостатки делопроизводства и обнаруженные злоупотребления побуждали ревизоров собирать показания и производить расспросы; бывали случаи, когда с этой целью созывались и крестьянские сходы. Выяснению истины часто помогала ведомственная борьба между органами Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ: земская полиция, поддерживаемая губернаторами, чувствовала себя оттесненной и обиженной учреждением нового ведомства; отсюда — нередкие жалобы и доносы губернского начальства, изобличавшие преступления управляющих Палат и окружных

---

[9] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26497, лл. 12—14.

[10] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1842 г., д. 356 (в частности, лл. 107—108).

начальников; в свою очередь местные чиновники нового Министерства не оставались в долгу у своих противников и отвечали разоблачениями членов земских судов, становых приставов и других представителей полицейской власти.

Конечно, не все ревизоры были одинаково энергичны и добросовестны. Изучая материалы ревизий, мы без труда различаем две категории ревизующих чиновников. Одни развивали на местах широкую деятельность, входили во все подробности управления, безбоязненно раскрывали все беспорядки и проделки местных органов Министерства, таковы были действительный статский советник Нефедьев, ревизовавший в 1846 году Тверскую губернию, действительный статский советник Пташинский, раскрывший в 1848 году вопиющие злоупотребления Могилевской палаты, действительный статский советник Арцимович, последовательно проверявший Пермскую и Псковскую губернии, и т. д. Другие, вроде статского советника Корсуна или статского советника Хондзынского, старались угадать виды начальства, не ссориться с местными управляющими и не восстанавливать против себя петербургские Департаменты. Деятельность ревизоров часто протекала в трудных условиях, требуя от них большой смелости и энергии: ревизуемые органы старались не только скрыть истинное положение вещей, но и парализовать все усилия непрошенного разоблачителя,— они восстанавливали против ревизоров местные власти, пугали Министерство перспективой крестьянского возмущения, старались склонить на свою сторону петербургских чиновников. Департаменты, руководившие деятельностью Палат и часто не ведавшие, что творили управляющие и окружные начальники, или сознательно покрывавшие их произвол и беззакония, активно выступали в защиту подведомственных органов и настаивали на отозвании слишком ретивого ревизора. Ярким примером такого конфликта является ревизия Вятской губернии, производившаяся в 1852 году статским советником Брилевичем. Управляющий местной Палатой Круковский, опасаясь разоблачения ревизора, организовал активное сопротивление его действиям: он отказывался показывать ему дела своей канцелярии и по месяцам задерживал выполнение его требований. Брилевичу приходилось брать с бою каждое интересовавшее его сведение. Круковский посылал в Петербург непрерывные жалобы, обвиняя ревизора в превышении власти и в восстановлении крестьян против начальства. Вятский губернатор, находившийся в приятельских отношениях с управляющим Палатой, встал на его защиту и в личном письме к Киселеву нарисовал угрожающую перспективу паралича местной власти и «общего порыва к безначалию и неповиновению» со стороны «740 тысяч крестьян мужского пола». После нескольких месяцев энергичной деятельности ревизор был отозван, а завершение его работы было возложено на нового, более покладистого чиновника. Конфликт разрешился только через 2 года, когда директор I Департамента Ган проверил материал ревизии и, несмотря на все оговорки, подтвердил основные выводы Брилевича [11].

Бывали и обратные случаи, ярко характеризуемые пермской ревизией коллежского советника Тарасова в 1855 году; назначенный проверить ликвидацию произвола и лихоимства, раскрытых предшествующей ревизией Арцимовича, Тарасов не обнаружил необходимой самостоятельности и упорства. Он объезжал волостные и сельские управления в сопровождении заинтересованных чиновников, останавливался на квартирах

[11] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. I (в частности, лл. 8, 10, 34, 84—86, 97—99, 183, 206); ч. IV лл. 239—248, 251; 1853 г., д. 20302. Ср. последствия пермской ревизии Арцимовича (ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 787, лл. 116, 132—134), могилевской ревизии Пташинского (там же, д. 789, ч. II, лл. 142—143, 154—155), олонецкой ревизии Любовидского (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23111, ч. II, л. 12).

окружных начальников и писарей, предупредительно выслушивал отстраненных взяточников и старался избегать принятия крестьянских жалоб; местному губернатору пришлось обратить серьезное внимание ревизора на неправильный способ его действий, препятствующий выяснению истины [12]. Но даже такие снисходительные ревизоры не могли не регистрировать многочисленных случаев бездействия и насилий местного аппарата.

Особое место в данной категории источников занимают дневники, замечания и итоговые обзоры самого Киселева, объезжавшего различные районы Европейской России и лично осматривавшего подчиненные учреждения. Обыкновенно такие поездки заканчивались расследованиями замеченных беспорядков, докладами Департаментов и перепиской с Палатами. Уступая отчетам ревизоров в полноте и разоблачающей силе фактов, замечания Киселева не могут также претендовать на бо́льшую точность и достоверность: местные органы заранее знали о подобных поездках, а впечатления министра были мимолетны и не опирались на длительное изучение материала [13].

В фондах Министерства государственных имуществ за 1838—1856 годы сохранились материалы 183 ревизий, охватывающих 47 губерний. Бо́льшая часть губерний проверялась по нескольку раз. Особенно часты были ревизии во внутренних губерниях (10 — в Новгородской, по 8 — в Московской, Тверской и Калужской и т. д.). Окраинные районы с плотными массами государственных крестьян ревизовались не так часто (Архангельская, Пермская и Вятская губернии — по 5 раз, Оренбургская и Саратовская — по 4 раза и т. д.), но более основательно: ревизии продолжались здесь дольше и оставили после себя многотомные собрания документов. Наименьшее внимание уделяли центральные органы Министерства учреждениям Прибалтики с их своеобразным строем управления и Сибири, в которой не было введено новое Положение (в Лифляндской и Курляндской губерниях было по одной, и то поверхностной, ревизии, в Сибири были только сенаторские ревизии Анненкова и Толстого). Подводя итоги, можно сказать, что материалы ревизий достаточно богаты, тем более что донесения ревизоров дополняются чрезвычайно ценными приложениями: статистическими ведомостями, жалобами крестьян, рапортами и объяснениями местных чиновников, перепиской с Палатами, наконец заключениями Департаментов и Совета министра. По сравнению с официальными отчетами Министерства документы ревизий дают иную, более объективную и правдивую, картину управления государственными имуществами.

Не менее важным коррективом к итоговым сводкам Киселева служит текущее делопроизводство Министерства, отложившееся в фондах его Департаментов и Канцелярии министра. По некоторым вопросам, слабо затронутым ревизорами, но имевшим большое значение в жизни государственной деревни,— о земельном обеспечении крестьян, о проведении люстрации в западных губерниях, о переводе западных крестьян на оброк, о переложении оброка на землю и промыслы — текущая переписка Департаментов является почти единственным и очень ценным источником. К сожалению, в архивных фондах не сохранились многочисленные жалобы государственных крестьян, которые непрерывным потоком притекали из всех губерний и тысячами номеров значатся в старых описях; они были беспощадно уничтожены царскими чиновниками при периодических чистках министерского архива,— сохранились только отдельные докумен-

[12] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. VII, лл. 139—142.

[13] Поездки Киселева имели место в 1838, 1839, 1843, 1846, 1853 годах и могут быть прослежены по материалам ИРЛИ (Архив Киселева, 29.7.76 и 29.7.68) и ЦГИАЛ (фф. Кнц М, I Д и II Д).

ты этого типа в делопроизводстве ревизий и в донесениях о крестьянских волнениях.

Дополнительными источниками для изучения практики управления являются сохранившиеся остатки личной переписки Киселева (особенно, деловые письма товарища министра Гамалеи, отложившиеся в ИРЛИ) и некоторые мемуары современников, в частности, чиновников Министерства государственных имуществ, как опубликованные (К. С. Веселовского, В. А. Инсарского и др.), так и хранящиеся в архивах (например, очень ценные воспоминания видного сотрудника Киселева — Д. П. Хрущова).

Только при наличии всех указанных источников, взаимно дополняющих и корректирующих друг друга, мы получаем возможность всесторонне и объективно исследовать 19-летний период Министерства Киселева, выяснить методы и формы применения законов 1837—1841 годов и на этом основании вынести общее суждение об итогах проведенной реформы.

2. Состав правящего чиновничества

Центральные органы нового Министерства начали действовать сейчас же после издания «Учреждения» 26 декабря 1837 года. Местные органы, в первую очередь губернские Палаты, стали открываться постепенно, по мере окончания общей ревизии и передачи государственных имений Казенными палатами. С 1 июля 1838 года начали функционировать Палаты в Петербургской, Московской, Псковской, Тамбовской и Курской губерниях. 1 января 1839 года открылись Палаты в Кавказской области и в 15 других, преимущественно центральных, губерниях [14]. С 1 мая 1839 года стало действовать губернское управление в Бессарабии и в 9 губерниях севера, центра и юга [15]. 1 июля 1839 г. открылось еще 4 Палаты на восточной окраине [16]. Последними были образованы губернские учреждения в 9 западных губерниях (с 1 марта 1840 года) и в Прибалтике (с 1 сентября 1841 года) [17]. Губернское начальство, учитывая настроения и желания петербургских сфер, старалось как можно шумнее и торжественнее обставить эти события. Особенно помпезно была открыта Воронежская палата государственных имуществ: в помещении Палаты собрались губернатор, духовенство во главе с архиереем, высшие военные и гражданские чины, представители дворянства и купечества, оркестр трубачей и хор певчих. После молебна было открыто первое заседание общего присутствия Палаты. Губернатор, обращаясь к чиновникам нового Министерства, произнес высокопарную речь, призывавшую их «охранять права самого многочисленного сословия в государстве». «...Вам вверяется,— провозглашал оратор,— его нравственность, его благосостояние, его воспитание; вы обязаны блюсти его собственность, водворять правосудие и руководствовать его в трудолюбии и промышленности». Губернатор шел еще дальше,— он советовал Палате внушать подчиненным чиновникам, что «власть их должна быть ограничена не только постановлениями, правилами и формами, но равномерно совестию, благоразумием, человеколюбием и кроткою снисходительностью». Губернатору отвечал, по-видимому, в том же возвышенном тоне новый

---

[14] Новгородская, Тверская, Казанская, Саратовская, Астраханская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Воронежская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская.

[15] Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Пензенская, Херсонская, Таврическая.

[16] Нижегородская, Вятская, Оренбургская, Пермская.

[17] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26499; д. 27111, л. 46; д. 27147, л. 6; ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. I, л. 128; 1841 г., д. 350, ч. II, л. 127.

управляющий Палатой. Собрание закончилось обильным завтраком под звуки оркестра и хора. Киселев, получив отчет об этом собрании, нашел некоторые выражения губернаторской речи «не соответствующими делу», но, вероятно, ее заключительная часть вполне ответила его «попечительным» намерениям: начальник губернии говорил, что новому Министерству «предстоит блестящая и утешительная будущность довершить и усовершенствовать благосостояние и спокойствие многих миллионов людей» [18].

Что же представляли собой новые учреждения по составу своих сотрудников? И насколько соответствовал этот состав широким задачам «попечительной» политики?

Сам Киселев придавал большое значение укомплектованию своего Министерства и особенно его местных органов вполне достойными кандидатами. В соответствии с сословно-феодальным мировоззрением Киселева и феодальной направленностью проводимой реформы будущие опекуны и попечители государственной деревни должны были вербоваться из представителей потомственного дворянства, обладающих знаниями, административными навыками и честностью. Расшифровывая это общее пожелание, Киселев просил губернаторов рекомендовать ему на должности окружных начальников подходящих лиц «преимущественно из бывших уездных предводителей дворянства, а затем из исправников, известных хорошими правилами и опытностию, и наконец из дворян, пользующихся хорошим мнением по нравственности и знанию сельского хозяйства» [19]. Местные Палаты Киселев старался укомплектовать лучшими из ревизоров 1836—1840 годов, показавшими себя как деловитые и энергичные чиновники. Намеченные кандидаты, раньше чем быть назначенными, проходили через проверку III Отделения [20].

На практике эти ограничивающие классовые критерии подвергались новым существенным коррективам. Прежде всего Киселев столкнулся с одним непреодолимым препятствием — с недостатком образованных и честных людей в узко очерченном круге местного дворянства и чиновничества. Олонецкий губернатор ответил Киселеву, что дворянских имений в губернии мало, дворянских выборов не бывает, в чиновниках чувствуется острый недостаток. Не менее пессимистично было донесение старшего члена Курской приуготовительной комиссии. В этой губернии (одной из самых «дворянских» в России) нельзя было найти ни одного кандидата на должности советника Палаты и губернского лесничего. «Две ревизии сенаторов, наконец, строгие действия г. Муравьева [21], уничтожили совершенно многие комплекты занимавших подобные места, и до того их мало существует,— писал член комиссии,— что за исключением оштрафованных ни одного в виду благонадежности не имеется». Из двух представленных кандидатов один был «известный всей публике лихоимец», привлекавшийся к следствию за поборы, другой был «решительно без всяких способностей и сведений по своей части» [22].

Второе затруднение было иного рода: открытие нового Министерства возбудило надежды разнообразных искателей мест, находивших себе высоких покровителей, независимо от своих знаний и способностей. К Киселеву начали обращаться члены царской фамилии, крупные чиновники, вроде генерал-губернатора белорусских губерний и помощника шефа жандармов, местные помещики и просто великосветские дамы, настойчи-

[18] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26499, лл. 66—78.

[19] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26425, ч. III, л. 386; д. 26426, ч. I, л. 96; д. 26432, л. 60; д. 26443, л. 20; д. 26501, л. 105.

[20] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26428, ч. I, лл. 25, 78, 139; д. 26429, лл. 50, 79, 131, 153, 179.

[21] М. Н. Муравьев был курским губернатором с 1835 года по 1838 год.

[22] ЦГИАЛ, ф. V, О, д. 26425, ч. III, лл. 389—390; д. 26454, лл. 191—193.

во ходатайствовавшие за своих приятелей и знакомых. В отдельных случаях Киселеву удавалось отклонить нежелательные кандидатуры, но иногда давление могущественной протекции преодолевало все преграды и достигало своей цели [23]. При замещении должности окружного начальника находились желающие служить из числа местных землевладельцев. Хотя руководители Министерства сомневались в полезности такого назначения, опасаясь, что «в подобных случаях чиновники часто употребляют казенных крестьян на свои работы», но они тут же оговаривались, что «все зависит от личной доверенности и нравственных качеств избранного лица» [24]. Отдавая преимущество лицам, окончившим университет и Царскосельский лицей, Киселев охотно брал в свои органы бывших чиновников других ведомств, владельцев имений и особенно бывших военных, прошедших школу николаевской субординации и командования. Имена отставных майоров и капитанов пестрели в списках окружных начальников, этих ближайших опекунов и «воспитателей» государственной деревни [25].

Не все назначенные чиновниками уживались на своем месте: нужно было наладить добрые отношения с губернским начальством и завоевать расположение местного дворянства. Примером естественного отбора, независимого от желания и воли Киселева, может служить судьба управляющего Черниговской палатой С. П. Тиличеева. Он находился на прекрасном счету у Министерства, но в 1840 году в донесении флигель-адъютанта Чернышева, представленном Николаю I, был аттестован так: «...деятелен, бескорыстен, но чрезвычайно заносчив, со всеми ссорится и по характеру своему не только не пользуется добрым общественным мнением, но вообще не любим». Киселев вступился за своего подчиненного и в докладе Николаю I дал следующую справку: «Управляющий Тиличеев отлично-способный чиновник и если не любим, то более потому, что, защищая казенных поселян, обремененных повинностями сверх меры, имел несчастие поссориться со многими дворянами» [26]. Дело шло о земских натуральных повинностях, которые помещики через посредство губернского начальства систематически перелагали с собственных крестьян на государственных. Очевидно, усилия Тиличеева достигнуть в интересах казны большей равномерности в отбывании повинностей восстановили против него местных землевладельцев, а борьба с укоренившимся лихоимством вызвала недовольство и происки губернского чиновничества. Однако заступничество министра не помогло Тиличееву: с 29 апреля 1840 года он должен был оставить свой пост в Черниговской губернии [27].

Таким образом, укомплектовывая органы нового Министерства, Киселев вынужден был считаться не только с собственными намерениями, но и с давлением дворянских кругов, которые он сам считал своей главной общественной опорой. Это обстоятельство определило собой состав центральных и местных учреждений, призванных внести «благосостояние и спокойствие» в государственную деревню.

Более строго и планомерно были подобраны чиновники центрального аппарата Министерства. Здесь встречались образованные и честные работники, свободные от крепостнических взглядов своего времени. Таков был А. П. Заблоцкий-Десятовский, начавший службу у Киселева начальником Статистического отделения III Департамента. Он получил высшее

---

[23] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26501, лл. 47, 64, 69, 105, 113—117, 216; д. 27180, л. 3.
[24] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26426, ч. I, л. 96.
[25] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, л. 130; ф. V О, д. 26425, ч. III, л. 387; д. 26428, ч. I, лл. 19—23; д. 26501, л. 41; РОЛБ, Муз. фонд, письма разных лиц к И. И. Пущину. Письмо Е. А. Энгельгардта от 22 августа 1839 года.
[26] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2840, лл. 64, 90; ИО, ч. I, приложение, стр. XLIII.
[27] Там же.

образование в Московском университете, имел степень магистра математических наук и несколько лет работал статистиком в Министерстве внутренних дел под руководством известного ученого К. И. Арсеньева. Впоследствии он выдвинулся своей запиской против крепостного права, сблизился с либеральными кругами и, ставши душеприказчиком Киселева, написал его четырехтомную панегирическую биографию. Академик К. С. Веселовский характеризует его как самородок, одаренный умом и большой энергией [28]. К тому же типу прогрессивно настроенных бюрократов принадлежал А. И. Левшин, занявший позднее ответственное место начальника III Сельскохозяйственного департамента; он имел диплом Харьковского университета, интересовался вопросами этнографии и искусства, выпустил несколько самостоятельных печатных работ; в период назревания революционной ситуации он сыграл известную роль в подготовке вопроса об отмене крепостного права [29]. К той же категории следует отнести Д. П. Хрущова, начавшего службу в Министерстве государственных имуществ скромным чиновником особых поручений и дослужившегося до звания товарища министра, одного из видных либеральных бюрократов конца 50-х годов, составителя заграничных «Материалов по истории упразднения крепостного права» [30]. К ним примыкают член Совета министра П. И. Колошин — бывший участник Союза благоденствия, член Ученого комитета В. Ф. Одоевский — известный писатель и музыкальный критик, Я. А. Соловьев — участник оценочных работ и автор экономико-географических сочинений, активный деятель реформы 1861 года и т. д. [31]. В Министерстве работали также крупные специалисты, обладавшие большими экономическими знаниями и позднее заслужившие звание академиков—К. С. Веселовский и П. И. Кеппен. Были и просто деловитые честные чиновники, обладавшие общим образованием и служебным опытом, вроде Е. Ф. Брадке и Е. Ф. Гана [32]. Но это были выдающиеся единицы на фоне бездарных и часто бездушных рутинеров, воспитанных в бюрократической школе бумажного делопроизводства. По свидетельству Е. Ф. Брадке, в III Департаменте, заведывавшем кадастром и развитием сельского хозяйства, чиновники были несведущими в вопросах своей специальности. «Оттого делá велись по общему канцелярскому порядку, причем чиновники упражнялись только в великом, но бесплодном искусстве бессознательного многословия или, что еще хуже, по разным важным отраслям вводились начала, вычитанные с поспешностью из известных сочинений, плохо понятые и не усвоенные» [33]. Идеалом этих чиновников, которому в совершенстве отвечал ближайший помощник Киселева В. И. Карнеев, было умение «в одну ночь написать какое угодно положение, по какому угодно предмету, даже ему совершенно не знакомому, и хотя бы в палец толщины» [34]. Когда усердный, но ограниченный Инсарский, «не имеющий понятия о садоводстве и с трудом отличающий яблоню от груши», получил срочное задание составить техническую инструкцию для садовых заведений, он выполнил его в одну ночь и был чрезвычайно изумлен, когда инструкция была утверждена Ученым комитетом Министерства [35]. Однако подобный результат вовсе не был изумитель-

---

[28] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26194; РС, 1882, февраль, стр. 533—538; 1903, октябрь, стр. 5—42

[29] Русский биографический словарь. Левшин А. И.

[30] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4211, лл. 254—261.

[31] ИО, ч. I, приложение (список высшим чинам центрального и местного управления государственных имуществ).

[32] ИО, ч. I, приложение, стр. XII; РС, 1903, октябрь, стр. 5—42; ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26214.

[33] РА, 1875, кн. I, стр. 289—292.

[34] Воспоминания Д. П. Хрущова (ЦГИАЛ. ф. I Д, 1842 г., д. 4211, л. 255).

[35] Записки В. А. Инсарского, ч. I. СПб, 1898, стр. 68.

ным: Ученый комитет, по компетентному свидетельству К. С. Веселовского «мог считаться ученым разве только по официальной терминологии, но не по своему составу членов, которых никак нельзя было назвать учеными» [36]. Даже с точки зрения «делового» Инсарского, состав его отделения «только в самой незначительной части был хорош, а в общем виде далеко не удовлетворителен и имел много так называемого между чиновниками балласта» [37]. К числу таких бесполезных и невежественных креатур, занимавших в Министерстве ответственные посты, принадлежали генерал-адъютант барон Деллинсгаузен, состоявший директором III Департамента, генерал-майор граф Ламсдорф, директор Лесного департамента, действительный статский советник Энегольм, управлявший самым крупным I Департаментом, и т. д. [38]. Были и более одиозные фигуры, характерные для разлагающегося аппарата крепостнической империи,— явные и тайные казнокрады и взяточники, извлекавшие денежные выгоды из занимаемой должности. Один из таких чиновников, Шеншин, обладавший образованием, даром слова и изысканной вежливостью, «замешанный во множестве самых гнусных дел... попал в тюрьму и скоро умер» [39].

Непосредственными руководителями Министерства под общим наблюдением и направляющим воздействием Киселева были его ближайшие помощники: делопроизводитель V Отделения В. И. Карнеев (он же — член Совета министра) и товарищ министра, Н. М. Гамалея. Эти типичные представители николаевской бюрократии во многом определяли деятельность и общий стиль Министерства государственных имуществ во времена Киселева. Карнеев, завоевавший доверие министра энергичной подготовкой законопроектов 1837—1841 годов, отличался необыкновенной работоспособностью, был незаменимым составителем докладных записок, всеподданнейших отчетов и общих обзоров и воплощал в своем лице все тайны бюрократического искусства. Но он не только не вдохновлялся «попечительными» идеалами Киселева, но и не был преданным служителем идее чиновного долга. Занявши влиятельное положение и в V Отделении, и в Министерстве Киселева, Карнеев дал волю низменным сторонам своей натуры, чередовал периоды исключительной деловитости с периодами безделья и апатии, по месяцам не подписывал представленных бумаг и руководился не столько интересами дела, сколько мотивами личного обогащения и карьеры. Д. П. Хрущов дал ему самую отрицательную характеристику, обвиняя его в продажности и крайней неразборчивости в средствах [40]. Н. М. Гамалея выдвинулся своей распорядительностью как тамбовский губернатор и обратил на себя внимание Киселева при обсуждении законопроектов 1838—1841 годов в Комитете губернаторов. По свидетельству того же Хрущова, Гамалея был «большой знаток административного дела и настоящий вол в работе..., с утра до вечера преданный службе и бумагам, вследствие чего он сделался страшным формалистом и бюрократом, по-древнерусскому — подъячий. Для него человек как лицо не существовал, а были только законы да бумаги» [41]. Сухой, холодный, безгранично равнодушный к нуждам и жалобам крестьян, Гамалея не забывал своих материальных интересов и пользовался в Министерстве невысокой нравственной репутацией. Когда в 1844 году до Киселева дошли

---

[36] РС, 1903, октябрь, стр. 17.

[37] Записки В. А. Инсарского, ч. I, стр. 65.

[38] РС, 1903, октябрь, стр. 17; РА, 1875, кн. I, стр. 289—292; ИВ, 1885, июнь, стр. 662—665; Записки В. А. Инсарского, ч. I, стр. 52—53.

[39] Записки В. А. Инсарского, ч. I, стр. 30—31.

[40] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4211, лл. 255—257; Записки В. А. Инсарского, ч. I, стр. 60.

[41] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4211, л. 256; ИВ, 1885, июнь, стр. 662; И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края, вып. I. М., 1883, стр. 50—53.

«неблагоприятные разглашения» об его товарище министра, Гамалея попросил отставки, но потребовал, чтобы его оставили сенатором и сохранили ему оклад по службе[42]. Впрочем, если верить Хрущову, Киселев сам признавался, что его товарищ «имеет особенный какой-то вкус к мошенникам», но дорожил его бюрократическими способностями в необозримом море входящих и исходящих деловых бумаг. Таковы были главные двигатели громоздкой министерской машины. При детальном знакомстве с делопроизводством министерских департаментов выносишь такое же впечатление и от рядовых представителей центрального аппарата: за приглаженными формами служебных донесений, напоминаний и распоряжений проступают знакомые черты николаевской бюрократии — формальное пристрастие к бумаге, господство личного карьеризма и барское презрение к «невежественным крестьянам». В этом отношении петербургские органы киселевского Министерства ничем не отличались от бюрократических канцелярий всех остальных ведомств.

Гораздо ниже по своему деловому и моральному уровню были чиновники губернских и окружных управлений государственных имуществ. Правда, при поверхностном обзоре 7 губерний, предпринятом в 1839 году, Киселев остался доволен составом местных органов: в циркуляре, изданном по Министерству, он признавал, что «бóльшая часть лиц, призванных к управлению, постигли во всей силе обязанности свои в отношении попечительства над казенными поселянами и устройства государственных имуществ»[43]. Но уже первые ревизии местных учреждений, произведенные в 1838—1839 годах, должны были поколебать эту оптимистическую оценку. Чиновник особых поручений Жадовский, составляя отчет об осмотре 11 губерний, старался как можно лучше ответить ожиданиям министра: он утверждал, что введение нового управления и его первоначальные действия «произвели благоприятное влияние не токмо на казенных крестьян, но и на благомыслящих людей всех сословий». Особенно хвалебным был отзыв о комплектовании новых учреждений: «При выборе управляющих, членов Палат и Комиссий о мздоимстве не токмо не было слуху, но говорили, что бескорыстное назначение такого числа чиновников есть дело небывалое и примерное». И сами назначенные чиновники, по словам ревизора, не только «деятельно занимаются исполнением своих обязанностей», но поражают своим бескорыстием и полным уничтожением всякого мздоимства. Однако характеристики отдельных губерний, данные в отчете того же Жадовского, находились в резком противоречии с этими выводами. Управляющий Курской палатой Баранович, по слухам, получил с купца Силина, торгующего в городе дровами, 3 тысячи рублей, чтобы запретить однодворцам привозить на продажу дрова и тем создавать купцу конкуренцию. О нравственных качествах управляющего Тамбовской палатой Ельчанинова высказывались неодобрительно: «...говорили, что в продолжение службы его в Рязани он был не совсем бескорыстен». Так же «небескорыстны» или «не совсем бескорыстны» оказывались курские окружные начальники Джунковский, Доппельмейер и Столпов («источник мздоимства их — за частные дела с казенных крестьян, мещан и купцов, до Управления дела имеющих»), тамбовские окружные начальники Пигарский и Волчков, московский окружной начальник Друковцов, член Новгородской палаты Соколов и т. д. Столоначальнику Хозяйственного отделения Тамбовской палаты Казимирову Жадовский давал такую характеристику: «...за мздоимство был выгнан из Тамбовской Гражданской палаты; потом служил в Казенной Тамбовской же палате, мздоимством в обеих нажил состояние, и теперь о мздоимстве Казимиро-

[42] ЦРЛИ, Архив Киселева, 29.7.76, лл. 15—16.
[43] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1839 г., д. 201, ч. II, лл. 220—222.

ва носился слух». Что касается стряпчих, то им давалась одна и та же оценка: «...недеятельно ходатайствует о делах крестьян»[44].

Гораздо откровеннее и резче были отзывы другого ревизора, Галахова, объехавшего в 1839—1840 годах 12 губерний. Он доносил Министерству, что управляющий Смоленской палатой Булычев «действует весьма небескорыстно через двух братьев Дылевских»; у управляющего Московской палатой князя Горчакова «нет особенно успешной заботливости о внушении казенным крестьянам доверия и привязанности ко всем мерам нового управления»; управляющий Тамбовской палатой Ельчанинов обращает мало внимания на хозяйственные дела подведомственных органов, строптив в обращении и не считается с просьбами и жалобами крестьян. Что касается управляющего Воронежской палатой Карачинского, то он «не имеет никакого уважения к личным качествам и достоинствам своих подчиненных»; в Воронежской губернии господствует мнение, что лица, поступающие в Министерство государственных имуществ, «имеют в виду не пользу службы, а единственную цель — поправить свои хозяйственные и денежные обстоятельства и обогатиться». Сведения о членах Харьковской палаты, по донесению Галахова, были «более чем неудовлетворительны»: «...многие из них, служившие в Харьковской губернии еще до учреждения Управления государственными имуществами, давно известны в общем мнении и, к сожалению, не с выгодной стороны»[45].

В том же 1839 году до Министерства начали доходить сведения о неблаговидных действиях казанского управляющего полковника Хамрата. Ревизия, произведенная Жадовским и Забеллой, раскрыла вопиющую систему насилий и вымогательств, которую практиковал этот достойный отпрыск николаевского чиновничества. Заняв должность управляющего Палатой, Хамрат начал подбирать сотрудников по определенному признаку: они обязаны были, беспрекословно исполняя приказания начальника, требовать в его пользу крупные суммы от лесоторговцев, откупщиков и других предпринимателей, вступавших в деловые связи с управлением государственных имуществ. Объезжая округа, Хамрат производил «математическое исчисление» противозаконных доходов (например, откупщик Козьмодемьянского уезда должен был заплатить ему 6 тысяч рублей ассигнациями, лесопромышленники — по 500 рублей с плота вырубленного леса, окружный лесничий, сдававший леса,— 30 тысяч рублей и т. д.). Все чиновники Палаты и округов были обложены обязательными «подарками» в пользу управляющего. Хамрат не гнушался и лично вымогать в свою пользу деньги, а иногда — вещи (например сбрую). Подчиненные, которые отказывались выполнять посреднические функции и платить взятки, преследовались и увольнялись. Напав на честного чиновника, советника Андреева, Хамрат настойчиво убеждал его воспользоваться выгодами от управления государственными имуществами, стыдил его, «что он злодей своему семейству, будучи на таком месте, где можно бы получить до 15 тысяч рублей в год доходу, не хочет пользоваться оным». Вымогательство взяток было связано у Хамрата с полным пренебрежением к интересам казны — с потворством винному откупу, задержкой в принятии поставок и т. д. Подобные же действия отличали полковника Хамрата и раньше, в Вятской губернии.

Попутно ревизоры Жадовский и Забелла осмотрели другие управления государственных имуществ. И здесь впечатления от состава чиновников были неутешительны. О Костромской губернии был дан такой отзыв: «Управление в сей губернии составлено по большей части из людей,

---

[44] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26497, лл. 34—39. Ср. другую ревизию Жадовского в 1838 году в 25 губерниях (ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26479, лл. 93—99), где наряду с «рачительными» и честными чиновниками отмечаются «нерадивые» и взяточники.

[45] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2278, лл. 11, 39; д. 2280.

отличающихся в прежней их службе мздоимством». Об Ярославской губернии ревизор писал: «В управлении сем я не нашел ни одного чиновника, о котором бы можно отозваться с отличною похвалою»[46]. Вскоре от шефа жандармов, графа Бенкендорфа, Киселев получил новые сведения о тамбовском управляющем Ельчанинове, уже фигурировавшем в отчетах Жадовского и Галахова: подобно Хамрату, он устранял достойных кандидатов на должности и, «заместив сии места чиновниками, ему преданными, ныне через посредство избранных им окружных чиновников и помощников их ввел в систему брать с винных откупщиков от 3-х до 4-х тысяч рублей и с волостных голов по тысяче рублей ежегодно; с оброчных статей извлекает также значительные выгоды и в непродолжительное время приобрел себе большие деньги, которые по временам отправляет в Московский Опекунский Совет чрез своих родственников». Ельчанинова обвиняли и в том, что он берет деньги за определение чиновников и скупает карточные векселя (по этому поводу было начато официальное дознание через местного прокурора)[47].

Чем дальше развертывалась деятельность губернских и окружных учреждений, тем больше раскрывалось истинное лицо попечителей и опекунов государственного крестьянства. Последующие ревизии достаточно показали, что фигуры, подобные Хамрату и Ельчанинову, не были единичными и редкими исключениями. В распоряжении Министерства накопился огромный материал, ярко характеризующий местных чиновников управления государственных имуществ. Среди этого правящего персонала крупная роль принадлежала управляющим Палатами: от них зависел подбор остальных чиновников, они определяли направление и темпы их деятельности, на них лежала обязанность контролировать своих подчиненных и вовремя предупреждать департаменты о признаках неблагополучия. Просматривая материалы ревизий, мы очень редко встречаем положительные отзывы о личности и деятельности управляющих. Примером такой оценки может служить донесение Арцимовича о ревизии Псковской палаты государственных имуществ в 1853 году[48]. По-видимому, хорошим управляющим Петербургской палаты был Д. П. Хрущов, занимавший эту должность в продолжение 6 лет, с 1845 по 1851 год[49]. Требованиям безупречной честности и энергии отвечал уже упоминавшийся управляющий Черниговской палатой Тиличеев. Но эти положительные фигуры отступают на задний план перед множеством бездарных и своекорыстных администраторов, руководившихся исключительно личными интересами. Татаринов, ревизовавший в 1848 году Курскую палату государственных имуществ, объяснял полную безуспешность ее действий «недостаточностью в распоряжениях, бездействием и малой заботливостью» управляющего Войцеховича, человека слабого и бесхарактерного, ограниченного в своих знаниях, «не располагающего к себе ни уважением, ни доверием подчиненных»[50]. По заключению оренбургского ревизора Львова в 1849 году, «управляющий Палатой статский советник Строковский по нераспорядительности, бесхарактерности и слепому доверию к недостойным подчиненным не может быть полезен для службы»[51]. Любовидский, ревизовавший в 1854 году управление Олонецкой губернии, доносил, что управляющий Лесков «характера непомерно строптивого и упрямого,— слабо знает дела администрации, но, воображая, что знает лучше всех, распоряжается самовластно»[52]. В 1851 году

[46] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2281, лл. 41—60.
[47] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2278, л. 3; ф. V О, д. 26497, лл. 52—62.
[48] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1853 г., д. 19352, л. 10.
[49] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4211, лл. 254—261.
[50] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11464, л. 93.
[51] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 197—198.
[52] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23111, приложение, ч. I, л. 27.

общее присутствие I Департамента согласилось с мнением ревизора Матюнина, что «положение дел Вологодского управления не доказывает заботливости и должной попечительности управляющего Нагеля», что «при заочных распоряжениях и одной наружной заботливости, замечаемых в нынешнем управлении,— нельзя ожидать улучшения, тем более, что с означенными причинами сопряжено еще потворство начальствующих лиц к подчиненным» [53]. Еще резче был отзыв директора I Департамента Гана, ознакомившегося с результатами ревизии Пензенской губернии в 1855 году: «...не нерадение, а совершенное отсутствие качеств, необходимых управляющему Палатою, препятствует статскому советнику Волкову исполнить требование высшего начальства» [54].

Некоторые управляющие Палатами были уличены в корыстном использовании своей власти, доходившем до уголовных преступлений. В 1844 году генерал-губернатор Киевской, Подольской и Волынской губерний Д. Г. Бибиков возбудил дело против управляющего Волынской палатой генерал-майора Эмме. Расследование, произведенное специальной междуведомственной комиссией, установило, что этот родственник товарища министра Гамалеи не только покрывал безудержную эксплуатацию крестьян со стороны посессоров, но и сам выступал в роли эксплуататора государственных крестьян. По инициативе Эмме, конфискованное Судилковское имение было передано в администрацию помещику Красускому, а администратор Красуский передал часть имения с 300 душ крестьян в незаконную субаренду супруге Эмме. И Красуский, и Эмме наложили на крестьян непосильные повинности: кроме барщины, достигавшей летом 5 дней в неделю, крестьяне обязаны были отбывать «даремщизну» и тяжелую подводную повинность; за невыполнение уроков их подвергали жестокому сечению розгами. Один из крестьян Красуского, бедняк Цуман, отданный в службу мельнику, обремененный даремщизной, чиншем и взносами в хлебный магазин, дважды сеченный розгами и отчаявшийся прокормить свою семью, повесился при угрозе нового наказания. Когда началось следствие о самоубийстве Цумана, Эмме лично приехал в имение и, терроризуя крестьян (в том числе жену Цумана), стал добиваться показаний, выгодных для себя и Красуского. С ведома Эмме и его подчиненных жестокие меры применялись в отношении крестьян посессором Бартосевицким: провинившихся в нижнем белье подвешивали на вытянутых руках к столбам, связав ноги железным прутом, и в течение целого дня выдерживая на морозе. Расследование установило, что незаконная субаренда Эмме была разрешена центральными органами Министерства. Карнеев и Гамалея пытались замять это дело; все же постановлением Совета министра было решено Эмме отчислить от службы, Красуского устранить от администрации, а Судилковское имение перевести на оброк [55].

Через два года по инициативе тверского губернского прокурора было начато дело о незаконных действиях управляющего Тверской палатой полковника Фредерикса. В качестве ревизора из Петербурга был командирован вице-директор I Департамента Нефедьев, который нашел в Палате полный беспорядок в делах и систематическое расхищение государственных средств. Выяснилось, что Фредерикс уже 7 месяцев не посещает Палаты, а занимается с помощью купца Ветошникова и волостного головы Тимофеева незаконными и убыточными для казны подрядами. Через этих подставных лиц Фредерикс заключал с Палатой государственных имуществ (т. е. с самим собой) договоры на постройку «за несоразмерные цены» десятков хлебных магазинов, волостных и сельских правлений,

[53] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, лл. 142—143.
[54] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24708, ч. I, лл. 114—115.
[55] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1844 г., д. 531.

домов для лесной стражи и пр. Здания строились где нужно и где не нужно, с нарушением существующих правил, из негодного материала и крайне небрежно. Хлебные магазины оказались без каменных фундаментов, с отверстиями, через которые проникали снег и дождь; крестьяне отказывались ссыпать в эти магазины хлеб. В том же роде — из сырого материала, с глиняными печами и протекающими крышами — были построены дома лесной стражи и местного управления. Те же подрядчики за огромные суммы, с превышением рыночных цен, изготовили тысячи пожарных труб, которые оказались негодными к употреблению и ломались при самом осторожном обращении; заказанные комплекты хлебных мер тоже были признаны непригодными и частью развалились; указательные столбы для селений, поставленные купцом Ветошниковым, не соответствовали образцам, были непрочны и безобразны, поэтому значительная часть их была уничтожена. На все эти предприятия было истрачено более 100 тысяч рублей, причем часть этой суммы была незаконно заимствована из хозяйственного капитала, а часть без разрешения Министерства собрана с государственных крестьян.

Фредерикс наживался не только на коммерческих поставках: зимой 1845 года государственные крестьяне Квакшинской волости целыми селениями на сотнях подвод за 70 верст перевозили управляющему дрова, получая за этот обязательный наряд ничтожную плату. На основании данных ревизии, подтвержденных следственной комиссией, Министерство признало, что все распоряжения Палаты, «в коих заключается превышение предоставленной ей власти, клонились не к ограждению крестьян от притеснений местных властей по вверенному ей над ними попечительству, но к обременению их значительными денежными сборами». I Департамент постарался потушить и это дело: назначались новые затяжные доследования, посылались новые ревизоры, и только через 3 года было постановлено, что Фредерикс обнаружил «небрежность и невнимание к постройкам», но «без корыстолюбивых видов». По-видимому, у предприимчивого полковника были большие связи: хотя его признали непригодным управлять Палатой и лишили должности, но он, по личному приказанию Николая I, получил аттестат о беспорочной службе, а в 1851 году Киселев дал ему рекомендацию как «честному и усердному офицеру» для поступления на новое место в сибирском генерал-губернаторстве [56].

Иногда отсутствие необходимых способностей и самой элементарной порядочности не мешало управляющему Палатой многие годы служить в ведомстве государственных имуществ и получать высокие награды. Таков был отставной подполковник Круковский, который 8 лет состоял управляющим Нижегородской палатой, а 3 года занимал ту же должность в Вятской губернии; за это время ему были объявлены 15 раз признательность начальства и 6 раз «высочайшее благоволение», были пожалованы 3 ордена: Станислава 2-й степени, Анны 2-й степени и Анны с императорской короной. Когда Брилевич в 1852 году начал ревизовать Вятскую палату, оказалось, что Круковский — невежественный чиновник, который «по неумению... написать две строки без грамматических и логических ошибок» нуждается в постоянной опеке, не разбирается в законах и в делах управления, но отличается изворотливостью и умением блюсти свои выгоды. «По незнанию им делопроизводства,— доносил Брилевич,— начальники отделений и другие чиновники, желая показать, будто они много работают, наваливают ему для утверждения докладные записки и черновые отпуски самых пустых бумаг, пришитые к громадным делам,— из этого образуются огромные кучи, и, утвердив все это наобум, часто даже не читая, Круковский воображает, что и он, и другие сделали много

[56] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1847 г., д. 728; ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.69, лл. 21—22. Письмо Гамалеи от 8 сентября 1846 года.

дела». Все назначения на должности производились управляющим за деньги; взяточничество подчиненных признавалось им как законная форма вознаграждения за эти первоначальные расходы. Подводя итог собранным сведениям, ревизор приходил к заключению, что «все действия Круковского носят на себе отпечаток корыстолюбия, незнания дела, лености и лжи».

Уже после отозвания Брилевича шеф жандармов А. Ф. Орлов переслал Киселеву секретное разоблачение деятельности Круковского, представленное коллежским асессором Николаем Матвеевым. Доноситель сообщал, что Круковский вместе с председателем Казенной палаты Тиньковым «наложили оброк на всех их подчиненных: окружных начальников, их помощников, лесничих, казначеев, винных и соляных приставов, а про откупщиков и докладывать нечего». Окружные начальники и лесничие, которые уклоняются от подарков управляющему, лишаются своих мест. В Палате государственных имуществ «с каждого просителя берут деньги: стряпчий — при подаче просьб и за справки, столоначальники — за дачу движения, а делопроизводитель и советник — за решение». «Окружные начальники обирают крестьян чрез голов, старшин и писарей, а лесничие из получаемых денег за лес записывают в книги не более половины». По словам Матвеева, Круковский брал на себя поставки кафтанов для волостных голов, наживая на этом большие барыши, не гнушался и присваивать себе тысячи рублей прогонных денег, бесплатно разъезжая по губернии. Гарантией полной безнаказанности для Круковского была дружба с начальником губернии, который держался той же политики, что и управляющий Палатой.

Для проверки этих дополнительных данных Министерство внутренних дел командировало в Вятскую губернию статского советника Волкова. При очевидном стремлении затушевать поднятое дело ревизор должен был признать, что «зло, лихоимство, злоупотребления существуют в управлении государственными имуществами, но, конечно, не в той страшной степени, в какой они выставлены в доносах»; «...да и может ли быть,— прибавлял он в утешение,— непогрешительно управление это, при такой массе народонаселения, до 1 600 000 душ обоего пола, и при той огромности пространства, на коем оно рассеяно?» Что касается самого управляющего Палатой, то, умалчивая об его способностях, ревизор старался отклонить обвинение Круковского в лихоимстве: «...общая молва твердит про него и его подчиненных: берут, но как и за что — никто ни указать, ни доказать не может». Подобно Эмме и Фредериксу, и этот «заслуженный» насадитель попечительной политики вышел сухим из воды после многолетних, почти явных преступлений [57].

Деловому и моральному уровню управляющих Палатами соответствовал состав их ближайших помощников: советников, асессоров, казначеев, стряпчих и других чиновников губернского управления. Сами управляющие, которые назначали их на должности, давали о них положительные отзывы: в кондуитных списках, которые секретно пересылались в департаменты Министерства, редко встречаются указания на недостатки перечисляемых чиновников [58]. Иное впечатление производят донесения ревизоров, дававших развернутые характеристики местного правящего персонала. И здесь похвальные оценки, подобные отзывам Арцимовича о Псковской палате, были не правилом, а редким исключением. Донесения

---

[57] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. I, лл. 287—289, 382—387, 405—406; ч. II, лл. 13—14, 23; ч. IV, лл. 173—181.— Ср. характеристики управляющих Минской губернии (ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, лл. 66—68), Новгородской губернии (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19297, лл. 2—4) и Пермской губернии (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. II, лл. 251—268).

[58] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26475.

пестрят сведениями о неосведомленности, бездействии и лихоимстве губернских чиновников. Тверской ревизор Нефедьев в 1847 году давал такую оценку хозяйственному отделению местной Палаты: «Делопроизводитель Панов, человек без всяких способностей и совершенно бесполезный. Стряпчий Дубровский подвержен почти ежедневно припадкам падучей болезни. Гражданский инженер Виноградов и архивариус Соколов не совсем трезвого поведения, почему первый и представлен к увольнению». Уполномоченные по делам специального размежевания «избраны Палатой к означенным должностям не столько в видах пользы служебной, сколько для того, чтобы по разным отношениям доставить им возможность в роде пенсии пользоваться жалованьем». Что касается советника Троицкого, возглавляющего Хозяйственное отделение, то он человек способный и влиятельный, но разделяет общие правила с управляющим: не заботится об успехах дела и занимается сомнительными операциями [59].

Особенно низким по своему уровню был служебный персонал в Палатах окраинных губерний, плотно населенных государственными крестьянами: отдаленность от центра затрудняла здесь подбор кандидатов и открывала широкое поле для всяких злоупотреблений. По данным архангельского ревизора 1850 года, местные чиновники — «большею частью тамошние уроженцы, не имеющие даже посредственного образования». Делопроизводитель Хозяйственного отделения Вальнев «был бы способным и полезным чиновником, если бы не был слаб зрением, ленив до чрезвычайности и небрежен до невероятия... Состав остальных чиновников по хозяйственному и контрольному отделениям, за весьма малым исключением, очень неудачен» [60]. Чиновник особых поручений, ревизовавший в 1847 году Оренбургское управление, рапортовал Министерству, что «многие чиновники как Палаты, так и подчиненных ей мест или нетрезвы поведением, или малодеятельны, или малоспособны». В перечне секретных характеристик, приложенном к рапорту, встречаются такие оценки: «небольших способностей и придерживается горячих напитков; представлен к увольнению по болезни»; «небольших способностей, малораспорядителен, глух, в звании ассесора неполезен»; «способностей небольших и требует побуждения»; «способен, но сомнительной честности»; «честен, но не всегда трезв»; «беспокойного характера, наушник, ростовщик» и т. д. [61]. Когда через 2 года в ту же Оренбургскую губернию был послан новый ревизор, Львов, он дал еще более уничтожающую характеристику составу местного управления: «...чиновники, даже самые мелкие, не находят никакой преграды в преступных своих действиях и только обогащаются» [62]. Олонецкий губернатор в 1856 году писал командированному ревизору Любовидскому, что «нельзя без крайнего сожаления видеть в Олонецкой губернии по всем частям полное отсутствие усердия, смысла и добросовестности во всех почти без исключения лицах местного управления государственных имуществ...»[63].

Подобные явления наблюдались не только в отдаленных, глухих районах. Впечатления ревизоров центральных и волжских губерний были тоже неутешительными. В секретном донесении Татаринова, ревизовавшего в 1851 году Рязанскую палату, мы находим такие характеристики чиновников: «в знании делопроизводства сведущ и опытен, но по образу действий неблагонадежен и для службы бесполезен»; «в настоящее время от

---

[59] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 9, 14.
[60] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15695, лл. 24—26. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2279, лл. 40—42.
[61] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10256, лл. 18—32.
[62] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 1—3.
[63] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 108. Ср. такие же данные о Пермской губернии (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2830, лл. 98—101).

серьезных занятий большей частью уклоняется, для службы бесполезен»; «не совершенно благонадежных правил и требует наблюдения» и т. п.[64]. Ревизор Казанского управления Брилевич доносил в 1851 году, что в канцелярии Палаты «недостаток способных чиновников весьма ощутителен; многие из них известны всем и своему начальству как люди нетрезвого поведения..., молодые люди, окончившие курс наук в Казанском университете, избегают служить в Палате государственных имуществ единственно по дурному составу находящихся в оной чиновников»[65]. Подобные же сведения сообщали ревизоры Калужской, Вологодской и других губерний[66].

И сам Киселев, и его ближайшие сотрудники считали «коренным основанием всего учреждения» окружных начальников, наделенных широчайшей властью и призванных непосредственно руководить государственной деревней[67]. Но именно здесь Киселева и его единомышленников ожидали самые горькие разочарования. Ни одна из ступеней чиновной иерархии Министерства не была так засорена невежественными, грубыми и преступными элементами, как институт Окружного управления. Именно сюда по преимуществу поступали отставные офицеры николаевской армии и прожженные дельцы бюрократических канцелярий. Правда, и здесь в виде исключений встречались честные и внимательные чиновники, которые в силу своего личного характера или удачного осуществления «попечительной» программы приобретали доверие и уважение крестьян. Ревизор Брилевич нашел такого редкого чиновника в лице царевококшайского окружного начальника Келлера[68]. Н. Благовещенский вспоминает другого такого же чиновника — белгородского окружного начальника Слепушкина[69]. Подавляющее большинство ревизоров дают нам иную, тяжелую и мрачную картину. В лучшем случае окружные начальники аттестовались как «усердные» чиновники, хорошо знающие делопроизводство и энергично исполняющие распоряжения губернского начальства (в первую очередь взимание податей и оброков). В худшем случае, что было особенно часто, окружные начальники выступали в роли насильников, беспощадно обиравших государственную деревню. Для характеристики этого «коренного» органа местного управления типична справка, представленная статским советником Тимофеевым на основании материалов казанской ревизии 1848 года: мамадышский окружной начальник Захаров вследствие допущенных злоупотреблений «отрешен от должности для предания суду»; лаишевский — Гарткевич найден неблагонадежным и «устранен от должности впредь до производства следствия»; казанскому — Графу, который оказался «по слабости бесполезен к службе, предложено оставить оную»; чебоксарский — Погодин «найден по слабости к должности сей неспособным и по предложению подал прошение об увольнении от службы»; косьмодемьянский — Фененко, «еще до ревизии уволенный по прошению за излишние сборы с крестьян, состоит под следствием». Характерно, что «все сии чиновники по секретным спискам были аттестованы управляющим Палатою с самой отличной стороны, только о Графе сделана оговорка, что по летам и слабому здоровью недовольно деятелен»[70].

Некоторые окружные начальники, следуя примеру управляющих Палатами или по собственной инициативе, пускались в разнообразные коммер-

---

[64] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, лл. 5—10.
[65] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 122.
[66] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11481, лл. 85—86; 1850 г., д. 15694, лл. 38—40.
[67] ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 69, л. 1. Письмо Гамалеи от 2 сентября 1839 года.
[68] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 26—27.
[69] Н. Благовещенский. Четвертное право. М., 1899, стр. 134.
[70] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 25—26; ф. I Д, 1847 г., д. 10257, т. I, лл. 119—121.

ческие спекуляции, ронявшие их достоинство как государственных чиновников. Черноярский и енотаевский окружный начальник Ведерников, «весьма способный человек», захватил в свои руки не только местную торговлю сельскохозяйственными продуктами — хлебом, скотом, салом, шерстью, но и оброчные рыболовные статьи, эту «главную отрасль местного хозяйства», с нанесением немалого ущерба государственной казне. Управляющий Астраханской губернией жаловался Киселеву, что Ведерников «держит в своей зависимости всю крестьянскую промышленность по влиянию на торгующий класс обоих городов и уездов, имея все качества и способности известных в крестьянском быту мироедов, с тою разницею, что вред от него вместо одного селения распространяется на два уезда» [71].

Еще более отвратительным типом крестьянского «опекуна» был окружный начальник, воплощавший в своем лице худшие стороны крепостного режима — помещичий разврат и безграничное самоуправство. Могилевский ревизор Пташинский по личному предписанию Киселева произвел расследование о поступках быховского окружного начальника штабс-капитана Мертенса и в мае 1849 года донес в Министерство, что «сведение о Мертенсе подтвердилось общею молвою о безнравственном его обращении с крестьянками, страсти к горячим напиткам, неприличном званию образе жизни и неуважении к нему крестьян». Выяснилось, что Мертенс не только нарушал действующие законы и самовольно облагал крестьян денежными сборами, но также имел привычку, останавливаясь в крестьянских избах, созывать на вечер по нескольку девушек, пел и плясал вместе с ними. У Мертенса оказались заступники, и была произведена проверка донесения Пташинского; при явном стремлении выгородить окружного начальника новый ревизор Линден должен был признать, что «по слухам волокитство есть слабость Мертенса» и что «он хотя не совершенно предан пьянству, но иногда больше выпьет, как бы следовало» [72]. Иногда насилия окружных начальников были настолько очевидными и вопиющими, что вызывали крайние меры — предание суду и даже публикацию об этом в министерских циркулярах. 30 декабря 1840 года Киселев циркулярно сообщал по Министерству о предании суду валдайского окружного начальника Бачманова, оказавшегося виновным «в битии крестьян из своих рук, в наказании их палками, в притеснении их скорою ездой, в непристойном созыве девок к себе на квартиру и в склонении общества к поручительству за него в 40 000 руб. по подряду на постройку моста». Вместе с Бачмановым были преданы суду «прикосновенные к его делу» — помощник окружного начальника, окружный лесничий и исполнявший обязанности стряпчего [73]. В феврале 1842 года было распубликовано определение Сената по делу повенецкого окружного начальника капитана Пригоровского, преданного суду «за жестокое наказание крестьянина Повенецкого уезда деревни Погоской Тита Иванова, который от того на третий день умер». Орган, призванный быть хранителем государственной законности, присудил виновного к «суровому» наказанию: «...выдержать его, Пригоровского, в тюрьме 6 недель за приспешение побоями смерти крестьянину Иванову и потом для очищения совести предать церковному покаянию» [74]. В отчете о действиях III Отделения за 1843 год шеф жандармов доносил Николаю I о назначении следствия по обвинению балашовского окружного начальника Кириенко-Волошина «в засечении дворовой своей девки» [75].

---

[71] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, лл. 153—154.

[72] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 41—44. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23109, лл. 272—277 (Ярославская губерния).

[73] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, л. 123.

[74] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 29.

[75] КД, I, стр. 55.

Каковы были иногда местные окружные начальники, показывает отношение генерал-майора Дубельта, полученное Киселевым 27 августа 1841 года. Помощник шефа жандармов сообщал министру, что «на ярмарке в селе Покровском Ливенского уезда Орловской губернии окружный начальник капитан Алексеев 14 июля, находясь вместе с становым приставом Турбиным и другими чиновниками в лавке купца Клушина, торгующего напитками, пришел в нетрезвое состояние: собрал цыган и сельских девок, поил их вином и заставлял петь и плясать до глубокой ночи; потом, отправившись с товарищами и подчиненными в гостиницу, устроенную в палатке, где находилось купечество, бил каждого, кто с ним встречался, и, схватив нож, угрожал всем смертью; когда же торговцы разбежались, то хотел зажечь палатку; наконец, приказал бить в набат и, бегая по ярмарке, бил и забирал под стражу людей без разбора и таким образом произвел всеобщее смятение». В довершение всех своих деяний протрезвившийся капитан обвинил ярмарочных торговцев в том, что они «вознамерились лишить его жизни, напали на него с буйством и били его, но он успел спастись», причем требовал предать их суду [76].

Не все окружные начальники доходили до таких крайних пределов самоуправства, однако самый факт низкого делового и морального уровня «попечителей» государственной деревни подтверждается не только текущей перепиской Министерства, но и многочисленными циркулярами Киселева — о вынесении выговоров, увольнении и предании суду окружных начальников за бездействие, пьянство, «противозаконные поступки», избиение и даже истязание крестьян [77].

Постепенно и сам Киселев должен был отказаться от первоначальных оптимистических оценок своего подчиненного персонала: в его парадных отчетах, представлявшихся Николаю I, стали прорываться иные, более трезвые ноты. Заключая свой юбилейный обзор управления государственными имуществами за 25 лет (1825—1850 годы), Киселев вынужден был признать, что «как бы ни была хорошо обдумана администрация, для успеха ее нужны просвещенные, честные и усердные исполнители. Они есть в России, но не в такой мере, в какой надобность управления требует, и потому нередко должно встречаться с малоспособностью или даже с корыстолюбием не только в нижнем слое чиновников, но иногда между людьми, от которых зависит благоустройство и благосостояние многих тысяч» [78]. В интимном письме своему брату, уже в 1841 году, Киселев высказывался откровеннее и резче: «Желал бы всех своих сослуживцев одушевить собственным душевным усердием и служить более честно при исправлении обязанностей своих. Но Россию не переделаешь разом, и время — целитель всего, исцелит и эту заразу, в нравы большинства наших чиновников вкравшуюся». Прося брата давать ему «сокровенные сообщения» о хороших и дурных сторонах управления казенными крестьянами, Киселев прибавлял: «Я желал бы, чтобы и все приятели давали мне эту нравственную помощь и помогли в трудном собирании тайных сведений о подчиненных министерства, к сожалению большею частью не заслуживающих доверия» [79].

Низкая оценка чиновничьего аппарата, вершившего делами государственной деревни, уже в первые годы заставила Киселева пойти на крайние и несколько необычные меры. В 1841 году управляющим Палатами

---

[76] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, лл. 315—316.

[77] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 174—176, 257; д. 520, л. 371; 1848 г., д. 787, л. 16; ф. V О, д. 27180, л. 44; д. 27204, лл. 50, 84, 104; д. 27239, лл. 139, 151; ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.71, л. 9; 29.7.128, л. 17. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10256, лл. 33—35; 1850 г., д. 15694, лл. 40—42.

[78] СРИО, т. 98, стр. 494—495.

[79] ЗД, II, стр. 86—87.

нескольких губерний [80] было предписано «избрать попечителей-корреспондентов государственных имуществ из числа жительствующих в губернии дворян, отличающихся своими познаниями, благородным образом мыслей, хорошим хозяйством и усердием к пользе общественной». Согласно выработанному Положению, «помещики-попечители» должны были служить тайными осведомителями, сообщавшими губернской Палате о действиях подчиненных органов; не получая жалованья, они могли числиться на государственной службе, иметь чин VIII класса, носить мундир и пользоваться правом проезда без прогонов [81]. Таким образом, в борьбе с насилиями и поборами местных чиновников Киселев апеллировал к тому самому дворянству, которое он собирался убедить в пользе своей реформы и из которого он черпал самих исполнителей этой реформы. Может быть, смутное сознание безуспешности проектируемой меры продиктовало Киселеву другое, еще более необычное мероприятие: в том же 1841 году управляющему Петербургской палатой было предписано организовать через «благонадежного чиновника» систематическое собирание сведений о действиях управляющих местными Палатами. С этой целью осведомитель должен был поддерживать связь со всеми артелями и постоялыми дворами, куда прибывали государственные крестьяне из различных губерний, осторожно опрашивать каждого приехавшего крестьянина, собранные сведения суммировать в виде записки и каждую неделю представлять ее самому министру [82]. Конечно, положение чиновника-информатора, действовавшего под руководством управляющего Петербургской палатой, служило достаточным противовесом против всяких «разрушительных» выводов: Киселев хотел быть осведомленным о действительных фактах, но он отнюдь не собирался прислушиваться к голосу крестьянских классовых требований. Его уверенность в благодетельности реформы, создавшей «хорошую администрацию», была непоколебима. Причину «вкоренившейся заразы» он усматривал в недостатке честных людей, в низком уровне морального развития общества, возлагая все свои надежды на исцеляющее «время», т. е. на медленное развитие нравственного прогресса. Феодальному мировоззрению Киселева оставалось чуждо правильное понимание условий, сложившихся в его собственном Министерстве. Он не мог понять, что управление государственными имуществами, созданное реформой 1837—1841 годов и призванное стать счастливым оазисом в пустыне крепостного рабства, слагалось из тех же элементов, из каких формировались остальные ведомства, действовало в той же системе самодержавно-крепостнической империи и направлялось теми же феодальными принципами, какие лежали в основе всей политики Николая I. Правящее чиновничество нового Министерства было плотью от плоти и костью от кости прогнившего дореформенного аппарата; оно ничем не отличалось от чиновников других министерств по своему происхождению, взглядам, привычкам и способам управления. Сам Киселев и его немногочисленные честные помощники, по-своему проникнутые «душевным усердием», исходили из признания существующего строя и прилагали все усилия, чтобы реализовать идею феодально-дворянской опеки над «невежественной и необузданной чернью». Самовластное и продажное чиновничество 40—50-х годов XIX века широко воспользовалось этими правами попечителей над крестьянами и превратило государственную деревню в арену насилий и грабительства, не менее вопиющих, чем в период, предшествовавший реформе Киселева.

---

[80] Очевидно, в виде опыта были избраны губернии Орловская, Воронежская, Екатеринославская, Оренбургская и Тамбовская.

[81] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, л. 300; ф. I Д, 1841 г., д. 4003.

[82] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27173.

3. Методы управления

Сама реформа 1837—1841 годов создавала объективные условия для расцвета бюрократического бездушия и произвола: нагромождая множество административных инстанций, она наделяла чиновников широчайшими полномочиями, а гарантию законности усматривала в мелочной регламентации и подробной отчетности. Отсюда огромное значение бумажного делопроизводства в управлении государственными крестьянами после 1837 года. Бесконечный поток входящих и исходящих бумаг затоплял центральные и местные органы Министерства, приковывая к себе внимание правящего персонала и заслоняя собой живых людей с их потребностями и страданиями. Сами чиновники Министерства жаловались на громоздкость созданного аппарата и сложность заведенной переписки. Коллежский советник Матюнин, ревизовавший в 1850 году управление государственных имуществ Вологодской губернии, хорошо охарактеризовал неизбежные последствия такого порядка: «Каждое распоряжение Министерства или Палаты передается к исполнению в четвертые или третьи руки; при множестве разнородных предметов дела скапливаются быстро и каждая инстанция, не успевая или не заботясь о существенном, старается очистить себя посылкою подтверждений или, что еще хуже, требованием справок, часто излишних или возобновляемых по нескольку раз, затрудняя чрез это ход дел, который еще более замедляется от перехода чрез несколько инстанций»[83]. Уже в начале деятельности Министерства, в 1840 году, его центральный аппарат принял 87 781 бумагу и разослал 96 401. С годами эти цифры не уменьшались, а увеличивались: несмотря на меры к сокращению делопроизводства, в последний отчетный год управления Киселева (1856) министерские канцелярии имели более 105 тысяч входящих и более 117 тысяч исходящих бумаг[84]. Количество документов, ежегодно проходивших через местные органы Министерства, измерялось миллионами единиц. Ревизия Вятской палаты в 1852 году установила, что на каждого писца падало 1300 исходящих бумаг, 140 журналов и более 800 определений о призыве на военную службу; при этом каждая поступающая бумага вносилась в 4 книги: «дежурную», общую по Палате, особую по отделению и «регистр» по столу; отделения Палаты, помещавшиеся в одном и том же доме, сносились между собой письменными отношениями[85]. Такой же наплыв бумаг, превосходивший силы наличного персонала, испытывали окружные, волостные и сельские управления.

Ревизоры единодушно свидетельствовали, что отписка и очистка накопляющихся бумаг составляют основную заботу всех местных органов. Сенатор Бегичев, ревизовавший в 1843 году Калужскую губернию, доносил Николаю I, что «чиновники Министерства государственных имуществ в Калужской губернии ограждают себя большею частью одними формами и, не бывши одушевлены тем благонамеренным вниманием и попечительностью, на коих основаны все правила и постановления об управлении государственными имуществами, совершенно не постигают предположенной в сем управлении цели»[86]. Такое же впечатление вынес в 1848 году Пташинский из ревизии Могилевской губернии: «Все стремление Палаты направлено к тому, чтобы поменьше оставалось неисполненных бумаг и побольше выходило исходящих номеров; решение же дел и правильный ход оных составляет второстепенный предмет заботливости»[87]. Еще резче звучал в 1852 году отзыв ревизора Брилевича о Вятском управлении государствен-

[83] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, л. 34.
[84] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, лл. 126—128; Отч., 1856 г., приложение 23.
[85] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. I, лл. 11—12; ч. III, лл. 24—32.
[86] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, л. 245; ф. Киселева, 1836 г., д. 97, лл. 51—52.
[87] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 85.

ных имуществ: «Действовать на показ и отписывать бумаги — вот главные основания, коими оно руководилось; польза казны и крестьян была делом второстепенным, часто случайным в первые годы его существования; в последнее же время этот предмет сделался совершенно посторонним, чуждым для управления» [88].

Господство формализма, привычка к бумажному «руководству» без всякого внимания к существу рассматриваемого дела были свойственны не только губернским Палатам, но и окружным начальникам, этому «коренному основанию» попечительной системы. В самом начале ее функционирования, в 1838 году, ревизор Жадовский, успевший объехать несколько губерний, указывал на крайнюю загруженность окружных управлений текущим делопроизводством: «...средство — письменные дела — сделалось целью окружных, а цель — личный надзор за крестьянами — исполняется токмо частию» [89]. Дальнейшие ревизии подтвердили и развили этот вывод. Вице-директор I Департамента Нефедьев, ревизовавший в 1847 году Тверскую губернию, находил, что «общее правило всех окружных начальников стараться собственно о том, чтобы дела считались за другими местами, без всякой заботливости о существенном исполнении требований их даже подведомственными им волостными правлениями и помощниками...» [90].

В том же духе были донесения ревизоров 40—50-х годов о Калужской, Ярославской, Саратовской, Оренбургской и других губерниях [91]. Руководители Министерства сами приходили к подобному выводу. Директор I Департамента Ган, ревизовавший учреждения Курской губернии, так формулировал свое заключение: «...пишется как в верхней, так и в нижних инстанциях много, а результаты слабы и медленны» [92]. Почти в таких же выражениях Киселев высказал собственное мнение о Пермской губернии: «...бумаг получается много, а действий не вижу» [93].

Небрежное, чисто формальное отношение к порученному делу находило себе яркое выражение в практике так называемых «внутренних ревизий» и в отношении к просьбам и жалобам крестьян. Законы 1838—1841 годов требовали от губернских и окружных органов периодических проверок подчиненных инстанций в целях контроля за законностью и точностью исполнения. Как правило, управляющие Палатами не производили общих ревизий округов, а окружные начальники не подвергали всесторонней проверке волостные и сельские управления. Местное начальство редко появлялось на периферии, и если приезжало, то ограничивалось поверхностным просмотром текущего делопроизводства и подсчетом наличных денежных сумм. Ревизующие очень редко оставляли после себя конкретные замечания о найденных недостатках и не трудились проверить, исправлены ли эти недостатки после их посещения. Поэтому «внутренние ревизии» не приносили никакой пользы, и местные чиновники, так же как «выборные» и писаря, могли свободно и безнаказанно нарушать действующие законы. Так было в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Ярославской, Тверской и других губерниях [94].

---

[88] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19203, ч. II, л. 2.
[89] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26497, л. 100.
[90] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 36.
[91] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2840, лл. 6—7; 1849 г., д. 13396, л. 94; д. 13398, лл. 29—30, 133—136; 1850 г., д. 15694, л. 16, приложение, л. 63; 1854 г., д. 23109, приложение, ч. I, л. 95; ф. ДПИ, 1843 г., д. 1368, л. 24.
[92] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11464, л. 204.
[93] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, л. 300.
[94] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 52, 54—55; 1856 г., д. 1630, лл. 52—53; ф. I Д, 1850 г., д. 1569, приложение, л. 41; д. 15695, приложение, т. I, лл. 58—59; 1851 г., д. 17763, л. 100; 1852 г., д. 19293, ч. III, л. 92; 1854 г., д. 23109, приложение, ч. I, л. 9; д. 23112, лл. 172—173; 1855 г., д. 24708, ч. I; д. 24709, ч. IV, лл. 138—139.

О наличии таких нарушений давали знать многочисленные обращения самих крестьян. Закон предоставлял им право подавать жалобы, а министерские циркуляры неоднократно подтверждали обязанность подчиненных органов оказывать просителям «законное содействие и покровительство» [95]. Однако местные чиновники плохо выполняли это требование. Вот что писал по этому поводу статский советник Татаринов, ревизовавший в 1851 году Рязанскую губернию: «Жалобы и просьбы, как и все дела, в Палате производящиеся, решаются медленно. Не говоря уже о том, что в самом принесении просьб или выслушании словесных жалоб крестьяне, встречая большое затруднение, обращаются с ходатайствованиями в Палату весьма неохотно; а если оные и бывают иногда успешны, то обыкновенно по жалобам наряжаются следствия, продолжающиеся без конца,— по просьбам собираются справки чрез окружных начальников, которые доставляются в Палату не иначе, как в несколько месяцев, а большею частью, за многократными подтверждениями, остаются без ответов; полученные из округов или волостей сведения нередко обращаются для новых дополнений или дознаний, так что просители или оставляют ходатайства о жалобах своих, или окружные начальники [могут] направить дело по своему ближайшему усмотрению. В этом отношении, сколько могу заметить, Палата в действиях своих нимало не руководствуется возложенной на нее обязанностью попечительства и заботливости о благоустройстве и ограждении государственных крестьян, направляя распоряжения свои и ведение дел не столько к скорому и законному удовлетворению просьб крестьян, сколько для отклонения их мерами отяготительными и как бы исправительными, чуждаясь мысли, что редкий из благонадежных поселян решится идти в губернский город и помимо местного своего начальства утруждать Палату жалобою, если к принесению оной действительно не будет побуждаем крайностью» [96].

Характеристика Татаринова была вполне применима и к другим районам: ревизоры, проверявшие Курскую, Калужскую, Воронежскую, Тамбовскую и другие губернии, одинаково отмечали нежелание чиновников выслушивать устные жалобы крестьян и крайнюю медленность в удовлетворении их письменных заявлений. Иногда поданные жалобы годами лежали без всякого движения; чаще всего они посылались на обследование к тем самым лицам, против которых были направлены. Начиналась бесконечная переписка, которая имела целью выгородить виновного и осудить жалобщика [97]. Во время управления Калакуцкого Пермская палата отказывалась принимать крестьянские жалобы, если они с полной очевидностью не доказывали виновности обидчика; а если в процессе следствия крестьянам не удавалось выиграть начатое дело, Палата, как правило, отдавала жалобщиков под суд [98]. Подобная практика была хорошо известна руководителям Министерства. В 1842 году, после поездки по 9 губерниям Киселев обратил особое внимание на игнорирование крестьянских жалоб и заметил по адресу местного начальства: «Оно упустило из виду, что сим только средством усваиваются добрые отношения и доверие крестьян к нему» [99]. Однако, несмотря на личные распоряжения министра, даже директора департаментов продолжали равнодушно относиться к поступающим заявлениям крестьян. В 1842 году Киселев сделал следующую отметку на одном из полученных писем: «На всякую жалобу я обязан ответом, а передав в департамент, вижу, что по прежнему порядку

[95] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, лл. 2—3; д. 27245, л. 51.
[96] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, л. 111.
[97] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5049, л. 1; 1844 г., д. 6060, л. 14; 1848 г., д. 10373, лл. 11—12; д. 11480, отчет, л. 168; д. 11481, л. 136; 1854 г., д. 23112, лл. 6—8, 10—12, 15—29; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 153.
[98] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. II, лл. 75—76, 232—234.
[99] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 4218, л. 1.

очищается входящий номер, а дело остается без исполнения»[100]. Даже в тех случаях, когда ревизоры оптимистически оценивали действия администрации, Киселев не мог побороть овладевавшего им сомнения. В 1854 году ревизор Потапович, докладывая о беспорядках в Ярославской палате, сделал оговорку, что устные жалобы крестьян выслушиваются и управляющий заботливо искореняет вскрывшиеся злоупотребления. Прочитав это место, Киселев написал на докладе: «При беспорядочном течении дел это заключение не имеет вероподобия»[101].

Но даже с формально-бюрократической точки зрения органы Министерства не выдерживали самой снисходительной критики. Почти во всех ревизорских отчетах отмечались крайняя волокита и скопление огромного количества нерешенных бумаг. «Медленность производства дел — неимоверная,— писал ревизор Брилевич о положении в Вятской палате в 1852 году.— Дела ежегодно переносятся из регистра в регистр в том же виде по нескольку лет, что составляет совершенно напрасный труд»[102]. В Пермской палате, согласно ревизии 1848 года, из года в год оставалось около 4 тысяч нерешенных дел и около 2 тысяч неисполненных бумаг[103]. Владимирский губрнатор доносил в 1854 году, что по количеству нерешенных дел местная Палата государственных имуществ превосходит Казенную и Гражданскую палаты в 3 раза, а Уголовную палату — в 20 раз[104]. Особенно медленно двигались дела, требовавшие предварительного следствия или подлежавшие разбору в судебных учреждениях. Рязанский ревизор Татаринов пересмотрел в местной Палате более 40 следственных дел, начиная с 1842 года по 1851 год; все они задерживались производством «или за неоднократными обращениями их в судебные места для снятия дополнительных допросов, показаний и присоединения новых каких-либо сведений, или за неисполнением предписаний Палаты окружными начальниками», несмотря на 5, 6, 8 подтверждений[105]. Дела, «сопряженные с казенным интересом», т. е. затрагивавшие имущественные права казны, продолжались в Олонецкой палате по 10 и более лет, так как стряпчий Палаты не делал о них никакого «настояния» или вовсе упускал их из вида[106]. Самые простые дела останавливались из-за небрежности и равнодушия чиновников. В той же Олонецкой палате в 1843 году началось дело о семейном разделе солдатки Ивановой; через 2 месяца окружный начальник предписал своему помощнику произвести по этому поводу дознание; затем дело было забыто, и только через 11 лет поступил запрос волостному правлению, было ли произведено дознание и где оно находится[107]. В министерских циркулярах не раз делались выговоры Палатам за несвоевременную доставку донесений, за задержку в принятии выморочных имений, за проволочки в решении дел об арестованных и т. д. Бывали случаи, когда по приказанию Киселева или Николая I в местные Палаты — Костромскую, Архангельскую, Оренбургскую и другие — посылались за счет виновных чиновников «нарочные с эстафетою» для получения недоставленных сведений[108].

При проверке делопроизводства ревизоры находили множество упущений, а иногда — полную беспорядочность в ведении дел. Даже такая

---

[100] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 493, лл. 30—31.
[101] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23109, приложение, ч. II, л. 12.
[102] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 16.
[103] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 787, лл. 80—81.
[104] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23154.
[105] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, л. 38.
[106] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24392, л. 2. Ср. такое же явление в Астраханской палате (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, л. 5).
[107] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23112, лл. 23—24.
[108] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, л. 95; д. 27180, лл. 43, 120; д. 27204, л. 53; д. 27228, л. 37; ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, л. 27; 1843 г., д. 520, л. 139; 1853 г., д. 1350, ч. I, л. 211.

Палата, как Московская, находившаяся в центре и на виду у Министерства, не могла установить у себя должного канцелярского порядка. Ревизия 1849 года обнаружила, что делопроизводство в Палате ведется бессистемно и с отступлениями от установленных правил; доклады Хозяйственного отделения составляются неисправно, копии документов невозможно было найти; многие дела не были внесены в реестры, описей бумагам не было сделано и т. д. Еще хуже было поставлено делопроизводство в таких Палатах, как Калужская, Вятская, Пермская, Оренбургская и др.[109]. Некоторые управляющие представляли годовые отчеты, не соответствовавшие действительности, с неверными, гадательными, а иногда просто выдуманными цифрами,— так было в Казанской, Олонецкой и Вологодской губерниях[110].

Делопроизводство окружных, волостных и особенно сельских управлений страдало такими же недостатками. Татаринов, ревизовавший в 1851 году Рязанскую губернию, дал ему характеристику, вполне применимую и к другим губерниям: «Окружные начальники, а часто и волостные правления — не исполняют предписаний Палаты по полугоду и более,— повторяемые напоминания и подтверждения, увеличивая одну лишь переписку, существенной пользы не приносят, от чего дела важнейшие... продолжаются с такой же медленностью, как и дела маловажные»[111]. Так же типично было сообщение сенатора Давыдова, ревизовавшего в 1849 году Калужскую губернию, о том, «что волостные и сельские правления весьма медленно исполняют предписания, делаемые им окружными начальниками, на что сими последними не обращено надлежащего внимания»[112]. В донесениях ревизоров, так же как в циркулярах министра, редко попадаются похвальные отзывы о постановке делопроизводства, зато бесконечной чередой проходит перечисление его вопиющих недостатков: отсутствия шнуровых книг по важным сторонам управления, показания нерешенных дел решенными, подчисток в денежных ведомостях, составления сведений, не отвечающих действительности, бессмысленных записей в приговорах, утраты важных дел, небрежности и неопрятности внешнего оформления документов и т. д. Здесь наблюдалось бесконечное накопление бумаг, в которых теряли голову письмоводители и писаря, безнадежно тонули запросы и жалобы, поступавшие от крестьян[113].

Нередко самые условия канцелярской работы исключали возможность аккуратного и точного ведения дел. Если помещения некоторых Палат (например, Московской, Рязанской, Могилевской, Пензенской, Вятской) поражали ревизоров теснотой и ветхостью, то еще хуже бывали канцелярии в округах, волостях и сельских обществах. Оренбургский ревизор Львов нашел почти все окружные управления губернии «в грязном и беспорядочном виде». Ревизор Ордынский, проверявший в 1852 году Валдайский округ Новгородской губернии, оставил такое описание Кневицкого сельского управления: «Комната довольно большая, разгоро-

---

[109] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6687, лл. 20—22, 81—83; 1849 г., д. 13370, лл. 7 и след., 82; 1850 г., д. 15695, лл. 82—84; 1852 г., д. 19293, ч. IV, лл. 25—29; 1856 г., д. 26474, лл. 1—3; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 39; 1848 г., д. 779, лл. 7—12; д. 787, лл. 45—48 и т. д.

[110] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, т. I, л. 265; 1850 г., д. 15694, приложение, лл. 135—136; 1856 г., д. 23113, л. 4; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 54.

[111] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, лл. 97—98.

[112] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13398, л. 159.

[113] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2280, лл. 91, 120; 1843 г., д. 5005, лл. 12—13; д. 5350; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 228, 318, 335, 394; т. II, лл. 21—26, 41, 51, 200—201, 336; 1848 г., д. 11480, отчет лл. 172—174, 264; д. 11481, л. 121; 1850 г., д. 15693, л. 12; 1851 г., д. 17763, лл. 164—165; 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 186—187, 202; д. 19297, л. 36; 1854 г., д. 23112, лл. 5—6, 11, 15—18, 24—25; 1855 г., д. 24709, ч. II, л. 161; ч. V, лл. 28—33, 109; ф. Кнц М, 1841 г., д. 345 л. 180; 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 43—48 и т. д.

женная пополам шкафом с чайною посудою и другим — с делами, а далее, к печи — грязною ветошкою; за этой перегородкой — кухня писаря, наполненная валяющимися по полу горшками, корытами, кадками и всевозможною нечистотою; затем, в передней — два ничем не покрытых стола и три стула, на полу — различная постель, три мешка с овсом и на них — бумаги, разбросанные в беспорядке, кадка для помоев и на печи — лучина для освещения и развешанные для просушки тулупы и грязные онучи. Едва нашли одну свечу для освещения» [114].

Небрежные и равнодушные в исполнении своих обязанностей губернские и окружные чиновники проявляли зато большую энергию и изворотливость в удовлетворении своих личных интересов. Казнокрадство, лихоимство и неограниченный произвол, особенно характерные для разлагающегося крепостного строя, были обычными явлениями в органах Министерства государственных имуществ. Многие вопиющие факты оставались скрытыми, но многие становились явными в результате взаимных доносов, внешних ревизий и судебных процессов. В архивных фондах сохранилось не мало следственных дел о «злоупотреблениях» окружных начальников, их помощников и подчиненных агентов. Еще больше было чиновников, ускользнувших от суда и поплатившихся менее суровой карой: увольнением со службы, переводом на новое место или выговором министра.

Губернские Палаты, призванные руководить попечительством над деревней и охранять действующие законы, сами подавали пример беззастенчивого отношения к государственным средствам и к скудным крестьянским доходам. Подвиги волынского управляющего Эмме и тверского — Фредерикса не были исключением из общего правила: подобные же явления наблюдались в других губерниях. В 1843 году в результате внезапной ревизии Ярославской палаты была обнаружена растрата в 10 776 рублей 60 копеек; из них 3792 рубля 87 копеек были заимствованы управляющим, 3509 рублей 6 копеек — чиновниками канцелярии, 136 рублей 60 копеек — советником и т. д. [115]. В 1845 году при сдаче дел управляющим Калужской палатой Шеншиным оказались растраченными более 1500 рублей. При ближайшем расследовании выяснилось, что управляющий «заимствовал» у казначея различные суммы под самыми разнообразными предлогами: на разъезды по губернии («излишне выведенные», по терминологии Палаты), на вырытие пруда в деревне Подзавалье (хотя потребности в таком пруде не было), на устройство в той же деревне «образцовой печи» и т. п. [116]. Циркуляром 7 ноября 1851 года был отставлен от службы казначей и экзекутор Нижегородской палаты Белицкий за растрату служебных сумм [117]. В 1854 году рязанский губернатор обнаружил в местной Палате государственных имуществ крупную растрату в 23 тысячи рублей, сопровождавшуюся сокрытием многих бумаг и составлением подложных выписок [118]. В 1856 году советником Вологодской палаты был подан донос о денежных злоупотреблениях казначея [119]. Киселеву не раз приходилось напоминать Палатам о соблюдении правил расходования сумм и делать выговоры за незаконные сборы и необоснованные траты [120].

---

[114] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5026, л. 39; 1849 г., д. 13370, лл. 4—5; 13396; 1851 г., д. 17763, л. 15; 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 30; д. 19297, л. 57; 1853 г., д. 19352, л. 9; 1855 г., д. 24708, ч. I, л. 55; д. 24709, ч. III, л. 21; ч. IV, л. 22; ч. V, лл. 26, 105; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 83 и т. д.

[115] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 323—324.

[116] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6687, лл. 106, 108, 111—115, 119—120.

[117] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27245, л. 168.

[118] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23110, л. 2.

[119] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26476, лл. 62—64.

[120] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, л. 68; д. 27180, л. 103; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 708.

В некоторых губерниях лихоимство управляющих Палатами налагало печать на все управление государственных имуществ: управляющие требовали денег от окружных начальников, окружные — от волостных и сельских «выборных», а последние грабили крестьянскую массу. Вот какая характеристика была дана в 1843 году Воронежскому управлению местным генерал-губернатором Ховеном: «Ни одно место не предоставлялось искателям без предварительного пожертвования в пользу управляющего Палатою суммы, размерной с выгодностью каждого места. Цена каждого места определялась всем известною таксою, от которой отклонялись только по особым уважениям. Порядок по части продажи мест был следующий. Окружные начальники покупали места свои от 4 до 7 тысяч рублей. Помощники окружных начальников платили за назначение от 1000 до 2000 рублей, делопроизводители окружных управлений — от 500 до 1000 рублей... Окружные начальники, в свою очередь, возмещали свои постоянные оброки постоянными же оброками с голов и старшин, жалованье коих почти по всей губернии исполна поступало в пользу окружных начальников... Сельским начальникам предоставлялось собирать доходы всякими путями... Все сии действия дозволялись только с тем условием, чтобы жалоб с доказательствами до начальства окружного и губернского отнюдь не доходило, а чтобы всякое действие было прикрыто бумажной формальностью» [121].

Присвоение мирских сумм, систематические сборы с крестьян в свою пользу, принятие «подарков» натурой и деньгами были обычными явлениями в деятельности чинов окружного управления. В 1844 году при ревизии Калужской губернии было установлено, что помощник начальника Перемышльского округа присваивал себе доходы с оброчных статей, а начальник Жиздринского округа — значительные суммы мирских сборов [122]. Ревизия Пермского управления в 1846 году обнаружила незаконные действия шадринского окружного начальника Долгова, который записывал в приход только некоторые получения, произвольно брал деньги из казенной шкатулки и присваивал суммы, ассигнованные на содержание мальчиков, обучавшихся письмоводству [123]. Во время ревизии Херсонской губернии сенатором Брадке в 1851 году окружный начальник Якубович был уличен в систематическом присвоении крестьянских денег: он объезжал селения, собирал большие суммы под предлогом срочной уплаты податей, нигде не выдавал расписок и оставлял у себя собранные деньги. Отстраненный от должности, он не остался в долгу у своих противников — окружного начальника Петровского и его помощника Эрихса, и в свою очередь разоблачил их хищения и насилия в отношении крестьян [124]. Как выяснила ревизия Вологодского управления в 1850 году, окружный начальник Воронецкий брал сотни рублей из денежных касс волостных правлений; иногда он присваивал себе суммы, получаемые по почте, но требовал, чтобы в получении их расписывались волостные головы [125]. По данным ревизии Рязанской губернии, так же действовал михайловский окружный начальник Траян; новопанский волостной голова Еремин, у которого в результате действий Траяна оказалась большая растрата волостных сумм, был заключен в тюрьму [126]. В 1854 году олонецкий губернатор конфиденциально донес Киселеву о «длинном ряде неправиль-

---

[121] Чиновничье грабление крестьян в Воронежской губернии (РА, 1907, кн. II, стр. 282—284).

[122] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6687, лл. 22—23 и т. д.

[123] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 634—639. Ср. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1842 г., д. 424, л. 8.

[124] ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Брадке, 1851 г., д. 974, лл. 3—10.

[125] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, приложение, лл. 28—29.

[126] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, лл. 38—40, 122—127.

ных и противозаконных действий» советника Палаты Иванова и окружных начальников Церпицкого и Шефера: за взятки они освобождали богатых крестьян от рекрутской повинности и выдавали паспорта раскольникам, растрачивали волостные суммы, совершали подлоги документов и пр. [127].

«Подарки» чиновникам окружного управления овсом, медом, хлебом, птицей, льном и деньгами были обычными в практике Калужской, Смоленской, Воронежской и других губерний [128]. Во многих районах окружные начальники сами облагали крестьянское население незаконными сборами в свою пользу. Иногда они делали это под самыми благовидными предлогами — на постройку церкви, на наем караульщиков, на покупку пожарных инструментов и прочее (так было в Казанской губернии), иногда прибегали к открытому вымогательству, как это обнаружили ревизии Калужской, Вятской, Пермской и других губерний [129]. Вообще практика лихоимства выработала два типа злостных взяточников: одни действовали открыто и беззастенчиво, другие — изворотливо, лицемерно используя всякие прикрытия. Воронежская ревизия Патковского в 1843 году ярко иллюстрировала оба типа чиновников. В Валуйском округе в течение нескольких лет подвизался окружный начальник Кузин, которого ревизор аттестовал как «редкий пример неимоверной жадности ненасытного корыстолюбия». Этот чиновник изыскивал самые разнообразные средства для личного обогащения. После пожара в слободе Уразовой было собрано по подписке 6 тысяч рублей ассигнациями, из которых Кузин выдал погорельцам 162 рубля серебром, а остальные присвоил себе. За разрешение крестьянам слободы Борок построить церковную колокольню Кузин взял 500 рублей ассигнациями. Когда между крестьянами двух хуторов — Павлова и Солонцова — поднялся спор, где именно строить церковь, Кузин за 400 рублей ассигнациями решил дело в пользу солонцовских хуторян, но затем, получив 200 рублей серебром с павловских крестьян, перерешил дело в их пользу. За выборы в волостные головы и за перевод выборных из волости в волость Кузин взимал по нескольку сот рублей. За разрешение 57 крестьянским семействам незаконно переселиться в Кавказскую область Кузин вместе с волостным головой получил от 25 до 85 рублей серебром с каждого. Окружный начальник не гнушался присваивать себе жалованье своих помощников и рассыльных. Каждый, являвшийся к Кузину по делам, должен был приносить с собой подарок. Из деревень ему доставляли к рождеству кабана и битых гусей, к пасхе — поросят и яйца, к Петрову дню — барана. В четырех сельских обществах ему косили и бесплатно свозили луговое сено [130].

Иначе действовал землянский окружный начальник,— он прилагал все усилия, чтобы выказать себя бескорыстным и преданным служакой. В книгах волостных и сельских правлений он оставлял «обширные и назидательные замечания», а приносимые подарки отвергал «с нанесением

---

[127] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23112, лл. 32—38.

[128] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3971, лл. 4, 8; 1843 г., д. 5024, лл. 3, 27—29; 1848 г., д. 11480, л. 72 и след.; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 287—288.

[129] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2830, лл. 201—204; 1846 г., д. 8864, приложение, т. III, лл. 191, 196 (отношение 26 февраля 1849 г.); 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 40—41; 1852 г., д. 19293, ч. I, лл. 247—249; д. 19297, лл. 16—17; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, л. 288; д. 520, л. 65; 1852 г., д. 1241, ч. I, л. 161; ф. Киселева, 1836 г., д. 97, лл. 52—55; ф. V О, д. 27239, л. 117; КД, I, стр. 81.

[130] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 72 и след.— Такую же «энергичную» деятельность развили в Казанской губернии лаишевский окружный начальник Юнг (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, т. I, лл. 326—327) в Пермской губернии — соликамской окружный начальник Астернев (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2330, л. 203).

жестоких побоев дерзающим искушать его честь»; но те же просители могли украдкой передать взятку домашним окружного начальника и быть уверены, что их дело не будет проиграно. За освобождение от рекрутчины платили то 300 рублей ассигнациями и пуд меда, то 100 рублей серебром, то несколько золотых. Перед праздником рождества регулярно доставляли через сельского старшину гусей, уток, поросят и хлеб [131].

Широчайшее поле для обогащения местных чиновников открывали хозяйственные операции Министерства: сдача в аренду оброчных статей; заключение договоров с подрядчиками при постройке домов, постановке указательных столбов и пр.; составление контрактов на поставку рабочей силы государственных крестьян и т. д. Канцелярия министра и циркуляры самого Киселева сохранили не мало материала о «пристрастии», «корыстолюбии», заключении незаконных сделок, нарушении интересов казны, чрезмерном отягощении крестьян в интересах не только ловких контрагентов, но и представителей местного управления государственных имуществ [132].

Иногда лихоимство местных чиновников перерастало в крупные уголовные преступления. В 1841 году в Оханском округе Пермской губернии были убиты два крестьянина: Захаров и Шлыков. Окружный начальник Макушев и его помощник Сапожников, стараясь за взятку потушить начатое дело, попытались подкупить лекаря, свидетельствовавшего трупы, и всякими незаконными средствами добились прекращения следствия; только неожиданная ревизия губернатора раскрыла концы этого оборвавшегося дела [133].

Так же обычны были случаи самоуправства и насилия, к которым прибегали местные чиновники, особенно окружные начальники, осуществляя функции управления государственной деревней. И здесь отчеты ревизий и циркуляры министра обнаруживают картину безудержного произвола, которая плохо соответствовала идеям строгой законности, прокламированным Киселевым. Ломка крестьянских домов, заключение крестьян под стражу, наказание розгами мужчин и женщин без всякого суда и следствия были типичными проявлениями начальнической власти [134]. До каких пределов доходило самоуправство окружных начальников, показывает эпизод, имевший место в 1847 году в Екатеринославской губернии. Окружный начальник Филимонов, разбирая ссору между двумя крестьянами, ударил одного из них в бок рукояткой плети; в рукоятку был вставлен охотничий нож, который нанес крестьянину Ольховскому смертельную рану. Хотя убийца утверждал, что он не подозревал о существовании ножа, затушить это дело не удалось,— циркуляром министра Филимонов был уволен со службы и предан уголовному суду [135].

Материалы ревизий совпадают с наблюдениями наиболее чутких и демократически настроенных современников. Известный народник В. В. Берви-Флеровский, служивший в Министерстве юстиции и хорошо знавший положение казенной деревни, оставил такую характеристику местного управления государственных имуществ: «...реформы гр. Киселева предали государственных крестьян в полную власть толпе жадных

---

[131] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 269—274.

[132] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, л. 109; д. 350, ч. II, л. 200; д. 505, лл. 254—255, 303; 1843 г., д. 520, л. 526; 1854 г., д. 1474, ч. III, л. 131; 1856 г., д. 1642 (по Лесному управлению), лл. 82—85; ф. V О, д. 27228, л. 12; ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 52.

[133] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3971, лл. 4—6, 85—89.

[134] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, лл. 96, 106, 124; д. 27221, л. 11; ф. I Д, 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 118—119.

[135] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27221, лл. 92—93.

взяточников: чиновников Палат государственных имуществ, окружных начальников с их штабами, лесничих и т. д. Для окружного его округ был его поместьем, где он властвовал как помещик, считал всякую женщину своей рабой, сам ими пользовался и угощал своих приятелей; крестьяне так и смотрели на себя как на его рабов и называли его своим барином» [136].

К незаконным действиям чиновников нового Министерства присоединились поборы и насилия земской полиции, которая была ограничена в своих функциях, но целиком не отстранена от жизни государственной деревни.

Исправники, заседатели, становые пристава по-прежнему производили уголовные следствия, наблюдали за полицейским порядком, пользовались услугами десятских и сотских, которых обязано было наряжать сельское общество. Органы земской полиции утратили неограниченные возможности наживаться на государственной деревне, но они не отказались от своего права командовать и, опираясь на свою власть, использовать ее в собственных целях. Материалы ревизий отразили несколько эпизодов, ярко характеризующих отношение земской полиции к казенному крестьянству, опекаемому Министерством государственных имуществ. В 1839 году в Мамадышском округе Казанской губернии орудовал заседатель Земского суда Иванов. Пользуясь темнотой местного татарского населения, он изобретал разнообразные способы для вымогательств, преимущественно зажиточных крестьян. Достаточно было произойти какому-нибудь правонарушению — драке, убийству и прочему, чтобы Иванов начинал применять свою излюбленную систему: с помощью отобранных «каштанов» (помощников из числа крестьян, служивших орудиями начальства) он арестовывал мужчин и женщин, заковывал их в кандалы и под угрозой истязаний требовал от них бóльшую или меньшую сумму денег, в зависимости от их достатка. Терроризированные крестьяне распродавали все, что могли продать: скот, хлеб, движимое имущество, чтобы избежать неминуемой тяжелой участи. Татарка Абдулкарымова продала все свое имущество, чтобы собрать требуемые 100 рублей, и с 4 малолетними детьми осталась без всяких средств к жизни. Те, кто отказывались удовлетворить жадность заседателя, подвергались бесчеловечным пыткам. Крестьянина Фоку Сергеева Иванов приказал раздеть донага, бросить в снег и сечь, обливая холодной водой. Татарина Юзкеева за ноги подвесили к потолку, а внизу, под головой несчастного, разложили огонь; Юзкеев избавился от дальнейших истязаний, отдав мучителям свою лошадь и 40 рублей деньгами. Крестьянина Шлятенкова Иванов приказал заковать в кандалы и около месяца держал его на своей квартире, вымогая большую сумму денег; встретив со стороны арестованного большое упорство, Иванов составил фальшивые документы, подводившие Шлятенкова под уголовный суд и угрожавшие ему ссылкой в Сибирь; Шлятенков был заключен в тюрьму, где содержался около года; ему удалось подать жалобу в Палату государственных имуществ, и после произведенного расследования он был освобожден. Тем не менее по распоряжению казанского губернатора и Шлятенков, и его жена были наказаны розгами за подачу жалобы [137].

В 1848 году в селе Добром Тамбовской губернии действовал становой пристав Бельский, который вымогал деньги у зажиточных крестьян, облагая их непосильными натуральными повинностями: требовал от них огромного количества понятых, заставлял их по нескольку недель караулить и кормить арестантов, брал у них лошадей, которых безжалостно

[136] В. В. Берви. Воспоминания (ГМ, 1915, № 3, стр. 151).
[137] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2281, лл. 28—31, 38—40

гонял, несмотря на дурные дороги и недостаток корма. Ни один воз, приезжавший на базар в село Доброе, не пропускался Бельским без уплаты выкупа: одних крестьян он обвинял в употреблении фальшивых весов, других — в отсутствии разрешения на продажу товара и пр. Ежедневно у станового дежурило 8 крестьян: дневальный, десятские, сотские, пятисотские, которых он использовал в своих собственных целях [138].

В 1849 году управляющий Пермской палатой в письме к директору I Департамента давал такую характеристику действий земской полиции: «При первой прикосновенности крестьянина к какому-либо делу или одному только спросу, берут его тотчас под арест, и в то же время становой пристав через одного из доверенных особо людей или сотских делает вернейшую выправку об имуществе задержанного крестьянина; и сообразно сему, а равно и степени прикосновенности, назначают выкуп; по делам же уголовным лихоимство достигает неограниченной меры; сверх сего допускается нередко самовольное наказание крестьян и еще чаще своеручные побои» [139].

Жалобы на притеснения земской полиции подавались крестьянами разных губерний: Пермской, Олонецкой, Смоленской и др. Наличия таких притеснений не отрицал и шеф жандармов в своем «нравственно-политическом отчете» за 1841 год [140].

Между двумя ведомствами — государственных имуществ и внутренних дел,— особенно в начале деятельности нового Министерства, создавались остро враждебные отношения. За благовидной формой защиты крестьян от угнетения чужими чиновниками не трудно заметить соперничество бюрократических группировок, не поделивших между собой лакомой добычи. Оттесненная от непосредственного управления государственной деревней, губернская администрация старалась скомпрометировать органы нового Министерства, которое не оставалось в долгу и на усиливающиеся нападки отвечало собственными разоблачениями. В 1840—1841 годах в Архангельской губернии разгорелась настоящая война между Палатой государственных имуществ и губернатором, поддержанным местным представителем жандармского корпуса. Чиновников Палаты обвиняли в том, что они «разглашают самые нелепые суждения о чиновниках земской полиции и поселяют в крестьянах не только непослушание к ним, но и презрение». В свою очередь представители Министерства государственных имуществ жаловались на то, что «все и всё, правильно и неправильно, законно и беззаконно присвоили себе право и обязанность распоряжать, гнать и взыскивать без отдыха на новых управлениях и стараться находить в действиях их одно дурное» [141]. В некоторых губерниях дело доходило до резких публичных столкновений и даже до ареста палатских чиновников агентами земской полиции. Конкуренция между ведомствами не прекратилась и в последующие годы,— она особенно чувствовалась на Правобережной Украине, где властвовал всемогущий генерал-губернатор Д. Г. Бибиков. Однако в большинстве районов чиновникам обоих ведомств удавалось разграничить сферы своего влияния и найти общий язык в совместном ограблении государственной деревни [142].

---

[138] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 22—23.

[139] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, л. 494. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2280, л. 139; д. 2281, лл. 26, 146; 1843 г., д. 5051, лл. 1—2.

[140] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2279, л. 87; д. 2280, лл. 183—184; 1843 г., д. 5026, лл. 39—40; д. 5751, л. 333; КД, I, стр. 45.

[141] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2828, лл. 39—40, 96—97, 182—211, 215—219, 222—224, 233—235.

[142] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 490—491; 1848 г., д. 11464, л. 192; 1850 г., д. 15695, л. 31 и след. 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 81—82; 1855 г., д. 24709, ч. VII, лл. 340—341; ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7. 69, л. 12. Письмо Гамалеи от 17 сентября 1843 года.

4. Крестьянское «самоуправление»

Большинство чиновников предпочитало не вступать в непосредственные сношения с крестьянами и не подвергать себя риску ответственности за наказуемые деяния. Закон ставил между коронной администрацией и крестьянами выборных начальников в лице волостных голов, заседателей, так называемых «добросовестных», сельских старшин, старост, сборщиков податей и пр. Желая извлечь максимум выгод из своего положения, окружные начальники, их помощники и письмоводители, так же как советники Палаты, лесничие, стряпчие и другие чиновники, кормившиеся за счет деревни, широко использовали крестьянских «выборных» как свою ближайшую и покорную агентуру. Закон открывал широкие возможности перед служащими губернского и окружного управлений, делая их наблюдателями и фактическими руководителями крестьянских выборов. Многочисленные ревизии не оставляют никаких сомнений в подлинном характере этих «выборов»: сельские и волостные сходы, за редкими исключениями, не могли облекать доверием самостоятельно выдвинутых кандидатов; избирательная процедура проходила под непосредственным давлением окружного начальника или волостных голов, которые заранее договаривались с зажиточной прослойкой деревни. Кандидатами по-старому выдвигали из богатых крестьян или еще чаще — их безгласных и исполнительных приверженцев. Если такие «выборы» не удавались, у окружного начальника и палаты оставалась другая возможность — не утвердить избранного кандидата и заменить его другим, более податливым и «исправным». В крайнем случае можно было быстро устранить нежелательного голову или старшину, придравшись к какому-нибудь незначительному поводу. Наконец, всемогущее чиновничество могло, попирая закон или имея разрешение свыше, обойтись без всяких выборов и заполнить вакантные места назначенными вполне угодными ему лицами.

О прямом вмешательстве окружных начальников в крестьянские выборы доносили ревизоры из Тамбовской, Рязанской, Олонецкой, Оренбургской и Таврической губерний [143]. В Казанской и Воронежской губерниях крестьяне жаловались ревизорам, что «в волостные и сельские начальники избираются люди мимо их желания» [144]. По донесению калужского ревизора, во время выборов многие кандидаты утверждались в должностях при меньшем количестве избирательных шаров «без всякого другого основания, кроме одной голословной аттестации окружного начальника» [145]. Такая же практика наблюдалась ревизорами в Рязанской и Вологодской губерниях [146]. Елецкий окружной начальник Бахтин, который, по словам орловского ревизора, был строг и крут с крестьянами, самовольно заменил закрытую баллотировку открытым голосованием; Бахтин оправдывался невозможностью организовать баллотировку «по совершенной непонятливости, дикости и необразованности казенных поселян» [147]. В Елабужском округе Вятской губернии баллотировочный ящик был намеренно сделан так, что «давал повод для злоупотреблений» [148]. В Устенском обществе Тамбовской губернии был объявлен избранным в волостные головы неугодный крестьянам кандидат — писарь Матвей Гречишкин; крестьяне говорили ревизору, что «никто его не из-

[143] ЦГИАЛ, ф. V. О, д. 27180, л. 98; ф. I Д, 1843 г., д. 5034, лл. 16, 25, 1845 г., д. 7595, т. II, л. 21; 1849 г., д. 13396 г., лл. 151—153; 1851 г., д. 17763, л. 198.

[144] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, т. I, л. 118; 1848 г., д. 11480, отчет, л. 2; ф. Кнц М, 1818 г., д. 779, л. 25.

[145] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5035, л. 31.

[146] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694 (о выборах Семенковского волостного головы Фалина), приложение, л. 53 1851 г., д. 17763, лл. 128, 196, 197, 201—202.

[147] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2280, л. 41.

[148] ЦГИАЛ, ф. Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 222.

брал, а один только неизвестный бросил 15 шаров заразом в его пользу»[149]. Астраханская ревизия 1856 года установила, что «во всем Царевском округе выборные для обсуждения и решения общественных дел назначены без мирского приговора, и весьма быть может, что некоторые из них поставлены с руки должностных лиц для направления дел согласно их видам»[150]. В Ярославской волости Вятской губернии приговоры о выборах оказались никем не подписаны и были признаны сомнительными[151]. Иногда избиратели отказывались подчиняться проискам чиновников: в Боровенском сельском обществе Калужской губернии крестьянская сходка дважды расходилась, не желая проводить навязанных кандидатов; тем не менее под упорным давлением волостного писаря Толстова на должности были «избраны» богатые крестьяне, занимавшиеся торговлей[152].

В западных районах окружные начальники отступали на задний план, предоставляя командующую роль посессорам, которые систематически платили им взятки. Ревизор Пташинский давал такую характеристику организации крестьянских выборов и положению самих «избранников» в Могилевской губернии: «Лица сельских управлений находятся под ближайшим влиянием разных властей; их выборы в должности и действия сообразуются с видами временных владельцев, приходских священников, но ни в одном округе не заметна самостоятельность окружного начальника и самобытность обществ». И здесь баллотировочные списки составлялись так, «чтобы все шары катились туда, куда угодно писарю и арендаторам»[153].

В разных губерниях — Смоленской, Воронежской, Харьковской, Минской и других — к ревизорам поступали жалобы крестьян на произвольное назначение волостных и сельских «выборных», произведенное Палатами и окружными начальниками вопреки результатам избрания[154]. Насколько самоуправно действовали местные чиновники, показывает дело о волостном голове Бежецкого уезда Тверской губернии Льве Тимофееве. Этот типичный деревенский кулак пользовался неограниченным расположением Тверского управления государственных имуществ, получал выгодные подряды, задаривал чиновников и нещадно эксплуатировал крестьян. В 1840 и 1841 годах Тимофеев был изобличен в краже общественного хлеба и в других уголовных деяниях. На выборах 1842 года крестьяне потребовали замены его новым головой, но Тимофеев пригрозил, что если крестьяне будут упорствовать, то он привлечет к суду зачинщиков «возмущения». На следствии подтвердилась виновность Тимофеева, он был отстранен от должности и предан уголовному суду. Однако благодаря показаниям старшины и писаря, которые сами были сообщниками Тимофеева, ему удалось добиться оправдательного приговора. Тогда Палата, вопреки закону, восстановила его в должности волостного головы, а Министерство наградило его почетным кафтаном с украшениями. Возвратив себе утраченную власть, Тимофеев привел в исполнение свою угрозу: по его настоянию 13 крестьян Селищенского общества «за возмущение при выборе сельских начальников» были приговорены уголовным судом, некоторые — к тюремному заключению, другие — к наказанию плетьми и розгами. Не раз крестьяне подавали жалобы на несправедливость вынесенного приговора, но все их усилия были напрасными: това-

[149] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 7.
[150] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, л. 4. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 4.
[151] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 180.
[152] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5024, лл. 22, 26.
[153] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 37.
[154] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2829, л. 6; 1843 г., д. 5751, л. 37; 1848 г., д. 11480, отчет, л. 278; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 9.

рищ министра Гамалея нашел, что срок апелляции на решение суда пропущен, а специально образованная комиссия, хотя и признала незаконным восстановление Тимофеева в выборной должности, ограничилась констатацией, что «он, Тимофеев, в должности уже не находится», а просьбы крестьян предложила «оставить без дальнейших последствий» [155].

Само Министерство легализировало назначение волостных и сельских начальников в тех районах, которые были охвачены крестьянскими волнениями. Эта практика, вопреки Положениям 1838—1841 годов, была введена по инициативе самого Киселева: в 1841 году он распорядился назначать старшин в непокорные селения из числа отставных воинских чинов, очевидно с определенной целью — подчинить деревню сильной военной власти, не связанной с местным «миром». Сохранились данные о применении этой «исправительной меры» в 1843 году в волновавшихся обществах Саратовской губернии [156].

Такая система замещения выборных должностей — не по желанию самих крестьян, а на основе отбора, произведенного чиновниками,— имела определенные последствия. Окружные начальники старались получить в качестве «выборных» покорные орудия для своих незаконных действий, выдвигая кандидатов, отвечавших этому основному требованию. Самостоятельность, грамотность, честность избираемых лиц были не только не обязательны, но служили помехой при осуществлении скрытых замыслов чиновного аппарата; вот почему на должности волостных голов, сельских старшин и других начальников государственной деревни чаще всего попадали люди, стоявшие на низком деловом и моральном уровне. Получив власть, они оказывались не только в подчинении у коронной администрации, но и в зависимости от ее разнообразных незаконных требований. Действия «выборных» должны были соответствовать не желаниям крестьянского мира, а властным приказаниям корыстолюбивого и самоуправного начальства. Многочисленные ревизии со всей очевидностью раскрыли это извращение идеи крестьянского самоуправления, объективно подготовленное содержанием самих законов 1838—1841 годов.

В ревизорских отчетах редко встречаются положительные характеристики крестьянских «выборных», зато изобилуют резко отрицательные отзывы, особенно о волостных головах, сельских старшинах и «добросовестных». Калужский ревизор Барановский в 1848 году давал такую аттестацию сельским и волостным начальникам: «Между ними весьма мало людей способных и усердных, даже мало людей трезвых. Сие происходит от того, что *Палата не обращает никакого внимания на нравственность избираемых и на деятельность служащих»* [157]. В том же духе высказывался в 1854 году ярославский ревизор Потапович: «Между должностными лицами сельских правлений, преимущественно старшинами, весьма мало таких, которые бы вполне соответствовали своему назначению... бóльшая же часть прочих или безграмотные, или полуграмотные, во всем зависящие от писаря» [158]. Таким же суровым было заключение пермского ревизора Тарасова, сделанное им в 1855 году: «На должности старшин и кандидатов выбираются люди без всякого достоинства и преимущественно смирные. Виденные мною все без исключения — неграмотные, нераспорядительные, не сведующие в исполнении своих обязанностей, и даже многие из них до того невнимательны, что на самые простые вопросы по управлению не могут дать никакого ответа, отговариваясь тем, что они — темные. От этого в обществе при влиянии писарей — мало ува-

---

[155] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 9990, ч. I, лл. 31—36, 418—420; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 619—624.

[156] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, л. 151; 1843 г., д. 505, л. 331.

[157] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11481, л. 60.

[158] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23109, ч. I, л. 124.

жаемы»[159]. Сам Киселев, объехав в 1842 году 9 губерний Центрального промышленного района и Поволжья, пришел к критическому выводу о составе органов деревенского «самоуправления»: «В должности сии выбраны многие из людей, недовольно самостоятельных и представительных, а оттого волостные и сельские правления не приобретают твердости...»[160]. Когда в 1850 году Калужская палата показала в своем отчете большое количество дел, не решенных сельскими и волостными инстанциями, Киселев написал против данного пункта: «Это происходит от того, что добросовестные избираются не по цели учреждения, из людей, должностям неспособных и состоящих токмо на очереди отбывания общественной послуги»[161].

Эти общие характеристики находят себе подтверждение в конкретных донесениях ревизоров об отдельных волостях и сельских обществах. Олонецкий ревизор Тарапыгин сообщал в 1843 году такие сведения о состоянии сельских управлений Каргопольского округа: старшина и староста Пирзаковского управления —«люди неблагонадежные», старшина Никольского общества —«человек беспечный и неблагонамеренный, крестьяне при нем жаловались в притеснении»; старшина Филимоновского сельского управления —«слабоумный, не постигающий своих обязанностей», старшины Ильменского и Воробьевского сельских обществ — «неблагонадежны и неблагонамеренны...»[162]. Так было в начале существования Министерства, но так же звучали донесения ревизоров и в последний год деятельности Киселева. В 1856 году пензенский ревизор Хондзынский доносил о должностных лицах Инсарского округа: «По Качкуровской волости старшина Турчаковского сельского управления Зверков — нерасторопен и нераспорядителен, а старшина Тавленского сельского правления Степанов решительно ничего не понимает и для службы никакой пользы не приносит...; по Инсарско-Остроженской волости старшина Казачьего сельского управления Шапошников и Инсарско-Остроженского — старшина Кудрявцев нераспорядительны и вовсе не знают своей обязанности...; заседатель Рейтарского волостного правления Кириллов стар и не на своем месте... По Лемдяевской волости волостной голова Бажанов не наблюдает за канцелярским порядком...; Шилепеевского сельского управления старшина Петров ничего не понимает...; по Ямщинской волости... сельский старшина Лашманов нераспорядителен и не знает своей обязанности»[163]. Такие же сведения были даны ревизором по остальным округам Пензенской губернии: Городищенскому, Нижнеломовскому, Наравчатскому, Краснослободскому[164]. Подобные же отрицательные отзывы о представителях крестьянского «самоуправления» можно прочесть в разновременных донесениях ревизоров из Курской, Калужской, Владимирской, Тверской, Таврической и других губерний[165].

Неспособность и несамостоятельность «выборных» делали их зависимыми не только от окружных начальников, но и от собственных писарей. Неграмотный и часто запуганный старшина или староста оказывался беспомощным перед настоящим потоком указов, предписаний, наставле-

---

[159] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. III, л. 22. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, приложение, л. 8 (Вологодская губерния).

[160] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4198, л. 12.

[161] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 15772, л. 10.

[162] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5026, лл. 34—35.

[163] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 24750, лл. 14—15.

[164] Там же, лл. 9—16.

[165] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4198, л. 147; 1843 г., д. 5022, л 3; д. 5036, л. 29; д. 5049, л. 2; 1845 г., д. 7595, т. II, л. 21; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 126, 133, 135, 151, 154, 262—263, 270; 1850 г., д. 15694, л. 47; 1855 г., д. 24709, ч. II, лл. 83, 121, 133, 139, 156, 160, 172; ч. IV, лл. 141—143; 1856 г., д. 24753, л. 4—5.

ний, запросов и других разнообразных бумаг, которые присылались в сельское общество на основании бюрократических Положений 1838—1841 годов. Еще ответственнее и труднее было положение волостного головы, который непосредственно отчитывался перед окружным начальником, плохо разбираясь в законах, распоряжениях, рапортах и отчетах. Такими же бессильными оказывались неграмотный смотритель хлебного магазина, обязанный вести сложный учет выдачи и возвращения ссуд, или неграмотный сборщик податей, «вооруженный» платежными таблицами с разнообразными и сложными показателями. Грамотный и нередко бывалый писарь, по закону назначавшийся Палатой, приобретал всемогущую власть над «выборным» аппаратом волостного и сельского управления. В редких случаях, если на должность волостного головы избирался грамотный и влиятельный крестьянин (иногда сам обладавший писарским стажем), писарь, действительно, ограничивался функциями исполнительного органа при волостном правлении. Но обычно ревизоры наблюдали иную картину, ярко запечатленную в донесении Оленича, проверявшего в 1843 году Смоленскую губернию. «В сущности,— писал ревизор,— волостные головы, заседатели, добросовестные и старшины, не понимая своих обязанностей, сборщики податей, не имея тоже никакого понятия о числе следующих с крестьян денежных сборов, и смотрители хлебных магазинов, не зная прихода и расхода, равно и о количестве хлеба, служат одним только безгласным орудием для злоупотреблений волостных писарей, которые по всей справедливости могут назваться полными хозяевами в казенных селениях и самовластными распорядителями во всех предметах управления казенными крестьянами»[166]. Менее могущественными в силу своей зависимости от волости и ограниченного масштаба действий были сельские писаря, но и они, как правило, оказывались настоящими владыками в отношении сельских старшин, старост и прочих «выборных» сельского общества.

Однако и писаря, особенно сельские, часто оказывались совершенно непригодными для выполнения своих обязанностей. Похвальные отзывы ревизоров о волостных писарях Тверской и Псковской губерний были не правилом, а исключением[167]. Даже в центральной Рязанской губернии, согласно ревизорскому отчету 1843 года, писаря не отвечали требованиям своей должности[168]. Гораздо хуже обстояло дело на южных и восточных окраинах Европейской России. В 1840 году флигель-адъютант Сухтелен жаловался на малограмотность волостных и сельских писарей Херсонской губернии[169]. В 1846 году ревизор Арцимович дал такие аттестации писарям Пермской губернии: «Волостной писарь Ганшев не знает порядка производства дел», в Черемиском сельском управлении «писарь мало способен, ленив и небрежен»; в Черемховском обществе «сельский писарь из крестьян, почти неграмотен и явился при ревизии в пьяном виде»; в Шакшерском обществе «старый писарь явился в управление во время ревизии в пьяном виде, а поступивший на его место, узнав о ревизии, скрылся за два дня» и т. д.[170] Прошло 9 лет, и новая чрезвычайно подробная ревизия Пермского управления дала такие же неутешительные результаты; бывали случаи, когда в бессмысленных записях входящих и исходящих бумаг не могли разобраться ни ревизор, ни сам ревизуемый писарь[171]. По заключению Потаповича, почти все

[166] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 335. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11481, л. 62.
[167] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 15; ф. I Д, 1853 г., д. 19352, л. 14.
[168] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5034, л. 25.
[169] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2840, л. 37.
[170] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 53, 61, 132, 137, 284, 292.
[171] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, чч. II—VII (в частности, ч. II, л. 162).

сельские писаря Ярославской губернии могли быть «разделены на два разряда: 1) знающие дело удовлетворительно, но преданные пьянству, 2) ведущие жизнь трезвую, но мало понимающие дело»[172].

Министерство хорошо знало о низком деловом уровне писарей и требовало, чтобы местные органы систематически подготовляли для этой должности крестьянских мальчиков. Такая подготовка, действительно, велась при Палатах и окружных управлениях; однако и здесь, по донесениям ревизоров, дело было поставлено крайне плохо: мальчиков заставляли переписывать бумаги, употребляли в качестве рассыльных и домашней прислуги, не обучали правилам делопроизводства, держали впроголодь и в рваной одежде; вся обстановка провинциальных канцелярий развращающе действовала на несложившиеся детские характеры; выпускаемые писарями юноши являлись на место своей службы слабо подготовленными, но уже склонными к лихоимству, насилиям и пьянству[173]. Однако и таких «подготовленных» писарей оказывалось очень мало. По сведениям ревизора Тимофеева, за шестилетие 1842—1847 годов количество сельских и волостных писарей Казанской губернии увеличилось больше, чем вдвое,— от 222 до 475 человек (таков был результат умножившегося бумажного делопроизводства); однако из 475 писарей только 74, т. е. 15,5%, были назначены из числа крестьянских мальчиков, хотя еще в 1842 году писарскому делу в губернии обучалось 402 мальчика. Очевидно, все остальные оказались плохо обученными и были распущены по домам «для хозяйственных занятий», как это имело место в Мамадышском округе. Большинство писарей рекрутировалось из состава государственных крестьян, иногда соседних губерний, но многие (27%) были назначены из представителей других сословий[174]. Таким образом, волостные и сельские писаря не имели даже той слабой связи с местным населением, какую в известной мере сохраняли «выборные» начальники. Чуждые крестьянам, назначенные сверху и целиком зависевшие от чиновников, писаря смотрели на волостное и сельское общество так же, как смотрели на них окружные начальники и остальные чиновники: как на источник обогащения и широкое поле для проявления своей власти. Еще в большей степени, чем волостные головы и сельские старшины, писаря являлись послушными исполнителями начальственных предписаний, орудиями той политики организованного вымогательства и насилия, какой держались почти все представители коронной администрации.

Ревизоры не скрывали этой тайной связи между чиновниками и крестьянскими «выборными». Вологодский ревизор Матюнин прямо говорил об организованном потворстве, которое допускают окружные начальники в отношении незаконных действий волостных и сельских «выборных»; такое потворство, прибавлял он, «происходит собственно не от слабости и недостатка внимания, но есть повод подозревать здесь снисхождение, основанное на особых видах ближайших к ним окружных начальников... без этого потворства волостные и сельские начальники не дозволяли бы себе и десятой доли тех проступков, в коих они ныне попадаются»[175]. Другие ревизоры указывали на «излишнее сближение» волостных голов и сельских старшин с ближайшим начальством, которое «дает много свободы их действиям», на «связи по разным злоупотреблениям», которые наблюдаются между теми и другими, на «постоянный акциз», который платят писаря становым приставам и окружным началь-

---

[172] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23109, ч. I, лл. 124, 238.

[173] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1845 г., д. 7595, т. II, л. 23; 1850 г., д. 15694, приложение, лл. 10—11; д. 15883, л. 23; 1854 г., д. 23109, приложение, ч. I, л. 83.

[174] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, т. I, л. 264.

[175] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, л. 33.

никам [176]. Самому Киселеву была хорошо известна эта вкоренившаяся система поголовного лихоимства и круговой поруки: знакомясь в 1847 году с донесением пермского ревизора Арцимовича о «корыстных видах» деревенского начальства, он сделал на отчете красноречивую помету: «Взятки берутся с голов, которые, отплатясь, в свою очередь, грабят крестьян; всех виновных предать суду» [177].

Полная зависимость «выборных» от коронной администрации наложила свою печать на всю деятельность органов крестьянского «самоуправления». Попытка Киселева поднять значение сельских и волостных сходов сводилась на нет не только бюрократическими тенденциями законов 1838—1841 годов, но и всевластием местных чиновников и его агентуры. Сельские сходы созывались местами из «выборных» в соответствии с Положением 1838 года, местами из «стариков», а нередко из числа всех домохозяев на основании давнего и прочно утвердившегося обычая. Сходились по приказанию сельского и волостного начальства не только в сроки, установленные законом, но и в другое время, иногда еженедельно, к большому неудовольствию крестьян, отвлекаемых от полевых работ то для понуждения к уплате недоимок, то для принятия постановления о новых денежных сборах. Судя по донесениям ревизоров, крестьянские сходы не имели большого общественного веса и превращались в орудия чиновничьего аппарата. Приговоры составлялись по окончании схода, «заочно», волостными и сельскими писарями, которые по собственному произволу или под диктовку старшин и голов приписывали крестьянам несуществующие решения. Обыкновенно подписи собирались или на сходе, раньше чем был составлен приговор, или позднее, без всякого учета действительного состава схода. Грамотных угрозами принуждали подписывать постановления, которых крестьяне не выносили, а за неграмотных подписывались «мироеды» или несмышленные деревенские ребята. Бывали случаи, когда под фальшивыми приговорами значились имена крестьян, покинувших место своего жительства и даже умерших. Иногда приговоры оставались не скрепленными никакими подписями. Очень часто содержание таких приговоров оставалось неизвестным крестьянам,— они узнавали о них позднее, когда начиналась реализация этих «мирских» постановлений. Немудрено, что подобные сходы не могли внушать крестьянам ни уважения, ни доверия: на них смотрели как на формальную и тяжелую повинность, не переставая жаловаться на произвольные действия окружных начальников, писарей и выборных [178].

Не лучше обстояло дело с сельскими и волостными расправами, которые, по плану Киселева, должны были облегчать крестьянам решение мелких тяжб и насаждать в деревне начало строгой законности. Министерские отчеты с удовлетворением отмечали, что с 1846 года началось «полное действие» расправ, которые воплощали в себе старинное начало крестьянского домашнего суда. По данным 1856 года, функционировало около $1^1/_2$ тысяч волостных расправ и более $5^1/_2$ тысяч сельских, которые за год рассмотрели 67 134 дела,— из них 8563 дела кончили миром, а по

---

[176] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, л. 494; приложение, т. VI, л. 46; 1851 г., д. 17763, лл. 124, 129, 145; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 14; 1848 г., д. 789, ч. I, л. 36; 1856 г., д. 1642, л. 17.

[177] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, л. 303.

[178] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5034, лл. 25—26 (Тамбовская и Пензенская губернии); 1845 г., д. 7595, т. II, лл. 19—20 (Таврическая губерния); 1847 г., д. 10257, т. I, л. 100 (Казанская губерния); 1818 г., д. 11480, лл. 178—183 (Воронежская губерния); д. 11481, л. 124 (Калужская губерния); 1849 г., д. 11591 (Пермская губерния); д. 13396, лл. 115, 151—156 (Оренбургская губерния»; 1850 г., д. 15694, приложение, лл. 26—27 (Вологодская губерния); 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 152 (Вятская губерния); 1854 г., д. 23112, л. 84 (Олонецкая губерния); 1855 г., д. 24709, ч. IV, лл. 26, 33—34; ч. V, л. 123; ч. VII, л. 386; д. 24753, л. 58 (Пермская губерния); ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, лл. 75, 173 (Олонецкая губерния).

52 226 — вынесли решения (остальные были отложены или переданы в общие суды); из 88 028 подсудимых 76 570 по приговорам самих крестьян было присуждено к различным наказаниям [179]. Но и здесь за безличными официальными цифрами скрывалась неприглядная картина чиновничьего произвола и беззакония. По донесениям ревизоров, учрежденные расправы или бездействовали, иногда занимая время чтением Сельского и Полицейского уставов, или беспрекословно исполняли приказания окружных начальников, волостных голов и сельских старшин. Вице-директор I Департамента Нефедьев, ревизовавший в 1847 году Тверскую губернию, дал такую характеристику этим органам крестьянского «самоуправления»: «Действия расправ большею частью проявляются только там, где местному начальству нужно употребить власть свою для приобретения безусловной покорности крестьян. Посему расправы поселяют здесь в крестьянах о своем значении понятие, не совсем согласное с прямою и полезною целью их учреждения» [180]. По данным вятского ревизора Брилевича, судебные приговоры в расправах писались не судьями, а писарями, которые «до того запутывают составляемые ими определения, что и сведущему по этой части чиновнику трудно понять их, безграмотные же старшины и добросовестные прикладывают слепо ко всему печати, да и то не всегда сами» [181]. Во многих районах наблюдалось полное несоответствие между Судебным уставом и деятельностью местных расправ: сельские расправы разбирали дела, подсудные волостным расправам и наоборот; цена иска не определялась, размеры наказания произвольно увеличивались, дела оставались незаконченными по нескольку месяцев, а иногда по нескольку лет. В некоторых обществах приговоры расправ не объявлялись крестьнам, а в других местах ревизоры вообще не находили никаких записанных приговоров [182]. Примером полного извращения идеи «крестьянского домашнего суда» может служить дело крестьянина Щекинского сельского общества Пермской губернии Ивана Шибанова. В феврале 1847 года в отсутствие Шибанова в его избе был произведен обыск сельским старшиной Сидоровым, который имел с Шибановым «неприятности по домашним обстоятельствам». В обыске участвовал поверенный винного откупа, но узаконенного числа понятых не было. Предварительно Сидоров задержал жену Шибанова; затем, спустившись в подвал избы, он объявил, что найдена $^1/_{50}$ ведра корчемного вина (по утверждению Шибанова, оно было подложено самими обыскивавшими). Шибанова отдали под суд, а до окончания следствия запретили ему отлучаться из дома на заработки. Как раз в это время производилась ревизия Пермского управления государственных имуществ статским советником Арцимовичем. Шибанов поехал к ревизору просить «избавить его от напрасного угнетения», но по дороге был задержан и доставлен в сельское управление; здесь его продержали четверо суток под арестом и по письменному распоряжению окружного начальника

---

[179] ИО, ч. II, отд. I, стр. 76—77; *А. З.* О домашнем суде между государственными крестьянами (ЖМГИ, 1846 г., ч. XVIII, отд. III, стр. 301—312); Отч., 1856 г., ведомость № 7.

[180] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 98.

[181] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 83—84.

[182] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4198 (разные губернии); 1843 г., д. 5022, л. 9 (Курская губерния); д. 5026, л. 38; д. 5034, лл. 16, 24 (Пензенская и Тамбовская губернии); д. 5036, л. 29 (разные губернии); 1846 г., д. 8861, приложение, т. I, лл. 122, 281, 292 (Пермская губерния); 1847 г., д. 10257, т. I, лл. 264—265 (Казанская губерния); 1848 г., д. 11481, л. 122 (Калужская губерния); 1850 г., д. 15695, т. I, лл. 189—190 (Архангельская губерния); 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 83—84 (Вятская губерния); д. 19297, л. 42 (Вологодская губерния); 1853 г., д. 19352, л. 27 (Псковская губерния); 1854 г., д. 23109, ч. II, л. 158 (Ярославская губерния); д. 23113, л. 30 (Олонецкая губерния); 1855 г., д. 21709, ч. IV, л. 162 (Пермская губерния); ф. Кнц М, 1847 г., д. 723, ч. I, лл. 48—52; 1848 г., д. 779, лл. 147—148.

наказали 20 ударами розог «в пример прочим» за то, что он ходил с жалобой к ревизору «помимо сельского, волостного и окружного начальства». На основании приказа окружного начальника сельская расправа задним числом вынесла соответствующий приговор, который был представлен ревизору в качестве оправдательного документа. Ревизор с полным основанием нашел в этом деле грубое нарушение действующего закона, который признавал за крестьянами право жалобы и воспрещал чиновникам собственной властью налагать на крестьян какие бы то ни было наказания [183].

Немудрено, что сельские и волостные расправы не пользовались в глазах крестьян никаким авторитетом и доверием. Минуя расправы, они обращались с жалобами или к окружному начальнику, или непосредственно в Палату. Среди народностей Поволжья по давнему обычаю продолжал существовать «суд старейшин» [184].

Киселеву было хорошо известно, что «окружные начальники вмешиваются во внутренние дела обществ и даже приказывают составлять приговоры по своему желанию»; поэтому еще 21 апреля 1844 года он предписал Палатам, «чтобы окружные начальники отнюдь не вмешивались в суждения по делам, принадлежащим расправам, и наблюдали только за исполнением преподанных им правил и за порядком в составлении сходов» [185]. Тем не менее практика полновластного администрирования продолжала господствовать в государственной деревне на протяжении всего периода управления Киселева: к этому толкали не только «преподанные правила» 1838—1841 годов, но и вся обстановка феодально-крепостнического государства, особенно в реакционные годы николаевского царствования.

Опираясь на поддержку окружных начальников и развращаемые всей системой чиновничьего управления, волостные и сельские «выборные» торопились использовать период своих полномочий не только в интересах ближайшего начальства, но и в свою собственную пользу. Количество следствий о растратах и поборах голов, старшин, сборщиков податей, писарей и других представителей деревенской администрации достигло в 40—50-х годах чудовищных размеров. Волостные и сельские власти следовали примеру и указаниям своего непосредственного начальства. Большей частью окружные и губернские чиновники оставались скрытыми за спиной своих низших деревенских агентов; только в редких случаях ревизорам удавалось разоблачить потайные нити, которые вели от городских канцелярий к волостным правлениям и сельским обществам. Поэтому трудно определить, какая доля хищений и вымогательств падала на главных виновников сложившегося порядка, какая — на добровольных или подневольных исполнителей их приказаний. Но самая система организованного грабежа государственной деревни на основании ревизорских отчетов раскрывается во всех своих отталкивающих подробностях.

Наиболее распространенной и удобной формой извлечения материальных выгод для «выборных» начальников были так называемые «самовольные сборы», не предусмотренные официальными сметами и не утвержденные органами Министерства. Усилия Киселева ликвидировать старинную практику этих разнообразных и неуловимых поборов, заменив их единым и обязательным «общественным сбором», не привела к желаемому результату. В дополнение к существующим налогам с крестьян продолжали собирать деньги по самым различным поводам и в самых неограниченных размерах. Иногда подобные сборы санкционировались волостными

---

183 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. VII, лл. 139—141.

184 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1845 г., д. 7595, т. II, л. 22; 1848 г., д. 10373, л. 8; 1849 г., д. 13370, л. 62; 1850 г., д. 15695, приложение, т. II, лл. 2—3.

185 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 99.

и сельскими сходами, получая полулегальную и открытую форму, чаще они взимались с крестьян помимо их ведома и согласия, вызывая массовое неудовольствие и ропот. Иногда сборы имели определенное целевое назначение: на дополнительное жалованье должностным лицам в том числе церковным старостам, сторожам, пастухам, сотским и пр., на угощение чиновников, на наем и содержание квартир для приезжающих, на разъезды «по делам службы», на починку мостов и даже «на облаву волка». Из этих собранных сумм бо́льшая часть оставалась в карманах деревенского начальства и местных чиновников; проверить правильность их расходования было невозможно, хотя порой для вида они заносились в особые неофициальные книги. Но бывали случаи, когда предприимчивые сборщики не утруждали себя изобретением поводов для взимания сбора, и крестьяне должны были платить по 13, 25, 60 копеек и более с ревизской души «на неизвестные предметы». Когда ревизоры пытались проверить использование собранных сумм, нередко оказывалось, что в постройке дома не было нужды, так как дом построен был раньше, что подводная повинность и исправление мостов производились крестьянами натурой и т. д. [186]

Наряду с этой замаскированной формой вымогательства существовало множество открытых и крайне беззастенчивых способов извлечения личных доходов: «выборные» и писаря не ограничивались собиранием с деревни картофеля, хлеба, масла, кур, поросят и других продуктов,— они старались воспользоваться каждым случаем, чтобы обложить крестьян принудительной пошлиной,— при выдаче хлебных ссуд, при разделе семейств, при раздаче пособий погорельцам и т. д. Особенно распространенным источником вымогательства была выдача увольнительных билетов и паспортов уходящим на заработки: прибавка в 5, 10, 15 копеек серебром к паспортному налогу, которую практиковали в Рязанской и Пермской губерниях, была ничтожной сравнительно с обязательной взяткой в Калужской губернии, где полагалось угощение вином и 50 копеек — 1 рубль серебром за каждый паспорт, или в Оренбургской губернии, где писаря требовали за каждый билет до 6 рублей серебром [187]. В Пермской губернии крестьяне-отходники должны были, помимо паспорта, запасаться особым «одобрением» сельского и волостного начальства, которое ручалось перед будущим нанимателем за добросовестную работу нанимающегося. Чтобы получить такое «одобрение», без которого не принимали на работу ни заводы, ни частные лица, нужно было оплатить не только гербовую бумагу, но и согласие лиц, выдававших документы. По свидетельству ревизора, «от произвола волостных и сельских начальников зависит снабдить или отказать крестьянину в одобрении, который в последнем случае лишается средств на заработку». Получив «одобрение», нанимавшийся оказывался в полной зависимости и от будущего нанима-

---

[186] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1516; 1843 г., д. 5319, л. 1; д. 5321, лл. 1, 16, 18; д. 5746, лл. 19—20 и т. д.; д. 5751, лл. 57—59, 321; 1846 г., д. 8864, т. I, л. 258; т. II, приложение, лл. 53—54, 207—208, 272; 1847 г., д. 10257, лл. 114—117; приложение, ч. I, лл. 109—110; 1850 г., д. 15694, приложение, л. 142; д. 15695, т. I, лл. 73—74; 1852 г., д. 19297, л. 55; 1856 г., д. 26474, л. 9; ф. V О, д. 26565, л. 113; д. 27147, л. 31; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 318—319, 414; 1848 г., л. 789, ч. I, л. 39; ГИАМО, ф. ПГИ, журналы, 1843 г., лл. 96, 125—126 и т. д.

[187] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5029 (Олонецкая губерния); д. 5049, лл. 6—7 (Калужская губерния); 1844 г., д. 6060, л. 9 (Калужская губерния); 1846 г., д. 7707, л. 23 (Новгородская и Тверская губернии); д. 8864, т. I, приложение, лл. 282, 456; приложение, т. I, лл. 117, 189; т. V, л. 228 (Пермская губерния); 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 65—66 (Казанская губерния); 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 1—3, 281 (Тамбовская и Воронежская губернии); 1849 г., д. 13396, л. 185 (Оренбургская губерния); 1851 г., д. 17763, л. 112 (Рязанская губерния); 1854 г., д. 23109, приложение, ч. II, л. 43 (Ярославская губерния); д. 23112, лл. 2—3 (Олонецкая губерния); 1856 г., д. 24709, ч. II, л. 161 (Пермская губерния); ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. II, л. 493 (Могилевская губерния); 1856 г., д. 1642, л. 22 (Минская губерния) и т. д.

теля, который мог пригрозить расправой сельского «мира», и от деревенского начальства, которое могло прибегнуть и действительно прибегало в отношении отходника к взысканию штрафа или наказанию розгами [188]

Для «выборных» крупным источником наживы было освобождение состоятельных крестьян от обязательного несения натуральных повинностей. Наряды на дорожные работы и на поставку подвод давали сельские старшины и писаря; от волостных голов и писарей зависело назначение очередей рекрутской повинности. Богатые крестьяне охотно платили десятки, иногда сотни рублей, чтобы откупиться от тяжелого труда по исправлению дорог, от дачи лошадей и особенно от солдатчины; получая крупные суммы, «выборные» охотно перелагали повинности на бедняков, которые не могли заплатить требуемую ими взятку [189].

Погоня за наживой приводила сельских и волостных начальников к организованным подлогам и к крупным растратам. Крестьяне, в подавляющей массе неграмотные и плохо разбиравшиеся в министерских табелях и платежных таблицах, становились жертвой систематического обмана со стороны сборщиков податей, старшин и голов. С крестьян брали больше податей, чем полагалось по окладным листам, записывали меньше, чем получали от них в действительности, требовали от них вторично уже внесенные суммы, беспощадно взыскивали недоимки, которые не числились за плательщиками. Многие сборщики податей присваивали себе собранные суммы частью или целиком; иногда у сборщиков, обязанных внести подати в казначейство, делали значительные «позаимствования» волостные головы; пользуясь безвластием и покорностью «мира», сельские старшины не созывали сходов для своевременного учета сборщиков, и на сельские общества ложилась большая недоимка. Иногда денежные растраты сборщиков достигали огромных размеров: в 1839 году сборщик села Макарово Воронежской губернии Федор Иваников растратил 2800 рублей ассигнациями; в 1848 году сборщик села Малый Сапожок Рязанской губернии Дормидонт Попов растратил около 4600 рублей ассигнациями. Общественные деньги присваивались и независимо от сбора податей: часто, проверяя наличность волостной кассы, ревизоры не находили суммы, значившейся по книгам. И здесь бывали большие растраты. Например, в 1849 году волостной голова Анисим Жизалов в Бузулукском округе Оренбургской губернии растратил 2800 рублей ассигнациями. По сведениям сенатора Давыдова, в 1851 году в одной Калужской губернии числились нерешенными 153 дела о растратах денежных сумм крестьянскими должностными лицами [190].

Головы и старшины широко пользовались своей властью, чтобы от имени «мира», но в собственных интересах предпринимать различные коммерческие операции: сбывать крестьянский хлеб и пеньку, эксплуа-

[188] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 39—40, 200; 1855 г., д. 24709, ч. III, л. 67.

[189] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, лл. 31, 87, 149 (Смоленская губерния); 1847 г., д. 10257, т. I, л. 114—115 (Казанская губерния); 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 2, 5, 89, (Тамбовская и Воронежская губернии); 1849 г., д. 13396, лл. 120—128 (Оренбургская губерния); 1851 г., д. 17763, л. 139; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 22; ГИАМО, ф. ПГИ, журнал, 1841 г., лл. 250—251 и т. д.

[190] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5005, л. 13 (Калужская губерния); д. 5309, лл. 1—2, 22—23 (Воронежская губерния); д. 5321, лл. 1, 28—29, 69 (Калужская губерния); 1844 г., д. 6669, лл. 18—19 (Орловская губерния); 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 229—230 (Пермская губерния); 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 36, 190—195 (Казанская губерния); 1848 г., д. 11480, отчет, л. 256 (Воронежская губерния); д. 11481, л. 35 (Рязанская губерния); 1849 г., д. 13396, лл. 162—163 (Оренбургская губерния); 1851 г., д. 15772, л. 3 (Калужская губерния); д. 17763, л. 132 (Оренбургская губерния); 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 197; д. 19297, л. 54 (Новгородская губерния); 1853 г., д. 19346, лл. 25—28 (Бессарабская область); 1855 г., д. 24709, ч. V, лл. 123—124 (Пермская губерния); ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 34—35; 1856 г., д. 1642, л. 18 (Минская губерния); ГИАМО, ф. ПГИ, журнал, 1843 г., лл. 346—347.

тировать мирские оброчные статьи, брать поставки на содержание лошадей для разъездов и пр. Доходы от этих предприятий частично или целиком присваивались «выборными» к огромному ущербу крестьянских обществ. Некоторые из таких дельцов в результате своих многолетних незаконных действий наживали себе значительные состояния,— таков был волостной голова Оханского округа Пермской губернии Гладков, который при поддержке окружного начальника систематически обирал крестьян Большесосновской волости [191].

Но сельские и волостные власти не гнушались и менее крупными «операциями». В разных губерниях ревизорам подавались жалобы на незаконное удержание деревенскими начальниками денежных сумм, принадлежавших отдельным крестьянам: заработной платы, вознаграждения за снятое помещение, денег за выполненные подряды, даже почтовых денежных переводов [192]. Особенно распространенной формой мелких хищений было присвоение жалованья, полагавшегося «выборным» начальникам: волостные головы и заседатели недодавали или вовсе не выдавали жалованья сельским старшинам и старостам; сельские власти в свою очередь присваивали деньги, предназначенные сторожам, полесовщикам, оспопрививателям и пр. В Троицкой волости Пермской губернии у всех должностных лиц удерживалось более половины жалованья, причем все без исключения обязаны были удостоверять получение всей суммы сполна: грамотные — собственноручной подписью, неграмотные — приложением своих печатей; те и другие делали это «по принуждению, опасаясь мщения волостных писарей» [193].

Смирные и покорные в отношении своего начальства, волостные и сельские «выборные» были грубыми и жестокими по отношению к рядовой крестьянской массе. Извлечение выгод всеми возможными — законными и незаконными — путями было неизбежно сопряжено с применением насилия. Внеэкономическое принуждение, неотъемлемо связанное с феодальным строем, находило себе ближайшее и непосредственное воплощение в лице волостных голов, сельских старшин, заседателей волостных правлений, сборщиков податей и особенно — волостных и сельских писарей. Отказ крестьян удовлетворить жадные аппетиты деревенского начальства вызывал со стороны начальства ответные удары, принимавшие разнообразные формы: отказ в удовлетворении просьбы, задержка в выдаче паспорта, несправедливое разрешение тяжбы в случае «необходимости» сменялись рукоприкладством, заключением в «чижовке», иногда — систематическим преследованием и применением жестоких телесных наказаний. «Самоуправство волостных начальников дошло до высочайшей степени и обратилось как бы в необходимость управления,— писал в 1849 году оренбургский ревизор Львов,— они усмотрены были почти в каждом селении, и нет отрасли сельского управления, которую лица эти не обратили в источник незаконных доходов и вымогательств. Кроме сего самоуправство некоторых из них дошло до того, что к вымогательствам присоединены были даже истязания...» [194] Окружные началь-

---

[191] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. II, лл. 2—6, 29—30 (Пермская губерния); 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, л. 79 (Казанская губерния); 1851 г., д. 17763, лл. 152—153 (Рязанская губерния); ф. II Д, 1849 г., д. 9396, лл. 493—494 (Ковенская губерния); ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. II, лл. 492—493 (Могилевская губерния).

[192] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, лл. 124—125 (Смоленская губерния); 1851 г., д. 17763, л. 155; 1852 г., д. 19297, лл. 52—53 и т. д. (Новгородская губерния); ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 38 и след (Могилевская губерния).

[193] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 7707, л. 23 (Новгородская и Тверская губернии); д. 8864, т. I, лл. 228, 230 и др. (Пермская губерния); 1849 г., д. 13396, лл. 181—182 (Оренбургская губерния); 1851 г., д. 17763, лл. 132, 140 (Рязанская губерния); 1854 г., д. 23109, ч. II, л. 32 (Ярославская губерния).

[194] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 153—154.

ники и управляющие Палат смотрели на эти «злоупотребления» сквозь пальцы: такова была система управления, которую они сами поддерживали и сознательно применяли на практике. Однажды управляющий Минской палатой Калакуцкий приехал в Столпецкое сельское общество. Его встретили крестьяне во главе с «выборными» и священником. Не отвечая на приветствия, управляющий обратился к сельскому старшине Жибулю со следующим назиданием: «Держи крестьян строго, наказывай по 500 ударов, а в приговоры записывай по 50 ударов» [195]. И деревенские начальники усердно выполняли это наставление свыше. Материалы ревизий сохранили бесчисленные примеры насилий и надругательств, которым подвергали подвластное население низшие агенты сельской администрации. Обычно эти методы применялись по отношению к средним и обедневшим крестьянам; зажиточные задаривали начальство и превращали его в орудие собственных интересов. В Усть-Зулинском обществе Пермской губернии в 1846 году жили крестьяне Пикулевы. Двое из них, Никифор и Наум, были богатыми хозяевами и пользовались расположением сельского старшины Никитина: при наделении землей они получали бóльшие наделы, а при раскладке податей на них налагали меньшие суммы. Иное положение создалось для третьего крестьянина, Лариона Пикулева: старшина самовольно наложил на него повышенный оклад податей, и когда волостное правление за большую взятку (25 рублей ассигнациями) постановило увеличить его земельный надел в соответствии с количеством душ семьи, старшина Никитин отвел ему 6 сажен сенокоса, но отказал в расширении пашенных угодий; позднее и часть отведенного сенокоса была отобрана у Лариона Пикулева и отдана его богатым родственникам, Никифору и Науму. Ларион пытался вступить в объяснение с сельским управлением, но старшина жестоко избил его и посадил в «чижовку», приговаривая: «...вот тебе надел по душам земли». В довершение всех бедствий сына Лариона Пикулева несправедливо обвинили в убийстве лошади, и старшина двое суток держал отца в сельском управлении, вымогая у него побоями 25 рублей «за лошадь». В отсутствие Лариона Пикулева богатые родственники произвели у него кражу вещей на сумму 150 рублей ассигнациями. Когда обиженный пришел жаловаться в сельское управление, старшина приказал положить его на пол и три раза высечь розгами; десятские, которые «опасались наказывать его жестоко», по приказанию старшины подверглись той же участи [196].

Еще более вопиющим было дело, вскрытое в 1846 году при ревизии Тверского управления вице-директором Нефедьевым. В деревне Тураева Тверской губернии проживала крестьянка Василиса Трофимова, оставшаяся после смерти мужа с пятью малолетними детьми и испытывавшая сильную нужду. Наконец, подрос старший сын Трофимовой, Тарас Осипов, хороший работник, способный поправить домашнее хозяйство своей матери. Зная с этой стороны Осипова, его решил использовать как дарового батрака односельчанин Иван Архипов, «известный своим дурным поведением» и заручившийся поддержкой волостного головы, сельского старшины и «добросовестных». Он предложил Трофимовой отдать сына в мужья за его дочь, но с тем чтобы молодой Тарас Осипов переселился в семью своего тестя. И Трофимова, и ее сын решительно отказались от этого предложения. Через несколько недель Осипов порядился на работу в Московскую губернию и попросил сельское управление выдать ему паспорт. Но старшина, подученный Иваном Архиповым, отказал Осипову в паспорте и объявил что он «как «бездомный» должен быть сдан в рекруты. Одновременно сельские власти стали уговаривать Трофимову согла-

[195] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 10.
[196] ЦГИАЛ, ф. 1 Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. III, лл. 42—45.

ситься на предложение Архипова, угрожая ей, что иначе она вовсе лишится сына. Сам Архипов дал обещание поддержать ее расстроенное хозяйство: покрыть ее дом новой крышей, привести в порядок ее двор, обработать огород и пр. Самого Осипова не только уговаривали, но и подпаивали вином, угощая его и в доме сельского управления, и в питейном заведении, и у самого Архипова. В конце концов убеждениями и запугиваниями сопротивление Тараса Осипова было сломлено. Женив его на своей дочери, Архипов немедленно отдал его на сторону в работники, получив за него в первый же год около 200 рублей ассигнациями. Обещания, данные Трофимовой, были забыты, а когда соседний помещик, барон Бухгольц, довел до сведения Палаты о незаконных действиях сельского управления, это заступничество привело к обратным последствиям: Тарас Осипов был вызван в сельское управление, подвергнут жестокому сечению розгами и занесен в штрафную книгу. Жалоба, принесенная Трофимовой, была оставлена без последствий, причем Тверская палата приказала ей и ее сыну «на будущее время не утруждать без причины начальство». Наказание Осипова было санкционировано сельской расправой, которая обвинила его в том, что два года тому назад, во время сватовства Ивана Архипова, он, Осипов, находился в нетрезвом состоянии [197].

Применяя к крестьянам телесные наказания, деревенские начальники переходили все границы дозволенного. В июле 1844 года ачитский сельский старшина Долинов в Пермской губернии самовольно дал 150 ударов розгами крестьянке Шугаловой за ссору с солдатками Хрущовыми и одновременно избил ее мужа Федора Шугалова [198]. В 1848 году «был избит старшиною и приведен в болезненное состояние» крестьянин села Архангельского Тамбовской губернии Ефим Москаленко за то, что его сын сорвал в общественном саду несколько вишен; тот же старшина нанес жестокие побои крестьянину Дроволю за то, что тот осуждал его развратное поведение; не удовлетворившись побоями, старшина приказал без приговора высечь крестьянина розгами и отобрал от него 100 рублей ассигнациями «за бесчестие» [199]. В селе Манчаж Пермской губернии писарь Алексеев у себя на квартире без суда и расправы наказал плетьми крестьянина Рахматуллина [200]. В селе Вышинском Тамбовской губернии писарь Лука Новиков избивал крестьян «кнутом непомерной толщины» [201], который крестьянам удалось доставить самому ревизору. Особенно неистовствовали сельские власти, когда жертвы их преступлений осмеливались жаловаться высшему начальству. В той же Пермской губернии за жалобу, поданную ревизору Арцимовичу, представитель Ганского общества крестьянин Гагарин был схвачен заседателем волостного правления, «закован в железа» и заключен в сельскую тюрьму, где пробыл на голодном пайке в течение 6 месяцев; в результате этого незаконного ареста хозяйство Гагарина расстроилось и он попал в положение неоплатного недоимщика. Выпущенный на свободу Гагарин снова подал жалобу ревизору и снова, закованный в кандалы, был оставлен под караулом при сельском управлении. На этот раз деревенские власти, поддерживаемые становым приставом и окружным начальником, начали против Гагарина дело о «вредных разглашениях» и возбуждении крестьян против начальства. Вмешательство ревизора оказалось безуспешным, и только бегство Гагарина из родной деревни спасло его от дальнейших преследований со стороны раздраженной сельской администра-

---

197 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 541—543.
198 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 28—30.
199 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 182.
200 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. V, л. 302
201 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 4.

ции[202]. В Харьковской губернии подавших в Палату жалобу крестьян села Борвенково Копьева и Склярова волостной голова Василенко «велел держать на морозе в жестокую стужу, от чего Копьев, старик лет 60-ти, едва не лишился жизни»[203]. Факты побоев и истязаний крестьян, иногда «до кровавых знаков», регистрировались ревизорами и министерскими циркулярами в самых различных губерниях[204].

Крестьянский «мир» не был свободен даже в решении узко-хозяйственных вопросов. Воплощая в своем лице феодальную власть землевладельца-казны, окружные начальники и их деревенские агенты не ограничивались надзором за ведением крестьянского хлебопашества и скотоводства, который был установлен законами 1838—1841 годов; они назойливо вмешивались в хозяйственную жизнь деревни, предписывая крестьянам держаться тех или иных цен на хлеб (так действовал вельский окружный начальник в Вологодской губернии), оказывая влияние на частные сделки, заключавшиеся крестьянами (об этом незаконном явлении специально говорил министерский циркуляр от 28 августа 1843 года), отправляя на принудительные работы не только недоимочных крестьян, но и исправных плательщиков, и не только в районах «хозяйственного положения», но и во внутренних оброчных губерниях[205]. И здесь ближайшие «попечители» государственной деревни руководились больше всего личными выгодами, плохо считаясь с действующим законом и нарушая интересы крестьянского общества.

Феодальный характер «попечительного управления» не менее ярко обнаруживался в форме непосредственной эксплуатации крестьянского труда со стороны местных чиновников и «выборных» начальников. Фактически подобные работы «на начальство» были обязательными и назначались по наряду; формально они объявлялись «помочами» или маскировались выдачей ничтожного вознаграждения, т. е. фиктивным наймом. Такая практика существовала не только в районах «хозяйственного положения», где крестьяне привыкли отбывать барщину арендаторам, но и в оброчных губерниях, одинаково — в центре, на севере и на юге. В Тверской губернии зимой 1845 года сотни крестьян из нескольких деревень за ничтожную плату отбывали тяжелую подводную повинность управляющему Палатой барону Фредериксу. В Херсонской губернии крестьяне косили и возили сено окружному начальнику Петровскому. В Харьковской губернии женщины должны были разматывать пряжу окружному начальнику Эллину, а мужчины бесплатно обрабатывать хуторскую землю его помощнику Бородаевскому. В Пермской губернии юкеевский сельский старшина Батуев заставлял крестьян-бедняков возить строевой лес, который он порядился поставить на соляные промыслы, а косинский старшина Курганов — бесплатно отбывать за него дорожную повинность; троицкий писарь Коровяков, по словам крестьян, чрезмерно поработил их бесплатной доставкой леса для постройки его

---

202 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. III, лл. 5—13.

203 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2829, л. 6.

204 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3966, лл. 38—39 (Оренбургская губерния); д. 3973, л. 2 (Вятская губерния); 1843 г., д. 5751, лл. 123—124 (Смоленская губерния); 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 459, 506—508; т. IV, л. 40 и т. д.; т. V, лл. 168—171, 180—182; т. VI (отношение 26 февраля 1848 г., Пермская губерния); 1847 г., д. 10257, т. I, л. 45 (Казанская губерния); 1849 г., д. 13396, л. 158 (Оренбургская губерния), 1850 г., д. 15695, ч. I, л. 16 (Архангельская губерния); 1852 г., д. 19297, л. 58 (Новогородская губерния); 1853 г., д. 19316, лл. 3—20 (Бессарабская область); 1854 г., д. 23112, л. 18 (Олонецкая губерния); 1855 г., д. 24709, ч. III, лл. 22—23; ч. VII, лл. 340—341; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 28 (Казанская губерния), ф. Прав. сената, 1850 г., № 142; ф. V О, д. 27245, л. 56; ГИАМО, ф. ПГИ, журналы 27 октября 1839 г. и 8 декабря 1842 г.

205 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2279, лл. 42—43; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 493; 1848 г., д. 789, ч. II, лл. 494—495.

дома. В Московской губернии крестьяне Грибановской волости жаловались Палате на «добросовестного» Лариона Михайлова, который обманным образом заставил их унавозить его пашню, скосить его сено и сжать его хлеб. В Минской губернии писаря систематически использовали сторожей сельского управления для работы на своих полевых и сенокосных участках. В Могилевской губернии эту фактическую барщину отбывали не только сторожа, но и местные крестьяне[206].

5. Оценка управления П. Д. Киселевым

Как реагировали центральные органы Министерства на открывавшиеся волокиту, небрежность, поборы и насилия, которые господствовали в практике местного управления? Обычно ревизорские отчеты проходили через соответствующие департаменты, обсуждались на заседании Совета министра и докладывались самому Киселеву. Тенденция, которая ясно обнаруживается в постановлениях департамента, была смягчить и затушевать резкие выводы ревизора; иногда с той же целью посылались для проверки новые, более покладистые чиновники. Совет министра, фактически руководимый Карнеевым и Гамалеей, высказывался более решительно и откровенно, но и здесь наблюдалось стремление избегать строгих организационных выводов: многие чиновники, виновные в вопиющих злоупотреблениях, отделывались выговорами и перемещениями в другую губернию; некоторые, более виновные, увольнялись со службы; сравнительно небольшой процент предавался официальному следствию и суду. Гораздо чаще подвергались судебному преследованию волостные головы, сельские старшины, сборщики податей и писаря. Предложения Совета министра вместе с материалами ревизии поступали на утверждение Киселева, который наиболее откровенно высказывал свое мнение. Его многочисленные замечания и резолюции, данные тут же, на полях отчетов, донесений, журналов, и позднее сводившиеся в известную систему, звучали иначе, чем оптимистические отчеты и всеподданнейшие доклады. «По хозяйственной части ничего не сделано, и даже мало или вовсе поселяне не защищаются новым управлением от прежних привычных притеснений», «неимоверные злоупотребления и беспорядки», «удивляюсь, каким образом все это могло оставаться без преследования более 15 лет»,— такие отзывы были нередки в суждениях министра государственных имуществ о системе управления его собственного ведомства[207].

В секретном циркуляре 1842 года Киселев публично признал, что «во многих местах окружные начальники государственных имуществ и их помощники дозволяют себе и подчиненным им волостным и сельским начальникам разными способами продолжать прежнее вымогательство от крестьян денег». Этот обобщающий вывод получил конкретное раскрытие в специальном приложении к циркуляру: здесь давалась подробная классификация «противузаконных поборов», взимавшихся в самых разнообразных случаях деревенской жизни: при выборах на волостные и сельские должности, при перечислении в другие сословия, при найме в рекруты, при сдаче оброчных статей и т. д.[208]

Какие же меры принимало Министерство во главе с самим Киселевым для устранения обнаруженных «злоупотреблений и беспорядков»? Помимо чисто отрицательных мер — удаления или предания суду виновных чи-

[206] ЦГИАЛ, ф. I Д. 1840 г., д. 2829, лл. 2—3; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 103, 105, 108, 155—156; 1847 г., д. 9990, ч. I, лл. 414—416; 1856 г., д. 24709, ч. II, л. 78; ч. VII, л. 319 ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 37; 1852 г., д. 1241, ч. I, л. 161; 1856 г., д. 1642, л. 17; ГИАМО, ф. ПГИ, журнал 20 июля 1843 г.

[207] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23111, л. 24; ф. II Д. 1841 г., д. 2981, л. 7; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 287—288.

[208] ЗД, IV, стр. 192—193.

новников, выносились многочисленные постановления, напоминавшие Палатам о действующих законах и требовавшие от них устранения замеченных недостатков. Через некоторое время назначалась новая поверочная ревизия, которая находила или старалась найти некоторые улучшения в методах местного управления [209]. Орудием психологического воздействия на чиновников и выборных служили циркуляры министра, которые объявляли благодарность отличившимся в сборе податей, увеличении посевов, борьбе с пожарами и так далее и, с другой стороны, обличали и карали замеченные злоупотребления. Время от времени сообщалось о высочайших наградах чиновникам Министерства, заслужившим отличную репутацию, в том числе в виде пожалования землей (например, А. П. Заблоцкий-Десятовский получил в 1841 году значительное имение в 1500 десятин); хорошо аттестуемые «выборные» получали почетные кафтаны и денежные награды [210].

В основе всех принимавшихся мер лежало глубокое убеждение Киселева если не в совершенстве, то в высоких качествах проводимой реформы. С точки зрения Киселева, избранная административная система нуждалась в частичных усовершенствованиях и добросовестных исполнителях. «Злоупотребления и беспорядки» казались ему естественным результатом двух неотвратимых явлений: невежества крестьян и недостатка честных чиновников; самая реформа была обдуманна и прекрасна, но крестьяне не доросли до нее и требовали воспитательного влияния со стороны просвещенной администрации, а представители администрации вследствие культурной отсталости государства не все прониклись благими начинаниями правительства и нуждались в систематическом надзоре и исправлении.

Эту руководящую мысль Киселев отчетливо выразил в заключительной части своего отчета за 1847 год: «...хотя повторяются иногда в нижнем слое управления притязания и действия корыстные, поддерживаемые отчасти обычаями самих крестьян, которые в течение столетий привыкли к мысли, что расположение начальства нельзя иначе приобрести, как приношением; но зло сие при законном преследовании, при строгом выборе начальствующих лиц и при свободном доступе жалоб должно искорениться постепенно» [211]. Смягчая темные краски, Киселев делал вид, что «притязания и действия корыстные» встречаются только «иногда» и затрагивают исключительно «нижний слой управления», т. е. вступал в противоречие с собственными резолюциями и циркулярами. Последующие годы управления Министерством не оправдали высказанного им прогноза: выбор «начальствующих лиц» остался в зависимости от прежних социально-политических мотивов, а доступ крестьянских жалоб не сделался свободнее и действеннее, чем раньше.

Феодальное мировоззрение Киселева и его личное положение в системе крепостнического государства мешали ему понять, что основным источником «злоупотреблений» была сама проводимая реформа, неразрывно связанная с существующим строем и призванная сохранить его устои. Методы феодального управления, которые расцвели под эгидой Министерства государственных имуществ, принципиально ничем не отличались от приемов прежней администрации, действовавшей до 1838 года. Реформа Киселева сохранила и еще более укрепила власть дворянина-чиновника

---

[209] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 89; д. 27239, лл. 85, 176—177; д. 27245, л. 103; ф. Киц М, 1841 г., д. 345, лл. 103—105; д. 350, ч. I, л. 13; 1853 г., д. 1350, ч. II, л. 100; 1855 г., д. 1577, ч. I, лл. 16—17 и др.— В одной Пермской губернии после ревизии Арцимовича было указано и предано суду свыше 100 человек (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. II, л. 392 и след.).

[210] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1841 г., д. 350, ч. I, лл. 107, 210—211.

[211] Отч., 1847 г., стр. 30—31.

над эксплуатируемым крестьянским миром; создав множественные инстанции и усилив начало бюрократизма, реформа увеличила традиционную волокиту и расширила поле для произвола чиновника. Управление нового Министерства совпало с тем периодом, когда разложение феодального строя достигло наибольшей силы и отжившая хозяйственная, политическая и административная система вступила в период окончательного упадка; отсюда те отталкивающие проявления бездушного формализма, вымогательства и насилий, которые отличают властвование дворянина-чиновника в государственной деревне 40—50-х годов XIX века. Киселев заменял скомпрометированных лиц новыми кандидатами, но они оказывались нисколько не лучше прежних; он назначал повторные ревизии, но они обнаруживали прежние, а иногда еще бо́льшие преступления; он объявлял благодарность лучшим Палатам и награждал отличившихся чиновников, но впоследствии оказывалось, что награжденные и прославленные чины Министерства виновны в таких же правонарушениях, какие вменялись другим представителем служебного аппарата. Каковы бы ни были субъективные стремления Киселева, какие бы противоречия ни были заложены в реформе 1838—1841 годов, ее основная задача — сохранить социально-политические основы феодального строя — неизбежно влекла за собой преобладание реакционно-феодальных методов управления над зачатками новых, буржуазных тенденций. Такой результат практического применения реформы наложил свою печать на все стороны деятельности и центральных, и местных органов Министерства государственных имуществ.

6. Денежные сборы

Из всех функций, какие были возложены на Министерство государственных имуществ, наибольшее внимание его органов привлекало к себе взимание денежных и натуральных повинностей. Ни один вопрос не вызывал такого количества циркуляров, как вопрос о своевременном взыскании подушной подати, оброка и других денежных сборов. Подгоняемый Министерством финансов, Киселев стремился оправдать создание нового ведомства финансовыми успехами своей деятельности. Каждый год Министерство публиковало итоги денежных поступлений, отмечая особо, какие губернии выполнили свои обязанности «успешно», какие — «удовлетворительно» и какие — «неисправно». Палаты и округа, полностью «очистившие» оклады, получали похвалы и «высочайшее благоволение» в передаче министерских циркуляров, виновные в недоборах — замечания, а иногда — строгие выговоры [212]. О способностях управляющих и окружных начальников судили прежде всего по результатам взыскания податей и недоимок. В свою очередь местные чиновники и «выборные» не жалели сил, чтобы выжать из крестьян максимальные суммы причитающегося казенного дохода. Хотя Киселев в 1839 году торжественно объявил, что «с учреждением нового управления Палаты снабжены всеми средствами производить взыскания податей без усильных и отяготительных для крестьян мер», но последующие донесения ревизоров быстро развеяли это иллюзорное представление. Взимая денежные сборы, окружные, волостные и сельские начальники широко практиковали не только «внушения», но и «понуждения», не только отбирали у крестьян движимое иму-

---

[212] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. II, лл. 139, 384; 1841 г., д. 350, ч. I, лл. 93, 245—246; ч. II, лл. 172, 192, 353—354; 1843 г., д. 520, лл. 206, 210, 332, 371, 538, 611, 685, 709; 1853 г., д. 1350, ч. II, лл. 190—192; 1854 г., д. 1474, ч. I, лл. 550—551; ч. II, лл. 405—406; 1856 г., д. 1667, ч. I, л. 52; ч. II, лл. 229—231, 340; ч. III, л. 240; ф. V О, д. 27147, лл. 31, 100; д. 27204, лл. 122, 129—130, 132—133, 157; д. 27211, л. 3; д. 27217, лл. 55, 66; д. 27221, лл. 116, 141; д. 27228, лл. 31—32; 156, 177 и т. д.

щество (например, верхнюю одежду в период зимних морозов или косы во время летнего сенокоса), но и буквально «выколачивали» подати рукоприкладством и розгами [213]. В Вятской губернии крестьянские взносы за первую половину года должны были поступать не позже 15 марта — отсрочки не допускали ни при каких условиях. По словам ревизора Брилевича, «нередко тысячи крестьян должны [были] продать за бесценок последнюю скотину, занять деньги за огромные проценты или на других тяжелых условиях единственно для того, чтобы начальник губернии или управляющий Палатой обратили на себя внимание правительства» [214]. По свидетельству могилевского ревизора Пташинского, «при взыскании податей не щадят ни скота, ни одежды, и жестокости сопровождаются иногда хитростью», например сдачей за бесценок без ведома крестьян оброчных статей сельского общества [215]. В некоторых губерниях подати за нуждающихся крестьян вносились зажиточными хозяевами, которые позднее, после уборки хлеба, сторицей взыскивали уплаченные деньги через официальных сборщиков. В Пермской губернии бедняки, не имея денег на уплату государственных сборов, прибегали к крайнему средству, закладывали свои наделы зажиточным односельчанам, а сами, забрасывая хозяйство, отправлялись на поиски заработков; «а как плата за работы весьма скудна,— прибавлял пермский ревизор Арцимович,— то они и не могут получить обратно заложенных участков и таким образом лишаются своего домообзаводства и делаются всегдашними работниками зажиточных крестьян,— вследствие допущения сего число бедных увеличивается к удовольствию богатых» [216].

На протяжении 19-летнего управления Киселева денежные сборы с государственных крестьян показывали тенденцию к неуклонному возвышению. Меньше всего менялись основные сборы — подушная подать и оброчная рента, с 1840 года переведенные с ассигнационного курса на серебро. Подушная подать оставалась на прежнем уровне —95 копеек с души, оброк испытал некоторое увеличение в связи с преобразованием душевого сбора в поземельно-промысловый. Заметная тенденция к усилению этих основных источников казенного дохода обнаружилась после 9-й ревизии 1850 года, зарегистрировавшей рост населения в государственной деревне. По ежегодным отчетам министра государственных имуществ, оклады подушной подати и оброка за 1843—1856 годы были определены в следующих размерах (табл. 1).

Таблица 1

Размеры подушной подати и оброка*

Годы	Оклады		Годы	Оклады	
	руб.	коп.		руб.	коп.
1843	25 182 610	16	1850	24 947 566	74 1/2
1844	25 230 588	28 3/4	1851	25 555 500	5
1845	24 766 132	35	1852	26 895 846	23 1/2
1846	25 440 218	18 3/4	1853	26 711 939	21 1/4
1847	25 337 683	49 3/4	1854	26 959 633	81 3/4
1848	25 287 795	28 1/4	1855	26 795 012	8 1/4
1849	25 317 296	59 1/2	1856	26 472 262	22 1/4

* Отч., 1843—1856 гг.

213 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. I л. 127; ф. V О, д. 27228, л. 177, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 322; 1846 г., 1847 г., д. 10257, приложение, лл. 117, 183; 1855 г., д. 21709, ч. IV, л. 164; 1856 г., д. 26476, лл. 38—39 и т. д.

214 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 35.

215 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 37.

216 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 232; т. II, л. 120.

Но если подушные и оброчные сборы составляли более или менее постоянную величину, то иначе эволюционировали денежный сбор на земские повинности, введенный задолго до образования Министерства государственных имуществ, и общественный сбор, впервые установленный законом 1840 года. По данным тех же отчетов, оклады этих налогов непрерывно увеличивались и к концу управления Киселева значительно переросли первоначальную цифру (табл. 2).

Таблица 2

Размеры земского и общественного сборов
(в серебре)

Годы	Земский сбор		Общественный сбор	
	руб.	коп.	руб.	коп.
1842	2 828 199	$48^1/_7$	3 450 356	$88^6/_7$
1843	2 948 126	$56^1/_4$	4 493 394	$92^1/_2$
1844	3 165 645	$14^1/_2$	4 547 413	$99^1/_2$
1845	3 294 021	$3^1/_4$	4 626 268	$50^1/_4$
1846	3 611 321	11	4 712 080	62
1847	3 949 941	52	4 776 891	29
1848	4 174 341	$36^1/_2$	4 769 586	$85^1/_2$
1849	4 458 088	$55^1/_4$	4 762 074	$56^1/_4$
1850	4 399 001	57	4 759 509	4
1851	4 946 739	$36^1/_4$	4 982 159	$74^3/_4$
1852	5 050 578	$79^3/_4$	5 442 267	$4^1/_2$
1853	5 641 504	5	5 423 466	44
1854	6 910 948	54	5 471 562	91
1855	6 943 021	66	5 554 822	—
1856	6 742 530	$76^1/_4$	5 377 396	$71^3/_4$

Таким образом, за 15 лет общественный сбор, который заменил собой прежние «мирские сборы», вырос в $1^1/_2$ раза, а земские повинности (на проложение дорог, на содержание войск и пр.) — почти в $2^1/_2$ раза. Однако этим не исчерпывались денежные поступления крестьян в государственную казну. Ежегодно деревня должна была выплачивать: 1) сбор на народное продовольствие, который за 1845—1856 годы колебался между 421 906 и 496 296 рублями; 2) недоимку за предыдущие годы, которая к 1854 году достигла почти 26 миллионов рублей, и 3) так называемые «казенные взыскания» (за самовольные порубки, за непоказанные ревизские души и пр.), которые составляли тоже немалую сумму (например, в 1855 году 303 053 рубля $15^1/_2$ копейки). Если соединить все эти сборы, то окажется, что на государственных крестьянах 40—50-х годов XIX века лежал ежегодный долг, колебавшийся между 59 159 042 рублями $36^1/_2$ копейками (в 1847 году) и 65 849 319 рублями $10^3/_4$ копейками (в 1854 году). Разнося эти суммы на количество мужского населения, мы получаем от 7 рублей 28 копеек до 7 рублей 44 копейки серебром на ревизскую душу. В 1855—1856 годах в связи с переменой царствования произошло двукратное сложение накопившихся недоимок,— это понизило ежегодный оклад причитающихся взносов; в 1856 году (последний год управления Киселева) он составлял 44 990 397 рублей 90 копеек, т. е. 5 рублей 13 копеек серебром на душу [217].

---

[217] Кроме отчетов министра см. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 27—28, 45—46.

Были ли по силам такие денежные повинности подавляющей массе государственного крестьянства?

Сам Киселев, убежденный в благотворном влиянии проводимой реформы (особенно в первые годы своего управления), называл денежные обязательства крестьян «умеренными» и объявлял в циркуляре 1843 года, что он считает себя вправе «не принимать от г. г. управляющих отговорок о затруднениях своевременного сбора податей» [218].

Действительно, размеры душевого оброка, платимого государственными крестьянами, сами по себе были ниже оброка, взимавшегося с других категорий феодальных плательщиков. Если мы сопоставим средний оброк, падавший на ревизскую душу в имениях казенных, частновладельческих и удельных в 50-х годах XIX века, то получим следующие погубернские итоги (табл. 3).

Таблица 3

Размеры душевого оброка *

Губернии	С государственных крестьян		С помещичьих крестьян		С удельных крестьян	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Вятская	2	91	—	—	3	31
Казанская	2	85	—	—	3	45
Саратовская	2	77	10	65	5	—
Владимирская	2	69	8	38	—	—
Самарская	2	61	11	24	—	—
Тверская	2	58	7	1	—	—
Калужская	2	52	8	98	—	—
Тамбовская	2	52	7	48	—	—
Смоленская	2	52	7	6	—	—
Пензенская	2	42	7	70	—	—
Оренбургская	2	41	—	—	3	8
Тульская	2	37	9	9	—	—
Харьковская	2	35	5	67	—	—
Вологодская	2	34	7	49	—	—
Орловская	2	33	8	58	—	—
Московская	2	32	8	41	3	44
Ярославская	2	30	10	54	—	—
Костромская	2	30	7	76	3	56
Воронежская	2	22	7	10	—	—
Курская	2	22	5	20	—	—
Псковская	2	12	9	39	—	—
Нижегородская	2	—	8	93	3	71
Рязанская	1	91	7	55	—	—
Петербургская	1	87	11	31	—	—
Новгородская	1	88	9	—	—	—

* Оброк государственных крестьян вычислен на основании данных об окладе податей и о числе государственных крестьян в 1856 году (Отч., 1856 г., ведомости № 1 и 5). Оброк помещичьих крестьян за 1858 год показан по Материалам редакционных комиссий в обработке И. И. Игнатович (И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. II, М., 1910, стр. 80, 298). Оброк с тягла переведен на души на основании показаний 26 членов губернских комитетов второго приглашения (А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование имп. Александра II, т. III. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 1278—1292). Оброк удельных крестьян взят из «Истории уделов за 100 лет их существования», т. II. СПб, 1897, стр. 133—135.

[218] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 651.

Как видим, помещичьи крестьяне платили в среднем в 3, 4, иногда в 6 раз больше государственных; кроме того, в казенных имениях оброк ложился равномернее на крестьян различных губерний и селений. Оброк удельных крестьян был выше, чем оброк государственных, но не в такой степени, как помещичьих. Эти цифровые показатели совпадают с общими сведениями о степени феодальной эксплуатации каждой из трех основных категорий крестьян в крепостную эпоху.

Однако и такой оброк в сочетании с другими денежными взысканиями оказывался непосильным для населения государственной деревни. В некоторых районах, действительно, удавалось очистить годовой оклад, погасить некоторую часть недоимок, а иногда — при особой ревности начальства — взыскать с крестьян известную долю поступлений в счет будущего года; но эти успешные итоги были не правилом, а счастливым исключением для Министерства государственных имуществ [219]. Подводя итоги финансовой деятельности Киселева, мы убеждаемся в полном несоответствии между его оптимистическими оценками и действительным положением вещей: денежные поступления государственных крестьян систематически отставали от годовых окладов; из года в год на государственной деревне нарастали новые и новые недоимки. Это явление обратило на себя внимание Министерства еще в период управления Киселева: о недоимках велась специальная переписка между Департаментами и губернскими Палатами; причины усиливающихся недоборов должны были выяснять также оценочные комиссии [220]. После отставки Киселева вопросом о недоимках государственных крестьян заинтересовался Комитет министров, который потребовал от соответствующих министерств подробного объяснения данного явления. На основании собранных и проверенных данных оказалось, что к 1838 году, т. е. к моменту учреждения нового Министерства, на государственных крестьянах лежала недоимка в сумме 18 707 062 рублей 9 копеек серебром; к 1856 году — последнему году управления Киселева — недоимка выросла до 28 413 315 рублей 42¾ копейки, т. е. на 65%. Особенно недоимочными были земледельческие губернии — не только черноземного центра, но и более южных районов: Харьковская губерния накопила к 1856 году недоимку в 5 023 133 рубля (т. е. по 15 рублей 96½ копейки на ревизскую душу), Екатеринославская — в 3 020 585 рублей (по 14 рублей 9¾ копейки на душу), Пензенская — в 2 474 247 рублей 85¾ копейки (по 11 рублей 11 копеек на душу), Тамбовская — в 2 427 717 рублей 87¼ копейки (по 6 рублей 27¼ копейки на душу) и т. д. Более благополучными были промышленные губернии (наименьшую недоимку имели Ярославская и Костромская губернии), а также многоземельные восточные и северные районы. Однако и здесь на государственных крестьянах лежала крупная сумма долга: в Московской губернии —63 601 рубль 34 копейки, в Пермской —147 098 рублей 38¾ копейки, в Вятской — 224 804 рубля 79½ копейки и т. д. Только 15 губерний из 47 частично уменьшили к 1856 году недоимку предшествовавшего управления, но и они за 19 лет не смогли ликвидировать свою задолженность, которая к 1856 году равнялась сумме в 3 860 688 рублей 18 копеек [221]. Таким образом, деятельность Министерства не разрешила одной из важных задач, которая была поставлена реформой Киселева: платежеспособность государственного крестьянина за 19 лет нового управления

---

[219] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. I, лл. 108—109; ч. II, л. 190 и другие циркуляры министра; ф. I Д, 1850 г., д. 15695, приложение, т. I, л. 71.

[220] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 59; ф. I Д, 1847 г., д. 10257, приложение, т. II, лл. 75—84; д. 10352, л. 2; 1848 г., д. 11481, л. 108; 1850 г., д. 15693, лл. 13, 52; ф. II Д, 1853 г., д. 13104.

[221] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 23—28, 34, 45—46, 51. Ср. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, лл. 909—911.

не испытала заметного подъема — недоимки выросли на 65% в то самое время, когда основные денежные сборы, оброк и подушная подать увеличились только на 8%.

В чем же были причины такого печального исхода финансовой деятельности нового ведомства?

Департаменты Министерства, а отчасти и сам Киселев, были склонны видеть главный источник недоимок в нераспорядительности местной администрации. К этому мнению присоединялись и некоторые ревизоры, отмечавшие «послабление» чиновников и «нерадение» как самих крестьян, так и их «выборных» начальников [222]. В отдельных случаях, когда влияние реальных жизненных условий на недоимочность крестьян становилось слишком заметным, центральные и местные органы ссылались на чрезвычайные бедствия — неурожаи, эпидемии, пожары, скотские падежи и пр. При этом немногие из чиновников задумывались над вопросом, почему же эти временные явления повторяются так часто и оказывают такое могущественное и непрерывное воздействие на экономическое положение деревни [223]. Но были и более проницательные наблюдатели, которые шире и глубже подходили к вопросу о недоимках. Изучая местные хозяйственные условия, они указывали на крестьянскую бедность, коренящуюся в малоземелье, в трудном сбыте сельскохозяйственных продуктов, в недостатке дополнительных заработков. Управляющий Вологодской Палатой доносил Киселеву, что в губернии нет сельских обществ, накопляющих недоимки по нерадению к платежу денежных сборов, но есть районы, которые выделяются «особым скудным положением многих беспомощных семейств», недостатком хорошей земли, отсутствием у крестьян рабочего скота и необходимых предметов земледельческого быта [224]. Пташинский, ревизовавший в 1848 году Могилевскую губернию, видел коренную причину несостоятельности крестьян в упадке их хозяйства — результате неправильно проведенной люстрации [225]. В том же смысле высказывался в 1850 году советник Воронежской Палаты Коробов, объехавший недоимочные селения Калужской, Рязанской и Воронежской губерний: «...бывая часто в таковых селениях, по поручениям Палат Казенной и Государственных имуществ, иногда продолжительное время, я пристально рассматривал образ жизни и занятия крестьян этих селений и убедился, что относимое к ним нарекание в лености, нерадении и даже пьянстве совершенно несправедливо. Эти люди трудятся неутомимо и еще более, чем те, которые стоят на ряду исправных, но самая местность не благоприятствует никакой предприимчивости, не вознаграждает трудов их, и никакая предприимчивость не в состоянии устранить этих невыгод...» [226].

Сам Киселев, подводя итоги собранным сведениям о недоимках, должен был признать в 1847 году, что наряду с «недостаточным наблюдением и настоянием об уплате» одним из основных источников недоимочности является «недостаток у многих крестьян земли» [227]. Другими словами, и самому Киселеву, и его сотрудникам была более или менее ясна главная причина слабой платежеспособности государственных крестьян — та самая, которую в свое время отмечал Сперанский и признавали составители Положений 1837—1841 годов: несоответствие между

[222] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8010, лл. 1—2; 1848 г., д. 11464, л. 89; д. 11481, лл. 61—62; 1850 г., д. 15693, л. 52; ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 20, 44 и т. д.

[223] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 130; ф. V О, д. 26565, лл. 198—202, 255 и т. д.

[224] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1850 г., д. 4629, лл. 2—4.

[225] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 94—95.

[226] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5312, ч. IV, л. 123.

[227] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1848 г., д. 7786, лл. 3—5

наделами и повинностями, между хозяйственными ресурсами государственной деревни и ее финансовыми обязанностями в отношении казначейства.

Но был еще один фактор, который чрезвычайно усиливал это коренное противоречие, не устраненное 19-летним управлением Киселева: ревизоры, выяснявшие на местах конкретные источники недоимок, не скрывали от Министерства отрицательных сторон системы взимания денежных сборов, которая сопровождалась постоянным и беззастенчивым грабежом государственного крестьянства. Подготовляя законы 1837—1841 годов, Киселев и его помощники стремились устранить всякую возможность хищений со стороны местной администрации: подробнейшие законы и инструкции нормировали все этапы раскладки, сбора и хранения денежных сборов. Многочисленные донесения ревизоров показывают, что эти детальные предписания оставались бумажными нормами и что действия местных начальников находились в вопиющем противоречии с финансовыми задачами и усилиями Министерства. Вологодский ревизор Матюнин был вполне прав, утверждая в своем донесении 1850 года, что взыскание податей и недоимок протекало бы успешнее, «если бы установленные для сбора правила соблюдались с должной точностью и действиями начальников руководила одна добросовестность»[228]. В действительности правила соблюдались очень плохо, а действиями начальников руководили отнюдь не добросовестные мотивы.

Одним из важных условий исправного поступления сборов были заблаговременное извещение сельских обществ о сумме установленного годового оклада и осведомление об этой сумме местного крестьянства. Сведения ревизоров, поступавшие из Тверской, Казанской, Пензенской и других губерний, показывают, что это условие сплошь и рядом не соблюдалось. Уездные казначейства рассылали окладные расписания с большим опозданием: в Тверской губернии в 1843 году они были получены в волостных правлениях только в марте, а в Рязанской губернии в 1851 году — даже в августе. Поэтому крестьянские сходы не могли своевременно производить раскладку денежного оклада между плательщиками, и взыскание податей происходило «по произволу», в расчете на последующие исправления. Иногда, как это бывало в Казанской губернии, крестьяне составляли раскладочные приговоры, не ожидая окладных листов, задержанных казначействами. В некоторых районах, например в Пензенской губернии, крестьяне вообще не знали размеров финансового оклада и платили все, чего от них требовали сельские сборщики[229].

Закон придавал большое значение коллективной и добровольной раскладке установленного оклада между отдельными домохозяевами как гарантии равномерного и справедливого обложения. Однако волостные головы, сельские старшины и писаря предпочитали из личных соображений обходиться вовсе без крестьянских сходов. Раскладочные приговоры составлялись в сельских и волостных управлениях, под ними ставились фиктивные подписи, и крестьяне часто ничего не знали об их содержании. Материалы ревизий дают немало примеров подобных порядков. В Токаревском обществе Вятской губернии окладной лист был получен 29 января и в тот же день был составлен раскладочный приговор, под которым значились подписи сотни крестьян из 81 селения. «Можно ли после сего верить раскладочному приговору?» — спрашивал по этому поводу ревизор Брилевич. В Ильинско-Шонгутской волости Казанской губернии ревизору Тимофееву были представлены мирские приговоры,

---

[228] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, приложение, л. 53.

[229] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5311, лл. 20—22; 1845 г., д. 7595, т. II, л. 78; 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 104—106; 1851 г., д. 17763, л. 80; 1854 г., д. 23109, приложение, ч. I, лл. 161—168; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 129.

помеченные 28 февраля, но заключавшие в себе ссылки на сметы, полученные в мае, т. е. на 3 месяца позже; следовательно, заключал ревизор, они «составлены для проформы и на самом деле их не было». В Раненбургском округе Рязанской губернии в 1851 году ни одно общество не составляло раскладочных приговоров; «сколько начальники захотят, столько и приказывают платить»,— жаловались крестьяне. Такие же факты были установлены ревизорами в Вологодской, Смоленской, Пермской и других губерниях [230].

Но и там, где раскладка производилась на сельских сходах, крестьяне не могли вполне овладеть механизмом податного обложения. Чтобы установить сумму платежа, причитавшуюся на общество, необходимо было определить, какие доходы приносят мирские оброчные статьи и какую часть этих доходов можно употребить на уплату денежных сборов; но поступлениями с оброчных статей бесконтрольно распоряжались волостные и сельские начальники; поэтому проверить, сколько поступило арендной платы и сколько осталось в недоимке для крестьян, было чрезвычайно трудно.

Чтобы обеспечить возможность контроля со стороны плательщиков, правительство ввело сложную систему платежных документов — тетради, книжки, квитанции; для облегчения проверки со стороны неграмотных крестьян были введены условные, легко запоминающиеся знаки. Однако при ревизии сельских управлений оказывалось, что в некоторых районах платежные книжки или не раздавались на руки крестьянам, или их вовсе не было; иногда платежные книжки не имели никаких отметок или заполнялись спустя долгое время [231]. Часто встречались небрежные, неправильные или перемаранные записи. В разных губерниях ревизоры сталкивались с полной несогласованностью в регистрации денежных сборов. «В платежных книжках отмечается одно, в податной тетради другое, а у сборщиков третье»,— доносил в 1840 году казанский ревизор Тимофеев. В Красноуфимском округе Пермской губернии, согласно донесению ревизора Арцимовича, «по сбору с крестьян податей замечены повсюду несходства платежных табелей и книжек с податными тетрадями» [232]. Часто крестьяне не знали установленных знаков и не могли проверить, сколько с них причитается денежных сборов и все ли уплаченные взносы достигли своей цели. Нередко жаловались ревизорам на то, что уплачено больше, а записано меньше, что с плательщиков взысканы двойные подати, что за обществом числится недоимка, которой на самом деле не было. Ревизоры были правы, когда за внешними дефектами финансового счетоводства усматривали умышленные действия не только крестьянских «выборных», но и местных чиновников, отдававших им соответствующие распоряжения. «Излишние» и «незаконные» сборы, иногда скрытые, иногда практиковавшиеся с беззастенчивой откровенностью, были неотъемлемым спутником взимания повинностей с государственного крестьянина [233]. «Какой-нибудь ничтожный писарь,— писал осведомленный сов-

[230] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 322; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 17—18; 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 90, 111—113, 218; 1851 г., д. 17763, лл. 171—172; 1856 г., д. 26476, лл. 21—22 и т. д.

[231] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. III, л. 89; 1851 г., д. 17763, лл. 29—31, 128; 1852 г., д. 19297, л. 52; 1856 г., д. 26474, л. 8; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 61—63.

[232] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2829, л. 48; 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 434—435, приложение, т. I, лл. 143, 177, 180—182, 198—199, 262—264; т. II, приложение, лл. 6—18, 108, 214—215, 308—309; 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 6—9; 1848 г. д. 11480, отчет, л. 264; 1853 г., д. 19932, лл. 13—14; 1854 г., д. 23109, приложение, ч. I, л. 169—170; 1855 г., д. 24709, ч. V, л. 127 и т. д.; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 21.

[233] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5746, лл. 97—99, 157 — 160 (Новгородская губерния); 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 101; приложение, т. II, л. 114 (Пермская губерния); 1847 г., д. 10257, т. I, лл. 326—327; приложение, т. II, лл. 45—46 (Казанская губерния);

ременник В. В. Берви-Флеровский,— мог облагать целую волость им самим выдуманным налогом для небывалой турецкой войны и взыскивать его безнаказанно годы»[234]. Трудно установить размеры этого дополнительного «налога», пристававшего к карманам окружных начальников, их помощников, стряпчих, лесничих, агрономов, землемеров, волостных голов, сельских старшин, писарей и многих других носителей власти, высасывавших последние копейки у жителей государственной деревни. По отдельным сохранившимся примерам можно предполагать, что эти «темные расходы», как их называли в просторечии, были не меньше официально установленных сборов, а иногда значительно превосходили их своими размерами. Крестьяне Воскресенской волости Смоленской губернии утверждали в 1843 году, что произвольные сборы, которые незаконно взыскивают с них волостные и сельские начальники, простираются до 30—40 рублей с души[235]. В 1855 году крестьяне казенного имения Тыркшла Ковенской губернии, умоляя Киселева защитить их от «разбойнического начальства», обвиняли сельского старшину Жилинского в том, что он взыскивал с каждого домохозяина от 7 до 10 рублей серебром в свою пользу[236]. Если учесть все обязательные платежи, которые должны были вносить государственные крестьяне своим «выборным» по самым разнообразным поводам: на «мирские расходы», непредусмотренные утвержденными сметами, за выдачу паспортов и «одобрений», за нарезку дополнительных угодий, за записи в платежную книжку и прочее, то общая сумма этих расходов значительно увеличит размеры крестьянских денежных повинностей. Кроме того, необходимо помнить, что в глазах волостных и сельских начальников «незаконные сборы» были первоочередными, так как доставляли им непосредственные выгоды. Из донесений ревизоров видно, что наибольшую настойчивость и жестокость «выборные» проявляли при взыскании именно этих неофициальных «повинностей»[237].

Но крестьяне должны были отвечать не только за исправные взносы официальных и неофициальных сборов. Нередко суммы, скопившиеся на руках у сборщиков, переходили в карманы деревенского начальства или растрачивались самими сборщиками. Требование закона, чтобы сборщики ежегодно отчитывались перед крестьянским сходом, обычно не исполнялось: проверка денежных поступлений и их передача в казначейство производились келейно — волостными старшинами и писарями. Бывали случаи, когда требование крестьян произвести учет сборщика рассматривалось как «бунт» и влекло за собой тяжелые последствия: в 1854 году в Верхотурском округе Пермской губернии исправник отправил в острог 24 таких «бунтовщика»[238]. В лучшем случае учеты сборщиков производились формально и не достигали цели. Растраченные суммы перелагались на общество, увеличивая и без того разросшиеся платежи. В некоторых районах зажиточные крестьяне и «выборные» уклонялись от

1848 г., д. 11480, отчет, лл. 265—267 (Воронежская губерния); 1849 г., д. 13370, л. 25 (Московская губрения); 1849 г., д. 13396, лл. 173, 177 (Оренбургская губерния); 1851 г., д. 17763, лл. 84—88 (Рязанская губерния); 1853 г., д. 19932, лл. 29—31 (Псковская губерния); 1854 г., д. 23109, приложение, ч. I, лл. 174—175 (Ярославская губерния); 1855 г., д. 24709, ч. IV, л. 169; ч. V, лл. 38, 127—133 (Пермская губерния); ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 19—20; 1856 г., д. 1642, лл. 17—18.

[234] В. В. Берви. Воспоминания (ГМ, 1915, № 3, стр. 150—152).

[235] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 321.

[236] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13872, лл. 93—96.

[237] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5311; д. 5746, лл. 157—160; д. 5751, лл. 139, 400; 1855 г., д. 24709, ч. III, лл. 23, 29—32; 1856 г., д. 25349, лл. 17—18 и т. д.

[238] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. II, л. 341—342; т. VII, лл. 129—130; 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, л. 183; 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 178—181, 219, 229—233; 1850 г., д. 15693, л. 15; 1851 г., д. 17763, лл. 148—149, 191; 1852 г., д. 19297, лл. 49—51; 1855 г., д. 24709, ч. III, л. 32 и след.

выполнения денежных повинностей, и пополнение оклада разлагалось на основную массу плательщиков [239]. Для бедняков к этим суммам присоединялись ростовщические проценты, которые зажиточные крестьяне взыскивали за подати, уплаченные ими «в долг» при наступлении платежного срока [240]. Если учесть все эти «накладные расходы» — чудовищные переборы, последствия круговой поруки, результаты произведенных растрат, вынужденную дань богатеям, то станет еще понятнее безостановочное и неуклонное накопление недоимок даже в районах, относительно благополучных в хозяйственном отношении.

Министерство старалось ликвидировать недоимки прежде всего мерами начальственного воздействия. С одной стороны, окружные начальники и «выборные» оказывали давление на «мир», созывая крестьянские сходы и требуя очищения недоимок на основании круговой поруки; злоупотребление этой мерой, отвлекавшей крестьян от занятий сельским хозяйством, вызывало даже запрещения со стороны центральных департаментов [241]. С другой стороны, местные органы обрушивались на неплательщиков всей силой своей карающей власти. Ревизия Минской губернии в 1856 году установила, что один из окружных начальников циркулярно предписывал всем сельским управлениям не позволять крестьянам жениться и выходить замуж, если на их семействах числятся податные и прочие недоимки [242]. В. В. Берви-Флеровский, служивший в 50-х годах в ведомстве Казанской уголовной палаты, рассказывает, как взыскивали недоимки с государственных крестьян татарской деревни. Схватив первым недоимщика Аминова, начальство объявило, что «оно будет сечь его до тех пор, пока он уплатит все сполна». Несчастного секли с перерывами. В это время его жена металась в поисках благодетеля, который очистил бы недоимку засекаемого мужа. С большими усилиями она раздобыла третью часть суммы и прибежала к начальству, чтобы вручить ему деньги и вымолить отсрочку в оплате недостававшей суммы. Но было уже поздно: крестьянин лежал мертвый под розгами [243].

Однако средства карательного воздействия при бедности, а иногда и обнищании неплательщика не могли поправить его пошатнувшегося хозяйства. Приходилось прибегать к иным, более действенным мерам. Согласно закону, недоимочные деревни должны были заводить общественную запашку, а в крайнем случае поступать в хозяйственное управление, т. е. переводиться на барщину. В различных губерниях — не только западных, но и оброчных — были предприняты опыты устройства общественных запашек для обеспечения запасов продовольствия и ликвидации накопившихся недоимок. Однако результаты этих попыток не оправдывали надежд Министерства: в большинстве случаев урожайность общественных полей оказывалась низкой, крестьяне тяготились заведенной барщиной, а сельские власти не упускали случая, чтобы поживиться за счет собранного урожая. Учитывая острое недовольство крестьян приемами удельного управления и не рассчитывая найти надежных «смотрителей» по наблюдению за работами, Министерство отказалось от мысли переводить крестьян на отработочную ренту [244]. Оставалось последнее

[239] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13398, лл. 57—58; 1856 г., д. 26476, лл. 13—17; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 94.

[240] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 144; 1850 г., д. 15694, приложение, лл. 55—57; 1856 г., д. 26476, лл. 8—12.

[241] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1853 г., д. 19960.

[242] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 44.

[243] В. В. Берви. Воспоминания (ГМ, 1915, № 3, стр. 151).

[244] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3810; 1843 г., д. 5312, ч. VIII, лл. 91—94; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. 1, лл. 170—172; ИО, ч. II, отд. II, стр. 129.— К таким же результатам привел опыт заведения общественных запашек в удельном ведомстве («История уделов...», т. II, стр. 144—170).

средство — посылать недоимщиков на принудительные работы по особым договорам с частными лицами. Само Министерство признавало, что «отдача крестьян в заработки есть мера тяжкая и для них отяготительная, а потому может быть допущена только в крайних случаях» [245]. Практика контрактации, которая широко применялась в 40-х годах в западных районах, вполне подтвердила правильность такой оценки. Ревизии и расследования, произведенные по жалобам крестьян Могилевской, Витебской, Виленской и Ковенской губерний, раскрыли крупные злоупотребления, связанные с использованием рабочей силы неисправных плательщиков. Циркуляр Киселева от 4 августа 1846 года давал такую характеристику этого опыта: «...произведенным исследованием открыто, что крестьяне высылались на работы большею частью по произволу сельских старшин, без общественных о том приговоров или без утверждения оных окружными начальниками и Палатами государственных имуществ, что при сем не было принято никаких мер к обеспечению оставшихся семейств в отношении домашнего хозяйства, а в заключенных контрактах назначена была несоразмерная с силами крестьян работа уроками, за невыполнение которых и за прогульные дни положены были вычеты, превышающие дневную по расчету плату, чрез что крестьяне не получили вполне следовавших им по договору денег, коими безотчетно распоряжались сельские старшины, удержавшие по некоторым имениям бóльшую часть у себя; что при отправлении на работы взимаемо было с каждого крестьянина на полугодовые паспорты вместо 85 к. по 1 р. серебром и что, наконец, высылка крестьян на работы и заключение контрактов происходило без предварительных соображений окружных управлений и без утверждения Палат государственных имуществ» [246].

Однако министерскому циркуляру была свойственна тенденция переложить ответственность за грабительские условия договоров на сельские власти, затушевав главную вину окружных начальников и губернских Палат. Материалы ревизий показывают, что коронные чиновники были виновны не столько в недостатке инициативы и надзора, сколько в преступных соглашениях с подрядчиками и сознательном допущении способов незаконной наживы. В этом отношении особенно характерны итоги могилевской ревизии 1848 года. За четырехлетие 1845—1848 гг. могилевские крестьяне в количестве 7381 человек 7 раз высылались на работы, большей частью на постройку шоссейных и железной дорог. На основании контрактов, заключенных местной Палатой, они должны были заработать 170 291 рубль серебром, но к середине июля 1848 года расчет был произведен только с 1490 крестьянами, и получили они не 30 475 рублей серебром, как полагалось по условию, а 18 762 рубля,— остальные деньги были удержаны подрядчиками под разными предлогами. Ревизор Пташинский объяснял причины такого невыгодного исхода контрактации действиями местного управления государственных имуществ, которое не заботилось о приискании выгодных работ, допускало отяготительные договоры и не добивалось ускорения окончательных расчетов. «Сия незаботливость, отсутствие попечительности и несодействие,— заключал Пташинский,— имеют источником предосудительное правило местных начальников более поддерживать (из собственных видов) интересы подрядчиков, чем крестьян, и все действия свои направлять к сей пагубной цели». Конкретные донесения ревизора, так же как результаты произведенного следствия, подтверждают правильность этого вывода. Например, договор с подрядчиком Бенкендорфом на производство шоссейных работ был заключен Могилевской палатой без соблюдения законных требований и на условиях, явно убыточных для крестьян: согласия сельских об-

[245] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5312, ч. VIII, л. 92.
[246] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26217, л. 72.

ществ на заключение договора не было получено; крестьяне должны были на месте работ сами обеспечивать себя жилищем и продовольствием; сдельная плата была назначена крайне низкая. При реализации договора допускались различные правонарушения: вместе с недоимщиками на работы высылались исправные плательщики, в том числе порядившиеся на другие работы и получившие уже задатки, иногда из семейств, имевших только одного взрослого работника и одну лошадь; не желавших отправляться принуждали ехать, подвергая их наказаниям «через сельскую расправу»; крестьян заставляли выполнять более трудную работу, чем было условлено в контракте, и принимали от них подготовленный камень по произвольно увеличенной мере. В результате невыгодного договора и обманов со стороны подрядчика крестьяне потеряли свыше 30 тысяч рублей; более двух тысяч человек, мобилизованных с лошадьми, проработали в течение нескольких месяцев, не выручив ни копейки денег, так как вся получка была поглощена расходами на фураж и продовольствие.

В 1847 году при контрактации 574 человек на земляные работы тем же подрядчиком были нарушены условия относительно места, характера и оплаты труда. От дурной пищи среди крестьян начали распространяться болезни; жилища и бани были предоставлены не всем работникам; при расчете больше трети заработка было вычтено «за прогул», происшедший не по вине крестьян. Наблюдателями за выполнением договоров были окружные начальники, они же получали заработную плату. Один из них, Рудчинский, растратил часть полученной суммы и был отдан под суд [247], остальные отделались замечаниями и выговорами в приказе.

Однако практика таких контрактаций продолжалась и дальше: ревизия Минской губернии, произведенная в 1856 году, констатировала и здесь «ежегодную высылку крестьян на работы по заключаемым, без согласия их, сельскими управлениями контрактам с подрядчиками, в отдаленные места за самую незначительную плату, которая им сверх того не была выдаваема в полном количестве» [248].

Такая же кабальная система работ за податные недоимки практиковалась в оброчных губерниях; и здесь местные «попечители» из корыстных соображений поддерживали частных предпринимателей к ущербу крестьян и государственного казначейства. Так было в Калужской губернии, где крестьянам недодавали заработанных денег, в Пермской губернии, где задним числом сокращали условленную плату, в Вологодской губернии, где покровительство частным заводчикам было особенно циничным: в Устьсысольском уезде купец Маликов, покрываемый подкупленным окружным начальником, искусственно понижал размеры крестьянской выработки и годами не выплачивал заработанных денег; в Тотемском уезде не могла быть ликвидирована крестьянская недоимка в 1275 рублей 48 копеек, так как соляные заводы Кокорева задерживали уплату заработка, а окружный начальник не только не побуждал их к этому, но старался закабалить недоимщиков за другими заводами [249].

Понятно, почему крестьяне неохотно шли на подобные работы, а попав в тяжелые условия и не желая сносить навязанной кабалы, самовольно возвращались в свои деревни. Киселев занял двойственную позицию по отношению к таким фактам: с одной стороны, он соглашался с ревизорами в отрицательной оценке практики контрактации, с другой стороны, специальными распоряжениями разрешал отдавать недоимщиков в заработки без общественных приговоров, а оставляющих работы подвергать наказанию через сельские расправы; более того, в 1846 году он

[247] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. II, лл. 96—97, 356—363, 489—490, 494—499; ф. II Д, 1849 г., д. 9396.

[248] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 13.

[249] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5024, л. 23; 1850 г., д. 15694, лл. 55—57, 133—134; 1855 г., д. 24709, ч. VII, л. 318.

испросил разрешение Николая I всех крестьян Могилевской и Витебской губерний, которые станут «без уважительных причин» уклоняться от шоссейных и других договорных работ, отсылать в виде наказания на крепостные работы [250]. Но репрессии еще меньше могли помочь ликвидации накопляющихся недоимок. По данным ревизора Линдена, высылка могилевских крестьян на заработки не принесла государству никаких выгод: за период 1847—1848 годы, отмеченный особенно энергичным заключением контрактов, недоимки выросли с 197 тысяч рублей до 264 тысяч рублей. По отзыву Екатеринославской палаты, сделанному в 1844 году, «отдача местным управлением крестьян на заработки... доныне пользы принесла мало, а вред сделала большой, поддерживая навык крестьян дурного поведения к бродяжеству» [251].

Неудача всех примененных способов ликвидации недоимок заставила правительство прибегнуть к особой, исключительной мере: ежегодно, начиная с 1846 года, в зачет недоимок Министерство поставляло военному ведомству хлебное зерно из сельских запасных магазинов. С разрешения Николая I хлеб принимался на условиях, чрезвычайно льготных для Министерства государственных имуществ: он зачитывался по двойным ценам сравнительно с заготовительными и справочными. В поставках участвовали 22 оброчные губернии; за 9 лет, до 1854 года включительно, таким путем было зачтено около 3 миллионов рублей недоимки. Но и такая мера оказалась паллиативом: за те же годы, несмотря на все усилия Министерства, недоимка выросла с $24^1/_2$ миллионов до $26^1/_2$ миллионов рублей серебром [252]. Как выяснила ревизия курского управления государственных имуществ, местные крестьяне отказывались погашать недоимки хлебными взносами, «объясняя, что те из среды их, на коих числится недоимка, не имеют достаточного количества хлеба даже на пропитание своих семейств» [253]. Нужно было изыскивать новые, более эффективные способы повышения крестьянской платежеспособности.

7. Переложение оброка на землю и промыслы

Экономическая программа Министерства с самого начала предусматривала радикальную реформу раскладки и взимания денежных сборов: предполагалось, что путем переложения оброка с душ на землю и промыслы удастся достигнуть более равномерного обложения крестьян, а следовательно, и более успешного взыскания оброчных, земских и мирских повинностей. На основании утвержденного Положения в 1842 году были начаты измерение земель и оценка доходов в двух губерниях: Петербургской как образцовой и Воронежской как крупной земледельческой. Специально сформированные губернские комиссии, направленные из Министерства (сокращенно их называли «кадастровыми комиссиями»), получили заранее составленные нормальные таблицы качества и урожайности почв данной губернии, средних цен на земледельческие продукты, количества и оценки рабочих дней, затрачиваемых в сельском хозяйстве, наконец валового и чистого дохода с каждой десятины пахотных и сенокосных угодий различного качества при разных системах полеводства. Пахотные земли разделялись в таблицах на четыре класса: черноземные, глинистые, суглинистые и песчаные; сенокосные — на три: заливные,

---

[250] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 611; 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 53—54; ф. V О, д. 26565, л. 248; ЖМГИ, 1842, ч. IV, отд. I, стр. XXI—XXIII. Ср. ГИАМО, ф. ПГИ, журнал II, 22 сентября 1842 г., л. 329.

[251] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5312, ч. VIII, л. 92; ф. II Д, 1849 г., д. 9396, лл. 6—7.

[252] ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. II, стр. 39; Отч., 1853—1855 гг.

[253] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11464, л. 112.

луговые и болотные. Ценность рабочего дня определялась «издержками, потребными на умеренно-достаточное, по местным обычаям, годовое содержание пятидушного семейства», которые переводились на количество хлеба и делились на 250 рабочих дней; $^3/_5$ полученного числа принималось за ценность мужского дня, $^2/_5$ — за ценность женского. Губернским комиссиям предписывалось по возможности не отступать от выработанных таблиц, внося изменения только в случае крайней необходимости.

Вооруженные министерской инструкцией, оценочные комиссии производили измерение земель с помощью «смышленых и благонадежных крестьян», выбранных в каждой волости и состоявших из мерщиков, писарей и «добросовестных». Каждой «артели», в которую обязательно входило по одному мерщику и одному писарю, назначалось определенное количество селений. В каждом селении избирались участки, принадлежащие двум-трем домохозяевам; каждый участок измерялся крестьянином-мерщиком при помощи цепей и шестов в присутствии сельских старшин и «добросовестных», которые должны были отвечать за утайку земель. Результаты измерения отмечались «добросовестными» на бирках и писарями — в таблицах; одновременно по указанию крестьян определялось качество почвы. Если измеренные душевые паи двух домохозяев отличались друг от друга не более, чем на 100 квадратных саженей в десятине, они складывались и делились пополам; полученное частное рассматривалось как средний душевой пай целого селения. Если разность между двумя измеренными паями превышала 100 саженей на десятину, измерялся третий участок, и полученная душевая норма сопоставлялась с двумя первыми. Если и тут разность оказывалась выше 100 саженей, брался четвертый участок — «до тех пор, пока разность между душевыми паями не войдет в требуемое соотношение». Затем учитывалось различие в качестве почвы каждого угодья и выводился «средний душевой пай каждой руки и каждого угодья отдельно», который помножался на число душевых паев селения. Так выяснялось, «сколько состоит земель каждой руки пахотной, сенокосной и запольной в пользовании селения». Усадебные и огородные земли снимались на план топографами. При исчислении дохода число десятин каждой руки помножалось «на соответствующую им в таблице по классу и степени почвы и севообороту сумму чистого дохода с 1 десятины, выраженную известною мерою ржи». Сумма частных доходов каждой руки рассматривалась как доход всего селения и переводилась на деньги сообразно ценам, обозначенным в тех же таблицах. Суммирование и оценка производились членом комиссии и проверялись ее начальником [254].

Работа по описанному методу быстро обнаружила свои недостатки. Когда результаты измерения и оценки были предъявлены крестьянам, выяснилась вся шаткость выводов, основанных на приблизительных измерениях и вычислениях по таблицам. Потребовалась длительная проверка полученных итогов с помощью особых отрядов, и только через 3 года, в 1845 году, новая система была введена в действие в Петербургской и Воронежской губерниях. Учитывая печальный опыт первых оценок, Министерство радикально изменило первоначальную инструкцию. Когда оценочные комиссии были в 1844 году передвинуты в Тамбовскую и Пензенскую губернии, соседние с Воронежской, они действовали уже иначе: методы «народного кадастра» (т. е. измерения выделенных участков и определения среднего пая селения) были сохранены, но взамен вычисления по таблицам было введено непосредственное изучение местных хозяйственных условий оценочными комиссиями. Согласно новой инструк-

[254] «Инструкция по устройству оброчной подати с государственных крестьян» СПб, 1842 (Библиотека ЦГИАЛ); ЖМГИ, 1855, ч. LVII, отд. II, стр. 79—95.

ции, члены комиссии и агрономы по прибытии на место распределялись по округам и в каждом селении изучали источники крестьянских доходов тремя путями: сначала собирали статистические сведения по имеющимся документам (о количестве душ — по ревизским сказкам, о пространстве земель и лесов — по межевым планам, о числе земельных паев — по мирским приговорам и реестрам, о количестве податей и сборов — по окладным таблицам и сведениям казначейства и т. д.), дополняя их расспросами крестьян в присутствии сельских начальников; затем комиссии производили с помощью «добросовестных» рекогносцировку земельных дач, обходя все угодья и отмечая однокачественные по плодородию участки (на основании собранных данных составлялась рекогносцировочная дача селения); только после этого комиссии измеряли угодья приемами «народного кадастра». Параллельно члены комиссии собирали сведения о хозяйственных условиях данного края, пользуясь разнообразными источниками: собственными наблюдениями, расспросами крестьян, консультациями опытных хозяев, изучением экономических записей и отчетов помещиков. Результатом этой работы был «журнал местных исследований», в котором заключались материалы об урожайности хлебов и трав на различных почвах, о ценности земледельческих продуктов, о стоимости их перевозки и пунктах сбыта, о производстве земледельческих работ и нужном для этого количестве рабочих дней (в зависимости от качества почвы, культуры хлеба, степени урожая, отдаленности полей и приемов обработки), о расходах на содержание крестьянской семьи, о ценах на земледельческий труд, об удобрении полей, об арендных ценах на землю, о крестьянских промыслах. Тем временем агрономы изучали особенности почв данной губернии, классифицировали их на разряды, производили пробные зажины, закосы и замолоты, определяли чистый доход от земель; при этом требовался более подробный и тонкий анализ пахотных почв, чем раньше: учитывалось содержание в них чернозема, глины, песку, извести, щелочных солей, степень высоты и наклона места. Все собранные материалы суммировались и ложились в основу исчисления валового и чистого дохода, которое производилось сообща на пленарном заседании комиссии. Одновременно комиссии устанавливали причины недоимочности каждого селения и выясняли, насколько земельные наделы крестьян обеспечивают их прожиточный минимум и уплату ими денежных повинностей [255].

Однако и эти более точные приемы оценки потребовали длительных проверок и исправлений. Только в 1846 году новая система была введена в Пензенской и Тамбовской губерниях. При этом выяснилось, что гораздо дешевле и целесообразнее производить проверку силами тех же комиссий, которые с самого начала совершали оценку угодий. По этому новому способу была организована работа в Рязанской и Тульской губерниях. С другой стороны, опыт оценок в Петербургской и Рязанской губерниях показал, что в промышленных районах переложение губернского оклада сборов преимущественно на земли приводит к крайней неравномерности обложения. Вопрос о переложении оброка на промыслы приобрел крупное значение в глазах Министерства. Было решено тщательнее изучить приемы оценки промыслов и взамен дополнительного билетного сбора ввести обложение всего чистого дохода, получаемого крестьянами от промысловых занятий. Мало-помалу наряду с земледельческими губерниями в систему оценочных работ стали вводиться развитые промышленные губернии: в 1847 году — Московская, в 1851 году — Новгородская и Тверская, в 1853 году — Владимирская, в 1855 году — Ярославская.

---

[255] «Инструкция для оценки земель и промыслов государственных крестьян». СПб, 1843 (Библиотека ЦГИАЛ).

От выборочного измерения отдельных участков комиссии вынуждены были уже в 1845 году перейти к сплошному измерению всех угодий, но оказалось, что и эта модификация «народного кадастра» не гарантирует достаточно точных выводов. Министерство стало предпочитать примитивному измерению шестами и цепью с помощью «добросовестных» топографическую съемку, производимую специалистами. В 1848 году оценочные работы были начаты в Екатеринославской и Псковской губерниях, где все пространство земель было еще ранее топографически снято на план, а в 1851 году был впервые предпринят опыт соединения оценки с межевыми операциями в Калужской губернии; в следующем году та же система была снова применена в Саратовской губернии [256].

Инструкция 1845 года предусматривала уже более углубленные приемы исчисления валового и чистого дохода. Оценочные комиссии определяли доход с десятины земли каждого сорта при данной системе хозяйства и севооборота. С этой целью выяснялось, какое хозяйство ведется крестьянами (трехпольное, переложное или какое-либо иное), какие хлебные злаки и на каких частях поля ими разводятся. Степень урожайности каждого сорта почвы определялась взаимной проверкой различных источников: показаний самих крестьян, сведений об урожае в помещичьих имениях (при этом вычислялась средняя за 14 лет, с исключением 2—3 самых высоких и 2—3 самых низких урожаев) и испытаний урожая каждого растения на почве каждого сорта посредством пробных закосов и замолотов; особо учитывался урожай зерна и соломы. При определении чистого дохода принимались во внимание стоимость семян каждого вида растения на земле каждого сорта, количество и цена каждого пуда навоза, необходимого для удобрения каждого сорта почвы (с присоединением издержек на перевозку), количество пеших и упряжных дней, затрачиваемых на возделывание каждого растения на каждой почве, наконец содержание одной упряжки рабочего скота и среднего крестьянского семейства данной губернии. В последнем случае учитывались расходы на питание, одежду и обувь, на постройку и ремонт строений, на отопление и освещение, на приобретение сельскохозяйственных орудий, утвари и посуды, на уплату денежных повинностей и на удовлетворение «духовных треб». Не меньшее внимание обращалось на показатели промыслового дохода: списки промышленников, составленные при подворной переписи, проверялись опросами крестьян на сельских сходах; опросы самих промышленников о способах их производства, о выручке и затратах производились тоже на сходах и проверялись показаниями других крестьян [257].

В течение 15 лет — с 1842 года по 1856 год — оценочные работы охватили 25 губерний; в 19 из них оброк стал взиматься по новой системе [258]. Душевые сборы к моменту отставки Киселева сохранились в 17 губерниях, в том числе в районах севера и востока, населенных компактными массами государственных крестьян. По подсчетам Министерства, переложение оброка на землю и промыслы было доведено до конца для 3 843 285 душ, занимавших около 16 миллионов десятин; оставалось распространить новую систему на 3 507 955 душ и $20^1/_2$ миллионов десятин [259].

---

[256] ЖМГИ, 1855, ч. LVII, отд. II, стр. 79—95.

[257] «Инструкция губернским Комиссиям уравнения государственных крестьян в денежных сборах». СПб, 1845 (Библиотека ЦГИАЛ).

[258] Распределение окладов по землям и промыслам было реализовано в губерниях: Петербургской и Воронежской (с 1845 года), Тамбовской и Пензенской (с 1846 года), Рязанской, Тульской и Орловской (с 1848 года), Курской (с 1849 года), Псковской (с 1851 года), Московской и Екатеринославской (с 1852 года), Смоленской и Харьковской (с 1853 года), Новгородской, Тверской, Калужской и Саратовской (с 1855 года), Нижегородской и Владимирской (с 1856 года).

[259] ИО, ч. II, отд. II, стр. 46.

Деятельность оценочных комиссий встречала множество затруднений, вытекавших не только из принципов измерения и оценки крестьянских доходов: окончание работ задерживалось то распространением цынги (так было в 1849 году в Екатеринославской губернии), то эпидемией холеры, то последствиями неурожая [260]. Однако наибольшие трудности и ошибки вызывала самая система оценки, принятая Киселевым и его сотрудниками. Каждая губернская комиссия действовала самостоятельно, независимо от других комиссий; представление оценочных таблиц и окладных книг на утверждение Министерства не обеспечивало единообразия методов и единства выводов. Несмотря на детальную регламентацию оценочных операций, перед комиссиями открывалось широкое поле для собственных толкований и произвольных комбинаций. Самые принципы переложения толкали на дорогу гадательных предположений: размеры земельного дохода определялись не подсчетами и показаниями крестьян, которые были бы проверены на основании других данных, а вычислениями самой комиссии, часто построенными на абстрактных и косвенных умозаключениях. Если используемые угодья и мирские оброчные статьи были реальными источниками крестьянских доходов, то этого никак нельзя было сказать о крестьянских лесах, имевших почти исключительно потребительское значение.

Не мудрено, что результатом подобной системы были различные несообразности и ошибки. Наиболее кричащим из них было неравномерное обложение чистого дохода по губерниям. На основании «Сравнительных ведомостей оценки доходов и раскладки податей на 1854—1855 годы» оброчные сборы составляли следующий процент от чистого дохода крестьянского хозяйства (табл. 4) [261].

Таблица 4

Обложение крестьянских доходов оброком

Губернии	% от чистого дохода	Губернии	% от чистого дохода
Петербургская . . .	13,15	Курская	20,18
Воронежская	9,40	Псковская	7,27
Тамбовская	9,38	Московская	12,66
Пензенская	10,94	Екатеринославская .	9,62
Рязанская	8,25	Смоленская	14,69
Тульская	13,73	Харьковская	16,04
Орловская	13,36		

Таким образом, неплодородная, бедная Смоленская губерния и перенаселенная малоземельная Курская губерния оказывались обложенными значительно выше, чем богатые промышленные районы Московской и Петербургской губерний; из двух соседних черноземно-земледельческих губерний одна (Воронежская) платила вдвое меньше другой (Курской).

Но и в пределах отдельных губерний, даже округов комиссиям не удавалось достигнуть искомой равномерности обложения. Об этом говорили не только крестьянские жалобы на несоответствие оценок между селениями; к тому же выводу приходили ревизоры, а местами и сами губернские комиссии. Сенатор Дурасов, ревизовавший в 1850 году Кур-

[260] Одним из внешних затруднений было наличие спорных земель (ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1854 г., д. 1426).

[261] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1855 г., д. 6614.— За 1855 год процент чистого дохода Московской губернии составлял 12,70 (тысячные доли откинуты).

скую губернию, приводил такие примеры из оценочной практики по Белгородскому округу: в Муромской волости некоторые селения были обложены годовым оброком в 1 рубль $37^1/_2$ копеек с десятины, тогда как в Фатежском округе, где земля была лучшего качества, на десятину падало от 95 копеек до 1 рубля 20 копеек [262]. Новгородский отряд уравнения денежных сборов признавался, что, несмотря на тщательное изучение крестьянских промыслов, ему не удалось достигнуть «желаемой уравнительности промысловой подати между селениями» [263]. Не только в ходе оценочных работ, но и позже, после введения в действие новой оброчной системы, крестьяне некоторых районов жаловались на преувеличенные и неравномерные оценки их доходов [264]. Особенно затруднительным оказалось применить избранные приемы оценки к крестьянским угодьям многоземельной Херсонской губернии: повсеместно оброк с десятины земли был выше арендной платы за землю; на некоторые селения падали такие денежные сборы, которых крестьяне оказывались не в состоянии уплатить по своему фактическому доходу; наоборот, тираспольские сады, которые служили крупным источником местного дохода, были вовсе исключены из раскладки. По заключению начальника Херсонской оценочной комиссии, в результате применения министерских инструкций «на земли менее плодородные падает больший налог» [265].

Несовершенство проведенной оброчной реформы заставляло ее участников выискивать новые принципы переложения оброка на землю и промыслы. Таковы были проект Рябоколова о переложении оброка на «вотчинный доход» (т. е. земельную ренту), проект Левдика о раскладке промыслового сбора по числу работников и т. д. [266]. Однако в течение всего управления Киселева основания оброчного обложения оставались теми, какие были выработаны в 40-х годах при составлении Положения и дополнявших его инструкций.

Какие же результаты имела оброчная реформа? Ликвидировала ли она крестьянскую недоимочность, повысила ли крестьянскую платежеспособность? В своих парадных отчетах Министерство не уставало говорить о благотворных последствиях новой системы. Но если мы сопоставим цифровые данные тех же годовых отчетов, то прийдем к иному, не столь оптимистическому выводу. Сравнивая годовые оклады главных денежных сборов — оброка и подушной подати — с ежегодными денежными поступлениями в реформированных губерниях, мы получим картину систематических недоборов и до, и после переложения оброка. Процентные отношения недоборов к годовым окладам выразились в следующих цифрах (табл. 5).

Даже в Петербургской губернии, которая перед реформой исправно вносила денежные сборы, переложение оброка сопровождалось недоборами, которые в 1845 году достигли очень значительной суммы — почти четверти годового оклада. Еще значительнее были недоборы при новой финансовой системе в Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерниях. Только в начале 50-х годов недоборы стали уменьшаться, особенно в южных черноземных губерниях. Однако начавшаяся Крымская война прервала эту линию развития и снова усилила рост недоимочности. Таким образом, несмотря на исправление первоначальных ошибок, переложение оброка на землю и промыслы не достигло цели, поставленной Министерством. Попытки ввести равно-

---

262 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15693, приложение, лл. 62—63.
263 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1853 г., д. 5893, лл. 75—76.
264 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1853 г., д. 5870; д. 5893, л. 76 и след.; 1854 г., д. 6217.
265 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1850 г., д. 4724, ч. I, лл. 41, 129.
266 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1850 г., д. 4724, ч. I, 1852 г., д. 5481, лл. 6—9.

Таблица 5

Процентные отношения недоборов к окладам оброчной и подушной податей во внутренних губерниях*

Губернии	1843 г.	1844 г.	1845 г.	1847 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.
Петербургская	—	—	24	1	0,2	—	0,01	0,9	—	—	0,1	—
Воронежская	17	12	8	5	27	16	7	2	0,8	1	2	16
Тамбовская	33	15	16	9	41	17	15	4	1	1	6	9
Пензенская	60	18	15	57	36	27	36	21	5	11	22	62
Рязанская	33	12	6	3	1	15	13	5	2	4	16	17
Тульская	32	21	16	8	11	0,7	12	2	0,6	3	7	7
Орловская	9	7	7	3	2	2	2	0,8	0,9	1	3	4
Курская	9	14	11	14	14	9	4	3	3	4	7	—
Псковская	0,4	6	91	29	22	19	15	10	12	8	16	2
Московская	3	0,4	0,08	0,2	0,2	1	1	2	0,7	2	3	2
Екатеринославская	95	1	18	5	40	69	86	61	0,8	0,7	17	22
Смоленская	7	16	53	13	10	8	8	48	28	12	12	25
Харьковская	10	11	12	5	14	11	8	5	4	0,7	3	1

* Суммы недоборов и процентные отношения вычислены на основании «Ведомостей о поступлении податей», приложенных к отч. (ЖМГИ, 1844—1857). Оброчный сбор показан в них слитно с подушной податью, но, поскольку последняя осталась неизменной, она сама по себе не могла влиять на изменения в поступлениях. Итоги даны по 13 губерниям, в которых оброчная реформа введена до начала Крымской войны, сильно понизившей крестьянскую платежеспособность и, следовательно, затемнившей результаты реформы. Недоборы за 1846 год не могли быть вычислены, так как в ведомости за этот год поступления окладной суммы не отделены от уплаты недоимок. Жирной чертой отделены годы, с которых началось взимание оброка по новой системе.

мерное обложение были парализованы более могущественным фактором — несоответствием между крестьянскими доходами и платежами, которое обессиливало плательщиков и в обычное время, и особенно в годы войны и неурожаев. К такому же итогу приводит сопоставление данных о недоимочности по денежным сборам на территории тех же реформированных губерний в начале и в конце управления Киселева (табл. 6).

Как видно из приводимой таблицы, общий итог недоимок сократился только в двух губерниях — Орловской и Курской — на незначительную сумму в 56 328 рублей 50 копеек и увеличился в остальных 17 губерниях на огромную сумму в 9 382 462 рубля 58 копеек. В некоторых губерниях, например Пензенской, Рязанской, Екатеринославской и других, недоимки увеличились вдвое и более. Насколько мало повлияла на уменьшение недоимок оброчная реформа, показывает пример остальных 16 губерний, не перешедших на поземельно-промысловое обложение: в 9 из них сумма недоимок уменьшилась на 2 591 299 рублей 03 копеек, причем в некоторых очень значительно (например в Полтавской — на 86%, в Оренбургской — на 73%, в Черниговской — на 52% и т. д.).

Очевидно, уравнение денежных сборов, произведенное в 19 губерниях, носило характер ограниченного паллиатива: оно не оказало того магического действия, какого ожидали от него Киселев и Николай I. Это вполне понятно: выяснение чистого дохода, положенное в основу оценочных работ губернских комиссий, не получило определяющей роли в установлении квоты оброка; денежные сборы взимались по старой, примитивной окладной системе, причем размеры губернского (а следо-

Таблица 6

Размеры недоимок по внутренним губерниям с 1838 года по 1856 год*

Губернии	К 1838 г. (на серебро)		К 1856 г. (на серебро)		Более (+) или менее (—)	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Петербургская	16 527	72	26 184	42	+ 9 656	70
Воронежская	944 441	41	1 646 365	63	+ 701 924	22
Тамбовская	1 021 698	80	2 427 717	87	+ 1 406 019	7
Пензенская	511 134	87	2 474 247	85	+ 1 963 112	98
Рязанская	141 923	35	765 244	2	+ 623 320	67
Тульская	374 059	17	635 101	26	+ 261 042	9
Орловская	1 114 682	78	1 105 263	38	— 9 419	40
Курская	1 681 760	37	1 634 851	26	— 46 909	10
Псковская	386 043	64	960 130	15	+ 574 086	51
Московская	26 037	63	63 601	34	+ 37 563	71
Екатеринославская	1 394 740	89	3 020 585	56	+ 1 625 844	67
Смоленская	437 952	84	1 027 701	42	+ 589 748	58
Харьковская	4 559 523	80	5 023 133	25	+ 463 609	45
Новгородская	31 648	88	74 033	46	+ 42 384	58
Тверская	264 431	72	350 899	89	+ 86 468	17
Калужская	251 996	45	680 863	58	+ 428 867	13
Саратовская	197 230	67	638 660	76	+ 441 430	9
Нижегородская	56 413	77	179 001	79	+ 122 588	2
Владимирская	5 332	93	10 128	89	+ 4 795	96

* ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 27—28 (доли копейки откинуты).

вательно, и поселенного) оклада устанавливались по-старому, независимо от найденных величин крестьянского дохода, да и самые величины дохода оставались гадательными, расходясь с действительным положением государственной деревни.

Оброчная реформа имела другое, действительно положительное влияние: она заставила министерские органы внимательнее присмотреться к социально-экономическим условиям различных районов и зафиксировать свои наблюдения в статистических сводках и хозяйственных описаниях. Результатом деятельности губернских комиссий явились материалы о положении государственных крестьян в ряде губерний, сохраняющие и до сих пор немаловажное научное значение. С другой стороны, более прогрессивные методы обследования, применявшиеся оценочными комиссиями (особенно подворный учет крестьянских промыслов и скота), оказали непосредственное влияние на развитие земской статистики [267].

8. Ликвидация барщины, люстрация и регулирование

В районах Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины уравнение повинностей должно было производиться независимо от внутренних губерний на основании Положения о люстрации 1839 года [268]. Однако применение на практике этого принципиально важного закона встре-

[267] «Очерки по истории статистики СССР». Сборник 2. М., 1957, стр. 22—24.

[268] См. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., изд. АН СССР, 1946, стр. 593—602.

тило серьезные преграды — и в недостатке межевых чиновников, и в могущественном давлении со стороны местных помещиков, арендаторов имений. Люстрация грозила посессорам не только уничтожением прежней системы неограниченного произвола, но и введением оброчной системы, а следовательно, утратой всякой возможности снимать имения в частную аренду. Местные чиновники, которые держали руку арендаторов, затягивали дело с составлением новых инвентарей и выражали открытое несочувствие переводу крестьян на оброк. Открытие Палат и окружных управлений ничего не изменило в тяжелом положении западной деревни. В 1842 году Николай I обратил внимание Киселева на «стеснение, которое крестьяне западных губерний претерпевают от арендаторов и администраторов». В районы Литвы, Белоруссии и Западной Украины были отправлены 4 ревизора, чтобы проверить, насколько местные органы Министерства охраняют государственных крестьян от притеснений местных владельцев. Донесения, которые были представлены ревизорами, нарисовали картину вопиющих злоупотреблений, которая ничем не отличалась от материалов дореформенной ревизии 1836—1840 годов: посессоры по-прежнему отнимали у крестьян наделы, облагали их непосильными повинностями, использовали их в собственных имениях, недодавали им причитавшихся денег, подвергали их жестоким побоям и истязаниям. Крестьяне возлагали все свои надежды на ожидаемую люстрацию, но люстрация подвигалась очень медленно и не вносила существенных улучшений в положение крестьянской массы [269]. С 1840 года до 1844 года было облюстровано всего 230 имений, насчитывавших 60 786 душ, т. е. не более 8% населения, причем основная масса крестьян была оставлена на барщинных повинностях. Перелом произошел только в 1844 году, когда по настоянию генерал-губернатора Д. Г. Бибикова и вопреки возражениям Киселева Николай I по политическим мотивам приказал перевести государственных крестьян западных районов на оброчное положение. С этого момента перевод на оброк начал обгонять медленные темпы люстрации и определять собой самые методы новой оценки повинностей. Наряду с составлением постоянных инвентарей, которому предшествовали межевание земель и определение доходов с помощью землемеров и люстраторов, началось составление временных инвентарей для тех имений, которые переводились на оброк, хотя не успели подвергнуться люстрации. В соответствии с поставленной задачей — улучшить положение крестьян в районах польского землевладения — временные инвентари составлялись в ускоренном темпе окружными начальниками, которые исходили из приблизительного учета земельных угодий и не располагали подробными инструкциями для определения размеров крестьянского оброка. Эти упрощенные приемы оценки крестьянских наделов и повинностей оказали большое влияние на последующее производство самой люстрации: при подготовке постоянных инвентарей люстраторы должны были считаться с происшедшим перераспределением земель и ранее установленными нормами денежной ренты. Если люстрационные правила 1839 года были значительно проще министерских инструкций о переложении оброка на землю и промыслы, то еще примитивнее и грубее были оценочные методы, практиковавшиеся окружными начальниками и на основе их исчислений — губернскими люстраторами. Проверка деятельности местных люстрационных органов, произведенная в 1849 году вице-директором II Департамента, показала, насколько приемы и темпы люстрации западных имений уступали оценочным работам во внутренних губерниях.

---

[269] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., 3174; 1848 г., д. 8513, л. 45; 1850 г., д. 9580; ИО, ч. II, отд. II, стр. 129.

хотя и эти работы далеко не отличались техническим совершенством и точными результатами[270].

Данные министерских отчетов дают возможность проследить процесс постепенного перевода государственных крестьян Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины с барщинных повинностей на денежный оброк (табл. 7).

Таблица 7

Перевод западных крестьян на оброк*

Годы	Число ревизских душ	Годы	Число ревизских душ
1842	12 238	1850	40 036
1843	6 654	1851	36 375
1844	44 842	1852	82 064
1845	122 877	1853	20 672
1846	96 496	1854	3 012
1847	57 774	1855	3 423
1848	74 711	1856	18 824
1849	69 523		

* Данные взяты из Отч., цифры за 1847 год вычислены автором, так как в отчете за 1847 год имения, переведенные на оброк и назначенные к переводу, слиты воедино.

Приведенные цифры ярко показывают огромное влияние указа 1844 года на переход к новой оброчной системе. Это влияние было особенно заметно в первые годы после указа; в дальнейшем темпы перевода крестьян на оброк варьировались в зависимости от окончания сроков арендных договоров. К 1856 году было переведено на денежную ренту 680 920 ревизских душ и оставалось на барщинной повинности 26 937 душ, т. е. около 4% общего количества крестьян западных имений. Соответственно изменялись и темпы производства люстрации. По данным министерских отчетов, количество облюстрованных имений, начиная с 1844 года, было такое (табл. 8).

Таблица 8

Количество облюстрованных имений*

Количество	1844 г.	1845 г.	1846 г.	1847 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Имений	190	292	316	320	551	146	513	31	6	16
Ревизских душ	72 123	112 513	84 208	132 445	156 102	82 064	232 029	35 280	2 011	17 534

* Отч. не дают сведений за 1848—1850 годы; при сопоставлении отчетных цифр за разные годы, можно установить, что в 1848 году люстрации подверглось 45 369 душ, а в 1849 году — 50 201 душа. Отчетные данные за 1842 и 1843 годы преувеличены и впоследствии были исправлены самим Министерством (ИО, ч. II, отд. II, стр. 127).

Если учесть, что за 4 года (1840—1843) было облюстровано только 230 имений с 60 768 душами, то и тут ярко обнаруживается могущественное воздействие указа 1844 года: кривая числа облюстрованных имений сразу поднимается вверх, стараясь нагнать кривую, регистрирующую количество душ, переведенных на оброк. Министерство стало особенно торопить люстрационные органы с начала 50-х годов.

[270] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1849 г., д. 9544.

В 1854 году люстрация в основном была признана законченной; тем не менее к началу 1857 года оставалось необлюстрованными 45 имений с 23 145 ревизскими душами. Люстрация получила окончательное завершение уже после отставки Киселева.

По своему направлению люстрация западных имений отличалась ярко выраженной политической тенденцией: стараясь предупредить вовлечение крестьян в польское национально-освободительное движение, правительство Николая I сознательно пошло на уничтожение фольварков, расширение крестьянского землепользования и уменьшение феодальной ренты. В своих отчетах Министерство не уставало повторять о сокращении барщины и о значительной сбавке повинностей при переводе крестьян на оброк: в 1842 году в облюстрованных имениях барщина сократилась на 400 тысяч дней, оброк — на 31 тысячу рублей серебром; в 1843 году количество барщинных дней было уменьшено на 386 480, т. е. на 40%; в 1849 году, по свидетельству Министерства, повинности в люстрированных имениях уменьшились на 24%, в 1850 году — на 21% и т. д. При подведении итогов произведенной люстрации на 1 сентября 1854 года общая сумма уменьшения повинностей выразилась в следующих цифрах (табл. 9).

Таблица 9

Результаты люстрации на 1 сентября 1854 года*

Губернии	До люстрации		После люстрации		Размер уменьшения		% уменьшения
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	
Могилевская	248 696	72	86 917	40	161 779	32	65,0
Минская	210 893	29	149 731	28	61 162	1	29,0
Виленская	423 194	3	204 818	63	218 375	40	51,6
Ковенская	495 756	34	359 383	21	136 373	13	27,5
Гродненская	442 768	96	290 316	77	152 552	19	34,4
Витебская	341 439	49	127 761	55	213 677	94	62,5
Киевская	231 056	19	210 984	66	20 071	53	8,6
Подольская	158 812	18	118 573	55	40 238	63	25,3
Волынская	221 051	31	162 761	59	58 289	72	26,3
Итого:	2 773 668	51	1 711 148	64	1 062 519	87	38,6

* ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13592, лл. 6, 9, 12, 16, 20, 23, 35, 38, 40 (отброшены дроби копеек и исправлены ошибки в подсчетах).

Однако уменьшение повинностей имело место далеко не во всех имениях. При составлении новых инвентарей люстраторы, местные Палаты и особенно центральные органы Министерства стремились согласовать выдвинутые политические задачи с финансовыми интересами казны. Если в результате оценки крестьянских земель сокращались государственные доходы от имения, Министерство прибегало к разнообразным приемам, чтобы сохранить прежнюю сумму денежных поступлений: применяло повышенную норму оценок, искусственно увеличивало размеры оброка и т. д. Примером таких маневров может служить люстрация Ольховецкого имения Подольской губернии, имевшего 5002 десятины земли и 1105 ревизских душ. На основании люстрации 1847 года крестьяне имения были переведены с барщины на оброк и получили дополнительно (вместе с однодворцами) 338½ десятины пашни и сенокоса, а в среднем — по 1,42 десятины посредственной земли на ревизскую душу. Раньше крестьяне отбывали 23 181 барщинный

день, оцененные по инвентарю 1838 года в 1028 рублей 30 копеек, и приплачивали деньгами 31 рубль 68 копеек, а всего 1059 рублей 98 копеек; после люстрации они были обязаны платить оброк в размере 1724 рублей 38 копеек и отбывать с каждого тяглого двора 8 дней на общественной запашке и 6 дней — на строительных работах. Чистый доход казны повысился на 1582 рубля 64 копейки серебром. Если мы сопоставим увеличение крестьянского надела (на 20%) с увеличением основных повинностей (на 62%), не считая остатков натуральной ренты, то окажется, что крестьяне Ольховецкого имения не выиграли, а проиграли от новой люстрации. Однако мнение люстраторов было иное: подводя итоги произведенным вычислениям, они утверждали, что отмененная барщина была оценена чересчур дешево и если оценить ее вдвое дороже, то окажется, что крестьянские повинности уменьшились на 624 рубля 95 копеек [271].

Но и там, где повинности не увеличивались, а уменьшались, этого облегчения оказывалось недостаточно: настолько чрезмерны были нормы прежних повинностей и так разорены были крестьяне арендных имений. Люстрация сопровождалась потоком крестьянских жалоб на отяготительность установленного оброка. Вице-директор II Департамента, проверявший в 1852 году результаты люстрации, признал, что земли часто оценивались высоко и несоразмерно их качествам вследствие недостаточности оценочных правил, неопытности люстраторов и допущенного ими произвола. К такому же выводу привела проверка люстрации в 1854 году: разбирая крестьянские жалобы, вице-директор находил, что «причиною их были иногда пристрастные и неправильные действия люстрационных чиновников и в особенности землемеров». Министерство вынуждено было производить проверку оценок и ходатайствовать перед министром об уменьшении наложенного оброка. Получив соответствующую записку II Департамента, Киселев сделал в 1852 году пессимистическое заключение: «Все это показывает, что действия люстрации в течение 9 лет совершаются в отсутствие твердого и правильного основания, а теперь — что и наблюдение за ходом дела не имело желаемого последствия» [272].

Согласно итогам люстрации, подведенным в 1854 году, средние размеры душевого оброка литовских, белорусских и украинских крестьян были установлены такие (табл. 10).

Таблица 10

Размеры душевого оброка в 9 западных губерниях*

Губернии	Средний оброк		Губернии	Средний оброк	
	руб.	коп.		руб.	коп.
Могилевская	2	43	Витебская	1	97
Минская	2	77	Киевская	2	29
Виленская	3	27	Подольская	2	17
Ковенская	3	80	Волынская	2	27
Гродненская	2	45			

* Таблица вычислена на основании итоговых данных люстрации (ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13592, лл. 5—41).

В общем средний размер оброка в бывших арендных имениях приближался к великорусской норме. Исключение представляли Виленская

[271] ЦГИА УССР, ф. люстратора Дыаковского, 1847 г., д. 13, лл. 70—76.
[272] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1843 г., д. 4094, лл. 120—123; 1852 г., д. 11995; 1854 г., д. 13597.

и Ковенская губернии: в первой из них крестьяне были лучше обеспечены землей, но в отношении последней нельзя указать никаких оснований для повышенной оценки крестьянских доходов. Кроме того, надо учесть, что ликвидация барщины в западных имениях была неполной: наряду с денежной рентой за крестьянами по-прежнему остались строительные работы («шарварки») и обработка общественной запашки; в некоторых имениях к ним присоединялись обработка участков священников и окарауливание сельского запасного магазина и церкви. Судя по итоговым данным, эти натуральные повинности доходили в среднем до 21 копейки на ревизскую душу. В отдельных имениях размеры оброка были значительно выше средней погубернской нормы: например, в ковенском имении Лукославки больше 226 крестьянских душ платили в среднем по 5 рублей 21 копейке серебром [273].

Произвольные и преувеличенные оценки были не единственными формами злоупотреблений местных органов. Как показала ревизия 1848 года, произведенная в Могилевской губернии, люстрация была одним из источников обогащения чиновников и усиления эксплуатации крестьян. Как правило, перевод крестьян на оброк предшествовал нарезке новых наделов в натуре; между составлением инвентаря и ликвидацией фольваркового хозяйства проходило не менее года, а иногда больше. В течение этого промежутка имение оставалось в управлении казны или передавалось в пользование крестьянскому обществу. В обоих случаях крестьяне должны были одновременно платить оброк по новому инвентарю и отбывать прежнюю барщину на полях фольварка. В выигрыше оказывались чиновники и «выборные» начальники, которые собирали и сбывали полученные продукты, беспорядочно регистрируя доходы и широко присваивая себе итоги крестьянского труда. В ряде имений были безотчетно израсходованы тысячи пудов хлеба, сена и овощей, сгнили запасы зерна, картофеля и соломы, а крестьяне не получили ни копейки за свою работу. Бывали случаи, когда крестьяне, выплачивая оброк казне, должны были отбывать барщину прежнему арендатору. При такой политике местной Палаты неизбежным результатом был рост крестьянской недоимочности: в 1847 году с имений, переведенных на оброк, было получено вместо 20912 рублей, предусмотренных инвентарями, всего на всего 6726 рублей [274].

Положение вещей, раскрытое могилевской ревизией, не представляло собой исключения: состав чиновничества и «выборных» в других губерниях Литвы, Белоруссии и Западной Украины отличался таки-

[273] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13639, л. 11.— После завершения люстрации в 1857 году средние размеры погубернского оброка в 7 губерниях повысились на сумму от 8 до 51 копейки и уменьшились на незначительную величину только в Виленской и Минской губерниях. Согласно данным, приведенным Кавецким (ЖМГИ, 1860, ч. LXXIII, отд. II, стр. 230—258), в 9 западных губерниях были окончательно установлены такие оброки:

Губернии	Средний оброк		Губернии	Средний оброк	
	руб.	коп.		руб.	коп.
Могилевская	2	58	Витебская	2	25
Минская	2	73	Киевская	2	42
Виленская	3	13	Подольская	2	50
Ковенская	4	—	Волынская	2	78
Гродненская	2	53			

Вычислено на основании данных итоговой таблицы.

[274] ЦГИАЛ, ф. Кпц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 20, 39—40, 109—112; ч. II, лл. 480—487; ф. II Д, 1849 г., д. 9396, лл. 467—470.

ми же отрицательными чертами. Не удивительно, что люстрация 1840—1856 годов имела те же последствия, к каким привело уравнение денежных сборов во внутренних губерниях: несмотря на ликвидацию арендной системы и создание более свободных условий для хозяйствования крестьян, недоимочность казенной деревни не была ликвидирована. Количество недоимок в начале и в конце управления Киселева было следующее (табл. 11).

Таблица 11

Недоимки по 9 западным губерниям*

Губернии	Недоимки к 1838 г. (на серебро)		Недоимки к 1856 г. (на серебро)		Более (+) или менее (−)		
	руб.	коп.	руб.	коп.		руб.	коп.
Могилевская	48 417	34	111 108	89	+	62 691	55
Минская	25 923	18	118 700	17	+	92 776	99
Виленская	157 101	19	327 589	41	+	170 488	22
Ковенская	51 695	47	326 309	61	+	274 614	14
Гродненская	75 197	60	147 520	6	+	72 322	46
Витебская	298 191	77	763 762	10	+	465 570	33
Киевская	1 951	5	41 270	26	+	39 319	20
Подольская	54 530	93	22 243	93	—	32 287	—
Волынская	49 085	59	40 962	1	—	8 123	58

* ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 45—46 (доли копейки откинуты).

Таким образом, за 18 лет общая сумма недоимки сократилась только по двум губерниям всего на 40 410 рублей 68 копеек и выросла по всем остальным губерниям на 1 177 782 рубля 89 копеек, по некоторым — втрое, вчетверо и более.

Тем не менее люстрация и перевод на оброк, сопровождавшиеся расширением крестьянского землепользования, оказали некоторое положительное влияние на хозяйственное состояние деревни. Если мы вычислим размеры недоимок подушной и оброчной податей на протяжении 12 лет, с 1843 года по 1855 год, то получим следующие процентные отношения недоборов к годовому окладу (табл. 12).

Таблица 12

Процентные отношения недоборов к окладу в 9 западных губерниях*

Губернии	1843 г.	1844 г.	1845 г.	1847 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Могилевская	28	47	51	40	32	23	21	6	5	16	7	11	4
Минская	22	36	32	42	39	33	32	17	14	15	38	32	3
Виленская	15	32	75	70	30	23	17	7	15	22	22	8	0,3
Ковенска	20	25	35	37	16	20	15	9	3	5	7	5	2
Гродненская	21	18	25	13	10	7	5	2	4	6	12	15	5
Витебская	23	53	94	96	12	42	50	68	80	57	58	47	2
Киевская	11	9	7	12	1	1	2	1	0,7	0,8	4	6	1
Подольская	21	19	20	3	4	6	2	1	1	1	1	1	1
Волынская	30	39	35	23	12	11	9	6	2	1	5	4	1

* Ежегодные недоимки по губерниям и процентные отношения этих недоимок к годовым окладам вычислены на основании Отч.

Почти по всем губерниям проценты недоборов показывают тенденцию к уменьшению, которая не исчезает даже в трудные годы Крымской войны. Исключение представляет Витебская губерния, особенно выделявшаяся абсолютными и относительными размерами недоимочности: в то время как в других западных губерниях причиталось недоимок от 29 копеек до 3 рублей 27 копеек на ревизскую душу, в Витебской губернии средняя недоимка поднималась до 12 рублей 21 копейки, приближаясь к наиболее высоким нормам Харьковской (15 рублей 96 копеек) и Екатеринославской (14 рублей 09 копеек) губерний [275].

В прибалтийских губерниях переоценка повинностей была связана с регулированием имений; эта переоценка в принципе соответствовала западной люстрации и сопровождалась составлением новых оценочных документов — вакенбухов (аналогичных западным инвентарям). Регулирование казенных имений в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии с самого начала входило в программу деятельности Министерства, но темпы проведения в жизнь этого мероприятия были крайне замедленными. Если в Западном крае правительство стремилось парализовать влияние польских землевладельцев и остановить процесс обнищания крестьян, то в прибалтийских губерниях положение было иное: местные остзейские бароны считались надежным консервативным элементом и пользовались большим влиянием в петербургских «сферах»; в силу большего развития капиталистических отношений арендная система не имела здесь тех губительных результатов, какие обнаружились на территории Белоруссии, Литвы и Западной Украины. Регулирование началось «в виде опыта» только в середине 40-х годов и совершалось более медленными темпами, чем люстрация. К концу управления Киселева, в 1856 году, оставались нерегулированными 150 имений с 72 423 душами, т. е. половина населения прибалтийской деревни [276].

Положение 1841 года связывало с процедурой регулирования перевод крестьян с «хозяйственного положения» на оброк. Однако и здесь в силу экономических причин правительство вынуждено было ускорить процесс перехода от отработочной к денежной ренте: этого не только требовали крестьяне, мечтавшие о более свободных условиях ведения хозяйства,— это находили для себя выгодным и помещики-арендаторы, начинавшие применять более производительный наемный труд. Уже в 40-х годах Министерство выработало специальную инструкцию о переводе крестьян на оброк — не только при проведении регулирования, но и независимо от этой меры. Так же как в западных губерниях, в последнем случае должны были составляться временные вакенбухи, основанные на приблизительном определении качества земель и такой же приблизительной оценке доходов. Однако и тут сказались специфические черты Прибалтийского края: для перевода крестьян на оброк требовалось предварительно согласие не только самих крестьян, но и временного владельца или содержателя имения; между обеими сторонами должно было заключаться временное соглашение на 12 лет (если регулирование совершалось раньше, то соглашение аннулировалось). Переход на оброк мог происходить не только в составе всего имения, но и отдельными дворами без соблюдения принципа круговой поруки. Чтобы предотвратить возможность чрезмерного обложения крестьян оброком и, следовательно, упадка их платежеспособности, инструкция ставила известные преграды произволу арендаторов: размеры оброка не должны были превышать дохода от

---

[275] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 34 и 51.

[276] Отч., 1856 г., стр. 10. Ср. ведомость о населении в приложении 5.— О введении денежного оброка в Курземе (Курляндской губернии) см. Г. П. Строд. Отмена барщинной ренты и введение денежной ренты в курземских казенных имениях в середине XIX века (рукопись).

крестьянских земель, оцененного в вакенбухе, а перевод местных талеров на серебряные рубли должен был контролироваться правительственными чиновниками [277]. Таким образом, в отличие от закона 1844 года, требовавшего обязательного и повсеместного перевода на оброк белорусских, литовских и украинских крестьян, которых эксплуатировали польские землевладельцы, прибалтийские инструкции очень внимательно относились к интересам и желаниям остзейских баронов, предоставляя им значительную инициативу и влияние при переходе на новую систему.

Влияние арендаторов особенно ярко обнаружилось в процессе применения изданных инструкций. Как правило, крестьяне — эсты и латыши хотели перевода на оброк и охотно шли на заключение соглашений; но арендаторы-диспоненты выдвигали обычно требования повышенного оброка и часто не соглашались на компромиссные предложения местного управления государственных имуществ. Согласно установившейся традиции, доходы от крестьянских земель, так же как от всех угодий, оценивались в шведских талерах, а оброк при составлении временных вакенбухов устанавливался в серебряных рублях. Правительство приравнивало один талер к трем серебряным рублям. Арендаторы, не имея возможности изменить нормы земельных оценок, старались повысить свои оброчные доходы иным путем — посредством искусственного повышения курса талера: его приравнивали то к 3 рублям 50 копейкам, то к 3 рублям 75 копейкам, то к 4 рублям серебром. Между крестьянами и арендаторами завязывалась борьба, из которой первые редко выходили победителями: как показывают материалы отдельных имений, арендаторам удавалось выторговывать у местных Палат более выгодные нормы оброка. В отдельных случаях, как показывает пример лифляндского имения Торгель, эти повышенные нормы устанавливались вопреки настойчивым и вполне обоснованным возражениям крестьян [278]. В зависимости от местных условий, крестьянам приходилось в среднем уплачивать от 5 до 6 рублей серебром на ревизскую душу. Как видим, эта норма превосходила оброк не только западных, но и внутренних, великорусских губерний.

Условия заключения договоров между арендаторами и крестьянами не могли не отразиться на темпах преобразования феодальной ренты. Как видно из министерских отчетов, перевод на оброк крестьян прибалтийских губерний происходил значительно медленнее, чем крестьян Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины: к 1856 году, т. е. к концу управления Киселева, на оброке состояло 85 405 ревизских душ, а барщину продолжало отбывать 34 083 ревизских души, т. е. 28% [279].

Введение временных вакенбухов оставляло открытым вопрос, останутся ли у крестьян и после отведенные земли и не изменятся ли нормы установленного оброка. Поэтому были понятны тревога и жалобы крестьян, вызванные систематическими задержками регулирования. Крестьяне казенной мызы Кумбери Курляндской губернии в 1856 году писали в своем прошении Киселеву, что межевание было произведено у них 9 лет назад, оброк введен в апреле 1855 года, а обещания Палаты быстро закончить регулирование не исполняются уже 2 года; «... по неизвестности же,— писали крестьяне,— будут ли оставлены после регулирования отведенные ныне земли в нашем пользовании, ни один крестьянин не обрабатывает своего участка с таким прилежанием, как надлежало, вследствие чего все канавы остаются неочищенными и на

[277] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1850 г., д. 10130, лл. 25—26.

[278] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1855 г., д. 14420, лл. 8—13 и след.— Материалы по другим имениям см. ЦГИАЛ, ф. II Д, 1846 г., д. 6463; 1850 г., д. 10130; 1854 г., дд. 13647, 13661; 1855 г., д. 14407.

[279] Отч., 1855 г., стр. 15.

полях разводится хворост, каковое обстоятельство чрезвычайно затрудняет добывание достаточных денежных средств на уплату следуемого с нас оброка и впоследствии угрожает разорением сельского нашего быта»[280]. Местное управление торопилось с регулированием только в исключительных случаях; так было, например, с эстляндским имением Тайбель, где в 1853 году был неурожай трав и за отсутствием сена была потеряна половина крестьянского рабочего скота; при создавшихся условиях деревня не могла отбывать барщины, и Эстляндское окружное управление в интересах казны и арендаторов немедленно приступило к производству регулирования и к переводу крестьян на оброк[281].

Обычно местное управление действовало иначе: оно выжидало срока окончания аренды и только тогда начинало переоценивать земли и доходы имения. И здесь, так же как в западных губерниях, Министерство стремилось не просто сохранить, а повысить прежние государственные доходы. Если верить донесениям Палат, этого удавалось достигнуть без повышения крестьянских повинностей — за счет сокращения преувеличенных доходов арендаторов. Проекты вакенбухов ряда имений — Кумберн, Ней-Платтен, Наудиттен и других — при сопоставлении введенного оброка с денежной оценкой отмененной барщины, показывают даже некоторое уменьшение прежних повинностей[282]. Однако заключения местных органов не всегда были точны и добросовестны: например, при подведении итогов регулирования эстляндского имения Тайбель (422 ревизские души) увеличение повинностей на 159 рублей 74 копейки было выдано Эстляндским окружным управлением за уменьшение повинностей на ту же самую сумму[283].

Переоценка земель и доходов в прибалтийских губерниях тоже не ликвидировала укоренившейся крестьянской недоимочности. Ежегодные недоборы продолжались по всем трем губерниям и особенно крупными были в Эстляндской губернии (табл. 13).

Таблица 13

Процентные отношения недоборов к годовым окладам основных податей*

Губернии	1843 г.	1844 г.	1845 г.	1847 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Курляндская	0,4	4	9	6	6	2	4	6	4	3	3	4	4
Лифляндская	3	6	14	6	3	3	1	3	3	2	12	22	2
Эстляндская	13	10	27	4	12	20	26	24	30	6	16	19	31

* В основу вычислений положены данные Отч.

При сопоставлении с данными западных и внутренних районов недоборы в Курляндской и Лифляндской губерниях представляются менее значительными и с 1847 года, т. е. с начала систематического перевода на оброк, показывают некоторую тенденцию к уменьшению. Крымская война и здесь понизила крестьянскую платежеспособность.

Если сравнить количество недоимок Прибалтийского края в начале и в конце управления Киселева, то мы получим следующие итоги (табл. 14).

---

280 ЦГИАЛ, ф. II Д, 1855 г., д. 14423, л. 47.
281 ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13643.
282 ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., дд. 13642, 13651, 13655, 13656.
283 ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13643, л. 10.

Таблица 14

Податные недоимки к 1838 и к 1856 годам*
(на серебро)

Губернии	К 1838 г.		К 1856 г.		Более (+) или менее (−)		
	руб.	коп.	руб.	коп.		руб.	коп.
Курляндская . . .	37 471	—	8 159	83	—	29 311	17
Лифляндская . . .	32 283	—	30 643	54	—	1 639	46
Эстляндская . . .	642	8	2 128	25	+	1 486	17

* ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1857 г., д. 1915, лл. 45—46.

Таким образом, регулирование и связанный с ним перевод на оброк оказали некоторое благоприятное влияние на поступление денежных сборов в Лифляндской и особенно в Курляндской губерниях. В Эстляндской губернии количество недоимок выросло, но их абсолютные размеры остались небольшими.

9. Натуральные повинности

Успешное поступление денежных сборов в значительной мере зависело от размеров натуральных повинностей и правильной организации их взимания. Чем больше и обременительнее были остатки отработочной ренты, тем хуже поступали оброчные, подушные и другие платежи крестьян. Вступив в управление Министерством, Киселев обратил внимание подчиненных органов на тяжесть и неравномерность натуральных повинностей. В своем отчете о поездке по имениям в 1839 году он указывал Николаю I, что Министерству предстоит борьба со «многими противодействиями местных интересов», намекая на постоянное стремление частных землевладельцев переложить бремя натуральных повинностей преимущественно на плечи государственного крестьянства[284] Просматривая отчеты Департаментов за 1841 и 1842 годы, Киселев настойчиво требовал «привести в порядок» натуральные повинности и по возможности сократить количество работ и расходы на материалы. Аналогичные предписания давались им и позже, при проверке отчетов местных Палат государственных имуществ[285]. В своих собственных отчетах Киселев неизменно выделял эту сторону деятельности Министерства, подчеркивая степень уменьшения или, наоборот, увеличения натуральных повинностей крестьян. Однако, прослеживая из года в год цифровые данные по этому разделу, мы убеждаемся, что руководящая директива министра не исполнялась: несмотря на некоторые колебания, количество поставляемых людей и подвод не уменьшалось, а увеличивалось; при переводе на деньги сумма затраченного труда постепенно возрастала. Хотя повинности считались натуральными, крестьянству приходилось в дополнение к собственному труду затрачивать значительные средства на покупку материалов для строящихся зданий, исправляемых дорог и пр. Итоги расходов по основным повинностям в форме затрат личного труда и денежных приплат выражаются в следующих суммах (табл. 15).

Натуральные повинности не только возрастали,— они оставались такими же неуравнительными, какими были раньше, до учреждения

[284] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 191, л. 225.
[285] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4353; 1843 г., д. 5332; 1849 г., д. 12273.

Таблица 15

Размеры натуральных земских повинностей государственных крестьян *

Годы	Подвод			Людей пеших и конных			Деньгами из мирских сборов		Всего	
	Общее число	оценка		Общее число	оценка		руб.	коп.	руб.	коп.
		руб.	коп.		руб.	коп.				
1844	2 313 936	1 052 973	76½	2 068 239	696 442	21	665 006	41½	2 414 422	39
1845	2 324 199	1 187 582	96½	2 032 485	772 446	57½	884 016	60	2 844 046	14
1846	2 414 002	1 304 538	17½	2 374 312	859 246	45½	920 646	14¾	3 084 430	77¾
1847	2 511 140	1 339 569	17½	2 815 707	858 233	91	1 294 433	12	3 492 236	3
1848	2 518 638	1 497 358	31¾	2 998 772	1 003 358	73½	1 382 131	70	3 882 848	75¼
1849	2 637 460	1 467 699	31¾	2 572 265	792 414	28¼	1 377 546	91	3 637 660	19¼
1850	2 443 048	1 361 117	32	3 388 851	1 269 692	68	1 377 546	91	4 221 624	11
1851	2 751 706	1 428 882	32	4 458 897	1 347 922	37	1 753 695	81	4 530 500	18
1852	2 754 288	1 282 532	64	3 999 753	1 086 039	71	1 530 537	26	3 899 109	61
1853	2 895 715	1 365 119	88	4 223 769	1 508 843	75	1 799 260	82	4 673 224	45
1854	4 073 042	2 263 254	60	4 852 789	1 802 175	54	2 198 087	6	6 263 517	20
1855	4 501 324	3 582 491	72¾	4 506 661	1 955 033	44¾	1 883 917	71	10 421 442	88½
1856	3 686 762	2 058 970	51½	4 551 519	1 589 556	81¼	2 526 171	71¼	6 174 699	4

* ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, лл. 765—766; Отч., 1855 и 1856 гг. (в итоги включены также повинности колонистов, которые составляли 3—5% общей суммы). Кроме основных повинностей, крестьянами ежегодно тратилось большое количество дней на квартирную повинность: в 1856 году она потребовала 37 506 378 дней.

Министерства. По-прежнему помещики, удельное управление и горное ведомство оказывали сильнейшее давление на местные органы, чтобы освободить себя от большей части обязанностей по исправлению дорог, поставке подвод, содержанию проходящих войск и т. д., переложив их на плечи государственных крестьян. Вице-директор I Департамента Нефедьев, ревизовавший в 1847 году Тверскую палату, жаловался на уездных предводителей дворянства, которые, председательствуя в уездных комитетах земских повинностей, не считаются с представлениями окружных начальников и даже не приглашают их на заседания [286]. Ревизор Тарасов, командированный в 1855 году в Пермскую губернию, сообщал в Министерство, что крепостные нижнетагильских заводов Демидова в количестве 22 $^1/_2$ тысяч душ очень редко направляются на дорожные работы, а 800 крестьян имения Всеволожских вовсе исключены из расписания натуральных повинностей [287]. Такие же донесения приходили из Екатеринославской, Оренбургской и других губерний [288]. Местные органы Министерства не проявляли достаточной энергии, чтобы добиться равномерного распределения повинностей, а если они вступали в споры с губернатором и земской полицией, то встречали упорное сопротивление и обвинение в неприязненных действиях [289]. В одном из циркуляров 1850 года Киселев сам признавал, что «уравнение государственных крестьян по отправлению повинностей с прочими сельскими обывателями достигнуто доселе в весьма немногих губерниях» [290].

Неуравнительность в отбывании натуральных повинностей объяснялась не только давлением заинтересованных ведомств,— она вытекала из самого существа тех условий, в которых происходило выполнение дорожных и всяких других работ. Крестьяне, обитавшие по большим дорогам, были больше обременены поставкой подвод и сопровождением арестантов; жители лесных и болотистых пространств должны были употреблять больше труда на исправление дорог, починку мостов и проложение гатей; население районов, в которых расквартировывались военные части, были больше обложены квартирной повинностью и т. д. Неравномерность наблюдалась не только в пределах каждой губернии и уезда,— крупные отличия существовали в этом отношении и между разными губерниями. Если мы сопоставим размеры и стоимость натуральных повинностей в одном и том же 1842 году в двух разнообразных районах — черноземной Курской и горнозаводской Пермской губерниях, то получим следующие итоги.

Таблица 16

Неравномерность натуральных повинностей*

Губернии	Число ревизских душ	Подвод		Исправление дорог			Постой		Итого	
		общее число	на сумму (в руб.)	число конных	число пеших	на сумму (в руб.)	людей	на сумму (в руб.)	на деньги (в руб.)	на ревизскую душу (в коп.)
Курская . .	471 366	62 373	26 676	13 532	20 246	104 033	20 000	28 978	159 687	33
Пермская . .	396 853	550 330	187 179	38 875	44 089	139 640	—	—	326 820	82

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1842 г., д. 4353, лл. 40, 42—43 (копейки откинуты). Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., 18 216.

[286] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 75.
[287] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24 709, ч. III, лл. 9—10
[288] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26479 (донесение Жадовского); ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 118—119.
[289] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8010, лл. 3, 29—31.
[290] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27 245, л. 12. Ср. ЦГИАЛ, ф. Муравьева, д. 6, лл. 44—45.

Особенно неравномерным было отбывание дорожной повинности. В Вятской губернии, по свидетельству ревизора Дядькова (1847 год), многие общества и волости не были приписаны к дорожным участкам и не участвовали в исправлении дорог; по устаревшему расписанию 1824 года одни крестьяне должны были исправлять дороги «почти под окнами домов», другие вынуждены были выезжать на работы за 100, 200 и даже за 300 верст от своих деревень; одним доставались на долю низменные и сухие места с небольшим количеством мостов и труб; другие должны были чинить быстро портившиеся гористые и болотистые дороги, которые требовали доставки из дальних пунктов песку, гальки и леса [291]. Дорожная повинность была тяжелым испытанием и для крестьян Пермской губернии: здесь пролегали каменистые тракты, пересеченные трясинами, речками и ручьями, часто портившиеся от перевозки заводских грузов; крестьяне должны были в горячее время полевых работ, бросая свои хозяйства и семьи, уезжать за десятки и сотни верст, везти с собой инструменты и материалы, с трудом запасаться фуражем и продуктами. В довершение всех бедствий Горное управление систематически уклонялось от приема дорог, исправленных государственными крестьянами; чаще всего оно затягивало дело до наступления зимы и, пользуясь тем, что весенние воды производили новые разрушения, отказывалось принять работу как негодную. Если вновь исправленные дороги подвергались освидетельствованию со стороны горных чиновников, то начинались разнообразные придирки: достаточно было мелкой неисправности, вроде невыполотой травы или невычищенной канавы, чтобы последовал отказ в приеме всей дороги на протяжении многих десятков верст. Результаты такой политики были очень выгодны для Горного ведомства, но крайне обременительны для государственных крестьян: в течение 40 лет пермские горнозаводские тракты исправлялись исключительно силами казенной деревни [292]. О тягости и неравномерности дорожной повинности доносили также ревизоры из Калужской, Могилевской, Минской и других губерний. Не мудрено, что, тяготясь непосильными работами, крестьяне уклонялись от их выполнения и во многих местах мосты и дороги, особенно проселочные, находились далеко не в блестящем состоянии [293].

Повсеместные жалобы вызывала также подводная повинность. «Дача подвод и лошадей безвоздмездно разоряет крестьян, особенно поселенных при почтовых и больших коммерческих дорогах»,— доносил в 1848 году могилевский ревизор Пташинский. «Все считают себя вправе требовать от государственного крестьянина подводы и лошади бесплатно. Земская полиция, чины управления государственных имуществ, этапные команды берут подводы и лошадей без платежа прогонов, и все действие местного управления ограничивается тем, что оно вносит в книгу сведение о числе данных подвод бесплатно, а Палата при ревизии книги сей никакого не делает распоряжения о взыскании с кого следует прогонов и ограждении впредь крестьян от незаконных требований [294]. В Казанской губернии было учреждено 83 земских станции, на которых непрерывно стояло по нескольку пар обывательских лошадей для обслуживания губернских и уездных чиновников [295]. В Смоленской и Вятской губерниях крестьянские лошади должны были находиться в ожидании разъездов при волостных и сельских правлениях и становых квартирах [296]. Сенатор Дурасов, реви-

---

[291] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10258, лл. 169—172.

[292] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. III, л. 9; ч. VI, лл. 65—66.

[293] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10 258, лл. 17—18; 1849 г., д. 13 398, л. 157; 1854 г., д. 23 113, л. 19; д. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 97; 1856 г., д. 1630, лл. 82—83; д. 1642, л. 14.

[294] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 98.

[295] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 134; ф. I Д, 1851 г., д. 16 453, л. 2.

[296] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 293, ч. II, л. 139.

зуя Курскую губернию, убедился, что требования на подводы заявляются одинаково имеющими и не имеющими на это право, без всякого предъявления письменных документов [297]. Примером чрезмерного отягощения крестьян может служить один эпизод, рассказанный воронежским ревизором Патковским. Через город Землянск в январе 1848 года проезжал губернский лесничий Гедеке-Мейер. В ожидании его появления крестьяне села Хлевного обязаны были в течение нескольких суток держать наготове 9 лошадей. Когда тот же лесничий проезжал в город Елец, для него и двух провожавших чиновников было расставлено крестьянами 6 троек [298]. Наиболее частые разъезды бывали летом во время полевых работ; нередко требования предъявлялись неожиданно и должны были исполняться немедленно. Попытки Министерства упорядочить отбывание подводной повинности введением шнуровых книг с записью выставленных подвод не достигали желаемой цели: книги часто велись беспорядочно или вовсе отсутствовали [299]. Жалобы на тяжесть и обременительность подводной повинности приходили из разных губерний: Архангельской, Костромской, Вятской, Пермской и др. [300]

Предоставление квартир проезжающим чиновникам, проходящим войскам, этапным командам, сопровождавшим арестантов, тоже создавало не мало хлопот и убытков населению государственной деревни. Костромской ревизор Дунин-Барковский, ссылаясь на обременительность такого постоя, предлагал освободить крестьян соответствующих пунктов от всех остальных натуральных повинностей. Произвольное занятие квартир и неравномерное распределение постоя между помещичьими и государственными крестьянами были обычными источниками крестьянских жалоб [301]. Если вспомнить, что отбывание каждой повинности сопровождалось вымогательствами и несправедливыми распоряжениями местных начальников, то станут понятны вся тяжесть натуральных «налогов» и вся обоснованность многочисленных крестьянских жалоб на их взимание.

Министерство могло достигнуть уравнительного распределения натуральных повинностей единственным способом: переведя соответствующие работы в форму денежного налога и присоединив его к общей сумме государственных, земских и мирских сборов. Но правительство Николая I не пошло на такое радикальное решение, по-видимому, не надеясь найти свободной рабочей силы на исправление дорог, перевозку пассажиров и грузов, постройку зданий и прочее, особенно в отдаленных, экономически отсталых районах [302]. Единственное, что допустило правительство, это возможность для крестьянских обществ прибегать к системе договоров найма, сдавая за деньги отбывание повинностей желающим контрагентам. В хозяйственно развитых районах крестьяне сами проявляли в этом отношении живую инициативу. Однако местные Палаты часто препятствовали переводу натуральных повинностей на деньги: в одних случаях по тем или иным соображениям они отказывались разрешить заключение договоров, в других случаях давали разрешение слишком поздно, и

---

[297] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15 693, л. 18.

[298] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11 480, отчет, л. 286.

[299] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 293, ч. II, л. 140; 1855 г., д. 24 709, ч. IV, л. 132.

[300] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5322, л. 2; 1847 г., д. 10 258, л. 49; 1850 г., д. 15 695, приложение, т. I, лл. 97—99.

[301] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5322, л. 11; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч I, л. 73.

[302] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1846 г., д. 3294, лл. 6—7 и т. д.— Попытки более равномерного распределения повинностей предпринимались иногда самими крестьянами, независимо от начальства: так было, например, в деревне Сороки Архангельской губернии (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15695, приложение, т. II, лл. 4—6).

приходилось по-старому отбывать повинности натурой [303]. Если устраивались торги на сдачу ямской гоньбы или дорожных работ, местные головы, старшины и другие деревенские власти (по-видимому, не без участия чиновников) старались использовать выгоды своего положения: некоторые сами выступали в роли подрядчиков, другие поддерживали своих родственников, третьи входили в тайные сделки с контрагентами и сдавали им подряд за более высокую цену. Бывали случаи, когда такой привилегированный съемщик за более низкую цену нанимал вместо себя новых, сговорчивых подрядчиков. Примером таких незаконных договоров может служить сдача подводной повинности в Царевском округе Астраханской губернии в 1856 году: на торгах почти все станционные пункты остались за группой крестьян, которые и раньше занимались извозным промыслом, имели для этого лошадей, повозки и сбрую; однако Палата не утвердила произведенных торгов и отдала все станции купцу Головлеву, а Головлев передал их тем же крестьянам-промышленникам, поставив их в менее выгодные условия [304]. Бывали и обратные случаи: крестьяне, не имея свободных денег, хотели отбывать повинности натурой, но местные власти принуждали их сдавать повинности деньгами или самовольно собирали с них денежные суммы на наем лошадей, не ожидая вынесения мирских приговоров и не давая отчета в произведенных расходах [305]. Чтобы избежать таких убыточных сделок, крестьяне заключали иногда частные соглашения с самостоятельно привлеченными подрядчиками; но подобные негласные договоры имели свою отрицательную сторону: наемщики рисковали не получить выговоренной платы, так как окружные начальники и Палаты могли наложить запрещение на производство незаконного сбора [306].

Размеры денежных расходов в замену натуральной повинности варьировались в зависимости от местных условий: в 1848 году подводная повинность обходилась крестьянам Землянского округа Воронежской губернии от 14 до 65 копеек на ревизскую душу, а Острогожского округа той же губернии — от 17 до 78 копеек на душу, причем в отдельных селах той же губернии (например в Карашинове) она поднималась до 1 рубля 25 копеек серебром на душу. В некоторых губерниях стоимость ямской гоньбы неуклонно повышалась: например, в Вологодской губернии в 1846 году она равнялась 76 344 рублям 40 копейкам, в 1848 году — 84 096 рублям 62 копейкам, а в 1850 году — уже 93 564 рублям 89 копейкам [307]. Судя по итогам расходов на исправление дорог, можно полагать что подрядноденежная система постепенно вытесняла отбывание повинностей натурой (табл. 17).

Некоторое отклонение от основной тенденции — прогрессирующего перевода на деньги — показывают годы Крымской войны, которые предъявили особенно большие требования к рабочей силе государственной деревни.

По-прежнему самой тяжелой натуральной повинностью оставалась рекрутская, которая вырывала из крестьянских хозяйств полноценных работников и обрекала их десятки лет служить в царской армии. Призыв рекрутов наряду со взиманием денежных сборов приковывал к себе

---

[303] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2279, лл. 63—64; д. 2280, л. 81; 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 256, 326; 1848 г., д. 11 480 лл. 216—217.

[304] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д 11480, отчет, лл. 113—114, 135—136; 1850 г., д. 15694, приложение, первая половина, лл. 66—70; 1856 г., д. 26 474, лл. 9—10.

[305] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 333; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 111; т. III, лл. 51, 66—67; 1847 г., д. 10 257 т. I, лл. 281, 316.

[306] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15 694, приложение, первая половина, лл. 144—149.

[307] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11 480, отчет, лл. 215, 268; 1850 г., д. 15 694, приложение, лл. 65—68.

Таблица 17

Стоимость исправления дорог*

Способ	1845 г.		1848 г.		1851 г.		1854 с.		1856 г.	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Натурой . . .	772 446	47	1 003 558	43	676 284	28	1 802 175	46	1 589 556	34
Наймом	881 635	53	1 382 131	57	1 753 625	72	2 198 087	54	2 526 171	66
Итого . .	1 654 081	100	2 385 689	100	2 429 979	100	4 000 262	100	3 815 727	100

* Итоги даны по Отч. (копейки отброшены).

главное внимание министерского аппарата. Успешный бездоимочный набор рекрутов был основанием для наилучшей аттестации губернских и окружных органов; вопросы, связанные с отбыванием рекрутской повинности, являлись источником самых разнообразных циркулярных предписаний [308]. За 17 лет, с 1839 года по 1855 год, государственная деревня поставила 670 349 рекрутов, которые распределялись по годам следующим образом (табл. 18).

Таблица 18

Наборы рекрутов *

Годы	Количество	Годы	Количество
1839	12 349	1848	44 760
1840	33 498	1849	39 130
1841	26 355	1850	22 727
1842	13 078	1851	28 226
1843	26 328	1852	19 620
1844	13 632	1853	55 263
1845	31 283	1854	111 793
1846	16 518	1855	144 146
1847	31 643		

* Кроме Отч. см. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, лл. 771—772.

Таким образом, наибольшее количество рекрутов падает на время Крымской войны, которая помимо 311 тысяч новобранцев взяла у государственной деревни 150 386 ратников ополчения.

Рекрутская повинность несколько облегчалась введением более совершенной жеребьевой системы. Один из ревизоров, Барановский, объезжавший в 1848 году Смоленскую, Тульскую, Орловскую и другие губернии, выразил надежду, что «она искоренит все злоупотребления, которые существовали при назначении рекрут по очереди» [309]. Однако действительность не оправдала этих оптимистических ожиданий. Уже в самом начале, при введении жеребьевой системы в Курской губернии в 1840 году, обнаружились большие практические затруднения: безграмотные сельские и волостные писаря оказались не в состоянии справиться с новыми задачами; составление призывных списков и проверка документальных данных были выполнены окружными начальниками, но и в их

[308] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, л. 191, 1843 г., д. 520, лл. 21, 160, 581 ф. V О, д. 27180, лл. 34, 46; д. 27 204, лл. 21, 27—28, 32, 94—95 и т. д.

[309] ЦГИАЛ, ф I, Д, 1848 г., д. 11 481, л. 64.

списках оказалось множество ошибок, особенно в обозначении возраста призываемых; чиновникам Палаты пришлось в течение нескольких месяцев, остановив всю текущую переписку, исправлять вкравшиеся ошибки [310]. Через 16 лет, к концу управления Киселева, положение изменилось очень мало. Донесение ревизора Любовидского о применении жеребьевой системы в Астраханской губернии вскрыло в 1856 году те же вопиющие недостатки: неисправное ведение семейных списков, произвольное перенесение призываемых из одного разряда в другой и т. д. [311] Обширный материал, накопившийся по разным губерниям, показывает, что эти явления были не исключением, а общим правилом. Сенатор Дурасов, ревизовавший в 1850 году Курскую губернию, отмечал в своем докладе: «Дела в Палате по рекрутству ведутся с отступлением от всех установленных на сей предмет правил и в совершенном беспорядке» [312]. В том же духе была характеристика ревизора Ордынского о Валдайском округе Новгородской губернии в 1852 году: «Делопроизводство по отправлению крестьянами рекрутской повинности ведется во всем округе со всевозможными отступлениями от существующих на то постановлений и в совершенном беспорядке» [313]. В Могилевской губернии, по свидетельству ревизора Пташинского, проверка данных в связи с набором 1847 года была начата поздно; списки составлялись не «выборными», а чиновниками, крестьянским сходам не показывались и были полны ошибок; ни в сельских, ни в окружных управлениях рекрутских списков не оказалось; Палата не имела у себя даже полных ревизских сказок; сами крестьяне не были уверены в пользе жеребьевой системы, так как не понимали, в чем состоит ее сущность. Ревизор заключал свою характеристику таким итогом: «...незнание дела, боязнь крестьян попасться в рекруты и бессовестность лиц местного управления были причиною сего беспорядка в 1847 году» [314]. Подобные же отзывы поступали в разное время из других губерний: Рязанской, Калужской, Олонецкой, Пермской и пр. Всюду отмечались небрежное ведение списков, внесение в них подчисток и помарок, непредставление их на просмотр и утверждение крестьянских сходов и пр. [315]. Особенно много ошибок обнаруживалось в обозначении возраста и семейного положения призываемых рекрутов, т. е. как раз в тех пунктах, которые составляли основное условие для правильного применения жеребьевой системы.

Допущенные неправильности были результатом не только небрежности чиновников и писарей, но и преднамеренного злого умысла: набор рекрутов был важнейшим источником вымогательств и лихоимства для местных начальников, начиная с управляющего Палатой и кончая сельским старостой. Понизить или повысить возраст призываемого значило освободить его от вынутия жребия; показать крестьянина в разделенном семействе значило перевести его в низший разряд, т. е. ослабить шансы его сдачи в рекруты. Накануне набора сельские и волостные власти, часто с ведома окружных начальников, угрожали рекрутчиной каждому крестьянскому семейству, вымогая у него взятки за освобождение от призыва. Богатые откупались, бедные должны были тянуть жребий. В секретных делах I Департамента сохранилось свидетельство крестьянина деревни Вилькова Гжатского уезда Смоленской губернии о том, что

---

310 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1522, лл. 390—393

311 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, лл. 11—13.

312 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15 693, л. 16.

313 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 297, л. 44.

314 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 99—100.

315 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 293; приложение, т. II, лл. 44, 292; 1849 г., д. 13 398, лл. 68, 69—70, 71, 72; 1851 г., д. 17 763, лл. 154 и т. д.; 1854 г., д. 23 112, л. 82; 1855 г., д. 24 709, ч. IV, лл. 28, 38, 55, 145 и т. д

в рекрутский набор 1842 года «во всей Смоленской губернии призывались к жеребью из молодых людей только одни беднейшие семейства, имеющие даже одного работника, но зажиточные хозяева, имея в своих семействах от трех до пяти работников и годных к военной службе, к вынутию жеребья не призывались, ибо имели возможность упросить волостного голову, писаря и окружного начальника» [316].

Если призываемый, несмотря на все ухищрения, все-таки попадал в список, окружные начальники и Палаты могли вычеркнуть его, ссылаясь на тот или иной повод: болезнь, малый рост, необходимость помогать семейству и т. д.,— так было в Вологодской, Могилевской, Минской и других губерниях [317]. В Зевском сельском обществе Оренбургской губернии по отметке помощника окружного начальника были признаны негодными Ефрем Комов, «потому что говорит едва слышно», и Матвей Стародубцев, «потому что — заика» [318]. Чрезвычайно распространенным был и другой способ освобождения от рекрутчины: призываемому выдавали паспорт для отправления на заработки, и он временно исчезал из своей деревни, пока на его место сдавали в рекруты другого, «подставного» крестьянина. По донесению ревизора Татаринова, в Рязанской губернии на время 9-го рекрутского набора скрылось от призыва 105 государственных крестьян [319]. В 1847 году вновь назначенный управляющий Тверской палатой конфиденциально сообщал Киселеву, что в одной Горицкой волости он открыл 95 рекрутов, «утаенных» во время предшествующего набора при его предместнике Фредериксе; управляющий предполагал, что «и в других волостях существуют подобные беспорядки» [320].

Но самый циничный и противозаконный отсев рекрутов происходил позже, в рекрутском присутствии, во время их приема и медицинского освидетельствования. Крестьяне побогаче не щадили денег, чтобы задарить членов присутствия и лекарей и этим избавить своих сыновей от тягостей военной службы. В 1852 году ревизор Брилевич переслал Киселеву заявление вятского крестьянина Нелюдимова, разоблачавшее подвиги местных взяточников. «Такого грабежа и мошенничества в рекрутских присутствиях Вятской губернии, какое ныне существует,— писал заявитель,— не бывало и уму непостижимо. Против несчастных крестьян ваших общим заговором действуют члены рекрутских присутствий и, по совести сказать, некому за них заступиться, потому что от большого до малого чиновника, имеющего влияние на дело рекрутское, направлены страсти, как бы нажить деньги» [321]. Во время набора 1847 года в Вологодской губернии Устюжское рекрутское присутствие забраковало 80 рекрутов из двух уездов; впоследствии, при вторичном освидетельствовании, все они были признаны здоровыми, причем 36 человек сознались, что они были здоровы и во время первого медицинского осмотра, а 24 человека объявили болезни, которые не совпали с диагнозами рекрутского присутствия [322]. Взамен забракованных должны были идти крестьяне, которые вынули более дальний жребий, или такие, которые имели право на освобождение от призыва, но не имели средств на подкуп деревенских «выборных» и чиновников. Результатом такой

[316] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 10.
[317] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1848 г., д. 789, ч. II, л. 491—492; 1856 г., д. 1642, л. 21; ф. I Д, 1850 г., д. 15 691, приложение, лл. 61—63, 208—214; д. 15 695, приложение, т. II, лл. 98—99; 1852 г., д. 19 297, лл. 55—56; 1854 г., д. 23 112, лл. 1—2; 1855 г., д. 24 709, ч. VII, лл. 175—182, 195.
[318] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 13 396, лл. 121—128.
[319] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17 763, л. 64.
[320] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 9990, ч. I, л. 13
[321] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 293, ч. IV, л. 84.
[322] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15 694, приложение, л. 62.

политики было огромное количество жалоб на неправильную сдачу в рекруты, исходивших от отцов, матерей, жен и братьев незаконно взятых на военную службу. Во время набора 1847 года по одной Казанской губернии было подано 306 таких жалоб [323]. Само Министерство не отрицало вопиющих недостатков действующего порядка. Когда олонецкий ревизор Любовидский в 1856 году дал отрицательную характеристику применения жеребьевой системы, I Департамент нашел, что положение вещей в Олонецкой губернии нисколько не хуже, чем положение в других губерниях [324]. К такому же выводу приводят разъяснительные и карательные циркуляры самого Киселева, которые относятся не только к началу введения жеребьевой системы, но и к более позднему времени Крымской войны [325].

Тяжесть рекрутской повинности усугублялась дополнительными денежными расходами на сдачу рекрутов, которые колебались от 23 до 40 рублей с рекрута. Собирая эти деньги, крестьяне вручали их отдатчикам, которые обязаны были продовольствовать рекрутов в пути и на месте призыва. Отдатчики далеко не всегда учитывались на крестьянских сходах, а рекруты, как правило, самостоятельно запасались продовольствием [326]. В Вятской губернии рекрутов сопровождали сельские и волостные писаря, которые по свидетельству ревизора Брилевича, под разными предлогами обирали семейства, отправлявшиеся в город вместе с новобранцами [327]. Как видно из министерского циркуляра 1843 года, такие же «прихотливые требования» предъявляли к крестьянам офицеры, сопровождавшие рекрутские партии [328].

В Архангельской губернии, где крестьянам разрешалось взамен рекрута вносить по 300 рублей серебром, наблюдалось другое распространенное явление: бедные крестьяне, не имея денег, обращались за ссудой к богатым, и те заключали с ними кабальные сделки на продолжительные сроки. Примером подобного соглашения может служить условие, заключенное братьями Андреем и Григорием Осиповыми с крестьянином Иваном Шумовым. Осиповы получили от Шумова 85 рублей 71 $^{1}/_{2}$ копейки серебром для внесения в рекрутское присутствие и обязались за эту сумму 3 года работать на его рыбных промыслах в течение весенних, летних и осенних месяцев, с собственной одеждой и обувью, без права требовать от хозяина уплаты податей и других денежных сборов. Еще тяжелее была другая сделка, сообщаемая архангельским ревизором Пащенко: крестьянин из деревни Сороки получил от своего хозяина 300 рублей на освобождение от рекрутства и на вопрос ревизора, сколько времени он должен служить за эти деньги, ответил: «Я не знаю, с ним условия не делал, а думаю, что в год хозяин будет считать мне рублей 20 серебром». Другими словами, батрак был закабален не менее, чем на 15 лет [329].

Если подвести итог применению жеребьевой системы рекрутской повинности, то картина окажется менее отрадной, чем в отчетах Киселева и в изображениях некоторых историков.

---

[323] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10 257, т. I, л. 262 (примерами таких жалоб могут служить ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, л. 455; 1850 г., д. 15 695, приложение, т. II, л. 90 и т. д.).

[324] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, лл. 6, 30; ф. I Д, 1854 г., д. 23 113, л. 17.

[325] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, л. 91; 1843 г., д. 520, л. 520; 1855 г., д. 1577, ч. II, лл. 106—109; ф. V О, д. 27 211, л. 17; д. 27 221, лл. 67—68; д. 27 228, л. 46; д. 27 233, лл. 32, 35, 49, 57.

[326] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751; 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 227, 244, 378—379; 1847 г., д. 10 257, т. I, лл. 237, 309—310; 1850 г., д. 15 694, приложение, лл. 53

[327] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 293, ч. II, л. 42.

[328] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 441.

[329] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15 695, приложение, т. I, лл. 91—93.

10. Итоги фискальной политики

Фискальная политика Киселева принципиально ничем не отличалась от предшествовавшей деятельности Министерства финансов,— ее основной задачей было извлечь из крестьянина причитающиеся налоги и феодальный оброк, применяя прежде всего меры внеэкономического принуждения. Нисколько не изменились также методы взимания денежных и натуральных повинностей, сочетавшие в себе разнообразные приемы государственного «понуждения» с системой бессовестного грабежа со стороны местных чиновников. Попытки Министерства уравнять мирские, земские и оброчные сборы между волостями и сельскими обществами губерний не устранила прежней неравномерности обложения; не имели успеха и попытки Министерства сократить размеры натуральных повинностей и добиться уравнительности в их отбывании. Управление Киселева могло записать в свой актив только два мероприятия, связанные с взиманием повинностей: перевод крестьян западных и прибалтийских губерний с барщины на оброк и реализацию закона о введении жеребьевой системы. Но ликвидация отработочной ренты была произведена не столько по инициативе Министерства, сколько под давлением мотивов национальной политики; отвечая требованиям развивающегося товарно-денежного оборота, эта мера не разрушала основных устоев феодальной системы и не смогла ликвидировать недоимочности государственной деревни. Такой же относительно прогрессивный характер носило преобразование способов призыва на военную службу; однако и эта мера не изменяла феодальных принципов комплектования армии и часто принимала извращенные формы под влиянием многочисленных злостных правонарушений.

Поскольку в государственной деревне не было подлинного крестьянского самоуправления, постольку отсутствовал реальный противовес безудержному своекорыстию и произволу дворянина-чиновника; вот почему всякая, даже прогрессивная мера обезличивалась и искажалась в соответствии с общим характером разлагающегося крепостного строя. Вот почему окончательные итоги фискальной политики Киселева тоже не отличались от итогов предшествовавшего управления. Несмотря на все усилия Министерства государственных имуществ, платежеспособность государственного крестьянина осталась на прежнем низком уровне; недоимки государственной деревни не только не были ликвидированы, но выросли еще больше и через 18 лет потребовалось применение старой традиционной меры — единовременное сложение долга под видом «царской милости». Чтобы взыскать с крестьян денежные сборы и натуральные повинности, Министерство должно было еще больше усиливать внеэкономическое принуждение, которое являлось одним из главных устоев предпринятой реформы.

Противники проводимой реформы имели полное основание утверждать, что в вопросах взимания повинностей она не выдержала испытания времени и не достигла поставленной перед ней задачи.

Глава третья

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ И «ПОПЕЧИТЕЛЬНОЙ» ПРОГРАММЫ

1. Наделение землей и переселения. 2. Формы землепользования. 3. Итоги земельной политики. 4. Финансирование «попечительства». 5. Продовольственное дело. 6. Агрономические меры. 7. Обучение и воспитание. 8. Врачебная помощь. 9. Опека и призрение. 10. Борьба с пожарами и строительство. 11. Правовое положение крестьян. 12. Специальные категории крестьян. 13. Итоги реформы.

1. Наделение землей и переселения.

Недостаток земли для ведения сельского хозяйства был основной причиной крестьянской бедности и недоимочности. Это явление ясно обнаружила ревизия 1836—1840 годов, предшествовавшая образованию нового ведомства государственных имуществ. Жалобы на малоземелье не переставали поступать от крестьян и после, в продолжение всего 19-летнего управления Киселева. И ревизоры, и губернаторы, и управляющие Палатами обращали внимание Министерства на скудость земельных наделов не только в перенаселенных оброчных губерниях, но и в районах малолюдных многоземельных окраин: в Пермской, Оренбургской, Астраханской и других губерниях. Крестьяне засыпали Министерство жалобами на местных чиновников, которые не обеспечивают сельские общества обязательной надельной нормой, установленной законом. Такие жалобы в большом количестве получал и сам Киселев во время своих обзорных поездок по губерниям. Он не переставал напоминать департаментам Министерства о необходимости безотлагательно ликвидировать усиливавшийся земельный голод всеми доступными мерами: использованием имевшихся резервов, расчистками лесов, переселениями и пр. [1] Вопрос о земле на протяжении всего периода реализации реформы оставался наиболее острым из всех вопросов хозяйственной программы, в самом начале выработанной Киселевым.

Однако расширение крестьянских наделов и обеспечение замлей новых плательщиков встречали на своем пути множество препятствий. Чтобы уверенно оперировать земельными ресурсами и в центре, и на местах, нужно было располагать точными статистическими данными о размерах и составе земельного фонда. Но как раз таких данных не хватало Кисе-

[1] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6175, 6203; 1845 г., д. 7049, л. 2; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 120—121; 1848 г., д. 11 464, лл. 85, 113; 1855 г., д. 23307, лл. 5—7; 1856 г., дд. 24 979, 25 349, л. 149; ф. II Д, 1840 г., д. 2067; ф. III Д, 1845 г., д. 2775; ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, лл. 229—230; ф. ревизии сенатора Богичева, 1842 г., д. 532.

леву и его помощникам: по приблизительным подсчетам, на территории Европейской России в начале деятельности Министерства насчитывалось около 90 миллионов десятин, но из них было обмежевано только 736 тысяч десятин, т. е. менее 1%. Несмотря на принятые меры по усилению межевых кадров (подготовка топографов, создание штата губернских землемеров, обучение вспомогательным функциям крестьянских мальчиков), наличных сил было недостаточно и межевание казенных земель происходило чрезвычайно медленно. По свидетельству вице-директора I Департамента Нефедьева, ревизовавшего в 1847 году Тверскую губернию, местному землемеру нужно было затратить 10 лет, чтобы выполнить все данные поручения [2]. К такому же выводу приходил в 1852 году, т. е. в конце управления Киселева, вятский ревизор Брилевич: по его словам, местные землемеры были так обременены заданиями, «что у каждого из них есть работа на 10 и 12 лет вперед, не включая в это число времени на проезды и что работа эта возрастает ежегодно гораздо более, нежели представляется возможность ее исполнить» [3]. Согласно министерским отчетам, каждый год в среднем подвергалось межеванию и снятию на план около $3^1/_2$ миллионов десятин. В последние годы управления Киселева межевание было форсировано: в 1854 году и 1855 году было снято на план по 6 миллионов десятин с лишним, в 1856 году — 5 миллионов десятин. Тем не менее Киселеву не удалось измерить всю земельную площадь. Согласно отчетам Министерства, к 1857 году было обмежевано и нанесено на планы 65.793.269 десятин. Однако эта цифра оказалась сильно преувеличенной: последующая проверка установила, что даже в 1866 году, через 10 лет после отставки Киселева, было снято на планы на 12 миллионов десятин меньше, т. е. приблизительно $65—67^1/_2$ всей земельной площади [4].

Результаты межевания далеко не всегда оказывались удовлетворительными; землемеры ничем не отличались по своим привычкам и образу действий от всех других чиновников Министерства: межевание земель открывало широкое поле для вымогательств и злоупотреблений; проведение границ казенных имений давало возможность для взяток со стороны соседних помещиков; разграничение земель сельских обществ тоже сопровождалось потачками тем, кто давал больше; не меньше соблазна возбуждало распределение угодий между зажиточными хозяевами и бедняками. Помимо растрат, подлогов и сознательного искажения истины, наблюдались случаи невнимательного и небрежного отношения к поставленной задаче. В результате подобных действий возникали межевые споры между казной и частными землевладельцами, между крестьянами соседних обществ и между хозяевами одного и того же селения. Само Министерство, оценивая в 1855 году результаты межевых операций, находило, что в 6 губерниях из 27 они были проведены неудовлетворительно [5].

Особенно большие затруднения возникали из-за медленной и не всегда удовлетворительной процедуры «полюбовного размежевания». В ведении Министерства в 28 внутренних губерниях состояло больше 17 миллионов десятин общего и чересполосного владения. Это были преимущественно дачи, не размежеванные с помещиками и горными заводами, служившие основой для постоянных земельных споров и столкновений. Несмотря на систематические напоминания со стороны Киселева и самого Николая,

[2] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 111—112.

[3] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 293, ч. II, лл. 77—78. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10 527, т. I, лл. 161—162 (Казанская губерния); 1848 г., д. 11 464, л. 66 (Курская губерния).

[4] Отч., 1854 г., ведомость № 17; 1856 г., стр. 16; ИО, ч. II, отд. II, стр. 1—2.

[5] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1843 г., д. 505, лл. 364—365; 1852 г., д. 1241, ч. II, л. 14; 1855 г., д. 1577, ч. III, л. 214; ф. V О, д. 27 245 л. 13; ф. I Д, 1847 г., д. 10 257, приложение, т. II, лл. 191—192; 1855 г., д. 24 709, ч. VII, лл. 75—83; ф. III Д, 1856 г., д. 6860, лл. 2—4

местные Палаты плохо справлялись с поставленной задачей размежевания угодий. Почти отовсюду поступали отзывы о крайней волоките, сопровождавшей разграничение земель и составление полюбовных сказок. К небрежной работе межевых чиновников и общей волоките делопроизводства присоединялось упорное сопротивление помещиков, заинтересованных в сохранении незаконных захватов и не желавших идти на уступки крестьянам. К началу 1855 года из 17 миллионов десятин было размежевано всего 4.733.853, т. е. 27% всей площади. Чем дальше затягивалось размежевание, тем медленнее и труднее достигались какие бы то ни было соглашения. Но и там, где получали утверждение полюбовные сказки, не всегда принимались во внимание интересы казны: и жалобы крестьян, и циркуляры министра показывают, что уполномоченные и землемеры, производя «разводы», нередко перетягивали чашу весов в пользу частных владельцев, конечно, за соответствующее денежное «воздаяние» [6].

Не ожидая окончательного и вполне точного определения размеров государственного земельного фонда, Министерство старалось обеспечить себя хотя бы приблизительными сведениями о количестве и составе казенных имуществ. «Положение» 1838 года обязывало Палаты иметь статистическое описание подведомственных владений, а закон о люстрации 1839 года требовал, чтобы были составлены новые инвентари всех западных имений. В 1844 году Киселев распространил требование инвентаризации на все губернии: по каждому сельскому обществу должны были составляться инвентарные хозяйственные описания с указанием числа душ крестьян, количества, качества и распределения земли, характера и доходности промысловых угодий и т. д. В основу описаний следовало положить результаты первой разведочной ревизии 1836—1840 годов и сдаточных ведомостей, по которым принимались государственные имущества от Казенных палат со всеми дополнениями и изменениями, происшедшими за истекшее время. Позднее распоряжение об инвентаризации было дополнено новым — о составлении хозяйственного атласа, наглядно показывающего землевладение каждого сельского общества. Инвентарные описания должны были храниться в делах Департамента Министерства, а копии — в Палатах, округах, волостных и сельских управлениях как документальное удостоверение имущественных прав государственной казны [7].

Однако начавшаяся инвентаризация чрезвычайно затянулась: внесение дополнений и поправок в первоначальные сведения оказалось нелегким делом; уравнение повинностей, люстрация и регулирование задерживали составление окончательных ведомостей; между доставленными описаниями и материалами Департаментов оказывались большие расхождения в цифрах. К началу 1851 года только 14 Палат из 34 прислали в Министерство полные инвентарные описания. Киселев отдал строгое распоряжение закончить инвентаризацию к 1 сентября 1851 года, но и эта отсрочка мало помогла делу. По мере поступления инвентарей выяснялось, что они большей частью расходятся с другими документами: сдаточными ведомостями, ревизскими сказками, окладными книгами и т. д., а главное, что нет необходимого соответствия между показаниями инвентарей и реальной действительностью. Ознакомившись с присланными материалами, I Департамент пришел к печальному выводу, что «инвентар-

[6] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6660, л. 6; 1847 г., д. 10 257, т. I, лл. 257—258; 1848 г., д. 11 464, л. 114—116; 1849 г., д. 13 370, л. 82; д. 13 398, л. 37; 1850 г., д. 15 693, л. 41; 1854 г., д. 23 113, л. 9; 1855 г., д. 24 708, ч. I, л. 84; ф. V О, д. 27 245, л. 167; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 111; 1848 г., д. 779, л. 152; д. 789, ч. I, лл. 87—88; 1852 г., д. 1241, ч. I, лл. 205, 210, 1853 г., д. 1350, ч. II, л. 14; 1855 г., д. 1577, ч. III, лл. 489—490; 1856 г., д. 1630, лл. 98, 179; ИО, ч. II, отд. II, стр. 38.

[7] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, л. 120; ф. I Д, 1850 г., д. 15712, ч. I; ф. III Д, 1853 г., д. 5705, ч. I—II.

ные описания, при вкравшихся в оные многочисленных разного рода описках и погрешностях, не быв пополняемы и исправляемы сообразно происходившим на деле изменениям, не представляют данных, могущих служить верными указателями современного состояния частей». Насколько несовершенен был учет хозяйственного положения государственных имуществ, показывает докладная записка, представленная в 1854 году управляющим Самарской палатой: вступив в исполнение своих обязанностей, он не нашел «полных и верных сведений о вверенных управлению ее частях» и должен был пользоваться разновременными и противоречивыми донесениями окружных начальников, разбросанными по разным столам и отделениям, не сведенными в единое стройное целое. Практическое значение таких сведений было ничтожно; «при обращении ко мне крестьян с какими-либо просьбами о землях или о других общественных надобностях,— заключал самарский управляющий,— я не имел никаких данных к разрешению их вопросов» [8].

Не мудрено, что Министерство признало доставленные инвентарные описания не соответствующими своему назначению и по приказанию Киселева отослало их обратно для дополнения и исправления. Дальнейшая переписка Департамента не дает возможности установить, была ли выполнена поставленная задача по внутренним оброчным губерниям. В настоящее время в описях министерских фондов таких инвентарей не значится.

Вторым препятствием к широкому и быстрому отводу крестьянских наделов было состояние государственного земельного фонда, который по-прежнему вызывал притязания со стороны частных землевладельцев и привилегированных учреждений. Несмотря на все усилия Киселева, ему не удалось остановить дальнейшее расхищение казенных земель. Правда, законы 1830-х — 1850-х годов поставили известные ограничения практике «всемилостивейших пожалований», но раздача казенных дач в частную собственность не прекращалась. В первые годы существования Министерства количество пожалований генералам, полковникам и чиновникам разных классов даже увеличилось сравнительно с предшествующим временем; моментами они превосходили раздачи 20-х годов XIX века (табл. 19).

Таблица 19

Пожалования казенных земель *

Число	1837 г.	1838 г.	1839 г.	1840 г.	1841 г.	1842 г.
Лиц	48	66	101	109	87	25
Десятин (в тыс.)	96	128,3	163,6	179,9	134,7	44

* ЦГИАЛ, ф. V О. д. 26565, л. 10 и след. Ср. данные, суммированные в т. I данного сочинения, стр. 88.

Таким образом, за 6 лет было роздано 746,5 тысяч десятин земли, т. е. более, чем за 17 лет, предшествовавшие образованию Министерства государственных имуществ. Кроме того, на обязанности Министерства было удовлетворить лиц, ранее пожалованных землей, но не успевших получить отвода в натуре. К 1842 году такие соискатели казенных участков предъявляли требования почти на миллион десятин земли. Интересы этих привилегированных кандидатов сталкивались с неотложными нуждами мелких производителей и, несмотря на все лавирование Киселева,

[8] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15712, ч. II (в частности, лл. 156, 174); ч. III, Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5034, лл. 19, 30, 34; 1847 г., д. 10257, т. I, лл. 261—262; ф. V О, д. 27221, л. 152.

получали перевес в царском кабинете и в министерских канцеляриях [9]. Подведя итог ежегодным выделам казенных земель, перешедшим в руки пожалованных лиц за 1842—1856 годы, мы узнаем, что казна потеряла за это время 771.194 десятин земли [10]. Если бы Киселев не ограничивал проявления «монаршей милости» и не внушал Николаю I необходимости заменять земельные пожалования денежными арендами, расхищение государственного фонда происходило бы еще более быстрыми темпами.

На казенную землю претендовали не только служилые дворяне: на основании закона 1838 года отводились участки православным монастырям; в Симбирской губернии было выделено несколько десятков тысяч десятин для устройства «малоимущих дворян»; наконец, ежегодно передавались большие земельные пространства в различные ведомства: лесное, военное, морское, удельное, дворцовое и так далее,— и в этом случае Министерство теряло земельные ресурсы, которые могли быть использованы на крестьянские нужды. Наконец, некоторое количество земли переходило в частные руки на основании судебных решений. Земли, вновь прибывавшие в результате покупок, выигранных исков, применения выморочного права и прочего, не могли компенсировать систематической убыли, и государственный земельный фонд постепенно и неуклонно сокращался. Если в начале управления Киселева, в 1841 году, по всей Европейской России состояло 86.688.938 десятин земли (не считая лесов), то в конце его управления, в 1856 году, числилось 81.196.563 десятин: за 16 лет казна потеряла более 6% своей земельной площади; в некоторые годы размеры фонда падали до 61 миллиона, даже до 56 миллионов десятин [11].

Захваты государственных земель, широко практиковавшиеся в XVIII и начале XIX века, не прекратились и после учреждения Министерства государственных имуществ. Несмотря на охрану границ и периодические напоминания из центра, то здесь, то там помещики присваивали себе казенные дачи и, пользуясь оплошностью или прямым потворством местных органов, превращали их в «спорную» землю, на долгие годы остававшуюся в их фактическом пользовании. Особенно много таких захватов вскрыла в 1846 году пермская ревизия Арцимовича. Уральские горные заводы Демидовых, Строгановых, Яковлевых, Губиных и других вели настоящий поход против крестьянских сенокосов, а иногда, ссылаясь на неопределенность границ генерального межевания, объявляли заводским имуществом не только крестьянские пашни, но даже крестьянские усадьбы и огороды. В Соликамском уезде владелица солезаренного завода Дубровина захватила Варничный и Сабуровский острова, с которых государственные крестьяне собирали 13 тысяч пудов сена; с помощью влиятельных родственников при попустительстве управляющего и стряпчего ей удалось закрепить за собой захваченную землю через Пермскую Палату гражданского суда. Ревизия заставила вернуться к этому делу и учинить иск о крестьянских угодьях [12]. Правда, при Киселеве земельные захваты сделались реже и не достигали прежних гомерических размеров,

---

[9] С этой точки зрения характерен эпизод, отраженный в личной переписке Гамалеи с Киселевым: статская советница Крылова облюбовала себе участок земли в Оренбургской губернии, предназначенный для наделения крестьян. Департаменты Министерства отказали Крыловой в удовлетворении ее просьбы; тем не менее товарищ министра «счел своим долгом» обратить внимание Киселева на то, что «управляющий делами Комитета министров Бахтин — родственник Крыловой и принимает в сем деле живейшее участие» (ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 69, лл. 1—2). Ср. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, л. 158.

[10] Данные об отводе пожалованных земель — в Отч.

[11] Отч. (ведомости о казенных землях, приложенные к отчетам).

[12] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, лл. 133—134; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1667, ч. I, лл. 527—529; ф. 1 Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. 1, лл. 21—22, 95—97; т. II, лл. 256, 260—268; т. VI (отношение 18 августа 1847 г.,); т. VII л. 75 (отношение 27 августа 1846 г.).

тем не менее они путали карты и мешали Министерству маневрировать имевшимися земельными ресурсами.

Иногда из собственности казны уходила земля, обработанная и населенная государственными крестьянами: так было при отводе южных земель под казачьи станицы и военные поселения, так было и при переходе московского имения в дворцовое ведомство на основании указов 1841—1842 годов. Однако подобные случаи стали редкими. Наиболее крупная мера такого типа — реализация закона 1830 года об обмене казенных имений на удельные, вызвавшая массовые волнения в Поволжье и в Приуралье,— была приостановлена благодаря успешному вмешательству Киселева. Уже в ноябре 1838 года он обратился к министру двора и уделов князю П. М. Волконскому с предложением урегулировать вопрос об обмене. Киселев писал, что «по изменившимся обстоятельствам в управлении государственными имуществами» он «встречает затруднения» при производстве обмена на прежних основаниях: закон 1830 года установил принцип «равномерности выгод промениваемых имений и количества оброка, с имений сих получаемого», но сейчас этот принцип не может быть соблюден, так как в удельных имениях оброк переложен на землю, а в казенных имениях это преобразование еще не начато. Необходимо предварительно выяснить количество и качество промениваемых угодий, т. е. установить «классификацию земель удобных и неудобных, обработанных и необработанных, с точным определением их пространства, качества и степени производительности», измерить и описать лесные угодья и оброчные статьи, наконец сделать оценку местных доходов «по соображению удобства путей сообщения, близости главных рынков и пр.» Киселев подчеркивал, что обмен казенных земель, произведенный в Симбирской губернии, принес государству большие убытки, так как казна передала изобильные имения взамен скудных угодий; крестьяне, отданные уделам, должны были казне 292 тысячи рублей, а полученные взамен удельные крестьяне принесли с собой недоимку в 3 миллиона рублей. По мнению Киселева, нужно было составить подробные подворные описания с оценкой имущества и особенно рабочего скота. Для реализации этой меры Киселев предлагал образовать специальную комиссию из чиновников удельного ведомства и Министерства государственных имуществ. Эта комиссия должна была выяснить, какие необходимо собрать сведения, как организовать их собирание, затем произвести сводку собранных данных и уже после этого представить свое заключение.

Князю Волконскому было не трудно понять из предложения Киселева, что пройдут многие и многие годы, пока закончится проектированное обследование, а когда оно будет завершено, удельное ведомство утратит свои главные преимущества, которыми сопровождался обмен в Симбирской губернии: принцип уравнительности, формально провозглашенный в законе 1830 года, превратится из бумажной декларативной нормы в реальное и строго осуществляемое условие всей операции. Такая постановка вопроса не обещала Министерству двора и уделов особых выгод и ставила под сомнение значение задуманного и начатого обмена. Вот почему Волконский сухо ответил Киселеву, что он не верит в возможность предложенной переписи и оценки, охватывающей 14 губерний и 480 тысяч душ; он считает, что такая сложная процедура без всякой нужды затрудняет дело, и без того затянувшееся и не приведенное к окончанию. Поэтому он высказывается против образования комиссии и предлагает вовсе прекратить обмен земельных угодий. Взамен недостающего дохода Министерство двора и уделов может передать казне соответствующее число душ удельных крестьян. Что касается понесенных казной убытков, то он, Волконский, тут не при чем: такова была воля императора, которой подчинился и министр финансов.

Ответ Волконского развязал руки Киселеву. Через несколько дней он представил Николаю I доклад «Об отмене размена казенных имений на удельные и о предоставлении Комитету финансов сделать окончательное распоряжение как по сему предмету, так и в отношении заключения расчетов по прежнему размену». Николай I согласился с внесенным предложением, по-видимому, учтя социальную опасность предпринятой меры, и обмен казенных земель на удельные, превративший десятки тысяч государственных крестьян в крепостных царской фамилии, был окончательно и бесповоротно снят с очереди [13]. Такой исход затеянной операции имел большое практическое значение: он сохранял в ведомстве государственных имуществ незаселенные пространства восточных губерний: Вятской, Пермской, Оренбургской и Саратовской, важнейший резерв для наделения крестьян малоземельных районов.

Одним из крупных источников для расширения крестьянской земельной площади оставались казенные оброчные статьи, сдававшиеся в арендное содержание с торгов. За время управления Киселева количество казенных статей выросло вдвое, главным образом в связи с ликвидацией арендной системы и превращением опустевших земель западных фольварков в так называемые «оброчные фермы». Однако учет и использование арендных статей по-прежнему оставались на низком уровне. Как выяснилось в результате многочисленных ревизий, многие статьи, значившиеся в окладных книгах, «не были отысканы в натуре», и наоборот, многие статьи, сдававшиеся в аренду, «оставались в безгласности», т. е. нигде не были официально зарегистрированы. По свидетельству фон-Кронека, ревизовавшего в 1847 году Оренбургскую палату, «показанное число статей, равно оклад и недоимки, суть числа эфемерные. То, другое и третье нельзя определить даже близко к правде» [14]. В том же духе высказывались в 1852 году вятский ревизор Брилевич, в 1854 году — начальник Олонецкой губернии Муравьев, в 1856 году — астраханский ревизор Любовидский [15]. Некоторые пашенные участки приходили в запустение и зарастали лесом. Нередко торги на сдачу казенных статей принимали фиктивный характер, большие пространства земель сдавались за бесценок (конечно, за взятки), а на арендаторах накапливались огромные невзысканные недоимки. В Олонецкой губернии сенокосы «не имея подробного описания, а некоторые и планов, оставаясь при том без расчистки, осушки и всякого устройства», сдавались дешевле 23 копеек за десятину, иногда — по 2 копейки и даже меньше [16]. В Астраханской губернии купец Упрямов снимал больше 400 тысяч десятин, платя за каждую менее 3 копеек и передавая землю нуждающимся крестьянам по 1 рублю серебром за десятину [17]. К 1847 году окладной доход с казанских оброчных статей составлял 10 713 рублей, а лежавшая на них недоимка равнялась 117 432 рублям, т. е. превосходила оклад более, чем в 10 раз [18]. Киселев не раз обращал внимание своих помощников на ежегодные недоборы сумм с содержателей казенных статей. Узнав из отчета I Департамента, что арендаторы недоплатили в 1842 году 17% годового оклада, он написал на полях: «Подобный недобор не может быть терпим в доходах, обеспеченных залогами и контрактами, что было замечено и

---

[13] ЦГИАЛ, ф. Киселева, д. 42; д. Кнц М, 1838 г., д. 113, л. 106; ИО, ч. II, отд. I, стр. 14.

[14] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10256, л. 67 и след.

[15] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 149—151; 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 70; 1854 г., д. 23112, лл. 85—86; 1856 г., д. 26474, ч. II, лл. 5—6; ф. II Д, 1842 г., д. 3038.

[16] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 23835, л. 1.

[17] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 6.

[18] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, приложение, т. II, лл. 62—69.

по отчету за 1841 год»[19]. Недоборы по II Департаменту были еще больше: за 9 лет, с 1848 года по 1856 год, казна недополучила за казенные оброчные статьи по 9 западным губерниям 36% причитавшегося оклада[20]. Эксплуатация оброчных ферм, образованных в бывших арендных имениях, велась бесхозяйственно; многие земли, расположенные между крестьянскими угодьями, никому не сдавались и не приносили никакого дохода.

При таких условиях использование казенных оброчных статей для наделения малоземельных крестьян представлялось наилучшим выходом из создавшегося положения. Однако Министерство держалось противоположной точки зрения: оброчные статьи (не только земельные участки, но и промысловые заведения) приносили казне от 1 до 2 миллионов рублей дохода, и Киселев не считал возможным вычеркивать из государственного бюджета или значительно сокращать эту крупную сумму. Департаменты неустанно повторяли Палатам, что отмежевывать крестьянские наделы из состава казенных оброчных статей следует только в самых исключительных случаях, если не остается других источников для ликвидации местного малоземелья. Таким образом, границы земельного фонда, пригодного для наделения крестьян, еще более суживались, и местные органы даже при добросовестном отношении к делу оказывались нередко в затруднительном положении.

Несмотря на возникавшие трудности, наделение крестьян дополнительными участками производилось, но оно шло крайне медленно и часто с нарушением крестьянских интересов. Министерство обратило свое внимание прежде всего на северные губернии: Новгородскую, Олонецкую, Вологодскую, Вятскую и Пермскую; несмотря на наличие больших незаселенных пространств, крестьяне этих районов тоже страдали от малоземелья; многие сельские общества имели здесь наделы, соответствовавшие числу душ пятой ревизии, т. е. конца XVIII века. При осмотре и измерении земель этих районов выяснилось, что планы генерального межевания не совпадают с границами новых волостей и сельских обществ. Тогда началась сплошная съемка земель, которая за 5 лет, с 1840 года по 1844 год, охватила 1 736 075 десятин, т. е. менее 15% всей площади. Межевые планы, присылавшиеся на утверждение в Департамент сельского хозяйства, заключали в себе технические неисправности, а сведения, препровождаемые Палатами, страдали явной неполнотой. В ожидании окончания съемки ни по одной из губерний не было произведено нарезки и отвода дополнительных участков нуждавшимся крестьянам. В конце 1845 года Киселев категорически потребовал ускорения затянувшегося межевания. В результате работ специального Межевого комитета было решено упростить технику измерения земель, не гнаться за подробностями, не нарушать границ генерального межевания и производить нарезки и отводы параллельно межеванию, не ожидая завершения сьемки по волости и округу[21]. С этого момента удовлетворение крестьянских требований о наделении землей пошло ускоренным темпом; тем не менее итоги наделения землей к концу управления Киселева были неутешительны. К 1852 году выяснилось, что из 426 сельских обществ Вятской губернии могут быть наделены дополнительной прирезкой 239 обществ, остальные 187 не имеют в своих дачах свободных земель, и нуждающиеся

---

[19] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5412, л. 3; 1849 г., д. 13370, л. 73. Ср. ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, л. 117; д. 27217, л. 2.

[20] Следовало поступить 6 161 356 рублям 5 копейкам, поступило 3 956 778 рублей 14 копейки (вычислено на основании таблицы поступлений оклада в статье: П. Прытков. Об оброчных статьях в западных губерниях. ЖМГИ, 1859, ч. LXX, отд. II, стр. 59—84).

[21] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 11792; ф. III Д, 1845 г., д. 2780.

в наделе должны быть переселены в другие уезды. Из 261 сельского общества Пермской губернии могли беспрепятственно получить наделы только 114 обществ, остальные или не имели свободных земель, или находились в споре с частными владельцами, с горнозаводским ведомством, с башкирами и с соседними обществами. Еще печальнее обстояло дело в Олонецкой губернии: к 1855 году были образованы нарезки для 15 625 душ крестьян и остались неудовлетворенными 66 345 душ, т. е. 80% деревенского населения. Начальник межевания объяснял замедление в работе «обширной перепиской чрез необразование правильными фигурами нарезок, которые по этому вопросу, с разрешения министерства, бóльшую частью переделывались» [22].

Если так бесконечно затягивалось наделение крестьян в специально выделенных губерниях, то не лучше оказывалось положение вещей в других многоземельных оброчных районах. Оренбургский ревизор Львов доносил в 1849 году, что местная Палата почти ничего не сделала для удовлетворения бесконечных жалоб крестьян на недостаток земли; при отводе дополнительных наделов не соблюдается ни порядка, ни очереди; рядом с нуждающимися селениями находятся свободные казенные земли, которые сдаются частным владельцам [23]. В течение 13 лет Министерство не могло разрешить земельного спора между крестьянами Ижемской волости Архангельской губернии и ненцами Большеземельской тундры, просившими отмежевать им пространство для самостоятельной пастьбы оленей [24]. По свидетельству ревизора Любовидского, почти все селения Астраханской губернии даже в 1856 году не были наделены узаконенной пропорцией земли [25].

Качественные итоги наделения тоже оставляли желать лучшего. Стараясь упростить съемку и отмежевание земель, правительство включало в крестьянский надел казенные оброчные статьи, если они находились среди наделяемых земель, на площади замежеванной дачи. Но в таком случае ставился вопрос, выгодна или невыгодна казне данная оброчная статья? Если она признавалась невыгодной, то исключалась из доходного бюджета и бесплатно передавалась крестьянам; если статья расценивалась как выгодная, то на крестьян возлагался дополнительный платеж, равный последней цене, объявленной на торгах соискателями участка. Право на надел получали не все сельские общества, а только те, у которых средний надел составлял менее 5 десятин на ревизскую душу. Жители многоземельных губерний, имевшие право на 15-десятинную пропорцию, фактически получали менее этой цифры: им отводили по 8 десятин, а все, что превышало эту норму, облагалось дополнительным «умеренным платежом», по 9 копеек серебром за десятину (это была средняя арендная цена оброчных статей); так было в Вятской губернии, и, судя по позднейшим обзорным сводкам, такой же порядок практиковался и в других губерниях. В надел включались удобные и неудобные земли (т. е. болота, овраги, солонцы и пр.); при этом 2 десятины неудобной земли приравнивались к 1 десятине удобной. Наконец, наделение производилось не по селениям, а по сельским обществам, которые, как правило, включали в себя по нескольку селений, иногда отделенных друг от друга значительным пространством; дальнейшее распределение земли производилось самими крестьянами на мирских сходах [26].

---

[22] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15712, ч. II, лл. 134—135; 1854 г., д. 23111, лл. 146—155, 157—158. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, приложение, первая половина, л. 112; 1854 г., д. 23112, л. 86; Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 96.

[23] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, л. 149—155.

[24] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15695, приложение, т. I, лл. 226—227.

[25] ЦГИАЛ, ф I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 15.

[26] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1845 г., д. 2780, лл. 80—83, 107—109, 184—185.

Все эти правила, установленные в процессе работы центральными органами Министерства, создавали для крестьян новые осложнения и трудности. За ликвидацию малоземелья на крестьян возлагался новый налог, увеличивавший и без того непосильные повинности; поэтому многие селения отказывались от дополнительных нарезок. Размежевание дачи между селениями и домохозяевами должно было вызывать взаимные споры и ставило в худшие условия наиболее нуждавшихся крестьян (известно, что на сходах верховодили зажиточные хозяева). А главное, перед межевыми чиновниками открывалось широкое поле для произвольных отводов неудобных земель. Практика нарезок показала воочию невыгодные стороны принятого порядка. Ревизоры, проверявшие деятельность местных органов, особенно в Пермской губернии, получали множество жалоб на неправильное и несправедливое наделение землей: крестьяне указывали, что у них отрезаны прежние пашни и сенокосы, взамен которых даны наделы на болотистых и песчаных местах, непригодных для хлебопашества и сенокошения [27]. Было ясно, что Министерство государственных имуществ вовлекается на тот же путь, по которому пошла удельная реформа Перовского и которая диктовалась практикой помещичьего хозяйства: дать крестьянам как можно меньше и взять у них как можно больше.

Дополнительное наделение землей в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине было связано с производством люстрации и уничтожением арендной системы. Положение о люстрации 1839 года выдвигало задачу остановить обнищание крестьян путем уравнительного передела земель, установления надела в 4 десятины на душу и обеспечения землей огородников и бобылей [28]. Перевод крестьян на оброк, форсированный в 1845 году, изменил первоначальную постановку вопроса: ликвидация фольваркового хозяйства давала возможность расширить крестьянское землевладение, не прибегая к уравнительному переделу и, следовательно, не посягая на зажиточные хозяйства. Поэтому люстрация приняла новое направление: из состава фольварковых земель были сделаны прирезки к крестьянским угодьям, а оставшаяся площадь отведена под «оброчные фермы», сдававшиеся в аренду желающим, преимущественно дворянам и чиновникам.

Такая мера повелительно диктовалась растущей пауперизацией западного крестьянства, доведенного до разорения хищнической арендной системой. Однако детальное ознакомление с материалами люстрации показывает, что итоги этого крупного государственного мероприятия были далеко не такими блестящими. Правда, в большинстве случаев крестьянский надел люстрируемого имения увеличивался,— примером может служить Ольховецкое имение Подольской губернии, которое к 2113 десятинам крестьянской земли получило прирезку в 338½ десятины. Но этот же пример показывает, насколько ничтожно было расширение крестьянского землепользования в результате такой прирезки: в имении было 1235 наличных мужских душ, которые имели до люстрации по 1,7 десятины на душу; после люстрации они получили по 1,9 десятины на душу, т. е. фактически остались при нищенском наделе, неспособном обеспечить им прожиточный минимум [29]. Однако и такое увеличение надела бывало далеко не всегда: из сохранившихся документов видно, что иногда в даче имения не хватало земли для распределения между всеми крестьянами; в таких случаях люстраторы проектировали

[27] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. VIII, л. 145 и т. д.; 1856 г., д. 24858, лл. 13—14; ИО, ч. II, отд. II, стр. 10—11.

[28] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1840 г., дд. 2064 и 2085. См. т. I настоящего сочинения, стр. 593—597.

[29] ЦГИА УССР, ф. люстратора Дыаковского, 1847 г., д. 13, лл. 70—76.

переселение части хозяев в другие общества, обеспеченные землей, но крестьяне предпочитали оставаться на старых, обжитых местах, которые имели для них те или иные преимущества (так поступили крестьяне Киевского селения Борок, очень дорожившие сенокосами и ловлей рыбы в реке Ирпене) [30]. С другой стороны, для упрощения процедуры межевания и поднятия доходности оброчных ферм люстраторы нередко производили отрезки от крестьянских земель, значительно уменьшая их наделы. Положение еще более осложнялось в результате перераспределения земель, когда лучшие пашни и сенокосы отрезывались под фермы, общественные запашки, участки для духовенства, запасные земли, а крестьянам отмежевывали наделы с худшей почвой или лесные площади, требующие расчистки. Правом таких перетасовок особенно злоупотребляли корыстные чиновники межевого корпуса, которые вымогали у крестьян взятки и мирволили тем, кто заплатит больше. Жалобы на притеснения люстраторов и землемеров были обычны и многочисленны. «Землемер, посланный к нам для размежевания почвы, сенокосов и пастбищ,— писали в 1854 году крестьяне Ковенского имения Тыркшла,— просто режет нам горла; богатым крестьянам, которые ему дают деньги по 150 р., по 200 р., отдает столько земли всякого рода, сколько они только хотят; нам, бедным, отнимает почти все, несмотря, что и от нас берет последний грош. Коль скоро мы его просим или упрекаем, то он тотчас бьет нас немилосердно» [31]. Когда ревизор Пташинский ознакомился в 1848 году с документами могилевской люстрации, он убедился, «что на 100 тысяч десятин, назначенных в нормальный надел для крестьян, считается 19 тысяч десятин из расчистки леса, что владение их нынешнее против прежнего уменьшилось на 6 тысяч десятин, что для ферм и колоний самой лучшей земли назначено 10 тысяч десятин и в запас оставлено хорошей 20 тысяч десятин земли. Такой надел,— делал заключение Пташинский,— не может упрочить хороший быт крестьян» [32]. Сохранившиеся ведомости могилевских люстраторов, датированные 1847 годом, вполне подтверждают правильность этого вывода [33]. Вице-директор II Департамента, проверявший в 1849 году действия люстрационных комиссий, должен был потребовать от могилевского люстратора пересмотра и исправления составленных инвентарей, «так, чтобы крестьянам предоставлены были в пользование угодья без всякого для них стеснения и неудобства» [34].

Систематическое нарушение крестьянских интересов, проявлявшееся особенно часто в первые годы люстрации, нашло себе яркое отражение в затянувшемся деле о составлении инвентаря в имении Сморгонь Виленской губернии. Имение после восстания 1830—1831 годов было конфисковано у графа Пржедзецкого и отдано в управление его брату, который вел хозяйство с помощью управляющего Бокщанского. Приемы эксплуатации в Сморгони были типичным воспроизведением хищнической арендной системы: Бокщанский уменьшал крестьянские наделы, обменивал их на худшие земли, произвольно увеличивал повинности, присваивал себе крестьянский лес и хлеб, жестоко обращался с крестьянами и т. д. В 1843 году в имении была произведена люстрация, которая в общем санкционировала создавшееся положение вещей. Крестьяне в количестве 1038 ревизских душ отказались подписать люстрационные акты и потребовали перевода на оброк, расширения наделов и уменьшения повинностей. Вначале Министерство пыталось силой подавить

---

[30] ЦГИА УССР, ф. люстратора Хилинского, 1843 г., д. 30, лл. 14—15, 18—19, 47—49.
[31] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1849 г., д. 9544, лл. 43—44; 1854 г., д. 13872, л. 2; д. 13595, л. 3; д. 13597, лл 25—32, 51—53, 58.
[32] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 89, 266—267.
[33] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1849 г., д. 9396, л. 256—257.
[34] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1849 г., д. 9544, л. 26.

крестьянское сопротивление: «зачинщики» были преданы суду, а в имение была введена военная команда. Но крестьяне проявили большую стойкость и не стали отбывать многих повинностей. Киселев приказал отобрать имение от прежнего администратора, постараться перевести крестьян на оброк и пересмотреть составленный инвентарь. Однако новая люстрация не принесла крестьянам никакого облегчения, и они продолжали начатую борьбу. В 1846 году имение Сморгонь было обследовано инспектором люстрации, который нашел, что «не только мало где прибавлено крестьянам угодий против прежнего их владения но в некоторых деревнях отрезаны еще у них пахотные поля и переданы другим деревням... Крестьянам в общей сложности прибавлено земли усадебной 41 и сенокосной 69 десятин и отрезано пахотной 349 десятин и пастбищной — 41 десятина». Кроме того, им были даны вместо отобранных лучших угодий недоброкачественные земли. Крестьяне были найдены обедневшими в результате неурожаев, дурного управления и воинского постоя. Несмотря на возражения люстрационной комиссии, Совет министра предложил исправить произведенную люстрацию, указать крестьянам отведенные участки в натуре (до тех пор им показывали земельные отводы только на плане, против чего они справедливо и решительно возражали) и успокоить крестьян прирезками земли и уменьшением оброка. Дело тянулось еще несколько лет, и только в 1853 году люстрационная комиссия II Департамента утвердила исправленный проект люстрации и представила его на утверждение министра. Таким образом, несмотря на десятилетнюю волокиту, настойчивая борьба крестьян за свои права заставила Министерство пойти на вынужденные уступки [35].

После многочисленных переделок и исправлений земельный вопрос в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине был разрешен следующим образом (табл. 20).

Таблица 20

Землепользование крестьян по итоговым данным люстрации в 1854 году*

Губернии	Прибавлено земли (+) и отрезано земли (—) (в десятинах)	Общее количество надельной земли (в десятинах)	% прирезок (+) и отрезок (—)	Средний надел на ревизскую душу (в десятинах)
Могилевская	+ 13 138	131 567	+ 9,9	3,92
Минская	+ 29 082	228 120	+ 12,7	4,50
Виленская	+ 70 084	450 015	+ 15,5	5,58
Ковенская	— 70 721	406 464	— 14,8	4,33
Гродненская	+ 57 041	504 845	+ 11,3	4,50
Витебская	+ 26 935	214 301	+ 12,5	3,33
Киевская	+ 11 181	225 836	+ 4,9	2,52
Подольская	+ 40 024	152 912	+ 26,2	2,62
Волынская	+ 26 855	251 540	+ 10,6	3,59

* ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13592, лл. 5—6, 8—9, 11—12, 15—16, 19—20, 22—23, 34—35, 37—38, 40—41.

Таким образом, несмотря на значительные прирезки, только в Виленской губернии душевой надел несколько превысил общегосударственую минимальную норму в 5 десятин. В трех губерниях — Минской, Ковенской и Гродненской — душевой надел был чуть-чуть выше нормы, установленной Положением о люстрации 1839 года в условиях неликвидиро-

[35] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1843 г., д. 4094.

ванного фольваркового хозяйства. В пяти остальных губерниях «нормальный надел» не достигал и этого уровня, спускаясь иногда до нищенского размера в $2^1/_2$ десятины. В Ковенской губернии крестьяне не только не приобрели новой земли, но еще потеряли из своих прежних владений 70 тысяч десятин, т. е. около 15% всей площади. Такой исход люстрации тем поразительнее, что в Ковенской губернии осталось не мало свободных земель, из которых более 145 тысяч было отчислено в запас и около 20 тысяч — под фермы, т. е. значительно больше, чем в других губерниях.

Чтобы полностью оценить наделение крестьян в западных губерниях, необходимо посмотреть, как отразилась эта мера на хозяйственном положении крестьянства (табл. 21).

Таблица 21

Разряды крестьян после люстрации в 1854 году*

Губернии	Тяглые		Полутяглые		Огородники		Бобыли	
	общее число	изменение	общее число	изменение	общее число	изменение	общее число	изменение
Могилевская . . .	7 569	+ 1 811	1 070	— 827	478	— 143	1 034	— 134
Минская	9 209	+ 411	2 810	— 212	867	+ 57	1 061	— 22
Виленская	15 748	+ 1 715	3 196	— 1 003	1 812	+ 593	3 235	—1305
Ковенская	17 627	+ 3 821	1 228	— 2 554	2 111	— 384	7 069	—3555
Гродненская . . .	25 670	+ 2 796	2 828	— 2 112	1 446	+ 135	1 973	— 858
Витебская	10 075	+ 2 221	2 748	— 1 799	785	— 98	1 763	— 934
Киевская	8 408	+ 1 369	6 759	— 1 393	1 189	— 914	1 054	— 517
Подольская . . .	7 290	+ 1 784	6 130	— 1 274	1 271	— 779	828	— 244
Волынская	11 193	+ 2 406	5 235	— 1 380	1 298	— 467	1 344	— 544
Итого:	112 789	+ 18 334	32 004	— 12 554	11 257	— 2000	19 361	—8113

* ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13592, лл. 5—6, 8—9, 11—12, 15—16, 19—20, 22—23, 34—35, 37—38, 40—41.

Таким образом, задача, поставленная перед люстраторами Положением 1839 года,— «чтобы все крестьяне поступили в разряд тяглых или, по крайней мере, полутяглых хозяев» [36] — не была достигнута: 30 618 дворов из 175 411, т. е. 17% общего количества, остались в разрядах огородников и бобылей, не обеспеченных собственным земледельческим хозяйством. Тем не менее даже умеренная прирезка земли привела к поднятию уровня крестьянского хозяйства: количество полноценных тяглых дворов выросло на 19,4% за счет остальных разрядов, причем количество огородников уменьшилось на 15%, а бобылей — даже на 29%. Уравнительного передела, который проектировало Положение 1839 года не произошло, но острота процесса пауперизации была ослаблена. Экономическая эволюция деревни заставила Министерство пойти по линии сохранения расслоившихся групп крестьянства, но с некоторым расширением высшей группы и некоторым сокращением обедневших прослоек. Такой исход люстрации стал возможен благодаря ликвидации феодального фольваркового хозяйства и изъятия значительного количества земли из пользования феодалов-помещиков. Оброчные фермы, заменившие прежние фольварки, были образованы в меньшем количестве, имели сравнительно небольшую земельную площадь и могли эксплуатировать только наемную

[36] См. т. I настоящего сочинения, стр. 594.

рабочую силу. Однако ничтожные размеры душевого надела не обещали расцвета крестьянскому хозяйству. Начавшаяся поляризация западной деревни была задержана, но не приостановлена, так же как не была уничтожена феодальная зависимость земледельца: по-прежнему он был обложен феодальной рентой землевладельцу, но не отработочной и продуктовой, а денежной, и не помещику-арендатору, а непосредственно государственной казне [37].

Несколько иначе разрешался земельный вопрос в связи с регулированием казенных имений в Прибалтике. На основании закона 1854 года мызные хозяйства арендаторов не ликвидировались; феодальная рента, переведенная в денежную форму, по-прежнему вносилась владельцу мызного двора; пока сохранялись мызы и действовала арендная система, не могло быть заметного расширения крестьянских угодий. Сохранившиеся инвентари 1854—1856 годов показывают, что органы Министерства были чрезвычайно внимательны к интересам арендаторов и в случае крестьянского малоземелья избегали пользоваться предоставленным правом прекращать арендные отношения в казенных имениях. При проведении регулирования часто сохранялась прежняя площадь крестьянского землепользования; в таких случаях дело ограничивалось округлением границ данного имения, уничтожением чересполосицы и сосредоточением угодий каждого двора в непосредственной близости к усадьбе (отступления от этого принципа допускались по необходимости и только в исключительных случаях) [38]. Однако бывали случаи отрезки крестьянских земель, продиктованные частью техническими условиями межевания, частью — требованием образовать общественую запашку, создать земельный запас для прибылых семейств и т. д. Например, в курляндском имении Ней-Платон до регулирования 21 крестьянский двор имел 1250 десятин земли, по 6,8 десятины на ревизскую душу (в том числе по 4,8 десятины пашни и сенокоса). При регулировании в 1854 году произошло перераспределение дворов между соседними имениями, население Ней-Платон увеличилось до 41 двора, которым было нарезано 2387 десятин, по 5,5 десятины на душу (в том числе по 4 десятины пашни и сенокоса) [39]. При регулировании эстляндского имения Тейбель в том же 1854 году у 422 крестьян было отрезано под разные общественные надобности 43 десятины, что составляло около 2% земельной площади [40].

[37] В дальнейшем Министерство вынуждено было произвести новые прирезки и несколько увеличить число тяглых и особенно полутяглых хозяев, главным образом за счет огородников. При окончательном подведении итогов люстрации, уже после отставки Киселева, наибольший средний надел имела Виленская губерния (5,30 десятины), наименьший — Киевская (2,61 десятины), в остальных надел колебался от 2,94 до 4,72 десятины. Соотношение основных разрядов крестьян сравнительно с 1854 годом изменилось следующим образом:

Итоги люстрации	В % к общему числу			
	тяглые	полутяглые	огородники	бобыли
1854 г.	64,3	6,5	18,2	11,0
1857 г.	67,5	16,1	6,2	10,2

Процентные соотношения 1857 года вычислены на основании данных Ст. Кавецкого (Ст. Кавецкий. О люстрации и регулировании казенных имений. ЖМГИ, 1860, ч. LXXIII, отд. II, стр. 237—274).

[38] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., дд. 13642, 13655, 13656 и т. д.

[39] Там же, д. 13651.

[40] Там же, д. 13643

Гораздо тяжелее для прибалтийских крестьян была перетасовка земель между домохозяевами; при наличии семейно-наследственного пользования наделами, лишение давних обработанных участков и замена их другими, иногда худшего качества, воспринимались крестьянами как тяжелый удар по налаженному хозяйству. «Со слезами и со стесненным сердцем просили мы о возврате нам обрабатываемой нами с пожертвованиями, а ныне отнятой у нас земли,— писали в прошении Киселеву домохозяева отрегулированного в 1852 году курляндского имения Шрунден,— но так как просьба наша не удостоилась внимания, то мы с трепещущим сердцем решаемся на сей последний шаг...»[41]. Курляндская палата в своих объяснениях предлагала отклонять подобные жалобы, ссылаясь на неотвратимые правила регулирования, но можно предполагать, что и здесь, как и в литовско-белорусских губерниях, землемеры и регуляторы руководствовались не бескорыстными мотивами и за «подарки» оказывали предпочтение зажиточным крестьянам.

«Водворение бобылей» проводилось в прибалтийских губерниях иначе, чем в западных губерниях. Местные бобыли рассматривались как вспомогательная рабочая сила, необходимая местному хозяйству и владельцам крепких крестьянских дворов. Поэтому считалось целесообразным помогать тем бобылям, «которые, нанимаясь в работы, не имеют приюта для своего семейства, и для сего следует отводить им усадьбу и огород с отпуском по возможности лесного материала на постройку домов». Не исключалась возможность и «облегчения желающим перевода в разряд хозяев», но с оговоркой, что такие распоряжения «не могут быть общими, а зависят от местных способов и соображений по каждому имению отдельно»; другими словами, наделение бобылей пашенно-сенокосными участками ставилось в зависимость не только от наличия земельных излишков, но также от степени заинтересованности арендаторов и мелкой крестьянской буржуазии в наличии дешевой и близкой рабочей силы[42]. Как применялось это положение на практике, показывает пример регулирования лифляндских имений Энге-Уддафер и Селли. В первом из этих имений состояло 63 бобыля, которые обитали частью на дворах хозяев, частью на крестьянских пастбищах; 11 из них были престарелыми и дряхлыми, поэтому переселять их было признано нецелесообразным; 12 человек были тоже оставлены в прежнем положении, а остальные 40 бобылей были рассажены на небольшие казенные участки, включавшие в себя пашню (не более 1 десятины 1127 саженей и не менее 2122 саженей) и сенокос (не более 3 десятин 2106 саженей и не менее 2 десятин 751 саженей); за всю полученную землю бобыли должны были платить 211 рублей 22 копейки оброка, т. е. в среднем по 5 рублей 30 копеек за семейство. Совершенно ясно, что отведенный надел не мог обеспечивать прожиточного минимума крестьянина; очевидно, нищенский надел, близкий к огородному участку, должен был обеспечивать хозяевам дешевых конных работников, привязанных к «собственному» клочку земли[43]. Что именно таковы были мотивы Министерства, показывают обстоятельства наделения бобылей. Оброчное имение Энге-Уддафер было избрано в качестве опытно-показательного из числа «нескольких многоземельных и вообще таких..., способы коих будут наиболее к тому [т. е. к водворению бобылей] способствовать». Наделение 40 бобылей было произведено из оставшихся свободных земель; не получивших надела было решено водворить на землях подмызка Уддафер, но только по истечении арендного срока мызных земель, сданных на

---

[41] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1852 г., д. 12109, лл. 20, 144, 151.
[42] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1853 г., д. 12993, лл. 21—23.
[43] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1853 г., д. 12993.

12 лет в момент самого регулирования (т. е. одновременно с наделением бобылей). При этом Совет министра утвердил с незначительными поправками проект Лифляндской палаты, исходя из того положения, что «предметом заботливости правительства должно быть не уничтожение класса работников, необходимых для крестьян-хозяев и для содержателей мызных угодий, а только воспособление лишившимся средств содержания и облегчение желающим перевода в разряд хозяев». Иной характер носило «водворение бобылей» в имении Селли. В 1849 году крестьяне этого имения были переведены на оброк, и, очевидно, зажиточные хозяева перестали нуждаться в подсобной рабочей силе для отбывания барщинных повинностей; поэтому они обратились к управлению государственных имуществ с просьбой переселить с их угодий проживавшие там 10 бобыльских семейств. Палата поселила бобылей на мызных землях и отвела им участки общей площадью в 97 десятин, т. е. в среднем по 9,7 десятины на семейство, или по 3—3,5 десятины на ревизскую душу. Министерство утвердило эту меру, зачислило поселенцев в разряд самостоятельных хозяев и обложило оброком в 171 рубль 15 копеек, т. е. по 17 рублей 11 копеек со двора [44]. Другими словами, бобыли перестали быть бобылями, потому что в них перестали нуждаться зажиточные крестьяне, но, ставши хозяевами, бывшие бобыли получили уменьшенный надел и заняли промежуточное положение между огородниками и владельцами тяглых дворов.

Таким образом, прибалтийское регулирование имело для крестьян еще менее выгодные последствия, чем западная люстрация в полном соответствии с законами 1841 и 1854 годов. Поскольку регулирование охватило при Киселеве лишь половину казенных имений, то подведение общих итогов этого мероприятия оставалось делом более или менее отдаленного будущего.

Общее представление о ходе наделения землей за время управления Киселева можно получить на основании ежегодных отчетов Министерства (табл. 22).

Таблица 22

Наделение землей малоземельных крестьян*

Годы	Количество десятин	Годы	Количество десятин
1838	4 354	1848	4 377
1839	11 529	1849	159 177
1840	17 629	1850	165 319
1841	19 792	1851	292 213
1842	28 383	1852	693 000
1843	17 618	1853	166 652
1844	20 860	1854	222 230
1845	85 130	1855	159 704
1846	11 734	1856	658 590
1847	27 741	Итого:	2 766 332

* Отч. (ЖМГИ за 1843—1857 гг.).— Данные за 1838—1841 годы взяты из не опубликованных и не сохранившихся отчетов за соответствующие годы (ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, л. 789). Общий итог был вычислен Министерством в сумме 2 859 699 десятин (Отч., 1856 г., стр. 7) — очевидно, с учетом последующих поправок.

[44] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13665.

Если мы присмотримся к этим цифрам, то уловим три явственно обозначенных этапа. Первые 11 лет, с 1838 года по 1848 год, межевание происходило медленно, люстрация еще не дала осязательных результатов, поэтому размеры ежегодно отводимой площади были невелики, большей частью колеблясь от 11 до 28 тысяч десятин (исключение представляет 1845 год, по-видимому, под сильным влиянием указа 1844 года о переводе на оброк крестьян западных имений [45]). Между 1849 годом и 1853 годом должны были проявиться, с одной стороны, упрощение процедуры съемки и нарезки земель, с другой,— ускорение темпов люстрации; вот почему этот пятилетний период отмечен значительным возрастанием наделенной площади: ежегодные итоги превышают здесь сотню тысяч десятин, поднимаясь в 1852 году почти до 700 тысяч десятин. К 1854 году в основном люстрация была закончена, но темпы наделения не ослабели, а обнаружили тенденцию нового подъема: к этому моменту процедура межевания подготовила новые земельные резервы, а острота крестьянского малоземелья обнаружилась с особенной силой.

Однако общее число десятин, перешедших в распоряжение сельских обществ, необходимо несколько уменьшить: параллельно процессу наделения происходил обратный процесс отрезки крестьянских угодий, отчасти в связи с люстрацией и регулированием, отчасти в результате межевания и обнаружения в натуре большего количества земли, чем значилось в имеющихся документах. Согласно министерским отчетам, за время с 1845 года по 1856 год у крестьян было отрезано 208 516 десятин; вычитая эту сумму из общего итога наделения (2 766 332 десятины), мы получим 2 557 816 десятин,— такова была земельная площадь, прирезанная казной в управление Киселева для обеспечения малоземельного крестьянства [46].

Насколько реально было расширение крестьянского землепользования в результате такой прирезки? Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим отчетные данные о росте земельной площади и населения деревни с 1843 года по 1856 год [47]. За этот период в Европейской России было прибавлено в надел сельским обществам 2 684 345 десятин и отрезано у крестьян 208 516 десятин, т. е. фактически земельная площадь выросла на 2 475 829 десятин; по отношению к надельной площади 1843 года (43 139 639 десятин) это составит 5,5%. За то же время количество ревизских душ государственных крестьян выросло с 8 008 450 до 8 762 050, т. е. на 9,4%. Другими словами, дополнительное наделение землей государственных крестьян отставало от роста населения; оно не только не утолило земельного голода, но даже не могло удержать крестьян на прежнем уровне [48].

Этот вывод необходимо подчеркнуть тем более, что в распоряжении казны оставалось к 1856 году 8,7 миллиона десятин, занятых оброчными статьями и пустопорожними землями и 8,5 миллиона десятин неразмежеванных чересполосных и спорных земель, не считая 90 миллионов десятин нетронутых лесных массивов. Оброчные и пустопорожние земли, преимущественно пашни, сенокосы и пастбища, были сосредоточены глав-

---

[45] Ср. выше число крестьян, переведенных на оброк, и количество облюстрованных имений в том же 1845 году.

[46] Если мы примем последний министерский итог наделения (2 859 699 десятин), то размеры прирезки будут равны 2 651 183 десятинам.

[47] Данные о количестве крестьянской надельной земли за 1838—1842 годы в отчетах отсутствуют.

[48] Отч., 1843 г., ведомость № 2 и 1856 г., ведомость № 5 и приведенные выше данные о наделении и отрезках за вычетом цифр 1838—1842 годов.— Если мы сопоставим общие итоги надельной земли у государственных крестьян, показанные в отчетах за 1843 год (ведомость № 2) и 1856 год (ведомость № 16), то фактическое увеличение площади окажется еще меньше (82 693 десятины, т. е. 0,19% прироста). Какая цифра точнее, определить невозможно, но обе приводят к одному и тому же выводу.

ным образом в восточных и южных губерниях — там, где государственные крестьяне жили компактными массами и где до конца управления Киселева оставалась значительная прослойка малоземельных хозяев [49].

Таких земель насчитывалось:

В Астраханской губернии	1 808 599	десятин
,, Самарской ,, ...	3 161 871	,,
,, Оренбургской ,, ...	633 615	,,
,, Пермской ,, ...	355 650	,,
,, Саратовской ,, ...	255 393	,, и т. д.

После люстрации и уничтожения фольварков значительные пространства удобных земель поступили в распоряжение казны в украинских, литовских и белорусских губерниях (в Гродненской — 309 337 десятин, в Ковенской — 215 800, в Киевской — 148 800 и т. д.); но и здесь Министерство предпочитало отводить их под арендные формы или оставлять в виде казенных пустошей. Общие, чересполосные и спорные земли, которые в результате полюбовного размежевания могли доставить дополнительные резервы, составляли большие массивы не только в северных и восточных районах (в Пермской губернии — 1 934 964 десятины, в Олонецкой — 808 807, в Самарской — 768 375, в Саратовской — 729 162 десятины), но и в некоторых губерниях черноземного центра (например, в Курской губернии — 1 337 331, в Воронежской — 544 243 десятины и т. д.) [50]. Сухие лесные пространства тоже могли быть использованы (а порой использовались, особенно в северных районах) для расчистки под пашни и для выделения лесных сенокосов. Тем не менее бюрократическая волокита, преобладание узко понятых фискальных интересов и прямые злоупотребления чиновничьего аппарата мешали реализации земельной программы на территории тех губерний, которые изобиловали свободными землями.

До сих пор мы имели дело с усадебными, пахотными, сенокосными и пастбищными землями крестьян; но в распоряжении сельских обществ (преимущественно северных лесных районов) имелись также лесные участки, из которых выдавался материал для построек и домашнего обихода. Министерство знало, что этих лесов недостаточно для удовлетворения текущих потребностей и законом 1847 года пыталось усилить их новыми отводами и обеспечить их ежегодный прирост. Однако министерские отчеты показывают, что эти усилия тоже не имели практического успеха. Реализация закона 1847 года была более чем скромной: к 1851 году в 17 губерниях было снято на план и таксировано около 600 тысяч десятин леса; в следующем году отдельными участками они были распределены между сельскими обществами. Кроме того, было отведено 176 158 десятин леса в 1853 году [51] и устроено несколько сот питомников для разведения саженцев, которые раздавались крестьянам. Однако сделанные отводы не могли удовлетворить потребности крестьян в лесном материале,— это отчетливо видно из табл. 23.

Площадь крестьянских лесов неуклонно сокращалась до 1850 года; с этого момента она стала понемногу увеличиваться отчасти в результате подсадок, отчасти (с 1852 года) в результате казенных отводов. Однако, начиная с 1854 года, процесс уменьшения площади возобновился и быстро поглотил тот небольшой прирост, который явился следствием закона 1847 года. Местные органы Министерства должны были ежегодно восполнять крестьянский недостаток в лесе отпуском лесного материала,

[49] Например, к 1858 году в Саратовской губернии числилось 32,5% крестьян, имевших менее 5 десятин на душу.
[50] Отч., 1855 г. (ЖМГИ, 1856, ч. LXI, приложение 16).
[51] Отч., 1851 г., стр. 24; 1852 г., стр. 2—3; 1853 г., стр. 7—8 (ЖМГИ, 1852—1854 гг.)

Таблица 23

Состояние крестьянских лесов *

Годы	Количество десятин	Годы	Количество десятин
1846	13 141 629	1852	12 968 351
1847	13 124 711	1853	13 012 282
1848	13 060 170	1854	13 001 160
1849	12 770 899	1855	13 022 546
1850	12 779 797	1856	12 856 837
1851	12 919 670		

* Отч. за соответствующие годы в приложениях к ЖМГИ.

который в переводе на деньги составлял расход от 1,3 миллиона до 2 миллионов рублей.

Как и все другие действия «попечителей», отводы и отпуск леса сопровождались вымогательствами и произволом со стороны лесничих, лесных объездчиков и сельских начальников. Как показала ревизия Пермского управленения в 1848 году, даже из собственных выращенных лесов крестьяне не могли брать дрова без разрешения лесничего, а получение разрешения обставлялось требованием «подарков» натурой и деньгами [52].

Неизбежным последствием такой политики были самовольные порубки, которые не прекращались и в управление Киселева. Ежегодно они наносили казне убыток, колебавшийся от 386 тысяч рублей (в 1842 году) до 111 тысяч рублей (в 1856 году). Несмотря на принятие жестоких мер против порубщиков (вплоть до предания их военно-полевому суду), Министерству не удалось ликвидировать это застарелое зло, так как не был уничтожен его основной источник — необеспеченность крестьян топливом и материалом для восстановления сгоревших жилищ [53]. За 15 лет, с 1842 года по 1856 год, государственный лесной фонд сократился со 118 до 108 миллионов десятин, т. е. на 9% [54]. Впрочем, причиной такого катастрофического уменьшения лесов были не столько крестьянские порубки, сколько злоупотребления лесных чиновников и легализованное расхищение лесного фонда частными владельцами и различными ведомствами [55].

Выискивая средства для «отстранения у крестьян недостатка в угодьях», Министерство рекомендовало подведомственным Палатам применять следующие меры: поощрять крестьян к «разработке состоящих в дачах их неудобных мест»; организовывать приселение нуждающихся крестьян к многоземельным селениям той же губернии; разрешать расчистки крестьянских лесов под пашни и сенокосы; сдавать крестьянам казенные оброчные статьи «в беспереоброчное содержание из соразмерной платы», наконец переселять крестьян в многоземельные губернии. Что касается сдачи оброчных статей, то Министерство предлагало применять эту меру даже в окраинных многоземельных губерниях, если крестьянские наделы не достигали 15-десятинной пропорции [56]. Значение мер, рекомендованных для ликвидации малоземелья, было различно. Разработка неудобных земель была возможна только при условии мелиорации или применения большого количества удобрений,—

[52] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. II, лл. 32, 180, 291, 313; т. V, лл. 50—51; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 318—319; 1856 г., д. 1642, л. 20 и т. д.

[53] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, л. 458; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 184, 238—239; Отч.

[54] Ср. Отч., 1842 г., стр. 10; 1856 г., ведомость № 19.

[55] Помимо сведений, приводимых в министерских отчетах («Ведомости о состоянии лесной части»), см. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23112, л. 88.

[56] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1845 г., д. 2775, лл. 6—9, 12.

и то, и другое требовало дополнительных затрат, которые, как правило, были не по силам маломощному крестьянству. Приселение и расчистки лесов применялись в определенных размерах, но они не всегда были возможны. Аренда казенных земель за «соразмерную плату» была доступна преимущественно зажиточным крестьянам, во всяком случае для тех, кто имел лишние деньги. Для подавляющей массы крестьян, не обеспеченных наделом, оставалось единственное средство — переселяться на новые места в надежде завести более крепкое хозяйство. Переселение на восток, главным образом в заволжские степи и в сибирские губернии, было той отдушиной, которая открывалась перед крестьянами малоземельных внутренних губерний, запутавшимися в долгах и недоимках.

Потребность в переселении особенно остро ощущалась в трех районах: в перенаселенных губерниях Левобережной Украины (Черниговской, Полтавской и Харьковской), в земледельческих губерниях черноземного центра (Воронежской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Тульской и Орловской) и в обедневших губерниях северо-западного края (Смоленской и Псковской). Именно отсюда в продолжение 19 лет управления Киселева направлялся главный поток переселенцев, частью получивших разрешение начальства, частью самовольно покидавших родные места. В неурожайные годы, окончательно разорявшие крестьян, потребность в переселении была наиболее сильной: отчаявшись поправиться на старом пепелище, крестьяне возлагали свои надежды на новые хлебные края и на обещанные крупные наделы, пособия и льготы. В 1841 году заявили о своем желании переселиться 63 596 душ, а в 1844 году — уже 170 тысяч душ. Министерство было не в силах справиться с таким количеством заявок и удовлетворяло только небольшую их долю. Установить общее количество крестьян, переселившихся на многоземельные окраины, и их распределение по годам чрезвычайно трудно, так как отчетные данные Министерства противоречат друг другу и явно неточны. Тем не менее они дают приблизительное представление о переселенческой политике правительства и ее основных этапах (табл. 24).

Таблица 24

Переселения в многоземельные губернии *

Годы	Число ревизских душ	Годы	Число ревизских душ
1838	2 290	1848	20 093
1839	2 917	1849	14 393
1850	11 961	1850	937
1841	16 449	1851	5 022
1842	8 860	1852	14 152
1843	5 782	1853	18 145
1844	7 330	1854	2 199
1845	5 875	1855	3 524
1846	9 309	1856	5 582
1847	11 447	Итого:	166 267

* Данные за 1838—1852 годы взяты из позднейшей официальной сводки (ЖМГИ, 1854, ч. LII, отд. II, стр. 1—20. «Обозрение мер по переселению государственных крестьян»), которая исправляет сведения годовых отчетов (ср. ИО, ч. II, отд. II, стр. 21—35); данные за 1853—1856 годы взяты из отчетов МГИ за соответствующие годы. Общее количество переселившихся крестьян было определено Министерством в 165 373 души (Отч., 1856 г., стр. 7), хотя эта цифра явно не согласуется с итоговыми цифрами, приведенными в отчетах за 1854 год (167 236 душ) и за 1855 год (169 136 душ) Кроме указанного количества добровольных переселенцев в 1842—1844 годах, было 4500 душ принудительно переселенных западных однодворцев и некоторое незарегистрированное количество самовольных переселенцев.

Таким образом, поток переселенцев набегал отдельными волнами, то нарастая, то, наоборот, сокращаясь. Эти колебания от 20 тысяч душ в 1848 году до 937 душ в 1850 году объясняются не изменением числа крестьянских заявок, а политикой Министерства, которое задерживало переселение из-за плохой организации переселенческого дела. Выдача разрешений на переселение замедлялась прежде всего затянувшейся съемкой и нарезкой земель, отводимых переселенцам; иногда (как это было в 1843 году в Новоузенском и Царевском уездах Саратовской губернии) снимались на планы десятки тысяч десятин, а затем оказывалось, что на этом огромном пространстве, покрытом глиной и солончаками, нет ни одной десятины, пригодной для земледельческого хозяйства [57]. Чрезвычайно долго продолжалась процедура отправки переселенцев: выдача разрешений, составление списков, сношения между Палатами и Палат — с Министерством; бывали случаи, что крестьяне, уже успевшие получить разрешение, распродать свое имущество и снарядиться в путь, месяцами ожидали отправки, проедая последние копейки. Еще медленнее протекала процедура водворения переселенцев на новом месте: перечисление их в губернию нового жительства, получение наделов, выдача пособий и т. д. Положение вещей осложнялось ошибками в указании количества семейств, возраста мужчин, размеров оставшихся недоимок и прочего, которые требовали запросов и разъяснений, ранее чем переселенцы могли быть признаны водворенными на новом месте. Не меньшие осложнения создавались крайней запутанностью денежных счетов, связанной с небрежностью и хищениями чиновников. Перегруженные множеством бумаг о переселении, неспособные ускорить межевание и наладить делопроизводство, органы Министерства искусственно сокращали или приостанавливали движение переселенцев. Приведя дела в некоторый порядок, они возобновляли прерванные отправки, снова попадали в тяжелое положение и снова задерживали организованное переселение [58].

Местные Палаты проявляли мало заботы об отправляемых переселенцах. Как правило, переселялись преимущественно бедные крестьяне, которые с трудом обеспечивали себя всем необходимым для продолжительного, иногда тысячеверстного пути. Снимаясь с места весной или летом, они не имели необходимой одежды и обуви, которые защищали бы их от осенней непогоды и зимних морозов. У некоторых не было подвод для перевозки женщин, детей и скудного имущества. Многим не хватало хлеба, тем более что собранный урожай отбирался у отъезжающих крестьян для погашения продовольственной ссуды. Собственных денег оставалось мало, а жалкого путевого пособия было недостаточно для прокормления себя в дороге [59].

Переселенцы направлялись главным образом на юг, в Екатеринославскую губернию, и на юго-восток, в Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую и Ставропольскую губернии; в последние годы управления Киселева десятки тысяч были двинуты в западно-сибирские губернии: Тобольскую, Томскую и в небольшом количестве — в Енисейскую [60]. Многим переселенцам, особенно псковичам и смольнянам, предстояло преодолеть тысячи верст через леса, болота и степи, не всегда встречая поддержку и содействие со стороны администрации проходимых губерний. Иногда переселяющимся крестьянам указывался неудачный марш-

---

[57] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5256, л. 1.

[58] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6259, лл. 178—180; 1847 г., д. 9253; 1849 г., д. 12117, лл. 8—10; ф. V О, д. 27228, л. 163; ЖМГИ, 1854, ч. LII, отд. II, стр. 1—20.

[59] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6259, лл. 87—88; ф. V О, д. 27217, лл. 25, 93; д. 27245, л. 159.

[60] Водворение переселенцев в Сибири лежало на обязанности местных Казенных палат и органов полиции.

рут, и они с трудом пробивались болотистыми дорогами. Очень часто изнуренные лошади падали задолго до места назначения; не выдерживали и люди,— болезни и повышенная смертность в пути были обычным и широко распространенным явлением [61].

Но наиболее тяжелые испытания падали на долю переселенцев после прибытия их на назначенное место. Предварительный осмотр и выбор участков специальными поверенными плохо применялись на практике. Переселенцы должны были подолгу ожидать отвода земли и выдачи пособия на хозяйственное обзаведение. Им приходилось располагаться в открытой степи, рыть себе землянки и выискивать временные средства существования. Иногда такое ожидание желанного надела затягивалось не на месяцы, а на годы: в 1841 году в Оренбургскую губернию переселилось около 600 смоленских крестьян, которые в течение 9 лет не могли получить узаконенного количества земли и скитались «по разным местам для снискания себе пропитания» [62]. Вместо полагающихся 15 десятин на душу переселенцам нередко давали меньше: 8 или 5, а иногда — «до окончательной нарезки» — ничтожные участки от 2 до 4 десятин [63]. Бывали случаи последующих переводов на новые места или неожиданных отрезков от первоначально отведенных земель. В 1849 году 17 орловских переселенцев, перезимовав в Бузулукском округе Оренбургской губернии, были размещены в селении Преображенском, где обзавелись домами и начали хозяйство; внезапно их вызвали обратно в Бузулукский уезд и потребовали, чтобы они поселились в селе Федоровке. В том же Бузулукском округе жило 167 переселенцев, владевших 1200 десятинами земли; в 1849 году у них было отрезано более трети этого пространства (448 десятин), и они оказались в трудном хозяйственном положении [64].

Часто переселенцам навязывали участки с плохой почвой или лишенные воды. Между новоселами и администрацией вспыхивала борьба из-за наделов; некоторые крестьяне подчинялись и обрекали себя на тяжелую борьбу с неподатливой природой, другие отказывались от предлагаемых отводов и в течение долгого времени оставались в положении бездомных и бесхозяйственных кандидатов на новые земли [65].

Многие переселенцы долго не получали предусмотренного пособия натурой и деньгами. Не имея леса, они не могли построить себе изб и продолжали ютиться в землянках. Не имея скота и орудий, они не могли завести собственное хозяйство. Из суммы денежного пособия у них производили вычеты на затраченные путевые расходы, а местами — даже в счет погашения прежних недоимок. Иногда пособия не выдавались вовсе. Чиновники, заведывавшие переселением, получали на руки крупные суммы для покупки скота и раздачи пособий, но контроль за их действиями был поставлен крайне неудовлетворительно. Оренбургский ревизор Львов установил в 1849 году, что денежные отчеты представляются с большим опозданием и признаются правильными без всякой проверки. Чиновник Николаев был уличен в присвоении 2 тысяч рублей серебром, предназначенных для переселенцев, и отдан под суд, по примеру ранее разоблаченных Лосева и Гетьмана [66]. В своих отчетах Министерство с гордостью отмечало, что за 10 лет, с 1842 года по 1852 год, оно выдало переселенцам в качестве пособий около 2 миллионов рублей; однако

---

[61] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 9253.

[62] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, л. 160; ф. V О, д. 27228, л. 163.

[63] ЦГИАЛ, ф I Д, 1844 г., д. 6259, лл. 34—36; 1847 г., д. 9253, л. 54 (отчет Екатеринославской палаты).— Сам Киселев легализовал такие отступления от нормы своим распоряжением от 23 апреля 1849 года (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849, д. 12053, л. 2).

[64] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 169—170.

[65] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6259, лл. 98—99 и др.; ф. Кнц М, 1844 г., д. 523.

[66] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6259; 1849 г., д. 12117; ф. V О, д. 27221, л. 111.

определить, какая часть этой суммы фактически перешла в крестьянские руки, представляется очень трудным [67].

В результате плохой постановки переселенческого дела положение новоселов в многоземельных губерниях было крайне тяжелым. В нашем распоряжении находится богатый материал о состоянии переселенцев в Саратовской и Оренбургской губерниях, который в мрачном свете рисует результаты переселенческой политики Министерства. По донесению специальной обследовательской комиссии, командированной из Петербурга, в 1844 году в заволжских степях Саратовской губернии проживало 1610 душ переселенцев, отказавшихся от предложенного надела «по недостатку годной воды и по другим причинам»; остальные 2380 семейств приняли надел, но из них были водворены 1804 семейства; 519 семей не имели ни дома, ни хозяйства. Из числа водворенных 772 семейства жили в деревянных избах и 311 — в постройках из глины; 721 семейство обитало в землянках, непрочных и вредных для здоровья. «Вообще,— говорилось в отчете Комиссии,— вид селений водворившихся переселенцев чрезвычайно бедный. Есть целые деревни, состоящие из землянок без крыш... Перемена климата и воды, бедность и лишения всякого рода, наконец, дурное устройство жилищ были главнейшими причинами проявления между ними болезней». Среди переселенцев особенно свирепствовали цынга, понос и лихорадка. «Некоторые семейства вымерли до последнего ребенка, в иных остались одни сироты». Проточной воды не было, колодцев насчитывалось мало, и устроены они были плохо. Рабочий скот, приведенный с прежнего местожительства, «большею частью подох в первые два года... от перемены воды, пищи, климата и от истощения». У 882 семейств не имелось никакого рабочего скота. Продовольственные запасы отсутствовали, и неурожаи 1840—1841 годов застигли переселенцев врасплох — без хлеба и без всяких средств к его приобретению. Не имея достаточно скота и орудий, многие отдавали свои наделы в аренду сторожилам, которые распахивали и быстро истощали степную почву. При личном объезде волжских губерний Киселев сам убедился в тяжелых условиях жизни саратовских переселенцев: в годовом отчете 1843 года он писал, что «поселения сии находятся в неудовлетворительном положении, во-первых, по неудобству земли и недостатку воды, и, во-вторых, по бывшему с самого начала прибытия переселенцев, два года сряду, неурожаю хлеба и падежу скота» [68].

Такую же безрадостную картину мы находим в донесении коллежского советника Флессьера, специально командированного в конце 1843 года для проверки положения оренбургских переселенцев. И здесь многие переселенцы не успели получить полных наделов и перебивались кое-как. Проточной воды было мало, а колодезная была дурного качества. «Колодцы там не что иное, как ямы, которые постепенно обсыпаются, не содержат хорошей воды и требуют частых расчисток. Казенного леса на устройство колодцев никому из переселенцев отпущено не было». Жилища переселенцев были самые убогие и в значительной части состояли из землянок. «Бледные, изнуренные лица обитателей подобных жилищ слишком свидетельствуют о вредном влиянии их на здоровье». Рабочий скот, приведенный переселенцами, почти весь вымер от изнурительного перехода и перемены климата. Для поднятия степной целины требовалась плуговая упряжка в 4 пары волов или, по крайней мере, в 4 лошади; такое количество скота было только у 257 семейств; 476 семейств имели вдвое меньше скота — на половину плуга; у 1678 семейств было по одной лошади или по одному волу; 1849 семейств вовсе не имели скота. За

---

[67] ИО, ч. II, отд. II, стр. 35.
[68] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1844 г., д. 523.

отсутствием необходимых земледельческих орудий многие нанимали старожилов для распашки полученных наделов. И здесь среди переселившихся, особенно в первое время, наблюдались массовые заболевания и повышенная смертность [69].

Повторная ревизия, произведенная в 1849 году особой комиссией, показала, что за 5 лет положение оренбургских переселенцев нисколько не улучшилось: по-прежнему многие семьи не были наделены землей и не получили пособия; по-прежнему переселенцам не хватало скота и продовольствия, а урожаи их полей были ничтожны; так же как и раньше, новоселы страдали от недостатка хорошей воды и становились жертвой разнообразных болезней. К первоначальным бедствиям прибавились новые: для многих перселившихся закончились льготные годы, и, не имея налаженного хозяйства, они впадали в неоплатные недоимки. Хищения и взяточничество чиновников довершали печальную картину переселенческого дела. Трудно допустить, что переселения в другие районы были обставлены иначе [70].

Особенно тяжелым было состояние так называемых «самовольных переселенцев», которые отважились отправиться в новые края, не имея разрешения от администрации. Некоторые покидали родину в неурожайные годы, и, получая плакатные паспорты, целыми семействами, а иногда целыми деревнями отправлялись в далекие заволжские и приуральские районы; другие вступали в соглашения со своими односельчанами, которые брали на себя обязательство платить за ушедших причитающиеся недоимки; третьи бежали от нужды и преследований начальства без всяких паспортов и условий в надежде обосноваться на новых богатых плодороднем землях. Все эти категории крестьян объединяла общая участь: они не могли рассчитывать на содействие правительства, не получали пособий на дорогу и на хозяйственное обзаведение и должны были сами выискивать себе пристанище и источники существования. В одном из циркуляров 1843 года Киселев так характеризовал их положение: «Оставаясь на новых местах без приписки и водворения, переселенцы подвергались всем неудобствам бесприютной жизни людей скитающихся, не получая и не имея права получать пособий и ссуд для переселенцев, законом предназначенных» [71]. Министерство с самого начала повело упорную борьбу с самовольными переселениями; однако никакие запретительные циркуляры и жизненные испытания не могли остановить этого стихийного потока. Тысячи людей, распродавших свое имущество и порвавших со старой родиной, бродили по окраинным многоземельным губерниям; по сведениям саратовской Комиссии 1844 года, «от продолжительного неводворения, беспрестанных издержек и скудных урожаев переселенцы сии пришли в бедность, и многие совершенно лишились средств к прочному водворению и безбедному существованию» [72]. Местные органы предпочитали «приселять» их к имеющимся селениям, продолжая взыскивать с них прежние недоимки; в лучшем случае им нарезали новую землю, но не давали никаких пособий и льгот, требуя немедленного и неукоснительного выполнения всех повинностей.

Ответственность за плохую постановку переселенческого дела целиком ложилась на центральные и местные органы Министерства. Это констатировали и ревизоры, выяснявшие причины массовой бедности переселен-

[69] ЦГИАЛ, ф I Д, 1844 г., д. 6259, лл. 40—50.
[70] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 12117.
[71] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5253, л. 2.
[72] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, лл. 224—225; 1844 г., д. 523, л. 143; ф. V О, д. 27204, л. 117; ф. I Д, 1844 г., д. 6259, лл. 15—16; 1849 г., д. 12117, лл. 23—24.

цев, и сам Киселев в своих циркулярах, адресованных местным Палатам. «Я убедился,— писал об оренбургских переселенцах чиновник Флессьер,— что местные власти имели над ними лишь поверхностное наблюдение, ограничиваясь тем только, чтоб они кое-как обстроились; что же касается порядка в общем устройстве хозяйства, не было обращаемо надлежащего внимания»[73]. За «непростительную невнимательность» к воронежским переселенцам Оренбургская палата в 1849 году подверглась строгому выговору со стороны Киселева[74]. Чтобы выйти из создавшегося положения, приходилось создавать специальные комиссии, давать дополнительные ссуды, ассигновывать новые средства на покупку продовольствия и скота. Однако эти паллиативы не могли изменить самых основ переселенческой политики, так же как не могли исправить прогнивший аппарат крепостной администрации.

Гораздо быстрее и легче можно было организовать «внутреннее переселение» из малоземельных в многоземельные селения той же самой губернии. Количество таких внутренних переселенцев ежегодно измерялось несколькими тысячами ревизских душ; иногда оно приближалось к числу внешних переселенцев (например, в 1852 году в многоземельных губерниях было водворено 14 тысяч душ, а в пределах губерний — около 13 тысяч), а иногда даже превосходило его (например, в 1850 году в другие губернии было направлено только 937 человек, а в другие селения той же губернии — 1638 душ)[75]. Правда, и здесь с неотвратимой закономерностью вскрывались те же характерные особенности переселенческой политики: бесконечная волокита с разрешениями и перечислениями, небрежное оформление списков, отказы в нарезке участков, несоответствие между потребностями и их удовлетворением. Например, по делу о переселении крестьян в Устинскую дачу Вятская палата 8 лет собирала разные справки и все-таки не могла решить поставленного вопроса[76]. Несмотря на строгие запрещения начальства, из Чердынского неплодородного уезда Пермской губернии крестьяне самовольно бежали «целыми массами семейств»[77]. Тем не менее внутренние переселения были легче в силу целого ряда условий: крестьянам приходилось совершать более короткий путь; они попадали в привычную климатическую и хозяйственную обстановку; водворение происходило в обжитом краю; сношения между отдаленными друг от друга Палатами исключались и т. д. Поэтому не удивительно, что по мере обнаружения отрицательных последствий дальних переселений возрастало количество «внутренних переселенцев». В последние годы управления Киселева (1854—1856 годы) переселения в пределах губерний получили перевес над переселениями на восточные и южные окраины.

Если мы сопоставим переселенческую политику Киселева и его предшественников, то не найдем в действиях нового Министерства никаких существенных улучшений. Закон о переселениях 1843 года применялся на практике плохо, многие из его постановлений (о предварительной высылке поверенных, о заблаговременной нарезке участков, о снабжении переселенцев инвентарем и жилищами и т. д.) оставались на бумаге, брали верх традиционные приемы небрежно формального, а иногда преступного отношения чиновников к порученному делу. Так же как в других случаях, ярко обнаруживалось противоречие между содержанием юридической нормы и ее применением в действительной жизни. В свете

---

[73] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6259, л. 116

[74] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27233, л. 171.

[75] Отч. за соответствующие годы.

[76] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19 293, ч. II, л. 170.

[77] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24 709, ч. VI, л. 77. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 9990, ч. I, лл. 66—67; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 150—151.

имеющегося фактического материала теряют силу хвалебные отзывы о переселенческой политике Киселева, которые мы находим в досоветской литературе [78].

2. Формы землепользования

Совершенно особняком стояла переселенческая мера Министерства, связанная с реализацией закона 1846 года о создании «семейных участков». Попытка насадить вместо общинного землепользования индивидуальное, подворно участковое, и этим способом повысить уровень крестьянского хозяйства заставила Министерство иначе организовать самые условия переселения. На семейные участки вызывались желающие из среды крепких хозяев, имевших не менее 2 взрослых работников и достаточное количество скота; поставленная задача — способствовать развитию сильного крестьянского хозяйства, свободного от общинных переделов и стеснительной чересполосицы,— требовала от управления более продуманных и энергичных мероприятий. Министерство проявляло здесь больше внимания к предварительной нарезке и подготовке участков, ставило переселенцев в условия лучшего земельного обеспечения и облегчало им способы более быстрого и легкого водворения на новом месте. Эти особенности в организации подворно-участкового землепользования привели к определенным практическим результатам: положение новоселов, осевших на семейных участках, существенно отличалось от положения всей остальной массы переселенцев.

Для насаждения индивидуального землепользования на пустующих окраинных землях Министерство избрало обширное степное пространство в 322 тысячи десятин, расположенное в Самарском и Ставропольском уездах Симбирской губернии. В 1843 году эти земли были получены Министерством от военного ведомства и в продолжение 4 лет сдавались с торгов в оброчное содержание, дав за это время больше 175 тысяч рублей. За исключением небольшого количества солончаков и болот, самарско-ставропольские земли представляли собой ровную плоскость, покрытую плодородным черноземом, перерезанную оврагами, ручьями и речками, имевшую лесные дачи и частью примыкавшую к течению Волги. На этих степных пространствах давала богатые урожаи пшеница-белотурка, разводились бахчи, с успехом засевались просо, ячмень, лен, конопля, мак, овес, кукуруза. Одна из речек, Кандабулак, благодаря обилию и сильному падению воды могла быть использована для устройства мельниц и искусственного орошения. К 1847 году самарско-ставропольские земли были сняты на план и для наделения переселенцев в первую очередь была выделена местность на реке Степной Чесноковке, площадью в 7660 десятин. Здесь предполагалось устроить Николаевское сельское общество из 13 селений, в которых должны были разместиться 204 семейства. В дальнейшем предполагалось организовать остальные 13 обществ, заселяя их постепенно по одному обществу в год. Для реализации принятого плана было создано особое управление самарско-ставропольскими землями в составе управляющего, его заместителя-агронома, лесничего, землемера, счетоводов, писцов и пр. К осени 1847 года был составлен проект нарезки участков на Степной Чесноковке и через местные Палаты государственных имуществ сделано предложение крестьянам, желающим завести хозяйство на новых основаниях [79].

Для непосредственного руководства начатым делом в Симбирскую губернию был командирован член Ученого комитета Э. Е. Лоде, который

[78] См., например, отзыв П. Селиванова в ЖМГИ, 1842, ч. IV, отд. VII. стр. 5; А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905, стр. 12 и след.

[79] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., д. 4334, ч. I.

подробно изучил условия местности и, вернувшись в Петербург, представил обширный план освоения самарско-ставропольских земель. Стараясь приблизиться к идеалу хуторской системы, Лоде разбил почти все отведенное пространство на особняки, приурочив их к воде или к местам, имеющим неглубокие подпочвенные воды; усадебные участки он постарался сблизить друг с другом, так чтобы водворенные поселенцы «не были бы совершенно изолированы, но чтобы 3 или 4 двора составляли вместе небольшое селение, хотя и не тесно сдвинутое» (Лоде ссылался при этом на обычаи русского народа, который «не любит простора и уединения»). Особое место было отведено для главного селения, в котором предполагалось построить церковь, общественные здания (сельское управление, запасный магазин и пр.) и образцовые усадьбы для заведения показательного хозяйства. Было решено заготовить лес для постройки изб, закупить продовольствие и семена для засева полей, приобрести для каждой семьи по паре волов, по 2 лошади, по 2 коровы, по 10 голов овец, домашнюю птицу на 4 рубля 50 копеек.; мертвый инвентарь должен был состоять из сохи, железной бороны, двух телег и саней, сбруи и хозяйственной утвари. Для поднятия целины Лоде рекомендовал приобрести на каждые 8 семейств по фландрскому плугу, для перепашки — ярославскую косулю, для разбивки комьев — катки. Расходы на каждую семью исчислялись в 726 рублей. В своем докладе Лоде подчеркивал необходимость такой затраты: «Без снабжения переселенцев всем нужным для начатия и полного развития их хозяйства невозможно ожидать успеха в сем важном деле, которое должно служить и опытом, и примером».

Переходя к общему плану заселения самарско-ставропольских земель, Лоде настаивал на необходимости организовать в центре отведенного пространства показательное государственное хозяйство на 3—5 тысячах десятин земли для агрономического руководства переселенцами и снабжения их всем необходимым. При этом центральном «попечительстве» Лоде проектировал устройство учебной фермы для внедрения рациональных методов сельского хозяйства, питомника лесных и плодовых деревьев для снабжения переселенцев саженцами и семенами, мукомольных и маслобойных мельниц, огорода, раздающего семена и рассаду, хлебных магазинов и товарных складов для продажи крестьянам по оптовой цене железа, дегтя, колес и других предметов сельского обихода. При центральном хозяйстве должны были демонстрироваться постройки из различного местного материала — глины, землебитного кирпича и прочего, разведение лучших пород скота и посевы масличных и торговых растений. Здесь же следовало организовать больницу, ветеринарный пункт, консультацию архитектора и помощь со стороны партии топографов. Для создания такого показательного хозяйства Лоде предлагал затратить 150 тысяч рублей серебром, заключив 37-летний заем на условии постепенного погашения ссуды. Лоде доказывал рентабельность такого государственного хозяйства, ссылаясь на крупные суммы, уже полученные от арендного дохода, и на высокую урожайность земель, которые должны принести еще больше выгод с развитием волжского пароходства и проведением железной дороги от Москвы до Нижнего Новгорода. Часть земель Лоде предлагал засеять «на прежних основаниях, т. е. с общественным наделом земли душевыми паями — для сравнения и примера». Для того чтобы предотвратить преждевременное истощение незаселенных пространств, Лоде советовал сдавать их в аренду мелкими участками на продолжительные сроки. Лоде рисовал блестящие перспективы в результате успехов предпринятого опыта: «Когда переселяющиеся ознакомятся через посылаемых вперед разведчиков с правами и преимуществами наследственного пользования отдельными участками, тогда вместо беспорядочных партий бедняков, безотчетно и без всякой определенной цели

идущих на новые неведомые им земли, на переселение будут решаться люди зажиточные, но нуждающиеся в просторе земли. Неустройство, нищета, болезни и даже самая ужасная смертность, поныне сопровождавшие всякое переселение у нас, исчезнут тогда сами собой, и правительство, сделав однажды некоторое денежное пожертвование, доставит необходимый простор в странах, терпящих недостаток в земле, и приобретет новые, цветущие заселенные области и, усилив таким образом производительность в самой плодородной части России, получит и прямые выгоды от поземельной платы, которая ныне ничтожна» [80].

Заселение первого сельского общества было начато в 1849 году. К этому моменту были нарезаны в натуре отдельные семейные участки по 39 десятин, из которых 1 десятина отводилась под усадьбу, 3 — под сенокос, 2 — под выгон, 1 — под лес и 32 десятины — под пашню. На участках устанавливался 8-польный севооборот: ежегодно должна была засеваться половина пашенных угодий, остальные должны были отдыхать; при этом каждое поле 3 года засевалось яровыми хлебами (пшеницей, просом, ячменем, овсом), затем год оставалось под паром, следующий год засевалось озимым хлебом (рожью) и после снятия урожая оставалось 3 года под залежью. Такая система полеводства была признана наиболее простой, доходной и обеспечивающей почву от истощения. Позднее была произведена оценка каждого участка в зависимости от его положения, качества почвы, урожайности и доходности; 10% от предполагаемого чистого дохода должны были отчисляться в качестве оброка и 5% — на мирские, земские и продовольственные расходы, что составляло в среднем около 52 копеек с десятины, или 20 рублей 19 копеек с участка (в зависимости от разных условий эта сумма колебалась от 16 рублей 38 копеек до 24 рублей 15 копеек). Из ежегодной операционной суммы, ассигнованной на переселение (38 422 рубля 20 копеек), были закуплены хлеб для обсеменения полей и шестимесячное продовольствие переселенцев, выданы пособия и ссуды переселенцам, возведены общественные здания и 9 образцовых изб, наконец устроен завод для выделки кирпича, предназначенного на печи и каменные фундаменты. В главном селении были построены дома для сельского управления и приезжающих чиновников, запасный хлебный магазин, сарай для пожарных инструментов, школа, баня и кузница. В первую очередь были приняты переселенцы из Пензенской и Новгородской губерний в количестве 113 семейств. Все переселенцы в течение 6 месяцев получали ежемесячное продовольствие в размере 2 пудов муки на взрослого мужчину и по 1 пуду на женщин и малолетков. Кроме того каждому семейству было выдано на обсеменение полей по 24 пуда пшеницы, по $3^1/_4$ пуда ячменя, по 12 пудов овса, по 5 пудов гороха, по $1^1/_2$ пуда проса и по $2^1/_4$ пуда гречи [81].

Однако реализация закона о семейных участках с самого начала встретила большие затруднения. Широкая программа, представленная Лоде, не встретила сочувствия со стороны Ученого комитета и самого Киселева. Было одобрено в виде опыта хуторское расселение переселенцев, но отвергнут проект государственного хозяйства. Особенно испугали противников этого обширного плана значительные затраты на попечительство и увеличение пособия переселенцам. Член Ученого комитета Е. А. Петерсон решительно возражал против привилегированных условий, в которые предполагалось поставить владельцев семейных участков. Его аргументация была такова. Чтобы судить о результатах

[80] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., д. 4334, ч. I, лл. 21—26, 45—46, 49—56, 101—118, 131—134.

[81] Там же, лл. 64—73, 174—176, 337—338; д. 4343, лл. 205—206; 1856 г., д. 6962, лл. 28—29; ф. Кнц М, 1848 г., д. 791, лл. 7—15.

предпринятого опыта, не следует затемнять его «действием неравных пособий при переселениях на старом и на новом праве владения землей» Преимущество семейных участков заключается не в полноте первоначального инвентаря, а в «неизменности и округленности земли и свободе распоряжаться ею без препятствий со стороны соседей». Не надо гоняться за «ложным блеском» и возбуждать зависть и ропот среди других категорий переселенцев. Не следует чрезмерными ссудами обременять землю задолженностью. «Усилия к улучшению быта крестьян, а в особенности учреждение семейных участков, содействуют основанию сильных семейств в земледельческом классе народа; семейств довольных, которыми обеспечивается внутреннее спокойствие государства; для сего необходимо нужно, чтобы семейный участок был достаточно велик, не только для безбедного прокормления одной семьи и уплаты подати, но и для скопления некоторого излишка на черный день и на снаряжение членов семейства, имеющих со временем перейти в городские сословия». Необходимо, снабдив переселенцев такими большими участками, предоставить их собственным силам,— пусть выживают сильнейшие. «Первое поколение всех бедных переселенцев как в России, так и в Америке должно бороться с нуждой и болезнями; нет средств отвратить это зло» [82]. Такова была точка зрения этого типичного представителя дворянского государства, который делал ставку на сильных, сознательно обрекая неимущих переселенцев на безнадежную борьбу и массовое вымирание.

Когда Ученый комитет представил дело на разрешение министра, Киселев, соглашаясь с Петерсоном, объявил: «1) что он не имеет в своем распоряжении таких сумм, какие бы потребовались на исполнение предположений г. Лоде, 2) что он не находит полезным давать крестьянам преувеличенные пособия... 3) что он не находит народ наш ни довольно зрелым, ни довольно богатым, чтобы поселяться отдельными хозяйствами, и потому желал бы на первый раз надел семейных участков вести по системе таврических менонистов» (т. е. без упразднения чересполосицы), «а отдельные фермы допускать только для достаточнейших хозяев, если они согласятся на то, в чем он, впрочем, сомневается» [83]. Было решено рассматривать опись имущества, необходимого владельцу семейного участка (одно из условий закона 1846 года), в качестве идеальной нормы, до которой каждый переселенец должен довести свое хозяйство и которую должен передать своим наследникам. Таким образом, Министерство с самого начала заняло компромиссную позицию, отказавшись от энергичного проведения буржуазной программы и выражая сомнение в возможности ее последовательной реализации.

Возражения против хуторского расположения семейных участков были выдвинуты и со стороны управления самарско-ставропольскими землями. Начальник управления Борисов старался убедить Ученый комитет, что заселение крестьян отдельными фермами чрезвычайно затруднит «надзор со стороны сельского, волостного и окружного управления как за образом жизни крестьян в хозяйственном и политическом отношении, так и за сбором с них поземельных податей, равно за порядком на исправления различных натуральных повинностей...» «Благонамеренные» крестьяне станут жертвой воров и конокрадов, а «злонамеренные» займутся пристанодержательством и разными злоупотреблениями; начнутся нескончаемые ссоры между соседями за потравы; зимние вьюги и снега преградят всякое сообщение с миром, а недостаток в воде станет источником массовых заболеваний [84]. Другими словами, система хутор-

[82] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., д. 4334, ч. I, лл. 119—124.
[83] Там же, л. 94.
[84] Там же, лл. 125—126.

ского расселения оказывалась в противоречии со всем строем феодально-крепостнического государства, его придирчивой опекой над крестьянами, борьбой с крестьянскими побегами, слабой заботой о безопасности и удобствах населения.

Непривычка жить обособленными хуторами обнаружилась и в среде самих переселенцев: местные органы доносили, что прибывшие крестьяне, желавшие стать хозяевами наследственных участков, отказываются селиться на особняках, а поселившиеся на них тяготятся условиями своей замкнутой жизни. Другими словами, крестьяне, добровольно вызвавшиеся переселиться на семейные участки, предпочитали право индивидуального землепользования, но хотели совместить его с возможностью близкого общения с другими самостоятельными хозяевами.

Учитывая все эти обстоятельства, Министерство уже в 1849 году внесло существенную поправку в распоряжения Лоде. Временному управлению было предписано применять три способа нарезки земель: 1) отдельными хуторами; 2) нераздельными участками, включающими пахотные, сенокосные, пастбищные и лесные угодья, с тем чтобы крестьянские усадьбы располагались не хуторами, а целыми селениями; 3) способ, применяемый в менонистских колониях, когда крестьяне селятся деревнями, а все остальные угодья не делятся на особняки, а разбиваются на 8 полей, и в каждом из этих полей отводится постоянный наследственный участок каждому домохозяину[85]. Кроме того, управлению землями было разрешено переделить сенокосные угодья, которые подходили слишком близко к усадьбам; в результате этого передела сенокосы оказались удаленными на расстояние 10—20 верст, т. е. образовалась еще менее удобная дальнополосица.

Но самые большие затруднения при проведении в жизнь закона 1846 года возникли в результате формально-бюрократической работы министерской машины. Хотя заселение семейных участков возбуждало больше внимания и энергии, чем обыкновенные массовые переселения, однако и тут со всей силой проявились отрицательные стороны крепостнического управления. Вызов переселенцев был сделан раньше, чем закончились оценка и подготовка семейных участков; весной 1848 года 213 душ пензенских крестьян в надежде на скорое переселение не приступили к засеву своих земель и просили допустить их к обработке земли в районе нового водворения; но прошли весна, лето и осень 1848 года, а подготовительные работы еще не были окончены. Только в конце октября и начале ноября, когда ударили морозы и нельзя было обрабатывать землю к весеннему севу, переселенцы стали прибывать на место своего нового жительства. Но здесь их ждали новые испытания: лес на постройку крестьянских изб был выписан Министерством из Вятской губернии, но не был доставлен на место до окончания навигации; чтобы обеспечить переселенцам собственный кров на наступающую зиму, пришлось присматривать лес в ближайших помещичьих дачах, но он стоил дорого и не мог быть куплен на отпущенное пособие. Министерство вышло из затруднения бюрократическим способом: Киселев приказал выдать крестьянам взамен леса денежное пособие по 15 рублей на семью и дополнить его долгосрочной ссудой в размере 30 рублей. На эти деньги уже в исходе зимы крестьяне приобрели некоторое количество леса, который по донесению самого управления самарско-ставропольскими землями был «не совершенно годен для жилых строений и, сверх того, произрастал на низкой, всегда влажной почве, вероятно, нехорошего качества». Чтобы вывести крестьян из безвыходного положения, Киселеву пришлось повысить пособие домохозяевам до 40 рублей и

[85] Там же, ч. II, лл. 29—30.

ссуду на лес — до 60 рублей. На эти деньги крестьяне приобрели по 72 дерева (т. е. на 28% меньше, чем полагалось им по закону) и к лету 1850 года отстроили себе, наконец, усадьбы.

Управление землями роздало крестьянам семена и продовольствие, но оказалось, что выдачи превышали нормы, установленные инструкцией, так как Департамент сельского хозяйства не удосужился выслать управлению инструкцию о семейных участках. Размеры пособий на покупку леса тоже оказались превышенными. Было начато расследование, которое закончилось, уже в 1856 году, постановлением Министерства взыскать с крестьян излишне выданные пособия.

Так же неудачна оказалась первоначальная оценка земель, легшая в основу определения размеров поземельного оброка. При вызове переселенцев Министерство еще не имело данных о доходности 8-польного хозяйства на новых землях и использовало сведения о валовом и чистом доходе при 3-польном севообороте. В результате оброчные оклады переселенцев оказались завышенными: поземельный оброк с семейных участков превосходил не только арендные цены, за которые сдавались те же самарско-ставропольские земли, но и оброчные платежи, которые вносили с общинных земель местные самарские крестьяне. Управлению землями пришлось бить тревогу, так как неравенство окладов отбивало у переселенцев охоту принимать нарезанные участки. Министерство перед истечением льготных сроков вынуждено было произвести переоценку земель и уменьшить первоначально объявленные оклады. Тем не менее и эти сокращенные нормы, по мнению начальника управления, были непосильными для переселившихся крестьян [86].

Состав управления самарско-ставропольскими землями отличался обычными недостатками министерского аппарата. Начальником управления был назначен коллежский советник Борисов, человек со скудным образованием, отданный под суд за свои прежние действия в должности ирбитского окружного начальника. По-видимому, желая выслужиться на новом месте, Борисов стремился блеснуть внешними успехами и развил энергичную деятельность по строительству зданий. Однако 9 образцовых изб, которые выделялись в селе Николаевском своими красивыми фасадами и железными крышами, обошлись по 1012 рублей 22¼ копейки серебром и не могли служить образцами для крестьян, получавших ничтожные пособия на постройки; вдобавок избы оказались выстроенными из непригодного материала и скоро пришли в плохое состояние. При постройке кирпичного завода не были учтены действительные потребности в кирпиче и бесплодно затрачены большие суммы. Деньги на постройки расходовались без всяких записей и оправдательных документов. Как выяснилось во время ревизий, Борисов плохо считался с распоряжениями Министерства, самовольно и бесконтрольно тратил операционные суммы, допускал произвол при раздаче пособий и не вписывал в книги тысячи рублей, полученные с оброчных земель. По словам ревизора, начальник управления плохо ознакомился с управляемыми землями и во всем полагался на подчиненных ему чиновников. По мнению директора Департамента, лично побывавшего в Симбирской губернии, Борисов был человеком, неспособным командовать и управлять («даже усердие его опасно»). Через 2 года после своего назначения Борисов по постановлению Совета министра был уволен со своей должности.

Под стать начальнику был его помощник, агроном Ломан, которого ревизор характеризовал следующими словами: «Самая распорядительность г. Ломана — совершенно неблагонадежна, а деятельность свою он

---

[86] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 791, лл. 60—69

не оправдал нисколько своими трудами». Достаточно сказать, что, вопреки требованиям агрономии, крестьяне получали под посевы ржи «залог» (т. е. целину), который им трудно было поднять, или участки, предназначенные на следующий год под пшеницу и другие яровые хлеба. Лесничего Леонтьева ревизор характеризовал как «человека бездарного», а землемера Терентьева — как «человека вполне бездарного и тяжелого», медлительного в исполнении своих обязанностей и отвлеченного устройством собственного кирпичного завода. Что касается гражданского инженера Лозинского, то, по мнению ревизора, он работал удовлетворительно, «но если бы нашлась ему замена, то для дела было бы лучше». Самыми тревожными были данные ревизии о состоянии земель, еще не розданных переселенцам: сдаваемые в аренду монополистам, они хищнически эксплуатировались; многие были уже выпаханы, и урожай пшеницы, составлявший богатство края, становился все меньше и меньше [87].

На смену Борисову начальником управления был назначен ревизовавший его надворный советник Лошкарев, но и он не оправдал надежд Министерства. Заселение самарско-ставропольских земель шло крайне медленно: за 4 года, кроме первого, Николаевского общества было частично заселено только второе — Вязовское. Сметы на операционные расходы утверждались несвоевременно, и Министерство не успевало вовремя перевести переселенцев. Дело еще более затягивалось из-за бесконечной переписки между Департаментами Министерства и небрежного исполнения своих обязанностей местными Палатами. Само управление самарско-ставропольскими землями было занято не столько переселенцами, сколько взысканием арендных денег с держателей оброчных статей. Крестьяне тяготились принудительными 8-польными севооборотами, жаловались на отдаленность сенокосов, на узость прогонов для скота, на небольшие размеры пастбищ и вытекавшие отсюда потравы хлебов. Некоторые переселенцы, приехав на место и ознакомившись с условиями полеводства, отказывались принимать участки. В 1854 году из 135 семейств, покинувших Рязанскую губернию, 21 возвратились на родину, 89 предпочли поселиться на душевых (т. е. общинных) участках той же Самарской губернии и только 25 поселились на семейных участках. Бывали и другие случаи: крестьяне желали переселиться и завести хозяйство по новой системе, но Министерство не разрешало им переезда, так как вызывавшиеся семейства не имели двух взрослых работников. Или крестьяне хлопотали о переселении их на участки, облюбованные посланными ходоками, а управление сдавало эти земли в оброчное пользование и отказывало в просьбах переселенцам [88].

С другой стороны, после революции 1848 года, в условиях обострявшегося кризиса крепостного строя, у самого Киселева усиливался страх перед возможным ростом пролетариата, а вместе с тем изменялась оценка крестьянской поземельной общины. В сентябре 1853 года министру был представлен доклад I Департамента о влиянии частных переделов на увеличение крестьянской недоимочности. Киселев собственноручно написал на докладе: «Справедливо, но как изменить вековую привычку иначе, как приглашением отделиться на семейные участки, которые также имеют свои неудобства»: они нарушают «то прекрасное свойство душевого раздела, благодаря которому между государственными крестьянами нет собственно пролетариев, и каждая семья имеет свой прибор за общей трапезою селения». Лучше всего, по мнению Киселева,

[87] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., д. 4343; ф. Киц М, 1850 г., д. 943, лл. 18, 19, 22, 23, 21—26, 32, 34; ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.72, л. 5.

[88] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1848 г., д. 791, л. 60; 1853 г., д. 1342, лл. 24, 38—39; ф. III Д, 1853 г., д. 5751; 1856 г., д. 6962, лл. 13—19.

было бы не разрушать общинного землевладения, а изыскать способы к его усовершенствованию [89].

В том же 1853 году в Министерстве был поднят вопрос, не следует ли упразднить особое управление самарско-ставропольскими землями и передать его дела в местную Палату государственных имуществ (только что учрежденную в связи с образованием новой Самарской губернии). Департамент сельского хозяйства, которому непосредственно подчинялось управление семейными участками, и в 1853 году и позже настаивал на ликвидации этого учреждения, ссылаясь на упущения и беспорядки в его делопроизводстве, на медленное заселение земель и на плохое ведение хозяйства переселенцами. По мнению Департамента, создавшееся положение вещей грозило подорвать доверие в крестьянах к самому принципу семейного землепользования. Прочитав эти строки, Киселев сделал от себя примечание: «... заключение, здесь приведенное, не оставляет уже сомнения в необходимости прекратить дальнейшее существование сего неудачного опыта». Казалось бы, такое суждение министра государственных имуществ должно было прозвучать как смертный приговор предпринятой попытке насадить индивидуальное землепользование. Тем не менее под влиянием I Департамента и Совета министра управление самарско-ставропольскими землями сохранило свое существование; оно было освобождено от заведывания оброчными землями и должно было целиком заняться заселением земель и руководством крестьянским хозяйством [90].

Охлаждение к идее индивидуального землепользования не могло не отразиться и на проекте образования выселок во внутренних губерниях [91]. И после 1848 года Киселев не раз получал докладные записки о вредном влиянии переделов и чересполосицы на хозяйственное положение государственных крестьян. В ряде губерний — Псковской, Курской, Оренбургской, Таврической — отдельные группы крестьян заявляли о своем желании выселиться на семейные участки на основании закона 1846 года. Однако, несмотря на бесконечную переписку, иногда тянувшуюся годами, ни одна из этих заявок не получила удовлетворения: в одних случаях инициатива крестьян заглушалась бюрократической волокитой, в других — крестьяне отказывались принимать неудачно нарезанные участки, в третьих — органы Министерства не проявляли внимания и энергии в разрешении поставленного вопроса [92].

Однако детальное обследование самарско-ставропольских земель, проведенное в 1856 году одним из наиболее подготовленных чиновников Министерства, Я. А. Соловьевым, показало, что опыт насаждения личного землепользования привел к положительным, а не к отрицательным результатам [93]. Несмотря на дурное управление, 4 неурожая (в 1849 году, 1850 году, 1853 году и 1855 году), падеж скота и Крымскую войну, хозяйственное положение самарских переселенцев не только укрепилось, но оказалось выше, чем у многоземельных общинников соседних районов.

К моменту обследования были, хотя и неполностью, заселены 5 сельских обществ, в которых числилось 744 семейства с общим количеством

---

[89] ЦГИАЛ, ф. Кнц. М, 1849 г., д. 837, лл. 44—45.

[90] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1853 г., д. 1342.

[91] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1849 г., д. 837.

[92] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., дд. 4340, 4362; 1850 г., д. 4612; 1854 г., д. 6093; 1856 г., д. 6946.

[93] Я. А. Соловьев был автором нескольких трудов об экономическом положении крестьян; его книга «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» получила премию Русского географического общества и была высоко оценена Н. Г. Чернышевским (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т II. М., 1949, стр. 765—775).

3346 ревизских душ. Переселенцы были преимущественно из черноземных губерний, главным образом из Пензенской и Курской. Среди чиновников они получили характеристику «весьма буйных», так как свободно высказывались на сходах и настойчиво добивались осуществления своих требований. Очевидно, это были наиболее смелые и предприимчивые элементы перенаселенных великорусских общин, которые искали в новом, плодородном краю земельного простора и укрепления своего хозяйства. Судя по количеству привезенного скота, это были устойчивые середняки с большой прослойкой зажиточных домохозяев. Переселившиеся в 1856 году, т. е. перед самым обследованием, имели на каждое семейство в среднем больше 2—3 лошадей, не считая рогатого скота и овец. Переселившиеся раньше имели еще больше скота, причем с годами это количество увеличивалось. Процесс укрепления переселенческого хозяйства особенно ярко обнаруживался в первом обществе, имевшем 197 семейств и 971 ревизскую душу; они прожили в районе нового водворения 8 лет и в течение четырехгодичного срока уже вносили платежи на погашение ссуды и отчасти в счет причитающихся налогов. Здесь среднее количество скота на одно хозяйство было такое (табл. 25).

Таблица 25

Количество скота у переселенцев первого общества

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец
1852	4,2	2,9	5,0
1853	5,6	3,5	6,9
1854	6,5	5,0	13,3
1855	6,2	4,5	11,4
1856	6,8	5,2	16,3

Только в 1855 году кривая неуклонного подъема несколько понизилась: в этом военном году крестьяне пережили 2 военных набора и сбор ополченцев, заставившие их продать часть скота. Тем не менее уже в следующем, 1856 году не только была пополнена происшедшая убыль, но было достигнуто новое увеличение сравнительно с предшествующими годами. Это явление было особенно характерно на фоне общего упадка крестьянского хозяйства в годы Крымской войны, который в южных губерниях принял характер настоящего разорения.

Количество скота в остальных, позднее заселявшихся обществах было меньше, но и оно давало высокие показатели (табл. 26).

Таблица 26

Количество скота у остальных переселенцев

Общества	На семейство		
	лошадей с жеребятами	рогатого скота с телятами	овец
Второе	4,03	2,42	6,16
Третье	3,96	2,61	4,72
Четвертое * . .	3,07	2,20	3,07
Пятое *	4,19	2,94	1,22

* У старых поселенцев

Конечно, за этими средними цифрами скрывалось имущественное неравенство, но оно еще не получило на самарско-ставропольских землях

таких размеров, какие имело во внутренних губерниях или у общинников того же района. Из 197 домохозяев первого общества был только один безлошадный крестьянин, который вместе со своими сыновьями занимался отхожими промыслами, и 8 однолошадных крестьян, из которых пятеро были одинокими, а трое потеряли лошадей вследствие случайных обстоятельств (кражи и пр.).

К таким же выводам приводят и другие показатели. В первом обществе была широко распространена аренда земли: из 197 домохозяев 143 в дополнение к своему 39-десятинному наделу снимали земель на 3490 рублей 41 копейку. Принимая во внимание, что самарско-ставропольские земли сдавались в среднем по 44 копейки за десятину, можно предположить, что общее количество арендуемых участков составляло 7932 десятины, т. е. в среднем по 55 десятин на каждого домохозяина. К этой цифре следует присоединить коллективную аренду того же Николаевского общества, в котором 7 селений из 17 арендовали землю целыми деревнями на сумму 2225 рублей, т. е. приблизительно 5057 десятин. Кроме того, нужно помнить, что некоторые большесемейные домохозяева получили двойные участки и, следовательно, доводили площадь возделываемой земли до 133 десятин на двор. Конечно, обработать такую площадь силами собственной семьи было невозможно,— вот почему из 197 дворов 116, т. е. более 58%, нанимали работников, которым в общей сложности платили в год 4925 рублей 65 копеек (по 42 рубля 46 копеек на двор).

Однако наряду с арендаторами земель было 25 домохозяев (около 13%), которые, вопреки действующим правилам, сами сдавали часть своей земли на общую сумму 106 рублей 43 копейки; это составляло примерно 242 десятины, или в среднем по 9,64 десятины на двор. Были и такие, которые вынуждены были наниматься в работники,— их было 27 человек, и сумма их заработка равнялась 1400 рублям, т. е. в среднем по 51 рублю 85 копеек на каждого. Кроме того, на жнитво и на другие работы нанималось некоторое количество женщин (какое именно — обследование не установило).

Этому расслоению в недрах земледельческого хозяйства соответствовало развитие промыслов Николаевского общества. С одной стороны, здесь действовало 8 промышленных заведений, непосредственно связанных с сельским хозяйством: 3 ветряные мельницы, 2 конные маслобойни и 3 конные крупорушки; можно не сомневаться, что они были устроены предпринимателями из числа зажиточных хозяев. С другой стороны, из общего количества 577 взрослых работников 77 человек, т. е. 13%, занимались портновским ремеслом, плотничали и нанимались на черную работу. О наличии у крестьян накоплений свидетельствовали просьбы переселенцев об учреждении мирских сберегательных касс и устройстве промышленных заведений; не менее характерными являлись настойчивые ходатайства многих домохозяев предоставить им двойные участки.

Таким образом, среди переселенцев, вполне устроенных и закрепившихся на новом месте, можно уловить три явственные прослойки: преобладающую группу зажиточных домохозяев — владельцев двойных участков, самостоятельных арендаторов земли, организаторов промышленных предприятий, которые в большей или меньшей степени эксплуатировали рабочую силу батраков; группу середняков — участников коллективной аренды, самостоятельных мелких производителей в области земледелия и промышленности; небольшой слой обедневших переселенцев, иногда не имевших скота, сдававших в аренду часть своего надела и продававших свою рабочую силу сельским хозяевам и промышленникам. Соотношение этих групп показывает, что эксплуатируемые бедняки привлекались в качестве работников преимущественно из соседних общинных деревень, которые, по свидетельству Соловьева, отличались менее

равномерным распределением имущества. По-видимому, расслоение среди переселенцев Николаевского общества было результатом более благоприятных экономических условий в районе нового водворения: плодородие почвы, расширенный земельный надел, возможность увеличения посевов в обстановке земельного простора и дешевой аренды, наконец значительное сокращение повинностей создали возможности для зарождения и развития капиталистических тенденций в области переселенческого хозяйства. В известной мере должно было сказываться и освобождение мелкого производителя от пут средневековой общины с ее периодическими переделами и неуверенностью в прочности владеемого участка.

Данные обследования показали большую заинтересованность переселенцев в улучшении своего хозяйства: владельцы семейных участков завели племенных баранов, быков и случных жеребцов; у них были зарегистрированы хорошая порода овец с длинной шерстью под названием волоцкой, улучшенная порода коров, волы крупных статей; при усадьбах были заведены коноплянники, на которые тратилось много навоза; частично удобрение использовалось и для полевых угодий. Переселенцы внимательно следили за восстановлением плодородия почвы и сумели доказать Соловьеву, что принятая система севооборота с трехгодичной залежью истощает почву и неблагоприятно отражается на урожаях пшеницы. При обсуждении вопроса на мирском сходе крестьяне Николаевского общества предложили новый проект 8-польного севооборота, при котором два поля должны были засеваться озимыми и два — яровыми хлебами; взамен залежи каждое поле после двух разных хлебов — ржи и ярового — должно было отдыхать два года под паром; это давало возможность, сократив площадь яровых полей, распахивать их с осени, весной раньше кончать посевы, равномернее производить уборку и вообще избегать одновременного скопления работ. Предложенная система создавала также условия для дальнейшего усовершенствования полеводства путем введения травосеяния.

Большой преградой для улучшения переселенческого хозяйства были недостаток леса и, следовательно, дороговизна топлива. Избы приходилось отапливать кизяком — это сокращало количество навозного удобрения. Экономя топливо, крестьяне молотили хлеб сыромолотом и только в последнее время под впечатлением ненастной осени начали строить овины. Попытки разведения леса оставались безуспешными: или не всходили семена, или засыхали молодые побеги, или поросли травились скотом. Именно здесь сказывалось отсутствие организованной агрономической помощи со стороны правительства. Местное управление не сумело даже сберечь имевшиеся кустарники, отведя их под пашни и сенокосы. Так же мало заботы было проявлено к общественному саду, который не мог предоставить крестьянам никаких средств для разведения плодовых деревьев.

Если колонизация самарско-ставропольских земель дала хорошие результаты, то источник этого относительного успеха заключался не столько в деятельности Министерства и его местных агентов, сколько в трудовой энергии крестьянской массы, поднимавшей степную целину и сколачивавшей собственное, более крепкое хозяйство. Наилучшим свидетельством этого успеха было отсутствие денежных недоимок. Несмотря на то, что переселенцы были раньше времени обложены общественным сбором и лишены законного права получать аренду с запасных участков, они исправно вносили мирские и общественные сборы, половину оброчной подати и деньги на погашение ссуды — всего по 15 рублей 70 копеек с каждого участка. На крестьянах числилась только хлебная недоимка, накопившаяся в результате 4 неурожаев и составлявшая в переводе на

деньги 38 рублей с каждого двора. Министерство само отсрочивало внесение этой недоимки,— начальник управления Крогиус высказал уверенность, что в случае повторного урожая в Самарской губернии погашение этого долга не представит для поселенцев никакого затруднения.

Подводя итог своим наблюдениям, Соловьев приходил к выводу, что «польза семейных участков весьма вероятна». Он отмечал, что благосостояние крестьян Николаевского общества «несравненно выше душевых селений, находящихся с ним в одной местности», в частности «не подлежит никакому сомнению, что если и найдется, то весьма немного обществ с душевым наделом земли, имеющих такое большое скотоводство, какое сказалось в 1-м обществе семейных поселений». Между тем самарские общинники имели больший земельный надел (не 8, а 10 десятин на ревизскую душу) и платили меньшую оброчную подать (не 55 копеек, а 29 копеек с десятины). Правда, владельцы семейных участков получили большие пособия и ссуду (140 рублей вместо 55 рублей), но эта разница целиком расходовалась на постройку изб, не оплодотворяя сельского хозяйства. Итоги обследования оказались в пользу предпринятого опыта насаждения индивидуального землепользования [94].

Образование наследственно-подворных участков на самарско-ставропольских землях продолжалось и после отставки Киселева. Однако масштабы заселения все более сокращались, и в 1867 году закон 1846 года был признан отмененным как несогласный с победившим курсом на сохранение поземельной общины [95]. Создание семейных участков Министерством государственных имуществ осталось изолированным и быстро оборвавшимся опытом,— осколком когда-то обширного плана перехода к личному землепользованию, развитого в 20-х годах XIX века в проектах Гурьева и Куракина. Опасаясь социально-политических последствий подобной реформы, дворянское государство отказалось от насаждения буржуазной формы землевладения и заняло более последовательную феодально-консервативную позицию. Колебания Киселева и части его сотрудников были характерны для наблюдавшейся эволюции от критики общинных порядков к их оправданию и апологии с точки зрения помещичьих интересов. Эти колебания дворянской политики, так же как ограниченность ассигнованных средств и бессилие государственного крепостнического аппарата, обусловили собой ограниченность и неуверенность предпринятого эксперимента. Нужно было пережить несколько десятилетий капиталистического развития и испытать влияние буржуазно-демократической революции 1905 года, чтобы идея ликвидации поземельной общины снова овладела дворянскими умами и нашла себе реальное воплощение в аграрной реформе Столыпина. Тем важнее непосредственные экономические результаты киселевского опыта, доказавшие жизнеспособность индивидуальной формы землепользования в условиях хозяйственного развития дореформенной эпохи.

Противоположные течения, наблюдавшиеся в Министерстве по вопросу об общине, и личные колебания в этом вопросе самого Киселева обусловили также неопределенное отношение ведомства государственных имуществ к практике уравнительных земельных переделов. Ревизия 1836—1840 годов обнаружила крайнюю неуравнительность крестьянского землевладения. По мере роста населения государственной деревни и развития в ее недрах капиталистических отношений эта неуравнительность между губерниями, уездами, волостями, селами и отдельными домохозяевами все более и более увеличивалась. В программе реформы, так же

[94] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6962.

[95] О дальнейшей судьбе самарско-ставропольских подворных участков см.: Н. М. Дружинин. Киселевский опыт ликвидации общины («Академику Б. Д. Грекову в день семидесятилетия». Сборник статей. М., 1952).

как в проекте Хозяйственного устава, неизменно фигурировало требование уравнительного распределения земли между сельскими обществами. В период управления Киселева из многих мест поступали прошения крестьян о равномерном разделении земель между селениями. О необходимости такой меры делали представления Киселеву отдельные Палаты, гражданские губернаторы, ревизоры, заведующие отрядами уравнения денежных сборов [96]. Особенно остро стоял этот вопрос в районах однодворческих поселений, где господствовало так называемое «четвертное право» индивидуального владения землей: в результате товарных сделок и насильственных захватов основная масса змледельческого населения испытывала здесь острое малоземелье, а зажиточные верхи деревни сосредоточили в своих руках значительные количества земли. В сельских обществах однодворцев, особенно в Курской, Тамбовской, Воронежской и Орловской губерниях, кипела ожесточенная классовая борьба: малоземельная беднота требовала уравнительного душевого передела, богатые «широкодачники» отстаивали свое личное право на четвертные и заимочные земли.

Управление государственных имуществ заняло в этом вопросе колеблющуюся позицию. Теоретически признавалась необходимость уравнительного распределения общинных земель. Между селениями одного и того же общества и домохозяевами одного и того же селения оно могло осуществляться от ревизии до ревизии, а в крайних случаях (например, при переселении части крестьян и освобождении покинутых ими угодий) — по специальному разрешению местных органов. Но между сельскими обществами одной и той же губернии такое уравнение земельных владений могло быть результатом только организованного вмешательства государства, основанного на точных расчетах и специальном межевании. Министерство в бессилии останавливалось перед этой сложной задачей и вытекавшими из нее социальными осложнениями. Даже в губерниях, которые подверглись налоговой оценке, управление государственных имуществ не решалось властной рукой вмешиваться в поземельные споры между отдельными обществами и диктовать свою волю борющимся течениям. Уравнительное распределение земель было не правилом, а редким исключением: «Исторический обзор деятельности Министерства» констатирует, что в промежуток между 1844 годом и 1853 годом из 75 тысяч селений внутренних губерний только в 138 селениях было произведено организованное уравнение земель [97]. О том, как происходила эта операция, говорит красноречивая помета самого Киселева, сделанная в 1848 году на представлении I Департамента. У министра испрашивалось разрешение уравнять в угодьях 6 селений Тамбовской, Казанской и Пензенской губерний. Киселев отвечал: «Прошу уравнение сие допускать с большею осмотрительностью, ибо были уже примеры неимоверных при сем злоупотреблений» [98].

Однако Министерство должно было капитулировать перед стихийным потоком уравнительных приговоров, которые выносились однодворческими сходами под давлением малоземельного большинства. Местные Палаты поддерживали идею душевого передела земель, руководясь фискальными интересами: перераспределение угодий казалось единственным выходом из растущей бедности и недоимочности однодворческой массы. По свидетельству современника, окружные начальники лавировали между «душевиками» и их противниками, помогая за взятки то тем, то

[96] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2280, л. 42; 1848 г., д. 11481, л. 137; 1853 г., д. 19581/1; 1858 г., д. 24709, ч. VII, л. 111; ф. III Д, 1853 г., д. 5869, лл. 11—12; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 296—297.

[97] ИО, ч. II, отд. II, стр. 17.

[98] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 11792, л. 1.

другим[99]. Результатом этой ожесточенной борьбы, которая сопровождалась иногда действиями дрекольем, был массовый переход однодворческих селений с четвертного на общинно-передельное владение землей: по сведениям Министерства, из 1 191 980 однодворцев 533 201, т. е. 44%, переделили свою землю по количеству ревизских душ[100]. В 1850 году Министерство изменило принятый курс и запретило дальнейшие переделы. Одновременно было отдано распоряжение местным Палатам по возможности избегать переделов в районах общинного землепользования; если разрешалось переселение крестьян, то освободившиеся земли зачислялись в мирские оброчные статьи и сдавались в аренду членам сельского общества за повышенные оброки. Препятствуя уравнительным переделам, Киселев стремился упрочить наследственное владение полученным наделом и тем самым стимулировать поднятие крестьянского хозяйства[101].

Таким образом, уравнительное распределение замель между обществами не было осуществлено на практике ни в районах общинного землепользования, ни в районах четвертного землевладения. Сохраняя крестьянскую общину как гарантию против «пролетариатства», Киселев одновременно не решался противодействовать стихийным процессам расслоения крестьянства и сосредоточения земли в руках богатых домохозяев. У Министерства государственных имуществ не оказалось определенной и последовательной линии в этом кардинальном вопросе экономической жизни; фактически оно санкционировало прежнюю неравномерность распределения земли и прогрессирующую концентрацию угодий в руках зажиточной крестьянской прослойки.

3. Итоги земельной политики

Каковы же были итоги земельной политики Министерства государственных имуществ за весь период реализации реформы? Расширились ли границы крестьянского землепользования и в какой степени? Было ли ликвидировано крестьянское малоземелье, служившее главной преградой развитию сельского хозяйства?

Чтобы ответить на эти вопросы, сопоставим погубернские данные о среднем душевом наделе удобных крестьянских земель в начале и в конце управления Киселева. Для начального момента мы можем воспользоваться первыми официальными сводками, опубликованными в министерском отчете за 1843 год: до этого момента масштабы замельных прирезок и переселений были невелики и не могли существенно повлиять на размеры крестьянского землевладения. Во многих губерниях опубликованные данные 1843 года совпадали с суммарными цифрами, полученными во время ревизий 1836—1840 годов и попавшими в сдаточные ведомости 1838—1840 годов[102]. Для конечного момента мы располагаем двумя источниками: более точные сведения по 21 губернии были доставлены оценочными комиссиями и дополнены в 1857 году, т. е. вскоре после отставки Киселева, сведениями из губернских оценочных книг. По остальным губерниям средние наделы могут быть вычислены на основании официальных данных о количестве ревизских душ и крестьянских

[99] Н. А. Благовещенский. Четвертное право, стр. 138—139; ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Бегичева, 1842 г., д. 362, лл. 1—2, 4—5.

[100] МСР, I, стр. 111—115.

[101] ИО, ч. II, отд. II, стр. 12—13.

[102] Отч., 1843 г. (ЖМГИ, 1844, ч. XII, приложение 2).— Публикуя эти данные, Министерство делало оговорку, что указанное количество земель «не может быть признано совершенно точным». Некоторые цифры душевых наделов были вычислены неверно и исправлены автором настоящей работы. Ср. ЖМГИ, 1841, ч. II, отд. IV, стр. 6—8 (см. приложение 1).

удобных земель, опубликованных в министерском отчете за 1856 год[103]. Для соблюдения большей точности расположим данные 1843—1857 годов и 1843—1856 годов отдельно друг от друга (табл. 27 и 28).

Таблица 27

Средние душевные наделы в губерниях, переведенных на новую форму оброка (в десятинах) *

Губернии	1843 г.	1857 г.	Губернии	1843 г.	1857 г.
Тверская	2,4	3,2	Смоленская	3,9	4,8
Новгородская	2,6	3,4	Костромская	4,0	3,5
Московская	2,8	2,3	Тульская	4,1	3,6
Курская	2,8	3,6	Пензенская	4,6	3,4
Псковская	2,8	4,3	Петербургская	4,6	3,5
Харьковская	3,2	3,4	Калужская	5,2	4,2
Рязанская	3,3	3,1	Тамбовская	5,2	4,0
Владимирская	3,4	3,6	Воронежская	5,5	4,8
Ярославская	3,6	3,3	Екатеринославская	7,8	7,0
Орловская	3,6	3,6	Саратовская	10,9	6,0
Нижегородская	3,7	3,5			

* Цифры за 1843 г. извлечены из ведомости № 1, данной в приложении к настоящей работе.

Таким образом, средние душевые наделы незначительно увеличились в 7 губерниях, в одной губернии (Орловской) остались на прежнем уровне и в 13 губерниях уменьшились, причем в некоторых (Саратовской, Тамбовской, Калужской, Пензенской и Петербургской) — довольно значительно. Расширение наделов произошло в губерниях, наименее обеспеченных землей, в том числе в тех, которые давно обращали на себя внимание своей бедностью и недоимочностью (Псковская, Смоленская); наряду с нечерноземными промышленными губерниями увеличили наделы черноземно-земледельческие, в том числе давно страдавшая малоземельем Курская губерния. Можно с уверенностью предполагать, что это небольшое расширение наделов было результатом дополнительных нарезок, произведенных органами Министерства.

Обратное явление сокращения наделов наблюдалось одинаково в губерниях промышленной полосы (Петербургской, Московской, Ярославской и др.) и в губерниях земледельческого юга, особенно в Саратовской губернии, которая интенсивно заселялась переселенцами и теряла свободные степные резервы (в частности, в результате образования Самарской губернии). Совершенно ясно, что все эти районы, сравнительно более обеспеченные землей, получали меньше дополнительных прирезок: в некоторых из них Министерство располагало меньшими земельными запасами и делало ставку на развитие промыслов, в других — черноземно-земледельческих — считало положение более благополучным и не очень торопилось с переселением и прирезками. Только в 2 губерниях из 21 размеры среднего надела превышали минимальную 5-десятинную норму и только в 7 губерниях были больше 4-десятинной пропорции, до которой Киселев считал возможным довести крестьянское землепользование. Все остальные 14 губерний страдали явным малоземельем, которое не было ликвидировано земельной политикой Министерства.

---

[103] МСР, II, стр. 248—249; Отч., 1856 г., ведомости № 5 и 16 (см. в приложении к настоящей работе ведомость № 2).

Подобную же картину рисуют статистические данные о душевых наделах в губерниях, которые не были затронуты специальным измерением и оценкой земель. Хотя сведения об этих районах менее точны, но они в той или иной степени приближаются к реальной действительности (табл. 28) [104].

Таблица 28

Средние душевые наделы в губерниях, которые оставались при старой форме оброка (в десятинах)*

Губернии	1843 г.	1856 г.	Губернии	1843 г.	1856 г.
Курляндская	1,6	2,4	Пермская	4,9	5,3
Архангельская	1,7	2,0	Вятская	5,2	5,7
Полтавская	2,4	0,5	Лифляндская	5,5	6,8
Черниговская	2,4	2,2	Таврическая	7,6	6,6
Вологодская	3,1	2,7	Оренбургская	8,9	9,4
Олонецкая	3,7	3,4	Херсонская	10,0	9,1
Казанская	3,8	4,1	Бессарабская	11,4	9,0
Эстляндская	4,9	7,2	Астраханская	21,6	10,9

* Таблица представляет собой извлечения из приложенных ведомостей № 1 и 2.

Итак, наделы увеличились в 8 губерниях, преимущественно северных и прибалтийских, и уменьшились тоже в 8 губерниях, главным образом на Украине и крайнем юго-востоке. Расширение наделов в северных районах было невелико и может рассматриваться как результат организованного наделения землей, предпринятого Министерством в 1846 году. Более значительно увеличились наделы в Прибалтике, очевидно в непосредственной связи с регулированием и переводом крестьян на оброк. Некоторое расширение надела в Оренбургской губернии можно объяснить использованием обширных степных резервов для прибывших переселенцев. Таких резервов становилось уже меньше в Бессарабской, Херсонской и Астраханской губерниях,— отсюда последовавшее сокращение душевой нормы в этих степных районах. Особенно обращает на себя внимание катастрофическое уменьшение надела в Полтавской губернии, которая уже с 20-х годов XIX века выделялась своим крайним малоземельем. В большинстве приведенных губерний государственная казна располагала значительными земельными пространствами, в некоторых (Олонецкой, Архангельской, Вологодской и др.) они были заняты лесами и требовали организованных расчисток, в других (Астраханской, Херсонской, Бессарабской) сдавались в аренду в качестве оброчных статей или нуждались в предварительной мелиорации. Министерство было неспособно предпринять широкие агрономические мероприятия и дорожило получаемыми арендными доходами. Поэтому, ограниченное в источниках пополнения крестьянских угодий, оно было бессильно перед лицом прогрессирующего малоземелья. К 1856 году даже в губерниях, считавшихся многоземельными (Пермская, Вятская и пр.), прежняя 15-десятинная норма оказывалась недостижимой, а средняя, 8-десятинная осталась только в 4 южных губерниях; в 7 губерниях из 16 средний душевой надел не мог дотянуться даже до минимального 5-десятинного размера, а в некоторых упал до 2 десятин с саженями.

[104] Итоги наделения землей в 9 западных (литовских, белорусских и правобережных украинских) губерниях как более точные приведены выше в связи с оценкой люстрации.

Какие бы ошибки и неточности ни были в вычислениях Министерства, основная закономерная тенденция вскрывается ими наглядно и верно. Поставив своей задачей «наделить общества землями в соразмерность нормальному паю», Министерство не сумело разрешить этой задачи, несмотря на наличие земельных резервов в Европейской России и особенно в Сибири.

Не была разрешена и вторая задача — уравнения землей сельских обществ и самых селений. Неуравнительность землевладения, раскрытая ревизиями 1836—1840 годов и признанная одним из препятствий к подъему сельского хозяйства, не только сохранилась, но приняла еще более резкие формы. Данные оценочных комиссий показывают, как разнообразны были средние душевые наделы селений не только в пределах губернии, но и в границах каждого уезда и каждого сельского общества. Если мы распределим общее число ревизских душ государственных крестьян 21 губернии по среднему душевому наделу селений, то получим следующую крайне пеструю картину (табл. 29).

Таблица 29

Распределение крестьян по среднему душевому наделу селений в губерниях, переведенных на новую форму оброка *

Средние душевые наделы селений (в десятинах)	Ревизские души		Средние душевые наделы селений (в десятинах)	Ревизские души	
	общее число	%		общее число	%
Менее 1	43 174	1,2	От 7 до 8	121 905	3,5
От 1 до 2	218 973	6,2	„ 8 „ 9	62 573	1,8
„ 2 „ 3	662 876	18,9	„ 9 „ 10	29 298	0,8
„ 3 „ 4	1 019 132	29,0	„ 10 „ 15	34 590	0,9
„ 4 „ 5	844 437	24,1	„ 15 и более	3 759	0,1
„ 5 „ 6	302 546	8,6			
„ 6 „ 7	173 226	4,9	Итого:	3 516 489	100

* Вычисления сделаны на основании данных МСР, III, стр. 133 (исправлены неверные итоги по Московской и Петербургской губерниям).

Как видим, основная масса крестьян пользовалась средним душевым наделом от 2 до 5 десятин, причем относительно большее число селений имело от 3 до 4 десятин земли. Насколько варьировались поселенные душевые наделы по губерниям и в пределах каждой губернии, станет вполне очевидным, если мы возьмем процентные отношения различных разрядов в 4 типичных губерниях: двух земледельческих и двух промышленных — более обеспеченных землей (Саратовской и Калужской) и особенно страдавших от малоземелья (Харковской и Московской) (табл. 30).

Отсутствие какого бы то ни было равенства в размерах землевладения было характерно для всех губерний без исключения, причем разнообразие душевых норм было особенно ярко выражено в нечерноземных губерниях: Смоленской, Новгородской, Псковской, Петербургской и др.

Если мы возьмем Рязанскую губернию, соединявшую в себе черноземные и нечерноземные районы, и сопоставим средние поселенные нормы по уездам в начале и в конце управления Киселева, то убедимся, в каком направлении шла эволюция крестьянского землепользования. (табл. 31).

За истекшие 20 лет неуравнительность землепользования не исчезла: селения Рязанской губернии резко отличались друг от друга по размерам душевого надела, который колебался между ничтожным клочком,

Таблица 30

Распределение поселенных душевых наделов между крестьянами типичных губерний (в процентных отношениях к числу ревизских душ)*

Размеры поселенных средних наделов (в десятинах)	Губернии			
	Саратовская	Харьковская	Калужская	Московская
Менее 1	—	0,1	—	2,6
От 1 до 2	0,4	13,7	6,8	30,7
„ 2 „ 3	3,7	26,1	17,9	45,4
„ 3 „ 4	9,3	28,9	24,6	17,6
„ 4 „ 5	19,1	20,1	22,2	3,5
„ 5 „ 6	17,2	5,8	12,7	0,2
„ 6 „ 7	19,5	2,7	8,7	—
„ 7 „ 8	15,7	2,1	4,1	—
„ 8 „ 9	6,9	0,5	1,5	—
„ 9 „ 10	4,2	—	0,7	—
„ 10 „ 11	1,3	—	0,4	—
„ 11 „ 12	0,9	—	0,3	—
„ 12 „ 13	0,5	—	—	—
„ 13 „ 14	0,5	—	—	—
„ 14 „ 15	—	—	—	—
15 и более	0,8	—	0,1	—
Итого:	100	100	100	100

* Извлечение из тех же статистических данных (МСР, III, стр. 133).

Таблица 31

Средние наделы селений в Рязанской губернии (в десятинах) *

Уезды	Наибольшие наделы		Средние наделы		Наименьшие наделы	
	1837 г.	1857 г.	1837 г.	1857 г.	1837 г.	1857 г.
Рязанский	12	5—6	3—6	1—4	1—2¹/₃	Менее 1
Пронский	—	5—6	3—6¹/₂	2—4	—	1—2
Ранненбургский	8—11	8—9	3—7	2—5	1—2	1—2
Данковский	9—13	4—5	3—7	2—5	1—2¹/₂	1—2
Зарайский	—	5—6	3—6	2—4	1—2¹/₂	1—2
Егорьевский	9	5—6	3—7	1—3	1—2¹/₂	Менее 1
Спасский	—	7—8	3—5¹/₂	1—4	1—2	Менее 1
Касимовский	8—17	6—7	3—7	3—5	—	Менее 1
Сапожковский	8¹/₂—10	6—7	3—7	3—5	—	2—3
Ряжский	10—16	5—6	3—7	2—3	1—2²/₃	1—2
Скопинский	8—15	4—5	2¹/₂—7	3—4	1—2	2—3
Михайловский	—	6—7	3—7¹/₂	3—6	2—2¹/₂	2—3

* МСР, III, стр. 148—149; т. I настоящей работы, стр. 320.

не доходившим до 1 десятины, и признанной нормальной 8-десятинной пропорцией. При этом некоторые уезды резко отличались друг от друга, например Сапожковский был лучше обеспечен землей, а Егорьевский сильно страдал от малоземелья; в первом 80% душ располагали наделами от 4 до 7 десятин, а во втором около 70% душ имели менее

2 десятин земли. С другой стороны, средние душевые наделы повсеместно понизились, отразив на себе общую тенденцию сокращения крестьянских наделов во внутренних губерниях Европейской России.

Неуравнительность наделов селений предопределяла крайнюю неравномерность земельного обеспечения отдельных домохозяев: как бы своевременно и справедливо ни происходили земельные переделы, на долю каждого крестьянина приходилось количество десятин, которое допускалось границами среднего деревенского надела. Если переделы организовывались не в пределах отдельного селения (что было привычнее и допускалось законом 1838 года), а в рамках более крупной единицы — официально установленного сельского общества, то различия могли смягчаться, но не могли быть полностью уничтожены. Еще острее должно было проявляться земельное неравенство в районах подворно-наследственного землепользования, особенно в селениях однодворцев и малороссийских казаков, которые дробили и даже отчуждали свои земельные участки. Переход части однодворцев на общинное землепользование задерживал, но не ликвидировал процесс усиления земельного неравенства [105].

Для того чтобы итоги земельной политики Киселева сделались вполне ясными, сравним степень обеспечения землей крестьян государственных, помещичьих и удельных. Для характеристики наделов помещичьих крестьян воспользуемся материалами, собранными в 1858 году Редакционными комиссиями; для определения наделов удельных крестьян возьмем сведения, опубликованные Министерством уделов и относящиеся к 1859 году. Все эти данные нельзя считать абсолютно достоверными: надельные нормы, сообщенные накануне реформы 1861 года самими помещиками, вероятно, были занижены; но, с другой стороны, они не включали материалов об имениях, имевших меньше 100 душ, а в малоземельных имениях наделы были значительно ниже: поэтому средние цифры, вычисленные по губерниям, скорее преувеличивают, чем преуменьшают действительные нормы. Так как сведения о наделах крепостных и удельных крестьян учитывали не только усадебную, пахотную, сенокосную и выгонную землю, но и леса (там, где они отводились сельским обществам), то для большей точности мы должны присоединить к наделам государственных крестьян, установленным оценочными комиссиями, соответствующую долю крестьянских лесов, падавшую на ревизскую душу (табл. 32).

Сопоставляя наделы государственных и помещичьих крестьян, мы ясно видим определенные отличия: наделы государственных крестьян почти повсеместно были больше наделов помещичьих крестьян; это явление особенно резко выделялось в черноземно-земледельческих губерниях. В губерниях промышленных и вообще нечерноземных обеспечение землей помещичьих крестьян было значительно выше, чем в губерниях плодородного центра и юга; местами, например в Петербургской и Смоленской губерниях, эти нормы были настолько больше, что превосходили наделы государственных крестьян. Причины этих явлений вполне понятны: на протяжении длительного периода по мере роста товарно-денежных отношений и расширения барской запашки соответственно уменьшалась доля крестьянской надельной земли; в губерниях черноземного центра и юга барщина решительно преобладала над оброком и процесс обезземеления крестьян землевладельцами проявился особенно резко. В губерниях неплодородных и промышленных положение вещей было более сложным: оброчное помещичье хозяйство преоб-

[105] К сожалению, оценочные комиссии не опубликовали полностью результатов подворного обследования, и мы не можем с точностью судить о различиях в земельном обеспечении отдельных домохозяев.

Таблица 32

Средние душевые наделы крестьян разных категорий (в десятинах)*

Губернии	Государственные крестьяне (1857 г.)			Помещичьи крестьяне (1858 г.)	Удельные крестьяне (1859 г.)
	основной надел	лес	итого		
Екатеринославская	7,07	0,13	7,20	3,26	—
Саратовская	6,06	1,01	7,07	4,41	—
Смоленская	4,85	0,18	5,03	5,29	—
Воронежская	4,83	0,30	5,13	3,02	—
Псковская	4,30	0,81	5,11	5,04	—
Калужская	4,25	0,55	4,80	3,38	—
Тамбовская	4,05	0,46	4,51	2,88	—
Владимирская	3,67	0,99	4,66	3,72	4,0
Курская	3,66	0,17	3,83	2,48	—
Тульская	3,66	0,20	3,86	2,88	—
Орловская	3,60	0,29	3,89	3,50	3,6
Костромская	3,53	3,62	7,15	5,85	4,0
Нижегородская	3,51	1,96	5,47	3,83	2,8
Петербургская	3,51	1,27	4,78	6,40	—
Харьковская	3,49	0,82	4,31	2,53	—
Новгородская	3,44	7,79	11,23	8,61	—
Пензенская	3,43	1,30	4,73	3,24	—
Ярославская	3,37	1,67	5,04	4,70	—
Тверская	3,24	1,30	4,54	4,41	5,2
Рязанская	3,16	0,80	3,96	2,74	—
Московская	2,37	1,36	3,73	2,86	1,9

* МСР, II, стр. 249. Сведения о наделах помещичьих крестьян — у И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 2, М., 1910, стр. 69, 294—297. Сведения о наделах удельных крестьян — «История уделов...», т. II, стр. 64—65. Сведения о крестьянских землях, опубликованные в «Статистическом обзоре государственных имуществ за 1858 год». СПб., 1861, не могут быть взяты для сравнения, так как относятся уже ко времени управления М. Н. Муравьева и явно преувеличены, включая не только запасные и неудобные земли, но и мирские оброчные статьи.

ладало здесь над барщинным (хотя местами отработочная рента была чрезвычайно распространенной), и процесс обезземеления мелкого производителя смягчался, а иногда нейтрализовался противоположным явлением — передачей в пользование крестьян всей или большей части земли оброчного имения. На территории государственных имений к середине XIX века отработочная рента почти исчезла, и государственная казна, подобно владельцу оброчного имения, была заинтересована в поднятии платежеспособности крестьянина, т. е. в обеспечении его нормальным земельным участком; в губерниях черноземно-земледельческих эти хозяйственные мотивы имели не меньшую силу, чем в губерниях промышленных, где источником извлечения прибавочного продукта были не только земледелие, но и крестьянские промыслы. Правда, эти основные мотивы сталкивались с другими, действовавшими в обратном направлении: государство-землевладелец стремилось извлечь непосредственные доходы из своих земель, сдавая их в аренду и облагая дополнительным оброком сделанные прирезки; это ограничивало размеры крестьянских наделов даже там, где были избыточные казенные земли; с другой стороны, бюрократический аппарат дворянского государства оказался бессильным утолить земельный голод в перенаселенных губерниях при помощи организованного широко поставленного переселения.

Но в районах, где земли было много (например, в Екатеринославской и Саратовской губерниях), эти явления не могли привести к чрезмерному сокращению крестьянских душевых наделов.

В общем наделы государственных крестьян в большинстве районов не увеличились, а уменьшились за время 19-летнего управления Киселева, а там, где они увеличились в результате правительственных прирезок и самовольных расчисток, это увеличение было крайне невелико и часто не могло обеспечить крестьянскому семейству необходимого прожиточного минимума. Другими словами, государственные крестьяне разделяли общую судьбу с крестьянами помещичьими: чем больше росло население деревни, тем меньше становились крестьянские наделы. Каковы бы ни были различия в мотивах и действиях казны и помещиков, объективные результаты их были одинаковыми: «натуральная заработная плата» плательщика феодальной ренты постепенно, но неуклонно сокращалась,— тем самым неизбежно подрывалась необходимая основа воспроизводства его рабочей силы. Относительное «многоземелье» государственных крестьян объяснялось не исключительной щедростью казны, а чрезвычайной жадностью помещиков, которые, не сознавая последствий своей политики, шли навстречу закономерному крушению системы феодальной эксплуатации. Государственная казна, представленная в лице Киселева и его Министерства, понимала необходимость сохранения определенного минимума надельной земельной площади, но в силу противоборствующих мотивов и организационного бессилия оказалось неспособной осуществить на практике собственную программу. Тем не менее известные преимущества государственных крестьян перед помещичьими были налицо: наличие земельных резервов и произведенные прирезки обусловили большие размеры крестьянского надела на территории казенных имений. Со временем эти преимущества государственной деревни перед частновладельческой должны были проявиться сильнее: если в период реформы 1861 года помещичьи крестьяне были обезземелены еще более, то в распоряжении сельских обществ, созданных законами 1838—1841 годов, оставались неиспользованные резервы в виде запасных, неудобных и оброчных (арендных) земель.

Сопоставление наделов государственных и удельных крестьян показывает, что трудовое население удельной деревни было ближе к помещичьим крепостным, чем к «свободным сельским обывателям»: за исключением Тверской губернии, все остальные районы характеризуются большими наделами государственных крестьян. Скудные данные 1859 года несколько дополняются более детальными и точными сведениями по двум губерниям, относящимся к началу 50-х годов. Так как в удельных имениях земельных прирезок после 1830-х годов почти не было, а указываемые душевые наделы вычислены на основании числа душ 9-й ревизии, то приводимые цифры с некоторыми оговорками можно отнести и к 1856 году (табл. 33).

В основном полученные итоги подтверждают выводы табл. 32: данные по Нижегородской губернии доказывают это с полной очевидностью. Данные по Саратовской губернии представляются на первый взгляд несколько иными: хотя малоземельных удельных крестьян было больше, чем малоземельных государственных (34,1% против 32,5%), но многоземельных крестьян в удельных имениях числилось, наоборот, больше, чем в казенных (7,7% против 4%). Однако, если мы учтем, что удельное ведомство искусственно включало в рубрику крестьянского землевладения запасные земли, сданные крестьянам за особую плату, то перевес многоземельных сразу исчезнет: именно здесь, в просторных саратовских степях, не только зажиточные, но и средние домохозяева охотно арендовали за оброчную плату сдаваемые удельные угодья.

Таблица 33

Распределение средних душевых наделов между государственными и удельными крестьянами *

Средние душевые наделы селений (в десятинах)	Нижегородская губерния				Саратовская губерния			
	Государственные крестьяне		Удельные крестьяне		Государственные крестьяне		Удельные крестьяне	
	число душ	%	число душ	%	число душ	%	число душ	%
Менее 2	10 679	11,0	10 434	28,0	1 055	0,4	—	
От 2 до 5	74 257	76,7	26 246	70,4	82 468	32,1	14 703	34,1
„ 5 „ 8	11 133	11,6	552	1,5	135 044	52,4	20 230	47,0
„ 8 „ 10	584	0,6	26	0,1	28 522	11,1	4 804	11,2
„ 10 „ 15	120	0,1	2	—	8 355	3,2	2 819	6,5
15 и более	8	—	1	—	2 055	0,8	524	1,2
Всего . .	96 781	100	37 261	100	257 499	100	43 080	100

* Наделы государственных крестьян относятся к 1857 г. МСР, III, стр. 135; «История уделов...», т. II, стр. 60—61.

Причины преимуществ государственных крестьян перед удельными в пользовании землей тоже понятны: мероприятия Перовского, проведенные в удельных имениях в 30-х годах по примеру частных владельцев, повлекли за собой массовые отрезки земель у крестьян и повысили размеры платимого оброка. В соответствии с принятым курсом жесткой хозяйственной политики удельное ведомство отказалось от организованного наделения землей нуждавшихся крестьян: оно предпочитало сдавать им землю в аренду и этим способом извлекать дополнительные доходы. Но для многих крестьян аренда была непосильна, и это обстоятельство держало средние душевые нормы удельных имений на более низком уровне.

Программа земельной политики Киселева включала в себя дополнительное наделение малоземельных крестьян как необходимое условие поднятия платежеспособности и экономического развития государственной деревни. В известной мере это требование осуществлялось, но в ограниченных и крайне недостаточных масштабах. Итогом земельной политики Министерства было малоземелье огромного большинства населения государственной деревни. В этом отношении помещичьи, удельные и государственные крестьяне находились в сходном положении,— различие между ними было не в существе дела, а только в степени переживаемого земельного голода. Противоречие между аграрной программой Киселева и ее реализацией отражало в себе основное противоречие реформы, призванной укрепить феодальную систему и бессильной справиться с ее нарастающим кризисом.

4. Финансирование «попечительства»

Третью важнейшую сторону деятельности Министерства составляли мероприятия, направленные на повышение хозяйственного и культурного уровня государственной деревни. В своих годовых отчетах Киселев объединял их под общей рубрикой «попечительства». Руководящей задачей этих «попечительных» мер было — не только упрочить крестьянскую платежеспособность, но и создать пример блестящего процветания деревни в назидание всем частным землевладельцам.

Для финансирования проектируемых нововведений была создана специальная денежная база в виде так называемых «крестьянских капиталов», главным образом за счет доходов от мирских оброчных статей и отчислений от суммы общественного сбора. Постепенно размеры этих капиталов возрастали и к концу управления Киселева, несмотря на ежегодные расходы, достигли значительной суммы почти * в 19 миллионов рублей серебром (табл. 34).

Таблица 34

Рост крестьянских капиталов *

Годы	Сумма		Годы	Сумма	
	руб.	коп.		руб.	коп.
1842	2 632 659	91	1849	10 152 330	87
1843	4 688 125	79	1850	11 534 344	80
1844	5 741 813	57	1851	13 033 429	99
1845	5 417 513	14	1852	14 296 648	34
1846	5 404 266	16	1853	15 147 878	34
1 47	7 164 708	96	1854	16 852 741	28
1848	9 532 953	41	1855	18 596 575	7

* В основу таблицы положены данные Отч. с учетом оборотных и операционных сумм (доли копеек откинуты).

Накопленные «крестьянские капиталы» значительно превосходили не только ассигнования государственного казначейства на нужды министерского «попечительства», но и все наличные «правительственные капиталы», имевшиеся в распоряжении министерства. Согласно сведениям на 1 января 1856 года, крестьянские капиталы составляли 19 005 313 рублей 64 копейки, т. е. 81% всей суммы накоплений, а «правительственные капиталы» — 4 394 890 рублей 28 копеек, т. е. 19% [106]. В составе правительственных капиталов не более 139 614 рублей, т. е. 3% общей суммы, были предназначены на задачи «попечительства», остальные считались неприкосновенными или обслуживали другие объекты: строительство в арендных имениях, лесное хозяйство и т. п. [107]. Таким образом, расходы на «попечительство» почти целиком покрывались из средств крестьянского бюджета.

Если мы всмотримся в состав «крестьянских капиталов», то убедимся, что их основным ядром наряду с капиталами специального назначения (продовольственным и на устройство уволенных нижних чинов) являлись хозяйственный капитал, образованный по закону 1840 года, и мирской капитал, учрежденный в 1843 года и находившийся в самостоятельном распоряжении сельских обществ. На 1 января 1856 года первый составлял сумму в 3 715 224 рубля 67 копеек (не считая 5 141 584 рублей 17 копеек, числившихся в ссудах, долгах и недоимках), второй — 3 423 636 рубля 07 копеек [108].

Именно отсюда министерские органы черпали денежные средства на агрономические меры, на содержание училищ, на постройку лечебниц

[106] ИО, ч. I, стр. 89—93.

[107] К задачам «попечительства» (по номенклатуре МГИ) относились правительственные капиталы на переселение крестьян, на приобретение однодворческих крестьян, на постройку церквей, на добывание и разработку торфа, на поощрение разведения картофеля.

[108] ИО, ч. I, стр. 91—93.— Капиталы иностранных поселенцев и на пособие калмыкам не имели отношение к государственным крестьянам.

и тому подобные «попечительные» цели. Движение наличных сумм хозяйственного капитала выражалось в следующих цифрах (табл. 35).

Таблица 35

Наличные суммы хозяйственного капитала *

Годы	Сумма		Годы	Сумма	
	руб.	коп.		руб.	коп.
1844	2 443 130	11	1850	2 897 484	22
1845	3 041 609	58	1851	3 025 670	81
1846	3 648 161	12	1852	3 196 875	65
1847	2 629 305	13	1853	3 237 292	19
1848	2 995 044	25	1854	3 583 085	65
1849	2 786 331	63	1855	3 715 224	67

* См. Отч. (ЖМГИ за 1845—1856 гг.).

Принимая во внимание, что в состав хозяйственного капитала входила неприкосновенная сумма в размере 2,5 миллиона рублей, а ежегодные траты были очень умеренными, нельзя не признать процесса его накопления чрезвычайно медленным: несмотря на ежегодное возрастание общественного сбора и большое количество мирских оброчных статей хозяйственный капитал вырос только на 52%. Причина этого явления лежала в состоянии главного источника накопления — мирских оброчных статей, которые при благоприятных условиях могли бы послужить мощной базой для политики «попечительства».

Само Министерство в своих итоговых обзорах ставило себе в большую заслугу повышение доходов от мирских оброчных статей: мрачной картине беспорядка и запустения, которая характеризовала предшествующую политику Министерства финансов, оно противопоставляло блестящее положение вещей после 1838 года. Действительно, за 17 лет, с 1839 года по 1855 год, поступления по этой статье выросли с 15 722 рублей до 793 868 рублей [109]. Известную долю этого успеха нужно отнести за счет арендных имений западных губерний: при переводе с барщины на оброк некоторые фольварковые земли, рыбные ловли, мельницы и прочее переходили в распоряжение сельских обществ и служили для них дополнительным источником дохода [110]. Бывали случаи устройства особо доходных оброчных статей: примером может служить крупная Новашинская мельница, построенная в 18 верстах от Мурома на арендованной крестьянской земле: согласно условию, заключенному со строителем-арендатором, купцом Зворыкиным, крестьяне села Новашина и двух прилегающих деревень имели право в течение 50 лет басплатно молоть на мельнице хлеб, а в течение 40 лет получать до 500 рублей арендной платы, покрывая ею все свои подати [111]. Однако подобные случаи бывали не правилом, а редким исключением. Донесения ревизоров в корне разбивают иллюзию блестящего хозяйствования местных органов Министерства. Как и раньше, делопроизводство по оброчным статьям оставалось запутанным и неясным, окладные книги оказывались в беспорядке, многие статьи — не учтен-

[109] ИО, ч. II, отд. II, стр. 18—21. ср. Отч., 1844—1855 гг.

[110] П. Прытков. Об оброчных статьях в западных губерниях (ЖМГИ, 1859, ч. LXX, отд. II, стр. 85—96).

[111] Новашинская крупчато-мукомольная мельница (ЖМГИ, 1855, ч. LVII, отд II, стр. 61—65).

ными, а учтенные — не отысканными в натуре. Ревизор Тимофеев в 1848 году приходил к такому выводу о положении вещей в Казанской губернии: «Книги об оброчных статьях казенных и мирских не верны, надлежащих сведений об оброчных статьях, за исключением некоторых из них, в Палате не имеется, дела о них — в беспорядке и запущении. Палата по 1847 год не только не имела положительных фактов о состоянии статей, но даже не могла определить, сколько недоимок, у кого статьи находятся и в каком состоянии» [112]. Положение не изменилось и к концу управления Киселева. При ревизии Олонецкой палаты в 1855 году выяснилось, что вместо 100 зарегистрированных мельниц существует 493, что 70 складочных амбаров и 99 домов не платили и не платят никакого оброка, что на реках и озерах находится много рыбных тоней — тоже «безгласных» и т. д. [113].Такое же явление было обнаружено при ревизии Астраханской губернии в 1856 году: помимо 72 статей, которые значились в окладной книге, было найдено еще 335 амбаров, лавок, мельниц, домов и пр. [114]. Факт неполного и беспорядочного учета оброчных статей был официально признан циркуляром Киселева от 14 февраля 1843 года в отношении Воронежского управления государственных имуществ [115].

Сдача оброчных статей с торгов происходила с грубым нарушением существующих правил, а в некоторых местах — чисто формально. В Казанской губернии многие оброчные статьи приносили дохода менее одного рубля серебром, а торги назначались в губернском городе, часто — за короткое время до срока; при этих условиях желающие взять статьи на оброк, особенно из дальних районов, не являлись на торги и оброчные статьи оставались не сданными арендаторам [116]. Сплошь да рядом оброчные статьи сдавались волостными правлениями без ведома крестьян, на основании словесных соглашений. Иногда земельные участки сдавались только зажиточным крестьянам или самим деревенским начальникам. Бывали случаи, когда один и тот же участок сдавался разным контрагентам, которые несли от этого большие убытки; от участников торгов поступали жалобы на незаконное давление со стороны чиновников управления [117]. В Пермской губернии мирские оброчные статьи присваивали себе церковники, ссылаясь на то, что «лишение церквей доходов, принадлежащих обществу, есть грех первой степени и оскорбление св. угодника, в чье имя сооружен храм» [118].

Местные органы управления очень плохо наблюдали за состоянием арендованных оброчных статей. По словам сенатора Давыдова, ревизовавшего в 1849 году Калужскую губернию, «несоблюдение при отдаче оброчных статей в содержание выгод казне и обществам, слабое наблюдение за сохранением сих статей содержателями их в исправности, равно ненадлежащий со стороны окружных начальников надзор за правильностью приема и сдачи от одного содержателя к другому, составляют главный недостаток действий окружных начальников» [119]. В Могилевской губернии, как выяснилось во время ревизии 1848 года, винокурни, корчмы, мельницы, заводы в течение ряда лет не ремонтировались и пришли в со-

[112] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1848 г., д. 779, лл. 23—25.

[113] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 22163, лл. 113—119; 1855 г., д. 23835, лл. 1—2 и след.

[114] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, лл. 6—8.

[115] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1843 г., д. 520, л. 87.

[116] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1848 г., д. 779, лл. 137—138.

[117] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 422 (Смоленская губерния); 1848 г., д. 11480, л. 272 (Тамбовская губерния); 1849 г., д. 13396, л. 172 (Оренбургская губерния); ф. Киц М, 1856 г., д. 1642 (Минская губерния), л. 15.

[118] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. VI, лл. 99—100.

[119] ЦГИАЛ, ф. I, Д, 1849 г., д. 13398, лл. 153—154

вершенный упадок [120]. Иногда по небрежности Палат заключение контрактов с арендаторами затягивалось, залоги, обеспечивающие уплату оброка, отсутствовали, арендная плата не вносилась годами и сельские общества несли большие убытки [121]. В Тверской губернии в 1844 году закончился срок содержания крупной Тутонской мельницы купцом Коровиным; арендатор предлагал возобновить контракт на условии прежнего оброка — по 4 тысячи рублей ассигнациями в год, но Палата не согласилась,— мельница простояла в бездействии полтора года, пришла в упадок и в конце концов была отдана на 12 лет купцу Кобелеву по 326 рублей серебром в год; в результате из-за проволочек Палаты крестьяне потеряли около 40 тысяч рублей ассигнациями [122]. Насколько плохо вносилась плата за мирские оброчные статьи, показывает пример промышленной Ярославской губернии: в 1854 году здесь состояло 88 статей, за которые следовало получить 6265 рублей 21 копейку оброка и 4936 рублей 69 копеек недоимки за прежние годы; в действительности поступило 4057 рублей 16 копеек в счет оклада и 267 рублей 49 копеек в счет недоимки; другими словами, арендаторы — зажиточные крестьяне, торговцы и промышленники — задержали 62% причитающейся с них суммы [123]. Эпизод, имевший место в Рязанской губернии, дает основание предполагать прямое потворство неплательщикам со стороны местных органов управления. В 1850 году крестьяне деревни Либиновские выселки обратились в Рязанскую палату с жалобой на купца Исаева, который заключил с ними договор на право прогона гуртов скота через деревенские поля за 250 рублей ассигнациями в год, но в течение 4 лет не выплачивал им договорной суммы. Палата, вместо того чтобы стать на защиту крестьян, объявила незаконными полномочия поверенных Логинова и Степанова, хотя и тот, и другой действовали по приговору сельского схода; только ревизия 1851 года вскрыла неблаговидные действия Палаты и окружного начальника в этом деле [124]. Сам Киселев, просматривая отчеты Палат за 1846 год, вынужден был сделать такой вывод: «О мирских статьях то же должен сказать, что о казенных: более наблюдения и возбуждения!» [125].

Но мирские оброчные статьи давали мало накоплений для хозяйственного капитала не только в силу бесхозяйственности и злоупотреблений местных органов: Министерство смотрело на них как на готовый и надежный резерв для покрытия податных недоборов. Хотя I Департамент считал целесообразным не отбирать у крестьян всех доходов от мирских оброчных статей, чтобы не подрезать стимулов для открытия и эксплуатации новых статей, тем не менее Киселев распорядился в 1843 году «о повсеместном обращении дохода с мирских оброчных статей, поступающего в пользу обществ, на покрытие сначала мирского, потом общественного сбора и остаток — на платеж податей» [126]. Таким образом, источник накопления хозяйственного капитала еще более сокращался: в случае недоимочности той или иной деревни в первую очередь должны были погашаться ее недоимки, и только остатки от оброчных доходов могли направляться на нужды «попечительства».

Мирской капитал, который служил вторым источником для финансирования «попечительства», был рассеян небольшими суммами по сельским обществам; поэтому сведения об его размерах и расходовании, до-

---

[120] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 100—101.
[121] Там же, д. 779, л. 138 (Казанская губерния); ф. I Д, 1849 г., д. 13398, лл. 45—48 (Калужская губерния) и т. д.
[122] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847, г., д. 728, ч. I, лл. 85—87.
[123] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23109, ч. I, л. 14.
[124] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, лл. 33—36.
[125] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 9582, л. 2.
[126] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5318, л. 2.

ставлявшиеся местными органами, были менее надежны и точны. Судя по цифровым сводкам Министерства, накопление мирского капитала шло следующими темпами.

Таблица 36

Рост мирского капитала*

Годы	Суммы		Годы	Суммы	
	руб.	коп.		руб.	коп.
1844	230 249	47	1851	1 928 483	20
1845	418 584	45	1852	2 135 357	48
1846	603 764	02	1853	2 758 603	71
1847	909 423	92	1854	2 931 050	28
1848	964 406	34	1855	3 423 636	7
1849	1 367 849	97	1856	4 065 973	70
1850	1 692 615	69			

* В основу таблицы положены данные Отч. Ср. А. Ф. Раев. Мирские капиталы (ЖМГИ, 1858, ч. LXIX, отд. II, стр. 1—29).

Зная, что представляли собой деревенские «выборные», можно заранее усумниться в правильном хранении и расходовании сумм мирского капитала. Ревизии, произведенные в ряде губерний, вполне подтверждают эти сомнения. Пермский ревизор Тарасов сообщал в 1855 году, что «во многих сельских обществах капиталам этим счета вовсе не ведется, а в иных местах они до того запутаны, что далеко не соответствуют в настоящее время тому количеству, какое быть должно сообразно источникам, от которых они образовались» [127]. По свидетельству вятского ревизора Брилевича, в 1852 году до 50 тысяч рублей мирских капиталов было роздано в ссуду «по большей части должностным лицам и их родственникам, а возврат делается только мнимый» [128]. В Олонецкой палате в 1856 году количество мирских капиталов не было приведено в известность [129]. Насколько безрадостно обстояло дело с мирскими капиталами, показывает пример Верхотурского округа Пермской губернии: ревизор не нашел здесь никаких сведений о количестве денег, принадлежащих каждому обществу, и о размерах сумм, посланных в кредитные учреждения; по сведениям окружного начальника, общий итог капитала равнялся 15 013 рублям, а по показаниям волостных правлений — 12 454 рублям; никаких квитанций в получении денег не выдавалось; попечители, установленные законом, были избраны pro forma; всеми деньгами бесконтрольно распоряжались волостные правления; при проверке книг счета оказались перепутанными и неверными [130]. Подобные же нарушения были отмечены в Казанской, Саратовской и других губерниях [131].

В качестве дополнительного источника для финансирования «попечительных» мероприятий Министерство устраивало мирские кассы: сберегательные,— для собирания крестьянских взносов и вспомогательные — для выдачи ссуд на улучшение хозяйства, культурные нужды и пр. Эти кассы начали учреждаться с 1812 года при волостных правлениях, сначала в промышленных губерниях: Петербургской, Московской, Ярославской, Нов-

[127] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. VI, л. 96.
[128] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 97—98
[129] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 85.
[130] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 24919, л. 1.
[131] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 15924, лл. 1—2; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 16, 21, 28 и т. д.

городской, потом постепенно во всех остальных районах. Для открытия вспомогательных касс заимствовались суммы из мирских капиталов. Процесс распространения касс характеризуется следующими данными (табл. 37).

Таблица 37

Количество мирских касс*

Годы	Сберегательные кассы	Вспомогательные кассы	Годы	Сберегательные кассы	Вспомогательные кассы
1842	— 12		1849	185	504
1843	— 32		1850	162	515
1844	— 140		1851	177	583
1845	98	379	1852	266	725
1846	101	408	1853	325	954
1847	104	431	1854	518	1104
1848	173	492	1855	515	1178

* В основу таблицы положены данные Отч. (ЖМГИ, 1843—1857 гг.). Ср. ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, лл. 103—104, 133; д. 27211, лл. 2, 11, 17; д. 27217, л. 27; д. 27221, л. 33; ИО, ч. II, отд. II, стр. 97. Отчетные сведения за 1842—1844 годы даны без разделения на сберегательные и вспомогательные кассы.

Таким образом, количество вспомогательных касс значительно превосходило число касс сберегательных. К такому же выводу приводит сопоставление операций того и другого вида касс за 3 начальных и за 3 последних года совместного существования этих кредитных учреждений (табл. 38).

Таблица 38

Операции мирских касс*

Годы	Сберегательные кассы			Вспомогательные кассы		
	сумма вкладов		% к обороту	сумма ссуд		% к обороту
	руб.	коп.		руб.	коп.	
1844	5 230	95	15	28 754	87	85
1845	11 731	89	7	161 170		93
1846	89 348	5	34	177 800	30	66
1853	648 270		33	1 229 658		67
1854	735 082		35	1 508 457		65
1855	948 216		36	1 681 715		64

* Цифры извлечены из тех же источников.

С годами не только увеличивалось число касс, но и возрастали суммы вкладов и ссуд,— в этом явлении нельзя не видеть последствий развития товарно-денежных отношений в государственной деревне. Однако хотя сберегательные кассы приобретали все большее значение в кредитных операциях крестьянства, они играли подчиненную и далеко не крупную роль в хозяйственной жизни. Не только в 40-х, но и в 50-х годах ревизоры отмечали слабое поступление вкладов в таких губерниях, как Московская, Тверская, Олонецкая, Пермская и др.: при общем медленном процессе накопления суммы зажиточных крестьян быстро отливали в торговлю и промышленность или оседали в крупных кредитных учреждениях [132]. Иное

[132] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13370, л. 80; 1855 г., д. 24708, ч. I, л. 82; д. 24709, ч VI, л. 231; ф. Кнц М, 1848 г., д. 728, ч. I, л. 119; 1856 г., д. 1630, лл. 85—86

положение создавалось для вспомогательных касс: среди маломощного государственного крестьянства постоянно чувствовалась потребность в деньгах; ссуды брали не только на улучшение хозяйства и развитие промыслов, но также на уплату податей и на удовлетворение самых элементарных житейских нужд. Иногда сейчас же после открытия вспомогательной кассы вся сумма кредитованного капитала расхватывалась неселением данного района: так было в 1847 году в Квакшинской волостной кассе Тверской губернии, откуда сразу получили ссуды погоревшие 140 домохозяев деревни Озерецкая и села Архиерейские Бели, взаимно поручившиеся друг за друга [133]. И здесь при приеме и выдаче ссуд обнаруживались все отрицательные стороны киселевского управления: из Казанской, Оренбургской и Вологодской губерний ревизоры доносили о небрежном ведении счетоводства, запутанности счетов, невзыскании процентов и просроченных ссуд и т. д.; в Калужской, Пермской и других губерниях ссуды выдавались преимущественно зажиточным крестьянам; при выдаче и отсрочках наблюдались обычные вымогательства писарей и «выборных» [134]. В Верхотурском округе Пермской губернии богачи брали деньги из вспомогательной кассы и уже от себя раздавали их беднякам «на тягостных условиях» [135]. В некоторых районах, например в Коротоякском округе Воронежской губернии, потребность в ссудах превосходила наличные ресурсы вспомогательных касс и крестьяне-промышленники были вынуждены прибегать к частным займам за ростовщические проценты [136]. В Астраханской губернии, где было широко развито промысловое рыболовство и ощущалась острая нужда в дешевом кредите, вспомогательных касс не было до самого конца управления Киселева. «Если бы открытые мною 407 мирских оброчных статей не оставались в безгласности, а приносили доход,— утверждал астраханский ревизор Любовидский,— то мирские капиталы были бы уже достаточны для открытия вспомогательных касс почти во всех обществах» [137]. Бесхозяйственное управление мирскими оброчными статьями, плохое собирание и хранение мирских капиталов, недостатки в организации сберегательных и особенно вспомогательных касс были неразрывно связаны друг с другом и исключали возможность быстрого накопления денежных ресурсов. Учитывая эти неблагоприятные условия, так же как и общую бедность государственной деревни, не трудно понять, насколько ограничена была финансовая база «попечительства», почти целиком зависевшая от самостоятельных крестьянских накоплений.

5. Продовольственное дело

Из всех многочисленных объектов «попечительной» политики наиболее важным считалось оказание продовольственной помощи голодающей деревне. По выражению официального историка Министерства, эта сторона деятельности была «после устройства нового управления первым практическим опытом или пробой попечительства над государственными крестьянами» [138]. Такое внимание к продовольственному вопросу было вполне объяснимо: почти ежегодно в тех или иных губерниях имел место неурожай зерновых хлебов и трав, за которым неизбежно следовали падежи скота от бескормицы и массовые эпидемии от недоедания. Время от

---

[133] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 564; ф. I Д, 1847 г., д. 9990, ч. I, лл. 379—381.

[134] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, л. 36; 1848 г., д. 11481, л. 135; 1849 г., д. 13396, лл. 135—137; 1850 г., д. 15694, приложение, л. 137; 1851 г., д. 15871; 1853 г., д. 19346, лл. 22—23.

[135] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. III, л. 17.

[136] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, л. 243.

[137] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, лл. 17—18

[138] ИО, ч. II, отд. II. стр. 83.

времени неурожаи охватывали огромные районы и голод принимал чрезвычайно острые формы: так было в 1839—1840 годах и особенно в 1848 году, отмеченном не только гибелью хлебов в 17 губерниях, но также массовыми заболеваниями холерой и опустошительными пожарами [139]. Министерство государственных имуществ настороженно следило за размерами посевов, состоянием всходов и степенью урожая: местные Палаты обязаны были систематически извещать Департаменты о посевной площади, о количестве четвертей высеянного зерна, о воздействии погоды, об итогах сенокоса, жатвы, сбора овощей и пр. [140]. В личной переписке руководителей Министерства с Киселевым вопросы о видах на урожай и о нужде в продовольствии были одними из наиболее важных [141]. Но и в урожайные годы далеко не все районы могли обойтись собственными средствами: жители северных губерний, особенно оленеводы и звероловы Олонецкой и Архангельской губерний, нуждались в предварительных заготовках хлеба: некоторые деревни, в частности в полосе арендных имений, были так разорены и убоги, что не могли прокормиться плодами своих рук. Статский советник Пташинский, ревизовавший в 1848 году Могилевскую губернию, указывал на полную беспомощность крестьян даже в годы хорошего урожая: «Причиною сему есть совершенный упадок хозяйства, неудобство надела земель, недостаток рабочего скота, посевного зерна и присмотра за хозяйством, следствием чего более чем одна третья часть полей была не засеяна, прочие худо выделаны, засеяны и убраны, и таким образом крестьяне лишились собственных средств продовольствия» [142].

Учитывая эту постоянную, все возрастающую потребность крестьян в продовольственной помощи, Киселев должен был обратить серьезное внимание на образование натуральных запасов и накопление средств на покупку хлеба. Опираясь на закон 16 марта 1842 года, Министерство стало усиленно собирать с крестьян хлебные взносы и денежный налог на пополнение продовольственного капитала. Результатом этих усилий было создание продовольственных резервов, которые значительно выросли к концу управления Киселева (табл. 39).

Таблица 39

Рост продовольственных резервов*

Годы	Число четвертей хлеба	Сумма продовольственного капитала (в руб.)	Годы	Число четвертей хлеба	Сумма продовольственного капитала (в руб.)
1841	4 986 774	272 507	1849	9 359 231	2 152 868
1842	5 592 110	539 424	1850	9 742 377	2 910 878
1843	7 041 563	991 430	1851	10 328 380	3 364 290
1844	8455 098	1 579 407	1852	11 355 686	3 555 251
1845	8 927 415	810 062	1853	11 996 339	3 054 979
1846	9 441 542	987 517	1854	12 036 588	3 748 898
1847	10 248 200	1 585 096	1855	11 272 051	3 995 848
1848	10 002 445	2 062 132	1856	10 525 002	4 676 793

* Данные взяты из Отч. (ЖМГИ за 1843—1857 гг.). Сведения о натуральных запасах могут считаться только приблизительными в силу особенностей учета, о которых идет речь ниже. Копейки во второй графе откинуты.

[139] Отч., 1848 г., стр. 1—5 (ЖМГИ, 1849 г., ч. XXXIII, приложение). Ср. А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году. М., 1949, стр. 19—26.

[140] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, лл. 50—51. Ср. ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1841 г., д. 345, лл. 159—160.

[141] ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.71, лл. 19—21, 23—24.

[142] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 101—102.

Киселев и его помощники чрезвычайно гордились достигнутыми успехами. Однако денесения ревизоров и отчасти местных органов рассеивают блестящее впечатление от этих количественных итогов. Натуральные запасы получались в результате использования трех основных источников: ссыпки семян крестьянами-домохозяевами, заведения общественной запашки и закупки хлеба на средства продовольственного капитала. Ссыпка семян преобладала в оброчных губерниях. Хлебные взносы во многих местах взыскивались с неменьшей строгостью, чем денежные сборы; например, в Задонском округе Воронежской губернии за несвоевременное получение хлеба окружный начальник подвергал сечению розгами не только плательщиков, но и старшин; крестьяне были так запуганы требованиями властей, что не имея собственных излишков, закупали хлеб для засыпки в казенные магазины[143]. Однако были районы, где местные органы не обращали никакого внимания на пополнение запасов: в Замараевском обществе Пермской губернии вопреки закону окладной хлеб не взыскивался в течение 20 лет[144]. Во многих районах у крестьян не хватает хлеба на выполнение установленной нормы и в результате систематических недоборов накоплялись большие недоимки. Во время ревизии Архангельской губернии генерал-майором Зассом налицо оказалось около 37 тысяч четвертей одного ячменя, а в недоимке — более 46 тысяч четвертей хлеба[145]. В Новгородской губернии в 1847 году, по донесению управляющего Палатой, имелось 74 932 четверти и недоставало до полной пропорции 67 874 четвертей[146]. В Калужской губернии в 1849 году сенатор Давыдов обнаружил 77 тысяч четвертей наличного хлеба и 67 тысяч четвертей — в недоимке[147]. Так было и в конце управления Киселева: в 1855 урожайном году в Олонецкие запасные магазины, по свидетельству губернатора, должно было поступить 7174 четверти, а поступило только 2964 четверти[148]. Время от времени приходилось списывать хлебные недоимки: так было в Казанской, Оренбургской и других губерниях[149].

Иногда излишняя энергия Министерства приводила к обратным результатам. В 1841 году в недрах I Департамента родился проект распространить на государственную деревню предписания помещиков своим крестьянам ссыпать в магазины яровые семена для образования неприкосновенного запаса. Ретивые чиновники руководились при этом следующей мыслью, характерной для политики феодального попечительства: «Всякое местное начальство государственных имуществ есть глава большого семейства и в виде опытного домохозяина обязано предупреждать нужды лиц, вверенных его попечению». Несмотря на возражения более опытных сотрудников, Киселев решил пригрозить крестьянам, что если яровые семена не будут доставлены, то неисправные хозяева будут лишены права на хлебные ссуды. Когда соответствующий циркуляр от 11 октября 1841 года был разослан по губерниям, он вызвал оппозицию со стороны некоторых управляющих и повсеместное брожение среди крестьян. В Министерство стали поступать разъяснения Палат о нецелесообразности принятой меры: управляющие указывали на недостаток у крестьян яровых семян, напоминали, что хозяева специально покупают на посев лучшие семена или тщательно отбирают их из собственных запасов, ссылались на нежелание зажиточных ссыпать зерно в чужие амбары, говорили о неизбежности злоупотреблений и пр. Там, где Палаты и окружные началь-

[143] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, приложение, л. 282.
[144] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8861, т. I, л. 335.
[145] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 433, л. 60.
[146] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10352, л. 16.
[147] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13398, лл. 78, 154—155.
[148] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, лл. 40—41.
[149] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., 10257, т. I, лл. 258—259.

ники старались реализовать изданный указ, крестьяне восприняли его как лишнее доказательство перевода в «удел» и вступили в открытую борьбу с министерскими органами. Весной 1842 года Киселеву пришлось возвратить крестьянам ссыпанные семена и опубликовать новый циркуляр [150], на этот раз успокаивающий неселение деревни.

Общественная запашка была повсеместным явлением в губерниях, состоявших «на хозяйственном положении», но даже и здесь, где крестьяне привыкли нести барщинное ярмо, она не оправдывалась получаемыми результатами: в Могилевской губернии, по донесению ревизора Пташинского, из 3 840 десятин, отведенных в 1847 году под общественную запашку, было засеяно только 1 005, т. е. менее одной трети [151]; Левицкий, ревизовавший в 1856 году Минскую губернию, тоже находил эту систему, введеную помимо желания крестьян, нецелесообразной и ходатайствовал об ее отмене [152]. Еще менее сочувствия и поддержки вызывала общественная запашка у крестьян оброчных губерний, особенно там, где чувствовалось малоземелье и крестьяне должны были жертвовать для запашки частью своих наделов (например в Курской губернии). Запашка сохранялась преимущественно в отдаленных многоземельных районах с хорошими урожаями и более слабым развитием товарно-денежных отношений (например в Вятской губернии). Министерству пришлось считаться с преобладающим стремлением крестьян освободиться от постылой барщины и пойти на сокращение и постепенную отмену малопроизводительной запашки [153].

В некоторых районах, где климат не благоприятствовал развитию земледелия, например в Архангельской и Олонецкой губерниях, крестьяне ходатайствовали об освобождении от хлебных взносов и о переводе продовольственной повинности на деньги. Однако местные Палаты слабо отзывались на эти просьбы, назначая крестьянам преувеличенные и непосильные для них денежные нормы. Дело о замене хлебной засыпки денежным сбором в Вытегорском уезде Олонецкой губернии тянулось безрезультатно в течение 10 лет. Так же бесплодны были обращения крестьян Солозского сельского общества к Архангельской палате государственных имуществ [154].

Ни крестьянские хлебные взносы, ни общественная запашка не могли обеспечить накопления нужных продовольственных запасов. С самого начала Министерству пришлось заботиться о самостоятельных заготовках хлеба на средства продовольственного капитала, а иногда на суммы, полученные от принудительных заработков крестьян. Чтобы хранить закупленные партии хлеба, Министерство строило центральные магазины, которые должны были обслуживать обширные районы в случае сильных неурожаев. В 1844 году был открыт первый центральный магазин в показательном Островском имении около Москвы; в 1846 году начали функционировать еще 2 магазина: Камский — в Казанской и Мценский — в Орловской губернии; в следующие 8 лет было сооружено еще 7 магазинов: в Полтавской, Екатеринославской, Таврической, Тамбовской, Могилевской и Витебской губерниях. Запасы хлеба, сосредоточенные в этих крупных хранилищах, колебались от 40 482 четвертей (в 1845 году) до 132 387 четвертей (в 1846 году) в зависимости от размеров ежегодных закупок и выдач [155]. Магазины устраивались на удобных, преимущественно водных, путях сообщения и наличием обширных запасов должны были оказывать

[150] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3805.

[151] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 102.

[152] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, лл. 125, 131.

[153] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 433, л. 59; ф. I Д, 1847 г., д. 10258, л. 54; 1849 г., д. 13398, л. 180; ф. V О, д. 27233, лл. 68.

[154] ЦГИАЛ, I Д, 1850 г., д. 15695, приложение, т. II, лл. 106—107; 1854 г., д. 23112, л. 15.

[155] См. данные в Отч. (ЖМГИ, 1845—1857 гг.); ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.72, л 1; ф. Кнц М, 1852 г., д. 1241, ч. II, л. 146.

понижающее влияние на местные хлебные цены[156]. Однако самая заготовка продовольствия открывала перед продажным чиновничеством соблазнительные перспективы незаконных соглашений с подрядчиками и повышения собственных доходов. Донесения ревизора сохранили следы вопиющих злоупотреблений в этой области. В 1845 году в связи с крупным неурожаем в Могилевской и Витебской губерниях чиновникам Киевской палаты было поручено закупить у себя на месте 12 тысяч четвертей ржи и доставить их в центральный Шкловский магазин Могилевской губернии. Хлеб был закуплен и доставлен, но впоследствии оказалось, что закупка была произведена не в урожайной Киевской губернии, где хлеб стоил дешевле, а в Могилевской и Витебской губерниях, и притом по ценам, которые превосходили даже взвинченные хлебные цены в самом городе Шклове[157]. По донесению олонецкого губернатора, местная Палата в течение 15 лет закупала хлеб по местным повышенным ценам, хотя могла без труда приобрести хлеб на рыбинской пристани и доставить его в Петрозаводск с большой экономией для казны[158]. Управляющий Пермской палатой в 1848 году закупил для сбыта крестьянам звероловам 200 четвертей ржаной муки по 3 рубля 60 копеек и 3 рубля 78 копеек за четверть, тогда как цены муки стояли в 3 рубля 15 копеек за четверть; через несколько месяцев после покупки были объявлены торги на поставку муки с явным расчетом, что из-за краткого срока никто из подрядчиков не явится, а в Министерство было послано донесение о том, что все возможности были использованы, мука приобретена по сходной цене и крестьяне охотно ее раскупают; на самом деле звероловы не взяли ни одного фунта из казенного магазина, предпочитая покупать или брать взаймы более дешевый хлеб у торговцев и богатых односельчан[159]. Подобные же факты были обнаружены в 1844 году при ревизии Калужской губернии[160]. Ревизоры отдавали себе ясный отчет в том, что перед ними — не ошибки и не случайная небрежность, а явные злоупотребления и «неблаговидное самоуправие, подающее весьма дурной пример для подчиненных».

Но самостоятельная заготовка хлеба имела и другие крупные недостатки. Самая идея централизации хлебных запасов, которой придавали такое значение Киселев и его помощники, не выдерживала испытания времени. Уже после отставки Киселева Министерство пришло к выводу, что «центральные магазины не удовлетворили своему предназначению, потому что при затруднительности сообщений, обширность приписанных к ним округов находилась в противоречии с практической целью подобных учреждений». Достаточно сказать, что магазин в Острове должен был снабжать в числе других отдаленную Псковскую губернию, а магазин в Мценске — еще более отдаленные губернии Белоруссии[161]. Магазин в Шклове был расположен в верховье Днепра, но вследствие мелководья, особенно во время засухи, пароходы из южных плодородных губерний, двигаясь против течения, не могли совершить более одного товарного рейса[162]. Доставка заготовленного хлеба в нуждающиеся районы обходилась так дорого, что Министерство, затратившее большие суммы на центральные магазины, стало постепенно ликвидировать их один за другим. К концу 50-х годов из 10 центральных магазинов оставалось только 4: 2 в великорусских и 2 — в западных губерниях.

---

[156] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26665, лл. 246—249.
[157] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. II, л. 488.
[158] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23112, лл. 73—76.
[159] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. II, лл. 251—257.
[160] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6687, лл. 55—56.
[161] ЦГИАЛ, ф. М. Н. Муравьева, д. 6, лл. 36—37.
[162] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 103—104.

Хранение собранного и закупленного хлеба страдало еще более вопиющими недостатками. Вначале в распоряжении сельских обществ были старые, обветшавшие амбары и магазины, которых оказывалось далеко не достаточно, или примитивные ямы, вырытые в земле по печатным инструкциям Министерства. В некоторых местах не было и этого: в 1847 году в Оренбургской губернии больше 150 тысяч четвертей хранилось в скирдах под открытым небом, а в Царевском округе Астраханской губернии даже в 1856 году хлеб раздавался по домам на хранение крестьянам[163]. Что представляли собой старые продовольственные помещения, показывает пример Скатинского сельского общества Пермской губернии: в 1846 году хлеб хранился здесь в 11 амбарах, пришедших в совершенную ветхость; крыши амбаров были сделаны из скалья и драниц; потолков не было, отдушин — тоже; зимой в амбары проникал снег; запасы овса и ячменя были затхлы и переедены мышами; семена ржи стали уже негодными для посева[164]. Ежегодно часть старых магазинов и амбаров развалнвалась или очищалась местными органами вследствие негодности. Сознавая неудовлетворительность прежних помещений, Министерство стало сооружать новые магазины на каменных фундаментах, с мерными закромами, вентиляцией и пр. Для постройки таких магазинов был выделен специальный капитал, однако ассигнования были невелики, постройки возводились медленно, и в 1856 году, т. е. в самом конце управления Киселева, на 2747 магазинов нового устройства все еще приходилось 3360 старых магазинов, 19 829 амбаров и 11 995 ям[165]. Даже в такой губернии, как Московская, спустя 11 лет после учреждения Министерства, магазинами нового типа пользовались только 38 сельских обществ из 126,— остальные ссыпали хлеб в общественные и наемные амбары; донося об этом, ревизор Игнатьев меланхолически прибавлял, что при подобных темпах крестьяне могут быть обеспечены новыми продовольственными помещениями не ранее как через 20 лет[166]. Киселев издавал циркуляр за циркуляром, торопя Палаты с постройкой усовершенствованных магазинов, но он сознавался, что разрешению поставленной задачи приходится «помогать по уважению местностей и потребностей»[167]. Министерство расшифровало эту неясную формулу еще в 1841 году, установив определенную очередь постройки запасных магазинов «по новым модели и плану»: немедленно начать сооружение на больших почтовых трактах, потом — на меньших трактах и почтовых дорогах и уже затем — на всех остальных трактах[168]. Другими словами, Министерство руководилось прежде всего «фасадными» мотивами, стараясь обезопасить себя от обвинений со стороны проезжающих особ высокого ранга.

Однако и магазины «новой модели» часто были построены с нарушением планов и смет, не доведены до конца или вовсе непригодны для заполнения хлебом. Постройки производились или подрядчиками по договорам с Палатами, или «хозяйственным способом», трудом крестьян под руководством окружных начальников. В обоих случаях открывались широкие возможности для казнокрадства и наживы чиновников. Какие последствия имели обе системы, показывает дело о постройке 36 магазинов управляющим Тверской палаты Фредериксом. По заключению следствен-

---

[163] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10256, л. 61; 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 14.— Хранение хлеба в скирдах наблюдалось и в Тамбовской губернии (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5564, л. 12).

[164] ЦГИАЛ. ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 238.

[165] Отч., 1856 г.

[166] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13370, л. 34. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. II, л. 201; 1847 г., д. 9608, л. 1; д. 9652.

[167] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 2; д. 27211, л. 14. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г. д. 9650, л. 3.

[168] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3813.

ной комиссии, магазины обошлись крайне дорого, но совершенно не удовлетворяли своему назначению: многие из них были возведены на деревянных столбах, строились из сырого, тонкого и кривого леса без всякого соответствия с моделями и утвержденными сметами; раньше чем магазины были использованы, в них образовались щели, через которые проникали снег и дождь; закрома были устроены не мерные, а разной величины; между стенами и закромами не было пола. Вдобавок 10 магазинов оказались лишними, оставшийся материал был продан и деньги исчезли не известно куда; представленные денежные отчеты не соответствовали действительности, а акты о приеме подписывались без освидетельствования, иногда под угрозой со стороны помощника окружного начальника. Крестьяне отказывались ссыпать хлеб в негодные магазины. Комиссия предложила 28 магазинов исправить, а 8 перестроить, убытки в размере 12 тысяч рублей взыскать с виновных, а около 14 тысяч рублей отнести на счет казны [169]. Подобные же явления были обнаружены ревизорами в Пермской, Казанской, Оренбургской и других губерниях [170]. Напрасно Министерство издавало циркуляры с наставлениями, где и как строить магазины, напрасно обличало строителей в небрежности, а Палаты — в бездействии и злоупотреблениях. Как показывает ревизия Вятской губернии, произведенная в 1853 году, и в конце управления Киселева магазины строились неудовлетворительно, принимались без технического освидетельствования, стоили очень дорого, отчеты о них представлялись фальшивые, а в денежных расчетах царила путаница [171]. Центральные магазины, которыми так гордился Киселев в своих отчетах, не представляли в этом отношении исключения: Шкловский запасный магазин, перестроенный из большого доминиканского костела и стоивший большую сумму денег, поразил ревизора своей темнотой, полной неприспособленностью к нагрузке, хранению и выгрузке хлеба и наличием сильной течи [172].

При таких условиях не могло быть и речи об удовлетворительном состоянии продовольственных запасов. При освидетельствовании магазинов в ряде губерний: Московской, Пермской, Вологодской, Екатеринославской и других значительная часть хлеба оказалась испорченной — изъеденной мышами, сгнившей, затхлой, непригодной к употреблению [173]. В Астраханском округе в 1856 году магазины были заполнены не зерновым хлебом, а мукой, которая от долгого лежания в неприспособленном помещении протухла и кишела червями и насекомыми [174]. В Таврической губернии ревизор в некоторых местах нашел хлеб, хранящийся в ямах более 6 лет без всякого осмотра и просушки [175]. В одной из волостей Олонецкой губернии в 1854 году в ветхой «ригаге», не имевшей крыши и поразившей ревизора своим зловонием, лежало 98 кулей испорченной муки, смешанной с песком [176]. Местами ссыпанный хлеб время от времени освежался и заменялся новым,— в своих циркулярах Киселев объявлял по этому поводу благодарность управляющим Палатами Полтавской, Харьковской и Тав-

---

[169] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 9990 (вторая половина), лл. 9—40; 1848 г., д. 10759, лл. 4, 9.

[170] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. II, л. 10; 1849 г., д. 13396, лл. 142—143; 1850 г., д. 15693, л. 15; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 136—137.

[171] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1853 г., д. 20302, лл. 1—3; ф. V О, д. 27204, л. 17; д. 27211, л. 17; д. 27233, лл. 107—108.

[172] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 103—107.

[173] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8214; д. 8864, приложение, т. I, лл. 230, 395; приложение, т. II, лл. 27, 44; 1849 г., д. 13370, лл. 35—36; 1850 г., д. 15694, приложение, л. 225; 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 66, 138; 1855 г., д. 21709, ч. V, л. 121; ф Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 76—77; 1848 г., д. 787, л. 12.

[174] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 13.

[175] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1845 г., д. 7595, л. 62

[176] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23112. лл. 158—159

рической губерний[177]. Однако при замене хлеба тоже не обходилось без злоупотреблений: в 1852 году Минская палата заключила договор с подрядчиками о замене испорченного хлеба в 4 сельских обществах свежим зерном нового урожая; не подрядчикам был выдан не испорченный, а хороший хлеб в количестве 3011 четвертей; взамен этого хлеба, каторый не прочь были получить нуждавшиеся крестьяне, подрядчики доставили в течение 4 лет только 86 четвертей[178]. Совершенно ясно, что во всех подобных злоупотреблениях были замешаны правительственные чиновники и их деревенские агенты.

Хлеб уничтожался не только червями и мышами: его расхищали владельцы нанятых амбаров, смотрители магазинов, сельские старшины, окружные начальники. Растраты продовольственных запасов отмечались ревизорами как повсеместное явление: хлеб присваивали в свою пользу, самовольно раздавали за взятки, сбывали в города, иногда с помощью подлогов большими партиями продавали скупщикам[179]. Счетоводство по хлебным сборам и ссудам было в полном беспорядке,— в этом отношении донесения всех ревизоров совпадали в своих оценках. Магазинные книги, которые должны были учитывать приход и расход продовольственных запасов, или не велись вовсе, или велись крайне небрежно, изобиловали подчистками и помарками, не соответствовали ни данным окружных управлений, ни шнуровым книгам Палат. В некоторых местах, например в Шадринском округе Пермской губернии, хлебные взносы и платежи не записывались годами[180]. Записи часто делались неточные и не соответствовали действительности. Крестьяне во многих районах не получали платежных таблиц и не могли контролировать правильность учета своих взносов. Ведомости о наличном хлебе не всегда представлялись в волостные правления, и волостные писаря давали сведения окружным начальникам приблизительно, «на глазок». Иногда не смотрители магазинов сообщали цифровые данные, которые суммировались в волостях, округах и Палатах, а наоборот, Палаты предписывали низшим инстанциям показывать столько хлеба, сколько значится в их отчетах Министерству,— так было в 1846 году в округах той же Пермской губернии[181]. Такие искусственные записи встречались и в других районах: в Минской губернии перед приездом ревизора в 1856 году письмоводитель одного из окружных управлений записал каждому домохозяину Гатовского сельского общества несуществующую хлебную ссуду от 3 до 11 четвертей на каждого[182]. Итогом такого ведения счетоводства были не только противоречия в отчетах селений, волостей, округов и Палат, но и резкое расхожде-

---

[177] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27221, л. 114; ф. Кнц М, 1852 г., д. 1241, ч. II, лл. 393—394; 1853 г., д. 1350, ч. I, лл. 12—13.

[178] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 11.

[179] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, лл. 119—122 (Смоленская губерния); 1845 г., д. 7595, лл. 62—63 (Таврическая губерния); 1846 г., д. 8864, приложение, т. VII, лл. 131—132 (Пермская губерния); 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 4—6, 8, 17, 19, 121—122, 198, 246 (Тамбовская и Воронежская губернии); 1849 г., д. 13398, лл. 154—156 (Калужская губерния); 1850 г., д. 15694, приложение, л.75 (Вологодская губерния); 1856 г., д. 26476, лл. 23—24 (Вологодская губерния); ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 84 (Олонецкая губерния); д. 1642, л. 11 (Минская губерния) и т. д.

[180] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, добавление к д. 4 (Смоленская губерния); д. 5564, лл. 18—22 (Рязанская губерния); 1844 г., д. 6687, л. 8 (Калужская губерния); 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 58, 77—78, 237—238 (Пермская губерния); 1850 г., д. 15695, приложение, т. I, лл. 112—113 (Архангельская губерния); 1854 г., д. 23109, ч. II, л. 49 (Ярославская губерния); 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 14 (Астраханская губерния) и т. д., ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 103 (Могилевская губерния).

[181] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 101, 145—146, 150; приложение, т. II, л. 110; 1847 г., д. 10256, л. 59; 1848 г., д. 11480, отчет, л. 122; 1851 г., д. 17763, л. 171; 1855 г., д. 24709, ч. IV, лл. 65, 106 и т. д.

[182] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 10.

ние между сведениями, значившимися на бумаге, и положением вещей в действительности. Когда в 1849 году вновь учрежденное Самарское управление государственных имуществ стало перемеривать продовольственные запасы, переданные ему Оренбургской палатой, то оказалась недостача в размере около 20 тысяч четвертей [183]. Татаринов, ревизовавший в 1851 году Рязанское управление, в результате осмотра хлебных магазинов пришел к выводу, что «все счета ссуд и недоимок можно назвать мнимыми и в натуре не существующими» [184]. Так же безрадостно звучало донесение Картавцева, ревизовавшего в 1848 году Курскую губернию: «Я уверен, что если всю означенную недоимку хлеба по губернии проверить и привести в известность... посредством учетных мирских приговоров и верным по оным расписаниям в таблицы..., то из всего числа 173 847 четвертей едва ли окажется действительного и признаваемого крестьянами половинная часть» [185]. Отсюда ясно, насколько ненадежны цифровые итоги собранного и хранящегося продовольствия в годовых отчетах министра государственных имуществ. Можно с уверенностью сказать, что эти данные, вычисленные с точностью до одного гарнца, страдают немалым преувеличением и что реальная деятельность Министерства в области накопления запасов была отнюдь не такой блестящей.

Какова же была другая, самая важная, сторона продовольственной политики Министерства — реальная помощь государственным крестьянам в случае неурожая и других бедствий? На этот вопрос годовые отчеты Киселева отвечают следующими цифрами (табл. 40).

Таблица 40

Продовольственная помощь крестьянам*

Годы	Хлебом (в четвертях)	Деньгами в руб.	Годы	Хлебом (в четвертях)	Деньгами (в руб.)
1839	1 437 762	2 129 475	1848	1 355 978	—
1840	—	18 064	1849	2 846 524	113 234
1841	969 230	548 851	1850	1 075 819	44 317
1842	1 086 259	50 337	1851	1 502 768	224 062
1843	449 514	—	1852	1 200 152	304 322
1844	453 806	224 560	1853	1 201 837	132 079
1845	969 163	1 345 886	1854	1 394 458	57 000
1846	1 089 336	335 073	1855	1 829 360	618 137
1847	1 023 129	235 989	1856	2 408 608	856 416

* Таблица составлена на основании Отч. Сведения за 1839—1842 годы частично взяты из «Исторического обозрения б. директора II Департамента МГИ Калашникова» (ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, л. 1047). Сумма, истраченная в 1840 году, вычислена на основании обоих источников; ср. немногим отличающиеся цифры в статье «Об обеспечении продовольствия государственных крестьян» (ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. II).

В число выданных четвертей хлеба входили отпуски из центральных хлебных магазинов, колебавшиеся от 326 четвертей в 1848 году до 70 552 четвертей в 1846 году. Всего за 10 лет, с 1845 года по 1854 год, центральные магазины отпустили 137 578 четвертей [186] — не столь большое количество, если принять во внимание, что на этот период прихо-

[183] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, л. 274.
[184] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, л. 70.
[185] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11464, л. 73.
[186] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, л. 1041.

дятся страшный неурожай 1848 года, плохой урожай 1852 года в 21 губернии и начало разорительной Крымской войны. В силу указанных дефектов продовольственной статистики Министерства государственных имуществ количество натуральных выдач можно считать только приблизительным. Сюда входят преимущественно ссуды на обсеменение полей и продовольствие деревни. Затраты из средств продовольственого капитала производились чаще всего на покупку и перевозку хлеба в центральные магазины и в голодающие губернии; сравнительно небольшую долю расходов составляли безвозвратные пособия сельским обществам на приобретение семян,— по данным годовых отчетов они, как правило, исчислялись немногими тысячами рублей и только изредка, в виде исключения поднимались до 75 тысяч рублей (в 1844 году). Вообще Министерство держалось жесткой политики в продовольственном вопросе,— об этом ясно говорит циркуляр 1849 года о продовольствии семейств призванных отпускных солдат, поучавший местные органы, что чрезмерная выдача из запасных магазинов «порождает вредное и обременительное для сельских обществ тунеядство» [187].

За миллионами четвертей выданного хлеба, которые значатся в годовых отчетах Министерства, скрывалась такая же неприглядная картина, какую мы видели в области накопления и хранения запасов. Громоздкая система составления списков нуждающихся крестьян и их утверждения чиновничьими инстанциями приводила к чрезвычайной волоките; в ряде губерний разрешение приходило слишком поздно, и это влекло за собой для крестьян тяжелые последствия. В 1843 году в Смоленской губернии сычевский окружный начальник Ломоносов был обвинен в несвоевременном удовлетворении просьбы волостного правления об отпуске семян на посев озимого хлеба: разрешение было дано так поздно, что крестьяне, произведя посев, не могли возвратить даже полученных семян [188]. Ревизор Брилевич доносил в 1852 году в Министерство, что Вятская палата крайне затягивает выдачу резрешений, «несмотря на то, что в иных приговорах, испрашивающих отпуска хлеба, упоминалось, что крестьяне питаются подаянием, что иные умирают от голода, что многие дня по два бывают без пищи» [189]. Такие же жалобы приносили ревизору Барановскому крестьяне Калужской губернии [190]. Правила Положения 1839 года о составлении списков и обсуждении их на мирских сходках часто не исполнялись. Списки составлялись писарями или смотрителями магазинов крайне небрежно и не подкреплялись мирскими приговорами; иногда выдачи производились по словесному приказанию окружного начальника или еще проще — старшины или писаря; так было в Калужской, Смоленской, Казанской и Харьковской губерниях [191]. В одних случаях раздавали ссуды тем, кто мало нуждался, в других случаях обделяли тех, кто был особенно беден. Тамбовский ревизор Патковский в голодный 1848 год, проверяя Борисоглебский округ, передавал жалобы крестьян на то, что «раздача хлеба производилась не иначе, как чрез задобрение деньгами или вином»; беднякам выдавали залежалый сорный хлеб или вовсе не выдавали никакого [192]. На неправильную раздачу хлеба жаловались также ревизору Кобякову в северных губерниях и ревизору Хондзынскому в Пензенской губернии [193]. Зная нравы сельской начальствен-

---

[187] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27233, л. 12.
[188] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 138.
[189] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 93.
[190] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11481, л. 130.
[191] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2829, л. I; 1843 г., д. 5751, л. 202; 1844 г., д. 6687, л. 58; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 17—18.
[192] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 4.
[193] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 2279, л. 58; 1855 г., д. 24708, ч. I, л. 74.

ной иерархии, можно полагать, что произвольная выдача ссуд была типичным явлением в государственной деревне.

При выдаче хлеба в различных районах практиковались обмеры и обманы крестьян со стороны смотрителей магазинов, конечно, при попустительстве и поощрении сельских властей и чиновников. В некоторых обществах Пермской и Вологодской губерний употреблялись непроверенные неклейменные меры. В Тверской губернии меры имели различную величину, с неровностями внутри и иногда со щелями, через которые высыпался хлеб. В Смоленской и Могилевской губерниях были найдены фальшивые меры и гребла [194]. В Шкловском центральном магазине, как выяснила ревизия 1848 года, каждая четверть считалась за 9 пудов, а на самом деле в ней не было и 8; гарнцы были не вымерены и насыпались неполные; при оценке отпущенного хлеба крестьянам засчитывали цену казенных мешков, хотя каждый ссыпал хлеб в собственную тару [195]. В смоленских магазинах крестьянам насыпали хлеб «под гребло» (вровень с краями меры), а при возвращении ссуды требовали от крестьян насыпки «с верхом». Так же обычны были преувеличенные записи в магазинных книгах: крестьяне получали меньше, а должны были возвращать больше [196].

На этом темном фоне были отдельные светлые точки: если верить начальнику Полтавской губернии, постановка продовольственного дела в местном управлении государственных имуществ в 1854 году была образцовой [197]. Однако, подводя итог своей продовольственной политике, само Министерство приходило к неутешительным выводам. В сентябре 1852 года, т. е. в последний период управления Киселева, из 34 великорусских губерний только 9 имели узаконенную норму продовольственных запасов — $1^1/_2$ четверти на ревизскую душу; 12 губерний не достигли этой нормы, а 13 (в том числе такие хлебородные, как Пензенская, Тамбовская, Самарская, Саратовская, Екатеринославская) были официально признаны находящимися «в весьма неудовлетворительном состоянии». Через год был подведен новый итог: на этот раз из общего числа 47 губерний были объявлены достигшими, даже превысившими узаконенную пропорцию 14 губерний, не удовлетворяющими этому условию — 33; особенно плохо обстояло дело в 6 западных губерниях, а из внутренних — в Пензенской, Рязанской, Херсонской и Астраханской [198]. Недостаток нормы определял собой сдержанную политику в отношении выдачи ссуд: местное начальство, сберегая запасы, должно было ограничивать продовольственную помощь крестьянам, чтобы не попасть в число «неудовлетворительных». Таким образом, задача, возвещенная Министерством в самом начале его деятельности в законе 1842 года, не была достигнута на большей части территории Европейской России.

6. Агрономические меры

Руководителям Министерства было ясно, что выход из создавшегося положения может быть только один — улучшение методов крестьянского хозяйства. Еще в июне 1845 года в письме к Киселеву Гамалея обращал его внимание на повторяющиеся неурожаи и ограниченность продовольственных средств, находящихся в распоряжении правительства. Отсюда

[194] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 328 и т. д.; 1846 г., д. 8864, т. I, л. 328; 1848 г., д. 9990, ч. I, л. 210; 1850 г., д. 15694, приложение, л. 227; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 160—161.

[195] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 161, 169—170.

[196] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 328; 1848 г., д. 11480, отчет, л. 122

[197] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23114, лл. 2—3.

[198] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1852 г., д. 1241, ч. III, лл. 98—100; 1853 г., д. 1350, ч. III, лл. 11—13

он делал определенный вывод: «если не будет изменена система земледелия между государственными крестьянами, мы не выйдем из этого ненадежного состояния; необходимо придумать обязательные меры к усилению скотоводства, луговодства и возделывания корнеплодных растений с уменьшением зерновых посевов»[199]. Киселев тоже задумывался над низким состоянием старой, рутинной техники; проезжая в 1846 году по Могилевской губернии, он записал в своем путевом журнале тяжелые впечатления от государственной деревни: «...обработка земли столь дурна, что озимые хлеба дают не более 4 зерен, и то не везде. Недостаток скота увеличивается год от года, и земли не удобряются. Соха и лошади тощие и малорослые не дозволяют хорошо вспахивать землю; многие сеют под борону; небрежность крестьян к своему хозяйству повсеместна. Картофель сеется, но в малом количестве и дурной уход». Такие же печальные выводы навевали на Киселева соседние черноземные районы. «...Мне кажется,— записывал он дальше,— что черниговская обработка земли еще хуже могилевской»[200]. Введение агрономических улучшений осознавалось Министерством как одна из важнейших задач «попечительной» политики.

Однако Министерство государственных имуществ должно было встретить на этом пути непреодолимые затруднения. В 40—50-х годах XIX века развитие производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве сделало значительные успехи: не только передовые помещики, но и отдельные зажиточные крестьяне начинали вводить у себя травосеяние, посевы технических культур, улучшенные породы скота, усовершенствованные земледельческие орудия; но это были редкие островки рационализированного хозяйства, которые тонули в безграничном море старых, отживших свое время методов земледелия и скотоводства. Феодальный строй, подавлявший личную инициативу крестьянина и крайне сужавший границы денежных накоплений, исключал возможность распространения прогрессивных агрономических приемов. Пока сохранялось крепостное право, всякие усилия преодолеть техническую отсталость и вывести земледелие на новую дорогу были обречены на неудачу. Это понимали отдельные, более проницательные сотрудники Киселева, вроде К. С. Веселовского, который подчеркивал отсутствие у Министерства главной предпосылки для плодотворных агрономических мероприятий — возможности повлиять на общие экономические условия страны. Бессилие Департамента сельского хозяйства и самого Киселева усугублялось взаимоотношениями правительственных ведомств: Министерство государственных имуществ представляло собой изолированный замкнутый мир, который не получал действенной поддержки ни от Министерства внутренних дел, ни от Министерства финансов; торгово-промышленная, финансовая и траспортная политика государства, как правильно указывал тот же К. С. Веселовский, находились вне сферы деятельности нового Министерства[201]. Наконец, Киселеву не хватало основного орудия для проведения каких бы то ни было агрономических нововведений: в обстановке крепостной России количество подготовленных агрономов было крайне ничтожным, и Министерство было не в состоянии оказать непосредственное воздействие на миллионы хозяйств, разбросанные по самым

---

[199] ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.69, л. 17.— В другом письме к Киселеву Гамалея пояснял эту мысль в следующих строках: «...чтобы получать урожай вместо сам-треть сам-двенадцать и чтобы не было беспрестанно неурожая от засухи, надобно или искусственно орошать, или пахать глубже и класть более удобрения, а для сего нужно иметь более скота и кормить его лучше» (ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.69, лл. 19—20).

[200] ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.128, лл. 18—19. Ср. ЦГИАЛ, ф. II Д, 1852 г. т. 11529, лл. 170—171.

[201] Воспоминания К. С. Веселовского (РС, 1903, октябрь, стр. 5—42).

разнородным районам. Вот почему, по свидетельству самих сотрудников Департамента сельского хозяйства, его многолетняя и многосложная деятельность носила преимущественно бумажно-бюрократический характер, не достигая поставленной задачи — преобразования земледельческой техники и реального увеличения сельскохозяйственной продукции[202].

Феодальному мировоззрению Киселева и большинства его помощников были неясны действительные причины этого неуспеха. Они неустанно апеллировали к энергии местных органов и к разуму крестьян-домохозяев. По убеждению Киселева, и в этом вопросе инициатива правящего чиновничества должна была определить исход начатого преобразования.

Вначале Министерство держалось решительного курса на внедрение лучших приемов сельского хозяйства. Он нашел себе наиболее яркое выражение в реализации закона 1840 года об обязательных посадках картофеля. Подгоняемые неурожаями и недостатком продовольственных запасов, Киселев и его чиновники развили чрезвычайную энергию: из центра направлялись бесчисленные циркуляры и распоряжения; из-за границы выписывались сведения о различных сортах картофеля; губернаторам были даны инструкции о максимальном содействии предпринятой мере; через посредство Святейшего синода были даны распоряжения священникам доказывать крестьянам пользу картофеля; окружные начальники и их помощники оказывали соответствующее давление на волостные и сельские власти; не считаясь с мнением сельских сходов и с местными хозяйственными условиями, у крестьянских обществ отнимали большие земельные участки и заставляли засевать их картофелем. Судя по отчетам самого Министерства, к моменту издания закона 1840 года посадки картофеля уже были широко распространены в 4 губерниях (Московской, Орловской, Тульской и Псковской) и повсеместно практиковались в 15 центральных и южных губерниях (Ярославской, Владимирской, Полтавской, Харьковской и др.); частично они применялись в 11 губерниях (в том числе в Тамбовской, Пермской и Оренбургской) и были мало известны только в 4 губерниях: в Олонецкой, Архангельской, Саратовской и Вятской[203]. Но когда Министерство начало форсировать разведение картофеля, настаивать, чтобы он сажался не только в огородах, но и на полях, стали возникать различные затруднения: в малоземельных районах крестьяне не хотели жертвовать для картофеля частью своих зерновых посевов; в промышленных районах со слабым развитием хлебопашества крестьянам было невыгодно выделять для посадки дорогое время; в некоторых пунктах почвенные и климатические условия не обещали хороших урожаев картофеля; наконец, кое-где вследствие отдаленности полей, чересполосицы или отсутствия хранилищ не окупалась интенсивная обработка почвы под картофель[204]. Местные чиновники, часто невежественные в агрономических вопросах, не обращали внимания на возникавшие затруднения и требовали беспрекословного исполнения предписаний начальства. Отказы крестьян от реализации указа рассматривались как дерзкое неповиновение власти, сопровождались арестами и вызовами воинских отрядов. Репрессии встречали ответное сопротивление со стороны крестьян и нередко завершались расстрелами и военными судами. Принудительные посадки картофеля дорого обошлись государственной деревне и в то же время не оправдали оптимистических надежд Министерства. Это была крупная неудача в политике «попечительства», которая заставила Министерство перейти к более осторожному курсу — к политике агрономической пропаганды силой слова и показательного

[202] Там же.
[203] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2564, л. 83
[204] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1840 г., д. 2564.

примера. Этот перелом нашел свое выражение в заключительной части министерского отчета за 1847 год. «Все улучшения, вводимые насильственно,— писал Киселев,—не могут иметь ни успеха, ни прочности; напротив, при распространении между крестьянами полезных сведений и убеждений о выгодах усовершенствованного хозяйства, когда поселяне приобретут более ясные понятия о вещах, более ясные ощущения новых потребностей, родится и желание, и труд к улучшению хозяйственного своего быта» [205].

Чтобы развить агрономическую пропаганду, нужно было располагать соответствующими подготовленными кадрами. Вначале Министерство имело единственное учебное заведение, которое выпускало агрономов высшего и низшего разряда,—Горыгорецкую земледельческую школу в Могилевской губернии. В 1842 году в ней состояло 40 учеников, в 1843 году их количество увеличилось до 122 человек, в 1844 году составляло 126 человек. Однако процент окончивших школу был очень невелик: в 1845 году школа выпустила только 11 человек, из которых трое получили повышенное образование, остальные — практическую подготовку на должности управляющих частными имениями [206]. Более значительный выпуск имел место в 1846 году, но он объяснялся особыми условиями: из числа окончивших 57 воспитанников «высшего разряда» 50 человек были стипендиатами духовного ведомства и должны были поступить на места преподавателей сельского хозяйства и естественной истории в духовные семинарии; из числа остальных за вычетом двух «своекоштных», Министерство могло получить в свое распоряжение только 5 человек [207]. В 1848 году «высший рязряд» Горыгорецкой школы был преобразован в Земледельческий институт, а «низший разряд»— в Земледельческое училище «для подготовки сельских управителей, приказчиков и счетчиков». Министерство стало постепенно увеличивать комплект воспитанников, доведя его в 1852/53 году до 222 человек. Однако отсев учащихся был по-прежнему очень значителен; количество выпущенных по годам было таково (табл. 41.)

Таблица 41

Окончившие Горыгорецкий земледельческий институт*

Годы	Число окончивших		
	общее количество	из них	
		агрономов	действительных студентов
1848	9	—	—
1849	—	—	—
1850	11	—	—
1851	18	9	9
1852	24	—	—
1853	57	31	26
1854	62	30	32
1855	27	8	19
1856	33	21	12

* Отч., 1848—1856 гг. (приложения к ЖМГИ, 1849—1857 гг.).— За 1848—1850 и 1852 годы деление на агрономов и действительных студентов не показано.

---

[205] ЖМГИ, 1848, приложение к ч. XXIX.
[206] Отч., 1844 г., (ЖМГИ, 1845, приложение к ч. XVII).
[207] ЖМГИ, 1847, ч. XXII, отд. II, стр. 92.

Так ограничены были масштабы высшего агрономического образования и так ничтожно было количество лиц, подготовленных для руководства проектируемыми агрономическими начинаниями. Само Министерство искусственно сокращало прием студентов: когда в 1849 году в Горыгорецкий институт хлынули «огромные толпы молодых людей» из польских губерний, не попавшие в университеты в силу руссификаторской политики правительства, директор Института не знал, как справиться с этим потоком, и Министерство решило, отказав всем «своекоштным», принимать одних пансионеров [208].

Для подготовки низшего агрономического персонала кроме Горыгорецкого земледельческого училища в 1855 году была открыта новая земледельческая школа около Харькова, сначала на 10, потом — на 16 человек. Но и здесь число окончивших было невелико: с 1848 года до конца управления Киселева было выпущено всего 60—70 человек. Правда, параллельно велось практическое обучение садоводству в Никитском саду, около Ялты, в 5 провинциальных училищах садоводства и в питомниках; количество крестьян, которые подготовлялись в этих учебных пунктах, в некоторые годы доходило до 96 человек. Министерство имело также собственных пансионеров в школе пчеловодства Прокоповича (до 15 человек), на учебном хуторе Московского общества сельского хозяйства (до 15 человек) и отдельными единицами — на предприятии сельскохозяйственных машин Бутеноп, в заведении для сушки фруктов Панайотова, а также у ярославских огородников [209]. Однако все эти узкие практики-специалисты в лучшем случае могли быть помощниками агрономов или передатчиками эмпирических навыков крестьянам в определенной, строго ограниченной области.

Кроме того, нужно учесть, что из числа окончивших «отличнейших» агрономов Министерство стремилось замещать вакансии администраторов в окружных управлениях и Палатах. Таким образом, количество специалистов, подготовленных для самостоятельной агрономической работы, сокращалось еще более.

По замыслу Министерства, проводниками сельскохозяйственных улучшений в государственной деревне должны были послужить учебные фермы, организованные в разных районах Европейской России. Задачей этих агрономических центров было обучение молодых крестьян лучшей обработке полей, введению удобрений, осушению болотистых и орошению засушливых пространств, применению усовершенствованных земледельческих орудий и т. д. Руководители каждой фермы должны были изучать природные и экономические условия района, производить систематические наблюдения и опыты, устанавливать для окружающей местности наиболее подходящие севообороты и наиболее целесообразные приемы ведения сельского хозяйства. На каждой ферме должно было обучаться от 75 до 150 государственных крестьян и от 25 до 50 помещичьих крепостных. Обучение носило преимущественно практический характер,— оно велось в поле и в саду, в конюшнях и на скотных дворах, в ремесленных мастерских — столярных, бондарных, кузнечных и пр. В перерывах между практическими занятиями (т. е. главным образом зимой) преподавались общеобразовательные предметы: «закон божий», русская грамота и начатки арифметики; кроме того, управляющий фермой должен был знакомить воспитанников с основами земледелия, а ветеринарный врач — с простейшими способами лечения скота. Предполагалось, что по окончании двухлетнего курса обученные крестьяне вернутся в свои

---

[208] ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 72, л. 3.
[209] Отч., 1844—1856 гг.; ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 49

деревни и их хозяйства станут показателями и рассадниками усовершенствованного земледелия и скотоводства [210].

Мысль о создании таких посредствующих звеньев между агрономической наукой и казенной деревней была не новой: Министерство государственных имуществ уже получило в наследство от своего предшественника Луганскую образцовую ферму, учрежденную в 1825 году в Екатеринославской губернии. В продолжение 5 лет, с 1843 года по 1847 год, к ней присоединилось еще 7 аналогичных учреждений: 1) Северная учебная ферма, к которой были приписаны губернии — Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Ярославская и часть Новгородской; 2) Центральная — для губерний черноземного центра; 3) Юго-восточная — для Нижнего Поволжья и южного Приуралья; 4) Горыгорецкая — для западной полосы России; 5) Северо-восточная — для Верхнего и Среднего Поволжья и северного Приуралья; 6) Юго-западная — для Курской губернии и Левобережной Украины; 7) Мариинская — при Мариинской колонии питомцев Воспитательного дома (— для северной части Саратовской губернии и соседних уездов Пензенской губернии). В 1848 году Луганская ферма была заменена новой — Екатеринославской, которая распространила свою деятельность на район Причерноморья и Ставропольскую губернию. Для устройства каждой учебной фермы было ассигновано по 15 тысяч рублей и отведено определенное количество земли (наименьшую площадь получила Юго-западная ферма — 482 десятины, наибольшую — Екатеринославская, 2620 десятин). Для каждой фермы были утверждены определенные севообороты,— например, Северная ферма наряду с обычным зерновым трехпольем вела семипольное выгонное хозяйство и пятипольное плодопеременное [211].

Деятельность учебных ферм вызывала различные оценки у современников: известный экономист Линовский, близкий к славянофильским кругам, сочувственно приветствовал инициативу Министерства государственных имуществ; сотрудник самого Министерства академик К. С. Веселовский скептически отзывался о показательном характере заведенного хозяйства [212]. Отчеты, публиковавшиеся учебными фермами, показывают, что наряду с выполнением своей основной задачи — обучением молодых крестьян — фермы занимались исследованием местных условий сельского хозяйства: наблюдали изменения погоды и влияние этого фактора на земледелие, изучали вредителей сельского хозяйства, испытывали действие земледельческих орудий, производили опыты разведения растений и т. д. Кроме того, фермы оказывали некоторое содействие местному крестьянству: они устраивали случные пункты, продавали по дешевой цене скот, земледельческие орудия и отборные семена, давали желающим сельскохозяйственные советы. Насколько ограничен был масштаб этой помощи, показывают данные 50-х годов по Юго-восточной и Екатеринославской фермам: на первой из них за несколько лет было продано в соседние села только 5 племенных бугаев: на второй за 1852 год было сделано по заказу крестьян только 2 улучшенных плуга [213]. Можно не сомневаться что содействием ферм пользовались преимущественно зажиточные хозяева; масса крестьян оставалась в стороне от этой «показательной агропропаганды», не имела средств на введение улучшенных способов земледелия и вела хозяйство по старым, дедовским обы-

[210] ЖМГИ, 1846, ч. XX, отд. V, стр. 134.

[211] Обзор действий Департамента сельского хозяйства с 1844 по 1849 гг. ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, отд. I, стр. 226—238).

[212] Я. Линовский. Сельское хозяйство («Московитянин», 1845, № 3, стр. 27—30, 37); Воспоминания К. С. Веселовского (РС, 1903, октябрь, стр. 32).

[213] ЖМГИ, 1850, ч. XXXIV, отд. IV, стр. 41—45, ч. XXXV, отд. IV, стр. 20—26. 1851, ч. XXXVIII, отд. I, стр. 121—144; 1852, ч. XLII, отд. I, стр. 184—208; ч. XLIV, отд. I, стр. 181—209; 1854, ч. LI, отд. III, стр. 43—74; 1855, ч. LV, отд. IV, стр. 183—206

чаям. Так было в окрестностях Северной фермы, так было и в 22 деревнях, приписанных к Горыгорецкой земледельческой школе. Особенно характерен последний пример. По свидетельству руководителей школы, крестьяне, которых насчитывалось в 1844—1845 годах 5717 душ, а в 1846 году — 3588 душ, усиленно трудились над обработкой своих полей, но собирали с них самую скудную жатву: в 1845 году урожай озимого был «сам-один с половиной», ярового — «сам — друг»; приблизительно столько же было собрано в следующем году. Несмотря на близость опытно-показательного хозяйства, способы обработки крестьянских полей были неудовлетворительными, скот содержался плохо и был дурного качества, навоза не хватало, почва получала мало удобрения и все более и более истощалась. Авторы отчетов сами указывали основную причину такого состояния хозяйства: крестьяне страдали от бедности, имели мало лугов и скота, жили разведением коноплянников и не выходили из состояния недоимочности[214]. В той или иной степени такая картина была типична и для других, особенно земледельческих, районов. Киселев и его помощники считали, что виной всему — крестьянская косность; более вдумчивые и беспристрастные наблюдатели понимали, что всякая, даже самая энергичная, агропропаганда будет бессильной в условиях экономической маломощности деревни.

Более осязательные результаты давало обучение сельскому хозяйству молодых крестьян, командированных на фермы: ежегодно, начиная с 1848 года, происходили выпуски воспитанников, которые предварительно подвергались испытаниям и в случае успешных ответов получали свидетельства, снабжались запасами семян и земледельческими орудиями и отсылались обратно на родину для показательной пропаганды приобретенных знаний. Однако и здесь результаты были далеко не блестящими ни в количественном, ни в качественном отношении. Отсев учащихся на учебных фермах был не менее значительным, чем в Горыгорецком институте.

Таблица 42

Количество воспитанников учебных ферм*

Годы	Учащиеся	Окончившие	Годы	Учащиеся	Окончившие
1844	102	—	1851	762	200
1845	233	—	1852	880	86
1846	434	—	1853	803	175
1847	577	—	1854	685	240
1848	706	24	1855	702	220
1849	685	105	1856	800	162
1850	761	161	Итого:	8 130	1 373

* Отч. (приложения к ЖМГИ, 1845—1857 гг.).

Несмотря на некоторые колебания, количество воспитанников обнаруживало тенденцию к возрастанию, но число окончивших в общей сложности составляло только 16,6% (табл. 42). Еще печальнее были практические итоги обучения. Сначала предполагалось, что крестьяне, получившие подготовку на фермах, станут хозяевами образцовых усадеб

[214] ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 91—92, 223—229; ч. XX, отд. I, стр. 100; 1847, ч. XXV, отд. II, стр. 50—53; 1852, ч. XLII, отд. I, стр. 179—183.

и распространят в деревне усовершенствованные приемы земледелия и скотоводства; однако разрешение вопроса об образцовых усадьбах затянулось на многие годы, и крестьяне, обученные на фермах, оказались предоставленными собственным силам. Многие из них были командированы на фермы из числа бездомных сирот и, вернувшись на родину, не имели не только земли и инвентаря для ведения хозяйства, но даже места, где можно было преклонить голову; другие, возвратившиеся в свои семейства, не имея никаких средств для введения агрономических улучшений, должны были подчиняться принудительному общинному севообороту, исключавшему возможность серьезных нововведений. В мае 1850 года Ученый комитет предложил провести следующие меры: убедить сельские общества отвести обученным сиротам отдельные земельные участки и выдать им из хозяйственного капитала «незначительные на первоначальное обзаведение ссуды»; постараться посредством браков ввести обученных сирот в «добропорядочные крестьянские семейства», «в хозяйстве коих они могли бы участвовать», наконец, разместить часть сирот в помещичьи имения на должности старост или надсмотрщиков за сельскохозяйственными работами. В таком духе и был составлен циркуляр министра от 26 июня 1850 года[215]. На будущее время Ученый комитет рекомендовал направлять на фермы молодых крестьян «только из лучших, и если не всегда богатых, то и не бедных семейств», а по окончании курса снабжать их обособленным семейным участком земли, денежной ссудой от 60 до 100 рублей и лесом на постройку избы. Комитет считал, что не следует спрашивать согласия общества на наделение таких крестьян землей, «потому что заранее должно опасаться, что сельские общества, по свойственным необразованным людям зависти и отвращению к нововведениям, редко изъявят свое согласие на исключение из общего надела земель особых участков». После такой высокомерно-барской тирады Комитет сознавался, что причиной отказа сельского общества может быть малоземелье, и рекомендовал в этом случае отводить участки из казенных оброчных земель или из отдаленных пустующих пространств[216]. Однако министр не принял во внимание советы Ученого комитета. Хозяйствующие крестьяне, не говоря уже о зажиточной прослойке, неохотно отдавали своих сыновей на фермы, так как дорожили рабочей силой в собственных семействах; Министерство в свою очередь неохотно шло на новые денежные затраты. Вопрос разрешился формальным циркуляром 18 марта 1853 года, который вверял молодых крестьян, окончивших учение на фермах, попечению управляющих Палатами и окружных начальников, предписывая «вникать в их нужды, личными советами и увещаниями побуждать их к полезной деятельности, оказывать им все возможные поощрения»[217].

Каковы были практические итоги этих министерских начинаний, показывает донесение архангельского ревизора о воспитанниках Северной (Вологодской) учебной фермы. В течение 9 лет, с 1843 года по 1851 год, из Архангельской губернии было командировано на ферму 52 крестьянина, из них: 2 умерло на ферме; 8 человек было возвращено обратно по разным причинам — по болезни, по неспособности или за дурное поведение; 2 были оставлены на ферме в качестве мастеров; 22 человека продолжали обучение, и только 18 вернулись на родину с удостоверением об окончании курса. Судьба этих окончивших обучение была такова: 8 человек считались наделенными землей (одни из них водворились в «своих семействах», другие получили огородные участки, часть — имела разрешение на расчистку пустошей), 9 человек ожидали наделения и один

[215] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27239, лл. 110—111.
[216] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4362, лл. 46—47.
[217] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1853 г., д. 1350, ч. I, лл. 261—262.

оказался «вовсе не водворен по неимению родных и никакого хозяйства». В числе счастливцев был крестьянин Леонтий Тубанов, получивший в Воронежском обществе Холмогорского уезда «маленький клочок» полевой земли и огородный участок. На огороде он развел корнеплодные, стручковые, лиственные и масличные растения, «которых до сего времени никогда и ни у кого из туземных хозяев не разводилось», а полевой клочок засеял пшеницей, ячменем и овсом «разных пород». Тубанов получил со своей земли обильный урожай, который привел в умиление ревизора Пащенко. Однако ревизор тут же задумался о необходимости оказывать содействие окончившим учение «юным домохозяевам» в сбыте этих новых сортов растений, «иначе, не зная, куда с ними деваться, они не будут видеть ни пользы, ни вознаграждения от своих трудов» [218].

Таким образом, Министерство мало сделало, чтобы обеспечить реализацию знаний, приобретенных воспитанниками учебных ферм. Не имея достаточно земли, не получая денежного пособия и активного содействия со стороны местных органов, молодые крестьяне, прикоснувшиеся к начаткам агрономической науки, должны были чувствовать себя бессильными одиночками, затерянными в пустыне рутинного сельского хозяйства.

Положение могло быть иным, если бы Министерство осуществило свою первоначальную мысль об организации образцовых сельских усадеб. В 1843 году были уже намечены места для таких усадеб; в Вятской, Нижегородской, Московской, Тульской, Орловской, Тверской, Смоленской и Псковской губерниях были составлены и утверждены планы усадеб и дано разрешение на возведение построек. В 1844 году две усадьбы — одна в Вятской, другая в Нижегородской губернии — начали функционировать. Но затем Министерство стало медлить с организацией усадеб, ссылаясь на недостаток людей, способных вести образцовое хозяйство, и на необходимость выждать окончания курса воспитанников учебных ферм. Были организованы еще две усадьбы: одна — в 1846 году около Орла, другая в 1851 году в Смоленской губернии, которые были поручены низшим агрономам, окончившим Горыгорецкую школу. С учебных ферм начали поступать большие группы крестьян, предназначенных вести образцовые хозяйства. Между тем подготовлявшийся закон об образцовых усадьбах не появлялся и в министерских отчетах стали звучать более чем скептические ноты. «Образцовые усадьбы, — сообщал отчет за 1852 год, —остаются в прежнем составе. Опыт их еще не убедил министерство в том, что они могут служить надежным проводником для введения среди сельского состояния усовершенствований, столь резко изменяющих их быт и привычки» [219]. Судя по имеющимся данным, Министерство начало не только сомневаться в эффективности задуманной формы агропропаганды, но и пугаться размеров необходимых затрат на ее организацию. Киселев и его сотрудники предпочитали переложить расходы на другие плечи, прежде всего имея в виду зажиточных домохозяев и сельских священников. Из 5 образцовых усадеб, которые числились в отчетах к концу управления Киселева, некоторые были устроены не казной, а богатыми крестьянами, которые вели широко поставленное предпринимательское хозяйство. Именно такой характер носила «усадьба» крестьянина Макара Максимова, устроенная в Уржумском округе Вятской губернии и неизменно фигурировавшая во всех отчетах Министерства. Максимову принадлежало свыше 66 десятин земли, из которых более 31 десятины было отведено под пашню, 15 десятин — под сенокос, на $2^1/_4$ десятины был разведен фруктовый сад, а остальное пространство было занято огородом, скотным двором и многочисленными службами:

[218] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15695, приложение, т. I, лл. 200—201.
[219] Отч., 1852 г., стр. 3—4.

хлевами, амбарами, случными конюшнями, баней и пр. При усадьбе находилось 42 головы скота — лошадей, коров и овец, 36 штук домашней птицы — кур, гусей, уток, индеек; была устроена искусственная подача воды для орошения. Хозяин засевал разнообразные виды растений: 3 сорта ржи, по 4 сорта ячменя и овса, по 2 сорта пшеницы и льна; кроме того, на полях возделывались сибирская чечевица, горох, гречиха и кукуруза. В хозяйстве применялся четырехпольный севооборот и употреблялись усовершенствованные земледельческие орудия; в землю вкладывались различные виды удобрений. В саду росло 320 фруктовых деревьев, не считая нескольких сотен молодых высадков. Максимов собирал ежегодно богатый урожай: более 200 четвертей хлеба, более тысячи пудов сена, 4200 пудов соломы, много овощей и фруктов. Картофель не только употреблялся в пищу, но и перерабатывался в муку. Все это хозяйство было устроено Максимовым на его собственные средства, без всякого содействия Министерства. По свидетельству ревизора Корсуна, некоторые приемы ведения хозяйства Максимова перенимали соседние крестьяне, очевидно принадлежавшие к такой же зажиточной прослойке и имевшие возможность вкладывать в землю дополнительные средства. Так, по примеру Максимова один из крестьян Глазовского округа той же Вятской губернии вызвался завести образцовое хозяйство с четырехпольным севооборотом, кузницей и кожевенным заведением, чтобы «обслуживать» окрестное вотяцкое население. Можно не сомневаться, что рядовому середняцкому крестьянству, не говоря уже о многочисленной бедноте, были недоступны рациональные нововведения обладателя 66 десятин и богатого живого и мертвого инвентаря [220].

Помимо крестьян, в той же плодородной Вятской губернии были хорошо обеспеченные хозяева в лице некоторых сельских священников, охотно вводивших у себя земледельческие улучшения и даже применявших плодопеременную систему. Министерство решило использовать их в целях показательной пропаганды: по распоряжению Киселева, сделанному в 1848 году, Департамент сельского хозяйства должен был снабжать их наставлениями и руководствами, а местное управление с помощью Северо-восточной фермы (около Казани) — отпускать им земледельческие орудия по себестоимости, а семена — бесплатно. В хозяйствах сельских священников увидели искомую точку опоры, которая с минимальными затратами от правительства поможет распространению агрономических навыков среди крестьянства. «Доселе,— писал управляющий Департамента в предписании местным Палатам,— крестьянское хозяйство едва ли сделало какие-либо успехи с содействием местного управления государственных имуществ; при всех трудностях, какие представляются для введения у крестьян улучшений, это упрек заслуженный, который следует выкупить, положив основание будущим успехам. Содействие священников будет первым к этому шагом» [221]. Однако и эта мера не принесла ожидаемого эффекта: ни в министерском журнале, ни в годовых отчетах мы не находим данных о широкой и плодотворной реализации предпринятой попытки: очевидно, и здесь сказались, с одной стороны, бедность и недоверие крестьянской массы, с другой,— равнодушие и рутинерство местного управления.

Гораздо успешнее была другая «поощрительная» мера — устройство местных сельскохозяйственных выставок. Министерство действовало в этом случае, широко используя общества сельского хозяйства и стараясь охватить все слои сельского населения. Задачей выставок было демонстрировать лучшие достижения земледелия, скотоводства и крестьянской

[220] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. III, лл. 19—22; ЖМГИ, 1849, ч. XXX, отд. III, стр. 47—51; Отч., 1850 г., приложение 17.
[221] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2182, л. 11.

промышленности, способствовать сбыту местных продуктов и влиять на повышение методов сельскохозяйственного производства. Ежегодно устраивалось от 2 до 4 выставок — не только в губернских городах (Москве, Казани, Вятке, Киеве, Харькове, Риге, Симферополе и др.), но и в уездных (Одессе, Лебедяни, Ромнах, Кролевце, Кинешме и пр.). Время от времени выставки бывали в крупных местечках и селах: на Коренной ярмарке Курской губернии, в селе Великое Ярославской губернии, в селе Боголюбово Владимирской губернии, в местечке Горки Могилевской губернии. Открытие выставок, как правило, приурочивалось к осеннему времени года и соединялось с началом ярмарки, когда происходил большой съезд продавцов и покупателей. Каждая выставка предназначалась для продуктов и изделий нескольких губерний: например, Киевская выставка 1852 года охватывала губернии — Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую и Курскую; Воронежская выставка 1853 года — губернии Воронежскую, Тамбовскую, Орловскую, Тульскую и Рязанскую. В качестве экспонентов выступали помещики, крестьяне государственные и помещичьи, сельскохозяйственные учреждения (фермы, сады, питомники и пр.), иногда — ремесленники и купцы. Обыкновенно государственным крестьянам принадлежало главное место: на Воронежской выставке 1853 года, одной из наиболее удавшихся, из 532 экспонентов было 469 государственных крестьян, которые выставили 60% всех экспонатов; на Харьковской выставке 1854 года участвовало 409 представителей, давших 885 предметов; из них было 368 государственных крестьян, выставивших 574 экспоната [222]. На первом месте неизменно фигурировали продукты хлебопашества, огородничества и садоводства: различные виды зерновых культур, масличные растения, на юге — табак, шелк, виноград; на многих центральных и южных выставках (особенно в Крыму и Бессарабии) экспонировались разнообразные сорта овощей и фруктов. Повсюду были широко представлены крестьянская домашняя промышленность, продукты крестьянского ремесла и мелких капиталистических предприятий: изделия из льна, шерсти, пеньки, дерева, кожи и пр. Особенно выделялись количеством и разнообразием промышленных экспонатов выставки Ярославской, Костромской, Нижегородской и других губерний промышленного центра. Нередко в числе экспонатов были самостоятельные изобретения крестьян — усовершенствованные земледельческие орудия и модели примитивных машин (например, витушки для размотки шелка на Кролевецкой выставке 1850 года, турбинной мельницы на Вятской выставке 1854 года, воскобойни на Лебедянской выставке 1854 года и пр.). Значительно беднее были отделы животноводства, если не считать выставок южных степных губерний, культивировавших разведение породистых лошадей, мериносовых овец и других видов скота. Выставки возбуждали большой интерес у местного населения: например, Воронежскую выставку 1853 года за 5 дней посетило более 12 тысяч человек; Нижегородская выставка того же года, продолжавшаяся две недели, собрала около 60 тысяч посетителей. Обыкновенно экспоненты сами показывали выставленные предметы, давали объяснения, отвечали на вопросы; иногда между посетителями завязывалось коллективное обсуждение качества интересующих экспонатов. При некоторых выставках, например, в 1846 году в Екатеринославе, в 1848 году в Кишиневе, в 1849 году в Кинешме и др. устраивались состязания лошадей и волов в перевозке тяжестей на разных уклонах. При закрытии выставок раздавались награды за наилучшие экспонаты. Многие государственные крестьяне получали за свои продукты и изделия золотые и серебряные медали, похвальные листы и денеж-

[222] ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 101—158; 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 102—138.

ные премии — от 1 рубля до 50 рублей серебром: в числе награжденных было немало женщин, выставлявших образцы своего ткацкого искусства.

Не все выставки всесторонне охватывали местное сельское хозяйство: иногда не хватало таких продуктов, которые были особенно типичными для данного края (например, в 1848 году в Ромнах были плохо представлены корнеплоды, в 1851 году в Кролевце — овощи и фрукты и т. д.). На выставки отбирались лучшие образцы земледелия и скотоводства, которые, как правило, производились в помещичьих и зажиточных крестьянских хозяйствах. Сами современники признавали относительное значение такого публичного показа. Автор подробного описания Казанской выставки 1852 года отмечал, что в Казанской губернии насчитывается больше миллиона жителей, а на выставке представлено только 229 хозяев (в том числе экспоненты из Нижегородской и Вятской губерний); поэтому нельзя на основании выставленных предметов судить о степени развития местного сельского хояйства [223]. В известной мере выставки отражали изобретательность и искусство рядового крестьянства (например, в отделах ремесленных изделий), но в основном этот вывод казанского корреспондента был вполне правильным. Нужно помнить также другое: хозяева, награжденные за свои экспонаты — образцы выращенных растений, новых пород скота, мастерски выработанных изделий— были обязаны своими знаниями и навыками самим себе, а не Министерству государственных имуществ. Это был итог самостоятельных усилий русского крестьянина и его собратьев из других народов, показывавший высший уровень развития производительных сил, достигнутый сельским хозяйством. За исключением немногих экспонатов, представленных питомниками и учебными фермами, Министерство не могло щегольнуть здесь своими собственными достижениями. Устраивая ежегодные выставки, подчиненные Киселева производили смотр не агрономической деятельности Министерства, а индивидуальной распыленной работе мелких производителей, которая развертывалась независимо от правительства и не испытывала на себе его направляющего и организующего влияния. Тем не менее, сама организация выставок имела некоторое прогрессивное значение: она помогала обмену опытом, поощряла более инициативных хозяев и в известных, хотя и очень ограниченных пределах, способствовала распространению более рациональных методов хозяйства. Отчеты о выставках, печатавшиеся на страницах министерского журнала, сами по себе являются важным источником для изучения развития сельского хозяйства в десятилетия, предшествовавшие реформе 1861 года [224].

Помимо наград за выставленные экспонаты, Министерство имело еще одно средство для поощрения рационализаторов из крестьянской среды: на основании заявок изобретателей оно выдавало им привилегии на монопольную реализацию их изобретений. По действующим законам привилегии выдавались на 10 лет под определенным условием — практически осуществить свой проект в продолжение четверти установленного срока. Однако отсутствие собственных средств или возможности продать изобретение сводило на нет все усилия рационализаторов. В 1845 году государственные крестьяне деревни Дурдино Ярославской губернии братья Хит-

---

[223] ЖМГИ, 1853, ч. XLVII, отд. I, стр. 1—22.

[224] ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. II, стр. 367; 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 63, 148, 237; 1847, ч. XXII, отд. I, стр. 138—151, 194; ч. XXIII, отд. II, стр. 1; 1848, ч. XXVI, отд. II, стр. 1, 75—151, ч. XXIX, отд. II, стр. 166; 1849, ч. XXX, отд. I, стр. 1, 187; ч. XXXIII, отд. II, стр. 99; 1850, ч. XXXIV, отд. II, стр. 164; ч. XXXV, отд. II, стр. 159; ч. XXXVI, отд. I, стр. 1—18; 1851, ч. XXXVIII, отд. I, стр. 203; ч. XXXIX, отд. I, стр. 67, 103, 227; 1852, ч. XLII, отд. I, стр. 147; ч. XLIII, отд. II, стр. 222, 245; 1853, ч. XLVI, отд. I, стр. 119—143, 245—266; ч. XLVII, отд. I, стр. 118; 1854, ч. L, отд. II, стр. 66, 101—164; ч. LI, отд. II, стр. 23—66, 109—118; 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 40, 102; ч. LV, отд. II, стр. 17—18; ч. LVI, отд. II, стр. 15.

ровы изобрели сенокосилку, которая за 8 часов, управляемая одним работником, скашивала и разбрасывала траву на пространстве более 5 десятин. Изобретатели, представившие чертежи и описание машины, получили от Министерства соответствующую привилегию, но прошло 3 года, и на страницах министерского журнала появилось извещение об уничтожении привилегии на изобретенную машину «по неприведению ее в действие»[225].

Министерство не только не помогало реализации крестьянских изобретений,— оно было очень скупо, когда заходила речь о денежной помощи крестьянам в случаях падежа скота или других стихийных несчастий. За 15 лет, с 1840 года по 1854 год, по данным самого Министерства, крестьяне получили ссуды на покупку скота в размере 200 тысяч рублей, хотя эпизоотии унесли у них более 3 миллионов голов[226]. Более щедрыми были органы Министерства в вопросе об удешевленной продаже, а иногда и бесплатной раздаче семян и посадок из садовых питомников: в министерских отчетах встречаются указания на десятки тысяч кустарников и деревьев, ежегодно распределявшихся между частными владельцами и крестьянами (например, в 1853 году из одного Симферопольского питомника было разослано по соседним губерниям 110 тысяч тутовых деревьев). Количество раздававшихся семян тоже измерялось тысячами пудов ежегодно[227]. Судя по данным о характере местного управления, можно предполагать, что и эти раздачи шли преимущественно в пользу зажиточной прослойки деревни.

Министерство хорошо знало недостатки своей показательной агропропаганды и старалось компенсировать их словесными наставлениями, увещаниями и призывами. Это была наиболее простая и легкая форма деятельности, которой, по свидетельству К. С. Веселовского, и занимались бюрократические канцелярии III Департамента. За 19-летнее управление Киселева из-под пера министерских чиновников вышло множество циркуляров и руководств: о пользе травосеяния, о необходимости расчищать леса и осушать болота, о важности удобрения и борьбы с вредными насекомыми, о заведении общественных садов и огородов и т. д.[228] Эти произведения адресовались в губернские Палаты, которые должны были рассылать рекомендации Министерства в окружные и волостные управления, а окружные начальники, старшины и старосты — внедрять в сознание «непросвещенного крестьянства». Один из участников этой официальной агропропаганды называет ее «бесплодным искусством бессознательного многословия», которая принимала порой изощренные формы, но приносила очень мало практической пользы[229].

Гораздо плодотворнее была издательская деятельность Министерства государственных имуществ. Еще предшественником Киселева Канкриным было положено основание «Земледельческой газете» — популярному органу, предназначенному распространять практические сведения по сельскому хозяйству. Газета рассылалась в количестве 4000—4200 экземпляров, в том числе во все Палаты, окружные и волостные управления, обязанные подписываться на нее на основании циркуляров. «Земледельческая газета» носила производственно-технический характер, но наряду с разнообразными советами и наставлениями заключала в себе сельскохозяйственную хро-

[225] ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. VIII, стр. 184; 1849, ч. XXXI, отд. VI, стр. 43.

[226] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1858 г., д. 129, ч. IV, л. 1075.

[227] ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 171 и т. д.

[228] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. I, лл. 187—188; ч. II, лл. 34—36; 1841 г., д. 350, ч. II, лл. 78—79; 1853 г., д. 1350, ч. I, лл. 11—12; 1856 г., д. 1667, ч. I, л. 312; ф. V О. д. 27147, л. 78, д. 27180, л. 136; д. 27204, л. 34 д. 27228, лл. 50—51; д. 27239 л. 56; ЖМГИ, 1841, ч. II, отд. I, стр. XXIII—XXV; 1843, ч. VII, отд. I, стр. XVIII; 1844, ч. X, приложение и т. д.

[229] РС, 1903, октябрь, стр. 22.

нику различных районов России. К этому периодическому изданию Киселев присоединил второе, выходившее с 1841 года и имевшее целью распространять «сведения по хозяйственной и камеральной части» между чиновниками Министерства и «более образованными и достаточными хозяевами из сословия помещиков»[230]. В программу «Журнала Министерства государственных имуществ» входило знакомить читателей с официальными распоряжениями правительства, пропагандировать лучшие агрономические методы и освещать состояние сельского хозяйства в стране. В журнале помещались статьи по агротехническим вопросам, экономические характеристики различных губерний, уездов и волостей, хроника сельскохозяйственной жизни и рецензии на книги по сельскому хозяйству. Редактором журнала был А. П. Заблоцкий-Десятовский, его помощником — К. С. Веселовский. На сером фоне официальной журналистики 40—50-х годов «Журнал Министерства государственных имуществ» выделялся большей содержательностью и в крайне осторожной форме высказывался за преимущества вольнонаемного труда перед трудом принудительным. Тираж журнала колебался от 673 до 900 экземпляров. По изложению своих статей он оставался недоступен для читателей-крестьян[231]. На такой же узкий круг более культурных хозяев и специалистов-практиков были рассчитаны непериодические издания Министерства: агрономические руководства, статистические обзоры, отчеты III Департамента и т. д. Чтобы поощрить авторов к составлению хозяйственно-статистических описаний разных районов, Министерство объявляло конкурсы на лучшие сочинения. В числе других были награждены золотыми медалями крепостной крестьянин А. Н. Никольский за описание Балашевского уезда Саратовской губернии и провинциальный учитель В. Черемшанский, окончивший Горыгорецкий институт,— за описание Оренбургской губернии (обе книги до сих пор не утеряли своего значения)[232]. Некоторые работы сотрудников Министерства — К. С. Веселовского, П. И. Кеппена, Я. А. Соловьева, А. П. Заблоцкого-Десятовского — приобрели широкое научное и общественное значение, заслужив высокую оценку В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского[233].

По примеру Вольного экономического общества Ученый комитет Министерства время от времени объявлял «задачи» на соискание премий. Темами конкурсных сочинений избирались наиболее важные вопросы русской агрономии: о препятствиях к развитию крестьянского хозяйства, о мерах улучшения луговодства, о средствах добывания воды в степных местностях, об освоении солонцеватых почв под хлебопашество и т. д. За лучшие работы на эти темы выдавались золотые и серебряные медали. Конкурсы привлекали десятки участников (например, на тему о луговодстве было представлено 84 сочинения) и находили отражение на страницах министерского журнала[234]. Однако все эти работы оставались только теоретическими рассуждениями, не получая реализации на практике и не поднимая уровня сельского хозяйства.

Каковы же были реальные результаты агрономических мероприятий Министерства государственных имуществ? Улучшилось ли крестьянское хозяйство под непосредственным воздействием 19-летнего управления Киселева? Расширилась ли крестьянская посевная площадь? Увеличилось

---

230 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, л. 109; д. 27147, лл. 91, 93.

231 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 32; ЖМГИ, 1842, ч. IV, отд. III, стр. 56; 1843, ч. VIII, отд. IV, стр. 69; «Москвитянин», 1845, кн. IV, стр. 39 и кн. V—VI, стр. 183; Отч.

232 ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 158—166.

233 В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. М., 1948, т. II, стр. 617—618; т. III, стр. 28, 755; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II, 1949, стр. 765—775; т. III, 1947, стр. 452 (о К. С. Веселовском и П. И. Кеппене).

234 ЖМГИ, 1841, ч. I, отд. XII, стр. 283; 1842, ч. V, отд. V; ч. VI, отд. VI.

ли крестьянское поголовье скота? Повысилась ли урожайность крестьянских полей? Изменились ли старые, рутинные способы ведения хозяйства? Министерские отчеты, которые стремились зарегистрировать каждое положительное явление в этой области, не дают основания для утвердительного ответа на поставленные вопросы. Конечно, нельзя отрицать отдельных улучшений, которые вносились в практику сельского хозяйства в результате организованной случки скота, раздачи отборных семян, устройства учебных ферм и сельскохозяйственных выставок. Но те же годовые отчеты констатировали неудачи Министерства в его пропаганде полевого разведения картофеля, пасечного пчеловодства, использования торфяного топлива; составители отчетов вынуждены были указывать на плохую обработку почвы, недостаток и низкое качество деревенского скота, невозможность для крестьян пользоваться земледельческими машинами. Некоторые достижения в крестьянском хозяйстве, например начало травосеяния в окрестностях Петербурга, развитие виноградарства и шелководства в южных районах, нововведения у зажиточных хозяев — были результатом стихийного роста производительных сил и нейтрализовались упадком хозяйства среди основной массы населения деревни.

Киселев не скрывал от себя тяжелого положения крестьянского земледелия и скотоводства, не скрывал и очевидного факта безуспешности агрономических мероприятий своего Министерства. В отчете за 1848 год он ссылался на «многие неблагоприятствующие причины, внешние и внутренние»: общинные переделы, которые мешают всякому земледельческому улучшению, слабое развитие путей сообщения, равнинный характер страны, который влечет за собой бедствия засухи, наконец недостаток агрономических знаний в массе сельских производителей. Но он тут же прибавлял, что «душевой раздел земель, столь вредный для всякого коренного улучшения в хозяйстве, имеет свою выгоду в отношении устранения пролетариев и потому составляет вопрос, которого решение выходит из пределов чисто экономических». Вопрос о развитии путей сообщения, продолжал Киселев, уже поставлен на очередь. «Невыгоды физического свойства страны правительство переменить не в состоянии; при рациональном однако же знании дела производители могут отклонить многие неудобства. Распространение лесоводства, учреждение водных запруд (ставов), орошение полей могут уменьшить вредное влияние засухи; но всякое движение к улучшению подобного рода,— подчеркивал Киселев,— должно иметь началом... собственное сознание производителей в выгодах рационального хозяйства. Таковое убеждение достигается не законодательными мерами, но распространением полезных сведений, примерами и поощрениями. Это — единственный путь, которым министерство может действовать и действует...» [235].

Другими словами, дворянское государство, следуя своей классовой бюджетной политике, отказывалось от широких агрономических начинаний, целиком перелагая инициативу на индивидуальных производителей. Конечно, при господстве частной собственности на землю исключалась возможность крупных лесных насаждений, искусственного орошения и других преобразований, радикально разрешающих вопрос о засухе и ликвидации неурожаев. Но Киселев умалчивал, почему он не вносит проекта о расширении агрономического образования, об осушении и обводнении огромных пространств казенных земель, об облесении степных государственных имений, об устройстве агрономических пунктов на территории государственной деревни. Такая программа агрономических улучшений, возможная и при феодальной собственности на землю, была не по силам отсталому крепостническому государству и не отвечала

---

[235] Отч., 1848 г. (ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, стр. 33—34).

принципам феодально-дворянской политики, а скудные крестьянские сбережения, которые должны были финансировать агрономические меры правительства, составляли слабую точку опоры для всяких широких преобразовательных планов.

В 1851 году, убедившись в бесплодности прежних министерских опытов, Киселев предложил III Департаменту «обсудить меры, какие должны быть приняты к улучшению сельского хозяйства вообще и хозяйственного устройства государственных крестьян в особенности»; со своей стороны Киселев высказал мысль о необходимости «образовать особые специальные учреждения, именно инспекции сельского хозяйства». Ученый комитет Министерства нашел, что поставленная цель — инструктирования и наблюдения — может быть достигнута более простым и дешевым способом: путем командирования в каждую губернию по одному или по два агрономов. Вопрос был поставлен на обсуждение управляющих Палатами, но не получил никакого разрешения до самого ухода Киселева [236].

7. Обучение и воспитание

Улучшение крестьянского хозяйства неразрывно связывалось в представлении Киселева и его сотрудников с распространением начального школьного обучения. «Человек, погруженный в невежество,— признавала одна из статей министерского журнала,— следует рутине своих отцов и дедов с слепою безотчетною привязанностью... Напротив, образование, сообщая новые понятия, располагает человека к доверенности и, следовательно, к усовершенствованию и переимчивости лучшего» [237]. Киселев возлагал большие надежды на реализацию закона 1842 года об учреждении приходских училищ и старался широко пропагандировать эту меру, возбуждая к ней сочувствие и помещиков, и государственных крестьян [238]. Самая мысль о создании сети начальных деревенских школ вызывала живые отклики со стороны крестьян. В первые же годы из 26 губерний — великорусских, украинских, молдавских, татарских — поступили денежные пожертвования на открытие школ в размере более 19 тысяч рублей; в числе жертвователей преобладали государственные крестьяне, которые вносили индивидуально и коллективно значительные суммы: группа крестьян Пензенской губернии внесла 264 рубля 89½ копейки; сельское общество в Полтавской губернии — 384 рубля 53 копейки, общество Ахтырского округа Харьковской губернии — 1429 рублей 74 копейки, Аткарское сельское общество Саратовской губернии — 2750 рублей, группа крестьян Вятской губернии — 3442 рубля 88¾ копейки и т. д.; одиночки из крестьян, по-видимому принадлежавших к зажиточному слою, жертвовали от 17 до 150 рублей; во многих местах отводили для училищ собственные дома, в некоторых пунктах покупали школьную мебель и учебные пособия [239]. Многие крестьяне открыто выражали желание отдавать своих сыновей в учение, а кое-где просили даже открыть прием для обучения девочек. Однако были и противоположные явления: в районах, населенных старообрядцами, проявлялось естественное недоверие к школам, в которых должны были преподавать священники-«никониане»; некоторые крестьяне вспоминали печальную судьбу кантонистов и опасались, что государство отнимет у них детей навсегда, без возврата. Местные чиновники и их сельская агентура

---

[236] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1855 г., д. 6402, л. 57.

[237] ЖМГИ, 1842, ч. VI, отд. VI, стр. 88. Ср. ЖМГИ, 1845, ч. XIV, отд. III, стр. 273; ч. XVI, отд. VI, стр. 54—56; ч. XII, отд. VI, стр. 52.

[238] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13219; ЖМГИ, 1842, ч. IV, отд. VIII, стр. 81; ф. Кнц М, 1844 г., д. 583, лл. 22—26.

[239] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1844 г., д. 583, лл. 22—25; ф. V О, д. 27204, л. 60.

нередко поддерживали такое отношение крестьян своими действиями: требовали отправки школьников «по наряду», за отказ избивали родителей, намеренно объявляли набор весной, перед полевыми работами и вымогали у родителей деньги за освобождение от школьной «повинности»[240]. В некоторых пунктах, например в Смоленской и Минской губерниях, сельские власти налагали на крестьян незаконные «школьные» сборы и присваивали себе суммы, которые шли на наем школьного помещения[241].

По первоначальному плану Киселева предполагалось постепенно увеличивать количество открываемых училищ, с тем чтобы каждое сельское общество имело особую школу. Согласно утвержденным штатам, на содержание каждого училища ассигновывалось в год 250 рублей, в том числе 85 рублей священнику или диакону за обучение 25 детей, 75 рублей — помощнику из числа диаконов, причетников или окончивших семинаристов, 45 рублей — на наем, отопление и освещение школьного дома, 27 рублей 50 копеек — на покупку учебных пособий и 17 рублей 50 копеек — на оплату труда сторожа. Если главный наставник обучал больше детей, он получал прибавку (до 40 человек — 15 рублей, свыше этого количества — еще 15 рублей). Ежегодно Министерство тратило на содержание училищ не более 417 тысяч рублей (в 1847 году) и не менее 258 тысяч рублей (в 1845 году). Эти расходы покрывались суммами общественного сбора, предназначенными на подготовку сельских и волостных писарей, а при недостатке таких сумм — отчислениями от хозяйственного капитала. Однако вскоре обнаружилось резкое несоответствие между количеством открываемых школ и ограниченными размерами денежных ассигнований: во многих губерниях, особенно в районах Белоруссии, Литвы и Западной Украины, пришлось искусственно сокращать школьную сеть; многие училища не имели помощников главного наставника; в некоторых пунктах учителя не получали жалованья. В 1845 году Министерство предписало в 9 западных губерниях назначить «нормальное» число училищ в соответствии с имеющимися средствами. В 1851 году такое же ограничение было установлено для остальных губерний: было решено иметь по одному училищу в каждой волости, а «излишние» школы сделать передвижными, переводя их из одной местности в другую. Кроме того, было разрешено принимать в училища государственных крестьян также детей из других сословий, но с тем, чтобы они платили наставнику по 3 рубля серебром в год[242].

На основании министерских отчетов развитие школьной сети представляется в следующем виде (табл. 43).

В числе учащихся были девочки, которых в 1847 году насчитывалось 1980; постепенно это количество возрастало и в 1854 г. достигло 19653[243].

Однако отчетные данные Министерства были далеко не безупречными: ревизии установили, что в некоторых губерниях ведомости Палат не совпадали друг с другом, а в некоторых представленные цифры оказались преувеличенными. Например, при обследовании Казанской губернии ревизором Тимофеевым было показано за 1846 год в одном случае 71 училище с 1879 учащимися, в другом — 74 училища с 1794 учащимися; при ближайшей проверке выяснилось, что некоторые училища не функциониру-

[240] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 40; ф. I Д, 1850 г., д. 15694, приложение, л. 94; 1851 г., д. 15883, л. 4; 1855 г., д. 24709, ч. V, л. 110; ф. V О, д. 27239, л. 140; ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 82—90.

[241] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5751, лл. 492—493; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 20; ф. V О, д. 27204, л. 18.

[242] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. II, лл. 130—131, 249—250, 352—358, 369—377; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 421.

[243] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, л. 984.

Таблица 43

Количество училищ и учащихся*

Годы	Училищ	Учащихся	Годы	Училищ	Учащихся
1842	226	11 386	1850	2243	85 227
1843	1486	39 485	1851	2303	90 829
1844	1764	56 534	1852	2392	97 248
1845	1904	58 546	1853	2173	95 493
1846	2004	65 087	1854	2565	113 351
1847	2082	71 366	1855	2551	110 994
1848	2072	70 431	1856	2536	112 460
1849	2201	82 815			

* Отч., 1842—1856 гг.; сведения за 1846 г.— ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 129, ч. IV, л. 978. Ср. ИО, ч. II, отд. II, стр. 46—69; ЖМГИ, 1846 г., ч. XVIII, отд. II, стр. 82—87.

ют, а в других — очень мало учеников: в селе Билярское — 2 человека, в Саврушах — 4, в Вишневой поляне и Беляеве — по 7. Подобные же факты были обнаружены в 1851 году в Рязанской губернии и в 1856 году — в Олонецкой [244].

Материалы ревизий дают возможность ближе присмотреться к внешней обстановке школьного обучения и к методам преподавания учителей. Во многих деревнях, особенно в районах Украины, Литвы и Белоруссии, школьные помещения были тесными и грязными, учебных пособий не хватало, школы отстояли порой на десятки верст от местожительства учащихся. В Езерийском имении Киевской губернии училище помещалось во флигеле замка, в маленькой комнате, «содержимой в большой нечистоте», с ветхой неопрятной скамейкой и учебной доской, плохо сколоченной из трех неокрашенных досок; ученики здесь же проводили свободное время, спали на голом полу, питались тем, что 1—2 раза в неделю приносили им родные, жившие за 10, 15 и более верст от здания школы [245]. При осмотре школ в Могилевской губернии в 1847 году ревизор Пташинский нашел, что они «помещены чрезвычайно неудобно, учебных пособий, т. е. ни книг, ни бумаги, ни перьев, не имеется» азбуки и другие книги не высылались из Палаты, где целые шкафы ими завалены без пользы [246]. В селе Трипутино той же губернии в 1853 году здание, в котором помещалась школа, было настолько ветхо и холодно, что священник обучал детей в своей кухне «и при таком неудобстве оказал малый успех в науках»; поэтому Палата предпочла совсем закрыть училище [247]. В селении Юрле Пермской губернии в 1846 году училище помещалось в тесном наемном доме с выбитыми стеклами, заклеенными бумагой, а ученики, так же как во всех училищах волости были одеты бедно и грязно [248]. Ревизор Татаринов в 1851 году жаловался на недостаток учебных пособий в сельских училищах Рязанской губернии [249]. Сам Киселев, объезжая в 1846 году государственные имения Тверской губернии, нашел в училищах «неустройство в помещении, чистоте» [250].

[244] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, т. I, лл. 262—263; приложение, т. II л. 128; 1851 г., д. 17763, лл. 109—110; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, лл. 37—38.

[245] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 169. Ср. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1642, л. 23 (Минская губерния).

[246] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 91—92, 181.

[247] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 580; ср. лл. 312, 419—420.

[248] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 117.

[249] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 17763, лл. 109—110

[250] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 7683, л. 30. Ср. ИО, ч. II, отд. II, стр. 67.

Учебные планы приходской школы в соответствии с законом 1842 года ограничивались самыми элементарными знаниями: школьники обучались чтению, письму и арифметическим действиям над целыми числами; центр тяжести переносился на религиозно-нравственное «воспитание»: знание молитв, «священной истории», церковных служб и обязанностей крестьянина как православного христианина и покорного подданного. Феодально-религиозная идеология в духе господствующего класса последовательно и систематически внедрялась в сознание крестьянских детей священниками, дьяконами, причетниками и семинаристами. Всякая попытка выйти из рамок этого узкого учебного плана встречала решительный отпор со стороны Министерства. Когда в 1856 году астраханский ревизор Любовидский, констатировав неудовлетворительное состояние училищ, предложил заменить духовенство гражданскими учителями и ввести преподавание русской грамматики, истории и географии, общее присутствие I Департамента постановило, что такие изменения «не могут быть допущены», а директор Департамента Ган категорически заявил, что подобное расширение программы надо считать «не полезным, а вредным»[251]. Министерство не только отстаивало упрощенные формы школьного обучения, но и стремилось подчинить его направляющему влиянию духовного ведомства: через 8 лет после издания закона 1842 года оно предложило Святейшему синоду принять на себя непосредственное руководство всей учебной стороной дела. Киселев убеждал обер-прокурора генерала Протасова, что «круг учения» в министерских школах «есть тот самый, который допущен и в училищах духовного ведомства, с присовокуплением только счисления на счетах и чтения гражданской печати, как предметов, совершенно необходимых для крестьян при исполнении их обязанностей по сельскому управлению». Хотя Министерство готово было сохранить за собой все обязанности по хозяйственной части, соглашение между ведомствами не состоялось и казенные школы остались в ведении управления государственными имуществами[252].

Единственное расширение учебного плана, которое было допущено со стороны Министерства, заключалось в дополнительном введении сначала церковного пения, потом — практических занятий садоводством и огородничеством. И то и другое было продиктовано официальным курсом «попечительной» политики: обучение детей церковному пению имело целью «заставлять их петь на клиросе во время обедни в праздничные дни» и тем самым способствовать более частому посещению церкви государственными крестьянами; разведение при школах садов и огородов преследовало задачу распространять среди крестьян сельскохозяйственные знания[253].

В каждой школе должны были находиться классная доска, не менее 6 счетов для обучения арифметическому счислению и не менее 10 аспидных досок для обучения письму. Учебниками были Российский букварь, славянская азбука, таблицы для складов, прописи, «Начатки христианского учения» и руководство по арифметике, изданное Министерством народного просвещения. Для чтения учащихся рекомендовались большей частью книги религиозного содержания (часослов, псалтырь, евангелие, жития святых и пр.) и назидательные пособия в религиозно-монархическом духе (вроде книги для чтения, специально составленной действительным статским советником Калашниковым). Совершенно иной характер носили книги для чтения, написанные сотрудниками Министерства В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким-Десятовским: «Сельское чтение» в

[251] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, лл. 71, 125.
[252] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. II, лл. 244—247.
[253] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 222; ф. III Д, 1844 г., д. 2182, л. 10; ф. V О, д. 27221, лл. 96—97; ИО, ч. II, отд. I, л. 59.

двух частях и «Рассказы о боге, человеке и природе». «Сельское чтение» помимо статей составителей заключало в себе рассказы М. Н. Загоскина, В. И. Даля, А. Ф. Вельтмана и других авторов, было снабжено картой России и серией иллюстраций; в популярной форме здесь излагались начальные сведения по естествознанию, сельскому хозяйству, истории и географии России. Сохраняя на себе печать официозно-консервативной идеологии, эта книга тем не менее расширяла кругозор крестьянина и для своего времени обладала большими методическими достоинствами. Выделялась в этом отношении и брошюра ученого биолога Максимовича: «Книга Наума о великом божьем мире», знакомившая крестьян с устройством вселенной и основными жизненными процессами. Кроме того, учителям предписывалось иметь у себя несколько методических пособий по грамматике и арифметике и руководство для введения ланкастерского метода взаимного обучения. Однако во многих школах не хватало полного комплекта рекомендованных пособий, а в некоторых отсутствовали и самые необходимые учебники [254].

В соответствии с духом закона 1842 года Министерство стремилось заполнить учительские вакансии исключительно местными священниками, но их не хватало, и приходилось прибегать к помощи окончивших семинаристов, по тем или иным причинам не получивших священнического сана [255]. И те и другие в большинстве случаев не отвечали даже элементарным требованиям, которые предъявляла к ним феодально-религиозная программа Киселева. В донесениях ревизоров и в переписке Департаментов очень редко попадаются хорошие отзывы о наставниках приходских училищ. Примером таких учителей может служить священник Космовский, преподававший в селе Черняховское Киевской губернии: в течение 6 лет он содержал школу на собственные средства, уступил под школу дом, который подарили ему прихожане, развел при нем сад и своей работой завоевал авторитет и доверие населения [256]. Гораздо чаще встречаются резко отрицательные оценки «духовных наставников», призванных просвещать и воспитывать новое поколение. «Священники, исполняющие обязанности наставников,— писал в 1852 году вятский ревизор Брилевич,— видят в своих местах только средство получать 100 или более рублей серебром годового дохода, сами редко ходят в училища, а преподавание возлагают за ничтожную плату на диаконов, дьячков и причетников, еле грамотных и исключенных из гимназии или из духовных училищ за совершенную неспособность к наукам» [257]. Из разных губерний — Астраханской, Курской, Рязанской, Воронежской и других — получались сведения о том, что священники небрежно относятся к своим преподавательским обязанностям: некоторые сильно отвлекаются церковными требами, другие чрезмерно поглощены своим хозяйством, третьи — ленивы и ведут нетрезвый образ жизни; часто дети оказываются предоставленными самим себе, слоняются без дела и лишены всякого надзора [258]. Архангельский ревизор Пащенко доносил в 1851 году, что священники Андреев и Петров, преподающие в Холмогорском и Пинежском округах, «вовсе не

---

[254] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 15924, л. 2 и т. д.; 1854 г., д. 23109, ч. I, л. 198; 1855 г., д. 24708, ч. I, лл. 75—76; ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, лл. 129, 215—217, 385—387, 392—393, 528, 537; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 92.

[255] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 338; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 117.

[256] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 437. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 24709, ч. IV, лл. 126—127; ф. Кнц М, 1841 г., д. 350, ч. I, лл. 246—247; ф. V О, д. 27221, л. 77; д. 27239, л. 158.

[257] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 60—61.

[258] ЦГИАЛ, ф. I, Д, 1845 г., д. 7595, лл. 47—50; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 147, 370; приложение, т. II, л. 104; 1848 г., д. 11480, л. 254; 1850 г., д. 15693, л. 18; 1851 г., д. 17763, лл. 109—110; 1855 г., д. 24709, ч. II, л. 19; ч. IV, л. 134; 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 19; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, лл. 94—96.

пользуются доверием крестьян как по слабости их характера, нестрогости в правилах жизни, так и по лености в исполнении обязанностей наставников». Священник Петров, несмотря на официальное предупреждение о ревизии училища, уехал в город Мезень и, возвратившись вечером, явился к ревизору «не совсем в приличном виде с разбитым глазом»[259]. Екатеринбургский окружный начальник в 1856 году доносил пермскому ревизору, что «наставники училищ Белоярского священник Дергачев и Покровского священник Меркурьев вовсе безнадежны занимать эти должности, из которых первый частовременно занимается пьянством, ленив и беспечен до высшей степени... Иногда училище посещается диаконом, который сам не вполне знает предметы преподаваемых в училище наук, особенно арифметику»[260]. Управляющий Волынской палатой в 1848 году доносил во II Департамент, что училище в казенном Межеричском имении «находится в крайне неудовлетворительном состоянии по причине совершенной незаботливости о сем священника Радковского, который при весьма обширном хозяйстве не имеет времени заниматься училищем, где на месте учеников найдены явные следы содержания животных домашних»[261]. Само руководство Министерством сознавало невысокие качества своего педагогического персонала. В рапорте Киселеву 30 июля 1846 г. вице-директор II Департамента говорил о нецелесообразности принятой системы: «выбор приходских священников в наставники не везде удачен в отношении образования или нравственности их, при том же священники при усиливающихся занятиях по своему сану не могут вполне посвящать необходимого сему важному предназначению времени»[262]. Не совсем удачной оказалась и попытка заместить свободные вакансии преподавателей окончившими семинаристами: в Таврической губернии некоторые семинаристы «оказались нетрезвого поведения» и были устранены по настоянию управления государственных имуществ[263].

Невысокие качества учителей находили яркое проявление в организации учебной работы и в методах школьного преподавания. Ревизор Брилевич, осматривавший школы в Вятской губернии, дал им такую характеристику: «Кроме дурных славянских азбук, в училищах нет почти никаких книг и мальчиков готовят скорее в дьячки, нежели в грамотные крестьяне... На занятия учеников обращено так мало внимания, что половину года они не ходят в школу... Посещающие оные [школы] более года мальчики едва могут читать и то весьма медленно и нетвердо; написать же правильно двух слов не умеют и тогда, когда почитаются окончившими курс своего учения»[264]. Чиновник, ревизовавший школы на Правобережной Украине, дал такое описание Белиловского училища Киевской губернии (местное начальство считало это училище образцовым и находило, что оно «обязано своим совершенством просвещенному усердию и неусыпной деятельности наставника Мацкевича»). Училище распадалось на два класса — низший и высший, в первом было 30 мальчиков и 8 девочек, во втором — 31 мальчик и 2 девочки. Священник Александр Мацкевич, окончивший Духовную академию, по заключению ревизора, преподавал «вычурно на память». «В высшем классе,— пояснял ревизор свое определение,— каждый ученик при вопросе — чему ты учишься?— отвечал быстро: «катехизис и гисторию», потом молчал и смотрел на учителя с недоумением. На вопросы наставника из двух предметов, всякий кричал скороговоркою затверженное, но при моих вопросах

---

[259] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15695, ч. II, л. 147.
[260] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 24912, л. 17.
[261] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 331.
[262] Там же, л. 196.
[263] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1845 г., д. 7595, л. 47.
[264] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 62—63.

о том, что он говорил и как понимает, ни один не мог сказать ни слова, даже редкие понимали вопросы, напечатанные в книге». Арифметические упражнения производились на доске, а в устном счете все ученики оказались слабыми. Ревизор, экзаменуя каждого ученика, обратил внимание на одного мальчика с необыкновенно узким лбом и вызвал его к доске. Священник тут же вслух объявил, что он прилежен, но совершенно неспособен. Мальчик заплакал. Тогда ревизор, оборвав наставника, сказал, что он ручается за его способности, «и ободренный тем ученик отвечал лучше других — в урок своим учителям». Ни один школьник Белиловского училища не кончал курса в 3 года. Мацкевич в своем заявлении окружному начальнику утверждал, что «в течение трех учебных годов совершенно невозможно дать крестьянским детям образование»: едва учеников расположишь к букварям («кои, как дети, они больше рвут, чем изучают»), как наступают ненастье, снежные метели, и плохо одетые дети, часто живущие далеко от училища, начинают пропускать занятия; затем наступает весна, и детей «нужно бывает искать на полях и в лесах»; потом начинаются летние вакации, «очень многие дети забывают то, что прежде выучили, и потому необходимо опять повторять прежде выученное»; наконец «невозможно и слишком понуждать детей к учению, имея в виду то медицинское замечание, что раннее, быстрое развитие умственных сил может ослаблять и силы телесные, кои, ежели где необходимы, то в быту крестьян». Эту педагогическую «теорию» ученый академист соединял со своеобразным методом раздачи 8—12-летним детям записок «по изъяснению божественной литургии и изъяснению праздников православной церкви», которые дополняли его устные «лекции» и должны были затверживаться наизусть. Таковы были методические приемы «образцовой» школы, которую хвалили и выставляли на показ окружные и губернские чиновники [265].

При господстве схоластической зубрежки и невнимании к детской психологии особенно тяжко приходилось крестьянским детям в национальных районах. В городе Мамадыше Казанской губернии была организована центральная школа для обучения детей татарского, марийского и чувашского населения. В 1848 году ее посетил ревизор Тимофеев, который убедился, что «мальчики читают и пишут, не понимая часто сами многих слов». Так было и позже, в 1851 году, когда школу осматривал новый ревизор Брилевич; окончившие курс учения оказывались неспособными занимать писарские должности, и свободные вакансии приходилось заполнять со стороны мещанами и разночинцами [266].

Подобные же отзывы — о ничтожной пользе, приносимой приходскими училищами,— поступали и из других районов. «Успехи учеников,— писал ревизор Валдайского округа Новгородской губернии,— весьма плохие: мальчики, находящиеся в учении по 5 лет, едва умеют делать, и то весьма плохо, одно только сложение, прочие с трудом читают» [267]. В некоторых училищах Пермской губернии за 15 лет «ни одного не вышло мальчика, который бы мог вполне назваться грамотным» [268]. Член Совета министра Райский, ревизовавший управление государственных имуществ в Виленской и Гродненской губерниях, выражал убеждение, что в местных условиях невозможно подготовить способных писарей «по недостатку приходских училищ, а те из них, где они есть, нисколько не соответствуют своему назначению» («Везде и это худо»,— заметил на полях Киселев) [269]. Такого убеждения держались и родители учащихся. В селе Белослудское

[265] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, лл. 371—374, 491—494.
[266] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 144—145; ф. I Д, 1851 г., д. 15861, л. 3.
[267] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19297, л. 45.
[268] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 24912, лл. 17—18.
[269] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, л. 151.

Пермской губернии в 1846 году крестьяне жаловались ревизору, что «ученики, оставаясь весьма часто без надзора, занимаются только шалостями, а одной азбуке учатся по нескольку лет»; в селе Тамакульское той же губернии крестьяне горевали, что «ученики долго учатся, а мало успевают» [270].

В такой обстановке у самих учащихся и их родителей падало всякое доверие к школе; ученики уходили из школы раньше ее окончания, а количество учеников и самих школ начинало сокращаться. Такое явление наблюдалось в Московской, Пермской, Могилевской и других губерниях [271]. По данным 1851 года, в Ковенской губернии окончили училища 60 человек, ушли, не окончив,— 62; в Виленской губернии окончило курс 6 мальчиков, не окончило — 62 мальчика и 33 девочки; в Подольской губернии кончил учение 1 школьник, не кончили 20, и т. д. [272] Иногда школы закрывались по инициативе самого управления из-за полного отсутствия или из-за малочисленности учеников [273].

Иногда ревизоры давали удовлетворительные отзывы о том или другом училище; время от времени публиковались циркуляры министра с выражением благодарности наставникам и местным чиновникам за хорошую постановку обучения; некоторые священники представлялись к наградам и получали от Синода скуфьи, камилавки и пр. [274] В 1850 году Министерство подвело итог состоянию школьного дела в 22 губерниях: в 11 из них положение было признано удовлетворительным, в 4 (Орловской, Вятской, Черниговской и Олонецкой) — хорошим и в 7 (Пермской, Оренбургской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Калужской и особенно Костромской) — исполненным недостатков [275]. Однако необходимо помнить, что итоги подводились на основании отчетов Палат, а Палаты часто давали ложные, прикрашенные сведения. Примером может служить Олонецкая губерния, числившаяся в разряде «хороших»; через 4 года местная Палата снова представила радужные сведения, утверждая, что 10 училищ находятся в отличном состоянии, 4 — в весьма хорошем и 4— в хорошем. Олонецкий губернатор Муравьев попробовал проверить эти оценки и лично осмотрел несколько училищ; все они были найдены им в неудовлетворительном состоянии, а количество учащихся оказалось в $1\frac{1}{2}$ раза меньше показанного в отчете [276]. Такое же кричащее противоречие было обнаружено между высокой оценкой вятских училищ и действительным положением вещей, вскрытым в 1852 году ревизией Брилевича [277].

Если мы сопоставим все сохранившиеся данные о сельских училищах, организованных Министерством государственных имуществ, то нас не увлекут количественные итоги распространения школьной сети. Ничтожные ассигнования на школьное дело не могли обеспечить не только всеобщего охвата государственной деревни, но и создания необходимых

---

[270] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 313—314; приложение, т. II, л. 119. Ср. там же, т. I, л. 402, приложение, т. I, лл. 102, 227; приложение, т. II, лл. 202—203, 289; 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 119, 184, 259, 268; 1851 г., д. 17763, л. 160; ф. Кнц М, 1848 г., д. 787, л. 4.

[271] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 156; 1849 г., д. 13370, л. 40; 1851 г., д. 15883, л. 4; ф. II Д, 1842 г, д. 3501, ч. I, лл. 208—209.

[272] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1842 г., д. 3501, ч. I, лл. 397—400.

[273] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 8996, л. 1; 1856 г., д. 24709, ч. V, л. 177; ИО, ч. II, отд. I, стр. 58

[274] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10258, л. 65; 1848 г., д. 11480, отчет, лл. 165—166; 213—214; 1849 г., д. 13398, л. 82; 1854 г., д. 23109, приложение, ч. II, л. 19; д. 23114, л. 3; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 474; ф. V О, д. 27204, л. 130; д. 27217, лл. 31—32; д. 27221, л. 77; д. 27239, л. 153: ф. ревизии сенатора Бегичева, 1842 г., д. 532 (отчет о приходской школе Малоархангельского округа).

[275] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27245, л. 13.

[276] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23113, л. 30.

[277] См. выше.

условий для организации начального обучения в волостном масштабе. Ставка на религиозно-нравственное образование крестьян подчиняла их требованиям феодально-дворянской политики, приводила к низкому уровню педагогического персонала, к ухудшению методов школьного преподавания и к ничтожным просветительным результатам. Распространение элементарной грамотности и некоторое расширение детского кругозора с трудом пробивали себе дорогу через толщу реакционных воздействий и учебно-организационных ограничений. То, чего не достигла агрономическая политика Киселева,— ликвидации рутинной сельскохозяйственной техники — не могло быть достигнуто и киселевскими школами. Феодальная надстройка оставалась в противоречии с ростом производительных сил и стояла преградой их дальнейшему беспрепятственному развитию.

Переложение оброка на землю и промыслы заставляло обратить внимание не только на распространение сельскохозяйственных знаний, но и на развитие мелких крестьянских промыслов. Начиная с 1839 года, Министерство издавало по этому поводу немало циркуляров, распоряжений, напоминаний, настаивая на необходимости отдавать в обучение ремеслу крестьянских мальчиков: развитие сельской промышленности открывало новые источники для поднятия крестьянской платежеспособности и ликвидации систематических недоимок [278]. Министерские отчеты уделяли этому вопросу особое место: из года в год сообщалось о количестве мальчиков, отданных в ремесленное обучение; эти цифры неизменно росли, измеряясь сначала тысячами, а затем — десятками тысяч человек. В 1856 году Министерство насчитывало 50 335 ремесленных учеников из числа государственных крестьян [279]. Однако точность этих цифровых показаний, так же как и роль самого управления государственных имуществ, возбуждают большие сомнения. Иногда Палаты представляли неполные, а иногда преувеличенные сведения; как правило, местные органы приписывали себе то, что совершалось стихийно, без всякой инициативы и вмешательства чиновников. Тверская ревизия Нефедьева в 1847 году установила, что «об отдаче означенных мальчиков никем никаких распоряжений делаемо не было, а обучаются они по произволу их родителей или семейств» [280]. В том же духе было донесение вятского ревизора Брилевича в 1852 году: «Отдача мальчиков в обучение мастерствам производится тоже более на бумаге», так как за ними никто не следит и никто о них не заботится [281]. По свидетельству олонецкого ревизора Любовидского в 1856 году, «действия Палаты ограничивались передачей сих предписаний [об отдаче мальчиков ремесленникам] окружным начальникам и включением в отчет небывалых успехов» [282]. Такой же смысл носило заключение могилевского ревизора Пташинского (в 1848 году): «Разным ремеслам считаются приготовляющимися те, кои по вольному найму находятся у разных мастеров в услужении» [283].

Если родители не испытывали крайней нужды, они неохотно отдавали своих сыновей на сторону. Преимущественно посылались в обучение сироты по распоряжению их опекунов. Так, например, было в Казанской губернии: в 1842 году отсюда было направлено 99 сирот в обучение различным промыслам — портновскому, сапожному, кожевенно-

---

[278] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, лл. 97—98; д. 27245, л. 113; ф. Кнц М, 1853 г., д. 1350, ч. III, л. 181; ф. III Д, 1847 г., д. 3650; 1852 г., д. 5533; 1855 г., д. 6402.

[279] Отч., 1855 г., стр. 19; ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 128, ч. III, л. 1082.

[280] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 120.

[281] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 52—53.

[282] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 93.

[283] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, л. 34.

му, плотничному, столярному и другим — сроком на 5 лет. Дальнейшая судьба этих ремесленных учеников была такова: 7 человек умерло у мастеров, 4 были возвращены как неспособные, 2 были сданы в рекруты, 19 еще не успели окончить учения, 67 вернулись в 1847 году на прежнее местожительство, «где, без всякого пособия водворившись, занимаются производством работ и другими крестьянскому быту свойственными занятиями». I Департамент высказывал справедливое мнение, что окончившие обучение, «не получив никакого пособия для устройства своих мастерских и хозяйства, едва ли могли содействовать развитию ремесленности». Департамент напоминал, что на основании циркулярного распоряжения 1842 года мальчики должны снабжаться из сумм хозяйственного капитала необходимыми инструментами и средствами на первоначальное обзаведение [284]. Однако ни в переписке Департаментов, ни в годовых министерских отчетах не сохранилось никаких следов такой организованной помощи. Можно предполагать, что практика Казанской палаты была типичной для всех остальных губерний: ремесленными учениками не интересовались, за их обучением не наблюдали, а возвратившихся на родину предоставляли целиком своим собственным силам.

Инициатива самого Министерства выразилась в очень скромной форме — организации трех ремесленных школ, двух — в Петербургской губернии и одной — в селе Пнево Смоленской губернии. В 1855 году Пневская школа обучала ремеслам только 15 человек. Признавая ничтожность таких масштабов промышленного обучения, Киселев в 1852 году обратил внимание Департамента сельского хозяйства на необходимость усилить распространение ремесла в государственной деревне, особенно в белорусских и западных украинских губерниях. Наиболее целесообразным путем для осуществления этой цели Киселев считал преобразование технических мастерских при учебных фермах в специальные ремесленные училища. Ученый комитет Министерства решил, раньше чем обсуждать этот вопрос, собрать через Палаты статистические сведения о местных промыслах. В середине 1855 года вопрос был снова поставлен на обсуждение Комитета, который вынес на этот раз компромиссное постановление: расширить обучение ремеслам при учебных фермах, «так как мера сия будет требовать гораздо менее издержек, чем учреждение особых ремесленных школ, которые можно допустить лишь в ограниченном числе». Реализация принятого постановления затянулась, и вопрос снова был выдвинут на очередь после ухода Киселева [285].

Единственное мероприятие, которое применялось Министерством в дополнение к организации трех ремесленных училищ,— это спорадическое, от случая к случаю, распространение среди ремесленников образцовых заграничных изделий. Так было в 40-х годах, когда Министерство, получив из Англии стальные изделия, распределило их между нижегородскими металлистами. Эта мера приобрела известное значение: мастер Баканов, получив стальной серп, купленный на Эдинбургской выставке земледельческих орудий изобрел серп такого же образца, но лучшего качества: как показали опыты удельного ведомства, бакановский серп оказался легче, острее и удобнее для жатвы, чем английский. Министерство выдало изобретателю награду в размере 100 рублей серебром. Однако такая поощрительная мера, как и награды крестьянам-промышленникам на сельскохозяйственных выставках, не были серьезными двигателями технических успехов: они являлись

[284] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, л. 261; т. II, л. 2.
[285] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1852 г., д. 5533; 1855 г., д. 6402; ф. Кнц М, 1855 г., д. 1577, ч. I, л. 157.

post factum, регистрируя стихийный процесс развития производительных сил, но не устраняя препятствий, которые стояли на пути этого развития [286].

«Попечительная» программа Киселева включала в себя не только обучение крестьянских детей, но и морально-политическое воспитание их родителей. В соответствии с феодально-дворянскими принципами реформы Министерство и здесь делало ставку на воздействие религии и на активную роль православного духовенства. Поэтому постройка церквей и материальное обеспечение священников рассматривались Киселевым как очередная и чрезвычайно важная задача. В бюджете Министерства был выделен особый церковно-строительный капитал, из которого ежегодно тратились десятки тысяч рублей на постройку церквей и домов для церковных причтов. Каждый год на содержание духовенства выделялись из государственного земельного фонда тысячи десятин земли. В западных губерниях эти земли должны были обрабатываться самими прихожанами: в 1845 году церковная барщина поглотила 40 тысяч рабочих дней, а в 1847 году выросла до 50 150 дней [287]. Материалы первых ревизий 1834—1837 годов показали Киселеву, какое острое недовольство возбуждали в государственной деревне вымогательства и хищения духовенства. Усилия Министерства были направлены на ликвидацию этих явлений и на поднятие морального престижа духовных опекунов деревни. «Необходимо,— писал Киселев в специальном докладе Николаю I,— чтобы поучение проповедника не было в противоположности с собствнною его жизнью, дабы прихожанин не мог повторить известного выражения: «исцелись сам прежде» [288]. Наиболее радикальным средством такого «исцеления» могла быть замена «добровольных» приношений за требы введением государственного жалованья всем церковникам. Однако состояние государственных финансов исключало возможность всеобщего проведения этой меры: к концу управления Киселева на штатные оклады было переведено сельское духовенство 18 губерний, в остальных районах духовенство кормилось за счет отведенной земли или получало от прихожан твердо нормированную «ругу» в натуральной или денежной форме; 271 причт содержался по-прежнему за счет «добровольных» приношений, т. е. фактичеки по взвинченным таксам самого духовенства [289].

Проведенная реформа мало изменила положение вещей: по-прежнему от крестьян поступали жалобы на притеснения и поборы священников; обработка церковных полей и уплата руги воспринимались как тягостные и ненавистные повинности; вдобавок ни жалованье, ни установленные нормы вознаграждения не гарантировали деревню от требований «добровольной» придачи [290]. В середине 50-х годов, так же как и ранее, поведение сельского духовенства не могло воспитывать у крестьян уважение к духовным «пастырям». В этом отношении характерна тяжба с церковным причтом Косинского сельского общества Пермской губернии, растянувшаяся на 3 года. В январе 1854 года косинские крестьяне на сельском сходе выразили согласие платить духовенству взамен земли, отведенной церковному причту, ругу в размере 892 пудов ржи, «с тем чтобы священно-церковнослужители не требовали уже с прихожан никакой платы за браки, крещение родившихся и отпевание

[286] ЖМГИ, 1842, ч. IV, отд. I, стр. XXX; 1844, ч. XI, отд. IV, стр. 91—92; 1845, ч. XVI, отд. IV, стр. 28—30.

[287] Отч., 1845 г., стр. 39; 1847 г., стр. 12.

[288] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 128, ч. III, л. 954.

[289] Отч., 1856 г., стр. 5.

[290] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10257, приложение, т. I, лл. 67, 120—122; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 89—91.

умерших». Но косинскому причту показалось малым назначенное вознаграждение и невыгодным условие об отмене особой платы за требы. Поэтому по соглашению с писарем священник собственноручно исправил цифру «892 пуда» на «1561 пуд» и вычеркнул оговорку о плате за требы. В таком виде, снабженный печатями сельского управления, приговор через посредство окружного начальника поступил в Палату. Палата запросила о согласии причта, но аппетиты пастырей еще более выросли и они потребовали увеличения руги до 1600 пудов. Тем временем от Косинского общества стали поступать жалобы, что священники, не удовлетворяясь увеличенной ругой, вымогают плату за исполнение христианских треб. Начавшаяся ревизия Пермского управления раскрыла все подлоги и неблаговидные действия духовенства, но лишь в августе 1857 года, после отставки Киселева, чердынскому окружному начальнику (т. е. соучастнику духовенства) было поручено произвести по этому делу формальное дознание [291].

Вятский ревизор Корсун доносил в 1852 году, что вознаграждение за требы назначается «произволом самого духовенства, далеко переходящим границы умеренности», и «крайне стеснительно для крестьян» [292]. В селе Гнилуши Воронежской губернии священник требовал за свадьбу от 5 до 7 рублей серебром, а в придачу — приношение хлебом, свининой и водкой [293]. В Оренбургской губернии, не довольствуясь установленным законным обеспечением, священники изобрели особый способ получения доходов: прежде чем совершить венчание, крещение или отпевание, они требовали от крестьян прочтения молитв, которые не были известны крестьянам, и тем приходилось волей-неволей «откупаться» от такого требования деньгами. «Но подобным образом,— меланхолически прибавлял ревизор,— действуют священники кроткие, еще не совсем потерявшие страх и совесть. Напротив, другие прямо требуют плату за все; а некоторые, в случае отказа, не стесняются сбросить с себя ризу и оставить церкви» [294]. Казанский ревизор Тимофеев бил настоящую тревогу в связи с «непомерными вымогательствами духовенства»; он обращал внимание Министерства на то обстоятельство, что «многие из иноверцев, населяющих Казанскую губернию, принимают христианскую веру и должны иметь тесные сношения с духовенством, а невыгодное сравнение действий сего последнего с бескорыстным действием магометанских мулл часто служит поводом, что многие из новокрещенных татар обращаются опять к исламизму» [295]. Можно усомниться в полном бескорыстии мусульманского духовенства, но, очевидно, его отношение к своей пастве было более осторожным, чем поведение православных иереев.

Притеснения православного духовенства способствовали распространению раскола и сектантства, которые служили религиозной оболочкой массового социально-политического недовольства. Министерство с самого начала повело упорную борьбу со всякими проявлениями религиозного отщепенства: окружные начальники прилагали все усилия, чтобы обратить сторонников старой веры если не в лоно православия, то по крайней мере в «единоверие». Уединенные раскольничьи скиты разыскивались и уничтожались; население их переселялось в соседние деревни, а самые скиты превращались в хутора или казенные оброчные статьи; переселенцы, водворявшиеся на новых местах, в обязательном

---

[291] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. V, лл. 191—193; 1856 г., д. 24858, лл. 58—63.
[292] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. III, лл. 35—36; ч. II, л. 56—58.
[293] ЦГИАЛ, ф I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 285.
[294] Там же, д. 10396, лл. 3—6.
[295] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 142— 143.

порядке приписывались к церковным приходам. Раскольников запрещалось выбирать на влиятельные должности. Наконец, наиболее «закоренелые и вредные» сектанты, вроде духоборов, при содействии министерства внутренних дел сотнями семейств высылались на Кавказ. В сводном отчете 1850 года Киселев с гордостью говорил, что за 12 лет было обращено в православие и единоверие 23 607 раскольников [296].

Аналогичная политика, хотя и менее энергичными темпами, проводилась в отношении «иноверцев»: закавказских мусульман, литовско-белорусских католиков и униатов, северных и поволжских «идолопоклонников» — ненцев, чувашей, мари, мордвы. Чиновничий аппарат управления государственных имуществ действовал в тесном единении с ведомством Священного синода, получая от него необходимые данные и используя его кадры миссионеров. Однако и здесь, так же как в мероприятиях против раскола и сектантства, 19-летнему управлению Киселева не удалось разрешить поставленной задачи: несмотря на раздутые цифры обращенных в православие и единоверие, продолжали сохраняться и распространять свое идеологическое влияние замкнутые религиозные миры, объективно противостоявшие действовавшему порядку [297].

Параллельно с религиозно-нравственным воздействием церкви министерские органы стремились повлиять на умы крестьян системой воспитательных внушений и поощрений. В этом отношении Киселев придавал большое значение систематическому объявлению правительственных указов и предписаний как средству насаждения чувства «законности», т. е. уважения к феодальному порядку [298]. Донесения ревизоров показывают, насколько плохо выполнялась и эта функция, с каким трудом разбирались в непрерывном потоке законов и циркуляров низшие органы управления и в каком кричащем противоречии с пресловутым принципом «законности» находилась вся практика администрирования в Палатах, округах, волостях и сельских обществах. В условиях обостряющегося кризиса феодального строя ярко обнаруживалась полная неспособность правящего аппарата исполнять даже те изданные законы, которые были призваны поддерживать и укреплять существующую систему. Пренебрежение к закону в обстановке чиновничьего произвола не могло приучать низшие органы Министерства к систематическому оглашению и толкованию законодательных актов. Сам Киселев в одном из своих циркуляров признавал, что «содержание указов и предписаний или совсем не доходит до некоторых крестьян, или сообщается неосновательно» [299].

Большее влияние на умы могли оказать поощрительные награды, которые выдавало Министерство — за «подвиги человеколюбия» (например, за спасение утопающих и гибнущих во время пожара), за изобретения, за пожертвования в пользу голодающих, а в период Крымской войны — в пользу армии, за выдачу дезертиров, за находку и передачу казенных сумм и т. д. Поощрения носили различную форму: объявления благодарности от лица министра, выдачи похвального листа и занесения в почетную книгу, награждения золотой или серебряной медалью с соответствующей надписью («за усердие», «за спасение

---

[296] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, л. 98; ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. II, л. 245; 1841 г., д. 345, лл. 112, 166; д. 350, ч. I, лл. 78, 181; ч. II, л. 28; 1856 г., д. 1630, лл. 36—37; ф. I Д, 1840 г., д. 2377, лл. 51—53; ИО, ч. II, отд. I, стр. 48; СРИО, т. 98, стр. 481.

[297] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27228, л. 50; ф. Кнц М, 1843 г., д 505, л. 284; 1848 г., д. 822, лл. 43—44.

[298] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 34; ф. Кнц М, 1839 г., д. 201, ч. II, лл. 66—68, 70—80; 1841 г., д. 350, ч. I, л. 77.

[299] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 34.

погибавших» и пр.) [300]. Однако и здесь награда являлась post factum, не столько возбуждая к «подвигам человеколюбия», сколько регистрируя совершенный бескорыстный поступок; с другой стороны, представление к награде зависело от местных органов — волостного старшины и окружного начальника, которые руководились в своих рекомендациях не всегда бескорыстными мотивами [301].

Более эффективными и в то же время более грубыми были «понудительные меры», имевшие целью устранять всякие нежелательные влияния и воспитывать крестьян в чувствах страха и повиновения. Наблюдение за состоянием умов, задержание беглых (обычно разносивших волнующие слухи и воплощавших в себе чувство социального протеста), преследование «пристанодержателей» (укрывателей беглых), проверка лубочных картинок, распространявшихся между казенными крестьянами,— такова была повседневная практика полицейского воздействия, которая характеризовала деятельность средних и низших органов управления в деревне. Она приобретала особое значение и поглощала главные силы местных чиновников в моменты наибольшего обострения социально-политического кризиса. Так было в 1848 году в украинских, белорусских и литовских губерниях, когда вести о европейских революциях пали на восприимчивую почву крестьянского обнищания и недовольства. Переписка Киселева с управляющим Палатами показывает, какие энергичные меры предпринимало Министерство государственных имуществ, чтобы обезопасить деревню от «возмутительных внушений и толков». Не удовлетворяясь предупредительными и репрессивными мерами, некоторые управляющие лично объезжали пограничные районы, собирали крестьян в зданиях училищ и вели среди них контрпропаганду, иногда не лишенную оттенка демагогии. Ковенский управляющий, как видно из его секретного донесения Киселеву, убеждал крестьян, что «в соседственных помещичьих имениях за полный тяглый участок платится от 50 до 60 рублей в год оброка, в казенных же платежи за такой же участок нигде не превосходят 26 рублей серебром, а в Пруссии и в Царстве Польском платежи за подобные участки удвоены еще противу платежей в помещичьих имениях [302]. Меры, принятые правительством Николая I, в частности наводнение западных губерний войсками, предотвратили в 1848 году подъем крестьянского движения; однако ни воспитательные меры Киселева, ни беспощадное подавление массовых протестов в 40—50-х годах не могли остановить нарастания крестьянского недовольства, неразрывно связанного с усиливающимся социальным кризисом.

Последней воспитательной мерой Министерства была организованная борьба с деревенским пьянством, точнее говоря, с повсеместным спаиванием крестьян винными откупщиками и их агентурой. Еще вначале, вступая в управление Министерством, Киселев понимал весь вред откупной системы, но не решился настаивать на ее ликвидации и выдвинул программу частичных мероприятий: он требовал запрещения открывать питейные заведения без специального разрешения управления государственных имуществ, высказывался за ограничение числа

---

[300] Там же, л. 110; д. 27204, л. 129; д. 27221, л. 37; д. 27228, л. 51; д. 27233, л. 164; д. 27215, лл. 159, 191; ф. Киц М, 1839 г., д. 201, ч. I, л. 172; 1841 г., д. 350, ч. II, л. 337; 1855 г., д. 1577, ч. I, лл. 195, 384; ЗГ, 1840, № 18, стр. 144; № 64, стр. 509; 1841 г., № 81, стр. 646; ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. II, стр. 35—38; 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 151; 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 35—36 и т. д.

[301] Характерным примером в этом отношении может служить награждение медалью вятского крестьянина Ушакова, отличившегося на должности волостного писаря своими насилиями и растратами (ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1841 г., д. 239).

[302] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1848 г., д. 8513, лл. 15—17 и т. д.; ф. V О, д. 27245, лл. 77—78.

питейных домов определенной нормой, а продажи вина — определенными правилами и т. д. С другой стороны, Киселев возлагал большие надежды на издание Полицейского и Судебного уставов, содержавших в числе других норм статьи против пьянства: он полагал, что волостные и сельские расправы, преследуя пьяниц и расточителей, сумеют уменьшить размеры и вредное влияние пьянства на территории государственной деревни [303]. Кое-что в этом направлении Киселеву удалось сделать: в правила о питейных сборах были включены статьи об обязанности откупщиков испрашивать разрешения Палат государственных имуществ для открытия питейных домов в казенных селениях, о запрещении открывать новые питейные заведения в местах, где созываются мирские сходы, и т. д. [304]. По данным министерских отчетов, за 4 года, с 1850 года по 1854 год, количество питейных заведений в государственной деревне сократилось на одну треть, а потребление вина — на 36%. Тем не менее степень распространения кабаков в казенных селениях великорусских и украинских губерний (в 1850 году — один на 1063 человека, в 1854 году — один кабак на 1603 человека) продолжало превосходить количество питейных заведений в помещичьих имениях [305]. Кроме того, количественные величины еще не выражали границы и степени распространения пьянства, насаждавшегося винными откупами. Ревизоры из разных губерний доносили министру о незаконной продаже вина, о самовольной постройке питейных домов, о произволе откупщиков, о чрезвычайном распространении пьянства [306]. Пользуясь могущественным влиянием на местную администрацию (в частности, на органы управления государственных имуществ), откупщики умели обходить формальные правила, открывали взамен питейных домов временные «выставки» и лавочки, продавали вино в неуказанное время и т. п. Всякая попытка преследовать нарушителей закона встречала сильнейшее сопротивление. «Надзор управления за искоренение пьянства,— писал в 1847 году управляющий Новгородской палатой,— производит нарекание неблагонамеренности и даже жалобы на притеснения откупов. Дело это — щекотливое в высшей степени, беспорядки и злоупотребления гласны, но позволяется только говорить об оных, всякое же официальное действие по совести влечет неминуемые неприятности». Прочтя это место, Киселев меланхолически приписал на полях: «Правда неоспорима и мне также известна» [307].

Не оправдала ожидания Киселева и деятельность крестьянских судебных расправ. Являясь покорными орудиями в руках средней и низшей администрации, «выборные» суды мало заботились о нравственном исправлении государственной деревни; погрязшие в пороках и пьянстве волостные старшины, сельские заседатели и особенно писаря широко использовали соответствующие статьи Судебного и Полицейского уставов, чтобы еще более раздвинуть границы своего беззакония и произвола. Нет никаких оснований считать казенную деревню при управлении Киселева более трезвой, чем она была в предыдущие годы [308].

---

[303] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26453, т. I, лл. 273, 337—350; т. II, лл. 219—221; ф. I Д, 1840 г., д. 2840, л. 100.

[304] ВПСЗ, XXIX, 27912, п. 111, 356; 28120, п. 146

[305] ИО, ч. II, отд. I, стр. 75; ср. т. I данной монографии, стр. 369.— Судя по сведениям 1858 года, распространение питейных заведений в западных районах было еще больше: в Литве и Белоруссии на одно заведение приходилось от 141 до 212 душ, а в Прибалтике — от 96 до 184 («Систематический обзор государственных имуществ за 1858 г.». СПб, 1861, стр. 708—709).

[306] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1843 г., д. 505, лл. 385—386; 1848 г., д. 779, л. 148; ф. I Д, 1843 г., д. 5751, л. 121.

[307] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 10352, л. 28.

[308] См. выше, гл. III.

8. Врачебная помощь

Крупное место в «попечительной» программе киселевского Министерства занимала организация врачебного дела. Уже в самом начале своей деятельности Киселев обращал внимание местных органов «на смертность между государственными крестьянами, происходящую от свирепствующих между ними болезней, особенно же закоренелых и прилипчивых, каковы суть: цынга, золотуха, оспа, корь, венерическая болезнь, шолуди, чесотка и другие подобные болезни, от коих народ уменьшается и люди слабеют»[309]. Чтобы ориентироваться в положении вещей, особенно во время повторяющихся эпидемий, Министерство собирало при помощи врачей статистические сведения и заставляло сводить их в «медико-топографические описания». При Министерстве и его местных органах состоял штат врачей, фельдшеров, повивальных бабок и оспопрививателей; в различных губерниях были устроены постоянные больницы для лечения лежачих и приходящих больных. Для лечения скота имелись ветеринары и коновалы. Подводя в 1850 году итоги врачебной деятельности, Киселев считал, что «меры по охранению народного здравия» заслуживают полного одобрения в Полтавской губернии, могут считаться удовлетворительными в 14 губерниях и совершенно неуспешны в 6 губерниях, в том числе в Вятской и Нижегородской[310]. Такую оценку можно считать скорее преувеличением, чем преуменьшением достигнутых результатов.

Первое, что бросается в глаза при анализе врачебных мероприятий Киселева,— это крайняя ограниченность ассигнований, утвержденных Министерством для разрешения этой важной и настоятельной задачи. Согласно годовым отчетам, расходы на врачебное дело выражались в следующих цифрах (табл. 44).

Таблица 44

Расходы на врачебное дело*

Годы	Сумма		Годы	Сумма	
	руб.	коп.		руб.	коп.
1843	2 286	45 1/2	1849	88 750	40 3/4
1844	50 038	83	1850	110 653	26 1/4
1845	48 815	26	1851	121 539	75 1/2
1846	93 137	73	1852	60 995	13 3/4
1847	48 815	26	1853	4 601	—
1848	114 538	54			

* Отч.— За остальные годы сведения не показаны; можно предполагать, что в эти годы (в частности, в период Крымской войны) они были еще ничтожнее.

Если мы разнесем указанные суммы на все население государственной деревни, то окажется, что наибольший расход на душу (в 1851 году) составлял немного более полкопейки, а наименьший (в 1843 году) — одну сотую копейки. Сознавая ничтожность отведенных ресурсов, Министерство старалось ориентироваться частью на мирские капиталы, которые сами были невелики, частью на добровольные пожертвования, которые поступали от случая к случаю[311]. Ограниченность средств

[309] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27147, л. 106; д. 27180, лл. 56—58, 91; д. 27211, л. 3; д. 27221, лл. 113—114. Ср. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, лл. 188, 222, 231.

[310] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27245, л. 12.

[311] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, л. 110; д. 27228, л. 116; ф. Кнц М, 1843 г., д. 520, л. 21; 1855 г., д. 1577, ч. I, лл. 129—130

налагала отпечаток на всю врачебную деятельность Министерства, прежде всего устанавливая очень узкие рамки для приглашения медицинского персонала. Количество врачей, состоявших в штате и получавших жалованье, было следующее (табл. 45).

Таблица 45

Количество врачей на жалованьи*

Годы	Число врачей	Годы	Число врачей	Годы	Число врачей
1841	42	1847	66	1853	124
1842	79	1848	69	1854	151
1843	90	1849	43	1855	(252)
1844	149	1850	40	1856	(239)
1845	117	1851	65		
1846	191	1852	82		

* Отч.— В цифрах 1855 и 1856 годов объединены врачи и ветеринары: учитывая, что последних было 40—50 человек, можно предполагать, что врачей было в 1855 году 202—212, в 1856 году—189—199. Ср. ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. II, стр. 23—34.

Таким образом, количество врачей было непостоянной величиной, то возраставшей, то уменьшавшейся, в зависимости от разных условий: тенденцию неуклонного роста можно подметить с 1853 года, когда вступило в действие и обнаружило свое влияние Положение о медицинской части 1851 года. Киселев сам не скрывал мизерных размеров организованной врачебной помощи. «Ограниченный состав медицинской части,— писал он в отчете за 1854 год,— позволяющий иметь только одного врача на два округа, в которых заключается от 2 до 8 уездов, расположенных на значительном пространстве с народонаселением до 150 000 душ, не представляет таких способов к оказыванию врачебных пособий, какие доступны городским жителям и некоторым помещичьим крестьянам (где имеются вольнонаемные врачи) при необширном пространстве и малочисленности народонаселения»[312]. В 1848 году на всю Казанскую губернию, как видно из донесения ревизора Тимофеева, имелись один врач при Палате и лечебница на 10 кроватей около Казани; положение вещей не изменилось и через 3 года, когда была назначена новая ревизия Брилевича[313]. В 1856 году на всю огромную Пермскую губернию имелся только один врач, хотя по штатам полагались врачи во всех 6 окружных управлениях[314].

Министерство старалось выйти из такого положения двумя путями: привлекая на службу врачей без оплаты жалованьем (но с правами на чин и выслугу пенсии) и подготовляя фельдшеров, которые до некоторой степени могли заменить старших медиков. Количество врачей, работавших без жалованья, было непостоянным: иногда они численно превосходили оплачиваемых врачей (так было в 1847—1851 годах, когда их числилось от 106 до 133 в течение года); с 1852 года по мере увеличения штатных врачебных должностей количество их стало резко сокращаться и в 1853 году снизилось до 24[315]. Для подготовки фельдшеров была открыта школа в Москве на 150 человек; кроме того, шла такая же подготовка в различных клинических учреждениях. Число

[312] Отч., 1854 г., ведомость № 10, стр. 2.
[313] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, лл. 146—147; ф. I Д, 1851, г., д. 15861, л. 6.
[314] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. VI, л. 45.
[315] Отч., 1845—1854 гг.

фельдшеров на службе Министерства государственных имуществ было такое (табл. 46)[316].

Таблица 46

Количество фельдшеров

Годы	Число фельдшеров	Годы	Число фельдшеров
1847	428	1852	509
1848	206	1853	372
1849	243	1854	402
1850	315	1855	412
1851	316	1856	420

Если мы суммируем по годам данные о числе всех врачей и фельдшеров и сопоставим итоги с количеством населения государственной деревни, то окажется, что один медик приходился самое большее на 40 тысяч человек (в 1849 году) и самое меньшее — на 27 тысяч человек (в 1855 году). При таких условиях трудно было рассчитывать на разрешение задачи, которую ставило себе Министерство,— не только ликвидировать очаги болезней, но и «бороться с предрассудками народа, его привычками и обычаями, вредно действующими на здоровье»[317]. Трудность положения усугублялась низким окладом жалованья (в 1841 году врач получал 257 рублей 40 копеек серебром в год) и невысокими качествами некоторых врачей, состоявших на службе в ведомстве государственных имуществ[318].

Важным мероприятием Министерства была организация сельских лечебниц, которых раньше в великорусских губерниях вовсе не существовало. Инициатива в создании таких постоянных врачебных центров часто исходила от самого населения: в селе Макарово Вятской губернии была открыта больница на 10 кроватей на средства крестьянина Вятлецова; в Балашевском уезде Саратовской губернии была устроена лечебница на пожертвование окружного врача Фелицына; в 1843 году была внесена сумма на учреждение лечебницы для государственных крестьян купцом Меркуловым[319]. Помимо стационарного отделения, рассчитанного на небольшое число кроватей (обыкновенно на 10), лечебница имела приемный пункт для приходящих больных. По данным годовых отчетов, количество сельских лечебниц и размеры их деятельности характеризуются следующими цифрами (табл. 47):

Таким образом, к концу управления Киселева количество лечебниц оставалось почти на том же уровне, на каком оно было за 11 лет до того, в 1846 году. Количество стационарных и приходящих больных, колеблясь в зависимости от разных условий (степени распространения эпидемий, наличия врачей и пр.), не обнаруживало тенденции непрерывного роста. Другими словами, несмотря на массовые заболевания, зарегистрированные отчетами Киселева, ведомство государственных имуществ проявляло мало инициативы и энергии в развитии начатого

[316] Там же.

[317] Отч., 1854 г., ведомость № 10, стр. 1—2.

[318] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1841 г., д. 345, л. 339.— Отзывы о врачах, сохранившиеся в материалах МГИ, разноречивы: наряду с хвалебными характеристиками, например, о полтавских врачах (ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27233, лл. 25, 116) мы находим резко отрицательные (например, о враче Пермской губернии в ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. II, л. 100)

[319] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1843 г., д. 520, л. 21; ф. V О, д. 27211, л. 110; ф. I Д, 1847 г., д. 10258, л. 69.

Таблица 47

Сельские лечебницы*

Годы	Лечебниц	Лежачих больных				Приходящих больных
		всего	выздоровело	умерло	осталось	
1845	17	1 588	1 363	122	103	3 409
1846	23	4 779	3 828	871	80	9 948
1847	23	2 950	2 638	145	167	13 682
1848	23	3 625	3 160	250	215	16 454
1849	24	2 652	2 393	149	110	14 186
1850	25	2 943	2 666	137	140	19 382
1851	24	3 388	3 018	183	187	17 462
1852	21	3 093	2 834	103	156	17 460
1853	24	3 324	2 921	224	179	15 957
1854	27	3 293	Не показано			14 413
1855	27	3 647	3 264	185	198	13 298
1856	25	2 829	2 685	61	83	10 172

* Отч. за соответствующие годы.

дела. В период Крымской войны из соображений экономии открытие новых лечебниц было вовсе приостановлено [320].

Тем не менее, как ни скромны были начинания Министерства, они имели немалое значение, так как отвечали неотложным потребностям крестьянского населения. Насколько важен был этот первый почин, показывает пример больницы, открытой в 1845 году в Великом Устюге Вологодской губернии. В течение двух первых лет больница ютилась в тесном наемном помещении, не имела собственного врача и вызывала недоверие со стороны крестьян; с 1847 года она стала функционировать нормально и в нее потянулись больные не только из прилегающих вологодских уездов, но также из отдаленных районов других губерний: Архангельской, Вятской, Костромской и даже Казанской. В 1850 году деятельность Устюжской больницы внезапно оборвалась: она сгорела «единственно от недостатка хозяйственного надзора и необеспечения... никакими снарядами на пожарные случаи» [321]. Этот эпизод наглядно показывает, в каких неблагоприятных условиях приходилось пробивать дорогу даже хорошо начатому делу. К такому выводу приводят и другие сохранившиеся материалы о сельских лечебницах. Для того, чтобы поступить на излечение в лечебницу, необходимо было запастись специальным разрешением волостного или сельского правления. Питание больных было скудное: мясо давали только «слабым» больным; ежедневная пища состояла из 2 фунтов ржаного хлеба, $^1/_2$ фунта гречневых круп, $^1/_2$ кружки капусты или бураков и кружки квасу; для приправы отпускалось 5 золотников пшеничной муки и 5 золотников коровьего масла. Лекарства можно было выписывать только «по каталогу»; когда одна из лечебниц закупила медикаменты в вольной аптеке, не стесняя себя перечнем «каталога», виновные получили выговор в циркуляре министра и должны были покрыть «передержку» за собственный счет [322].

Во время эпидемий Министерство устраивало временные больницы, которые оказывали дополнительную врачебную помощь еще нескольким сотням или тысячам человек. Кроме того, в различных пунктах

[320] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 41.
[321] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, приложение, лл. 97—99.
[322] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1844 г., д. 576, лл. 13, 67; ф. V О, д. 27245, л. 61.

были открыты сельские аптечки, продававшие простые лекарства; в 1855 году их насчитывалось 96. К концу управления Киселева, в 1856 году, врачебной помощью были охвачены 159 201 больной т. е. 0,8% всего населения государственной деревни [323].

По-прежнему настоящим бичом крестьянства оставалась натуральная оспа, которая ежегодно поражала тысячи детей в младенческом возрасте. Чтобы бороться с этим бедствием, Министерство принимало некоторые меры к увеличению числа оспопрививателей, отдавая в обучение врачам и фельдшерам крестьянских мальчиков. Количество таких оспопрививателей из года в год колебалось, иногда поднимаясь до 6968 (в 1845 году), иногда снижаясь до 3498 (в 1856 году). Но этих наскоро обученных кадров не хватало. Достаточно сказать, что в Астраханской губернии, особенно подвергавшейся эпидемии оспы, на каждого оспопрививателя приходилось от 3 до 5 тысяч душ, а в Кундровской волости, населенной татарами,— более 11 тысяч душ [324]. Но и те оспопрививатели, какие были, очень часто неумело и небрежно выполняли свои обязанности. Из разных губерний — Курской, Воронежской, Рязанской, Таврической, Вологодской и других — приходили донесения о неудовлетворительной постановке дела оспопрививания: оспенная материя не всегда была доброкачественной, оспопрививатели годами не посещали района (в одной из деревень Вологодской губении их не было в течение 27 лет), громадный процент детей оставался без привитой оспы. Ревизор, проверявший в 1850 году положение дела в Архангельской губернии, установил, что в Холмогорском округе каждый оспопрививатель прививал оспу 7, 9, самое большее — 15 младенцам; из 1883 родившихся детей остались без привития оспы 47%. Положение осложнялось тем, что в округах, населенных старообрядцами (например, в Пермской губернии), жители скрывали своих детей или сдирали привитую оспу, считая такое привитие нечестивым делом. Мальчики-оспопрививатели, большей частью неграмотные и мало подготовленные, не могли преодолеть этого застарелого предрассудка. Но и там, где население охотно шло на оспопрививание, положение было нисколько не лучше. В своих отчетах Министерство ежегодно показывало сотни тысяч детей, которые подверглись оспопрививанию, но сами сотрудники Министерства в лице ревизоров разоблачали эти дутые цифры, доказывая отсутствие поименной регистрации и фантастичность писарских сводок [325].

Другой причиной повышенной детской смертности было отсутствие квалифицированной помощи роженицам. Учитывая этот факт, Министерство стало обучать акушерскому искусству отдельных крестьянок, которые возвращались в деревню в качестве «ученых повивальных бабок» и «одобренных повитух». В 1842 году было распределено по губерниям 18 таких обученных женщин; в 1855 году в деревнях числились уже 72 повивальные бабки и 3500 повитух. Конечно, такого количества было далеко не достаточно, если мы вспомним, что в системе управления государственных имуществ насчитывалось около 6 тысяч сельских обществ, а в каждом обществе было по нескольку селений, отделенных друг от друга значительным расстоянием [326].

---

[323] Отч., 1856 г., стр. 12.

[324] Отч., 1841—1856 гг.; ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 20.

[325] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 100, ф. I Д, 1842 г., д. 4223, 1845 г., д. 7595, лл. 57—58; 1846 г., д 8864, приложение, т. I, лл. 11, 62, 72, 104, 127, 144; т. II, лл. 32, 116, 316, 1848 г., д. 10396, л. 13, д. 11180, отчет, л. 208; д. 11481, лл. 134—135; 1850 г., д. 15695, т. I, лл. 180—182; 1851 г., д. 15883, лл. 8—9; 1855 г., д. 24709, ч. IV, лл. 24, 27, 51, 56—57, 73 и т. д.; ч. V, л. 73, 117; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, л. 42.

[326] Отч., 1842—1855 гг.; НО, ч. I, стр. 46; ч. II, отд. I, стр. 79; ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, л. 37; д. 27221, л. 166.

Не организуя достаточной медицинской помощи для населения деревни, Министерство старалось предотвратить заболевания печатными советами и наставлениями: в циркулярах министра и в специальных к ним приложениях рекомендовались средства против разных болезней, предписывались гигиенические правила, делались предостережения о вредных животных и насекомых и т. д. Эта санитарная пропаганда усилилась после образования при Министерстве Медицинского управления на основании закона 1851 года. Но наряду с полезными мерами (например, изданием популярного «Сельского лечебника») здесь было немало бумажной словесности, игнорировавшей реальные условия крестьянской жизни (например, «внушения» избегать тесноты в жилищах, соблюдать чистоту и опрятность, стараться сберегать себя от простуды и т. д.) [327]. Наставления должны были вывешиваться на стенах волостных и сельских правлений. Местные власти не всегда выполняли это требование, а если выполняли, то при слабом распространении грамотности даже полезные советы доходили лишь до немногих крестьян.

В компетенцию Медицинского управления входило также лечение крестьянского скота силами ветеринарного персонала. Начиная с 1842 года, в системе Министерства государственных имуществ состояло от 16 до 50 ветеринарных оплачиваемых врачей. Кроме того, приглашались ветеринары без жалованья, а к концу управления Киселева из числа крестьянских мальчиков были подготовлены коновалы (в 1855 году их было 107 человек). Помимо врачевания животных и подготовки коновалов, ветеринары должны были представлять годовые отчеты о болезнях домашних животных и о средствах борьбы с падежами скота. Авторы лучших из этих отчетов получали от Министерства медали и знаки благодарности. Видя недостаточность оказываемой ветеринарной помощи, Министерство и здесь применяло методы профилактической и лечебной пропаганды [328].

Врачебный персонал Министерства не был в состоянии изменить социально-экономические условия, которые служили питательной почвой для массовых заболеваний; больше того, он не мог разрешить даже те ограниченные задачи, которые были поставлены Киселевым перед медицинской частью Министерства: ограниченность средств и недостаток специалистов исключали возможность ликвидации эпидемий и эпизоотий в государственной деревне. Судя по отчетам за последние годы управления Киселева, многие тысячи крестьян по-прежнему умирали от свирепствующих холеры и тифа, а чума и сибирская язва оставались губительным источником непрекращающихся падежей скота.

9. Опека и призрение

Еще меньше денежных средств тратило Министерство на призрение инвалидов и престарелых крестьян. Государственная деревня насчитывала немало увечных, умалишенных, глухонемых и просто бездомных людей, выбитых из жизненной колеи и нуждавшихся в организованной помощи. По данным местных органов Министерства, таких крестьян за последний год управления Киселева было 72 946 человек, из них призревались родственниками, благотворителями и сельскими общест-

---

[327] Отч., 1853 г., ведомость № 9, стр. 4—5; ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1839 г., д. 201; ч. I, л. 7; ч. II, лл. 56—57, 244; ф. V О, д. 27147, л. 83; д. 27180, лл. 28, 60—61, 132; д. 27204, л. 89; д. 27228, лл. 16—17, 42 и т. д.

[328] Отч., 1842—1856 гг.; ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, лл. 4, 128; д. 27204, лл. 22, 120, 129; д. 27211; л. 117; д. 27217, лл. 2, 86; д. 27228, лл. 20—21; д. 27245, л. 90; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 109; 1852 г., д. 1241, ч. I, л. 135; ч. II, л. 299; 1853 г., д. 1350, ч. I, лл. 259—260.

вами 37 956 человек, остальные были предоставлены самим себе и добывали пропитание нищенством[329]. Насколько преуменьшены были эти сведения, показывает пример Олонецкой губернии: местная Палата в своем отчете за 1852 год зарегистрировала 475 убогих, увечных и бездомных; губернатор Муравьев произвел проверку этих цифр и выяснил, что таких крестьян почти в 5 раз больше; через 3 года Палата насчитала 156 бездомных крестьян, а ревизор Любовидский обнаружил их 550. В одной Шунге, где устраивались ярмарки, было сосредоточено несколько сот нищих[330]. Из разных сельских обществ таким бездомным и инвалидам выдавались паспорта «для снискания средств к пропитанию», и они растекались по городам и селам, значительными массами сосредоточиваясь в Москве и Петербурге[331].

«Попечительная» программа Киселева предусматривала общественное призрение таких крестьян. На основании министерских отчетов в ведении управления находилось следующее количество богаделен и призреваемых (табл. 48).

Таблица 48

Количество богаделен и призреваемых*

Годы	Богаделен	Призреваемых	Годы	Богаделен	Призреваемых
1843	152	1 038	1850	399	2 225
1844	155	2 160	1851	424	2 913
1845	173	2 299	1852	429	3 148
1846	334	2 317	1853	395	3 015
1847	334	1 793	1854	416	3 108
1848	342	1 982	1855	418	2 997
1849	392	2 232	1856	425	3 242

* Отч., 1843—1856 гг.

Однако не все из этих богаделен содержались на средства управления: например, в Воронежской губернии они открывались на частные пожертвования и находились при церковных приходах, а в Олонецкой губернии были организованы и поддерживались старообрядцами в интересах своих единоверцев. В некоторых губерниях, например в Тверской, Оренбургской, Пензенской, богаделен не было вовсе. Само Министерство тратило на призрение ничтожные суммы: в 1848 году — 629 рублей 10 копеек, в 1852 году — 340 рублей 26 копеек, в 1853 году — 2510 рублей и т. д. В 1853 году 34 богадельни «были закрыты по неимению средств содержания». Насколько ничтожен был процент призреваемых, показывают отчеты Воронежской палаты, которая насчитывала в 1846 году 2708 увечных и бездомных крестьян; из них только 24 человека, т. е. меньше 1%, находились в богадельнях[332].

Так же плохо обстояло дело с опеками над малолетними сиротами. Правда, отчеты и сводные обзоры Министерства показывали блестящую картину непрерывного роста количества опек, опекаемых сирот и сиротских «капиталов»; к концу управления Киселева по всей России насчитывалось более 42 тысяч опек над 91 179 сиротами, владевших имуще-

329 Отч., 1856 г., стр. 13.
330 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, лл. 34—35; ф. I Д, 1854 г., д. 23113, л. 24
331 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, л. 41; ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 146.
332 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 8943, лл. 1—2; 1848 г., д. 10396, л. 6; 1855 г., д. 24708, ч. I, л. 77; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 102; 1856 г., д. 1630, л. 34; 1859 г. д. 129, ч. IV, л. 1032; Отч., 1848, 1852, 1853 гг.

ством, оцененным в 5 368 058 рублей [333]. Однако сенаторские и ведомственные ревизии, произведенные в 13 губерниях, разбивают это иллюзорное представление о блестящем успехе опекунского дела. И в 40-х, и в 50-х годах Палаты обращали мало внимания на положение сирот; во многих местах опеки не были учреждены или только числились на бумаге; сведения о состоянии опек находились в запутанном состоянии; отчетов от опекунов не требовали; опекаемых сирот часто не отдавали в ученье и оставляли без призора; опекуны бесконтрольно использовали и растрачивали вверенное им имущество. Киселев не раз обращал внимание своих подчиненных на необходимость более энергичной заботы о крестьянских сиротах. Тем не менее все последующие ревизии снова констатировали прежние недостатки (исключение представляла одна Казанская губерния, где положение после 1848 года значительно улучшилось) [334]. Даже в 1853 году, за 3 года до ухода Киселева, ревизовавший Новгородскую губернию Леонтьев мог записать в своем донесении такие строки: «В проезд мой через Устьсысольский округ меня поразило множество круглых сирот, большею частью незаконно рожденных... в одном Ибском обществе я встретил их до 70... Находясь вне всякого сострадания и призрения, эти несчастные дети бродят со двора на двор и вымаливают себе пропитание у проезжающих» [335]. Все сохранившиеся материалы убеждают нас, что и в этом важном вопросе «попечительная» программа Киселева оставалась большей частью на бумаге.

10. Борьба с пожарами и строительство

Пристальное внимание Министерства привлекала к себе борьба с участившимися пожарами. Тесно построенные деревни с деревянными избами и соломенными кровлями, часто лишенные достаточного количества воды и не имевшие пожарных инструментов, легко становились стихийной добычей пламени. Ежегодно государственные крестьяне лишались тысяч, а иногда десятков тысяч домов, неся миллионные убытки и оставаясь надолго без всякого крова [336]. Министерство старалось через свои местные органы ликвидировать беспомощное положение деревни. На первое место выдвигалось приобретение пожарных инструментов, которые заготовлялись по заказу Палат и должны были храниться в надежных помещениях под присмотром сельских начальников. Однако требования Министерства часто не выполнялись или выполнялись крайне небрежно. Как выяснилось во время ревизий, самое качество приобретенных орудий не всегда соответствовало своему назначению: пожарные трубы, изготовленные по заказу тверского управляющего Фредерикса, были заведомо негодными; «огнегасительные снаряды» в большинстве селений Курской губернии были найдены «в расстроенном состоянии» и не могли быть пущены в дело. Во многих районах Архангельской губернии в 1856 году пожарных инструментов не оказалось вовсе. Там, где они были,— в Тверской и Вятской губерниях — они хранились в неудобных и ветхих сараях, иногда на топких местах, под сломанными навесами или на открытом воздухе, постепенно приходя в совершенную негодность. В Пензенской

---

[333] Отч., 1845—1856 гг.; А. Раев. Об опеках у государственных поселян (ЖМГИ, 1859, ч. LXX, отд. II, стр. 201—224).

[334] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5049, л. I; 1844 г., д. 6060, л. 15; 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, л. 62 и др.; 1848 г., д. 10396, л. 8; д. 11481, л. 133; 1849 г., д. 13396, л. 165; 1850 г., д. 15693, л. 19; 1851 г., д. 15858, л. 4; 1852 г., д. 19297, л. 69; 1853 г., д. 19443, лл. 25—26; ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 100; 1848 г., д. 779, лл. 15—16; 146; 1856 г., д. 1630, л. 86 и др.

[335] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1853 г., д. 19443, л. 5.

[336] Отч., 1842—1856 гг.; *Б. Ф.* О пожарах в селениях государственных крестьян (ЖМГИ, 1862, ч. LXXIX, отд. III, стр. 2—7).

губернии крестьяне не умели обращаться с пожарными инструментами, которые утрачивали поэтому всякое значение [337].

Для предотвращения массовых пожаров Министерство выработало строгие правила застройки селений: новые дома должны были возводиться по возможности из камня или кирпича, а деревянные — строиться на каменных фундаментах; крыши рекомендовалось делать из черепицы; между домами предписывалось оставлять значительные интервалы для посадки деревьев; селения следовало перерезать площадями, улицами и переулками, а бани, овины и кузницы выносить в сторону от жилых строений; на каждое вновь отстраиваемое селение должен был составляться план; наблюдение за постройками и составление планов возлагались на гражданского инженера, служившего при губернской Палате. Для обеспечения строительства необходимыми материалами были предусмотрены пособия и ссуды на открытие кирпичных и черепичных заводов [338].

За 19-летнее управление Киселева некоторая часть этой программы была выполнена. По данным министерских отчетов, более 5 тысяч селений было перестроено по новым планам и более 2 тысяч — пересечено площадями. Из числа новых домов свыше 9 тысяч было каменных и свыше 118 тысяч — на каменных фундаментах. К 1856 году количество кирпичных заводов выросло до 306, а годовое использование их продукции измерялось миллионами штук кирпича и черепицы [339]. Однако при ближайшем анализе этих мероприятий блестящие краски отчетов постепенно начинают тускнеть и уступать место несколько иному впечатлению. Чиновники, ревизовавшие различные губернии, установили, что отчетные данные очень часто не соответствуют действительности. В Московской губернии из-за беспечности инженера и его помощника, составление и выдача планов задерживались годами, несмотря на множество предписаний и подтверждений, а крестьяне строились самовольно, без соблюдения правил [340]. При проверке деятельности Казанского управления в 1849 году выяснилось, что «дома после пожара строются на прежних местах, и при том допускаются всевозможные безобразности и отступления от правильности» [341]. В Пензенской губернии составленные планы хранились в Палате, а волостное и сельское начальство, игнорируя планы, предоставляло возможность домохозяевам строиться по произволу, на старых местах [342]. В Калужской губернии из-за небрежности чиновников погорельцы строили новые дома не только без прочных фундаментов, но даже без дымовых труб [343]. В Ковенской губернии интервалы между домами застраивались разными амбарчиками и надворными строениями [344]. В некоторых губерниях, как свидетельствует министерский циркуляр 1853 года, каменные фундаменты подводились после сооружения зданий «весьма небрежно, только для вида, а не для существенной прочности постройки» [345]. Количество каменных домов составляло только 2% к общему числу вновь возведенных зданий,— и это было вполне понятно: подавляющей массе крестьян были не по средствам такие постройки. Кирпич и черепица

[337] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 115; 1856 г., д. 1630, лл. 39—40; ф. I Д, 1848 г., д. 11464, л. 179; 1849 г., д. 13398, л. 77; 1853 г., д. 19353, л. 15; 1856 г., д. 24750, л. 6.

[338] ЦГИАЛ, ф. КНЦ М, 1839 г., д. 201, ч. I, л. 171; 1854 г., д. 1474, ч. III, л. 157—161, 171—172; ф. V О, д. 27204, л. 107; д. 27217, лл. 37—38; ИО, ч. II, отд. I, стр. 92.

[339] Отч. за соответствующие годы.

[340] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13370, л. 59.

[341] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 18.

[342] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856, г., д. 24750, л. 6. Ср. ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1630, лл. 38—39 (Олонецкая губерния).

[343] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13398, лл. 157—158.

[344] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1853 г., д. 1350, ч. III, лл. 321—323.

[345] Там же, л. 513.

производились в большом количестве, но продавалась только ничтожная доля продукции (в 1856 году — 9%); остальная масса частично расходовалась на «общественные надобности», а главным образом оставалась лежать на складах [346]. За время управления Киселева внешний вид государственной деревни мало изменился: оставались те же крытые соломой деревянные избы, та же теснота построек, те же благоприятные условия для возникновения пожаров. Несмотря на принятые меры, бедствия от пожаров не уменьшились: при наличии некоторых колебаний кривая, показывающая количество сгоревших домов, оставалась приблизительно на одинаковом уровне (табл. 49).

Таблица 49

Результаты пожаров *

Годы	Сгорело домов	Годы	Сгорело домов
1842	15 062	1850	20 471
1843	10 220	1851	15 380
1844	10 461	1852	13 683
1845	10 630	1853	19 606
1846	11 795	1854	15 128
1847	17 811	1855	23 072
1848	32 500	1856	16 094
1849	13 630		

* Отч., 1843—1857 гг. — Данные о 1848 годе — годе повсеместных опустошительных пожаров — были опущены в опубликованном отчете и восполнены на основании ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1859 г., д. 128, ч. III, л. 1057. В число сгоревших домов вошли постройки крестьян и колонистов, показанные слитно.

Если откинуть исключительные данные 1848 года, когда повсеместно бушевали деревенские пожары [347], то положение вещей в конце деятельности Киселева окажется ничем не отличающимся от первоначального: в период Крымской войны, вызвавшей усиленные наборы и обеднение деревни, количество пожаров стало еще больше.

Для того чтобы обеспечить жильем десятки тысяч погорельцев, Министерство ежегодно выдавало им пособия лесом и деньгами. На образование соответствующего фонда был установлен специальный сбор с крестьян в размере 4 копеек с души. Однако получить пособие было не так легко: ревизоры из разных губерний единодушно показывали, что назначение пособий местными Палатами происходило медленно, а выдача пособий окружными и волостными органами — еще медленнее. По словам казанского ревизора Брилевича, это обстоятельство было «главною причиною вкоренившегося обычая, что погоревшие целыми семействами являются в Казань сколько для ходатайства в Палате о пособии, столько и для собирания милостыни» [348]. Как видно из дела о погоревшем селе Замартынье Тамбовской губернии, иногда крестьяне по нескольку раз являлись в волостное правление, «чтобы вымолить назначенную им ссуду» [349]. В Астраханской губернии пособия задерживались по 2 года и более [350].

[346] Отч., 1856 г., приложение 9.
[347] А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году М., 1949, стр. 25—26.
[348] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 149.
[349] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1848 г., д. 11480, отчет, л. 5.
[350] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26474, ч. II, л. 18.

Размер пожарного пособия был очень скуден. По данным Министерства, крестьяне понесли в 1842 году убытки от пожара в сумме 2 159 915 рублей, а получили в качестве пособий 180 803 рубля, т. е. только 8% потерянной суммы; в 1848 г. ценность сгоревших домов равнялась 1 666 958 рублям, а размеры пособий — 190 728 рублям, т. е. 11%. В дальнейшем помощь погорельцам несколько увеличилась, но все же не превышала 17—19%. По отдельным губерниям уровень пособий был еще ниже: во время страшных пожаров 1848 года крестьяне Пермской губернии потеряли 129 483 рубля, а получили 7162 рубля, т. е. 5%, крестьяне Екатеринославской губернии пострадали на 26 247 рублей, а оказанная им помощь составляла 1312 рублей, т. е. 4%; в Киевской и Херсонской губерниях в том же году пособие составляло 1% убытков. Пособие натурой выдавалось там, где были казенные леса, но оно мало увеличивало размеры помощи: московские крестьяне в 1848 году потеряли домов на 244 369 рублей; им было выдано 21 141 рубль деньгами и на 962 рубля лесу, всего 22 103 руб. т. е. 9% утраченной ценности[351]. Ничтожность пособия станет еще яснее, если учесть, что в объявленную сумму убытков не входила стоимость живого и мертвого инвентаря, одежды и предметов домашнего обихода. Однако и это небольшое пособие часто не доходило до крестьян в полном размере, а застревало в карманах окружных начальников и их волостных агентов. От крестьян разных губерний поступали жалобы на самовольное удержание части пожарного пособия: иногда допускались неравномерные выдачи и даже лишение помощи отдельных погорельцев. Примером подобных действий может служить эпизод с крестьянами села Буянович Калужской губернии. В 1842 году в селе сгорело 26 домов и погорельцам было предположено выдать по 100 рублей ассигнациями. На основании определения Палаты пособие было установлено в размере 28 рублей серебром и соответствующая сумма получена из Казенной палаты, но затем, вопреки закону, было решено сократить пособие до 18 рублей, а оставшийся излишек отдать погорельцам другого села, Игнатовского. Крестьяне расписались в получении 18 рублей, но получили на руки только по 17 рублей, остальные деньги исчезли в недрах окружного управления[352].

Министерство ясно сознавало недостатки действующей системы: и скудость пособия, и неуравнительность душевого сбора, и медленность оказываемой помощи. К тому же суммы взимаемого сбора большей частью не хватало для выдачи пособий всем погорельцам. Вот почему с 1853 года стало планомерно вводиться добровольное страхование от огня на основании Положения 1852 года. Вскоре оно охватило 34 великорусские губернии и распространилось на 2 238 675 построек. Однако не все домохозяева оказались в состоянии вносить страховую премию в размере 1 рубля серебром в год: более 570 тысяч крестьян отказались от участия в страховании и предпочло остаться при старой системе 4-копеечного сбора и скудных пособий[353]. По данным годовых отчетов, действие новой системы страхования строений от огня выразилось в следующих цифрах (табл. 50).

Как видим, крестьяне не сразу уверовали в преимущество добровольного страхования: в 1854 году размеры премий и, следовательно, количество застрахованных строений, значительно уменьшились, только через 2 года, под влиянием сильных пожаров 1855 года размеры страховой суммы и со-

[351] Отч. за соответствующие годы; ЦГИАЛ, ф. Кнц. М, 1859 г., д. 128, ч. III, л. 1057; 1850 г., д. 994, лл. 36—37: ф. I Д, 1849 г., д. 13370, л. 55.

[352] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 172—174; ф. I Д, 1843 г., 5276, лл. 13—14. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, лл. 166—167.

[353] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 17983 (в частности, лл. 28—29); «Страхование строений от пожаров в казенных селениях» (ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 1—14)

Таблица 50

Страхование от огня (в рублях) *

Суммы	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Страховые	77 938 715	69 538 295	75 390 557	80 865 745
Внесенные премии	623 509	528 609	610 539	670 802
Убытки от пожаров	1 775 970	1 953 478	2 880 444	2 347 241
Оплата убытков	418 837	479 241	785 143	589 767
Остатки	204 672	49 367	—	81 035

* Отч., 1853—1856 гг.

ответствующих страховых премий обогнали первоначальные цифры 1853 года. С другой стороны, таблица вскрывает слабые стороны введенной системы страхования. Сопоставляя размеры понесенных убытков и полученной компенсации, мы видим всю недостаточность возмещения крестьянского ущерба: хотя оплата убытков превышала прежнее пожарное пособие, но все же не поднималась выше 28%. Однако и при таком скромном вознаграждении страхователей пожары 1855 года с избытком поглотили всю сумму страховых премий. Таков был неизбежный результат ограниченного размера премий (1 рубль серебром) и преуменьшенной оценки строений (не выше 133 рублей серебром), которая в свою очередь была обусловлена хозяйственной маломощностью государственной деревни. Таким образом, и этот опыт Министерства государственных имуществ не разрешил поставленного вопроса, не обеспечил крестьянскую массу от губительного действия повторяющихся пожаров.

Наблюдение за строительством преследовало задачи не только борьбы с пожарами, но и внешнего благоустройства селений. С этой целью во все округа, волости и сельские управления рассылались атласы образцовых фасадов, которыми должны были руководиться строющиеся домохозяева и местные власти. Церкви должны были сооружаться в стиле древневизантийского зодчества по проектам, составленным архитектором К. Тоном. Особое внимание было обращено на шоссейные дороги, которые предписывалось застраивать по утвержденным планам и образцам для придания селениям благообразия и порядка. Время от времени публиковались строгие циркуляры, в которых указывалось на допущенные нарушения правил, неопрятность в селениях и пр. [354]

Реализация этих строительных распоряжений проходила очень туго. В некоторых районах (особенно на шоссейных трактах, где часто проезжало высокое начальство), чиновники применяли назойливую опеку и, по словам министерского циркуляра 1847 года, вели дело «не к умножению построек, украшающих шоссе, а к уничтожению в поселянах охоты строиться» [355]. В других местах, наоборот, не обращали никакого внимания на планы и фасады, предоставляя крестьянам строиться как угодно или годами зедерживая утверждение проектов. Ревизия Могилевского управления, произведенная в 1848 году Пташинским, обнаружила полное расстройство строительной части. При Могилевской палате состояло 4 гражданских инженера, все «архитектонические занятия» которых свелись к постройке закромов одного продовольственного магазина и иконостаса для Дудаковецкой церкви. Между тем общественные

[354] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, л. 252; д. 350, ч. I, л. 180; 1853 г., д. 1350, ч. III, лл. 371—372; ф. V О, д. 27180, л. 100; д. 27204, лл. 63—66; 112; д. 27221, л. 88

[355] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27221, л. 10. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. V, лл. 156, 157, 205.

и частные здания в казенных селениях разрушались, строительство хлебных магазинов, зданий волостных и сельских правлений не производилось. Воплощением этой беспечности было местечко Горки, почти непроходимое от сваленного, но не употребленного строевого леса «по случаю недоумения в исполнении плана, утвержденного для нового устройства местечка». «Выстроенные дома,— писал могилевский ревизор,— подлежат сломке для открытия улиц и площадей; сады и улицы предназначены для постройки домов; что будет,— все беспокоятся; между тем лес на улицах гниет и местечко находится в образцовом беспорядке. То же должно сказать и о прочих казенных селениях» [356].

Строительство общественных зданий являлось удобным поводом для злоупотреблений и наживы местных чиновников: вопреки закону, с крестьян собирали деньги на возведение построек, бедняки «выбирались» в качестве рабочих, а богатые откупались «подарками» или крупными взносами; с подрядчиками за взятки заключались невыгодные договоры, которые приводили к возведению негодных построек из сырого непрочного леса; строительный материал закупался в чрезмерном количестве и расхищался волостными сельскими «выборными» [357].

Итоги этой хлопотливой строительной политики были не очень эффективны. Ревизоры, объезжавшие губернии, выносили грустное впечатление от самого вида казенной деревни. «Судя по внешнему состоянию селений,— писал в 1847 году вице-директор I Департамента Нефедьев,— нельзя сделать никакого заключения об успехах их благоустройства. В них не видно ничего нового и, кроме тех, которые расположены по шоссе, во всех других не заметно никакой благовидности. Улицы нечисты и служат для складки дров, земледельческих орудий и т. п. Ветхости изб не поправляются, много заборов полуразвалившихся» [358]. Если таковы были впечатления от центральной Тверской губернии, то еще хуже обстояло дело в окраинных районах. Могилевский ревизор Пташинский писал в 1848 году, что «села и деревни представляют вид развалин» [359]. По свидетельству ревизора Львова, в 1849 году устройство казенных селений в Оренбургской губернии было неудовлетворительно: мазанки делались плохо и неудобно, надворные постройки были непрочными, и скот приходилось держать в избах. «При существующей обыкновенной сырости в подобных строениях и земляных полов,— прибавлял ревизор,— болезни весьма часты, и это составляет главную причину большой смертности в селениях» [360]. В Архангельской, Вятской и других губерниях были распространены курные избы [361]. Тарасов, ревизовавший в 1855 году Пермскую губернию, писал о Верхотурском округе: «Дома и усадьбы в казенных селениях представляют такой вид, как будто они брошены с высоты и рассыпались по земле» [362]. Подобные же отзывы поступали из Курской, Калужской, Полтавской и других губерний [363]. С донесениями ревизоров совпадали и впечатления самого министра: сохранились его путевые замечания, сделанные в 1849 году во время поездок по Московской, Воронежской и Курской губерниям; в них отмечаются плохая постройка и неопрятность общест-

---

[356] ЦГИАЛ, ф. Кнц М., 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 107—108; ф. V О, д. 27245, л. 143; ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.76, л. 7.

[357] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т. I, лл. 79—83, 87.

[358] ЦГИАЛ, ф. Кнц. М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 114.

[359] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, л. 108.

[360] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 13396, л. 133.

[361] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15695, л. 111; 1852 г., д. 19293, ч. II, л. 189.

[362] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. III, л. 35.

[363] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5022, л. 3; 1851 г., д. 15772, л. 2; 1854 г., д. 23114, л. 7; 1855 г., д. 24708, ч. I, лл. 80—81; д. 24709, ч. V, лл. 157, 205; ф. Кнц. М., 1848 г., д. 787, л. 4; 1856 г., д. 1630, л. 95.

венных зданий, неправильная застройка селений, дурное состояние крестьянских изб и постоялых дворов. «Между Москвою и Тулою,— писал Киселев,— деревни и выселки по шоссе большею частью худы строениями; мнго ветхих домов, а новые возводятся без фундаментов»; в Курской губернии «во многих деревнях оказываются сплошные постройки без переулков; есть дома, представляющие вид разрушения... на половине одного дома (в Черемошном) вовсе крыши не было; на других — с дырами и оборванные»[364]. Киселев угрожал домохозяевам строгим взысканием за неисправности, но он не указывал на причины данного явления и не искал ответа в состоянии хозяйственых ресурсов государственной деревни. Казенные проекты благоустройства встречали преграду не только в небрежности и продажности местных чиновников, но и в тяжелом материальном положении крестьянской массы.

11. Правовое положение крестьян

Меньше всего внимания «попечителей» привлекала к себе охрана гражданских прав государственных крестьян. Сам Киселев держался курса на признание и закрепление за крестьянами звания «свободных сельских обывателей». Когда в 1852 году военный министр Чернышев представил Николаю I проект принудительного зачисления 2837 душ крестьян Херсонской и Екатеринославской губерний в военные поселяне, Киселев решительно воспротивился такому мероприятию; он доказывал, что оно противоречит праву свободного перехода в другие сословия, могло бы привести в тревожное состояние прочих государственных крестьян и «поколебало бы в них то доверие к действиям правительства, которое ныне начинает постоянно утверждаться». Киселев убеждал Военное министерство, что более удобного размещения кавалерийской артиллерии, послужившего поводом для представленного проекта, можно достигнуть иначе — посредством отвода соседних незаселенных казенных земель[365]. Однако сопротивление Министерства государственных имуществ не всегда кончалось успешными результатами: и после 1838 года казенные крестьяне не только на основании законов, но и в порядке административных распоряжений лишались своего сосословного звания и переводились в другие несвободные звания; в частности, в 1841 году по приказанию Николая I были переданы в военное ведомство присада Ольшанецкая и 3 селения — Дубиново, Горбино и Ляхово Подольской губернии[366].

Право государственных крестьян переходить в городские сословия — купеческое и мещанское — всегда подтверждалось Киселевым и его органами. Тем не менее реализовать это право было не так легко; министерские архивы сохранили документы, рисующие безнадежные усилия, которые предпринимали отдельные крестьянские семейства и целые сельские общества, чтобы выйти из крестьянского звания и перечислиться «в посадские»[367]. За 13 лет, с 1838 года по 1850 год, в 33 губерниях Европейской России перешли в купцы и мещане 21 240 ревизских душ. Сопоставляя эти данные по годам, мы получаем следующие итоги (табл. 51).

Таким образом, несмотря на неуклонное развитие торговли и промышленности, наблюдалась тенденция не к увеличению, а к сокращению числа крестьян, переходивших в городские сословия. Это парадоксальное явление подтверждается порайонными данными: из про-

[364] ЦГИАЛ, ф. I Д. 1849 г., д. 11543, лл. 2—3.
[365] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1852 г., д. 1271, лл. 35—38.
[366] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, лл. 242—243.
[367] ЦГИАЛ, ф. V О. д. 26497, л. 95; Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 105—106.

Таблица 51

Переход крестьян в купцы и мещане*

Годы	Число ревизских душ	Годы	Число ревизских душ
1838	3 150	1845	2 079
1839	2 872	1846	609
1840	4 424	1847	477
1841	2 368	1848	789
1842	1 633	1849	339
1843	659	1850	628
1844	1 213	Итого:	21 240

* О переходах государственных крестьян в городские сословия (ЖМГИ, 1957, ч. LXIII, отд. I, стр. 85).

мышленных губерний более высокий процент перехода давали только Калужская (3,5%) и Владимирская (1,3%); такие экономически развитые губернии, как Петербургская, Костромская, Казанская и Нижегородская, перевели в городские сословия от 0,1 до 0,3% крестьян, тогда как губернии чисто земледельческие — Бессарабская, Оренбургская, Херсонская и Таврическая — дали более высокую норму перехода — от 1,2 до 1,9% [368]. Очевидно, действие основного фактора перебивалось политикой Министерства, неохотно отпускавшего крестьян, занимавшихся торговлей и промыслами, как более исправных плательщиков государственных налогов и оброчных окладов. С другой стороны, в районах многоземельного юга переходу в городские сословия могли помогать более льготные условия зачисления и значительный процент самовольных переселенцев, легализировавших свое положение посредством записи в городское население. Судя по циркулярной деятельности Министерства, оно стремилось облегчить своим крестьянам занятие торговлей и промышленностью, устанавливая паспортные льготы и устраняя стеснения внеземледельческого отхода на заработки [369].

Положения 1837—1841 годов создали специальный орган, призванный охранять гражданские права крестьян,— особых стряпчих, состоявших при Палатах государственных имуществ и обязанных давать крестьянам юридические советы, составлять им деловые бумаги, защищать на суде их интересы и наблюдать за состоянием арестованных. Сохранившиеся материалы рисуют неприглядную картину небрежности, формализма и бюрократической волокиты этих официальных «адвокатов». Вице-директор I Департамента Нефедьев, ревизовавший в 1847 году Тверское управление, писал в своем отчете: «В Палате книга стряпчего представляет весьма слабые доводы приносимой крестьянам пользы; там все действия стряпчего ограничиваются тем, что он по некоторым немногим словесным просьбам крестьян справлялся по делам их, но не видно, чтобы хотя одному крестьянину составлена им была просьба» [370]. Яркий пример бездействия стряпчего дала ревизия Пермского управления, произведенная в 1849 году Арцимовичем. В делах губернской Палаты были обнаружены без всякого движения спорные дела о земле, которые в течение многих лет велись казной с соседними

---

[368] О переходах государственных крестьян в городские сословия (ЖМГИ, 1857, ч. LXIII, отд. I, стр. 85).

[369] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 146; ф. 27211, л. 23; ф. Кнц М, 1854 г., д. 1474, ч. I, л. 495.

[370] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1847 г., д. 728, ч. I, л. 99.

помещиками. В Пермском доме умалишенных около четырех лет пробыл крестьянин Семион Мамонтов, отправленный туда «для освидетельствования в умственных способностях»; только вмешательство ревизора — и то не сразу — заставило освободить и отправить на родину «несчастного Семиона, отлученного столь долгое время от жены и детей». В уездных тюремных замках содержалось множество арестантов из состава государственных крестьян, причем некоторые числились за Палатой государственных имуществ и долго томились в заключении «от одной бездеятельности присутственных мест». Сведения о них поступали к стряпчему, который, не читая, подшивал бумаги друг к другу, а по окончании года составлял из них перечневую ведомость, которую прикладывал к годовому отчету. Впрочем, время от времени стряпчий посещал губернский тюремный замок и узнавал, что арестанты содержатся более года за судебными местами; он рапортовал об этом управляющему и успокаивался, увидев его стандартную и ничего не говорящую резолюцию: «приобщить к делу»[371].

Бездушное отношение к арестованным проявлялось и в других губерниях. Казанский ревизор Тимофеев нашел в местных тюрьмах 431 арестанта из числа государственных крестьян; некоторые из них находились под стражей по нескольку лет, но на условия их содержания и питания Палата не обращала никакого внимания[372]. В Вятской губернии арестанты содержались в наемных домах, большей частью ветхих, а иногда грозивших разрушением; в некоторых местах арестанты жаловались ревизору на недостаток и дурное качество пищи, иногда — на жестокое обращение, в частности на заковывание в кандалы без всякого основания и повода[373]. В Раненбургском замке Рязанской губернии арестанты были найдены в сыром помещении со смрадным воздухом, без спальных нар[374]. Само Министерство в одном из своих циркуляров признавало, что «по некоторым губерниям многие арестанты из государственных крестьян содержатся за разными судебными и полицейскими местами довольно долгое время», и требовало от стряпчих и окружных начальников более исправного исполнения своих обязанностей[375].

Одной из немногих гарантий соблюдения гражданских прав «свободного сельского обывателя» было право принесения жалобы на беззакония и самоуправство. Однако практика управления государственной деревней превращала эту гарантию в жалкую фикцию, и никакие ревизии и циркуляры не могли изменить этого неотвратимого порядка вещей, коренившегося в условиях феодально-крепостнического строя. Сам Киселев признавал не в виде исключения, а в качестве повсеместного и общего правила, что «при производстве следствий по жалобам крестьян дается им превратный ход, и приносившие жалобы, сверх делаемых им угроз преследуются местным их начальством»[376].

Таким образом, и эта сторона «попечительства» в процессе ее применения на практике получала извращенную форму, не соответствовавшую первоначальному замыслу реформаторов. Если охрана прав государственных крестьян нашла очень слабое выражение в законе, то реализация соответствующих норм в условиях государственной деревни не только не достигала поставленной цели, но часто приводила к противоположному результату. Правда, закрепощение государствен-

---

371 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, т II, лл 48—49, 54—56.
372 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1848 г., д. 779, л. 154.
373 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1853 г., д. 19293, ч. II, лл. 86—87.
374 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1853 г., д. 17763, л. 74.
375 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, лл. 24, 52—53.
376 ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27204, лл. 135—137.

ных крестьян прекратилось, а принудительный перевод в военное звание сделался редким явлением; однако право добровольного перехода в городские сословия встречало скрытые затруднения, а охрана прав «попечительными» органами была чаще всего фиктивной.

12. Специальные категории крестьян

Гораздо больше внимания и центральных, и местных органов Министерства привлекало к себе «устройство состояния» особых категорий государственного крестьянства: однодворцев и однодворческих крестьян, половников, отставных военных чинов, евреев-колонистов, цыган и пр. Практическое применение законов об этих земледельческих прослойках преследовало ту же основную задачу, которая пронизывала и самое законодательство,— ликвидировать специфические особенности различных разрядов крестьянства и слить население государственной деревни в единообразную массу «свободных сельских обывателей». Однако разрешение поставленной задачи оказывалось нелегким,— этому мешали не только давление старых, привычных условий существования различных «состояний», но и недостаток энергии и оперативности у самого Министерства.

Процесс нивелировки проходил успешнее там, где он находил могущественную опору в экономических условиях жизни той или иной категории мелких производителей. Чем больше развивались товарно-денежные отношения, тем больше расслаивалась, беднела и приближалась к положению рядового крестьянства масса великорусских и польских однодворцев. Переселение 10 тысяч западных однодворцев, потомков разорившихся шляхтичей, на казенные земли украинских и белорусских губерний сильно способствовало усилиям правительства рассредоточить и окрестьянить эту группу польского населения, враждебно настроенную к царской политике[377]. Еще эффективнее оказались уравнительные переделы четвертных поместных земель, которые превратили 44% великорусских однодворцев из номинальных собственников размельченных участков в пользователей общинных земельных угодий[378]. Так же безболезненно и быстро совершалась ликвидация устаревшего института однодворческих крестьян, которые постепенно выкупались в казну и переходили на положение, мало отличавшееся от состояния их прежних владельцев — однодворцев[379]. Относительный успех имела реализация закона 1841 года о водворении отставных и бессрочно отпускных солдат. Правда, ревизии в Олонецкой, Калужской, Могилевской и других губерниях вскрывали и здесь волокиту и злоупотребления местных органов: отводы наделов сильно задерживались, пособия и пенсии частично приставали к карманам чиновников, регистрация заявлявших о своем желании основаться в том или ином селении была поставлена неудовлетворительно. В циркулярах Киселева наряду с похвальными отзывами по адресу Палат встречались указания на медленное удовлетворение просьб, поданных солдатами, вернувшимися со службы. Тем не менее количество ветеранов, получивших земельные участки и пособия на хозяйственное обзаведение, были довольно значительными: к 1857 году считались водворенными 83 054 солдата, а сумма выданных им пособий составила около 400 тысяч рублей. Несмотря на длительный перерыв, вызванный военной службой, отставные воинские чины возвращались в старую, привычную обстановку и если не заводили собственного земледельческого хозяйства, то полу-

[377] ИО, ч. II, отд. I, стр. 23—26.
[378] Н. А. Благовещенский. Четвертное право, стр. 132—135.
[379] ИО, ч. II, отд. I, стр. 17—18 (данные о ходе выкупа в Отч. преувеличены).

чали угол и возможность поддерживать существование промыслами или наемной работой [380].

Гораздо хуже обстояло дело с устройством и призрением солдаток: местные органы относились более чем равнодушно к судьбе этой беспомощной прослойки деревенского населения. О плохой реализации закона 1841 года говорили не только донесения ревизоров, но и цифровые данные о количестве «неоседлых» и «отлучившихся» солдаток: в 1842 году оно составляло 1,4%, а к 1855 году выросло до 10,7% [381].

Так же неудачна оказалась политика Министерства в отношении вологодских половников, остававшихся в феодальной зависимости от частных землевладельцев. Стремление Министерства переселить половников на казенные земли и этой мерой ликвидировать институт половничества не было подкреплено необходимыми социально-экономическими распоряжениями: казенные участки отводились половникам вдали от прежнего места жительства и связанного с ним налаженного хозяйства; пособия и ссуды, установленные законом 1840 года, были недостаточны для полного обзаведения на новом месте; старожилы неохотно принимали к себе переселенцев, да и самые условия, при которых было возможно приселение (наличие 15-десятинной пропорции земли), встречались чрезвычайно редко. Половники неохотно соглашались покидать свои старые участки, а многие переселенные и записанные в число самостоятельных хозяев добровольно возвращались на положение половников. Министерство ежегодно проставляло в своих отчетах крупные цифры половников, водворенных на государственных землях. Последующие проверки показали, что эти сведения были крайне преувеличенными: даже в 1866 году из 2723 душ вологодских половников, которые были учтены при открытии Министерства государственных имуществ, 2326 душ продолжали сидеть на владельческих землях и, следовательно, оставались в двойной феодальной зависимости: от государственной казны и от частных собственников [382].

Неудачна была и другая попытка правительства — создать на территории южных губерний крепкие земледельческие хозяйства из колонистов-евреев. На основании закона 1844 года Министерству государственных имуществ было передано 15 ранее образованных еврейских колоний в Херсонской губернии; они занимали пространство в 82 925 десятин и насчитывали 12 779 душ населения. Поставив своей задачей превратить вчерашнего мелкого торговца и ремесленника в крепкого хлебороба, владеющего навыками земледельческого труда, правительство ничего не сделало, чтобы обеспечить возможность такого радикального преобразования: для неимущих переселенцев из городов и местечек западного края не было заготовлено ни домов для жилья, ни материала для постройки; попадавшие после тяжелого и утомительного пути в условия чужого и непривычного района колонисты чувствовали себя затерянными среди огромных степей, к которым не прикасались до них ни плуг, ни борона. Первое, к чему были вынуждены будущие земледельцы, чтобы не погибнуть с голода, это

---

380 Отч., 1844—1856 гг.; ИО, ч. II, отд. I, стр. 37—39; ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27180, л. 37; д. 27217. л. 24; д. 27228, л. 16; д. 27245, лл. 96—97; ф. I Д, 1844 г., д. 6687, л. 55; 1850 г., д. 15695, ч. I, лл. 174—175; 1854 г., д. 23113, л. 23; ф. Кнц М. 1848 г., д. 789, ч. I, лл. 108—109; 1856 г., д. 1630, лл. 33—34; ф. ревизии сенатора Брадке, 1851 г., д. 607; ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 15—16; ч. LIII, отд. II, стр 152—153.

381 ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6060, л. 15; ф. Кнц М, 1846 г., д. 728, ч. I, л. 103; Отч., 1842 г., стр. 28; ИО, ч. II, отд. I, стр. 39—40.

382 Отч., 1843—1856 г.; ИО, ч. II, отд. I, стр. 22; К. Попов. Половники (ЖМГИ, 1862, ч. LXXIX, отд. II, стр. 1—36; LXXXI, отд. II, стр. 470—489); Таисия Шатилова. Уничтожение половничества в XIX столетии («Архив истории труда в России», кн. V: Пг, 1922, стр. 83—88).

разойтись «с разрешения начальства или без разрешения» в ближайшие города и местечки в поисках привычного торгово-промышленного заработка. После возведения домов вернувшиеся колонисты оставались без всякого агрономического руководства и, предоставленные самим себе, с трудом овладевали новыми, тяжелыми для них навыками. По признанию самого Министерства государственных имуществ, подобный способ насаждения института евреев-земледельцев «много способствовал к тому, чтобы поселить в них почти отвращение к земледелию». Естественным результатом такой колонизации была совершенно неудовлетворительная постановка земледельческого хозяйства. Как выяснила ревизия 1845 года, из всего населения еврейских колоний только $^1/_5$ успешно занималась хлебопашеством и только $^1/_5$ хлебопашцев вела его «порядочно»; $^3/_5$ колонистов вовсе не занимались земледелием, а поддерживали существование промыслами и торговлей или в районе своего жительства, или на стороне. На колонистах числился огромный долг в виде податных недоимок и непогашенных ссуд, достигавший 413 тысяч рублей, т. е. в среднем 248 рублей на каждое семейство.

К этим херсонским колониям в управление Киселева прибавилось еще 19 еврейских колоний: 4 — в Херсонской и 15 — в Екатеринославской губернии. Они были расположены на пространстве в 33 573 десятины и насчитывали 766 семейств или 4667 ревизских душ (в среднем по 6 мужчин на семейство). Каждому семейству отводился участок в 30 десятин. Запасные земли сдавались в аренду, а получаемая арендная плата вместе с поселенческим капиталом Министерства и накоплениями сберегательных и вспомогательных касс еврейских колоний должна была составить источник для выдачи пособий и ссуд колонистам. В качестве «агрономов»-инструкторов в еврейских колониях расселялись образцовые хозяева из числа соседних немецких колонистов; в дополнение к своему старому хозяйству они получали на месте своего нового жительства 40-десятинные участки и освобождались от всех натуральных и общественных повинностей.

Результаты этих новых финансовых и воспитательных мероприятий оказались тоже неблестящими. В 1851 году еврейские колонии были подвергнуты ревизии, которая подвела итоги пятилетней колонизаторской деятельности Министерства. К этому моменту было образовано 6 первых екатеринославских колоний, в которых жило 346 семейств, насчитывавших 1974 мужчин и 1609 женщин (в том числе 1126 мужчин и 870 женщин рабочего возраста). Первое, что установила проверка хозяйства новоселов, был недостаток живого и мертвого инвентаря. Только 58 семейств из 346, т. е. 17%, имели все земледельческие орудия и количество скота, необходимое для поднятия и обработки нетронутой степной целины. 188 семейств, т. е. 54%, имели неполное число орудий и скота,— по инструкции они могли засевать не более 6 десятин. Остальные 100 семейств, т. е. 29%, имели по 1—2 лошади и могли засевать не более 3—4 десятин. В среднем на 346 семейств приходилось 180 плугов, 187 борон и 300 повозок; другими словами, плугами были обеспечены только 52% колонистов, боронами — только 54% и повозками — 86%. Количество мертвого инвентаря в херсонских колониях было еще меньше: там один плуг приходился на 19 ревизских душ, т. е. более, чем на 3 семейства, а одна борона — на 11 душ, т. е. почти на 2 семейства. Таким образом, финансовых средств, предназначенных на колонии, не хватало, чтобы обеспечить неимущих горожан-переселенцев необходимыми средствами для ведения хозяйства. При таких условиях трудно было рассчитывать на развитие и укрепление земледельческих колоний. Новозаведенные екатеринославские поселения засеяли в 1847 году 1082 десятины озимого и ярового хлеба, т. е. в среднем по 3,1 десятины на каждое хозяйство.

В следующем году удалось довести посев до 2055 десятин, т. е. почти до 6 десятин на хозяйство, но уже с 1849 года начался обратный процесс постепенного сокращения посевной площади: в 1849 году было засеяно 1844 десятины, в 1850 году.— 1690 и в 1851 году.— 1527 десятин. Количество скота увеличивалось очень медленно: за 5 лет оно выросло только в 2,2 раза и не могло обеспечить колонистов необходимой тягловой силой. Двукратный неурожай и массовые заболевания цынгой нанесли большой удар неокрепшему хозяйству переселенцев.

Положение евреев-колонистов отягчалось гнетом двойных повинностей: по новому и прежнему местожительству. Приставленные к ним немцы-колонисты были заняты собственным хозяйством и принадлежа к зажиточным земледельцам, располагавшим богатым инвентарем и денежными средствами, могли немногому научить неимущих переселенцев, нуждавшихся во всем необходимом. В момент ревизии у колонистов не было ни помещений для содержания скота, ни хлебных запасных магазинов. Многие дома успели обветшать и требовали ремонта. На колонистах нарастали недоимки.

Можно полагать, что еврейские земледельческие поселения, образованные в западных губерниях, находились в таком же положении. Осмотрев их в 1853 году, Киселев записал в своем путевом дневнике: «Заметно, что евреи-поселенцы начинают привыкать к земледелию и сами занимаются полевыми работами, но дома их и надворные строения еще недостроены и уже содержатся небрежно».

Итоги ревизии 1851 года не обескуражили Киселева,— на донесении ревизора Иславина он наложил резолюцию: «...чем дело труднее, тем более иметь должно настойчивости и не обеспокоиваться первыми неудачными приемами». Однако ни сам Киселев, ни Департамент сельского хозяйства не отдавали себе отчета, в чем заключаются основные причины выяснившейся неудачи. Насаждение колоний продолжалось на старых основаниях — при отсутствии достаточной финансовой базы и без серьезного агрономического руководства. Через 9 лет после отставки Киселева окончательно выяснился хозяйственный упадок еврейских земледельческих поселений и была прекращена дальнейшая организация колоний [383].

Неудачно закончилась и следующая попытка Министерства — перевести кочующих цыган на оседлое положение и заставить их заниматься земледелием. И здесь оптимистические данные годовых отчетов и выяснившиеся результаты предпринятого опыта находились в явном и вопиющем противоречии. Несмотря на многократные циркуляры о приписке цыган к многоземельным селениям и о преследовании беспаспортных цыган как бродяг, местные органы не имели ни средств, ни энергии, чтобы обеспечить эту группу населения домами, инвентарем и навыками непривычного сельскохозяйственного труда. Министерские отчеты насчитали за время управления Киселева более 17 тысяч водворенных цыган, но к этим «водворенным» земледельцам была вполне приложима характеристика, данная в 1846 году тверским ревизором: Нефедьевым: «Некоторые цыгане, причисленные к казенным селениям, получив пособие на обзаведение, скрылись, другие вовсе в места причисления не явились, наконец, третьи хотя и в селениях держатся, но ведут жизнь цыганскую, не обнаруживая никакой наклонности к сельскому быту...». Только небольшой процент водворенных цыган сумел приспособиться к оседлому образу жизни, и еще меньшее количество смогло перейти к занятию хлебопашеством [384].

[383] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1851 г., д. 16541; ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.76, л. 9; ИО, ч. II, отд. I, стр. 185—207; ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 35—39.

[384] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, лл. 316—317; 1846 г., д. 728, ч. I, л. 104; ф. V О, д. 27180, л. 125; ф. I Д, 1843 г., д. 5276, л. 30; 1850 г., д. 15695, л. 103; 1855 г., д. 24708, ч. I, лл. 77, 78; ИО, ч. II, отд. I, стр. 30—33; Отч. 1843—1854 гг.

Да и сам Киселев скоро потерял веру в объективную возможность превращения цыган из кочующих ремесленников в земледельцев,— на запрос министра внутренних дел, можно ли городских цыган не зачислять в казенные крестьяне, он отвечал в 1843 году такой резолюцией: «Должно им дать все льготы и пособия для водворения в городах, ибо через малоземелье крестьян мы уже не можем приписывать к обществам»[385].

Несмотря на нивелирующее влияние растущих капиталистических отношений, некоторые разряды государственных крестьян продолжали сохранять особенности своего феодального происхождения: Министерство или не имело достаточно сил, или в силу различных мотивов не хотело посягать на эти особенности. За время управления Киселева в казну было приобретено около 50 тысяч душ крепостных крестьян, которые вплоть до погашения затраченной суммы должны были оставаться на «хозяйственном положении», т. е. отбывать феодальную барщину. При монастырях и архиерейских домах отбывали такую же барщину несколько тысяч монастырских и архиерейских служителей. На Левобережной Украине проживало около миллиона малороссийских казаков и войсковых обывателей, которые пользовались землей на основе права подворно-наследственного владения. Некоторые особенности сословно-юридического характера отличали категории ямщиков, бессарабских мазылов и рупташей, «панцырных бояр» и т. д.

Особенно крупное место среди этих прослоек государственной деревни занимало крестьянское население Сибири, состоявшее из русских переселенцев и местных коренных народностей. Министерство государственных имуществ в течение всего периода управления Киселева считало невозможным «по отдаленности края и местным особенностям» распространить на сибирские губернии действие реформы 1837—1841 годов. Местные крестьяне оставались при старом порядке управления, фактически вне всякого воздействия Министерства государственных имуществ. В течение 40—50-х годов Сибирь стала объектом двух новых ревизий: в 1844—1846 годах восточносибирские губернии были осмотрены сенатором Толстым, в 1851—1852 годах Западная Сибирь была проверена генерал-адъютантом Анненковым. Снова раскрылись все отрицательные стороны сибирской администрации, и вопрос о преобразовании края был поставлен на обсуждение Сибирского комитета и Комитета министров. После ревизии Толстого было решено внести частичные коррективы в систему управления соответственно принципам 1837—1841 годов под руководством и наблюдением местных генерал-губернаторов. После ревизии Анненкова, в 1852 году Киселев занял более определенную позицию. Он не отрицал тяжелого положения сибирских кочевых и бродячих народностей, которые «гибнут от холода, бедности и болезни», не отрицал и трудного положения оседлых земледельцев, которые страдают от земельной необеспеченности и эксплуатируются промышленниками и духовенством. Однако Киселев не только не домогался передачи сибирского населения в ведомство Министерства государственных имуществ, но категорически возражал против подобного предложения; он настаивал, чтобы «управление, не составляя особого исключительного ведомства, действовало в полной подчиненности от Главного управления в Сибири посредством земских судов»,— тем более, что все сибирское население состоит из государственных крестьян и учреждать особые уездные или окружные власти нет никакой необходимости. Точка зрения Киселева была вполне объяснима: если Министерству государственных имуществ не удавалось разрешить главных задач реформы в районах Европейской России, то еще меньше успехов обещало введение нового управления на

[385] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 505. лл. 316—317.

огромных пространствах Сибирского края с его разобщенностью административно-культурных центров и еще большей продажностью местного чиновничества [386].

В таком же положении обособленного мира, фактически независимого от Министерства государственных имуществ, оставались государственные крестьяне Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджана. В соответствии с законом 1841 года они управлялись общими органами закавказской администрации; связь между центральными учреждениями Министерства и местными Палатами государственных имуществ оставалась чисто формальной; после упразднения Палат в 1849 году Министерство перестало иметь какое бы то ни было отношение к Закавказью. Ни в одном годовом отчете Киселева сибирские и закавказские крестьяне не фигурировали; ни в Сибири, ни в Закавказье реформа 1837—1841 годов не имела никакого применения и влияния.

Таким образом, за 19 лет управления Киселева процесс унификации различных прослоек государственного крестьянства одержал некоторые новые успехи. Однако средневековые перегородки, которые отделяли друг от друга некоторые категории мелких сельских производителей, не были ликвидированы. Пока сохраняли свою силу основы феодального общественного строя, не могли исчезнуть и многие особенности, вытекавшие из различного положения замледельцев как пользователей феодальной собственности и плательщиков феодальной ренты. Вот почему при всем стремлении к единообразию управления Киселев должен был считаться с этими особенностями и даже закреплять их практической деятельностью своего Министерства.

13. Итоги реформы

Реформа Киселева вызвала разнообразные характеристики и оценки не только в различных общественных кругах, но даже в узких рамках господствующего сословия. Читая официальные отчеты Киселева и слушая его уверенные доклады и выступления на заседаниях, Николай I считал реформу управления государственными крестьянами вполне удавшейся, а поставленную задачу — если не целиком, то в значительной мере достигнутой. Годовые отчеты Киселева неизменно вызывали благосклонные царские резолюции, а сам реформатор был осыпан высокими наградами: в 1839 году ему было пожаловано графское достоинство, «в особенности за успешное и видам е. и. в. вполне соответственное образование вверенного ему министерства государственных имуществ»; в 1845 году он получил высший орден Андрея Первозванного; в 1852 году ему был подарен царский портрет в сопровождении рескрипта, выражавшего «уважение и признательность» за «пламенное усердие и неусыпную деятельность», связанную с «возрастающим благоустройством» государственных имуществ. Совершенно иначе расценивало реформу правящее дворянство. Вначале оно опасалось социально-политических последствий задуманного преобразования и возненавидело Киселева за его проекты ограничения крепостного права. Но постепенно опасения дворянства стали рассеиваться, и в петербургских салонах начали раздаваться иронические отзывы и насмешки по адресу «воздушных замков» Киселева. По словам М. А. Корфа, столичное дворянское общество критиковало реформатора, «не видя никакого плода от его операций над казенными крестьянами, сколько они ни поглощают миллионов и как он ни наводняет свою часть морем новых постановлений». Ярославский губернатор Полторацкий говаривал в шутку, что помещики собираются воздвигнуть Киселеву

[386] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6091; 1846 г., д. 8071; 1851 г., д. 17767, ч. II. лл. 45—46; ф. Кнц М, 1851 г., д. 1062 (в частности, лл. 20—27).

благодарственный памятник: «... с тех пор, что введено новое управление казенными крестьянами, положение их до того стеснилось и сделалось невыносимым, что многие из помещичьих предпочитают свое и боятся как огня обращения их в государственные» [387].

Кто же был прав в своей дворянской оценке реформы: Николай I и немногие чиновные апологеты Киселева или реакционное петербургское дворянство, возглавляемое Меньшиковым и Корфом? Достигла ли реформа поставленных целей: вывела ли государственную деревню из состояния возрастающей бедности, подняла ли ее платежеспособность и, укрепив систему «государственного феодализма», создала ли точку опоры для ликвидации кризиса феодального строя?

Реформа Киселева прошла через 3 основных этапа: сначала на основе многочисленных предшествовавших проектов была составлена, обсуждена и окончательно сформулирована программа предстоящего преобразования; затем в соответствии с намеченными основными принципами была разработана и утверждена серия законопроектов, начиная с административных законов 1837—1841 годов и кончая сепаратными указами и положениями, издававшимися в период 19-летнего управления Киселева; наконец, с помощью созданного административного аппарата программа, воплощенная в юридических актах, была реализована на практике, стала действительностью крестьянской жизни. С исторической точки зрения последний этап является основным и решающим: какие бы принципиальные положения ни были провозглашены программой реформы, какие бы юридические нормы ни были опубликованы в соответствии с этими принципами, оценка реформы определяется не столько декларациями и законами, сколько практическими последствиями проведенных преобразований. Чего же достигла реформа Киселева, какие вопросы она поставила и разрешила, какие реальные изменения внесла она в жизнь государственной деревни?

Реформа должна была разрешить задачу, выдвинутую дворянским государством в переходный период от феодального строя к капиталистическому,— задачу, внутренне противоречивую по самому своему существу: укрепить гражданские права «свободных сельских обывателей», подчинив их феодальной опеке дворянского сословия, пробудить самодеятельность крестьянского мира, сделав его орудием правящего чиновничества, высоко поднять преобразующую роль крестьянского суда, связав его контролем и руководством самодержавной исполнительной власти. Эти противоречия программы нашли себе отражение в законодательных актах 1837—1841 годов с явным перевесом реакционно-феодальной традиции над новыми буржуазными тенденциями. Последующая реализация законов окончательно похоронила прогрессивные идеи личных прав крестьянина, самостоятельности сельского самоуправления и независимости выборного суда. Огромный аппарат правящего чиновничества, зараженный всеми пороками разлагающегося крепостничества, явился в государственную деревню вооруженный самыми широкими полномочиями и создал в ней систему организованного насилия и лихоимства. Крестьянские выборные были превращены в послушную агентуру самодержавной бюрократии, а крестьянская масса стала источником личного обогащения губернских, окружных, волостных и сельских начальников. Реформа Киселева принесла крестьянству не облегчение от прежних поборов и притеснений, а новые, еще бо́льшие бедствия в результате опекающей деятельности громоздкой и жадной чиновной иерархии.

Заявления Киселева о преимуществах попечительных функций над фискальными задачами остались бесплодными, чисто бумажными декла-

[387] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 27211, лл. 26—30; ф. Канц. М., 1852 г., д. 1241, ч. III, л. 328—329; ЗД, II, стр. 153—156.

рациями. Выжимание из крестьянина прибавочного продукта в разнообразной форме денежных сборов и натуральных повинностей по-прежнему было главной целью казенного управления. Крестьянин рассматривался прежде всего как плательщик подушной подати и феодального оброка в полном соответствии с основным законом феодального строя. Хотя номинальный оброк государственного крестьянина был значительно ниже, чем крепостной оброк, взимавшийся в частных имениях, однако вся совокупность денежных сборов в соединении с обязательными приношениями начальникам не соответствовала платежным силам деревенского населения. Чтобы ликвидировать крестьянскую недоимочность, Министерство государственных имуществ применило сложную систему разнообразных мероприятий. На первый план была выдвинута финансовая реформа оброчного обложения, неизменно фигурировавшая в старых проектах и занимавшая важное место в программе преобразования. Чтобы привести феодальную ренту в соответствие с крестьянскими доходами, было организовано переложение душевого оброка на землю и промыслы с предварительным измерением и оценкой земель, учетом денежных поступлений от промыслов и вычислением общей суммы крестьянского дохода. Однако задача равномерного обложения плательщика не была достигнута: реформа охватила только 21 губернию, операция оценки была произведена недостаточно точно, раскладочная система не была ликвидирована, неуравнительность квоты по губерниям сохранила свое отрицательное влияние.

Гораздо важнее было другое преобразование, преследовавшее ту же финансовую задачу, но продиктованное в первую очередь политической борьбой с польским национальным движением: ликвидация арендной системы в украинских, литовских и белорусских губерниях, перевод крестьян на денежную ренту и связанная с этой заменой переоценка прежних феодальных повинностей. Несмотря на все недостатки произведенной люстрации, это мероприятие создавало условия для большей экономической самостоятельности мелкого производителя и, несомненно, облегчило положение местного крестьянства. Однако и здесь приемы оценки были недостаточно точными, назначение оброчных норм сопровождалось обычными злоупотреблениями и соответствие между доходами и повинностями не было достигнуто. В том же направлении и с теми же результатами было начато, но не закончено регулирование в казенных имениях Прибалтики.

Таким образом, Министерству не удалось создать финансовых предпосылок для ликвидации ежегодных недоборов, так же как не удалось добиться от своих органов добросовестного выполнения технических правил взимания и хранения денежных сборов. Такой же неудачей закончились попытки Министерства государственных имуществ установить равномерное отбывание натуральных повинностей и постепенно перевести эти повинности в денежную форму. Государственный крестьянин по-прежнему нес на себе непосильное бремя и оставался неплатежеспособным перед лицом своего феодала — государственной казны.

В отличие от многих администраторов крепостной эпохи, Киселев держался здравого мнения о причинах хронической недоимочности. «Умножение доходов,— писал он в своих личных заметках,— должно зависеть не от внезапного и произвольного возвышения налогов, но от средств, коими плательщики обладают; до улучшения их быта всякое новое требование возвышенных платежей увеличит недоборы и уничтожит в самом начале развитие самостоятельности плательщиков...». И в программе Киселева, и в его переписке с местными органами не раз подчеркивалась мысль о зависимости крестьянских доходов, а следовательно, казенных денежных поступлений от размеров земельного душевого наде-

ла. Правда, в законодательстве 40—50-х годов этот вопрос не получил определенного и ясного разрешения; тем не менее в деятельности министерских Департаментов наделение безземельных и малоземельных крестьян никогда не переставало быть очередной задачей. В связи с люстрацией и регулированием западных имений, так же как в связи с текущим управлением внутренних губерний, были предприняты определенные усилия в постановке и разрешении аграрного вопроса. Однако Министерству не удалось ликвидировать тяжелое наследство предшествующего периода и парализовать неуклонное сокращение наделов, вызываемое ростом деревенского населения. Причина этого факта лежала не только в организационно-технических неполадках — в неспособности министерского аппарата закончить измерение и межевание земель, точно определить состав государственного земельного фонда и тем самым подготовить надежную опору для планомерной аграрной политики. Гораздо важнее были социальные мотивы, которыми руководилось правительство Николая I, в том числе его «начальник штаба по крестьянской части». Забота о неприкосновенности государственного земельного фонда, о сокращении земельных пожалований и ликвидации помещичьих захватов была продиктована отнюдь не крестьянскими интересами. Охраняя систему «государственного феодализма», Киселев и его Министерство должны были стремиться к укреплению феодальной собственности дворянского государства, составлявшего основу феодальной эксплуатации и феодального властвования. С этой точки зрения было необходимо не только «отвращение ложной мысли государственных крестьян о праве собственности на отведенные им от казны земли и угодья» (о чем открыто говорила программа реформы), но и сосредоточение в непосредственном распоряжении казны обширных земельных пространств. Хозяйственная эксплуатация казенных лесов и казенных оброчных статей имела не только фискальное значение, подкрепляя миллионными доходами статьи государственного бюджета: она имела определенное политическое значение, приучая крестьян к мысли о царской казне как земельном собственнике и полновластном хозяине своего имущества. К этому основному классовому мотиву должен был присоединяться другой, тоже имевший немалое значение: «попечительное» управление государственной деревней должно было, по плану Николая I и Киселева, явиться направляющим образцом для частных землевладельцев, наглядным доказательством целесообразности и выгодности «попечительной» политики. Следуя «благотворной» инициативе правительства, помещики должны были перестроить свои отношения с крестьянами по примеру упорядоченных взаимоотношений казны со «свободными сельскими обывателями». Именно здесь, в добровольном отказе от практики неограниченного рабовладельчества, правительство усматривало источник необходимого перелома и, следовательно, выход из состояния обострявшегося социального кризиса. Но отказ от узаконенного рабства не означал отречения от феодального права на землю и на рабочую силу крестьянина. Поучая и наставляя частных владельцев, Министерство государственных имуществ не забывало о классовой солидарности интересов дворянского сословия и дворянского государства, о необходимости осторожной земельной политики, далекой от «утопических» планов и щедрости. Перед лицом развертывавшегося процесса обезземеления крепостных крестьян, постепенного превращения их в дворовых и «месячников», правительство опасалось перейти определенную границу, чтобы не разорвать связи с собственным классом и не оказаться в положении его противника. Временами эти соображения проскальзывали в переписке Министерства и в суждениях самого Киселева, заявлявшего, что избыток крестьянской земли может служить не подъему, а застою благосостояния деревни. Скрытая сила сдерживающих классово-

феодальных мотивов наложила свою печать на земельную политику Министерства не в меньшей степени, чем прямые уступки дворянству в форме продолжающихся, хотя и сильно сократившихся земельных пожалований.

Министерство более щедро наделило землей обнищавших крестьян арендных имений в связи с операциями люстрации и регулирования; во внутренних губерниях оно удовлетворяло земельную нужду крестьянства в традиционной форме переселения на пустующие пространства восточных и южных губерний. Но и здесь, как во всех «попечительных» мероприятиях Министерства, ярко обнаружилось классовое лицо реформаторов. Дворянское государство очень скудно финансировало переселение крестьян и бездушно, формально выполняло свои функции организатора и руководителя процессом колонизации. Отсюда — ничтожные пособия переселенцам, бюрократическая волокита с их перечислением, равнодушие к судьбе новоселов и тяжелое положение переселившихся, понесших огромные потери людьми и тягловой силой.

Провозгласив задачу уравнения селений земельными угодьями, Министерство не отважилось выполнять ее на практике не только из-за недостатка межевых специалистов, но также из боязни вызвать крестьянские протесты сокращением наделов более обеспеченных селений. В условиях крестьянского малоземелья такие протесты были неизбежны,— крестьяне крепко держались за свою землю и требовали увеличения надельного фонда, а не искусственного сокращения имеющихся наделов. Такая же нерешительность проявилась в постановке и разрешении вопроса о формах крестьянского землепользования: создание семейно-наследственных участков, которое в отличие от предшествующих проектов заняло очень скромное место в программе реформы, получило характер изолированного и быстро оборвавшегося опыта на небольшом пространстве степного самарско-ставропольского Заволжья. Но и противоположная тенденция — включения размельченных семейно-наследственных участков однодворцев в систему общинно-уравнительного землепользования — не получила характера руководящей универсальной меры. Киселев и его Министерство все время колебались между желанием стимулировать самостоятельную инициативу домохозяина и страхом перед возможностью образования пролетариата; фактически они отказались от планомерного решения поставленного вопроса и подчинились стихийному ходу экономических процессов.

Таким образом, земельная политика Министерства, несмотря на некоторые достижения — межевание казенных земель, сокращение пожалований и захватов, частичное увеличение наделов, заселение восточных и южных окраин,— не вывела государственную деревню из состояния хронического малоземелья и крайней пестроты в распределении земельных угодий. Аграрная проблема — самая важная в хозяйственной программе Киселева — не получила удовлетворительного разрешения в процессе реализации реформы. Малоземелье осталось главным источником крестьянской бедности и, следовательно, основным условием непрекращающейся крестьянской недоимочности.

Не достигла поставленной цели и система «попечительных» мероприятий Министерства. Причина этого факта лежала не только в формально-бюрократической и узко корыстной деятельности местных органов, но и в направляющей линии всего принятого курса. Дворянское государство не было склонно затрачивать крупные суммы своего бюджета на удовлетворение хозяйственных и культурных потребностей крестьянства. Расходы на «попечительство» были переложены на ту же неимущую недоимочную деревню, и это заранее предопределило узкие рамки агрономических, врачебных и всяких других начинаний. То, что делалось, было не только

незначительно по своим количественным масштабам, но и проникнуто реакционно-феодальными тенденциями, которые обесценивали прогрессивные элементы задуманных преобразований. Общая хозяйственная и культурная отсталость, поддерживаемая всем строем крепостнического государства, в свою очередь препятствовала успеху прогрессивных нововведений.

Стремление Киселева облагодетельствовать государственную деревню просвещенной опекой господствующего класса вырождалось на практике в дополнительную эксплуатацию, сопровождавшуюся насилиями и вымогательствами. Ни одно из крупных мероприятий попечительства не достигало цели и не создало коренного перелома в хозяйственном и культурном состоянии деревни. Организация продовольственного дела не обеспечила крестьян семенными и питательными ресурсами на случай неурожая и голода. Агрономическая пропаганда посредством слова и показательного примера не изменила низкого, рутинного состояния крестьянской техники. Учрежденные школы не охватили своим влиянием всего населения деревни и плохо справлялись с обучением детей даже элементарной грамоте. Врачебные и ветеринарные мероприятия были ничтожны по своему объему и не могли прекратить свирепствующих эпидемий и эпизоотий. Еще ничтожнее по своим результатам были попытки призрения инвалидов и опеки над малолетними. Несмотря на введение страхования от огня, государственные крестьяне несли неисчислимые убытки от пожаров, а вопреки усилиям Киселева перестроить деревянно-соломенную деревню и внести в нее начала «благоустройства», она оставалась под властью старого внешнего быта, бессильная подняться до более высокого уровня. Еще меньше изменений было во внутреннем строе деревни, в положении личности крестьянина, во взаимоотношениях между плательщиком феодальной ренты и аппаратом дворянского крепостнического государства. «Попечительная» политика Киселева не произвела переворота в приниженной и недоимочной государственной деревне, не превратила эту деревню в счастливый оазис и не могла увлечь примером одержанного успеха крепостнически настроенное дворянство.

И после реформы Киселева крестьянство так же страдало от неурожаев и падежей скота, так же вымирало от холеры, цынги и тифа, так же оставалось в массе неграмотным и темным, под духовным влиянием ограниченного и корыстного духовенства, в обстановке официально поощряемого и культивируемого пьянства. «Попечительная» политика Киселева не произвела ожидаемого переворота в деревне, не подняла заметно ее экономического и культурного уровня и оказала очень мало влияния на повышение ее платежеспособности.

Таким образом, ни финансовая, ни земельная, ни «попечительная» политика Министерства не обеспечили разрешение основной задачи, которая была поставлена реформой 1837—1841 годов. Противники Киселева из дворянского лагеря имели полное основание иронизировать над результатами его деятельности: за истекшие 19 лет оброчные оклады государственной деревни остались на прежнем уровне; увеличение поступлений от земского и общественного сбора целиком поглощалось местными и ведомственными расходами; ежегодные недоборы продолжались, и сумма недоимок, накопленная в предшествующие годы, выросла на 65%. С разных концов России приходили вести о бедности государственных крестьян и о массовом ропоте на вымогательства и насилия киселевской администрации. При таких условиях трудно было убедить крепостническое дворянство в экономической выгодности нового управления и в необходимости следовать показанному примеру.

Было ясно, что реализация законов, изданных по инициативе Киселева, не достигла целей, указанных в программе преобразования, и плохо

соответствовала замыслу и содержанию самих законов. Между юридическими нормами и их применением на практике было еще большее противоречие, чем расхождение между первоначальной программой и ее воплощением в законодательных актах. Усилия феодальной государственной надстройки спасти и укрепить феодальный способ производства ценой частичных уступок и приспособления к капиталистическим отношениям оставались бесплодными в обстановке разлагающегося феодального хозяйства и прогнившего аппарата крепостнической власти. Практические итоги, к которым приводила реформа 1837—1841 годов, обнаружила безнадежность ее основного замысла — ликвидировать кризис феодального строя, не посягая на его хозяйственные и политические устои.

Однако, чтобы вынести окончательное суждение о реформе Киселева, недостаточно ознакомиться с ее применением на практике: необходимо сопоставить 19-летнее управление Министерства государственных имуществ с процессом экономического развития деревни и выяснить отношение к проводимой реформе со стороны самого «опекаемого» государственного крестьянства.

Глава четвертая

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРЕВНИ

1. Источники. 2. Рост населения деревни. 2. Северное Поморье. 4. Озерный край. 5. Центральный промышленный район. 6. Центральный черноземный район. 7. Среднее и Нижнее Поволжье. 8. Приуралье. 9. Украина. 10. Литва и Белоруссия. 11. Прибалтика. 12. Итоги.

1. Источники

Независимо от правительственной политики в государственной деревне совершался стихийный процесс экономического развития, характерный для всей России 40—50-х годов XIX века [1]. В нашем распоряжении имеется ряд источников, которые знакомят с хозяйственными процессами на землях государственных крестьян этого периода. На первое место по разнообразию и значению фактических данных необходимо поставить сводные статистические материалы, которые издавало Министерство государственных имуществ в течение 1857—1871 годов [2]. В основу этого восьмитомного труда легли налогово-оценочные исследования, произведенные по инициативе Киселева специально командированными губернскими комиссиями. Из всех накопленных и обработанных ими данных были опубликованы хозяйственные итоги по 7 промышленным губерниям (Московской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Тверской, Новгородской, Калужской) и по 3 поволжским (Казанской, Самарской и Симбирской). По некоторым губерниям (Псковской, Рязанской, Курской, Саратовской, Смоленской и пр.) систематизированные и обработанные материалы были обнародованы на страницах Журнала Министерства государственных имуществ или выпущены отдельными книгами [3].

Результаты налогово-оценочных исследований, рассматриваемые с источниковедческой точки зрения, имеют целый ряд преимуществ. Как правило, материалы собирались хорошо подготовленными чиновниками Министерства по определенному и строго продуманному плану. Самая задача обследования — точно установить объекты финансового обложе-

---

[1] О хозяйственных особенностях периода 40—50-х годов см. «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 56—76.

[2] «Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян», вып. I и II. СПб, 1857 (дальше обозначаются ХСМ); «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ», вып. I—VI. СПб, 1858—1871 (дальше обозначаются МСР).

[3] Например: Я. И. Соловьев. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855; ЖМГИ, 1847, ч. XXII, отд. II; ч. XXV, отд. III; 1848, ч. XXVI, отд. I и III и др.

ния — заставляла членов комиссий внимательно и строго выполнять правила преподанных инструкций. Исследование производилось на месте путем непосредственного изучения и съемки крестьянских угодий. Сведения о цепях собирались из разнообразных источников, взаимно сопоставлялись и корректировались. Данные о промыслах крестьян были итогами подробных подворных описей. Было обращено серьезное внимание на особенности местного хозяйства. Сомнительные сведения подвергались критической проверке. Сам по себе комиссионный порядок собирания и обработки материала служил известной гарантией точности и соответствия истине. Тем не менее министерские материалы несут на себе печать дореформенной статистики со всеми характеризующими ее пробелами и недостатками. Как ни стремились оценочные комиссии к полному и точному учету облагаемых доходов, они неизбежно сталкивались с противоположным стремлением крестьян максимально преуменьшать, а по возможности и скрыть данные о получаемых доходах; из всех материалов, опубликованных Министерством, наиболее шаткими являются показатели валового и чистого дохода земледельцев и промышленников. С другой стороны, экономические понятия дореформенных статистиков (а следовательно, и самые приемы их обследования) были очень далекими от требований нашего времени: оценочные комиссии исходили из крайне расплывчатого понятия «промысла», одинаково подводя под него и сельскохозяйственные занятия (например, пчеловодство), и торговлю, и наемную работу на фабриках и заводах; между предпринимателями и рабочими часто не проводилось никакого разграничения; за средними цифрами исчезали социальные прослойки государственной деревни. Наконец, в опубликованных материалах мы имеем не первоначальные подворные данные, а итоги последующей цифровой и экономической обработки, которая производилась не всегда единообразно и с допущением приблизительных суммарных подсчетов [4].

Но все же и при данных недостатках статистические сводки Министерства государственных имуществ, снабженные обширными комментариями и дополнениями составителей, по богатству и точности содержания превосходят все остальные дореформенные обзоры экономического положения России. Они дают возможность ясно представить себе количество и распределение по районам населения и земельных угодий государственной деревни, существующие системы полеводства, степень урожайности различных культур, условия сбыта хлебных продуктов, распространение и характер земельной аренды, развитие торговли и промышленности и до известной степени процесс расслоения крестьянства. Однако группировка и подсчеты числовых данных, приводимых в описаниях отдельных губерний, требуют критической проверки и часто самостоятельной переработки.

Вторая группа источников — ведомственная переписка Министерства государственных имуществ, которая сохранила в своем составе немало сведений об экономическом положении государственной деревни. К сожалению, до наших дней не сохранилось большинства материалов Департамента сельского хозяйства, специально изучавшего состояние земледелия, животноводства и промыслов государственных крестьян. Тем не менее, в фондах Департаментов и Канцелярии министра уцелели разрозненные данные о хозяйственных явлениях в государственной деревне за время управления Киселева. Донесения ревизоров, отчеты Палат, ответы на замечания губернаторов, наконец путевые впечатления самого министра — содержали важные сведения о крестьянском землевладении, о размерах посевных площадей и урожая, о технической постановке сель-

[4] В фондах МГИ сохранились только фрагменты подворных описей, которые могут быть использованы в качестве иллюстраций при обработке сводных обзоров.

ского хозяйства, о развитии ремесла и т. д. На основе этих документальных данных составлялись годовые отчеты министра, которые с некоторыми сокращениями были опубликованы в «Журнале Министерства государственных имуществ». Извлечения из отчетов дают возможность из года в год проследить размеры крестьянских посевов и урожая и частично — количество скота и число выданных паспортов в разных губерниях Европейской России. Как все официальные документы дореформенного периода, отчеты министра не могут претендовать на абсолютную точность; но, так же как отчеты губернаторов, они помогают составить приблизительное понятие о хозяйственных изменениях в государственной деревне между 1843 и 1856 годами. В этом отношении министерские отчеты дополняют статичные данные оценочных комиссий, облегчая сопоставление разных этапов развития в различных экономических районах.

Третьим источником для изучения экономического развития государственной деревни служат многочисленные хозяйственные описания разных районов в форме общих обзоров, путевых записок и местных корреспонденций, которые в 40—60-х годах печатались в «Журнале Министерства государственных имуществ». В отличие от официальных статистических материалов, это индивидуальные, не связанные между собой работы, крупные и мелкие, сильно отличающиеся друг от друга по своему плану и методам изложения. Авторами таких описаний были чиновники Министерства, члены сельскохозяйственных обществ, иногда местные помещики, иногда ученые агрономы и статистики. При всей пестроте и субъективизме подобных материалов они имеют научную ценность как результаты непосредственных наблюдений заинтересованных современников, нередко дополняющие и корректирующие приглаженные официальные отчеты.

При обработке этих основных источников помогают материалы, собранные смежными ведомствами и организациями: Министерством внутренних дел, Вольным экономическим обществом и т. д.[5]. Особенно крупное значение имеют две многотомные серии статистических материалов, подготовленные офицерами Генерального штаба: первая, изданная в 40—50-х годах, и вторая, почти совпадающая по времени с восьмитомным трудом Министерства государственных имуществ[6]. К той же группе вспомогательных источников относятся многочисленные хозяйственные обзоры различных губерний, выпущенные в свет в 40—50-х годах XIX века[7].

Только внимательное сопоставление и взаимная проверка соответствующих данных разных источников дают возможность нейтрализовать отрицательные стороны официальной статистики крепостного времени. За внешним благополучием николаевской империи легко улавливаются признаки нарастающего кризиса феодально-крепостнического строя. Однако следует заранее примириться с известной относительностью имеющихся цифровых показателей: даже наиболее точные сведения о количестве народонаселения, которые тщательно собирались финансовыми органами государства, нередко противоречат друг другу и не могут быть признаны безусловно достоверными; еще большей осторожности требуют

[5] «Материалы для хозяйственной статистики России», кн. I. Изд. имп. Вольн экон. об-ва, СПб, 1853; Нижегородская губерния в хозяйственно-статистическом отношении (ЖМВД, ч. XXVIII. СПб, 1858) и др.

[6] «Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I Отделении Департамента Генерального штаба». СПб, 1848—1855; «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». СПб, 1860—1868.

[7] Например: А. Никольский. Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии. СПб, 1858; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859.

официальные сведения о посевах, урожаях и сбыте сельскохозяйственных продуктов. Наименьшей достоверностью отличаются (как и в ревизии 1836—1840 годов) сведения о доходах и расходах государственных крестьян. Тем не менее сличение цифровых данных с хозяйственными наблюдениями современников — нередко различного социального положения и разных политических взглядов — помогает нащупать наиболее вероятные выводы об экономическом развитии государственной деревни за весь период реализации реформы.

2. Рост населения деревни

За время управления Киселева значительно выросло население государственной деревни — та крестьянская масса, которая своими трудовыми усилиями способствовала неуклонному поднятию производительных сил страны. Вполне точно определить размеры этого роста представляется невозможным: Министерство государственных имуществ неоднократно публиковало погубернские и общегосударственные итоги числа государственных крестьян, исправляло ранее обнародованные цифры, вносило в них новые поправки, но не могло добиться полного единообразия своих показателей. Из этих разнообразных и противоречивых данных следует предпочесть результаты проведенных ревизий, которые гарантируют наибольшее единство статистических приемов и возможность сравнения полученных величин. Министерство было образовано вскоре после 8-й ревизии (1835 год). В 1850 году последовала 9-я ревизия, а через 2 года после ухода Киселева, в 1858 году, последняя, 10-я ревизия дореформенной России. Сопоставляя общие итоги этих народных переписей, мы получаем следующую картину возрастания числа государственных крестьян на территории, состоявшей в непосредственном ведении Министерства (табл. 52).

Таблица 52

Рост числа государственных крестьян по европейским губерниям за 1835—1858 годы *

Ревизии	Мужчин	Женщин	Итого
8-я	7 809 355	8 170 664	15 980 019
9-я	8 712 648	9 212 926	17 925 574
10-я	9 345 342	10 034 289	19 379 631

* Итоги 8-й и 9-й ревизий взяты из официальных данных, опубликованных в ЖМГИ, 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 24—27 (они же воспроизведены в книге: П. Кеппен. Девятая ревизия. СПб, 1857, стр. 192), с поправками, внесенными позднее МГИ в МСР, IV, стр. 126 и 134—135 (исправлены, помимо опечаток, неточные данные по Волынской и Подольской губерниям). Итоги 10-й ревизии взяты из МСР, IV, стр. 134—135.

Степень этого роста станет еще нагляднее, если мы сопоставим изменения в численности государственных крестьян и крепостного населения империи за тот же период времени (табл. 53).

В то время как население государственной деревни выросло более чем на 20%, количество крепостных крестьян сократилось почти на 1%. Задумываясь над причинами уменьшения крепостного населения России, исследователь 10-й ревизии А. Тройницкий ссылался главным образом на влияние рекрутской повинности, которая навсегда вырывала из помещичьей деревни большое количество мужчин вместе с женами и детьми, рожденными после принятия в рекруты. Однако рекрутская повинность существовала и раньше, а население крепостной деревни не уменьшалось, а увеличивалось. Сам Тройницкий в конце концов должен был признать,

Таблица 53

Движение населения государственной и крепостной деревни между 8-й и 10-й ревизиями *

Ревизии	Государственные крестьяне обоего пола	Крепостные крестьяне обоего пола
8-я	15 980 019	22 778 090
10-я	19 379 631	22 563 086
Прирост (+) и убыль (—)	+ 3 399 612	— 215 004
То же в %	+ 21,2	— 0,9

* МСР, IV, стр. 134—135. Цифры крепостного населения всех категорий взяты у А. Тройницкого. (А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб, 1861, стр. 51, 54). Проценты вычислены автором данной книги.

что условия естественного прироста крепостного крестьянства «менее выгодны», так как «экономический быт крепостного сословия находится в ненормальном положении» [8]. Другими словами, вся обстановка кризисного периода, характеризуемая сокращением наделов, усилением эксплуатации, переводом крестьян в дворовые и т. д., закономерно и неуклонно отражалась на сокращении рождаемости и увеличении смертности крепостного крестьянства. Положение государственных крестьян, несмотря на наличие феодальной зависимости и отрицательные стороны киселевского управления, было свободнее и легче, чем положение помещичьих крепостных. Вот почему, несмотря на тяжелые потери, понесенные в Крымскую войну 1853—1856 годов, на периодические неурожаи и массовые эпидемии, население государственной деревни продолжало расти не только за счет перечисления из других сословий, но и за счет прогрессирующего естественного прироста. В течение 19 лет управления Киселева в состав населения государственной деревни были перечислены тысячи крестьян конфискованных польских имений и купленных казной частновладельческих поместий. Однако естественный прирост населения был выше, чем количество людей, переведенных из состава других сословий; в промежуток между 9-й и 10-й ревизиями процент ежегодного естественного прироста в среднем поднялся до 1,2, а в отдельных губерниях — до 2,1; он оказался достаточным, чтобы покрыть огромную убыль мужчин рекрутами и ратниками (в количестве 350 066 человек) и обеспечить новый прирост, который значительно превзошел приращение предшествовавшего 15-летия [9].

Данные 10-й ревизии дают возможность выяснить распределение государственных крестьян по губерниям и определить их место в составе всего населения империи и специально — населения земледельческого (табл. 54).

Сопоставляя данные 1835 года и 1859 года [10], мы убеждаемся, что за 24 года, истекшие после 8-й ревизии, размещение государственных крестьян на территории Европейской России не испытало существенных изменений. По-прежнему наиболее крупные массы казенного крестьянства были сосредоточены в районах Приуралья, Северного Поморья, Среднего и Нижнего Поволжья, украинского юга и отчасти Центрального черноземного района. Именно здесь сохранились наивысшие абсолютные и относительные величины населения государственной деревни в соответствии

[8] А. Тройницкий. Указ. соч., стр. 56.
[9] МСР, IV, стр. 126—131.
[10] Данные 8-й ревизии 1835 года см. в т. I настоящего исследования, стр. 312.

Таблица 54

Распределение государственных крестьян по губерниям к 1 января 1859 г. *

Губернии	Число гос. крестьян мужского пола	Число всех жителей мужского пола	% гос. крестьян к числу жителей	Число всех крестьян мужского пола	% гос. крестьян к числу всех крестьян
Архангельская	84 244	134 058	62,8	506 130	67,1
Вологодская	255 500	456 416	55,9		
Астраханская	87 303	242 305	36,0	93 293	93,5
Бессарабская	32 902	480 582	6,8	38 388	85,7
Виленская	105 389	437 497	24,0	301 667	31,6
Витебская	64 317	391 961	16,4	281 467	22,8
Владимирская	142 709	584 927	24,3	504 869	28,2
Волынская	91 785	754 215	12,1	514 620	17,8
Воронежская	602 402	958 999	62,8	861 810	69,8
Вятская	804 456	1 007 287	79,8	872 857	92,1
Гродненская	116 635	439 126	26,5	292 407	39,8
Екатеринославская	240 163	532 853	45,0	403 221	59,5
Казанская	541 710	759 313	71,3	661 296	81,9
Калужская	93 603	489 914	19,1	396 390	23,0
Киевская	102 705	972 020	10,5	653 526	15,7
Ковенская	102 526	474 079	21,6	277 541	36,9
Костромская	89 634	507 756	17,6	445 489	20,1
Курляндская	72 279	274 836	26,2	72 279	100,0
Курская	432 498	902 859	47,9	793 822	54,4
Лифляндская	56 088	424 395	13,2	56 088	100,0
Минская	67 464	489 439	13,7	358 591	18,8
Могилевская	36 990	430 985	8,5	315 089	11,7
Московская	169 562	825 643	20,5	497 306	34,0
Нижегородская	136 143	602 853	22,5	614 762	22,1
Новгородская	110 156	474 931	23,1	337 761	32,6
Олонецкая	84 141	136 078	61,8	89 631	93,8
Оренбургская	213 500	995 014	21,4	359 183	59,4
Орловская	225 322	761 192	29,6	620 745	36,2
Пензенская	237 400	593 134	40,0	507 031	46,8
Пермская	469 632	975 499	48,1	837 155	59,3
Подольская	71 078	874 995	8,1	582 001	12,2
Полтавская	462 547	890 307	51,9	788 973	58,6
Псковская	113 987	346 470	32,8	298 525	38,1
Рязанская	216 963	713 783	30,3	616 159	35,1
Самарская	390 141	747 502	52,1	601 798	64,8
С.-Петербургская	37 075	633 043	5,8	165 784	22,3
Саратовская	271 470	808 836	33,5	637 858	42,5
Смоленская	94 336	537 106	17,5	462 705	20,3
Таврическая	232 171	371 931	62,4	252 781	91,8
Тамбовская	428 425	953 594	44,9	807 153	53,0
Тверская	226 319	717 191	31,5	615 455	36,7
Тульская	94 171	593 703	15,8	493 599	19,0
Харьковская	338 853	793 427	42,7	569 008	59,5
Херсонская	48 395	533 331	9,7	209 068	23,1
Черниговская	326 256	726 144	44,9	592 666	55,0
Эстляндская	2 424	148 305	1,6	2 424	100,0
Ярославская	119 573	454 091	26,3	379 586	31,5
Итого:	9 345 342	28 353 925	32,9	20 639 957	45,2

* МСР IV, стр. 132—135; А. Тройницкий. Крепостное население..., стр. 49—50; «История уделов», т. II, ч. II (приложение: карта Европейской России с обозначением владений удельного ведомства 1860 года экспликация). — Процентные отношения вычислены автором данной книги.

с историческими условиями происхождения и постепенного расселения сословия «свободных сельских обывателей». Некоторые изменения можно подметить в столичных губерниях, в колонизуемых районах востока и юга (в губерниях Пермской, Вятской, Казанской, Астраханской, Екатеринославской, Киевской, Таврической, Бессарабской) и в некоторых литовских губерниях (Гродненской, Ковенской), где более или менее понизился процент государственных крестьян по отношению ко всему населению[11]. Если в столичных губерниях это изменение можно отнести за счет возрастания числа городских жителей, то в остальных районах решающую роль должно было сыграть массовое перемещение населения; с одной стороны, усиливалась свободная колонизация восточных и южных пространств, с другой,— происходил отлив государственных крестьян, частью малоземельных, частью принудительно переселяемых (западных однодворцев, сектантов, цыган и др.), в районы Сибири и Закавказья. Однако все эти изменения не колебали высокого процента государственного крестьянства по отношению ко всему земледельческому населению государства: сравнительно с опубликованными «Материалами», данные 1858 года показывают или сохранение прежнего соотношения величин, или возрастание числа государственных крестьян за счет помещичьих и удельных (например, в Курской — с 49,1 до 54,4%, в Тамбовской — с 47,9 до 53,0% и т. д.). Если в общем итоге процентное отношение государственного крестьянства ко всему мужскому населению несколько понизилось (с 34,6 до 32, 9%), то средний процент числа государственных крестьян ко всей земледельческой массе, наоборот, повысился (с 44,3 до 45,2). Подводя итог, можно уверенно утверждать, что, несмотря на тормозящее влияние феодальных институтов, стихийный рост крестьянского населения шел в определенном закономерном направлении: численно возрастало и крепло более свободное государственное крестьянство, сокращалось абсолютно и относительно крестьянство закрепощенное, испытывавшее наибольшие тягости переходного кризисного периода.

Статистические материалы Министерства государственных имуществ помогают нам выяснить эволюцию внутреннего состава государственной деревни в промежутке между 9-й и 10-й ревизиями. Выделяя важнейшие сословные подгруппы казенного крестьянства и объединяя их в более крупные категории, мы можем сопоставить их численность в 1850 году и 1858 году (табл. 55).

Всматриваясь в показатели прибыли и убыли на табл. 55, мы без труда улавливаем основную тенденцию к нивелировке различных феодальных прослоек, которые были унаследованы от предшествующего периода. Тенденция к уравнению прав и обязанностей была закономерным результатом развивавшихся товарно-денежных отношений, которые экономически сближали прежние обособленные категории населения. Постепенное растворение отдельных прослоек в основной массе государственных крестьян наблюдалось и раньше, до образования Министерства государственных имуществ; при Киселеве политика ликвидации юридических особенностей, разделявших население деревни на отдельные группы, проводилась сознательно и систематически. Если уменьшение числа великорусских однодворцев было неизбежным следствием их обезземеления и обеднения, то сокращение числа ямщиков, войсковых обывателей, однодворцев западных губерний и других феодальных прослоек происходило под прямым давлением Министерства. Более устойчивыми оставались разряды малороссийских казаков вследствие повышенного естественного

[11] В Петербургской губернии процент государственных крестьян уменьшился с 12,2 до 5,8, в Московской — с 25,4 до 20,5, в Астраханской — с 44,9 до 36,0, а в Пермской — с 55,1 до 48,4, в Екатеринославской — с 51,2 до 45,0 и т. д.

Таблица 55

Распределение государственных крестьян мужского пола по важнейшим разрядам *

Разряды	9-я ревизия	10-я ревизия	Прирост (+) или убыль (—)
Бывшие черносошные и бывшие крепостные			
Государственные крестьяне на казенных землях	6 098 061	68 29 731	+ 731 670
Коннозаводские крестьяне	86 372	87 422	+ 1 050
Ямщики	28 857	14 484	— 14 373
Купленные крестьяне	46 620	41 104	— 5 516
Бывшие военнослужилые люди			
Однодворцы русских губерний	377 102	307 012	— 70 090
Войсковые обыватели	103 447	15 978	— 87 469
Малороссийские казаки	592 911	649 134	+ 56 223
Однодворческие крестьяне	5 921	2 277	— 3 644
Крестьяне западных губерний			
Государственные крестьяне	744 044	736 510	— 7 534
Однодворцы западные	46 686	36 991	— 9 695
Вольные люди на оброке	4 866	4 945	+ 79
Крестьяне национальных окраин на юге и востоке			
Татары-поселяне	164 645	153 882	— 10 763
Татары юртовские	11 569	11 464	— 105
Евреи-земледельцы	14 354	30 347	+ 15 993
Колонисты на положении государственных крестьян	187 758	197 754	+ 9 996
Государственные крестьяне Бессарабской области	36 538	32 456	— 4 082

* МСР, III, стр. 170—177.— При классификации крестьян на сословные и национальные группы, Министерство внесло поправки в официальные цифры 9-й и 10-й ревизий. Поэтому общие итоги населения оказались больше для 9-й ревизии на 238 002 ревизские души и для 10-й ревизии — на 258 862 ревизские души. Эти отличия очень мало могут влиять на взаимные отношения сопоставляемых величин. При составлении данной таблицы отброшены: 1) малочисленные группы; 2) крестьяне, хотя и находившиеся в ведении Министерства, но необложенные феодальной рентой (свободные хлебопашцы и пр.); 3) явно неверные показатели, относящиеся к категории лоцманов и лашман.

прироста и колонистов (в частности, жителей еврейских земледельческих колоний) в силу особых колонизационных задач, которые преследовало Министерство Киселева. Кроме того, сохранялось особое положение коннозаводских крестьян, которые обязаны были натурой обслуживать казенные конские заводы. Что касается «государственных крестьян западных губерний», то в результате их перевода на оброчное положение они фактически были сравнены с крестьянами внутренних губерний и только по традиции сохраняли свое прежнее название. По мере замены натуральных повинностей денежными такая же участь постигала ямщиков, лоцманов, лашман, архиерейских и монастырских служителей и т. д.

По этническому признаку можно объединить население государственной деревни в следующие основные группы (табл. 56).

Таблица 56

Распределение государственных крестьян мужского пола по этническому признаку*

Народы	9-я ревизия	10-я ревизия	Прибыль (+) и убыль(—)
Славяне			
Русские	5 120 896	5 420 206	+ 299 310
Украинцы	1 743 843	1 976 357	+ 232 514
Белоруссы	165 039	163 281	— 1 758
Болгары	50 158	30 825	— 19 333
Поляки	27 383	38 236	+ 10 853
Итого:	7 107 319	7 628 905	+ 521 586
Народы летто-литовской группы			
Латыши	91 729	93 591	+ 1 862
Литовцы	345 758	314 487	— 31 271
Итого	437 487	408 078	— 29 409
Народы финно-угорской группы			
Ненцы	2 318	2 359	+ 41
Саами („лопари")	1 142	1 617	+ 475
Карелы	13 794	14 959	+ 1 165
Эстонцы	48 105	49 241	+ 1 136
Коми	49 927	54 473	+ 4 546
Удмурты	101 158	112 264	+ 11 106
Мордва	163 463	189 492	+ 26 029
Мари	86 053	95 636	+ 9 583
Прочие	29 773	37 010	+ 7 237
Итого:	495 733	557 051	+ 61 318
Народы тюрко-язычной группы			
Татары	487 256	513 809	+ 26 553
Чуваши	185 895	207 003	+ 21 108
Ногайцы	26 179	26 115	— 64
Прочие	41	73	+ 32
Итого:	699 371	747 000	+ 47 629
Народы романской группы			
Румыны и молдаване	44 287	49 229	+ 4 942
Народы германской группы			
Немцы	144 990	174 091	+ 29 101
Шведы	452	470	+ 18
Итого:	145 442	174 561	+ 29 119
Евреи	13 015	32 411	+ 19 396
Цыгане	7 880	6 721	— 1 159

[1] МСР, III, стр. 160—165.— Вместе с болгарами в материалах МГИ объединены греки.

Все основные группы, за исключением народов Прибалтики, показывают значительный прирост населения. Особенно крупное приращение дали важнейшие этнические категории — русских и украинцев. Высокий процент прироста поляков, по-видимому, был результатом массового перечисления в государственные крестьяне не доказавших своего дворянского происхождения. Сокращение численности некоторых национальных групп объяснялось различными причинами. При кочевом образе жизни цыган не все жители этой категории смогли быть охвачены переписью. Значительная часть болгар, населявшая южную часть Бессарабии, отошла к Дунайским княжествам на основании условий Парижского договора 1856 года. Что касается белоруссов и литовцев, то можно предполагать что уменьшение их численности коренилось в тяжелых условиях хозяйственного быта, сохранявшего в себе последствия разрушительной барщинной системы.

В связи с оценкой земель и промыслов губернские оценочные комиссии старались определить, какая часть жителей государственной деревни может считаться производительным рабочим населением. При этом одинаково учитывались мужчины и женщины (первые — от 18 до 60 лет, вторые — от 16 до 55 лет), а также помогавшие им полуработники (от 14 до 18 и от 60 до 55 лет) и полуработницы (от 12 до 16 и от 55 до 60 лет). Используя соответствующие материалы, мы можем приблизительно установить взаимное отношение между производительной и непроизводительной частью населения государственной деревни (табл. 57).

Таблица 57

Отношение производительного населения государственной деревни к непроизводительному*

Губернии	Наличное число мужчин	Число работников	Число полуработников	На 100 мужчин число работников	Наличное число женщин	Число работниц	Число полуработниц	На 100 женщин число работниц
Тверская (1853 г.)**	199 701	102 929	21 003	56,8	217 132	112 793	25 270	57,7
Новгородская (1853 г.) *** . . .	87 789	47 308	8 238	58,5	94 463	51 758	8 729	59,4
Ярославская (1857 г.) **** . . .	98 552	51 936	9 351	57,4	118 049	67 422	11 646	62,0
Костромская (1854—1858 гг.)*****	73 447	37 793	6 638	55,0	85 039	47 704	7 577	60,5
Нижегородская (1853-1856 гг.)******	92 639	48 683	8 887	57,3	97 829	54 312	9 704	60,4

* При вычислении процентов 2 полуработника приравнивались к 1 полному работнику и 2 полуработницы — к 1 полной работнице.

** МСР, I, стр. 93.

*** МСР, I, стр. 81.

**** МСР, II, стр. 177.

***** МСР, IV, стр. 43.

****** ХСМ, I, стр. 2.

В среднем, если исходить из материала обследованных промышленных губерний, производительным рабочим населением могло считаться 57% всех мужчин и около 60% всех женщин. Такова была трудовая база, на которую опиралось развитие производительных сил государственной деревни.

3. Северное Поморье

Из всех районов Европейской России меньше всего изменился лесной и болотистый край Поморья с его суровым климатом и сравнительно редким населением: сама северная природа, трудно поддающаяся воздействию человека, ставила здесь тесные границы творческой инициативе и энергии крестьянина. Однако и тут, особенно в менее отдаленных уездах

с большей плотностью населения, наблюдался неуклонный рост производительных сил, расшатывавший консервативные устои старой, патриархальной деревни.

Природные условия Северного Поморья по-прежнему определяли его разделение на различные хозяйственные районы. Морское побережье, так же как берега многочисленных рек и озер, оставались центрами широко развитого рыболовства. Полоса тундры по-старому была местом разведения оленей. Огромные лесные пространства, особенно восточные уезды Архангельской и Вологодской губерний, жили охотой на зверя и птицу. Земледелие и неразрывно связанное с ним скотоводство господствовали преимущественно в юго-западной части северного края, хотя встречались повсюду, где вызревали зерновые культуры и существовала возможность сенокосов. Из рыбных промыслов крупное хозяйственное значение имела ловля трески и палтуса [12] на Мурманском побережье Ледовитого океана. К началу апреля из государственных деревень Кольского и других уездов пешком и на собаках сюда направлялись тысячи крестьян-поморов с котомками, нагруженными бельем и хлебом. Они селились в заранее устроенных становищах — небольших поселках, расположенных в заливах и устьях рек. Отсюда в открытых лодках, так называемых «шняках», они выезжали в море, где и забрасывали огромные неводы («ярусы»), снабженные многочисленными крючками с наживкой. Участники промысла объединялись в «покруты» — артели по 4 человека в каждой, распределяя между собой технические функции по лову и первоначальной обработке рыбы. Фактически «покрутчики» были не самостоятельными производителями, а наемными рабочими, заранее порядившимися к крупным рыбопромышленникам: чтобы построить становища, приобрести лодки и снасти, организовать солку, хранение и сбыт пойманной рыбы, требовался значительный капитал, которым располагали только немногие разбогатевшие поморы. В мае эти предприниматели сами приезжали на место ловли, привозя с собой запасы хлеба, соли и необходимые предметы домашнего обихода. К началу сентября сотни тысяч пудов выловленной трески и палтуса вывозились в Архангельск на открывавшуюся там Маргаритинскую ярмарку, а частью — в ближайшие города Норвегии, где продавались с большой прибылью. Рабочие-«покрутчики» получали в виде заработной платы небольшую долю улова (обыкновенно одну двенадцатую), а наиболее ответственные «кормщики» — сверх того денежную приплату до 40—50 рублей. Здесь же, на Мурманском берегу, создавались артели для ловли морских зверей: белух, тюленей, моржей, лысунов и пр. И в этом случае хозяин «покруты» снабжал рабочих необходимыми средствами производства: карбасами (лодками), неводами, оружием, съестными припасами, и за это получал от них львиную долю промысловой добычи. Более патриархальный характер сохранила организация рыбного промысла на берегах Белого моря: сельди и семгу ловили здесь «миром», сельскими общинами, разделяясь на партии или выделяя из своей среды определенное количество рыболовов; в некоторых пунктах сохранялись артели на основе равенства прав всех участников. Но и тут, в среде односельчан, наблюдалось определенное имущественное расслоение: богатые поморы непосредственно не участвовали в ловле рыбы, а выступали в качестве скупщиков, самостоятельно диктуя продажные цены и направляя крупные партии улова на местные ярмарки, а некоторые — в Петербург [13].

[12] Палтус — одна из разновидностей камбалы.

[13] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 126—137; ВСО, т. II, ч. I, стр. 209—229; Иван Поромов. Описание Кольского уезда («Архангельские губернские ведомости», часть неофициальная, 1856 г., № 42—52); Н. Козлов. Архангельская губерния. СПб, 1865, стр. 158—172.

Такую же огромную роль играли скупщики-капиталисты, нередко действуя как ростовщики-вымогатели, в лесных уездах Северного Поморья, особенно в районах, населенных коми и ненцами. Зимние месяцы года по-прежнему оставались здесь временем массовой охоты на зверя и птицу; особенно крупные масштабы имела охота на белку и рябчика, которых местные торговцы десятками тысяч скупали и вывозили на ярмарки и в столицу. Единственная помощь, которую оказывали нуждавшимся охотникам местные правительственные органы, была заимообразная выдача пороха, но и здесь, по выражению вологодского ревизора Матюнина, крестьяне испытывали «большое стеснение»: в течение ряда лет порох доставлялся «довольно поздно», а тот, который пускался в продажу, оказывался дурного качества и иногда — не годным к употреблению [14]. О степени развития охоты и рыбной ловли в Северном Поморье можно судить по данным Архангельской губернии, опубликованным местным Статистическим комитетом. За один 1848 год в губернии было выловлено 614 436 пудов рыбы на сумму 238 370 рублей серебром; добыча звероловов составляла 169 007 лесных и морских зверей ценностью 21 869 рублей серебром и 395 974 птицы на 25 931 рубль серебром.

Суровый климат и скудная почва ставили узкие рамки развитию северного земледелия: об этом убедительно говорят скромные размеры посевной площади, зарегистрированные отчетами местных Палат в конце управления Киселева (табл. 58).

Таблица 58

Посевная площадь Северного Поморья в 1855 году *

Посевы (в десятинах)	Губернии		
	Архангельская	Олонецкая	Вологодская
Озимого			
Всего	7539	44 086	114 467
На ревизскую душу	0,09	0,54	0,48
Ярового			
Всего	23 371	37 364	117 357
На ревизскую душу	0,30	0,46	0,48
Итого:			
Всего	30 910	81 450	231 824
На ревизскую душу	0,39	1,00	0,96

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, л. 126; ч. II, лл. 112, 254. Расчет на ревизскую душу вычислен на основании цифр населения 1855 г. (Отч., 1855 г., ведомость № 5).

Как и следовало ожидать, земледелие было наименее развито в северной, Архангельской губернии и пользовалось наибольшим распространением в более южной, Вологодской губернии. Яровой клин значительно преобладал над озимым в крайней северной полосе с продолжительной и суровой зимой, весенними заморозками и частым выпадением инея. Урожайность озимых хлебов в среднем колебалась по губерниям от сам-2,75 до сам-4,5, а яровых — от сам-2,5 до сам-3,75. Если мы сопоставим коли-

[14] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2185, лл. 9—12; ф. I Д, 1850 г., д. 15694, лл. 134—135.

чество посеянного и собранного хлеба в Вологодской губернии за десятилетний период, с 1846 года по 1855 год., то и здесь урожай озимого составлял в среднем сам-3,8, а урожай ярового — сам-3,2[15]. Но и такие скромные результаты достигались напряженными усилиями со стороны крестьян, обрабатывавших неплодородную, большей частью глинистую, а иногда каменистую почву. Обыкновенно озимое и яровое поля начинали разделывать очень рано, подвергали их троекратной (иногда и большей) вспашке и боронованию, вывозили на поля весь накопленный навоз, а там, где его не хватало, пользовались перегнившей хвоей, выварками свечных заводов, сажей, известью и даже уличной грязью. Во избежание гибели посевов от застаивающейся вóды окапывали поля канавами и пересекали их водосточными бороздами. Наряду с основными культурами — озимой рожью, ячменем и овсом — почти всюду на полях и еще больше на огородах сажали картофель. По-прежнему на полевом клину и на специально расчищенных лесных подсеках сеяли лен. Особенно крупное экономическое значение приобрело разведение льна в юго-западных уездах Вологодской губернии: в 1846 году отсюда в Архангельский порт было доставлено более 155 тысяч пудов льна для экспорта за границу.

В большей части земледельческих районов господствовало трехполье, а подсеки были дополнительным подспорьем. В Архангельской губернии наряду с трехпольной системой сохранялось также двухполье. Отчеты Палат и сведения о местных сельскохозяйственных выставках показывают, что на общем фоне отсталости сельского хозяйства наблюдалось медленное, но неуклонное развитие производительных сил. Крестьяне умело приспособляли свои традиционные земледельческие орудия к особенностям местного рельефа и почвы: например, в Вологодском уезде господствовала косуля с цельным лемехом и отрезом, а борона — с деревянными часто насаженными наклонными зубьями; за Кадниковым, где поля были усеяны мелкими камнями, применялся другой тип косули — с раздвоенным лемехом и отрезом, а борона с редкими, перпендикулярно насаженными зубьями. Кое-где стали вводить усовершенствованную ярославскую косулю, а взамен деревянной бороны применяли железную. Некоторые хозяева Вологодской губернии начали приобретать веялки и фландрские плуги. Старинная коса-горбуша постепенно вытеснялась более усовершенствованной «литовкой». В разных местах расширяли ассортимент полевых культур и вводили лучшие образцы хлебов. В южных районах засевали яровой клин пшеницей, а некоторым хозяевам даже удавалось выращивать высший сорт белотурки. Появились улучшенные сорта ржи: ваза, норвежская, муравьевка. Для посевов льна в Устюжском уезде Вологодской губернии пользовались отборными семенами, выписанными из Риги. На усадебных участках, а кое-где и на полях, стали устраивать хмельники и конопляники. На вологодских выставках 1848 и 1853 годов многие государственные крестьяне показали хорошие образцы озимой и яровой ржи, ячменя, овса, разных сортов льна и других культур. Заметно расширялись посевы картофеля и различных овощей: капусты, моркови, свеклы, огурцов и лука. Особенно развилось огородничество на двинских островах около Архангельска, где выращивание овощей стимулировалось повышенным городским спросом и давало крестьянам значительные денежные доходы. Конечно, технические нововведения применялись главным образом зажиточными крестьянами, имевшими денежные излишки на покупку улучшенных семян и орудий.

Успехи земледелия в значительной степени зависели от развития скотоводства, обеспечивавшего крестьянина тягловой силой и нужным количеством удобрения. Скотоводство процветало на берегах рек — Северной

[15] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 238—239.

Двины, Сухоны, Вычегды и других: благодаря весенним разливам и оседанию ила здесь образовались прекрасные естественные луга, так называемые «пожни», покрытые густой осокой. Один из таких луговых районов под Холмогорами сделался еще в XVIII веке местом разведения образцового рогатого скота. Гораздо хуже обстояло дело в районах, удаленных от рек, на землях, покрытых лесами и болотами: здесь приходилось расчищать лес, осушать болота и отводить отвоеванные пространства под пастбища. В некоторых местностях крестьяне засевали подсеки клевером, лисохвостом и тимофеевкой, а в других за отсутствием сенокосов вынуждены были покупать сено на стороне. В Тотемском уезде повсеместно разводили свиней, которые давали доход благодаря продаже приплода и щетины. Во многих имениях скот откармливался на убой и отправлялся в Архангельск и Петербург. В подгородних районах существовало молочное хозяйство; масло сбывалось также в Петербург. Вообще разведение скота пользовалось большим вниманием и заботой со стороны крестьян: скот выдерживали зимой в теплых хлевах, обложенных мхом, а мелкий — в «подызбицах», составлявших нижний ярус жилых строений. Крестьяне охотно улучшали породу лошадей случкой на земской конюшне, а в Сольвычегодском и Устюжском уездах приобретал быков и коров улучшенной холмогорской породы. В 1849 году Министерство прислало в Архангельскую губернию 2 быков и 10 коров фрисландской породы, которые в течение 6 лет дали потомство в количестве 322 бычков и телок. Некоторые прогрессивные нововведения наблюдались также в области пчеловодства: наряду с примитивными бортями и колодами появились усовершенствованные ульи по системе известного пчеловода Прокоповича. Однако усилия крестьян не всегда достигали цели: в Каргопольском уезде Олонецкой губернии делались неоднократные попытки улучшения скота с помощью холмогорской породы, но через некоторое время скот снова перерождался, по-видимому, в связи с неблагоприятными условиями пастбищного питания и недостаточно заботливым регулированием случки [16].

Большим препятствием к развитию земледелия и скотоводства был хронический недостаток земли у крестьянских общин. На это явление, казавшееся парадоксальным при наличии огромных казенных владений и слабой населенности северного края, обращали внимание управляющие Палатами, губернаторы и ревизоры. В 1844 году, выясняя причины крестьянской недоимочности, Архангельская палата представила исчерпывающую ведомость о душевных наделах местных сельских обществ. Систематизируя эти цифровые данные, мы получаем следующую сводку о степени обеспечения землей государственных крестьян (табл. 59).

Таким образом, почти все крестьянское население неплодородного северного края было лишено минимального земельного пая в 5 десятин на душу, хотя по закону крестьяне имели право получить по крайней мере 8-десятинную пропорцию. Около 70% ревизских душ владели менее чем 2 десятинами «лесной и безлесной земли», т. е. располагали полевыми наделами, которые были далекими от самого жалкого прожиточного минимума. Такое положение имело место не только в 1844 году и не только в Архангельской губернии. В апреле 1856 года, т. е. в самом конце управления Киселева, управляющий Вологодской палатой подал министру секретное донесение, в котором с тревогой настаивал на необходимости

[16] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 126—137; ч. II. лл. 112—116, 254—282; Агрономическое путешествие по некоторым уездам Вологодской губернии управляющего Северной фермою Ф. Кена (ЖМГИ, 1856, ч. LIX, отд. II, стр. 261—276); Первая выставка сельских произведений в Вологде (ЖМГИ, 1848, ч. XXIX, отд. II, стр. 166—182); Вторая выставка сельских произведений в г. Вологде в 1853 году (ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 66—96); Торговля льном в Вологодской губернии («Вологодские губернские ведомости», 1846, № 44).

Таблица 59

Распределение земли между государственными крестьянами Архангельской губернии в 1844 году*

Размер душевого надела (в десятинах)	Число ревизских душ	В %
Без земли	1898	2,8
Менее 1	8510	12,6
От 1 до 2	36 212	53,5
,, 2 ,, 3	15 402	22,8
,, 3 ,, 4	5313	7,9
5 и более	288	0,4
Итого:	67 623	100,0

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1843 г., д. 5312, ч. I, лл. 2—9.

решительных мер для содействия малоземельным крестьянам. Управляющий предлагал отдать крестьянам все казенные оброчные статьи, наделить их лесными сенокосными полянами и разрешить им повсеместно расчистки в казенных лесных угодьях. Хотя сам Киселев наложил на донесение благоприятную резолюцию («заслуживает особенного внимания и беззамедлительного разрешения»), однако предложения управляющего не встретили сочувствия со стороны министерских Департаментов: петербургские чиновники нашли, что проектируемые меры не соответствуют интересам казны и не вызываются особой необходимостью. Попытки Министерства утолить земельный голод северного крестьянства, как нам уже известно, не привели к разрешению поставленной задачи [17].

Усилия крестьян преодолеть влияние сурового климата и неплодородной почвы сталкивались не только с малоземельем, но и с другими отрицательными условиями крепостного строя: недостатком знаний, патриархальными обычаями, тяжестью повинностей и поборов, бюрократической опекой, подавлявшей инициативу крестьянина. Не удивительно, что занятие земледелием в губерниях Северного Поморья не могло обеспечить крестьян необходимым продовольствием: об этом красноречиво говорят отчетные данные самого Министерства. Учитывая размеры посевов и урожая в Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях, мы видим перед собой картину длительного застоя (табл. 60).

Размеры посевов на ревизскую душу, за исключением Архангельской губернии, показывают тенденцию к понижению; что касается общего количества собранного зерна, то и здесь при наличии неизбежных колебаний мы не видим определенного движения вперед.

Не только на уплату повинностей, но и на покупку добавочного хлеба крестьяне должны были изыскивать дополнительные доходы. Источниками для пополнения бюджета служили, как и раньше, местные промыслы и внеземледельческий отход. Домашняя крестьянская промышленность, неразрывно связанная с патриархальным земледелием, все больше перерастала в товарное производство. Повсеместно процветали лесные промыслы: рубка и сплав леса, добывание смолы и дегтя, постройка рыболовных и торговых судов. Смолокурение особенно широко распространилось среди крестьян Вельского уезда Вологодской губернии: во многих селениях почти каждый крестьянин имел собственную смологонную печь, сбывал добытую смолу скупщикам или поставлял продукцию на местные скипидарные заводы. Десятками тысяч бочек этот ходкий

[17] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 24979.

Таблица 60

Посевы и урожаи у государственных крестьян Северного Поморья*
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1846 г.	1849 г.	1852 г.	1855 г.
Архангельская					
Посеяно: всего . . .	44 583	45 629	45 807	44 774	57 471
на ревизскую душу	0,65	0,67	0,65	0,58	0,72
Собрано: всего . .	121 644	193 196	169 348	143 117	155 769
на ревизскую душу	2,86	2,83	2,42	1,81	1,97
Олонецкая					
Посеяно всего	117 465	101 508	109 883	121 474	119 431
на ревизскую душу	1,54	1,33	1,44	1,46	1,47
Собрано: всего	357 350	389 442	444 185	440 436	487 130
на ревизскую душу	4,70	5,12	5,84	5,30	5,99
Вологодская					
Посеяно: всего . . .	346 010	278 490	344 977	339 770	331 465
на ревизскую душу	1,69	1,36	1,69	1,41	1 37
Собрано: всего . . .	1 191 919	859 430	1 354 992	1 035 876	965 529
на ревизскую душу	5,83	4,21	6,64	4,31	4,34

* Отч., 1843—1856 гг.— Количество четвертей на ревизскую душу, как и во всех последующих таблицах главы IV, вычислено с учетом числа душ, показанных в отчете данного года. Министерство определяло эту последнюю величину, исходя из данных последней ревизии, корректируя их сведениями о количестве крестьян, перечисленных в данную губернию и выбывших из нее по тем или другим причинам. Так как естественные прирост и убыль населения между ревизиями при этом не учитывались, то ежегодные отчетные цифры населения ближе к действительности непосредственно после 9-й ревизии (1850 года) и в годы, наименее отстоящие от предшествующей, 8-й ревизии (1835 года). Поэтому наиболее точными относительными показателями посевов на ревизскую душу являются цифровые данные начала 50-х годов и — в меньшей степени — начала 40-х годов.

товар отправлялся во все внутренние губернии и через Архангельский порт за границу.

Во многих уездах собранный лен подвергали первоначальной обработке и продавали скупщикам, которые перепродавали его в Архангельск и дальше — за границу. Льняную пряжу и вытканные холсты сбывали на местных ярмарках и базарах; изготовляли шерстяные изделия (особенно ходко шли шерстяные и полушерстяные кушаки, искусно сделанные крестьянками); торговали в городах деревянной мебелью, посудой и рогожами. В Архангельской и Вологодской губерниях было широко распространено кожевенное производство, а в некоторых селениях изготовлялась кожаная обувь. Заслуженной славой пользовались архангельские костяные изделия и вологодская обработка серебра чернью и сканью. Промышленные экспонаты сельскохозяйственных выставок показывали высокий уровень ручного труда, достигнутый вологодскими мелкими производителями: из 134 государственных крестьян, выставивших в 1853 году свои изделия, 91 человек заслужили высокие отзывы и получили награды медалями, похвальными листами и денежными премиями

Развитие товарного производства способствовало росту извозничества и судоходного дела. За 18 лет — со времени образования Министерства государственных имуществ — количество ярмарок и базаров в одной Вологодской губернии выросло до 65; большое торговое значение приобрели крупные речные пристани, особенно Нюшульская на реке Лузе. В 1848 го-

ду Вологодская пристань отправила к Архангельскому порту местных товаров на сумму миллион рублей серебром [18].

Одновременно из Северного Поморья направлялся поток отходников — частью в местные уездные города, частью в Москву, Петербург, Ярославль и Новгород. Это были или специалисты-ремесленники — каменщики, печники, штукатуры, живописцы и пр., или чернорабочие, нанимавшиеся на землекопные и сплавные работы. Значительное количество крестьян поступало рабочими на местные мануфактуры: железоделательные, солеваренные, дегтярные и скипидарные заводы, полотняные предприятия и т. д. Сведения о паспортах и билетах, выданных государственным крестьянам Вологодской и Олонецкой губерний, показывают, что масштабы внеземледельческого отхода постепенно увеличивались; в 1853 году, т. е. к началу Крымской войны, уходило в Вологодской губернии 34 919 человек и в Олонецкой — 19 448 человек, другими словами, в первой выбывала на заработки $^1/_7$ часть мужского населения государственной деревни, во второй — $^1/_4$ часть. В Архангельской губернии количество уходящих было более неизменным, колеблясь между величинами 20 486 и 23 095 человек (т. е. около 30% мужского населения) [19]. Эти цифры являются в то же время показателем прогрессирующего расслоения поморского крестьянства: подавляющее большинство отходников не могло опереться на свое самостоятельное хозяйство и должно было целиком или значительную часть года существовать продажей своей рабочей силы.

Но и те крестьяне, которые круглый год проживали в своей деревне и вели земледельческое хозяйство, часто оказывались бессильными перед лицом стихийных бедствий, растущих повинностей и произвольных поборов. Такие обедневшие домохозяева становились жертвами местных ростовщиков — богатых односельчан и скупщиков. По свидетельству олонецкого ревизора Любовидского, в селе Архангельск Каргопольского уезда все крестьянское население было во власти богатого кулака Бадухина, который ссужал нуждавшихся односельчан всем необходимым и заставлял должников отрабатывать долг на своей огромной запашке: у этого ростовщика-землевладельца засевалось до 50 четвертей семян в каждом поле [20].

Материалы Министерства государственных имуществ сохранили немало данных о наличии зажиточной прослойки в государственной деревне Северного Поморья. К числу таких разбогатевших и влиятельных крестьян нужно отнести организаторов мурманского рыбного промысла, скупщиков звериного и птичьего улова, дегтя, смолы, щетины и других продуктов крестьянских промыслов, владельцев кирпичных, кожевенных, скипидарных и других местных заводов, подрядчиков судостроительных и сплавных работ и т. д. Несомненно, что в числе этих деревенских богатеев был определенный процент земельных собственников, закладывавших основы нового, капиталистического сельского хозяйства: по данным 1858 года, в Вологодской губернии насчитывалось 11 491 государственный крестьянин, владевший 57 419 десятинами собственных покупных земель;

---

[18] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2185, лл. 7—14, 26—33; ф. I Д, 1850 г., д. 15694, лл. 132—135; О промыслах государственных крестьян Вологодской губернии (ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, отд. III, стр. 13—17); *П. В.* Смоляное и скипидарное производство в Вельском уезде Вологодской губернии (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. III, стр. 117—130); Первая выставка сельских произведений в г. Вологде (ЖМГИ, 1848 г., ч. XXIX, отд. II, стр. 166—182); Вторая выставка сельских произведений в г. Вологде в 1853 г (ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 66—90); ВСО, т. II, ч. I, стр. 229; ч. II, стр. 99; ч. III, стр. 333; А. И. Ракитин. Крестьянская промышленность в Архангельской губернии в 40—50-е годы XIX века (ИЗ, т. 59. М., 1957).

[19] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 197, 238—239; Отч., 1845 г., приложение 8; А. И. Ракитин. Крестьянская промышленность..., стр. 194.

[20] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23111, ч. II, л. 38.

в Олонецкой губернии было 113 таких собственников, располагавших площадью в 1300 десятин[21]. В земледельческих районах практиковался наемный труд и существовали сложившиеся цены на рабочую силу батраков, как с лошадью, так и без лошади (первые колебались по уездам Вологодской губернии от 30 до 60 копеек в день, вторые — от 15 до 35 копеек)[22].

Северное Поморье было одним из тех районов, которые были меньше сдавлены влиянием крепостнических традиций. Особенности местного края наглядно сказывались и в бытовых условиях, и в характере деревенского населения. Архангельская и бо́льшая часть Олонецкой и Вологодской губерний не знали крепостного права. Крестьяне сохранили здесь независимый нрав и старинные обычаи новгородских колонистов и местных уроженцев (преимущественно коми). В русских селах Архангельской губернии путешественник встречал большие, прочно построенные избы, иногда в 2—3 этажа, снабженные дымовыми трубами и обставленные разнообразными домашними службами. В одежде и пище местного населения чувствовался больший достаток, чем в соседних губерниях. За годы управления Киселева здесь произошли некоторые сдвиги и в росте производительных сил и в создании условий для капиталистического хозяйства. Однако все эти новообразования были результатом не руководящей политики Министерства, а стихийного процесса экономического развития. Крестьянство, неустанно стремившееся улучшить свое хозяйственное положение, получало мало содействия и помощи со стороны Палат и окружных начальников. Как правило, местные органы управления (о чем свидетельствуют сами Палаты) ограничивались «печатными наставлениями» и «устными внушениями»; ревизоры были правы, утверждая, что печатные издания Министерства остаются недоступными неграмотной массе крестьян, а устные советы и назидания, не подкрепленные удачными опытами, бессильны разбить консервативные обычаи и предубеждения деревни. Деятельность Северной учебной фермы была замкнутой и очень далекой от крестьянской массы; выпущенные ею воспитанники не обладали достаточными навыками, не пользовались авторитетом и, главное, не имели денег для постановки широких и плодотворных опытов[23]. Единственные реальные достижения власти — открытие случной конюшни, скромные попытки разведения фрисландского скота и организация выставок — не могли перевесить отрицательных черт министерского управления: своекорыстных действий чиновничества, близорукой земельной политики и неспособности ограничить ростовщические операции кулачества. Новые, прогрессивные явления хозяйственной жизни развивались в губерниях Северного Поморья не благодаря, а вопреки деятельности Киселева и возглавляемого им административного аппарата. Однако и самые улучшения крестьянского хозяйства были далеко не достаточными: они не могли задержать начавшегося истощения пушных и рыбных богатств, развить хлебопашество, повысить качество местного скота, обеспечить всестороннее использование природных сил Северного Поморья. Система управления государственной деревней не содействовала, а мешала развитию производительных сил и возникавших капиталистических отношений.

4. Озерный край

Северо-западный Озерный край, включавший в себя Петербургскую, Новгородскую и Псковскую губернии, по-прежнему оставался земледель-

[21] В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России. СПб., 1858, стр. 10—11.

[22] Н. Бунаков. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии. Вологда, 1858, стр. 116—117.

[23] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15694, лл. 127, 132.

ческо-промысловым районом, сильно страдавшим от неблагоприятных условий природы, но выигрывавшим благодаря близости к вывозным портам. Специфику края составляло обилие рек и озер, которые служили не только основой развития рыболовного промысла, но и важнейшими путями сообщения в обширной бездорожной России. Чем шире развивались товарно-денежные отношения, тем большее значение приобретали эти естественные водные магистрали, продвигавшие к столице и к Балтийскому морю разнообразные продукты южных и поволжских губерний. Местности, удаленные от основных путей сообщения, особенно лесные и чисто земледельческие районы (например, Гдовский уезд Петербургской губернии или Великолуцкий уезд Псковской губернии), были более отсталыми и бедными в экономическом отношении. Вот почему на территории Озерного края, несмотря на повсеместное распространение земледелия и мелких промыслов, отчетливо вырисовываются два типа крестьянского хозяйства: по берегам рек, озер и каналов население было втянуто в интенсивные рыночные отношения, занималось более разнообразными и доходными промыслами, быстрее выделяло из себя противоположные классовые прослойки; наоборот, население глубинных районов Озерного края, оставаясь в зависимости от традиционных методов патриархального сельского хозяйства, в большей степени жило в условиях натурального быта. Особое положение в районах торгового судоходства занимали подгородние деревенские районы, особенно «подстоличные» сельские общества, расположенные около Петербурга: быстрое развитие торгово-промышленного и административного центра стимулировало рост производительных сил ближайшей сельской периферии. По уровню своего хозяйственного развития эти местности превосходили даже такие торговые районы, как прибрежную полосу Новоладожского уезда, куда сходились речные пути трех соединительных каналов: Мариинского, Тихвинского и Вышневолоцкого.

В упорной борьбе с природой, преодолевая действие осенних дождей и весенних морозов, крестьянин Озерного края неуклонно стремился извлечь земледельческие продукты из неподатливой, местами заболоченной, местами усеянной камнями глинистой и песчаной почвы. По данным местных Палат, удельный вес земледелия в северо-западных губерниях характеризуется следующими цифрами (табл. 61).

Таблица 61

Посевы у государственных крестьян Озерного края *
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1846 г.	1849 г.	1852 г.	1855 г.
Петербургская					
Посеяно: всего . . .	53 865	53 102	57 945	49 904	57,667
на ревизскую душу	1,86	1,87	1,94	1,48	1,71
Новгородская					
Посеяно: всего . . .	212 467	223 713	241 191	242 655	235 910
на ревизскую душу	2,24	2,35	2,52	2,35	2,27
Псковская					
Посеяно всего . . .	196 118	184 481	200 532	208 907	209 843
на ревизскую душу	1,58	1,49	1,73	1,97	1,97

* Отч., 1843, 1846, 1849, 1852, 1855 гг.— Абсолютные и относительные величины остальных лет мало отличаются от приводимых показателей.

Некоторое увеличение посевов на ревизскую душу мы наблюдаем только в Псковской губернии. В общем масштабы посевной площади были ничтожными: в 1855 году в Новгородской губернии они составляли 163 910 десятин, в Псковской — 165 234 десятины, уступая своими размерами даже Вологодской губернии. И в Озерном крае яровой клин значительно преобладал над озимым: например, в 1855 году в Петербургской губернии на яровых полях было высеяно 38 893 четверти, а на озимых — всего 18 774 четверти[24].

В соответствии со степенью населенности государственной деревни посевная площадь Петербургской губернии значительно уступала посевам Новгородской и Псковской; однако по степени достигнутой урожайности все губернии были приблизительно однородными: урожай озимого клина, так же как на севере, был выше и колебался от сам-$3^1/_4$ до сам-$3^3/_4$; урожай ярового давал на одно посеянное зерно $2^1/_4$—$2^1/_2$ зерна. Если мы сопоставим посевы и урожаи на казенных землях Новгородской губернии за пятилетие 1851—1855 годов, то увидим, что урожай озимого клина давал от $2^3/_4$ до $3^1/_4$ зерен, а ярового — от 2 до $2^1/_2$ зерен на посеянное зерно[25]. Таким образом, местные крестьяне получали со своих полей скудное количество хлеба и в силу низкого урожая и вследствие ничтожных размеров посевной площади. Острое малоземелье, которое характеризовало псковскую деревню накануне реформы 1837—1841 годов, не было изжито и к концу управления Киселева в полном противоречии с естественными условиями неплодородной почвы и сурового климата. По данным налогово-оценочных комиссий, степень обеспечения землей государственных крестьян Новгородской и Псковской губерний к началу 1859 года была следующая (табл. 62).

Таблица 62

Распределение земли между государственными крестьянами Новгородской и Псковской губерний *

Размер душевого надела (в десятинах)	Новгородская губерния		Псковская губерния	
	число ревизских душ	%	число ревизских душ	%
Менее 1	388	0,4	169	0,2
От 1 до 2	11 803	12,6	3 074	2,8
„ 2 „ 3	29 055	31,2	17 065	15,7
„ 3 „ 4	24 328	26,1	32 873	30,2
„ 4 „ 5	12 413	13,3	28 098	25,9
„ 5 „ 8	13 507	14,4	24 331	22,3
„ 8 „ 15	1 759	1,9	2 853	2,7
Более 15	50	0,1	236	0,2
Итого . . .	93 303	100,0	108 699	100,0

* МСР, III, стр. 133.

Следовательно, больше 83% крестьян Новгородской губернии и около 75% крестьян Псковской имели меньше 5-десятинной нормы и только 2—3% населения государственной деревни обладало законно установленной земельной пропорцией. Положение вещей осложнялось наличием крайней

[24] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6688, ч. I, лл. 205, 324; ч. II, л. 78.
[25] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 151—152.

чересполосицы и дальнополосицы — неизменных спутников общинного землепользования, которое господствовало во всех губерниях Озерного края. По принятому обычаю при каждом земельном переделе поля разбивались на участки по качеству почвы, местоположению и другим признакам, а уже потом каждый образованный участок уравнительно распределялся между всеми ревизскими душами сельского общества. В результате такого распределения земли на долю отдельного крестьянского двора Псковской губернии приходилось от 25 до 60 полос, разбросанных вперемежку с такими же полосами других членов поземельной общины. Кроме того, в Псковской губернии установился обычай уравнивать землевладение отдельных селений отрезами и прирезами земли в соответствии с уменьшением и увеличением ревизского населения. Обыкновенно прирезанные земли (особенно сенокосы), отошедшие от соседних казенных дач, были расположены в нескольких верстах от селения. В начале 50-х годов в Псковской губернии насчитывалось около 5780 таких «прирезов» с общей площадью в 57½ тысяч десятин; многие находились на расстоянии 6, 10, 12 и более верст от крестьянских усадеб. При таких условиях обработка надела становилась исключительно трудной; некоторые домохозяева вынуждены были не только отказываться от удобрения полученного пая, но и вовсе забрасывать землю за отсутствием сил и времени.

Особенно страдали крестьяне от недостатка хороших сенокосов и выгонов: обилие воды даже на лучших, поемных лугах благодаря широким разливам рек дурно влияло на качество трав; еще хуже было сено, которое собиралось на болотистых покосах, покрытых мхом и кочками, наиболее распространенных в казенных имениях. Недостаток сенокосов и дурное качество сена были причиной слабого развития скотоводства и, следовательно, плохого унавоживания полей. По данным оценочных комиссий, в начале 50-х годов государственные крестьяне Новгородской и Псковской губерний обладали следующим количеством крупного и мелкого скота (табл. 63).

Таблица 63

Количество скота у государственных крестьян Новгородской и Псковской губерний*

Виды скота	Новгородская губерния		Псковская губерния	
	общее число голов	на двор	общее число голов	на двор
Лошадей	45 128	1,38	48 077	1,67
Рогатого скота	97 924	3,00	98 627	3,43
Итого	143 052	4,38	146 704	5,10
Жеребят	5 118	0,16	6 676	0,23
Телят	29 923	0,92	32 941	1,15
Овец	65 910	2,02	86 619	3,01
Свиней	13 600	0,42	39 242	1,36
Коз	—	—	1 089	0,04
Итого	114 551	3,52	166 567	5,79

* МСР, I, стр. 82; Хозяйственно-статистический очерк государственных имуществ и государственных крестьян в Псковской губернии (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 47).

Исходя из приведенных цифр, можно допустить, что средний крестьянский двор в Новгородской губернии располагал годовым запасом навоза в 1800 пудов, а средний двор псковского крестьянина — в 2300 пудов[26]. Учитывая, что для удобрения неплодородной почвы Озерного края было необходимо не менее 1200 пудов на каждую десятину[27], следует заключить, что данное количество скота не могло обеспечить удовлетворительной обработки даже ничтожного 2-десятинного надела.

Таковы были трудные условия для ведения земледелия в северо-западном районе. Не мудрено, что им соответствовал низкий уровень хлебопашества и скотоводства: повсеместно преобладала трехпольная система полеводства, но сохранялись и более отсталые методы — перелога и подсеки. В Псковской губернии, особенно на «прирезах», по снятии одного урожая землю забрасывали под залежь на несколько лет. В лесистом и удаленном от главных речных путей Гдовском уезде Петербургской губернии было распространено так называемое «суковое хозяйство»: крестьяне, имевшие мало скота, расчищали мелкий дровяной лес, удобряли землю золой сожженных сучьев и в течение 3—5 лет собирали более или менее удовлетворительный урожай. Повсюду господствовали простые земледельческие орудия, которые изготовляли для себя сами же крестьяне: одноконная соха, борона, сделанная из ели или сосны, в некоторых местах — каток из бревна для разбивания глинистых комьев, коса, серп, цеп для молотьбы хлеба. Нередко собранное зерно мололи домашними ручными жерновами. Основными сельскохозяйственными культурами оставались озимая рожь, ячмень и овес. Почти повсеместно сеяли лен — основной источник денежного дохода крестьянина. Там, где не хватало навоза, возмещали его торфом или землей из болота. Таково было типичное земледельческое хозяйство местного крестьянина, мало отличавшееся от того, которое обследовали и описали ревизоры в период подготовки реформы Киселева. Такое хозяйство было наиболее характерным для глубинных районов Петербургской, Новгородской и Псковской губерний[28].

Но и на этом фоне отсталого, патриархального земледелия ясно выступали новые явления, говорившие о неуклонном росте производительных сил Озерного края. Даже в отсталых сельскохозяйственных районах крестьяне стремились устранить избыток влаги, проводя каналы и улучшая этим качество пашенных и сенокосных угодий. В Царскосельском уезде Петербургской губернии было осушено более 4 тысяч десятин болот. Особенно энергично занимались расчисткой кустарников и осушением почвы бывшие ямщики, освобожденные от натуральной повинности и перешедшие к земледельческому хозяйству. Все шире распространялось разведение картофеля; некоторые поля стали засевать гречей и в небольших размерах пшеницей. В Новгородской губернии увеличивали посадки фруктовых деревьев. В малолесных районах Псковской губернии начали добывать торф на топливо.

Наибольшие успехи обнаруживались в подгородных селениях, главным образом около Петербурга. Учитывая повышенный спрос на сельско-

---

[26] При получении данного итога использованы наблюдения московской комиссии, установившие, что лошадь дает 450 пудов навоза, корова и жеребенок — по 300 пудов, теленок — 150 пудов и овца — 40 пудов; кроме того, сделана некоторая надбавка на свиней и коз (см. МСР, I, стр. 10).

[27] Ср. норму, установленную для более плодородных почв Московской губернии (МСР, I, стр. 11).

[28] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 205—215, 324—332; ч. II, л. 78—102; Хозяйственно-статистический очерк государственных имуществ и государственных крестьян в Псковской губернии (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 25—61); Статистическое обозрение Псковской губернии в сельскохозяйственном отношении (ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. III, стр. 43—74, 83—114, 157—178).

хозяйственные продукты, местные крестьяне разводили больше овощей, расширяли молочное хозяйство, выкармливали скот, предназначая его на продажу. В Новоладожском уезде, где были хорошие сенокосы, крестьяне занимались выпойкой телят, которые сбывали скупщикам для отправки в столицу. В ближайших окрестностях Петербурга некоторые села завели улучшенные породы коров и, получая хороший удой, занимались регулярным сбытом молока и сливок на площадях столицы; близость города обеспечивала скот хорошим покупным кормом — пивной и квасной гущей, смешанной с отрубями. В свою очередь улучшенное скотоводство стимулировало разведение травосеяния,— в Новгородской и особенно в Петербургской губерниях расширялись посевы клевера и тимофеевки. По подсчетам Петербургской палаты, в 1855 году местные крестьяне собрали с таких покосов более 40 тысяч пудов сена на $17^1/_2$ тысяч рублей серебром. Подстоличные села получали возможность приобретать городской навоз и поэтому лучше удобрять свои поля. В зажиточных хозяйствах этого района можно было встретить многопольные севообороты, применение плуга, посевы арабского овса и других улучшенных растений. В соответствии с ростом товарно-денежных отношений изменялся и бытовой облик северо-западной деревни: наряду с ветхими курными избами все чаще стали появляться деревянные строения с кирпичными печами и дымовыми трубами на каменных и кирпичных фундаментах; постепенно домотканная одежда и лапти вытеснялись покупными изделиями и кожаной обувью [29].

В Псковской губернии (главным образом, в ее северо-западных уездах — Псковском, Островском и Опочецком, имевших супесчаную почву с примесью талька и доломита) все большее значение приобретали разведение и первоначальная обработка льна. По вычислениям налогово-оценочной комиссии, крестьяне этих районов собирали ежегодно 576 тысяч пудов льна, из которых продавали 350 тысяч пудов на сумму 560 тысяч рублей серебром. Псковский лен-долгунец считался одним из лучших в России и широко экспортировался за границу через Петербург, Нарву и Ригу (по ценностному выражению лен занимал в этот период первое место среди вывозных товаров). Однако тревожные ноты, которые звучали уже в 30-х годах у ревизоров Псковской губернии, все чаще раздавались в кругах специалистов льняного дела. Особая комиссия, образованная в 1844 году Министерством государственных имуществ для обследования состояния льняной промышленности, констатировала прогрессирующее оскудение почвы и падение урожаев льна в Псковской губернии. Вследствие недостатка скота и удобрения крестьяне не могли поддерживать плодородие почвы, быстро истощаемой льняными посевами. С другой стороны, комиссия указывала на ухудшение качества льна в результате плохого удобрения и примитивной техники обработки. Зависимость крестьян от скупщиков-булыней, которые закабаляли мелких производителей, скупая лен на корню и не обращая внимания на улучшение посева и обработки, еще больше препятствовала прогрессу льняной промышленности. Именно здесь активное вмешательство Министерства государственных имуществ могло бы оказать содействие псковскому крестьянству. Однако ни одна из мер, проектированных комиссией (ликвидация крестьянского малоземелья, увеличение количества скота, организация образцовых хозяйств и торговых депо и пр.) не была реализована, и количественное возрастание льняных

[29] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1842—1845 гг., д. 4; 1856 г., д. 6680, ч. I, стр. 205—215; 324—332; ч. II, стр. 78—102; Хозяйственно-статистический очерк государственных имуществ и государственных крестьян в Псковской губернии (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 25—54).

посевов не означало повышения производительных сил в этой важной отрасли сельского хозяйства [30].

Несмотря на некоторые успехи сельского хозяйства, крестьянская масса Озерного края даже в передовых экономических районах не могла существовать за счет продукции земледелия и скотоводства. Сама природа, обделившая земледельца в отношении почвы и климата, открывала перед ним новые возможности — развития лесных и речных промыслов, этого важнейшего подспорья в скудном бюджете крестьянина. В лесных районах, как и встарь, крестьяне самостоятельно или по найму у лесопромышленников рубили, пилили и подвозили к городам и пристаням лес и дрова, гнали смолу и деготь, заготовляли на сбыт корзины, деревянные изделия и лучину. В некоторых районах продолжало развиваться кожевенное производство. Особенно расширилось количество мелких кожевенных мастерских в Новоладожском уезде Петербургской губернии: несложность оборудования и обеспеченность сбыта увеличили доходность и распространение этого промысла. Повсеместно, но особенно в подгородных районах и на главных озерно-речных путях, можно было встретить мелких производителей: кузнецов, столяров, печников, сапожников и т. д. Некоторые из них, например портные, были перехожими ремесленниками, работавшими из материала заказчика и в дополнение к денежной оплате получавшими во время работы питание и квартиру. Несколько селений Псковской губернии по-старому занимались скупкой и сортировкой щетины. Во многих местностях было развито извозничество.

Но основными промыслами Озерного края, составлявшими его характерную особенность, оставались рыболовство и обслуживание водного транспорта. Рыбная ловля получила крупное хозяйственное значение на берегах Финского залива, крупных озер — Ладожского, Чудского, Псковского, и полноводных рек — Невы, Волхова, Свири, Великой и др. На Ладожском озере с середины апреля до конца октября множество «сойм» (небольших лодок) забрасывали сети, вылавливая лососей, сигов, стерлядей, осетров, форелей, налимов и пр. На Финском заливе процветала массовая ловля миног. На Чудском озере помимо сигов ловили мелкую рыбу, особенно снетков и плотву. Организация рыбного промысла была разнообразной, начиная от семейной кооперации и кончая крупными предприятиями капиталистического типа. Чем больше расходов требовало первоначальное обзаведение рыбаков лодками, сетями, веревками, помещениями для хранения улова, тем труднее было действовать мелкому самостоятельному производителю. На ладожских соймах обыкновенно выезжали домохозяин, его жена и нанятый работник; в случае хорошего улова хозяин мог выручить несколько сот рублей чистого дохода, расплатившись с работником долей улова или деньгами. На Чудском и Псковском озерах была развита ловля артелями по 12—14 человек в каждой, причем сети покупались сообща, а добыча делилась поровну; если один из участников, позажиточнее, вкладывал в предприятие бо́льшую долю денег, то он получал и увеличенную долю пойманной рыбы. Но на тех же озерах действовали рыболовные «дружины», которые получали все необходимое от крупных рыбопромышленников и отдавали им половину своего улова (15 долей из 30). Мелкий производитель тоже не был вполне самостоятельным: ему не хватало непосредственной связи с широким потребителем, и он, как правило, сбывал рыбу по пониженным ценам профессиональному скупщику.

---

[30] Льняная промышленность в России (ЖМГИ, 1847, ч. XXIV, отд. I, стр. 94—117, 157—173; ч. XXV, отд. I, стр. 4—18); К. Веселовский. Статистическое обозрение разведения льна в России в 1848 году (ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, отд. II, стр. 36—41); «Материалы для хозяйственной статистики России», кн. I, стр. 242; ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 55.

При собирании сведений налогово-оценочной комиссией содержатели свирских тоней объявили свой доход от 3 до 15 тысяч рублей ассигнациями, а прасолы, скупавшие у рыбаков рыбу,— от 2 до 10 тысяч рублей ассигнациями. Для сушки снетков строились маленькие заводы с печами, обслуживаемые хозяином и двумя работниками.

Еще распространеннее и разнообразнее были промыслы, связанные с судоходством. Редкий крестьянин, живший около Финского залива, Ладожского озера и впадающих в него рек, не имел собственной лодки для перевозки грузов. Большей частью это были мелкие «тихвинки», «соминки» или плоскодонные «паузки» для переезда по волховским порогам; но было и немало судов среднего размера («коломенок», «шкутов»), стоивших от 500 рублей до 2 тысяч рублей ассигнациями, а также больших лодок («селивановок», «сибирок» и пр.), доходивших по ценности до 6 тысяч рублей ассигнациями. На этих разнообразных судах крестьяне возили в Петербург и Кронштадт самые различные грузы: дрова, лес, чугун, кирпич, плиту, известь, муку, соль, сало, мясо. Некоторые начинали свои рейсы от Рыбинска, другие обслуживали ближайшие районы, например течение Невы или Свирского канала. Обыкновенно на больших судах ехали шкипер и 5 работников, на средних и малых судах — шкипер и 3—4 работника; заработок первого составлял 200—300 рублей за навигацию, вторых — 140—200 рублей (на ассигнации). За вычетом всех расходов, судохозяин получал прибыль от 15 до 400 рублей ассигнациями, в зависимости от размеров судна и от количества сделанных оборотов. Особую профессию составляла работа лоцмана, проводившего барки и полубарки через пороги и мели Волхова, Сяси и по Ладожскому озеру; обыкновенно лоцманы избирались прибрежными сельскими общинами и зарабатывали в лето до 63 рублей серебром. Гораздо менее искусства и усилий требовала конная тяга груженых судов, проходивших каналами и Невой. Суда и плоты тянули по две-три, а чаще по одной лошади, в сопровождении одного-двух работников; в этом промысле кроме мужчин участвовали женщины и дети. По подсчетам смотрителя судоходства, в начале 40-х годов через Свирский канал проходило в лето $7^1/_2$ тысяч судов и «лесных гонок» (плотов), причем средний размер чистого дохода равнялся 22 рублям серебром на каждую лошадь. И здесь, в судовых промыслах, резко отличалось положение капиталиста-судовладельца, обладателя небольшой лодки и крестьянина, порявшегося рабочим на чужое судно.

По всему озерно-речному пути — от Тихвинского канала до Нарвы — были рассеяны торговые пристани, постоялые дворы, лавки с разнообразными товарами, включая кофе, галантерею и фарфоровую посуду. Здесь непрерывно сновали скупщики рыбы и леса, конные барышники, торговцы сеном и съестными продуктами; тут же искали себе работы строители барок, грузчики, сплавщики леса и просто чернорабочие. Не находившие работы на месте или располагавшие связями за пределами селения отправлялись на несколько месяцев в промысловый отход. Количество паспортов и билетов, выправленных в 1845 году государственными крестьянами Псковской губернии, превышало 40 тысяч (следовательно, в отходе участвовало 32% мужского населения), в Новгородской — 24 133 (25% мужского населения) и в Петербургской — 7833 (27%) [31].

Материалы оценочных комиссий знакомят нас с количеством государственных крестьян новгородской и псковской деревни, непосредственно участвовавших в промыслах и торговле. Отбирая и систематизируя эти

[31] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1842—1845 гг., д. 4; ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 151—152; ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 61; Отч., 1845 г.

данные по основным категориям, мы получаем следующую цифровую сводку (табл. 64).

Таблица 64

Участие государственных крестьян Псковской и Новгородской губерний в промыслах и торговле *

Участвовавшие в промыслах и торговле	Губернии	
	Новгородская	Псковская
Рабочие		
В промышленных предприятиях	1 793	912
На транспорте и связи	12 048	250
В торговле	7	—
Чернорабочие	5 794	371
Итого	19 642	1 533
Служащие		
В торговле	86	14
Прислуга	24	—
Итого	110	14
Мелкие товаропроизводители	10 386	3 989
Извозчики	7 461	341
Торговцы и промышленные предприниматели		
Торговцы	3 861	243
Подрядчики и содержатели постоялых дворов	534	35
Владельцы предприятий	909	119
Итого	5 304	397
Всего	42 903	6 274

* МСР, I, стр. 83—87; ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 60—61.— Данные относятся к началу 50-х годов. Из цифровых перечней исключены сельскохозяйственные рабочие, пчеловоды и некоторые категории, не подходящие под понятие «промышленников» (например, «отдающие дома в наем»). Разбивка по социальным категориям произведена на основании конкретных обозначений каждой профессии.

Можно предполагать, что сведения по Новгородской губернии были собраны более полно и точно, чем по Псковской; впрочем, более широкое развитие промыслов в Новгородской губернии, расположенной по озерно-речному пути к Петербургу, подтверждается всеми другими материалами. Сводка показывает численное преобладание наемных рабочих над всеми другими категориями «промышленников»: в большинстве это или рыболовы, или судовые рабочие — лоцманы, шкиперы, грузчики, бурлаки и т. д. Вторую группу по численности составляли мелкие самостоятельные хозяева, работавшие в одиночку или с 1—2 работниками; в подавляющем большинстве это были ремесленники (кузнецы, плотники, столяры, портные, сапожники и пр.) и перевозчики грузов. Третью основную категорию составляли обладатели торгового и промышленного капитала: скупщики, лавочники, подрядчики, судохозяева, владельцы

заводов, мельниц и постоялых дворов. Таким образом, участвуя в промыслах и торговле, государственные крестьяне Озерного края отчетливо расслаивались на три социальные группы: 1) эксплуатируемую массу, 2) производителей, не утративших своей хозяйственной самостоятельности, и 3) мелких эксплуататоров, которые наживались и богатели, пользуясь нуждой и беспомощностью сельской бедноты.

Классовое расслоение наблюдалось не только среди участников промыслов, но и в рядах крестьян, частично или полностью занимавшихся земледелием и скотоводством. Развитие товарно-денежных отношений проникало в самые глухие районы Озерного края, создавая благоприятную почву для деятельности ростовщического капитала, роста земельной аренды и найма сельскохозяйственных батраков. Мы имеем красноречивые данные о степени расслоения в наиболее земледельческой и в то же время наиболее бедной Псковской губернии (табл. 65).

Таблица 65

Классовое расслоение государственных крестьян Псковской губернии в начале 50-х годов XIX века *

Категории крестьян	Дворов		Ревизских душ		У них лошадей	
	общее число	в %	общее число	в %	общее число	в %
Оставивших хлебопашество	3 256	11,5	6 053	6,0	148	0,04
Обрабатывающих часть своей земли и отдающих другую часть внаймы	2 254	7,9	7 368	7,4	2 303	1,02
Обрабатывающих только свою землю . .	15 189	53,5	55 971	56,0	27 294	1,13
Обрабатывающих свою и нанимающих чужую землю	7 707	27,1	30 545	30,6	18 187	2,36
Итого	28 406	100,0	99 937	100,0	47 932	1,60

* ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 59.

Как показывает сводка, больше половины дворов Псковской губернии вели самостоятельное хозяйство на отведенных им казенных наделах, а 11,5% дворов почти не имели живого инвентаря и вынуждены были забросить земледелие и целиком перейти на промыслы. К этой последней группе разорившихся мелких производителей примыкало почти 8% дворов, которые, за недостатком рабочего скота и удобрения, были не в состоянии обрабатывать даже ничтожный надел Псковской губернии. Таким образом, почти 1/5 всех хозяйственных единиц псковской государственной деревни полностью или частично утратили необходимые средства производства и фактически перешли в разряд экспроприированных крестьян. Наоборот, 27% дворов не только сохраняли экономическую устойчивость, но в известной степени расширяли сельское хозяйство. В эту группу приарендовывавших землю, вероятно, входили и средние многосемейные крестьяне, которым не хватало собственного казенного надела; однако повышенное количество тяглового скота у этой последней группы показывает, что к ней принадлежали также зажиточные элементы, развивавшие в большей или меньшей степени предпринимательское хозяйство. Эти богатые крестьяне не только снимали чужую землю, но и владели собственными покупными участками. В конце 50-х годов таких землевладельцев в составе государственных крестьян

Псковской губернии насчитывалось 6865, а количество земли, находившейся в их распоряжении, равнялось 56 612 десятинам. Характерно, что значительная часть таких собственников (1525 человек, т. е. больше 22%) отказывалась от пользования казенными землями и, следовательно, ставила себя в более независимое положение к местной администрации и к сельскому обществу. После переложения оброка на землю и промыслы отказ от пользования надельными землями освобождал от невыгодных последствий общинных переделов [32]. По сведениям оценочных комиссий, именно эти земельные собственники нанимали сельскохозяйственных рабочих; таких дворов, эксплуатировавших чужую рабочую силу, насчитывалось 2050, причем бо́льшая часть батраков (1722 человека) работала у хозяина круглый год, а меньшинство (1512 человек) работало полгода, т. е. в течение одного летнего сезона. Число крестьян, нанимавшихся в работники (5246, из них больше половины годовых), одинаково превосходило и количество домохозяев, оставивших хлебопашество, и количество батраков, нанятых псковскими кулаками; другими словами, батрачество было уделом не только крайней разорившейся группы, но и той, которая продолжала вести кое-какое хозяйство, причем в поисках земледельческого заработка беднякам приходилось оставлять пределы Псковской губернии.

Так же как на Северном Поморье, в северо-западных губерниях существовали твердо установившиеся цены на рабочую силу батраков: годовой работник получал от 20 до 25 рублей серебром, хозяйские харчи и одежду, полугодовой — от 10 до 15 рублей серебром на тех же условиях; женщине платили от 7 до 10 рублей серебром за год и от 4 до 5 рублей серебром за полгода. Поденные рабочие нанимались летом за 20—25 копеек серебром в день, зимой — дешевле [33].

Общее количество арендованных земель составляло 45 333 десятины. Пахотные земли часто снимались «из четвертого или пятого снопа» (т. е. за $^1/_4$ или $^1/_5$ часть собранного урожая): такая система натуральной аренды отвечала интересам средних крестьян, нуждавшихся в дополнительных угодьях. Но широко практиковалась и денежная аренда: за снятую землю государственные крестьяне платили в момент обследования 48 345 рублей, т. е. в среднем 6 рублей 27 копеек на каждый арендуемый двор [34].

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений и связанное с ним классовое расслоение деревни подготовили условия для возникновения буржуазной собственности на землю; эта новая форма находила свое дополнение в практике капиталистической аренды и вступала в открытое противоречие с традиционной системой общинно-передельного землевладения.

Можно утверждать, что подобные же явления имели место в Новгородской губернии, которая страдала еще бо́льшим малоземельем и превосходила Псковскую губернию в торгово-промышленном отношении. И здесь, несмотря на формальное господство общинно-уравнительного принципа, надельные земли, отведенные под расчистку, оставлялись без обработки бедными крестьянами, которые или забрасывали свои участки, или сдавали их в аренду зажиточным односельчанам; наоборот, кулаки сосредоточивали в своих руках большие площади, в некоторых местах захватывая столько, сколько им было по силам. И здесь наряду с промышленными рабочими налогово-оценочная комиссия зарегистрировала 674 «работника-земледельца» и 1702 «поденщика». И тут в конце

---

[32] В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 10—11.

[33] Статистическое обозрение Псковской губернии в сельскохозяйственном отношении (ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. III, стр. 64—65); МСР, I, стр. 88—91.

[34] МСР, II, стр. 236—237; ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 59.

50-х годов числилось 9515 земельных собственников, которые приобрели больше 76 тысяч десятин земли, причем 645 из них, владевшие в среднем 22 десятинами каждый, не пользовались казенными наделами, а вели хозяйство вполне самостоятельно.

Один из обитателей Белозерского уезда оставил подробное описание кабально-ростовщических сделок, которыми опутывал такой буржуазный собственник разоряющуюся сельскую бедноту. Крестьянин, занимавший у богача земледельческие орудия, скот, семена, а нередко и деньги, должен был отрабатывать долг натурой «от Фоминой до Филипповок» (т. е. с апреля до ноября), проводя на полях кредитора по одному, по два и по три дня в неделю. Иногда семенная ссуда была обусловлена уплатой кредитору половины собранного урожая; но какова бы ни была форма кабальной сделки, ростовщик получал за полгода не менее 100% надбавки, а в случае особой удачи — до 800%. Если в роли кредитора выступал скупщик-торговец, то он ставил должнику условия: беспрекословно соглашаться на назначаемые цены, никому другому не сбывать произведенных продуктов, ни у кого другого не делать «заборы» и ни на кого другого не работать. Так переплетались между собой в условиях переходного периода прогрессивная форма буржуазной собственности и реакционная форма крепостнической барщины. Однако тот же крестьянин-землевладелец, когда это было выгодно и необходимо, применял наемный труд сельскохозяйственных рабочих, оплачивая деньгами годовые, сезонные и поденные работы. Оценочная комиссия зарегистрировала в Новгородской губернии необычайно детальные расценки за выполнение различных земледельческих операций: пахоту, боронование, возку и разбрасывание навоза, посев, косьбу, жатву, молотьбу и пр.[35].

Можно предполагать, что и Петербургская губерния, имевшая много общего с Новгородской в развитии торговли и промыслов, шла по тому же пути — классовой поляризации деревни и возникновения буржуазной собственности на землю. В конце 50-х годов здесь было 836 государственных крестьян, владевших на праве собственности 7654 десятинами земли. Зависимость крестьянина от местного богатея — скупщика скота, сена и других сельскохозяйственных продуктов — была отмечена оценочной комиссией как одно из характерных явлений в хозяйственной жизни Петербургской губернии[36].

Именно этим «рыцарям накопления», если они вели собственное земледельческое хозяйство, принадлежала инициатива в применении сельскохозяйственных улучшений: заведения травосеяния, усиленного удобрения полей, совершенствования породы скота и т. д. Однако движение вперед покупалось дорогой ценой прогрессирующего обеднения крестьянской массы. Особенно страдало сельское население Псковской губернии, которая и раньше считалась одной из самых бедных и недоимочных. Тяжелое положение псковских государственных крестьян было признано и обстоятельно описано специальной комиссией 1845 года, которая наметила ряд практических мер для поднятия деревни: ликвидацию малоземелья, насаждение подворно-наследственного землепользования, организацию агрономической помощи и т. д. И Киселев, и Николай I, согласившись с выводами комиссии, одобрили намеченный план подъема местного крестьянского хозяйства[37]. Однако, как и многие

---

[35] МСР, I, стр. 80, 87—91; В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 10—11; В. Владимирский. О ссудах между крестьянами (ЖМГИ, 1845 ч. XVI, отд. IV, стр. 148—154); ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 324—332.

[36] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1842—1845 гг., д. 4; В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 10—11.

[37] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1852 г., д. 11529. Ср. личные впечатления Киселева от псковской деревни (ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7.124, л. 1).

проекты Министерства, разработанный план государственного содействия псковскому крестьянству остался большей частью на бумаге. Единственными достижениями Киселева в этой области были переселение 10 тысяч крестьян (из предполагавшихся 30 тысяч) в многоземельные губернии и устройство единственной образцовой усадьбы, на которой поселили окончившего обучение при Горыгорецкой ферме крестьянина Михаила Савельева. Разрежение населения в результате переселенческой политики привело к некоторому увеличению крестьянского надела, но было частично нейтрализовано новым естественным приростом, а крестьянин Савельев разделил судьбу подавляющего большинства хозяев образцовых усадеб, лишенных денежной помощи и бессильных преодолеть крестьянскую бедность и, следовательно, агрономическую отсталость. Больше внимания было обращено Министерством на «образцовую» Петербургскую губернию, расположенную на виду около столицы и служившую козырем при подаче отчетов и донесений: здесь приобретали для случки породистых быков и жеребцов, раздавали крестьянам недостающий скот, старались обеспечить селения медицинской помощью и т. д.[38] Но и тут паллиативы министерских органов не получили значения могущественных факторов в хозяйственном развитии деревни. Социально-экономические процессы, наблюдавшиеся в Озерном крае, так же как в Северном Поморье, совершались стихийно, независимо и часто вопреки политике Министерства: развитие торговли и промыслов, накопление капитала, покупка и аренда земель, расширение подгородного молочного хозяйства и прочее были закономерным результатом роста производительных сил, самостоятельных усилий различных прослоек местного крестьянства. Основной преградой для беспрепятственного развития прогрессивных процессов в Озерном крае оставались малоземелье, отрицательные последствия общинно-передельной системы, поборы и насилия чиновничьего аппарата, т. е. условия, вытекавшие из самой системы и политики феодально-дворянского государства.

5. Центральный промышленный район

За 20 лет, истекших после 1-й ревизии Киселева, наибольшие изменения испытали губернии Центрального промышленного района: Московская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Калужская и Рязанская (в ее северной части). За это время население государственной деревни в районе увеличилось с 938 тысяч до 1119 тысяч ревизских душ, т. е. на 12%[39]; абсолютно и относительно выросло значение торгово-промышленного сектора; товарно-денежные отношения глубже и всесторонне охватили хозяйственную жизнь крестьянина; еще острее стало чувствоваться крестьянское малоземелье, и вместе с тем отчетливее и рельефнее обнаружился промысловый характер района. По сведениям оценочных комиссий, в основных губерниях края в 50-х годах наблюдалось следующее соотношение между количеством работников и количеством промышленников государственной деревни (табл. 66).

Значительная часть крестьян посвящала промыслам круглый год, т. е. целиком отрывалась от собственного хозяйства; другие занимались промыслами по нескольку месяцев, уделяя остальное время земледелию. Учитывая оба момента — количество наличных промышленников и продолжительность их промысловых занятий, оценочные комиссии

---

[38] ЖМГИ, 1843, ч. VIII, отд. II, стр. 192.

[39] Ср. данные 9-й и 10-й ревизий (П. Кеппен. Девятая ревизия, стр. 189—200; МСР, IV, стр. 132—135).

Таблица 66

Число крестьян-промышленников *

Губернии	Даты переписи	Число		% промышленников
		работников	промышленников	
Владимирская	1853—1854 гг.	72 734	67 239	92,44
Московская	1848—1850 гг.	80 136	71 344	89,00
Костромская	1854—1858 гг.	41 112	35 430	86,17
Ярославская	1854—1858 гг.	56 611	42 921	75,82
Тверская	1853	113 430	82 606	72,82

* МСР, I, стр. 32, 93, 95—104; II, стр. 196—197; IV, стр. 88—89; ХСМ, II, приложения VII и VIII (итоги по Московской губернии вычислены автором настоящей книги).— Под условное понятие «промышленников» комиссии подводили крестьян мужского пола, отрывавшихся от собственного хозяйства в поисках дополнительного дохода от торговли, промышленности и частью от сельского хозяйства (например, в форме батрачества).

устанавливали условную величину «годовых промышленников», показывающую степень распространения промыслов в различных губерниях (табл. 67).

Таблица 67

„Число годовых промышленников“ *

Губернии	Число „годовых промышленников“	% „годовых промышленников“ к числу работников
Московская	50 485,68	63,00
Ярославская	27 070,49	47,82
Костромская	17 426,50	42,14
Владимирская	29 771,50	40,93

* МСР, I, стр. 36; II, стр. 196—197; IV, стр. 88—89; ХСМ, II, приложение VIII.— Для установления цифры «годовых промышленников» количество всех зарегистрированных промышленников было помножено на число месяцев их занятий и полученное произведение разделено на 12, т. е. на число месяцев в году. Абсолютная цифра годовых промышленников Московской губернии и данные о годовых промышленниках Тверской губернии не были опубликованы.

Хотя сведения о промыслах собирались не совсем одновременно, тем не менее данная картина вполне соответствует сохранившимся хозяйственным описаниям: подавляющее большинство работоспособного населения государственной деревни не могло прокормиться собственным хозяйством и искало сторонних заработков, преимущественно в области промышленности. В этом процессе отрыва крестьян от земледелия первое место занимала центральная Московская губерния — главное средоточие национального рынка, в котором раньше и сильнее обнаружились капиталистические отношения: занятия промыслами и торговлей поглощали здесь бóльшую часть времени государственного крестьянства. Далее шли Ярославская и Костромская губернии, расположенные на волжской магистрали и с давних пор втянутые в широкие рыночные связи. Судя по сохранившимся данным, по уровню развития промышлен-

ного труда к ним приближалась Тверская губерния, занимавшая выгодное положение на верхней Волге и на большой дороге между двумя столицами. Владимирская губерния, перерезанная Окой и сухопутным нижегородско-сибирским трактом, выделялась высоким процентом промыслового населения, но уступала четырем первым губерниям по степени продолжительности промысловых занятий. Калужская и частью Рязанская губернии обладали теми же характерными чертами, но отличались меньшим развитием внеземледельческих занятий. Степень развития товарно-денежных отношений определяла собой и темпы неуклонного роста промыслового населения.

Одной из важных сопутствующих причин, обусловивших развитие промыслов в государственной деревне, было растущее малоземелье крестьянских общин. По данным оценочных комиссий, к началу 1859 года распределение земли между местными государственными крестьянами выражалось следующими цифрами (табл. 68).

Таблица 68

Распределение земли между государственными крестьянами в губерниях Центрального промышленного района *
(в процентах ко всему населению деревни)

Размер душевого пая (в десятинах)	Губернии						
	Московская	Ярославская	Костромская	Тверская	Владимирская	Калужская	Р анска
Менее 1	2,6	0,9	0,1	0,1	0,3	—	1,6
От 1 до 2	30,7	11,8	1,4	6,2	7,2	6,8	22,3
,, 2 ,, 3	45,4	28,6	29,1	37,2	24,3	17,9	29,6
,, 3 ,, 4	17,6	33,8	43,0	38,6	33,4	24,6	27,7
,, 4 ,, 5	3,5	15,1	15,0	11,4	20,5	22,2	14,7
,, 5 ,, 8	0,2	9,5	11,3	6,2	13,5	25.5	4,1
,, 8 ,,15	—	0,3	0,1	0,3	0,7	2,9	—
Более 15	—	—	—	—	0,1	0,1	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* МСР, III, 133.

Особенно низкой была надельная норма в общинах Московской губернии: около 80% крестьян имели здесь менее 3 десятин на ревизскую душу; за 20 лет средний московский надел пахотной, сенокосной и усадебной земли понизился с 3,1 до 2,37 десятины [40]. Наиболее выгодным для крестьян было распределение земли в Калужской губернии, но и тут средний размер земельного обеспечения не достигал голодной 5-десятинной нормы; об остром малоземелье крестьян Калужской губернии настойчиво твердили местные министерские органы [41]. Центральный промышленный район составлял историческое ядро Русского государства, наиболее плотно заселенное и, что особенно важно, потерявшее огромную долю государственного земельного фонда в пользу служилого помещичьего сословия. Прогрессирующее уменьшение наделов заставило население усиленно вырубать леса, расчищать мелкие кустарники, превращать в пахотные поля богатые сенокосные угодья, но все эти меры

[40] Ср. т. I настоящего исследования, стр. 395; МСР, II, стр. 257.
[41] См., например, ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2184, л. 6.

не могли утолить земельного голода. Оценочные комиссии установили, что огромное количество работников государственной деревни оказывалось излишним для обработки имевшейся надельной площади: в Костромской губернии это избыточное население составляло 37%, во Владимирской — 41%, а в Ярославской достигало 51%. Не находя приложения своим силам в собственном хозяйстве, эти излишние рты должны были искать средства существования в неземледельческом труде, или отходя на сторону, или участвуя в местных промыслах [42].

Отрицательные последствия малоземелья усиливались недостатком скота и низким уровнем земледельческой техники. Нарушение нормального соотношения между пашней и сенокосом оказывало губительное влияние на состояние почвы: суглинки и супески нечерноземной полосы требовали усиленного навозного удобрения, которое предполагало наличие достаточного количества скота, и, следовательно, необходимого кормового обеспечения. Острый недостаток лугов, который сделался почти повсеместным явлением в результате расширения пашни, лишал крестьянина всякой возможности держать необходимое количество скота и получаемым от него навозом восстанавливать плодородие истощенной почвы. По вычислению агрономов 50-х годов, для удобрения каждой десятины парового поля требовалось от 1,2 тысяч до 3 тысяч пудов навоза; другими словами, чтобы унавозить 2-десятинную пашню (при 6-десятинном наделе на двор), домохозяин должен был держать по крайней мере от 5 до 10 голов крупного скота и от 4 до 8 голов мелкого [43]. Действительное количество скота у государственных крестьян центральных промышленных губерний было очень далеким от этой идеальной нормы. Материалы оценочных комиссий дают нам такие средние цифры обеспечения каждого двора домашним скотом (табл. 69).

Таблица 69

Количество скота у государственных крестьян центральных промышленных губерний *
(на двор)

Губернии	Лошадей	Коров	Итого крупного скота	Жеребят	Телят	Овец	Свиней	Итого мелкого скота
Московская (1848—1850 гг.)	1,38	1,90	3,28	0,15	0,36	2,21	—	3,72
Ярославская (1854—1858 гг.)	1,20	2,41	3,61	0,13	0,51	2,02	0,03	2,69
Владимирская (1854 г.) . .	1,33	1,79	3,12	0,17	0,71	2,82	0,16	3,86
Костромская (1855—1859 гг.)	1,38	2,25	3,63	0,15	0,92	2,56	0,14	3,77
Тверская (1852 г.)	1,60	2,60	4,20	0,17	0,65	2,52	0,43	3,77

* МСР, I, стр. 8, 94; II, стр. 178; IV, стр. 44; V, стр. 48.

Результатом малого количества скота было слабое унавоживание пашни; например, в Московской губернии, несмотря на покупку городского навоза, 62% сельских обществ (74 из 123) не могли удобрять всего озимого поля [44]. Как правило, яровое поле вообще не получало никакого удобрения.

Низкая сельскохозяйственная техника еще больше снижала урожайность зерновых посевов. Почти повсюду господствовало трехполье, а в отдельных лесистых местностях сохранялась более отсталая система

[42] МСР, II, стр. 196—197; IV, стр. 90—91; ХСМ, II, приложение VII.
[43] МСР, I, стр. 10; Я. Крживоблоцкий. Костромская губерния. СПб., 1861, стр. 214.
[44] МСР, I, стр. 11.

подсеки. Обычными орудиями крестьянина оставались одноконная соха, деревянная борона, коса, серп, примитивный цеп для молотьбы и лопата для веяния зерна. Огромное большинство сельского населения из года в год сеяло одни и те же хлеба — преимущественно рожь на озимом поле, ячмень и овес — на яровом, строго придерживаясь традиционных приемов и сроков хозяйственных операций. При таких условиях средние размеры урожая были ничтожными, а в неудачные годы — слишком засушливые или дождливые — не возвращали земледельцу даже посеянных семян. По данным оценочных комиссий, средний урожай ржи колебался от 3 зерен на зерно посева (в Калужской губернии) до 4 зерен (в Тверской губернии), урожай овса — от $2^1/_2$ (в Калужской губернии) до 3 зерен (в Московской и Тверской губерниях). Отчеты Палат давали более низкие цифры — от 2 до $2^1/_2$ зерен на зерно посева. Особое положение занимала Рязанская губерния, которая в южной, заокской части имела черноземную почву: здесь урожай был выше, поднимаясь, по сведениям оценочной комиссии, на озимых полях до сам-5, на яровых — до сам-4 [45]. За исключением некоторых местностей, центральные промышленные губернии не могли прокормиться собственным хлебом и нуждались в привозе сельскохозяйственных продуктов. Хлеб подвозили по Волге, Оке и их притокам, а также сухопутными трактами, преимущественно из ближайших черноземных губерний: Тульской, Пензенской и Тамбовской. Оживленная торговля хлебом породила целую сеть крупных и мелких рынков, которые снабжали население Центрального промышленного района продуктами южного земледелия и скотоводства.

Однако было бы ошибочным думать, что сельское хозяйство местных государственных крестьян утрачивало всякое экономическое значение и носило целиком застойный характер. Такому исходу препятствовала прежде всего живучесть натурально-хозяйственного уклада: как правило, даже в развитых промышленных селах крестьяне удовлетворяли значительную часть потребностей в питании и одежде продуктами собственного хозяйства. При массовом отходе мужчин земледельческие работы выполнялись стариками, женщинами и частично наемными батраками. В уездах, удаленных от торговых путей и промышленных центров, влияние натурального хозяйства было еще заметнее. С другой стороны, на общем фоне скудных суглинков и супесков существовали отдельные местности с плодородной почвой, заключавшей в себе большее или меньшее количество перегноя (ярким примером таких районов может служить плодородная котловина около города Ростова Ярославской губернии). Богатым источником луговодства и огородничества служили многочисленные поймы по берегам разливавшихся рек, особенно Оки и Волги. В таких плодородных пунктах урожайность озимых и яровых полей поднималась до 6—7 зерен на зерно посева, а поемные земли давали хорошие сенокосы и открывали возможность для разведения интенсивных доходных культур. Могущественным стимулом для развития земледелия и скотоводства — даже на бедных почвах — являлось постепенное расширение рынка сельскохозяйственных продуктов: близость торгово-промышленных сел и городов, промысловые занятия населения, обилие ярмарок и базаров обусловили повышение спроса на разнообразные предметы питания. Особенно выигрывали подгородные села и пункты, расположенные на речных и сухопутных дорогах. Растущее население обеих столиц, фабричных поселков и волжских пристаней раскупало

[45] К. Веселовский. Несколько данных для статистики урожаев и неурожаев в России (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II, стр. 36).— Оценочные комиссии определяли урожайность почвы в более благоприятных сельскохозяйственных условиях, чем крестьяне.

товары, привозимые не только из отдельных южных районов, но также из ближайшей деревенской округи: рожь, овес, мясо, птицу, огородные овощи, молочные продукты, ягоды, фрукты.

Совокупность всех этих условий, благоприятствовавших развитию сельского хозяйства, объясняет нам значительные размеры посевов Центрального промышленного района, которые в большинстве губерний обнаруживали тенденцию постепенного роста (табл. 70).

Таблица 70

Посевы у государственных крестьян центрального промышленного района *
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1846 г.	1849 г.	1853 г.	1855 г.
Костромская					
Посеяно: всего	142 901	136 601	148 667	188 831	196 368
на ревизскую душу	1,96	1,86	1,92	2,18	2,31
Рязанская					
Посеяно: всего	410 210	424 914	439 501	519 732	531 053
на ревизскую душу	2,61	2,71	2,81	2,57	2,62
Тверская					
Посеяно: всего	432 154	463 044	479 476	487 594	487 747
на ревизскую душу	2,23	2,37	2,41	2,26	2,25
Ярославская					
Посеяно: всего	260 161	268 739	297 327	355 908	334 571
на ревизскую душу	2,44	2,52	2,75	3,04	2,84
Московская					
Посеяно: всего	353 008	331 678	335 281	339 623	344 484
на ревизскую душу	2,28	2,10	2,13	2,04	2,06
Владимирская					
Посеяно: всего	382 123	379 250	376 215	428 086	386 541
на ревизскую душу	3,05	2,87	2,92	3,22	2,90
Калужская					
Посеяно: всего	254 985	223 335	223 647	230 487	232 514
на ревизскую душу	2,84	2,47	2,47	2,34	2,49

* Отч., 1843, 1846, 1849, 1853, 1855 гг.

Как показывают годовые министерские отчеты, размеры посевов увеличились абсолютно и относительно в Костромской и Рязанской губерниях; в Тверской губернии они выросли абсолютно, но в период Крымской войны процесс их относительного роста приостановился; такое же отрицательное влияние оказали военные годы на сельское хозяйство Ярославской и Владимирской губерний. Снижение посевов при наличии некоторых колебаний между 1843 и 1855 годами обнаруживалось в Московской губернии, наиболее развитой в промышленном отношении, и в Калужской, которая считалась наиболее обделенной природными условиями и наименее устойчивой в земледельческом отношении.

Согласно отчетам Палат, к концу управления Киселева посевная площадь Центрального промышленного района измерялась следующими цифрами (табл. 71).

Таблица 71

Посевная площадь в государственных имениях Центрального промышленного района (1855 год) *

Губернии	Число десятин			на ревизскую душу
	озимый клин	яровой клин	итого	
Московская	82 106	78 291	160 397	0,96
Ярославская	87 729	94 702	182 431	1,55
Костромская	67 711	89 614	157 325	1,85
Владимирская	129 248	122 642	251 890	1,81
Калужская	63 220	66 412	129 632	1,38
Рязанская	145 587	144 767	290 354	1,43

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 2, 96, 158, 269, 334; ч. II, л. 63.

Размеры посевной площади значительно превосходили площадь надельной пашни: в дополнение к общинным угодьям государственные крестьяне арендовали землю, частью у казны, частью у соседних помещиков, а также прикупали участки на основании закона 1801 года[46]. Снимали большей частью пашни и сенокосы, но местами также выгоны и огороды. Арендаторами являлись и сельские общества, и отдельные крестьяне, причем размеры арендуемых земель колебались от 4 десятин до 2—3 тысяч десятин. Так же разнообразны были арендные цены — в зависимости от качества почвы, сорта хлебов, положения земель, большего или меньшего спроса на землю и т. д. Например, в Костромской губернии выгоны сдавались по 10 копеек, а некоторые пашни — по 6 рублей 43 копейки за десятину; во Владимирской губернии арендная плата за огороды поднималась до 23 рублей, за удобренные пашни брали по 5 рублей 50 копеек — 6 рублей, за неудобренные и пустоши — от 50 копеек до 3 рублей. О масштабах крестьянской вненадельной аренды можно судить по данным, опубликованным оценочными комиссиями Ярославской, Костромской и Владимирской губерний (табл. 72).

Таблица 72

Аренда земли в государственных имениях Центрального промышленного района *

Губернии	Количество	
	арендующих обществ	арендуемых десятин
Ярославская	89	50 799
Костромская	66	24 733
Владимирская	101	10 508

* МСР, I, стр. 125—130; II, 219—226, 238—243.

[46] За вычетом парового поля надельная пашня в Московской губернии составляла 145 466 десятин, в Костромской — 120 448 десятин, во Владимирской — 148 602 десятины, в Ярославской — 123 110 десятин (МСР, I, стр. 6; II, стр. 20—23; IV, стр. 46; V, стр. 17).

Так же значительны были масштабы купчей земли. И здесь собственниками выступали, с одной стороны, сельские общества, имевшие недостаточные размеры надела, с другой,— отдельные крестьяне, по-видимому, из числа зажиточных элементов деревни. По сведениям, опубликованным в 1858 году чиновником Министерства государственных имуществ В. Вешняковым, развитие буржуазной собственности на землю в государственной деревне Центрального промышленного района достигло к этому времени следующих масштабов (табл. 73).

Таблица 73

Крестьяне-собственники Центрального промышленного района *

Губернии	Количество	
	крестьян-собственников	принадлежавшей им земли
Московская	5 157	20 106
Ярославская	10 643	41 605
Костромская	11 937	30 690
Тверская	50 226	101 673
Владимирская	4 725	19 860
Калужская	4 893	9 129
Рязанская	11 153	21 350

* В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 10—11.

Как видим, средние размеры купчих участков были невелики: на каждого собственника приходилось от 1,86 десятин в Калужской губернии до 4 с лишним десятин во Владимирской губернии. Однако в числе собственников земли были крестьяне, отказавшиеся от казенного надела и владевшие большим количеством угодий; в Тверской губернии таких независимых земельных собственников было 505, причем средний размер их участков составлял более 12 десятин. Аренда и купля земли показывают, что государственные крестьяне Центрального промышленного района были заинтересованы в ведении сельского хозяйства и стремились преодолеть отрицательные последствия малоземелья. О такой же заинтересованности говорят нам известные улучшения, которые наблюдались то здесь, то там в области земледелия и животноводства.

В подгородных селениях и на больших дорогах домохозяева покупали на постоялых дворах навоз и таким путем восполняли количество недостававшего удобрения. Там, где допускало плодородие почвы, крестьяне старались расширить традиционные рамки земледельческих культур, особенно если обнаруживался повышенный спрос на то или другое растение. В Ярославской, Костромской и отчасти Владимирской губерниях расширялись посевы льна, который сбывался на рынок в полуобработанном виде или использовался для изготовления и продажи холстов, полотен и салфеток. В определенном, хотя и небольшом, количестве московские, рязанские и ярославские крестьяне сеяли яровую пшеницу. Наличие доходного городского сбыта стимулировало разведение овощей, которыми засаживали усадебные, а местами и полевые земли. Особенно широко распространялись посадки картофеля, который употреблялся крестьянами в пищу, продавался отдельным потребителям, а в некоторых

уездах поставлялся на крахмальные и паточные заводы. Насколько быстро шло распространение картофеля, показывают данные по Владимирской губернии за 1840—1852 годы (табл. 74).

Таблица 74

Посадки картофеля у государственных крестьян Владимирской губернии *

Годы	Количество четвертей		Годы	Количество четвертей	
	посажано	собрано		посажено	собрано
1840	2 155	8 466	1849	23 605	73 109
1843	14 264	66 079	1852	24 930	89 228
1846	22 898	61 108			

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 42—45.

В некоторых пунктах огородничество стало важной отраслью торгового земледелия и приобрело ярко выраженный специализированный характер: таковы были муромские огуречники, костромские капустники, суздальские хмельники и особенно массовые посевы цикория и зеленого горошка в Ростовском уезде Ярославской губернии. Ежегодно ростовские огородники производили на сбыт от 80 до 120 тысяч пудов цикория, который отправлялся скупщиками в Петербург, в Финляндию, в прибалтийские губернии и на Украину. Зеленого горошка собирали от 10 до 15 тысяч пудов и переправляли на Нижегородскую ярмарку. Не меньшее значение для некоторых районов имело промысловое садоводство: и здесь наряду с подмосковными и владимирскими крестьянами, разводившими вишневые и ягодные сады, выделялись ростовские садоводы, получавшие немалый доход от яблоневых деревьев, особенно высших сортов (белого налива, краснухи, плодовитки, анисовки, коробовки).

Развитие интенсивных культур вызывало усовершенствование производственных навыков и орудий труда. Покупка улучшенных семян, тщательная обработка почвы при помощи заступа, применение плуга при уборке картофеля становились необходимыми условиями для повышения дохода с усадебных земель. Ярославская деревня стала центром распространения улучшенных полевых орудий: усовершенствованной сохи-косули, упрощенного плуга-«самолета» и молотильной «медведки» [47], в которую запрягалась лошадь. Эти несложные орудия, особенно косуля, перенимались крестьянами соседних губерний наряду с литовской сохой и железной бороной. Кое-где в районах промыслового огородничества стала вводиться плодопеременная система.

Некоторое движение вперед наблюдалось также в области животноводства. И здесь передовую роль играла наиболее развитая в земледельческом отношении Ярославская губерния: помимо выращивания многоплодных романовских овец государственные крестьяне Ярославского, Пошехонского и отчасти Ростовского уездов выводили улучшенные породы лошадей и выкармливали на продажу каплунов и пулярок [48].

---

[47] «Медведка» представляла собой деревянный цилиндр с набитыми деревянными «кулаками», молотившими хлеб.

[48] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 158—186, 269—281, 334—357; ч. II, лл. 63—77; МСР, II, стр. 40—64; IV, стр. 70—72; Статистические исследования относительно усадебных земель у государственных крестьян Ярославской губернии (ЖМГИ, 1856, ч. LXI, отд. I, стр. 29—57); П. Островский. Сельскохозяйственное статистическое описание Ростовского, Угличского и Романово-Борисоглебского уездов Яро-

Показателем сельскохозяйственных успехов Центрального промышленного района служили земледельческие выставки, которые устраивались частью в городах — Костроме и Кинешме, частью в селах — Боголюбово Владимирской губернии и Великое Ярославской губернии. Государственные крестьяне были главными экспонентами и получателями наград на этих смотрах деревенской инициативы и искусства. Среди выставленных продуктов местного земледелия обращали на себя внимание хорошие образцы ржи, полученные из голландских, саксонских и шотландских семян, местные сорта овса и пшеницы, высококачественные льны-стланцы, огородные овощи и фрукты. На выставках можно было видеть непрерывные усилия отдельных хозяев улучшить существующие орудия — косули, «самолеты», косы, а иногда заменить традиционные средства труда более совершенными и эффективными, например цеп — молотильным катком, обыкновенную мельницу — комбинированным механизмом, мелющим зерно, распиливающим деревья и бьющим масло. На выставках устраивались состязания лошадей при распахивании поля и возке тяжестей, причем некоторые коневоды отмечались премиями за силу и выносливость представленных экспонатов [49].

Нет никакого сомнения, что награжденными участниками выставок были преимущественно зажиточные крестьяне, имевшие достаточно средств для приобретения улучшенных семян и богатого удобрения, для разведения обширных садов и конских заводов; в сохранившихся описаниях упоминаются некоторые из таких собственников, например государственный крестьянин Карякин из села Шугори Ростовского уезда, обладатель плодового сада с питомником и прудом, оцененного ростовскими купцами в 15 тысяч рублей серебром [50]. Такими же сельскими предпринимателями были владельцы обширных хмельников, плантаций цикория и горошка, продавцы каплунов и пулярок. В государственной деревне Центрального промышленного района уже выделились на одном полюсе собственники мелкого капитала, эксплуатировавшие наемную рабочую силу, на другом — обедневшие и разорившиеся или полуразорившиеся крестьяне, пополнявшие собой кадры наемных рабочих. К числу первых принадлежали владельцы местных сельскохозяйственных предприятий: ветряных и водяных мельниц, маслобоен, солодовен, крупорушек, а также скупщики местных продуктов, расширявшие собственное хозяйство на арендованных и купчих землях. Судя по данным Тверской оценочной комиссии, торговля сельскохозяйственными товарами приобрела в Центральном промышленном районе не только широкий, но и специализированный характер: в Тверской губернии насчитывались тысячи государственных крестьян, составлявших особые категории торговцев хлебом, скотом, птицей, рыбой, молочными продуктами, яйцами, хмелем, сеном, огородными семенами, пенькой и льном, дровами и лесом. Зловещая фигура скупщика, по дешевке выжимавшего излишки мелкого крестьянского хозяйства и диктовавшего цены на местных ярмарках и базарах, отчетливо вырисовывается в материалах перечневых ведомостей и хозяйственных описаний.

славской губернии (Тр. ИВЭО, 1860, апрель); Я. Соловьев. Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губернии (ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. III, стр. 131—159); Хмельники в казенных селениях Владимирской губернии (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. II, стр. 127—132); Село Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда (ЖМГИ, 1855, ч. LVII, приложение).

[49] ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 148—178; 1847, ч. XXII, отд. I, стр. 138—151; 1850, ч. XXXVI, отд. I, стр. 1—18; 1851, ч. XXXIX, отд. I, стр. 227—258; 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 37—45.

[50] Н. Островский. Сельскохозяйственное статистическое описание, стр. 296—298.

Повышенный спрос на предметы продовольствия и низкая урожайность промышленных губерний держали цены на высоком уровне, способствуя этим росту торгового капитала (табл. 75).

Таблица 75

Средние цены в Центральном промышленном районе (за 1847 — 1851 годы, на серебро)*

Губернии	Рожь (четверть)		ржаная мука (куль)		пшеница (четверть)		Гречневая крупа (четверть)		Овес (куль)		Сено (пуд)
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	коп.
Московская	3	80	4	13	7	13	5	55	2	52	15
Владимирская	3	70	3	71	6	68	5	61	2	33	17
Ярославская	3	31	3	71	7	10	5	35	2	15	16
Тверская	—	—	4	29	—	—	—	—	2	14	15
Калужская	3	30	3	52	6	18	4	78	1	94	18
Рязанская	2	67	2	94	5	10	4	35	1	84	15
Костромская	3	44	3	74	6	80	4	97	1	64	10

* Таблицы, приложенные к статье Ал. Егунова (А. Егунов. О средних ценах на главные жизненные потребности в России за последнее пятилетие. «Отечественные записки», 1852, октябрь, отд. II). Ср. МСР, II, стр. 209—210.

Нуждающиеся крестьяне в дополнение к собственному хозяйству занимались не только разнообразными промыслами: многие из них рядились в пастухи, работали лесорубами, батрачили на кулацкой и помещичьей земле. Сохранились подробные данные о количестве и доходах таких крестьян в Ярославской, Костромской, Тверской и Владимирской губерниях. Обобщая частные итоги, мы получаем приблизительную картину развития сельскохозяйственного наемного труда в государственной деревне указанных районов в 50-х годах XIX века (табл. 76).

Таблица 76

Наемный труд государственных крестьян в сельском хозяйстве Центрального промышленного района *

Губернии	Дата собирания сведений	Число наемных абочих	Из них батраков
Тверская	1853 г.	9 546	2 813
Владимирская	1854 г.	6 619	3 326
Ярославская	1854 — 1858 гг.	3 644	1 622
Костромская	1854 — 1858 гг.	5 990	2 608

* МСР, I, стр. 95—104; II, стр. 202; IV, стр. 96—97; V, стр. 62—63.

Так же как в других губерниях, в Центральном промышленном районе существовали установившиеся цены на рабочую силу годовых, сезонных и поденных рабочих; при поденном найме они варьировались в зависимости от характера полевых работ — пахоты, боронования, посева, косьбы, жатвы и т. д.

Обыкновенно годовой и летний рабочий получали от хозяина готовые харчи, одежду, обувь и денежную приплату, причем женщинам платили на 20—40% дешевле мужчин. Средние цены годового наемного труда колебались по отдельным губерниям от 25 до 35 рублей серебром, се-

зонного — от 15 рублей 50 копеек до 23 рублей. Поденные рабочие в Тверской и Владимирской губерниях получали за пахоту от 30 до 57 копеек, за косьбу — от 25 до 30 копеек, за молотьбу — от 7 до 11 копеек, и т. д. [51].

Изучая прогрессивные явления в сельском хозяйстве государственной деревни, мы не должны преувеличивать их масштабов и экономического влияния. Районы торгового земледелия были отдельными островками на фоне полунатурального хозяйства; подавляющая масса местного крестьянства выбрасывала на рынок только излишки своего земледелия и животноводства. Усовершенствование навыков и орудий труда были медленными и обнаруживались спорадически то тут, то там при наличии особых благоприятных условий. Социальное расслоение мелких производителей еще не разлагало крестьянства как класса: середняцкая прослойка деревни сохраняла свою относительную устойчивость и прочность. Развитие производительных сил и рост капиталистических отношений проявлялись отчетливее не в области сельского хозяйства, а в сфере торговли и промышленности, под могущественным воздействием крупной мануфактуры и фабрики, в тесной связи с экономическим ростом и влиянием городских центров.

Промыслы государственных крестьян Центрального промышленного района были многочисленны и разнообразны: оценочная комиссия Ярославской губернии насчитала около 500 категорий промышленников, отличавшихся друг от друга по характеру своего труда и условиям сбыта произведенных продуктов. Происхождение районных промыслов коренилось в далеком прошлом и было закономерным следствием отделения домашней промышленности от земледелия и возрастания спроса на промышленные изделия и транспортные услуги. Сама природная обстановка способствовала развитию внеземледельческого труда в этом районе, попрежнему богатом лесами и изрезанном многочисленными судоходными реками.

Так же как в Озерном крае, по течению Волги, Оки и их притоков процветали не только рыбная ловля, но также постройка и обслуживание больших и малых судов: ежегодно к началу весеннего сезона на берега судоходных рек стекались тысячи плотников, грузчиков, лоцманов, бурлаков и других транспортных рабочих. С другой стороны, костромские, ярославские и другие леса давали широкое поле для деятельности дегтярников, угольщиков, тележников, мебельщиков, игрушечников и прочих ремесленников. Города, промысловые села, а частью обыкновенные деревни, втянутые в товарно-денежный оборот, нуждались в специальных услугах кузнецов, плотников, сапожников, овчинников и других специалистов, удовлетворявших не только местные потребности, но и требования более отдаленных пунктов: после окончания полевых работ поодиночке или небольшими группами эти ремесленники бродили по деревням или отправлялись на работу в крупные города. Массовый отход в Москву, Петербург и торгово-промышленные центры наблюдался среди работников различных профессий: прядильщиков и ткачей, каменщиков и штукатуров, извозчиков и огородников, разносчиков и приказчиков, домашней прислуги и просто чернорабочих.

Чем труднее были условия для развития сельского хозяйства, тем больше промышленников выделяла государственная деревня; вот почему наименьший процент промысловых работников давали в Ярославской губернии Ростовский уезд, а в Московской — западные районы, имевшие лучшую почву и налаженный сбыт земледельческих продуктов.

---

[51] МСР, I, стр. 105; II, стр. 168—169; IV, стр. 101—102; V, стр. 51.

Сохранились данные министерских отчетов о количестве паспортов и билетов, выбранных государственными крестьянами в 1845 году (табл. 77).

Таблица 77

Промысловый отход государственных крестьян Центрального промышленного района в 1845 году*

Губернии	Получивших паспорта и билеты	% к числу ревизских душ
Московская . . .	38 245	24,2
Владимирская . .	32 441	15,8
Тверская	87 936	45,1
Ярославская . . .	20 437	19,1
Костромская . . .	14 246	19,4
Калужская . . .	27 741	30,8
Рязанская	33 663	21,3
Итого: . . .	254 709	25,8

* Отч., 1845 г.— Проценты вычислены с учетом количества ревизских душ в 1845 году.

Обращают на себя внимание высокие абсолютные и относительные величины отходников в Тверской губернии — на перекрестке речных и сухопутных дорог между двумя столицами, а также крупный процент уходящих из деревни в наименее обеспеченной Калужской губернии. По степени развития промыслового отхода Тверская губерния превосходила все остальные губернии Европейской России. Наоборот, в промышленно развитой Владимирской губернии процент уходящих был невелик, так как лишние рты поглощались местными промыслами. Отсюда ясно, что для характеристики экономических особенностей Центрального промышленного района необходимо учесть не только масштабы внеземледельческого отхода, но и количество крестьян, занятых местной промышленностью. Те и другие сведения суммированы оценочными комиссиями в подробных ведомостях о государственных крестьянах, занятых промыслами и торговлей в Тверской и Владимирской губерниях. Группируя эти опубликованные данные по социальному признаку, мы получаем следующие итоги, раскрывающие численное отношение между разными категориями внеземледельческого труда (табл. 78).

Первое, что обращает на себя внимание в приведенных цифрах, это высокий процент наемных рабочих, который в Тверской губернии превосходил процент самостоятельных мелких производителей, а в губернии Владимирской несколько уступал ему в своих размерах. Судя по менее точным данным, относящимся к Московской и Ярославской губерниям, такое соотношение величин было типичным для наиболее развитых промышленных районов [52]. С другой стороны, для Владимирской губернии с ее развитой сетью мануфактурных предприятий было характерно преобладание индустриальных рабочих, а в Тверской губернии, перерезанной важными речными и сухопутными путями,— решительное преобладание рабочих транспорта. Конкретные, хотя и не сведенные в точные итоги, сведения по Костромской губернии, имевшей огромную территорию

[52] В Московской губернии это соотношение выражалось цифрами: 54% наемных рабочих и 35% самостоятельных производителей из общего числа промышленников (МСР, I, стр. 40); в Ярославской губернии соответствующие цифры равнялись 44 и 40% (МСР, II, стр. 200). К сожалению, данные по Московской и Ярославской губерниям опубликованы в итогах, которые исключают возможность самостоятельной проверки и сопоставления с данными Тверской и Владимирской губерний.

Таблица 78

Участие государственных крестьян Тверской и Владимирской губерний в промыслах и торговле *

Категории крестьян	Губернии	
	Тверская (1853 г.)	Владимирская (1854 г.)
Рабочие:		
в промышленности	10 710	21 155
на транспорте	13 474	1 912
в торговле	774	135
прислуга	1 330	—
чернорабочие	7 163	—
Итого:	33 451	23 202
Самостоятельные мелкие производители:		
ремесленники	23 037	23 585
мелкие сельскохозяйственные промышленники	1 332	205
извозчики	8 024	6 621
Итого:	32 393	30 411
Служащие в торговле и сельском хозяйстве	742	2 085
Торговцы и промышленные предприниматели		
торговцы	4 459	2 185
подрядчики и владельцы постоялых дворов	491	341
владельцы предприятий	1 524	2 396
Итого:	6 474	4 922
Всего	73 060	60 620

* МСР, I, стр. 95—104; V, стр. 60—63; ХСМ, II, приложение VIII.— Из итогов исключены наемные рабочие в сельском хозяйстве, показанные выше, на стр. 330. Подробные данные по Костромской губернии (МСР, IV, стр. 93—97) не могут быть включены в таблицу, так как Костромская оценочная комиссия искусственно увеличила количество промышленников, засчитав за 2 или 3 человек тех крестьян, которые занимались двумя или тремя промыслами.

глухих лесистых уездов, показывают, что районы, менее развитые в экономическом отношении, дольше сохраняли мелкое самостоятельное производство [53].

[53] По данным оценочной комиссии и подсчетам автора доклада, в Костромской губернии показано 29 680 самостоятельных производителей и 5926 рабочих (МСР, IV, стр. 93—97а).

Однако более детальный анализ обнаруживает, что из числа промышленников, которые числились самостоятельными производителями, только немногие сохраняли прежнюю хозяйственную независимость; подавляющее большинство в той или иной степени подчинялось подрядчикам, скупщикам и владельцам мануфактур. Вполне самостоятельными оставались участники наименее важных промыслов, работавшие на местный ограниченный рынок и не нуждавшиеся в значительных затратах на средства производства. Таковы были ярославские горшечники и кувшинники, которые пользовались собственной глиной, выделывали ручным способом, без всякой формы, примитивную деревенскую посуду, обжигали ее в собственных кухонных печах и распродавали в праздники на ближайших ярмарках и базарах. К такой же немногочисленной категории принадлежали бродячие ремесленники (например шерстобиты), нередко работавшие по заказам крестьян за одни харчи, бондари лесистых уездов, изготовлявшие из срубленных деревьев обыкновенную деревенскую посуду (ведра, ушаты, лоханки и пр.), костромские ткачи полотна и салфеток, которые пользовались пряжей из собственного льна, и т. д.

Некоторые промыслы в силу характера производственного процесса требовали соединения труда и предварительных расходов на покупку сырья или несложных орудий производства. Участники таких промыслов, как правило, объединялись в трудовые артели, которые нередко попадали в зависимость от мелких и крупных подрядчиков. Примером подобных промыслов может служить корзинное производство, широко распространенное на верхней Волге, богатой густыми зарослями ивы. Для закупки сырья крестьяне складывались по нескольку человек, сообща нарубали прутья, делили между собой накопленные запасы ивняка и, перевезя его в родную деревню, самостоятельно каждой семьей плели и развозили по базарам корзины, коробки и плетюхи. Иначе были организованы артели строительных рабочих — каменщиков, печников, маляров, штукатуров; соединяясь вместе по 4—15 человек, они поряжались на работу к подрядчикам, которые сами доставляли заказы, снабжали артельщиков харчами, а иногда и средствами производства — инструментами и красками. Организация труда подрядчиком делала артельное начало номинальным: в зависимости от количества заказов подрядчик мог сократить или увеличить число рабочих. Такова была переходная форма от самостоятельного мелкого производства к найму рабочей силы мелким капиталистом. Еще отчетливее проявлялась зависимость от капитала в скорняжном промысле: специалисты по выкраиванию и подборке мехов — заячьих, лисьих, енотовых, медвежьих — доставали шкуры у крупных купцов и им же сдавали выделанные меха, получая за работу хозяйские харчи и месячную плату. По тому же типу был организован промысел шубняков, которые шили тулупы и полушубки из разного сорта овчин, закупленных торговцами-«стайниками», сбывавшими готовый товар в Нижний Новгород и Москву. Такие же взаимоотношения эксплуататоров и эксплуатируемых складывались между крупными купцами-капиталистами и кузнецами-гвоздарями, которые через посредство особых прасолов получали купеческое железо и, выковывая из него гвозди, сдавали готовый продукт тем же предпринимателям за определенную сдельную плату. Иногда подобный наем ремесленников принимал характер крупного предприятия, построенного на техническом разделении труда: в качестве примера можно привести постройку торговых барок, которые сплавлялись нагруженные кладью по Вышневолоцкому, Тихвинскому и Мариинскому каналам. Барки строились по течению всей реки Сити на капиталы тверских, кашинских и рыбинских купцов, которые заготовляли материал и нанимали рабочую силу через посредство мелких подрядчиков из числа крестьян. Над постройкой барок последовательно трудились работники разных специально-

стей: лесорубы, рабочие, обтесывавшие деревья, возчики, плотники, сплавщики — все, получавшие сдельное вознаграждение по количеству выполненной работы.

Утрата прежней хозяйственной самостоятельности наиболее отчетливо обнаружилась среди прядильщиков и ткачей, работавших в собственных избах или в специально устроенных светелках по заказам московских, владимирских и костромских «фабрикантов». Однако эти рабочие рассеянной мануфактуры, получавшие и сдававшие товар через посредство «мастерков», по своему социальному положению мало отличались от ярославских гвоздарей или тверских судостроителей. Впрочем, при наличии благоприятных обстоятельств (например, при повышении спроса на те или иные продукты) вчерашний рабочий, попадавший в кабалу к подрядчику или светелочнику, получал временную возможность самостоятельного сбыта своих изделий на рынке. В некоторых ремеслах, например штукатурном или красильном, наблюдалось сочетание самостоятельного производства и работы на подрядчика. Вот почему граница между независимым производителем и наемным рабочим была изменчива и условна. Однако основная тенденция экономического развития выявлялась достаточно ясно: постепенно мелкое крестьянское производство отступало перед натиском купеческого и промышленного капитала. Подобная эволюция была особенно заметна в северной части Владимирской и южной части Костромской губерний, вокруг Иванова, Шуи, Кинешмы, Нерехты, где домашнее производство миткаля и других бумажных материй целиком подчинялось господству крупных мануфактуристов. Самостоятельное ремесло еще держалось в области полотняной промышленности, но эта отрасль текстильного производства в 40—50-х годах переживала кризис и сама уступала место крупной хлопчатобумажной индустрии.

Особую категорию крестьян-промышленников представляли мелкие сельские предприниматели, которые сами эксплуатировали нанимавшихся односельчан. Таковы были «мастерки» и «светелочники», получавшие основу от фабриканта и привлекавшие для ее обработки неимущих ткачей, владельцы дегтярных и кожевенных заведений, хозяева крупных кузниц, различные категории подрядчиков и т. д. Эта зажиточная прослойка составляла 3—4% общего количества промыслового населения деревни. Общей чертой мелких капиталистов было обладание средствами производства, которое ставило их в выгодное положение и обеспечивало им более высокие доходы. Точно определить валовую и чистую прибыль этих предприятий очень трудно, так как показания оценочных ведомостей явно преуменьшены и даны в округленной форме. Обыкновенно размеры годовой выручки мелких капиталистов определялись в сумме от 75 до 150 рублей серебром (чаще всего около 100 рублей), но их действительные доходы были, несомненно, более значительными.

Гораздо легче уловить заработки самостоятельных производителей и наемных рабочих, установленные на перекрестных опросах и поддававшиеся более легкой проверке.

Подробные ведомости по Костромской, Ярославской и Владимирской губерниям, так же как общие выводы Московской комиссии, показывают, что наибольшие заработки имели работники специальной квалификации (производители кос и серпов, шапочники, кровельщики, калачники, позолотчики и пр.), особенно устраивавшие собственные мастерские в столичных и губернских центрах; к той же категории принадлежали торговые служащие (приказчики, артельщики, поверенные питейных контор) и крестьяне, занимавшиеся извозом, если они обладали большим количеством лошадей. Валовой доход этой группы промышленников в среднем, колебался от 75 до 100 рублей серебром в год; по вычислениям оценочных комиссий, за вычетом необходимых затрат на средства производства,

питание и одежду, у таких промышленников оставалось от 40 до 60 рублей в год.

Наименьшие доходы падали на долю наемных рабочих, особенно тех, которые работали на дому вместе со своей семьей: таковы были прядильщики, ткачи, красильщики, мяльщики льна и т. п. К тому же слою промышленников относились ремесленники низшей квалификации с ограниченным сбытом продуктов (например, производители лаптей, решет, веретен), мелкие извозчики, чернорабочие. Валовой доход этих низко оплачиваемых разрядов колебался от 20 до 45 рублей серебром, а чистая выручка опускалась до 6—10 рублей в год. Оценочные комиссии отмечали тяжелое положение ярославских гвоздарей, беспощадно эксплуатировавшихся купцами-монополистами, а также владимирских ткачей миткаля, закабаленных мастерками-светелочниками.

Остальные категории крестьян-промышленников по уровню своих доходов располагались на средних ступенях между высшей и низшей категориями мелких производителей. Наиболее распространенной цифрой чистого годового дохода была средняя сумма в 20—40 рублей серебром. В лучшем случае этих денег хватало на оплату повинностей и на покупку необходимых предметов одежды: полушубков, шапок, варежек и т. д. [54].

Сельскохозяйственные выставки 40—50-х годов показывали высокое качество крестьянских промышленных изделий. Государственная деревня экспонировала разнообразные продукты ремесленного труда: бумажные, шерстяные и шелковые ткани, валеные сапоги, дубленые овчины, деревянную и гончарную посуду, металлические орудия и даже произведения местной живописи. Особенно выделялись и завоевывали экспонентам денежные награды тонкие и прочные костромские полотна, так же как владимирские бумажные материи: искусно выделанные холстинка, трико, матрабасы, различные сорта бархатов и т. д. Среди награжденных промышленников встречалось немало крестьянок, которые доставляли на выставки продукты своего домашнего труда: льняную пряжу, пестряди, холсты, искусно сделанные скатерти и салфетки. Выставки превращались в своеобразный смотр крестьянского творчества и служили показателем достигнутого уровня в развитии производительных сил Центрального промышленного района [55].

Рост крестьянских промыслов становился источником широкого развития деревенского обмена. В середине 50-х годов в одной Ярославской губернии насчитывалось 19 ярмарочных и 37 базарных пунктов. Каждое крупное село имело годовые ярмарки, каждая крупная деревня — еженедельные базары. Чем разветвленнее делалась мелкая деревенская индустрия, тем специализированнее была местная крестьянская торговля.

---

[54] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23109 приложение, ч. I, лл. 194—196; 1856 г., д. 26491; ф. III Д, 1844 г., д. 2181, лл. 7—10; д. 2184, лл. 6—9; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 158—186, 269—281, 334—357; ч. II, лл. 63—77; ф. Киселева, 1838 г., д. 679; МСР, I, стр. 51—59; II, стр. 75—168; IV, стр. 88—107; V, стр. 3, 60—70; Я. Соловьев. Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губернии (ЖМГИ, 1854, ч. LI, отд. III, стр. 1—28); М. Поливанов. Взгляд на сельское хозяйство и промышленность в Юрьевецком, Кинешемском и Нерехтском уездах Костромской губернии (ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. III, стр. 1—21, 59—83); В. А. Преображенский. Разведение животных в сельском хозяйстве Тверской губернии (ЖМГИ, 1857, ч. LXIII, отд. II, стр. 63—93); промышленность государственных крестьян Рязанской губернии (ЖМГИ, 1847, ч. XXV, отд. II, стр. 134—160, 190—211, 1848 г., ч. XXVI, отд. II, стр. 163—189); Л. М. Иванов. Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселева (ИЗ, вып. 17, М., 1945, стр. 102—110).

[55] ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 148—178; 1847, ч. XXII, отд. I, стр. 138—151; 1850, ч. XXXVI, отд. I, стр. 1—18; 1851, ч. XXXIX, отд. I, стр. 227—258; 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 37—45.

В перечнях Тверской оценочной комиссии показаны особые специалисты по сбыту различных категорий продуктов: холста и пряжи, «красного товара» (т. е. мануфактуры), галантереи, кожи, железа, обуви, деревянной посуды, старого платья и пр. Некоторые торговцы продавали товары из сельских лавок, большинство развозило и разносило продукты по ярмаркам и базарам, иногда отлучаясь на долгие сроки и на далекие расстояния: поле деятельности некоторых ярославских торговцев захватывало Область Войска Донского, Кавказ и Сибирь. Среди торгующих крестьян наблюдалось такое же социальное расслоение, какое существовало среди мелких товаропроизводителей: редкие из них сохраняли полную экономическую самостоятельность, скупая и продавая на рынке партии того или иного товара; гораздо чаще наблюдалась зависимость мелких торговцев от крупных купцов, снабжавших свою агентуру определенным количеством продуктов и денежными авансами для переездов. Фактически в роли офеней и коробейников выступали приказчики и их помощники, которые получали от хозяина известное количество товара и обязывались сдать ему отчет после определенного срока. Процесс постепенной утраты прежней самостоятельности наблюдался и в среде отхожих городских разносчиков, которые сбывали по мелочам съестные продукты, напитки, галантерейные изделия и пр. Однако, судя по хозяйственным описаниям, сокращение числа самостоятельных торговцев происходило медленнее и в меньших масштабах, чем подчинение мелких товаропроизводителей власти крупного капитала.

Развитие торговли и промышленности накладывало яркий отпечаток на жизнь государственной деревни, меняя внешний быт и характер ее жителей. Постепенно выработались разные типы торгово-промышленных поселений, характерные для Центрального промышленного района. Примером деревенского торгового центра, так же как и раньше, могло служить село Рогачево Московской губернии, расположенное между Московско-Петербургской дорогой и верхним течением Волги, в 9 верстах от сплавной Яхромской пристани. В Рогачеве устраивались еженедельные воскресные базары и две годовые ярмарки, на которые стекалось по 3—4 тысячи продавцов и покупателей. В 40-х годах в селе числилось 512 ревизских душ, из которых 356 были в рабочем возрасте. Подавляющая часть населения безвыездно обитала в самом Рогачеве, занимаясь преимущественно торговыми сделками: в селе функционировало 60 лавок, из которых 54 принадлежали местным крестьянам; в числе торговцев было 15 скупщиков и продавцов дегтя, 17 барышников, торговавших лошадьми, 37 скупщиков тряпья, 21 калашник. Влияние этих мелких капиталистов распространялось на окрестные деревни и было связано с деятельностью ближайших фабрик. В Рогачеве существовали трактир, кабак, винный погреб и 11 постоялых дворов. В отходе числилось 83 человека, но и здесь преобладали торговцы и торговые служащие: 14 лавочных приказчиков, 13 мясников (в том числе 3 владельца собственных лавок), 8 трактирных половых, 4 винных сидельца, 3 биржевых артельщика и т. д. Количество местных и отхожих ремесленников было невелико; по-видимому, работавшие в Рогачеве 5 сапожников, 1 портной, 1 шапочник, 1 медник, 1 столяр и 1 печник удовлетворяли исключительно потребности местного населения. Только 8 рогачевских крестьян уходило на фабричные работы. Земледелие играло второстепенную роль в хозяйственной жизни. Небольшие наделы (в среднем, меньше 2 десятин на душу) засевались рожью, овсом, частью льном — исключительно для домашнего потребления. При этом ярко обнаруживалось социальное расслоение деревни: часть крестьян обрабатывала землю руками годовых и сезонных рабочих (первых числилось 15, вторых — 34), имела на двор по 2—3 лошади и 2—3 коровы; 68 че-

ловек в дополнение к земледелию занимались на разные работы, причем двое батрачили в собственной деревне. Женщины, помимо домашних занятий, занимались прядением, ткачеством и плетением кружев, продавая полученные излишки на рынке. Члены оценочной комиссии отмечали внешнее довольство в постройках и образе жизни населения: в Рогачеве было 3 каменных дома, а деревянные избы были покрыты тесом; крестьяне одевались в шерстяные и полотняные ткани [56].

Совершенно иной характер носило торговое село Плясцы («Малышево то ж») Владимирской губернии, расположенное около города Коврова и Московско-Нижегородского тракта. В селе числилось 134 ревизских души, которые владели по $2^1/_2$ десятины песчано-глинистой земли. Еще в начале XIX века население Плясцов состояло исключительно из хлебопашцев; в 40-х годах все крестьяне занимались торговлей: двое — в окрестных селениях (один торговал рыбой, другой — красным товаром), четверо — в Петербурге (один хозяином, трое — приказчиками); все остальные жители были офенями-ходебщиками, развозившими по поручению купцов разнообразные товары, приобретенные на ярмарках: сукно, миткаль, ситец, сапоги, платки, мыло, чай, сахар и пр. Обыкновенно все мужское население, начиная с 12—14-летнего возраста «после Ильина дня или Успенья» (т. е. в июле — августе) покидало родную деревню и возвращалось только к «Николе вешнему» (т. е. к 9 мая), самое позднее — к Петрову дню (т. е. к концу июня). В селе оставались женщины, старики и малолетние, на которых и падали все полевые работы, за исключением сенокоса (только 5 семейств имели годовых батраков). Некоторые офени бывали в отлучке по одному, по два года. Обычно направлялись в южные губернии, откуда привозили хлеб, соль, рыбу, которые продавали на ярмарках и базарах. Собственного хлеба, как правило, хватало на потребление всей деревни; одежду тоже изготовляли дома из собственных льна и шерсти. Офени-работники на хозяйских харчах и одежде получали до 300 рублей ассигнациями (т. е. до 85 рублей на серебро), а приказчики на тех же условиях — до 800 рублей, а иногда и до 1500 рублей ассигнациями (230—430 рублей серебром). Однако промысел офеней начинал падать вследствие роста магазинной торговли. С наступлением пожилого возраста офени бросали свою профессию и переходили на менее доходную, но более легкую бурлацкую работу, подряжаясь на 2—3 недели в год на близлежащую Холуйскую пристань.

Крестьяне селения Плясцы, разъезжавшие по всей стране, выделялись своим развитием и повышенными потребностями. Каждый из них был грамотен и умел вести простое счетоводство. Все они отличались трезвостью, носили сапоги, а зимой валенки, оклеивали избы обоями и картинками, часто употребляли в пищу мясо и пшеничный хлеб [57].

Ярким примером деревенского промышленного центра по-прежнему было московское село Вохна, составившее в 1845 году главную основу новообразованного Павловского посада. Расположенное в центре Богородского уезда, недалеко от судоходной реки Клязьмы, село выделялось широким развитием своей мануфактурной промышленности: по данным Л. Самойлова, в середине 40-х годов здесь было сосредоточено 11 предприятий, производивших шелковые, полушелковые и бумажные ткани (10 купеческих и одно, принадлежавшее местному крестьянину Родиону Ныркову); на этих предприятиях действовало 1339 станов и было занято 2069 рабочих; общая сумма их продукции составляла более 388 тысяч рублей серебром. В 40-х годах в селении насчитывалось

[56] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 146—164.
[57] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 54—60.

536 ревизских душ, причем все работники были заняты промысловой деятельностью. На душу приходилось менее 1 десятины земли, причем 38 семейств из 180 не имели надела и совсем не вели хлебопашества. Земледельческие продукты служили только для собственного потребления; огороды и сады обрабатывались стариками и женщинами; лошадей держали исключительно летом и продавали осенью, чтобы не кормить в зимние месяцы. Отходников было всего 8 человек, почти исключительно торговцев. Основная масса населения — мужчины и женщины — работала на дому по заказам фабрикантов: разматывали хозяйский шелк и бумагу, ткали разнообразные материи — гроденапль, русинет, нанку, парчу и прочее, шелковые платки и кушаки. Годовой доход крестьян, превращенных в рабочих рассеянной мануфактуры, колебался от 160 до 300 рублей на ассигнации (т. е. от 46 до 85 рублей на серебро).

Промышленный характер Вохны обусловил широкое развитие ее меновых связей: в селении было 42 лавки, торговавшие съестными продуктами, одеждой, сбруей, дегтем и пр. Кроме еженедельных воскресных базаров, в селе устраивалось 7 годовых ярмарок, на которые съезжалось множество продавцов с запасами ржи, муки, овса, дров, красного товара и сельскохозяйственных продуктов. К услугам приезжающих имелось 6 постоялых дворов, общественные весы и меры, трактир и кабак. Кроме мотальщиков и ткачей, в селе насчитывалось 10 ремесленников, большей частью обслуживавших местные потребности: 2 кузнеца, 2 печника, 1 сапожник, 1 калачник; в отличие от своих односельчан, поглощенных крупной мануфактурой, четверо промышленников сохранили положение самостоятельных мелких производителей: один изготовлял платки и трое делали берда. Сравнивая внешний быт населения прилегающего района, оценочная комиссия отмечала у жителей Вохны «довольство в образе жизни, одежде и пище». По общему характеру экономического и бытового уклада Вохна приближалась к таким широко известным фабрично-заводским селам, как Иваново, Тейков, Вичуга и проч.[58].

Своеобразную разновидность промышленных поселений составляла Хо́луйская слобода Владимирской губернии, получившая известность как центр суздальского иконописания. В 40-х — 50-х годах это село, расположенное на скрещении торговых путей — Московско-Нижегородского тракта и сплавной дороги по рекам Тезе и Клязьме, насчитывало около тысячи ревизских душ, занятых исключительно ремесленным промыслом. Слобода делилась на две части: бо́льшая принадлежала помещице Бобринской, меньшая — казне, которая после секуляризации XVIII века получила крестьян от церковного ведомства. За вычетом заказного леса, государственные крестьяне имели земли по 1451 сажени на душу, почти исключительно болотного сенокоса. Хлебопашеством крестьяне не занимались, ни один из них не держал в своих руках сохи и бороны. Все мужское население с 9—10-летнего возраста и до глубокой старости изготовляло на массовый сбыт различные сорта икон. Пользуясь бумажными трафаретами, ремесленники воспроизводили на липовых или кипарисных досках традиционные контуры, которые расписывали разными красками: киноварью, суриком, охрой, синькой и прочими, руководясь Четьи-минеями и другими церковными книгами. В основе производства лежало техническое разделение труда: один загрунтовывал доски, другой расписывал лица, третий — одежду, четвертый писал имена и тексты, пятый накладывал сусальное золото и серебро. Работа производилась в мелких заведениях самими хозяевами и наемными рабочими. Товар сбывался крупными партиями через офеней-ходебщиков: иконы «грече-

[58] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 116—145; Л. Самойлов. Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845, стр. 71, 73—75, 77—78.

ского письма» — в Одессу для пересылки в Румынию, Болгарию и Грецию, иконы старинного образца и так называемой «живописной работы» — в губернии Великороссии и Украины, в частности в Область Войска Донского и в Сибирь. Особенно ходко шли дешевые образа по 15—60 копеек, которые развозились вместе с крестиками, кольцами, серьгами и другими мелкими украшениями. Обыкновенно офени присоединяли к этому основному товару картины, портреты и книги; в середине 50-х годов члены оценочной комиссии находили здесь оригинальные и переводные романы, путешествия и даже исторические сочинения. По подсчетам той же комиссии, годовой сбыт холуйских мастеров достигал 200 тысяч штук икон. По данным 40-х годов, средний заработок рабочего-иконописца колебался от 3 до 8 рублей ассигнациями в неделю (т. е. от 3 рублей 50 копеек до 9 рублей серебром в месяц). Все необходимое для жизни приобреталось за деньги; приблизительный расходный бюджет семьи из 4 человек составлял 120 рублей серебром в год.

Товары покупались тут же, в Холуйской слободе, которая, кроме большого гостиного двора, имела еженедельные базары и 5 годовых ярмарок, в том числе оживленную Тихвинскую, бывшую преддверием Нижегородской. Именно сюда, на холуйские ярмарки, ивановские и шуйские фабриканты привозили огромные партии ситцев, а владимирские деревообделочники — по нескольку сот возов деревянной посуды. Холуйская слобода служила центром распределения различных товаров — мануфактурных, галантерейных, бакалейных — между офенями, разъезжавшимися отсюда по территории всей страны.

Особенности иконописного промысла и относительно высокие заработки ремесленников отражались на образе жизни населения. Почти все иконописцы были грамотными. Среди деревянных домов виднелось немало двух- и трехэтажных с красивой резьбой и росписью. Комнаты домов были оклеены обоями, а иногда украшены дешевыми картинами. В домашнем обиходе были обычными стеклянная посуда, самовары, свечи. Мужское население носило нанковые сюртуки, сапоги и шляпы. Мясо было частым продуктом питания. Наряду с этими особенностями, ставившими население выше обычного крестьянского уровня, среди иконописцев наблюдались отрицательные последствия их промысла: чахотка и ранняя потеря зрения. Такие же экономические и бытовые условия были характерны для помещичьих сел Мстера и Палеха [59].

Описанные села наиболее рельефно вскрывают специфические черты Центрального промышленного района: они показывают, до какого хозяйственного и бытового уровня могла подняться государственная деревня в условиях наиболее передовой экономики дореформенного периода. Однако данные типы поселений не исчерпывали собой всего разнообразия крестьянской жизни. Рогачево и Плясцы, Вохна и Холуйская слобода были выдающимися торгово-промышленными центрами, подобно ярославскому селу Вятское, тверскому селу Мичково, Хрипилевской казенной вотчине в Костромской губернии и т. п. Гораздо чаще встречались деревни, менее крупные по числу жителей и хозяйственному значению; однако и в этих, нередко бедных, поселениях, в той или иной степени были развиты местные или отхожие промыслы. Примером такого распространенного типа деревенского поселения может служить село Станишино, Старицкого уезда Тверской губернии. Село находилось в 50 верстах от Твери, в 30 верстах от Старицы и в 4 верстах от Волги. На 270 ревизских душ здесь при-

[59] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, л. 93 и след.; Я. Соловьев. Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губернии (ЖМГИ, 1854, ч. LI, отд. III, стр. 1—28).

ходилось 1285 десятин земли с глинисто-известковой почвой, в том числе около 450 десятин неудобной для земледелия; другими словами, душевой надел составлял 3 десятины, в том числе 2 десятины пашни. Кроме обычных хлебов — ржи, ячменя и овса, крестьяне сеяли в небольшом количестве, для обеспечения своих домашних потребностей, лен и коноплю. Несмотря на достаточное количество скота, земледелие не могло прокормить населения Станишина, и крестьяне искали дополнительного заработка в отхожих промыслах: в середине 40-х годов 40 человек отправлялись весной в Вышний Волочок и нанимались на сплав барок до Петербурга: в столице они оставались на летние месяцы и занимались штукатурными, малярными, плотничными и другими работами; 20 человек нанимались в пастухи в Тверской и Московской губерниях; некоторые батрачили на полевых работах в окрестностях собственного села; 25 женщин уходили под Москву работать на огородах. В зимнее время многие плотничали в ближайших окрестностях и в городах. Заработок отхожих промышленников колебался от 70 рублей до 250 рублей на ассигнации (т. е. от 20 до 70 рублей на серебро).

В Станишине не было собственных базаров и только раз в году устраивалась незначительная ярмарка. Село производило впечатление бедного и неблагоустроенного. Избы были построены «по-белому» (т. е. с дымовыми трубами), но покрыты соломой и расположены хотя в одну линию, но вкривь и вкось. Крестьяне носили домотканную одежду и лапти, питались щами и молоком, только в большие праздники позволяя себе кашу и мясо [60]. Можно предполагать, что таков был преобладающий домашний обиход государственных крестьян, особенно в Костромской, Калужской и Рязанской губерниях.

Развитие производительных сил, которое наблюдалось в земледелии и промыслах Центрального промышленного района, было обязано массовым усилиям самого крестьянства и только в самой ничтожной степени — инициативе правительственных органов. Министерство Киселева не придавало большого значения местному земледелию и сосредоточивало главное внимание на развитии промыслов как на источнике дополнительного финансового обложения. В отличие от земледельческих районов, здесь не было организовано специальной учебной фермы, не создавалось показательных крестьянских хозяйств и не велось преподавания агрономических знаний. Сельскохозяйственные выставки в сущности регистрировали уже достигнутые улучшения; агрономическая литература не доходила до крестьянской массы; покупкой улучшенных семян пользовалась только небольшая группа населения деревни. Картофель стал распространяться раньше и независимо от административного нажима 40-х годов. Но и в области промышленности Министерство государственных имуществ не проявляло особой инициативы. Отчеты Палат щеголяли крупными цифрами крестьянских мальчиков, поступивших в ремесленное обучение, но эта массовая отдача детей промышленникам была результатом забот не министерских чиновников, а самих родителей. Управляющие Палатами не скрывали ничтожной роли государственных учреждений в развитии местных промыслов. Отвечая в 1847 году на запрос Министерства о мерах поощрения ремесел, ярославский управляющий отвечал, что «сельская промышленность по Ярославской губернии не требует в настоящее время никаких особых мер», так как улучшения вводятся «сами собою», а ярославские крестьяне достаточно сметливы, чтобы легко усвоить «всякий род новой и полезной для них промышленности». В том же духе отвечал управляющий Калужской палатой: «Так как все таковые различные промыслы государственных

[60] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 245—247.

крестьян Калужской губернии издавна уж укоренились и возбуждаются самой необходимостью по малоземелью и приобретаемыми выгодами от оных, то ни содействие, ни поощрения к развитию их со стороны правительства не оказываются нужными»[61].

Но если правительство мало способствовало совершенствованию приемов сельского хозяйства и промыслов, то в лице своих центральных и местных органов оно сделало очень много, чтобы помешать свободному и быстрому развитию экономики Центрального промышленного района.

В вопросе о переселении крестьян малоземельных обществ министерские органы заняли колеблющуюся позицию и в течение 18 лет не смогли организовать достаточно широкого перевода переселенцев в многоземельные губернии. Такие же колебания обнаружило Министерство в вопросе о системе крестьянского землепользования: развитие промышленности и начатки торгового земледелия разлагали крестьянскую общину, но Министерство, исходя из мотивов крепостнической политики, сохраняло общинное землепользование, которое стояло преградой на пути к агрономическим улучшениям. Крестьяне-промышленники нуждались в свободе передвижения и выборе занятий; Министерство, оставаясь верным реакционным принципам дореформенной политики, опутывало крестьянскую инициативу целой сетью обязательных разрешений, разнообразных видов паспортов и вынужденных поборов. Неравномерные натуральные повинности, изощренная система взяток и безудержный произвол высших и низших чиновников, начиная с управляющих Палатами и кончая сельской агентурой окружных начальников, процветали в Центральном промышленном районе не менее, чем в других районах. Малейший шаг в области хозяйственной жизни — уход на заработки, совершение торговой сделки, открытие нового предприятия — сопровождался необходимостью откупаться от всевластного и алчного чиновничества. Вся политика феодального управления и вся система крепостных отношений — с изъятием населенной земли из свободного оборота, а мелкого производителя из свободной хозяйственной жизни — стояла в резком противоречии с прогрессивными процессами, которые ярко проявлялись в Центральном промышленном районе. Именно здесь, в области наиболее передовой экономики, особенно резко ощущалось назревшее противоречие между закономерным ростом производительных сил и опутывавшими их феодальными отношениями.

6. Центральный черноземный район

В течение всего периода управления Киселева губернии Центрального черноземного района — Тульская, Орловская, Курская, Пензенская, Тамбовская и Воронежская — сохраняли значение одной из житниц, кормивших менее плодородные, расположенные к северу области. Чем больше развивалась промышленность нечерноземной полосы, тем сильнее обнаруживалась крупная земледельческая роль черноземного центра. Правда, почвенные и климатические условия этого края были не везде одинаковыми: в северных уездах Тульской, Пензенской и Тамбовской губерний тонкий слой чернозема перемежался с менее плодородными почвами; в Орловской губернии преобладали выщелочные черноземы; наиболее тучные богатые перегноем почвы лежали в Курской и Воронежской губерниях, особенно на запахиваемых участках степной целины. Чем дальше на юго-восток, тем суше становился умеренно мягкий климат, резче колебания температуры, чаще и губитель-

---

[61] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2184, л. 9; д. 2181, лл. 7—10.

нее засухи и неурожаи. Тем не менее наличие хлебных излишков, составлявших предмет оживленного товарообмена, было характерной и преобладающей чертой всего района. Ежегодно крупные партии зерна, муки и крупы переправлялись по судоходным притокам Оки и Волги — Суре, Зуше, Мокше, Цне и другим, так же как сухопутными трактами, шедшими в Московскую и Владимирскую губернии. Однако наряду с широким развитием сельского хозяйства и здесь все заметнее становилось влияние внеземледельческого отхода и местных деревенских промыслов: прогрессирующий процесс отделения промышленности от земледелия был ускорен усиливающимся малоземельем и растущим расслоением государственной деревни.

Так же как в центральных промышленных губерниях, крестьянские земли черноземного центра были сдавлены крупными помещичьими имениями и при данном уровне производительных сил не могли обеспечить прожиточного минимума земледельческому населению. За 24 года, истекших со времени 8-й ревизии, количество государственных крестьян мужского пола выросло с 1 609 339 до 2 020 218, т. е. на 25%; следовательно, прирост населения был вдвое больше, чем в семи соседних промышленных губерниях [62]. Соответственно понизился средний размер крестьянского надела, и в связи с неравномерным распределением земли между селениями повысился процент безземельных и малоземельных хозяев. На основании произведенных измерений налогово-оценочные комиссии дали следующие сведения о земельном обеспечении государственных крестьян черноземного центра (табл. 79).

Таблица 79

Распределение земли между государственными крестьянами Центрального черноземного района к 1858 году*
(в процентах ко всему населению деревни)

Размер душевого пая в десятинах	Губернии					
	Тульская	Орловская	Курская	Пензенская	Тамбовская	Воронежская
Менее 1	4,0	1,0	2,1	0,5	0,1	4,2
От 1 до 2	6,4	5,3	6,2	2,3	2,3	2,1
„ 2 „ 3	16,9	21,7	24,3	26,1	15,1	7,2
„ 3 „ 4	38,3	38,8	35,2	45,6	29,5	31,8
„ 4 „ 5	26,8	25,9	20,2	17,7	34,6	49,6
„ 5 „ 8	7,5	7,1	12,0	7,8	18,4	5,1
„ 8 „ 15	0,1	0,2	—	—	—	—
Более 15	—	—	—	—	—	—
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* МСР, III, стр. 133.

Судя по этим данным, более благоприятные условия с точки зрения земельного наделения крестьян наблюдались в Тамбовской и Воронежской губерниях, но и здесь средний надел не достигал минимальной 5-десятинной нормы. Гораздо хуже было положение в остальных губерниях, где более половины ревизских душ располагало наделом, не превышавшим 4 десятин [63]. Сопоставляя эти данные с цифровыми показа-

[62] Ср. П. Кеппен. Девятая равизия, стр. 189—200; МСР, IV, стр. 132—135.

[63] Ср. т. I настоящего труда, стр. 404 и 409, МСР, II, стр. 249, и III, стр. 134. Ср. данные об изменении размеров надела в главе III, стр. 209.

телями Центрального промышленного района, мы видим, что черноземные губернии были лучше обеспечены землей. Однако крайние прослойки деревенского населения, имевшие менее 1 и более 5 десятин, были представлены более крупными цифрами в Центральном черноземном районе[64]. Другими словами, неравномерность в распределении земель между государственными крестьянами была значительнее не в торгово-промышленных, а в земледельческих губерниях великорусского центра. Фактически эта неравномерность была еще больше, так как налогово-оценочные комиссии исключили из своего подсчета однодворцев четырех черноземных губерний: Тульской, Орловской, Курской и Тамбовской[65]. Между тем однодворческие селения располагали огромными пространствами «четвертных» земель, которые находились в подворном потомственном пользовании домохозяев. Свободно переходя из рук в руки на основании завещаний, дарственных записей и купчих крепостей, четвертные земли частью дробились на мелкие участки, частью концентрировались в руках немногих зажиточных крестьян. Степень распространения четвертного землевладения в 50-х годах можно более или менее точно выразить следующими цифрами (табл. 80)[66].

Таблица 80

Количество четвертных поместных земель у однодворцев Центрального черноземного района*

Губернии	Общее пространство надельной земли	Количество четвертных земель	% четвертных земель ко всему пространству
	в десятинах		
Тульская	344 665	84 476	24,5
Орловская	811 159	328 144	40,4
Курская	1 582 942	865 796	54,6
Пензенская	814 282	144 788	17,7
Тамбовская	1 735 121	312 966	18,0
Воронежская	2 413 608	104 328	4,3
Итого	7 701 777	1 840 498	23,8

* Поместными назывались четвертные земли, признававшиеся собственностью казны, в отличие от тех, которые на основании документов были признаны неограниченной собственностью однодворцев.

Как видим, особенно много четвертных земель было в Курской и Орловской губерниях, которые и без того отличались резкими контрастами между крупноземельными и малоземельными наделами крестьян.

Явлениями, неразрывно связанными с системой четвертного землевладения, были крайняя чересполосица земельных угодий и вытекавшие из нее нескончаемые споры между соседями. Полюбовное размежевание, проводившееся органами Министерства государственных имуществ,

[64] Исключение составляла одна Калужская губерния, имевшая высокий процент многоземельных крестьян, но отличавшаяся наименее плодородной почвой в Центральном промышленном районе.

[65] МСР, III, стр. 132.

[66] Общее пространство надельных земель вычислено умножением душевого пая 1857 года на количество ревизских душ по 10-й ревизии (МСР, II, стр. 249; III, стр. 159—160). Количество четвертных земель было учтено в 1850 году, но, поскольку с этого года была прекращена ликвидация четвертного землевладения, размеры четвертного земельного фонда в основном сохранились и в последующие годы (МСР, I, стр. 109, 112). Душевой пай по Воронежской губернии дан в исправленной цифре (МСР, III, стр. 132).

не только не ликвидировало этого бедствия государственной деревни, но даже не смогло охватить значительной территории казенных имений: по данным 1850 года, количество селений, страдавших от чересполосицы, больше чем вдвое превосходило цифру селений, отмежеванных в границы «единственного владения» (табл. 81).

Таблица 81

Степень распространения чересполосицы среди однодворцев*

Губернии	Количество селений		
	в единственном владении	в чересполосном владении	итого
Тульская	86	206	292
Орловская	238	749	987
Курская	229	1 039	1 268
Пензенская	132	78	210
Тамбовская	98	74	172
Воронежская	70	104	174
Всего	853	2250	3 103

* МСР, I, стр. 112.

И в этом отношении наименее выгодными условиями для ведения крестьянского хозяйства отличалась перенаселенная и запутанная в земельных тяжбах Курская губерния.

Несмотря на малоземелье и чересполосицу, крестьяне черноземного центра прилагали все усилия, чтобы укрепить свое сельское хозяйство, используя благоприятные природные и рыночные условия своего края. Налогово-оценочные комиссии и сторонние наблюдатели 40—50-х годов отмечали упорное стремление крестьян расширить посевную площадь за счет кустарников, лугов и нетронутого степного пространства. Так же как в Центральном промышленном районе, крестьяне восполняли недостаток земли арендой соседних угодий; и здесь существовали установившиеся арендные цены, которые колебались в зависимости от качества почвы и способа ее обработки[67]. Более зажиточная часть крестьян прикупала землю и владела ею как личной собственностью на основании закона 1801 года (табл 82).

Таблица 82

Крестьяне-собственники Центрального черноземного района*

Губернии	Количество	
	крестьян-собственников	принадлежавшей им земли (в десятинах)
Тульская	3 389	9 998
Орловская	8 728	24 681
Курская	17 216	28 086
Пензенская	3 421	4 492
Тамбовская	5 013	21 432
Воронежская	2 180	9 702

* В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 10—11.

[67] Например, в Тамбовской губернии песчаные почвы сдавались под рожь за плату от 1 рубля до 1 рубля 80 копеек, под яровое — от 70 копеек до 1 рубля 30 копеек, черноземные под рожь — от 3 рублей 40 копеек до 4 рублей 70 копеек, под яровое — от 2 рублей 30 копеек до 3 рублей 70 копеек (МСР, II, стр. 234—235).

В 1855 году посевная площадь в губерниях Центрального черноземного района значительно превосходила и размерами засеянных полей, и количеством десятин на ревизскую душу губернии нечерноземной полосы России (табл. 83).

Таблица 83

Посевная площадь у государственных крестьян Центрального черноземного района в 1855 году *

Губернии	Десятин	
	всего	на ревизскую душу
Тульская	180 533	2,07
Орловская	453 815	2,06
Курская	870 342	2,17
Пензенская	466 047	2,02
Тамбовская	860 184	2,18
Воронежская	1 426 745	2.67

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I—II.

Насколько росли размеры крестьянских посевов показывают сведения министерских отчетов за 1843—1855 годы (табл. 84).

Таблица 84

Посевы государственных крестьян Центрального черноземного района (в четвертях) *

Губернии	1843 г.	1846 г.	1849 г.	1852 г.	1855 г.
Тульская					
Посеяно: всего	254 959	274 450	307 412	315 256	320 156
на ревизскую душу	3,14	3,49	3,98	3,61	3,68
Орловская					
Посеяно: всего	581 675	691 117	819 168	782 185	791 203
на ревизскую душу	3,01	3,51	4,25	3,58	3,69
Курская					
Посеяно: всего	876 437	888 128	925 846	943 764	985 247
на ревизскую душу	1,86	1,88	2,68	2,35	2,45
Воронежская					
Посеяно: всего	1 253 692	1 340 725	1 459 610	1 647 508	1 783 187
на ревизскую душу	2,79	3,00	3,20	3,09	3,38
Пензенская					
Посеяно: всего	636 256	673 147	726 192	736 362	730 610
на ревизскую душу	3,23	3,43	3,78	3,20	3,24
Тамбовская					
Посеяно: всего	1 030 635	1 103 556	1 091 897	1 130 619	1 160 846
на ревизскую душу	2,95	3,15	3,18	2,86	2,98

* Отч., 1843, 1846, 1849, 1852, 1855 гг.

Несмотря на временные колебания, вызывавшиеся иногда недостатком семян в неурожайные годы, а иногда недостатком работников в период войны, ясно проявлялась тенденция к возрастанию размера посевов. Особенно выделялись абсолютной величиной посевов наиболее плодородные губернии — Воронежская, Курская и Тамбовская, а относительной на ревизскую душу — губернии менее населенные: Тульская и Орловская.

На всем этом пространстве почти безраздельно господствовала традиционная трехпольная система. Только немногие зажиточные хозяйства выделяли особое, четвертое поле, на котором сеяли травы, да в чересполосных районах Курской губернии встречалась запольная или разноклинная система с ежегодными посевами зерновых хлебов, сильно истощавшими черноземную почву. В некоторых местах истощенную землю каждые 6 лет оставляли на тот же срок под залежь. Преобладающими культурами в северных и центральных уездах были рожь на озимом и овес на яровом. В южной части черноземного центра, особенно в плодородной Воронежской губернии, широко применялись посевы разнообразных сортов пшеницы, как озимой, так и яровой: турки, гирки, кубанки и пр. В меньшем количестве разводили ячмень, горох, просо и чечевицу. На огородах повсеместно возделывали коноплю и в меньшей степени — лен. Развитие свеклосахарных заводов способствовало все увеличивающимся посевам свекловицы. Во многих селениях можно было встретить участки, засеянные дешевым табаком. На воронежском черноземе распространялись посевы подсолнечника. Экспонаты сельскохозяйственных выставок, которые чаще всего устраивались в Лебедяни Тамбовской губернии, знакомили с попытками отдельных крестьян преодолеть вековую рутину и начать разведение доходных масличных культур: мадии, мака и репы. Усиливающийся недостаток лугов и пастбищ заставлял некоторую часть крестьян переходить к посевам кормовых трав: клевера, тимофеевки, кормового горошка и др.

Государственные крестьяне, сидевшие на черноземе, привыкли из поколения в поколение обходиться без удобрения почвы; навоз за ненадобностью сваливали в овраги, создавая этим опасные очаги эпидемий. Пахали одноконной сохой, озимое поле — дважды (во второй половине июня и около начала августа), яровое — один раз, сейчас же после стаяния снега. Плуг с двойной воловьей упряжкой применялся только на юге, в украинских селениях, на тучных тяжелых почвах. Бороновали самодельной деревянной бороной, первый раз одновременно с пахотой, второй раз — после забрасывания семян. В Курской губернии при первой вспашке к поясу пахаря обыкновенно привязывали лошадь, запряженную в борону и следовавшую за одной или двумя сохами. Рожь снимали серпом, овес — косой с прикрепленными граблями. Молотили цепом, чаще всего в поле, сыромолотом. Веяли примитивным способом — на лопатах. Зерно нередко хранили в земляных ямах, предварительно выжженных соломой, обложенных берестой и после ссыпки покрытых хворостом и землей.

На этом фоне примитивной прадедовской техники были заметны некоторые, хотя и небольшие, сдвиги. Постепенное истощение почвы, особенно в северных уездах, заставляло унавоживать не только коноплянники, но частью и полевые угодья. Местами на твердом грунте переходили к троению озимой пашни. Более предприимчивые крестьяне вводили некоторые улучшения в земледельческих орудиях: взамен старой сохи применяли «оралку» с двумя сошниками, вместо деревянной бороны — железную; при уборке ржи начали заменять серп косой; к деревянным цепам приделывали железные била; у богатых хозяев стали изредка появляться молотилки и веялки. Распространение масличных растений и свекловицы приучало крестьян к более тщательной обработке почвы.

Сельскохозяйственные выставки показывают неустанные усилия более обеспеченного слоя деревни вырастить лучшие сорта зерновых хлебов и технических культур: и в Лебедяни, и в Воронеже, и в Коренной пустыне Курской губернии экспоненты из государственных крестьян получали награды за хорошие образцы ячменя, проса, гречихи, кормовых трав и т. д. К той же категории начинаний, пробивавших дорогу к подъему производительных сил черноземного центра, надо отнести выжигание болот и освоение осушенной земли под пашни, практиковавшееся в Курской губернии, заведение овинов и риг там, где господствовала молотьба сыромолотом, усовершенствование ветряных мельниц и пр. Однако все эти нововведения мало изменяли общую картину застойной техники, которая поддерживалась условиями феодального строя: гнетом повинностей, малоземельем, системой подавляющей чиновничьей опеки, бедностью и косностью крестьян [68].

Владельцы крупных полевых угодий, так же как торговцы и промышленники, отлучавшиеся на длительные сроки, не могли обойтись без найма сельскохозяйственных рабочих. Как и другие районы, центральные черноземные губернии знали определенные цены на рабочую силу: например, в Курской губернии годовому работнику платили 26 рублей серебром, а в случае выдачи хозяйской одежды — от 15 до 20 рублей серебром. Средняя поденная плата колебалась в зависимости от времени года и характера работы: мужчины получали от 5 до 30 копеек, женщины — от 3 до 18 копеек [69].

Хорошей обработке почвы мешал невысокий уровень состояния скотоводства. За исключением Воронежской губернии, Центральный черноземный район страдал недостатком лугов и пастбищ. Естественные луга были большей частью распаханы, а поемные — по берегам небольших рек — не могли сравняться по качеству своего сена с заливными лугами промышленных губерний, по берегам Оки и Волги. Судя по описанию Курской налогово-оценочной комиссии, уход за крестьянским скотом оставлял желать лучшего. С апреля до октября скот держали на подножном корму, осенью и зимой — в плетневых холодных сараях. Жеребят уже на 3-й год запрягали в борону, а на 4-й — употребляли в тяжелые работы. Зимой скот кормили гречишной и в лучшем случае овсяной со-

[68] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 216—226, 228—245; ч. II, лл. 28—62, 355—364; Выставка сельских произведений в Туле 1851 г. (ЖМГИ, 1852, ч. XLII, отд. I, стр. 147—160); Выставки в г. Лебедяни (ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 63, 1847, ч. XXII, отд. I, стр. 194—221; 1848, ч. XXVI, отд. II, стр. 98—116; 1850, ч. XXXV, отд. II, стр. 159—162; 1855, ч. LV, отд. II, стр. 11—23); Воронежская выставка сельских произведений в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. L, отд. II, стр. 101—158); А. Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда. СПб., 1859; Агроном Ад. Марковский. Отчет о сельскохозяйственном путешествии по Пензенской губернии (ЖМГИ, 1852, ч. XLII, отд. I, стр. 279); Взгляд на сельское хозяйство Курской губернии (ЖМГИ, 1850, ч. XXXVII, отд. II, стр. 101—131, 181—196); М. Хозиков. Статистический очерк Тамбовской губернии (ЖМГИ, 1849, ч. XXXI, отд. II, стр. 137—154; ч. XXXII, отд. II, стр. 153—163); П. Морозов. Статистическое и хозяйственное описание Городищенского уезда Пензенской губернии (ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, отд. II, стр. 92—93); Хозяйственно-статистическое обозрение Тульской губернии (ЖМГИ, 1849, ч. XXXI, отд. II, стр. 231—246); *К. В.* Хозяйственно-статистическое обозрение Пензенской губернии (ЖМГИ, 1850, ч. XXXIV, отд. II, стр. 90—107); В. Волков. Промышленность Орловской губернии (ЖМГИ, 1848, ч. XXVIII, отд. II, стр. 128—165; ч. XXIX, отд. II, стр. 124—165, 183—210); 1849, ч. XXX, отд. I, стр. 62—87; А. Курбатов. Заметка к статье: Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда («Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XXIX. Тамбов, 1890, стр. 77—78); *Г. А. Д.* Очерк Валуйского уезда Воронежской губернии (ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, отд. II, стр. 62—78); Б. Любанский. Отчет об агрономическом путешествии по Воронежскому и Землянскому уездам Воронежской губернии (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. IV, стр. 63—88); Сталь. Пензенская губерния, ч. I—II. СПб., 1867—1868. В. Михалевич. Воронежская губерния, СПб., 1862.

[69] Взгляд на сельское хозяйство Курской губернии (ЖМГИ, 1850, ч. XXXVII, отд. II, стр. 111).

ломой с некоторой прибавкой сена; овес давали редко, только во время извозов. Жеребых маток тоже кормили скудно и почти до самого жеребения держали в упряжке. Более заботливо ухаживали за молодыми телятами и ягнившимися овцами, которых зимой держали в хатах [70]. Помощью случных пунктов пользовались только немногие зажиточные хозяева. Как правило, крестьянский скот черноземного центра был малорослым и слабосильным, рано делался непригодным к работе и легко поддавался заболеваниям. О количестве скота у государственных крестьян можно судить по данным Пензенской палаты (табл. 85).

Таблица 85

Количество скота у государственных крестьян Пензенской губернии *

Количество	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.
Лошадей:	116 248	116 948	120 000	124 740
на ревизскую душу	0,50	0,50	0,52	0,54
на двор	2,0	2,0	2,08	2,16
Рогатого скота:	73 927	93 881	107 750	111 300
на ревизскую душу	0,32	0,40	0,46	0,48
на двор	1,28	1,60	1,84	1,92
Итого:				
Крупного скота на двор	3,28	3,60	3,92	4,08
Мелкого скота:	320 815	312 714	457 409	472 500
на ревизскую душу	1,39	1,35	1,98	2,05
на двор	5,56	5,40	7,92	8,20

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 49.— Количество скота на ревизскую душу вычислено на основании данных 9-й ревизии 1850 г. (230 200 ревизских душ), количество скота на двор установлено приблизительно из расчета 4 ревизских души на двор.

В Тамбовской губернии по отчетным данным 1855 года крупного скота было 480 752 головы (т. е. 1,21 на ревизскую душу, или 4,84 на двор) и мелкого —721 539 голов (т. е. 1,82 на душу, или 7,28 на двор) [71]. Таким образом, черноземные губернии превосходили Озерный край и Центральный промышленный район поголовьем мелкого скота, но уступали им в обеспечении крестьянского двора рогатым скотом. Несмотря на большое количество лошадей, общая сумма крупного скота у пензенских крестьян приближалась к цифрам промышленного района и была значительно меньше, чем в северо-западных губерниях. Более благоприятными условиями для скотоводства располагала Воронежская губерния: здесь оставались еще не распаханные степи и большие деревенские выгоны, сохранялась заведенная при Петре I порода сильных рабочих лошадей — битюгов (хотя современники отмечали вырождение этой породы в результате невыгодных скрещиваний и дурного ухода), разводились крупные стада лошадей, коров и овец, рассчитанные на массовый сбыт. Тем не менее и здесь степень обеспеченности скотом была не выше Пензенской и Тамбовской губерний: в Валуйском уезде, который считался одним из

[70] Взгляд на сельское хозяйство Курской губернии (ЖМГИ, 1850, ч. XXXVII, отд. II, стр. 186—190). Ср. А. Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда, стр. 100.

[71] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, стр. 355—364.— В тамбовской государственной деревне по 9-й ревизии числилось 428 435 ревизских душ.

наиболее развитых животноводческих районов, в конце 40-х годов казенные и помещичьи крестьяне имели в среднем по 1 лошади, по 2 головы рогатого скота и по 3 овцы на двор [72].

Одной из причин медленного роста поголовья скота было распространение эпизоотий: по скотопрогонным дорогам гнали на север из донских, саратовских и астраханских степей многочисленные гурты волов, коров и телят; эти стада заносили с собой сибирскую язву и другие болезни, которые влекли за собой массовые падежи скота. В одной Пензенской губернии за 1852—1855 годы государственные крестьяне потеряли 16 944 головы рогатого скота [73].

Учитывая, что в Черноземном земледельческом районе на тяглую силу падало больше работы, нельзя признать количество местного крестьянского скота достаточным для ведения сельского хозяйства. Даже там, где крестьяне сознавали необходимость удобрения, они имели в своем распоряжении ограниченное количество навоза. В некоторых местах навоз заменяли просто соломой, а в Орловской губернии некоторые селения прибегали к «естественному зеленому удобрению», запахивая под озимь поле, предварительно засеянное гречихой.

Недостаток удобрения и примитивная обработка пашни при наличии засух, градобитий и вредителей сильно понижали урожайность черноземного центра. Налогово-оценочные комиссии и современные наблюдатели определяли урожай местной ржи и пшеницы цифрами сам-6 — сам-15, а овса — сам-5— сам-10. Отчетные данные показывают, что такие высокие урожаи наблюдались только в счастливые годы на лучших и хорошо обработанных землях. Средний уровень урожайности в большинстве губерний равнялся 3—4 зернам на зерно посева. В этом отношении типичными были сведения об урожае, доставляемые из Пензенской губернии: в 1852 году озимые и яровые хлеба этого района дали урожай сам-4,5; в 1853 году — сам-4; в 1854 году озимый клин дал сам-2 с долями, яровой — сам-2; в 1855 году с озимых полей был собран урожай сам-3, а с яровых не было получено даже семян. Выше всего были урожаи в наиболее плодородных губерниях — Курской и особенно Воронежской, но и здесь в результате неблагоприятных климатических условий бывали настоящие бедствия: в 1855 году курские поля государственных крестьян дали в озимом клину сам-2,5, в яровом — сам-1,5, а воронежские — сам-2 с долями в озимом и сам-1 — в яровом. По официальным данным средний урожай воронежских полей за десятилетие 1848—1857 годов составлял сам-3,5 озимого и сам-2,8 ярового хлеба [74].

Тем не менее благодаря более обширной посевной площади и густоте посева даже такие невысокие урожаи обеспечивали государственным крестьянам хлебные излишки, которые могли быть использованы для продажи. Например, в Пензенской губернии в 1852 году при урожае сам-4,5 крестьяне получили на ревизскую душу по 15,02 четверти зерна; в 1854 году даже при плохом урожае (сам-2 ярового и сам-2 с долями озимого) на ревизскую душу приходилось по 7,6 четвертей. До такого уровня не поднимались итоги хлебопашества ни в северных, ни в озерных, ни в центральных промышленных губерниях [75].

Если исходить из годовой продовольственной нормы, принятой оценочной комиссией (15 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 1 четверть гречихи

---

[72] В. Михалевич. Воронежская губерния, стр. 216—230; *Г. А. Д.* Очерк Валуйского уезда Воронежской губернии (ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, отд. II, стр. 70).

[73] Сталь. Пензенская губерния, ч. II, стр. 356; С. Лашкарев. Статистический очерк торговли скотом в С.-Петербурге (ЖМГИ, 1849, ч. XXX, отд. I, стр. 243—258).

[74] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 47; ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 38—62, 152—161. Ср. В. Михалевич. Воронежская губерния, стр. 194; Сталь. Пензенская губерния, ч. I, стр. 427.

[75] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 47.

на семейство из 4 ревизских душ), то окажется, что, за исключением семян и запасного хлеба, крестьянский двор мог доставить на рынок в 1852 году 25 четвертей зерна. При переводе на деньги это даст приблизительно 25—28 рублей серебром [76].

Известным подспорьем в крестьянском хозяйстве служило огородничество. Особенно широко распространялось разведение картофеля, который служил не только предметом потребления, но и сбывался на рынок, частью жителям городов, частью на крахмально-паточные заводы. Некоторые крестьяне самостоятельно изготовляли из картофеля муку и крахмал. Картофель сажали главным образом в огородах, но частично и на полях. По отчетам Палат, степень распространения картофеля в 1855 году достигла следующего уровня (табл. 86).

Таблица 86

Распространение кортофеля в Центральном черноземном районе в 1855 году*

Количество картофеля (в четвертях)	Губернии					
	Тульская	Орловская	Курская	Пензенская	Тамбовская	Воронежская
Посажено	24 184	69 068	101 588	62 164	84 045	140 815
Собрано	116 838	226 701	268 196	194 929	244 789	531 512

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, чч. I—II (отчеты Палат соответствующих губерний).

Как видим, особенно выделялась своими посевами Воронежская губерния, в которой более трети картофеля (50 375 четвертей) было посажено на полевых угодьях.

Огородные овощи разводились на сбыт в подгородных селениях, например, в деревне Монастырщенка, около Воронежа; здесь крестьяне устраивали парники, в которых выращивали ранние огурцы, салат и другую зелень. В Курской и Воронежской губерниях существовали большие бахчи, которые давали богатые урожаи арбузов и дынь, тоже поступавших на продажу.

Садоводство было развито преимущественно в Курской и Тамбовской губерниях, где крестьяне разводили на сбыт разнообразные сорта яблонь и груш, вишневые деревья, ягодные кусты. По подсчетам местной Палаты, в Тамбовской губернии в 1855 году государственным крестьянам принадлежало 3788 фруктовых садов; площадь, занятая этими садами, составляла 1093 десятины, а количество плодовых деревьев равнялось 966 849 корням. Но и в других губерниях при наличии благоприятных условий крестьяне извлекали дополнительные доходы из садоводства: например, в Пензенской губернии славились своими садами селения Рамзай, Мозыринка и Блохино.

Вырубка лесов отрицательно сказалась на развитии крестьянского пчеловодства: резко сократилось количество лесных бортей, а пасеки стали больше страдать от ветров и засух. К тому же песчаное пчеловодство было поставлено крайне примитивно и сопровождалось гибелью огромного количества пчел. Тем не менее во всех черноземных губерниях это был тоже источник дополнительного дохода: например, в Орловской губернии у государственных крестьян в конце 40-х годов насчитывалось 33 тысячи ульев, а в Курской губернии в середине 50-х годов — до 70 ты-

[76] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, л. 483; МСР, II, стр. 210—216.— При денежном расчете принято, что половину излишка составляла рожь и половину — овес и гречиха.

сяч ульев; некоторые зажиточные крестьяне в Задонском и Бирюченском уездах Воронежской губернии имели по 500—700 колод.

Наконец, не ограничиваясь разведением домашней птицы для собственного потребления, подгородные крестьяне имели кур, гусей, уток для продажи городским потребителям [77].

Таким образом, государственная деревня Центрального черноземного района была связана многообразными нитями с сельскохозяйственным рынком: через посредство скупщиков или непосредственно на сельских ярмарках и базарах крестьяне сбывали зерно, муку, льняное, конопляное и подсолнечное семя, крупный и мелкий скот, кожи, шерсть, овощи, фрукты, продукты пчеловодства и домашнюю птицу. Судя по отчетным данным местных Палат и экономическим описаниям современников, после ревизии 1836—1837 годов рыночные связи крестьян значительно расширились и окрепли. Еще более выросло значение перевалочных и ссыпных пунктов, куда стекались крупные партии хлеба, сала и других сельскохозяйственных продуктов. В Орловской губернии такими центрами служили преимущественно Елец, Ливны и Мценск, а также судоходные пристани по Оке и ее притокам. В Пензенской губернии такую роль играли пристани по Суре и Мокше; в Тамбовской — главное хозяйственное значение сохранилось за Моршанском и Козловым. Наряду с движением хлеба на север, в промышленные губернии и вывозные порты, в Воронежской губернии наметилось другое направление — на юг, для обеспечения нужд кавказской армии и для заграничного вывоза через Таганрогский порт. Кроме того, значительная часть ржи потреблялась местными винокуренными заводами. Справочные цены на сельскохозяйственные продукты в 1847—1851 годах стояли на следующем среднем уровне (табл. 87).

Таблица 87

Средние цены в Центральном черноземном районе *
(на серебро)

Губернии	Рожь (четверть)		Ржаная мука (куль)		Пшеница (четверть)		Гречневая крупа (четверть)		Овес (куль)		Сено (пуд)
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	коп.
Тульская	2	52	2	73	5	21	4	16	1	70	18
Орловская	2	41	2	71	6	08	3	66	1	69	16
Курская	2	30	2	12	4	92	3	11	1	39	14
Воронежская . . .	2	38	2	48	4	39	3	31	1	64	15
Пензенская . . .	2	42	2	58	—	—	3	30	1	41	17
Тамбовская	2	42	2	65	5	42	3	85	1	59	15

* Ал. Егунов. О средних ценах на главные жизненные потребности в России за последнее пятилетие («Отечественные записки», 1852, октябрь, табл. IV).— Налогово-оценочные комиссии находили эти цены завышенными (МСР, II, стр. 207 и след.).

Оживленный товарообмен создал в среде государственного крестьянства специальную прослойку мелких и крупных торговцев, которых в одной Орловской губернии насчитывалось во второй половине 40-х годов 675 человек. И здесь, так же как в Центральном промышленном районе, выделились специальные категории скупщиков хлеба, сала, скота и других продуктов, служившие посредниками между мелкими сельскими товаропроизводителями и городскими оптовыми купцами;

[77] См. выше перечень работ о хлебопашестве.

так же, как всюду, эти торговцы сильно сбивали цены на крестьянские продукты.

И здесь, на плодородном черноземе, основная масса крестьян, страдая от малоземелья и бедности, нуждалась в дополнительном заработке. Прогрессирующее отделение промышленности от земледелия помогало крестьянину, не покидая родного дома, расширить доходную часть своего бюджета. Наличие излишков от земледелия и скотоводства создало в районе мелкую сельскохозяйственную индустрию. Повсюду можно было видеть ветряные и водяные мельницы, которые мололи зерно не только для потребления населения, но и для массового сбыта ржаной и пшеничной муки. Повсеместные посевы конопли были источником не только торговли конопляным семенем, но и широкого развития пенькового промысла: крестьяне трепали пеньку, изготовляли из нее пряжу, а из пряжи сучили веревки и канаты. Из конопляного и подсолнечного семени выбивали растительное масло. На небольших крупорушках изготовлялась гречневая и просяная крупа. На мелких салотопнях гнали сало. Местами дубили кожу, пряли шерсть и ткали из нее кушаки, перчатки, чулки, дешевые сукна. В лесистых местностях, например в западных уездах Орловской губернии, делали из дерева бочки, телеги, сани, посуду, приготовляли мочала, кульки, рогожи. По берегам рек занимались рыболовством. Там, где были запасы глины, существовал горшечный промысел; там, где встречался известняк, ломали и продавали камень. В Пензенской губернии кое-где добывали железную руду. В северных уездах Тульской губернии, по соседству с московским мануфактурным районом и тульскими металлообрабатывающими заводами, были распространены бумажное ткачество и слесарное производство.

Наряду с местными промыслами развивался отход в ближайшие города и сельские районы. Так же как в центральных промышленных губерниях, деревня и город черноземного центра обслуживались сельскими ремесленниками различных специальностей: портными, сапожниками, плотниками, печниками, кровельщиками, слесарями, стекольщиками и пр. Часть крестьян расходилась по уездам в качестве каменщиков и чернорабочих. Некоторые нанимались на сельские работы — пастухами, пильщиками, рабочими мельниц. Многие находили себе заработок на местных кирпичных, винокуренных и свеклосахарных заводах. Другие шли дальше, в крупные промышленные города: Тулу, Москву и Петербург [78].

Судоходство по сплавным рекам притягивало к пристаням большое количество строительных рабочих. На одной Суре, главной водной артерии Пензенской губернии, ежегодно строились разнообразные типы грузовых судов: «суряки», «расшивы», «гусянки», барки и полубарки; вместе с «коломенками», «унженками» и «тихвинками», которые доставлялись с Волги и Камы, эти суда нагружались местными сельскохозяйственными товарами и поднимались на Волгу в сопровождении лоцманов, водоливов и «коренных рабочих». В летнюю навигацию 1851 года таких отходников, отпущенных на Суру из государственной деревни, насчитывалось 1656 человек. Заработная плата, которую они получали, варьировалась в зависимости от расстояния и рода работы: лоцман, водивший суда от Васильсурска до Пензы, зарабатывал 15 рублей серебром, от Пензы до Рыбинска —35—40 рублей, от Пензы до Петербурга —30—60 рублей; коренные рабочие получали меньше — от 5 рублей 14 копеек до 25 рублей серебром [79]. В Орловской губернии, на Десне и Оке во второй половине 40-х годов было занято бурлачеством 1377 государ-

---

[78] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1839 г., д. 1705; ф. III Д, 1844 г., д. 2183, лл. 4—9; 1856 г., д. 6680, чч. I—II (отчеты Палат соответствующих губерний).

[79] Сталь. Пензенская губерния, ч. I, стр. 122—145.

ственных крестьян. В не меньшей степени было развито бурлачество по Суре, Мокше и Цне — в Пензенской и Тамбовской губерниях, по Дону, Воронежу и Хопру — в губернии Воронежской.

Широкое распространение по-прежнему имели извозы. По всем сухопутным трактам, шедшим на север и на юг, особенно в Москву, в Калужскую и Смоленскую губернии, в Харьков и Ростов-на-Дону, зимой и летом двигались обозы, нагруженные хлебом и сопровождаемые возчиками из крестьян. В одной Орловской губернии в 40-е годы дополнительным доходом от извозов пользовалось более тысячи государственных крестьян. Особый промысел в украинских селах Воронежской и Курской губерний составляло чумачество: в течение нескольких месяцев, с ранней весны и до глубокой осени, странствовали чумаки по степным дорогам, перевозя на волах разнообразные грузы.

К числу сезонных работ принадлежал массовый отход на полевые работы: из всех черноземных губерний, за исключением Тульской, тяготевшей больше к Москве, выходили на косовицу и уборку урожая в донские и заволжские степи многие тысячи государственных крестьян.

О степени развития отхожих промыслов в губерниях черноземного центра можно судить по данным паспортной статистики (табл. 88).

Таблица 88

Количество паспортов и билетов, выбранных государственными крестьянами Центрального черноземного района в 1845 году*

Губернии	Выбравших паспорта и билеты	% к числу ревизских душ
Тульская	7 253	8,9
Орловская	10 385	5,3
Курская	55 172	11,7
Пензенская	41 997	21,3
Тамбовская	34 491	9,8
Воронежская	66 374	14,5
Итого	215 672	12,2

* Отч., 1845 г.

В табл. 88 обращают на себя внимание значительные размеры отхода из южных и восточных губерний, граничивших с районами развитого экстенсивного земледелия: именно сюда направлялись в летние месяцы значительные отряды сельскохозяйственных рабочих. Судя по отчетам Орловской палаты, число крестьян, уходивших на заработки, постепенно возрастало: если в 1845 году из орловских казенных деревень уходило 10 385 человек, то в 1850 году — уже 15 235, а в 1854 году — 17 019 человек [80].

Промысловая деятельность государственных крестьян Центрального черноземного района была далекой от масштабов соседних промышленных губерний. С ее размерами и удельным весом знакомит специальное обследование, произведенное во второй половине 40-х годов в Орловской губернии: здесь из 194 978 крестьян всех категорий участвовало в промыслах 21 375 человек, т. е. 10,9%, а если мы вычтем число сельскохозяй-

[80] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 271.

ственных «промышленников» (пастухов, пчеловодов и пр.), то 17 966 человек, т. е. 9,2%. Вычисляя отношение промышленников к числу работников мужского пола, мы получим в первом случае 19,2%, во втором — 16,1% производительного мужского населения деревни, т. е. цифры, в 4—5 раз меньше, чем в Московской, Владимирской и других промышленных губерниях[81]. При этом промысловая деятельность была развита преимущественно среди государственных крестьян, так как крестьяне помещичьих имений, сидевшие на барщине, отпускались помещиками почти исключительно на зимние извозы и частично — на бурлацкий промысел (в последнем случае, видимо, уходили беднейшие и наименее ценные тяглецы). С другой стороны, промыслы были развиты значительно шире не в восточных, а в менее плодородных западных и средних уездах. Таким образом, степень развития промыслов зависела и от социально-экономических, и от природных условий. К числу первых следует отнести не только влияние оброчной системы, но также воздействие промышленно развитых районов и степень обеспеченности крестьян земельным наделом. Суммируя все эти данные, необходимо подчеркнуть сохранявшееся деление Центрального черноземного района на две заметно отличавшиеся полосы: северную, в которую входили Тульская и бо́льшая часть Орловской, Пензенской и Тамбовской губерний, и южную, охватывавшую Курскую, Воронежскую и прилегающие к ним уезды соседних губерний. Промысловая деятельность государственных крестьян была значительно богаче и разнообразнее в первой полосе, чем во второй, имевшей резче выраженный земледельческий профиль.

Сельскую промышленность черноземного центра характеризовали не только меньшие количественные масштабы, но и более слабое проникновение новых капиталистических отношений: тут не было такого широкого развития рассеянной мануфактуры, какое отличало Московскую, Владимирскую и другие промышленные губернии. Местное ремесло в большей степени сохраняло здесь характер самостоятельного товарного производства. Однако и в черноземном районе мы видим начальные стадии тех процессов, какие мы наблюдали в промышленном центре: экономическую зависимость мелкого производителя от скупщика, перерастание торговца в промышленного предпринимателя, образование кадров домашних рабочих, обслуживающих фабрики и заводы. В качестве примера можно привести, по данным того же орловского обследования, организацию трех распространенных промыслов: выбивки масла, трепания пеньки и изготовления из нее пряжи.

Обыкновенно крестьянская маслобойня представляла собой небольшую специально построенную избу с печью и несложным инвентарем (ступы с толкачом, рушенки для размельчения семени и т. д.) общей стоимостью приблизительно в 42 рубля серебром. Выбивка масла производилась зимой в течение $2^1/_2$ месяцев двумя работниками — хозяином и одним наемным помощником, получавшим по 15 копеек серебром в день. В губернии насчитывалось 1923 маслобойни. Некоторые из них пользовались семенами собственных конопляников, — в этом случае, очевидно, крестьянин соединял в своем лице мелкого промышленника и обладателя более обширных угодий, т. е. принадлежал к зажиточной прослойке деревни. Чаще владелец маслобойни выбивал масло из конопляного семени, доставляемого скупщиком, и получал от него вознаграждение деньгами или натурой, «жмаками» (выжимками), которые охотно покупались крестьянами и употреблялись ими в пищу. Годовая прибыль хозяина маслобойни составляла приблизительно 20 рублей серебром.

[81] При вычислении процента промышленников к числу работников было взято за основание отношение работников к количеству ревизских душ Ярославской губернии, наиболее близкой к черноземному центру по степени развития земледелия (57%).

Таким образом, перед нами — промысел, мало отличавшийся от обычного ремесла, постепенно подчинявшегося торговому капиталу.

Гораздо сложнее по своей технической и социальной структуре была сельская прядильная промышленность. Обыкновенно для прядильни строился деревянный или плетневый сарай, в котором помещались один или несколько станов. Оборудование каждого стана было крайне простое и стоило не более 8 рублей серебром: «щетка» (брусок с гвоздями) для расчесывания пакли, «вьюха» для наматывания пряжи, «смогальцы» (веревки) для пропускания очищенной пряжи и пр. Работа на стане была разделена между 7 рабочими: 2 бородильщика расчесывали пряжу и завязывали ее с обоих концов в виде «бороды», 4 прядильщика вытягивали из нее нитки, а 1 колесник окончательно очищал продукцию от кострики и наматывал на вьюху. Сырье доставлялось городскими прядильнями, канатными заводами, а частью — скупщиками, платившими за каждый пуд изготовленной пряжи по 20 копеек серебром. Владельцы одного стана обыкновенно работали сами вместе с семьей или с наемными рабочими, платя прядильщикам по 20 копеек, бородильщику и колеснику — по 10 копеек. При полугодовой работе хозяин получал в среднем 54 рубля чистой прибыли. В губернии насчитывалось 119 прядилен, на которых было занято 1200 крестьян. Мастерская с одним станом ничем не отличалась от московских и владимирских светелок; если прядильня имела несколько станов, она фактически превращалась в отделение крупной мануфактуры.

Трепание пеньки производилось в городских и сельских трепальнях, принадлежавших торговцам, которые скупали пеньку по деревням. На работу принимались только сильные рабочие, обладавшие большой сноровкой. Пользуясь двумя инструментами — трепалом и ножом, они очищали пеньку от кострики, выстаивая за работой до 18 часов в сутки. Заработная плата была сдельной — по 15 копеек серебром с пуда. Принимая очищенную пеньку, хозяева проявляли большую строгость в оценке качества произведенной работы. Часть заработка уходила на артельные харчи. За 4 месяца работы трепач мог скопить до 20 рублей серебром. Таким образом, трепание пеньки носило форму простой капиталистической кооперации, целиком подчинявшей крестьянина-рабочего надзору и руководству скупщика-предпринимателя [82].

Наряду с владельцами маслобоен, прядилен и трепальных заведений в деревне черноземного центра имелись собственники крупорушек, кирпичных, известковых и дегтярных заводов, судохозяева, содержатели харчевен и постоялых дворов. Эти мелкие предприниматели противостояли своим односельчанам-рабочим, так же как скупщики-крестьяне противостояли производителям-земледельцам, а обладатели арендованных и купчих земель — сельскохозяйственным батракам. Именно из этой эксплуататорской верхушки выделялись отдельные «благотворители», о которых печатались почетные сводки в издаваемых органах Министерства: из накопленных капиталов кулаки жертвовали средства на украшение церквей, давали пособия погоревшим и голодающим крестьянам и т. д. [83]. Расслоение государственной деревни Центрального черноземного района продвинулось достаточно далеко, чтобы в условиях растущего товарооборота выдвинуть фигуру крепкого мужичка, использующего нужду крестьянской массы. Особенно часто можно было встретить разбогатевших крестьян в однодворческих селениях с развитым частным землевладением.

---

[82] В. Волков. Промышленность Орловской губернии (ЖМГИ, 1848, ч. XXIX, отд. II, стр. 124—165, 183—210; 1849, ч. XXX, отд. I, стр. 62—87).

[83] Например, ЗГ, 1841, № 47.

Однако общий облик деревни черноземного края был более патриархальным и отсталым, чем в Центральном промышленном районе: здесь заметнее сохранялись черты натурально-хозяйственного уклада, чаще встречались курные избы, примитивнее была обстановка бытовой жизни. Как правило, крестьянин старался питаться, строить себе жилье и заготовлять одежду собственными силами и из собственного материала. Налогово-оценочная комиссия включала в денежный бюджет пензенского домохозяина, помимо податей и оброка, только расходы на соль, шапки, рукавицы и обувь, на ремонт одежды и сельскохозяйственных орудий и некоторую сумму на чрезвычайные траты. В общей сложности это составляло в год 24 рубля 70 копеек серебром. По свидетельству чиновников Министерства и современных наблюдателей, крестьянские избы черноземного района были тесными и содержались неопрятно, пища состояла из хлеба, щей, каши и кваса; некоторым дополнением служили овощи. Большинство крестьян одевалось в домотканную холстинную одежду и носило на ногах лапти. Несколько лучше жили и питались украинцы в южных уездах Курской и Воронежской губерний; они строили себе деревянные избы или мазанки с дымовыми трубами, в пищу употребляли сало, носили сапоги. Современный наблюдатель делал такое обобщающее заключение о быте тамбовских крестьян: «...они остаются в незавидном положении, не делаются зажиточными, едва уплатив подати и повинности, едят скудно, одеваются бедно и вообще не имеют того вида и лоска в своем житье-бытье, каковым отличаются поселяне подмосковных губерний, как народ промышленный» [84].

Примером чисто земледельческой деревни могло служить село Рамзай Пензенской губернии. Расположенное на большом сухопутном тракте к Москве и Владимиру, в 24 верстах от губернского города, оно имело 314 дворов, в которых обитало 1242 ревизских души. К селу было примежовано 4555 десятин земли, из них 140 десятин неудобной; остальные угодья имели хорошую черноземную почву, которая давала урожай в озимом поле до 7 зерен, а в яровом — до 5 зерен на зерно посева. 689 десятин было занято усадьбами и сенокосами, 3726 десятин — пашней; таким образом, на ревизскую душу приходилось по 1 десятине пахотной земли в каждом из трех полей. Кроме того, к Рамзаю были примежеваны в 25 верстах от села дача размером в 43 десятины (в том числе 10 неудобных) и в 35 верстах — дача в 1028 десятин, состоявшая большей частью из мелкого леса и покоса; 60 десятин было под пашней. Ввиду отдаленности от усадеб крестьяне вынуждены были сдавать эти дачи в аренду, а сами в дополнение к своим скудным наделам снимать землю у соседних помещиков и сельских обществ, платя по 15—16 рублей за десятину. Надельная земля находилась в общинном пользовании и переделялась от ревизии до ревизии.

Поля засевались рожью, овсом, гречихой и в небольшом количестве — горохом. В огородах для домашнего потребления сеялась конопля. Обработка почвы была традиционной: для пахоты употреблялась одноконная соха, никаких улучшенных орудий не применялось. Хлеб, составлявший главное богатство крестьян, сбывался в Пензу. Подспорьем к хлебопашеству было садоводство: почти при каждом дворе Рамзая имелся фруктовый сад, в котором разводились хорошие сорта яблок — бель, анис, апорт, кринджанель и пр. Большинство крестьян сдавало сады в аренду город-

---

[84] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 228—245; ч. II, лл. 38—62 ф. Киселева, 1838 г., д. 679, л. 484; Ал. Курбатов. Заметки к статье: Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда («Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XXIX, Тамбов, 1890, стр. 79—99); А. Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда, стр. 56—60; Сталь. Пензенская губерния, ч. II, стр. 358—359; В. Михалевич. Воронежская губерния, стр. 356—357.

ским торговцам за 40, 50, и 100 рублей серебром в год. Обыкновенно сдача производилась заранее, осенью или зимой, без учета размеров будущего урожая: именно в это время крестьяне нуждались в деньгах для взноса податей, и съемщики старались как можно больше сбить арендные цены. Другим подспорьем для сельского общества были две мукомольные мельницы, сданные в долгосрочную аренду мокшанскому купцу по 542 рубля 81 копейке за каждую.

Из среды крестьян села Рамзай выдвинулось 5—6 богатых крестьян, скупавших мерлушки и щетину и поставлявших крупные партии этих товаров на Нижегородскую и Симбирскую ярмарки. Из села уходили на сторонние заработки 45 человек (в том числе 11 — на полгода и 34 — на 2—3 месяца).

В селе устраивались еженедельные базары, были построены хороший постоялый двор, кабак и две церкви. Избы большей частью были курные. Недостаток дровяного топлива восполняли соломой. Чиновники считали население безбедным, тем не менее на сельском обществе числилась податная недоимка в 3 тысячи рублей [85].

Несколько иначе выглядело земледельческое село Боковой-Майдан Тамбовской губернии, тоже расположенное на большой дороге в Москву и Владимир, но не имевшее тех преимуществ, которыми пользовалось пензенское село Рамзай. В Боковом-Майдане числилось 166 дворов с населением в 654 ревизских души. В пользовании крестьян находилось 2022 десятины, из них 249 — под усадьбами, огородами и выгоном, 166— под сенокосом, остальные — под пашней. На ревизскую душу приходилось по 3 десятины, в том числе 2,4 десятины под пахотным полем. Почва была частью песчано-черноземная, частью — иловатая, дававшая в лучшем случае урожай сам-4 озимого и сам-$3^1/_2$ ярового. Крестьяне мало удобряли свои поля и обрабатывали их, не внося в дедовские приемы никаких улучшений. На озимом клину сеяли рожь, на яровом — овес. Когда-то село было окружено густыми казенными лесами и крестьяне, помимо земледелия, занимались лесными промыслами: изготовлением телег, дуг, ободьев, сидкой смолы, бортевым пчеловодством. Но к 40-м годам леса были большей частью истреблены, а оставшиеся объявлены заказными, с запретом рубить и портить деревья. В условиях малоземелья и примитивной техники крестьян выручали домашние конопляники: каждый двор в среднем имел по $^1/_2$ десятины, засеянной коноплей; пенька сбывалась на месте и на базарах одного из помещичьих сел, промышлявшего изготовлением канатов. Однако этого дополнительного дохода не хватало для уплаты повинностей, и население Бокового-Майдана вынуждено было ежегодно уходить на заработки: 100 человек нанимались весной в бурлаки и ходили бечевой по Мокше и Волге до Рыбинска, зарабатывая каждый 15—18 рублей, за вычетом расходов; 200 человек уходили на косовицу в донские, саратовские и астраханские степи, принося домой по 30—40 рублей серебром. Некоторые, имевшие больше скота, в зимнее время возили хлебные грузы в промышленные губернии. Село имело деревянную церковь, волостное правление и кабак. Избы были расположены неправильно, а состояние хозяйства, по выражению налогово-оценочной комиссии, находилось «не в цветущем состоянии» [86].

Примером деревни, в которой земледелие широко сочеталось с местными и отхожими промыслами, было сельцо Гостомля Орловской губернии, перешедшее в казну от генерал-майора Бахтина (доходы с этого имения были завещаны им на содержание Орловского кадетского корпуса). В сельце в 123 дворах жило 550 ревизских душ, в том числе 332 ра-

---

[85] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 457—459; А. Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда, стр. 83—84.

[86] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 443—445.

ботника. Крестьяне Гостомли продолжали отбывать барщинные повинности, обрабатывая 392 десятины казенной пашни[87]. У самих крестьян было в пользовании 154 десятины под усадьбами и огородами и формально 1339 десятин распашной земли, но из них 87 десятин присужденных угодий еще не поступили от купца Ананьина, 82 десятины находились в общем владении с соседним Закромским хутором, а 105 десятин числилось в отхожих пустошах. Фактически крестьянская пашня состояла из 911 десятин с саженями, т. е. на каждую душу приходилось по 1,6 десятин в трех полях. Сенокосом крестьяне пользовались в казенном лесу, которого считалось 168 десятин. Земля была черноземная и только в некоторых местах — глинистая. Средний урожай ржи был сам-7, овса — сам-4. У каждого крестьянина имелся конопляник; сбыт пеньки на местном базаре и на ближайших ярмарках был одной из важных статей дохода. Необходимость отбывать барщину (по 3,2 десятины на двор), развитие зимних извозов и наличие зажиточной прослойки в Гостомле объясняют нам сравнительно высокие цифры крестьянского скота: в среднем на каждый двор приходилось по 3,57 лошади, по 1,74 коровы, по 6,73 овцы и по 3,63 свиньи. Зажиточные крестьяне владели 5 мельницами и 11 маслобойнями; по-видимому, из того же верхнего слоя населения зимой отправлялись подводы (200 лошадей), возившие хлебные грузы от курского города Фатежа до калужского ссыпного пункта Сухиничи. Из среды остальных крестьян 100 человек ежегодно выходили на косовицу в Донскую область, в течение 4 месяцев зарабатывая до 150 рублей ассигнациями, а 70 человек в продолжение $1^1/_2$ осенних месяцев занимались валянием шерсти в соседних селах, получая за работу 30—50 рублей ассигнациями; часть крестьян была занята на местных мельницах и маслобойнях. Сочетание земледелия с разнообразными промыслами, с точки зрения членов оценочной комиссии, обеспечивало населению «довольную степень благосостояния»[88].

Примером однодворческой деревни со всеми особенностями четвертного владения могло служить село Губкино Орловской губернии. Здесь жило 794 ревизских души однодворцев, потомков «детей боярских» XVII века. Население располагалось в 229 дворах и в общей совокупности владело 2977 десятинами тучного чернозема. Земля на основании «четвертных крепостей» была неравномерно распределена между домохозяевами: некоторые имели в каждом из 3 полей по 30—40 десятин пашни, у других все угодья, включая усадьбу, занимали не более 1 десятины. Земля была разбросана отдельными участками среди владений помещиков и государственных крестьян. Между соседями шли нескончаемые споры и тяжбы, осложнявшиеся насильственными захватами и отрицательно влиявшие на состояние земледелия. Некоторые хозяева нарушали трехпольный севооборот и 2 года сряду засевали рожью один и тот же клин. Несмотря на плодородную почву, урожай озимого клина был не выше 6, а ярового — не выше 4 зерен на зерно посева. Зажиточные однодворцы разводили озимую пшеницу, предварительно удобряя поля навозом. У каждого жителя был заведен конопляник.

О расслоении крестьян говорят разнородные промыслы села Губкино: несколько богатых домохозяев владело 3 мельницами, приносившими в общей сумме 675 рублей ежегодного дохода, и 10 — постоялыми дворами, приносившими каждый по 50 рублей чистой прибыли. 30 многолошадных дворов занимались зимними извозами, используя для этой цели 90 лошадей: из Курска в Сухиничи они отвозили хлеб, сало, пеньку и другие продукты; на обратном пути они нагружали подводы лесными материа-

[87] Обычно в имениях, приобретенных в казну от помещиков, временно сохранялась отработочная рента.

[88] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 517—518.

лами; некоторые ездили в Крым за солью. Многие однодворцы, очевидно хуже всех обеспеченные землей и доходами, отправлялись в летнее время на косовицу в украинские и донские степи; каждому, за покрытием текущих расходов, оставалось рублей по 20 [89].

Наряду с чисто земледельческими или земледельческо-промысловыми селами были и такие, которые соединяли земледелие с широко развитой торговлей. В Воронежской губернии крупным торговым центром была слобода Уразова на реке Осколе, имевшая больше тысячи дворов с 5 тысячами ревизских душ украинского населения. Сюда свозили крупные партии хлеба, отправлявшиеся затем в Харьковскую губернию. В селе бывало еженедельно по 2 базара, а в течение года — 7 ярмарок с общей ценностью привоза в 105 тысяч рублей серебром. На одну из этих ярмарок пригоняли из черноземных районов огромное количество рогатого скота и лошадей, а из промышленных губерний доставляли много красного товара. В Уразове было 8 водяных мельниц и 2 каменные церкви. Такими же богатыми многонаселенными пунктами были слобода Калач с 6 ярмарками и привозом товаров на 197 тысяч рублей и слобода Никитовка с еженедельными базарами и 9 ярмарками, на которых продавали большое количество скота [90].

Подводя итоги, необходимо отметить две характерные черты государственной деревни Центрального черноземного района в 40—50-е годы: с одной стороны, неуклонное развитие товарно-денежных отношений, которое сопровождалось растущим расслоением крестьянства; с другой,— застойность сельскохозяйственной техники, которая вела к истреблению лугов, сокращению скота и постепенному истощению чернозема. Первый процесс происходил стихийно, независимо от воздействия Министерства Киселева; изменить течение второго процесса Министерство было тоже не в состоянии. Улучшению местного земледелия и скотоводства должны были содействовать учебные фермы: Центральная и отчасти Юго-Восточная и Мариинская. Некоторыми воспитанниками, окончившими эти фермы, было основано 5 образцовых хозяйств: одно — под Орлом и четыре — в Тамбовской губернии. Здесь применялись улучшенные орудия и многопольные севообороты, которые давали бóльшие урожаи, чем примитивно обрабатываемые деревенские угодья. И фермы, и образцовые хозяйства, так же как сельскохозяйственные выставки и древесные питомники, оказывали некоторое содействие зажиточной прослойке ближайшей округи, но основная масса государственных крестьян, едва сводившая концы с концами, оказывалась вне поля подобных прогрессивных начинаний. Этого не скрывали само Министерство и его местные органы. «Способ земледелывания, ныне употребляемый, обветшал и требует преобразования»,— писал в 1846 году управляющий Тульской палатой. Через 10 лет ту же мысль высказал управляющий Орловской палатой: «...сельское хозяйство в Орловской губернии находится почти в первобытном, несовершенном виде... улучшений и полезных нововведений не только у казенных поселян, но даже и в больших помещичьих экономиях весьма мало и не заметно» [91]. Такая оценка была вполне приложима и к остальным губерниям. Если в развитии промыслов и торговли государственная деревня черноземного края оказывала известные успехи, то в области сельского хозяйства наиболее сильно проявилось тормозящее влияние феодальной системы. Некоторые ростки нового — расширение посадок картофеля и масличных растений, переход некоторых хозяев к навозному

---

[89] ЦГИАЛ, ф. Киселева, 1838 г., д. 679, лл. 383—384.

[90] *Г. А. Д.* Очерк Валуйского уезда Воронежской губернии (ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII, отд. II, стр. 68); В. Михалевич. Воронежская губерния, стр. 259—260, 410.

[91] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2183, л. 14; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 216—226.

удобрению и травосеянию, частичные улучшения в земледельческих орудиях — не могли внести коренных изменений в отсталое земледелие и скотоводство черноземного центра.

7. Среднее и Нижнее Поволжье

Губернии, расположенные по среднему и нижнему течению Волги, несмотря на разнообразие природных и экономических условий, представляли собой единую внутренне спаянную территорию. Их связывал прежде всего исторически сложившийся водный путь, по которому в течение столетий происходил торговый обмен между юго-восточными и северо-западными районами страны. Волга способствовала развитию рыночных связей, а следовательно, и росту товарного производства; она притягивала к себе людей, занятых профессиональной торговлей, сбытом своих продуктов и промыслом судоходства; на ее берегах встречались и вступали в непосредственное общение представители разных народностей, профессий и сословного положения. Вторым объединяющим фактором, отличавшим районы Среднего и Нижнего Поволжья от Верхневолжского края, были особенности почвы и климата: почти на всем протяжении волжского бассейна вперемежку с глинами и песками пролегали плодородные черноземные почвы, на которых исстари велось сельское хозяйство; однако, несмотря на благоприятный, относительно мягкий климат, постоянным врагом местного земледелия были восточные ветры, приносившие с собой летние засухи и частые неурожаи. В этом отношении Среднее и особенно Нижнее Поволжье походило на районы черноземного центра, тоже отличавшиеся естественным плодородием, теплой температурой, но резкими колебаниями континентального климата. Третьим объединяющим фактором были исторические условия, в которых развертывалась хозяйственная жизнь Среднего и Нижнего Поволжья: здесь находились области, позднее заселенные русской, а на юге — украинской и другими народностями, жившими в более западных районах. Нижнее Поволжье продолжало и в середине XIX века сохранять черты колонизуемой окраины, куда непрерывно устремлялись потоки переселенцев из малоземельных северо-западных и центральных губерний. По всему течению Волги, начиная с нижегородских лесов и кончая астраханскими плавнями, были раскинуты раскольничьи гнезда, поселения, основанные беглыми крепостными, слободы предприимчивых колонистов, которые стремились на волжских просторах, обильных пашнями и лугами, богатых птицей и рыбой, освободиться от тягостей прежней жизни.

Однако, несмотря на внутреннее хозяйственное единство, губернии, лежавшие по среднему и нижнему течению Волги, делились на несколько районов, сильно отличавшихся друг от друга в экономическом и бытовом отношении. Губернии Среднего Поволжья — Нижегородская и Казанская — соединяли в себе характерные черты промышленного и черноземного центров: они имели и плодородные, и скудные почвы, и лесистые, и степные зоны, и чисто земледельческие, и земледельческо-промысловые уезды; освоенные раньше, чем губернии Нижнего Поволжья, они были прочнее связаны с историческим ядром Русского государства и занимали переходное положение между промышленным севером и черноземным югом [92].

---

[92] К тому же комплексу переходных районов принадлежала Симбирская губерния, но после обмена казенных имений на удельные она сохранила в составе своего населения ничтожное число государственных крестьян; если не считать лашман, подчиненных удельным конторам, и свободных хлебопашцев, не плативших оброка, здесь проживало к 1857 году 2577 душ однодворцев и 54 «отпущенника», перешедших в казну от частных владельцев (Л и п и н с к и й и М. С к р я б и н. Симбирская губерния, ч. I. СПб., 1868, стр. 270).

Несколько иной характер носили губернии Нижнего Поволжья — Саратовская, Самарская и Астраханская: здесь преобладали обширные степные пространства, все больше вовлекавшиеся в русло развитого сельского хозяйства; наличие плодородной, неистощенной почвы и менее густое земледельческое население делали эти губернии особенно притягательными для среднерусских и южных переселенцев. Однако и тут были существенные отличия между отдельными губерниями и даже уездами. Саратовский край с его ранее колонизованным более лесистым севером и степными южными уездами служил постепенным переходом от Среднего к Южному Поволжью. Самарская губерния, образованная в 1851 году и вобравшая в себя бывшее саратовское Заволжье, была типичным образцом колонизующейся степи с широким развитием экстенсивного земледелия. Наконец, малоплодородная Астраханская губерния отличалась не менее экстенсивным развитием скотоводства и рыболовного промысла.

Население государственной деревни в губерниях Среднего Поволжья росло не так быстро, как в южных колонизующихся районах; тем не менее за годы управления Киселева оно увеличилось с 562 831 до 677 853 ревизских душ, т. е. более чем на 20% [93]. Территория, на которой сосредоточивались казенные имения, была далеко не однородной: северные, заволжские и закамские уезды сумели сохранить крупные лесные массивы, но отличались менее плодородными глинистыми и песчаными почвами; земли, расположенные на юг от Волги и Камы, имели чернозем различной степени плодородия и были по преимуществу покрыты пашнями и лугами. Земледелие составляло основное занятие крестьян почти во всех уездах, но оно было менее развито в лесистых местностях, которые не могли прокормить население без дополнительных промысловых заработков. Недостаток пашенных и луговых угодий, как и в Центральном промышленном районе, оказывал ускоряющее влияние на развитие мелкой деревенской промышленности и массовый отход на сторону. В середине XIX века средние размеры надела в обеих губерниях составляли 3—4 десятины на ревизскую душу [94], т. е. были значительно меньше, чем в Центральном черноземном районе (за исключением одного Пензенского края). Распределение земли между крестьянами Нижегородской губернии было следующим (табл. 89).

Таблица 89

Распределение земли между государственными крестьянами Нижегородской губернии (к 1859 году)*

Размер душевого пая (в десятинах)	% к числу гос. крестьян губернии
Менее 1	4,7
От 1 до 2	6,3
„ 2 „ 3	25,0
„ 3 „ 4	36,3
„ 4 „ 5	15,4
„ 5 „ 8	11,6
„ 8 „ 15	0,7
Итого	100,0

* МСР, III, стр. 133.

[93] См. т. I настоящего исследования, стр. 313; МСР, IV, стр. 132.
[94] МСР, III, стр. 134.

Таким образом, 88% крестьян имели в своем пользовании меньше официальной голодной нормы в 5 десятин. Особенно тяжелым было положение крестьян двух лесистых уездов — Горбатовского и Балахнинского: в первом из них даже по первоначальным преувеличенным данным оценочной комиссии средние размеры пашни едва превышали 2 десятины; во втором 56% ревизских душ имело меньше 1 десятины, а средний размер пахотного надела был ниже 0,47 десятины [95]. Судя по исследованию М. Г. Софронова, подобная же картина имела место в Казанской губернии [96].

Отчеты Палат дают такие сведения о посевах государственных крестьян Среднего Поволжья к концу управления Киселева (табл. 90).

Таблица 90

Посевная площадь в государственной деревне Среднего Поволжья в 1855 году *

Засеяно десятин	Губернии	
	Нижегородская	Казанская
Всего	242 474	1 015 136
На ревизскую душу . .	1,89	2,02

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, стр. 243 и 308.— При вычислении суммы, падающей на душу населения, взяты цифры 9-й ревизии.

Как видно из табл. 90, размеры посевной площади на ревизскую душу населения приближались к величинам Центрального черноземного района, а степень развития земледелия была значительно выше в более плодородной Казанской губернии. Отчасти такому результату способствовал национальный состав населения: чуваши, мордва и мари, составлявшие немалый процент населения Казанской губернии, занимались почти исключительно земледелием и с особой тщательностью обрабатывали свои пахотные угодья. Чем больше росло население и сокращались земельные наделы, тем шире шло наступление на луга, кустарники и леса. Если мы сравним размеры посевов нижегородских и казанских крестьян за 1843—1855 годы, то увидим постепенный общий рост посевных площадей и с некоторыми колебаниями увеличение количества посеянного зерна на каждую ревизскую душу (табл. 91).

Таблица 91

Посевы государственных крестьян Среднего Поволжья *
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1846 г.	1849 г.	1852 г.	1855 г.
Нижегородская					
Посеяно: всего . . .	260 164	293 831	291 516	372 737	382 331
на ревизскую душу	2,90	3,06	2,98	2,91	2,98
Казанская					
Посеяно: всего . . .	1 263 808	1 408 489	1 520 129	1 561 124	1 574 559
на ревизскую душу	2,82	3,17	3,40	3,10	3,13

* Отч., 1843, 1846, 1849, 1852, 1855 гг.

[95] МСР, II, стр. 257; III, стр. 142—143.
[96] М. Г. Софронов. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П. Д. Киселева. Казань. 1952, стр. 170 (рукопись канд. диссертации).

В отличие от губерний черноземного центра, Поволжье почти не знало института четвертного права; за исключением 55 однодворцев[97], все остальное население государственной деревни владело землей на основе общинного землепользования.

Кроме лесистых уездов Нижегородской губернии — Семеновского и Макарьевского, повсеместно господствовало трехполье: на озимом клину сеялась рожь, на яровом лучшие почвы занимали ячмень и пшеница, средние и худшие — овес и гречиха. Наряду с основными хлебами, которые давали излишки на продажу, разводили также второстепенные культуры (большей частью для собственного потребления): полбу, горох, чечевицу, просо и лен. В Казанской губернии можно было встретить на полях коноплю. В неплодородных Семеновском и Макарьевском уездах наряду с трехпольем существовала переложная система: первый год сеяли озимую рожь, следующий год — яровой овес, затем 2 года подряд запускали поле под сенокос и, наконец, последние 2 года давали земле отдохнуть под паром[98]. Черноземные пашни, как правило, не удобрялись; нечерноземные, лежавшие под паром, удобрялись недостаточно. Причина слабого унавоживания почвы лежала в малом количестве скота. По данным оценочных комиссий, государственные крестьяне Среднего Поволжья имели крупного скота меньше, чем крестьяне Озерного края и всех центральных губерний; по числу голов мелкого скота они уступали крестьянам Новгородской и Псковской губерний (табл. 92).

Таблица 92

Количество скота у государственных крестьян Нижегородской и Казанской губерний (1853—1856 годы)*

Категории скота	Нижегородская губерния		Казанская губерния	
	всего голов	на двор	всего голов	на двор
Лошадей	44 102	1,38	289 571	1,79
Коров	38 867	1,21	190 509	1,18
Итого: крупного скота	82 969	2,59	480 080	2,97
Жеребят	8 510	0,26	70 014	0,43
Телят	19 966	0,62	83 839	0,52
Итого: молодняка	28 476	0,88	153 853	0,95
Овец	132 585	4,15	878 230	5,45
Свиней	22 072	0,69	152 769	0,94
Коз	457	0,01	54 765	0,34
Итого: мелкого скота	155 114	4,85	1 085 764	6,73
Всего: молодняка и мелкого скота	183 590	5,73	1 239 617	7,68

* ХСМ, II, стр. 2—3; М. Лаптев. Казанская губерния.— Количество скота на двор вычислено с учетом 31 945 дворов в Нижегородской губернии и 161 048 дворов в Казанской губернии (М. Лаптев. Указ. соч.).

Хотя по берегам рек находились хорошие поемные луга, но сена, нужного для прокормления скота, не хватало, особенно в Казанской

[97] МСР, I, стр. 111.
[98] МСР, III, стр. 123—124; IV, стр. 5.

губернии: уже начиная с середины зимы, здесь приходилось кормить скот соломой, только иногда приправляя ее мукой. В течение зимнего времени скот оставался под открытым небом и в лучшем случае содержался в холодных сараях. Планомерной случки скота не производилось. Лошади и коровы, по описанию местных агрономов, были малорослые и слабосильные, овцы — простой русской породы, с грубой шерстью. При использовании зараженных кож и прогоне южных гуртов легко заносились заразные болезни, от которых гибли тысячи голов скота. Такие же массовые падежи скота происходили в связи с неурожаями трав и отсутствием запасов корма. В мае 1849 года ревизор Лошкарев, объехавший деревни Казанской губернии, доносил в Министерство: «Недостаток корма был до того велик, что бо̀льшая часть скота поколела, другая продана за ничто, коров почти нет, лошади поели все крыши, а теперь едва движутся, тем более что и до сего времени холода держат пастбища почти голыми, а луга затоплены водою»[99].

Несколько лучше были лошади у домохозяев-татар. В некоторых волостях, недалеко от Казани, Чистополя и Мамадыша, крестьяне разводили скот на продажу, сбывая его купцам на волжских пристанях[100].

Дурному состоянию скотоводства и недостатку удобрения соответствовала примитивная сельскохозяйственная техника. Правда, земледельческое население умело хорошо приспособить свои традиционные орудия к условиям местной почвы и климата: например, в Казанской губернии были распространены на новинах и перелогах татарский «сабан», в который впрягалось две и более пар скота, и марийская «агава» с наискось поставленным отвалом; на более легких почвах употребляли особый тип «казанской сохи» с наклонными друг к другу сошниками, марийскую косулю с резцом и одним лемехом и маленькую «черкушу» для запашки семян. Но все эти пахотные орудия были самого простого устройства и не могли обеспечить достаточно глубокой вспашки. Бороны почти повсеместно были деревянные: в Казанской губернии — из толстых брусков с дубовыми зубьями, в Нижегородской — плетеные, по образцу костромских и вологодских. У татар и чувашей овинами служили ямы, обложенные бутом, в которых зажигался слабый огонь; хлебные снопы раскладывали сверху на пирамиде, сделанной из деревянных кольев. Удмурты обмолачивали хлеб сырым и полученное зерно просушивали на печах и в банях.

Тем не менее и здесь, в области отсталого сельского хозяйства, наблюдались попытки преодолеть вековую рутину. Так же как в других районах, крестьяне старались расширить площадь удобряемых полей. Некоторые селения Нижегородской губернии восполняли недостаток навоза, покупая на соседних клееваренных заводах выварки, обрезки и кости. Отдельные домохозяева в той же губернии сеяли американскую ярицу, клевер и тимофеевку. Около Северо-восточной фермы кое-кто заимствовал улучшенные орудия. В Черноярской волости Балахнинского уезда крестьяне по собственному почину разводили коров тирольской породы. Однако частичные нововведения, как и всюду, были уделом преимущественно зажиточных хозяев. Среди государственных крестьян Среднего Поволжья к 1858 году насчитывалось 4945 земельных собственников, владевших 13 245 десятинами покупной земли; из них около

---

[99] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., д. 4343, лл. 37—38.

[100] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2186, лл. 23—27; Ф. Целлинский. Агрономическое путешествие по южным уездам Казанской и Вятской губерний (ЖМГИ, 1854 г., ч. LII, отд. III, стр. 23—48); его же. Агрономическое путешествие по некоторым уездам Казанской и Нижегородской губерний в 1855 г. (ЖМГИ, 1856, ч. LXI, отд. II, стр. 10—11); Кандидат Пелль. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерний (ЖМГИ, 1845, ч. XVI, отд. II, стр. 127—146).

70% приходилось на Нижегородскую губернию. В той же губернии числился 161 арендатор земельных угодий. Можно не сомневаться, что именно к этой среде принадлежали хозяева, нанимавшие батраков, экспонировавшие лучшие образцы выращенных продуктов, а в неурожайные годы ссужавшие голодающих односельчан пособиями на продовольствие. Одновременно в государственной деревне Среднего Поволжья образовался слой бедняков, которые вынуждены были наниматься в чужие хозяйства пастухами или сельскохозяйственными рабочими. Нижегородская оценочная комиссия в 1853—1856 годах насчитала таких земледельческих рабочих 2078 человек [101].

Спорадические успехи в земледелии и скотоводстве не могли изменить в глазах современников тяжелой картины сельского хозяйства в губерниях Среднего Поволжья. Более наблюдательные чиновники Министерства с тревогой говорили о прогрессирующем истощении почвы и ясно наметившемся упадке полеводства. Если оценочные комиссии, вычисляя крестьянские доходы и устанавливая оброчные ставки, исходили из более оптимистических данных об урожайности, то иначе, более откровенно, высказывались авторы ведомственных донесений. Уже в 1844 году управляющий Палатой дал такую характеристику крестьянского земледелия в, казалось бы, плодородном казанском крае: «Общепринятое хозяйство по всей губернии трехпольное, но по недостатку скота поля почти вовсе не удобряются и земля до того уже истощена, что и в хорошие годы редко рожь родится сам-пять и шесть, а большей частью сам-третий, при малейшем же неблагоприятном лете урожай бывает не более как сам-друг» [102]. Повторявшиеся засухи и неурожаи ставили земледельческое население Среднего Поволжья в тяжелое положение. Ревизор Лашкарев так писал о состоянии казанской государственной деревни весной 1849 года, после перенесенного неурожая: «Все кормятся одной болтушкой, которая состоит из толченых желудей, смешанных с гороховой мукой; эту смесь они покупают уже готовою и варят. Семья из 13 душ довольствуется в день 5 [фунтами] гороховой муки с соответственным количеством толченых желудей» [103]. В 1855 году, по отчетам Палаты, озимый клин дал урожай сам-$3^3/_4$, яровой — всего $1^3/_4$ [104].

Известную помощь оказывало крестьянам по берегам рек и озер рыболовство и почти повсюду — разведение огородов, садов и пчелиных пасек. Помимо обычных овощей, в огородах и отчасти на полях распространялись посадки картофеля. В Нижегородской губернии они выросли между 1842 и 1855 годами с 7339 до 21 780 четвертей и давали урожай сам-3 — сам-5 с лишком [105]. В Казанской губернии огородничеством занимались преимущественно русские крестьяне; чуваши и мари имели

---

[101] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2186, лл. 20—23; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 243—249, 308—317; ХСМ, II, стр. 9, 53, 56—57; МСР, IV, стр. 34—40; Допец-Хмельницкий. Сельскохозяйственная статистика Нижегородской губернии (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II, стр. 39—71); Ф. Целлинский. Указанные сочинения; Пелль. Хозяйственные заметки (ЖМГИ, 1845, ч. XVI, отд. II, стр. 127—146); Выставка сельских произведений в Нижнем Новгороде в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. III, стр. 1—42); Казанская выставка сельских произведений в 1852 г. (ЖМГИ. 1853, ч. XLII, отд. I, стр. 1—22); ЗГ, 1839, № 80, стр. 638; В. Вишняков. Крестьяне-собственники, стр. 10—11).

[102] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2186, л. 22; ср. М. Лаптев. Казанская губерния, стр. 270—272; МСР, IV, стр. 6—9; ХСМ, II, стр. 18—20; Ф. Целлинский. Агрономическое путешествие по южным уездам... (ЖМГИ, 1854, ч. LII, отд. III); Пелль. Хозяйственные заметки... (ЖМГИ, 1845, ч. XVI, отд. II).

[103] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1849 г., д. 4343, л. 38.

[104] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 308.

[105] Там же, лл. 243, 308; Обозрение состояния некоторых частей по управлению государственными имуществами в Нижегородской губернии за 1843 г. (ЖМГИ, 1844, ч. XII, отд. II, стр. 285—294).

обширные хмельники, которые обеспечивали возможность приготовления домашней браги. В садах разводились главным образом яблоки и вишни. Подгородные селения сбывали овощи, фрукты и ягоды на городских рынках. Особенно славились своим производством Печерская и Подновская волости около Нижнего Новгорода. Здесь разводились в крупных масштабах простая и цветная капуста, огурцы, морковь, свекла, пырейный лук, шпинат и другие овощи; крупными партиями они сбывались в нижневолжские губернии; особенно ценились соленые подновские огурцы. Яблоки, вишня, смородина и малина большей частью перерабатывались на месте в паточное варенье, которое отправлялось вниз по Волге, особенно в Армению. Пчеловодство было больше всего развито в лесистых уездах Казанской губернии, но велось оно чрезвычайно примитивно. В середине 40-х годов в губернии насчитывалось больше 40 тысяч ульев, которые давали меда и воска на 105 тысяч рублей серебром; около двух третей полученной продукции скупалось торговцами на ярмарках и базарах. Крупные пчеловоды отправляли продукты пчеловодства непосредственно в Казань и на Макарьевскую ярмарку. По исследованию М. Ф. Софронова, через 10 лет количество ульев выросло до 70 тысяч [106].

В общем губернии Среднего Поволжья значительно уступали Центральному черноземному району в объеме сельскохозяйственной товарной продукции. Тем не менее не только зажиточные хозяйства, но и середняцкие слои плодородных уездов сбывали хлебные излишки, которые вывозились по Волжско-Камскому пути и частью по сухопутным трактам. В Нижегородской губернии большие партии ржи шли в малопроизводительные районы лесного Заволжья, в промышленные села Горбатовского уезда (Павлово, Ворсма, Богородское и др.) и особенно в Муром и Рыбинск. В Казанской губернии основными направлениями хлебного вывоза были верхняя Волга, главным образом Рыбинск, и Астрахань, откуда грузы перевозили в Кавказский отдельный корпус; помимо основного продукта — ржи, тут торговали овсом и в меньшей степени — второстепенными хлебами [107]. Цены на сельскохозяйственные продукты были выше, чем в Центральном черноземном районе, но ниже, чем в промышленном центре. При этом в менее плодородном Нижегородском краю в соответствии с меньшим предложением цены стояли выше; например, в 1847—1851 годах в среднем рожь продавалась в Нижегородской губернии по 3 рубля 10 копеек за четверть, а в Казанской — по 2 рубля 81 копейке; овес соответственно стоил в первом случае 1 рубль 86 копеек, во втором — 1 рубль 48 копеек [108].

Земледелие не могло покрыть расходной части бюджета средневолжского крестьянина. Казанская и особенно нижегородская деревня, сильно страдавшие от малоземелья и частых неурожаев, постоянно нуждались в сторонних заработках. Давние торговые связи по Волжскому пути способствовали более быстрому отделению промышленности от земледелия. Оценочные комиссии и современные наблюдатели зарегистрировали в Среднем Поволжье многочисленные и разнообразные промыслы. Движение грузов по Волге, Оке и Каме породило целую категорию профессий, непосредственно связанных с судоходством, судостроительством и

[106] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2186, лл. 31—36; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 243—249, 308; МСР, IV, стр. 18—19; Выставка сельских произведений в Нижнем Новгороде в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. III, стр. 1—42); Ф. Целлинский. Агрономическое путешествие по южным уездам... (ЖМГИ, 1854, ч. LII, отд. III); Пелль. Хозяйственные заметки... (ЖМГИ, 1845, ч. XVI, отд. II); Нижегородская губерния в хозяйственно-статистическом отношении (ЖМВД, 1858, январь, отд. III, стр. 37—38); М. Г. Софронов. Государственные крестьяне...

[107] МСР, III, стр. 128—129; IV, стр. 20—21.

[108] Ал. Егунов. О средних ценах...

подвозом товаров к складочным пунктам и пристаням. Несмотря на постепенное развитие пароходства, судохозяева предъявляли значительный спрос на лоцманов, водоливов, «завозенных»[109] и бурлаков; некоторые крестьяне занимались самостоятельной доставкой грузов на собственных судах — небольших «тихвинках» и «кладнушках», на плоскодонных «дощенниках» (вместимостью менее 6 тысяч пудов) и крупных «расшивах», поднимавших до 22 тысяч пудов хлеба. В свою очередь судопромышленники нанимали для постройки судов пильщиков, плотников, кузнецов, конопатчиков (последние не только конопатили старые и новые суда, но также поднимали, сушили и приводили в порядок затонувшие лодки, баржи, коноводные машины и пр.). Обилие рыбы в волжском бассейне и в Каспийском море породило развитой промысел рыболовства: рыбу ловили в одиночку, а также соединяясь в артели или нанимаясь к крупным съемщикам оброчных статей; с рыболовством был тесно связан промысел вязания сетей, неводов, вентерей. Чем ближе к берегам судоходных рек, тем шире был развит извозный промысел: в течение всего лета тысячи ломовых извозчиков и «коннных чернорабочих» подвозили сельскохозяйственные и промышленные продукты для перегрузки на речные суда; немалое количество возчиков требовалось на сухопутных трактах, особенно в зимнее время, когда закрывалась навигация по Волге.

Наличие крупных лесных массивов, так же как в промышленном центре, стало источником лесных промыслов: в нижегородском Заволжье и особенно в Казанском Закамье процветала охота на медведей, волков, лисиц, зайцев и дикую птицу; лесопромышленники нанимали лесорубов, пильщиков и сплавщиков на заготовку дровяного и строевого леса; мелкие сельские производители изготовляли на рынок сани, дуги, деревянную посуду, мочала, кульки, рогожи; во многих местах занимались гонкой смолы, сидкой дегтя, жжением угля, приготовлением шадрика (золы), который сбывался на красильные, кожевенные и мыловаренные заводы. В обеих губерниях, больше всего в татарских селениях, существовало кожевенное производство. В некоторых районах валяли шерсть и вязали варежки и чулки. Большое значение имел слесарный промысел, сосредоточенный вокруг шереметевских сел Павлово и Ворсма. Во многих деревнях были местные и странствующие ремесленники, обслуживавшие город и деревню: каменщики, сапожники, плотники, печники и пр. Немало крестьян находило заработок на Нижегородской ярмарке в качестве грузчиков, возчиков, хлебопеков, сторожей при лавках и т. д. В ряде казанских волостей, расположенных на больших трактах, проложенных к Москве, Оренбургу, Симбирску и Сибири, существовал особый промысел «троечников»: некоторые селения имели по 46—48 троек лошадей, обслуживавших перевозку пассажиров и дававших каждому ямщику до 140 рублей чистого годового дохода. Наконец, широко практиковался отход в другие губернии: летом — на земледельческие работы, зимой — на фабрики, заводы и сибирские золотые прииски; в 1850 году енисейские золотопромышленники имели из одной Нижегородской губернии 1653 рабочих (в период Крымской войны эта цифра значительно сократилась)[110].

---

[109] «Завозенные» — рабочие, выбиравшие место для запуска якорей.

[110] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2186, лл. 37—52; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 243—249, 308—317; ХСМ, I—II; Пелль. Хозяйственные заметки... (ЖМГИ, 1845, ч. XVI, отд. II); ЗГ, 1842, № 4, стр. 31; Ю. А. Гагемейстер. Сибирское золото (ЖМГИ, 1855, ч. LIV, отд. III, стр. 113—162); Выставка сельских произведений в Нижнем Новгороде в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. III, стр. 1—42); М. Лаптев. Казанская губерния, стр. 332—345; С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950, стр. 242—246; М. Г. Софронов. Государственные крестьяне.

Крестьянские промыслы были особенно широко распространены в Нижегородской губернии. Налогово-оценочные комиссии на основании подворных опросов зарегистрировали здесь 34 894 наличных «промышленника» (т. е. крестьян мужского пола, отрывавшихся от собственного хозяйства в поисках дополнительного дохода от торговли, промышленности и сельского хозяйства), что составляло в переводе на «годовых» (т. е. условно занятых круглый год) — 20 298, 55 человек. В первом случае это дает 65,69%, а во втором — 38,20% производительного мужского населения государственной деревни. Обе цифры уступают по своим размерам соответствующим величинам промышленного центра, хотя вторая очень близка к показателю Владимирской губернии [111]. Если из числа наличных промышленников вычесть 2078 сельскохозяйственных рабочих, мы получим 32 816 крестьян, занятых в большей или меньшей степени в промышленности и торговле, что составит 61,7% общего числа работников, т. е. почти столько, сколько было указано оценочной комиссией в Тверской губернии (64,4%). Нижегородская комиссия установила, что промысловые доходы в среднем составляли 33,65% земледельческих, причем в неплодородном и малоземельном Балахнинском уезде промысловый доход на 41,84% превышал доход от земельных угодий, в Макарьевском он равнялся 48,30% замледельческого, в Васильском составлял 45,34%, в Горбатовском — 39,5% и в Семеновском — 35,96% [112].

Таким образом, по степени развития крестьянских промыслов нижегородская государственная деревня приближалась к соседним губерниям Центрального промышленного района.

К тому же выводу приводит анализ классового характера крестьянских промыслов. Так же как в Московской, Ярославской и других промышленных губерниях, нижегородские крестьяне-промышленники делились на ряд социальных категорий, характерных для разных этапов хозяйственного развития. Некоторые занимались местным или отхожим ремеслом, пользуясь материалом заказчика и нередко его квартирой и харчами; такова была профессия деревенских портных, которые, переходя зимой из села в село, шили населению шубы, полушубки, полукафтаны и пр. Часть крестьян выступала на рынке в качестве самостоятельных товаропроизводителей; обычно это были представители менее сложных промыслов, которые не требовали крупных денежных расходов: собиратели моха [113], вязальщики варежек и чулок, плетельщики лаптей и т. д. Если промысел был более сложным, а сбыт продуктов — более трудным, самостоятельные промышленники попадали в зависимость от скупщика. Например, в Семеновском уезде был широко распространен и достиг большого технического мастерства ложкарный промысел. Процесс производства ложек распадался на ряд последовательных операций, которые выполнялись специальными работниками: баклушниками (изготовлявшими баклуши, т. е. очищенные куски березового или осинового дерева, из которых делались ложки), ложкарями, обрабатывавшими баклуши, завивальщиками-затачальщиками, которые отделывали ручки, и наконец красильщиками, которые окрашивали и сушили изготовленные изделия. Промысел получил массовый характер: крупные партии ложек сбывались на Нижегородской ярмарке. Специалисты, которые завершали процесс производства и располагали для этого большими сушильными печами, соединяли в своем лице производителей и скупщиков, продававших товар на рынке и сбивавших цену на продукцию

[111] По отношению к общему числу ревизских душ, установленных 9-й ревизией, 34 894 наличных промышленников составит 27,3% (МСР, III, стр. 160).

[112] ХСМ, II, стр. 37.

[113] Мох продавался на базарах для закладки щелей в строящихся избах

завивальщиков, а следовательно, и баклушников. Иногда скупщик снабжал производителя сырьем, превращаясь в организатора крупного рассеянного предприятия: так поступали торговцы сетями, снабжая пряжей вязальщиков и выплачивая им ничтожную плату за изготовленный товар. Такой же характер носил слесарный промысел в государственных селах Горбатовского уезда: мастера-крестьяне изготовляли перочинные ножи по заказу крупных «фабрикантов» (главным образом бывшего шереметевского крепостного Завьялова в Ворсме). Пользуясь своими рыночными связями, монополисты-торговцы вздували цены на ссужаемый материал и скупали по дешевке готовые изделия.

Среди промышленников была развита организация артелей, но обычно эти объединения (пильщиков, каменщиков, плотников и т. д.) не были самостоятельными в хозяйственном отношении: они нанимались к подрядчикам, от которых артельщики получали договоренную плату. Многие промыслы (например, выделка овчин, валяние шерсти, прядение льна и пр.) были организованы в виде небольших мастерских — или на началах семейной кооперации, или с наймом одного или нескольких работников. Некоторые из таких мастерских (например, в горшечном производстве Васильевской слободы) имели наряду с хозяином до 5 наемных рабочих, другие (например, кожевенные заводы в деревне Тубанаевка) перерастали в настоящие капиталистические предприятия. Капиталистический характер носили также постройка больших грузовых судов и заготовка лесопромышленниками дровяного и строевого леса. При регистрации промышленников Нижегородская оценочная комиссия установила наличие 15 109 мелких товаропроизводителей (в том числе 10 931 ремесленник), 14 052 рабочих (в том числе 8 453 в транспорте и связи) и 7026 крупных и мелких предпринимателей в торговле и промышленности [114].

Чистый доход, который выручали нижегородские промышленники, колебался от 8 до 100 рублей в год, в зависимости от характера промысла и классового положения промышленника. Самую низшую сумму выручки (в 8 рублей) получали вязальщики рыболовных сетей, находившиеся в тяжелой зависимости от торговцев-предпринимателей. Самый крупный доход в 100 рублей (по-видимому, преуменьшенный) выпадал на долю владельцев грузовых «расшив». Чаще всего встречались заработки в 25—27 рублей: такие суммы получали за свой труд бурлаки, рудокопы, овчинники, рогожники, портные, каменщики, мяльщики льна и т. д. В общем размеры промысловых доходов приближались к цифрам, характерным для Центрального промышленного района [115].

В Казанской губернии крестьянские промыслы были развиты меньше, но в основном они имели такой же характер, как в Нижегородской. По подсчету чиновников Министерства, казанские государственные крестьяне, уходившие в 1845 году из деревни, выправили 41 984 паспорта и билета (следовательно, уходило 9,3% ревизских душ); нижегородские крестьяне выбрали в том же году 26 980 паспортов и билетов (т. е. ушло 29,1% ревизских душ) [116].

Деление на хозяев и рабочих пронизывало не только сферу промышленности, но и сферу обмена. В Спасской волости Нижегородской губернии, средоточии торгующих крестьян, различались торговцы трех категорий. К первой принадлежали обладатели крупных капиталов, которые

---

[114] ХСМ, I (подсчет по категориям произведен на основании перечня); II, стр. 31—57.— Необходимо оговориться, что приведенные цифры не вполне точны: некоторые крестьяне одновременно занимались двумя и более промыслами, поэтому общий итог превосходит число наличных промышленников на 3831 человек.

[115] ХСМ, II. стр. 60—61.

[116] Отч., 1845 г.

заключали оптовые сделки на кожи, щетину, воск и другие товары, поддерживая связи с купеческими домами Москвы, Ярославля, Ростова и Нижегородской ярмарки. Вторую категорию составляли торговцы средней руки, которые обычно получали авансы от крупных капиталистов и скупали для них товары: они лично объезжали Нижегородскую и соседние губернии, прибегая не только к денежному, но и к натуральному обмену. Последняя, самая многочисленная категория состояла из мелочных торговцев, сбывавших менее ценные товары (дешевые кожи, деготь, соль, коноплю и пр.), притом исключительно в ближайших окрестностях; летом они передвигались преимущественно пешком, зимой — на подводе[117]. В Казанской губернии наряду с местными мелкими прасолами торговали зажиточные крестьяне-татары, которые вели широкие коммерческие операции с Казахстаном, Сибирью и Средней Азией[118]. Расслоение в рядах промышленников и торговцев осложняло и усиливало основной процесс расслоения, который происходил в недрах земледельческого населения Среднего Поволжья.

Нижнее Поволжье, сочетавшее с выгодами Волжского торгового пути плодородие почвы, теплый климат и относительное многоземелье, сохраняло в 40—50-х годах XIX века значение колонизующегося района Европейской России. В меньшей степени это явление наблюдалось в Саратовской губернии, уже заселенной ранее и представлявшей менее выгод переселенцам, но и здесь увеличение числа жителей было результатом не только естественного прироста, но и притока крестьян из западных и центральных районов. По сведениям Министерства, население казенных имений Саратовской губернии (в уменьшенных границах 1851 года) только за 4 года после 9-й ревизии выросло с 516 139 душ обоего пола до 542 910 душ, т. е. на 7% с лишним[119]. Такое приращение по своим размерам уступало приросту населения только в немногих, преимущественно восточных, губерниях Европейской России.

Несмотря на непрерывную волну переселенцев самых различных народностей — русских, украинцев, мордвы, чувашей, государственная деревня Саратовского края сохраняла одну из наиболее высоких норм земельного обеспечения: к 1858 году сельские общества имели здесь средний надел в 5,5 десятин, причем распределение угодий было более благоприятным для крестьян, чем в других губерниях (табл. 93).

Таблица 93

Распределение земли между государственными крестьянами Саратовской губернии*

Размер душевого пая (в десятинах)	% к числу гос. крестьян губернии	Размер душевого пая (в десятинах)	% к числу гос. крестьян губернии
Менее 1	—	„ 5 „ 8	52,4
От 1 до 2	0,4	„ 8 „ 15	14,3
„ 2 „ 3	3,7	Более 15	0,8
„ 3 „ 4	9,3		
„ 4 „ 5	19,1	Итого	100,0

* МСР, III, стр. 133—134.

[117] ХСМ, I, стр. 46—50. Ср. Нижегородская губерния в хозяйственно-статистическом отношении (ЖМВД, 1858, январь, отд. III, стр. 40).

[118] М. Лаптев. Казанская губерния, стр. 343, 422.

[119] В данную сумму не включены жители немецких колоний.— МСР, II, стр. 178; К. В. Залеский. Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии (ЖМГИ, 1857, ч. LXIV, отд. II, стр. 276).

Сопоставляя эти цифры с данными не только Нижегородской губернии, но и черноземного центра, мы видим, что саратовская деревня имела меньше малоземельных крестьян, а 67,5% ее населения располагало наделом, превышавшим официальную 5-десятинную норму. При этом наибольшие средние наделы от 6 до 10 десятин на ревизскую душу были в южных, менее заселенных уездах: Царицынском, Камышинском, Аткарском и Балашовском. Кроме надельных угодий, государственные крестьяне использовали арендные и купчие земли. Неимущие крестьяне предпочитали снимать землю у помещиков, так как казенные оброчные статьи сдавались на условии предъявления денежных залогов и, попадая в руки спекулянтов, поступали в субаренду по повышенным ценам. Обычно целинные и старые залежные пашни снимались крестьянами на 3—4 года и оплачивались в первый год от 22 до 35 рублей ассигнациями за десятину, во второй год — от 16 до 25 рублей ассигнациями, в третий год — от 12 до 18 рублей ассигнациями. Распаханные земли арендовались дешевле — от 55 копеек до 2 рублей 65 копеек, в среднем — по 1 рублю 34 копейки за десятину. Наряду с большим числом арендаторов среди крестьян к 1858 году насчитывалось 11 565 земельных собственников, владевших 26 448 десятинами земли [120].

Количество четвертных однодворческих земель в Саратовской губернии было ничтожным, но сохранялось немало чересполосных дач с помещичьими имениями.

В приемах крестьянского полеводства наблюдалось заметное различие между северными и южными уездами. На севере, в районе лесостепи, колонизованной преимущественно русскими крестьянами и располагавшей меньшими наделами, почвы были заметно истощены и крестьяне начинали частично удобрять их навозом; здесь господствовали трехпольная система и общинное землепользование с ежегодными переделами парового поля. Культура ржи решительно преобладала тут над культурой пшеницы: например, в Кузнецком уезде на 29 тысяч десятин ржи приходилось 1180 десятин пшеницы, в Петровском — на 46 тысяч десятин ржи — 1500 десятин пшеницы (только на богатом черноземе Хвалынского уезда отношение хлебов было обратным). Русские крестьяне пользовались традиционными сельскохозяйственными орудиями: сохой, деревянной бороной (иногда с железными зубьями), серпом для жатвы, цепом для молотьбы, но землю обрабатывали тщательно: двоили озимь, производили посев под соху и борону, после посева вновь перепахивали и бороновали поле. На яровом клину сеяли овес, гречиху, горох, просо, полбу, чечевицу. Иную картину представляли южные степные уезды, заселенные в значительной части украинцами и располагавшие большими наделами и более плодородными почвами. Удобрение полей здесь отсутствовало, господствовала переложная система с забрасыванием истощенных земель под залежь; в Царицынском уезде сохранялась «пашня наездами» — свободный захват степного пространства, которое в течение 6—8 лет засевалось различными хлебами, пока не теряло своих питательных соков. Чем дальше на юг, тем больше становились посевы пшеницы — кубанки и белотурки: в Аткарском уезде на 30 тысяч десятин ржи приходилось 26 тысяч десятин пшеницы, в Камышинском пшеница занимала 25 тысяч десятин, а рожь — 17,8 тысяч десятин. В большем количестве, чем на севере, разводилось просо. Для вспахивания поля украинцы употребляли плуг с 3—4 парами волов; хлеб убирали косой с граблями и крючком, молотили с помощью лошадей или волов, которых впрягали в нагруженную телегу или в каток с

[120] МСР, III, стр. 148—149; К. В. Залезский. Сельскохозяйственная статистика... (ЖМГИ, 1857, ч. LXIV, отд. II, стр. 249—306); В. Вешняков. Крестьяне-собственники, стр 10—11

набитыми на нем деревянными кулаками. Яровые хлеба сеяли без всякой вспашки, под борону. Помимо основных культур, все большее распространение получали посевы подсолнечника. Кое-где наблюдались участки, засеянные табаком, горчицей и мареной. В Камышинском и Царицынском уездах большие пространства были заняты арбузами, дынями и тыквами.

К концу управления Киселева, в 1855 году, посевная площадь у государственных крестьян Саратовской губернии составляла 686 504 десятины, в среднем по 2,72 десятины на ревизскую душу, т. е. относительно больше, чем в губерниях Центрального черноземного района. После уменьшения территории Саратовской губернии расширение посевов шло следующими темпами (табл. 94).

Таблица 94

Посевы государственных крестьян Саратовской губернии*
(в четвертях)

Посевы	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.
Озимые	243 597	274 205	200 003	277 171	278 897
Яровые	491 470	549 586	553 897	535 549	555 905
Всего	735 067	823 791	753 900	812 720	834 802
На ревизскую душу .	2,90	3,25	2,99	3,22	3,31

* Отч., 1851—1855 гг.

По количеству посеянного зерна на душу населения Саратовская губерния приближалась к Воронежской и Пензенской. Сопоставляя приведенные цифры с размерами посевной площади, можно заключить, что в условиях южного многоземелья густота посева была меньше, чем в малоземельных губерниях черноземного центра.

Хорошие поемные луга и обширные пастбища на целинных и залежных землях благоприятствовали разведению скота. Несмотря на частые эпизоотии, отсутствие хлевов и скудное питание в зимние месяцы, наличный скот не только обеспечивал обработку почвы и домашнее потребление, но и давал излишки для рыночного сбыта. В степных уездах многие крестьяне имели по 1—2 пары волов, по 3—4 коровы, по 20—30 овец. Богатые хозяева содержали до 20 рабочих быков, до 20—30 дойных коров и до 200 овец. Бедные семьи нередко соединялись вместе для покупки общего плуга и нескольких пар волов; в таких случаях пахота производилась по очереди на основе древнерусской «супряги». Некоторые селения делили скот на два стада: дойное, ежедневно возвращавшееся с пастбища, и гулевое, кочевавшее в поле и предназначенное на убой; иногда мирское общество или отдельные крестьяне держали для случки племенных быков и баранов. Близость скотоводческих кочевий давала возможность скрещивать украинские и русские породы с башкирскими, калмыцкими и казахскими. Коневодство было поставлено хуже: раннее употребление лошадей в работу лишало возможности вырастить крепкую конскую породу; зажиточные хозяева предпочитали покупать лошадей у башкир и казахов.

Настоящим бичом саратовского земледелия были восточные ветры, приносившие с собой частые засухи и неурожаи. Тем не менее сохранявшееся плодородие почвы и обилие тяглового скота поднимали средний урожай до 5—6 зерен на зерно посева. В счастливые годы урожай бывал еще выше: иногда засеянный четверик проса давал до 200 четвериков зерна. Наличие крупных излишков хлеба, особенно в южных

уездах, придавало земледелию торговый характер; на купчих и арендованных землях, засеянных пшеницей и обрабатываемых с помощью наемных рабочих, сельское хозяйство приобретало отчетливо выраженные капиталистические тенденции.

Такой же товарный характер носили в подгородных селениях и в приволжской полосе между Саратовом и Царицыном огородничество и садоводство. Если в других районах разведение фруктов и овощей удовлетворяло только домашние потребности, то здесь в условиях рыночного спроса и южного плодородия, владельцы садов и огородов преследовали коммерческие цели. Картофель, капуста, огурцы, разнообразные сорта яблок, вишни, малина, смородина, барбарис находили себе широкий сбыт наряду с арбузами, дынями и тыквами. Особенно выигрывали хозяева, применявшие искусственное орошение, которое получило в Саратовской губернии довольно широкое распространение: по сведениям Палаты, в 1846—1847 годах в Саратовском, Хвалынском и Царицынском уездах поливные сады и огороды государственных крестьян занимали более 620 десятин. Воду направляли из родников и запруд при помощи специально устроенных каналов, канав и лунок; для орошения возвышенных мест ставили чигири, которые приводились в движение лошадью и действовали под наблюдением специально поставленных работников. Поливная десятина тщательно возделанного огорода давала его владельцу от 150 до 500 рублей чистого дохода.

Фруктовые сады в южных районах обычно сдавались в аренду городским торговцам, причем договоры, так же как в черноземном центре, заключались ранней весной и не всегда были выгодны для собственников. Некоторые хозяева самостоятельно вели садовое хозяйство, заводя питомники и сбывая плоды непосредственно на пристанях и городских рынках[121].

Севернее, на приусадебных землях, были хорошо унавоженные конопляники и участки, засеянные льном; но обе культуры удовлетворяли только домашние потребности крестьян.

Земледельческий характер Саратовского края не мешал развитию крестьянских промыслов, особенно в тех районах, которые не отличались большим плодородием или страдали от неравномерного наделения землей. В условиях товарного сельскохозяйственного производства интенсивнее были процессы отделения промышленности от земледелия и разделения крестьян на зажиточную и бедняцкую прослойки. Волжский торговый путь притягивал к себе большое количество бурлаков, возчиков, грузчиков и мелких товаропроизводителей, сбывавших на пристанях продукты своего хозяйства. По берегам Волги и притоков Дона процветало мелкое и крупное рыболовство. В лесных районах северных уездов существовали лесные промыслы, подобные тем, которые были характерны для губерний Среднего Поволжья. Так же как в черноземном центре, была широко развита местная переработка продуктов сельского хозяйства на водяных и ветряных мельницах, крупорушках,

---

[121] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2179, лл. 7—31; 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 677—732; 1852 г., д. 5483, л. 11; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 141—151; К. В. Залезский. Сельскохозяйственная статистика (ЖМГИ, 1857, ч. LXIV, отд. II, стр. 276—306; ч. LV, отд. II, стр. 53—74, 130—164, 249—306; 1858, ч. LXVI, отд. II, стр. 119—150, 151—186); Ив. Палимпсестов. Взгляд на сельское хозяйство и быт жителей правого прибрежья Волги от Саратова до Царицына (ЖМГИ, 1850, ч. XXXIV, отд. II, стр. 199—235; ч. XXXV, отд. II, стр. 23—70, 109—143); Д. Струков. Сельскохозяйственные замечания по Саратовской губернии (ЖМГИ, 1853, ч. XLVI, отд. I, стр. 1—16); А. Никольский. Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии. СПб., 1855, стр. 56—109; Успехи искусственного орошения земель в Саратовской губернии (ЖМГИ, 1846, ч. XXI, отд. I, стр. 99—104); Земледельческая хроника (ЖМГИ, 1849, ч. XXX, отд. IV, стр. 92—93).

маслобойнях, салотопнях, кожевенных, дегтярных и мыловаренных заводах. Значительный процент крестьянского населения поглощали местные ремесла кузнецов, плотников, портных, сапожников и пр. Многие крестьяне батрачили у богатых односельчан или нанимались рабочими на ближайшие фабрики и заводы. Близость обширных неистощенных земель в Области Войска Донского и самарском Заволжье стимулировала массовый отход на земледельческие работы в поисках более высокого заработка: в середине 40-х годов из одного Кузнецкого округа отправлялось в Заволжье до 14 тысяч государственных крестьян. По подсчетам налогово-оценочной комиссии, в 1853 году саратовская государственная деревня насчитывала 27 470 промышленников, которые почти поровну распределялись между северными и южными уездами. Сравнительно с количеством нижегородских крестьян, занимавшихся промыслами (27,3% числа ревизских душ), эта цифра составляла только 8,1% мужского населения деревни; тем не менее промысловые доходы имели немаловажное значение в денежном бюджете саратовского крестьянина, особенно его неимущей малоземельной прослойки.

Так же как в Среднем Поволжье, на территории Саратовской губернии встречались различные формы организации промыслов: наряду с ремеслом на заказ существовало самостоятельное мелкое производство в виде семейной кооперации или небольших мастерских с наймом одного или нескольких рабочих. Наблюдалась большая зависимость мелкого товаропроизводителя от скупщиков хлеба, скота и других продуктов местного хозяйства. Нередко наем рабочих облекался в кабальную форму, характерную для феодальных отношений: таков был наем бурлаков, который происходил перед началом навигации и сопровождался выдачей вперед половины или большей части условленного заработка (обычно бурлаку, тянувшему суда от Саратова до Нижнего Новгорода платили 13—20 рублей серебром, от Астрахани до Саратова — около 15 рублей). Нанявшийся в бурлаки сейчас же расходовал выданный аванс на уплату повинностей или неотложные нужды. В дальнейшем он оказывался в полной зависимости от судохозяина; заработанные деньги он получал мелочами во время путины, и только при быстром завершении плавания ему выдавался небольшой остаток; бывали случаи, когда на обратном пути домой у бурлака не оставалось средств на питание. Чисто капиталистический характер носил наем на сезонные полевые работы: наряду с годовыми батраками привлекались для пахоты, косьбы и особенно уборки пшеницы местные и пришлые рабочие за поденную или сдельную плату. Наем производился на местных базарах. Высота заработка зависела от характера почвы (целины, залежи, «мякоти»), от степени урожая и притока рабочих. В Балашовском уезде за покос травы без уборки в стога платили от 2 до 3 рублей серебром с десятины, с уборкой — от 3 до 4 рублей, за косьбу пшеницы — от 70 копеек до 1 рубля 10 копеек с десятины (на собственных харчах). В период летних и осенних работ мужчина получал на хозяйских харчах от 30 до 60 копеек поденной платы, женщина — от 30 до 50 копеек, т. е. значительно выше, чем в центральных и средневолжских губерниях [122].

После уборки урожая крупные партии пшеницы направлялись по Волжскому пути в Казань и Нижний Новгород, оттуда в потребляющие губернии и дальше в Рыбинск и Петербург для отправки за границу.

[122] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2179, лл. 7—31; 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 677—732; К. В. Залесский. Сельскохозяйственная статистика... (ЖМГИ, 1857, ч. LXIV, отд. II, стр. 53—88; 1858, ч. LXVI, отд. II, стр. 119—186); Ив. Палимпсестов. Взгляд на хозяйство... (ЖМГИ, 1850, ч. XXXV, отд. II, стр. 109—143); А. Никольский. Хозяйственное описание..., стр. 60—63, 120—133.

Рожь и овес перевозились преимущественно в Астрахань и оттуда — в Кавказский отдельный корпус. Часть сельскохозяйственной продукции шла на Моршанскую пристань, на местные винокуренные заводы и городским потребителям. Крестьяне продавали хлеб на базарах, на ярмарках и особенно на пристанях, расположенных по Волге, Хопру и Медведице. Количество товаров, продаваемых на ярмарках, из года в год увеличивалось: в 1844 году в казенных селениях было выручено от ярмарочной торговли 1 088 235 рублей серебром, в 1845 году — 1 200 101 рубль серебром и в 1846 году — 1 380 699 рублей серебром. Прасолы, скупавшие хлеб и скот, пользовались нуждой крестьян и сильно понижали цены; иногда они прибегали к особым ухищрениям — искусственно поднимали цены в определенных пунктах и, когда крестьяне вывозили туда свои запасы, внезапно понижали цены и скупали хлеб за самые ничтожные суммы.

Кроме местного сбыта сельской продукции, в Саратовской губернии была развитая транспортная торговля между бассейнами Волги и Дона. Основной торговой артерией обмена служила сухопутная дорога от волжской пристани Дубовка к казачьей станице Качалинская. В летний период, с начала мая до конца октября, здесь происходила так называемая «ходка»: с разных концов, в том числе из казенных сел южных саратовских уездов, собирались десятки тысяч возчиков, объединенных в артели по 10—60 пар волов, запряженных в украинские фуры. Через пролегающий переволок в направлении к Дону везли из Сибири и из северных губерний лесные материалы, изделия из металла, вино и разнообразные товары промышленного центра. Каждый возчик получал по 8—15 копеек ассигнациями с пуда, а каждая фура могла поднять от 30 до 60 пудов. По подсчетам современников, ежегодный расход на перевозку клади достигал 7 миллионов рублей серебром. Помимо этой основной дороги существовали другие, по которым доставлялись на донские пристани южная пшеница, астраханская икра, закавказский рис и другие продукты [123].

Характерные черты Нижнего Поволжья как колонизующегося района особенно ярко проявлялись в Самарской губернии, занимавшей левую луговую сторону волжского побережья и растянувшейся в длину на 900 верст. Поток переселенцев, начавший приливать в этот край с середины XVIII века, продолжал заполнять необозримые степи Заволжья и в период управления Киселева. В промежуток между 9-й и 10-й ревизиями, т. е. за 8 лет, население самарской государственной деревни выросло с 336 833 до 390 141 ревизской души, т. е. на 53 308 человек мужского пола, или на 15,8% [124]. Северные уезды, входившие раньше в состав Симбирской и Оренбургской губерний, были достаточно плотно заселены; поэтому правительство стало отводить новым переселенцам по 8, а не по 15 десятин на душу. Зато южнее реки Иргиза с его раскольничьими скитами еще лежали огромные пространства редко населенных уездов, входивших ранее в состав Саратовской губернии; наряду с освоенными землями старых и новых переселенцев здесь сосредоточивались огромные массивы целинных земель, принадлежавшие казне и удельному ведомству. Насколько велики были просторы этого района, показывают земельные наделы государственных крестьян Николаевского округа, прилегавшего с юга к реке Иргизу: в распоряжении 86 757 душ здесь находилось 1 113 212 десятин, т. е. по 12 десятин на душу (в том числе по 9 десятин пашни); кроме того, сельские общества имели в до-

[123] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2179, лл. 12, 22; К. В. Залезский. Сельскохозяйственная статистика... (ЖМГИ, 1858, ч. LXVI, отд. II, стр. 151—186); Ив. Палимпсестов. Взгляд на хозяйство... (ЖМГИ, 1850, ч. XXXV, отд. II, стр. 109—143)

[124] МСР, IV, стр. 134.

полнение к надельной земле 67 624 десятины мирских оброчных статей, а казенное ведомство сдавало желающим в аренду 1 008 452 десятины целины [125]. Правда, менее заселенные южные уезды не имели такой плодородной почвы, как северные, и к тому же страдали от отсутствия леса и от безводия. Черноземные почвы часто перемежались здесь с глинистыми, а на крайнем юге — с солончаковыми; но обилие непаханной земли в условиях дешевой аренды и высоких урожаев искупало все природные недостатки южного района.

Отличия между севером и югом в природных данных и в плотности населения налагали печать на все стороны сельскохозяйственной и бытовой жизни. Так же как в Саратовской губернии, на севере установились общинное землепользование и система трехполья; на юге сохранялись остатки захватного землевладения, происходили ежегодные разделы полей по жребию и полностью господствовала переложная система земледелия. На севере в озимом поле сеяли рожь и отчасти пшеницу, в яровом — главным образом овес, который по мере продвижения на юг вытеснялся русской пшеницей. На юг от реки Иргиза повсеместно господствовала пшеница, преимущественно белотурка и «перенодка» (улучшенный сорт русской пшеницы); просо, гречиха, овес и другие яровые хлеба занимали второстепенное место. На севере земля обрабатывалась одноконной сохой и плугом, в который впрягалось от 3 до 5 лошадей; чем южнее были расположены пашни и чем тяжелее, «жестче» становилась почва, тем чаще соха заменялась косулей и особенно конным плугом. На целинных и залежных землях средних уездов у зажиточных хозяев применялся воловий плуг, сабан, который тянули от 4 до 5 пар волов. В южном районе соха почти не применялась, ее вытесняли плуги, воловий и особенно конный. Только железная борона с 25—35 зубьями одинаково употреблялась во всех уездах. На севере хлеб жали серпом и обмолачивали цепами на гумнах и в овинах; на юге хлеб косили, спеша убрать осыпающиеся колосья; молотили тут же, на поле, с помощью лошадей, которых гоняли по разложенным снопам. На севере избы строили из местного мелкого леса, отапливали дровами и освещали лучиной, а иногда сальными свечами. На юге для постройки домов покупали привозной бревенчатый материал, для отопления запасались кизяком (спрессованным навозом) и наряду с лучиной употребляли для освещения баранье сало. На севере деревенские поселения были расположены чаще, но имели меньше дворов и отстояли от пашен на 1—5 верст. На юге селения были многодворными и отделялись от пашен на дальнее расстояние, часто на 12, а иногда — на 47 верст; для обработки полей жители устраивали хутора, в которые переселялись на летнее время [126].

Наряду с отличительными особенностями северных и южных уездов самарская государственная деревня имела некоторые общие черты, которые сближали ее с соседней Саратовской губернией, но ярче выявляли ее характер многоземельной колонизующейся окраины. Здесь был район не только продуктивного сельского хозяйства, но и широко развитого торгового земледелия и животноводства. Об этом достаточно красноречиво говорят цифры огромных, увеличивавшихся посевов не только в южных, но и в северных уездах (табл. 95).

---

[125] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1854 г., д. 23163, лл. 81—82.

[126] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, лл. 2—7; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 113—125; МСР. III, стр. 1—6, 98—108; Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства и промышленности Самарской губернии (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II, стр. 204—205); Саратовское Заволжье (ЗГ, 1840, № 65, стр. 513); А. Леопольдов. Взгляд на Новоузенский округ Саратовской губернии (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. IV, стр. 29—36); Описание Заволжского края в топографическом и агрономическом отношении (ЖМГИ, 1845, ч. XVII отд. II, стр. 1—17).

Таблица 95

Размеры посевов у государственных крестьян Самарской губернии*
(в четвертях)

Годы	Озимое поле	Яровое поле	Итого	На ревизскую душу
1851	134 116	759 056	893 172	2,64
1852	149 302	1 204 219	1 353 521	3,98
1853	167 425	1 085 213	1 252 638	3,66
1854	167 641	1 101 308	1 268 949	3,69
1855	177 066	1 121 340	1 298 406	3,77

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 94.

Период Крымской войны, прервавший заграничную торговлю пшеницей, неблагоприятно отразился на размерах яровых посевов. Тем не менее, сопоставляя данные 1851 и 1855 годов, мы видим отчетливую тенденцию закономерного роста. Особенно характерно для юго-восточного Заволжья, что яровые посевы (преимущественно пшеницы) во много раз превосходили озимые; эта черта была одинаково свойственна и северным, и южным уездам Самарской губернии, но ярче обнаруживалась в районе «пшеничных фабрик», на юг от Иргиза. Если в 1855 году в северном, Бугульминском округе яровые посевы превосходили озимые в 2 с лишним раза (104 367 четвертей и 40 156 четвертей), то в южном, Николаевском они были больше озимых в 28 раз (199 710 четвертей и 6988 четвертей) [127]. Общая площадь самарских посевов в 1855 году составляла 1 022 583 десятины, т. е. была значительнее, чем во всех ранее описанных губерниях, за исключением Воронежской [128]. На ревизскую душу это дает 2,79 десятины, т. е. более крупную величину, чем в средневолжских и центрально-черноземных губерниях. Густота посева в самарской деревне была различной в зависимости от климата и системы полеводства: на севере — больше (для ржи и пшеницы в среднем 9 четвериков на десятину), на южном перелоге — меньше (для тех же хлебов 6 четвериков на десятину). Если исходить из средних общегубернских данных, то самарские государственные крестьяне засеяли в 1855 году 3,77 четверти на ревизскую душу, т. е. больше, чем во всех ранее описанных губерниях.

Юго-восточное Заволжье страдало от знойных ветров и засух не меньше, чем Саратовская губерния. Поэтому и здесь были частые неурожаи со всеми тяжелыми последствиями для крестьянского населения. Однако сочетание теплого климата с наличием целинных земель обеспечивало относительно высокую урожайность всех зерновых культур. В результате тщательного исследования, произведенного в 1856 году, Самарская оценочная комиссия установила средний урожай по губернии для ржи сам-4,5, для русской пшеницы — сам-4,05, для пшеницы-белотурки — сам-5,75, для проса — сам-18. На лучших урожайных почвах средний урожай ржи поднимался до сам-7,3, пшеницы-переродки — до сам-8,5, белотурки — до сам-10, проса — до сам-29 [129]. Такая высокая урожайность, особенно на юге, обеспечивала не только питание населения, но и реализацию на рынке значительных масс товарного хлеба. Близость Волжского и Донского путей, устойчивый спрос на муку в заграничных портах, в

[127] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 94.

[128] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 113—125.

[129] МСР, III, стр. 8—12.— Отчеты Самарской палаты устанавливали значительно меньшую урожайность: по ее вычислениям, в 1856 году общий урожай всех хлебов равнялся сам-3,2 (Отч., 1856 г.).

восточных кочевьях и в уральском казачьем войске стимулировали расширение местного земледельческого хозяйства. Обилие свободных целинных и залежных земель было дополнительным фактором, возбуждавшим хозяйственную энергию крестьянства. Земля сдавалась в аренду не только казной и удельным ведомством, но и помещиками, получившими крупные угодья «по высочайшему пожалованию» или скупившими их по дешевке от коренного башкирского населения. Землю сдавали также башкиры, на юго-востоке — уральские казаки и во всех уездах — обедневшие крестьяне, которые забрасывали собственное хозяйство и шли в наем на сельскохозяйственные работы. Арендные цены в Самарской губернии были очень невысокими: по заключению Я. А. Соловьева, одного из самых осведомленных чиновников Киселева, «средние цены на среднюю десятину в северной половине губернии можно положить в несколько десятков копеек; тогда как в южной, в особенности в Новоузенском уезде, она должна дойти до нескольких копеек» [130]. Пашенные и луговые угодья снимали целые селения, крестьянские товарищества и отдельные домохозяева. Иногда это была потребительская аренда — там, где наделы были недостаточны или почва неплодородна; но в условиях Самарской губернии подобные сделки встречались сравнительно реже. Землю преимущественно арендовали сельскохозяйственные предприниматели, к которым принадлежали богатые крестьяне, купцы и отчасти помещики. Обыкновенно снимали большие пространства, требовавшие значительных затрат на покупку живого и мертвого инвентаря, на оплату аренды и на наем рабочих. Некоторые капиталисты, оттесняя на торгах крестьян, получали крупные угодья и позднее сдавали их тем же крестьянам по повышенным ценам. Согласно подворному обследованию оценочной комиссии, среди самарских государственных крестьян было подсчитано 41 558 съемщиков земель (очевидно, включая сюда и субарендаторов) [131].

Помимо надельных и арендуемых угодий, существовали купчие земли: к 1858 году в среде государственных крестьян Самарской губернии насчитывалось 23 084 собственника, которые владели пространством в 159 498 десятин, в том числе 5483 землевладельца, которые не пользовались казенным наделом, а имели в своем распоряжении 79 752 десятины, т. е. в среднем по 14,5 десятины на каждого [132]. Именно на этих арендованных и купчих землях велось крупное коммерческое земледелие, производившее на рынок значительные партии хлеба, в первую очередь южной пшеницы-белотурки. Насколько велики были размеры самарского торгового земледелия, показывает число наемных сельскохозяйственных рабочих, которые рекрутировались частью из местных крестьян, частью из пришлых отходников. По подсчетам оценочной комиссии, среди государственных крестьян насчитывалось 35 769 человек, работавших по найму в качестве батраков, пахарей, молотильщиков и т. д. [133]. Однако на юге собственных рабочих не хватало; относительно высокие цены на рабочую силу привлекали сюда отхожих крестьян из соседних губерний: Пензенской, Симбирской, Саратовской и др. «Из-за Волги,— писал в 1857 году Я. А. Соловьев,— тысячи народа приходят на летнее время в южную часть Самарской губернии. Безлюдные степи оживают, повсюду видна суетливая деятельность, жнут, молотят, возят зерновой хлеб с полей» [134]. По заключению другого современного наблюдателя, в степное Заволжье ежегодно приходило 100—120 тысяч человек [135]. Заработная

[130] Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II, стр. 232).
[131] МСР, III, стр. 88—89, 94—95 (№ 2 и 123).
[132] В. Вешняков. Крестьяне-собственники, стр. 10—11.
[133] МСР, III, стр 88—97 (№№ 1, 108, 131, 132, 138).
[134] Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II, стр. 233).
[135] ЗГ, 1840, № 65.

плата устанавливалась каждую неделю — от воскресенья до воскресенья — на местных рынках. «В этих народных собраниях,— прибавлял Соловьев,— участвуют мужчины и женщины: с одной стороны, рабочие, с другой,— хозяева» [136]. Цены колебались в зависимости от урожая и зрелости хлебов, а следовательно, от предъявляемого спроса. В горячее время стоимость уборки урожая поднималась до 4 рублей серебром с десятины (по расчетам оценочной комиссии, на эту работу требовалось 6 дней) [137]. Из местных крестьян нанимались не только не устроившиеся переселенцы, но и бедняки, которым было не под силу иметь количество тяглого скота, необходимое для поднятия целины или залежи. В числе бесхозяйных крестьян были и такие, которые не могли ждать летних полевых работ и нанимались заранее, с осени, связывая себя денежными задатками. Такие рабочие, закабаленные предпринимателем, получали за жнитво и молотьбу вдвое меньше сдельных сезонников. Существовала также категория годовых батраков, которым давали натурой харчи и одежду, а деньгами: на севере — 14 рублей серебром, на юге — 26 рублей (соответствующая плата работнице была 8 и 14 рублей). Более предприимчивые отправлялись далее на восток, в земли уральских казаков, где стоимость рабочей силы была выше, чем в районах Заволжья; таких отходников во время обследования насчитывалось 2486 человек [138].

В самарских степях было развито торговое земледелие и торговое животноводство. Способ обработки пашенных угодий требовал большого количества лошадей и волов, а наличие богатых сенокосов и выгонов давало возможность содержать значительное поголовье скота. По подсчетам оценочной комиссии, в северных уездах приходилось на каждый двор в среднем по 4 лошади и по 4 головы рогатого скота, а в южных уездах — до 6 лошадей и 4 голов рогатого скота. Богатые крестьяне держали целые стада, которые кормили на убой, перегоняя с одного пастбища на другое.

К торговому земледелию и скотоводству в степных уездах присоединялось промысловое бахчеводство и плодоводство: южные арбузы, дыни и фрукты находили себе широкий сбыт не только на месте, но и в северных губерниях. В Николаевском округе в 1855 году насчитывалось 113 садов с 12 600 плодовыми деревьями. Таким же источником денежного дохода служило промысловое пчеловодство, которое было одинаково распространено по всей Самарской губернии [139].

Количество хлеба, поступавшего на продажу в самарской государственной деревне, измерялось несколькими миллионами четвертей Только небольшая часть урожая сбывалась на ближайших базарах и шла на местное потребление. Пшеница доставлялась, как правило, самими крестьянами на волжские пристани и через посредство торговцев отправлялась преимущественно на север: частью в промышленные районы, частью в Петербург, откуда значительная часть зерна отпускалась за границу. Ржаная мука и овес шли на восток для продажи башкирам, казахам и Уральскому казачьему войску. Рожь в зерне, так же как второстепенные хлеба — просо, гречиха и полба, подвозились из северных уездов непосредственно к средневолжским и каспийским пристаням. В направлении на север, по волжскому пути, шли и другие продукты сельского хозяйства. В обмен на самарскую рожь и овес с востока привозили рыбу, соль, кожи и сало [140]. Массовое предложение зерна снижало

[136] Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II).
[137] МСР, III, стр. 112; Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II).
[138] МСР, III, стр. 88, 118—119; Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II стр. 230, 233—236).
[139] См. примечание на стр. 378.
[140] МСР, III, стр. 61—64; Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857 ч. LXII, отд. II).

цены на земледельческие продукты: по данным оценочной комиссии, рожь продавалась от 1 рубля 28 копеек до 1 рубля 83 копеек за четверть, русская пшеница — в 1,5 раза, а пшеница-белотурка — в 1,8 раза дороже, чем рожь [141].

Несмотря на ярко выраженный земледельческий характер губернии, среди самарских государственных крестьян, особенно северных уездов, были широко распространены крестьянские промыслы. В условиях торгового земледелия и развитого товарообмена быстрее шли процессы обособления промышленности от сельского хозяйства и социальное расслоение крестьянства; условия, в которых совершалась колонизация Заволжья, осложняли и усиливали расширение местного рынка рабочей силы. На основании подворной описи, налогово-оценочная комиссия насчитала здесь 139 промыслов и 113 666 наличных промышленников (при переводе в «годовые» это составит 67 793,9 человек, или 39% производительного мужского населения). Если мы откинем такие категории, как съемщики земель, сельскохозяйственные рабочие, сдатчики домов, десятники, сотники, и сгруппируем остальные показатели по социальному признаку, то получим следующую сводку о государственных крестьянах, занимавшихся промышленностью и торговлею (табл. 96).

Сопоставляя полученные итоги с соответствующими данными Центрального промышленного района, мы убеждаемся в глубоком отличии двух типов промышленного развития. Подавляющее большинство самарских промышленников состояло из ремесленников (78,4 против 44,3% в Тверской губернии); наоборот, число наемных рабочих, которые в фабричных районах охватывали почти половину всех крестьян, занятых промыслами (в Тверской губрении 45,7%), в Самарском краю составляло очень скромную величину (12,5%). Так же как в черноземном центре, промышленные предприятия юго-восточного Заволжья были придатком к сельскому хозяйству: это были мельницы, маслобойни, крупорушки, салотопенные, воскобойные, кожевенные заводы и т. п. Фабричных рабочих из крестьян в Самарской губернии насчитывалось всего 59 человек из 3117. Еще меньше было рабочих, занятых на транспорте: на тяжелую лямку бурлаков государственная деревня высылала только 4 отходников. Среди ремесленников преобладали профессии, обслуживавшие крестьянскую массу: портные, сапожники, овчинники и т. д. Зато был очень распространен промысел возчиков, доставлявших на лошадях и волах торговые грузы. Так же как в промышленном центре, была развита и специализирована торговля: наряду с мелочными торговцами оценочная комиссия зарегистрировала особые категории крестьян, торговавших зерном, мукой, скотом, рыбой, солью, салом и другими товарами, связанными преимущественно с сельским хозяйством. Таким образом, промыслы Самарской губернии носили специфический характер, отражавший на себе особенности Заволжья как района торгового земледелия [142].

Те же особенности сказывались в характере поселений и быте самарской государственной деревни. Наиболее ярким примером могла служить слобода Покровская Новоузенского уезда, расположенная на луговой стороне Волги, против Саратова. Население этого крупного прибрежного села, состоявшее в 1855 году из 8612 крестьян обоего пола, совмещало занятия сельским хозяйством с торговлей. Под яровыми культурами — пшеницей, ячменем и просом — у крестьян было занято 30 815 десятин,

---

[141] МСР, II, стр. 213, 216.

[142] К тому же типу многоземельной колонизующейся окраины с плодородной почвой, развитием торгового земледелия и расслоением крестьянства надо отнести степное Предкавказье (о государственной деревне этого района см. А. В. Фадеев. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1857 гл. III; § 3)

Таблица 96

Участие государственных крестьян Самарской губернии в промыслах и торговле*

Категории крестьян	Количество
Рабочие:	
в промышленности	3 117
на транспорте и связи	28
в торговле	180
прислуга	203
чернорабочие	126
Итого	3 654
Самостоятельные мелкие производители:	
ремесленники	6 636
мелкие сельскохозяйственные промышленники	3 400
извозчики	12 851
Итого	22 888
Служащие в торговле	158
Торговцы и промышленные предприниматели:	
торговцы	1 871
подрядчики и владельцы постоялых дворов	417
владельцы предприятий	159
Итого	2 447
Всего	29 147

МСР, III, стр. 88—97.— Сведения были собраны между 1856 и 1859 годами.

а под озимыми — 717 десятин хорошего чернозема, дававшего в среднем урожай сам-5 — сам-6. У каждого домохозяина были заведены бахчи с овощами, доставлявшие ему большие товарные излишки. Имея обширные пастбища, крестьяне могли заниматься промысловым скотоводством, а близость Волги стала источником развитого рыбного промысла. Кроме годовой ярмарки и еженедельного базара, в слободе велась непрерывная торговля в 8—10 лавках и на 110 открытых столах. Из окрестных сел в слободу привозили муку, пшено, печеный хлеб, овощи, рыбу, домашнюю и дикую птицу, дрова и сено, из Саратова доставляли кожевенные и и железные изделия, ткани, галантерею и пр. Но важнейшим привозным товаром оставалась пшеница, которую возили в течение всей зимы и ссыпали в обширные амбары (их насчитывалось 110); в роли скупщиков выступали иногородние купцы и сами слобожане. В некоторые базарные дни поступало от 10 до 20 тысяч пудов зерна. Ссыпной хлеб хранился в

амбарах до начала навигации: в полую воду он грузился на суда, которые направлялись в Казань, в Нижний Новгород и в Рыбинск.

Не ограничиваясь местным сбытом, жители слободы вели оживленную торговлю в близлежащем Саратове. Большое участие в мелочной торговле принимали женщины-домохозяйки; они продавали на саратовских базарах разнообразные товары: свежую зелень, весенние цветы, яйца, цыплят, диких уток, только что пойманных раков; у них можно было купить продукты домашнего производства: крахмал из пшеницы и картофеля, недорогие, но прочные и красивые ковры и т. д.

В слободе функционировал ряд предприятий сельскохозяйственной индустрии: 100 ветряных мельниц, 6 крупорушек, 2 маслобойни, 4 завода (2 салотопенных, 1 пивоваренный и 1 кирпичный). Население слободы обслуживалось местными ремесленниками — кузнецами, плотниками, портными, сапожниками, бондарями, которые никогда не могли пожаловаться на отсутствие работы.

Раскинутая на двухверстное пространство, Покровская слобода имела 1528 домов, из них 6 каменных, 6 обложенных кирпичом и много деревянных, но построенных по городскому типу. Наряду с украинскими хатами то здесь, то там виднелись русские избы, большей частью с тесовыми и очень редко с соломенными крышами. Среди зданий выделялись трактир, несколько питейных домов и винные подвалы. В то же время село имело особое здание торговых бань, богадельню на 15 человек и 2 училища, содержавшиеся на общественный счет: одно — для мальчиков, другое — для девочек. В 1856 году правительственные власти закрепили крупное хозяйственное значение Покровской слободы, признав за ней официальное положение торговой пристани [143].

Редкое население Нижнего Поволжья имело такое стечение благоприятных условий, как слобода Покровская: и выгодное положение на волжском пути, около крупного городского центра, и богатое плодородие почвы, и щедрое наделение землей, восходившее к первоначальному периоду колонизации. Тем не менее многие села Саратовской и Самарской губернии, хотя и в меньшем масштабе, воспроизводили тот же тип деревенского поселения. Бытовые условия Нижнего Поволжья, особенно в южных самарских уездах, отличались в выгодную сторону от черноземного центра и средневолжских губерний: современные наблюдатели отмечали здесь полное отсутствие курных изб, обилие прочных построек из дерева и землебитного кирпича, более современную и красивую одежду, вытеснение лаптей сапогами, широкое распространение пшеничного хлеба и мясных продуктов [144].

Однако прогрессивные тенденции сельского хозяйства Заволжья в условиях разлагающегося феодального строя таили в себе серьезную угрозу для будущего развития земледелия. Наиболее осведомленный представитель Министерства Я. А. Соловьев, сравнивая северную и южную половины Самарского Заволжья, считал, что положение южной части губернии «более блистательно, хотя уже менее, чем прежде». Еще откровеннее и тревожнее высказывались агрономы и местные администраторы: они констатировали прогрессирующее истощение почвы, уменьшение урожаев пшеницы и постепенное передвижение на юг границы распространения белотурки. Примитивная агротехника в условиях краткосрочной аренды и хищнической эксплуатации земель вела к неуклонному уменьшению плодородия, частым неурожаям и к наметившемуся упадку сельского хозяйства. По словам управляющего Самарской палатой,

---

143 А. Любенский. Слобода Покровская (ЖМГИ, 1855, ч. LVII, отд. II, стр. 65—72); Разные известия (ЖМГИ, 1856, ч. LVIII, отд. II, стр. 63—64).

144 ЗГ, 1840, № 65, стр. 513 и след.; К. В. Залеский. Сельскохозяйственная статистика (ЖМГИ, 1857, ч. LXV, отд. II).

«крестьяне с каким-то постоянно унынием смотрят на скудный урожай тех же полей, которые еще на их памяти весьма изобильно вознаграждали труды отцов и дедов...» С другой стороны, за кажущимся всеобщим благоденствием скрывался процесс усиливающегося расслоения деревни; рядом с богатыми крестьянами, с грустью замечал Я. А. Соловьев, «бедные не могут справиться со своей бедностью». Вместе с ростом капиталистических отношений росли неравномерность доходов, разорение неимущих и увеличение числа бесхозяйных крестьян [145].

Астраханская губерния, особенно после присоединения к ней Царевского уезда [146], была естественным продолжением южных частей Саратовской и Самарской губерний: и здесь на огромном пространстве расстилалась малозаселенная степь с глинистой почвой и выступающими то здесь, то там солонцами. Но в отличие от соседних земледельческих губерний, Астраханский край не мог сделаться хлебной житницей Европейской России: чем дальше на юг, тем засоленнее была почва и труднее условия для ведения хлебопашества. Население государственной деревни, слагавшееся частью из переселенцев (русских и украинцев), частью из полуоседлого слоя татар, еще в середине 50-х годов располагало значительным наделом земли, в среднем по 10 десятин на ревизскую душу [147]. Однако урожайные пашни лежали почти исключительно на севере, главным образом в Царевском и Черноярском уездах, на степной полосе, растянувшейся вдоль течения Волги: здесь в условиях переложного хозяйства культивировались яровые посевы пшеницы и проса, в меньшей степени — озимой ржи, ячменя и гороха; в среднем они составляли по 1,8—2 четверти на ревизскую душу. В южных — Астраханском и Красноярском уездах земледелие играло ничтожную роль: на ревизскую душу здесь засевалось в среднем по 0,04 четверти, т. е. меньше, чем в холодных губерниях Северного Поморья. Так же как в самарской степи, земля поднималась украинским плугом с 3—4 парами волов. Целину и отдохнувшую залежь засевали сначала яровым хлебом, затем, сняв урожай и заборонову жнивье,— озимой рожью; на следующий год, снова без вспашки, отводили поле вторично под озимую культуру и, убрав хлеб, забрасывали участок на 3—4 и более лет. Хлеб молотили тут же, в поле, с помощью лошадей, запряженных в фуры. Судя по отчетам местной Палаты, средний урожай колебался от 3 до 5 зерен на зерно посева. Нередко озимые хлеба вымерзали, а яровые — погибали от засухи. Кроме того, земледелию вредили степные грызуны: суслики, мыши, земляные зайчики и пр. Местами крестьяне дополняли обычные культуры посевами горчицы и перца, которые находили выгодный сбыт на рынке. На плодородной почве разводились бахчи с арбузами и дынями и сады с плодовыми деревьями. Там, где почва изобиловала солонцами, арендовали или покупали более плодородные участки земли. Но были селения, где из-за малого надела или сплошных солончаков занятие земледелием становилось невозможным.

Зато природные условия Астраханского края способствовали развитию скотоводства и рыболовного промысла. Начиная от северной границы губернии, Волга разветвлялась на множество рукавов, образуя широкую пойму, которую местные жители называли «займищем». Простираясь на 450 верст к югу и постепенно увеличиваясь в ширину, эта полоса занимала 20 тысяч квадратных верст и представляла собой естественный луг с высокой сочной, питательной травой. Многочисленные

145 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, лл. 2—7; Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства... (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II).

146 Царевский уезд был перечислен из Саратовской в Астраханскую губернию в 1851 году.

147 См. главу III

рукава Волги были покрыты густыми камышевыми зарослями, служившими не только кормом скоту, но и материалом для построек и топлива. Именно здесь казенные крестьяне пасли свои стада, которые по количеству скота значительно превосходили поголовье других губерний. В 1855 году, по отчету Палаты, астраханская государственная деревня насчитывала 247 775 голов крупного и 495 767 голов мелкого скота; это составляло на ревизскую душу по 3,3 лошадей, быков и коров и по 6,6 овец, свиней и другого мелкого поголовья. Исходя из расчета 4 ревизских душ на двор, можно предполагать, что в 1855 году каждый домохозяин в среднем имел по 13,2 голов крупного и по 26,4 головы мелкого скота. Современные наблюдатели отмечали, что во многих селениях крестьяне, не считавшиеся самыми зажиточными, держали до 100 лошадей, до 100 голов рогатого скота и до 200, а иногда и более овец. Случки с калмыцкими и казахскими лошадьми создавали особую породу выносливых и крепких коней, которых выращивали и частью употребляли в работу, а частью продавали скупщикам. Рогатый скот разводился в больших размерах, так как он доставлял разнообразные выгоды: обеспечивал питание населения, давал возможность сбывать около Астрахани молочные скопы и мясо, повсюду — приплод и кожи. Так же широко было распространено овцеводство: продажа шерсти и приготовленных овчин служили важными статьями дохода. Каждый астраханский крестьянин даже если не занимался земледелием, непременно был скотоводом.

По всему течению Волги и ее многочисленных протоков, озер, ильменей, особенно в районе дельты, как и на Каспийском море, процветало промысловое рыболовство. На судах разнообразного устройства и размеров при помощи различных сетей, неводов и вентерей крестьяне ловили ценные сорта рыбы — осетров, белуг, стерлядей, лососей, которые крупными партиями отправлялись во внутренние губернии вместе с икрой, вязигой, жиром и клеем. Ловили и менее доходную рыбу: судаков, лещей, воблу. На каспийских островах подстерегали и били тюленей. В северном Царевском уезде воды находились в общественном пользовании крестьян, во всех остальных уездах они составляли казенные оброчные статьи и сдавались с торгов всем желающим за большие денежные суммы. Обычно на торгах брали верх крупные капиталисты из купцов или богатых крестьян, которые организовывали рыболовство как крупное предприятие. Некоторые нанимали ловцов из крестьян, пользуясь их инвентарем или снабжая их собственными лодками и сетями; для обработки пойманной рыбы строили рыболовные заводы (так называемые «ватаги»). Рабочие получали за лов годовую или сдельную заработную плату. Другие съемщики делили арендованные воды на участки и за определенную сумму допускали крестьян ловить и самостоятельно сбывать рыбу, пользуясь собственными орудиями производства. Наконец, существовала и третья система — передача рыбных угодий мелким съемщикам или крестьянским обществам. При всех условиях аренда рыбных ловель откупщиками была невыгодна для крестьян: арендатор-монополист прибегал к разнообразным способам увеличения своих доходов: понижал до минимума заработную плату, закабалял мелких ловцов предварительной выдачей «справы» (аванса на покупку снастей и лодок), взвинчивал цены на уступаемое право ловли и т. д.

Рыболовство на астраханских и каспийских водах носило хищнический характер: нередко, вылавливая вместе с ценной рыбой менее доходную, выбрасывали последнюю на берег, если улов был велик и не помещался на рыболовных судах; из ценной рыбы вынимали икру, вязигу и клей, а остатки бросали в воду; в некоторых пунктах сохранялись первобытные «учуги» — деревянные заборы с сетями, которые перегораживали реку и захватывали всю рыбу, идущую против течения для метания икры.

При всех неблагоприятных условиях рыболовный промысел являлся одним из основных источников крестьянского дохода, особенно на юге Астраханской губернии. Меньшее экономическое значение имели бурлачество и извозы, в частности перевозка соли, добываемой в Эльтонском озере. По отчетам Палаты, количество паспортов и билетов, выданных астраханским отходникам, выросло в 1845—1854 годах с 8819 до 14 329 [148].

Подводя итоги экономическим процессам Среднего и Нижнего Поволжья приходится и здесь сделать вывод, общий для всех районов: прогрессивные тенденции хозяйственной жизни развивались стихийно, независимо от воздействия Министерства государственных имуществ. Для усовершенствования сельского хозяйства на Поволжье были образованы две учебные фермы: Северо-восточная, близ Казани, и Юго-восточная, в Самарской губернии; обе готовили воспитанников и производили различные земледельческие опыты. Влияние этих учреждений на крестьянское хозяйство было очень невелико: судя по отчетам, оно ограничивалось раздачей огородных семян, случкой крестьянских маток и продажей изготовленных орудий. Каковы были масштабы этой помощи, показывает отчет Самарской фермы за 1852 год: на весь огромный район коммерческого земледелия в течение целого года крестьяне купили у фермы только 10 усовершенствованных плугов, 2 пароконные арбы и несколько мелких предметов на общую сумму 557 рублей 77 копеек. Никаких попыток создания образцовых хозяйств или улучшения техники крестьянского ремесла не предпринималось. Сельскохозяйственные выставки устраивались редко и только в двух городах: Нижнем Новгороде и Казани; выставки не приобрели здесь того значения, какое они имели в центральных губерниях. Отчеты Палат ограничивались жалобами на крестьянскую косность и на низкий уровень местного сельского хозяйства [149].

Зато текущая политика Министерства создавала серьезные препятствия для преодоления рутинной техники и улучшения земледелия и животноводства. Ко всем порокам киселевской администрации, раскрытым многочисленными ревизиями в Казанской, Саратовской, Астраханской и других губерниях, присоединялись система краткосрочной аренды целинных земель, истощавшая черноземную почву, и монопольные откупа рыболовных угодий, поощрявшие хищническое истребление волжской рыбы. Если крестьянское хозяйство Среднего и Нижнего Поволжья оказывалось на более высоком уровне, чем в Центральном черноземном районе, то оно было обязано этими результатами природным условиям богатого края и трудовым усилиям предприимчивых энергичных переселенцев.

8. Приуралье

Приуралье было одним из самых крупных и своеобразных районов, населенных государственными крестьянами. Помимо Пермской и Оренбургской губерний, перерезанных Уральским хребтом, к нему примыкала Вятская губерния, имевшая много черт, роднивших ее с собственно Приуральем. Так же как на территории уральских предгорий, здесь залегали на севере глинистые и песчаные почвы, на юге — плодородные черноземные пространства. Все три губернии связывал между собой

[148] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 5312, ч. II; 1856 г., д. 26474; д. 26491, лл. 133—136; ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, лл. 11—16; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 140—156; Ив. Михайлов. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии, ст. I—VII (ЖМГИ, 1851, ч. XXXIX, отд. I, стр. 1—20, 301—322; ч. XL, отд. I, стр. 1—33, 119—148, 257—277; ч. XLI, отд. II, стр. 1—34, 227—248); Успехи государственных крестьян Астраханской губернии в сельском хозяйстве (ЖМГИ, 1844, ч. X, отд. IV, стр. 106—108).

[149] О состоянии и действиях Саратовской фермы в 1849 г. (ЖМГИ, 1851, ч. XXXVIII, отд. I, стр. 122—144); Извлечения из отчета Юго-восточной учебной фермы в Самарской губернии за 1852 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LI, отд. II, стр. 87—108).

разветвленный бассейн реки Камы. И тут, и там лесистые чащи, перемежавшиеся болотами, сменялись открытыми равнинами, занятыми пашнями и лугами. Всем трем губерниям был свойственен континентальный климат с резкими колебаниями температуры. Здесь жило разнородное население, в котором численно преобладали русские земледельцы, но значительными прослойками вкрапливались коми, удмурты, татары, а южнее — мордва и чуваши [150]. На этой восточной окраине Европейской России в течение ряда веков шел процесс народной и правительственной колонизации; в Оренбургской и отчасти в Пермской губернии он продолжался еще в 40—50-е годы XIX века. Здесь оседали наиболее инициативные и смелые элементы русского населения, гонимые нуждой, тяжестью крепостного и финансового гнета, нередко — политическими и религиозными преследованиями. В Приуралье, особенно в Вятской губернии, был невелик процент крупного дворянского землевладения. Государственные крестьяне преобладали здесь над остальными категориями мелких сельских производителей. В этих отдаленных губерниях сохранялось относительное многоземелье, которое обеспечивало более благоприятные условия для самостоятельного сельского хозяйствования. Наконец, развитие горной промышленности, в известной мере захватившее и Вятскую губернию, создавало особый строй жизни, экономически и морально влияя на обширную земледельческую периферию.

Однако, несмотря на наличие сходных черт, Вятская губерния, составлявшая район древней колонизации, отличалась от Пермского и Оренбургского краев целым рядом местных особенностей. Помещичье землевладение составляло здесь ничтожную величину (в 1840-х годах вятским дворянам принадлежала $^1/_{10}$ земельной площади), а государственные крестьяне превосходили своей численностью население казенных имений в других губерниях Европейской России и Сибири: по данным 10-й ревизии их насчитывалось 804 456 ревизских душ. За 23 года, между 8-й и 10-й ревизиями, население вятской государственной деревни выросло на 207 425 ревизских душ, т. е. на 35%. Наиболее компактные массы крестьян сосредоточивались в средних и южных уездах, где почва была более благоприятной для хлебопашества. На севере простирались дремучие леса и болота, скудная песчаная почва давала низкие урожаи, между тем на юге, в Яранском, Малмыжском и Елабужском уездах, на черноземе, очищенном от леса, успешно вызревали пшеница, просо и фрукты [151].

Судя по ведомости 1844 года, в большинстве казенных волостей Вятской губернии на ревизскую душу причиталось по 7—9 десятин земли; средние волостные наделы в 3—5 десятин были исключением, так же как более крупные наделы в 12—13 десятин. Позднее, в начале 50-х годов, по подсчетам местного агронома Б. Любанского, средний надел удобной земли равнялся 5 десятинам с лишком; из них приблизительно по 1,5 десятины занимало каждое из трех пашенных полей и около 1 десятины на двор составляли сенокосы [152]. Эти размеры земельных угодий уступали наделам саратовских и самарских крестьян, но значительно превышали средние нормы Центрального черноземного и, тем более Центрального промышленного районов. К надельным землям надо присоединить уча-

---

[150] Башкиры, населявшие Оренбургскую губернию, не входили в состав государственного крестьянства.

[151] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 221, и след.: МСР, IV, стр. 132: П. Кеппен. Девятая ревизия, стр. 189—200; Б. Г. Плющевский. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. (рукопись канд. диссертации, стр. 197).

[152] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 5312, ч. V, лл. 8 и след.; ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 221—253.— Б. Г. Плющевский определяет средний душевой надел 1859 года по данным Кировского областного архива в 7,3 десятины (очевидно, с включением неудобной земли). Б. Г. Плющевский. Указ. соч., стр. 194—197.

стки, которые крестьяне снимали в аренду и покупали в собственность в одиночку и целыми обществами. К концу 50-х годов в губернии числилось 5332 земельных собственника, которые владели 15 545 десятинами земли (в среднем, около 3 десятин на каждого) [153].

По отчету Вятской палаты, в 1855 военном году посевная площадь озимого клина составляла 989 173 десятины, ярового — 995 513 десятин, а всего 1 984 686 десятин. Если исходить из количества высеянного зерна, размеры посевов в вятской деревне абсолютно и относительно увеличивались. Согласно министерским отчетам, эта кривая роста представляется в следующем виде (табл. 97).

Таблица 97

Размеры посевов государственных крестьян Вятской губернии (в четвертях) *

Посеяно	1843 г.	1846 г.	1852 г.	1855 г.
Всего	2 202 966	2 405 290	2 810 091	2 909 589
на ревизскую душу .	3,68	4,02	3,82	4,01

* Отч., 1843, 1846, 1852 и 1856 гг.— В основном с данными цифрами совпадают отчетные данные Вятской палаты (ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 163—164)

Надельные пашни оставались в общинном владении и переделялись почти ежегодно ранней весной. Повсюду существовало трехполье и господствовали те же сельскохозяйственные культуры, какие с давних времен бытовали в северных и центральных районах: рожь — на озимом поле; овес, ячмень, в меньшей степени лен и гречиха — на яровом. Возрастающие посевы льна применялись в Нолинском, Вятском и других уездах на низменных недавно запаханных участках. В южных уездах господствовали более разнообразные посевы; на яровом поле у многих встречались просо, пшеница, горох, чечевица и конопля.

Земледельческие орудия были тоже стародавними и привычными: вятская соха с двумя сошниками и железным отвалом, поднимавшая землю на 2 вершка в глубину, деревянные бороны и «черкуши» с одним железным зубом, короткая коса-горбуша, серп и цеп-молотило. Этими орудиями вятский крестьянин дважды пахал и бороновал поле, стараясь раньше покончить с озимыми посевами, чтобы избежать вредного влияния инея. Песчаные и глинистые почвы удобрялись навозом, но далеко не достаточно; в черноземных уездах удобрения не употребляли, а навоз за ненадобностью сваливали в овраги.

Лучшие сенокосы были расположены по берегам рек, но и здесь, особенно на поемных лугах по течению Камы, образовывались застои воды, которые способствовали размножению вредных болотных трав. Большинство крестьян должно было довольствоваться лесными и болотными пастбищами с малопитательными кислыми травами. К этим неблагоприятным условием присоединялся небрежный уход за скотом, проводившим бóльшую часть года на подножном корму, без всякого надзора пастухов, а зимой — в холодных сараях; только в самые сильные морозы скот переводили в подызбицы. Не мудрено, что вятские лошади, коровы и овцы были мелкими и производили на агрономов впечатление вырождающейся породы. Тем не менее по количеству поголовья вятская государственная деревня могла считаться более обеспеченной, чем многие

[153] В. Вешняков. Крестьяне-собственники, стр. 10.

районы Европейской России. Правда, частые эпизоотии — этот бич государственной деревни — были причиной массовых падежей и резких изменений в количестве крупного и мелкого скота.

По отчету Вятской палаты, в 1855 году у местных государственных крестьян было 1 323 000 голов крупного и 1 591 040 голов мелкого скота, т. е. по 1,82 головы первого и по 2,19 головы второго на ревизскую душу. Исходя из расчета 4 ревизских душ на двор, это дает соответственно 7,28 и 8,76 голов на каждого домохозяина.

Таким образом, среднее количество крупного скота на крестьянский двор превосходило нормы северо-западных, центральных и средневолжских губерний. Конечно, и здесь средние цифры скрывали за собой неравномерное распределение скота между крестьянами: по более поздним данным 1859 года, крестьянских хозяйств с тремя и более лошадьми насчитывалось 25 107, с двумя лошадьми — 185 111, однолошадных — 65 016 и вовсе безлошадных — 65 016 [154].

Сравнительное обилие скота давало возможность широко развернуть разведение картофеля: по данным 1855 года, под картофельными посадками было занято 1580 десятин на полях и 18 640 десятин на огородах; в этом году государственные крестьяне собрали 223 053 четверти картофеля, который частью пошел на питание деревни, частью сбывался на вятских базарах, частью перерабатывался в муку и крахмал (в губернии существовал 1 крупный и 50 небольших крестьянских заводов). Культивирование картофеля повлекло за собой введение усовершенствованного плужка для окучки.

Остальные овощи разводились в небольшом количестве, за исключением подгородных селений, которые пользовались возможностью обеспеченного сбыта. Кроме того, татары, удмурты и мари выращивали хмель, на который имелся спрос в городах соседней Пермской губернии; в марийских деревнях встречались посевы марены. Садов было мало, — только зажиточные крестьяне, вроде Максимова, Буткова и Шамова в южном Уржумском уезде, могли похвалиться питомниками и сотнями плодовых деревьев.

Бортевое пчеловодство, которое раньше процветало в Вятской губернии, переживало упадок в связи с сокращением лесов и отводом лугов под пашни. Однако на сельскохозяйственных выставках экспонировались хорошие образцы меда, за которые получали награды отдельные крестьяне-пчеловоды [155].

Местные агрономы и руководящие чиновники низко оценивали состояние вятского земледелия и отмечали падающую урожайность крестьянских полей: раньше рожь и овес давали 5, а иногда 8—12 зерен на одно зерно посева; в 50-е годы такие урожаи считались недостижимыми: в лучшем случае урожай поднимался до сам-4, но часто в связи с весенними заморозками, обилием сорняков, действием вредителей, а главное усиливающимся истощением почвы падал до сам-2 — сам-3. Пространства для лесных расчисток становилось все меньше; повсеместно наблюдался недостаток лугов и пастбищ.

В то же время управляющий Вятской палатой отмечал «трудолюбие, предприимчивость и особенное рвение здешних крестьян ко всему новому

---

[154] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 353; Б. Г. Плющевский. Экономическое развитие вятской «казенной» деревни в 1840—50-х гг. («Ученые записки Удмуртского гос. пед. ин-та», вып. 9. Ижевск, 1956, стр. 116).

[155] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2180, лл. 51—57, 66—70; 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 205—218, 221—253; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 318—353; Б. Любанский. Сельское хозяйство у государственных крестьян Вятской губернии (ЖМГИ, 1852, ч. XLII, отд. I, стр. 209—231); Вятская выставка [в 1850 г.]. (ЖМГИ, 1851, ч. XXXVIII, отд. I, стр. 203—238); Вятская выставка сельских произведений в 1854 г. (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. II, стр. 15—73).

и видимо полезному». Отчеты Палат и сельскохозяйственные выставки подтверждают это заключение: в деревне постепенно распространялись лучшие сельскохозяйственные орудия: длинная коса-литовка, коса с граблями, железная борона, кое-где ярославская косуля и даже одноконный плуг; в зажиточных хозяйствах встречались кочкорез и снаряд для корчевания пней. Из крестьянской среды выходили отдельные изобретатели, которые стремились повысить уровень производительных сил своего края: на сельскохозяйственной выставке 1854 года получили награды крестьяне Медведев и Шишкин за сделанные американский плужок и пропашник, крестьянин Хитрин — за модель сенокосной машины, крестьянин Кривошеин — за модель турбинной мельницы. В некоторых волостях начали производить опыты с травосеянием, применяли осеннюю вспашку ярового клина и посевы кормовой репы; иногда пытались перейти к четырехпольному севообороту. Некоторые, по-видимому богатые, крестьяне стали выписывать и засевать лучшие сорта семян: вазскую и кустовую рожь, кистевой и арабский овес, гималайский и «небесный» ячмень. В 1846 году насчитывалось 134 образцовых домохозяина, которые применяли различные сельскохозяйственные улучшения; в 1847 году, по донесению управляющего Палатой, число таких хозяев, включая священников, выросло до 449. В 40-х и отчасти в 50-х годах славилась своими нововведениями образцовая Уржумская усадьба, устроенная крестьянином Макаром Максимовым [156]; однако к концу 50-х годов хозяин, занявшийся торговыми операциями, охладел к своему делу и, не поладив с местным агрономом, попросил упразднить усадьбу как показательное учреждение. Агроном Волкович пришел к заключению, что усадьба не отвечает своему назначению, так как своими постройками, восьмипольным севооборотом и применением наемного труда она не соответствует условиям среднего крестьянского хозяйства. Тем не менее примеру Максимова последовал целый ряд зажиточных крестьян, которые старались поднять производительность своего хозяйства. Во второй половине 50-х годов тот же агроном Волкович подробно описал 9 таких хозяйств: Мохова и Сунцова — в Вятском уезде, Небогатникова, Метелева, Култышева и Вшивцева — в Нолинском, Асанова — в Малмыжском, Ноговицына и Горубшина — в Глазковском уездах. Особенно выделялся своими опытами крестьянин Мальканской волости Ефим Метелев, грамотный и внимательно следивший за текущей огрономической литературой, которую он выписывал из Петербурга и Москвы. Метелев сам установил связи с Московским обществом сельского хозяйства и двумя учебными фермами: Горыгорецкой и Казанской. Ежегодно он выписывал семена улучшенных растений: американской яровой ржи, китайского овса, шестирядного египетского ячменя, яровой пшеницы-талавери, рижского и псковского льна и т. д. Выращивая новые растения, Метелев записывал в особую ведомость условия и результаты своих опытов, в случае неудачи менял почву и время высева, внимательно проверял соответствие между вызреванием растений и влиянием вятского климата. Наличие большого количества скота (8 лошадей, 20 голов рогатого скота, 35 овец и около 50 свиней) давало ему возможность обильно удобрять глинистую землю. На огороде Метелева хорошо родились крупная петровская репа, коломенская и брюссельская капуста, белые турецкие огурцы и розовато-огненный редис. При усадьбе был разведен сад с липовыми и березовыми аллеями, привитыми яблонями и вишнями, ягодными кустами малины и смородины.

Другие, менее зажиточные, хозяева вели более скромное хозяйство, но у всех наблюдалось стремление перенести на вятскую почву доходные

[156] См. главу III, стр. 241—242.

сельскохозяйственные культуры, повысить урожайность и рентабельность своего хозяйства. Так же как в других районах, зажиточные и частью средние хозяйства применяли наемный труд батраков. По данным Кировского архива, приведенным Б. Г. Плющевским, в 1855 году таких хозяйств, нанимавших работников, было 32 520, т. е. 9% общего количества дворов [157].

Более высокая урожайность давала возможность вятским государственным крестьянам сбывать на рынок значительное количество хлеба. По вычислениям современного знатока местного хозяйства, в начале 50-х годов у всех категорий вятских крестьян за вычетом семян и потребляемого хлеба оставались излишки в размере 20 миллионов пудов ржаной муки; бо́льшая часть этого хлеба сбывалась государственными крестьянами частью на местных базарах и ярмарках, частью — через скупщиков, которые отправляли хлеб во внутренние губернии и через Нощульскую пристань (на реке Лузе в Вологодской губернии) в Архангельский порт для перепродажи за границу. Помимо ржи, в Архангельск сбывались льняное волокно и семя; по вычислению агронома Любанского, в начале 50-х годов туда шло около 200 тысяч пудов льна и около 80 тысяч пудов семени. Кроме того, лен обрабатывался на месте, и вытканные холсты («новины») сбывались на ярмарках и поставлялись в армию. Крестьяне торговали также кожами, скотом, изделиями домашней промышленности и в подгородных селениях — овощами. По отчетным сводкам Палаты, в 1848 году на территории казенных имений функционировало 15 ярмарок, 222 базара и 417 еженедельных торжков; в 1850 году в деревнях насчитывалось уже 24 ярмарки и 248 базаров. В течение 1847—1851 годов средние цены на рожь стояли на уровне 2 рублей 51 копейки за четверть, на ржаную муку — 3 рубля 19 копеек, на гречневую крупу — 6 рублей 24 копейки, на овес — 1 рубль 60 копеек, на пшеницу — 4 рубля 68 копеек; пуд сена стоил в среднем 14 копеек. Крымская война, остановившая заграничную торговлю и расстроившая внутренний товарооборот, сильно понизила цены: например, в 1855 году рожь продавалась по 1 рублю 4 копейки — 1 рублю 80 копеек за четверть, пшеница — от 1 рубля 44 копеек до 4 рублей, пуд сена — за 7—9 копеек. Особенно понизились цены на лен и льняное семя: в 1851 году пуд льна продавался за 4 рубля, а в 1854 году — за 1 рубль 40 копеек; пуд семени до войны стоил 2 рубля 80 копеек, а в 1855 году — от 30 до 50 копеек [158].

Так же как в других районах, в вятской деревне наблюдался прогрессирующий процесс отделения промышленности от земледелия. Повсеместно были распространены лесные промыслы: изготовление деревянной посуды, крестьянских телег и саней, простой и «красной» мебели, детских игрушек и экипажей, производство мочала и рогож, гонка смолы и дегтя. Некоторые местности, расположенные около городов и по берегам судоходных рек, например Троицкая волость, славились работой своих столяров, которые отправляли в южные губернии изящно выделанную мебель. Из лесных уездов сплавляли на заводы и в города срубленный лес наряду с обтесанными брусьями, предназначенными для постройки плотов и речных судов. Во многих районах были развиты скорняжный и кожевенный промыслы. Севернее, там, где сохранялось много пушного зверя, обрабатывались меха и овчины, которые крупными партиями

[157] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. III, лл. 288—312; Вятская выставка сельских произведений в 1854 г. (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. II); Б. Г. Плющевский. Экономическое развитие вятской «казенной» деревни... («Ученые записки Удмуртского гос. пед. ин-та», вып. 9, стр. 117).

[158] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2180, лл. 49, 58; 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 205—218, 221—253; 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 318; ф. I Д, 1856 г., д. 26491, лл. 165—166; Вятская выставка сельских произведений в 1854 г. (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. II, стр. 15 и след.); Ал. Егунов. О средних ценах...

сбывались на Нижегородскую ярмарку. Восточнее, особенно на границах с Пермской и Оренбургской губерниями, богатыми скотом, выделывались разнообразные сорта кож: юфтевые, сафьяновые, опойковые, замшевые и пр.; их продавали частью на месте, частью на той же Нижегородской ярмарке. Там, где собирался богатый урожай льна, преимущественно в Нолинском уезде, процветало ткацкое производство: по данным 1848 года, ежегодно 5 миллионов аршин рубашечного и подкладочного холста скупалось здесь на нужды военного ведомства. Крашением холста занимались главным образом крестьяне Елабужского уезда. Кое-где крестьяне организовали добывание извести, жернового и точильного камня, железной и медной руды.

Самостоятельный мелкий производитель и здесь попадал в зависимость от крупных предпринимателей из числа купцов и богатых односельчан. Заготовка и сплав леса сосредоточились в руках капиталистов-лесопромышленников, которые нанимали в работники нуждающихся крестьян. Добывание и первоначальная обработка руды производились по заказам горных заводов. Торговля ремесленными изделиями составляла преимущественно профессию скупщиков, которые обладали коммерческими связями с крупными фирмами и подчиняли своим требованиям мелких разрозненных производителей. В 1848 году по подсчетам местной Палаты на 28 294 ремесленника-хозяина приходилось 11 562 нанятых работника.

Еще большее расслоение наблюдалось в рядах отхожих промышленников, которых в 1845 году насчитывалось 52 985 человек (т. е. 8,8% общего числа ревизских душ). Из деревень, расположенных по течению рек, уходило немало крестьян, нанимавшихся на судовую работу в качестве бурлаков. Вдоль сухопутных трактов были широко распространены извозы: хлеб и другие товары крестьяне развозили на местные и отдаленные ярмарки (в частности, Ирбитскую и Нижегородскую), в Казань и Москву. В 1848 году крестьян, занятых обслуживанием транспорта, насчитывалось 38 482 человека, из них 14 217 были хозяева (т. е. собственники лошадей, заключавшие подряды на перевозку клади) и 24 265 работников, нанимавшихся к хозяевам за определенную плату. Наемными рабочими крестьяне поступали на винокуренные, солеваренные и горные заводы или на отдаленные сибирские золотые прииски. Некоторый процент отходников поглощали рыболовные промыслы на Каме, Вятке, Вое, Чепце и других, менее значительных реках и некоторых вятских озерах; и здесь у содержателей крупных оброчных статей рыбную ловлю производили наемные рабочие из местного деревенского населения.

Обыкновенно крестьянские промыслы совмещались с основными занятиями хлебопашеством и скотоводством. Иное положение складывалось на крайнем севере Вятской губернии: в условиях сурового климата, среди дремучих лесов и непролазных болот, была невозможна земледельческая культура; население Слободского, Глазовского и частью Орловского уезда, состоявшее преимущественно из удмуртов и мари, кормилось почти исключительно звероловством: пользуясь ружьями, тенетами, сетями, крестьяне охотились на горностаев, куниц, медведей, зайцев и белок, стреляли тетеревов, рябчиков, глухарей и другую дикую птицу. Охота соединялась обычно с другими, преимущественно лесными, промыслами [159].

Бытовые условия вятской деревни сближали ее с северными губерниями: население жило большими семьями в поместительных избах с

---

[159] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1844 г., д. 2180, лл. 45—51; 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 221—253; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 318—353; Отч., 1845 г.; Вятская выставка [в 1850 г.] (ЖМГИ, 1851, ч. XXXVIII, отд. I. стр. 203—238); Вятская выставка сельских произведений в 1854 г. (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. II, стр. 57—73); Б. Г. Плющевский. Указанные сочинения.

тесовыми крышами; у русских крестьян избы были снабжены дымовыми трубами, у мари и удмуртов они были преимущественно курные. Русские одевались в лапти и употребляли в пищу капустные щи с овсяной или ячневой крупой, ватрушки (шанги), пироги и «ярушники» из яровой ржаной муки, толокно, репу и молоко, которое зимой держали в замороженном виде. Удмурты и мари питались хлебными продуктами, а из овощей употребляли исключительно редьку.

Управляющие Палатами в своих донесениях писали о своем широком содействии крестьянскому хозяйству: об устройстве случной конюшни, о раздаче самопрялок, о помощи крестьянам при их поступлении на заводы и при их расчетах с хозяевами, об отдаче в ремесленное обучение мальчиков и т. д. Отчеты агрономов и особенно ревизоров более трезво оценивали эти мероприятия: здесь отмечались слабое влияние бывших воспитанников фермы, отсутствие заботы о ремесленном обучении, «корыстные отношения» с заводчиками окружных начальников и управляющих Палатами, потакавших притеснению рабочих, наконец ухудшение материального уровня крестьянской жизни при новых министерских учреждениях. Лучше жили крестьяне южных уездов губернии, обладавших более благоприятными природными и экономическими условиями [160].

Губернии, непосредственно прилегавшие к Уральскому хребту, — Пермская и Оренбургская — были объединены многочисленными горными заводами и разветвленными речными путями, которые шли от Приуралья к Поволжью. Растянутое на тысячу верст с севера на юг, пространство этих губерний отличалось разнообразием своих природных условий: на севере залегала тундра, которая сменялась песчано-глинистыми предгорьями Урала; на юге Пермской губернии начиналась полоса чернозема, которая захватывала часть Оренбургского края и постепенно уступала место солончаковой почве. Уезды, примыкавшие к Уральскому хребту, включали в себя и тундровые болота, и лесные чащи, и пахотные поля, и нетронутые степи. В 1851 году Оренбургская губерния потеряла три уезда — Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский, перечисленные во вновь образованную Самарскую губернию. Это не помешало Уральскому краю сохранить значение окраинного колонизуемого района. За 23 года, истекшие между 8-й и 9-й ревизиями, население государственной деревни в обеих губерниях выросло с 531 336 до 683 132 ревизских душ, причем наиболее компактные массы государственных крестьян были сосредоточены в пермских юго-восточных уездах — Камышловском и Шадринском, отличавшихся плодородием почвы и более мягким климатом [161].

Сравнительно с другими районами Приуралье считалось многоземельным краем: в Пермской губернии, по расчетам местной Палаты, относящимся к 1848 году, на каждую ревизскую душу приходилось по 7 десятин земли, вполне удобной для ведения хозяйства [162], в Оренбургской губернии в среднем причиталось на ревизскую душу до 9 десятин, а в некоторых уездах, например в Челябинском, в 1850 году местная Палата считала возможным обеспечить каждого крестьянина максимальной нормой в 15 десятин. Кроме того, Пермская и Оренбургская губернии отличались двумя важными преимуществами: сравнительно слабым развитием помещичьего землевладения и более нормальной пропорцией между сенокосом и пашней. Правда, дворянских земель насчитывалось здесь больше, чем в Вятской губернии; тем не менее надельная площадь государственных крестьян составляла в Приуралье преобладающую величину: по приблизительным данным Генерального штаба, государствен-

[160] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 19293, ч. II, лл. 47—53; ф. III Д, 1851 г., д. 4814. ч. I, лл. 221—253; ч. III, лл. 288—301; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 318—353.

[161] П. Кеппен. Девятая ревизия, стр. 182—200; МСР, IV, стр. 134.

[162] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, ч. II, л. 121.

ные земли Пермской губернии занимали более 15 миллионов десятин, а помещичьи — немногим более 3 миллионов десятин, причем бо́льшую часть частных владений составляли леса, принадлежавшие горным заводам, а наибольшие пространства в земледельческих уездах — пашенные и луговые угодья государственных крестьян. Судя по распределению государственных и частновладельческих крестьян, такое же преобладание принадлежало казенному ведомству в Оренбургской губернии (особенно после административной реформы 1851 года, перечислившей значительный процент крепостных в Самарскую губернию). По данным того же Генерального штаба, отношение пашни к сенокосу в Пермской губернии равнялось 2 : 1, а по отдельным уездам 1 : 2 (Пермский уезд), 17 : 12 (Верхотурский уезд), 18 : 15 (Ирбитский уезд). В Оренбургской губернии луговые угодья решительно преобладали над пашней, а в резерве оставались кроме того обширные степи, еще не освоенные рукой человека [163].

В дополнение к надельной земле крестьяне покупали и арендовали дополнительные участки. Количество крестьян-собственников и размеры купчих земель были значительно больше на обширных и плодородных пространствах Оренбургской губернии (табл. 98).

Таблица 98

Крестьяне-собственники в Пермской и Оренбургской губерниях*

Губернии	Общее число крестьян	Количество их земель	В среднем	Число не пользовавшихся казенной землей	Количество их земель (в десятинах)
		в десятинах			
Пермская	374	3 227	8,5	230	3,067
Оренбургская	10 864	206 687	19,0	10 478	205 337

* В. Вешняков. Крестьяне-собственники, стр. 10—11.

В обеих губерниях сдавались в аренду казенные оброчные статьи и башкирские земли; в Оренбургской губернии существовала также аренда на казачьих и помещичьих землях. В земледельческом Шадринском уезде, плотно заселенном выходцами из русских губерний, арендные цены на пахотные участки колебались от 45 копеек до 1 рубля 30 копеек в год за десятину. В Оренбургской губернии даже в конце 50-х годов арендные цены стояли очень невысокие: за пашни платили большей частью от 25 копеек до 1 рубля, за сенокосы — от 10 копеек до 1 рубля, за пастбища — от 1 до 6 копеек за десятину; цены поднимались в случае урожая, особенно в районах с недостаточными наделами [164].

Обилие земли оказывало влияние на системы землепользования и полеводства. И в Пермской, и в Оренбургской губерниях господствовало общинно-уравнительное землепользование с переделами от ревизии до ревизии. Там, где земли было много, «большесемейные» крестьяне распахивали новые участки по своему произволу. Наоборот, в Пермской губернии в

[163] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, ч. II, л. 121; ф. III Д, 1850 г., д. 4639, л. 4; Х. Мозель. Пермская губерния. СПб., 1859, ч. II, стр. 26—29 и табл. 17; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859, стр. 266; «Оренбургские губернские ведомости», 1849, № 27.— В центральных земледельческих губерниях соотношение пашни и сенокоса колебалось между 3,94 : 0,40 и 3,00 : 0,30; в Екатеринославской оно равнялось 5,68 : 0,51; в Саратовской — 5,00 : 0,44 (МСР, II, стр. 249).

[164] МСР, II, стр. 234; А. Третьяков. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 178); В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 277—278.

результате сильного сокращения лесных угодий крестьяне навсегда разделили между собой лесные наделы и обязали каждого хозяина заботиться о поддержании и насаждении своего семейного участка. В степных уездах Оренбургской губернии пашни были разбросаны на огромном пространстве, иногда в 10 и более верстах от селения; в период полевых работ крестьянские семьи переселялись на временные хутора.

Трехполье сочеталось здесь с более отсталыми формами полеводства. В Шадринском уезде Пермской губернии после пшеницы и яровой ржи засевали овес и только на четвертый год оставляли поле под паром; местами истощенную землю забрасывали на 10, 20 и даже 30 лет под залежь, а хозяйство вели на «новинах», или «новочистях», причем первые 4—6 лет без перерыва сеяли рожь. В степных уездах Оренбургской губернии господствовала еще переложная система. Навозное удобрение клали только в северных районах на супесчаные почвы, прилегающие к селениям.

Земледелие получило наибольшее развитие в Шадринском, Оренбургском и Челябинском уездах. Здесь наряду с озимой и яровой рожью были широко распространены посевы пшеницы. Повсеместно засевались овес и ячмень. На яровых полях южных уездов сеяли также просо, полбу, гречиху и горох. Лен и коноплю разводили исключительно для собственного потребления.

Техника земледелия была более отсталой, чем в Вятской губернии. На старых, распаханных землях употребляли соху, на более твердых почвах — косулю, на залежах — плуг и татарский сабан. Сено косили неудобной горбушей, которая постепенно вытеснялась длинной «литовкой». В некоторых волостях Пермской губернии ревизоры не обнаружили ни одной телеги: все летние перевозки, как и зимой, совершались на санях. В Шадринском уезде, населенном выходцами из русских губерний, утвердилась борона с железными зубьями. Попытки рационализировать сельское хозяйство встречались тут реже, чем в Вятской губернии. Тарасов, ревизовавший Пермскую губернию в 1855 году, приходил к безрадостному выводу что между местными крестьянами «до сего времени решительно не замечено никакого стремления к улучшению хлебопашества». Впрочем, тот же ревизор упоминал о двух крестьянах: Циренщикове — в Верхотурском округе и Федосееве — в Чердынском, которые выписывали улучшенные семена, чтобы повысить культуры своих хлебов. Если к этим исключительным явлениям присоединить осушение болот, встречавшееся то тут, то там в Пермской губернии, то этими незначительными усилиями будут исчерпаны все новаторские попытки в области сельского хозяйства. Тот же ревизор сообщает, что крестьянские мальчики, окончившие курс на Казанской учебной форме, были не в состоянии применить на практике свои знания в условиях безраздельного господства традиционной земледельческой техники [165].

Чтобы повысить свои доходы, крестьяне распахивали новые степные земли и лесные участки. За 5 лет, начиная с 1851 года, когда была сокращена площадь Оренбургской губернии, крестьянские посевы выросли абсолютно и относительно на душу населения (табл. 99).

Посевная площадь в 1855 году занимала в Пермской губернии 909 527 десятин (т. е. 2,08 десятины на ревизскую душу), в Оренбургской губернии — 552 574 десятины (т. е. 2,87 десятины на ревизскую душу) [166].

---

[165] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, Приложение, т. I, л. 210; т. II, л. 32; 1855 г., д. 24709, ч. VI; лл. 45, 48; ф. III Д, 1850 г., д. 4639; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 103—110; А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II); Х. Мозель. Пермская губерния, ч. II, стр. 31—33, 47—48; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 285—310, 325—326.

[166] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 96; ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 103.

Таблица 99

Посевы государственных крестьян в Пермской и Оренбургской губерниях *
(в четвертях)

Посеяно	Пермская губерния		Оренбургская губерния	
	1851 г.	1855 г.	1851 г.	1855 г.
Озимого	306 970	327 055	185 530	209 305
Ярового	1 063 161	1 099 633	628 766	636 650
Итого	1 370 131	1 426 688	814 296	845 955
На ревизскую душу .	3,09	3,23	4,36	4,40

* Отч., 1851, 1855 гг.

В приведенных сведениях обращает на себя внимание значительное преобладание яровых посевов над озимыми (это сближает Приуралье с нижневолжскими губерниями), а также высокая норма посевов на душу в Оренбургской губернии, превосходящая нормы не только Центрального черноземного района, но и Самарского Заволжья.

Успехам земледелия способствовало обилие скота, особенно в степных уездах Оренбургского края. Несмотря на плохое содержание, эпизоотии и массовые падежи, ежегодно вырывавшие у крестьян тысячи голов, размеры поголовья на душу населения и на двор превосходили цифры других районов (за исключением степного Астраханского края).

Правда, в отличие от предыдущих губерний, мы располагаем только сведениями годовых министерских отчетов, которые показывают количество скота суммарно — у государственных крестьян и у других, постоянных и временных жителей казенных селений, а число этих «посторонних» лиц сообщают лишь в форме общих итогов по всей стране. Однако, учитывая, что бо́льшую часть «посторонних» составляли отставные солдаты и солдатские сыновья, более или менее равномерно распределенные по стране, а остальные категории (купцы, мещане, разночинцы) составляли всего 1% с небольшим, можно с большой долей вероятности определить среднюю величину поголовья скота на каждую душу мужского пола: достаточно увеличить количество ревизских душ каждого года на соответствующий добавочный процент «посторонних» мужчин и на полученную сумму разделить показанное количество скота. Так как купцы, мещане и разночинцы обыкновенно не вели собственного сельского хозяйства, а держали скот преимущественно в потребительских целях, то полученные относительные величины следует считать скорее преуменьшенными, чем преувеличенными (табл. 100).

Если исходить из расчета 4 ревизских душ на двор, то каждый домохозяин имел в среднем до 8 голов крупного и до 8 голов мелкого скота в Пермской губернии и до 12 голов крупного и до 20 голов мелкого скота в степной Оренбургской губернии.

В Пермской губернии особенно ценились так называемые «обвинские лошади», происходившие от эзельских клепперов, привезенных при Петре I на реку Обву (один из западных притоков Камы). Несмотря на вырождение этой породы, она передала местному конскому поголовью свои достоинства: силу и быстроту движения. В Оренбургской губернии качество крестьянских лошадей поддерживалось случкой с башкирской и казахской породами, отличавшимися малым ростом, но крепостью и быстротой. Рогатый скот Приуралья не отличался высоким качеством,

Таблица 100

Количество скота у населения государственной деревни в Пермской и Оренбургской губерниях*

Губернии	1853 г.	1855 г.	1856 г.
Пермская			
Число государственных крестьян	442 808	441 299	440 802
Предполагаемое число всех душ мужского пола**	457 863	455 862	455 789
Крупного скота	964 467	855 708	915 817
На душу мужского пола	2,10	1,87	2,01
Мелкого скота	852 774	910 697	917 573
На душу мужского пола	1,86	2,00	2,01
Всего скота	1 817 2[illegible]	1 766 405	1 833 390
На душу мужского пола	3,96	3,87	4,02
Оренбургская			
Число государственных крестьян	189 590	192 221	193 183
Предполагаемое число всех душ мужского пола**	196 036	198 563	199 751
Крупного скота	602 289	593 436	613 143
На душу мужского пола	3,07	2,98	3,07
Мелкого скота	944 936	997 022	899 483
На душу мужского пола	4,82	5,02	4,50
Всего скота	1 547 225	1 590 458	1 512 626
На душу мужского пола	7,89	8,00	7,57

* Отч., 1853, 1855, 1856 гг.
** Надбавка составляет для 1853 и 1856 годов 3,4%, для 1855 года — 3,3%

но его было достаточно, чтобы расширить доходный бюджет деревенского хозяйства: крестьяне продавали скот на убой, торговали через скупщиков молочными скопами и сбывали изделия из овечьей шерсти. Как и всюду, распределение скота между домохозяевами было неравномерным: некоторые государственные крестьяне Оренбургской губернии имели по 100 голов рогатого скота, многие держали по 10, 20 и даже 50 голов [167].

Зажиточные хозяева, засевавшие большие пространства земли и державшие у себя много скота, не могли обойтись без наемного сельскохозяйственного труда. Разыскать на месте годового работника было трудно,— преобладал поденный и сдельный наем, главным образом весной и при уборке урожая. В плодородный Шадринский уезд по окончании собственной жатвы высылали сыновей крестьяне соседних уездов; из Оренбургского уезда после распашки собственных полей отправлялись партии крестьян с плугами и волами в пограничные уезды, иногда за

[167] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 103—111; А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II); X. Мозель. Пермская губерния, ч. II, стр. 65—77; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 345—360

50—100 верст от собственного села. В Челябинский уезд сходилось много работников из Пермской и Тобольской губерний. Много батраков нанималось из среды обедневших башкир, мещеряков, тептерей и татар. В Шадринском уезде годовому работнику платили от 10 до 30 рублей серебром, поденному во время жатвы — до 25—30 копеек серебром; за уборку десятины пшеницы получали 5 рублей 50 копеек (обычно эту работу выполняла артель в 9 человек). В Оренбургской губернии вспахать, заборонить и засеять десятину ярового клина стоило от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей 50 копеек, на озимом поле — на 1 рубль 50 копеек дороже.

Урожайность хлеба в Приуралье в среднем составляла сам-3 — сам-4; на землях государственных крестьян яровые посевы давали лучшие урожаи, чем озимые [168].

Огородничество и садоводство были развиты в Приуралье меньше, чем в Вятском крае. В домашних огородах разводились преимущественно капуста и картофель; производство на рынок существовало около городов и горных заводов, иногда — по берегам судоходных рек. В 1855 году в Пермской губернии было посеяно 37 859 четвертей картофеля (из них только 2 977 четвертей — на полях) и собрано 143 267 четвертей; часть продукции была продана по 7—10 копеек за пуд на местные картофельно-паточные заводы. На южной окраине Пермской губернии и в Оренбургском уезде в коммерческих целях разводились арбузы и дыни. В начале 50-х годов оренбургские арбузы продавались на месте от 1 рубля до 6 рублей серебром за сотню; розничные потребители платили за них от 2 до 20 копеек за штуку. Фруктовые сады встречались в виде редкого исключения и не составляли предмета особых забот и ухода. В местных лесах, еще богатых черемухой, липой, шиповником, жимолостью, рябиной, сохранялось бортевое пчеловодство; кроме того, государственные крестьяне в южных пермских уездах и в Оренбургской губернии устраивали примитивные пасеки, дававшие некоторое количество товарного меда [169].

Значительные размеры посевов и обилие скота обеспечивали крестьянскому хозяйству наличие товарных излишков, которые сбывались в города на местные винокуренные и горные заводы, переправлялись по рекам Белой и Каме в Нижний Новгород, Рыбинск и Петербург, а также скупались военным ведомством на питание армии. В Оренбургской губернии к этим основным потребителям присоединялись казахские кочевья, которые вели меновую торговлю, обменивая скот на привозимый хлеб. Средние цены на земледельческие продукты были несколько ниже вятских; особенно низкими они были в хлебородной Оренбургской губернии, располагавшей менее удобными путями сообщения и большими хлебными запасами (табл. 101).

В период Крымской войны цены упали еще ниже: в Пермской губернии в 1855 году четверть ржи стоила 1 рубль 69 копеек, овса — 99 копеек. Рыночные цены всегда стояли несколько ниже справочных [170].

Крестьяне сбывали свои излишки через посредство скупщиков на ярмарках и базарах. В 1844 году в селениях пермских государственных крестьян насчитывалось 38 ярмарок и 227 деревенских базаров с общим

---

[168] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 96; ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 103; А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II); В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 275—278.

[169] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 103—110; А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II); Х. Мозель. Пермская губерния, ч. II, стр. 50—53, 79; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 323—332, 370—376.

[170] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, ллл. 97—99; ф. III Д, 1850 г., д. 4639, л. 3; 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 103.

привозом на 1 725 350 рублей. Особенно славилась своими оборотами Постновская ярмарка, которая продолжалась с 17 августа до 1 сентября и устраивалась в поле, на сухопутной дороге из Шадринска в Курган: сюда заезжали сибирские купцы с Нижегородской ярмарки и бухарские торговцы, привозившие среднеазиатские товары; здесь шла бойкая торговля лошадьми, кожами, солью, льняным семенем, фабричными товарами. В Оренбургской губернии в 1855 году в казенных имениях было

Таблица 101

Средние справочные цены в 1847-1851 годах *

Продукты	Пермская губерния		Оренбургская губерния	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Рожь (четверть) . . .	2	16	1	79
Ржаная мука (куль) .	2	38	2	2
Гречневая крупа (четверть)	6	51	3	25
Овес (куль)	1	55	1	27
Пшеница (четверть) .	—	—	2	94
Сено (пуд)	—	12	—	10

* В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 322; Ал. Егунов. О средних ценах...

зарегистрировано 32 ярмарки и 67 базаров, а продажа товара выразилась в сумме 227 231 рубль [171].

Приуральское земледелие сочеталось с разнообразными промыслами, которые во многом были обязаны своим развитием многочисленным предприятиям, разбросанным по отрогам Уральского хребта. Значительное число крестьян уходило из деревень работать на горные заводы; преобладали подсобные работы, главным образом заготовка дровяного топлива для плавки руды. Немало крестьян было занято перевозкой товаров с заводов и на заводы. Помимо хлеба и мяса, в заводские районы сбывалось сукно, изготовляемое из шерсти крестьянских овец. Чем меньше давала почва и суровее был климат, тем больше развивались внеземледельческие промыслы. Северные уезды Пермской губернии, населенные преимущественно коми, жили почти исключительно звероловством, охотой на дикую птицу и лесными промыслами: рубкой и сплавом дров, сидкой смолы, гонкой дегтя. Из северных, менее хлебородных, волостей Шадринского уезда поздней осенью расходились в южные чисто земледельческие районы различные ремесленники: шерстобиты, портные, сапожники, плотники, суконоделы и пр. Существовала промышленная специализация отдельных сел и волостей: в селе Канашинское занимались обработкой овчин и кож, в Смолинской и Вознесенской волостях приготовляли из дерева веретена, решета, лопаты, колеса, сани; в подгородных шадринских селах Ивантиевское и Сосновское пекли на весь уезд пряники, и т. д. По всему Приуралью крестьяне занимались в свободное время рыболовством. В Оренбургской губернии из деревень уходили на юг и запад на полевые работы. По данным министерских отчетов, в 1845 году 13,4% мужского населения пермской деревни выбрало 53 179 паспортов и билетов; в Оренбургской губернии за тот же год вы-

[171] Н. Ф. Штукенберг Статистические труды, т. II, СПб., 1860 (Пермская губерния, стр. 45; Оренбургская губерния, стр. 37); А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II, стр. 179—226).

шло на заработки 20 358 государственных крестьян, т. е. 6,7% ревизских душ.

И здесь, на отдаленной восточной окраине Европейской России, был широко распространен наемный труд и пользовался сильным влиянием торговый капитал. Если бо́льшая часть отходников шла на солеваренные, винокуренные и горные заводы, на золотые прииски и постройку барок, то самостоятельные мелкие производители попадали в экономическую зависимость от крупных городских торговцев. Особенно ярко сказывалось это влияние в среде северных звероловов, которые отправлялись, вооруженные лыжами и ружьями, на зимнюю охоту за медведями, волками, лисицами, горностаями и другими пушными зверями; приобретая свинец за дорогую цену от чердынских купцов, охотники вынуждены были расплачиваться за него натурой, получая от тех же купцов ничтожную надбавку за доставляемые шкуры [172].

О расслоении приуральских крестьян свидетельствуют многочисленные донесения ревизоров. Особенно тяжелым было положение бедняков в самом северном Чердынском округе. По свидетельству ревизора Тарасова, «зажиточные крестьяне кроме хлеба вносят нередко за бедных подати; поэтому бедняки у тех, как порабощенные, остаются на все лето... Бедняки без всякого прекословия работают на зажиточных круглый год все, что те не заставят, боясь через ослушание потерять у заимодавцев на будущее время милость». В некоторых селениях — Замараевское, Первухинское, Колчеданское — многие бедные крестьяне были не в состоянии вести собственное хозяйство и, сдавая свои наделы зажиточным хозяевам, оставались у них работать в качестве батраков [173]. Иногда богатые крестьяне, занимавшиеся подрядами и торговлей, развивали широкую предпринимательскую деятельность. По сведениям Пермской палаты, крестьянин Красноуфимского округа Гаврило Беляев по собственному почину очистил течение реки Бисерты от лесных завалов и наносных отмелей, наняв для этой цели 25 рабочих и затратив более 3 тысяч рублей серебром; нагрузив лесом 13 барок, он сплавил их по очищенному руслу в реку Уфу, вернув себе затраченные средства и обеспечив дальнейшее развитие местной лесопромышленности [174].

Разнообразию природных условий, этнического состава и классового положения соответствовали различия в быте крестьянского населения. В северных уездах, особенно среди коми, внешние условия жизни были тяжелыми: деревни строились беспорядочно и отстояли друг от друга на большом расстоянии, теряясь среди лесов и болот; жилищами служили курные избы, освещаемые лучиной; обувь составляли берестяные лапти; в пищу употреблялись ржаной хлеб, овощи, ячменная похлебка, овсяный кисель, по праздникам — пельмени и брага. Хлеба едва хватало до следующего лета; в неурожайные годы население питалось толченой еловой корой с небольшой примесью отрубей или несеянной муки. Иначе жили русские крестьяне в земледельческих уездах: Шадринском, Камышловском, Челябинском и др. Здесь преобладали большие избы с тесовыми крышами и дымовыми трубами; у богатых крестьян бывало по две, по три избы; во дворах устраивались бани и домашние службы. Избы содержались опрятно, отапливались березовыми дровами

---

[172] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1855 г., д. 24709, ч. III и V; В. Хлопов. Хозяйственный и нравственный быт пермяков (ЖМГИ, 1852, ч. XLIV, отд. I, стр. 166—180), Отч., 1845 г.; А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II); Х. Мозель. Пермская губерния, ч. II. стр. 81, 412—417; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 342.

[173] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8864, приложение, т. I, лл. 278, 309, 334; 1855 г., д. 24709, ч. V, лл. 164—165.

[174] ЖМГИ, 1842, ч. V, отд. V, стр. 4—6.

и освещались у зажиточных хозяев самодельными сальными свечами. Питание было разнообразнее и лучше, чем на севере: в скоромные дни — мясные щи, в праздники — свинина, баранина, птица; пшеничный хлеб за столом был обычным явлением. Мужчины носили сапоги, пестрядинные рубахи и суконные чекмени, в праздники — плисовые шаровары и поярковые шляпы; у женщин нередко встречались суконные шубы, шелковые сарафаны и атласные шали.

Государственные крестьяне Приуралья (особенно Пермского края), в большинстве староселы, отличались гостеприимством, чувством независимости и духом общественности. Одним из характерных обычаев Шадринского уезда были так называемые «помочи»: по просьбе домохозяина во время жатвы, вывозки дров и постройки жилища собирались в праздник соседи, которые бесплатно выполняли накопившуюся работу. Хозяева кормили помочан завтраком, обедом и ужином. Обязательство взаимной помощи распространялось не только на бедных и больных: этот старинный обычай использовали также богатые крестьяне, имевшие крупные зерновые посевы. На помочи собиралось иногда до 50—100 человек. Обыкновенно общий труд завершался играми и плясками под бандуру, балалайку или гармонию[175].

Местное управление государственных имуществ мало помогало развитию производительных сил Приуралья. В Пермской губернии была устроена случная конюшня, а при Казанской учебной ферме училось 20 воспитанников, набранных в пермских казенных деревнях. Агрономическая помощь в крае отсутствовала, сельскохозяйственные выставки не устраивались, училища были в жалком состоянии, вспомогательными кассами пользовались только богатые крестьяне. Организация переселений из внутренних малоземельных губерний была предметом суровой критики контролировавших чиновников. Ревизии Пермской губернии, произведенные в 40-х и 50-х годах Арцимовичем, Тимофеевым и Тарасовым, раскрыли картину бесчисленных поборов и притеснений, с которыми могли сравниться только вятские злоупотребления, разоблаченные ревизором Брилевичем. Ни один из районов, подведомственных Министерству, не был объектом таких непрерывных и безграничных грабежей и насилий, какие господствовали в этих отдаленных восточных губерниях, населенных плотными массами государственного крестьянства. Если в земледелии, скотоводстве и промышленности приуральской деревни наблюдались известные успехи, то они были результатом творческой энергии самого населения, неустанно боровшегося с навязанной системой феодального попечительства.

9. Украина

Если в восточной части Европейской России связующим путем служила волжская магистраль, то на юго-западной окраине, населенной украинцами, такое скрепляющее влияние имело судоходное течение Днепра. Несмотря на огромное пространство и особенности отдельных районов, природные и экономические условия Украины характеризовались некоторыми общими чертами. Плодородная черноземная почва и мягкий, умеренно-теплый климат способствовали развитию сельского хозяйства; лесостепь постепенно переходила в степную малозаселенную полосу, непосредственно примыкавшую к Черному морю; Днепр и его

175 В. Хлопов. Хозяйственный и нравственный быт пермяков (ЖМГИ, 1852, ч. XLIV, отд. I, стр. 166—180); А. Третьяков. Шадринский уезд... (ЖМГИ, 1852, ч. XLV, отд. II); Х. Мозель. Пермская губерния, ч. II, стр. 34—35, 557—560, 571—574; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 215—230.

основные притоки объединяли внутренние районы и связывали их на севере — с Белоруссией и Центральным промышленным районом, на юге — с торговыми вывозными портами. Наряду с благоприятными климатическими условиями Украине (особенно ее южной безлесной территории) были свойственны также отрицательные условия всей восточно-европейской равнины: частые колебания температуры, знойные восточные ветры и неразрывно связанные с ними летние засухи.

На этом общем фоне резко выступали особенности трех основных районов. Левобережье, охватывавшее Черниговскую, Полтавскую и сходную с ними Харьковскую губернии [176], близко примыкало к районам русского населения и имело с ними много общего в экономических и бытовых условиях. Когда-то здесь проходила южная оборонительная линия, заселенная служилыми людьми, казаками, затем ландмилицией; потомками этих военных объединений были так называемые «малороссийские казаки», «войсковые обыватели» и однодворцы, сохранявшие своеобразные черты в своем землевладении и хозяйстве: наряду с поземельной общиной здесь были широко распространены наследственно-участковое землепользование, интенсивная мобилизация наделов и острое малоземелье государственной деревни.

Правобережье, в которое входили Киевская, Волынская и Подольская губернии, продолжало носить на себе отпечаток социально-экономических условий Речи Посполитой: государственные крестьяне этого района, состоявшие на «хозяйственном положении», только с середины 40-х годов начали переходить на оброк и освобождаться от тяжкого гнета многочисленных посессоров.

От двух предшествующих районов сильно отличалась Южная Украина, имевшая на официальном языке название «Новороссии». Здесь, на широких просторах Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, пролегали малоосвоенные степи, которые с конца XVIII века подвергались непрерывной колонизации со стороны украинских и отчасти русских переселенцев. Благодаря близости черноморских портов и растущему экспорту в западноевропейские страны, здесь развились экстенсивное земледелие и скотоводство, превосходившие по своим масштабам и темпам сельское хозяйство Самарского Заволжья. Южную оконечность Крымского полуострова составляли татарские поселения, которые становились центром расширяющегося района фруктоводства и виноградарства.

Первый из этих районов — Левобережье — отличался сравнительно густой заселенностью: в промежуток между 8-й и 10-й ревизиями количество государственных крестьян во всех трех губерниях выросло с 961 352 до 1 127 656 ревизских душ, т. е. на 17,3%. В Черниговской и Полтавской губерниях в ведомстве нового министерства состояла наряду с казенными крестьянами особая категория «малороссийских казаков», в 1832 году освобожденная от оброка и поэтому выпавшая из состава феодально-зависимого населения. Однако, образуя две трети населения государственной деревни и мало отличаясь от него по своему быту, эта группа мелких производителей оказала большое влияние на местные формы землевладения и хозяйства. В Левобережье господствовало подворное землепользование с правом домохозяина оставлять свою землю наследникам и отчуждать ее членам той же сословной категории. Дробление земельных участков и передача их в другие руки получили здесь давнее и широкое распространение: это обстоятельство ускоряло процесс социальной дифференциации и создавало крайнюю неравномерность наделов и высокий процент безземельных и бесхозяйственных производи-

[176] К середине XIX века Харьковская губерния, составлявшая когда-то особую «Слободскую Украину», утратила свои прежние социальные отличия.

телей. В Харьковской губернии такие же явления наблюдались на землях войсковых обывателей и однодворцев, остававшихся в феодальной зависимости от казны. Положение осложнялось неопределенностью и, следовательно, спорностью границ земельных владений: в районе Левобережья не было проведено ни специального, ни генерального межевания; по данным 1844 года, в одной Харьковской губернии из общего количества 1 602 596 десятин земли насчитывалась 669 871 десятина (т. е. около 42%) общих и чересполосных дач и велись судебные споры относительно 3 695 десятин [177]. По вычислениям местных Палат, в 50-х годах средний надел государственных крестьян составлял в Черниговской губернии 2,5 десятины на ревизскую душу, в Полтавской губернии — 2,7 десятины, но эти данные были преувеличенными. Средний душевой надел в Харьковской губернии был установлен оценочной комиссией в 3,5 десятины [178]. Однако многие хозяйства владели ничтожными участками, не достигавшими 1 десятины, другие перешли в разряд безземельных и бездомовных: в 1843 году Полтавская палата насчитывала безземельных 105 тысяч ревизских душ (т. е. 25% мужского населения). Кроме того, ведéнию крестьянского хозяйства сильно мешала дальнополосица: некоторые наделы были расположены на таком значительном расстоянии от селений, что в период полевых работ крестьянам приходилось переселяться из домов на свои отдаленные угодья.

Малоземелье было причиной широкого развития аренды, которая, как правило, носила натуральный характер и называлась «скопщиной»: хозяева брали землю преимущественно у мелкопоместных дворян, обрабатывали ее собственным инвентарем и уплачивали владельцу каждую третью или четвертую копну (в некоторых местах третий или четвертый сноп) собранного урожая. В начале 50-х годов государственные крестьяне Полтавской губернии арендовали таким способом 91 306 десятин [179]. В противовес бедным слоям деревни зажиточные хозяева прикупали землю на основании закона 1801 года. К 1858 году в Левобережье было зарегистрировано следующее количество таких собственников (табл. 102).

Таблица 102

Крестьяне-собственники на Левобережной Украине *

Губернии	Число собственников	У них число десятин	На каждого в среднем десятин
Черниговская	5 490	12 286	Более 2
Полтавская	6 865	56 612	„ 8
Харьковская	6 527	21 767	Около 4

* В. Вешняков. Крестьяне-собственники, стр. 10—11.

Однако действительное число земельных собственников среди крестьян Левобережья было значительно больше: многие однодворцы владели землей по «старым крепостям», некоторые крестьяне унаследовали

[177] А. П. Рославский-Петровский. Статистические сведения о государственных крестьянах Харьковской губернии («Сборник статистических сведений о России», кн. II. СПб., изд. Стат. отд. имп. Русск. геогр. об-ва, 1854, стр. 85—95).

[178] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, л. 288; ч. II, л. 86; МСР, III, стр. 134. Ср. главу III.

[179] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, лл. 91—92; А. Покорский-Журавко. Хозяйственные замечания о Черниговской губернии (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. IV, стр 4—11).

старозаимочные земли и т. д. В 1849 году в одной Харьковской губернии такие земельные владения занимали площадь в 41 326 десятин [180].

Крайняя неравномерность землевладения вызывала движение крестьянской бедноты в пользу замены подворно-участкового землепользования уравнительно-общинным. Центральные и местные органы Министерства поддерживали эти стремления, исходя из фискальных интересов. При проведении налогово-оценочных работ в Харьковской губернии произошел массовый переход единоличных хозяев на положение общинников. По данным Харьковской палаты, за время с 1845 года по 1855 год площадь «единичных» участков в губернии сократилась с 665 159 до 367 945 десятин, т. е. на 44%, а площадь общинных, наоборот, выросла с 833 741 до 1 009 180 десятин, т. е. на 21% [181].

Природные условия Левобережья были далеко не однородными. Северные и особенно северо-западные уезды Черниговской губернии были более лесистыми и менее плодородными, нередко имевшими песчаную и болотистую почву; суглинки и пески пролегали местами в Полтавской и Харьковской губерниях. Южные уезды Левобережья были степными и обладали более тучным черноземом. Однако все эти местные отличия не меняли общего хозяйственного облика района: повсюду господствующим занятием населения оставались земледелие и неразрывно связанное с ним скотоводство. Сдавленный малоземельем крестьянин стремился использовать каждый клочок земли, превращая в пашни кустарники и луговые угодья. На протяжении 40 — 50-х годов размеры посевов Левобережья выросли абсолютно и относительно на ревизскую душу (табл. 103).

Таблица 103

Посевы государственных крестьян Левобережья *
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1846 г.	1852 г.	1855 г.
Черниговская				
Посеяно: всего . . .	371 137	360 322	409 671	426 829
на ревизскую душу	1,27	1,24	1,35	1,41
Полтавская				
Посеяно: всего . . .	685 164	669 169	779 748	745 791
на ревизскую душу	1,65	1,62	1,85	1,77
Харьковская				
Посеяно: всего . . .	528 973	550 875	653 512	650 837
на ревизскую душу	1,42	1,48	2,07	2,07

* Отч., 1843, 1846, 1852, 1855 гг. Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 138; ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 57, 306; Хозяйственные замечания по Черниговской губернии в 1843 г (ЖМГИ, ч. X, отд. IV, стр. 103).

---

[180] А. Рославский-Петровский. Статистические сведения

[181] В. В. Иванов. Кадастр Харьковской губернии («Харьковский сборник», вып. 6. Харьков, 1892, стр. 31).— Приведенные цифры охватывают все категории мелких производителей государственной деревни. Сопоставление процента прироста общинных и убыли «единичных» участков приводит к выводу, что 23% земель, находившихся в подворно-наследственном пользовании, перешла в непосредственное пользование казны или признана личной собственностью владельцев.

Судя по табл. 103, хлебопашество было наиболее развито в Харьковской губернии и наименее — в Черниговской. Увеличение посевов шло преимущественно за счет яровых культур. Почти повсюду применялась трехпольная система; там, где ощущался особенный недостаток земли, существовало двуполье, которое сильно истощало почву. В Харьковской губернии, особенно в ее восточных уездах, лучше обеспеченных землей, встречалось четвертое поле (так называемый «переложный клин»), которое ежегодно засевалось различными культурами до полного истощения почвы. Господствующим хлебом была озимая рожь; яровой клин засевался пшеницей, овсом, ячменем, гречихой. Реже встречалась озимая пшеница; меньше места отводилось просу, гороху, чечевице. Лен разводился в незначительном количестве, только для домашнего потребления. Зато во многих районах, особенно в Черниговской губернии, крупное значение приобретали посевы конопли, которая перерабатывалась в пеньку и служила важным источником крестьянского дохода. Своеобразной чертой Левобережья было широко распространенное возделывание табака и свекловицы. Под простыми сортами табака (махоркой, рубанкой, бакуном) были заняты тысячи десятин в различных уездах Полтавской и Черниговской губерний. Свекловичные поля сосредоточивались в окрестностях сахароваренных заводов, предъявлявших устойчивый спрос на сырье, выращенное местными крестьянами. В некоторых местах начинали распространяться посевы подсолнуха.

Техника сельского хозяйства и здесь носила отсталый, традиционный характер. На черноземе, особенно на целинных и залежных землях, применялся украинский плуг, в который запрягалось 2—4 пары валов, в зависимости от тяжести почвы. Немногие крестьяне могли иметь такое количество тягловой силы, и для поднятия пашни не только бедные, но и средние хозяева прибегали к «супряге», так же как это имело место в южных уездах Поволжья и Центрального черноземного района. На мягких распаханных почвах и в большей части Черниговской губернии употреблялась одноконная (а местами пароконная) русская соха. Для размельчения земельных пластов повсеместно пользовались деревянным ралом (одним из видов распашника) и деревянной бороной с дубовыми или железными зубьями. Урожай снимали серпом, а в южных степных уездах — косой. Зерно вымолачивали обыкновенным деревянным цепом на открытом току или в закрытых «клунях» (ригах); овинов с сушкой снопов крестьяне не заводили. Хлеб мололи на примитивно устроенных водяных и ветряных мельницах, а иногда в так называемых «земляных мельницах», при помощи жерновов, которые приводились в движение лошадьми или волами. Земля унавоживалась на конопляниках; на чернозем удобрения не клали, хотя падение урожайности даже в плодородных степных уездах говорило о прогрессирующем истощении почвы. Только в Черниговской губернии, больше всего на суглинистых и песчаных землях, крестьяне вывозили в поле имевшиеся у них небольшие запасы навоза [182].

Успехи земледелия в значительной степени зависели от состояния скотоводства, которое во всех губерниях было не блестящим. И здесь

---

[182] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491; ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 290—292; ч. II, лл. 91—98; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 57, 306; А. Покорский-Журавко. Хозяйственные замечания... (ЖМГИ, 1844, ч. X, отд. IV, стр. 103—106; ч. XIII, отд. IV, стр. 4—11); Искрицкий. Статистическое описание Стародубского округа государственных имуществ (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 55—72); Колокольцов. Описание земледелия и промышленности государственных крестьян Полтавской губернии (ЖМГИ, 1851, ч. XLI, отд. II, стр. 192—193); Хозяйственная статистика Харьковской губернии (ЖМГИ, 1856, ч. LVIII, отд. III, стр. 293—320); Н. Арандаренко. Записки о Полтавской губернии, ч. II. Полтава, 1849, стр. 314—320; Г. Гуржий. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільскому господарстві України. Київ, 1954, стр. 246—258.

сокращение лугов вело к уменьшению количества поголовья, а плохой уход вредно отражался на качестве и жизнеспособности скота. Отчеты местных Палат отмечали у крестьян недостаток тягловой силы, малорослость и слабосилие лошадей и волов, слабую молочность коров. По приблизительным данным 50-х годов, количество крупного и мелкого скота в Левобережье было такое (табл. 104).

Таблица 104

Количество скота у государственных крестьян Левобережья *

Количество скота	Губернии		
	Черниговская (1855 г.)	Полтавская (1852 г.)	Харьковская (1855 г.)
Лошадей: всего	—	120 000	50 125
на двор	—	0,84	0,45
Рогатого скота: всего	—	252 256	267 929
на двор	—	1,77	2,55
Итого крупного скота:			
всего	401 118	372 256	318 054
на двор	3,96	2,61	3,03
Овец: всего	—	604 383	—
на двор	—	4,29	—
Свиней: всего	—	720 000	—
на двор	—	5,10	—
Итого мелкого скота:			
всего	565 006	1 324 383	440 126
на двор	5,58	9,39	4,17

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851, д. 4814, ч. II, лл. 102—114; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 57 и след.; 306 и след. При расчете скота на двор принята во внимание сравнительная дробность местных хозяйств, имевших в среднем не более 3 ревизских душ на двор.

Хозяйственные описания устанавливают, что в Полтавской и Харьковской губерниях, где преобладала воловья упряжка, крестьяне держали мало лошадей. Наоборот, в северных уездах Черниговской губернии, где широко применялась русская соха, количество лошадей превосходило численность рогатого скота. Разведение животных на убой с продажей их крупным гуртовщикам практиковалось преимущественно зажиточными хозяевами. Большое количество скота держали также все, занимавшиеся чумачеством. Наряду с такими многоскотными дворами существовал огромный процент хозяйств, вовсе не имевших живого инвентаря. Какие различия скрывались за средними нивелирующими цифрами, показывают подворные описания Харьковского уезда, составленные в 1853 году налогово-оценочной комиссией. К началу 90-х годов сохранились описания, охватывавшие 6928 хозяйств в 27 поселениях с общим количеством 19 240 ревизских душ (из 32 706 ревизских душ, населявших государственные имения Харьковского уезда). Данные этих описаний были обработаны в 90-х годах земским статистиком В. В. Ивановым, который составил следующую сводку о распределении скота между крестьянами (табл. 105).

Таблица 105

Распределение скота между хозяйствами государственных крестьян Харьковского уезда

Волов	(число хозяйств)	Лошадей	(число хозяйств)	Гулевого скота	(число хозяйств)	Овец	(число хозяйств)
Не имели	3505	Не имели	4 782	Не имели	3470	Не имели	4545
Имели:		Имели:		Имели:		Имели:	
1 пару	1824	1 лошадь	1 542	менее 5 шт.	1 987	менее 5 шт.	1344
2 пары	847	2 лошади	349	от 5 до 10 шт.	628	от 5 до 10 шт.	523
3 »	473	3 »	143	более 10 шт.	83	более 10 шт.	92
4 »	125	4 »	29				
5 »	55	5 »	3				
6 »	43	6 »	3				
7 »	15	7 »	1				
8 »	15	10 »	1				
9 »	8						
10 »	4						
11 »	1						
12 »	2						
20 »	1						
25 »	2						
Всего:	6920	Всего:	6853	Всего:	6168	Всего:	6504

Таким образом, из 6920 обследованных хозяйств 50% вовсе не имели волов и 26% имели их только по 1 паре. Из 6853 хозяйств 69% вовсе не имели лошадей и 22% имели только по 1 лошади. При таком распределении тягловой силы значительная часть дворов не могла иметь самостоятельного хозяйства; действительно, по данным того же обследования, из 6416 семейств 866, т. е. 13,49%, целиком забросили земледелие, а 2063, т. е. 32,15%, могли обрабатывать только часть своей земли, сдавая остальную в аренду. К этим категориям надо прибавить 2 872 хозяйства (44,77%), которые полностью обрабатывали свои угодья, не прибегая к аренде, и 615 хозяйств (9,59%), которые помимо казенных наделов, а иногда и купчих земель, использовали добавочно арендуемые земли. Нередко расширенное крестьянское хозяйство требовало дополнительной рабочей силы: подворные описания зарегистрировали 274 двора, нанимавших работников. В батраки шли те же обедневшие односельчане: их было подсчитано 544 человека, помимо 484 человек, занимавшихся отхожими промыслами [183].

Возможно, что масштабы социального расслоения, вскрытые в Харьковском уезде, были значительно больше, чем в отдаленных уездах Полтавщины и особенно Черниговщины. Харьковский уезд был относительно лучше обеспечен землей: он имел центром крупный торговый город, лежавший на большом сухопутном тракте, который соединял промышленный север с земледельческим югом. Развитие товарно-денежных отношений в этом хозяйственно развитом районе должно было сильно повлиять на общественные процессы государственной деревни. Однако те же явления в большей или меньшей степени наблюдались во всех уездах

[183] В. В. Иванов. Кадастр... («Харьковский сборник», вып. 6, стр. 61—62).

Левобережья: по подсчетам современных статистиков, среди государственных крестьян Харьковской губернии насчитывалось в 1848 году 190 нищих и 4408 бездомных, а в Полтавской губернии в 1851 году было зарегистрировано 13 642 бездомных; расслоение на зажиточную и бедную прослойки, нанимателей и наемных рабочих было отчетливо выражено также в государственной деревне Черниговской губернии [184].

Наряду со «скопщиной» и отработками за денежную ссуду в Левобережье было распространено использование труда сельскохозяйственных рабочих, которое принимало формы то поденного, то годового, то сдельного найма. Цена рабочей силы колебалась в зависимости от местных условий и степени урожая. В начале 40-х годов в Черниговской губернии платили годовому рабочему от 4 до 10 рублей серебром с обеспечением его одеждой и пищей, а иногда — с заменой хозяйских харчей предоставлением участка земли для обработки; косарь получал на своих хлебах от 20 до 25 копеек, на хозяйских —6—7 копеек. В середине 50-х годов в Харьковской губернии цены были значительно выше: здесь годовой батрак в среднем получал с продовольствием, одеждой и обувью 40 рублей 50 копеек серебром, а годовая работница — 20 рублей 17 копеек; поденная плата мужчине колебалась от 13 до 29 копеек, женщине — от 12 до 16 копеек; вспахать, засеять и заборонить десятину старого перелога стоило 2 рубля 70 копеек серебром, сжать, связать и сложить в копны десятину хлеба — 1 рубль 50 копеек, скосить, сгрести и сметать в копны десятину луговой травы — около 1 рубля [185].

Среди зажиточных, а отчасти и средних крестьян Левобережья наблюдались отдельные попытки повысить уровень сельского хозяйства: наряду с расчисткой кустарников Черниговская палата отмечала местами осушение лугов и очищение их от валежника. На харьковских и полтавских выставках некоторые государственные крестьяне выставляли улучшенные образцы пшеницы, озимой ржи, ячменя; среди крестьян были отдельные изобретатели, которые экспонировали модели усовершенствованных земледельческих орудий; часть домохозяев пользовалась казенными случными пунктами и выращивала лошадей и волов улучшенной породы. Несомненным прогрессом было постепенное расширение посадок картофеля и масличных растений, разведение табака и в известных пределах — тутовых деревьев. В Харьковской губернии в отчете местной Палаты за 1855 год было зарегистрировано 11 шелковичных плантаций пространством около 22 десятин, имевших до 9 тысяч тутовых деревьев [186].

Редкая украинская хата не имела при себе небольшого сада с вишневыми, сливовыми и плодовыми деревьями. Однако промысловое садоводство с рыночным сбытом ягод и фруктов было развито почти исключительно в пригородных районах. Наибольшие выгоды давали обширные сады в Полтавской губернии, особенно в местечке Опошнее и прилегающих селениях Зеньковского уезда: в урожайные годы отсюда вывозилось

---

[184] А. П. Рославский-Петровский. Статистические сведения...; Колокольцов. Описание земледелия... (ЖМГИ, 1851, ч. XLI, отд. II, стр. 199—200); Искрицкий. Статистическое описание... (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II); А. Покорский-Журавко. Хозяйственные замечания... (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. IV).

[185] А. Покорский-Журавко. Хозяйственные замечания... (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. IV); Хозяйственная статистика Харьковской губернии (ЖМГИ, 1856 ч. LVIII, отд. III, стр. 299—300).

[186] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 57 и след.; 306 и след.; Описание Харьковской выставки сельских произведений в 1849 г. (ЖМГИ, 1850, ч. XXXIV, отд. II, стр. 164—198); Описание Харьковской выставки сельских произведений 1851 г (ЖМГИ, 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 102—138); Выставка сельских произведений в Полтаве в 1853 г. (ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. II, стр. 47—64); Вторая выставка в г. Ромнах Полтавской губернии (ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, отд. II, стр. 75—97).

на полтавские и харьковские ярмарки до 5 тысяч ведер соленых слив и несколько тысяч пудов чернослива, сушеных яблок, груш и вишен. В Лубенском уезде крестьяне разводили в своих садах лечебные травы: мяту, шалфей, ромашку и пр., которые сбывали в местные аптечные учреждения. В Харьковской губернии в связи с острым малоземельем было распространено разведение фруктовых деревьев (главным образом вишен и слив) в крестьянских лесах, которые лучше обеспечивали плоды от вредного влияния засух; и здесь практиковалось массовое сушение фруктов, которые сбывались через посредство торговцев в соседние губернии и в Москву. На Черниговщине наблюдалось вытеснение садоводства более выгодным промыслом, огородничеством.

Крестьянские огороды существовали повсеместно, но, как правило, они удовлетворяли только домашние потребности населения; наряду с картофелем разводились обыкновенные огородные овощи: капуста, огурцы, лук, репа и пр. Источником постоянного дохода служили подгородные огороды, которые давали более разнообразный ассортимент овощей и требовали заботливого ухода. Кроме того, в некоторых районах (например, в казенном селении Кишенька Полтавской губернии) процветало промысловое бахчеводство с массовым сбытом арбузов, дынь, огурцов, в меньшей степени — лука и чеснока. Иногда крестьяне сдавали свои баштаны приезжим торговцам, которые выращивали огородные овощи и вывозили их в крупные городские центры. Унавоженные огородные участки отводились также под посевы конопли, свеклы, табака и подсолнуха.

Широким распространением по-старому пользовалось разведение пчел. Прежнее бортевое пчеловодство неуклонно уступало место устройству пасек, правда, носивших примитивный характер. Многие крестьяне Черниговской и Полтавской губерний держали пчел в самодельных деревянных колодах или в обыкновенных кадушках с дном, перевернутым кверху. Такие первобытные ульи устанавливали в домашнем саду, а если их было больше, то в ближайшем леске или рощице. Во время цветения гречи и медоносных трав ульи переносили в поле. На Черниговщине выбранный мед продавали местным торговцам по 3 рубля — 3 рубля 50 копеек за пуд, а плохо отделанный воск — по 4 рубля за пуд. На Полтавщине была широко распространена продажа ульев вместе с медом, воском и пчелами «на убой»: приезжие прасолы, преимущественно из Курской губернии, закупали ульи по 1 рублю 50 копеек — 3 рубля 75 копеек, смотря по количеству продукции, убивали пчел при помощи закуривания, вырезывали соты, сбивали их в бочки и отправляли оптом на воскобойни. Только немногие зажиточные хозяева, владевшие десятками ульев, перенимали более совершенные методы пчеловодства,— преимущественно по способу известного пчеловода Прокоповича [187].

Чтобы оплатить денежные повинности и обеспечить себя недостающими товарами — солью, металлическими частями земледельческих орудий, крестьяне выбрасывали на рынок излишки своей продукции, а в некоторых районах — продукты специализированного торгового земледелия и мелкой сельскохозяйственной промышленности. Первое место занимал хлеб, который в урожайные годы был основным предметом местной торговли. По данным оценочной комиссии, черноземная почва Харьковской губернии обеспечивала средний урожай сам-6— сам-6$^{3}/_{4}$. По дан-

[187] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 292—294; ч. II, лл. 114—120; Искрицкий. Статистическое описание... (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 55—72); Колокольцов. Описание земледелия... (ЖМГИ, 1851, ч. XLI, отд. II, стр. 193); Хозяйственная статистика Харьковской губернии (ЖМГИ, 1856, ч. LVIII, отд. III, стр. 323—326); М. Домонтович. Черниговская губерния. СПб, 1865, стр. 193—194; Н. Арандаренко. Записки..., ч. II, стр. 344—349.

ным местной Палаты, более близким к действительности, средняя урожайность озимых и яровых хлебов за период 1842—1853 годов равнялась сам-3. По сведениям Полтавской палаты, в благоприятные годы урожай озимого хлеба поднимался до сам-12 и даже сам-15; в 1851 году, по вычислению местного управляющего Палатой, крестьяне должны были получить излишки в размере 520 546 четвертей озимого и 853 303 четвертей ярового хлеба. Наименее урожайными были северо-восточные уезды Черниговской губернии, но здесь крестьян выручали посевы конопли, которая перерабатывалась частью в пеньку, частью — в конопляное масло («олей»). К этим основным товарам присоединялись на территории Левобережья разнообразные продукты крестьянского животноводства и усадебного хозяйства: приплод домашнего скота, свиное сало, овечьи шкурки («смушки» ягнят и «линтвари» старых овец), дешевые сорта табаку, огородные овощи, фрукты, запасы меда и воска и пр. В местечке Рашевка Полтавской губернии крестьяне скупали по деревням щетину, конскую гриву, перья, пух, рога, кошачьи кожи. В местечке Лютеньки той же губернии специально разводили серых кошек, из шкур которых портные выделывали тулупы стоимостью по 10—15 рублей каждый. Наиболее товарный характер носило хозяйство зажиточных крестьян, которые располагали значительной посевной площадью, откармливали на убой рогатый скот и свиней, делали прививки улучшенных плодовых деревьев, устраивали большие пчелиные пасеки.

Скупкой сельскохозяйственных продуктов занимались преимущественно русские торговцы, которые объезжали казенные деревни или производили сделки на местных базарах и ярмарках. В конце 40-х годов в казенных имениях Харьковской губернии насчитывалось 310 ярмарок и 44 базара, с оборотом приблизительно в 1 миллион рублей серебром. Крупные партии полтавского и черниговского хлеба и пеньки сплавляли вверх по Днепру, а частью — сухопутными трактами на север и на северо-запад, к балтийским портам. Из Харьковской губернии хлеб везли сушей на юг, к Азовскому морю, преимущественно через воронежское село Уразово. Немало зерна доставлялось на местные винокуренные заводы. Из местных зажиточных крестьян широкую торговлю вели чумаки, владевшие большим количеством волов и ежегодно направлявшиеся на юг за рыбой и солью. В обмен на эти товары чумаки вывозили с Левобережья хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. В начале 50-х годов в одной Полтавской губернии насчитывалось до 4000 хозяев, занимавшихся чумакованием; их торговые обороты превышали 200 тысяч рублей серебром. Впрочем, наблюдатели середины XIX века отмечали постепенный упадок чумацкого промысла в связи с сокращением количества скота и конкуренцией южных губерний. Развитие рыбных промыслов на Днепре и садоводства в Причерноморье тоже неблагоприятно отражалось на крестьянской торговле рыбой и фруктами.

Цены на хлеб подвергались сильным колебаниям в зависимости от урожая и спроса со стороны оптовых покупателей. Например, в Полтавской губернии цены на рожь в урожайные годы опускались до 70 копеек серебром за четверть ржи и до 1 рубля за четверть пшеницы, а в годы неурожаев соответственно поднимались до 5—6 рублей за четверть. По сведениям местных Палат, 1855 год был неурожайным и в Харьковской, и в Черниговской губерниях: харьковские крестьяне не получили с озимых полей даже семян, а с яровых имели урожай сам-1¼; в Черниговской губернии урожай озимых был сам-2, а яровых — сам-2½. Кроме того, повысился спрос на хлеб в связи с военными действиями и массовыми наборами рекрутов. В таких неблагоприятных условиях справочные цены на основные сельскохозяйственные продукты поднялись до высокого уровня (табл. 106).

Таблица 106

Цены на продукты в 1855 году *

В четвертях	Губернии				В четвертях	Губернии			
	Черниговская		Харьковская			Черниговская		Харьковская	
	руб.	коп.	руб.	коп.		руб.	коп.	руб.	коп.
Рожь	4	45	4	1	Ячмень	2	74	—	—
Пшеница . . .	4	85	5	10	Просо	3	76	—	—
Овес	2	62	3	32	Сено (пуд) . .	—	13	—	24½
Греча	2	59	—	—	Картофель . .	1	20	1	70

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 57, 306.

Эти цены были значительно выше обычных: по данным налогово-оценочной комиссии, в 50-х годах четверть харьковской ржи продавалась в среднем по 1 рублю 40 копеек — 1 рублю 75 копеек, а по вычислениям современников, четверть черниговской ржи в 1847—1851 годах стоила в среднем 2 рубля 15 копеек. От повышения хлебных цен выигрывали зажиточные слои деревни, которые имели у себя обширные запасы, но сильно страдали беднота и середняцкие элементы, которым в случае неурожая приходилось прикупать хлеб на необходимое пропитание [188].

Однако для покрытия своих расходов средним крестьянам было недостаточно сбывать излишки сельского хозяйства. Безземельные и малоземельные хозяйства, а в неурожайные годы подавляющая масса крестьян остро нуждались в подсобных заработках. Из губерний Левобережья ежегодно уходили десятки тысяч мужчин рабочего возраста: большинство отправлялось в южные районы на косовицу и жатву, многие нанимались на сплавные работы по Днепру и Десне, некоторые были заняты на постройке шоссейных дорог, другие находили себе работу на фабриках и заводах; в зимнее время небогатые крестьяне перевозили тяжести, чтобы прокормить себя и свою тягловую силу (этим они отличались от зажиточных чумаков, которые всегда соединяли извозы с доходными торговыми операциями). По данным Палаты, отход государственных крестьян Харьковской губернии эволюционировал следующим образом (табл. 107).

Таблица 107

Количество билетов, выданных отходникам*

Годы	Число билетов	Годы	Число билетов
1840	47 218	1845	54 431
1841	55 131	1846	54 180
1842	47 342	1847	59 867
1843	46 683	1850	56 631
1844	51 817	1851	56 380

* В. В. Иванов. Кадастр... («Харьковский сборник», вып. 6, стр. 31).

188 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 291—295; ч. II, лл. 94—99, 105—114, 122, 131—131; МСР II, стр. 210, 217; А. Покорский-Жоравко. Хозяйственные замечания... (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. IV); Искрицкий. Статистическое описание... (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 65, 142, 149); Хозяйственные замечания по Черниговской губернии (ЖМГИ, 1845, ч. XVI, отд. IV, 30—35); И. Дьяков. Константиноградский округ Полтавской губернии (ЖМГИ, 1859, ч. LXX, отд. III, стр. 95—121); А. П. Рославский-Петровский. Статистические сведения...; Н. Арандаренко. Записки..., ч. II, стр. 256—258; М. Домонтович. Черниговская губерния, стр. 183—185.

Учитывая численность государственных крестьян по 8-й и 9-й ревизиям, можно установить, что из харьковской казенной деревни ежегодно уходило от 14 до 17% мужского населения, или около 30% мужчин рабочего возраста. При этом характерно, что за указанные годы количество краткосрочных месячных билетов выросло с 18,5 до 43,4 тысячи, количество полугодовых паспортов уменьшилось с 16,8 до 9,7 тысячи, а число годовых паспортов сократилось еще более: с 11,7 до 3,1 тысячи. Иначе говоря, при общей тенденции к возрастанию отхода обнаруживалась другая тенденция, характерная для земледельческого украинского района,— стремление сохранить свою традиционную связь с деревенским хозяйством. Однако в малоземельных районах с бо́льшим процентом бесхозяйных крестьян наблюдалось обратное явление: в Полтавской губернии, откуда большое количество уходило на летние полевые работы в Новороссию и в Донскую область, многие оставались там на зимние месяцы, получая на месте прихода постоянный и прочный заработок; таких не вернувшихся домой насчитывалось в 1849 году 21 135, в 1850 году — 21 672, в 1851 году — 31 402 человека, т. е. от 5 до 6,7% ревизского населения деревни [189].

Гораздо меньше нуждающихся крестьян оставалось дома, совмещая занятия сельским хозяйством с теми или иными промыслами. По подсчетам Харьковской оценочной комиссии, относящимся к началу 50-х годов, из числа 314 158 государственных крестьян 10 634 человека имело доходы помимо своего сельского хозяйства. Отчеты всех трех Палат Левобережья показывают, что усилия крестьян расширить доходный бюджет своей семьи шли в самых различных направлениях: по берегам Днепра и его притоков ловили осетров, лещей и судаков, сбывая пойманную рыбу на ближайших базарах; в лесных районах занимались охотой, смолокурением, выделкой телег, саней и других деревянных изделий; там, где были залежи глины, изготовляли гончарную посуду, которую местами продавали, а местами обменивали на хлеб; во многих местах подвергали переработке продукты собственного сельского хозяйства: приготовляли на продажу пеньковую пряжу, овчины, кожи, картофельный крахмал, конопляное масло, ткали из пеньки мешки и рыбные сети, а из шерсти женские «плахты» и «запаски», мужские пояса и ковры. Домашняя промышленность даже в этих земледельческих районах заметно перерастала в ремесло и производство на рынок: при подворных описях в харьковских казенных имениях было зарегистрировано 617 шевцов (сапожников), 403 кравца (портных), 396 гончаров, 382 плотника, 345 колесников, 281 коваль (кузнец), 258 олийников (маслобойщиков), 198 кушнерей (овчинников) и т. д., а всего 3639 профессиональных ремесленников. Тем не менее наличного состава опытных мастеров не хватало для удовлетворения потребностей деревенского населения: в район Левобережья приходили многочисленные ремесленники из северных русских губерний, находившие себе достаточный и надежный заработок среди украинского крестьянства. С другой стороны, на Левобережной Украине не были развиты такие формы капиталистической эксплуатации, какие наблюдались в Центральном промышленном районе или на Среднем и Нижнем Поволжье: здесь преобладал самостоятельный мелкий производитель, который работал или в одиночку, или соединяясь в артели (примером такой хозяйственной кооперации могут служить небольшие артели щетинников в местечке Рашевка Полтавской губернии). На территории Полтавской губернии функционировало 58 кирпичных заводов, составлявших собственность сельских обществ. Однако и здесь, на Левобережье, существовали зажиточные предприниматели из крестьян, которые эксплуати-

---

189 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, л. 134.

ровали наемную рабочую силу: например, в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии существовал кирпичный завод государственного крестьянина Николая Еськова, имевший 20 рабочих и завоевавший награду на Кролевецкой выставке 1850 года за свои хорошие изразцы. Расслоение на зажиточную, середняцкую и бедную прослойки, хотя и в меньшей степени, чем в промышленных губерниях, одинаково наблюдалось и среди крестьян Левобережья, занимавшихся как земледелием, так и промыслами [190].

Расслоение крестьян наряду с местными природными условиями налагало печать на бытовой уклад государственной деревни. В северо-западной, более лесистой части Левобережья крестьяне жили в бревенчатых домах, покрытых соломой; чем беднее были селения, тем чаще встречались курные избы, расположенные вразброд отдельными хуторами. Большинство населения носило лапти, питалось ржаным хлебом, борщом и гречневой кашей. Зажиточные крестьяне имели избы с дымовыми трубами, ходили в сапогах, чаще употребляли в пищу мясные и молочные продукты. Чем дальше на юг и восток, тем чаще встречались глинобитные избы («мазанки») с дымовыми трубами, а у зажиточных крестьян — даже с голландскими печами. Для прочности соломенные крыши тоже смазывались глиной. Там, где не хватало леса, дрова заменялись соломой или тростником, избы освещались конопляным маслом или топленым салом.

Общей чертой Левобережья были частые семейные разделы, соответствовавшие принципу наследственного землепользования и связанной с ним привычке к индивидуальному хозяйствованию. Зажиточные крестьянские семьи часто селились самостоятельными хуторами, к которым примыкали пашенные и пастбищные угодья отдельных хозяев [191].

Переходя к экономической жизни Правобережья, включавшего в себя Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии, мы должны отметить решающее значение таких мероприятий, как перевод крестьян на оброк и ликвидация арендной системы. При всех недостатках этой реформы, растянувшейся на длительный период, она имела положительное влияние на крестьянское хозяйство. Прекращение произвола посессоров, некоторое увеличение крестьянских грунтов и сокращение феодальных повинностей, наконец, бо́льшая самостоятельность в ведении собственного хозяйства — не могли не отразиться на положении массы мелких производителей. Благотворные результаты люстрации и замены панщины денежной рентой ясно обнаруживаются на объективных показателях Киевской губернии. В течение 40—50-х годов посевы озимых и яровых хлебов на полях киевских государственных крестьян абсолютно и относительно

---

[190] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 289, 294—297; ч. II, лл. 98—100, 107—109, 128—130, 134—137; Выставка в г. Кролевце Черниговской губернии (ЖМГИ, 1851, ч. XXXIX, отд. I, стр. 103—138); Искрицкий. Статистическое описание... (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 148—149); Колокольцов. Описание земледелия... (ЖМГИ, 1851, ч. XLI, отд. II); И. Дьяков. Константиноградский округ (ЖМГИ, 1859, ч. LXX, отд. III); Выставка сельских произведений в Полтаве в 1853 г. (ЖМГИ, 1853, ч. XLIX, отд. II, стр. 47—64); Вторая выставка в г. Ромнах (ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, отд. II, стр. 75—97); Третья выставка сельских произведений в г. Ромнах (ЖМГИ, 1849, ч. XXX. отд. I, стр. 187—204); А. П. Рославский-Петровский. Статистические сведения...; В. В. Иванов. Кадастр... («Харьковский сборник», вып. 6, стр. 30—31, 45—52); Описание Харьковской выставки сельских произведений в 1849 г. (ЖМГИ, 1850, ч. XXXIV, отд. II, стр. 164—198); Описание Харьковской выставки сельских произведений в 1854 г. (ЖМГИ, 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 102—138).

[191] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1850 г., д. 4757, лл. 11—15; 1851 г., д. 4814, ч. I, л. 290; ч. II, лл. 90—91, 101; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 306—322; Искрицкий. Статистическое описание... (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 59—61); Н. Арандаренко. Записки..., ч. II.

увеличились. Только влияние Крымской войны несколько снизило кривую этого неуклонного роста (табл. 108).

Таблица 108

Размеры посевов в государственной деревне Киевской губернии*
(в четвертях)

Посеяно	1843 г.	1846 г.	1852 г.	1855 г.
Озимые	43 550	49 113	66 861	69 575
Яровые	45 891	56 629	70 709	70 564
Всего	89 441	105 742	137 570	130 139
На ревизскую душу	1,01	1,19	1,34	1,22

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, л. 284; Отч., 1843, 1846, 1852, 1855 гг.; Обозрение состояния некоторых частей по управлению гос. имений в Киевской губернии за 1842 г. (ЖМТИ, 1843, ч. IX, отд. II, стр. 151); «Статистическое описание Киевской губернии», ч. II. СПб., 1852, стр. 486—487.

Между 1846 и 1855 годами посевная площадь киевской государственной деревни выросла с 94 507 десятин (по 1,06 десятины на ревизскую душу) до 132 485 десятин (по 1,24 десятины на ревизскую душу). Однако, если мы сопоставим приведенные цифры с соответствующими показателями Левобережья Украины, то увидим, что по степени развития земледелия плодородная Киевская губерния сильно отставала от соседних левобережных районов. Только к середине 50-х годов размеры ее посевов на душу населения стали приближаться к средней норме в наименее плодородной Черниговской губернии. Таковы были последствия хищнической арендной системы, неразрывно связанной с обезземелением и разорением крестьянской массы.

Не менее важным показателем улучшения крестьянского хозяйства было значительное увеличение поголовья крупного и мелкого скота. По данным Киевской палаты, в 1842 году в государственной деревне насчитывалось 63 993 головы крупного скота и 67 657 голов мелкого, а всего 131 650 штук. Учитывая состав населения (84 695 ревизских душ государственных крестьян, 3007 однодворцев, 31 вольный житель и 470 отставных и бессрочно отпускных нижних чинов, итого 88 203 человека), мы получаем на каждую душу мужского пола по 0,72 головы крупного, по 0,77 головы мелкого, а всего — по 1,49 головы скота [192]. Совершенно иную картину представляют нам министерские отчеты за 1851—1956 годы (табл. 109).

Кроме того, крестьянский скот, по свидетельству местной Палаты, стал качественно выше, так как прекратились чрезмерные, изнурявшие лошадей и волов, барщинные повинности.

Наряду с расширением зерновых посевов в течение 40—50-х годов увеличилось разведение других земледельческих культур. В промежуток между 1845 и 1855 годами количество посаженного картофеля выросло с 25 518 до 34 508 четвертей; в 1855 году государственные крестьяне собрали 103 141 четверть, из которых часть пошла на домашнее потребление, часть — на корм скоту, значительная доля была продана на рынке и некоторое количество было переработано в крахмальную муку. Стали заметнее развиваться садоводство и огородничество, особенно в Киевском уезде, в непосредственном соседстве с губернским центром.

[192] ЖМГИ, 1843, ч. IX, отд. II, стр. 152—154.

Таблица 109

Количество скота у населения государственной деревни Киевской губернии *

Основные показатели	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Число государственных крестьян . . .	104 622	102 496	109 205	106 217	100 915
Предполагаемое число душ мужского пола	107 237	105 981	112 590	109 722	104 245
Крупного скота . .	97 026	106 162	108 047	111 130	112 247
На душу мужского пола	0,90	1,00	0,90	1,01	1,08
Мелкого скота . .	171 319	187 756	193 304	202 099	204 360
На душу мужского пола	1,60	1,77	1,70	1,84	1,96
Всего скота . .	268 345	293 918	301 351	313 229	316 607
На душу мужского пола	2,50	2,77	2,60	2,85	3,04

* Отч., 1851, 1853—1856 гг.— Количество скота на душу мужского пола вычислено так же, как в описании Пермской и Оренбургской губернии (стр. 396).

Крестьяне сбывали на городские рынки капусту, огурцы, лук, чеснок и другие овощи, которые составляли важную статью доходной части их бюджета. В казенном селении Суботов, около Чигирина, было разведено много плодовых деревьев; у некоторых хозяев появились фруктовые сады в прилегающих лесах, изобиловавших ежевикой и земляникой. Особенно заметны были успехи в развитии шелководства. В 1855 году в Триполье и Жуковцах 59 семейств выращивали 2432 тутовых дерева, занимавших площадь в 162 десятины; улучшению шелковых коконов способствовала инициатива профессора Петербургского университета Чижова, который раздавал крестьянам отборные семена для разведения червей и скупал готовый крестьянский шелк. Некоторые улучшения наблюдались также в области пчеловодства: от старой бортевой системы крестьяне стали переходить к пасечной, причем в отдельных случаях применяли новейшие методы разведения пчел, заимствованные из школы пчеловода Прокоповича. В селении Стайки Киевского уезда некоторые крестьяне имели до 500 колод, с которых собирали по 20—40 фунтов меда, продавая его по 4 рубля серебром за пуд.

Показателем хозяйственных сдвигов, достигнутых киевской государственной деревней, может служить сельскохозяйственная выставка, организованная в 1852 году в Киеве. В ней участвовало в числе экспонентов 467 представителей от государственных крестьян Киевской губернии, которые выставили разнообразные продукты земледелия, животноводства и мелкой промышленности. Из них 119 участников были награждены денежными наградами и подарками за лучшие образцы зерновых хлебов, шелка, табака, земледельческих орудий, шерсти, холста, кожи, пеньки, предметов одежды и пр. Внимание посетителей обратили на себя хорошо выкормленные волы украинской породы, которых выставили государственные крестьяне Чигиринского уезда, получившие денежные премии.

Продукты крестьянского хозяйства в значительном количестве поступали на рынок: излишки хлеба и почти весь табак скупались торговцами; сахарная свекла доставлялась на близлежащие заводы; овощи, фрукты, мед и изделия домашней промышленности большей частью

продавались непосредственно потребителям. В качестве типичного селения, которое вело товарное хозяйство, можно назвать местечко Ломоватое, расположенное на берегу Днепра, невдалеке от города Черкас. Здесь имелось 396 крестьянских дворов, растянутых на протяжении $3^1/_2$ верст. Население местечка специализировалось на возделывании ржи и гречихи, которые давали не меньший доход, чем пшеница. Кроме того, Ломоватое славилось своими огородами, обеспечивавшими сбыт большого количества кавунов (арбузов) и особенно лука: ежегодно отсюда вывозилось в Елисаветград, Николаев и Одессу более 30 тысяч венков луку. Обыкновенно хлеб и овощи доставляли на рынок местные чумаки, которых насчитывалось в Ломоватом и прилегающей деревне Сагуновка 160 человек. Это были «крепкие» хозяева, обладавшие дородными волами и надежными возами («паровощами»); в течение всего лета чумаки совершали поездки из Киевской губернии на юг и обратно; из южных губерний они привозили, так же, как чумаки Левобережья, рыбу и соль, выручая за несколько месяцев до 20 рублей серебром чистого дохода [193].

Киевская губерния имела известные преимущества перед другими правобережными губерниями: она была расположена на Днепре, крупном судоходном пути, соединявшем ее с черноморскими портами и северными районами. Это благоприятное условие в сочетании с плодородной почвой и мягким климатом обеспечило киевской государственной деревне более быстрый выход из состояния хозяйственного упадка, в которое ввергла ее пресловутая арендная система. Однако признаки экономического улучшения наблюдались и в двух соседних губерниях: Волынской и Подольской. После люстрации и перехода на оброчную систему крестьяне Волынской губернии широко воспользовались правом аренды резервных земель, оставшихся от ликвидации фольварков. По данным министерских отчетов, количество высеваемого зерна абсолютно и относительно увеличилось; эти цифры несколько снизились только в период Крымской войны, подорвавшей хозяйство украинского юга (табл. 110).

Таблица 110

Посевы государственных крестьян Волынской губернии *
(в четвертях)

Посеяно	1843 г.	1846 г.	1852 г.	1855 г.
Озимые	32 461	51 130	62 500	59 563
Яровые	31 025	45 872	67 260	59 804
Всего	63 486	97 002	129 760	119 145
На ревизскую душу	0,58	1,15	1,24	1,17

* Отч., 1843, 1846, 1852, 1855 гг.

Там, где не было массовых эпизоотий, количество скота почти удвоилось. Крестьяне начали заботливее обрабатывать почву и повышать качество своих посевов: все чаще стали практиковаться весенняя вспашка ярового поля и предварительная очистка зерна от сорных трав.

[193] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 284—306; «Статистическое описание Киевской губернии», ч. II, стр. 486; Выставка сельских произведений, фабричных и ремесленных изделий в г. Киеве в 1852 г. (ЖМГИ, 1853, XLVI, отд. I, стр. 119—143); Ив. Кедрин. Статистические заметки о Киевском уезде (ЖМГИ, 1850, ч. XXXIV, отд. IV, стр. 87—92); Местечко Ломоватое (ЖМГИ, 1854, ч. LII, отд. II, стр. 91—94); Казенное селение Суботов (ЖМГИ, 1852, ч. XLII, отд. III, стр. 65—67).

Наблюдалось расширение садоводства: к 1855 году Палата насчитывала 1 352 крестьянских сада; в 1855 году прибавилось еще 45 садов. Податная недоимка с 70 тысяч рублей серебром уменьшилась к 1850 году до 17 859 рублей [194].

Аналогичные явления были отмечены в Подольской губернии. У местных крестьян, еще недавно задавленных властью посессоров, стала пробуждаться бо́льшая хозяйственная инициатива. Энергично расчищались леса под пашни: к 1856 году была прибавлена площадь в 1441 десятину. По сведениям министерских отчетов, несмотря на Крымскую войну, наблюдалась общая тенденция роста поголовья скота (табл. 111).

Таблица 111

Количество скота у населения государственной деревни Подольской губернии *

Основные показатели	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.
Число государственных крестьян . . .	71 614	67 289	72 934	66 665
Предполагаемое число душ мужского пола	73 404	69 577	75 195	68 865
Крупного скота . . .	78 595	99 111	99 486	100 272
На душу мужского пола	1,07	1,43	1,32	1,46
Мелкого скота . . .	122 735	149 398	152 778	153 133
На душу мужского пола	1,67	2,14	2,03	2,22
Всего скота . . .	201 330	248 509	252 264	253 405
На душу мужского пола	2,74	3,57	3,35	3,68

* Отч., 1851, 1853—1855 гг.— Количество скота на душу мужского пола вычислено так же, как в описании Пермской и Оренбургской губерний.

Выросло также число крестьянских садов и огородов: в 1855 году к 4549 садам присоединилось еще 106, причем было вновь посажено 24 335 деревьев; в том же году в дополнение к 3045 огородам было разведено 80 новых, доставивших обильный урожай овощей. Крестьяне (по-видимому, из числа зажиточных хозяев) арендовали казенные оброчные статьи, в частности плантации тутовых деревьев. Постепенно расширялось виноградарство: в 1855 году крестьянами было выработано около 3400 ведер вина, давших доход в размере 2550 рублей. Поднятие уровня хозяйственной жизни отразилось на быстром приросте населения: в промежуток между 8-й и 9-й ревизиями (т. е. за период 1835—1850 годов) население подольской государственной деревни выросло с 53 013 до 73118 ревизских душ. В следующие 9 лет темпы прироста поднялись еще выше, обогнав в этом отношении все губернии Европейской России: во время 10-й ревизии здесь было зарегистрировано 93 323 ревизских души [195].

Новые положительные явления в жизни правобережной деревни остановили деградацию крестьянского хозяйства, связанную с губительным влиянием арендной системы. Однако все эти улучшения не могли уничтожить отрицательного действия разлагавшихся, но не ликвидированных феодальных отношений. Исчезла феодальная власть посессора,

[194] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1854 г., д. 4814, ч. I, лл. 128—133.
[195] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл 118—140; МСР, III, стр. 178.

но осталась феодальная власть окружного начальника, который порой мало отличался от эксплуататора-помещика, так же как его сельская агентура мало отличалась от помещичьих бурмистров. Министерство Киселева не могло произвести коренного перелома в крестьянском хозяйстве Правобережья. И здесь, так же как на Левобережной Украине, господствовал устаревший трехпольный севооборот, местами сочетавшийся с переложной обработкой почвы. Как и на всем пространстве Европейской России, здесь бытовала отсталая, традиционная техника: преобладающими орудиями оставались украинский плуг, в который впрягалось от одной до трех пар волов, орало для размельчения вспаханной почвы и деревянная борона, в лучшем случае с железными зубьями. Все эти орудия, как правило, делали собственными руками сами крестьяне. Хлеб снимали на озимом поле серпом, на яровом — косой, иногда с приделанными граблями. Снопы молотили цепом и только иногда — лошадьми. В Волынской губернии сохранялись даже ручные жернова для получения муки. Удобрение применялось изредка на плохих почвах, особенно около селений, на участках, засеянных коноплей, льном, засаженных картофелем или фруктовыми деревьями. В Киевской губернии навоз сваливали в канавы, овраги и реки. Традиционными были и сельскохозяйственные культуры, почти не отличавшиеся от хлебов Левобережья; только в южных уездах Правобережной Украины часто встречалась кукуруза. Скот содержался примитивно и не отличался высокими природными качествами; отчеты Палат делали исключение только для Подольской губернии, которая наряду с малорослыми и слабосильными лошадьми имела хороший рогатый скот, происшедший от смешения с бессарабской породой. Крестьянство оставалось бессильным перед стихийными бедствиями: засухами, наводнениями, градобитиями, налетами саранчи, распространением наземных вредителей, частыми эпизоотиями и эпидемиями. Несмотря на плодородие почвы и сохранение перелогов, средняя урожайность хлебов не поднималась выше уровня левобережных губерний. И здесь курные избы и самодельные лапти были распространенными бытовыми явлениями.

Нельзя отрицать, что после ликвидации арендной системы Министерство предприняло некоторые меры для поднятия крестьянского хозяйства: кое-где завело случные пункты, образцовые сады, огороды, организовало ссуды из мирских капиталов, направило часть крестьянских мальчиков обучаться на Южную учебную ферму и т. д. Однако результаты этих мероприятий были крайне ограниченными и не могли устранить общей отсталости сельского хозяйства. Характерно, что, в отличие от других губерний Европейской России, Министерство не могло найти среди крестьян Правобережья собственников земельных угодий.

Тем не менее Правобережная Украина неуклонно втягивалась в развитие денежного оборота, который расслаивал местное крестьянство и подготовлял почву для роста капиталистических отношений. Хотя Волынь и Подолия сохраняли больше элементов натурального хозяйства, но и здесь крестьяне вынуждены были выбрасывать на рынок излишки своего урожая, приплод своего скота, иногда продукты молочного, огородного и садового хозяйства. Итоги люстрации показали, что в промежуток между 1838 и 1854 годами разделение хозяев на «оседлых» и «неоседлых» не только не исчезло, но еще более усилилось: только в Подольской губернии в результате произведенной нивелировки процент огородников и бобылей уменьшился с 16,6 до 13,5; наоборот, в Киевской губернии категория неоседлых увеличилась с 7,5 до 12,9%, а в Волынской — с 5,1 до 13,9% [196].

---

[196] См. т. I, стр. 457 и т. II, главу III, стр. 182.

Если зажиточные хозяева покупали больше волов и становились чумаками, разводили шелковичные плантации, сажали виноградные лозы и проч., то бесхозяйные, а частью и средние крестьяне делались ремесленниками, промышляли ловлей рыбы на Днепре, Буге и других реках, перевозили тяжести, нанимались на сплавные работы и т. д. Отчет Волынской палаты за 1855 год насчитывал среди государственных крестьян 1959 местных ремесленников (в том числе 403 ткача, 334 сапожника, 202 колесника, 202 гончара, 185 кузнецов, 116 плотников, 103 столяра, 103 портных) и определял их доход в 24 104 рубля серебром. Кроме того, Палатой было зарегистрировано 6 840 человек, уходивших на сторонние заработки и получавших в общей сумме 49 781 рубль серебром. Эти цифры значительно превосходили количество ремесленников и особенно уходивших на сторону в Киевской губернии в период 1-й ревизии 1837—1838 годов [197]. Однако по степени развития промышленности Правобережье продолжало сильно отставать не только от центрально-черноземных губерний, но даже от соседних районов Левобережной Украины.

Южная Украина, включавшая в себя Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии, в 40—50-х годах продолжала оставаться плодородным, но малозаселенным районом, который привлекал к себе разнообразные категории переселенцев, в том числе государственных крестьян из России, Украины и Белоруссии. Переселенцев встречали здесь обширные, частью еще не тронутые, степи с прекрасным подножным кормом для скота и тучной черноземной почвой, на севере перемежавшейся с песками, на юге, у моря,— с солончаками. Обилие свободных земель определило собой сравнительно крупные размеры крестьянского землепользования: например, в Екатеринославской губернии на 1 января 1853 года числилось больше 80 тысяч десятин незанятых казенных земель, из которых переселенцы получали по 8 десятин на ревизскую душу. По ведомости 1844 года, средние волостные наделы в губернии колебались между 5 и 12 десятинами на душу. По данным оценочных комиссий, Екатеринославская губерния в середине 50-х годов была самой многоземельной из всех обследованных губерний Европейской России: в среднем государственные крестьяне имели здесь по 7 десятин на душу; только 16,5% населения владели от 3 до 5 десятин на душу; 50% располагали душевыми наделами от 7 до 15 десятин и более [198].

Зажиточные слои деревни в дополнение к казенному наделу имели широкую возможность арендовать землю или покупать ее в собственность: в аренду сдавались одинаково казенные и помещичьи угодья, преимущественно за деньги; иногда землю сдавали крестьяне, не имевшие собственного инвентаря или занимавшиеся исключительно торговлей. Арендные цены составляли 30 копеек серебром за десятину и выше в зависимости от разных условий: от целей аренды (под пастбище сдавались дешевле, под пашни и особенно под баштаны — дороже), от степени плодородия почвы, от предшествующей обработки участка («тяжелая», целинная земля стоила меньше, чем «мягкая», вспаханная), от ее географического положения (по течению рек, вблизи или вдали от вывозных портов) и т. д.

Покупка земли практиковалась преимущественно государственными крестьянами Екатеринославской губернии: к 1857 году здесь насчитывалось 512 земельных собственников, владевших 15 650 десятинами, в

---

[197] См. т. I, стр. 456; ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 212—213.

[198] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 5312, ч. VIII, л. 110 и т. д.; ф. III Д, 1854 г., д. 5963; МСР, III, стр. 134

среднем по 30 десятин на каждого. В 50-х годах продажная цена на землю колебалась от 6 до 12 рублей за десятину, в зависимости от тех же условий, какие влияли на цену аренды [199].

Обилие плодородной земли определило собой местные системы землепользования и полеводства. Надельная земля находилась в общинном владении целого селения, но отдельные хозяева не имели определенных нарезанных участков: каждый занимал по своему выбору часть общинного поля и засевал ее в течение известного срока по собственному желанию, не считаясь с севооборотом своих соседей. Таким образом, господствовало захватно-общинное землепользование в сочетании с переложной системой полеводства. Обыкновенно занятый участок, часто распаханный «наволоком» (т. е. впервые поднятый плугом), в течение 5—6 лет засевался различными хлебами, затем забрасывался и несколько лет находился в залежи; после восстановления питательных сил почвы, отдохнувшая земля снова подвергалась земледельческой обработке до нового истощения ее соков. Никакого определенного чередования культур не соблюдалось: нередко одна за другой снимались две-три жатвы пшеницы, за ними следовала рожь, потом ячмень или овес. Бывали случаи, когда в результате обильного осыпания ржи следующий год давал обильный урожай «падалицы» без всякого усилия со стороны земледельца. При таком пользовании общинными наделами выигрывали крестьяне, которые, имея больше живого и мертвого инвентаря, успевали быстрее захватить и обработать наиболее близкие и плодородные участки. Между пашенными угодьями отдельных домохозяев оставались незанятые промежутки земли, которые обильно зарастали бурьяном. Только в 50-х годах по инициативе налогово-оценочных комиссий, появились первые опыты закрепления участков за отдельными домохозяевами и определенного чередования озимых и яровых хлебов.

Основной культурой черноморских степей была озимая и яровая пшеница,—выбор этого доходного хлеба диктовался не только особенностями почвы и климата, но и растущим устойчивым спросом на заграничных рынках. Из Одессы, Херсона, Ростова на Дону, Бердянска и других портов ежегодно вывозились в Западную Европу миллионы четвертей пшеничного зерна и муки. С начала 40-х годов, хотя и в меньших количествах, стала экспортироваться рожь, которая до того времени шла исключительно на местное потребление и на винокуренные заводы Меньшее значение имели просо, ячмень и овес. Все более возрастали посевы льна, кукурузы, масличных растений — подсолнуха, мадии и пр. Гречиха, горох, чечевица и полба занимали в Причерноморье сравнительно небольшое место [200]. К сожалению, в условиях захватно-переложного земледелия учет посевной площади и высеянного зерна был чрезвычайно трудным. Можно предполагать, что среди огромного количества «десятинщиков», которые снимали участки помещичьей земли, был определенный процент государственных крестьян-переселенцев, не успевших получить собственного надела. Приблизительное представление о масштабах земледелия Южной Украины могут дать следующие сведения министерских отчетов (табл. 112).

---

[199] МСР, II, стр. 236; В. Шостак. О ценности земли в Новороссийском крае (ЖМГИ, 1847, ч. XXII, отд. II, стр. 8—11); Бауман. Агрономическое путешествие по Таврической и некоторым частям Екатеринославской и Херсонской губернии в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. III, стр. 94—95); А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. II. СПб., 1863, стр. 479; В. Вешняков. Крестьяне-собственники, стр. 10—11.

[200] Ср. ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 179; ф. III Д, 1854 г., д. 5963; 1856 г., д. 6680, ч. I, л. 188; *И. Г.* Хозяйственное обозрение Екатеринославской губернии за последние пять лет (1847—1851 гг.) (ЖМГИ, 1852, ч. XLIII, отд. IV, стр 30—35).

Таблица 112

Посевы государственных крестьян Южной Украины *
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1846 г.	1852 г.	1855 г.
Екатеринославская				
Озимые	95 422	91 617	112 210	93 360
Яровые	231 065	237 998	279 878	289 269
Всего	326 487	329 615	392 088	382 629
На ревизскую душу	1,80	1,83	1,82	1,78
Херсонская				
Озимые	25 144	20 959	32 265	24 246
Яровые	32 095	31 003	31 164	30 124
Всего	57 239	51 962	63 429	54 370
На ревизскую душу	1,44	1,28	1,30	1,22
Таврическая				
Озимые	102 167	85 609	118 775	61 750
Яровые	146 506	145 810	164 838	139 082
Всего	248 673	231 419	283 613	200 832
На ревизскую душу	1,26	1,17	1,24	0,88

* Отч., 1843, 1846, 1852, 1855 гг. Ср. ЦГИАЛ, ф. III Д, 1854 г., д. 5963; 1856 г., д. 6680, ч. I, л. 188.

Как видим, хлебопашество было наиболее развито в Екатеринославской губернии. Однако и на Южной Украине, особенно в Таврической губернии, сильно пострадавшей от военных действий, Крымская война очень снизила абсолютные и относительные показатели посевов.

Приведенные цифровые данные скорее преуменьшают, чем преувеличивают размеры посевов: современные наблюдатели говорят о всеобщем стремлении хозяев расширить свои запашки, превратить каждый свободный кусок земли в источник денежного дохода. Причерноморье не в меньшей степени, чем степное Заволжье, было районом экстенсивного земледелия: стараясь как можно больше посеять и как можно быстрее собрать зерно, крестьяне мало заботились о тщательной обработке почвы. Господствовала мелкая вспашка земли тяжелым украинским плугом, в который запрягалось 4 пары волов; не имевшие такого количества скота обращались за помощью к соседям, т. е. создавали «супрягу». Удобрение, как правило, не применялось. Созревшие хлеба снимали косой, торопясь быстрее убрать осыпающиеся колосья. Приемы рационального земледелия, практиковавшиеся колонистами (главным образом менонитами), оставались чуждыми государственной деревне. Только в немногих местах перенимали образцы усовершенствованных колонистских плугов и повозок; мало-помалу ямы для хранения зерна стали заменяться амбарами. Некоторые, преимущественно зажиточные, крестьяне старались вырастить улучшенные сорта хлебов: на местных сельскохозяйственных выставках отдельные экспоненты награждались за

выставленную арнаутку, рожь-муравьевку, фасоль, кукурузу и другие растения.

Местное земледелие требовало большого количества тягловой силы. Впрочем, и независимо от потребностей хлебопашества зажиточные крестьяне черноморских губерний держали сравнительно большое количество домашнего скота. Южная Украина была районом не только экстенсивного земледелия, но также экстенсивного животноводства. Обширные степи, покрытые сочной травой, отводились под крупные пастбища, на которых паслись гулевой скот и огромные отары овец. Некоторые «сгонщики», промышлявшие продажей скота, снимали для этой цели до 10 тысяч десятин земли. Сало и шерсть были важнейшими статьями товарооборота наряду с яровой пшеницей — гиркой и арнауткой. Однако содержание скота, особенно в зимнее время, было, как повсюду, примитивное. Во многих местах не хватало хороших водопоев и свирепствовали эпизоотии, которые влекли за собой массовые падежи скота. Наибольшее развитие получило животноводство в Таврической губернии. Среднее количество крестьянского скота на Екатеринославщине было значительно меньше и уступало соответствующим показателям восточных окраин. Самой бедной в этом отношении была Херсонская губерния, в которой, судя по ежегодным отчетам, средняя цифра скота на ревизскую душу и на двор была значительно меньше, чем в центральных черноземных губерниях. Очевидно, здесь, в районе колонизации, процент бесхозяйных и бесскотных дворов среди неустроенных и бедных переселенцев значительно снижал среднюю норму живого инвентаря [201]. Сильно пострадало поголовье скота, особенно в Таврической губернии, в годы Крымской войны.

Приблизительное представление о количестве крупного и мелкого скота у государственных крестьян дают отчетные сводки Министерства за 50-е годы (табл. 113).

Если исходить из расчета 3 ревизских душ на двор, государственные крестьяне Екатеринославской губернии имели в среднем до 11,34 голов скота на двор (в том числе 4,56 головы крупного), а домохозяева Таврической губернии — до 25,32 головы (в том числе 19,23 головы мелкого).

Несмотря на плодородие почвы и обилие пастбищ, сельское хозяйство южноукраинской деревни было далеко от цветущего состояния. Палящие восточные ветры становились причиной частых засух; отсутствие организованной борьбы с вредителями приводило к массовому истреблению посевов саранчей, сусликами, гусеницами; примитивная, часто хищническая, обработка почвы неуклонно истощала степные пространства и заставляла мрачно задумываться более наблюдательных хозяев. На протяжении 40—50-х годов Причерноморье испытало несколько страшных неурожаев, которые поглотили прежние запасы и разорили множество крестьян. Особенно тяжелыми были 1848, 1849, 1850 годы. Не успела Южная Украина оправиться от бедствий этого времени, как началась Крымская война, которая всей своей тяжестью пала на плечи крестьянского населения Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний. В 1855 году к тяжести войны снова присоединились стихийные бедствия: в одной Екатеринославской губернии, по донесению местной Палаты, погибло от засухи, саранчи, сусликов, града 186 504 десятины ценностью в 715 тысяч рублей; с озимых полей была собрана половина семян, яровые хлеба не возвратили посеянного количества четвертей.

---

[201] Судя по данным военно-статистического обследования, показатели министерских отчетов по Херсонской губернии были преуменьшенными. Ср. А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. II, стр. 221.

Таблица 113

Количество скота у населения государственной деревни Южной Украины *

Губернии	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Екатеринославская					
Число государственных крестьян . . .	215 052	215 342	214 105	214 320	214 291
Предполагаемое число мужского пола	220 428	222 664	220 742	221 392	221 362
Крупного скота	285 811	307 306	334 636	323 185	295 972
На душу мужского пола	1,29	1,38	1,52	1,46	1,33
Мелкого скота	407 751	498 979	499 670	459 050	446 725
На душу мужского пола	1,85	2,24	2,26	2,07	2,02
Всего скота	693 562	806 285	834 306	782 235	742 697
На душу мужского пола	3,14	3,62	3,78	3,53	3,35
Херсонская					
Число государственных крестьян . . .	48 482	44 504	44 374	44 378	44 407
Предполагаемое число душ мужского пола	49 634	46 017	45 749	45 842	45 872
Крупного скота	43 845	47 150	51 432	48 433	50 897
На душу мужского пола	0,88	1,03	1,12	1,05	1,11
Мелкого скота	65 649	93 163	96 405	83 663	82 031
На душу мужского пола	1,32	2,02	2,11	1,82	1,78
Всего скота	109 494	140 313	147 837	132 096	132 928
На душу мужского пола	2,20	3,05	3,23	2,88	2,89
Таврическая					
Число государственных крестьян . . .	229 111	228 681	228 533	228 459	228 477
Предполагаемое число душ мужского пола	234 839	236 456	235 617	235 998	236 017
Крупного скота	429 168	481 048	453 296	403 800	388 540
На душу мужского пола	1,83	2,03	1,92	1,71	1,64
Мелкого скота	1 346 483	1 515 216	1 249 692	1 134 101	1 036 767
На душу мужского пола	5,73	6,41	5,30	4,80	4,39
Всего скота	1 775 651	1 996 264	1 702 988	1 537 901	1 425 307
На душу мужского пола	7,56	8,44	7,22	6,51	6,03

* Отч., 1851, 1853—1856 гг.— Таблица составлена по тому же методу, который применен к исчислению скота в Пермской и Оренбургской губерниях. Распределение крупного и мелкого скота в Екатеринославской губернии в 1853 и 1854 годах исправлено на основании позднейших справок Палаты (ЦГИАЛ, ф. I Д, д. 26491, л. 179).

В хозяйстве помещиков и особенно колонистов средние урожаи хлебов были выше, чем в казенных имениях. В лучшие урожайные годы (например в 1852 году) сбор хлебов у государственных крестьян превосходил посев в 4—4$^1/_2$ раза. Урожаи пшеницы и ржи в отдельных местностях Херсонской губернии даже в скудный 1849 год поднимались до сам-8 — сам-10, ячменя — до сам-12 — сам-14, проса — до сам-30 — сам-40. Однако, подводя общий итог за 12 лет, с 1842 по 1853 годы, Херсонская палата государственных имуществ выводила средний урожай

озимых в сам-$2^{1}/_{5}$, а яровых — в сам-$2^{1}/_{2}$. Соответствующие показатели Екатеринославской палаты были сам-$2^{1}/_{2}$ и сам-3 [202].

На всем пространстве Южной Украины были рассеяны бахчи с арбузами, дынями и огородными овощами, разными сортами капусты, баклажанов, бураков, картофелем, луком и пр. Вблизи городов, особенно по течению рек Днестра и Кадыми в Херсонской губернии, огородничество приобрело промысловый характер и доставляло государственным крестьянам ежегодный чистый доход от 14 до 46 рублей серебром на хозяйство. Однако были такие местности, где ощущался недостаток воды и население не имело собственных огородов или разводило мало овощей; в засушливые 1848—1849 годы такие районы Екатеринославской и Херсонской губерний были охвачены массовыми заболеваниями цынгой.

Так же неравномерно были распределены плодовые сады и виноградники. В Екатеринославской губернии в 1851 году под садами было занято 15 тысяч десятин, на которых насчитывалось до 300 тысяч корней деревьев. Здесь государственными крестьянами разводились простые сорта яблонь, груш, слив и вишен. Зато цветущий характер носило садоводство в Херсонской и Таврической губерниях: особенно выделялись разнообразием и высоким качеством своих плодов Днестровская долина и побережье Крыма, защищенные от северных и восточных ветров. В Тираспольском уезде на берегах Днестра государственные крестьяне культивировали на сбыт преимущественно яблоки, сливы, абрикосы, персики и миндаль. В 1840-х годах здесь собиралось ежегодно от 8 до 20 тысяч пудов разных фруктов и от 10 до 30 тысяч пудов слив. В деревне Кашницы сушили более 2 тысяч пудов слив, которые продавали от 2 до 5 рублей ассигнациями за пуд. Здесь разводилось также до 8 сортов винограда, из которого добывалось около 40 тысяч ведер вина; половина этой продукции шла на рынок и скупалась городскими купцами по 2—3 рубля ассигнациями за ведро. Не менее широкое развитие получило садоводство на Крымском побережье, особенно в долинах рек Альмы, Качи и Бельбека; виноградарство и виноделие развивались у государственных крестьян северных уездов Таврической губернии.

---

[202] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1854 г., д. 5963; 1856 г., д. 6680, ч. I, л. 188 и след.; ч. II, лл. 361—378, 392—395; Отч., 1843—1856 гг., Ю. Витте. О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. II, стр. 58—75); Очерки хозяйства Новороссийского края (ЖМГИ, 1847, ч. XXIV, отд. I, стр. 1—20); К. Буницкий. О промыслах земледельческого сословия в Новороссийском крае (ЖМГИ, 1847, ч. XXII, отд. I, стр. 175—193); Д. Н. Струков. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет (1849—1854 гг.) (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. IV, стр. 39—62); О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1850 г. (ЖМГИ, 1851, ч. XL, отд. I, стр. 65—118); О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1851 г. (ЖМГИ, 1852, ч. XLIV, отд. I, стр. 31—75, 107—136); Д. Н. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1852 г. (ЖМГИ, 1853, ч. XLVII, отд. I, стр. 192—220; ч. XLVIII, отд. II, стр. 129—149); его же. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LI и LII, отд. III); О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1855 г. (ЖМГИ, 1856, ч. LX, отд. II, стр. 172—186, 197—218); Бауман. Агрономическое путешествие... (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. III, стр. 93—111); *Н. Г.* Хозяйственное обозрение Екатеринославской губернии за последние пять лет (1847—1851 гг.) (ЖМГИ, 1852, ч. XLIII, отд. IV, стр. 30—35); Взгляд на хозяйственные условия Таврической губернии (ЖМГИ, 1855, ч. LV, отд. IV, стр. 129—136); А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II. Одесса, 1853 (особ. стр. 91—97, 337—386); А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. II (особ. стр. 63—74, 199—255); Екатеринославская выставка сельских произведений (ЖМГИ, 1846, ч. XVIII, отд. II, стр. 237—241); Херсонская выставка сельских произведений в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LI, отд. II, стр. 23—66); Выставка в Симферополе Таврической губернии (ЖМГИ, 1817, ч. XXIII, отд. II, стр. 1—27); К. Веселовский. Несколько данных для статистики урожаев и неурожаев в России (ЖМГИ, 1857, ч. LXII, отд. II, стр. 23—38).

Отчеты местных Палат отмечали постепенные успехи крестьянского шелководства: в 1855 году была зарегистрирована в Екатеринославской губернии 41 шелковичная плантация, имевшая более 57 десятин земли и 33 тысячи тутовых деревьев, а в Херсонской губернии — более 60 десятин тутовых посадок с 50 тысячами деревьев. Правда, шелк, добывавшийся крестьянами, был невысокого качества (особенно примитивными были способы размотки коконов). Тем не менее в Херсонской губернии около трети полученного сырца продавалось на сторону [203].

Таким образом, хозяйство южноукраинской государственной деревни было тесно связано с рынком: не только зажиточные крестьяне, но и середняки сбывали на близлежащие ярмарки и базары продукты земледелия и скотоводства, пользовались торговым посредничеством чумаков, прасолов и городских купцов, иногда сдавали в аренду свои фруктовые сады и шелковичные плантации. По сведениям Екатеринославской палаты, количество ярмарок и базаров в казенных имениях увеличилось за 1846—1855 годы следующим образом (табл. 114).

Таблица 114

Число ярмарок и базаров в казенных имениях Екатеринославской губернии*

Годы	Ярмарки	Базары	Годы	Ярмарки	Базары
1846	151	28	1851	170	42
1847	156	29	1852	170	42
1848	164	39	1853	170	42
1849	166	42	1854	172	42
1850	166	42	1855	185	47

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 182.

В 1853 году на базарах и ярмарках было продано товаров на 1 038 807 рублей серебром; преобладали хлеб, скот, сало, кожи, овечья шерсть, рыба и масло. В Таврической губернии в 1844 году насчитывалось 35 ярмарок и 18 еженедельных базаров с привозом товаров на 1 миллион рублей серебром [204]. Часть продуктов потреблялась в пределах района, некоторые товары (например сушеные фрукты) переправлялись в северные промышленные губернии, но основная масса сельскохозяйственной продукции — пшеница, частью рожь, шерсть, сало и льняное семя — сбывались через Одессу и другие приморские города в зарубежные страны. Более чем где-нибудь, цены на экспортируемые продукты диктовались здесь мировой рыночной конъюнктурой. Тем не менее сохранялись обычные колебания рыночных цен в зависимости от степени урожая, времени года и различных местных условий. С 1847 по 1851 годы в Екатеринославской губернии цены на рожь колебались от 1 рубля 62 копеек до 4 рублей 68 копеек за четверть, на пшеницу — от 3 рублей 29 копеек до 5 рублей 85 копеек. Даже в Херсонской губернии,

[203] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, л. 188 и след.; ч. II, лл. 361—378, 392—395; Ю. Витте. О сельском хозяйстве... (ЖМГИ, 1844, ч. XIII, отд. II, стр 58—75); О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1848 г. (ЖМГИ, 1849, ч. XXXII, отд. II, стр. 1—57): его же. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет (1849—1854 гг.) (ЖМГИ, 1855, ч. LVI, отд. IV, стр. 39—62); А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. II, стр. 99—136, 347—348.

[204] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1854 г., д. 5963; И. Ф. Штукенберг. Статистические труды, т. II (Статистическое описание Таврической губернии, стр. 54).

где сильнее всего действовало влияние заграничного спроса, колебания были очень большими[205]. Налогово-оценочные комиссии в 50-х годах зарегистрировали такие средние цены на рожь и пшеницу в основных торговых пунктов Южной Украины (табл. 115).

Таблица 115

Цены на рожь и пшеницу в 50-х годах*

Губернии	Пшеница		Рожь	
	в четвертях			
	руб.	коп.	руб.	коп.
Екатеринославская				
Верхнеднепровск . .	—	—	3	25½
Таганрог	4	5	2	43
Александровск . . .	—	—	2	2½
Екатеринослав	—	—	1	74½
Таврическая				
Бердянск	4	5	2	43
Херсонская				
Одесса	4	45	2	67
Херсон	4	5	2	43

* МСР, II, стр. 214—218.

Таким образом, цены на пшеницу, которая играла роль преимущественно экспортного товара, были более нивелированы, чем цены на рожь, и стояли значительно выше, чем в других черноземных губерниях. Однако следует учесть, что продажные цены на месте производства (особенно, если продажа происходила на корню, до жатвы) были гораздо ниже: при всяких условиях выигрывал посредник — купец и проигрывал непосредственный производитель — крестьянин.

Вопреки мнению об отсутствии зажиточной прослойки в южноукраинской деревне, целый ряд фактов свидетельствует о социальном расслоении местного крестьянства. Среди староселов были крепкие хозяева, которые покупали и арендовали земли, владели большим количеством лошадей и волов, вели предпринимательское сельское хозяйство, иногда в качестве чумаков занимались скупкой и перепродажей товаров, накапливая не только натуральные запасы, но и денежные средства. В числе экспонентов Симферопольской выставки 1846 года было несколько государственных крестьян, имевших конские и воловьи заводы, в том числе Алексей Ильин и Антон Милосердов, владевшие значительными стадами рогатого скота «отличного качества, силы и роста»; кроме того, Ильин был собственником конского завода из 400 голов. Крестьянин Гассан-Сали-Оглы был награжден за образцы черепицы тоже собственного завода. Крестьянин Ларион Вороженцев выставил траворол своего изобретения для чистки садов и лесных плантаций. Другие крестьяне прислали прекрасные образцы пшеницы, ржи, винограда, разнообразных фруктов, оливкового масла; нет никакого сомнения, что такие экспонаты

[205] Ал. Егунов. О средних ценах...; А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. II стр. 76—79, приложение VIII.

были продуктами прочно налаженного доходного хозяйства. Подобные же экспонаты выставлялись государственными крестьянами Херсонской губернии. Зажиточными хозяйствами отличались приднестровские села этой губернии, имевшие плодородные нивы, обширные сады и виноградники, богатые рыбные ловли. Показателем процесса накопления в Екатеринославской губернии была деятельность деревенских сберегательных касс; по отчету местной Палаты, в 1853 году в них состояло денежных вкладов на сумму 8 897 рублей 16 копеек серебром.

Но в той же государственной деревне было много неимущих элементов не только среди необжившихся переселенцев, но и в среде обедневших староселов. Нуждавшиеся крестьяне не могли прокормиться собственным сельским хозяйством и должны были искать заработка за пределами своей околицы. В условиях плодородного земледельческого юга крестьянская промышленность была развита слабо; потребности местного населения в изделиях кузнечного, плотничного, столярного и других производств удовлетворялись преимущественно русскими ремесленниками, которые приходили на время из северных губерний. Местные крестьяне могли похвалиться продуктами домашней промышленности, удовлетворявшей нужды семьи и только иногда дававшей излишки для рыночного сбыта: таковы были искусные полотняные, шерстяные и шелковые изделия, которые экспонировали на херсонских и таврических выставках украинские и молдаванские крестьянки. В некоторых селах жили профессиональные кузнецы, кожевники, плотники, бондари, но число таких мастеров было невелико. Перед каждым, искавшим стороннего заработка, открывались другие, более близкие и заманчивые возможности: во время полевых работ, особенно в периоды покоса и жатвы, в крупных хозяйствах Причерноморья не хватало рук для быстрой уборки созревших трав и хлебов. Летом черноморские степи покрывали тысячами пришлых рабочих, которых манили повышенный спрос и более высокая заработная плата. Обыкновенно крестьяне из русских губерний приезжали сюда на конных подводах партиями по 10—30 человек; большинство рабочих приходило пешком из близких украинских губерний. На косовицу и жатву, а также на крымские соляные промыслы и на рыбные ловли в лиманах Днепра, Днестра и других украинских рек устремлялись также местные крестьяне Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний. Размеры отхода из государственной деревни измерялись следующими цифрами паспортов и билетов, выбранных екатеринославскими крестьянами в 40—50-х годах (табл. 116).

Таблица 116

Количество паспортов и билетов, выбранных государственными крестьянами Екатеринославской губернии *

Годы	Число паспортов и билетов	Годы	Число паспортов и билетов	Годы	Число паспортов и билетов
1845	16 782	1849	17 818	1853	15 432
1846	13 210	1850	23 919	1854	13 277
1847	12 399	1851	14 275	1855	14 052
1848	24 272	1852	13 973		

* ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491, л. 182.

Как видим, количество отходников колебалось в зависимости от разных условий: особенно велико было число выбираемых паспортов в годы неурожаев, когда увеличивалось количество свободных рук в собственном хозяйстве. При этом решительно преобладало число кратко-

срочных билетов: например, в 1845 году из 16 782 отходников 12 298 человек уходили на короткие сроки, 2767 брали полугодовые билеты, 1715 — годовые и только — 2 — двухгодовые. По отношению к общему количеству ревизских душ наибольший отход наблюдался в 1848 году, составляя 12%, и наименьший — в 1847 году (6%). Приблизительно такую же пропорцию давала Таврическая губерния: в 1845 году отсюда вышло 17 885 человек, т. е. 9% мужского населения.

По вычислению местной инспекции сельского хозяйства, плата косарям в Причерноморье колебалась от 30 до 75 копеек серебром в день, но иногда доходила до 1—2 рублей; женский рабочий день оценивался на садовых и огородных работах в 15—20 копеек, а во время сенокосов и жатвы — до 40—50 копеек и более [206].

Примером крупного центра с разносторонней деятельностью крестьянства могло служить государственное село Токмак Бердянского уезда Таврической губернии. В середине 40-х годов здесь насчитывалось 745 дворов, в которых проживало 2 319 ревизских душ; постепенно вокруг Токмака образовалось 7 деревень выселенцев, живших отдельными степными хуторами, в которых числилось 1 023 ревизских души. В распоряжении крестьян находилось 38 тысяч десятин чернозема глубиной от 6 вершков до 2 аршин, в среднем по 11 десятин на ревизскую душу. Кроме того, 20 хозяев арендовали под бахчи около 50 десятин целинной земли, принадлежавшей менонитской колонии. Селение растягивалось на 6 верст и омывалось тремя небольшими речками. Основными занятиями жителей были хлебопашество и скотоводство. Ярового хлеба засевалось втрое больше озимого. Лошадей было мало, зато волов приходилось в среднем по 4,5 головы на каждый двор. Крупный рогатый скот делился на 7 общественных стад, а овцы (частью курдючные русские и волошские, частью тонкорунные испанские) — на 16 стад. Зажиточные крестьяне, обладавшие большими стадами, держали у себя особых пастухов.

В Токмаке и прилегающих хуторах было около 200 садов, а у некоторых хозяев — огороды, на которых возделывались капуста, перец и баклажаны. Население торговало преимущественно хлебом, скотом и овечьей шерстью (простая шерсть продавалась по 8 рублей ассигнациями за пуд, испанская — от 20 до 38 рублей за пуд, в зависимости от степени обработки). В селении было 2 водяных и 15 ветряных мельниц, 3 маслобойни и 11 постоянных лавок. На трех годовых ярмарках и на еженедельных базарах бывало большое стечение торговцев из соседних украинских, русских и немецко-колонистских селений. До 50 купцов приезжало из Екатеринославской, Полтавской, Курской и Харьковской губерний со скотом, рыбой, табаком, каменным углем, деревянными, кожевенными и железными изделиями. В свою очередь, из Токмака вывозилось немало местных продуктов. Например, обоянские купцы отправляли отсюда в русские губернии около 80 тысяч пудов шерсти. Особенное оживление наступало в селе в периоды сенокоса и жатвы, когда черноморские степи заполнялись тысячами пришлых рабочих из соседних украинских губерний.

Население Токмака не нуждалось в покупке съестных продуктов (за исключением рыбы и соли), но все остальные предметы потребления приобретало у торговцев или заказывало местным ремесленникам.

---

[206] К. Буницкий. О промыслах земледельческого сословия в Новороссийском крае (ЖМГИ, 1847, ч. XXII, отд. I, стр. 175—193); Д. Н. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LII, отд. II, стр. 1—22, 63—94); Выставка в Симферополе в 1846 г. (ЖМГИ, 1847, ч. XXIII, отд. II, стр. 1—27); Херсонская выставка сельских произведений в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LI, отд. II, стр. 23—66); Отч., 1845 г.; А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. II, стр. 334—349, 726.

В селе постоянно работало 9 кузнецов, 16 портных, 26 сапожников, 5 шапочников, 16 ткачей, 15 гончаров, 9 кожевников, 6 бондарей, 2 мясника, 17 мельников. Среди ремесленников были выходцы из немецких колоний, в том числе 2 каретника, 1 канатник и 1 часовой мастер Некоторые крестьяне, не оставляя земледелия, занимались в свободное время ткацким, сапожным, портновским и другими промыслами. Кроме того, в Токмак ежегодно приходили одна-две артели бондарей из Рязанской губернии.

Для культурного уровня населения Токмака было характерно наличие приходского училища, открытого раньше и независимо от Министерства Киселева. В нем преподавало два учителя и обучалось 72 мальчика и 11 девочек, преимущественно из числа местных жителей.

Наряду с такими крупными земледельческо-торговыми центрами на Южной Украине существовал иной тип поселения, вскрывающий оборотную сторону местной крестьянской жизни. Таково было село Кардасинка, расположенное в 10 верстах от Херсона, около Днепровского лимана и прилегающих к нему болот. Здесь жило 556 ревизских душ, которые кое-как кормились хлебопашеством и рыболовством. Однако доходы от затраченного труда были крайне неустойчивы и ничтожны. Почва Кардасинки была песчаной и в хорошие годы могла обеспечить урожай сам-5 — сам-10, но такие сборы хлебов были редкими. В дождливые годы семена смывались с гористых полей и пропадали в залитых водой низменностях; наоборот, в засушливые лета весь хлеб сгорал на корню и население ничего не выручало от земледелия. Главным бедствием кардасинцев были зыбучие степные пески, которые грозили засыпать все сельские пашни и пастбища; правительство пыталось остановить движение песков посадками «шелюги» (род ивы). Село страдало также от крайней дальнеполосицы: местные сенокосы были расположены в 15 верстах, а пашни — в 25 верстах от крестьянских усадеб; на время сенокоса, пахоты и жатвы население переходило на место полевых работ, строило там хутора или располагалось в поле временным лагерем. Урожаям мешали также многочисленные солончаки, которые в жаркую погоду превращали степь в окаменевшую пустыню. Рыболовство было ненадежным источником дохода; крупная рыба ловилась в лимане, а в самой Кардасинке попадалась только мелочь, больше всего раки, которые составляли для жителей предмет наиболее обеспеченного летнего питания. Небольшие сады по берегам Днепра не имели промыслового значения. Количество скота в Кардасинке было очень ограниченным и служило исключительно домашним потребностям. Нуждаясь в подсобном заработке, население собирало степные травы и утилизировало их, частью сбывая в аптеки (например, целебный «болиголов»), частью делая из них на продажу веники. Деревенские дети в Кардасинке часто страдали глазными болезнями от постоянного действия раскаленных движущихся песков [207].

На основании сохранившихся отчетов и описаний можно предполагать, что большинство государственных деревень Южной Украины по своему экономическому уровню занимало промежуточное положение между зажиточным Токмаком и бедной Кардасинкой.

Возникает вопрос, какое влияние на описанные хозяйственные процессы имели инициатива и деятельность «попечительного» Министерства? Нельзя отрицать положительного воздействия люстрации и перевода на оброк в губерниях Правобережной Украины. Действия налогово-оценочных комиссий привели к некоторому сокращению индивидуального

[207] Бауман. Описание казенного селения Токмака в Таврической губернии (ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, отд. III, стр. 1—9); Село Кардасинка (ЖМГИ, 1854, ч. LIII, отд. II, стр. 81—84).

землепользования в Левобережье (что само по себе было движением назад) и к зарождению более прогрессивного трехполья на Южной Украине. Переселение части крестьян левобережных губерний, хотя и в ничтожной степени, разредило плотность населения в этом районе, а содействие колонизации Причерноморья способствовало хозяйственному освоению богатого южного края. Вообще правительство обращало более серьезное внимание на украинские губернии как на область доходного земледелия и скотоводства: ранее учреждения Министерства здесь была создана Инспекция сельского хозяйства южных губерний и выделен специальный капитал для содействия южному земледелию. Однако деятельность правительственных органов на Украине мало отличалась от хозяйственной политики во внутренних русских губерниях: она была так же ограничена в своих количественных масштабах, так же подчинена основным задачам и приемам феодального управления. Замкнутые учебные фермы с выпуском ничтожного количества агрономов, рассылка крестьянских мальчиков в школу пчеловодства и тому подобные учреждения, устройство садовых питомников и случных конюшен, организация сельскохозяйственных выставок, иногда рытье колодцев и укрепление песков — таков был узкий круг мероприятий, которые предпринимало Министерство для развития производительных сил богатого, но стихийно используемого края. Поощрительными мерами Киселева пользовалась и тут небольшая прослойка зажиточного крестьянства; масса земледельческого населения оставалась во власти традиционных методов сельского хозяйства, в зависимости от непредвиденных метеорологических изменений, лишенная прочной материальной и культурной опоры. Основные экономические процессы, переживавшиеся Украиной,— развитие товарного производства, неразрывно связанные с ним расслоение крестьянства, зарождение капиталистических отношений, расширение посевной площади и числа культивируемых растений — совершались большей частью независимо от руководства Министерства государственных имуществ. Главные преграды, мешавшие быстрому росту украинского сельского хозяйства,— малоземелье Левобережья, невозможность для среднего крестьянина применить улучшенные агрономические методы, хищническая эксплуатация черноморских степей,— не были устранены Министерством Киселева. И здесь, так же как в Центральном черноземном районе и в пределах Поволжья, крестьянин расточал окружающие богатства природы, оставаясь неспособным заметно повысить материальный и культурный уровень деревенской жизни.

10. Литва и Белоруссия

Важнейшими фактами в жизни государственных крестьян Литвы и Белоруссии 40—50-х годов, так же как на Правобережной Украине, были ликвидация арендной системы, перевод на оброк и люстрация казенных имений. Так же как на Киевщине, Подолии и Волыни, освобождение от власти посессоров и переход к более прогрессивной форме феодальной ренты остановили деградацию крестьянского хозяйства и способствовали некоторому росту сельскохозяйственного производства. Люстрация увеличила средний надел крестьянского двора и понизила размер феодальных повинностей; переход от барщины к денежным платежам поднял товарность крестьянского хозяйства, а ликвидация многочисленных фольварков и превращение их в казенные фермы помогли зажиточным хозяевам расширить зерновые посевы при помощи земельной аренды. Крестьянин почувствовал себя свободнее и самостоятельнее в своих действиях. По наблюдениям современников, происшедшие перемены вызвали заметные сдвиги в состоянии земледелия и скотоводства

в казенных имениях. Однако в Литве и Белоруссии последствия перевода на оброк сказались не так очевидно и быстро, как в районе Правобережной Украины: природные условия северо-западного края были менее благоприятны, чем на юге, а тяжелое влияние предшествующего управления сильнее тяготело над массой крестьян. Расстроенное деревенское хозяйство не смогло противостоять частым неурожаям кризисного периода. Не успела закончиться люстрация, как разразилась Крымская война, непосредственно ударившая по литовскому и белорусскому населению: в пограничных районах было объявлено военное положение, неизбежно связанное с реквизициями, солдатскими постоями и увеличением подводной повинности. Таковы были факторы, усилившие тягости разлагавшегося феодального строя и в значительной мере нейтрализовавшие положительное воздействие финансовой реформы 40—50-х годов.

Район Литвы, охватывавший преимущественно Ковенскую и западную часть Виленской губернии, обладал более благоприятными условиями, чем Белоруссия: здесь наряду с глинами и песками чаще встречались пласты плодородной почвы; близость Балтийского моря смягчала климат и с помощью Немана, Вилии и их притоков содействовала судоходству и сплаву лесных материалов в направлении приморских портов. Известное значение имело также соседство Курляндской губернии, которая отличалась более высоким уровнем земледелия и животноводства. По мере ликвидации арендной системы литовские государственные крестьяне прилагали все больше усилий к улучшению своего хозяйства. Отчеты местных Палат сообщали об освоении заново прирезанных участков: о расчистке лесов, об очищении лугов от кустарников, в некоторых местах — о разведении фруктовых садов. Сопоставляя размеры крестьянских посевов до и после люстрации, мы улавливаем тенденцию их расширения, не только абсолютного, но и относительного — на душу населения; однако в Ковенской и еще больше в Виленской губернии эта тенденция была задержана разорительным влиянием Крымской войны (табл. 117).

Таблица 117

Посевы государственных крестьян Литвы *
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1851 г.	1853 г.	1855 г.
Ковенская				
Посеяно: всего . . .	163 223	170 019	159 491	165 461
на ревизскую душу	1,55	1,68	1,54	1,60
Виленская				
Посеяно: всего . . .	117 785	152 570	119 072	116 884
на ревизскую душу	1,22	1,39	1,10	1,10

* Отч., 1843, 1851, 1853, 1855 гг. Ср. ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 215, 231.

Бо́льшая часть земель в литовских губерниях нуждалась в сильном унавоживании; с другой стороны, для поднятия нови на расчищаемых и осваиваемых участках нужна была большая тягловая сила; и то, и другое требовало увеличения поголовья скота, который в период арендной системы был крайне истощен плохим питанием и непосильной

работой. На покупку и выращивание скота было обращено пристальное внимание и местного крестьянства, и министерских органов. Судя по министерским отчетам, перевод на оброк и здесь оказал некоторое положительное воздействие на деревенское хозяйство.

По данным географа И. Ф. Штукенберга, которому были открыты архивы Министерства государственных имуществ, скотоводство у государственных крестьян литовских губерний в 1844 году, т. е. до начала массового перевода на оброк, характеризовалось следующими цифрами (табл. 118).

Таблица 118

Количество скота у государственных крестьян Литвы в 1844 году*

Количество скота	Губернии	
	Ковенская	Виленская
Крупного скота всего . . .	152 975	101 639
На ревизскую душу	1,41	1,04
Мелкого скота всего . . .	120 604	90 482
На ревизскую душу	1,12	0,92
Всего скота	273 579	192 121
На ревизскую душу	2,53	1,96

* И. Ф. Штукенберг. Статистические труды т. II (Виленская губерния, стр. 9; Ковенская губерния, стр. 17).

Министерские отчеты за 50-е годы, когда перевод на оброк принял массовый характер, дают такую картину состояния скотоводства в Ковенской и Виленской губерниях (табл. 119).

Рост поголовья крупного и мелкого скота ясно обозначился в Ковенской губернии, хотя и здесь Крымская война снизила среднее число скота на душу мужского пола. Иное положение создалось в Виленской губернии, где были почти непрерывные неурожаи хлебов и трав; осложненные влиянием войны, они парализовали усилия крестьян улучшить состояние скотоводства. Однако не следует забывать, с одной стороны, о значительном расслоении литовского крестьянства и, следовательно, о неравномерном распределении скота между хозяевами, с другой стороны, о низком качестве местных лошадей и волов, установленном всеми официальными показателями. После окончания люстрации, в 1854 году, из 52 026 дворов обеих губерний только 64% были признаны тяглыми; остальные хозяева были зачислены в полутяглые, огородники и бобыли, имевшие мало скота или вовсе его не имевшие. Расслоение по количеству скота наблюдалось и в группе тяглых хозяев, причем число лошадей и волов варьировалось в зависимости от качества почвы и степени развития земледелия. Например, в начале 50-х годов в Виленской губернии сельские общества с хорошей почвой имели в среднем по 1 лошади и $2^1/_2$ вола на двор, а с «весьма худою» почвой — по $^1/_2$ лошади и $1^1/_4$ волов. Лугов, за исключением берегов Немана и Вилии, было мало; в большинстве случаев крестьяне собирали малопитательное сено с болотных сенокосов и в зимние месяцы кормили скот преимущественно соломой. И лошади, и рогатый скот в Литве были малорослыми, тощими и слабосильными. Несмотря на относительно большое поголовье, навоза, как правило, не хватало для удобрения крестьянских пашен. Несколько лучше было положение в Поневежском и Россиенском уездах Ковенской

Таблица 119

Количество скота у населения государственной деревни Литвы в 50-х годах*

Губернии	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Ковенская					
Число государственных крестьян	101 151	103 322	103 933	103 541	104 117
Предполагаемое число душ мужского пола	103 680	106 835	107 155	106 958	107 553
Крупного скота	227 478	226 985	227 082	227 260	227 440
На душу мужского пола	2,19	2,12	2,12	2,12	2,11
Мелкого скота	199 389	202 937	203 073	203 208	203 343
На душу мужского пола	1,92	1,90	1,89	1,90	1,89
Всего скота	426 867	429 922	430 155	430 468	430 783
На душу мужского пола	4,11	4,02	4,01	4,02	4,00
Виленская					
Число государственных крестьян	109 514	107 924	106 783	106 195	107 566
Предполагаемое число душ мужского пола	112 252	111 593	110 093	109 699	111 115
Крупного скота	96 013	98 670	98 625	96 056	93 854
На душу мужского пола	0,85	0,88	0,89	0,87	0,84
Мелкого скота	96 571	106 383	106 450	108 585	107 113
На душу мужского пола	0,86	0,95	0,97	0,99	0,96
Всего скота	192 584	205 053	205 075	204 642	200 967
На душу мужского пола	1,71	1,83	1,86	1,86	1,80

* Отч., 1851, 1853—1856 гг.— Количество скота на душу мужского пола вычислено так же, как в описании Пермской и Оренбургской губерний.

губернии. Виленские крестьяне, по расчетам местной Палаты, могли удобрить, помимо огородов, только $^1/_{20}$ часть посевов на хороших почвах, $^1/_{30}$ — на посредственных и $^1/_{40}$ — на «худых». Самые плохие рыхло-песчаные почвы вовсе не унаваживались и использовались на основе переложного севооборота.

Меньше всего изменений произошло в системе полеводства и в сельскохозяйственной технике. При повсеместном господстве трехполья в наименее плодородных районах с песчаной почвой сохранялась подсечно-переложная система земледелия: участки, предназначенные для будущего посева, запускались под лес, и когда деревья достигали высоты одной сажени, их срубали и, сжигая, получали землю, удобренную золой и дававшую 2 года подряд урожаи сначала озимой ржи, затем гречихи. На третий год истощенную землю забрасывали на длительный промежуток — от 5 до 20 лет, пока не вырастали новые деревья — обыкновенно дурного качества. Кроме основных культур — озимой ржи и яровых хлебов — овса, ячменя и гороха, повсеместно сеяли лен, на более плодородных почвах — пшеницу, местами табак, в огородах и частью на полях сажали картофель и сеяли коноплю. Все орудия были самодельными, старого, прадедовского образца. Для разрыхления почвы пользовались

жмудской сохой, приспособленной к работе и на старых полях, и на лесной новине; наряду с деревянной бороной кое-где встречалась железная. Хлеб убирали серпом и молотили цепом. В широком употреблении были ручные жернова. Несмотря на тщательную обработку почвы, урожаи бывали невысокие: в среднем, ковенские крестьяне собирали 3—4, а виленские — 2—3 зерна на зерно посева. Огородничество, как правило, обслуживало собственные потребности домохозяев; садоводство было развито слабо главным образом у зажиточных крестьян. По мере вырубания лесов все больше падал старинный промысел бортевого пчеловодства, снабжавший рынок прославленным медом под названием «липец» [208].

Перевод на оброк требовал от крестьян увеличения прежнего дохода, а некоторое расширение наделов (в среднем до 5,58 десятины в Виленской и 4,33 десятины в Ковенской губерниях) обеспечивало возможность большего сбыта хлебных излишков. Зажиточные крестьяне получили новые источники для товаризации своего хозяйства: сдавая кутникам клочки своих земельных угодий, они использовали их в качестве сельскохозяйственных батраков, приплачивая им ничтожную сумму денег. Крестьяне, имевшие собственное земледельческое хозяйство, старались продать все, что возможно: хлебное зерно, муку, лен, льняное семя, картофель, коноплю, пеньку, льняные изделия, скот, молочные продукты. Хлеб, пенька и особенно лен крупными партиями шли в Либаву, Ригу и в ближайшие губернские центры, а оттуда — в зарубежные страны. Картофель в большом количестве скупался местными винокуренными заводами. Многие продукты сбывались на ближайших базарах и ярмарках. В казенных имениях одной Виленской губернии насчитывалось в 1844 году 34 ярмарки и 52 базара с общим оборотом в 56 тысяч рублей. Крестьяне, жившие ближе к торговым пунктам (например, в Поневежском уезде Ковенской губернии), старались доставить свои товары сами, минуя скупщиков; в большинстве случаев сельскохозяйственные продукты скупались торговцами из среды местных евреев. Средние справочные цены в 40—50-х годах стояли такие (табл. 120).

Таблица 120

Средние цены на земледельческие продукты в Литве*

Название товаров	Ковенская губерния (1847 — 1851 гг.)		Виленская губерния (1843—1858 гг.)	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Рожь (четверть)	—	—	4	99
Ржаная мука (куль)	4	69	4	57
Овес (куль)	2	80	2	37
Пшеница (четверть)	—	—	9	17

* Ал. Егунов. О средних ценах...

Торговля стимулировала развитие деревенской промышленности: крестьяне подвергали первоначальной обработке коноплю и лен, женщины пряли и ткали полотняные изделия. В казенных имениях существовали различные промышленные предприятия: в 1844 году в виленских селах было зарегистрировано 346 заведений, преимущественно мелких мастер-

208 ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 367—378, 547—556; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 215—241; Д. Афанасьев. Ковенская губерния. СПб, 1861, стр. 362—397; А. Корев. Виленская губерния. СПб, 1861, стр. 430—484; «Военно-статистическое обозрение Российской Империи», т. IX, ч. I. СПб, 1848.

ских с общим количеством в 837 наемных рабочих. Бедняки, особенно огородники и бобыли, занимались различными промыслами. Ремесло в деревне было развито слабо: потребность в домашних поделках удовлетворялась самими крестьянами, иногда пришлыми каменщиками и плотниками из великорусских губерний, чаще—профессиональными ремесленниками из еврейского населения. По подсчету Виленской палаты, в 1855 году в среде государственных крестьян было 834 ремесленника, которые распределялись по следующим специальностям (табл. 121).

Таблица 121

Ремесло в казенных селах Виленской губернии в 1855 году*

Специальность	Число ремесленников	Специальность	Число ремесленников	Специальность	Число ремесленников
Кузнецы . . .	177	Плотники . . .	64	Шорники	11
Сапожники . .	129	Столяры . . .	53	Слесаря	9
Портные . . .	75	Печники . . .	40	Колесники	9
Бондари . . .	65	Ткачи	23	Разные	179

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 228—230.

Огромное большинство крестьян, которые не могли прокормиться одним земледелием, уходило из деревень на заработки. Имевшие достаточное число лошадей занимались подвозом товаров к пристаням и торговым пунктам. Немало рабочих поглощали сплав леса и судовая промышленность. Многие нанимались на землекопные работы при проведении шоссейных дорог. Наконец, крупную роль играл сельскохозяйственный труд на арендованных фермах. По подсчетам той же Виленской палаты, в 1855 году на земляных работах было занято 694 человека, на фермах батрачило 18 944 крестьянина.

И здесь ликвидация «хозяйственного положения» оказала положительное воздействие на повышение крестьянского дохода. Результатом изменившихся условий деревенской жизни были сокращение недоимочности и понижение смертности. При сопоставлении итогов 8-й и 10-й ревизий обнаружился прирост населения государственной деревни: в Ковенской губернии — на 3,7% (с 98 856 до 102 526 ревизских душ), в Виленской — на 13,4% (с 92 887 до 105 389 ревизских душ) [209]. Однако не следует преувеличивать прогрессивные последствия реформы в литовских губерниях: бытовые условия местного крестьянства продолжали нести на себе печать крайней отсталости. По-прежнему помещичьи винокуренные заводы через посредство бесчисленных шинков спаивали водкой трудовое население; по-прежнему крестьяне жили в тесных и неопрятных избах, страдали от тяжелых болезней, больше всего от колтуна и сифилиса. Особенно тяжелым было положение виленских крестьян, располагавших менее благоприятными условиями для земледелия и сбыта сельскохозяйственных продуктов. Избы строились здесь большей частью без фундаментов, полов и дымовых труб. Основными продуктами питания были черный хлеб и овощи с приправой из молока и свиного сала; мясо и птица были предметом роскоши и употреблялись в пищу только по праздникам. Одежду шили из домашних сукон и овчин. Как правило, литовские крестьяне одевались лучше и жили опрятнее, чем русские, но их положение тоже не вызывало оптимистических оценок со стороны местных орга-

[209] П. Кеппен. Девятая ревизия; МСР, IV, стр. 132—135.

нов. В начале 50-х годов Виленская палата отвечала так на запросы Министерства: «Вообще хозяйство, промыслы и домашний быт крестьян находится в состоянии неудовлетворительном...» [210].

Еще заметнее сказывались последствия прежней арендной системы на государственных крестьянах Белоруссии, занимавшей в основном территорию Витебской, Гродненской, Могилевской и Минской губерний. Здесь средние крестьянские наделы даже по окончании люстрации были меньше, чем в литовской деревне, плодородные земли встречались реже, расстояние от балтийских портов дальше и, следовательно, сбыт сельскохозяйственных продуктов труднее и дороже, а крестьянское хозяйство было сильнее истощено произволом частных посессоров. Когда в мае 1840 года Киселев проезжал через Витебскую губернию, он записал в своем путевом дневнике: «Вдоль по дороге я не заметил особенного улучшения в земледелии,— много болотистых мест... крестьянские дома ветхие — мало или вовсе не лучше литовских... нищих много, лошади и скот тощие» [211]. В 1846 году, т. е. в самом начале массового перевода крестьян на оброк, специальная комиссия обследовала положение витебских крестьян и пришла к самым безрадостным выводам: «Земледельческие орудия, домашняя утварь и вообще быт крестьян — в самом жалком положении. Одежда у них приготовляется из собственных произведений с редкими, впрочем, исключениями. Кроватей и постелей крестьяне не знают. Пища у них весьма недостаточная. Белорусский поселянин и при зажиточном состоянии не знает чистого хлеба». 39% крестьянских домов требовали исправления, а 21% представляли собой «полусгнившие хижины». Комиссия констатировала недостаток пищи, даваемой скоту, и изнурение его работой, истощение почвы, почти ежегодные неурожаи, полную пустоту хлебных магазинов, огромную недоимочность, достигавшую 28 рублей серебром на ревизскую душу, и «ужасную смертность», прогрессировавшую с каждым годом. В результате систематического обезземеления крестьян Езерийское староство имело из 11 545 душ мужского пола пятую часть «совершенно бесхозяйственных»; в Режицком старостве, где числилось 7302 ревизских души [212], «четвертая часть крестьян обратилась в бесхозяйных», а 253 семейства не имели даже собственных изб [213]. В лучшем состоянии были деревни русских старообрядцев и «панцырных бояр», находившихся на оброчном положении, но количество этих категорий государственных крестьян было очень невелико. В той или иной степени подобную же судьбу испытывали все белорусские губернии.

Уничтожение фольварков и перевод на оброк пробудили известную инициативу в крестьянской массе. На протяжении 50-х годов во всех районах наблюдались попытки восстановить и улучшить сельское хозяйство. В дополнение к отведенным наделам крестьяне расчищали леса под пашни, расширяли луга, уничтожая кустарники, и осушали болота прорытием канав. Стараясь тщательнее обработать свои пашни, домохозяева местами использовали на всех полевых работах женскую рабочую силу. Более зажиточные слои деревни снимали в аренду казенные фермы, начинали сеять клевер, вику и чечевицу, увеличивали посадки фруктовых деревьев. В дополнение к прежним посевам озимой и яровой ржи, овса, ячменя, льна и пшеницы были предприняты первые

---

[210] ЦГИАЛ., ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. I, лл. 559—560; 1856 г., д. 6680, ч. II, лл. 215—230; «Военно-статистическое обозрение...», т. IX, ч. I, стр. 29, 31—32; Д. Афанасьев. Ковенская губерния, стр. 466; А. Корев. Виленская губерния, стр 502—503.

[211] ИРЛИ, Архив Киселева, 29.7. 124, л. 2.

[212] Население староства состояло из латышского племени латгальцев, близкого по своему быту к белорусам.

[213] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1852 г., д. 11529; ф. III Д, 1847 г., д. 3638, лл. 11—13.

попытки разведения табака. Наряду с навозом стали удобрять почву золой и торфом. Некоторые крестьяне старались улучшить свой скот при помощи случных пунктов. Малоземельные крестьяне снимали землю у более зажиточных из 3—4-го снопа. Первое время абсолютно и относительно увеличились крестьянские посевы. Однако частые неурожаи и особенно Крымская война, так же как в Литве, замедлили процесс восстановления деревенского хозяйства.

Таблица 122

Посевы государственных крестьян Белоруссии (в четвертях)*

Губернии	1843 г.	1846 г.	1852 г.	1855 г.
Витебская				
Посеяно: всего	97 843	90 332	107 558	104 312
на ревизскую душу	1,45	1,27	1,58	1,63
Гродненская				
Посеяно: всего	121 953	141 703	165 893	159 468
на ревизскую душу	0,91	1,11	1,24	1,21
Могилевская				
Посеяно: всего	53 151	47 979	67 234	81 018
на ревизскую душу	1,37	1,52	1,98	2,36
Минская				
Посеяно: всего	66 691	58 698	69 164	68 328
на ревизскую душу	1,30	0,93	0,95	0,94

* ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 105, 247; ч. II, лл. 2, 381; Отч., 1843, 1846, 1852, 1855 гг.

Судя по табл. 122, только могилевским крестьянам удалось сохранить тенденцию абсолютного и относительного расширения посевов; в остальных губерниях итоги 1885 года показали сокращение количества посеянного зерна сравнительно с кануном войны, хотя по-прежнему данные 1855 года превышали низкие цифры, существовавшие до люстрации. Исключение представляла одна Минская губерния, которая при некотором абсолютном росте посевов дала относительное уменьшение количества четвертей на ревизскую душу населения.

Другим показателем определенного улучшения экономики государственной деревни было увеличение поголовья крупного и мелкого скота. В связи с проведением люстрации некоторые категории крестьян получили ссуды на покупку скота; кроме того, о росте тягловой силы и навозного удобрения непосредственно заботились сами домохозяева. Донесения Палат констатировали увеличение числа лошадей, коров, овец, коз и свиней у крестьян, начиная с середины 40-х годов.

По данным географа И. Ф. Штукенберга, почерпнутым, по-видимому, из материалов Министерства государственных имуществ, до массового перевода на оброк, в 1844 году скотоводство государственных крестьян Витебской, Гродненской и Могилевской губерний дало такие числовые показатели (табл. 123).

После перевода на оброк, в 50-е годы, министерские отчеты зерегистрировали в тех же губерниях иные абсолютные и относительные цифры подсчитанного скота (табл. 124).

Таблица 123

Количество скота у государственных крестьян Витебской, Гродненской и Могилевской губерний в 1844 году*

Количество скота	Губерния		
	Витебская	Гродненская	Могилевская
Крупного скота	65 098	95 282	33 030
На ревизскую душу . .	0,95	0,71	0,86
Мелкого скота	38 769	138 247	39 297
На ревизскую душу . .	0,57	1,04	1,02
Всего скота	103 867	233 529	72 327
На ревизскую душу . . .	1,52	1,75	1,88

* И. Ф. Штукенберг. Статистические труды, т. II (Могилевская губерния, стр. 12; Витебская губерния, стр. 14; Гродненская губерния, стр. 27).

Увеличение количества скота отчасти компенсировало недостаток корма, а следовательно, слабосилие и малую продуктивность наличного поголовья. Неурожаи и Крымская война, так же как в Литве, привели к сокращению скота (за исключением Могилевской губернии, более удаленной от границы и поэтому меньше страдавшей от мобилизаций и реквизиций). Тем не менее цифры 1856 года, как правило, были выше, чем в начале 40-х годов. Не следует забывать, что за этими средними величинами скрывалось крайне неравномерное распределение живого инвентаря: в этом отношении положение огородников и бобылей, которые составляли 13% деревенских семейств, сильно отличалось не только от тяглых, но и от полутяглых хозяев. Кроме того, как и всюду, среди тяглых семейств были, с одной стороны, зажиточные, следовательно, многоскотные хозяйства, с другой стороны,— средние, имевшие меньше скота на двор. Немного позднее, в самом конце 50-х и начале 60-х годов, в Гродненской губернии 3% государственных крестьян имели 10 и более голов рабочего скота, 15% — от 5 до 10 голов, 46% — от 3 до 5 голов и 29% — от 1 до 2 голов [214].

Однако, несмотря на некоторое улучшение крестьянского хозяйства, общее состояние земледелия и скотоводства в белорусской государственной деревне оставалось крайне тяжелым. Казенные поля были разбросаны вперемежку с частновладельческими, и крестьяне сильно страдали от этой чересполосицы, неразрывно связанной с захватами и насилиями помещиков. Так же как в Литве, трехпольная система сочеталась с подсечно-переложной. Земледельческая техника была по-прежнему примитивной: самодельные соха и деревянная борона, коса и серп, цеп и лопата исчерпывали собой весь ассортимент сельскохозяйственных орудий. Не редкостью были ручные жернова для размельчения зерна. Повсеместно чувствовался недостаток лугов и хорошего сена. Зерно для посева не отбиралось и было самого низкого качества. Малорослый и слабый скот давал мало навоза: например, в Гродненской губернии его хватало только на седьмую часть парового поля. На подстилку скоту наряду с соломой приходилось бросать тростник, вереск и сосновые ветви. Со всех сторон деревенские поля были окружены лесами и болотами. Истощенная и плохо возделываемая почва отказывалась давать хорошие урожаи. Ни в одном из районов Европейской России не было таких низких сборов зерна, как в губерниях Белоруссии. Огородничество обслуживало здесь

[214] П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. II. СПб, 1863, стр. 191.

Таблица 124

Количество скота у населения государственной деревни Белоруссии*

Губернии	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Витебская					
Число государственных крестьян	67 762	63 768	64 433	64 084	65 104
Предполагаемое число душ мужского пола	68 856	65 936	66 430	66 199	67 252
Крупного скота	78 825	79 582	86 863	87 465	87 174
На душу мужск го пола	1,14	1,20	1,31	1,32	1,29
Мелкого скота	89 446	90 834	94 531	87 124	88 393
На душу мужского пола	1,30	1,38	1,42	1,31	1,32
Всего скота	168 271	170 416	181 394	174 589	175 567
На душу мужского пола	2,44	2,58	2,73	2,63	2,61
Гродненская					
Число государственных крестьян	134 418	132 116	133 712	131 305	133 746
Предполагаемое число душ мужского пола	137 778	136 608	137 857	135 638	138 160
Крупного скота	169 142	162 341	146 711	141 830	140 634
На душу мужского пола	1,23	1,19	1,06	1,04	1,02
Мелкого скота	239 219	196 313	139 868	141 923	148 198
На душу мужского пола	1,73	1,44	1,01	1,05	1,07
Всего скота	408 361	358 654	286 579	283 753	288 832
На душу мужского пола	2,96	2,63	2,07	2,09	2,09
Могилевская					
Число государственных крестьян	34 580	33 920	34 658	34 377	35 897
Предполагаемое число душ мужского пола	35 444	35 073	35 732	35 511	37 081
Крупного скота	35 643	36 708	38 561	40 096	43 844
На душу мужского пола	1,00	1,05	1,08	1,13	1,18
Мелкого скота	48 472	51 640	54 929	57 777	61 308
На душу мужского пола	1,37	1,47	1,54	1,62	1,65
Всего скота	84 115	88 348	93 490	97 873	105 152
На душу мужского пола	2,37	2,52	2,62	2,75	2,83

* Отч., 1851, 1853—1856 гг.— Относительные величины вычислены так же, как в Пермской и Оренбургской губерниях.

почти исключительно собственные нужды хозяев, садоводство стояло на невысоком уровне, разведение пчел было незначительным, преимущественно в лесах[215].

[215] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, лл. 78—80; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 105—111, 217—267; ч. II, лл. 2—13, 381—389; П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. II, стр. 185—201; Бенеке. Хозяйственные очерки Могилевской, Минской и Волынской губерний (ЖМГИ, 1845, ч. XVII, отд. II, стр. 187—218); И. Зеленский. Минская губерния, ч. II. СПб, 1859, стр. 7—71.

Перевод на оброк не мог не стимулировать рыночных связей белорусского крестьянства. Чтобы увеличить свои денежные доходы и постараться выйти из застарелой недоимочности, крестьяне, имевшие земледельческое хозяйство, старались продать все получавшиеся излишки: рожь, пшеницу, коноплю, лен, картофель, приплод скота и т. д. Нередко осенью после снятия урожая крестьяне сбывали на ярмарках хлеб и скот, чтобы весной вновь купить их за более высокую цену. Деревенские ремесленники выносили на базары продукты домашней промышленности и мелких промыслов: пряжу, ткани, ковры, деревянную посуду и пр. В одной Гродненской губернии во второй половине 40-х годов казенные села имели 24 ярмарки и базары с ежегодным привозом товаров на 1 миллион рублей серебром. Особенно крупной была ярмарка в Зельве, местечке в 76 верстах от Гродно, между Волковиском и Слонимом (бывшем имении князя Сапеги, конфискованном казной). По 10-й ревизии здесь насчитывалось 75 дворов белорусских государственных крестьян и 90 дворов евреев, занимавшихся ремеслом и торговлей. Ежегодно с 25 июля до 25 августа в Зельве производился торг разнообразными товарами: тут продавали лошадей и рогатый скот из западных губерний, материи московских и иностранных фабрик, металлические изделия тульских заводов, калужскую посуду, галантерею, бакалейные товары и т. п. В 1856 году оборот ярмарки превышал 800 тысяч рублей [216].

Средние цены на сельскохозяйственные продукты в 40—50-х годах стояли на следующем уровне (табл. 125).

Таблица 125

Средние цены на сельскохозяйственные продукты в Белоруссии*
(за четверть)

Название товаров	Губернии					
	Гродненская (1848—1857 гг.)		Могилевская (1847—1851 гг.)		Минская (1847—1853 гг.)	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Рожь	5	56	4	6	4	16
Пшеница	8	76	3	75	7	1
Овес	3	95	2	46	2	46
Гречиха	4	96	—	—	—	—
Просо	8	17	—	—	—	—
Горох	6	15	—	—	—	—
Ячмень	5	5	—	—	—	—
Ржаная мука	—	—	4	71	—	—
Гречневая крупа	—	—	5	81	6	41

* Бобровский. Указ. соч., ч. II, приложение, стр. 9; И. Ф. Штукенберг. Указ. соч., т. II (Могилевская губерния, стр. 10); И. Зеленский. Минская губерния, ч. II, стр. 42.

Как видим, в Гродненской губернии, расположенной ближе к балтийским портам, цены стояли выше, чем в более отдаленных Могилевской и Минской губерниях. Рыночные цены были обыкновенно ниже справочных: скупщики крестьянских товаров, пользуясь налаженными рыночными связями, подчиняли своему влиянию и продавцов, и покупателей. Так

[216] П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. II, стр. 429—459.—В 40-х годах обороты ярмарки были еще больше И. Ф. Штукенберг. Статистические труды, т. II. (Гродненская губерния, стр. 294).

же как в Литве, хлеб и картофель в большом количестве сбывались на винокуренные заводы, лен и конопля шли преимущественно за границу.

Как и в Литве, неурожаи и недостаток товарных излишков гнали из деревень бедные слои крестьянства. Кто имел больше скота, занимались извозами или нанимались с собственными лошадьми и волами на сельскохозяйственные работы к арендаторам ферм. У кого было мало скота, отправлялись на судовой промысел и землекопные работы, нанимались в рабочие к крупным лесопромышленникам или к содержателям мельниц, винокурен, сукновален и других промышленных предприятий. Самостоятельное ремесло среди белоруссов было развито слабо: преимущественно это были лесные промыслы — мочальное производство, гонка смолы и дегтя, изготовление деревянной посуды, ободьев, колес, в Могилевской губернии — начавшее развиваться плотничество [217].

Низкому состоянию сельского хозяйства в белорусских губерниях соответствовала бытовая обстановка, в которой жили государственные крестьяне. Изменить жилищные условия, улучшить питание, одежду и обувь могли только зажиточные домохозяева: они строили новые избы с дымовыми трубами и деревянными крышами, шили одежду из бараньей шерсти, заменяли доморощенные лапти покупными сапогами. Огромное большинство крестьян по-прежнему обитали в курных закопченных избах, кормились хлебом с мякиной, одевались в домотканную одежду, носили на ногах лыковые лапти. В Могилевской губернии вместо изб встречались шалаши из плетня, в которых, по выражению ревизора Пташинского, крестьяне вынуждены были жить «наподобие дикарей». По-прежнему колтун оставался бичом крестьянского населения, а винная корчма — источником утешения и в то же время несчастий сельского труженика [218]. Даже в 1854 году на белорусских крестьянах лежали огромные недоимки, которые измерялись сотнями тысяч рублей. В Могилевской губернии общая сумма недоимок в $2^1/_2$ раза превышала ежегодный оклад денежных повинностей [219]. Но самым разительным показателем тяжелого положения белорусской деревни была высокая смертность государственных крестьян: в промежуток между 8-й и 10-й ревизиями общее количество ревизских душ не прибыло, а убыло на 0,18%; некоторый прирост в Могилевской (+12,6%) и Минской губерниях (+4,7%) целиком нейтрализовался сокращением населения в Витебской (—2,8%) и Гродненской (—4,7%) губерниях [220]. Таков был закономерный результат неурожаев, бедности и массовых эпидемий, которые свирепствовали в белорусской деревне, изнуренной продолжительным влиянием арендной системы.

Нельзя отрицать прогрессивного воздействия реформы, проведенной в Белоруссии органами Министерства государственных имуществ; уничтожение фольварков, переход на оброк, паллиативные меры вроде частичного увеличения грунтов, некоторого уменьшения повинностей, раздачи скота и семян задержали процесс деградации крестьянского хозяйства. Однако люстрация не устранила феодальной эксплуатации и роковых последствий прежнего «хозяйственного положения». Могилевская ревизия Пташинского в 1848 году обнаружила не меньшие насилия и вымогатель-

---

[217] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1851 г., д. 4814, ч. II, лл. 78—80; 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 105—111, 247—267; ч. II, лл. 2—13, 381—389.

[218] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 105—111, 247—267; ч. II, лл. 2—13, 381—389; ф. Кнц М, 1848 г., д. 789, л. 32; Б е н е к е. Хозяйственные очерки... (ЖМГИ, 1845, ч. XVII, отд. II).

[219] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1855 г., д. 1602, лл. 2—3.

[220] П. К е п п е н. Девятая ревизия; МСР, IV, стр. 132—135.— В Витебской губернии число ревизских душ сократилось с 66 217 до 64 317, в Гродненской — со 122 473 до 116 635; в Могилевской губернии число ревизских душ увеличилось с 32 848 до 36 990, в Минской — с 64 407 до 67 464, а в общем по всей Белоруссии оно уменьшилось с 285 915 до 285 406.

ства местного аппарата, чем в остальных районах, подведомственных Министерству. Половинчатый, внутренне противоречивый характер киселевской реформы особенно наглядно обнаружился в этом отсталом и бедном краю, который несмотря на частичные улучшения, не мог подняться на ноги, в отличие от более плодородной Правобережной Украины.

11. Прибалтика

Перевод на оброк имел положительное влияние и на хозяйственную жизнь государственных крестьян, населявших территорию современных республик Эстонии и Латвии. Правда, ликвидация барщины происходила здесь замедленными темпами и не повлекла за собой уничтожения арендной системы: в противоположность Украине, Литве и Белоруссии здесь сохранялись мызные хозяйства и, следовательно, непосредственная феодальная зависимость крестьян от местных помещиков. Тем не менее в результате произведенного регулирования несколько увеличились крестьянские наделы, а местами сократились феодальные повинности. Наличие плодородных земель, приморский климат и близость балтийских портов облегчали крестьянину переход к торговому земледелию. Сельское хозяйство Прибалтики стояло на более высоком уровне, чем в других районах Европейской России. Личная свобода крестьян (не только на государственных, но и на помещичьих землях), подворное участковое землевладение и преобладание хуторской системы расселения ускоряли процесс классовой дифференциации деревни: здесь сильнее обнаруживалось деление на зажиточных хозяев и безземельных батраков, которое создавало условия для денежного накопления и роста капиталистических тенденций.

В основном прибалтийская деревня 40—50-х годов сохраняла традиционную систему полеводства и старую, дедовскую технику. Здесь продолжало господствовать трехполье, а на некоторых менее плодородных почвах встречалась система перелога. Основной сельскохозяйственной культурой оставалась озимая рожь; яровые поля засевались овсом, ячменем, а южные, кроме того, пшеницей. В Лифляндской и особенно Курляндской губерниях имелись также значительные посевы озимой пшеницы. Гречиха, горох и бобы занимали второстепенное место и шли на потребление крестьян, так же как конопля, а в некоторых районах — незначительные посевы табака. Повсеместно сеялся лен, который в некоторых уездах Лифляндии — Перновском, Вольмарском, Феллинском, Венденском — разводился в значительном количестве и крупными партиями поступал на рынок. Земледельческие орудия были несложными и изготовлялись самими крестьянами: повсюду применялись местная прибалтийская соха и деревянная борона; плугом пользовались преимущественно при поднятии нови. Во время жатвы эстонцы употребляли большей частью серп, а латыши — косу, на каменистой почве короткую, в остальных районах — длинную. Собранный хлеб молотился в некоторых районах цепами, в других — катками с помощью лошадей. Для сушки хлеба служили теплые овины и риги. Так же как в соседних губерниях, крестьянский скот был малорослым и слабосильным, хотя отличался большой выносливостью; исключение представляли лошади из породы эзельских клепперов, крепкие и быстроходные, но постепенно вырождавшиеся в силу скрещения с обыкновенными местными породами.

И все же, несмотря на рутинную технику, в земледелии и скотоводстве прибалтийской деревни наблюдались некоторые явления, которые выдвигали этот район на передовое место в Европейской России. Крестьянские угодья были здесь заботливо огорожены и возделывались чрезвычайно тщательно: озимые поля перепахивались 3 раза; для размельчения почвы

употреблялись деревянные катки; паровое поле удобрялось навозом, а там, где его не хватало,— морским мохом или навозной жижей (по заключению современных агрономов, такое удобрение было эффективнее, чем в центральных губерниях России); крестьяне заботливо ухаживали за скотом и зимой держали его в теплых сараях; леса ежегодно очищались от валежника и сухостоя. С середины 30-х годов, в связи с ростом винокурения и увеличением экспорта, мызное хозяйство частновладельческих и казенных имений стало шире применять рациональные методы земледелия. Постепенно зажиточные и частью средние крестьяне стали перенимать эти передовые опыты. Отчеты местных Палат сообщали о прогрессирующем осушении болот и удалении с полей лишней влаги, о распространении травосеяния, добыче торфа, улучшении сельскохозяйственного инвентаря. В 1855 году в эстляндских имениях Тайбель, Гейдемец, Мецтакен крестьяне засевали часть полей клевером и тимофеевкой; распространение посевов кормовых трав было отмечено также в латышских деревнях Лифляндской и Курляндской губерний. В некоторых районах создавали так называемые «полевые пруды»: на полевых котловинах устраивали запруды, которые задерживали воду, стекавшую с возвышенностей и содержавшую в себе удобрительные вещества; по прошествии трех лет воду спускали и на просохшем иле попеременно сеяли яровую пшеницу, ячмень (иногда с клевером и тимофеевкой) и овес. Отчет Курляндской палаты за 1855 год констатировал приобретение крестьянами значительного количества экстирпаторов, скарификаторов и железных борон; в том же году на крестьянских участках были проведены осушительные канавы длиной в 131 530 саженей. С помощью казенных агрономов под Виндавой было начато укрепление песчаных наносов. Наконец, в отличие от других губерний, картофель, получивший широкий сбыт на винокуренные заводы, разводили преимущественно на полях, а не на огородах; в 1855 году в Лифляндской губернии из 17 735 четвертей на полях было посажено 12 093 четверти; в Курляндской губернии процент полевых посадок картофеля был еще выше: из 31 829 четвертей на них приходилось 26 347 четвертей. Садоводство в прибалтийской деревне было развито слабо, но в 50-х годах среди зажиточных хозяев стало наблюдаться больше внимания к разведению фруктовых деревьев. На сельскохозяйственных выставках в Риге отдельные крестьяне получали медали и денежные премии за хорошие образцы зерновых хлебов, льна и продуктов огородничества; особенно выделялись высоким качеством овощей крестьяне казенного имения Шлок под Ригой [221].

Нет никакого сомнения, что известный подъем в развитии производительных сил был результатом ликвидации барщины и замены ее денежным оброком: об этом наглядно говорят абсолютное и относительное увеличение посевов, последовавшее за изменением устаревшей формы феодальной ренты. Если в начале и середине 40-х годов в условиях обеднения барщинной деревни наблюдалось сокращение количества высеянного зерна, то к началу 50-х годов имела место обратная тенденция. Только последовавшие неурожаи и Крымская война снова снизили эти увеличенные цифровые показатели (табл. 126).

Наименее устойчивой была цифра посевов в Эстляндской губернии, которая имела меньше государственных крестьян, меньшую посевную площадь (в 1855 году — 1205 десятин) и менее благоприятные условия

[221] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 40—56, 283—305; Стебут. Отчет об агрономическом путешествии в Остзейские губернии летом 1856 г. (ЖМГИ, 1857, ч. LXIV, отд. II, стр. 147—267); Агроном Орлов. О сельском хозяйстве в Курляндии (ЖМГИ, 1857, ч. LXIII, отд. II); «Военно-статистическое обозрение», т. VII, ч. I—III. СПб, 1848—1853; А. Орановский. Курляндская губерния. СПб, 1862, стр. 213—264; Выставка сельских произведений в г. Риге в 1853 г. (ЖМГИ, 1854, ч. LI, отд. II, стр. 109—119).

Таблица 126

Посевы у государственных крестьян прибалтийских губерний*
(в четвертях)

Губернии	1843 г.	1847 г.	1849 г.	1850 г.	1855 г.
Эстляндская					
Посеяно: всего	2 519	1 821	2 686	2 454	1 758
на ревизскую душу	1,14	0,83	1,18	1,12	0,76
Лифляндская					
Посеяно: всего	49 359	48 429	77 329	63 750	46 801
на ревизскую душу	0,99	0,98	1,43	1,29	0,89
Курляндская					
Посеяно: всего	61 444	65 879	91 420	92 291	76 079
на ревизскую душу	0,96	1,02	1,29	1,42	1,08

* Отч., 1843, 1847, 1850, 1851—1855 гг.

для хлебопашества. Лифляндская губерния, обладавшая бо́льшим населением и большей площадью посевов (в 1855 году — 30 690 десятин) дала наивысшую цифру в 1849 году, за которой последовало некоторое снижение. Наиболее развитая в земледельческом отношении Курляндская губерния (в 1855 году — 63 195 десятин пашни) оказалась наиболее устойчивой против стихийных бедствий и показала непрерывный рост до 1852 года; неурожай 1851 года, сокративший семенные запасы, оказался здесь поворотным пунктом, за которым началось уменьшение хлебных посевов.

К сожалению, отчеты министра государственных имуществ не заключают в себе конкретных данных о скотоводстве за все время управления Киселева. Сведения, опубликованные за 1851—1856 годы, показывают уменьшение размеров поголовья в Эстляндской и Лифляндской губерниях и некоторое увеличение скота в Курляндской губернии, т. е. у большинства крестьян Прибалтики (табл. 127).

Суммируя приведенные цифры, мы получаем для всей Прибалтики 313 405 голов скота в 1856 году против 306 333 голов в 1851 году. Это сопоставление опровергает выводы некоторых современников об упадке крестьянского скотоводства после перевода деревни на денежную ренту. По-видимому, общая причина замедленного развития скотоводства — недостаток лугов и пастбищ — не могла быть нейтрализована разведением кормовых трав, особенно в военные годы, связанные с мобилизацией лошадей и реквизицией фуража. Если зажиточные хозяева успешно выдерживали бедствия войны, то средние и бедные крестьяне, подорванные системой изнурительной барщины, не могли выйти из состояния обостряющегося кризиса.

Если мы сопоставим относительную величину посевов и поголовья скота в Прибалтике и в остальных районах России, то вывод будет не в пользу прибалтийских губерний: число посеянных четвертей и количество скота на каждую ревизскую душу окажется здесь значительно ниже, чем в русских и украинских районах, приближаясь к соответствующим величинам Литвы и Белоруссии, т. е. наиболее разоренных местностей арендной системы. Таков был неизбежный результат «хозяйственного положения», которое не исчезло в Прибалтике и после введения денежного

Таблица 127

Количество скота у населения государственной деревни Прибалтики*

Губернии	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Эстляндская					
Число государственных крестьян	2 286	2 303	2 312	2 313	2 318
Предполагаемое число душ мужского пола	2 343	2 381	2 383	2 389	2 394
Крупного скота	3 173	2 450	2 083	2 143	1 688
На душу мужского пола	1,35	1,03	0,87	0,89	0,70
Мелкого скота	1 508	1,634	2 389	2 655	2 585
На душу мужского пола	0,64	0,68	1,00	1,11	1,08
Всего скота	4 681	4 084	4 472	4 798	4 273
На душу мужского пола	1,99	1,71	1,87	2,00	1,78
Лифляндская					
Число государственных крестьян	53 884	52 526	53 813	52 393	53 651
Предполагаемое число душ мужского пола	55 231	54 312	55 471	54 122	55 421
Крупного скота	61 294	58 786	61 783	60 336	60 558
На душу мужского пола	1,11	1,08	1,11	1,11	1,09
Мелкого скота	60 225	51 442	57 697	59 087	60 101
На душу мужского пола	1,09	0,95	1,04	1,09	1,08
Всего скота	121 519	110 228	119 480	119 423	120 659
На душу мужского пола	2,20	2,03	2,15	2,20	2,17
Курляндская					
Число государственных крестьян	70,727	70 938	70 088	70 149	70 092
Предполагаемое число душ мужского пола	72 495	73 349	72 261	72 464	72 405
Крупного скота	89 480	87 817	89 199	90 731	93 870
На душу мужского пола	1,23	1,20	1,24	1,25	1,29
Мелкого скота	90 653	89 087	89 088	93 380	94 603
На душу мужского пола	1,25	1,21	1,23	1,29	1,31
Всего скота	180 133	176 904	178 287	184 111	188 473
На душу мужского пола	2,48	2,41	2,47	2,54	2,60

* Отч., 1851, 1853—1856 гг.— Расчет количества скота на душу произведен так же, как у государственных крестьян Пермской и Оренбургской губерний.

оброка. Эксплуатация эстонских и латышских крестьян немецкими баронами была бы еще губительнее, если бы не оказывали действия другие противодействующие факторы, в частности усилия крестьянской массы поднять производительность своего хозяйства и особая организация рабочей силы в прибалтийской деревне. В Эстонии и Латвии крестьянский

двор был значительно многолюднее, чем в других районах России: по описаниям современных статистиков, он заключал в себе не 3—4 ревизских души, как в русских губерниях, а до 10 ревизских душ и более[222]; к составу хозяйственного коллектива принадлежали не только члены разросшейся неразделенной семьи, но также безземельные батраки, нанятые хозяевами. Поэтому размеры посевов и тягловой силы каждого крестьянского хозяйства были значительно выше, чем во многих русских районах. В среднем каждый курляндский двор в 1855 году засевал 10,9 четверти хлеба и располагал 12,5 головами крупного и 12,9 головами мелкого скота. С другой стороны, тщательное возделывание почвы и частичные агрономические улучшения повышали урожайность местных полей; несмотря на ежегодные колебания урожаев в результате заморозков, наводнений, засух и градобитий, прибалтийские губернии занимали первые места по степени урожайности в министерских отчетах 50-х годов; в среднем урожай хлебов составлял от 4 до 5 зерен на зерно посева. Вот почему эстонские и латышские крестьяне, несмотря на отрицательное влияние арендной системы, получали со своих полей излишки хлебных и технических растений, сбывая их на рынке наряду с мясом и салом, а в подгородных районах — вместе с молочными продуктами, птицей и овощами. На морском побережье и на берегах многочисленных рек и озер к этим основным сельскохозяйственным продуктам присоединялась выловленная рыба: лососи, миноги, килька, салакушка, ряпушка, корюшка и др.

Из зерновых хлебов крестьяне продавали преимущественно рожь и ячмень, которые занимали значительное место в балтийском экспорте; не менее важную роль играли лен и льняное семя. Ежегодно крупные партии этих товаров, скупленные у крестьян местными торговцами, свозились в Ревель, Ригу, Виндаву, Либаву и другие порты. Остальные продукты удовлетворяли потребности городского населения и в небольшом количестве сбывались в соседние губернии. Большое экономическое значение имела продажа картофеля, который шел преимущественно на местные винокуренные заводы.

Сельскому товаропроизводителю помогали высокие цены на земледельческие продукты, которые устойчиво держались на протяжении 40—50-х годов: они поддерживались повышенным заграничным спросом и прогрессирующим ростом городского населения Прибалтики (табл. 128).

Таблица 128

Средние годовые цены в Прибалтике за 1847—1851 годы*

Название товаров	Губернии					
	Эстляндская		Лифляндская		Курляндская	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Рожь (четверть)	4	88	5	20	4	99
Ржаная мука (куль)	5	12	5	73	5	1
Пшеница (четверть)	8	29	8	82	8	58
Гречневая крупа (четверть) .	—	—	10	25	6	52
Овес (куль)	2	43	3	13	2	93
Сено (пуд)	—	23	—	25	—	26

* Ал. Егунов. О средних ценах...

[222] «Военно-статистическое обозрение...», т. VII, ч. I, стр. 33; ч. II, стр. 323; ч. III, стр. 218—219 (число ревизских душ) и 223 (число дворов); А. Орановский. Курляндская губерния, стр. 255.

Однако торговля сельскохозяйственными излишками не могла покрыть всех расходов государственного крестьянина. К 40—50-м годам во многих районах достигла больших успехов домашняя деревенская промышленность; кое-где она обособилась в самостоятельное товарное производство, которое сделалось для крестьян источником немаловажного денежного дохода. На Рижской выставке 1853 года заслужили денежные награды ткацкие изделия из казенного имения Штрикенгоф — полотняные и пеньковые скатерти, салфетки и полотенца. Крестьяне имений Штрикенгоф и Пальмгоф приготовляли на всю Лифляндскую губернию деревянные стулья. В имении Гангоф Дерптского уезда процветало производство шляп, трубок и металлических изделий. На острове Эзель крестьяне ломали известковый камень и вытесывали из него вазы [223].

Но и добавочные промыслы не всегда обеспечивали доход государственного крестьянина. В месяцы, свободные от полевых работ, многие занимались извозами или уходили в города, нанимаясь на фабрики, заводы, судостроительные предприятия и пр. По отчетным данным 1845 года, было выдано паспортов и билетов в Курляндской губернии 1085, в Лифляндской — 332, в Эстляндской — 311. Однако промыслы и отход в города не имели в Прибалтике такого распространения, какое они получили в центральных и других районах Европейской России. Местная государственная деревня жила преимущественно сельским хозяйством, и избыток рабочей силы поглощался наймом батраков, который все больше практиковали крестьяне-хозяева и арендаторы имений. Поденному работнику обыкновенно платили от 15 до 30 копеек серебром в день; во время уборки урожая заработная плата поднималась до 60 копеек. Постоянным сельскохозяйственным рабочим помещики предпочитали платить натурой, представляя им жилое помещение и небольшой участок земли, иногда определенное количество провианта и денежную приплату [224].

Пока сохранялись арендная система и феодальные повинности с сопутствующей им казенной опекой, состояние крестьянского хозяйства оставалось неустойчивым, а доходы крестьянина — необеспеченными. Наглядным доказательством этого вывода служат отчеты местных Палат и свидетельства современных статистиков о бытовых условиях жизни прибалтийской деревни. Как правило, эстонские и латышские крестьяне строили деревянные избы без дымовых труб с соломенными или тростниковыми крышами, носили домотканную одежду и лапти, питались по преимуществу хлебом, овощами и молочными продуктами. Только на острове Эзель дома строились из плитняка. Мясо употреблялось редко, главным образом по праздникам. Жители прибрежных деревень разнообразили свою пищу выловленной рыбой. В окрестностях городов, особенно крупных торговых портов, доходы крестьян были больше и бытовые условия лучше. После перевода имений на оброк количество домов с дымовыми трубами стало мало-помалу увеличиваться. По заключению самих арендаторов казенных имений, материальное положение лифляндских крестьян, которые превосходили своим достатком сельских жителей Эстляндии, находилось «на весьма низкой степени развития». Полковник Мишковиц, изучавший положение деревни по поручению Генерального штаба, отмечал в 1852 году повсеместное «обеднение крестьян в большей части Балтийских провинций... обеднение, с которым соглашаются самые

[223] ЦГИАЛ, ф. III Д, 1856 г., д. 6680, ч. I, лл. 40—56, 283—305; 1849 г., д. 8766, лл. 27—36; «Военно-статистическое обозрение...», т. VII, ч. I, стр. 39—42; ч. II, стр. 420—466; ч. III, стр. 276—292.

[224] «Военно-статистическое обозрение...», т. VII, ч. I, стр. 30; ч. III, стр. 252; М. И. Козин. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Лифляндской и Курляндской губерний в 20-х — 50-х годах XIX века («Известия Академии наук Латвийской ССР», 1957, № 4, стр. 15—19).

ревностные защитники нынешнего порядка вещей»[225]. Министерство государственных имуществ очень мало сделало, чтобы повысить уровень хозяйства и быта опекаемой деревни: оно передоверило немецким помещикам и лютеранскому духовенству «заботы» о населении государственных имений. Фактически «попечителями» крестьян были арендаторы имений, а их духовными наставниками — церковные пасторы.

12. Итоги

Материалы, отложившиеся в фондах Министерства и опубликованные в современной печати, говорят о дальнейшем развитии социально-экономических процессов, которые обнаружила ревизия 1836—1840 годов[226]. Эти данные подтверждают наличие многообразных особенностей, которые отличали друг от друга районы Европейской России. Преобладание добывающей промышленности — охоты и рыболовства — на северных, холодных окраинах, интенсивное развитие мелких внеземледельческих промыслов и крестьянского отхода в центральной нечерноземной полосе, господство хлебопашества в русских черноземных губерниях, на Украине, в Приуралье, на Нижнем и отчасти на Среднем Поволжье, наконец крупный удельный вес скотоводства и рыбного промысла в Прикаспийской низменности — таковы основные особенности в экономике оброчного государственного крестьянства 40—50-х годов XIX века. По-прежнему особняком стояли западные губернии Правобережья, Литвы, Белоруссии и Прибалтики, постепенно переходившие от тяжелой барщины к более легкой денежной ренте, от состояния прогрессирующей пауперизации к более сносному положению.

В пределах этих основных социально-экономических районов наблюдались некоторые внутренние отличия: большее развитие земледелия в южных уездах Вологодской губернии, переходный промыслово-земледельческий характер Нижегородского края, широкое развитие скотоводства на степных просторах Воронежской, Оренбургской и Таврической губерний, более высокий уровень сельского хозяйства на землях эстонцев и латышей и т. д. Но все эти различия не могут заслонить от нас общих закономерных процессов, которые в той или иной степени переживала вся территория государственной деревни в последние десятилетия перед реформой 1861 года.

Первое, что мы вправе установить на основе приведенного конкретного материала, это повсеместное и неуклонное развитие производительных сил, которое происходило вопреки тормозящему влиянию феодальных отношений. Прежде всего в результате естественного прироста и частичного перехода из среды крепостного крестьянства численно возрастал состав населения государственной деревни — основной производительной силы, владевшей трудовыми навыками в использовании природных ресурсов. Одновременно с ростом производительного населения происходило совершенствование приемов земледельческого и промышленного труда, увеличивались размеры крестьянской продукции, подвигался вперед процесс технического и общественного разделения труда. Это движение вперед особенно явственно обнаруживалось в области обрабатывающей промышленности в полном соответствии с общим развитием экономической жизни государства. Рост ремесла и его перерастание в крупные промышленные предприятия наблюдались не только в дореформенном городе, но и в дореформенной деревне, в частности на тер-

---

[225] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1849 г., д. 8766, л. 3; «Военно-статистическое обозрение...», ч. III, стр. 239—240.

[226] См. IV главу т. I настоящего исследования.

ритории казенных имений. Насколько развивались и совершенствовались технические навыки крестьянина-промышленника, красноречиво говорят экспонаты сельскохозяйственных выставок, которые устраивались почти во всех районах Европейской России. Эти наглядные показатели дополняются сведениями о прогрессирующем отделении промышленности от земледелия, о продаже на рынке излишков домашнего производства, о формировании категории местных и перехожих ремесленников, о создании многочисленных мастерских с большим или меньшим числом вспомогательных рабочих, об открытии мануфактур в казенных селениях, наконец о массовом отходе крестьян на фабрики и заводы. Все эти явления сопровождались развитием среди крестьян новых профессионально-технических навыков. Они особенно ярко обнаруживались в Центральном промышленном районе; материалы местных оценочных комиссий и цифровые данные министерских отчетов говорят о разнообразии промышленных профессий и о значительном росте внеземледельческого отхода в этом главном средоточии крупного мануфактурного производства. Но в той или иной степени эти явления наблюдались и в земледельческих районах — там, где обрабатывающая промышленность развивалась в меньших масштабах и была подчинена преимущественно требованиям сельского хозяйства.

Степень развития производительных сил в области промышленности в известной мере можно определить при помощи цифровых сводок: по сведениям Министерства, количество фабрик и заводов в казенных селениях за 1843—1856 годы выросло с 2908 до 6876, а количество рабочих, занятых на этих предприятиях,— с 34 282 до 62 784. Многие зарегистрированные предприятия (по-видимому, включая сюда и мелкие мастерские) принадлежали купцам и мещанам, жившим в казенных селениях, некоторые — разбогатевшим государственным крестьянам; но рабочими, как правило, всегда были местные обитатели государственной деревни [227]. Однако приведенные цифры не охватывают собой всей массы «промышленников» государственной деревни: количество ремесленников и домашних рабочих в одном Центральном промышленном районе измерялось десятками тысяч человек. Кроме того, многие крестьяне поступали на работу, уходя в города или в соседние сельские центры.

Рост производительных сил наблюдался и в области сельского хозяйства, этой основной отрасли производства государственного крестьянства. Районные статистические сводки, подтверждаемые хозяйственными описаниями современников, говорят о неуклонном росте посевов не только за счет колонизуемых южных и восточных окраин, но и за счет вырубаемых лесов, расчищаемых кустарников, запахиваемых лугов, а местами, хотя и в меньшей степени, осушаемых болот и орошаемых засушливых пространств. Особенно важно подчеркнуть прогрессивные последствия крестьянской колонизации на южных и юго-восточных окраинах Европейской России, где усилиями трудящейся массы обширные степные пространства осваивались под земледельческие культуры. Отчетные данные Министерства свидетельствуют о том, что в ряде губерний и черноземного центра, и юга, и менее плодородной нечерноземной полосы наблюдалось не только абсолютное увеличение количества четвертей высеянного зерна, но также относительное — на душу населения. Неизмеримо слабее этого экстенсивного роста земледелия были совершенствование навыков земледельческого труда, освоение новых зерновых и технических культур, переход к более продуктивным системам обработки почвы. Подавляющая масса крестьянства оставалась во власти традиционной техники, держалась испы-

[227] Отч., 1843—1856 гг.

танного, но устаревшего трехпольного севооборота, сеяла преимущественно серые, менее питательные хлеба. Однако и здесь мы наблюдаем не только стремление крестьян повысить урожайность своих полей, но также их уменье при благоприятных условиях достигнуть более эффективных хозяйственных результатов. Наряду с широким распространением посевов льна и конопли мы видим повсеместные успехи подгородного разведения овощей, увеличение посадок картофеля и масличных растений, на юге — вполне налаженное табаководство, а местами — удачные опыты разведения тутового дерева. Зажиточные крестьяне шли дальше, применяя на своих полях улучшенные сорта семян, переходя в Прибалтике и северо-западных губерниях к постоянному травосеянию, покупая, а иногда самостоятельно изготовляя усовершенствованные земледельческие орудия. И здесь экспонаты сельскохозяйственных выставок являются наглядными показателями прогрессивных усилий и достижений в области крестьянского земледелия. С этой точки зрения нельзя игнорировать такие явления, как самостоятельное устройство образцовых усадеб вятскими крестьянами или успешное промысловое огородничество в Ростовском уезде Ярославской губернии. Параллельно росту производительных сил в земледелии происходил, хотя и менее заметный, экстенсивный рост крестьянского животноводства: данные официальных отчетов дают основание говорить об абсолютном, а местами и относительном увеличении крестьянского скота, особенно в степных губерниях востока и юга.

Закономерные, стихийно возникавшие попытки крестьян выйти за рамки традиционного сельского хозяйства поддерживались возможностью рыночного сбыта и в свою очередь усиливали товарооборот государственной деревни. Непрерывный рост товарно-денежных отношений в 40—50-х годах был характерной чертой всех районов, начиная с отдаленных уездов Северного Поморья и кончая обширными степями Прикаспия. Крестьянин-оброчник, уплачивавший разнообразные сборы казне и миру, стремился извлечь максимум денежного дохода из собственного хозяйства: он выбрасывал на рынок излишки земледелия и животноводства, а в некоторых пунктах, например в промышленных селах, по берегам судоходных рек, около крупных городских центров, насаждал торговое сельскохозяйственное производство. За недостатком сбыта произведенных продуктов, государственый крестьянин искал дополнительного дохода от занятий местными промыслами или, отправляясь в отход, продавал продукты своего ремесленного труда или собственную рабочую силу. Последние десятилетия перед реформой 1861 года государственная деревня была широко втянута в рыночные связи. Приблизительное представление о крестьянской торговле дают сведения о росте сельских ярмарок и базаров: согласно отчетным сводкам, за десятилетие 1842—1851 годов, товарные обороты на ярмарках и базарах в казенных имениях выросли с 15 до 29,4 миллионов рублей серебром, т. е. почти вдвое [228]. Материалы налогово-оценочных комиссий показывают, что этими периодическими торгами не ограничивались масштабы сельского обмена: необходимо дополнительно учесть данные о профессиональных торговцах из крестьян и о наличии постоянных деревенских лавок с разнообразным ассортиментом товаров. Неуклонно возрастало также количество паспортов и билетов, выданных крестьянам, отлучавшимся из места своего жительства: ежегодные суммы, взимавшиеся при этом волостными правлениями, увеличились между 1842 и 1853 годами с 391 305 до 571 220 рублей, т. е. на 46%. В середине 40-х годов наибольший отлив из деревни наблюдался в Центральном промышленном районе,

---

[228] Отч., 1842—1851 гг.

откуда уходило 25,4% мужского населения, и в Озерном крае, который отпускал на сторону 29,2% ревизских душ. Особенно велики были размеры отхода в губерниях Тверской (45,1%) и Псковской (32,6%), лежавших около торговых судоходных путей, а также в Архангельской (33%) и Астраханской (31,3%), известных морскими рыбными промыслами [229]. Крестьяне, уходившие по паспортам, больше втягивались в рыночные связи, так как значительную часть своего денежного дохода они должны были тратить на покупку продуктов питания, а частью — на квартиру, одежду и обувь.

Развитие товарно-денежных отношений способствовало расслоению крестьян на антагонистические прослойки: с одной стороны, зажиточных и, с другой,— беднеющих крестьян. Этот процесс, неразрывно связанный с ростом капиталистических отношений, ускорялся во многих губерниях малоземельем и почти повсюду — влиянием стихийных бедствий, разорявших экономически менее устойчивые элементы населения. Из среды зажиточных крестьян в промышленных и в чисто земледельческих районах выделялись скупщики, ростовщики, мелкие сельские предприниматели, арендаторы оброчных статей и собственники купчей земли, порой перераставшие в обладателей накопленного капитала, в крупных торговцев и промышленников. Масса бедняцких, а иногда разоряющихся крестьян пополняла формирующиеся кадры пролетариев и полупролетариев, частично или полностью терявших средства производства и попадавших в хозяйственную зависимость от скупщика, фабриканта или сельскохозяйственного предпринимателя. Материалы по экономике Центрального промышленного района и Среднего Поволжья отчетливо выявляют процесс утраты хозяйственной самостоятельности деревенским ремесленником, участником промышленной артели, независимым работником транспорта, мелким одиночным торговцем. В аграрных губерниях черноземного центра, Южной Украины и Нижнего Поволжья яснее прослеживается процесс разделения крестьян на сельскохозяйственных предпринимателей и наемных земледельческих рабочих, не имеющих достаточного надела или перешедших в разряд безземельных домохозяев. Но такие же явления мы наблюдаем в других районах Европейской России: в рыболовных центрах Северного Поморья, Озерного края и Каспийского побережья, в земледельческих имениях Прибалтики и Приуралья, в переведенных на оброк деревнях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Там, где товарное производство быстрее переходило в капиталистическое, например, в центральных промышленных губерниях, расслоение крестьян выявлялось отчетливее и заметнее; наоборот, в отсталых лесных и болотистых районах Белоруссии при общей бедности деревенского населения процесс расслоения происходил замедленнее и не имел такой глубины и влияния.

Капиталистическое накопление и предпринимательство на одном полюсе государственной деревни, обеднение и пролетаризация — на другом, наблюдавшиеся в 40—50-х годах, необходимо отличать и от имущественного неравенства, присущего докапиталистическим формациям, и от разложения крестьянства как класса, которое началось в период победившего и зрелого капитализма: процесс классового расслоения крестьянства проходил пока свою раннюю стадию, связанную с ростом капиталистического уклада в недрах феодального строя. Для государственной деревни 40—50-х годов наиболее типичными были масштабы и формы расслоения, зарегистрированные налогово-оценочной комиссией Псковской губернии: [230] большинство домохозяев в казенных имениях

[229] Отч., 1842, 1845, 1953 гг.
[230] См. стр. 317.

этой губернии продолжало вести самостоятельное сельское хозяйство; вовсе оставившие хлебопашество составляли небольшой процент населения; между средней и зажиточной прослойками деревни еще не было резкой противоположности в количестве и качестве живого и мертвого инвентаря. Тем не менее перед нами — исходный пункт того социального процесса, который неуклонно вел к расколу самостоятельных сельских производителей на мелкую буржуазию и массу пролетариев или рабочих с наделом. Десятилетия, предшествовавшие реформе 1861 года, были периодом вызревания новой капиталистической формации в рамках феодального строя, который перестал соответствовать достигнутому уровню производительных сил и сделался преградой для их дальнейшего развития.

Там, где возникали новые капиталистические отношения (например в промышленности нечерноземных губерний или в предпринимательских хозяйствах вятской деревни), они оказывали обратное, ускоряющее воздействие на рост производительных сил. Но не следует забывать, что изменения в способе производства начинаются именно с роста производительных сил, которые повелительно диктуют новые отношения между собственником средств производства и непосредственным производителем. Это основное марксистское положение вполне подтверждается экономической историей государственной деревни: повсеместное расширение посевной площади, самостоятельное распространение картофеля и других огородных культур, улучшения в земледелии и скотоводстве Прибалтики и другие аналогичные явления были делом рук не только зажиточной прослойки, но и середняцкой массы деревни. Высокомерные попытки дворянства объяснить сельскохозяйственную отсталость исключительно невежеством крестьян опровергаются фактами: многие крестьяне, наблюдая удачные опыты богатых односельчан, понимали значение улучшенных орудий, отборных семян, хорошего скота, но были экономически не в силах последовать примеру обеспеченных хозяев. Таким образом, невозможность более высокого уровня сельскохозяйственного производства упиралась в систему существующих общественных отношений.

В государственной деревне 40—50-х годов преградой, тормозившей рост капиталистических отношений, была узаконенная система феодальной эксплуатации, неразрывно связанная с разнообразными ограничениями хозяйственной инициативы крестьянина, с произволом и насилиями бюрократии, с безграничными поборами чиновных и «выборных» начальников, с отсталостью сельскохозяйственной техники и с низким умственным уровнем трудящегося населения. Изучая деятельность Министерства государственных имуществ и его воздействие на экономическую жизнь деревни, мы не можем отрицать относительно прогрессивного значения некоторых мероприятий Киселева, вроде устройства вспомогательных и сберегательных касс, открытия школ, организации сельскохозяйственных выставок и т. д. Но эти прогрессивные начинания не слились в стройную и последовательную систему, часто извращались на практике и, оставаясь ограниченными паллиативами, не могли перевесить отрицательных результатов феодальной эксплуатации и феодальной опеки. Государственная деревня не превратилась в счастливый, благоденствующий оазис, она осталась под сильным давлением обстановки разлагающегося крепостничества и была бессильна преодолеть его общие экономические условия. Вот почему, несмотря на некоторые успехи в развитии производительных сил, особенно в сфере крестьянской промышленности, государственная деревня в общем не выходила из состояния сельскохозяйственного застоя и оказывалась беспомощной перед стихийными бедствиями. По-прежнему урожайность крестьянских

полей была ничтожной, массовые эпидемии косили население, частые эпизоотии уничтожали крестьянский скот, живой и мертвый инвентарь был низким по своему качеству, хроническая недоимочность говорила о бедности массы сельских производителей.

Если невозможно учесть огромные денежные суммы, которые перекачивались из крестьянского бюджета в карманы многочисленного начальства помимо официальных сборов, натуральных повинностей, общественных запашек, обязательных отработков и других тягот, падавших на крестьянские плечи, то можно дать приблизительное представление о последствиях разоряющей феодальной системы. Через каждые 3—4 года огромные пространства казенных имений поражали неурожаи, требовавшие экстренной помощи. Особенно губительными были страшные засухи 1848 и 1850 годов, которые привели к голоду в десятках губерний.

Было бы ошибкой считать единственной причиной неурожаев неблагоприятные особенности восточноевропейского климата. Одним из важных условий, способствовавших громадным размерам и страшным последствиям этого бедствия, была отсталая, рутинная обработка почвы,— результат бедности и темноты феодальной деревни. Предоставленные в массе самим себе, крестьяне не только не умели ослабить последствия засухи, но при отсутствии достаточных продовольственных и семенных запасов были не в состоянии справиться с ее ужасающими последствиями. Такой же беззащитной оказывалась государственная деревня перед лицом заморозков, налетов саранчи, поедания хлеба грызунами. Крымская война нанесла особенно тяжелый удар производительности сельского хозяйства. Не мудрено, что итоги крестьянского земледелия, подведенные самим Министерством государственных имуществ, показывали картину длительного застоя. Несмотря на абсолютное увеличение посевов, урожайность крестьянских полей оставалась ничтожной и даже обнаруживала тенденцию к некоторому понижению (табл. 129).

Таблица 129

Посевы и сборы хлебов у государственных крестьян в 1844 — 1856 годах *

Годы	Посеяно четвертей			Собрано четвертей	Урожай сам-
	озимого	ярового	итого		
1844	6 690 274	12 963 106	19 653 380	72 093 956	3,6
1845	6 992 189	13 646 706	20 638 895	68 451 130	3,3
1846	7 172 340	13 534 561	20 706 901	67 965 067	3,3
1847	7 075 239	14 178 309	21 253 548	69 955 166	3,3
1848	7 165 210	15 312 681	22 477 891	47 722 370	2,1
1849	7 108 254	13 844 908	20 953 162	70 061 522	3,3
1850	7 691 858	14 263 058	21 954 916	57 993 795	2,6
1851	7 665 931	14 467 301	22 133 232	85 058 707	3,8
1852	7 915 838	15 116 996	23 032 834	82 038 936	3,5
1853	7 953 807	14 903 670	22 857 477	68 704 179	3,0
1854	7 854 130	14 935 279	22 789 409	66 997 429	2,9
1855	8 021 273	14 936 995	22 958 268	51 968 641	2,2
1856	7 809 533	14 544 682	22 354 215	65 243 374	2,9

* Отч., 1844—1856 гг.— В рубрике «озимого» указаны размеры посевов, сделанных осенью предыдущего года и снятых в данном году.

Такую же неутешительную картину дают обобщающие сводки о состоянии крестьянского скотоводства. Плохое содержание скота, недо-

статок кормов и массовые падежи скота были почти повсеместными явлениями. В 1844 году государственная деревня потеряла 349 907 голов скота, в 1845 году — 651 138 голов; в 1849 году количество павших животных выросло до 1 225 797. Несмотря на успехи в разведении скота, которые наблюдались в ряде губерний, общие итоги и здесь говорят о невысоком уровне животноводческого хозяйства: если исходить из данных министерского отчета за 1856 год, то в последний год управления Киселева в государственной деревне приходилось на каждую душу мужского пола по 1,42 головы крупного скота (лошадей, быков, волов, верблюдов, оленей) и по 1,98 головы мелкого скота (овец, коз, свиней), т. е. всего по 3,4 головы [231]. Принимая во внимание, что население тундры и степных губерний жило в значительной степени скотоводством, а для поднятия украинского чернозема нужно было не менее двух пар волов, следует признать средние цифры поголовья скота, особенно крупного, совершенно не достаточными. Это станет особенно ясным, если сопоставить количество скота по отдельным районам: если в 1856 году в степной Астраханской губернии приходилось на душу более 10 голов скота, то в центральной Московской губернии — менее 2 голов.

Занятия местными и отхожими промыслами не могли восполнить все пробелы крестьянского бюджета. Отсюда уже известные нам хроническая недоимочность, скудость питания и домашнего быта, профессиональное нищенство, которое не прекращалось ни в 40-е, ни в 50-е годы, и легкая восприимчивость крестьян к заразным заболеваниям.

Гражданские губернаторы Тульской, Орловской, Казанской, Черниговской, Могилевской, Виленской и других губерний еще в 1847 году обращали внимание на «недостаточное», «неудовлетворительное», «затруднительное» положение государственных крестьян. Петербургский комитет для разбора и призрения нищих неоднократно сообщал Министерству государственных имуществ о казенных крестьянах, задержанных на улицах за прошение милостыни. Время от времени, особенно в годы неурожаев, в различных губерниях разражались массовые эпидемии, которые уносили десятки, а иногда сотни тысяч жертв: по официальным ведомостям самого Министерства, в 1847—1848 годах умерло от холеры в 46 губерниях Европейской России 233 221 государственных крестьян обоего пола. В следующем, 1849 году в хлебороднейших губерниях: Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической, пораженных сильным неурожаем, погибло от цынги (точнее, от голода) 50 997 человек [232].

Но самым тревожным симптомом было нерациональное и непланомерное истощение природных ресурсов. Чем быстрее росло население и чем острее ощущалось малоземелье, тем больше вырубались леса и сокращалась площадь естественных лугов. Последующими ревизиями было выяснено, что беспорядочное истребление лесов, способствовавшее распространению суховеев, было результатом не столько самовольных порубок, в которых обвиняли крестьян, сколько хищнических спекуляций чиновников, вступавших в незаконные соглашения с крупными торговцами. Чем больше сводились леса, тем быстрее падало старинное бортевое пчеловодство; приходившее ему на смену разведение благоустроенных пасек совершалось медленно, так как требовало дополнительных затрат и специальных знаний. Еще опаснее для народного хозяйства было заметное истощение почвы не только в плотно населенных нечерноземных губерниях, но местами и на плодородном черноземе — там, где существовала система пред-

[231] Вычислено на основании ведомостей о населении и количестве скота в Отч., 1856 г.

[232] ЦГИАЛ, ф. V О, дд. 26734, 26738; ф. I Д, 1856 г., д. 24836; ф. II Д, 1845 г., д. 5005; ЖМГИ, 1855, ч. LIV, отд. II, стр. 29—30.

принимательского земледелия в условиях краткосрочной аренды. Недостаток навоза вследствие малого количества скота и пренебрежение к удобрению и к более тщательной обработке почвы при отсутствии нужного агрономического руководства вели к падению урожайности и ставили под угрозу дальнейшее развитие земледелия. Такие же губительные последствия имело использование арендованных оброчных статей под непрерывные посевы пшеницы без всяких попыток восстановить питательные свойства истощаемой почвы. В рыболовных районах, особенно на Каспийском море, происходило беспощадное истребление ценных рыбных пород, которое грозило не только непосредственным участникам промысла, но и широким массам потребителей. Такие же печальные последствия ожидали северные лесные районы по мере хищнического уничтожения пушного зверя и дикой птицы.

Таким образом, хозяйство государственных крестьян середины XIX века находилось под воздействием взаимно боровшихся сил. С одной стороны, оно обнаруживало стихийное движение вперед в результате трудовых усилий массы мелких производителей при незначительном содействии правительственной власти; с другой стороны, оно встречало на своем пути множество преград, воздвигнутых безудержной феодальной эксплуатацией и сковывающей феодальной опекой. Это глубокое внутреннее противоречие было основным проявлением социального кризиса, разъедавшего обреченную на смерть феодальную систему. Реформа Киселева не устранила и не могла устранить этого нараставшего противоречия. Наоборот, в условиях растущей крупной капиталистической промышленности и расширяющегося товарного оборота противоречие между старым и новым становилось все заметнее и острее. Государственное крестьянство, которое стремилось извлечь из природы все, что возможно, но непрерывно сталкивалось с насилиями и поборами чиновного дворянства, не могло быть удовлетворено проводимыми мероприятиями Киселева. Реформа 1838—1841 годов стеснила даже ту относительную самостоятельность, которая раньше принадлежала государственному крестьянину, в отличие от крестьянина удельного и помещичьего. Реформа усилила в массах классовую вражду к барину-дворянину и возбудила еще большее стремление к свободе и полной хозяйственной независимости.

Таким образом, социально-экономическое развитие государственной деревни, несмотря на некоторые существенные особенности (ликвидацию барщины, ослабленные темпы сокращения наделов, юридическую свободу крестьянина и пр.) подчинялось тем же закономерностям, какие наблюдались в помещичьих и удельных имениях середины XIX века. Противоречие между ростом производительных сил и тормозящими этот рост феодальными отношениями одинаково грозило социальными взрывами на землях частных владельцев, дворцового управления и государственной казны. Государственная деревня была обособлена в административном отношении, но экономически неразрывно связана с господствующей системой народного хозяйства. При этих условиях единственной силой, которая могла нанести удар отжившей системе феодальной эксплуатации, являлись сами крестьянские массы, поддерживаемые своими идеологами из среды разночинной демократической интеллигенции.

Глава пятая

ОТВЕТ КРЕСТЬЯНСТВА НА РЕФОРМУ

1. Волнения 1840—1844 годов в северных губерниях

Государственные крестьяне по-своему ответили на реформу Киселева: в течение 1840—1850-х годов во многих районах России прокатилась волна бурных протестов против нового управления государственных имуществ. Волнения были подготовлены всеми предшествующими событиями: только в Симбирской губернии был произведен обмен государственных крестьян на удельных, а во всех удельных имениях проводилась реформа Перовского, которая усиливала прежнюю феодальную эксплуатацию; во многих помещичьих имениях повышались повинности, сокращались земельные наделы и в результате этих мер вспыхивали крестьянские протесты. Под влиянием всех этих фактов у государственных крестьян стало складываться определенное мнение о проводимой реформе Киселева: когда над государственной деревней был воздвигнут громоздкий чиновничий аппарат, были введены новые государственные повинности и начались безграничные поборы со стороны чиновников и «выборных», крестьяне решили, что их задумали лишить прежних сословных преимуществ и перевести на положение помещичьих крепостных. То, что происходило во время приуральского возмущения 1835 года, повторилось в новой, еще более острой форме. Волнения 1840—1850 годов развернулись преимущественно в тех районах, где государственные крестьяне были сосредоточены компактными массами, особенно на северных и восточных окраинах страны: здесь крестьяне обладали раньше большей свободой, а произвол чиновников проявлялся теперь наиболее грубо и беззастенчиво.

Сохранились разнообразные источники для изучения массовых протестов против реформы 1837—1841 годов. Таковы прежде всего официальные документы: донесения губернаторов, управляющих Палатами, окружных начальников, земских исправников, чиновников особых поручений и т. д. К ним примыкают разнообразные материалы, составленные в центральных государственных учреждениях на основе местных донесений и судебных приговоров: заключения министерских Департаментов и советов, резолюции Киселева и Николая I, переписка между Министерством государственных имуществ и Министерством внутренних дел, всепод-

даннейшие отчеты III Отделения. Официальные документы сплошь и рядом изображают волнения крестьян в извращенном виде, но они дают большой фактический материал и благодаря борьбе между различными ведомствами помогают при сопоставлении сведений различных учреждений нащупать правильное понимание событий. Неоценимое значение имеет другая категория документов, вышедших из недр самого крестьянства: разнообразные жалобы и прошения, поступавшие от «ходоков» на имя министра государственных имуществ, шефа жандармов и Николая I; они ярко рисуют обстановку в государственной деревне и проливают свет на причины происшедших событий. Эти документы часто написаны бесхитростным, корявым языком деревенских грамотеев или подпольных адвокатов, но они всегда отражают не только субъективные переживания крестьян, но и реальное положение вещей, искаженное донесениями чиновников.

Раньше чем были введены новые учреждения, с разных концов России стали поступать встревожившие правительство вести о настроении, царящем в государственной деревне. Несмотря на все усилия администрации убедить крестьян, что «новое управление учреждается для доставления им покровительства от всякого рода стеснений», деревня не ожидала ничего доброго от предстоящих нововведений. Все шире распространялись слухи, что новое управление будет устроено по примеру удельного или воспроизведет ненавистные порядки военных поселений. По мере реализации реформы стали оправдываться худшие опасения крестьянства. Уже в 1841 году шеф жандармов доносил Николаю I, что государственные крестьяне «при вопросах, лучше ли им теперь? обыкновенно отвечают двусмысленно или в неясных выражениях дают уразуметь свое неудовольствие» [1].

Накоплявшееся недовольство постепенно усиливалось и стало прорываться в форме открытых волнений.

Массовые протесты против новой системы управления возникли прежде всего в северных губерниях — там, где в течение веков существовала крепкая крестьянская община, где крестьяне жили более самостоятельной жизнью и умели отстаивать свои интересы соединенными силами. Движение началось весной 1840 года в Тотемском и Кадниковском уездах Вологодской губернии. Уже 16 апреля 1840 года местный губернатор доносил министру внутренних дел, что крестьяне этих районов в количестве 3600 человек «под различными предлогами отвергают высочайше утвержденное правило о управлении государственным имуществом». Как выясняется из донесений властей, крестьяне отказывались принимать новое Положение, выбирать сельских начальников и подчиняться назначенным чиновникам. В крестьянской среде распространились слухи, что эти нововведения повлекут за собой учреждение барщины, утрату части земельных наделов и окончательное закрепощение помещикам. Целыми деревнями крестьяне целовали крест на том, чтобы быть единодушными, не выдавать друг друга, «а в случае нужды действовать силою». Из среды крестьян выдвинулись грамотные и авторитетные руководители, в том числе староста деревни Сидорова Кадниковского уезда Антон Сергеев. Вспыхнувшие в нескольких деревнях волнения «с невероятной быстротой», как доносил вологодский губернатор, охватили 20 тысяч душ и грозили перекинуться в соседнюю Костромскую губернию.

Губернское начальство мобилизовало своих чиновников и направило их в волнующиеся районы. В деревне Сидорова Кадниковского уезда 20 апреля 1840 года был созван сельский сход, на котором советник гу-

[1] ЦГИАЛ, ф. V О., д. 26424, л. 222; д. 26425, ч. III, лл. 397—398; д. 26426, ч. I, лл. 65—66; д. 26457, л. 5; КД, I, стр. 41; ЗД, II, стр. 82.

бернского правления Новицкий, окруженный другими чиновниками, убеждал крестьян подчиниться распоряжениям правительства. Угрозы применить военную силу оказали на крестьян терроризирующее действие: большинство пало на колени, принесло раскаяние и согласилось повиноваться. Однако из среды волновавшихся выделилась группа наиболее упорных, во главе с Антоном Сергеевым и Аристовым, которые «оказали себя строптивыми и неповинующимися»; как «возмутители» они были арестованы и отправлены в Кадниковский острог.

Подобные же сходы были созваны в Тотемском уезде, в частности в деревне Рубцово Семенжевской волости; и здесь убеждения и угрозы чиновников возымели свою силу. Зато в Никольской волости того же уезда, по донесению губернатора, крестьяне «не только никакого ни убеждения, ни увещания не приняли, но буйно отвергли всякое повиновение властям и решительно отказались от зависимости вновь вводимого управления государственных имуществ». В волость была направлена воинская команда из Вологодского гарнизонного батальона в сопровождении губернатора. Под влиянием событий в соседних районах крестьяне раскололись на две части: согласных повиноваться и оставшихся непокорными. Губернатор воспользовался происшедшим расколом и 13 мая 1841 года вынудил Никольскую волость к подчинению и к выдаче зачинщиков; при этом был применен обычный метод усмирителей — публичное сечение крестьян розгами и заковывание наиболее упорствовавших в кандалы. Всего было арестовано и предано суду 29 человек [2].

Волнения 1840 года характерны в одном отношении: они возникли раньше, чем обнаружились результаты новой системы, созданной реформой 1837—1841 годов. Крестьяне, привыкшие к мирскому самоуправлению и к относительной свободе, принципиально не хотели принимать новых законов, которые вводили ограничения их прежней самостоятельности. Когда система, созданная Киселевым, стала повсеместно применяться на практике, волнения приняли более широкие и бурные формы. В той же Вологодской губернии, в Усть-Куломском обществе, в 70 верстах от города Усть-Сысольска, возник новый очаг бурного протеста. Этот район был населен крестьянами-коми, которые кормились охотой и, будучи опытными звероловами, обладали инициативой, энергией и уменьем владеть оружием. Новая администрация, присланная Палатой государственных имуществ, начала заводить здесь новые порядки: по данным правительственной комиссии, которая была создана для расследования волнений, чиновники третировали крестьян-коми как «полудикий народ», а вице-губернатор Егоров называл их «кастою полудикарей». Никаких выборов сельских и волостных начальников здесь не производилось,— окружные начальники назначали их собственной властью и уже затем с помощью писарей составляли фальшивые приговоры от имени крестьян. Раскладки податей с помощью крестьян тоже не применялось,— сельские и волостные начальники сами диктовали денежные оклады. С крестьян взыскивали незаконные сборы, которые не числились ни в каких приходо-расходных книгах и тратились на неизвестные цели; по приказанию сельских и волостных властей целые деревни должны были вносить деньги на подарки чиновникам Министерства. Большие суммы из крестьянских взносов присваивались окружным начальником Поповым.

Среди государственных крестьян началось массовое брожение и выделились энергичные руководители, которые убеждали общество жаловаться на властей губернскому начальству. Особенно выдвинулся крестьянин Гаврпил Попов, ранее служивший писарем в одном из сельских правлений; вместе с братом Иваном Поповым и крестьянином

---

[2] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1840 г., д. 230; МИКП, стр. 43—44.

Сладкостиевым он возглавил начавшееся движение. Крестьяне обратились с жалобами в разнообразные местные учреждения и послали ходоков в Петербург; по их подсчетам, они составили и подали всего 24 прошения. Однако мирные методы борьбы с грабительством чиновников не имели никакого успеха: ни местное, ни высшее начальство не обращало внимания на существо жалоб, не производило расследований, а наоборот, старалось разыскать и наказать «ябедников». На крестьянские обращения следовали отказы за отказами; даже министр государственных имуществ предпочел поверить только местным чиновникам и вынес по делу соответствующую резолюцию. Когда крестьяне убедились, что никакие жалобы не помогают и что начавшееся следствие клонится к наказанию «зачинщиков», они отказались давать показания следователям и прекратили всякие сношения с чиновничьим миром. Власти арестовали руководителя движения Ивана Попова и увезли его в город. Это событие послужило основанием для раскола Усть-Куломского общества: большинство крестьян отказалось от дальнейшей борьбы; меньшинство, насчитывавшее в своем составе до 200 человек, вооружилось веслами, кольями, рычагами и охотничьими ружьями, засело в доме Гавриила и Родиона Поповых и превратило его в неприступную крепость. Когда чиновники окружили дом и попытались силой захватить Гавриила Попова, они встретили вооруженный отпор со стороны засевших крестьян. Во время столкновения властям удалось захватить Гавриила Попова и в сопровождении конвоя отправить его в город. Однако в 14 верстах от села вооруженные крестьяне отбили арестованного и возвратили его обратно. Ни один чиновник, присылавшийся в Усть-Кулому, не мог добиться успеха: восставшие отказывались вступать с ними в переговоры, а сами чиновники боялись подойти к дому Поповых. Тогда губернатор распорядился отправить в волнующиеся селения воинскую команду.

В свою очередь, восставшие крестьяне перешли в наступление: опираясь на свою импровизированную крепость, они захватили местных сельских начальников, назначенных окружным управлением, отобрали у них бумаги и печати, выбрали собственного старшину и объявили, что они не признают податных табелей, разосланных начальством. Приехавших земского исправника и станового пристава крестьяне осадили в доме, где те остановились, в ожесточении грозили связать и даже убить их. С «противной партией», т. е. с покорившимися крестьянами, восставшие начали систематическую борьбу, а арестованных сельских начальников заставляли давать подписку о подчинении «миру». Но и в этот период наивысшего подъема восстания крестьяне рассчитывали на содействие сверху: среди восставших распространялись слухи, что к ним на помощь приедет наследник цесаревич или по крайней мере особый чиновник, уполномоченный самим царем.

Когда Николаю I было доложено о волнениях в Вологодской губернии, он приказал командировать в Усть-Кулому «надежного» жандармского штаб-офицера и поручить ему вместе с чиновниками Министерства государственных имуществ и местными «выборными» расследовать происшедшие события. Комиссия во главе с жандармским полковником Витковским объявила усть-куломцам, что она послана самим императором выяснить крестьянские обиды и потребовать от сельского общества беспрекословного повиновения. Восставшие отказались подчиниться этому требованию и заявили, что они «никаких смертей не боятся». Комиссия, опираясь на военную команду в составе 200 человек и используя покорившуюся часть крестьян, произвела расследование в присутствии исполняющего обязанности губернатора и трех священников, одетых в церковное облачение, которые непрерывно «увещевали» волнующихся крестьян. Чувствуя свое бессилие перед военной силой,

восставшие вынуждены были прекратить борьбу. Наиболее энергичные руководители во главе с Гавриилом Поповым скрылись из села; 6 человек было арестовано, 84 человека высечено розгами. В феврале 1843 года волнение было окончательно подавлено [3].

Позднее, чем в Вологодской губернии, начались волнения в соседней Олонецкой губернии. В конце 1841 года, когда стали известны распоряжения Министерства об уплате общественного сбора, о ссыпке яровых семян и о посадке картофеля, среди крестьян началось глухое брожение. Особенно возмущало крестьян требование выделить под картофельное общественное поле лучшую крестьянскую землю: волости Олонецкой губернии страдали малоземельем, а картофель и без того разводился на крестьянских огородах. На ярмарках и базарах начались толки по поводу новых распоряжений правительства; из соседних Вельского и Шенкурского уездов Вологодской губернии приходили крестьяне, которые высказывали предположение, что казенные деревни собираются передать в удел какому-то барину. Удельные имения были неподалеку от волнующихся волостей; подробности реформы Перовского, сопровождавшиеся отрезкой земли и усилением повинностей, наводили крестьян на сравнения и мрачные выводы. К этим предположениям и рассказам присоединялось чувство возмущения против сельского и волостного начальства. Особенно негодовали крестьяне Аксентовского сельского общества на своего старосту Кононова, лихоимца и растратчика, который не знал удержу в насилиях, чинимых над крестьянами. Несмотря на многократные жалобы населения деревни, Кононов при поддержке окружного управления и Палаты неизменно сохранял свою должность и безбоязненно продолжал свою «полезную» деятельность. Крестьяне, привыкшие к вековой практике сельского самоуправления, не могли примириться с новыми приемами навязанных заочных приговоров и систематическим присвоением крестьянских сумм со стороны сельских и волостных «выборных».

Постепенно среди крестьян стала укрепляться мысль о необходимости всем миром сопротивляться установленному порядку; при этом повторяли рассказ о крестьянине Вельского уезда, который один не поддался на требования начальства, отказался сажать картофель и сохранил свою свободу. Предположения и планы крестьян поддерживало двусмысленное поведение земской полиции: когда крестьяне стали жаловаться заехавшему становому приставу Бенедиктовичу на требования нового начальства, тот ответил, что посадки картофеля необязательны и что крестьяне могут составить об этом приговор. Аксентовское общество составило мирскую «сказку» и вручило ее Бенедиктовичу (вероятно, с приложением денежной суммы). Уверенные в своей правоте, крестьяне начали действовать решительнее. Когда весной 1842 года было объявлено о платеже общественного сбора, начались открытые волнения в нескольких волостях Каргопольского уезда, расположенных вокруг Мошинского озера. Особенно сильные волнения обнаружились в селении Аксентовское, в котором числилось 300 душ крестьян. Сельские общества отказывались вносить общественный сбор, ссылаясь на то, что «они никогда не изъявляли согласия на этот сбор» и что платить жалованье волостным и сельским начальникам они не согласны и готовы служить без жалованья. Приехавшие чиновники распорядились не выдавать крестьянам паспортов для отъезда на отхожие промыслы и начали на крестьянских сходах убеждать население подчиниться распоряжению правительства. Крестьяне Аксентовского общества отвечали на это общим криком: «не желаем!..» Чинов-

[3] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 318; ф. V О, д. 26565, л. 40; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1843 г., д. 85; «Документы о революционном выступлении усть-куломских крестьян 1841—1843 гг.». Сыктывкар, 1939; МИКП, стр. 76—77.

ники попробовали организовать следствие и начали вызывать крестьян на допросы поодиночке, но те отказывались приходить вразброд и под влиянием своего вожака Никифора Ваганова отвечали: «Вот, мы отвечаем всем обществом». Чиновники попробовали арестовать наиболее упорных, но крестьяне не выдавали своих товарищей и кричали: «Никого не дадим, никого у нас не возьмете!» Попытка чиновников составить письменный перечень всех присутствующих на сходке вызвала бурное сопротивление. И здесь крестьяне ссылались на мир и на мирское решение; каждый из них говорил: «Какое вам до меня дело, мы здесь всем обществом и все мы стоим в одном и за одно». В противовес требованиям властей аксентовские крестьяне выбрали из своей среды ходоками для отправления в Петербург Ивана Попова и Андрея Плакинина.

Олонецкий губернатор послал о событиях донесение в столицу и отправил в волнующиеся волости инвалидную команду. В сопровождении жандармского офицера он сам прибыл в Аксентовское общество. Но крестьян не испугало появление военного отряда. «Если с обществом будут что делать,— говорили они между собой,— то и общество примется в колья». 22 апреля 1842 года губернатор созвал в деревню Козакова волнующихся крестьян и вступил с ними в длинное объяснение. Крестьяне говорили, что распоряжение об общественном сборе понимается ими как попытка перевести их «в удел» и что они послали по этому поводу просьбу самому государю. Попытки губернатора допрашивать крестьян поодиночке не имели успеха. Крестьяне были настроены угрожающе, и губернатор предпочел, покинув селение, отправиться в соседние волости. Ввиду готовности крестьян активно сопротивляться была уведена также военная команда. Вместо инвалидов была вызвана рота Петрозаводского гарнизонного батальона. Чтобы обеспечить успех своего дела, крестьяне решили в дополнение к прежним поверенным послать в Петербург нового ходока — главного организатора сопротивления Никифора Ваганова.

Между тем Иван Попов и Андрей Плакинин нашли в Петербурге активную поддержку в лице своих односельчан: служащего в Гражданской палате, сына бывшего священника села Мошинское А. С. Попова и брата Плакинина, служившего во дворце «у какого-то генерала». Поверенные рассказали им о происшедших событиях, и А. С. Попов, внимательно ознакомившись с крестьянскими жалобами, составил текст прошения, адресованного на имя царя. Этот документ, сохранившийся в делах Министерства внутренних дел, был составлен очень толково и ясно. Он начинался характеристикой системы насилий и грабительства, которая господствовала в казенной деревне. «Притеснения со стороны Каргопольского окружного управления и Аксентовского волостного правления, делаемые ими угрозы, тиранство и налоги сверх государственных податей и повинностей и другие злоупотребления приводят в расстройство сельское наше хозяйство, а крестьян в разорение... По учреждении новой системы управления государственными крестьянами мы ожидали улучшения сельского нашего хозяйства, но выходит противное; хозяйство наше ныне приходит в худшее состояние, а мы сами через это — в разорение». В подтверждение своих слов крестьяне указывали конкретные факты: поголовные поборы, помимо податей и повинностей практиковавшиеся в 1841 году, заочные приговоры о назначении общественного сбора, составленные без ведома и согласия крестьян, расстрату старостой Аксентовского общества 2565 рублей ассигнациями, отведение десятины лучшей пахотной земли под картофель и т. д. На основании приведенных фактов, крестьяне приходили к определенному выводу: распоряжения волостных властей и окружного управления, очевидно, клонятся к тому, чтобы ввести между государственными крестьянами систему удельного управления; «но мы,— говорили аксентовцы,— опасаясь бедственного положения сосед-

ственных удельных крестьян, желаем быть навсегда государственными крестьянами на прежних о них положениях». Обращаясь к царю, крестьяне просили его уничтожить общественный сбор, приказать возвратить излишне собранные деньги, потребовать от окружного управления, не удалившего вовремя растратчика-старосту, заплатить растраченную сумму, вернуть крестьянам отобранную десятину земли, а главное — «воспретить окружному управлению и волостному правлению делать крестьянам притеснения, угрозы, тиранство, насилие, наказывать без судебных приговоров и назначать налоги без постановлений высшего правительства... не вводить между государственными крестьянами систему удельного управления, а оставить при прежнем положении и наименовании крестьян государственных». Составитель текста ясно понимал, чего хотят крестьяне и о чем он пишет: он не говорил о передаче крестьян в удельное управление, а, опираясь на факты в полном соответствии с действительностью, протестовал от лица крестьян против «системы удельного управления», вводимой Киселевым в государственной деревне. С помощью брата Плакинина ходокам удалось проникнуть в царский дворец, встретить Николая I и лично подать ему прошение. Николай отослал их к Киселеву, который имел с ходоками личное объяснение; министр разъяснил им необходимость уплачивать общественный сбор, но в то же время обещал произвести расследование о злоупотреблениях местного начальства. К этому моменту в Петербург уже поступило донесение олонецкого губернатора с просьбой арестовать ходоков и закованными в кандалы отправить обратно на место жительства. Киселев ответил, что поверенные крестьян не показались ему возмутителями и что он отправляет их вместе с чиновником особого поручения Бреннером, который на месте должен расследовать происшедшее событие.

Пока ходоки хлопотали в Петербурге о деле своего мира, местные власти успели расправиться с аксентовскими крестьянами. Жандармский полковник Сорокин, опираясь на военные отряды, произвел аресты, применил обычный метод усмирения — публичное сечение розгами, наиболее сопротивлявшимся обрил полголовы, пригрозил крестьянам применением вооруженной силы и добился установления наружного спокойствия. Когда 19 мая 1842 года Попов и Плакинин в сопровождении чиновника Бреннера приехали в село Аксентовское, между ходоками и губернатором произошло публичное объяснение. Крестьяне встретили своих поверенных как «отцев и спасителей». Губернатор, желая сразу лишить их авторитета и влияния, потребовал от них публичного ответа, нужно ли платить общественный сбор? Ходоки отвечали: «Платить после расследования злоупотреблений». Тогда губернатор приказал «временно» арестовать поверенных и потребовал от арестованных публичного оглашения того, что сказал им министр государственных имуществ; в случае обмана он грозил заковать их в железо. Ходоки объяснили, что общественный сбор платить необходимо, что казенные крестьяне в удел не поступают, но что сажать картофель и хранить овес необязательно, если крестьяне и без того это делают. Крестьяне были разочарованы: «Ходили, да ничего не выходили», говорили они между собой, «не добились отмены сбора, продали свое общество». Чиновник особых поручений Бреннер произвел расследование и донес в Петербург о злоупотреблениях местного начальства и о причинах волнения крестьян. В свою очередь губернатор заверил Киселева, что окружные управления не имеют никакого отношения к злоупотреблениям волостных и сельских начальников, а Плакинин и Попов — вредные подстрекатели и возмутители крестьян. Этого было достаточно, чтобы Киселев капитулировал перед настойчивыми домогательствами местной администрации: он ответил, что, поскольку беспорядки остановлены «деятельными и благоразумными мерами губернатора»,

а окружные управления оказываются не при чем, то он просит «с зачинщиками и руководителями, которые обнаружены будут, поступить по законам».

Главный организатор сопротивления Никифор Ваганов был арестован сейчас же по возвращении из Петербурга; вместе с Плакининым и Поповым он был отправлен в ближайший острог и предан суду Палаты гражданского и уголовного суда. Приговор последовал 2 апреля 1843 года. Плакинин как главный зачинщик был приговорен к публичному наказанию плетьми 20 ударами и к ссылке в Сибирь на поселение. Остальные крестьяне отделались сечением розгами. Взамен прежних выборных начальников были назначены властью Палаты государственных имуществ и с разрешения Киселева новые, вполне «благонадежные» крестьяне [4].

Однако видимое спокойствие таило за собой продолжающееся глухое брожение. Постепенно оно распространилось на другие волости Каргопольского и Пудожского уездов. Недовольство крестьян питалось в этих районах новым, крайне неудачным разделением на сельские общества и волости: крестьяне должны были совершать продолжительные поездки в отдаленные сельские и волостные правления, а при заведении картофельных посадок ездить за десятки верст от своих селений. Слухи о передаче государственых крестьян «в удел» не прекращались, а усиливались. Из некоторых волостей были посланы новые ходоки в Петербург с жалобами на местное начальство и с просьбами оставить крестьян при старом управлении. Богдановская волость просила царя освободить ее от подчинения Палате государственых имуществ. Вести о том, что аксентовский поверенный Плакинин был принят царем и министром, способствовали распространению этой «петиционной кампании». Снова, как и раньше, в волнующиеся районы были отправлены чиновники земской полиции и Палаты в сопровождении самого управляющего. Крестьяне, державшиеся за «мир», отказывались отвечать поодиночке и объяснялись с приехавшим начальством сообща на больших деревенских сходах. Крестьяне держались стойко и вели себя с достоинством. Когда одного из них управляющий Палатой назвал дураком, крестьянин ответил: «Я — не дурак, при том церковный староста и умнее многих». Когда чиновники попытались арестовать «зачинщиков», крестьяне оказали сопротивление и не дали в обиду своих поверенных. Особенно бурное столкновение произошло в Богдановском сельском обществе, где был подвергнут аресту Алексей Херков. По донесению губернатора, «толпа бушующего народа» в количестве 70 человек насильственно освободила Алексея Херкова. Окружный начальник под давлением крестьян, которые, по словам губернатора, были «в духе явного исступления», вынужден был возвратить Херкову доверенность, выданную ему обществом, и паспорт, выправленный им для поездки в Петербург. Толпой руководил при этом отставной солдат Михаил Пумпнов. Угрожающее настроение крестьян заставило Палату государственых имуществ издать секретное распоряжение не задерживать на месте избранных поверенными и не мешать их проводам в Петербург. В Лелемскую волость, которая стала центром движения, отправился вице-губернатор в сопровождении воинской команды и управляющего Палатой. Опираясь на вооруженную силу, чиновники произвели следствие и арестовали поверенного Воробьевского общества Петра Такшеева, дважды ездившего в Петербург. Однако все разъяснения и «вразумления» администрации со ссылкой на указы царя и распоряжения Министерства не оказали влияния на волнующееся кре-

[4] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 273; ф. I Д, 1842 г., д. 4211; МИКП, стр. 76; Г. Е. Власьев. Волнения крестьян в Каргопольском уезде в 1842—1844 гг. (ИЗ, вып. 7. М., 1940, стр. 264).

стьянство. Поверенный Херков в июне 1843 года возвратился из Петербурга, рассказывал о подаче прошения и утверждал, что приедет сам наследник престола помочь крестьянам.

Волнения возобновились с новой силой в ноябре 1843 года, после того как были назначены выборы сельских и волостных начальников — не всем обществом, как привыкли крестьяне, а выборщиками, как требовало Положение 1838 года. Каневские, плесские, луговские и задне-дубровские крестьяне Богдановской волости категорически отказались от производства подобных выборов. Несмотря на все уговоры, крестьяне оставались непреклонными и, по донесению губернатора, «с дерзостью» кричали: «Пусть делают с нами, что хотят, а выборщиков не дадим и под новым управлением быть не желаем». Увещания чиновников только усиливали ожесточение крестьян,— они отвечали криками: «Ваши увещания напрасны, выборных не даем и дать не согласны, а ожидаем резолюции от царя на посланное прошение». Из уст в уста передавался рассказ о том, что министры договорились между собой взять на себя непосредственное управление над государственными крестьянами: они явились во дворец и потребовали от царя исполнения этой меры; царь не согласился; тогда министры схватили его за грудь, но наследник цесаревич услышал поднявшийся шум, вбежал с обнаженной саблей и освободил государя и родителя. По-прежнему ходили упорные слухи о том, что наследник приедет в Олонецкую губернию и разберет крестьянское дело. Но приехал не наследник, а губернатор, который в начале декабря 1843 года предъявил крестьянам ультимативное требование: или они покорятся начальству, или будет введена воинская команда. 9 января 1844 года отряд из 300 солдат был введен в Богдановскую волость. Губернатор разослал в волнующиеся районы объявление с вызовом крестьян в Архангельский погост — один из пунктов, который не принимал участия в волнениях. Часть крестьян перед лицом вооруженной силы капитулировала и дала подписку о покорности, но крестьяне Задне-Дубровского общества в количестве 350 человек отказались подчиниться и единодушно ответили: «Не повинуемся!» Они заявили при этом, что без указа царя не дадут выборщиков и будут сопротивляться силой силе. Среди них были опытные звероловы, имевшие охотничьи ружья и говорившие, что «ружья ни у кого из них из рук не выпадут». Крестьяне Задне-Дубровского общества, действительно, стали вооружаться, запасаясь не только ружьями, но также безменами, болтами и кольями; кроме того, в деревне заготовлялся провиант (по-видимому, для того, чтобы в случае поражения уйти в леса) и, по словам губернатора, производили «разные эволюции» (очевидно, военные упражнения). Земский исправник и помощник окружного начальника были прогнаны крестьянами из Задне-Дубровской. 11 января 1844 года губернатор направил в волнующуюся деревню 2 отряда военной команды. Крестьяне напали на один отряд, ранили офицера и двух рядовых и заставили отряд отступить. Когда другой отряд под видом проходящей команды появился перед деревней, он встретил вооруженных часовых. Около деревни Нижняя Трубичинская отряды соединились и встретились с вооруженной толпой крестьян. Начальник команды предложил крестьянам сложить оружие и изъявить покорность, угрожая в противном случае открыть огонь. Крестьяне ответили на эту угрозу: «Ни на том мы собрались сюда, чтобы исполнить ваше предложение, а готовы все здесь умереть». Когда военная команда сделала несколько выстрелов в воздух, крестьяне перешли в атаку; завязалась рукопашная схватка и началась беспорядочная стрельба по крестьянской толпе. Было убито 6 крестьян и ранено 18, из них 4 женщины. О силе сопротивления свидетельствует отчет начальника команды: солдаты произвели 691 выстрел, крестьянами были переломаны 20 ружейных лож,

сломано 18 штыков, прострелено и перебито 4 солдатских кивера. Когда толпа разбежалась по домам, солдаты продолжали преследовать крестьян, и завязалась борьба в отдельных избах. Крестьяне не давались под арест и продолжали начатую борьбу. Тут же на месте был организован военный суд, который присудил участников волнения к наказанию шпицрутенами, розгами, к ссылке в арестантские роты и каждого старшего в доме — к 100 ударам палками. Дело тянулось до 5 марта 1845 года, когда было вынесено окончательное решение Комитета министров: братьев Такшеевых как главных зачинщиков наказать 1000 ударов шпицрутенами и сослать в Сибирь на поселение, 7 крестьян наказать 500 ударов шпицрутенами и отправить на 2 года в крепостные работы; остальных крестьян простить «единственно по уважению к предъявленным ими раскаянию и повиновению». Поверенный Херков и отставной солдат Пуминов были сосланы в Сибирь. Все расходы на усмирение крестьян были разложены на сельские общества [5].

2. Волнения 1841—1842 годов на Поволжье

Протест против нового управления одновременно с северными районами обнаружился в губерниях Нижнего и Среднего Поволжья. Прежде всего заволновались крестьяне Саратовского края. Эта окраинная область, соприкасавшаяся с малонаселенными степями, имела пестрое население, которое пополнялось самовольными переселенцами, в том числе беглыми раскольниками и сектантами. Местные помещики с тревогой писали в Петербург об отсутствии безопасности в этом районе и требовали со стороны правительства усиления военных гарнизонов. Здесь вперемежку были расположены русские, мордовские и татарские деревни. По соседству лежала Симбирская губерния, в которой только что закончилась передача государственых имений в удельное ведомство. Постоянные сношения жителей по Волжскому речному пути содействовали распространению слухов об утрате симбирскими казенными крестьянами их прежней относительной свободы. Не мудрено, что каждое нововведение Министерства государственых имуществ стало рассматриваться в этом районе как доказательство неминуемого перехода в удельную или помещичью кабалу. Особенно сильный протест вызвало распоряжение о посадке картофеля: крестьяне этой плодородной полосы дорожили землей и временем, необходимыми для посева пшеницы; с другой стороны, среди старообрядцев и сектантов существовало религиозное предубеждение против картофеля как «греховного плода», а требование сажать картофель рассматривалось ими как служение антихристу. Когда крестьянам села Кашаевка Козловской волости Петровского уезда был объявлен циркуляр 1840 года о выделении картофельной десятины, они отказались исполнять это распоряжение и запахали выделенный участок. Еще зимой им удалось при помощи взяток договориться с волостным старшиной и писарем и через их посредство составить официальный приговор об отказе от заведения картофельного поля. Однако в апреле 1841 года тот же волостной старшина (по-видимому, по приказу окружного начальника) лично приехал в волость и вновь потребовал выделить картофельную десятину. Крестьяне собрали сходку и вынесли новое решение об отказе сажать картофель. На сходке говорили, что от картофеля деревне нет никакой пользы — «ни соломы, ни мякины». Волостной старшина послал донос в окружное управление, обвиняя старосту и сотского как зачинщиков смуты; и тот, и другой были арестованы;

[5] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1843 г., д. 478: ф. I Д, 1843 г., д. 5050; 1844 г., д. 6668; ф. Кнц М, 1843 г., д. 505, л. 142; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1843 г., д. 114; МИКП, стр. 96—97; Г. Е. Власьев. Волнения крестьян... (ИЗ, вып. 7, стр. 264).

60 крестьян было привлечено к суду. В результате продолжительного процесса по приговору Сената 11 человек были наказаны розгами от 20 до 50 ударов.

Более серьезный характер носили волнения, вспыхнувшие в деревне Малая Сердоба Петровского уезда. В марте 1841 года крестьяне этого селения отказались засаживать картофельную десятину, заявив, что они не желают быть «барскими». Чтобы оценить размеры этой «удельной барщины», необходимо учесть, что крестьяне каждой волости должны были в количестве 60 человек собрать с крестьянских дворов навоз, вывезти его в поле на 30 телегах, разбросать его на отведенном участке и на 60 лошадях вспахать и забороновать землю. Одновременно крестьяне Малой Сердобы заявили протест против лихоимства волостного писаря и вообще насилий и поборов сельского и волостного начальства. В деревню приехал окружный начальник Бер, который начал словами и розгами «убеждать» волнующуюся деревню. Волнения были подавлены, но на короткое время: когда в апреле 1841 года начальство потребовало от крестьян дать подводу, чтобы отвезти в магазин яровые семена, деревня отказалась выполнять этот приказ. Было выбрано 2 ходока объехать соседние деревни: Старое Славкино, Саполги, Назимкино и Демкино, и добиться общемирского решения — стоять заодно, не давать подвод и не сажать картофеля. Чиновники попытались начать следствие и арестовали нескольких крестьян, но собравшаяся толпа заставила окружного начальника и земского исправника освободить арестованных. В деревне Новое Славкино крестьяне, потребовав от сельского писаря дать им изданное Министерством Наставление о посеве картофеля, сначала понесли его на проверку к священнику, а затем отослали его обратно в волостное управление вместе с приговором об отказе подчиняться полученному приказу.

Постепенно волнения распространились на соседние волости нескольких уездов: отказ от посадки картофеля был заявлен крестьянами русских деревень Бакура, Комаровка, Панкратовка, Кручи Сердобского уезда, крестьянами мордовских сел Старая и Новая Экзарка Кузнецкого уезда и крестьянами татарского села Усть-Уза Петровского уезда. Увещания чиновников и проповеди священников оказались одинаково безуспешными. Крестьяне отказывались идти на допросы, не соглашались сажать картофель и не платили вновь наложенных сборов. Староста и сотский, которые старались заставить крестьян выполнять полученные распоряжения, в некоторых деревнях были избиты. Общее мнение крестьян было сформулировано в коротких словах: «Хотим жить по-прежнему». В движении приняло участие до 10 тысяч человек. Крестьян особенно пугала перспектива попасть в крепостную кабалу. Один из волостных старшин, Леонтий Анисимов, говорил, что неподалеку строится сахарный завод, куда крестьян прикрепят на барщину. Сбор податей и отбывание повинностей прекратились. Попытки администрации усмирить волнение с помощью небольших военных отрядов по 25—50 человек не имели успеха: крестьяне заставляли их один за другим покинуть деревню.

Саратовский губернатор лично приехал в деревню Малая Сердоба в сопровождении конно-артиллерийской батареи и пехотного отряда. Был созван деревенский сход, его оцепили вооруженными солдатами и понятыми, собранными в соседних деревнях. Снова начались «увещания». Губернатор с помощью солдат захватил и приказал заковать в кандалы «наиболее упорствовавших и дерзких»; остальные подверглись нещадному сечению розгами. При виде жестокой расправы большинство крестьян прекратило сопротивление, но меньшинство осталось непреклонным; этих наиболее смелых и стойких арестовали и отправили в тюрьму. Такая же расправа произошла в селении Новая Экзарка. Здесь на крестьянском

сходе выступил старик-старообрядец с покрывалом на голове; с видом обреченного на страдания он подошел к губернатору и заявил, что сажать картофель — грех и что он согласен пострадать за правую веру. Однако большинством крестьян руководили иные мотивы: по донесению губернатора, при самом учреждении нового управления у крестьян вкоренилось прочное убеждение, что их обратят в удельные или помещичьи крепостные. Каждое нововведение Министерства подкрепляло эту мысль и возбуждало страстную жажду сопротивления.

По всем волнующимся деревням были расквартированы воинские команды. С депутацией от крестьян деревни Саполги, заявивших губернатору о нецелесообразности сажать картофель, губернатор приказал расправиться розгами. Против ослушников было начато судебное дело, которое дошло до Сената и Государственного совета. После пятилетней волокиты Николай I, «снисходя к невежеству крестьян», как гласила царская резолюция, простил волновавшихся, но в дальнейшем распорядился сдавать всех ослушников в рекруты, а непригодных к военной службе — в крепостные работы [6].

Более широкий и бурный характер носили крестьянские волнения в Казанской губернии. Здесь среди разнородного — русского, татарского, чувашского, марийского и мордовского — населения особенно ярко обнаруживались отрицательные черты местного управления. В начале 40-х годов казанская деревня, страдавшая и без того малоземельем, была поражена неурожаями и голодовками. В такой обстановке острее ощущались насилия и поборы чиновничьего аппарата. Как выяснилось из последующих расследований, особенно усердствовал чебоксарский окружный начальник Лебедев, который вымогал у крестьян взятки по самым разнообразным поводам. Согласно донесению жандармского полковника Львова, главная причина крестьянского недовольства заключалась во «взятках, чинимых всеми лицами в уездах и деревнях, управление составляющими, которых по большому их количеству крестьяне не могут удовлетворять без совершенного разорения». Того же мнения держался камер-юнкер Корф, присланный из Петербурга для расследования событий: по его словам, «начальство государственных имуществ Казанской губернии, потеряв доверие со стороны крестьян, заслужило всеобщий ропот и негодование». Уже в начале действия новых киселевских учреждений среди государственных крестьян стали распространяться слухи об угрожающей передаче «в удел». И здесь близкое соседство с Симбирской губернией, в которой произошел обмен казенных имений на удельные, способствовало этому широко распространенному убеждению крестьян. Каждое новое распоряжение Министерства — введение общественного сбора, раздача крестьянам податных табелей, приказание сажать картофель — служили для крестьян доказательством близкого перехода в крепостное состояние. Такое же влияние оказывало на крестьян огромное количество назначенных министерских чиновников, которые стремились в собственную пользу выжать из крестьян все, что было возможно.

Особенно острое недовольство вызвало насильственное введение общественной запашки, которое сопровождалось отобранием у крестьян лучшей земли, принудительным обменом земельными участками, несвоевременными и неуравнительными нарядами на работу. Во всех уездах Казанской губернии уже в 1841 году началось массовое глухое брожение; на базарах велись непрерывные разговоры на волнующие темы об «уделе»; из среды крестьян стали выделяться более энергичные и актив-

---

[6] ЦГИАЛ, ф. МЮ, угол. отдел. Департ., 1844 г., д. 9981; ф. ДПИ, 1841 г., д. 235; 1842 г., д. 259, л 2; ф. I Д, 1843 г., д. 5761; 1844 г., д. 6661; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1841 г., д. 138; С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939, стр. 63—68, 96—100.

ные руководители. Правительственные документы устанавливают возбуждающее влияние на местное чувашское и марийское население русских переселенцев из Рязанской губернии. Большую роль в распространении недовольства и организации сопротивления сыграли отставные солдаты и кантонисты; в массовой агитации участвовали также свободные хлебопашцы, а также разночинцы, фигурировавшие в официальных донесениях под названием «подозрительных мещан». С ноября 1841 года государственные крестьяне Чебоксарского уезда начали посылать ходоков к управляющему Палатой государственных имуществ и губернскому прокурору; ходоки жаловались на насилия агентов местного управления и от имени крестьян просили начальство «оставить их жить по-старому». Равнодушное отношение к подаваемым просьбам со стороны местной администрации заставило крестьян переменить тактику: они начали организовывать сборы на помощь ходокам для отправления их в Петербург, к высшему начальству. Инициаторы сопротивления ездили по деревням и поднимали народ против «удела». Весной 1842 года волнения приняли активные формы: в Чебоксарском, Космодемьянском, Цивильском и Ядринском уездах крестьяне коллективно отказывались от заведения общественной запашки. Чиновники Министерства и земской полиции напрасно искали «подстрекателей» и уговаривали крестьян подчиниться распоряжениям власти. Попытки производить следствие встречали упорный отказ со стороны крестьян отвечать на поставленные вопросы: крестьяне считали, что подобные показания равносильны их «записи в удел». В деревне Тяптяева Космодемьянского округа толпа крестьян кричала становому приставу: «Никогда и никакому чиновнику не дадим никакого показания». Начались аресты, которые вызвали ответные выступления крестьян, освобождавших взятых односельчан и подвергавших избиению местных волостных и сельских начальников. На угрозы суровыми наказаниями участники движения отвечали: «Сибирь, так Сибирь, хотим жить по-старому». Во многих местах крестьяне начали вооружаться дубинами и заостренными кольями. Липовская волость Чебоксарского уезда категорически отказались не только заводить общественную запашку и сажать картофель, но также принимать платежные таблицы и платить общественный сбор; в мае 1842 года местные крестьяне самовольно разобрали хлеб из запасного магазина. В деревне Кожары Ядринского уезда происходили ночные сходки вооруженных крестьян под руководством отставного солдата Сидора Степанова. Небольшие казачьи отряды, отправленные для содействия чиновникам, обезоруживались и избивались населением. 6 мая 1842 года в деревне Карачуры вооруженная толпа, наступавшая с поднятыми палками, прогнала военый отряд из 38 рядовых пехотинцев и казаков. В деревне Юванова при попытке полиции арестовать крестьянского вожака Василия Григорьева крестьяне отняли у казаков нагайки и сабли и избили самих казаков и станового пристава. Когда исправник в сопровождении чиновников и 6 казаков попытался «усмирить» вооруженную толпу, она «в исступлении и неистовстве,— как сообщают правительственные документы,— заставила их уехать из деревни». Чем дальше, тем выше поднималось боевое настроение крестьянства. В разных местах начали избивать «увещателей»: волостных голов, священников и чиновников. Волнения распространились на Цивильский и Спасский уезды. По официальным данным, движение охватило более 130 тысяч человек. В Асакасинской волости Ядринского уезда в мае 1842 года тысячи крестьян, вооруженные кольями, ходили по деревням, крича по-русски и по-чувашски: «Не хотим расправ, не хотим запашки и картофеля, хотим жить по-старому». Раздавались возгласы о том, что крестьяне повторят времена Пугачева.

Казанский военный губернатор Шипов командировал в восставшие

уезды 2 военых отряда: в Ядринский уезд — роту под начальством капитана Крюденера и в Космодемьянский уезд — роту во главе с казанским полицмейстером Полем. Вместе с ними отправились управляющий Палатой, военный губернатор и камер-юнкер Корф. Капитан Крюденер двинулся по направлению к Асакасинской волости. На рассвете 15 мая 1842 года он подошел к деревне Муньял, где увидел огромное скопление крестьян, собравшихся из 9 волостей. Военый отряд был разделен на две части; толпа крестьян, состоявшая из чувашей, была оттеснена от деревни и от лесистого оврага в открытое поле; здесь она была окружена солдатами, и Крюденер потребовал от нее бросить на землю палки и подчиниться распоряжению начальства о запашке. В ответ крестьяне начали наступление на военный отряд. Завязалась отчаянная рукопашная схватка, которая продолжалась в течение целого часа. Солдаты действовали против крестьян прикладами и тупыми концами пик, крестьяне — палками и кольями. В конце концов взяли верх солдаты: более 300 крестьян было свалено на землю и перевязано; остальные разбежались в разные стороны.

Отряд казанского полицмейстера Поля двинулся по направлению к селу Акрамово Космодемьянского уезда: именно здесь был сосредоточен главный центр крестьянского движения. 19 мая 1842 года военная рота с барабанным боем подошла к селению. Навстречу отряду двинулась толпа в 5 тысяч человек. На площади возле церкви начальник отряда потребовал от крестьян выслать доверенных, которые в количестве 47 человек выступили вперед. Камер-юнкер Корф начал уговаривать крестьян подчиниться распоряжениям правительства, но крестьяне плохо слушали его речь: в лице этого чиновника они усматривали уполномоченного, присланного к ним «от барина», а некоторые считали самого Корфа тем самым помещиком, который хочет обратить их в крепостное состояние. Постепенно толпа росла благодаря вновь подходящим крестьянам. На все убеждения чиновников она отвечала категорическим отказом. Тогда доверенные лица были арестованы, и началась атака на толпу силами конницы и пехоты. Завязался отчаянный рукопашный бой, в результате которого у солдат оказалось сломанными 108 ружей и 8 пик. 464 крестьянина, поваленные на землю, были перевязаны кушаками. Вскоре приехали губернатор и управляющий Палатой.

На следующий день, 20 мая, на площади была назначена публичная экзекуция. Но в тот момент, когда началось поголовное сечение крестьян розгами, показалась новая толпа, состоявшая из жителей нескольких соседних волостей: Татаркасинской, Кожваш-Сигачинской и Большеюнгинской, населенных крестьянами-мари. Толпа насчитывала до 4 тысяч человек и была вооружена охотничьими ружьями, топорами, косами, железными рогатинами и скребками, укрепленными на древках. Наступавшие крестьяне громко кричали, требуя освобождения арестованных и угрожая уничтожить военную команду. Толпа перешла через мост на реке Моргаушке и приближалась к военным отрядам. Командовавший ротой отдал приказ оттеснить толпу к речке, двинув вперед казаков, а солдатам приказал перейти реку вброд и одновременно напасть на толпу с фронта и с флангов. Под натиском конницы крестьяне вынуждены были перейти обратно через мост; они быстро разобрали его и сосредоточились на противоположном берегу плотно стиснутыми рядами, угрожая отряду поднятыми топорами и косами. Солдаты бросились на толпу, и завязался ожесточенный бой. На этот раз солдаты действовали не только штыками и пиками, но и стреляли в крестьян из ружей. 8 крестьян было убито и 231 ранено; отряд в свою очередь потерял 87 человек ранеными. Толпа была рассеяна и бежала по направлению к лесу и соседней деревне Орнинна. На протяжении трех верст конница преследовала и поражала

бегущих; впоследствии находили немало трупов крестьян в лесах, оврагах и перелесках. Результатом этой «акрамовской войны» была капитуляция соседних волостей. Немедленно начались следствие и аресты. Крестьяне в страхе разбежались по лесам. Поля были оставлены незасеянными. Современники, писавшие о событиях, говорили о полном разорении района.

Были организованы 3 военно-судные комиссии, которые присудили 410 крестьян к наказанию шпицрутенами, ссылке на каторгу, в крепостные работы и в рекруты; только 10 человек было присуждено к более мягкому наказанию розгами. Казанский губернатор несколько смягчил приговор военного суда: 32 наиболее виновных были присуждены к шпицрутенам и к отдаче в рекруты, остальные — к сечению розгами. 7 января 1843 года в центре движения — селе Акрамово была произведена публичная экзекуция в присутствии крестьян из соседних деревень.

Казанские волнения 1842 года показали крайнее ожесточение боровшихся крестьян. Несмотря на отсталость чувашского и марийского населения, в движении были заметны некоторые элементы организованности; массовый масштаб, который приняло это движение, отличает его от волнений в Саратовской губернии. Самый лозунг крестьян «жить постарому» доказывает, что развернувшиеся волнения были направлены против всех нововведений Министерства государственных имуществ, против всей системы киселевской реформы [7].

3. Волнения 1841—1843 годов в Приуралье

Наиболее бурный протест против реформы Киселева имел место в Приуралье, которое пережило вооруженное восстание еще в 1835 году. На этот раз волнения захватили и Вятскую губернию, составлявшую западную окраину Приуралья, и Пермско-Оренбургский край, непосредственно примыкавший к Уральскому горному хребту.

Необходимо вспомнить, что в Вятской губернии было много удельных имений, в которых проводилась реформа Перовского; поэтому государственная деревня могла воочию наблюдать все ее невыгодные последствия для крестьянства. Тут же, в многоземельной Вятской губернии, на основании царских пожалований отводились значительные участки земли различным помещикам; вятский губернатор Мордвинов особенно хлопотал о раздаче земли потомственным дворянам. Введение нового управления государственными имуществами ставило перед вятскими крестьянами вопрос: не отдают ли их во владение помещикам и не являются ли распоряжения местных чиновников переходными мерами к окончательному закрепощению? Уже в январе 1841 года 4 волости Орловского уезда отказались производить выборы в только что учрежденные сельские и волостные правления. Никакие «кроткие убеждения и внушения» местных чиновников не имели успеха. Под влиянием отказавшихся волостей начались выступления в соседних районах: волости, которые уже произвели выборы, стали «отрекаться» от своих «выборных» и присоединяться к числу непокорных; везде и всюду стали созываться крестьянские сходки. Особенно упорной оказалась Спасо-Быстрицкая волость, которая сде-

---

[7] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 276; ф. I Д, 1842 г., д. 4208; ф. Кнц М, 1842 г., д. 424, л. 6; д. 505, л. 17; ф. V О, д. 26565, л. 38; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1842 г., д. 155; МИКП, стр. 74—75; «Восстание чувашского крестьянства в 1842 г.» Сборник архивных документов, сост. П. Г. Григорьевым и Р. С. Семеновым. Под ред. проф. К. В. Кудряшова. Чебоксары, 1942; «Волнения чувашского крестьянства в 1842 г.» («Красный архив», 1938, № 2/87); С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты, стр. 68—73, 100—102; П. Г. Григорьев. Волнения чувашского крестьянства в 1841—1842 гг. («Записки Чувашского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», вып. 1. Чебоксары, 1941).

лалась центром движения. Губернатор командировал в волнующиеся районы управляющего Палатой и для укрепления его «авторитета» дал ему инвалидную команду из 24 солдат. Управляющий сразу арестовал «особенно дерзких крестьян» и приказал высечь 7 человек розгами. Затем начались «беспрерывные настояния, внушения и убеждения», которые сопровождались угрозами применить военную силу. 14 крестьян были арестованы и преданы военному суду. На основании манифеста 1841 года участники этих первых волнений были освобождены от наказания [8].

По мере развертывания деятельности нового управления брожение среди крестьян стало усиливаться и принимать форму активного протеста. Чиновники Министерства особенно усердствовали в деревнях Нолинского уезда. У сельских обществ 6 селений были отобраны мукомольные мельницы и с нарушением законов сданы ростовщикам. Крестьяне силой возвратили мельницы, и когда администрация захватила «зачинщиков», арестованные были отбиты у конвойной стражи. В начале 1842 года в волнующиеся деревни была двинута воинская команда и волнения были подавлены силой [9]. Особенно крупные события разыгрались весной 1842 года, когда крестьянам стали известны распоряжения Министерства об обязательной посадке картофеля и принудительной засыпке яровых семян. Вятская палата и нолинский окружный начальник истолковали указы в расширительном смысле: от крестьян потребовали, чтобы каждое сельское общество отвело по десятине земли для посадки картофеля, а каждый домохозяин немедленно посадил картофель у себя в поле, на удобренном участке. Окружный начальник угрожал крестьянам, что каждый ослушник будет сдан в рекруты, а не пригодные к военной службе будут сосланы в Бобруйск на крепостные работы. Крестьяне Нолинского уезда страдали малоземельем; картофель, посаженный ими в предыдушем году, дал неурожай. К тому же крестьянская масса была настроена против новых сельских и волостных начальников, одетых в кафтаны с позументами, и не желала платить им жалованья из собственных средств; волостные старшины, писаря и старосты рассматривались не как уполномоченные общества, а как отщепенцы от мира, продавшиеся враждебной власти. И здесь распространялись слухи о том, что крестьян собираются передать «в удел», что означало по мнению крестьян подчинение барину. Обязательные посадки картофеля и ссыпка семян истолковывались как введение крепостной барщины, а усиление сборов — как установление крепостного оброка. Чиновники окружного управления возбуждали ненависть крестьян своими злоупотреблениями; один из окружных начальников, Людоговский, в стремлении выжать из крестьян все, что можно, позволял себе незаконные действия и довел до огромных размеров подводную повинность. Священники, убеждавшие крестьян подчиниться начальству, вызывали к себе всеобщее недоверие. В среде крестьян, скованных феодальным мировоззрением, ходили слухи о введении новой, «антихристовой веры». Из числа волновавшихся выделились энергичные и авторитетные руководители: таков был 66-летний старик Ефим Калинин из деревни Калинина и Фаддей Барвин из села Баевское Слободского уезда.

Волнения начались в Телятинском обществе Осиповской волости Нолинского уезда, где крестьяне отказались выбирать «добросовестных» для ссыпки яровых семян. Более активный протест обнаружился в Быковском обществе Горбуновской волости: крестьяне отказались сажать картофель, отобрали отведенную для его посадки десятину лучшей земли, запахали ее и засеяли овсом; одновременно они отказались исполнять

[8] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 64, лл. 17—19; ф. V О, д. 26565, л. 28; МИКП, стр. 57.

[9] МИКП, стр. 73—74.

распоряжения земского исправника, не пуская к нему ни сельских старшин, ни сотских. Пример быковцев оказал возбуждающее влияние на соседние деревни, уже посадившие картофель: в Салтыковской, Барановской, Зуевской крестьяне раскидали вырванный ими картофель и поломали изгороди. Все были убеждены, что начальство заставляет сажать картофель, чтобы отдать их в господское владение, а затем перевести в другую веру. Крестьяне поддерживали друг друга, убеждая в необходимости стойко и сплоченно защищать свою свободу. В Гвозковской деревне крестьянин Пермяков говорил, что он наблюдал такие же попытки посадки картофеля в других губерниях: «Те селения, которые не приняли посев картофеля, остались казенными, а рядом удельные садят на полях картофель и если они не будут обстаивать и допустят посев картофеля, останутся удельными». Один из крестьян вспоминал борьбу вятского крестьянства против прикрепления к заводам: «Заводское дело обстояли немногие люди, а ныне о картофеле как не обстоять,— весь мир скажет,— быть по-старому,— на него не прошение подавать».

Особенно широкие размеры приобрели волнения в Толоключинской волости Нолинского уезда и в Чекмаревской волости Слободского уезда. Повсюду созывались мирские сходки, собирались крестьяне из разных селений, везде ломали изгороди, выкапывали и раскидывали картофель, требовали упразднения сельских управ и восстановления старого волостного управления, когда не было столько начальства и стольких податей, не было «кафтанов с позументами». Крестьяне начали арестовывать ненавистных волостных начальников и писарей и свозить их в Таранковский починок, который стал центром движения Толоключинской волости. Чекмаревские крестьяне отказались платить на содержание чиновников добавочные $23^1/_7$ копейки с души и сажать картофель. Из волнующихся деревень послали ходоков в Вятку проверить, правильны ли распоряжения начальства. Возвратившиеся разъяснили, что приказ о картофеле идет не от царя, а от министра, а приказ о платеже 23 копеек — от самого царя. Тогда крестьяне согласились платить добавочные деньги, но категорически отказались сажать картофель.

Волнения распространились на соседние Вятский и Глазовский уезды. Повсюду стали возникать столкновения с местными сельскими и волостными начальниками, которых избивали и арестовывали. Крестьяне начали вооружаться кольями, топорами и косами. Угрозы чиновников применить военную силу вызывали еще большее противодействие. Когда в Горбуновскую волость была направлена военная команда из 150 человек, крестьяне отказали ей в продовольствии и заставили ее выехать из селения. На многолюдных сходках происходили бурные объяснения с земской полицией и министерскими чиновниками. Крестьяне ломали мосты на прилегающих речках, чтобы не допустить прибытия военных отрядов; на колеблющихся и склонных к покорности воздействовали силой убеждения.

Движение приобрело такую стихийную и увлекающую силу, что захватило в своем потоке около 100 тысяч крестьян во главе с 57 старшинами. В действиях крестьян наблюдалась известная организованность: во главе движения стояли старшины и агитаторы, которых сами крестьяне звали «расстройщиками»; сходки созывали по повесткам; грамотеями велись списки собравшихся; сопротивлявшихся движению преследовали, грозили им наказаниями от лица «мира», иногда даже избивали. «Что нам солдаты, нас тысячи собираются»,— говорили крестьяне. Попытка чиновников в деревне Заринская арестовать «главных подстрекателей» разбилась о сопротивление вооруженной толпы: с кольями, палками, топорами и ножами в руках, в сопровождении своих жен, крестьяне отбили арестованных, сорвали форменный кафтан с заседателя Дядинова, избили и прогнали его и волостного голову, осадили и не выпускали из села

приехавших чиновников. На угрозы арестами крестьяне говорили: «Кому смерти хочется, пусть приезжают ловить». Волостным начальникам, которые оставались верными правительству, отвечали: «Будет по-нашему, а не по-вашему».

13 июня 1842 года вятский губернатор Мордвинов в сопровождении военной команды из 300 человек при двух артиллерийских орудиях прибыл в волнующуюся деревню Быковская. Его встретила безоружная толпа крестьян численностью в 600 человек. На увещания губернатора крестьяне отвечали упорным отказом повиноваться. «Стреляйте, не поддадимся»,— отвечали они на угрозы применить оружие. В порыве самозащиты толпа стала разбирать изгороди и вооружаться кольями. Губернатор приказал стрелять. Последовал залп из 48 ружей, пало 18 раненых, но крестьяне, ободряемые своими вожаками, стояли неподвижно и сплоченно. На новые уговоры губернатора крестьяне ответили, что «готовы все умереть». Тогда Мордвинов прибегнул к новому способу действия: он обошел с военной командой деревню и приказал собранным понятым из соседних селений засадить картофелем отведенную ранее десятину. Быковские крестьяне внимательно наблюдали за всем происходящим, но не трогались с места. Когда им было объявлено, что картофель уже посажен, они ответили: «Пусть сеют, опять выбросим». Тогда губернатор приказал команде броситься на толпу крестьян, действуя не штыками, а прикладами, и перевязать всех, кто не подчинится. Крестьяне не ожидали такого маневра. Началась рукопашная схватка; после долгих усилий солдаты повалили всех крестьян на землю и перевязали их своими кушаками. Окруженные военным отрядом, 600 человек были отведены в село Курчюм; здесь из их состава были выделены «зачинщики» и «главные возмутители», которых арестовали и предали суду. Из остальных каждый 8-й человек был высечен розгами. Сопротивление массы было сломлено. Бессильная толпа под дулами орудий была введена в церковь и должна была поцеловать крест и евангелие, поклявшись в полном повиновении начальству.

События в Быковской произвели парализующее влияние на остальные селения: перед лицом вооруженной силы деревня за деревней стали отказываться от дальнейшей борьбы. Более энергичные и стойкие собрались в селении Таранки в количестве 1,5 тысяч человек; здесь были избраны новые головы и старшины, снова выкинут посаженный картофель и заявлено требование уничтожить окружные и сельские правления и восстановить прежний порядок в государственной деревне. Губернатор Мордвинов 15 июля 1842 года привел в Таранки воинскую команду с двумя орудиями и занял позицию в 150 шагах от собравшейся толпы. Начались снова увещания и угрозы. Крестьяне отвергли все убеждения и, по словам официального донесения, «с буйством, громогласно кричали, что стоят все заодно и требуют восстановления старого порядка».

«По многолюдству скопища»,— объяснял впоследствии губернатор,— он опасался, «чтобы крестьяне не одолели солдат, пущенных на них с употреблением одних прикладов: ружья могли быть отняты, и последствия сего,— прибавляло донесение,— были бы крайне бедственны, ибо за таковым поражением единственной в Вятской губернии воинской силы неповиновение неминуемо распространилось бы далее и далее, а правительство осталось бы на продолжительное время без всяких средств к прекращению оного». Исходя из этих соображений, Мордвинов отдал приказ стрелять. Раздался залп из 46 ружей; 30 человек упали убитыми и ранеными. Но крестьяне оставались стоять неподвижно и отвергали дальнейшие убеждения губернатора. Тогда Мордвинов применил тот же прием, какой он использовал в деревне Быковская: команде, разделенной на 3 отделения, и понятым из соседних селений в числе 200 человек

было приказано броситься на восставших. На этот раз сопротивление крестьян было сильное и упорное; в течение 20 минут продолжалась отчаянная рукопашная схватка; с каждым солдатом, вооруженным ружьем, боролось по 3—4 человека крестьян. В конце концов взяли верх солдаты. Восставшие были повалены на землю и все перевязаны. В этот момент из-за леса показалась новая толпа крестьян, шедших на помощь восставшим в селе Таранки. Губернатор приказал направить на эту толпу артиллерийское орудие, заряженное картечью, и приказал подходящим остановиться. Крестьяне продолжали двигаться по направлению к команде. Был отдан новый приказ стрелять из орудия картечью. Когда раздался выстрел, 18 человек упало на землю. Толпа остановилась. Мордвинов, воспользовавшись колебанием восставших, бросил на толпу несколько десятков солдат. Произошла новая рукопашная схватка, которая кончилась поражением безоружных крестьян. При подсчете пострадавших оказались убитыми 8 человек, умершими от ран 4 и ранеными 42, из них 21 — «довольно тяжело».

Из Таранков губернатор двинул команду в соседний Вятский уезд, в село Березнино, где собралась значительная масса восставших. Однако событие 15 июля произвело сильное впечатление на все прилегающие районы; с разных концов приходили известия о прекращении сопротивления крестьян. Команда прошла через деревни Вятского, Глазовского и Слободского уездов, везде наводя страх и прекращая волнения. Обессиленные крестьяне выражали покорность и под угрозой применения оружия выдавали зачинщиков. Была образована специальная военно-судная комиссия, которая приговорила 14 человек к 1000 ударов шпицрутенами и 28 — к 500 ударов с дальнейшей ссылкой на крепостные работы, 84 человека — к сечению розгами и 158 — к тюремному заключению. Этот приговор рассматривался затем разными инстанциями: вятским губернатором, Киселевым, министром внутренних дел, Комитетом министров и, наконец, Николаем I. В конце концов приговор был несколько изменен: 28 «зачинщиков» и старшин были осуждены к сдаче в рекруты, а в случае негодности к военной службе — 2 годам крепостных работ. Расходы на усмирение были переложены на самих крестьян. К 1844 году, когда приговор был приведен в исполнение, 8 крестьян умерло в заключении.

Подводя итог событиям в Вятской губернии, необходимо подчеркнуть, что массовый протест против посадки картофеля был только внешней, видимой формой отказа крестьян подчиняться новому управлению; это был не «картофельный бунт», как его называли в старой литературе, а борьба против всех нововведений реформы, против той системы феодального «попечительства», которую проводило в жизнь Министерство государственных имуществ [10].

Еще более бурный характер носили волнения крестьян в восточной части Приуральского края. Пермская губерния, в значительной части населенная беглыми крестьянами и раскольниками, имевшая горные заводы и башкирские кантоны, всегда отличалась активными протестами трудящихся масс. После введения реформы Киселева местное крестьянское население остро почувствовало на себе влияние новой системы. Местное чиновничество действовало здесь еще грубее и неразборчивее, чем в Вятской губернии. По данным произведенных расследований, «выборные» и окружные начальники практиковали здесь безграничные поборы и насилия. В Соликамске окружный начальник Астерьев заставлял

---

[10] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 301; ф. I Д, 1843 г., д. 5757; МИКП, стр. 73—74; А. Андриевский. Картофельный бунт в Вятской губернии в 1842 г. (ИВ, 1881, июль, стр. 556—565); С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты, стр. 52—62, 82—96; «Столетие Вятской губернии», т. II. Вятка, 1881, стр. 517—532.

крестьян исправлять уже исправленную дорогу, избивал при этом нагайкой стариков и больных, задерживал собранных на работу сверх установленного срока и за денежную «складчину» отпускал отдельных крестьян по домам. Оханский окружный начальник Макушев за взятки замял дело об убийстве крестьянки Завьяловой. Екатеринбургский окружный начальник Смирнов открыто вымогал у крестьян «подарки» и производил в корыстных целях подлоги в приходо-расходных книгах. Медянский волостной голова Неустроев, бывший раньше волостным писарем, требовал от крестьян сборов по самым разнообразным поводам: хотя ямская гоньба отправлялась натурой, он взыскивал на нее по 30 копеек, а иногда и по рублю с души, приказывал уплачивать деньги за становую квартиру, за отпускаемые подводы, за выдачу из магазинов запасного хлеба, взимал деньги для подарков лесничему (хотя крестьяне и не получали леса), наряжал крестьян возить ему дрова и т. д. Весь аппарат губернского управления, возглавляемый полковником Фредериксом, впоследствии уличенном в казнокрадстве и грубых насилиях, был пронизан духом продажности и произвола. Государственные крестьяне Пермского края с трудом сносили усиливавшиеся поборы и истязания; в их среде всегда была сильна жажда свободы и сохранялись живые воспоминания о пугачевском восстании; у всех в памяти было недавнее прикрепление к заводам, которое возбуждало опасения за будущее. Нововведения реформы, так же как и в других районах, породили мысль о передаче крестьян в удельное ведомство. Волостные и сельские начальники, являвшиеся агентами чиновничьего аппарата, рассматривались как изменники и предатели, котсрые продали крестьян в крепостное владение барину. Чувства недоверия, а порой негодования вызывали также своекорыстные представители клира, которые служили духовной опорой местного управления.

Распоряжение о посадке картофеля послужило и здесь возбуждающим толчком для открытого проявления недовольства. От крестьян потребовали заведения особой картсфельной десятины, хотя сами крестьяне уже разводили картофель на собственных огородах; вынуждали доставлять яровые семена, заставляли бесплатно наряжать работников, причем освобождали откупавшихся за деньги. Посадки картофеля вопреки министерскому циркуляру устраивали не только при волостях, но и при сельских управлениях. Сравнивая эти распоряжения с аналогичными мерами в удельных имениях, крестьяне истолковали посадки картофеля как прямое доказательсвто их перехода «в удел».

Волнения первоначально вспыхнули в марте — апреле 1841 года в Осинском уезде: в селениях Степановское и Тихоновское крестьяне собирались на сходки и отказывались сажать картофель, заявляя, что он им «не нужен». Местная администрация решила убедить крестьян сажать картофель с помощью бывшего волостного писаря Ушакова, снискавшего общую ненависть за притеснения крестьян и оштрафованного за самоуправство и растрату общественного хлеба. Ушаков засадил картофелем земельный участок, выделенный в селении Тихоновское. Крестьяне 25 мая 1841 года вырвали посаженный картофель и изломали поставленные изгороди. Сам Ушаков был избит, причем крестьяне угрожали убить его. Подобные же события произошли в селении Мазунино и в нескольких селениях Ордынской волости: и там начальством были предприняты попытки посадки картофеля, но крестьяне оказали им активное сопротивление. Увещания станового пристава, окружного начальника и самого управляющего Палатой оказались бесплодными. В деревне Шлезейка Кунгурского уезда на большой сходке крестьяне «с азартом» отвечали управляющему: «Умрем, а ни за что на свете не позволим садить картофель!». В селении Тихоновское говорили: «Хоть Сибирь, а картофель не

посадим». Управляющего Палатой полковника Фредерикса, который не обращал внимания на крестьянские жалобы и объяснялся с крестьянами в грубом и угрожающем тоне, называли «подложным» и на все его объяснения кричали: «Посмотрим, что-то ты докажешь!». Повсюду были убеждены, что «начальство продало крестьян в удел и еще какому-то господину и что тот, кто посадит картофель, изъявит тем согласие на продажу себя». 6 июня 1841 года был подожжен дом мазунинского волостного старшины, который особенно усердно помогал местным чиновникам. Волнения распространились на Медянскую волость и охватили территорию с населением в 18 тысяч душ. В Ордынской волости при попытке жандармов арестовать крестьянина Власова вспыхнуло «неукротимое волнение». Постепенно крестьяне приходили к выводу, что необходимо организованное сопротивление, что нужно вооружаться. «Нам воевать надобно», открыто кричали они в лицо своим усмирителям. Ожесточение проявлялось и в отношении священников, которые старались проповедями поддержать чиновников. «Не ходи, убьем»,— заявили крестьяне одному из таких проповедников, который пытался уговаривать их подчиниться начальству.

В июне 1841 года в волнующиеся волости приехал пермский губернатор в сопровождении двух рот гарнизонного батальона и с двумя артиллерийскими орудиями. Опираясь на вооруженную силу, угрозами и арестами ему удалось подавить волнения в селениях Степановское и Ордынское, но в Медянском он встретил упорное сопротивление со стороны крестьян. На все его требования собравшаяся толпа отвечала криком: «Не хотим, не хотим!». Когда из толпы было выделено 10 депутатов и губернатор вступил с ними в переговоры, его убеждения не имели никакого успеха. Толпа заявляла, что это не настоящий губернатор, что «все — вранье», что их продали барину. Губернатор приказал ударить боевой сбор. На глазах толпы ружья зарядили боевыми патронами, а артиллерийские орудия — картечью. Часть толпы разбежалась, но многие остались на месте, крича: «Умрем, а картофель садить не будем!». Губернатор созвал народ в церковь, где вновь начались увещания и проповеди— благочинного протоиерея, рядовых священников, чиновников и самого губернатора. Крестьяне упорно стояли на своем. Наконец один из крестьян, Алексей Юшко, закричал: «Идем на пушки!», сделал три земных поклона перед алтарем и попросил у духовенства прощения и поминовения его души. Примеру Юшкова последовали Александр Пономарев, Егор Курбатов и многие другие. Губернатор решил действовать оружием. Церковная ограда уже была оцеплена, и когда народ стал выходить из церкви, солдаты начали хватать отдельных крестьян и подвергать их нещадному сечению. Картина кровавой экзекуции сломила энергию крестьянской массы. По требованию губернатора крестьяне дали подписку о повиновении. Стоя на коленях, они принесли вынужденное раскаяние, но в то же время заявили жалобы на местную администрацию. При этом управляющий Палатой полковник Фредерикс, по донесению губернатора, позволил себе «ни с чем несообразные действия»: он кричал, угрожал и отказывался принимать крестьянскую подписку. В результате пермских волнений 1841 года 535 крестьян были отданы под суд; одновременно началось следствие о злоупотреблениях чиновников. На основании вынесенного приговора 37 крестьян были сданы в солдаты, часть — в крепостные работы. Крестьянин Ушаков за свое угодничество перед начальством был награжден серебряной медалью на аннинской ленте и 50 рублями [11].

---

[11] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1841 г., д. 239; ф. I Д, 1840 г., д. 2830; 1841 г., д. 3048; д. 3972, лл. 36—39, 45; С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты стр. 35—38, 74—81.

Волнения возобновились весной 1842 года. Среди крестьян не прекращались толки о введении нового управления: подвергались осуждению волостные расправы, форменные кафтаны, установленные для выборных и писарей, вновь введенные печати; все настойчивее и решительнее распространялись слухи о том, что все эти новшества означают переход государственных крестьян «в удел». Особенно сильное впечатление на приуральских крестьян произвели распоряжения Министерства о составлении неприкосновенного запаса яровых семян. Министерство еще в декабре 1841 года предписало «постановить приговоры» по этому предмету, а Пермская палата государственных имуществ присоединила к этому новое предписание — представить приговоры непременно к 20 января будущего, 1842 года. В соответствии с установившейся практикой сельские и волостные власти, не созывая крестьянских сходов, составили заочные приговоры о ссыпке яровых семян; как всегда, не обошлось без вымогательств и поборов волостных голов, сельских старост и писарей. Среди крестьян стали ходить слухи о том, что продажа в удел министру Киселеву состоялась еще 3 года тому назад, что к Петрову дню (29 июня) крестьяне будут окончательно закабалены, что сбор семян — только предварительная мера, а затем последует распоряжение собрать с каждого крестьянина по 6 пудов хлеба, по 70 аршин холста и по 90 рублей денег; в продаже обвиняли волостные и сельские власти, а также сельское духовенство. Царистские иллюзии проявились в своеобразной форме: крестьяне говорили, что царь был против продажи и что имеется особый царский указ с золотой строчкой, который скрыли ненавистные начальники.

Уже в январе 1842 года крестьянское недовольство приняло открытые формы: в Шадринской волости Ирбитского уезда на созванном сходе крестьяне отказались засыпать яровые семена, ссылаясь на то, что для богатых крестьян это не нужно, а для бедных крестьян — не по силам. Приехавшие в волость окружный начальник Борисов и земский исправник Чорносвитов круто расправились с протестантами: и тех, кто отказывался засыпать семена, и тех, кто согласился на это под влиянием чиновничьих увещаний, жестоко высекли розгами; волостной старшина Пономарев, который принял сторону крестьян, был отстранен от должности и подвергнут аресту. Менее яркую форму принял крестьянский протест в Верхотурском уезде: здесь только 5 домохозяев отказались засыпать семена.

За этими первыми проявлениями крестьянского недовольства последовали новые — в апреле 1842 года. С начала весны стали собираться сходки по гумнам и овинам. В Волковском обществе Камышловского уезда, расположенном у многолюдного Сибирского тракта, произошло столкновение крестьян со смотрителем запасного магазина: смотритель старался навязать крестьянам негодные остатки семян пополам с пылью и грязью, угрожая, что если этих семян не возьмут, то будет хуже: «Берите теперь по четыре четверика, после отдадите по 12—16, руки уже приложены». 2 апреля около сельского управления собралась большая толпа народа, потребовавшая у сельского начальства показать заочные приговоры о ссыпке семян и о продаже их господину. Приехавшим на место волнения земскому исправнику и помощнику окружного начальника были заявлены жалобы на поборы и насилия сельских выборных; крестьяне особенно жаловались на фальшивые заочные приговоры и требовали удаления голов, старост и писарей. Отсюда волнения распространились на соседние волости. 9 апреля собралась тайная сходка в Курмысской волости, а через 2 дня был созван волостной сход, на котором было заявлено об отказе крестьян ссыпать семена; среди населения волости распространились слухи о том, что волостные и сельские начальники за продажу крестьян барину получили целый пуд

ассигнаций. 14 и 15 апреля волнения охватили Троицкую, Закамышловскую и Клевакинскую волости; 20 апреля они вспыхнули в Куровской и Пришминской волостях, 22 апреля — в Красноярской, Четкирской и Томакульской, а 24—25 апреля поднялась Катайская волость. Повсюду крестьяне собирались тысячными толпами, осаждали волостные и сельские правления, искали заочные приговоры и царские указы, хватали «выборных» и писарей и побоями хотели выпытать у них признание в продаже крестьян барину. Пытаясь усмирить волнения, священники в сопровождении причта в полном облачении выходили на церковные площади с иконами и крестами, служили молебны и кропили прихожан «святою водой». Однако эти меры не могли остановить начавшегося движения. Крестьяне отвечали священникам: «Мы сюда собрались не для моления, а для отыскания дел». Сами священники вызывали недоверие и ожесточение со стороны крестьян: их обвиняли в сокрытии царских указов, в том, что они держат руку волостных и сельских начальников, передавших крестьянство в «удел» господину. В Пышминской волости, по донесению местных властей, крестьяне «требовали дать им указы за подписанием государя императора с золотою строчкою в удостоверение того, что продажа их не состоялась и все они остаются государственными».

Разъяснения и уговоры приехавших чиновников не оказывали никакого влияния на восставшие деревни: крестьяне были убеждены, что они проданы за деньги и что если не отстоят своей свободы, то попадут в кабалу, «в удел» к министру. При содействии более энергичных руководителей стали составляться мирские приговоры, адресованные местным учреждениям. Крестьяне просили оставить старый порядок и не отдавать их в частное владение. В мирском приговоре Кунарского сельского общества Клевакинской волости крестьяне писали: «Отцы наши, деды и прадеды службу несли государю императору нашему Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому искренно и желали ему единому служить и платить, что им положено будет, как то подати и повинности, и во всем ему повиноваться до окончания века нашего, а господам, кои содержат удельных крестьян, ни под каким предлогом служить не желаем; как картофель, так и равно и отсыпной неприкосновенный запас хлеба сеять, снимать и отсыпать не согласны». Сводя воедино все свои впечатления от нового управления, крестьяне добавляли: «Теперь начальники наши имеют на себе жалованные от высшего начальства, как волостные, так равно и сельские, кафтаны и на шеях их золотые позументы, и на то получают с нас большое жалованье, а общества наши желают служить для бога и царя без кафтанов и жалованья, а просто на равности за общественную службу, и присланные печати от вышнего начальства как волостным, так равно и сельским начальникам, им не веруем и возлагаемся на прежние именные печати». В том же духе был составлен приговор Грязновского сельского общества той же волости. И здесь крестьяне заявляли, что они «всем мирским обществом» желают остаться на прежнем основании в государственных крестьянах, при этом крестьяне прибавляли: «а можно остаться довольным прежним запасным в магазинах хлебом..., а присланных из волостного правления в сие управление пять печатей для сельских начальников оные почитаем неправильными, а почитаем правильны[ми] именные сельских начальников, а почетные кафтаны для сельских старшин не желаем и жалованья не полагаем, а избираем оных старшин по очереди». И форменные кафтаны, и новые печати, и вновь установленное жалованье, и ссыпка семян были внешними проявлениями новой системы, введенной Положениями 1837—1841 годов и вызвавшей негодование государственной деревни.

В Закамышловской волости в качестве руководителя выдвинулся молодой крестьянин Григорий Боровских, который пользовался огромным авторитетом среди своих односельчан: ему беспрекословно верили, от него ждали распоряжений, на него целиком полагались. Вместе с крестьянами Боровских,— доносили об этом местные администраторы — формулировал требования начавшегося движения: уничтожения сельских расправ и «почти совершенного прекращения действия третьей и четвертой части учреждения о управлении государственными крестьянами»; другими словами, крестьяне хотели возвращения к прежней системе управления и ликвидации нового Положения 1838 года. В связи с этим основным требованием выдвигались и другие: отменить жалованье и кафтаны выборным, отменить посадки картофеля и заготовление запасов семян. Кроме того, крестьяне настаивали, чтобы не было никаких противозаконных сборов, «кроме государственных податей, земских повинностей и мирских сборов». В заключение восставшие заявляли: «Как были прежде отцы, деды и прадеды их исстари государственными крестьянами, так и дети их, и внуки, и правнуки в том самом сословии остаются государственными крестьянами, в удельное господское ведомство вовсе не поступают и никакого излишнего противозаконного сбора хлеба с них никогда взыскиваемо не будет». Местные власти правильно поняли объективный смысл крестьянского движения. На основании донесений окружного управления и земской полиции главный начальник горных заводов Уральского хребта так формулировал сущность происходящих событий: «Своими действиями и поступками крестьяне опровергали все постановления верховной власти и проекта учреждения об управлении государственными имуществами и требовали, чтобы порядок управления крестьянами был установлен по прежним законам».

Требования крестьян носили отнюдь не платонический характер: они сейчас же применялись на практике. Крестьяне запечатывали сельские и волостные управления, объявляли недействительными полномочия ненавистных волостных и сельских начальников и заменяли их новыми избранниками, пользовавшимися доверием массы. В Закамышловской волости волнующаяся толпа крестьян потребовала у окружного начальника Серова выдать официальное удостоверение на гербовой бумаге о том, что они останутся свободными и в удел не поступят. Такое же удостоверение было получено от окружного начальника Курьинской волости.

В обстановке стихийного массового движения проявлялась накопившаяся ненависть против местных насильников и лихоимцев. Подвергая избиениям и пыткам писарей и волостных старшин, крестьяне действовали беспощадно и решительно. В селе Томакульское 22 апреля толпа осадила дом волостного писаря Канакина. Крестьяне требовали выдать им дела о продаже мира во владение помещиков. Вооруженная дрекольями, плетями и лозами, толпа разгромила дом, разбила ворота и, не найдя писаря, укрывшегося на чердаке, забралась на крышу и начала ломать ее. Писарь в сопровождении местного священника вышел из дома; крестьяне отпустили священника, но подвергли жесточайшему избиению Канакина; вечером он был прикован цепью к зданию расправы и ночью умер от побоев. В селе Крестовское крестьянами была осаждена церковь, в которую укрылись местные начальники и священники. Из села Пышминское вооруженной толпой была прогнана присланная этапная команда в составе 35 человек. Из ближайших волостей крестьяне собирались идти в город Камышлов, для того чтобы разыскать ненавистные указы и царский указ «с золотой строчкой». Однако полного единодушия среди крестьян не наблюдалось: часть населения государственных деревень не соглашалась с восставшими и уговаривала их прекратить сопротивление; по донесениям местной администрации, между крестьянами

шли непрерывные споры, которые сопровождались иногда острыми столкновениями и даже взаимными драками.

Крестьяне Камышловского уезда разнесли вести о начавшемся восстании по деревням соседних — Ирбитского, Шадринского и Екатеринбургского — уездов. Слух о продаже крестьян в удел господину и здесь поднял крестьянские массы. 26 апреля в селе Стригонское Ирбитского уезда крестьянский сход заявил об отказе уплачивать общественный сбор. Был избит сельский пристав, а когда приехали окружный начальник и земский исправник, они были арестованы и подвергнуты допросу. Особенно ярко обнаружилась ненависть крестьян к окружному начальнику Борисову: его заставили стоять перед толпой без фуражки, кланяться миру и допытывались у него ответа на вопрос, зачем он продал крестьян господину. Некоторые крестьяне кричали: «Решить его!». Земский исправник Черносвитов доносил, что ему с большим трудом удалось спасти окружного начальника от смерти. Село Белослудское, в котором произошло это событие, сделалось центром движения Ирбитского уезда. В соседнем Екатеринбургском уезде волнения охватили села Бруснянское и Кисловское: здесь были созваны сходки, был произведен обыск в сельском управлении, а земского исправника заставили выдать удостоверение о непоступлении крестьян в удел. Местные крестьяне были особенно взволнованы слухами об «уделе»: сравнительно недавно они были откреплены от горных заводов и теперь опасались обратного возвращения в заводскую кабалу; когда в Камышловский уезд были введены военные отряды, екатеринбургские крестьяне начали ковать копья, чтобы вооруженной силой сопротивляться заводчикам.

В Шадринском уезде волнения начались 24 апреля и охватили 10 волостей: везде созывались сходки, выносились мирские приговоры против «удела», начинались поиски указов, происходили избиения волостных и сельских начальников; и здесь заявлялись протесты против засыпки хлеба и посадок картофеля. Избивая писаря, крестьяне села Запеченское говорили: «Вы, писаря, разбойники, обирали, обдирали нас, да мало вам этого показалось, да вы еще нас продали под барина; польстились, что он вам дал жалованье, да с позументами кафтаны». В селении Ванищево после пасхальной заутрени один из крестьян-единоверцев говорил: «Что за беда, если и 10 человек будет убито, но ведь тысячи в живых останутся, а на всех плетей не напасешься». Окружный начальник Кирхнер, приехавший на усмирение в село Иванищевское, едва уцелел от расправы толпы.

Сильные волнения возникли в Долматовской волости, где крестьяне избили волостного голову, выбрали на его место нового и организовали вооруженную засаду для освобождения арестованных. Здесь восставшие встретили сопротивление со стороны монахов Долматовского монастыря: когда селение Долматовское охватила бушующая стихия восстания, с монастырских стен раздались пушечные выстрелы, а из стен монастыря вышел торжественный крестный ход, к которому присоединились не участвовавшие в волнениях. Монахам удалось освободить арестованных начальников, захватить нескольких организаторов восстания и заковать их цепью, прикрепив к монастырской ограде.

По подсчету местной администрации, в пермском движении участвовало до 200 тысяч человек, но, несмотря на широкий размах, волнения страдали обычными недостатками крестьянского восстания: разобщенностью отдельных селений и волостей, неумением участников осознать создавшуюся обстановку и формулировать свои классовые требования, монархическими иллюзиями и ограниченностью выставленных лозунгов

Из Екатеринбургского горного управления была командирована рота солдат с двумя артиллерийскими орудиями, которая направилась в село

Троицкое — центр Камышловского движения. Явившись сюда 26 апреля 1842 года, военный отряд встретил огромную толпу из 6 тысяч человек. окруженную сторожевыми караулами, и узнал, что местные чиновники находятся под арестом. Под давлением вооруженной силы толпа разбежалась, и чиновники были освобождены. Одновременно были двинуты пехотные отряды из Шадринска, мобилизованы казаки и башкирские команды. На место волнений явился исполняющий обязанности генерал-губернатора, который принял на себя руководство усмирением. Начались так называемые «легкие исправительные наказания» и массовые аресты. 588 крестьян было отправлено в местные тюрьмы. Попытки оставшихся на свободе освободить арестованных были отбиты военной силой. По собственному признанию местной полиции, заключенные крестьяне, сидя в острогах, испытывали «крайнее изнурение». Было организовано 4 военных суда, вынесших жестокие приговоры. На основании окончательной конфирмации 153 крестьянина было присуждено к наказанию шпицрутенами по 1000 ударов каждый и ссылке на каторгу или в солдаты, 268 человек — к наказанию шпицрутенами по 500 ударов, а затем к отдаче в солдаты или к ссылке в Сибирь; остальные отделались наказанием розгами [12].

Камышловские волнения 1842 года произвели сильное впечатление на государственных крестьян Пермской и Оренбургской губерний. Происшедшее усмирение не могло остановить глухого брожения, которое охватило широкие массы крестьян. Толки об «уделе» не прекращались. В течение зимы 1842/43 года в Горной Челябе оформилась инициативная группа, которая на основании пережитого опыта решила действовать новыми методами. В состав группы вошли крестьянин деревни Березомысская Челябинского уезда Иван Федоров Федюшин (он же «Люсый») 52 лет, крестьянин села Воскресенское того же уезда Андрей Иванов Варушкин 43 лет, крестьянин деревни Черноярская Кирилл Иванов Милехин 37 лет и отставной солдат Чедачев. По-видимому, эта группа сообща обсудила создавшееся положение и разработала определенный план дальнейшей борьбы. Характерно, что инициаторы нового движения уже не верили в помощь царя и решили подготовить вооруженное восстание, подорвав авторитет царского имени в глазах крестьянского населения. С этой целью они составили подложные указы от имени Николая I и Палаты государственных имуществ. Тексты этих указов должны были убедить крестьян, что они переданы «в удел», т. е. в помещичье владение «господина министра Кульнева» и что эта передача должна быть осуществлена с помощью волостных и сельских начальников. Указы были уснащены разнообразными названиями учреждений, которые в глазах крестьян придавали этим подложным документам особое значение. Текст основного указа был следующий:

«Указ его императорского величества, самодержца всероссийского и прочая и прочая и прочая Святейшего Правительствующего Синода, слушав записку Главного Штаба, приказали генерал-губернатору, разных орденов кавалеру, военному губернатору, гражданскому губернатору — пояснить управляющим государственной и палате казенной, уголовной, гражданской и губернскому Правлению, предписать окруж-

[12] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 283; ф. Штаба корпуса горн. инженеров, 1842 г., д. 1207, ф. I Д, 1841 г., д. 3048, лл. 315—316; 1843 г., д. 5760; ЦГИАМ, ф. III О, 1 эксп., 1842 г., д. 153; МИКП, стр. 71—73; П. Г. Гурин. Картофельный бунт в Пермской губернии, 1842 г. (РС, 1874, май, стр. 86—102); А. Н. Зырянов. Шадринский уезд в апреле 1842 г. («Пермский сборник», 1860, кн. II); его же. Крестьянские волнения в Зауральском крае Пермской губернии в 1842—1843 гг. (РС, 1883, сентябрь, стр. 590—593); Н. Колюпанов. Камышловское дело (ВЕ, 1870, октябрь, стр. 598—618); В. Кокосов. Картофельный бунт (ИВ, 1913, май, стр. 600); «Дело петрашевцев», т. I, стр. 469; С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты, стр. 40—44.

ным начальникам — Стерлитамакскому, Белебейскому, Бузулукскому, Троицкому, Челябинскому взять большое влияние на себя, обязанность предлагать волостным правлениям, сельским расправам и отправиться самому или помощникам взять подписки с жителей от 200 домохозяев и представить в палату государственных имуществ. Свода законов § 258, ст. 487, уложения Петра Великого, ст. 1847. Принадлежат сии крестьяне в удельную контору и распоряжаться будет ими. Подлинный подписал Главного Штаба генерал-фельдмаршал, разных орденов кавалер Финансов и подлинный его императорской рукой Николай I».

Очевидно, пункт о предстоящей подписке должен был насторожить крестьян, в случае если местные начальники потребуют от них обычной подписки в повиновении, а перечисление окружных начальников имело целью заранее восстановить крестьян против местных окружных управлений. Для того чтобы конкретизировать понятие «передачи в удел» и вооружить крестьян против местных органов Министерства государственных имуществ, к царскому указу было присоединено особое «Предложение» следующего содержания:

«Палате государственных имуществ, волостным правлениям и сельским расправам внушить жителям, как можно стараться привести к подписке и говорить, якобы сеять две десятины общественного хлеба на запашке; за то старание получат тройное жалованье, а их подвести под господина министра Кульнева [13] и с каждого венца с них будет положено работой по 3 десятины хлеба, первая — пшеница, вторая — ярица, третья — овса, по три лехи льну, который обрабатывать женщинам, напрясть, выткать хорошею работою полотна, иметь снасть для тканья, берда иметь медные и челноки такой же меди, а над крестьянами будут надсмотрщики у 100 венцов, и хлеб представлять в магазины господские и от 10 от венцов, А если который не может исполнять сего, то на господскую работу 3 дня для себя, 3 дня на господина, и положится урочная работа. А как можно, господа начальники, постарайтесь, пожалуйста, как можно и привесть их каким-нибудь способом к присяге, представить присяжные листы в окружное управление, и приводить к присяге, сказать о подушных податях и донести вообще с рапортом присяжные листы и доставить тех людей, которые будут разглашать о сем жителям, того схватить и представить в окружное управление. Пожалуйста, господа начальники, постарайтесь, еще как вы выполните, то пришлются вам за заслугу кресты и медали. Гражданский губернатор».

Содержание этого подложного документа отразило в себе широко распространенное представление крестьян «об уделе»: за киселевскими циркулярами о заведении общественной запашки, обязательной посадке картофеля, ссыпке яровых семян и так далее крестьяне видели крепостную барщину и крепостной оброк, сопровождаемые надсмотром бурмистров. Обращение к Палатам, волостным и сельским начальникам, так же как упоминание о присяге, должно было указать крестьянам, от кого им обороняться и чего им ожидать от начальства.

Инициаторы движения, несомненно, имели в виду, распространив составленные документы, поднять широчайшие массы государственных крестьян на вооруженное сопротивление «уделу», добиться ликвидации новой административной системы, установить собственное самоуправление и быть готовыми оказать вооруженный отпор военным отрядам. Уже в феврале 1843 года составленные документы были размножены от руки и начали распространяться среди крестьян. Федюшин-«Люсый» лично объезжал различные селения. С документов снимали многочисленные копии, которые хранились тайно в домах отдельными крестьянами.

[13] В некоторых копиях министр именовался Куликовым. Возможно, что в первоначальном тексте был назван Киселев.

После начала движения эти же документы читались на мирских сходах,— они послужили возбуждающим толчком, который поднял десятки тысяч людей на вооруженную борьбу за свободу.

В связи с новым неурожаем, постигшим приуральские районы, продолжавшимися насилиями и вымогательствами местной администрации, почва для возобновления подавленного движения была вполне подготовлена. Крестьяне сами подыскивали различные факты, которые подтверждали в их глазах истинность царского указа: говорили, что новые печати, которые употребляют волостные и сельские начальники, уже не имеют царских орлов, прежнее название государственных крестьян заменено новым названием — «казенные крестьяне»; недаром принуждают крестьян заводить запашку, сажать картофель, сдавать семена, собственными крестьянскими денежками оплачивать новое непрошенное начальство. Лишним доказательством передачи в удел послужили для крестьян действия челябинского казначея, который отказался принять податные сборы от Чумляцкой и других волостей Челябинского уезда, ссылаясь на то, что он не имеет соответствующего распоряжения. Этот мелкий бюрократический эпизод сыграл в глазах крестьян значение крупного подтверждающего факта. Повсюду стали говорить, что скоро начнется принужденная присяга и что к Петрову дню (29 июня) прежняя свобода будет окончательно потеряна. Великим постом 1843 года в разных волостях крестьяне стали отказываться идти на исповедь, полагая, что при исповеди священники, которым не доверяли и в которых подозревали ближайших соучастников предстоящего обмана, будут записывать крестьян «под министра Кульнева». Можно предполагать, что возбуждение против духовенства, которое росло наряду с ненавистью против сельских, волостных и окружных начальников, поддерживалось среди крестьян многочисленными явными и тайными раскольниками: Пермский край имел немалое количество старообрядческих гнезд, населенных поморцами и беспоповцами. Массовое брожение стало выливаться в активные формы: с наступлением весны в различных селениях Челябинского уезда стали устраиваться тайные ночные собрания Одновременно заготовлялось разнообразное оружие. Большую роль в начавшихся волнениях сыграли отставные солдаты, которые должны были взять на себя руководство вооруженными действиями.

Открытые волнения вспыхнули в начале апреля в селении Толстопятовское Каминской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии: крестьяне собрались на сход, устранили прежний состав сельского правления, отобрали у сборщиков собранные суммы общественного сбора и роздали их обратно по рукам. Волнения перекинулись в соседние селения и стали охватывать волость за волостью. Среди крестьян ходили по рукам воззвания о поголовном вооруженном ополчении всех крестьян от 15 до 60 лет на защиту свободы; в них заключался призыв вооруженными, пешими и конными идти на соединение в селение Каменное. В ответ на эти призывы около сельских и волостных управлений стали собираться большие толпы крестьян (от 3 тысяч до 6 тысяч человек). Отцы убеждали идти сыновей, а жены — мужей. Волости Чумляцкая, Кислянская, Воскресенская, Таловская, Куртамышевская, Каменская переживали одинаковые события: крестьяне вооруженными отрядами нападали на сельские и волостные управления, разыскивали указы о передаче в удел, пытали волостных голов, писарей и священников, производили обыски в церквах и домах священников, в некоторых местах опечатывали здания сельских и волостных правлений. Ненавистные «выборные», особенно отличавшиеся своими насилиями и поборами, арестовывались, заковывались в кандалы, обливались на морозе водой, опускались в прорубь, подвергались побоям.

Ненависть крестьянской массы распространялась также на окружных начальников и их помощников. В Куртамышевской волости было разгромлено волостное управление, а помощник окружного начальника Лузин едва спасся от ярости толпы,— крестьяне грозили содрать с него живого кожу. Во многих местах волостные головы, избиваемые толпой, давали подписки о том, что они действительно должны были склонять народ «под министра Кульнева». В одном селении из местного сельского правления был выброшен царский портрет. Повсюду крестьяне разбирали мосты, чтобы помешать военным отрядам подъехать к селениям, и перехватывали правительственных нарочных, чтобы расстроить связи местной администрации. Восставшие селения сносились повестками, которые развозили крестьянские нарочные. Попытка земских исправников и окружных начальников остановить движение сначала словесными увещаниями, а затем с помощью небольших отрядов, были безуспешными. Когда в волнующиеся районы были двинуты башкирские команды, крестьяне стали вступать с ними в вооруженные схватки. Отрядам не давали продовольствия, перехватывали обозы с фуражем и продуктами, высланные из других районов, заставляли команды уходить из селений. Так произошло в селении Песчанское, где была расквартирована большая башкирская команда в 500 человек; другая команда под начальством лесничего Легранжа под натиском вооруженных крестьян должна была беспорядочно отступить из слободы Каменная, являвшейся центром возмущения. В Куртамышевской волости крестьяне преследовали прогнанную команду на протяжении 25 верст, арестовали окружного начальника, а ненавистного земского исправника Деграве обнаженного посадили на шелудивую кобылу лицов к хвосту и прокатили его по слободе, заплевывая и забрасывая грязью. В движении участвовали не только многочисленные отставные солдаты, но также отставной поручик Шихов, который взял на себя исполнение обязанностей писаря и инструктора военного дела. По подсчету местной администрации, в волнениях участвовало 40 тысяч человек. Однако и на этот раз не все население челябинских деревень примкнуло к начавшемуся движению: были несогласные или, как называла их администрация, «благонамеренные», с которыми шла борьба и которых восставшие преследовали, а иногда избивали.

Из Оренбургской губернии волнения распространились на соседний Шадринский уезд Пермской губернии, который уже был затронут движением предыдущего года. Воспоминания о произведенных экзекуциях и мысль о предстоящей крепостной кабале подняли и здесь многие тысячи крестьян. Возмущение сразу приняло бурные формы и охватило волости: Батуринскую, Белоярскую, Песчанскую, Каргопольскую, Верхтеченскую, Ухтянскую, Бродоколмацкую и Мехонскую. Здесь повторились те же события, какие имели место в челябинских деревнях: крестьяне сходились вооруженными массами, осаждали сельские волостные правления, настойчиво искали указа о закрепощении, пытали сельских и волостных начальников, вступали в вооруженные столкновения с командами. В Шадринском уезде еще сильнее, чем в Челябинском, чувствовалось влияние староверческой и сектантской идеологии: тут были особенно озлоблены против православного причта, избивали священников и выражали открытое недовольство церковными обрядами; по-видимому, именно старообрядцами был избит оспопрививатель, так как с раскольничьей точки зрения привитие оспы означало знамение антихриста. Враждебное отношение крестьян во время производимых обысков вызывала к себе «Земледельческая газета», находимая у священников: ее статьи и особенно иллюстрации, ассоциировались в представлении крестьян со всеми остальными нововведе-

ниями, которые ведут к крепостной кабале. В некоторых селениях толковали о предстящей кончине мира. Когда началась страстная неделя, вожаки стали призывать крестьян не ходить в церковь, не прикладываться к плащанице. «Вот это и есть присяга, чтобы быть нам за барином»,— говорили в толпе. Когда духовенство пыталось усмирить волнение крестными ходами, это вызывало не успокоение, а еще больший прилив народного гнева. В первый день пасхи, когда в одном из селений Батуринской волости священник в церковном облачении с крестами и иконами вошел на площадь к бушующей толпе и обратился к ней со словами: «Христос воскресе, православные христиане!», один из крестьян с яростью подбежал к нему, вырвал из его руки крест, бросил его под ноги и, указывая на сельских начальников, поваленных на землю, крикнул: «Вот тебе и Христос воскресе!».

В Бакланской волости после пасхальной заутрени в церкви собралось множество народа, который шумел и кричал по адресу церковного причта: «Миропродавцы! Отдайте дела киселевские и царский указ с золотою строкою на золотообрезной бумаге, с четырьмя орлами на углах!».

В волости Петропавловской, захватив дьячка Стородищева, крестьяне допрашивали его: «Кому веруешь — богу или министру? если богу, то ступай и имей лошадь к войску [14], а если министру, то сту к мосту речки Барковки, будем морозить водой».

Священника Меркурьева грозили привязать к хвосту кобылы или растерзать в клочки.

В Песчанской волости крестный ход, организованный для успокоения восставших, был встречен конными крестьянами, которые стали замахиваться плетьми на иконы. С одного из священников были сдернуты ризы. Весь причт был заключен в церковь, которую кресьяне грозили разбить или сжечь. Умерших закапывали в землю без отпевания и соблюдения 3-дневного срока.

Среди поднявшихся крестьян Шадринского уезда родился план отправиться в уездный город, «перебрать всех чиновников в присутственных местах и разбить тюремный замок, чтобы высвободить содержащихся по возмущению». С этой целью в качестве разведчика был отправлен долматовский крестьянин Терехов — разузнать, как велик караул у острога и сколько чиновников в учреждениях.

Движение против правительственной администрации переплеталось с протестом против местных кулаков: в Каргопольской волости избили не только выборных, но и содержателей оброчных статей. В целом ряде волостей «благонамеренные» и священники укрылись в помещениях церквей, которые подверглись осаде со стороны вооруженных крестьян. В различных селениях крестьяне давали подписку «всем им стоять за бога, за великого государя, друг за друга, до капли крови»,— этим лозунгом они освящали свое движение против передачи их помещикам и установления крепостной кабалы. Из Пермской губернии волнения перебросились в Тобольскую: началось массовое брожение в волостях Курганского и Тобольского уездов, которое готово было вылиться в открытые формы; в селениях, пограничных с Челябинским уездом, начались такие же нападения на сельские и волостные управления, поиски указа о закрепощении, избиения ненавистных «выборных» и писарей.

Наиболее бурные события произошли в селе Батуринское Пермской губернии, которое стало своего рода центром движения: сюда стекались огромные массы крестьян из прилегающих районов и свозилось большое

[14] Т. е. предоставь свою лошадь в распоряжение крестьянских конных отрядов.

количество заготовленного оружия. 8 апреля 1843 года в Батуринское было направлено временное отделение земского суда во главе с земским исправником Черносвитовым, который был хорошо известен своим крутым нравом и прежними экзекуциями. Чиновники явились в сопровождении вооруженной команды из 30 человек, но это нисколько не испугало восставших: тысячи людей сгрудились вокруг приехавшего отряда и заявили исправнику, что они собрались искать указ о передаче в удел, что сельские и волостные «выборные» продали их помещику и что они желают вернуться к прежнему управлению. Объяснения чиновников возбудили еще большее раздражение толпы. На глазах исправника были схвачены и избиты волостной голова и волостной заседатель. По донесению Черносвитова, «главное требование крестьян состояло в уничтожении настоящего управления государственными имуществами, восстановлении прежнего, до открытия нового управления, бывшего порядка, уничтожении шитых кафтанов и жалованья сельскому начальству и особенно уничтожении сельских управлений». Другими словами, крестьяне отчетливо выразили свое враждебное отношение к реформе Киселева и свое требование ликвидировать новые законы о государственных крестьянах. Чиновники чувствовали себя бессильными перед стихийным гневом толпы. Когда солдаты попытались защищать избиваемого волостного голову, они едва не поплатились собственной жизнью. Черносвитову удалось предупредить вооруженную расправу, выдав по требованию крестьян официальное удостоверение о том, что крестьяне по-прежнему будут государственными и в удел не передаются. Воспользовавшись сумятицей, земский исправник вместе с командой ускользнул с площади и засел в доме одного из крестьян. Толпа осадила этот дом и собиралась поджечь его. Целую ночь вокруг дома слышались возмущенные крики и настояния покончить с чиновниками. Утром крестьяне начали штурм дома. Черносвитов организовал сопротивление и выстрелами заставил толпу отступить. Тогда восставшие предложили чиновикам выехать из селения обратно в Шадринск; было ясно, что крестьяне собираются перехватить чиновников по дороге. Черносвитов согласился и, воспользовавшись тем, что толпа отошла от дома, быстро перешел в помещение церкви. Здесь собрались сельские власти, съехавшиеся чиновники, вооруженная команда и часть местных крестьян, не принимавшая участия в движении. Церковь была осаждена вооруженной толпой, которая грозила, что уморит укрывшихся голодом. Снестись с Шадринском Черносвитову не удавалось: на всех дорогах стояли крестьянские пикеты, которые не пропускали ни одного нарочного. Лесничий Фролов, который заменял окружного начальника, пытался установить связь с чиновниками, осажденными в селе Батуринское: он послал одного из своих подручных, запрятавшего записку в подошву сапог, но последний был перехвачен по дороге. 12 апреля башкирская команда из 42 человек во главе с лесничим Фроловым прибыла в Батуринское, но вооруженные массы крестьян грозили перебить ее. Фролову удалось вместе с командой пробраться в церковь. Осажденные, которых было около 200 человек, все более испытывали недостаток пищи и воды. Была произведена попытка сделать вылазку и достать продовольствие, но того, что удалось подвезти: масла, двух мешков муки, сала и хлеба, хватило не надолго. В церкви были устроены внутренние посты, на которых расставлены вооруженные солдаты. Восставшие в свою очередь приняли военные меры: здание церкви было оцеплено стрелками; крестьянская пехота и конница заняли все дороги. Когда новый башкирский отряд из 70 человек под командой станового пристава Ласки появился перед Батуринским, крестьяне разобрали мост, обошли отряд с флангов и заставили отряд обратиться в бегство; его преследовали на протяжении

нескольких верст, стреляя в башкир, рассеявшихся по лесам и перелескам; в результате из 70 человек 20 были убиты и ранены.

В ночь на 13 апреля 1843 года, накануне пасхи, крестьяне перешли к более решительным действиям. К зданию церкви было подвезено несколько возов соломы. Предполагалось сжечь чиновников вместе со всеми, укрывшимися в помещении, но этой попытке помешал неблагоприятный ветер, который дул на селение: крестьяне опасались, что пламя пожара перекинется на их избы. Тогда решили штурмовать осажденную церковь. Вперед выступили стрелки, вооруженные винтовками и державшие перед собой знамя: на длинном древке, увенчанном хвойной короной, развевалось большое полотнище, на котором было написано: «Царские государственные,— не господина министра». Часть осажденных готова была сдаться, но Черносвитов и Фролов, используя соединившиеся военные отряды, решили защищаться. Началась перестрелка. Крестьяне старались разбить церковные двери и проникнуть внутрь помещения. С большими усилиями чиновникам удалось отбить крестьянский штурм. Осада продолжалась. Только 14 апреля, после пятидневной осады, крестьянские пикеты донесли о появлении новой правительственной команды. Тогда, согласно позднейшему донесению Черносвитова, крестьянская конница и пехота построились в боевой порядок развернутым фронтом, заняв позицию более версты в длину. Задержать приближение войска и отбить его наступление восставшим не удалось. Рота Оренбургского линейного батальона в сопровождении двух артиллерийских орудий вступила в Батуринское и прежде всего произвела два холостых артиллерийских залпа. Перед лицом превосходящей вооруженной силы крестьянская толпа рассеялась, побросав оружие: на земле было подобрано 4 тысячи кольев, пик, кистеней, ножей, кос, серпов и винтовок. Начались аресты и массовое сечение розгами захваченных повстанцев.

Однако тысячи крестьян, которым удалось скрыться, не прекратили начатого сопротивления. По волостям были созваны совещания о дальнейшем образе действий. Подходили подкрепления из Челябинского уезда Оренбургской губернии.

Временное отделение земского суда во главе с Черносвитовым, сопровождаемое военным отрядом, двинулось через восставшие волости к слободе Верхтеченская, куда переместился центр крестьянского движения. Туда стали стекаться непокорившиеся крестьяне, по-прежнему вооруженные и готовые продолжать борьбу. 18 апреля на реке Басказыке, невдалеке от Верхтеченской, произошла встреча вооруженных крестьян с правительственным отрядом. Восставшие разобрали мост, и отрядам не удалось перейти на противоположный берег. Вооруженные массы крестьян стали обходить отряд с флангов и открыли против него стрельбу. Началось ожесточенное сражение; при помощи картечи и «батального ружейного огня», как доносил впоследствии Черносвитов, удалось рассеять толпу, уложив на месте 35 убитых и раненых. Вслед за ротой Оренбургского линейного батальона в волнующиеся районы прибыл новый отряд в сопровождении пермского губернатора Огарева и управляющего Палатой Кузминского. Сопротивление крестьян Шадринского уезда было сломлено. Только отдельные, наиболее энергичные крестьяне продолжали начатую борьбу; один из них, Андрей Ильин, из селения Батуринское, заперся в своем доме, оказал вооруженное сопротивление солдатам и пытался поджечь свой дом, а вместе с ним и все село. Но эти одиночные смелые действия быстро подавлялись явившимися отрядами.

Одновременно было подавлено крестьянское восстание в Челябинском уезде. Учитывая широкий размах движения, охватившего многочисленные волости и огромное количество крестьян, оренбургский военный

губернатор Обручев направил в восставшие районы 10 тысяч человек пехоты и конницы в сопровождении 10 артиллерийских орудий. Войско было разделено на 3 части и двинуто тремя отрядами в различных направлениях: отряды полковника Радена и подполковника Балкашина соединились в слободе Каменная, отряд графа Цукато достиг Григорьевской и Таловской волостей. Появляясь в восставших селениях, отряды стремились сразу запугать крестьян, давая холостые артиллерийские залпы. В слободе Каменная при появлении войска крестьяне частью разбежались, частью обнаружили покорность. То же произошло и в слободе Воскресенская. И здесь, и там были организованы публичные экзекуции; особенно жестоким было подавление волнений в слободе Воскресенская. По описанию местного летописца, крестьяне, подвергшиеся истязаниям, представляли собой потрясающее зрелище: «...несчастные после наказания ползали по лугу; одни бессознательно ртом рвали траву и жевали, другие ползли к Боровлянке утолить жажду». После массового сечения розгами начальники отрядов отслужили молебен «с коленопреклонением и многолетием», сопровождавшееся проповедями священников и «сильными внушениями самого Обручева».

В деревне Гагарьева при появлении отряда Цукато крестьяне оказали вооруженное сопротивление. Во главе восставших стояли крестьянин Савва Хромцов, по словам местного летописца,— «человек железной воли», и гвардии унтер-офицер Еланцев, участник боевых походов, кавалер разных орденов. Крестьяне отказались выйти на площадь по вызову начальника отряда: они были уверены, что войска пришли записывать их во владение министра Кульнева. Цукато приказал двум полкам казаков ворваться в крестьянские избы и тупыми концами пик выгнать всех крестьян на площадь. Человек 500 собралось на огромную поветь и, вооруженные дубинами, вступили в рукопашную схватку с казаками. После упорной борьбы сопротивлявшиеся были перевязаны и подвергнуты беспощадному избиению: «... казаки своими нагайками с шеи до ног отпластывали кожу с мясом», «драли многое множество». Еланцев был лично избит графом Цукато.

В течение шести дней войска производили усмирение восставшего Челябинского уезда. После разгрома главных повстанческих центров крестьяне сдавались уже без боя; во многих местах отряды встречались хлебом и солью. Массовые экзекуции были так жестоки и так терроризировали население, что крестьяне, по донесению многих властей, «почти обезумели». Для того чтобы покончить с волнениями в Тобольском уезде, местных крестьян посылали в челябинские волости лично удостовериться, как наказывает правительство всех не повинующихся его власти. Восстание, которое, как опасалась местная администрация, могло перекинуться на винокуренные и, чего особенно боялись власти, на горные заводы, было окончательно приостановлено. На рапорте министра внутренних дел Перовского о прекращении волнений Николай I написал резолюцию: «Слава Богу, что худшего не было», и тут же прибавил: «...признаюсь, радуюсь, что мои старики меня не выдали» (очевидно, у царя было опасение, надежны ли посланные отряды).

В результате приуральского восстания 1843 года были произведены аресты крестьян, которые поражают своими массовыми размерами: в Челябинском уезде было заключено в остроги более 700 человек, а в Шадринском — около 3600 человек. Во всех волновавшихся селениях были расквартированы военные команды. У крестьян было отобрано имевшееся оружие; в одном Челябинском уезде было взято 772 ружья, 134 пистолета, 646 винтовок, 36 пик, 87 сабель. Были организованы военные суды, которые вынесли драконовские приговоры. После обсуждения в различных правительственных инстанциях Николай I утвердил

постановление Комитета министров, которое предписывало: 34 зачинщика наказать 1500 шпицрутенами и ссылкой на каторгу, 118 человек — 1000 шпицрутенами и в большинстве сдачей в солдаты, 13 человек — 500 шпицрутенами, остальных подвергнуть сечению розгами. Особенно пострадали участвовавшие в движении отставные солдаты: они были приговорены к 2000 ударов шпицрутенами, каторге и частично к ссылке в Сибирь. Все расходы по усмирению по установленному обычаю были разложены на самих крестьян. Одновременно на местах были назначены новые чиновники взамен прежних, которых правительство обвинило в преступном послаблении и бездействии [15].

Однако массовое недовольство и брожение, вызванное введением реформы, не было ликвидировано разгромом восстания 1843 года. Уже летом 1843 года в Министерство государственных имуществ поступило донесение о том, что в Шадринском уезде собираются тайные ночные сходки уполномоченных от деревень. Земской полицией был задержан один из участников шадринских волнений крестьянин Жаворонков, при котором были найдены связка дел, похищенных из волостных и сельских управлений, и разные бумаги, написанные после прекращения восстания. При допросе Жаворонков показал, что он был избран крестьянами различных деревень, чтобы ходатайствовать об отмене передачи их в частное владение господину. Брожение наблюдалось в различных волостях Челябинского уезда. В слободе Воскресенская с волнением говорили о неугасимой свече, горящей на могиле крестьянина Постовалова, забитого на смерть во время экзекуции. Волнующие толки и слухи особенно усилились, когда из тюрем стали выходить арестованные крестьяне, а среди оставшихся на свободе стало прорываться негодование против насилий карательных отрядов. Крестьяне Воскресенской волости подали Николаю I коллективное прошение, жалуясь на действия военного губернатора Обручева, на бесчинства военных команд и на произвол волостного головы и писаря. В Кислянской волости широко распространилась версия об ожидаемой помощи со стороны царя. В 1844 году один из участников движения говорил односельчанам: «Молчите и молитесь богу; дело переменится около Евдокии тем, что начальство здешнее, что касается до нового управления, все уничтожится; будет так, как было прежде,— один голова и староста управлять народом; воцарится царь Александр, а между тем уже войска идет много». В мае 1845 года в Окуневском питейном доме отставной солдат Иван Миронов рассказывал крестьянам, что смерть императора Александра I покрыта неизвестностью, кто был в гробе, «известно богу», а «цесаревич Константин лет 17 назад проехал на Иртышскую линию». Отсюда было недалеко до распространения традиционной версии о предстоящем прибытии великого князя Константина, вероятно, не без связи с константиновской легендой 1826 года. В июне 1845 года Николаю I было доложено, что в деревню Гороховая Челябинского уезда, по выражению крестьян, приезжал какой-то гость; по их предположениям, это был цесаревич Константин Павлович, который появлялся «в разных видах,— иногда

---

[15] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1842 г., д. 283, лл. 460—465, 466—469, 476—483; 1843 г., д. 477; ф. I Д, 1843 г., д. 5048, ч. I и II; 1844 г., д. 6632; 1845 г., дд. 6984, 7370; ф. ревизии сенатора Пещурова, 1842 г., д. 56, лл. 16—17; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1843 г., д. 123; СОГА, ф. 12, 1842—1843 гг., д. 123; «Дело петрашевцев», т. I, стр. 469—472, 487, 491, 494; МИКП, стр. 93—96; М. С. Валевский. Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842—1843 гг. (РС, 1879, ноябрь, стр. 411—432, декабрь, стр. 627—646); Н. Середа. Позднейшие волнения в Оренбургском крае (ВЕ, 1868 г., №№ 4 и 8); А. Зырянов. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 г. («Древняя и новая Россия», 1879, ноябрь); С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты, стр. 45—51; *А. П.* Обозрение пермского раскола так называемого «старообрядства». СПб, 1863, стр. 50—51.

с казаком, иногда с солдатом,— сказывая, что у него расположено войско в Киргизской степи, за Усть-Уйскою крепостью, около реки Обуги, которое с ним вступит в Челябинский уезд для освобождения содержащихся в Челябе крестьян и для лишения жизни волостных и сельских начальников и тех крестьян, которые в 1843 году не хотели участвовать в беспорядках, причем требовал денег и письменного согласия». Крестьяне стали созывать сходки и составлять тексты новых прошений. Николай приказал во что бы то ни стало разыскать самозванца. Были произведены многочисленные аресты, а в одной из деревень Тобольской губернии был захвачен бывший ссыльно-каторжный Константин Калугин, который выдавал себя за великого князя Константина. Так, разбитое в открытом бою, сознавая свое бессилие, крестьянство искало моральной опоры и утешения в традиционных иллюзиях и надеждах на царскую помощь [16].

4. Волнения 1842—1850 годов в центральных губерниях

Массовые протесты против реформы Киселева вспыхнули также в центральных губерниях Европейской России. Ближайшими поводами волнений служили и здесь распоряжения Министерства, напоминавшие крепостническое удельное управление,— о посеве картофеля, о заведении запашки и др.; почва для протестов была подготовлена, как и в других районах, насилиями и поборами крестьянских «выборных» и местных чиновников. В промышленных губерниях протесты были менее активными и немногочисленными: самые условия экономической жизни этого района облегчали крестьянам несение увеличенных повинностей. В земледельческих губерниях волнения проявились с большей силой и захватили большее пространство. Местами по своему размаху, упорству и бурной форме они напоминали крестьянское движение в северных губерниях и в Приуралье.

В 1842 году обнаружилось массовое недовольство крестьян Московской губернии министерскими распоряжениями о посадке картофеля: в селении Язвиц Волоколамского уезда крестьянин Семен Андреев убеждал крестьян не допускать посадок картофеля; под влиянием этой пропаганды несколько селений отказались подчиняться распоряжениям Министерства. Следствие установило, что между грамотными крестьянами Волоколамского и Рузского уездов получила распространение рукопись под заглавием «Книга греческая Златоструй; толкование от апостолов христовых о антихристе, како придет, родится и воцарится». Рукопись была привезена из Москвы крестьянином Федором Яковлевым, работавшим на фабрике купца Тюляева. Сопоставляя предсказания этого хилиастического сочинения с фактами окружающей действительности, крестьяне находили полное совпадение тех и других: упоминание о сборе с каждой души «по пяти четвертей шевелей» они истолковали как принудительные посадки и засыпку картофеля; «приставниками, с печатью чувственного, с прописанием клейма тиранства» они сочли окружных начальников и их сельских агентов, а под «делами Николаитскими» («их же аз ненавижу») — указы Николая I, направленные к новому отягощению крестьянства. Характерно, что такое идеологическое освящение нараставшего протеста сложилось в земледельческом малоземельном районе Подмосковья, где каждый клочок крестьянской пашни, отбираемый под картофель, дорого ценился населением. Протест вылился в пассивную форму отречения от «идольского хлеба» как предвестника скорого пришествия антихриста и конца греховного мира.

[16] ЦГИАЛ, ф. Канц М, 1843 г., д. 505, л. 176; ф. ДПИ, 1843 г., д. 477; ф. I Д, 1845 г., д. 6984.

К такому выводу о настроении деревни пришел чиновник, командированный в село Язвиц, переодетый богомольцем и лично беседовавший с крестьянами. Семен Андреев и его единомышленник Егор Ильин были преданы суду за свои «возмутительные действия» [17].

В мае 1842 года в нескольких деревнях Зарайского уезда Рязанской губернии — Полибина, Леонова, Дмитриевка, Княж — крестьяне тоже отказались выполнять распоряжение окружного начальника о посадке картофеля. Как видно из документа Министерства юстиции, крестьяне «прибыли к нему, окружному начальнику, в деревню Полибина целыми сходками и с криком объявили, что они на введение картофельной запашки не согласны и рабочих не дадут, невзирая на сделанное им убеждение». Наряд на рабочих и земледельческие орудия не был выполнен. Окружный начальник приказал посадить картофель при помощи найма вольных рабочих, а произведенные расходы разложить на крестьян. Отказавшиеся были привлечены к суду Уголовной палаты, которая присудила их к наказанию розгами и к возмещению произведенных расходов. В августе 1842 года крестьяне Михайловского уезда той же губернии, несмотря на все убеждения окружного начальника, отказались от введения общественной запашки. Местные органы Министерства настаивали перед центральной властью на принудительном введении запашки, но Киселев признал невозможным пойти на такую меру ввиду упорного нежелания крестьян [18].

Такие же волнения имели место в Кромском уезде Орловской губернии. Здесь крестьяне селений Стрелецкое и Пушкарное решительно отказались сажать картофель. Их примеру последовали другие сельские общества: Болковское, Хмелевское и Закромский хутор. Напрасно окружный начальник ссылался на то, что крестьяне год тому назад вынесли добровольные приговоры о посадке картофеля (очевидно, приговоры были «заочными», т. е. составленными без ведома и участия крестьян писарями и старостами). Весной 1842 года к окружному начальнику явилась толпа из 700 человек; не получив удовлетворения своей просьбы, крестьяне обратились к сенатору Бегичеву, ревизовавшему в это время Орловскую губернию. По донесению властей, они проявили «своеволие и неуважение к местной власти». Все увещания и настояния окружного начальника и Палаты государственных имуществ остались безуспешными. Подобные же события произошли весной 1842 года в Борковской волости Ливенского уезда Орловской губернии. Самое продолжительное и упорное сопротивление было оказано крестьянами селения Гатище Ливенского уезда. По донесению местной администрации, здесь проживали явные и тайные сектанты (по-видимому, духоборы). Село завоевало себе славу непокорного еще при старом управлении Казенной палаты. Создание нового громоздкого аппарата и его вмешательство в крестьянскую жизнь уже в 1841 году вызвали массовое недовольство и брожение. Протест стал прорываться в открытой форме по самым разнообразным поводам. Когда в 1842 году были назначены выборы сельских начальников, крестьяне отказались производить их, а когда должностные лица были все-таки избраны под давлением власти, вступили с ними во враждебные столкновения. Летом 1844 года крестьяне протестовали против взыскания недостающих семенных запасов для пополнения хлебных магазинов; когда сельская расправа приговорила трех человек к телесному наказанию, а нескольких — к тюремному заключению, группа крестьян не допустила исполне-

---

[17] ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1842 г., д. 211; КД, I, стр. 49; ф. ГС Департамента общих дел, 1843 г., д. 22, л. 42.

[18] ЦГИАЛ, ф. МЮ, угол. отдел. Департ.; 1844 г., д. 1584; ф. I Д, 1841 г., д. 3810, лл. 120—121.

ния приговора; во главе протестантов действовал отставной унтер-офицер. Летом 1844 года в Ливенском уезде началась работа оценочной комиссии по переложению податей с душ на землю и промыслы; крестьяне должны были произвести пробный зажин хлеба и избрать добросовестных мерщиков. Предвидя неизбежное повышение податей, гатищенские крестьяне не допустили взять пробу и производить исследование на их землях, отказались избрать «добросовестных» и предоставить землю под общественную запашку. Только личное вмешательство управляющего Палатой дало возможность комиссии произвести нужное обследование. Постоянные столкновения с администрацией обострили враждебные отношения между крестьянами и чиновниками. Из Палаты в Министерство шли постоянные жалобы, требовавшие привести в покорность волнующихся и не желающих повиноваться гатищенцев; в свою очередь крестьяне подавали прошения в высшие инстанции, непрерывно жалуясь на местных чиновников. В 1844 году они послали в Петербург ходоков, которые представили жалобу самому Николаю I.

Чтобы сломить упорное сопротивление крестьян, губернские власти с разрешения центральных органов расквартировали в селении 2 роты Тульского егерского полка; в то же время было арестовано 35 неподчинявшихся крестьян, из них 10 были наказаны плетьми, а 7 умерли в заключении. Местные «выборные» и солдаты военной команды производили у крестьян массовые хищения; по вычислению жалобщиков, «голова Борщов и старшина Хитрых ходили по домам с солдатами, забрали самовольно у жителей села... холста 2415 аршин, денег на вино 408 рублей, овчин и проч. на 439 р. 20 к., съестного припаса 444 пуда, кур 872, уток, гусей и индеек 98 штук, поросят 56, подвод 1200». В июне 1845 года крестьяне вторично отказались избирать добросовестных мерщиков, за что 18 человек было предано суду и поплатилось тюремным заключением. После этого гатищенские крестьяне избрали поверенным Николая Бичурина, который отправился в столицу и подал 2 прошения: шефу жандармов и наследнику.

В ноябре 1844 года, когда предстояло избирать должностных лиц, крестьяне снова отказались от производства выборов, мотивируя свои действия словами: «Не желаем, не хотим и имеем дела́, заведенные против начальства, и будем ожидать решения». На этот раз администрация приложила настойчивые усилия, чтобы сломить единодушие крестьянской массы; чиновникам удалось добиться согласия сначала от 108 человек, затем еще от 7, но остальные в количестве 94 человек продолжали отказываться от участия в выборах. В марте 1846 года в село Гатище был поставлен на экзекуцию драгунский полк, который начал действовать еще грубее, чем тульские пехотинцы. Но это не сломило упорства крестьян. Через месяц население села отказалось давать подводы, а 26 апреля не приняло платежных книжек. По донесению управляющего Палатой, протесты гатищенцев носили принципиальный характер: «Неповиновение означенных крестьян не ограничивается одним отказом от выборов, а вообще не хотят покориться никаким новым учреждениям и признавать власть сельского управления и расправы». В июле 1846 года в Гатище приехал со специальной целью выяснить создавшуюся обстановку член совета Министерства государственных имуществ Шульгин, который признал расквартирование полка мерой нецелесообразной. В личном письме к Киселеву он писал: «Назначение военного постоя, препятствуя обнаружению явного буйства, нисколько однако же не пособляет существу дела, а напротив, усугубляет ожесточение и вкореняет в непокорных мысль, что они — мученики, обреченные на это состояние чьим-то злобным произволом; по необходимости они покоряются этой силе, ненавидя эту силу, их смиряющую, и ставя себе в заслугу теперешнее свое положение».

Однако гатищенские крестьяне не переставали верить в милость царя и надеялись получить от него удовлетворение своих жалоб: они подали Николаю I новое прошение, в котором описали все бедствия, которые они пережили от военного постоя. Помимо незаконных поборов, писали крестьяне, «солдаты этого эскадрона старались всячески нас разорить, забрав у всех зимою весь без остатка овес, не оставили нисколько на обсеменение полей, которые и остались пустыми и отданы по необходимости в наем под посторонний посев, дабы не все пропало, но начальство приказывает этим разоренным хозяевам земли, чтобы они у наемщика сеянный ими хлеб отняли и взяли себе, не отдавая им назад из взятых денег. Вот дожили мы до какого нравоучения. Сверх того еще солдаты, допущенные до всякого самовольства, что уничтожили у нас на огородах все почти овощи, так что оставили нас к зиме даже без капусты». Кроме того, крестьяне жаловались, что чиновники применяли к ним жестокие наказания — «по 400 и до 500 розог, напрося полкового майора Иванова через полковых солдат». Жаловались они также на принудительную барщину: «...гонят общество наше на работу по 25 человек в день, с 5 до 20 число мая, с 20 по 28 число 50 человек, с 28 по 5 число июня по 60 человек под присмотром солдат, якобы за непослушание и бунт против сельских начальников». Крестьяне заключали свое прошение мольбой освободить их от постоя и военной экзекуции как «невинно страждущих и раззоренных, лишенных почти земного пропитания». Разорение крестьян не отрицали ни Шульгин, ни местная администрация. В январе 1847 года Орловская палата государственных имуществ доносила в Министерство: «Не повинующиеся властям крестьяне села Гатища от продолжительного и многолюдного расквартирования у них воинского постоя доведены до такой бедности, что больше уже не имеют средств продовольствовать своим хлебом постояльцев, а между тем, оставаясь в той же непокорности, не должны быть освобождены от постоя». По докладу Киселева, Николай приказал учредить специальную комиссию в составе орловского военного губернатора, управляющего Палатой и губернского прокурора для выяснения «подстрекателей и главных ослушников и выселения их в другие губернии».

Ко всем остальным бедствиям прибавилось новое: ввиду отсутствия у крестьян запасов овса правительство распорядилось покупать фураж для драгунского полка, а сумму, истраченную для этой цели, в размере 1479 рублей 31,5 копейки разложить на тех же крестьян. Так как гатищенцы, изнуренные продолжительным постоем войск, едва-едва уплачивали подати и еле отбывали многочисленные натуральные повинности, было решено рассрочить указанную сумму на 6 лет. Итогом этой продолжительной борьбы было принудительное выселение 35 семейств в Оренбургскую губернию. Оставшиеся, по донесению Палаты, разоренные и упавшие духом, перестали как следует заниматься хозяйством и не имели для пропитания даже хлеба [19].

Еще более крупные волнения против реформы Киселева развернулись в Тамбовской губернии. И здесь, как в других районах, крестьяне были возмущены поборами и насилиями агентов нового управления во главе с окружными начальниками, которые не гнушались даже подделкой официальных документов. Особенно сильное недовольство чувствовалось среди крестьян селения Козловка Борисоглебского уезда и прилегающих к нему деревень. По донесению местной администрации, здесь жили открытые и тайные молокане, которые отличались и большей духовной независимостью, и большей сплоченностью действий. «Последователи этой ереси,— доносил впоследствии флигель-адъютант Бутурлин,— дыша ненавистью

---

[19] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1841 г., д. 3810, лл. 60—61; 1844 г., д. 6077; ф. ДПИ, 1845 г., д. 398; МИКП, стр. 125.

к правительству, нередко позволяют себе дерзкие и противозаконные поступки, клонящиеся к поруганию святыни православной веры, к оскорблению священного имени государя императора и к унижению в глазах народа достоинства правительства». В секту молокан шли наиболее энергичные и смелые элементы крестьянства. Уже в 1841 году в районе имели место отдельные случаи неподчинения власти. В мае 1841 года крестьянин Антон Шаин, живший в селе Алгасово, «оказал явное ослушание и дерзость при взыскании с них податей». В селе Пичаево в июле 1841 года крестьянин Понкрашев, по донесению чиновников, «возмущал крестьян к неповиновению установленным властям и произносил на счет начальства неприличные слова, говоря на базарной площади, что он сорвет кресты с управляющего палатой, который не принял от него прошения как от поверенного крестьян». В 1842 году Понкрашев убеждал крестьян не платить подати и недоимки. В мае 1842 года в селе Мордов 7 крестьян на мирском сходе не согласились на обсеменение земли, отведенной под общественную запашку, и увлекли за собой все сельское общество; затем крестьяне самостоятельно заменили старшину и старосту вновь избранными лицами.

Толчком к усилению недовольства и к началу открытой борьбы тамбовского крестьянства против местных органов Министерства было событие, характерное для нравов министерских чиновников: сельское общество Козловки сдало купцам мирские оброчные статьи под условием покрытия съемщиками всей общественной недоимки. Однако купцы, стакнувшись с волостной и сельской администрацией, нарушили заключенное условие,— они не только присвоили себе мирскую землю в размере 120 десятин, но и передали часть арендных денег вместо казначейства сельским сборщикам. Впоследствии оказалось, что сборщики растратили из этой суммы 8 тысяч рублей; можно предполагать, что эта «растрата» была произведена с ведома окружного начальника и в сущности означала недоплату со стороны купцов установленной арендной суммы. За крестьянами осталась непогашенной недоимка в 2361 рубль 25 копеек. Крестьяне этого не знали, и когда последовал манифест 1841 года о сложении половины подушного оклада, жители села Козловка и прилегающих деревень были уверены, что они должны вносить подати только за половину года. Но администрация рассудила иначе: за спиной крестьян и не извещая их об этом, Палата произвела зачет непогашенной недоимки; таким образом, сельское общество по-прежнему оказалось обязанным уплачивать подати не за половину года, а за весь год. Когда начался сбор излишних повинностей, крестьяне решили, что их обманывает начальство, что царь простил им часть податей, а волостные и сельские начальники во главе с чиновниками утаивают крестьянские деньги. Кроме того, у крестьян накипело недовольство за непрерывные поборы: с каждых 20 душ «выборные» взимали по барану, с каждого двора — по курице и караваю хлеба и с каждой души — деньгами по 9—10 копеек.

Из среды козловских крестьян выдвинулись энергичные руководители: Василий Миронов Попов и Ефим Никитин Панферов. Особенно выделялся своей энергией Василий Попов,— по характеристике флигель-адъютанта Бутурлина, «умный, деятельный, предприимчивый» агитатор, который «являлся душою каждого схода» и зачинщиком каждого протеста. Стали созываться крестьянские сходки, на которых составлялись прошения сначала окружному начальнику, затем Палате государственных имуществ, а когда эти первые обращения крестьян остались без ответа,— шефу жандармов и самому Николаю I. Крестьяне жаловались на своих сельских и волостных начальников, требуя расследования и возвращения им растраченных мирских денег. Ответом на жалобы были агрессивные действия со стороны местной администрации: волостной голова избил жалобщиков, а помощник окружного начальника высек часть крестьян; приехавшие чинов-

ники грозили крестьянам Сибирью и заявляли, что те завели у себя «содом и гоморру». Тогда жители Козловки обратились с жалобой к Киселеву. Расследование со стороны губернской администрации подтвердило все факты, указанные крестьянами. Тем не менее и Палата государственных имуществ, и губернатор постарались замять начатое дело, а Василия Попова обвинить как опасного возмутителя, который должен быть арестован и наказан. В июне 1842 года в Козловку приехал в сопровождении 7 отставных солдат становой пристав, попытавшийся захватить Попова; на крестьянского вожака был накинут аркан, но крестьянам удалось силой отбить его от солдат. После этих событий в районе стало еще более расти недоверие к Министерству и крепнуть готовность обороняться и отстаивать свои права. Картофель, посаженный по приказу Палаты, был вырыт и разбросан, старшина был сменен, в некоторых прилегающих деревнях крестьяне отказывались от запашки и от платежа податей. Василий Попов в качестве крестьянского поверенного отправился в Тамбов подать новую жалобу в Палату государственных имуществ, а когда эта жалоба не дала никаких результатов, поехал в Петербург и подал прошения Бенкендорфу и Николаю I. Местной администрации было приказано расследовать крестьянские заявления. Однако чиновники по-прежнему не торопились, а у крестьян сложилось твердое убеждение, что местное начальство заинтересовано в сознательном сокрытии преступников.

Когда Василий Попов в мае 1843 года возвратился из Петербурга, была созвана мирская сходка. Попов дал отчет о своей поездке и постарался возбудить у сельского общества бодрость и надежду на окончательную победу. Крестьяне верили Попову и дали ему наказ снова отправиться в Петербург, чтобы подать новое прошение царю. Попов развил необычайную энергию: приехав в столицу, он подал от имени крестьян жалобы различным министрам, шефу жандармов и Николаю I. В Тамбове он явился к сенатору Куруте, который ревизовал в это время Тамбовскую губернию. Несмотря на розыски полиции, Попову удалось беспрепятственно вернуться в Козловку и здесь, ускользая от преследования начальства, созвать тайные крестьянские совещания и продолжать руководить начатой борьбой. Разделяя и используя монархические иллюзии крестьян, Попов выражал уверенность, что царь поможет народу, что нужно ожидать в Козловку приезда наследника и министров, которые явятся с двумя полками гусар и наведут должный порядок. 15 февраля 1844 года волостной голова Булавин сумел разыскать и арестовать Попова, но крестьяне, собравшись толпой в 50 человек, снова освободили Попова, а волостного голову и писарей арестовали и заковали в кандалы. Понятые, собранные из окрестных селений, проявили сочувствие козловским крестьянам; они не оказали никакой помощи волостному голове и самовольно разошлись по домам. Сельское управление было обновлено крестьянами; во главе общества в качестве сельского старшины был поставлен Филипп Попов (по-видимому, родственник Василия Попова). Доверие крестьян к местной администрации окончательно рушилось, а по отношению к местному духовенству проявлялась открытая вражда. Ожидая возможного военного усмирения, козловцы решили не сдаваться, а продолжать борьбу. Филипп Попов проявил большую активность; он собирал мирские сходы, расставлял караулы и заготовлял оружие. Всем крестьянам были розданы записки «нужное» и «весьма нужное»: первая записка означала, что получивший ее крестьянин в назначенный момент должен явиться с дубиной, а вторая,— что крестьянин должен прийти с пикой. Некоторые из толстых дубин были окованы железными набалдашниками и наконечниками. Во все селения Козловской волости был разослан призыв собираться на помощь. Было постановлено при первом ударе набатного колокола явиться на сход и вручить старшине розданные записки, чтобы можно было проверить, кого недостает при

отстаивании общего дела: неисправных крестьян должны были специально вызывать десятские. Всех поднимала вера в могучую силу совокупного действия. Впоследствии флигель-адъютант Бутурлин так характеризовал настроение козловских крестьян: «Поселяне в невежестве своем взирают на начальство и общество как на два противоположные и как бы соперничествующие и враждебные начала, а из подобного образа мыслей естественно следуют беспрерывные колебания умов, убеждение, что преследуемые начальством люди суть жертвы, погибающие за усердие к обществу, и предположение, что единородное действие целого общества одно только может служить оградою от угнетений недоброжелательствующих начальников». То, что сиятельный чиновник называл в своем высокомерии «невежеством» крестьян, было чувством классового единства, возбужденным и усиленным систематическими злоупотреблениями феодальной администрации.

21 февраля 1844 года в селение Козловка явилось временное отделение земского суда в сопровождении 16 солдат инвалидной команды. От крестьян потребовали выдать Василия Попова и освободить волостного голову. По предварительному сговору крестьян раздался набат. Сбежавшаяся вооруженная толпа напала на чиновников и смяла команду; исправник был избит, а понятые разбежались. Земский суд должен был выехать из Козловки. Тогда губернская администрация мобилизовала крупные силы для подавления расширяющегося движения. 25 февраля в Козловку явился тамбовский губернатор вместе с управляющим Палатой, предводителем дворянства и жандармским штаб-офицером; их сопровождало несколько рот солдат, а в качестве понятых — дворовые помещика Траубенберга, посаженные на коней. Снова раздался звук набата, и снова на площади Козловки собралась толпа крестьян численностью до 700 человек, в том числе отставные солдаты, способствовавшие большей организованности движения. Губернатор приказал военному отряду двинуться вперед, вплотную подступил к толпе и старался угрозами и уговорами побудить крестьян к покорности. Крестьяне не стали слушать губернатора; с криком «ура!», подняв дубины и пики, они первые бросились на роту солдат. Нападение было так неожиданно и смело, что первые ряды солдат смешались, и началась рукопашная схватка. Солдаты действовали штыками и огнестрельным оружием, крестьяне — дубинами и пиками. По словам губернатора, «ожесточение бунтовщиков было невероятно: проколотые штыками и пробитые пулей, они все еще били солдат дубинами». Но силы были далеко не равными: теснимые военным отрядом, крестьяне дрогнули и нестройной толпой побежали по улице. На земле осталось лежать 13 убитых и 22 раненых. Одной из солдатских пуль было пробито окно сельской расправы, у которого стояла женщина с грудным ребенком; мать была убита на месте, а девочка ранена. Губернатор доносил, что большую роль в подавлении восстания сыграла дворовая конница Траубенберга,— именно она спасла губернатора от внезапного и неудержимого нападения толпы.

После поражения в Козловке крестьяне внешне покорились начальству, но во всех деревнях волновавшегося района продолжалось брожение и созывались ночные сходки. Чтобы окончательно подавить попытки протеста, администрация расквартировала по избам батальон Бутырского пехотного полка. Когда донесение о событиях достигло Петербурга, Киселев ответил ревизовавшему сенатору Куруте: «...сколь ни сожалительно настоящее происшествие, но его величество одобряет решительные меры, употребленные губернатором, которыми зло прекращено в самом начале».

В Тамбовскую губернию был отправлен флигель-адъютант Бутурлин и назначена специальная комиссия для расследования дела. Следователи подтвердили систематические злоупотребления волостных и сельских вла-

стей, окружных начальников и местной полиции, подтвердили и «невероятное бездействие» администрации: волокиту и равнодушие к крестьянским жалобам. Вместе с тем следователи попытались опорочить Василия Попова, обвинив его в том, что он сам был растратчиком и попытался замести следы, выступая поверенным от крестьян. Главную вину Бутурлин и комиссия возлагали на местную секту молокан, к которой принадлежали наиболее видные крестьянские вожаки. Суду было предано 80 человек, но это не остановило крестьянской борьбы. Василию Попову удалось скрыться; он продолжал подавать прошения Николаю I, пока его не арестовали и не предали суду вместе с другими крестьянами. Согласно окончательному приговору Василий Попов и Ефим Панферов были присуждены к 2000 ударов шпицрутенами и ссылке на каторгу, 5 крестьян — к 1000 ударов шпицрутенами и отдаче в арестантские роты или ссылке на поселение в Сибирь, 23 крестьянина — к наказанию шпицрутенами и палками и к сдаче в солдаты. Остальные участники волнений по первоначальному приговору должны были получить каждый десятый по жребию по 500 ударов палками, но Николай объявил, что он их прощает. Одновременно были сняты с должностей наиболее скомпрометированные чиновники, а управляющему Палатой был вынесен официальный выговор за медлительность и бездействие.

Хотя тамбовское движение 1841—1844 годов не выдвинуло таких отчетливых и ясных лозунгов, как восстание в Приуралье, однако и здесь можно проследить ту же руководящую тенденцию борьбы: крестьяне восстали против нового управления, боролись против усиления феодальной эксплуатации, стремились отстоять свою относительную свободу. Принадлежность к молоканской секте была усиливающим, но не основным и решающим моментом движения [20].

Последним проявлением массового протеста против реформы Киселева были волнения курских однодворцев в 1850 году. Введение новой системы управления с самого начала вызвало недовольство и брожение в однодворческих деревнях. В Тимском уезде, в деревнях Зуевка, Донецкая Семица и Сараевка, населенных 1132 душами мужского пола, брожение вылилось в открытую форму. Одному из однодворцев деревни Зуевка, Дмитрию Афанасьеву Гридасову, удалось получить некоторые официальные документы, в том числе манифест 1839 года о привилегиях западных однодворцев. Эти бумаги утвердили и самого Гридасова, и его односельчан в глубоком убеждении, что местное начальство попирает их права и не считается с царской волей. Гридасов уверял крестьян, что Курская губерния тоже западная и что поэтому им как однодворцам западной губернии следует подчиняться земской полиции, а не управлению государственными имуществами, что рекрутов не надо давать до тех пор, пока на это не последует особого указа. Традиционное стремление однодворцев отстаивать свои старые преимущества столкнулось с противоположной тенденцией Министерства и Палаты государственных имуществ уравнять однодворцев с остальными государственными крестьянами. Когда в 1850 году были объявлены указы о 9-й народной переписи и об 11-м рекрутском наборе, помощник окружного начальника Золотарев приказал записывать однодворцев в ревизские сказки государственными крестьянами. Этого было достаточно, чтобы однодворцы Зуевки и прилегающих деревень отказались от всякой записи в сказки и от сдачи рекрутов. Стремясь остаться однодворцами, какими были их деды и прадеды, зуевские крестьяне больше всего думали о сохранении своей «четвертной» земли, которая принадлежала им на праве собственности: они опасались что утрата однодворческого звания неизбежно

---

[20] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1844 г., д. 6666; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1844 г., д. 104; МИКП, стр. 111—112; КД, I, стр. 59—60; Дубасов. Очерк из истории Тамбовского края, вып. 1, стр. 55; П. Г. Рындзюнский. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842—1844 гг. (ИЗ, т. 54, М., 1955).

повлечет за собой потерю принадлежащих им земельных угодий. Палата государственных имуществ разрешила записывать жителей однодворцами, а не государственными крестьянами. Тем не менее борьба однодворцев не прекратилась: они заявили, что «записываться не желают, а хотят жить точно так же, как жили их предки, и находиться под начальством земской полиции. Палате же государственных имуществ они как потомки однодворцев подчиняться не желают и ожидают скоро об этом какого-то указа». В волнующееся селение прибыло временное отделение земского суда во главе с жандармским капитаном Герасимовым. Однако властям не удалось подавить волнение и арестовать вожаков: по словам официального донесения, собравшаяся толпа с «азартностью бросилась к отделенным от нее зачинщикам» и «с криком, произнося грубости, заявила, что все пойдут туда, куда пошлют их «главных путеводителей».

В однодворческие деревни прибыли курский губернатор и ревизовавший губернию сенатор Дурасов в сопровождении двух эскадронов Сибирского уланского полка. Вооруженный отряд заставил крестьян смириться. Начались аресты и следствие. Уланы были расквартированы по крестьянским избам и, как обычно, начали чинить в деревне насилия и вымогательства. От солдат не отставал и земский исправник Есипов: как видно из последующей жалобы однодворцев, уланы расхищали их имущество, а Есипов не только жестоко наказывал крестьян, но и «вымогательским образом» забрал у них 400 рублей ассигнациями. Ревизские сказки были составлены, рекруты были взяты. По приговору военного суда Гридасов как главный возмутитель «за дерзость в высшей степени и даже во время производства над ним военного суда, за неповиновение во время содержания его в смирительном доме и побег из него» был лишен всех прав состояния, наказан шпицрутенами через 1000 человек 6 раз и сослан на каторжные работы на 8 лет; 11 крестьян было приговорено к наказанию шпицрутенами по 4000 и 5000 ударов и к каторге от 6 до 8 лет. Губернатор смягчил приговор военного суда: двое были приговорены к 1000 ударам шпицрутенами и к 6-летней каторге, один — к 500 ударам шпицрутенами и к 5 годам каторги, 10 однодворцев — к 60 ударам розог и к ссылке в арестантские роты на 2 года. Жалоба крестьян губернатору на притеснения и насилия команды и земского исправника была оставлена без последствий [21].

5. Волнения 40-х годов в западных районах

В западных районах реформа Киселева не вызвала такого массового и бурного протеста, какой наблюдался в северных, восточных и отчасти в центральных губерниях: реформа мало изменила здесь хозяйственное и бытовое положение крестьянства. В начале 40-х годов государственная деревня Прибалтики, Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины по-прежнему оставалась на барщине под властью частных арендаторов. Нововведения, которые предусматривали законы 1838—1841 годов, вносили даже некоторое улучшение в экономическое состояние государственной деревни. Тем не менее классовая борьба не прекращалась и в этом районе, сохраняя свои прежние специфические черты. Ближайшей задачей западных крестьян было освободиться от ненавистной арендной системы, которая систематически и неуклонно подрывала крестьянское хозяйство. В этом отношении крестьянские волнения 40-х годов мало отличались от предшествующих волнений 1800—1837 годов.

Прежде чем новое Министерство успело опубликовать Положение 1839 года об управлении западными имениями и создать новые органы

---

[21] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1850 г., д. 719; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1850 г., д. 176; КД. I, стр. 93.

местной администрации, возобновились волнения в Люцинском старостве Витебской губернии, которые имели уже место в 1836 году. Весной 1839 года крестьяне Михайловского фольварка отказались от выполнения повинностей арендатору Яновскому и адресовали Николаю I жалобу на его самоуправство и беззакония. По словам крестьян, Яновский присваивал себе оброчные суммы за пустопорожние земли, расхищал казенные запасы семян, отдавал жителей староства на подрядные работы и т. д. Толпа крестьян явилась в волостное управление и с угрозами потребовала от сельских начальников поставить на жалобе официальную печать. Затем крестьяне направились в Казенную палату, которая формально еще продолжала управлять государственной деревней. Земский исправник, а затем военный уездный начальник, командированные губернатором, попытались уговорить крестьян прекратить начатую борьбу. Выяснилось, что руководящая роль в волнениях принадлежит трем крестьянам: Михаилу Тарасову, Никите Парфенову и Петру Панфилову, которые возглавляли движение 1836 года, были преданы военному суду, но бежали раньше выполнения приговора. Крестьяне скрывали их в своих домах и продолжали руководствоваться их советами. Единодушие поднявшихся крестьян не удалось сломить словесными увещаниями; не удалось также организовать следствие и арестовать наиболее виновных. На допрос явилась толпа крестьян, которые решительно заявили, что «не выдадут своих одновотчинных крестьян и к допросу идти им не позволят, а если хотят, то пускай всех берут». 8 мая 1839 года на место волнений прибыл гражданский губернатор в сопровождении военного отряда. Была созвана волостная сходка, которую оцепили казаками. Губернатор потребовал избрать уполномоченных, которые тут же были допрошены и затем арестованы. Через некоторое время властям удалось захватить бежавших вожаков движения. Чувствуя свое бессилие, крестьяне капитулировали. В результате следствия губернская администрация переложила ответственность за насилия и самоуправство арендатора на волостное правление, во всем обвинив старшин, произвольно назначенных администратором. Николай I, получив донесение о происшедших событиях, выразил свое удовольствие действиями губернатора [22].

В 1840 году подобные же волнения начались в Гродзенском амте Белостокской области, в деревне Багна. Крестьяне отказались отбывать барщину арендатору и требовали перевести их на уплату чинша; кроме того они отказывались подписывать приговоры на сдачу рекрутов и давать подписки об объявлении им начальственных резолюций. При этом они жаловались на притеснения арендатора Бера. Уездный суд приговорил нескольких участников волнения к телесному наказанию и к заключению в тюрьме. Но это не сломило крестьянской массы, которая еще решительнее отказывалась работать на арендатора; некоторые хозяева даже прекратили обрабатывать собственные крестьянские поля. Земский исправник явился в Багну с воинской командой из 100 человек. Крестьяне покинули свои дома, вывезли в леса все имущество и, в частности, продовольствие, чтобы заставить военную команду выйти из деревни. С помощью военной силы администрации удалось арестовать и предать военному суду 9 «зачинщиков». Приговор военного суда был жестоким: наиболее активные были присуждены к наказанию шпицрутенами от 1000 до 1500 ударов и к сдаче в солдаты, а не пригодные к военной службе — к ссылке в Сибирь на поселение. Остальные крестьяне были переселены в другие деревни амта, «дабы там искоренить поселившийся между ними в деревне Багнах дух самоуправления» [23].

---

[22] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1839 г., д. 206.
[23] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1840 г., д. 267.

После введения нового управления в 1841—1842 годах вспыхнули массовые волнения в государственных деревнях Лифляндской губернии. Это событие было неразрывно связано с широким, принявшим бурные формы, движением помещичьих крестьян, которое испугало как прибалтийское дворянство, так и центральные органы власти. На основании закона 1819 года лифляндские крестьяне были объявлены свободными, но не получили земельного надела и были вынуждены отрабатывать арендуемую помещичью землю за барщину и оброк. Землевладельцы, в значительной части немецкого происхождения, беспощадно эксплуатировали крестьянскую массу, состоявшую преимущественно из эстов и латышей. Чем острее становился кризис феодально-крепостнического строя, тем больше проявлялась тенденция местных помещиков ограничить крестьянские наделы и усилить барщинные повинности. Неурожай, постигший Лифляндию в 1840 году, поставил крестьянство в безвыходное положение: помещики предпочитали употреблять хлеб на винокурение, а крестьяне, оставшиеся без продовольственных запасов, не знали, чем засеять свои поля и как вести дальше собственное хозяйство. В такой обстановке стали распространяться слухи, что крестьяне имеют право переселяться в центральные и южные губернии, переходя на положение казенных. Источником этой версии были рассказы о переселении западных однодворцев и об организации еврейских колоний. И в помещичьих, и в казенных имениях в мае 1841 года началось глухое брожение, которое привело к массовому хождению в Ригу с определенной целью: записаться в число переселенцев. Сначала из Валкского, затем из Венденского, Вольмарского и других уездов потянулись большие партии крестьян по 50—100 человек; заполнив собой все дороги, они направлялись в Ригу, где обращались с просьбами о переселении к губернатору и представителю жандармского корпуса. Губернское начальство, охраняя интересы помещиков, принудительно возвращало крестьян в имения, начинало на месте судебные следствия и подвергало крестьян наказанию палками. Губернатор применял к волновавшимся крестьянам даже такую произвольную меру, как бритье половины головы. Не найдя удовлетворения своих просьб у светской администрации, крестьяне стали просить рижского епископа Иринарха крестить их в православную веру: по деревням распространились слухи, что этого одного будет достаточно для переселения из Лифляндии и, следовательно, для освобождения от власти прибалтийских баронов. Попытки ареста крестьянских вожаков вызвали активное сопротивление массы. Местами крестьяне вступали в вооруженные стычки с военными отрядами. В сентябре 1841 года в Нейгаузене крестьяне силой прогнали военную команду. Раздавались угрозы перебить помещиков и разделить их землю. Во многих пунктах происходила самостоятельная запись на переселение. Повсюду наблюдались ожесточение против немецкого дворянства и нежелание выполнять барщинные работы.

Государственные крестьяне принимали активное участие в движении, так как фактически их положение в казенных арендных имениях мало отличалось от состояния крестьян на землях помещиков. В государственных деревнях Венденского уезда тоже составлялись списки переселяющихся в центральные и южные губернии. В сентябре 1841 года в Министерство государственных имуществ стали поступать донесения о волнениях в казенных имениях Руен-Торней и Руен-Раденгоф. Волнения распространились на другие казенные имения: Веррогаф, Ней-Кассериц, Гангоф, Альт Кирруленскойшиль, Клейн-Кокиль и Геймадра. В Дерптском уезде были задержаны государственные крестьяне со списками переселенцев. Одновременно началось брожение среди государственных крестьян острова Эзель (ныне Са́рема): новое управление государственными имуществами запретило крестьянам продавать сбереженные ими дрова, а это право продажи служило важным подспорьем при взносе казенных податей и оброка. Слухи

о волнениях в Лифляндской губернии через русских торговцев щетиной распространились на остров Эзель; одно время администрация опасалась, что и здесь может развернуться подобное же движение.

Прибалтийское дворянство приложило все усилия, чтобы подавить начавшуюся борьбу и предотвратить переход крестьян в православие, который подрывал влияние местных пасторов, этих ближайших идейных агентов землевладельцев. Лифляндская губерния была наводнена войсками; «подстрекатели» и «зачинщики» были посажены в тюрьмы, а представители православного духовенства подвергнуты репрессиям. Однако движение возобновилось в 1842 и 1844 годах и заставило правительство пересмотреть законы 1816—1819 годов. В свою очередь движение крестьян в казенных имениях заставило Министерство государственных имуществ ускорить процедуру люстрации и перевод крестьян с барщины на оброк [24].

В начале 1844 года вспыхнули новые волнения в имениях Ораны и Красно Виленской губернии. В имении Ораны крестьяне жаловались на притеснения арендатора Хмелевского, на бесконтрольное расходование собранных денег выборными старшинами и несправедливое преследование писаря Войноловича, который помогал им в борьбе против управления фольварка. Арендатор Хмелевский, оправдываясь, жаловался на неисправное выполнение крестьянами барщинных повинностей. В имении Красно крестьяне вовсе прекратили отбывание барщины, угрожали побоями старшине и бойкотировали управляющего Палатой. Командированный Палатой чиновник Лебель целиком принял сторону арендаторов; писарь Войнолович был арестован, а крестьяне имения Красно наказаны «по мирскому приговору» [25].

Волнения государственных крестьян имели место и в губерниях Правобережной Украины. В октябре 1844 года в селе Плебановка Могилевского уезда Подольской губернии крестьяне заявили жалобу на чрезмерную барщину и жестокое обращение посессора Куявского. Когда местные чиновники попытались допросить крестьян по существу принесенной жалобы, те отказались давать и подписывать показания, по-видимому, опасаясь мести со стороны арендатора. Управляющий Палатой лично явился в Плебановку, но крестьяне оставались глухими к его уговорам и единодушно отказались работать на Куявского и подчиняться его распоряжениям; кроме того, они просили разрешить им выбрать нового писаря взамен назначенного арендатором. Когда земский исправник попытался опросить нескольких крестьян, собравшаяся толпа помешала им давать показания. 16 октября 1844 года в Плебановку прибыл губернатор в сопровождении военной команды. Он решил воздействовать на «зачинщиков» и постараться сломить их упорство, но встретил, по его словам, прежнюю «решительность неповиновения». Тогда был применен обычный начальственный аргумент — розги. Когда первые крестьяне, поваленные на землю и высеченные солдатами, согласились давать показания, из толпы вышел их односельчанин Яким Кушнер и закричал, что он готов добровольно лечь под розги, но подчиняться Куявскому все-таки не будет. Кушнера положили на землю. Толпа бросилась вперед, чтобы освободить его, но была отброшена военной командой. С помощью отряда упорство крестьян было сломлено. Произведенное следствие подтвердило справедливость крестьянских жалоб, тем не менее протест крестьян был оставлен без всякого последствия [26].

[24] ЦГИАЛ, ф. ДПИ. 1841 г., д. 240, ч. I—III; ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, лл. 240, 256; ф. II Д, 1841 г., д. 2400; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1841 г., д. 215; 1846 г., д. 137; КД, I, стр. 48—49, 51; МИКП, стр. 62—66;

[25] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1845 г., д. 4094, лл. 41—45.

[26] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1844 г., д. 455

В той же Подольской губернии, в Чернянском казенном имении Балтского уезда, в апреле 1845 года крестьяне отказались отбывать барщину арендатору. По донесению местной администрации, крестьяне имения поднимались уже не первый раз: в 1841 году они тоже отказались от барщины и поплатились за это военным судом, которому было предано несколько человек. К 1845 году многие имения Подольской губернии уже были переведены на оброк. Чернянские крестьяне потребовали, чтобы их тоже перевели на оброк «по примеру других имений». В прошении, поданном Киселеву, они ссылались на Положение 1839 года: указание на то, что крестьяне могут переходить на оброк только с согласия сельского схода, было понято как предоставление крестьянам права самостоятельно решать этот вопрос. Когда управляющий Палатой приехал в Чернянское имение, крестьяне упали перед ним на колени, жалуясь на арендатора и заявляя, что дальше отбывать барщину они не станут. Население имения было разнородным: оно состояло частью из украинцев, переселенных из других имений «за дурное поведение», частью из молдаван, которые были более уступчивыми и покорными. Управляющий решил расколоть крестьянскую массу и попытался прежде всего воздействовать на молдаван, но его усилия не имели успеха. Произошло новое объяснение с крестьянской массой, и снова, упав на колени, крестьяне категорически отказались отбывать барщинные повинности. Арест 4 «зачинщиков» не остановил волнений. На место прибыл губернатор; он был встречен 40 специально выбранными «почетными хозяевами», которые подали начальству хлеб и соль. Так сочетались в действиях крестьянской массы боевая инициатива и сознание своего бессилия перед всемогущей администрацией. Было приказано всему населению имения собраться на сходку, но никто не явился, опасаясь репрессий. Из числа 40 «почетных хозяев» только 15 человек согласились отказаться от протеста. С помощью вооруженной силы крестьяне были выведены из своих домов, окружены солдатами и подвергнуты один за другим сечению розгами. Когда было высечено 23 человека, крестьяне выразили покорность. Чтобы закрепить результаты одержанной победы, губернатор приказал отслужить молебен в присутствии всего населения имения [27].

Сохранившиеся источники кратко зарегистрировали подобные же волнения в различных районах западных губерний. В 1845 году Киселев докладывал Николаю I о «беспорядках» среди государственных крестьян Фастовского имения Киевской губернии. В том же году отказались повиноваться крестьяне казенных имений Черное и Тисколунги Подольской губернии. Одновременно вспыхнули волнения в селе Пулемец Волынской губернии, состоявшем в аренде у дворянина Выряжковского, а в двух староствах Гродненской губернии отказались отбывать барщину крестьяне, находившиеся в аренде у графа Красинского [28].

Борьба западных крестьян против арендной системы была могущественным фактором, заставившим Министерство Киселева торопиться с ликвидацией барщины и переводом земледельческого населения на систему оброка. По мере перехода имений на денежную ренту смягчалась прежняя острота классовых противоречий и сокращалось количество крестьянских выступлений. Однако было бы ошибочно думать, что смягчение феодальной зависимости означало прекращение крестьянского движения в западной деревне: основные противоречия между феодалом-казной и непосредственными производителями сохраняли свою прежнюю силу и вызывали неизбежные классовые столкновения; они возникали по самым различным поводам и принимали иногда резкую форму. Таковы были продолжительные волнения крестьян в имении Сморгонь Виленской губернии, связанные

[27] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1845 г., д. 347.
[28] ЦГИАЛ, ф. V О, д. 26565, лл. 182, 184; КД, I, стр. 73; МИКП, стр. 123—124.

с проведением новой люстрации и затянувшиеся до 1853 года[29]. Таковы были волнения 1855 года в Гатовском сельском обществе Минской губернии, вызванные произволом местных чиновников и «выборных»: отдачей сотен крестьян на принудительные работы, растратой общественного хлеба, присвоением собранных денег и т. д.[30]. Чем больше стирались различия в приемах эксплуатации между западными и внутренними губерниями, тем более однородными по своим источникам и по своей форме становились волнения государственных крестьян на всем пространстве Европейской России.

6. Борьба оброчных крестьян с текущей практикой управления

Одновременно с бурными протестами против введения нового управления в различных губерниях развертывалась борьба крестьян с текущей практикой «попечительства», возникавшая по разнообразным поводам и мотивам. Эта борьба не прекращалась в течение всех 19 лет министерства Киселева. Основное направление борьбы оставалось таким же, каким оно было раньше: реформа Киселева не разрешила земельного вопроса; она не уменьшила, а увеличила крестьянские повинности; ее последствием было усиление прежней системы внеэкономического принуждения. Так же как в предшествующий период, государственные крестьяне боролись за землю, боролись против повышения повинностей и приемов их взимания, боролись с проявлениями системы внеэкономического принуждения.

Поводами для аграрных волнений обыкновенно служили отрезка земли от сельских обществ на основании судебных решений или незаконное изъятие земель, находившихся в пользовании крестьян. В 1841 году в селах Тербунец и Березовка Елецкого уезда Орловской губернии государственные крестьяне, собравшись толпой в 200 человек, не дали землемеру продолжать начатое межевание земли. Согласно отчету министра внутренних дел, причиной волнений было «неправильное распоряжение чиновников, находившихся в межевании». В селение приехал губернатор и была введена воинская команда. Крестьянские волнения были подавлены, а чиновники, если верить министерскому отчету, должны были ответить взысканием[31].

В августе 1844 года начались аграрные волнения в Сереговском, Шешецком и Онежецком обществах Яранского уезда Вологодской губернии. Здесь крестьяне (по-видимому, на основании арендного договора) косили траву на землях Сереговского солеваренного завода. У завода возникла судебная тяжба с купцами Ветошниковыми, и суд вынес определение о временном прекращении покосов вплоть до решения дела. Крестьяне отказались дать подписку о том, что они выслушали это определение. Руководимые односельчанином Федором Кызюровым, они решили по примеру прежних лет приступить к сенокосу. В селения были стянуты большие полицейские силы и командирован советник Палаты государственных имуществ. Путем ареста «зачинщиков» местной администрации удалось прекратить волнения. «Главные возмутители» были преданы суду, а в одной из деревень была расквартирована инвалидная команда. Через 2 года был вынесен окончательный приговор: Федор Кызюров и его соучастники были приговорены «в страх другим» к телесным наказаниям[32].

В Шервинской волости Оханского уезда Пермской губернии 23 августа 1845 года толпа крестьян, вооруженная топорами и палками, напала на

---

29 См. главу III, стр. 180—181.
30 ЦГИАЛ, ф. II Д, 1854 г., д. 13723.
31 ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1841 г., д. 345, л. 184; МИКП, стр. 57—58.
32 ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1844 г., д. 428.

землемеров и уполномоченных, производивших межевание земли в деревне Урвы. На место было командировано несколько чиновников. В деревне Воробьевка был созван крестьянский сход, на котором был прочитан указ Сената об отмежевании земли. Крестьяне, чувствуя свое бессилие, сразу отказались от сопротивления и заявили, что они не имели в виду силой препятствовать межеванию. Тем не менее были произведены аресты, а 4 главных вожака были подвергнуты «исправительному наказанию», а затем преданы суду [33].

Иногда отобрание крестьянской земли происходило по произволу волостных начальников. В Мехонском сельском обществе Шадринского уезда Пермской губернии кандидат волостного головы Ярославцев, не вынося вопроса на обсуждение сельского схода, отвел $10^1/_2$ десятин сельской земли жителям деревень Ленское и Кропачева (по-видимому, получив взятку). В июле 1849 года толпа крестьян собралась около сельского управления и потребовала к себе волостного голову. По донесению Палаты, на вопрос Ярославцева, «зачем они собрались в таком количестве в сельское управление, они с грубостью ему отвечали, что будто бы он отводит землю жителям деревни Ленской и Кропачевой, причитающуюся им по разделу на душу в числе $10^1/_2$ десятин от села Мехонского, самопроизвольно, и вследствие этого крестьяне сильно шумели в сельском управлении и намерены были взять его и вывести вон». Местная Палата постаралась замять это дело: Ярославцев был устранен от должности, и возникший земельный конфликт был улажен без применения репрессий [34].

Отчеты III Отделения в 1846 году зарегистрировали волнения крестьян в связи с отобранием земель по суду или на основании люстрации в 5 казенных селениях. Отчет министра внутренних дел в 1848 году отметил также «неудовольствия крестьян при размежевании принадлежащих им земель» [35].

Увеличение повинностей и беспощадное их взимание вызвали не только массовые протесты первых лет, но и ряд последующих разрозненных выступлений по частным поводам. Особенно надо отметить волнения, связанные с отправкой недоимщиков на принудительные работы. В результате корыстных действий чиновников государственных имуществ крестьяне оказывались во власти грабителей-подрядчиков, которые ставили их в крайне тяжелые экономические и бытовые условия. Так было в 1843 году в Севастополе, куда было отправлено из Екатеринославской губернии несколько сот крестьян, состоявших в категории недоимщиков. Поверенный подрядчика, отставного подпоручика Гатцука, заключил договор с волостными правлениями — Сурковским, Ромашковским и Пушкаровским. В Севастополь, где происходила постройка адмиралтейства, должны были отправиться крестьяне на землекопные работы для срытия мыса. На основании договора недоимщики должны были работать 5 месяцев и получить за это по 17 рублей серебром (т. е. по 13 копеек серебром за день) каждый; работы производились все дни, кроме праздников; продовольствие должен был обеспечить подрядчик. В случае прогула с крестьянина вычиталось по 70 копеек серебром, а в случае болезни — в течение первых трех дней дневная плата (в течение последующих дней болезнь, по-видимому, приравнивалась к прогулу). За лекарства крестьяне были обязаны платить сами из денег, оставшихся у них от уплаты недоимок. Крестьянам выдавали на руки 29 рублей 50 копеек ассигнациями, остальные 30 рублей шли на погашение недоимок и переводились непосредственно волостному правлению. Этот договор не был утвержден Палатой и на практике грубо нарушался подрядчиком. Вместо землекопных работ крестьяне были на-

---

[33] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1845 г., д. 383.
[34] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 11591, лл. 1—2, 21—22.
[35] КД, I, стр. 71; МИКП, стр. 194.

правлены на более тяжелую работу по ломке камня. Подрядчик продовольствовал их плохо, одежда и обувь у них износились. 22 июля 1843 года 474 человека по предварительному уговору самовольно ушли с работ и двинулись Чумацкой дорогой по направлению к Перекопу. В Севастополе была поднята тревога: в догонку за крестьянами направили казачьи разъезды, которые обнаружили крестьян, идущих двумя партиями. Чтобы задержать ушедших рабочих, был послан отряд из 100 казаков во главе с жандармским подполковником Цхаляевым. Крестьяне, оставившие Севастополь, встретились на пути с новой партией, шедшей из Екатеринославской губернии, и увлекли их за собой; общее количество уклонившихся от работ выросло до 600 человек. На Перекопском перешейке крестьяне были оцеплены казаками. Специально отправленный чиновник Гулькевич должен был доставить им продовольствие, но они отказались принимать не только пищу, но и воду, сделали попытку силой прорваться через казачье оцепление, но были отбиты вооруженным отрядом. Жандармский подполковник не мог уговорить крестьян возвратиться в Севастополь. 28 июля на место волнений прибыл губернатор в сопровождении пехотного отряда. Сначала для убеждения крестьян были посланы священник в полном церковном облачении и «посторонние малороссияне», т. е., очевидно, понятые, набранные в окрестных селах. Крестьяне упорно отказывались возвратиться на работы. Опираясь на вооруженную силу, губернатор раздробил толпу на части, произвел тут же на месте сечение розгами наиболее упорных и арестовал 13 человек. Уголовная палата приговорила 11 крестьян к наказанию плетьми и взысканию с них расходов: в основу приговора легли показания подрядчика и Комитета по постройке, которые утверждали, что причиной самовольного ухода крестьян были их лень и нежелание работать. В 1849 году приговор был пересмотрен: крестьяне были приговорены к 50 ударам плетей и к содержанию один год в арестантских ротах. Однако Киселев предложил пересмотреть дело об окружном начальнике Туманском, который допустил невыгодный договор и не представил его на ревизию Палаты. В 1853 году согласно новому приговору Туманский был отстранен от службы, а 13 крестьян приговорены к наказанию розгами и сдаче в рекруты, остальные — к отправке в арестантские роты. По-видимому, правота крестьян была настолько очевидной, что Сенат в 1855 году решил оставить осужденных крестьян «в сильном подозрении», а издержки по делу переложить на казну. Чтобы не обидеть начальство, Туманский был прощен на основании общего «милостивого» манифеста [36].

Подобные же волнения имели место в 1847 году в связи с принудительными работами государственных крестьян, организованными на шоссе от Невеля к Городку Витебской губернии. И здесь условия, на которые согласились правления Березовской волости Поречьского уезда Смоленской губернии и Николаевской волости Великолуцкого уезда Псковской губернии, оказались «несообразными с контрактом» и не были представлены на утверждение местной Палаты. Крестьяне-недоимщики были обязаны работать не поденно, а по урокам, копать землю без различия грунта в течение $5^1/_2$ месяцев. За работу они должны были получать по 23 рубля серебром, продовольствоваться за счет подрядчика, иметь собственную обувь и одежду. Каждый из них должен был вывезти по 72 кубических сажени земли «с насыпкою или отвозкою, с разравнением, трамбовкою и совершенною отделкою откоса». За недоработку и болезни производились чрезмерные вычеты; за продажу хлеба, выданного подрядчиком, взимался штраф. Но и эти, невыгодные для крестьян, условия не выполнялись подрядчиком. По свидетельству смоленского окружного начальника, кре-

[36] ЦГИАЛ, ф. Киц М, 1843 г., д. 505, лл. 178—182; ф. I Д, 1846 г., д. 8474; 1853 г., д. 20954; МИКП, стр. 98; ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 69, л. 11.

стьян заставляли возить тяжелые неудобные тачки; книжек для записи работ, вопреки договору, заведено не было; работавшим записывали меньше уроков, чем они выполнили; больным не выдавали пищи; кроме того, подрядчик жестоко наказывал крестьян, собственноручно избивая их палкой. В 1849 году 75 смольнян и 65 псковичей неоднократно уходили с работ. Подрядчик, помещик Эссен, требовал вознаградить его за понесенные убытки в размере 2 тысяч рублей серебром. Министерство государственных имуществ ввиду незаконного заключения контракта и нарушения его подрядчиком не признало возможным удовлетворить этого требования. Дело было прекращено после смерти Эссена [37].

Аналогичное событие произошло на постройке Петербургско-Московской железной дороги в июле 1850 года. Отсюда бежало с работ 80 крестьян Сосницкого общества Полоцкого уезда Витебской губернии. При попытке вернуть их обратно крестьяне избили сначала старосту, потом жандармского офицера и, несмотря на все усилия земской полиции, разбежались в разные стороны. Когда началось расследование, крестьяне единодушно показали, что они были вынуждены к побегу притеснениями подрядчика и плохим содержанием; они «со слезами просили лучше сослать их в арестантские роты, чем высылать их вновь на работы». Следствие подтвердило полную справедливость их жалоб: вопреки заключенному контракту, подрядчик требовал от членов артели выполнения повышенных уроков, вместо легкого грунта приказывал копать каменистый, обсчитывал при возке земли, делал вычеты при расплате за неявившихся, бежавших и взятых в рекруты; кормил хлебом из подмоченной и слежалой муки, которую приходилось разбивать топорами, и испорченной червивой солониной. Убедившись, что они работают и мучаются впустую, без всякой надежды заработать деньги на уплату оброка, сосницкие крестьяне решили бежать домой. Жалобы на подрядчика поступили и от других сельских обществ. Для проверки крестьянских заявлений и выяснения убытков, понесенных 1800 крестьянами, Главное управление путей сообщения уполномочило полковника Тизенгаузена; он намеренно затягивал начало расследования, так же как сменивший его полковник Дурново. Несмотря на настояния Киселева, дело не было решено ни при нем, ни при его преемниках [38].

Наряду с принудительными или полупринудительными работами крестьянские протесты вызывало изнурительное отбывание натуральных повинностей: подводной, дорожной, постойной и др. В 1843 году началось дело о волнениях государственных крестьян Сотчемского общества Ибской волости Яранского уезда Вологодской губернии. Крестьяне этого района, по национальности коми, жаловались на тяжесть отбывания подводной и дорожной повинностей, требовавших от них преодоления огромных пространств, занятых лесами и болотами. В некоторых волостях натуральные повинности перелагались на деньги, что облегчало положение крестьян, особенно в периоды полевых работ; однако во многих случаях волостные и сельские власти пользовались подобной мерой, чтобы вступать в сделки с подрядчиками и присваивать себе собранные деньги. Так было и в Ибской волости, где местные «выборные» собирали и расходовали деньги без мирских приговоров, по собственному произволу назначали оклады и не представляли сельскому обществу ни табелей, ни отчетов. Особенно выделялся своими действиями волостной старшина Тырин: вопреки желанию общества, он сдавал подряды на подводную повинность, пользуясь поддержкой своих сторонников. На крестьянах накопились большие денежные недоимки, которые взыскивались за несколько лет. Из среды недовольных крестьян выдвинулось двое энергичных поверенных — Белых и Огибин, которые пользовались советами крестьянина Дмитрия Балина,

[37] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1849 г., д. 12185.
[38] ЦГИАЛ, ф. II Д, 1850 г., д. 10286.

непокорного и настойчивого крестьянина Айкинского общества; начиная с 1825 года, он вел непрерывную борьбу с местной администрацией, защищая крестьянские интересы; 11 раз его привлекали к ответственности, не раз заключали под стражу, предавали суду, сажали в острог, наказывали плетьми, но Балин продолжал помогать своим односельчанам и соседям, составляя им прошения и жалобы. Поверенные Ибской волости просили администрацию освободить их от навязанных подрядов, сопряженных со сборами и тратой чрезмерных денежных средств; они предпочитали вступать в самостоятельные соглашения с подрядчиками, минуя волостную администрацию, решительно отказывались подписывать подсунутые мирские приговоры и не желали вносить наложенных на них сборов. Палата и губернатор приняли сторону волостных и сельских начальников. Чтобы затруднить крестьянам отбывание повинностей натурой, 600 душ Сотчемского общества из общего количества 1295 были приписаны по отбыванию дорожной и подводной повинности к Сереговскому и Онежскому сельским обществам. К сотчемским крестьянам был прислан чиновник Шорыгин, который произвел пристрастное следствие и возбудил преследование против «подстрекателей»: Белых, Огибина и Балина. Голова Тырин, объезжая деревни, начал собирать подписи под прошением, составленным от имени крестьян (но без их участия), о желании отбывать повинности наймом с торгов. Белых и Огибин были арестованы. Тогда сотчемцы избрали нового поверенного, Максима Куклина, снабдили его деньгами и отправили в Петербург. Куклин подал Киселеву новое прошение, в котором разоблачал действия волостного головы и доказывал неосновательность донесений местной администрации; от имени крестьян он умолял Киселева «не оставить отеческим настоянием и ходатайством на учинение по оному делу ко всем мирским истинным просьбам и ложным доносам начальства на месте подробного достаточного следствия помимо губернских и уездных наших начальников и тем защитить невинно угнетаемое крестьянство от разорения». Однако прошение Куклина было оставлено Киселевым без последствий. В Сотчемское общество было направлено 10 солдат для экзекуции. Арестованные «подстрекатели» были приговорены Уголовной палатой к наказанию плетьми и ссылке в Сибирь за «возмущение» крестьян и составление «затейных и ябеднических прошений». Такова была на практике цена киселевского крестьянского «самоуправления» [39].

В апреле 1848 года в Шадринском округе Пермской губернии, там, где еще недавно бушевало крестьянское восстание, некоторые домохозяева деревень Ушакова и Заозерное решительно отказались вносить в магазины окладной хлеб, строить дома для сельского управления и участвовать в складчине на возведение сельской церкви. Управляющий Палатой обвинял в организации сопротивления местных раскольников во главе с зажиточными крестьянами Скипиными; он настойчиво напоминал Киселеву, что это коллективное «ослушание» родилось в возбужденной среде бывших участников шадринских волнений 1843 года. Однако тот же управляющий признавался Киселеву, что почва для возникновения волнений была подготовлена лихоимством и неуместной грубостью окружного начальства Долгова, обвиняемого «в разных противузаконных действиях по службе». Он предупреждал Министерство, что в своеобразных условиях Шадринского округа среди влиятельных раскольничьих гнезд и тысяч людей, участвовавших в событиях 1843 года, нужны особенная осторожность и желательный подбор чиновников. Нет сомнения, что десятки крестьян, отказавшихся от выполнения навязанных повинностей, активно и смело выражали отношение широкой крестьянской массы к фискальной политике Киселева и его сотрудников [40].

---

[39] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1846 г., д. 8504.
[40] Там же, д. 8864, т. I, лл. 332—337.

Такое уклонение от выполнения повинностей имело также место в августе 1850 года в селе Городищи Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. На требование окружного начальника выделить рабочих для измерения лесов сельский сход ответил коллективным отказом. Никакие убеждения чиновников не могли сломить крестьянского упорства. Екатеринославская Палата ходатайствовала перед Киселевым о разрешении отдать крестьян под суд или переселить их в Закавказье (о чем они и сами просили Министерство). Николай I вынес по этому делу особую резолюцию: «Нахожу это баловством,— им должно жить там, где правительству угодно, а не по своим прихотям; им решительно отказать, а с упорными поступить по законам». Над городищенскими крестьянами было учреждено особое управление из трех отставных нижних чинов, которые при помощи репрессивных мер установили в селе «должный порядок»[41].

Столкновения с администрацией возникали у крестьян и в связи с отбыванием постойной повинности. Так было в 1841 году в селе Воробьевка Богучарского уезда Воронежской губернии. Здесь были расквартированы Каргопольский и Кинбурнский драгунские полки. В начале 1842 года воронежский губернатор получил донесение военного начальства о том, что крестьяне села Воробьевка в ночное время напали на нижних чинов Каргопольского полка, которые везли на 5 подводах купленное ими сено; подводы были даны крестьянами «по взаимному согласию» своим постояльцам. Нижние чины, как говорилось в донесении, были избиты крестьянами, связаны ими и отправлены в сельскую расправу; та же участь постигла старшего вахмистра, а капитан Поздняков, потребовавший освобождения солдат, едва уцелел от избиения. Почти одновременно поступило другое донесение о том, что вахмистр Кинбурнского полка Крутоголовов и рядовой Царев в слободе Подгорная были избиты государственными крестьянами во главе с крестьянином Лазаренковым. Сообщая об этих донесениях министру внутренних дел, воронежский губернатор выражал сомнение в истинности описываемых событий. Он прибавлял, что к нему часто поступают жалобы от населения о похищении сена и о насилиях, чинимых нижними чинами. Он полагал, что драгуны самовольно и скрытно от хозяев забрали их сено и поспешили подать на крестьян жалобу, чтобы замести следы собственного преступления и выставить обиженных виновными. Следствие, произведенное земским судом, подтвердило предположения губернатора: оказалось, что 31 декабря 1841 года 13 переодетых нижних чинов ночью забрались в крестьянские конюшни, забрали лошадей и сани и, выехав в степь, нагрузили подводы крестьянским сеном. Крестьяне быстро обнаружили покражу, вышли на дорогу и, задержав воров, представили их в сельскую расправу. Во время столкновения с вахмистром и командиром эскадрона крестьяне вели себя сдержанно; наоборот, драгуны едва не пропороли одного из крестьян вилами и избили крестьян манежным бичом. Сено, украденное солдатами, было задним числом «куплено» эскадроном у крестьянина Михайлова.

Следствие установило также истинные причины столкновений в слободе Подгорная. Оказалось, что 17 января 1842 года крестьянин этой слободы Лазаренков справлял свадьбу брата и устроил вечеринку в доме одного из своих односельчан. Согласно донесению губернатора, «уже перед рассветом пришли сюда рядовой Царев и спустя несколько время 4-го эскадрона унтер-офицер Крутоголовов, а когда сей последний, будучи в пьяном виде, начал неблагопристойно обращаться с новобрачной, от чего хотя и был удерживаем, но не слушаясь продолжал и далее; произошла между ими ссора, а потом и обоюдная драка». Избиение Крутоголовова и Царева крестьянами во главе с Лазаренковым было местью за причинен-

[41] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 14293.

ное насилие. Губернатор прибавлял, что это не первое столкновение крестьян со своими постояльцами. Вечером 13 декабря тот же унтер-офицер Крутоголовов публично избил крестьянина Андрея Запорожкина, «толкал его сильно головой и спиною о плетни и домы», а когда сбежались соседи и попробовали остановить избиение, то их постигла такая же участь; в числе пострадавших был 72-летний старик, отставной унтер-офицер Иван Павленков. Недопустимое поведение драгун было настолько очевидно, что администрация не решилась преследовать крестьян. В общей сложности на воинских чинов 1-й Драгунской дивизии было подано больше 20 жалоб от 5 деревень: о самовольном занятии помещений, о краже крестьянского сена, о произвольной мобилизации на работы, о самоуправном пользовании подводами и т. д. [42].

Стремление Министерства государственных имуществ унифицировать различные категории государственных крестьян было неразрывно связано с лишением некоторых прослоек прежних податных льгот. В таких случаях подчинение крестьян общему порядку несения повинностей служило одним из источников массовых выступлений. В 1852 году подобные волнения вспыхнули в Саратовской губернии, в Мариинской колонии питомцев Воспитательного дома. Поводом к событиям послужил указ Николая I о перечислении «питомцев» в государственные крестьяне и в связи с этой мерой об образовании на месте упраздненной колонии Марьинского сельского общества, удалении из нового общества всех нерадивых хозяев, отрезке у крестьян всей излишней земли (сверх 30 десятин на двор) и распространении на них всех государственных, земских, общественных и продовольственных повинностей, какие отбывали государственные крестьяне. Часть недоимки, лежавшая на питомцах Воспитательного дома, была снижена, а остальная рассрочена. Когда администрация приступила к открытию нового управления и предписала бывшим питомцам выбрать должностных лиц, колонисты отказались от производства выборов и от принятия нового порядка. Тогда, по докладу Киселева, Николай I распорядился организовать управление из трех назначенных и «вполне благонадежных» отставных нижних чинов во главе с унтер-офицером, а для того, чтобы сломить сопротивление крестьян, приказал ввести в селение воинскую команду. 15 марта 1852 года в Мариинскую колонию прибыл саратовский губернатор в сопровождении военного отряда. Унтер-офицеры и нижние чины были приведены к присяге и вступили в свои должности, однако колонисты решительно отказались исполнять их распоряжения. К 30 человекам были применены «меры строгости» (очевидно, сечение розгами), а 5 семейств были арестованы за сопротивление. Все же репрессии не прекратили борьбы крестьян против нового управления. Тогда губернатор предложил переселить крестьян в отдаленные губернии; с этим согласился и Киселев, и Николай I, прибавив: «с тем, однако же, чтобы переселение совершаемо было партиями, начав с главных руководителей и постепенно продолжая эту меру, доколе поселяне Мариинского общества не обратятся к порядку и повиновению, а равно, чтобы удаляемые были водворяемы в отдаленных, по усмотрению министерства, губерниях для воспрепятствования всякому дальнейшему сообщению их как между собою, так и с прежними односельцами». 14 сентября 1852 года в село Никольское, куда были собраны бывшие колонисты, прибыли управляющий Палатой и жандармский штаб-офицер с дополнительным отрядом из 70 пехотинцев и 20 казаков. Колонисты были окружены военной командой, один за другим вызваны назначенные к переселению, но они и здесь оказали сопротивление: по донесению управляющего Палатой, пришлось «вырвать их силою из склубившейся толпы»; некоторых взяли

[42] ЦГИАЛ. ф. ДПИ, 1842 г., д. 254; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1842 г., д. 85.

из домов, остальных пришлось разыскивать, так как они скрылись вместе со всеми своими семьями. Толпа крестьян была разбита на части и под угрозой применения оружия вынуждена была произвести выборы «добросовестных», сборщиков податей, смотрителя запасного магазина и сотского. Сначала были отправлены по этапу 48 семейств; их расселили по деревням Тобольской, Пермской, Вятской и Оренбургской губерний. Тем не менее оставшиеся в Саратовской губернии продолжали борьбу с местной администрацией, отказываясь подчиняться новому порядку. Репрессии продолжались и дальше: в 1853 году было вновь выселено 45 семейств, а в 1854 году — еще 67. На новых местах колонисты не желали вести сельского хозяйства, распродавали свое имущество и составляли просьбы о возвращении их на родину. Колонисты, оставшиеся в Саратовской губернии, в свою очередь, устраивали тайные сходки и собирали деньги в помощь своему поверенному Кузьме Алексееву, сидевшему в остроге. В 1854 году было арестовано еще 9 колонистов, а сибирские переселенцы, которые отказывались вести хозяйство, были преданы суду [43].

Когда в сословие государственных крестьян перечислялись крепостные помещичьих имений, приобретенные казной, они надеялись, что переход к государству принесет им освобождение от прежней крепостной эксплуатации. Однако Министерство государственных имуществ (очевидно, с определенной целью — не возбуждать крестьян соседних помещичьих владений) предпочитало на первое время оставлять прежнюю систему барщины и оброка. Такие распоряжения вызывали у крестьян открытое недовольство, а иногда отказ подчиняться новому управлению. Так было в 1845 году в Кромском уезде Орловской губернии, в селении Мухановка, приобретенном казной у княгини Багратион. Когда крестьяне узнали, что они оставлены «на помещичьем положении до совершенной уплаты долга», то они поголовно «отказались от уборки сенокосов и приготовления земли под посев ржи, объявив управляющему Палатою государственных имуществ, что оброка платить не могут и обрабатывать земли не будут». В Мухановку прибыл губернатор в сопровождении двух рот Тульского егерского полка. Главные «зачинщики» были наказаны розгами. «Мера эта,— сообщает отчет министра внутренних дел, — имела желаемый успех, и крестьяне обратились тогда к должной покорности». Подобные же волнения год спустя вспыхнули в имении, купленном у той же княгини Багратион во Владимирской губернии: здесь при взыскании недоимок 3085 душ отказались уплатить долг и, не доверяя местной администрации, требовали предъявления им указа, «собственною его императорского величества рукою подписанного». В Петербург были отправлены ходоки с целью выхлопотать уменьшение прежнего оброка. Крестьяне отказывались подчиняться новому управлению и требовали освободить арестованных односельчан. На место волнений прибыл советник Палаты государственных имуществ в сопровождении военного отряда из 500 человек. Часть крестьян была наказана розгами, а 8 «зачинщиков» взяты под стражу [44].

Отчет II Отделения за 1845 год упоминает о волнениях крестьян, связанных с уравнением повинностей, в 6 казенных имениях разных губерний [45].

В практике текущего управления Министерства крупное место занимала организация набора рекрутов. Вновь введенная жеребьевая система вызвала новую серию злоупотреблений окружных, волостных и сельских начальников. Крестьяне, привыкшие к прежним приемам набора, не сразу могли разобраться в сложных и запутанных правилах составления призывных списков, вынутия жребия и т. д. По отчетам III Отделения за

[43] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1852 г., д. 18113.
[44] ЦГИАЛ, ф. V О. д. 26565, л. 218; МИКП, стр. 124—125.
[45] КД, I, стр. 65—66.

1849 год, среди казенных крестьян некоторых губерний, особенно Тверской, проявлялось сильное недовольство жеребьевой системой; местами оно вырывалось наружу и приводило к открытым крестьянским протестам. Уже в 1847 году в селе Вретье Ярославской губернии произошло на этой почве столкновение с окружным начальником: один из крестьян, вынув из урны несколько жребиев, изобличил администрацию в подделке билетов; крестьяне бросились на волостного голову и сотского, избили их и нанесли оскорбление окружному начальнику. Администрация, донося об этом событии и желая скрыть свои неблаговидные действия, объясняла волнения тем, что изобличитель был в пьяном виде. Когда в 1854 году был объявлен 12-й очередной рекрутский набор, крестьяне Богословской волости Череповецкого уезда Новогородской губернии обвинили начальство в неправильной установке рекрутской очереди и отказались вынимать жеребьевые билеты. Следствие, организованное чиновниками земского суда во главе с губернатором, доказало незаконные действия окружного начальника Зюзина. Тем не менее «зачинщики» протеста были арестованы, а крестьяне под давлением администрации были вынуждены приступить к вынутию жребия. Зюзин не согласился с выводами следователей, обвинив их в пристрастии и потребовав нового следствия с участием жандармского штаб-офицера. Дело было настолько ясно, что требование Зюзина было признано незаконным.

В 1855 году в Тимерщицкой волости Мамадышского уезда Казанской губернии, населенной татарами, произошли волнения во время проверки призывных списков: были избиты волостные и сельские начальники и произведено нападение на самого окружного начальника. Власти объяснили эту вспышку протеста тем обстоятельством, что призывные билеты были розданы до объявления рекрутского набора; но, по-видимому, и здесь были допущенны обычные злоупотребления: освобождение зажиточных крестьян за деньги, игнорирование возраста призываемых и пр. 12 «возмутителей» были арестованы и преданы суду. В том же году в связи с набором рекрутов и ратников ополчения были волнения в Новоалександровском уезде Ковенской губернии (здесь дело дошло до вооруженного сопротивления) и среди татар-лашманов Нижегородской губернии [46].

Иногда волнения вспыхивали в ответ на господствовавшую систему внеэкономического принуждения. Таковы были события в селе Орехово Землянского уезда Воронежской губернии, развернувшиеся в 1847—1848 годах. Крестьяне Орехова и прилегающих сел — Горяиново, Новосильское и Старая Ольшанка — испытывали большую нужду в земле и лесе. Они избрали из своей среды поверенным крестьянина Михаила Левшина, который составил прошение о предоставлении крестьянам права владеть лесами по-старому, «на делянках»; прошение он подавал сначала помощнику окружного начальника, потом в уездный суд, затем губернскому прокурору, после него — губернатору, наконец в Московское губернское правление и т. д. Энергия Левшина возбудила против него всю местную администрацию. Его начали преследовать как «вредного возмутителя», подвергли аресту и предали суду Уголовной палаты. Так как Левшин действовал в качестве поверенного и не совершал никакого незаконного акта (закон признавал право жалобы за государственными крестьянами), администрация постаралась собрать показания об его «подстрекательстве»: от крестьян требовали рукоприкладства под бумагой неизвестного им содержания, но крестьяне не хотели выдавать своего поверенного и решительно отказывались ставить свои подписи. Тем не менее Уголовная палата приговорила Левшина к наказанию 60 ударами розог и 2 годам арестантских рот. 24 января 1847 года в селе Орехово бы-

[46] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1854 г., д. 698; 1855 г., д. 974; КД, I, стр. 88, 104—105.

ла подготовлена публичная экзекуция над осужденным, но когда власти приступили к исполнению приговора, Левшину удалось вырваться и скрыться в крестьянской толпе. Крестьяне закричали, что Левшин не виновен и что они не дадут его наказывать. Все же Левшин был схвачен и отведен в сельскую расправу, а в селе Орехово было начато следствие, по которому 14 крестьян разных сел и деревень привлекли к ответственности за пособничество Левшину. В марте 1847 года ореховские крестьяне подали прошение министру юстиции, а 3 августа того же года — Киселеву; они писали и о своей нужде в земельных и лесных угодьях, и о притеснениях местной администрации, доказывая полную невиновность Левшина. «Доверитель Левшин,— говорилось в прошении,— как посланный обществом совершенно прав и исполнил в точности общественное доверие, находится в темном заключении $1^1/_2$ года в оковах на руках и ногах, не дозволяя равно никому из общественных самых добросовестных стариков его посещать; в противном случае и их берут под стражу и мучают голодом и холодом». Крестьяне жаловались на произвольные действия станового пристава, волостного старшины и особенно писаря Кудрявцева, которые не выдают им билетов на выезд из деревни и упорно противодействуют обществу в их справедливом деле. Крестьяне заканчивали свое прошение Киселеву мольбой о содействии: «Общество наше осмеливается всенижайше просить о милостивом на нас напрасно страждущим воззрении с доверителем Левшиным и повеление, через кого следует командировать на место нашего жительства беспристрастного и благонадежного чиновника для открытия истины, а до того времени доверителя нашего повелеть освободить на поручительство общества и никаких ему обид и притеснений не делать; мы надеемся, что по исследовании сего в самой истинной и законной справедливости окажемся правы и получим чрез сие удовлетворение». Надежды крестьян оказались напрасными: министр юстиции «оставил без действия домогательства просителей», а Министерство государственных имуществ ограничилось запросом управляющему Воронежской палатой о притеснениях волостного головы Кудрявцева. Но и Воронежская палата не отозвалась на жалобы крестьян: их прошение оказалось затерянным «собственно по беспорядку и накоплению в большом количестве нерешенных дел и бумаг в Палате и встречаемому оттого затруднению в изречении нужных к объяснению противу приложенных при тех предписаниях, жалоб» (так буквально гласило донесение Палаты в I Департамент Министерства 9 декабря 1848 года). Между тем преследование Левшина и защищавших его крестьян продолжало идти своим чередом. 6 октября 1848 года Сенат вынес окончательный приговор: наказать Левшина 70 ударами розог и сослать его на 4 года в арестантские роты, а 14 крестьян, за отсутствием в Землянске рабочего дома, наказать 100 ударами розог. Когда администрация приступила к исполнению приговора, ореховские крестьяне снова оказали активное сопротивление. Началось новое дело, которое закончилось в ноябре 1848 года приговором Воронежской уголовной палаты сослать 14 крестьян на 3 года в арестантские роты. Такова была цена гражданских прав государственных крестьян, формально провозглашаемых Киселевым, а фактически попираемых и им самим, и его бюрократическим аппаратом [47].

В 1849 году начались волнения в Голубовском обществе Суражского уезда Черниговской губернии. Местный окружный начальник потребовал от общества вынесения приговора о поставке 400 четвертей хлеба: таково было распоряжение Черниговской палаты государственных имуществ, которая покрывала этими поставками крестьянские недоимки. Го-

---

[47] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1847 г., д. 8936.

лубовские крестьяне привыкли к тому, что окружный начальник и его волостная и сельская агентура бесконтрольно и произвольно брали хлеб из сельских запасов в магазине. И на этот раз крестьяне решили, что окружный начальник и местные сельские власти стакнулись между собой, чтобы за счет казенной деревни набить собственные карманы. Ссылаясь на то, что не представлено квитанций за прежние поставки, крестьянский сход отказал вынести общественный приговор о сдаче хлеба. Тогда окружный начальник 1 января 1849 года приказал отпереть запасный магазин и распорядился нагрузить подводы самовольно отобранным хлебом. Крестьяне решили сопротивляться: они остановили подводчика и перегрузили весь хлеб обратно в сельские закрома. Окружный начальник вызвал 30 казаков и собрал из соседних сел 350 понятых. «Зачинщики» были тут же наказаны розгами, а 400 четвертей хлеба снова нагружены на подводы и увезены из деревни. Крестьяне подали Киселеву мирское прошение, в котором жаловались на окружного начальника, указывая на то, что они не получают квитанций за взятый хлеб, и описывая самоуправство, которое под видом «усмирения» допустил окружный начальник. Черниговский губернатор в своем отношении к Киселеву требовал сурово наказать участников волнения «за дерзкое ослушничество и явное неповиновение»; он находил, что понесенное ими наказание менее строго, чем следовало наказать «для примера другим на будущее время», «дабы не ослабить влияния местного начальства». Губернатор прибавлял, что необходимо не только оставить прошение крестьян без последствий, но и произвести следствие, кто сочинил крестьянам их прошение. Такова была ярко выраженная крепостническая точка зрения, которая, вопреки действующим законам, не признавала за государственными крестьянами даже права на мирную жалобу начальству. Было ясно, что окружный начальник, не представивший обществу квитанций, допускал явные злоупотребления: поэтому Киселев вынужден был вынести более мягкую резолюцию: «За подачу прошения взыскивать не следует, а токмо за самовластие. Но сие все происходило от того, что этот окружный начальник распорядился самоуправно и без участия общества. Крестьяне весьма справедливо требовали квитанций» [48].

Иногда местная администрация в своих донесениях раздувала характер крестьянских волнений, намеренно фабрикуя дела «о буйстве крестьян». В слободе Покровская Саратовской губернии в течение 6 лет состоял волостным головой Григорий Тихонов, который пользовался постоянной поддержкой управляющего Палатой Бодиско. Тихонов чувствовал себя в слободе полным хозяином: опираясь на свои связи, он невозбранно грабил крестьян — присваивал себе мирские доходы, поступавшие с земли, растрачивал прогонные деньги, самовольно продавал крестьянский хлеб из запасных магазинов и т. д. Когда терпение крестьян истощилось, они произвели выборы нового головы, Александра Хмары, но Тихонов приложил все усилия, чтобы помешать его утверждению. Палата государственных имуществ не утвердила Хмары, а крестьяне отказались подчиняться Тихонову. В 1848 году Покровскую слободу постиг неурожай и крестьяне не знали, как засевать весной поля. Тихонов распродал запасы крестьянского хлеба, а остатки роздал не нуждающимся, а зажиточным односельчанам. 8 апреля 1849 года по предложению помощника окружного начальника Дроздова в слободе было созвано собрание старшин, на которое не был допущен Хмара. Обсуждался вопрос о семенных ссудах. Крестьяне бурно протестовали против действий Тихонова и выражали ему всеобщее недоверие. Показания о дальнейшем ходе событий резко расходятся: саратовский губернатор доносил в Петербург, что волновавшиеся крестьяне

[48] ЦГИАЛ, ф. 1 Д, 1849 г., д. 12182.

бросились на Тихонова, избили его самого и защищавших его крестьян, так что он едва уцелел и должен был бежать с сельского схода. Совершенно иначе излагали события крестьянки Покровской слободы, подавшие прошение Киселеву: они утверждали, что начальство сфабриковало дело об избиении Тихонова для того, чтобы оправдать его в глазах губернской администрации; Тихонова поддерживали становой пристав и помощник окружного начальника. По словам крестьянок, в течение 15 лет жители Покровской слободы ссыпали в амбары лучшую пшеницу-белотурку и другие сорта хлеба, а Тихонов не только распродавал этот хлеб, но отказывал в помощи нуждающимся крестьянам. Чтобы замести следы своего преступления, он обвинил крестьян в избиении его на сходе, а державшие его руку чиновники начали беззаконное и жестокое следствие. «Одиннадцатого апреля,— рассказывали крестьянки,— собравши до 8 человек старшин, т. е. мужей наших, Ивана Дроздова, Василия Писаренко, Алексея Марченко, Василия Островского, Николая Свистуна, Ивана Нестеренко, Егора Портянку и Афанасия Быковенко, которых заковал помянутый пристав в железо, и отдали их под караул, и после он, пристав Стронский, брал помянутых мужей наших по одиночке к себе на квартиру, где вечор находился и Тихонов... требовали от мужей наших показаний в том, что они толкнули бывшего голову Тихонова, мужья же наши сказали, что таковых напрасных показаний давать не следует, то он, пристав Стронский, за дачу таких показаний стал наносить им удары кулаками и рвать на голове и бородах волосы, произнося приговорку, что это служить будет наказаниями, и таким образом он, пристав Стронский, мучил мужей наших до 14 дней». Было организовано следствие, причем Тихонов мобилизовал всех своих родственников и сторонников, которые давали показания в его пользу; наоборот, вся масса крестьян единодушно отвергала измышления Тихонова. Дело рассматривалось сначала в Николаевском, затем в Новоузенском судах, потом поступило в Саратовскую уголовную палату. Доказать факт избиения Тихонова было невозможно; два крестьянина — Иван Дрозденко и Алексей Марченко — были оставлены «в сильном подозрении», а все остальные были признаны невиновными и освобождены. Однако саратовский губернатор отказался утвердить приговор Уголовной палаты и освободить оправданных крестьян. Между Палатой государственных имуществ и губернским начальством началась ведомственная борьба, которая затянулась на продолжительное время. Ревизовавший управление государственных имуществ статский советник Струков установил, что никто Тихонова не бил и самая версия о побоях пущена им самим для того, «чтобы избавиться из общества тех крестьян, которые неоднократно дерзали говорить Тихонову в глаза правду о его злоупотреблениях и при случае могли бы открыть высшему начальству... Между тем 7 домохозяев содержались 18 месяцев в остроге и, вероятно, будут содержаться еще несколько лет, что, конечно, разорит в конец их семейства». Тем не менее губернатор настаивал на своем, отказывался выпустить крестьян на поруки, назначал новые следствия и объявлял ревизора, так же как других чиновников Министерства, «возмутителями крестьян» [49].

Не следует думать, что описанными волнениями исчерпывается вся классовая борьба в государственной деревне за 19-летний период министерства Киселева. Таковы были типичные, но далеко не единственные столкновения между крестьянами и феодальной «попечительной» администрацией. По-видимому, в Петербург не поступало донесений о многих волнениях, если они не выходили из рамок мелких конфликтов или намеренно скрывались местной администрацией. Только детальные разыскания

[49] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1850 г., д. 15255 (об окончании дела источников не сохранилось).

в местных архивах могут дополнить картину, восстанавливаемую на основании фондов Министерства государственных имуществ, Департамента полиции и III Отделения. Некоторым восполнением имеющихся пробелов являются материалы уголовной статистики, собранные Министерством Киселева и опубликованные в 1871 году. По подсчетам чиновников, за период 1847—1856 годов (т. е. в основном после первой бурной волны массового протеста) было зарегистрировано следующее количество судившихся, обвиненных, оправданных и оставленных в подозрении по делам, связанным с борьбой государственных крестьян против системы управления и поддерживавшей ее церкви (табл. 130).

Таблица 130

Число крестьян, привлеченных к суду в 1847—1856 годах*

Преступления	Судилось	Обвинено	Оправдано	Освобождено по всемилост. Манифесту	Оставлено в подозрении	Обращено в нижние инстанции	Оставалось к 1857 г.
Против веры . . .	19 493	6 826	3 459	389	1 277	6 877	613
Государственные .	45	12	17	2	10	2	—
Против порядка управления . . .	9 528	2 914	2 321	932	451	2 560	340
Против постановлений о повинностях	2 834	817	698	175	201	917	62
Против имущества и доходов казны .	177 156	42 382	27 135	17 791	8 484	76 495	5 385

* МСР, VI, стр. 15 (в этой и следующей таблицах сохранена официальная терминология).

По данным той же статистики, обвиненных за преступления против государственного порядка было следующее количество (табл. 131).

По понятным причинам наибольшее количество преступлений было связано с нарушением закона об имуществах и доходах казны; особенно часто наблюдались нарушения Лесного устава, так как крестьяне, нуждаясь в дровах и в строевом лесе и наталкиваясь на дороговизну и волокиту при получении лесных попенных билетов, производили самовольные порубки, являвшиеся обычным спутником деревенской жизни. Министерство так классифицировало имущественные преступления против казны (табл. 132).

Одной из своеобразных форм крестьянского протеста против системы феодальной опеки был самовольный уход из деревни, который квалифицировался администрацией как «бродяжество». Оно было особенно распространено в 1847—1856 годах в губерниях Петербургской (55,6 человека на 100 тысяч душ мужского населения), Ярославской (15,6 человека на 100 тысяч душ мужского населения), Бессарабской (13,2 человека на 100 тысяч душ мужского населения), Астраханской (13 человек на 100 тысяч душ мужского пола), Саратовской (11,3 человека на 100 тысяч душ мужского пола), Нижегородской (10,6 человека на 100 тысяч душ мужского пола) и Новгородской (10,1 человека на 100 тысяч душ мужского пола). Таким образом, самовольный уход наблюдался преимущественно в торговых и промышленных губерниях, и также в районах, близких к государственной границе [50].

[50] МСР, VI, стр. 52.

Таблица 131

Число крестьян, осужденных в 1847—1856 годах*

Преступления	Обвинено за 10 лет	
	мужчин	женщин
Государственные преступления	12	—
Сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение установленным властям	2 006	185
Оскорбление присутственных мест и чиновников при отправлении должностей	135	9
Самовольное присвоение власти и составление подложных указов и других исходящих от правительства бумаг	167	1
Похищение бумаг или вещей из присутственных мест и уничтожение поставленных или положенных от правительства знаков	17	1
Взлом тюрем, увод и побег находящихся под стражей	151	6
Тайные общества и запрещенные сходбища	202	38
Недозволенное оставление отечества	2	—
Преступления и проступки против постановлений о повинности военной службы	385	23
Нарушение постановлений о повинностях земских . .	403	1
Преступления и проступки против законов о состояниях	104	9
Итого	3 584	273

* МСР, VI, стр. 41 (Один обвиненный мужского пола приходится средним числом в год на 8096 мужчин; одна обвиненная женского пола приходится средним числом в год на 329 231 женщину).

Таблица 132

Преступления и проступки против имущества и доходов казны в 1847—1856 годах *

Нарушения	Обвинено	
	мужчин	женщин
Уставов монетны	342	20
,, горных	1	—
Устава о соли	152	2
Постановлений по питейному сбору и акцизу	6 236	787
Уставов таможенных	43	20
,, о казенных лесах	34 389	280
Итого	41 263	1 109

* МСР, VI, стр. 68.

Сопротивление власти было зарегистрировано главным образом в Ярославской, Вятской и Олонецкой губерниях: в первой из них на 100 тысяч душ мужского пола приходилось в год 10,2 обвиненных крестьян, во второй — 10,1 и в третьей — 9,5. Другими словами, противодействие установленной системе обнаружилось преимущественно там, где государственные крестьяне были развитее и сплоченнее и где они жили большими массами [51].

[51] МСР, VI, стр. 42.

Другой своеобразной формой классового протеста было традиционное явление самозванства. Самозванцы появлялись преимущественно после подавления крупных волнений, когда крестьяне чувствовали себя бессильными перед лицом власти, но, тая в себе скрытый протест и находясь под властью монархических иллюзий, легко поддавались слухам о прибытии к ним на помощь царя или наследника. За 10 лет, с 1847 года по 1856 год, самозванцы появлялись в 23 губерниях, причем на 100 тысяч душ мужского пола их приходилось в Астраханской губернии 45,1, в Виленской губернии — 24,1, в Саратовской — 9, в Калужской — 7,1, в Пермской — 6,8 [52].

7. Итоги

Волнения государственных крестьян, охватившие период с 1840 года по 1856 год, с полным основанием могут быть охарактеризованы как массовый протест крестьянства против новой системы усиленной эксплуатации и опеки. Это движение прошло два основных этапа. Непосредственно после введения нового управления, главным образом в 1840—1843 годах, прокатилась бурная волна массового протеста в различных районах Европейской России. Возбужденные распоряжениями новой власти, которая стремилась приравнять управление государственных крестьян к порядкам удельного ведомства, крестьяне поднялись против реформы Киселева и ее последствий; знаменем этой борьбы было требование не передавать крестьян «в удел» частному владельцу, т. е. не вводить систему крепостной эксплуатации, которая ухудшает экономическое и правовое положение более свободного государственного крестьянства. Продолжением этого бурного движения 1840—1843 годов были волнения 1844—1850 годов. Независимо от этого массового протеста и после его подавления мы наблюдаем разрозненные выступления государственных крестьян различных районов, вызванные отрицательными сторонами казенного «попечительства»; крестьянское движение, встретив на своем пути неодолимую преграду, как бы разбивается на отдельные небольшие потоки, которые говорят о потенциальной силе стихийного крестьянского протеста. На этом втором этапе волнения сохраняют то же принципиальное значение, какое они имели раньше: при всем разнообразии непосредственных поводов и организационных форм это — движение против системы феодальной эксплуатации, осложненной новыми методами усиленного внеэкономического принуждения. Разбираясь в движении государственных крестьян изучаемого 19-летия, мы должны отличать ближайшие непосредственные поводы протеста от основной и неизменной причины всего движения: в основном это был стихийный, не вполне осознанный протест государственного крестьянства против реформы 1837—1841 годов и методов ее проведения.

Когда мы изучаем бурные волнения первого периода, нас поражает широта территориального и численного охвата поднявшегося движения: подобных волнений в период разложения феодально-крепостнической формации, если не считать восстания Пугачева, еще не знала крепостная Россия. Характерно, что волновались по преимуществу губернии севера и востока; движение в черноземном центре было более слабым, а западные и южные районы оказались вовсе не затронуты этой первой волной протеста. Причины местных отличий становятся ясными, если мы вдумаемся в особенности положения государственных крестьян каждого из указанных районов. Крестьяне посессионных имений в Белоруссии, Литве, на Правобережной Украине и в Прибалтике находились на барщине, страдали от хищничества и жестокости посессоров, и введение нового управления не

[52] Там же, стр. 50.

ухудшило положения сельских производителей, а в середине 40-х годов привело к его некоторому улучшению: западные государственные крестьяне постепенно были освобождены от барщины и, становясь оброчниками, заняли более независимое положение, открывавшее им возможность самостоятельного хозяйствования. В районах южных, особенно причерноморских губерний, менее населенных и обладавших плодородной, неистощенной почвой, положение оброчных государственных крестьян было экономически лучше,— это нейтрализовало отрицательные стороны киселевского управления, поэтому не возникало и такого бурного протеста, какой имел место на севере и востоке. Наоборот, северные и особенно восточные губернии, где компактные массы государственного крестьянства становились объектом безудержного чиновничьего произвола, заключали в себе больше горючего материала. Особенно сильное негодование, ненависть к чиновникам и стремление освободиться от навязанной опеки проявились в районах, населенных коми, татарами, чувашами, мари: приемы национально-колониального угнетения, применяемые царской администрацией, служили дополнительным стимулом массового протеста. С другой стороны, в этих районах, особенно на черносошном севере, сохранялась жизнеспособная административная община крестьян; традиционная преданность «миру», привычка действовать сообща, совместно отстаивать свои интересы столкнулись с грабительскими поползновениями нового громоздкого аппарата. Особенно много поводов для протеста имелось в приуральских губерниях: произвол чиновников наталкивался здесь на внутреннюю преграду — в Пермском крае сосредоточивались крупные массы крестьян, бежавших из центральных губерний от крепостного рабства и религиозных преследований; в условиях горнозаводской эксплуатации, в раскольничьих и сектантских гнездах, зрели и оформлялись замыслы единовременного и массового выступления против помещичьего крепостного государства. В этой непокорной и восприимчивой среде волнения государственных крестьян приняли особенно бурные и широкие формы. Что касается черноземного центра и особенно великорусских промышленных губерний, то тут крестьянские протесты получили ослабленную форму: в Центральном промышленном районе благодаря развитию промыслов и массового отходничества обеспечивалась бо̀льшая доходность крестьянского хозяйства, а сами крестьяне чаще ускользали от притязаний и насилий местного чиновничества. Черноземный центр давал больше оснований и поводов для волнений, но и здесь, окруженные помещичьими имениями, состоявшими на барщине, оброчные государственные крестьяне чувствовали себя свободнее и самостоятельнее, чем крестьяне крепостные. Но какие бы местные факторы ни влияли на крестьянскую борьбу, ее основная закономерная причина была везде одинаковой: в стихийных крестьянских протестах вскрывался глубокий конфликт между ростом производительных сил государственной деревни и тормозящими этот рост феодальными отношениями. Крестьянское движение было особенно сильным в земледельческих губерниях: Вятской, Пермской, Казанской, Тамбовской, Саратовской и других,— там, где крестьяне крепче сидели на земле, больше усилий вкладывали в развитие сельского хозяйства, непрерывнее и острее чувствовали на себе давление «попечительной» власти.

Если мы присмотримся к методам крестьянской борьбы, то увидим определенную закономерность в их развитии: обычно движение начиналось мирными, легальными формами протеста и завершалось активными вооруженными выступлениями. Действуя коллективно, всем обществом, крестьяне сначала выбирали из своей среды поверенных, ходоков, составляли прошения и жалобы. Поверенные обращались к ближайшим представителям власти и обычно, не находя у них удовлетворения своим просьбам, отправлялись дальше, в Петербург,— к министру, шефу жандармов

и, наконец, к царю. Это обращение к власти, нередко облекавшееся в форму мольбы угнетенных и обиженных к авторитетному высшему начальству, сопровождалось отказом от подчинения местным агентам государственного аппарата. Крестьяне ссылались при этом на то, что они не могут исполнять местные распоряжения, пока не получат ответа свыше. Внутренняя логика борьбы вызывала переход к следующей, более активной форме протеста: крестьянский отказ от подчинения местной администрации, а иногда обыкновенное мирное обращение с жалобой вызывало репрессии со стороны чиновников: начинались следствия, аресты и «легкие наказания»; эти реакции администрации в свою очередь возбуждали в крестьянах негодование и прилив революционной энергии,— происходили стихийные столкновения с агентами власти, крестьяне выступали активно, но еще не решались на вооруженную борьбу и только в целях самообороны брались за колья и отбивали нападения мелких отрядов. Появление более крупных военных подразделений было неизбежным результатом подобного «буйства», но оно не всегда приводило к капитуляции боровшейся массы: при наличии благоприятных местных условий, особенно в среде более независимого крестьянства севера и востока, введение войска вызывало взрыв потенциальной энергии,— вспыхивало стихийное вооруженное восстание.

Наконец, наиболее развитой формой протеста было восстание, более или менее организованное, заранее подготовленное, исходившее из предварительного учета необходимости упорной и стойкой борьбы (примером подобного протеста были события в Приуралье в 1843 году). В реальной действительности эти формы борьбы нередко переплетались между собой: отказываясь повиноваться и даже выступая с оружием в руках против военных отрядов, крестьяне не оставляли легальной формы борьбы; они продолжали составлять прошения, выбирали и снаряжали в путь доверенных людей и надеялись на мирное разрешение конфликта.

Обыкновенно волнения начинались весной, когда наступало время полевых работ и особенно остро ощущалось противоречие между потребностями собственного крестьянского хозяйства и назойливыми требованиями киселевской администрации: крестьянин, который должен был пахать в поле и засевать свою полосу, но отрывался от этой срочной работы на общественную запашку, на посадку картофеля или на отбывание бесконечных повинностей натурой, чаще проникался возмущением и протестом против феодальной опеки.

Следует отметить организующее воздействие русских крестьян на представителей других национальностей: более развитые и лучше ориентировавшиеся в обстановке великорусские оброчники являлись советчиками, а иногда организаторами в движениях коми, татар, мордвы и других народностей Севера и Поволжья. Как правило, при самом начале волнений из среды крестьян выдвигались более энергичные, инициативные и смелые участники волнения: они вели агитацию и формулировали общие требования; их выбирали поверенными, снабжали необходимыми средствами и облекали доверием «мира»; некоторые из таких крестьян поднимались до уровня настоящих руководителей массового движения, авторитетных и властных вожаков, влиявших на организацию и методы борьбы. Очень крупную роль, особенно в Приуралье, сыграли отпускные и отставные нижние чины — те же крестьяне, но предварительно побывавшие в армии, накопившие большой жизненный опыт, имевшие более широкий кругозор, а главное, владевшие военными навыками и большим умением разбираться в обстоятельствах. Именно из этой среды активной и бывалой прослойки деревни вышли планы предварительной организации вооруженного восстания, которые созрели в Приуралье и ярко проявились в движении 1843 года. Везде и всюду крестьяне старались держаться «мира», опирать-

ся на общество, на его решения и на его поддержку; отдельный земледелец, затерянный в массе ему подобных, бессильный перед могущественной дворянской властью, получал сознание силы и надежду на победу только в единении с обществом, с широкой массой крестьянства.

Несмотря на большой размах, крестьянское движение этого периода обнаруживало обычные слабые стороны крестьянской борьбы: и здесь, так же как в приуральском возмущении 1835 года, крестьяне были неспособны до конца осознать действительные причины борьбы, ясно и точно формулировать ее цели и наметить соответствующие им методы; вера в царя, как правило, сохраняла свою силу на всех этапах движения, во всех районах борьбы, среди различных народностей и разных прослоек борющегося крестьянства. Крестьяне объективно боролись против всей системы феодальной эксплуатации, но они не могли подняться до ясного осознания ее существа. Несмотря на свою бурную форму, самые активные движения носили оборонительный характер, вызывались стремлением не поддаваться передаче помещикам, остаться царскими, государственными, т. е. в сущности сохранить старую, менее жестокую форму феодальной эксплуатации. Пугачевское восстание 1773—1775 годов в этом отношении было выше волнений государственных крестьян 40-х годов XIX века: свободное казачество помогло крестьянским прослойкам самозванческой армии более точно и ясно формулировать требования феодально-угнетаемой массы. Государственные крестьяне 40-х годов оказались не в состоянии подняться до более широкого и правильного лозунга завоевания всей земли и всей воли. Правда, иногда наблюдался разрыв с привычной царистской идеологией, но это были редкие эпизоды, характеризующие отдельных представителей крестьянства, но не типичные для всей остальной деревенской массы. В период самого широкого разлива движения у крестьянства не было организационного центра, связывающего крупные районы или по крайней мере скрепляющего отдельные волости и селения. Попытки организующего воздействия со стороны вожаков не приводили к желаемой цели: стихия беспорядочного протеста заливала крестьянские села, и роль выделявшихся организаторов борьбы стушевывалась перед напором массового подъема. Наконец, в среде самих крестьян не всегда проявлялось полное единодушие: как правило, зажиточная верхушка деревни выступала со всей остальной массой, но бывали случаи, когда отдельные небольшие прослойки оказывались противниками борьбы и изменяли общей задаче. Эти недостатки крестьянского движения объясняют нам факты частой капитуляции рядовой массы. Крестьяне нередко показывали примеры необычайного героизма и замечательной стойкости, но наступали моменты, когда перед лицом вооруженной силы надламывались чувство единства и готовность к борьбе: общество выдавало «зачинщиков», падало на колени и возвращалось к надежде на поддержку и милость недосягаемо далекого, но «благодетельного» царя. Слухи о прибытии царя или наследника становились последней точкой опоры, источником утешения и надежды после понесенного поражения.

Оказали ли волнения государственных крестьян какое-нибудь влияние на политику власти? Если мы прислушаемся к реакциям правительства, возбужденного донесениями и отчетами о волнениях, то заметим некоторые отличия в оценках отдельных ведомств. Министерство внутренних дел и III Отделение, не слишком доброжелательно относившиеся к «затеям» Киселева, более трезво и правильно смотрели на причины волнений. Шеф жандармов в «нравственно-политическом отчете» 1843 года, докладывая о волнениях в казенных имениях, не скрывал отрицательных сторон нового управления: «Поводом к таким беспокойствам со стороны казенных крестьян были притеснения и поборы волостного начальства, желание перейти из ведомства Палаты государственных имуществ под зависимость

земской полиции, распоряжения о посеве картофеля, учреждение общественной запашки и вообще невежественный взгляд крестьян на вводимые по сельскому хозяйству улучшения». Это «вообще» и самое перечисление поводов к «беспокойствам» показывают классовую позицию чиновников III Отделения, которые были органически не способны понять настоящие причины крестьянского протеста. Тем не менее шеф жандармов, давая обобщенное заключение о Министерстве государственных имуществ, считал своим долгом сказать царю: «Меры к улучшению быта казенных крестьян доселе не совершенно успешны: ибо в 1843 году слышен еще был ропот на неудобства нового порядка и на некоторые притеснения со стороны чиновников, коим вверено управление казенными крестьянами». В отчете 1857 года оценка, данная Министерству государственных имуществ, звучала значительно суровее и резче: «Предначертанные для министерства уставы исполнены полезных правил, но от обширности ли ведомства, от недостатка ли верных исполнителей, или от слишком слабого наблюдения за точным выполнением постановлений,— благодетельная цель правительства до сих пор не достигнута».

Совершенно иначе расценивал события сам Киселев: и он, и его помощники решительно отклоняли мысль о недостатках реформы или министерского персонала как источнике крестьянских волнений. В докладе Николаю I, представленному в 1843 году, Киселев писал: «При допросах нескольких тысяч человек, конечно, готовых в извинение свое представить всякое малейшее стеснение со стороны начальства, не было ни одного указания на своекорыстие или самоуправство чиновников. Один токмо распространившийся страх *об изменении состояния* был поводом волнения умов». В другом документе, поданном Николаю несколько ранее, Киселев утверждал, что волнения распространялись почти исключительно в волостях инородческих «по совершенно частному обстоятельству», т. е. в связи с посадкой картофеля, и объясняются невежеством, дикостью и грубостью нравов крестьян. Киселев не только извращал истину; не желая компрометировать реформу, он сознательно умалчивал о том, что сделалось ему ясно в результате многочисленных расследований; хотя феодальное мировоззрение мешало ему понять настоящие причины крестьянской борьбы, но он отлично знал о насилиях и поборах местной администрации. Волнения 1841—1843 годов заставили задуматься не только самого Киселева, но и его министерских помощников. Было вполне очевидно, что государственные крестьяне, привыкшие к относительной самостоятельности, не могут примириться с усиленной феодальной опекой, которая приближает их положение к состоянию помещичьих крепостных. Вот почему наряду с беспощадными репрессиями, запарыванием сотен крестьян, преданием их военному суду, прогнанием сквозь строй, сдачей в солдаты и ссылкой на каторгу правительство должно было изыскать более эффективные меры для предупреждения новых волнений. 7 июня 1843 года в рескрипте Киселеву Николай I констатировал, что причиной крестьянских волнений было «единственно заблуждение крестьян по случаю распространения ложных слухов о перемене их состояния». «Для отвращения таковых происшествий на будущее время,— продолжал царь,— я признал необходимым обратить особое внимание местного начальства на предупреждение всяких неправильных слухов и действий, могущих возбудить подобные опасения и беспорядки между поселянами». Однако официальная борьба со всякими слухами и «ложными разглашениями, могущими дать повод к нарушению внутреннего в казенных селениях порядка», была явно недостаточной: нужно было вникнуть в ближайшие поводы развернувшихся волнений и сделать отсюда определенные практические выводы. Началась серия ревизий, были организованы следственные комиссии, прекратилась передача казенных имений в удельное ведомство, а в централь-

ном аппарате Министерства появился специальный комитет по пересмотру учреждений об управлении государственных имуществ.

Мы видели, какой огромный материал собрали министерские ревизоры и какие обобщающие выводы сделал сам Киселев на основании этого красноречивого материала. Но раньше чем раскрылась вся неприглядная картина местного управления государственными имуществами, были вынесены некоторые решения, которые имели целью остановить дальнейшее развитие волнений. Для крестьян всего ненавистнее были распоряжения, напоминавшие им о помещичьем управлении и крепостной кабале: введение общественной запашки, посадки картофеля, ссыпка семян и т. п. Этими вопросами и занялось Министерство государственных имуществ, чтобы устранить поводы, возбуждавшие ненависть и борьбу со стороны крестьян. Комитет 1843 года высказался против принудительных запашек, тем более что хозяйственные результаты подобной меры оказались более чем сомнительными. Комитет требовал, чтобы чиновники управления устранили себя от всякого влияния на ведение запашки и оставили их целиком «на волю сельских обществ». Тем не менее Комитет выражал уверенность, что со временем «при отклонении влияния управления на запашки, без сомнения, они будут учреждены повсеместно самими крестьянами». Киселев рассуждал более реально, чем члены Комитета. «Не полагаю и, напротив, убежден в противном»,— написал он против данного заключения. На другом листе комитетских постановлений он точнее разъяснил свою точку зрения: «Везде без изъятия крестьяне просили об отмене запашки, которая им кажется величайшим отягощением». Результатом этого вывода было циркулярное распоряжение, данное I Департаментом еще в 1842 году: «Строго наблюсти, чтобы при заведении в казенных селениях общественных запашек отнюдь не было употребляемо каких-либо насильственных мер и чтобы к учреждению таковых запашек приступаемо было не иначе, как по добровольному и единодушному согласию на то поселян». Но Киселеву было ясно не только недовольство крестьян введением запашки: ему было известно, что сам аппарат его Министерства, сами агенты губернского и окружного управления очень далеки от выполнения своего назначения. В циркуляре 30 мая 1842 года I Департамент резко критиковал действия окружных начальников: «...вместо того, чтобы посещать сколь можно чаще крестьянские селения, попечительством о крестьянах и личными справедливыми и заботливыми распоряжениями внушить к себе доверенность, окружные начальники ограничиваются формальною отпискою бумаг, а крестьяне их или вовсе не знают, или видят в них только беспечных и тягостных для себя начальников». Секретный циркуляр, лично подписанный Киселевым и разосланный Палатам государственных имуществ 17 июня 1843 года, высказывался еще яснее и резче; он требовал «укротить суровость в распоряжениях окружных начальников и помощников их, внушив им настоящее значение их обязанностей: наблюдение и попечительство, дабы крестьяне видели в них не строптивых управителей, стесняющих их свободу, но блюстителей порядка, свыше законами установленного, и защитников во всех их делах и нуждах». Особенно пугала Киселева бурная реакция крестьянства на непрерывное и назойливое вмешательство в сельское хозяйство. Поэтому он требовал: «...ограничивая себя во всем силою закона, воздерживаться особенно от всякого вмешательства во внутреннее крестьянское домоводство. В подобных обстоятельствах требуется влияние общих правительственных мер на массу; но в частности на каждого крестьянина мы должны действовать только вниманием и готовностью к удовлетворению приносимых от них просьб и жалоб». Киселев видел, что сломить крестьянский «мир» силой одних репрессий невозможно и безнадежно; по его мнению, нужно было подчинить этот мир своему влиянию, введя крестьянское самоуправ-

ление в определенное русло, направляемое начальством. Он требовал «дать развитие собственным мирским распоряжениям по всем предметам, дозволенным законами, и, в особенности, по делам семейным крестьян или общественным». У Киселева в соответствии с его феодально-дворянским мировоззрением, несколько смягченным просветительными идеями, была готовая мотивировка такого курса: «Не должно упускать из виду, что по нравственному состоянию наших поселян их следует считать людьми, не совершенно приготовленными к гражданскому устройству и, следовательно, как бы людьми, не достигшими совершенного возраста». Киселев и его помощники были убеждены, что крестьянство не доросло до «благодетельных» распоряжений разумной и мудрой власти; придет время, крестьяне будут воспитаны и поймут великое значение предпринятых преобразований. Поэтому надо «не спешить слишком резкими изменениями, но стараться вводить их постепенно». Обобщающий циркуляр, изданный Киселевым 30 ноября 1843 года, так формулировал общее направление деятельности местных министерских органов: «Итак, для настоящего — законность, для будущего — воспитание составляют основания всего преобразования... Посему главные наши усилия должны состоять в том, чтобы, следуя к цели учреждения, содействовать развитию между крестьянами собственного мирского управления, наблюдать за исполнением преподанных им правил, за порядком в составлении сходов, но не вмешиваться в суждения по делам, принадлежащим сельскому управлению и расправе, ни в постановления мирских сходов, если в собственных своих делах они действуют по праву, предоставленному законом. Наконец, по всем предметам улучшения внутреннего быта крестьян действовать не властью и строгостью, но возбуждать соревнование их, как выше сказано, приглашениями и поощрять тех из домохозяев, которые, следуя наставлениям, привлекут своим примером и других...». Материалы министерских ревизий показывают, насколько утопичны и недействительны были эти «попечительные» советы, шедшие вразрез с основной задачей реформы; мы видели, что в условиях разлагающегося крепостнического режима дворянский аппарат местного управления был далек от насаждения подлинного крестьянского самоуправления и от внимательного отношения к крестьянским интересам. Тем не менее постановления Комитетов и Департаментов, так же как циркуляры и высказывания министра, показывают, что волнения 1841—1843 годов произвели сильное впечатление на Киселева и его сотрудников. Хотя на местах продолжалась безудержная оргия произвола и вымогательств, после 1843 года наблюдается заметное изменение курса в политике самого Министерства: вдохновлявшийся раньше примером удельного управления, Киселев начинает отказываться от внедрения его приемов в практику своего «попечительства»; центральные органы Министерства перестают засыпать местные Палаты и окружные управления циркулярами о насаждении лучшего домоводства; самое законодательство, реализующее экономическую программу реформы, постепенно замедляется и получает менее откровенную и грубую крепостническую форму. Во всех этих изменениях нельзя не видеть колебаний самого Киселева и его Министерства: поселяя в правительственных верхах чувства опасения и тревоги, волнения крестьян лишали Киселева прежней уверенности в правильности принятого курса, несмотря на его публичные уверения в противоположном [53].

Дальнейшие события, развернувшиеся в государственной деревне,— непрерывная цепь волнений, вспыхивавших то здесь, то там, в различных районах и по разнообразным поводам,— должны были еще более усилить

---

[53] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1843 г., д. 503; КД, I, стр. 57—58; ЗД, II, стр. 107, 110—118, 161; IV, стр. 163—172.

это состояние неуверенности. Классовая борьба государственных крестьян не могла остановиться: она не была изолированным явлением, связанным исключительно с реформой Киселева; вызванная системой усиленной эксплуатации на казенных землях, она была показателем глубокого кризиса, который переживала вся феодальная система в целом. Экономическое развитие государственной деревни, так же как деревни помещичьей и удельной, подрывало устои феодальной собственности и феодального властвования. Создались условия для солидарного выступления различных разрядов деревенского населения против их общего классового противника.

Вот почему движение государственных крестьян произвело такое сильное впечатление на соседних — помещичьих и удельных — крестьян. Помещичьи крепостные и раньше оглядывались на казенные имения, завидуя участи своих более самостоятельных и свободных собратий. Пример крестьянской борьбы, правда, подавлявшейся с необычайной жестокостью, не мог не возбуждать размышлений и надежд в крепостной деревне. Отчет III Отделения 1847 года прямо говорит о том, что помещичьи крепостные западных губерний волновались под непосредственным воздействием «жителей казенных имений».

Волнения государственных крестьян произвели сильное впечатление и на демократическую интеллигенцию: о «картофельных бунтах» слышал, размышлял и писал Герцен; об уральских восстаниях 1842—1843 годов расспрашивали и рассуждали петрашевцы; очень вероятно, что в беседах молодого Чернышевского с его товарищем Лободовским о перспективах крестьянской революции учитывались широко распространенные сведения о волнениях государственных крестьян [54]. Таким образом, борьба государственных крестьян против феодальной эксплуатации и, в частности, против реформы Киселева оказывала двойное воздействие на существующую систему. С одной стороны, она расшатывала устои феодального строя, компрометируя реформу в глазах крепостнического дворянства и носителей власти; с другой стороны, она революционизировала демократическую интеллигенцию и, главное, само угнетенное крестьянство. Жестокие репрессии не могли устранить причины волнений,— они лишь загоняли внутрь недуг, разъедавший феодальное общество. Крестьяне, пережившие восстания, подвергшиеся тюремному заключению и массовому сечению розгами, видевшие жестокие истязания своих односельчан, провожавшие в арестантские дома, на каторгу, в Сибирь и в солдатчину своих излюбленных людей, ходоков и поверенных, не могли не испытывать негодования и ненависти против существующей власти. После каждого волнения накоплялось все больше скрытого недовольства, все больше потенциальной энергии в среде трудящейся массы. Одновременно происходило сближение государственных, удельных и помещичьих крестьян, боровшихся против феодального гнета за общий идеал свободной хозяйственной и правовой жизни. Какой бы ближайший исход ни имели крестьянские волнения, они являлись школой революционной борьбы, источником политического воспитания и приближали момент неминуемого крушения феодального строя.

---

[54] КД, I, стр. 78; А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. II. М., изд. АН СССР, 1954, стр. 322; «Дело петрашевцев», т. I, стр. 454, 457.

Глава шестая
ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА РЕФОРМЫ

1. Оценка реформы общественными кругами. 2. Нарастание революционного подъема. 3. Временная победа реакции. 4. Контрреформа М. Н. Муравьёва. 5. Реформа П. Д. Киселева и Положения 19 февраля 1861 года. 6. Ликвидация сословия государственных крестьян.

1. Оценка реформы общественными кругами

Реформа Киселева вызвала, с одной стороны, массовые протесты крестьянства, с другой,— злобные нападки в среде помещичьего класса. Крепостнически настроенное дворянство увидело в преобразованиях Киселева опасное посягательство на свои сословные прерогативы и подвергло резкой критике всю политику нового Министерства. Сам Киселев не отрицал враждебного отношения к проводимой реформе со стороны дворянства. В своем отчете 1850 года, поданном Николаю I в связи с 25-летием его царствования, Киселев говорил, что «неудовольствия, толки и противодействия были общие». По словам министра, к этому присоединялись тревожные опасения помещиков, что порядки, вводимые в казенных имениях, «рано или поздно должны отразиться на крепостном состоянии». Моментами феодально-дворянская оппозиция принимала чрезвычайно острые формы: так было в начале 40-х годов, когда по инициативе Киселева правительство пыталось ввести инвентаризацию помещичьих имений; так было и в 1848 году, когда испуганное европейской революцией дворянство с часу на час ожидало крестьянского восстания.

Французские дипломаты в начале 40-х годов доносили своему правительству о необычайном волнении, охватившем аристократические салоны в предвидении возможного умаления сословно-крепостнических прав дворянства. Эти сообщения подтверждаются письмами и дневниками современников: толки о проектах и преобразованиях Киселева были всеобщими. Негодование дворянства ярко отразилось в «Нравственно-политическом отчете» шефа жандармов за 1841 год. «Ни одно учреждение,— утверждал А. Ф. Орлов,— не вооружало против себя в такой сильной степени общего мнения, как Министерство государственных имуществ. В публике рассуждают, что желание отличиться законосочинением обнаружилось в этом Министерстве в сильной степени и что до сего времени ничего не издано, что бы сообразно было с положением России и потребностью крестьян. Говорят, что учреждением этого Министерства нарушена крепость основания российской монархии ко вреду самодержавия, что это — государство в государстве (status in statu) с своею законодательною, административною, судебною и исполнительною властью,— пример, вредный для кре-

постных людей; уважение дворянства к властям и крестьян к помещикам потрясено».

Еще острее обнаружилось дворянское недовольство во время революции 1848 года. По донесению агента III Отделения, даже имя Киселева произносили «с каким-то особенно неприятным выражением». «Находят,— добавлял информатор,— что все уставы его министерства ведут к образу представительного правления». Ведомство Киселева иронически называли «министерством государственных неимуществ», стараясь уверить себя и других, что помещичий крестьянин «благоденствует в сравнении с казенным». Смоленский предводитель дворянства Друцкой-Соколинский утверждал, что государственные крестьяне «увлекаются мыслию о свободе, рассекающей все узы порядка и обязанности к обществу и государству». Наиболее резко высказывался о Киселеве и его мероприятиях постоянный оппонент его проектов и преобразований — князь А. С. Меншиков. На страницах своего дневника он называл Киселева «злодеем дворянства», приписывал ему «злобное недоброжелательство» к правящему сословию, утверждал, что Киселев заражен «коммюнизмом», что он укореняет в деревне демократические начала «самостоятельности и самосудности» крестьянской общины, что он организует «лапотный суд», который «грабит крестьян лучше чиновников». В своей беседе с председателем Курской казенной палаты Меншиков дал ему понять, что он «всегда противодействовал радикальным нововведениям Киселева». Даже такие «консерваторы с прогрессом», как граф М. С. Воронцов и князь П. А. Вяземский, решительно отмежевывались от проводимой системы «попечительства» над крестьянами. После ожесточенных споров с министром государственных имуществ М. С. Воронцов добился полного изъятия кавказских губерний из ведомства нового управления и при поддержке Кавказского комитета уничтожил в своем наместничестве Палаты государственных имуществ. «Старая записная книжка» П. А. Вяземского была испещрена ироническими замечаниями о Киселеве и его реформе. Вяземский сравнивал Киселева с французским министром Калонном, способным на блестящие речи, но абсолютно чуждым положительных знаний и деловой практики; Вяземский обвинял Киселева в неумении отличать глупость от ума и считал его политической фигурой, характерной для «эпохи проектов, увлечения резкими мнениями, предположений, непредусмотрительности». В апреле 1848 года в Москве ходила по рукам карикатура: «Идет тень Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовского, а другою — на плечо Киселева». Такое своеобразное толкование «радикальных» нововведений верноподданных министров Николая I показывает всю силу сословно-дворянского страха перед лицом внутреннего социального кризиса, осложненного впечатлениями европейских революционных событий. Недаром посетители дворянских гостиных с восхищением повторяли политическую остроту Меншикова: «Нам не страшен коммунизм, а страшен киселизм». Это было время, когда воскресали старые аристократические проекты, противопоставлявшие феодализм помещичий феодализму государственному, безраздельное господство помещика казенному управлению крестьянами [1].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Меншикова, д. 6, лл. 95—96; д. 7, лл. 159—160, 162, 187; СРИО, т. 98, стр. 495; КД, I, стр. 44—45; Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб, 1883, т. VIII, стр. 382; т. IX, стр. 209; т. X, стр. 127, 168, 217; Из переписки гр Нессельроде (РА, 1910, кн. II, стр. 133); Из записок сенатора К. Н. Лебедева (РА, 1910, кн. III, стр. 194, 562—563); Письма кн. М. С. Воронцова кн. Бебутову (РС, 1883, июль, стр. 257); ЗД, II, стр. 146, 154—157, 286; А. Шилов. Революция 1848 года и ожидание ее в России (ГМ, 1918, № 4—6, стр. 241); М. Лемке. Николаевские жандармы и литература. СПб, 1909, стр. 346—347; Е. В. Тарле. Запад и Россия. Пг., 1918, стр. 7—27.

Совершенно иная критика по адресу киселевской реформы звучала в прогрессивных кругах дворянского общества: здесь нападали на гипертрофию бюрократического начала, на излишнюю опеку над крестьянами, на сложность административных и судебных инстанций и особенно на чудовищные злоупотребления министерского аппарата. Декабрист М. С. Лунин в своей далекой сибирской ссылке внимательно следил за реформой Киселева. В соответствии со своими взглядами о неуклонном прогрессе он видел в Положениях 1837—1838 годов симптом нового времени, предвестие грядущих гарантий против самодержавной власти; но в то же время он решительно осуждал раздутость бюрократического аппарата, совмещение в одних и тех же органах судебной и административной власти, пристрастие к внешней, парадной форме. Славянофил А. С. Хомяков был не согласен со всей политикой Киселева; в 1842 году он писал А. В. Веневитинову: «Киселев гонится за дрянью под видом казенного интереса, а истинного добра не хочет сделать нигде».

Еще суровее был приговор революционно-демократического лагеря. А. И. Герцен, несмотря на свою идеализацию крестьянской общины, поддерживаемой и охраняемой Киселевым, писал, что судьба 20 миллионов государственных крестьян еще более печальна, чем судьба крепостного населения России; вмешательство правительства в дела крестьянской общины Герцен считал «новым и неисчерпаемым источником беззаконий и насилий». В том же тоне высказывался Н. П. Огарев; по его словам, Министерство Киселева превратило крестьянских выборных в послушных чиновников: «Перед администрацией стерлась личность человека. Администрация *поглотила общину,* остановив ее при ее точке отправления, т. е. при общинном землевладении, и не пуская развиваться далее». Результатом правительственных реформ стало поголовное грабительство: «Недоимка растет, народ становится нищим; окружные и головы богатеют». Петрашевцы в своих политических беседах обсуждали, по-видимому, не только крестьянское восстание на Урале, но и все управление Киселева: на одном из собраний у М. В. Петрашевского Ф. Н. Львов декламировал политическую басню, которая обличала «попечительную» систему Министерства государственных имуществ. Н. Г. Чернышевский выступал в печати против предложений распродать казенные земли, но в то же время считал казенное управление крестьянами воплощением системы эксплуатации и насилия.

Таким образом, реформа Киселева не имела за собой прочной общественной опоры: против нее выступали не только идеологи революционно-демократического течения, но и представители правящего класса, которому, по замыслу автора, она была призвана указать выход из нарастающего кризиса. Реформу приветствовала и восхваляла преимущественно прослойка либеральных бюрократов, ближайших сотрудников Киселева и их немногочисленных друзей, вроде К. Д. Кавелина. Но и здесь мы не встретим безоговорочного признания положительных сторон проводимых преобразований. Даже ближайший помощник, а позднее — временный преемник Киселева, Д. П. Хрущов, который считал его принципы своей «глубокой и задушевной верой», вносил трезвые коррективы в свои дифирамбы реформе: говоря об управлении Министерства, он добавлял, что «магический жезл благоденствия народа не в его руках». Хрущов напоминал при этом о «тысяче преград», опутывающих труд, о невозможности вести прогрессивное сельское хозяйство при крепостном праве, наконец, об отсутствии честных служебных кадров, которые могли бы противостоять упорному натиску своекорыстного дворянства. «И в борьбе со всеми этими враждебными силами,— пессимистически заключал Хрущов,— где бы-

ло искать надежных орудий? В той же самой безнадежной среде, в которой у нас орудия зла так сильно развились и размножились».

Киселев держался главным образом благоволением Николая I, который жил иллюзией необыкновенных успехов Министерства государственных имуществ, подготовляющих безболезненное решение трудно разрешимого крестьянского вопроса[2].

2. Нарастание революционного подъема

Вопрос о целесообразности административно-хозяйственного курса Киселева приобрел особенно острую постановку в условиях Крымской войны и послевоенного периода. Война нанесла тяжелый удар хозяйственному положению страны, обострила кризис феодально-крепостнической системы и дала сильнейший толчок росту массового недовольства. Смерть Николая I, падение Севастополя и заключение Парижского мира послужили исходными пунктами революционного подъема, которому сопутствовало усилившееся влияние либерально-дворянской оппозиции.

Государственная деревня испытала на себе все бедствия военного времени. Она потеряла сотни тысяч рабочих рук, призванных в армию в качестве рекрутов и ратников ополчения. Необычайно усилились натуральные повинности крестьян, особенно постойная и дорожная, связанные с передвижением войск. Прекратились торговые сношения с заграницей, которые поддерживали сельское хозяйство целого ряда губерний. Наступило общее расстройство торговли и промышленности. Уменьшился спрос на рабочую силу, а в связи с наборами рекрутов был затруднен отход крестьян из деревни. Обессиленная потерей множества работников, деревня одновременно лишилась важных источников денежного дохода. Повсеместно наблюдались безденежье и неизбежное следствие этого явления — неспособность крестьян выплатить оброки и государственные налоги. После окончания войны Министерство запросило губернские Палаты о хозяйственных потерях, понесенных государственными крестьянами. Этот материал рисует нам тяжелую картину почти повсеместного обеднения деревни, а в губерниях, непосредственно затронутых военными действиями, почти обнищание непосредственных сельских производителей. По подсчетам Министерства, государственные крестьяне, помимо рекрутов, поставили 139 308 человек в ратники ополчения. Расходы на обмундирование, провиант, фураж и путевые издержки ополченских дружин выразились в сумме 3 195 742 рубля; львиная доля этих расходов пала непосредственно на сельские общества. Если в 1852 году екатеринославская деревня дала 823 073 пеших и конных работников на починку дорог, перевозку кладей и другие повинности, то в 1855 году эта цифра выросла до 974 090 человек; в промежуток между 1852 и 1855 годами количество квартир, отведенных крестьянами для военного постоя, увеличилось с 1 508 138 до 6 231 839. Не менее красноречивы цифровые данные, которые свидетельствуют о торговых и промышленных потерях государственного крестьянства. В Вологодской губернии сумма, вырученная за продажу льна и льняной пакли, упала с 900 тысяч рублей

---

[2] ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 74, лл. 7—8; М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 38—39; А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 493, 510; «Дело петрашевцев», т. I, стр. 412—413; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1947, стр. 672—680; т. VII. М., 1950, стр. 523; «Исторические материалы из Архива Министерства государственных имуществ», вып. I. СПб, 1891, стр. 145; Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 6, стр. 275—276; «А. П. Заблоцкий-Десятовский» (РС, 1882, февраль, стр. 540, 549).

в 1853 году до 240 тысяч рублей в 1855 году, доходы от продажи льняного семени уменьшились с 96 тысяч до 17 500 рублей; выручка, полученная от сбыта ржи,— с 275 тысяч до 130 тысяч рублей, ячменя — с 11 тысяч до 1200 рублей; пшеницы, которой в 1853 году было продано на 5700 рублей, в 1855 году вовсе не поступило на рынок. Резко сократился отход крестьян на заработки: подсчитывая промысловые доходы рабочих, занятых обделкой льна и пакли, просевом льняного семени, постройкой и сплавом барок, Вологодская палата установила, что полученная сумма сократилась с 314 700 рублей в 1853 году до 75 250 рублей в 1855 году.

Местные органы давали самые неутешительные сведения о состоянии крестьянского хозяйства. Управляющий Черниговской палатой писал, что хозяйство государственных крестьян «в последнее время действительно приняло неудовлетворительное положение». Из Самарской губернии сообщали: положение крестьян «крайне тягостно и неизбежно отражается на поступлении податей». Тамбовская палата, изложив все бедствия 1853—1855 годов, пришла к следующему заключению: «Ущерб этот не частный по некоторым местностям и по некоторым промыслам и отраслям хозяйства, но общий по целой губернии и по всем частям хозяйства и промышленности». Тот же вывод был сделан в Нижегородской губернии: «Упадок в хозяйстве и промыслах государственных крестьян Нижегородской губернии, действительно, в 1855 году сделался заметен. Его справедливее полагать общим, а не частным». Орловская палата пыталась успокаивать Министерство, уверяя, что крестьянское хозяйство «не пришло в упадок», но тут же прибавляло, что быт крестьян сделался хуже, «они стали беднее и затрудняются не только в исполнении денежных повинностей, но и в достаточном продовольствии и содержании себя». Еще тяжелее были отзывы из северных и южных губерний: по словам управляющего Архангельской палатой, крестьяне жили в достатке, «но два года войны расстроили совершенно быт их и в особенности крестьян приморского края»; по заключению Херсонской палаты, крестьянское хозяйство «пришло в чувствительный упадок, и упадок этот повсеместен».

К тяжелым последствиям войны присоединялись не менее тяжелые результаты неурожаев и падежей скота; например, государственные крестьяне Смоленской губернии пережили 4 неурожая: в 1851, 1853, 1854 и 1855 годах; управляющий Смоленской палатой полагал, что при таком недостатке хлеба жители плодородных губерний страдали бы от голода, но тут же старался утешить руководителей Министерства: «Привычка здешних крестьян к пушному хлебу и какая-то особенная способность насыщать себя смесью всего чуть-чуть питательного спасает их от голода». Впрочем, управляющий тут же предупреждал центральные органы против увеличения окладов денежных повинностей: «Крестьяне начинают на сходах спрашивать окружных начальников, что за причина, что платежи год от году увеличиваются, и будет ли этому конец?» В рапорте Смоленской палаты было и другое, не менее характерное сообщение: «Если и допустить, что число взяточников ныне уменьшилось, то нельзя не признаться, что мера взяток в это время страшно увеличилась. Там, где прежде достаточно было дать четвертак, ныне нельзя окончить сделки и одним рублем серебра». Наглядным подтверждением наступившего расстройства крестьянского хозяйства служит относительное, а местами и абсолютное сокращение посевов и поголовья скота, зарегистрированное во многих губерниях Европейской России [3].

---

[3] ЦГИАЛ, ф. I Д, 1856 г., д. 26491; ф. Кнц М, 1856 г., д. 1731, лл. 10—13; ИРЛИ. ф. Дашкова, д. 1407/369. Ср. выше главу IV.

Тяготы войны, упадок хозяйства, обнажившиеся язвы крепостного строя не могли не вызвать массового недовольства существующим положением. Центральная и местная администрация с опаской оглядывалась не только на помещичью, но и на казенную деревню. Когда было объявлено военное положение в западных губерниях, Киселев обратил особое внимание управляющих Палатами «на сохранение спокойствия и порядка между государственными крестьянами и другими свободными сельскими обывателями...». В 1854—1855 годах, когда обширные районы Европейской России были охвачены крестьянскими волнениями, Министерство заняло особенно настороженную позицию. В связи с киевской «казачиной» 1855 года местный губернатор с удовлетворением извещал Киселева, что государственные крестьяне остались не затронутыми развернувшимся движением. Однако эти успокоительные уверения оказались несколько преждевременными. Действительно, в районах бывших арендных имений крестьяне чувствовали себя лучше после перехода на систему оброка, а требования помещичьих крепостных «записать их в казаки» в сущности было вариантом старого лозунга о переводе в казенное ведомство, т. е. о полном освобождении от помещичьей власти. Тем не менее уже в период войны волнения вспыхнули и в государственной деревне: в начале 1855 года в III Отделение поступили сведения об отказе некоторых крестьян Ново-Александровского уезда Ковенской губернии от поставки военных рекрутов. Заявления крестьян сопровождались не только бегством очередных рекрутов, но и вооруженными выступлениями против полицейских отрядов. В селах Булавишки и Красногорка государственные крестьяне с топорами, дубинами и пистолетами в руках напали на местных чиновников и избили некоторых из понятых. Волнения закончились арестами и военным судом, которому было предано 17 человек.

Более серьезные протесты вспыхнули в Нижегородской и Пензенской губерниях в связи с набором ратников ополчения. В Пензенской губернии жило немало лашманов, рубивших лес для морского ведомства и поэтому освобожденных от воинской повинности. Они не считали себя обязанными идти на войну и отказывались поставлять ратников в ополченские дружины. В марте 1855 года, когда в лашманские общества Краснослободского уезда поступило распоряжение выставить ополченцев, были созваны мирские сходы, и некоторые крестьяне, намеченные к набору, отказались явиться на призывные пункты. В деревне Старое Аллагулово, населенной татарами, крестьяне Сейфула Махмутов и его брат Монасып заявили, что и сами не пойдут на войну, и другим не велят являться, так как их посылают туда незаконно. В Пензяцкой волости Инсарского уезда крестьяне на общем сходе вовсе отказались от выбора ратников и сбора денег на ополчение, ссылаясь на то, что все они — лашманы и от военной службы полностью освобождены; произошло столкновение между крестьянами и сельскими «выборными», которым были причинены «жестокие побои». От лица крестьян нескольких лашманских деревень — Пензятки, Щербаковки, Свербинки, Пишви — было подано прошение министру государственных имуществ: крестьяне жаловались, что их начальство, «воспользовавшись волею покойного» [т. е. умершего Николая I], делает «большие притеснения и незаконные поборы», и просили Министерство прислать особого чиновника для производства следствия.

Отказы от выбора ратников охватили значительный район. По докладу Киселева, Александр II приказал «при формальном отказе избрать и поставить в ополчение ратников, взять с ослушников то же число рекрут, за коих квитанции выдать тем обществам и семействам, которые поставят из них ратников». В волнующиеся районы был коман-

дирован чиновник местной Палаты, который дожен был разъяснить, что «ратники — не рекруты, и что никто от поставки первых не изъемлется».

После окончания войны в целом ряде губерний — Московской, Смоленской, Калужской, Пензенской, Тамбовской и других — возникли волнения среди вернувшихся ратников ополчения. Помещичьи крепостные отказывались от выполнения барщины, государственные крестьяне предъявляли требования о выдаче причитающихся им денег, задержанных дружинными начальниками, и о предоставлении им различных льгот. В Московской губернии некоторые ратники были наказаны за «ослушание начальства». Кроме того, брожение, охватившее крепостную деревню, неизбежно передавалось государственным крестьянам: повсеместно ходили слухи о предстоящей воле; то здесь, то там крепостные отказывались от выполнения барщины и уплаты оброка. Государственные крестьяне жили бок о бок с помещичьими и не могли не сочувствовать их стремлению к освобождению от рабства. Тяжелые испытания военного времени сблизили различные разряды трудового населения. Общее чувство солидарности в борьбе против феодального угнетения подготовляло почву для повсеместного крестьянского движения. Эта глубокая внутренняя связь наглядно проявилась весной 1856 года, когда началось стихийное движение крепостных крестьян южных губерний, самовольно переселявшихся на Таврический полуостров. Крестьян поднимали распространявшиеся слухи, что на Перекопе они получат свободу от помещиков и обеспечивающие земельные наделы. Крепостные крестьяне заколачивали свои избы, нагружали телеги имуществом и вместе с семьями отправлялись по направлению к Крыму. Из Екатеринославской губернии двинулось 9 тысяч человек, заполнивших все дороги. Генерал-адъютант Адлерберг, командированный для подавления волнений, доносил царю, что помещичьи крестьяне нередко поднимались по «наущениям» государственных крестьян. Этот факт подтверждается документами Екатеринославской палаты государственных имуществ: действительно, в ряде пунктов — в селе Калужино Верхне-Днепровского уезда, в селе Криничеватое Екатеринославского уезда, в Никопольском уезде, на Карнауховских хуторах были замечены государственные крестьяне Семен Юмин, Федор Молчан, Федосий Неделька, Григорий Яичко, Федор Свириденко, которые убеждали помещичьих крепостных, что их ожидают впереди желанные земля и воля. Бежавших помещичьих крестьян ловили военные отряды с помощью понятых, набранных в государственных деревнях. Екатеринославские губернатор и предводитель дворянства жаловались в Петербург, что крестьяне казенных имений и даже сельские правления противодействуют поимке и потворствуют беглецам. Во всех деревнях этого района наблюдалось глухое брожение: массовые переходы войск во время войны подорвали крестьянское хозяйство; мобилизация государственных крестьян для поимки и конвоирования беглецов отрывала деревню от полевых работ; сельские тюрьмы в государственных селах были заполнены пойманными крепостными,— все это создавало обстановку общей тревоги и недовольства.

Чем больше назревала революционная ситуация, тем чаще проявлялось чувство классовой солидарности между разными прослойками и категориями крестьянства. В своем отчете 1859 года шеф жандармов сообщал о нескольких фактах «недопустимого поведения» казенных крестьян: когда они были собраны в качестве понятых для усмирения крепостных помещика Колунчакова в Тамбовской губернии, то заявили, что они не позволят наказывать виновных, и этим еще более усилили начавшееся волнение; в Черниговской губернии был предан суду государственный крестьянин, составлявший «просьбу возмутительного

содержания» для крестьян помещика Ярошевицкого, не желавших подчиняться новым владельцам. Особенно ярко проявился стихийный протест против действующего порядка в «откупном движении» 1859 года, которое Н. А. Добролюбов с полным основанием считал образцом народной активности и самодеятельности. И в крепостной, и в государственной, и в удельной деревне давно накопилась ненависть против системы откупа на продажу винных питей; крестьяне негодовали против злоупотреблений откупщиков и их агентуры: порчи вина, обмера и продажи его по вздутым ценам, против навязчивых обысков, связанных с преследованием корчемства. Подкупая взятками местную администрацию, откупщики наживали огромные барыши, спаивая крестьян и местами доводя их до нищенства. На почве растущего недовольства против питейного откупа, этого яркого проявления разлагавшейся крепостнической системы, не раз возникали массовые крестьянские протесты. Так было еще в 1846 году в казенном селе Городище Екатеринославской губернии, когда военный отряд, руководимый поверенными откупщиков, в течение трех недель мучил крестьян поголовными обысками; так было и в 1850 году в Холмогорском уезде Архангельской губернии, когда государственные крестьяне, требуя выполнения законных условий о продаже дешевого вина, разбили несколько питейных домов. В 1859 году движение вылилось в более организованные и широкие формы. В различных губерниях России помещичьи, удельные и государственные крестьяне созывали сельские сходы, под круговой порукой заключали договоры об отказе от употребления хлебного вина, сообща назначали наказание для отступников от мирского решения, систематически и последовательно выполняли план борьбы против откупа. В некоторых местах движение принимало стихийные, неорганизованные формы: крестьяне нападали на питейные дома, избивали сидельцев, расхищали вино; в стихийном взрыве народного возмущения против откупа тонули мирные попытки коллективного воздержания от пьянства. Это широкое, самостоятельно возникшее и разлившееся на огромной территории народное движение против откупа было симптомом нарастающего подъема, показателем накопившегося негодования против крепостнического строя и предвестием новых возможных выступлений более сознательного и глубокого характера. В «народном деле» 1859 года, как назвал его Н. А. Добролюбов, слились потоки, шедшие из разных сел и деревень, крепостных, государственных и удельных крестьян. Именно эта солидарность всей крестьянской массы в борьбе с самодержавием и крепостничеством была желанным идеалом в глазах представителей революционной демократии; именно этого боевого единства опасались руководители дворянского государства, задумываясь над перспективами близкого будущего. Пробуждающаяся солидарность всего крестьянства давала себя чувствовать и позже в 1861 и 1862 годах, когда государственная деревня не только отказывалась усмирять помещичьих крепостных, но порой оказывала активное сопротивление военной расправе с их трудовыми собратьями [4].

По-видимому, представителям революционной демократии были хорошо известны совместные дружные выступления крепостной и государственной деревни. Когда в 1861 году Н. Г. Чернышевский писал свое воззвание «Барским крестьянам», он убеждал их действовать сообща и единодушно: «Надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, что-

[4] ЦГИАЛ, ф. ДПИ, 1850 г., д. 1923; ф. I Д, 1847 г., д. 8968; 1855 г., д. 23654; 1856 г., д. 24854; ф. II Д, 1885 г., д. 13859; ф. V О, д. 26565, л. 362; ЦГИАМ, ф. III О, 4 эксп., 1850 г., д. 126; 1856 г., дд. 115, 166, 201; КД, I, стр. 92—93, 131—132, 134—136; II, стр. 13, 36.

бы заодно быть, когда пора будет». Разоблачая перед помещичьими крестьянами содержание объявленной «воли», Чернышевский звал их на революционную борьбу за настоящую, подлинную свободу. Эта грядущая крестьянская революция мыслилась им как совместное движение помещичьих, государственных и удельных крестьян: «Вот вы, барские крестьяне, значит одна половина русских мужиков. А другая половина государственные да удельные крестьяне. Им тоже воли-то нет. Вот вы с ними и соглашайтесь, и растолкуйте им, какая им воля следует, как выше прописано. Чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни над ними не было, а чтобы тоже мир был всему голова. И от нас, ваших доброжелателей, поклон им скажите: как вам, так и им одного добра мы хотим». Крестьянская революция, по мысли Чернышевского и Добролюбова, должна была покончить не только с властью крепостника-помещика, но и с властью грабителя-чиновника, с замкнутым миром министерского управления, основанного на эксплуатации и насилии со стороны самодержавной бюрократии.

Единство целей в борьбе крестьянства за землю и волю проповедовали и представители лондонского центра. Летом 1858 года «Колокол» обращался к Александру II с настойчивым советом отпустить на волю государственных крестьян, т. е. уничтожить Министерство государственных имуществ: «Поверьте, они лучше устроятся сами, чем если их станут устраивать». В «Голосах из России» Герцен поместил сочинение Н. А. Мельгунова «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», содержавшее критику многовластия и военно-командной деятельности Министерства государственных имуществ. После манифеста 19 февраля 1861 года Н. П. Огарев составил агитационное сочинение в форме проекта адреса, обращенного к царю от государственных крестьян. Этот документ обнаруживает детальное знакомство автора с экономическим и правовым положением государственной деревни. В виде прошения к царю Огарев выдвигал основные требования крестьян: закрепить за сельскими общинами полную собственность на землю, доведя ее до нормального душевого надела («из расчета не менее 4-х и не более 15-ти десятин на душу») с предоставлением земельных излишков малоземельным; предоставить крестьянам свободно выходить из общины по собственному желанию, разрешать все вопросы хозяйственной и административной жизни миром, без всякого давления чиновников, управляться старшинами и «добросовестными», независимо выбранными из среды односельчан; отменить телесные наказания; в случае притеснения уездного и губернского начальства иметь право жаловаться в установленные органы. Адрес заканчивался параграфом, который бросает свет на основную революционную задачу документа: «Начальство же, поставленное над нами от Министерства государственных имуществ, мы, государь, просим тебя отменить; стоит оно тебе дорого, а нас оно грабит, и как ты крестьян освободил от помещиков, так и нас освободи от волостных голов, окружных, палат, министерства и министра. Дай нам возможность дышать свободно и жить по-человечески, Мы управимся и сами... Нам легче исполнять законные требования земской полиции, чем биться, как рыба об лед, между барином, т. е. окружным, который нас грабит и сечет,— с одной стороны, и становым приставом, который нас грабит и сечет,— с другой стороны...» Проект завершался просьбой, чтобы права крепостных и государственных крестьян были одинаковыми,— в этом Герцен и Огарев видели правовую гарантию объединения нескольких деревень в один мир, осуществление идеализированных традиций русской поземельно-административной общины. Огарев предполагал, что составленный проект адреса

станет основой для широкой агитационной кампании в среде государственного крестьянства [5].

В обстановке обостряющихся классовых противоречий правящее сословие переживало состояние разлада и колебаний. После понесенного военного поражения, в условиях хозяйственного и финансового кризиса, широко распространилась критика действующих институтов и отдельных администраторов. В правительство поступали разнообразные — официальные и частные — записки, предложения, проекты. Наряду с основным вопросом о будущем крепостной деревни обсуждался и другой, неразрывно связанный с ним, вопрос — о методах управления государственными крестьянами. Реакционно-крепостнические круги, испуганные ростом крестьянского движения, обрушились с резкой критикой на Министерство государственных имуществ. С этой точки зрения очень характерна записка о внутреннем состоянии России, хранящаяся в бумагах П. А. Валуева — впоследствии министра внутренних дел. Записка была составлена после заключения Парижского мира; автор сурово критикует существующий порядок, но стоит на позиции сторонника самодержавия и крепостного права. Во второй главе он подробно останавливается на хозяйственном положении государства, которое иллюстрирует тяжелым положением государственной деревни. «По самым отчетам правящего ими ведомства,— утверждает критик,— видно, что крестьяне имеют едва третью часть хлеба, нужного для пропитания... Они должны продовольствие заменять картофелем, овсом, житом, мякиной и покупать хлеб из помещичьих имений» или прикупать хлеб, импортируемый из-за границы. «Недоимки на казенных крестьянах тоже доказывают степень разорения и нищеты, в какой они находятся». Из этих предпосылок, подкрепленных статистическими данными, автор делает самые реакционные выводы в сословно-дворянском духе: «Отчего же, как не от лучшего управления, удельные и помещичьи крестьяне не только кормятся своим хлебом, но кормят казенных, все государство и доставляют значительное количество для торговли? Ежели бы земледелие всей России было в казенном управлении, то, судя по этому, пришлось бы умирать с голода». Читатель должен был сделать определенный вывод из приведенных рассуждений: с чисто практической точки зрения хозяйственно отсталое государство должно перевести не помещичьих крестьян на положение «свободных сельских обывателей», а обнищавших и голодающих государственных крестьян на положение удельных и помещичьих. По-видимому, это была та самая записка, о которой упоминает Я. А. Соловьев, характеризуя выступление дворянской реакции против отмены крепостного права [6].

Реакционное дворянство, обсуждая волнующую проблему деревенской реформы, требовало ликвидировать опасную систему «попечительства», пугало Александра II стихийным движением государственного крестьянства и выдвигало проекты перевода государственных крестьян на удельное, т. е. полукрепостническое, положение. Такой позиции держались крупнейшие сановники предыдущего царствования: председатель Государственного совета А. Ф. Орлов, шеф жандармов В. А. Долгоруков, член Государственного совета князь П. П. Гагарин и др. Это было возрождением той самой «теории» всепоглощающего помещичьего феодализма, которая выдвигалась в XVIII веке и в первые десятилетия XIX века и в свое время была отвергнута Киселевым и Николаем I.

---

[5] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 523—524; [Н. П. Огарев] Опять надежды! («Колокол», л. 21); «Голоса из России», ч. I. Лондон, 1858, стр. 129; «Литературное наследство», № 39—40. М., 1941, стр. 331—336.

[6] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, д. 30, лл. 20—21; Я. А. Соловьев. Крестьянское дело в 1856—1859 гг. (РС, 1880, февраль, стр. 327).

Более умеренные противники Киселева, соглашаясь с критикой Министерства государственных имуществ, делали более осторожные политические выводы. Выразителем этих мнений был историк М. П. Погодин, развивший шумную публицистическую деятельность во время Крымской войны и сейчас же после ее окончания. В одном из своих «историко-политических писем» под непосредственным влиянием близкого поражения и ополченских движений Погодин указывал на опасность крайних реакционных распоряжений правительства. Он убеждал своих читателей, и прежде всего Александра II, что отмена подобных распоряжений необходима и что самое существование крепостного права чревато страшными политическими бедствиями: «Помещичье спасение в дурном управлении государственных имуществ, которое, впрочем, одно, в пополнение наших противоречий, заботится об освобождении крепостных крестьян, чтобы перевести их из огня да в полымя! Но улучшись жизнь казенного крестьянина — будьте уверены, что этот вопрос в самой нелепой, может быть, форме представится какому-нибудь бессрочно отпускному О'Коннелю и заварится каша крутая». Очевидно, автор считал единственным выходом из создавшегося положения отмену крепостного права и согласованное с ней преобразование быта «свободных сельских обывателей». М. П. Погодин не расшифровывал своего понятия «дурного управления государственных имуществ», но у нас есть другой источник, вышедший из-под пера сенатора К. Н. Лебедева, близкого к М. П. Погодину по своим политическим воззрениям и оценкам. Отдавая должное П. Д. Киселеву как одному «из замечательных наших государственных людей», К. Н. Лебедев писал в своих «Записках»: «Как трудно у нас сделать что-нибудь полезное, простое при самых искренних и чистых желаниях!». Разбирая управление, созданное законом 1838 года, автор приходил к выводу, что это управление, «стеснив сельское население напрасными формальностями, ослабило мирской элемент (единственная форма управления, возможная в широком нашем сельском хозяйстве) и, не определив свойство земельного владения, не могло способствовать развитию земледельческой деятельности». В дальнейшем К. Н. Лебедев утверждал, что «притязательная система отыскания казенного достояния» поколебала частную собственность, что приращения доходов, достигнутые Министерством, построены на иллюзии и что переход на подоходную систему налогов «умаляется ошибками кадастрации и введением в оную промыслового сбора, гибельного для начинающегося развития промысла в селениях». Кажущаяся заслуга Киселева — образование специальных капиталов, которыми вправе распоряжаться только Министерство государственных имуществ; но в действительности такое «накопление непроизводительных капиталов, самовластно изъятых из производительного обращения их в бедном населении»,— одна из крупных экономических ошибок Киселева. По-видимому, осуждая систему «попечительства», введенную реформой Киселева, К. Н. Лебедев, а может быть, и М. П. Погодин хотели свести на нет ее основные руководящие принципы [7].

Крайне левую позицию в рядах господствующего класса занимала группа либеральных бюрократов: Д. П. Хрущов, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Я. А. Соловьев и другие, внешне и внутренне примыкавшие к петербургскому кружку Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина. Из них наиболее подробно и откровенно высказался Д. П. Хрущов, соединявший в своем лице придворное звание гофмейстера с либеральными

[7] М. Погодин. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856. М., 1874, стр. 263; Из записок сенатора К. Н. Лебедева (РА, 1910, кн. III, стр. 562—563).

планами преобразования России. Одно время он прочил себя в ближайшие преемники Киселева, был связан с либеральным салоном великой княгини Елены Павловны и систематически информировал ее о событиях, поддерживая оживленную переписку с ее фрейлиной баронессой Раден. В конце апреля 1857 года Хрущов известил Раден о своей доверительной беседе с оппозиционно настроенным великим князем Константином. Оба собеседника сходились в своих мнениях о перспективах ближайшего будущего. Константин, так же как Хрущов, высоко оценивал деятельность Киселева как министра государственных имуществ; соглашаясь с основными принципами его направления, оба допускали необходимость частичных исправлений в Министерстве, но считали правильной руководящую задачу Киселева: созданием благоустроенной казенной деревни подготовить почву для предстоящей отмены крепостного права. «В. к. Константин,— писал Хрущов,— высказал ту же озабоченность, те же опасения, те же точки зрения на будущее и то же мнение о лекарствах, из которых первым должно быть личное обновление правительства, введение в него людей нового поколения, понимающих потребности времени и способных по своей энергии и настойчивости провести реформы, в которых чувствует необходимость весь мир, но на которые не способны стоящие у власти люди старого поколения». Хрущов не скрывал руководящих мотивов такого смелого заключения: «Великий князь спросил меня, читал ли я работу Токвиля о старом и новом режиме, и после моего утвердительного ответа распространился о страшных уроках, которые содержит эта книга, и о своих попутных замечаниях применительно к нашему положению. Одним словом,— прибавил великий князь,— как вы и сказали, если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции,— как бы не странно было об этом подумать,— она неизбежно произойдет без нас и против нас». Этот главный аргумент Константин дополнил жалобами на промышленную и общую отсталость России и на вытекающее отсюда бессилие государства перед лицом победивших западноевропейских государств [8].

Таким образом, позиция либерального крыла помещичьего класса была вполне определенной: нужно провести отмену крепостного права и внести частичные поправки в несколько устаревшие «Положения» Киселева, а главное, необходимо изменить личный состав правительства и, в частности, Министерства государственных имуществ,— устранить корыстных чиновников и таким путем пресечь наблюдаемые злоупотребления.

Если оставить в стороне либеральную группу, которая не пользовалась поддержкой нового самодержца, требования дворянских кругов в период революционного подъема можно охарактеризовать следующими словами: надо ликвидировать «попечительную» систему Киселева, доказавшую свою полную бесплодность и свои опасные антидворянские тенденции. О бесплодности Министерства государственных имуществ прямо говорило «Политическое обозрение за 1857 год», представленное Александру II шефом жандармов, князем В. А. Долгоруковым [9].

3. Временная победа реакции

Растерянность и колебания правительства в обстановке нарастающего революционного кризиса нашли яркое выражение в действиях самого Александра II. Будучи наследником, он занимал последовательную крепостническую позицию: в качестве председателя Секретного комитета 1849 года он похоронил невинный проект о праве крепостных

[8] ЦГИАЛ, ф. баронессы Раден, д. 214, лл. 49—50.
[9] КД, I, стр. 113.

крестьян выкупаться на свободу в случае продажи помещичьих имений с аукциона; инвентарная реформа на Правобережной Украине встречала с его стороны резкое осуждение; он неоднократно высказывался в пользу неприкосновенности исторических прав дворянства. Вступив на престол, Александр II искал совета и опоры у реакционных сановников своего отца: А. Ф. Орлова, В. П. Долгорукова, В. Ф. Адлерберга; в частности, он разделял их отрицательное мнение о задачах и деятельности Министерства государственных имуществ. В кругах дворянского общества ожидали практических последствий такой позиции нового императора. Молодой Е. И. Якушкин писал 1 марта 1855 г. сосланному декабристу И. И. Пущину: «Киселев за учреждение министерства государственных имуществ и Бибиков за истребление помещиков на юге едва ли не попадут в опалу». Действительность вполне оправдала эти общественные прогнозы. Министр внутренних дел Д. Г. Бибиков, энергично проводивший инвентарную реформу в юго-западном крае и ущемлявший привилегии польских помещиков, получил быструю отставку и был заменен престарелым и малоинициативным С. С. Ланским. Отставка П. Д. Киселева последовала позднее и была облечена в почетную и деликатную форму. По словам осведомленных современников, П. П. Семенова Тян-Шанского и Я. А. Соловьева, интригой против Киселева руководили председатель Государственного совета А. Ф. Орлов и шеф жандармов В. П. Долгоруков. А. Ф. Орлов, которому удалось заключить Парижский мир 1856 года и установить добрые отношения с Наполеоном III, убедил Александра II, что для обеспечения продолжительности мира необходимо назначить послом в Париж крупного государственного деятеля, соединяющего в себе дипломатические способности и широкий кругозор; в качестве единственного возможного кандидата он выдвинул графа П. Д. Киселева. Александр II, не колеблясь, назначил Киселева на этот ответственный пост. На имя Киселева был издан милостивый рескрипт, в котором восхвалялись его «труды неутомимые, заботливость неусыпная», заложившие «прочное начало к будущему преуспеянию и дальнейшему развитию благосостояния» государственных крестьян. Киселеву были оказаны особые знаки внимания как ближайшему помощнику Николая I. В Москве во время коронации 1856 года была инсценирована трогательная сцена прощания с бывшим министром государственных имуществ «представителей» государственной деревни: волостных голов и старшин различных губерний. Несколько позднее, после отъезда Киселева, было разрешено учредить в память его управления государственными имуществами премию за лучшее сочинение о крестьянском быте (премию составляла золотая медаль с портретом Киселева). Почетная форма, в которую облекалась отставка бывшего «начальника главного штаба по крестьянской части» Николая I, не могла скрыть от самого Киселева действительных мотивов и последствий этого политическо акта. 1 июля 1856 года он писал своему брату в Париж о том, что он принял новое назначение с сознанием глубокой ответственности и серьезности этого шага, но тут же прибавлял: «...Мое бедное министерство, которое я оставляю на произвол всех ветров, без компаса и без кормчего! Двадцать лет непрерывных и добросовестных трудов, которые, вероятно, будут поглощены и потеряны». После сдачи Министерства своему преемнику он писал брату: «Не скрою от тебя, что я сделал это с невыразимою сердечною грустью» [10].

[10] РОЛБ, № 7586. Письмо Е. И. Якушкина И. И. Пущину от 1 марта 1855 г. из Москвы; ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 67, лл. 33, 35, 37; 29. 7. 69, л. 37; 29, 7. 70; 29. 7. 74, л. 5; ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1667, ч. III, циркуляры № 34—36; ВПСЗ, XXXI, 31303; П. Семенов Тян-Шанский. Начало эпохи освобождения крестьян (ВЕ, 1911, кн. 3, стр. 26—27); ЖМГИ, 1856, ч. LXI, отд. III, стр. 60; ЗД, III, стр. 7—9.

Изменение курса Министерства государственных имуществ последовало не сразу: вначале, по представлению самого Киселева, его преемником был назначен В. А. Шереметев, занимавший должность товарища министра; он обещал своему предшественнику сохранять в неприкосновенности начала, легшие в основу Положений 1838—1841 годов. На освободившийся пост товарища министра был приглашен либеральный Д. П. Хрущов, хорошо знакомый с деятельностью Министерства как бывший управляющий Петербургской палаты и член Совета министра,— это была дополнительная гарантия сохранения «попечительного» курса, принятого Киселевым. Однако Шереметев быстро попал в орбиту влияния реакционно-дворянского течения и вступил в острые разногласия со своим официальным товарищем. По словам Хрущова, Шереметев «всюду видел только злоупотребления и беспорядок и третировал как поэзию учреждения, плоды которых были безупречны...К счастью,— прибавлял Хрущов в своем письме к Киселеву,— ни один из основных принципов Министерства не был потрясен». Хрущова поддерживала более прогрессивная часть министерского персонала во главе с директором Департамента сельского хозяйства А. П. Заблоцким-Десятовским. Внутренняя борьба в Министерстве государственных имуществ закончилась резким конфликтом между министром и его товарищем. Через 4 месяца после назначения Шереметева его постиг удар, и временное исполнение обязанностей руководителя ведомства легло на плечи Хрущова. 14 декабря 1856 года он с торжеством извещал Киселева о своих служебных успехах: о первом отчетном докладе императору и победоносном столкновении с министром финансов на заседании Государственного совета. В высокопарном тоне Хрущов писал Киселеву, что он старался высоко поднять их общее «знамя» и в этом первом боевом выступлении оправдать надежды своего наставника. По-видимому, Хрущов рассчитывал, что он будет сам назначен министром государственных имуществ. Однако последовавшие события принесли ему горькое разочарование: 5 апреля 1857 года неожиданно для себя и для своих сторонников он узнал о предстоящем назначении министром государственных имуществ генерала М. Н. Муравьева, снискавшего себе впоследствии незавидный эпитет «вешателя».

В годы своей молодости М. Н. Муравьев был тесно связан с передовыми офицерскими кругами и участвовал в основании и деятельности первых декабристских организаций. После восстания 1825 года он был арестован и подвергнут допросам, но сумел быстро оправдаться и заслужить доверие Николая I. Его дальнейшая биография была отмечена верноподданной службой монарху и постепенным сближением с крепостническими кругами. Последовательно занимая губернаторские посты в Могилевской, Гродненской и Минской губерниях, М. Н. Муравьев беспощадно подавлял польское восстание 1830 года и выдвинулся как вдохновитель реакционных руссификаторских мероприятий. Позднее в качестве курского губернатора он приобрел известность жестоким выколачиванием крестьянских недоимок. Постепенно повышаясь в чинах, М. Н. Муравьев дослужился до звания члена Государственного совета и в 1856 году соединил управление Межевым корпусом с руководством удельным ведомством. Деспотичный и неразборчивый в средствах, он сделался воинствующим представителем крепостнического течения, располагая в то же время многолетним бюрократическим опытом, незаурядными знаниями и большой активностью. Это была та самая политическая фигура, в которой нуждалась реакционная знать для осуществления задуманного плана — обезвредить киселевское Министерство, ликвидировать «опасные» тенденции «попечительства» и создать точку опоры для борьбы за неприкосновенность действующего порядка. Со-

единяя в своем лице три крупных хозяйственных ведомства — межевания, уделов и государственных имуществ,— Муравьев был немедленно введен в Секретный комитет по крестьянскому делу и начал энергичную деятельность на два фронта: против либеральных тенденций Киселева и против возможной отмены крепостного права.

Выдвинутый группой реакционных сановников, М. Н. Муравьев имел определенную социально-политическую программу. Раньше своего формального назначения он вызвал к себе Хрущова и повел с ним неофициальную, но многозначительную беседу. Сначала он предложил исполняющему обязанности министра сообщить сведения о личном составе и о делах Министерства государственных имуществ. Хрущов был откровенен и не щадил красок в характеристике реакционных поползновений Шереметева; рассказав о своих столкновениях с министром, он закончил речь следующими словами: «Из этого вы видите, что я был один раз в дураках; я не желаю быть в подобном положении другой раз, а потому, зная, что министр и его товарищи должны непременно идти рука об руку, я прошу вас сказать мне откровенно, желаете ли вы иметь меня в сотрудники?» Муравьев не остался в долгу и дал Хрущову вполне определенный ответ: он подчеркнул, что министр и его товарищ должны быть одних и тех же мыслей, и поэтому желающие служить с ним должны подчиняться его направлению. «Здесь дело идет не о беспорядках, которые во всяком министерстве есть и будут и которые всякий может исправить, здесь дело идет о принципиях. Мои принципии были всегда совершенно противны принципиям г. Киселева. Я ему это говорил и не только говорил, но и писал. Вот записка, пожелтевшая от времени, в которой я изложил свои мысли много лет тому назад. Я ее перечитал и не могу изменить ни одного слова. Г. Киселев, конечно, умный человек, но у него все была теория. Теорию нужно в сторону, надобно практику. Одним словом, в управление государственными имуществами надобно ввести начала, принятые в управлении удельном. Это — моя программа; я это сказал государю; это мои убеждения, может статься, ошибочные — дело покажет, но в 60 лет я моих убеждений не переменю». Хрущов отвечал, что вопрос поставлен действительно принципиально: «...Здесь дело идет о началах, и как мои начала совершенно противоположны вашим, введение которых в управление государственными крестьянами я считаю вредными для пользы и спокойствия государства; и как я имею свои убеждения, которые не переменю ни за что в мире, то прошу вас располагать моим местом и об этом доложить государю». Чтобы смягчить произведенное впечатление, Муравьев оговорился, что он не намерен ломать все огромное здание Министерства. «Конечно, не надобно трогать сословных прав крестьян, но дать другое направление администрации, для администрации взять за образец удельное управление и постепенно вводить в оное его начала». Хрущов ответил: «Сословных прав крестьян коснуться трудно, — это прямо произведет бунт; но и администрация, по моему убеждению, так тесно связана с жизнию народа, с его ежедневными интересами, что применять ее к удельному образцу — значит прийти к тем же результатам». В тот же день вечером Хрущов посетил шефа жандармов В. А. Долгорукова и предупредил его, какое страшное действие произведет на государственных крестьян малейшее подозрение о применении к ним режима удельного управления. «Я рассказал ему, между прочим, следствие, которое я провел в 1842 году в Перми, где они были возбуждены единственным убеждением, что их перевели в удел». Долгоруков обещал передать изложенные мотивы Александру II и через несколько дней сообщил Хрущову, что император вполне учитывает приведенные им соображения.

Программа перевода крестьян на положение удельных имений таила

в себе определенное социально-политическое содержание: она означала применение принципов частновладельческого, помещичьего хозяйства к категории «свободных сельских обывателей»: в первую очередь восстановление общественной запашки, т. е. замаскированной барщины, сокращение земельных наделов, повышение оброков и еще большее усиление власти чиновников. Как показывают последующие высказывания и действия Муравьева, он предполагал идти еще дальше: восстановить помещичьи фольварки на территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, начать распродажу запасных казенных земель, переселять крестьян на помещичьи земли и в интересах дворянского сословия изменить межевую политику Министерства государственных имуществ. Это было возвращением к дворянско-аристократическим проектам первых десятилетий XIX века, видоизмененным вариантом прежней реакционной ставки на поглощение «феодализма государственного» феодализмом помещичьим. Если Киселев, поддерживаемый Николаем I, стремился превратить Министерство государственных имуществ в правительственную опору для постепенной ликвидации крепостного права, то замысел Муравьева и поддерживающей его группы был диаметрально противоположным: превратить неудавшееся создание Киселева в правительственный бастион против попыток либерального течения ликвидировать крепостное право. Ближайшими мотивами задуманной перемены, которые были высказаны Александру II, были дороговизна и убыточность управления государственными имуществами, вопиющие злоупотребления чиновников Киселева и опасные тенденции Министерства, которое слишком расширило крестьянское самоуправление.

Не ограничиваясь беседой с шефом жандармов, Хрущов пытался продолжать начатую борьбу: вопреки желанию Муравьева, он рассказал о происшедших событиях своим петербургским знакомым и великому князю Константину, сообщил подробности в Париж Киселеву и детально информировал через баронессу Раден великую княгиню Елену Павловну. Кроме того, он представил Александру II обстоятельную докладную записку и испросил у него личную аудиенцию. Начав записку протокольным изложением состоявшегося обмена мнений — Муравьева и своих собственных, Хрущов старался убедить самодержца, что Министерство государственных имуществ опирается на традиции, завещанные Петром I и Екатериной II,— «в них выражались,— по утверждению Хрущова,— весь недостаток прошедшего, все требования будущего». В противовес давлению реакционной знати, Хрущов перечислял положительные результаты деятельности Киселева: уменьшение недоимок, повышение доходов с лесов, наделение крестьян землей, образование крестьянских капиталов, перевод на оброк западных имений, создание школ, больниц и т. д. Приводя этот перечень и полемизируя с Муравьевым, Хрущов неизменно спрашивал: «Разве это теория?» Защищая наследие Киселева, Хрущов стремился доказать Александру II, что поход против Министерства государственных имуществ начат давно и продиктован не государственными, а узко сословными, корыстными интересами: «Враждебные силы действовали повсюду упорно, часто явно, большею частью скрыто, невидимо для внешнего глаза на огромном пространстве империи»; это были помещики, «которые в новом управлении видели явный укор к закоренелому их своеволию в отношении к крепостным своим крестьянам»; это были откупщики, потерявшие свои незаконные доходы; это были сами крестьяне, притесненные и обиженные, но, по мнению Хрущова, невежественные и привыкшие к праву сильного. Девятнадцатилетняя деятельность Министерства была непрерывной борьбой со всеми враждебными силами. Оправдывая Киселева, Хрущов задавал вопрос: «Мудрено ли, что такая борьба изнурила человека и что в послед-

них годах своего управления исполнитель не мог действовать с тою энергией, которой отличалось первое время его служебной деятельности по Министерству государственных имуществ?» Хрущов не отрицал недостатков в структуре и личном составе Министерства, но он считал, что в течение одного-двух лет можно обновить засоренные кадры чиновников, повысить их жалование, упростить организацию письмоводства и исправить допущенные ошибки. Однако Хрущов не ограничился констатацией этих отрицательных черт: как представитель либерального течения он перешел от обороны к нападению и пытался перевести крестьянский вопрос на более широкую почву: благосостояние крестьян зависит не от одного Министерства, его успехам мешают несвобода труда, состояние судебно-следственной части и другие проявления хозяйственной и культурной отсталости России. Главная преграда развитию сельского хозяйства — существование крепостного права. «Располагая легко и почти безотчетно даровым трудом земледельца, помещику нечего много думать об улучшениях и усовершенствованиях, для которых нужно личное техническое образование, познания которых добываются трудом и учением. Возможность увеличить барщину или оброк — вот наука самая прибыльная и для которой не нужно книг и мышления и которая не тревожит природную лень и беспечность». Записка должна была сделаться идейным противовесом программе Муравьева; императору предстояло сделать окончательный выбор, раньше чем последовало официальное назначение нового министра.

Во время личной аудиенции у Александра II Хрущов начал беседу с выражения своих верноподданнических чувств и постарался выдвинуть на первый план наиболее убедительный и решающий довод: «Господин Муравьев мне объявил, что он намерен ввести в управление государственными крестьянами начала удельного ведомства. Удельное управление очень хорошо само по себе как благоустроенное помещичье управление, но оно есть управление помещичье, крепостное, государственные крестьяне очень хорошо это знают, и в их понятиях удел и крепость — одно и то же. Крепостной крестьянин знает, что он — раб, удельный крестьянин знает, что он несвободен. Государственный крестьянин знает, что он — человек вольный; чиновники, ближайшие начальники нередко его грабят и притесняют, но он знает, что чиновники переменяются, что назначат лучших, что его беда — временная; он знает, что ему можно всюду жаловаться: в Палату, губернатору, министру, Сенату, государю; он знает, что хоть не скоро, но он добьется суда и отыщет свое право. А удельный крестьянин кому может жаловаться?». Крестьянином нельзя управлять как вещью; нужно отбросить понятия и чувства крепостного права, нужно понять, что крестьянин «есть существо живое, которое понимает свое положение и свои права, он долго и терпеливо переносит стеснения, но он знает, что это — стеснения». Продолжая усиливать свою аргументацию, Хрущов апеллировал к государственному разуму нового императора: «Государь, правительство находится теперь в тяжких обстоятельствах; крепостные крестьяне в тревожном положении, ожидают скорого улучшения их быта; мне казалось, что в таких обстоятельствах чрезвычайно важно для правительства, чтобы оно могло совершенно спокойно опереться на 9 миллионов государственных крестьян. Ваше величество, теперь распускается много войска. Кто может отвечать, что эти люди не разнесут по губерниям весть, будто государственных крестьян берут в удел? И что тогда будет? Эти опасения — не теория». Напомнив о пермском восстании 1842 года, Хрущов продолжал: «Вот, государь, картина, смею думать не преувеличенная, перед которой я должен был удалиться, не желая быть участником или свидетелем тех бедствий, которые мне представляются».

Александр II внимательно выслушал своего собеседника; очевидно, предсказания Хрущова произвели на него определенное впечатление. «Я надеюсь,— ответил он автору записки,— что Муравьев будет столько благоразумен, что будет действовать постепенно и осторожно. Я должен сказать, что я прежде и ныне постоянно слышал и слышу множество жалоб на управление государственных имуществ. Все говорят, что в нем множество лишних чиновников. И я знаю, что удельное управление гораздо меньше, но оно одно, на которое никто не жалуется и крестьянам хорошо». Хрущов пытался еще раз опровергнуть обвинение, направленное в адрес Киселева и его административного аппарата, полемизировал с мнениями князя Голицына, графа Гурьева, генерала Ростовцева. Александр II слушал его, опустив голову. Хрущов был отпущен и получил милостивое обещание устроить его судьбу. Вскоре он получил отставку и был зачислен в Сенат. На другой день после аудиенции ему передали письменную резолюцию императора: «Записку вашу я прочел с большим вниманием. Она делает вам честь, как доказывающая вашу благодарность бывшему вашему начальнику, но не переменяет моего убеждения в несовершенстве управления государственных имуществ, требующего весьма многих улучшений. Во всяком случае, благодарю вас за откровенность». Через день, 17 апреля 1857 года, был опубликован указ о назначении М. Н. Муравьева министром государственных имуществ. Таким образом, все усилия сторонников Киселева оказались напрасными; по-видимому, реакционная знать одержала полную победу и с «попечительным» курсом Киселева было покончено раз и навсегда [11].

М. Н. Муравьев начал свою министерскую деятельность таким же актом, каким дебютировал в свое время и Киселев: объявив, что все предшествовавшее управление было никуда не годным, он организовал повсеместные ревизии губернских, уездных и сельских органов управления государственными крестьянами. В течение летних месяцев 1857 и 1858 годов в сопровождении целой свиты чиновников он объезжал губернии Европейской России и собирал на местах материал для критики Киселева и для составления плана собственных действий. «Наше ревизионное путешествие по России, — вспоминал Н. В. Шелгунов, сопровождавший министра в качестве офицера Лесного департамента, — походило скорее на нашествие, чем на ревизию... ревизовались три ведомства: государственных имуществ, уделов и межевая часть; но гроза направлялась собственно против государственных имуществ, потому что уделы и межевое управление уже состояли в ведении Муравьева». Обстановка ревизии была более помпезна, чем в 1836—1840 годах: вперед рассылались чиновники и прикомандированные флигель-адъютанты, которые объезжали уезды и собирали сведения; весь материал поступал в губернский город непосредственно к Муравьеву, который изучал собранные данные и намечал план предстоящих опросов. Ревизия производилась «гласно и в назидание всем», в присутствии всего персонала Палаты и толпы многочисленных чиновников. «Наш приезд в губернский город,— рассказывал Шелгунов,— производил всеобщий переполох, и, действительно, провинция еще в первый раз видела подобную ревизию и по массе чиновников, и по внушительной обстановке, и по сосредоточению в руках одного лица

---

[11] ЦГИАМ, ф. Мраморного дворца, 1857 г., д. 456 (ср. «Исторические материалы из Архива Министерства государственных имуществ», вып. I. СПб, 1891, стр. 137—150); ф. баронессы Раден, д. 214, лл. 41, 61—63, 312—318; ИРЛИ, Архив Киселева, 29. 7. 74, лл. 1—4, 9, 11—19; ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1856 г., д. 1667, ч. III, л 156; Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле (РС, 1881, февраль, стр. 242—243; 1882, январь, стр. 230—233; март, стр. 561—576); Записки К. С. Веселовского (РС, 1903, октябрь, стр. 40); Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому. 1857—1862 гг. (ГМ, 1914, № 11, стр. 227—229).

тройной власти. Начиная с губернатора, к Муравьеву являлись все чины; иногда собиралось их, как мне казалось, человек до ста... Муравьев держал себя совсем просто, никакой внешней важности не напускал, но говорил всегда умно и содержательно, и, кроме того, каждый чувствовал, что у этого человека не дрогнет рука подписать, что хотите. Этого было совершенно достаточно, чтобы одним своим именем возбуждать в робких панический страх».

Перед ревизующими чинами раскрылась та же картина, какая была известна по прежним ревизиям Министерства: везде и всюду открывались вопиющие нарушения установленных законов, казнокрадство, поборы и взятки. В Новгородской губернии был обличен «в противозаконных действиях при отправлении рекрутской повинности окружной начальник Горицын». В Витебской губернии было обнаружено «неправильное обременение недоимками крестьян Езерийского старосты»; в той же губернии оказалось, что «из числа хлебных магазинов, выстроенных в весьма недавнее время с подряда, по нормальным чертежам и сметам, некоторые уже разрушились, другие брошены подрядчиками и без окончательных отстроек, а остальные, судя по плохой постройке их, едва ли не подвергнутся также разрушению при засыпке закромов». В Минской губернии были открыты «большие беспорядки и злоупотребления по лесной части, с значительным похищением казенного леса»; там же было установлено, что «многими казенными запасными землями, находящимися в хозяйственном управлении, окружные начальники распоряжаются как своей собственностью, производя на них работы нарядом крестьян и получая сами доход или произвольно переводя их в пользование иных лиц, внося затем в казну, что им вздумается, отчего и накопились значительные на тех статьях недоимки». В Черниговской губернии было замечено, что «с получаемых доходов, с мирских оброчных статей ничего не вносится в пользу казны» и т. д., и т. д. Во время ревизии Муравьев делился своими впечатлениями с новым товарищем министра, генералом А. А. Зеленым. 23 августа 1857 года Муравьев писал ему из Симбирска: «Многое я видел и страшусь того, что узнал на местах; не знаю, как управлюсь с неустройством этого министерства; грустно все видеть столь твердо укоренившееся зло». И в пику либерально-попечительным идеям Киселева он тут же демагогически прибавлял: «Управление государственными имуществами в губерниях есть сбор людей, поставленных, чтоб обирать крестьян со всех сторон и за все. Жалко видеть несчастных угнетенных и нельзя не удивляться их долготерпению; грешно было перед богом и государем созидать такое нелепое управление». Закончив первую ревизию 1857 года, Муравьев подвел ей такие итоги: «Наконец, возвратился я из страшно трудной своей поездки, видел много, а в особенности радикальных неустройств, не говоря уже о бесчисленном множестве беспорядков и злоупотреблений по Министерству государственных имуществ».

Исходя из своих крепостнических взглядов, Муравьев полагал, что основное лечение зла — улучшение личного состава управления и устранение «нелепых» сторон «попечительного» курса. За ревизиями последовали многочисленные отставки управляющих Палатами, окружных начальников и их помощников, советников, асессоров, лесничих и т. д.; были произведены перемещения и в центральном аппарате Министерства. Муравьев не жаловал чиновников, имевших самостоятельное мнение, и особенно тех, которые отличались либеральным образом мыслей. В числе других подвергся опале известный противник крепостного права А. П. Заблоцкий-Десятовский. Я. А. Соловьев предпочел сам уйти из состава помощников Муравьева, Н. В. Шелгунов тоже последовал его примеру. Иную позицию занял управляющий делами V Отделения

В. И. Карнеев: от реализации принципов Киселева этот услужливый чиновник легко и просто перешел к энергичному применению ультрареакционной программы нового министра [12].

4. Контрреформа М. Н. Муравьева

После возвращения из первой поездки по губерниям М. Н. Муравьев образовал 11 комитетов, охватывавших различные стороны управления государственными имуществами, в том числе комитет для упрощения управления, комитет кадастровый, комитеты для устройства казенных имений в западных губерниях и др. Перед комитетами были поставлены вопросы о необходимых мероприятиях, соответствующих новым принципам управления. Первоочередной и наиболее важной задачей Муравьев считал немедленное повышение доходов от государственных имуществ,— этого требовал не только финансовый кризис послевоенного периода, но и социально-политические мотивы господствующего класса: по мнению помещичьей знати и самого Муравьева, нужно было устранить диспропорцию в наделах и повинностях между казенными и частновладельческими имениями; сокращение крестьянских наделов и увеличение оброчной подати должны были сблизить государственных крестьян с удельными, а следовательно, и с помещичьими крепостными. Повышения доходов от государственных имений предполагалось достигнуть разными путями: 1) посредством сокращения, а следовательно, и удешевления административного аппарата; 2) переоценкой земель и повышением оброков; 3) путем изыскания и сдачи в аренду пустующих казенных земель. Наиболее простым из этих мероприятий было упрощение структуры местного управления: громоздкость и дороговизна бюрократического аппарата, созданного Положением 1839 года, были осознаны самим Киселевым и его ближайшими помощниками; проекты изменения окружных и сельских учреждений уже были подготовлены ранее назначения Муравьева на пост министра. Пересмотр и переработка этого материала заняли почти 2 года: только 28 октября 1859 года был опубликован закон об упразднении сельских управлений и о сосредоточении ближайшей власти над крестьянами в волостных учреждениях. На первый раз мероприятие было введено в виде опыта в 5 губерниях: Московской, Тверской, Вятской, Псковской и Самарской; постепенно закон был распространен на другие районы. Казалось, это мероприятие отвечает не только требованию удешевить управление, но и прогрессивным желаниям устранить прежнее многовластие. Однако, сокращая четырехярусную систему местной администрации, Муравьев упразднил не волостные, а сельские органы власти: он наносил удар сельской административной общине и наделял более широкими полномочиями волостную агентуру бюрократического аппарата. В селениях были оставлены только старосты, формально ответственные не перед сельским крестьянским сходом, а перед волостными начальниками, подчиненными коронным чиновникам. При этом количество волостей было уменьшено, а их территории и население сделаны крупнее. Материальные результаты этого закона были невелики. Расходы на содержание преобразованных учреждений в 5 указанных губерниях уменьшились с 306 тысяч рублей до 239 тысяч, т. е. на 67 тысяч рублей; дальнейшее расширение действия закона дало ежегодную экономию в 330 тысяч рублей. По-видимому, ликвидация сельских обществ вызвала массовое недовольство государственной деревни; крестьяне до-

---

[12] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1858 г., д. 2049; ИО, ч. I, стр. 48; ч. II, отд. I, стр. 67; Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому (ГМ, 1914, № 11, стр. 219—221); П. Семенов Тян-Шанский. Начало эпохи... (ВЕ, 1911, кн. 3, стр. 28—31); Н. В. Шелгунов Воспоминания М.-Пг, 1923, стр. 74—80.

рожили традиционным правом коллективно обсуждать хозяйственные и административные вопросы своей жизни; в Ямбургском уезде Петербургской губернии отмена сельского управления вызвала крестьянские волнения, так как сельская община стремилась сохранить свою независимость от волостных органов. Наоборот, реакционное дворянство должно было испытать большое удовлетворение: ликвидация сельских обществ наносила удар «демократическим» тенденциям киселевской реформы, ненавистному принципу крестьянского самоуправления.

Одновременно с упразднением сельских органов началась ликвидация второго яруса местной администрации — института окружных начальников с их помощниками, письмоводителями и другими чинами. В противоположность первому мероприятию, это начинание Муравьева должно было встретить сочувственное отношение со стороны крестьянства и всех представителей прогрессивной общественной мысли; но именно эта контрреформа, продиктованная мотивами финансовой экономии, оказалась чисто бумажной: сначала она была приостановлена в связи с волнениями 1859 года против откупной системы,— вследствие тревожного состояния государственной деревни было признано невозможным уничтожать систему ближайшего и непосредственного надзора над крестьянами. В 1860 году ликвидация окружных управлений была возобновлена, но идея крестьянских начальников, назначенных центральными органами, воскресла в несколько видоизмененной форме: окружных начальников сменили чиновники особых поручений, командируемые губернскими Палатами для постоянного наблюдения и корректирования действий волостных органов. К 1 января 1863 года было упразднено 133 окружных управления с 669 служащими; их заменили 219 чиновников особых поручений, которые должны были обходиться без прежнего сложного письмоводства и разрешать вопросы быстро и в устной форме. Таким образом, идея дворянской власти над крестьянами, которая пронизывала Положение 1839 года, сохранила свою силу в полном согласии с феодально-крепостнической позицией Муравьева и его сановных вдохновителей.

В губерниях Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии, где существовала трехярусная система управления, были сохранены сельские органы, но по своему составу, функциям и территориальному охвату они соответствовали волостным органам во внутренних губерниях. Попутно в связи с упразднением сельских и окружных управлений Муравьев расширил права губернских Палат, ограничил принцип их коллегиальности в разрешении текущих вопросов и предоставил управляющим более широкие административные полномочия за счет судебных органов. Кроме того, было сокращено чрезмерно разросшееся письмоводство — мера, уже проектированная ранее, в последние годы управления Киселева.

Гораздо труднее было провести следующее мероприятие Муравьева — повсместное повышение оброчной подати, связанное с новой переоценкой земель и частичным сокращением крестьянских наделов. Оценочные работы, произведенные при Киселеве, были объявлены неудовлетворительными и требующими исправления. Новые оценочные комиссии должны были руководиться новыми принципами; задачей их работ было признано не определение земельных и промысловых доходов крестьян, как это было установлено при Киселеве, а повышенное обложение казенных земель в соответствии с их возрастающей ценностью: Министерство Муравьева стремилось уловить и изъять из крестьянских доходов причитающуюся казне поземельную ренту. Обложение промыслов, признанное нецелесообразным, было заменено повышенной оценкой крестьянских усадеб; в состав крестьянского общественного сбора были включены платежи за лесные угодья; взамен прежней классификации губерний, введенной в начале XIX века, была установлена новая, более

сложная, гарантировавшая увеличение казенных доходов. В таком духе была выработана новая оценочная инструкция 1859 года. В результате принятых мероприятий крестьянские оброки должны были составлять от 25 до $33^{1}/_{2}$% чистого дохода крестьян вместо прежних 12%, установленных при Киселеве. В этих изменениях можно подметить некоторые прогрессивные черты: оброк стал официально рассматриваться как оброчная, т. е. арендная плата за землю, вносимая крестьянами как съемщиками казенных угодий (общественный, земский и продовольственный сборы стали рассматриваться как налоги и снова были переложены с земли на души). Это был следующий этап в процессе разложения феодальной ренты, ее дальнейшее приближение к капиталистическому договорному обязательству. Однако прогрессивные черты муравьевской контрреформы целиком перекрывались ее феодально-эксплуататорской сущностью — чрезмерным напряжением платежных сил государственной деревни. Работа оценочных комиссий затянулась до 1866 года, и уплата оброка по новой инструкции была применена только в 9 губерниях. Правительство должно было отказаться от дальнейшей реализации этого неудавшегося финансового мероприятия, тем более что оброки были повышены и независимо от инструкции: сначала на 5—10% в 1861 году и еще раз в виде подесятинного сбора в 1862 году. Тяжелые результаты контрреформы для крестьянской массы усиливались новыми аграрными мероприятиями: земельные угодья, закрепленные за крестьянами по последней ревизии, были объявлены «коренным наделом», а все пространство, превосходившее эту норму и, в частности, составлявшее так называемые запасные земли (т. е. предназначенные для прибылых душ), были обложены дополнительным оброком; кроме того, во многих местах было произведено новое межевание, которое уточнило и большей частью ограничило территорию крестьянских земель,— все полученные излишки тоже были обложены дополнительным оброком. Таким образом, политика Муравьева пошла проторенной дорогой удельного управления, которое по примеру частных владельцев периодически уменьшало крестьянские угодья и повышало крестьянские платежи. Сам Муравьев не мог не сознавать опасности принимаемых мер; в одном из писем к товарищу министра А. А. Зеленому он обращал его «особенное внимание» на производимую переоценку земель: «...я боюсь, чтобы неосторожными толками на местах не потревожить спокойствие крестьян. Ежели будет заметна тревога во мнениях их, то лучше остановиться. Меня крайне озабочивает это дело». В отчете 1860 года шеф жандармов вынужден был доложить Александру II о массовых волнениях крестьян в селе Ольшанка Воронежской губернии, непосредственно связанных с межеванием казенных земель.

Еще тяжелее для крестьян и неудачнее для казны оказалась контрреформа в западных губерниях, перешедших при Киселеве с барщины на оброк. Ликвидация фольварков и раздача крестьянам опустевших строений, осуществленные Киселевым для поднятия крестьянской платежеспособности, были объявлены вредными мерами, наносившими удар сельскому хозяйству местного края, а произведенная при Киселеве люстрация — неправильной, установившей слишком низкие оброчные нормы. Муравьев организовал новую поверочную люстрацию, которая продолжалась с 1858 до 1863 года. Помещичьи фольварки были восстановлены на пространстве в 324 тысячи десятин и стали сдаваться в аренду на продолжительные сроки — от 24 до 48 лет. Крестьянские оброки были необычайно повышены — с 1 866 499 до 3 055 785 рублей, т. е. на 64%. При этом крестьянские наделы были уменьшены на том основании, что «обильный надел землею,— как полагал Муравьев,— сам по себе, еще не обеспечивает благосостояния поселян в тех местностях, где почва тре-

бует удобрения и где кроме того установленные формы пользования землею, раздробление угодий на чересполосные участки и отдаленность полей от усадьбы предоставляют сельскому хозяйству особые затруднения».

Повышение оброка было настолько чрезмерным и непосильным для крестьян, что Министерство было вынуждено внести радикальные поправки в свои первоначальные расчеты: вместо 64% повышения прежних крестьянских платежей пришлось ограничиться надбавкой в 22%. Так же несовершенны были итоги поверочной люстрации: по заключению самого ведомства, они «оказались не соответствующими ни условиям местности, ни интересам крестьян, ни выгодам казны». Министерство должно было в конце концов вернуться к прежней раскладке оброчных платежей. Восстановление фольварков тоже не принесло желаемых результатов: новые арендаторы, преимущественно польские помещики, оказались менее исправными плательщиками, чем крестьяне. Из политических соображений сам Муравьев, подавлявший в 1863 году польское восстание в Литве и Белоруссии, стал отбирать у них розданные фермы и возвращать обратно крестьянам.

Проведенные меры тяжело отразились на положении казенных имений: помимо внесения усиленных оброков крестьяне должны были оплачивать расходы по произведенной люстрации; крестьянское землевладение, по заключению самого Министерства, было «приведено в значительное расстройство»; некоторые успехи в хозяйственном развитии правобережной, литовской и белорусской деревни, наблюдавшиеся в 40—50-х годах, были подорваны реакционными мерами нового курса.

Одним из важных элементов контрреформы было изменение правил полюбовного размежевания. Стремления Киселева неукоснительно соблюдать выгоды казны и не соглашаться на малообоснованные притязания помещиков были признаны противоречащими хозяйственным интересам страны. В порядке административных распоряжений было установлено противоположное правило: Палатам было «предписано наблюдать, чтобы уполномоченные не простирали несправедливых притязаний к частным владельцам, не требовали бы, вопреки желаний их и постановления закона, представления на свое предварительное рассмотрение актов и документов на права их владения, не настаивали бы на сплошной съемке дач, где владения казны ограничены незначительными пространствами, и вообще отдаляли бы все, что может замедлить ход дела». Кроме того, Муравьев полагал, что «для пользы государства вообще необходимо отдавать казенные земли в долговременное и даже полное владение частных лиц, вместо содержания их в казенном управлении, всегда самом невыгодном в видах государственного хозяйства». Исходя из этого принципа, Министерство начало распродавать казенные имения представителям дворянского сословия: 22 января 1859 года, по докладу Муравьева, последовало распоряжение Александра II передать в собственность местного дворянства 5 казенных имений в Эстляндской губернии за сумму, превосходившую только на 195 тысяч рублей прежние ежегодные доходы от тех же имений. Аналогичные меры были проведены в Лифляндской и Курляндской губерниях. Такая распродажа государственных имуществ, удовлетворявшая давние чаяния дворянства, вызвала резкое осуждение даже в недрах самого Министерства: П. А. Валуев, назначенный директором II Департамента, возмущался подобной «гуртовой распродажей государственной собственности».

Впрочем, осудив прежнее управление Киселева, Муравьев продолжал некоторые ранее начатые мероприятия: например, происходило переселение крестьян из малоземельных губерний в многоземельные, принимались, хотя и неудачные, меры против неравномерного обложения натуральными повинностями государственных и помещичьих крестьян. В об-

ласть «попечительных» мероприятий в собственном смысле слова были внесены некоторые коррективы: упразднены центральные хлебные магазины, несколько увеличено количество медицинских работников, обращено внимание на усиление ремесленного обучения в школах и т. д. Однако финансовая основа «попечительства» была еще более ограничена: Муравьев не очень дорожил специальными капиталами, которые были накоплены при Киселеве, и почти не возражал против их передачи государственному казначейству; в течение 1857—1862 годов Министерство государственных имуществ потеряло из числа накопленных сумм 10 миллионов рублей, взятых «на нужды крестьянского дела» [13].

Таковы были основные меры, проведенные Муравьевым в течение 1857—1861 годов. Итоги этих исправлений «нелепого управления» Киселева были далеко не блестящими. По подсчетам самого Министерства, за $4^1/_2$ года доходы казны увеличились с 34 897 тысяч до 40 349 тысяч рублей, т. е. на 5452 тысячи рублей, расходы государственного казначейства на Министерство государственных имуществ повысились с 3 миллионов до 5 миллионов рублей с лишком; другими словами, экономический выигрыш контрреформы выразился в небольшой сумме в 3 миллиона рублей, полученной ценой чрезмерного усиления крестьянских повинностей и потери части государственных имуществ.

Подводя итоги пресловутой контрреформе 1857—1861 годов, можно вполне согласиться с краткой, но меткой характеристикой, данной ей Н. В. Шелгуновым: «Муравьев не был ни администратором, ни реформатором; он был разрушитель и умел ломать превосходно... Задумав очистить Министерство от лиц, он очистил его и от идей. Крестьян он обрезал землею, набавил платежей, поощрял личное землевладение и в момент, когда государственный вопрос заключался в улучшении быта крестьян, Муравьев ухудшил этот быт».

Вначале Муравьев льстил себя надеждой, что он очистит авгиевы конюшни Министерства от всех антигосударственных и своекорыстных элементов, прекратит повсеместный грабеж крестьян чиновниками и тем самым обеспечит казначейство значительным увеличением дохода. Однако через 2 года после своего назначения министром сам Муравьев должен был признать неосуществимость этой задачи. В откровенном письме товарищу министра Зеленому он писал 29 июля 1859 года: «Обращаясь к описываемому вами дурному положению нашего управления государственными имуществами, невзирая на все принимаемые меры по устройству оного, нельзя, к сожалению, не сознаться, что при общем бедственном направлении всех прочих частей управления в губерниях трудно достигнуть до желаемого благоустройства в одной только части... Со временем, когда установится общее мнение, карающее злоупотребления, тогда только можно будет надеяться на прочное улучшение, одного же правительственного наблюдения недостаточно без деятельного содействия общего мнения». Такой пессимистический вывод самого контрреформатора был недалек от обобщающих характеристик антикрепостнической прессы и от признания полного бессилия бюрократических попыток обеспечить благосостояние государственной деревни.

Но главный удар был нанесен Муравьеву с другой стороны: его реакционная попытка перевести управление государственными имениями на почву удельного частновладельческого хозяйствования и превратить Министерство в политическую опору против ликвидации крепост-

[13] ЦГИАЛ, ф. М. Н. Муравьева, д. 6; ф. I Д, 1860 г., д. 51; 1861 г., дд. 53 и 54; ВПСЗ, XXXIV, 34104, 34183, 34392, 35052; XXXV, 35888; ИО, ч. I, стр. 48—52, 73—75; ч II, отд. I, стр. 63—64, 68—69, 81—82; отд. II, стр. 63—72, 141—142; КД, I, стр. 144—145, 148; Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 77; Дневник П. А. Валуева (РС, 1891, сентябрь, стр. 560).

ных отношений была разрушена всем ходом исторических событий. Одновременно с развертыванием широко рекламированной контрреформы происходил диаметрально противоположный процесс подготовки отмены крепостного права. Несмотря на все колебания и непоследовательность Александра II, непреодолимый закон общественного развития все острее и шире выдвигал крестьянский вопрос как очередную проблему правительственной политики. После двойственной речи нового самодержца московскому дворянству о том, что правительство не собирается освобождать крестьян, но что «лучше освободить их сверху, чем ждать, когда они освободят себя снизу», напряженное ожидание государственных перемен охватило и крепостную деревню, и поместное дворянство. Все яснее сознавались передовыми кругами дворянства угрожающая отсталость крепостной России и необходимость перехода к свободным формам труда. Смягчение цензуры вызвало оживленное обсуждение хозяйственных и политических вопросов, связанных с проблемой ликвидации крепостного права. В самом правительстве усиливалось движение в сторону умеренных и постепенных реформ. Шеф жандармов В. А. Долгоруков в своем «Политическом обозрении» за 1857 год доносил Александру II о тревожном состоянии, которое усиливается в государстве. «Из всех предметов, наиболее занимающих теперь Россию, самым важным является предположенное освобождение помещичьих крестьян. Слухи об изменении их быта, начавшиеся тому около трех лет, распространились по всей империи и привели в напряженное состояние как помещиков, так и крепостных людей, для которых дело это составляет жизненный вопрос». Рассчитывая затормозить, проведение реформы, князь Долгоруков прибавлял при этом: «Большинство дворян думает, что наш крестьянин слишком еще необразован, дабы понимать гражданские права, что он на полной свободе — лютее зверя, что волнения, грабежи и убийства будут почти неизбежны и что во многих губерниях, особенно приволжских, памятно еще страшное время пугачевщины». Другие, не менее близкие к престолу и не менее благонамеренные сановники, вроде Ростовцева и Чевкина, рассуждали иначе: так же как сам самодержец, они понемногу начинали понимать, что «волнения, грабежи и убийства», которые грозят возвращением к пугачевщине, могут усилиться в случае отказа от ожидаемой реформы.

Правительство действовало ощупью, сохраняя строжайшую тайну и соблюдая величайшую осторожность. Секретный комитет, образованный по примеру бесплодных комитетов Николая I, прилагал все усилия, чтобы замедлить решение крстьянского вопроса. Однако внутренняя логика нарастающего подъема неудержимо толкала вперед, к подготовке отмены крепостного права. Реакционная знать не смогла предотвратить опубликования рескрипта литовскому генерал-губернатору Назимову; деятельность дворянских губернских комитетов сопровождалась всесторонним обсуждением проектов реформы, а учреждение Редакционных комиссий сделало неизбежной постепенную ликвидацию феодальных отношений.

На всем протяжении этих лет Муравьев последовательно боролся за интересы крепостнического дворянства: в качестве члена Секретного и Главного комитетов он старался потопить крестьянский вопрос в бумажных, ничего не разрешающих постановлениях; он неизменно ободрял и поддерживал самые косные круги провинциального дворянства; он возглавлял поход против Редакционных комиссий и старался противопоставить проекту Н. А. Милютина обезвреживающий крепостнический проект реакционного меньшинства. Однако жизнь разбивала одну за другой его политические иллюзии. Начав свою

деятельность в Министерстве попыткой уравнять государственных крестьян с удельными, Муравьев силой вещей вынужден был действовать в обратном направлении: под давлением Министерства внутренних дел и Главного комитета по крестьянскому делу Муравьев должен был подталкивать подготовку реформы 1861 года приближением удельных крестьян к государственным. С этой точки зрения был особенно характерен именной указ министру двора и уделов, подписанный 20 июня 1858 года: согласно решению специального «Комитета об устройстве быта крестьян государственных, удельных, государевых, дворцовых и заводских» удельным крестьянам предоставлялись личные и имущественные права, присвоенные свободным сельским обывателям; на основании указа удельные крастьяне уравнивались с крестьянами государственными в приобретении и отчуждении недвижимой собственности, в свободном переходе в другие сословия, в праве свободного заключения браков и в праве самостоятельно вчинять судебные иски и заключать договорные обязательства. Таким образом, вопрос о взаимоотношениях государственного и удельного крестьянства получал новую принципиальную постановку, диаметрально противоположную реакционным принципам муравьевской программы.

Самая деятельность Муравьева по перестройке управления государственными имуществами начинала вызывать оппозицию в консервативных кругах, а частью и у самого императора. Уже в декабре 1858 года ближайший помощник Муравьева П. А. Валуев после одного из очередных докладов министру характеризовал его направление как «неутешительное». Через полгода, 19 мая 1859 года, тот же Валуев записывал в своем дневнике: «Государь, видимо, утомлен деятельностью М. Н. Муравьева. Его величество постоянно напоминает о том, чтобы не все делать вдруг». На одном из вечеров, устроенных в Михайловском дворце, княгиня Елена Павловна вместе с императрицей расспрашивала Валуева о М. Н. Муравьеве и Министерстве государственных имуществ: «Императрица явно выражала недоверие к министру и у меня, подчиненного этого министра, спрашивала мнения насчет его направления и действий». Да и сам Муравьев утрачивал прежнюю уверенность в непогрешимости своих взглядов. В июне 1859 года он писал А. А. Зеленому из Пруссии: «Чем более углубляешься в ничтожное положение здешних свободных поселян, убеждаешься в необходимости соединить свободу с некоторой оседлостью. Дело это, несомненно, возможно и без крупного нарушения прав собственности, но с некоторыми только ограничениями, как это везде было более или менее допущено, ибо без некоторых пожертвований этого переворота сделать нельзя». Через год, когда проект Редакционных комиссий был разослан членам Главного комитета, Муравьев писал тому же Зеленому, что он «ничего не видел нелепее и неблагонамереннее принятых Комиссиею начал, совершенно противных высочайшим рескриптам и первым основаниям государственного благоустройства...». «Желаю от души,— пояснял Муравьев,— чтобы наши *легислаторы* (редакционный *конвент*) возобновили в памяти со вниманием события, бывшие во Франции с 1789 года и сообразили, к чему поведут разрушительные начала, предложенные ими для устройства крестьянского дела». Но в то же время, увлекаемый господствующим течением и бессильный бороться против его исхода, Муравьев начинал делать ставку на «сильного мужичка», зажиточного крестьянина-собственника (отнюдь не «тунеядца»!), который будет хозяйничать на своей земле, выкупленной у казны и удельного ведомства. В соответствии с этой вновь намечающейся программой Муравьев подготовил указ о праве государственных крестьян на определенных условиях выкупать земельный

надел — сначала на территории Прибалтики, а затем во внутренних губерниях. После опубликования Положений 19 февраля 1861 года аналогичный проект был подготовлен им по удельному ведомству. 1 января 1862 года Муравьев вовсе оставил свой министерский пост.

Если временная победа реакционной знати ликвидировала «попечительную» программу Киселева, то ход дальнейших событий перечеркнул реакционную программу Муравьева и повел развитие государственной деревни в новом направлении, одинаково чуждом феодальным мотивам и того, и другого деятелей [14]. Однако, раньше чем определилось положение государственного крестьянства, реформа Киселева, осужденная дворянством и сведенная на нет Муравьевым, сыграла определенную историческую роль: ее руководящие принципы и созданная ею административная система послужили одним из главных источников при подготовке отмены крепостного права.

5. Реформа П. Д. Киселева и Положения 19 февраля 1861 года

Обычно реформа 1861 года рассматривается оторванно от предшествующего законодательства: в научной литературе господствует мнение, что «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» были сконструированы заново в течение трех лет без всякой предварительной подготовки и без каких бы то ни было юридических предпосылок [15]. При ближайшем анализе этот вывод оказывается неверным: концепция, легшая в основу Положений 1861 года, была выработана постепенно в течение кризисного периода 1826—1857 годов и нашла свое выражение в целом ряде законодательных актов.

Подавляющая масса дворянства в период, предшествовавший Крымской войне, опасалась всякого изменения существующих отношений в деревне; не только крупные и мелкие, но и средние помещики, которые вели собственное хозяйство, выступали безоговорочными противниками личного освобождения крестьян. Ярким выразителем этого течения был А. Ф. Орлов, после заключения Парижского мира занявший положение наиболее авторитетного и влиятельного сановника Александра II. Однако, чем яснее вскрывались противоречия, связанные с кризисом феодальной системы, тем больше распространялось мнение о неизбежности перехода к свободному труду и к хозяйству капиталистического типа. Вопрос о направлении и темпах этого перехода разрешался дворянством с точки зрения классовых интересов, путем сопоставления русской действительности с западноевропейским опытом освобождения крестьян.

По вопросу о перспективах возможной реформы в среде господствующего класса наблюдались 3 основных течения. Наибольшим успехом в дворянских салонах пользовались проекты безземельного личного освобождения, которое развязывало руки помещиков для добровольных соглашений с пролетаризованными, нуждающимися земледельцами. Видным сторонником этого английского типа «освобождения крестьян» был влиятельный представитель дворянской аристокра-

---

[14] ВПСЗ, XXXIII, 33326; Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому (ГМ, 1914, № 11, стр. 221, 221—226); Дневник гр. П. А. Валуева (РС, 1891, август, стр. 265, 273; № 9, стр. 550); «История уделов...», т. I, стр. 108—109; т. II, стр. 528—537; Л. В. Ходский. Земля и земледелец, т. II. СПб, 1891, стр. 162—166, 187—189.

[15] Эта точка зрения особенно отчетливо формулирована дореволюционным юристом А. Э. Вормсом: «В отличие от других стран у нас пришлось возводить все здание реформы как бы на пустыре» («Великая реформа», т. VI. М., изд. И. Д. Сытина, 1911, стр. 11). Советская историческая литература, посвященная реформе 1861 г., как правило, не ставила вопроса об юридических предпосылках Положения 19 февраля.

тии и неутомимый оппонет Киселева А. С. Меншиков. После Крымской войны на той же позиции стояли помещики литовских губерний, которые стремились освободиться от всяких ограничений инвентарной системы. Идеальной формой приспособления к капиталистическим отношениям являлся для них не только английский путь использования крупных латифундий, но и ближайшие примеры безземельного освобождения крестьян — сначала в Польше, затем в прибалтийских губерниях России.

Второе течение было представлено крупными чиновниками царской бюрократии, которых одинаково пугали переход земли в крестьянские руки и полная пролетаризация земледельческого населения. Отстаивая интересы дворянского сословия и стараясь закрепить за ним земельные владения и полноту власти, они боялись повторения рискованного английского опыта: революционные события в Западной Европе, особенно прогрессирующий рост рабочего движения, заставляли их искать иного пути, обеспечивающего прочность и незыблемость феодально-дворянского землевладения. Наилучший образец для безболезненного перехода к новым хозяйственным отношениям они усматривали в постепенных правительственных реформах, проведенных в Пруссии и особенно в Австрии до революции 1848 года. Уничтожение личного рабства крестьян, неприкосновенность земельной собственности помещиков, условное пользование земельными наделами со стороны крестьян и верховная регулирующая роль государственной власти — таковы были основные пункты намечаемой ими программы. Киселев был не единственным представителем этого течения: в том же направлении пытались действовать министр внутренних дел Л. В. Перовский и киевский генерал-губернатор (впоследствии министр внутренних дел) Д. Г. Бибиков. Если первое течение формально разрывало феодальные отношения, а фактически сохраняло их в виде договорных повинностей — барщины и оброка, то представители второго течения сознательно и убежденно высказывались за урегулирование существующих производственных отношений, пока экономическое развитие не обеспечит возможности полной свободы крестьянского перехода.

Третье течение было представлено наиболее проницательными и смелыми помещиками, которые разделяли опасения революционных последствий грядущей пролетаризации крестьянства. Они не боялись социально-политических результатов революции 1848 года в Австрии и Пруссии: личное освобождение крестьян они связывали с предоставлением крестьянам в собственность прежнего земельного надела на условии обязательного выкупа барщинных и оброчных повинностей крестьянина. Еще ранее издания рескрипта 1857 года эту точку зрения энергично пропагандировали К. Д. Кавелин и А. И. Кошелев. Предлагаемый ими переход части помещичьей земли в собственность крестьянина, действительно, разрывал феодальные отношения и означал реальный переход к новой, капиталистической эксплуатации; однако, сохраняя бóльшую часть земли в руках господствующего сословия и укрепляя его власть в государстве как «просвещенного» класса общества, сторонники выкупного течения неизбежно вели аграрное развитие по «прусскому пути» сохранения многочисленных феодальных пережитков.

Самодержавная власть в лице Николая I сознательно стала на позицию второго дворянского течения: переход помещичьей земли, хотя бы в ограниченных масштабах, в собственность бывших крепостных крестьян пугал его не меньше, чем пролетаризация основного трудящегося класса отсталой земледельческой России. Чтобы остановить развитие социального кризиса, не допустить революционных событий, подобных западноевропейским переворотам 1848 года, и от-

крыть дорогу новым экономическим процессам, следовало «упорядочить» существующие отношения между помещиками и их крепостными: ликвидировать личное рабство и провести ряд переходных мер, начиная с прикрепления крестьянина к земле и кончая полной свободой его передвижения и договоров с землевладельцами: с этой точки зрения инвентаризация частновладельческих имений и приближение помещичьих крестьян к государственным были признаны ближайшими очередными задачами правительства. Такова была компромиссная позиция, занятая абсолютизмом, которая при данном соотношении общественных сил выражала общие интересы класса землевладельцев. Именно поэтому Николай I целиком согласился с программой Секретного комитета 1835 года, послужившей исходным пунктом всех последующих мероприятий. В соответствии с этой программой, восходившей своими корнями к предложениям 20-х годов, внесенным Сперанским, при ближайшем участии Киселева был утвержден ряд законов, касавшихся экономического положения помещичьих крестьян западных окраин России. Таков был неопубликованный закон 1835 года о пожаловании конфискованных польских имений в ленное владение русским землевладельцам; таково было Положение 1839 года о люстрации казенных имений Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, сдаваемых в аренду частным владельцам; те же основные точки зрения руководили киевским генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым, когда он настаивал на повсеместной инвентаризации помещичьих имений в губерниях юго-западного и северо-западного края; именно этим принципам отвечала инвентарная реформа, проведенная в 1840—1848 годах сначала в литовских и белорусских, затем в правобережных украинских имениях местных помещиков. Движение обезземеленных крестьян Эстонии и Латвии и особенно массовые волнения 40-х годов заставили правительство пересмотреть прежние лифляндские и эстляндские «Положения»; коррективы, внесенные в реформу Александра I новыми узаконениями 1849 и 1856 годов, пошли по тому же пути, указанному Сперанским и Киселевым. В том же духе были составлены рескрипт 6 декабря 1847 года и Поселянские положения того же года, оформившие феодальные отношения в Южном Закавказье. Попытка правительства перенести эти принципы во внутренние губернии, сделанная в 1839 году Николаем I и Киселевым, встретила ожесточенное сопротивление со стороны дворянства, но оставила определенный след в материалах правительственных проектов. Именно здесь были отчетливо формулированы правительственные принципы, которые нашли себе реальное воплощение в аграрных законах 40-х и 50-х годов. Основные принципы были такие: 1) вся земля частновладельческих имений составляет неприкосновенную собственность помещика; 2) крестьяне пользуются частью этой земли в виде определенного и твердо установленного надела за определенные и твердо установленные повинности; 3) крестьяне располагают личной свободой при условии сохранения вотчинной власти помещика; 4) определение крестьянских наделов и повинностей устанавливается в соответствии с местными условиями и обычаями при активном участии дворянских комитетов и под общим регулирующим воздействием государства [16].

Изложенные принципы послужили в 1857 году главным источником для составления первоначального правительственного проекта отмены

[16] ВПСЗ, XXIV, 23385; XXXI, 30693; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVII и первой половине XIX в., т. II. СПб, 1888, гл. XVI, стр. 481—513; Н. П. Василенко. Крестьянский вопрос в Юго-западном и Северо-западном крае при Николае I и введение инвентарей («Великая реформа», т. IV. М., 1911, стр. 94—109). См. т. I настоящего исследования, стр. 280, 298, 593—602, 611—628.

крепостного права. Автором этого раннего варианта был товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин, занимавший в течение 11 лет должность директора Департамента сельского хозяйства в Министерстве государственных имуществ. Владея имениями в различных губерниях России, Левшин был тесно связан с помещичьими кругами и руководился в своей деятельности ярко выраженными сословно-дворянскими интересами. Окончив Харьковский университет, он изучил теорию и практику сельского хозяйства, не раз бывал в западноевропейских странах, состоял членом нескольких заграничных обществ и был известен своими печатными трудами, в том числе ценной работой «Описание Киргиз-кайсацких орд и степей». К моменту подготовки реформы Левшин имел за собой продолжительный опыт бюрократической службы в различных государственных учреждениях. Непосредственное общение с М. С. Воронцовым и особенно с П. Д. Киселевым укрепило его отрицательное отношение к крепостному праву, но он не отличался смелостью и последовательностью в своих действиях: несмотря на широкое образование и европейский образ мыслей, он оставался прежде всего помещиком и чиновником, боязливо прислушивался к мнениям крепостнического дворянства и никогда не забывал о перспективах своей служебной карьеры. Тем не менее именно от него исходила инициатива в постановке крестьянского вопроса после московской речи Александра II. Сам император как будто позабыл о своих намерениях «освободить крестьян сверху раньше, чем они сами начнут освобождать себя снизу». Однако Левшин решил воспользоваться этой речью, чтобы осторожно и постепенно подготовить желаемую реформу: через министра Ланского он запросил императора, следует ли ограничиться частными мерами для достижения поставленной цели или надо ожидать общего плана, начертанного правительством? Александр II отвечал, что необходимо и то, и другое,— такой ответ развязал руки товарищу министра внутренних дел, который сосредоточил в своих руках материалы предшествующих Секретных комитетов и сделался составителем всех докладных записок на имя императора и образованного вскоре Секретного комитета. Левшин был убежден, что «понятия о свободе созревают и возможность опасности становится с каждым днем правдоподобнее»; поэтому он призывал Александра II действовать непрерывно и не спеша: начав «столь великое и столь трудное дело...», «нельзя ни останавливаться, ни слишком быстро идти вперед; надо действовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласам как пылких любителей новизны, так и упорных поклонников старины...». Не доверяя самому себе и стараясь опереться на сложившуюся традицию, Левшин обратил особенно пристальное внимание на «замечательный труд» Секретного комитета 1826 года, на труды комитета 1839 года и на остзейские Положения 40—50-х ходов (постановления комитета 1835 года остались ему неизвестными). В своих докладных записках он следовал предложениям Киселева, но дополнил их некоторыми позднейшими постановлениями, которые вошли в лифляндские и эстляндские законы. Выискивая «среднюю точку между безземельным и полноземельным состоянием крестьянина», Левшин настаивал на предоставлении крестьянину права выкупать свою усадьбу. «Это средство,— говорил Левшин,— ограждало бы его от возможности быть изгнанным из жилища и произвело бы между им и землевладельцем взаимную потребность друг в друге, не составляя однако же безусловной зависимости». Левшина очень заботила мысль об обеспечении помещичьего хозяйства дешевыми рабочими руками; в условиях развивавшейся промышленности и торговли середины XIX века крестьянское право пользования землей за повинности казалось ему недостаточной гарантией против «бродя-

жества» крестьян. С другой стороны, Левшин усиленно рекомендовал начать преобразование с пограничных западных губерний, более подготовленных к восприятию свободных сельских отношений, и только мало-помалу распространять его на другие, восточнее расположенные губернии.

Предложения Левшина, хорошо знакомые членам правительства по ранее изданным законам, встретили сочувствие министра внутренних дел, членов Секретного комитета и самого Александра II. Однако предложенный Левшиным метод постепенного распространения новых отношений на восток, губерния за губернией, был отброшен в результате изменившейся политической ситуации: в октябре 1857 года литовский генерал-губернатор Назимов привез с собой ожидаемое согласие местных помещиков освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Тактика бесконечного обсуждения различных предложений, которую применяли сановные члены Секретного комитета, на этот раз была пресечена решительным приказом Александра II в течение трех дней составить проект рескрипта генерал-губернатору. Левшин был в ужасе от внезапности и поспешности этой меры; он старался убедить Ланского в нецелесообразности и опрометчивости такого шага, но должен был подчиниться категорическому решению самодержца. В сотрудничестве с двумя опытными чиновниками: статским советником Э. Е. Лоде, ближайшим помощником Киселева по его Министерству, и представителем Министерства внутренних дел, бывшим петрашевцем А. П. Беклемишевым, Левшин набросал основные начала, которые должны были составить содержание проектируемого рескрипта. Это были те самые принципы, которые были завещаны программой Киселева и существом аграрного законодательства 40—50-х годов,— Левшин и его помощники придали им только бо̀льшую конкретность и бо̀льшую легализацию. Вся земля была признана неприкосновенной собственностью помещика, но должна была разделяться на господскую и отведенную крестьянам. Размеры и качество крестьянских наделов должны были получить точное определение «по местным обстоятельствам и обычаям». Крепостная зависимость крестьян ликвидировалась постепенно в течение переходного периода сроком не свыше 8—12 лет; крестьяне переставали быть объектом вещного права: продажи, дарения, произвольных переселений, обращения в дворовые и т. д. Приобретая гражданские и имущественные права, крестьяне получали в пользование отведенные и точно определенные наделы, за которые должны были отбывать барщинные или оброчные повинности. «В видах предотвращения вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении» крестьянам предоставлялась возможность выкупить в личную собственность свои усадьбы «деньгами или особыми работами». Размеры оброка и барщины должны были получить точное определение «согласно с пространством и качеством отведенной крестьянам земли». Освобождаемым крестьянам давалось право мирского самоуправления, но высшим начальником, который контролировал деятельность крестьянских сходов и крестьянских судов, оставался обладатель вотчинных прав, т. е. помещик.

В таком виде основные начала, проверенные и несколько дополненные министрами внутренних дел и государственных имуществ, были представлены Секретному комитету, который утвердил их в результате трехдневных заседаний. Комитет нашел, что «предположенные двумя министрами главные начала безобидны и выгодны для обеих сторон», что инвентарная реформа в литовских губерниях облегчает их реализацию, но что гораздо целесообразнее обособить «начала непреложные» и начала, допускающие обсуждение и коррективы со сто-

роны дворянских губернских комитетов. В соответствии с этим решением были составлены два документа: проект рескрипта и проект отношения министру внутренних дел, которое должно было служить пособием при занятиях губернских комитетов. В рескрипте были указаны как непреложные принципы неприкосновенное право собственности помещиков на землю, предоставление крестьянам права выкупить усадебную оседлость и пользоваться землей за повинности, организация сельских обществ, сохранение за помещиками вотчинной полиции и гарантирование исправной уплаты государственных и земских сборов. Все остальные пункты правительственной программы — об определении размеров господской и крестьянской земли, об установлении размеров оброка и натуральных повинностей, о назначении переходного 12-летнего периода, о полномочиях помещика как вотчинного начальника и т. д. — были изложены в отношении министра внутренних дел губернаторам, которое заканчивалось многозначительной фразой: «Если комитеты по местным уважениям признают неудобным принять которые-либо из сих соображений, то я просил бы ваше превосходительство поручить комитетам в своих окончательных мнениях объяснить подробно причины, препятствующие принятию оных». Другими словами, «непреложными» и обязательными для местного дворянства объявлялись только основные начала проектируемой реформы; их толкование, конкретизация и, следовательно, видоизменение в зависимости от местных условий представлялись на полную волю литовских помещиков.

В таком виде первоначальная правительственная программа была изложена во всех последующих рескриптах: петербургскому, нижегородскому, московскому и другим начальникам губерний. В такой формулировке она была положена в основу официальной программы работ губернских комитетов; на этих руководящих началах строились проекты подавлющего большинства дворянских губернских комитетов в течение 1858 года. Не трудно видеть, что этот план преобразования сельских отношений одинаково отличался от проектов безземельного освобождения в духе прибалтийских законов 1816—1819 годов и от тех, более прогрессивных проектов выкупного типа, которые были выработаны Кавелиным, Кошелевым, Унковским и другими сторонниками разрыва феодальных отношений. Правительственная программа 1857 года воспроизводила старый план инвентаризации помещичьих имений, который был внесен Киселевым в Секретный комитет 1839 года. Помещик-дворянин оставался монопольным собственником всех населенных земель. Крестьяне по-прежнему оставались в феодальной зависимости от дворянина-землевладельца; по-прежнему они должны были отбывать ему феодальные повинности и подчиняться его вотчинной власти. По существу крестьянский надел оставался «натуральной заработной платой» феодально-эксплуатируемого земледельца. Феодальные производственные отношения не ликвидировались — они узаконялись и «упорядочивались», т. е. регламентировались государственной властью под диктовку заинтересованных феодалов-помещиков. Новыми чертами грядущего преобразования были устранение рабовладельческих наростов на институте крепостного права и создание юридических препятствий для произвольного уменьшения наделов и увеличения повинностей. За крестьянами признавались гражданские и в известной степени корпоративные права, а власть землевладельца ограничивалась и вводилась в рамки государственного закона в течение 12-летнего переходного периода. Другим нововведением проекта было экономическое прикрепление крестьянина к выкупаемой усадьбе, которое должно было дополнить и усилить его феодальную

зависимость от земельного собственника. Производственные отношения сохраняли свое прежнее социальное содержание, характер феодального дворянского государства не подвергался принципиальным изменениям. При этих условиях предоставление крестьянам личных и имущественных прав получало ограниченное значение: и составители главных начал, и Секретный комитет 1857 года видели образец будущих прав крестьянина в юридическом статусе податных сословий, точнее говоря, в положении государственных крестьян как «свободных сельских обывателей».

Однако первоначальная программа правительства не выдержала испытания времени: гласное обсуждение крестьянского вопроса вызвало столкновение разнообразных принципов, проектов и мнений; в крепостной деревне необычайно обострились классовые противоречия; сторонники безземельного освобождения спешили отобрать у крестьян лучшие угодья, перевести их в дворовые, выслать в Сибирь или сдать в рекруты; крестьяне отвечали на эти попытки массовыми волнениями в 25 губерниях Европейской России. Брожение в крепостной деревне становилось все сильнее и отражалось на взаимоотношениях помещиков и крестьян. Шеф жандармов, перечислив незаконные действия помещиков, с тревогой доносил Александру II: «Крестьяне, со своей стороны, при ожидании переворота в их судьбе находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода. У них, как выражаются помещики, руки опустились, и они не хотят ни за что приниматься с усердием. Многие понимают свободу в смысле вольницы, некоторые думают, что земля столько же принадлежит им, сколько помещикам; еще же более убеждены, что им принадлежат дома и усадьбы. Как помещики, страшась чересполосности и не желая иметь соседями крестьян-домовладельцев, более всего возражают против уступки им усадеб, так и крестьяне не могут понять, почему они должны будут выкупать усадьбы, которые ими обстроены и в которых жили отцы и деды их».

На этом фоне усиливающейся классовой борьбы все заметнее становились фракционные споры в среде помещиков. Деятельность губернских комитетов осложнилась разногласиями между сторонниками и противниками правительственной программы, между депутатами, воплощавшими тенденцию к обезземелению «освобождаемого» крестьянства, и депутатами, которые считали наиболее выгодными для господствующего сословия обязательный выкуп надельной земли и прекращение всяких обязанных отношений. Руководящим деятелям правительства становилось все яснее, что сохранение феодальной зависимости чревато серьезными социальными коллизиями и может закончиться «государственными потрясениями». В этих условиях дальнейшая подготовка отмены крепостного права пошла по равнодействующей линии, призванной примирить враждующие помещичьи течения [17].

Известно, что последним толчком к пересмотру первоначальной правительственной программы послужили письма генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева, адресованные Александру II летом 1858 года. Руководясь политическими соображениями и стремясь прежде всего предотвратить крестьянское восстание, Ростовцев высказывался за постепенное превращение крепостных крестьян в свободных земельных собственников. Он доказывал необходимость смягчения вотчинной вла-

---

[17] Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, т. I. Пг, 1915, стр. 27—56; А. И. Левшин. Достопамятные минуты моей жизни (РА, 1885, кн. II); КД, I. стр. 123—124; «Русский биографический словарь». Левшин Алексей Ираклиевич; Записки сенатора Я. А. Соловьева (РС, 1882, апрель, стр. 119).

сти помещика и перенесения его функций на крестьянский мир и на контролирующие правительственные инстанции. Подготовленный беседами с великой княгиней Еленой Павловной и бароном Гакстгаузеном, Александр II был вполне убежден доводами Ростовцева, которому он безгранично доверял и которого никак нельзя было заподозрить в опасных антидворянских замыслах. Извлечения из писем Ростовцева были разосланы членам Главного (бывшего Секретного) комитета, и в ноябре 1858 года состоялись заседания этого руководящего органа под личным председательством самого царя. Реакционным сановникам Николая I пришлось подчиниться новым указаниям Александра II, которые существенно расходились с ранее опубликованными принципами Важнейшими из этих предписаний были следующие:

1. «Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками. Для сего следует: а) сообразить, какие именно способы могут быть предоставлены со стороны правительства для содействия крестьянам к выкупу поземельных их угодий, и б) определить условия прекращения срочнообязанного положения крестьян».

2. Предоставить крестьянам «права свободных сельских сословий, личные, по имуществу и по праву жалобы», сейчас же при обнародовании нового Положения.

3. Власть над личностью крестьянина сосредоточить «в мире и в его избранных», соответственно изменив программу деятельности губернских комитетов.

Таким образом, вопрос об отмене крепостного права получал принципиально новую постановку: приняв идею выкупа крестьянского надела, правительство сознательно шло на ликвидацию феодальных производственных отношений и открывало возможность действительного перехода к системе свободного договора. Такая точка зрения выдвигала вопрос о радикальной переработке проектов, составленных губернскими комитетами. Ранее предположенные акты, относившиеся к отдельным губерниям и к частным имениям, должны были уступить место общим законоположениям, хотя и с учетом местного, подготовленного дворянами материала. Специально организованные Редакционные комиссии должны были выполнить эту задачу, исходя из вновь установленных руководящих указаний. Между новыми принципами, закрепленными в постановлениях Главного комитета, с одной стороны, и большинством проектов местного дворянства, с другой,— было принципиальное противоречие, которое требовалось разрешить без нарушения интересов и требований помещиков. В результате ожесточенных споров было достигнуто следующее компромиссное решение: сохранить первый вариант правительственной программы, дополнив его Положением о выкупе поземельного надела. В обоих случаях земля оставалась «неприкосновенной собственностью помещика»; однако потомственное пользование землей за повинности, которое предписывалось первоначальной программой, было признано временным вплоть до заключения выкупной сделки; сама выкупная сделка объявлялась факультативной в зависимости от согласия помещика; добровольным соглашениям между помещиком и его крепостными отдавались приоритет и преимущество, но в случае несогласия сторон принимались установленные правительством нормы крестьянских наделов и повинностей. Задачей правительства, которой не скрывали главные деятели реформы, было создать такую социально-экономическую ситуацию, при которой временнообязанные отношения станут невыгодными для помещиков, а заключение выкупных сделок будет отвечать их хозяйственным интересам.

Основными средствами побудить землевладельца к ликвидации феодальных отношений были: немедленное предоставление ему выкупной

суммы, право крестьянина требовать перехода с барщины на оброк и смягчения системы внеэкономического принуждения. Сокращение власти землевладельца в условиях самодержавного дворянского государства логически приводило к расширению функций местной правительственной администрации. Взаимные отношения между помещиком и крестьянами до заключения выкупной сделки должны были определяться уставными грамотами, т. е. по существу феодальными инвентарями, подобными тем, которые были введены в западных губерниях. Таким образом, система инвентаризации, положенная в основу старой правительственной программы, сохраняла условное и относительное значение. Правительство открывало возможность помещикам различных районов, интересов и мнений выбрать одну из двух открывающихся возможностей: остаться при прежней системе феодальной эксплуатации, ограниченной инвентарями, или заключить выкупную сделку, которая обеспечивала переход к самостоятельному капиталистическому хозяйству. Система «обязанных отношений», проектированная в 1839—1840 годах Киселевым, введенная инвентарными правилами западных губерний и прибалтийскими законами 40—50-х годов, превращалась в осколок феодального прошлого, обреченный на постепенную ликвидацию без убытка для класса помещиков [18].

Осуществляя эту окончательную компромиссную программу, Редакционные комиссии широко воспользовались Положениями, которые нормировали права и обязанности государственных крестьян в казенных имениях. Если в вопросах о наделах и повинностях деятели реформы 1861 года исходили из требований местного дворянства, то в вопросах о гражданских правах освобождаемых крестьян и об органах их местного управления они опирались на образец, созданный Киселевым в казенных имениях. Анализируя Положения 19 февраля 1861 года и сопоставляя их с Положениями 1839—1840 годов, мы без труда улавливаем эту преемственную связь между феодальным прошлым и преобразуемым настоящим. Уже на первой странице «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» мы находим ту юридическую предпосылку, от которой отправлялись составители законопроекта, определяя личные и имущественные права бывшего крепостного населения: на основании статьи 2 Положения крестьянам и дворовым людям предоставлялись «права состояния свободных сельских обывателей», т. е. государственных крестьян. Дальнейшие статьи закона конкретно раскрывали значение этой руководящей нормы. С одной стороны, бывшие крепостные крестьяне приобретали права, которыми они не обладали под властью помещиков: самостоятельно вступать в браки, заключать договоры и обязательства, заниматься торговлей и промышленностью, вчинять судебные иски, иметь движимое и недвижимое имущество без всякого разрешения и согласия помещиков. С другой стороны, приобретая юридическую свободу, крестьяне должны были, так же как государственные крестьяне, нести на себе феодальные ограничения, падавшие на все податные сословия. Подобно государственным крестьянам, бывшие крепостные прикреплялись к сельскому обществу и не могли свободно и вполне самостоятельно пользоваться правом передвижения и ведения своего хозяйства. Институт круговой поруки, составлявший давнюю традицию казенных имений, должен был гарантировать исправное отбывание каждым членом об-

[18] Журналы Секретного и Главного комитетов..., т. I, стр. 259—264, 297—300; А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. I. Бонн на Рейне, 1862, стр. 908—925; Записки сенатора Я. А. Соловьева (РС, 1883, февраль, стр. 265—290; март, стр. 597—614).

щины казенных, земских и мирских повинностей, а в районах общинного землепользования — и оброчные платежи помещику. В силу этого института каждый крестьянин отвечал своим имуществом за недоимки членов общины; сельское общество имело право применять к неисправным плательщикам разнообразные меры взыскания: использование дохода с его имущества, отдачу его в посторонние заработки, установление над ним опеки, продажу его движимого и недвижимого имущества и в крайних случаях даже отобрание у него надела. Так же как государственные крестьяне, бывшие крепостные не имели права уйти из сельского общества без увольнительного свидетельства прежней общины и без приемного приговора новой. Самовольная отлучка государственного и бывшего крепостного крестьянина одинаково рассматривалась как побег и влекла за собой его поиски, возвращение на старое место и установленное наказание. Сельское общество приобретало широкую власть над личностью крестьянина в соответствии с законами, действовавшими в казенных имениях: сельский сход получал право удалять порочных крестьян из общества и даже лишать их права состояния. Так же как государственные крестьяне, бывший крепостной мог подвергаться телесным наказаниям. На весь период временнообязанных отношений помещику предоставлялись полномочия вотчинного начальника, аналогичные власти окружных начальников казенных имений; в частности, он имел право требовать смены избранных должностных лиц и назначения новых, приостанавливать исполнение мирских приговоров (не только противоречивших закону, но и тех, которые представлялись ему вредными или нарушающими «права помещичьи»). Все эти феодальные ограничения делали крайне относительной личную свободу так называемого «свободного сельского обывателя». Правда, в одном отношении бывший крепостной крестьянин оказывался в более тяжелом положении, чем государственный: в течение первых 9 лет после реформы он не имел права отказываться от надела и, следовательно, уходить из общества, т. е. был юридически, по закону прикреплен к земле. Такое определение гражданских прав раскрепощенного крестьянина вполне соответствовало социально-политическим взглядам членов Редакционных комиссий: исходя из сословно-дворянской точки зрения, они рассматривали крестьянство как податное неравноправное сословие, руководимое самодержавной властью и «просвещенными» представителями высшего класса. Вот почему такая правовая конструкция не вызвала принципиальных споров в общем присутствии Редакционных комиссий. Составители Положений не скрывали феодальных источников своих юридических построений: доклад Юридического отделения Редакционных комиссий и комментарии его докладчика М. Н. Любощинского прямо ссылались на различные тома и разделы Свода законов, которые нормировали правовое положение государственного крестьянства. В сущности, статьи Общего положения 1861 года воспроизводили основное содержание «Сборника постановлений по управлению государственных имуществ» — кодификационной сводки, изданной в 1850 году по инициативе Киселева [19].

[19] Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М, 1916. Общее Положение (особенно статьи 2, 30, 54, 102, 148, 153, 160, 187—189); «Материалы Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», т. II, кн. I, изд. 2. СПб, 1860, стр. 1—182; «Материалы Редакционных комиссий...» (изд. 1), ч. IV. СПб, 1859, № 66, 69, 75, 76; ч. V. СПб, 1860, № 83; Н. П. Семенов. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II, т. I. СПб, 1889, стр. 238—247, 378—394, 422—429, 505—508, 518—525, 527—528, 637—654; Мемуары П. П. Семенова Тян-Шанского, т. III. Пг, 1915. гл. XI; Сборник постановлений по управлению государственных имуществ, т. II. СПб, 1850, разд. I—II.

Гораздо сложнее был вопрос об организации местного управления освобождаемых крестьян. При разрешении этой задачи можно было идти тремя принципиально различными путями: или подчинить крестьянство вотчинной власти помещиков (на этой точке зрения стояли дворянские комитеты черноземных губерний и представители реакционной знати центральных районов), или предоставить крестьянам подлинное самоуправление, независимое от бюрократических органов и объединяющее крестьян с другими сословиями государства (такой позиции придерживалось прогрессивное меньшинство губернских комитетов, особенно в нечерноземных губерниях), или пойти по старому, проторенному пути, подчинив номинально самоуправляющиеся общины бюрократической власти самодержавного государства, т. е. воспроизвести административную систему, которую воплощала в себе реформа Киселева. Редакционные комиссии фактически пошли по этому третьему пути, хотя вначале не только такие эксперты, как князь В. А. Черкасский, но и сам председатель Комиссии генерал Ростовцев резко критиковали фиктивное самоуправление государственных крестьян. Подобный исход разрешения административной проблемы был продиктован руководящими началами, принятыми правительством: нужно было не только обеспечить исправное отбывание повинностей со стороны крестьянина, но также ввести его хозяйственную и бытовую жизнь в рамки централизованного дворянского государства. Административное отделение Редакционных комиссий пыталось обеспечить самостоятельность крестьянского мира и свести к минимуму бюрократический характер управления, выдвинув искусственную концепцию о двух параллельных, не зависимых друг от друга самоуправлющихся единицах: о сельском обществе, которое скреплено единством хозяйственных интересов, и о волости, которая выполняет в отношении государства административно-полицейские функции. Напрасно более проницательные и более прогрессивно настроенные деятели, вроде Унковского и Самарина, доказывали невозможность полного разграничения хозяйственных и полицейских функций, Редакционные комиссии большинством голосов приняли проект Административного отделения, который был оспорен депутатами губернских комитетов, но почти неизменным вошел в содержание Общего положения 1861 года.

Если мы сопоставим статьи этого закона с киселевскими Положениями 1838 года, то может показаться, что они существенно отличаются друг от друга: деятели реформы 1861 года устранили не только архаическую терминологию XVIII века, но и всю мелочную регламентацию деятельности административных органов; они стремились избежать осужденного многовластия Министерства государственных имуществ и не загромождать местных должностных лиц чрезмерным письменным делопроизводством. Однако за этими внешними редакционными отличиями выступает внутреннее единство в организационной структуре крестьянского «самоуправления», большое сходство в компетенции распорядительных и исполнительных органов, а главное, та же система полного подчинения выборных крестьянских учреждений местным органам коронной администрации.

Так же как в Положении Киселева, закон 1861 года создавал двухярусную систему сельского управления: с одной стороны, сельское общество, с другой—волость. Правда, состав той и другой единицы несколько различался: у Киселева сельское общество создавалось по географическому и статистическому признакам; на основании Положения 1861 года сельское общество составлялось из крестьян, «водворенных на земле одного помещика», безразлично, жили ли они в одном селении, или в одной из частей разнопоместного селения, или в нескольких мелких и смежных поселках. Однако закон тут же допускал отступление от этого правила: небольшие селения, принадлежавшие разным владельцам, могли соединяться в одно

сельское общество или сливаться с другими, смежными обществами. Что касается волости, то она строилась так же, как в 1838 году, по количественному и отчасти географическому принципам, но в менее крупных масштабах: ее население должно было составлять от 300 до 2 тысяч ревизских душ при условии расположения не далее 12 верст от волостного центра. Такая организация сельских территориальных единиц определялась двумя основными мотивами законодателя: в период временнообязанных отношений сельское общество должно было сохранять свое хозяйственное единство в отношении поземельного пользования и отбывания феодальных повинностей; в свою очередь разукрупнение волостей должно было обеспечить более легкое и удобное управление крестьянами со стороны бюрократических органов.

Так же как в Положении 1838 года, сельское общество и волость должны были иметь распорядительные и исполнительные органы: к первым относились сельский и волостной сходы, ко вторым — сельский староста и его помощники (сборщик податей, а в случае необходимости — смотритель хлебного магазина, сельский писарь и пр.), а в волости — волостной старшина (равнозначный киселевскому волостному голове), волостное правление и волостной писарь. Таким образом, реформа 1861 года сокращала количество сельских должностных лиц — она упраздняла должность сельского старшины и делала необязательным избрание помощников сельского старосты.

Сравнивая организацию сельского и волостного сходов в законах 1838 и 1861 годов, мы видим и здесь некоторые отличия: сельский сход по новому закону, в соответствии с давней традицией, созывался из всех взрослых домохозяев, а не из выборных. Что касается состава волостного схода, то он слагался из крестьян, избранных от каждого селения по одному от 10 дворов, как и в Положении Киселева. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, в отличие от волостного схода государственных крестьян, аналогичное учреждение, созданное законом 1861 года, получало более широкую компетенцию: не ограничиваясь выборами волостных начальников, представители волости разрешали разнообразные вопросы хозяйственного, бытового и полицейского характера. Стремление Редакционных комиссий разграничить и обособить функции сельского общества и волости не было реализовано в законе: сопоставляя компетенцию сельского и волостного сходов, мы видим и здесь, и там соединение хозяйственных и административных вопросов. И сельский, и волостной сходы обсуждают хозяйственные вопросы, первый — в границах селения (о пользовании землей, о раскладке податей и повинностей, о мирских расходах), второй — в границах волости (о волостном хозяйстве, о мирских сборах, о запасных магазинах); и сельский, и волостной сходы занимаются вопросами внешнего порядка и благоустройства (об увольнении и исключении крестьян из сельского общества, о выборе поверенных, о рекрутской повинности и т. д.). Однородность функций сельского общества и волости особенно бросается в глаза в статьях, определяющих компетенцию должностных лиц: сельский староста подчинен волостному старшине и выполняет его приказания; волостной старшина проверяет действия старосты и наказывает его в случае неисправности; староста обязан не только исполнять приговоры сельского схода по вопросам хозяйственной жизни, но и «принимать необходимые меры для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имуществ от преступных действий», задерживать бродяг, беглых и дезертиров, подавать в чрезвычайных случаях помощь населению и производить дознания в случае преступлений. Вопросы хозяйственной жизни, которых не затрагивала компетенция волостных органов, касались общинного и подворного пользования землей (в Положении 1838 года эти вопросы были тоже обо-

соблены и предоставлены в случае необходимости решению сходов отдельных селений); однако в условиях чересполосицы, объединения смежных селений разных помещиков и тому подобных волостные органы должны были неизбежно вмешиваться в сферу поземельных отношений,— закон давал им на это право, включая в ведение волостного схода «постановления о всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел целой волости», а в компетенцию волостного старшины — обязанность «предлагать на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз волостного общества». Следовательно, ни хозяйственные, ни административно-полицейские дела не были разграничены и обособлены между сельским обществом и волостью; созданные Положением 1861 года территориальные единицы крестьянского «самоуправления» оказывались двумя административными инстанциями, из которых низшая — сельское общество — была подчинена высшей — волостному управлению. Перед нами та же правовая конструкция, какая была создана реформой Киселева, но формулированная более сжато, без многочисленных перечней и архаизмов, заимствованных из уставов XVIII века.

Определение прав и обязанностей крестьянских распорядительных органов тоже повторяло руководящие точки зрения Положения 1838 года. В состав сельского и волостного сходов входили не только домохозяева и их выборные представители, но также должностные лица, которым принадлежали на сходах организующие и направляющие функции: сельский староста созывал и распускал сельский сход и охранял «должный на оном порядок»; то же самое делал волостной старшина при созыве и функционировании волостного схода. В компетенции волостного и особенно сельского схода крупное место занимали вопросы исправного отбывания повинностей по отношению к казне, помещику и крестьянскому миру; ни сельский, ни волостной сходы не имели права обсуждать вопросы, не предусмотренные в приведенном перечне; посещение сельского и волостного сходов рассматривалось как обязанность крестьян.

Не меньшее сходство с Положением 1838 года обнаруживает организация исполнительных органов сельского общества и волости: и здесь, и там они избирались на 3 года из числа крестьян возрастом не менее 25 лет, не опороченных по суду и не состоящих под следствием; и сельский староста, и волостной старшина получали право «за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными», подвергать виновных назначению на общественные работы до двух дней, денежному штрафу до одного рубля или аресту не долее двух дней. Состав и компетенция волостного правления стали еще бюрократичнее, чем в законе Киселева: Положение 1861 года рассматривало это учреждение как служебно-вспомогательный орган при волостном старшине, не обладавший правами коллегии и обязанный только давать советы. Самый состав волостного правления предопределял его подчиненную, зависимую роль: вместо головы и «добросовестных», которые входили в него по закону 1838 года, оно состояло из старшины, всех сельских старост или помощников старшины и из сборщиков податей, т. е. из должностных лиц, непосредственно подчиненных единоличной власти своего председателя. Таким образом, руководящие органы крестьянского «самоуправления» рассматривались скорее как подсобные учреждения к деятельности бюрократии, чем в качестве независимых и властных выразителей крестьянского мнения.

К такому выводу приводит также анализ статей закона, нормирующих взаимоотношения между крестьянским «самоуправлением» и местными бюрократическими органами. Наблюдение над сельским обществом и волостью и руководство их деятельностью были возложены на мирового посредника, т. е. местного помещика, потомственного дворянина, назначенного из числа кандидатов, избранных дворянством. Мировой посред-

ник должен был утверждать в должности волостного старшину, проверять и в случае необходимости приостанавливать приговоры сельского и волостного сходов, устранять со своих постов должностных лиц сельского и волостного управления, подвергать наказанию не только членов сельского общества (присуждая их к денежным взысканиям, общественным работам, аресту и наказанию розгами), но и виновных должностных лиц сельского и волостного управлений, присуждая их к замечаниям, выговорам, денежному штрафу до 5 рублей и аресту до 7 дней. Сельские старосты и волостные старшины обязаны были подчиняться не только направляющим указаниям этого представителя помещичьего класса, но и требованиям других бюрократических органов: судебного следователя, земской полиции и «всех установленных властей, по предметам их ведомства». Особенно рельефно выступает эта зависимость от бюрократических органов в перечне обязанностей исполнительного органа волостного управления: несмотря на более сжатые формулировки, это перечисление разнообразных полицейских функций воспроизводит знакомые формулы архаизированного кодекса Киселева.

Мировой посредник в отношении бывших крепостных крестьян должен был занять место, которое было предоставлено в казенных имениях окружному начальнику, правда, в модифицированной и смягченной форме. По замыслу законодателя, это был дворянский начальник над непросвещенными крестьянами, не только «примиряющий» классовые конфликты, но и руководящий неподготовленной массой сельского населения. Первоначально предполагалось дать право крестьянским обществам избирать мирового посредника из среды местных помещиков, но затем это предположение было отброшено, и мировой посредник, назначаемый губернатором, оказался посредствующим звеном между классом землевладельцев и официальной властью. При обсуждении законопроекта в Главном комитете и Государственном совете реакционная знать в лице триумвирата — графа Адлерберга, князя Долгорукова и М. Н. Муравьева — не была удовлетворена подобной конструкцией; она считала необходимым «усилить административную власть для замены прекращающейся или упраздняемой власти помещика, не только для оказания наставительного содействия новым сельским начальникам..., но и вообще для упрочения необходимого порядка в столь важных, в видах государственного благоустройства, низших управлениях, имеющих постоянно ближайшее соприкосновение с народом». С этой целью три сановника выдвинули предложение образовать в каждой крестьянской волости особую должность волостного попечителя, избираемого из числа местных земельных собственников и непосредственно руководящего действиями крестьянских органов. Так возродился старый реакционный проект воздвигнуть над крестьянскими общинами сильную власть помещика; чтобы оттенить преемственную связь проектируемого волостного попечителя с окружным начальником Киселева, авторы проекта ссылались на необходимость облегчить постепенное соединение управления государственных крестьян с управлениями крестьянами на землях частных владельцев. Предложение реакционных сановников было отвергнуто в Главном комитете, но было возобновлено при обсуждении вопроса в Государственном совете. И на этот раз оно не получило большинства голосов, но возродилось в несколько видоизмененной форме в конце 80-х годов и нашло себе реальное осуществление в виде института земских начальников.

Для разрешения более важных и спорных вопросов и для разбора крестьянских жалоб на местные органы было создано два новых учреждения: уездные мировые съезды и Губернское по крестьянским делам присутствие, таким образом, двухъярусная система крестьянских выборных органов, так же как в Положении 1838 года, была дополнена бюрократи-

ческой надстройкой, на этот раз не из двух, а из трех учреждений, хотя компетенция этих пореформенных институтов была более ограниченной, чем в Положении 1838 года. Однако назначение и политический смысл этих бюрократических органов, состоявших из чиновников и местных землевладельцев, были внутренне однородными с окружными начальниками и Палатами государственных имуществ.

Единственное принципиальное отличие Общего положения 1861 года от его феодального прообраза составляла новая организация крестьянского выборного суда. Киселев вдохновлялся идеей отделения судебной власти от административной, но он сознательно нарушал этот принцип, делая председателем сельской расправы сельского старшину, а председателем волостной расправы — волостного голову, т. е. главных представителей исполнительной власти в казенной деревне. Редакционные комиссии пошли по несколько иному пути: формально отказавшись от идеи двух инстанций, они создали волостной суд исключительно из крестьянских судей, избираемых на волостном сходе, в количестве от 4 до 12 человек. Чтобы сохранить независимость суда от администрации, законодатели включили в Положение особую статью 104: «Волостной старшина и староста не должны вмешиваться в производство волостного суда и не присутствуют при обсуждении дел». Помимо этого была расширена компетенция крестьянского суда: ему передавался разбор «всех споров и тяжб между крестьянами ценою до 100 рублей включительно», а также «все, без ограничения ценою иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущиеся стороны предоставят решению волостного суда». Но, так же как в Положении 1838 года, суд должен был разбирать маловажные проступки крестьян, если они были совершены без участия лиц других состояний и не находились в связи с уголовными преступлениями. При разборе таких проступков волостной суд должен был руководиться Сельским судебным уставом для государственных крестьян, его квалификацией преступлений и проступков и его градацией карательных мер. Подобно сельской расправе Киселева, волостной суд имел право приговаривать виновных к общественным работам (до 6 дней), денежному взысканию (до 3 рублей), к аресту (до 7 дней), к наказанию розгами (до 20 ударов). Единственным прогрессивным нововведением этой нормы сравнительно с Положением 1838 года было точное определение размеров наказания, т. е. устранение прежнего узаконенного произвола судей.

Такова была система «общественного управления» бывших крепостных крестьян, вполне координированная с установленной системой прав и обязанностей неполноправного сословия и внутренне, органически связанная с первоначальной программой отмены крепостного права. В общем все эти элементы, заимствованные из реформы Киселева, составляли единую юридическую концепцию, которая носила на себе печать неразрешенного внутреннего противоречия. В начале 1858 года главный деятель начатой реформы Н. А. Милютин писал Киселеву: «Здесь все мысли, все заботы поглощены великим вопросом, который так неожиданно возбужден в России. Теперь для самых близоруких проясняется ваша восемнадцатилетняя деятельность по Министерству государственных имуществ». Действительно, киселевский проект инвентаризации помещичьих имений и его Положения 1838—1840 годов, предназначенные быть образцом для упорядочения феодальных отношений, облегчили постановку вопроса об отмене крепостного права, а содержание его законов о личных правах государственных крестьян и о системе их «самоуправления» помогли освободить крепостного от непосредственной и почти неограниченной власти дворянина-землевладельца. Но эти нормы киселевского законодательства, инкорпорированные в Положение 19 февраля 1861 года, сами по себе не были прогрессивными, направляющими социальное раз-

витие вперед, к новой, буржуазной формации; они стояли в противоречии с принципами разрыва феодальных отношений, ликвидации сословной неравноправности крестьянина и предоставления ему подлинного, независимого самоуправления. Реформа Киселева, которая была задумана как средство «безболезненного» разрешения крестьянского вопроса, в период действительной отмены крепостничества сыграла реакционную роль, заполнив нормы новой эпохи устаревшими пережитками феодального прошлого [20].

6. Ликвидация сословия государственных крестьян

Отмена крепостного права и начавшееся заключение выкупных сделок не могли не отразиться на положении остальных категорий крестьянства: превратить помещичьих крепостных в свободных самостоятельных собственников, но оставить государственных и удельных крестьян феодальными оброчниками, подчиненными системе внеэкономического принуждения, значило создавать новые осложнения в волнующейся деревне. Уже в начале 1858 года был образован специальный комитет с определенной целью «согласить предварительные меры, предпринимаемые по высочайшему повелению к устройству поземельных отношений и вообще положения крестьян государственных, дворцовых, удельных и заводских с общими по сему предмету правительственными видами». В связи с деятельностью новообразованного комитета была создана специальная комиссия в Министерстве государственных имуществ, которая должна была составить соображения о поземельном устройстве и быте государственных крестьян. Комиссия высказалась за ликвидацию натуральных повинностей монастырских и архиерейских служителей, так же как лашман, и за окончательный выкуп крестьян, принадлежавших однодворцам. 12 мая 1859 года Александр II утвердил предложение Главного комитета об уравнении крестьян, приобретенных в казну у частных владельцев, пожертвованных учебным заведениям и прикрепленных к конным заводам, со всеми остальными государственными крестьянами, уплачивающими денежный оброк; тем же постановлением были освобождены от уплаты оброка и перечислены в свободные хлебопашцы государственные крестьяне, живущие на собственных землях.

Одновременно с деятельностью Комитета Министерство государственных имуществ стало продавать казенную землю государственным крестьянам Петербургской и других губерний: к 1865 году таких добровольно выкупивших надел государственных крестьян в Петербургской и Казанской губерниях числилось 1479 ревизских душ, а количество выкупленной земли составляло 8462 десятины на сумму 340 911 рублей. Однако выйти на выкуп могли только зажиточные крестьяне, отношения остальной массы мелких производителей в казенных имениях должны были быть нормированы специальным законом. В день опубликования Положений

---

[20] Сравн. «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (статьи 40—129) и «Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» (статьи 6—35, 105, 110, 123, 129) с т. I настоящего исследования, стр. 526—572, 575—588; «Журналы Секретного и Главного комитетов...», т. II. Пг, 1915, стр. 17—99; «Материалы Редакционных комиссий...», т. II, кн. II, изд. 2. СПб, 1860; Н. П. Семенов. Освобождение крестьян..., т. I—III (обсуждение докладов Административного отделения); Мемуары П. П. Семенова Тян-Шанского, т. III, гл. XI; Из записок М. А. Милютиной (РС, 1899, февраль, стр. 271); А. А. Корнилов. Вопрос об административном устройстве крестьян во время разработки крестьянской реформы. («Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России». СПб, 1905, стр. 313—343); Ив. Страховский. Крестьянские права и учреждения. СПб, 1905 (попытка автора свести возникновение противоречия в административной системе 1861 года к случайному терминологическому противоречию опровергается всем содержанием указанных источников).

19 февраля 1861 года был подписан указ министру государственных имуществ о составлении проекта применения главных начал Положений к государственным крестьянам. Тем же указом давались «первые облегчения» некоторым категориям государственного крестьянства: было прекращено взимание оброчной подати со всех, живущих на собственных и наемных землях, но не пользующихся казенным наделом, и были отменены обязательные общественные запашки там, где они еще не были ликвидированы. Наконец, 8 ноября 1862 года была проведена последняя предварительная мера: указом Сенату была учреждена особая комиссия «для принятия приготовительных мер к слиянию сельских сословий в одно общее управление и для составления «Положения» о применении к государственным крестьянам главных оснований Положения 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Первыми получили новое управление и новое поземельное устройство крестьяне удельного ведомства: после продолжительного обсуждения и переработки внесенных проектов был издан закон 26 июня 1863 года, которым удельные крестьяне в обязательном порядке должны были выкупить свои наделы; за ними были сохранены включенные в надел запасные земли и сами они единовременным актом были объявлены крестьянами-собственниками. Таким образом, на землях удельного ведомства вопрос о ликвидации феодальных отношений был разрешен более радикально и быстро. Несколько иначе были применены основные начала реформы 1861 года к различным категориям государственного крестьянства. В недрах правительственных комиссий и комитетов вспыхнули споры о юридической природе поземельного владения этой категории сельского населения. Кроме того, выработку законопроекта задержали подавление польского восстания 1863 года и последовавшие изменения в производстве люстрации литовских, белорусских и правобережных украинских имений. Выдвинутый вопрос окончательно разрешился только в 1866 году, когда были изданы утвержденные Александром II мнения Государственного совета об экономическом и правовом положении сельского населения, жившего на казенных землях.

Закон 18 января 1866 года распространил на все категории государственного крестьянства Общее положение 19 февраля 1861 года, передав их в ведение «общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений». Сельские общества и волости перестраивались на основании Общего положения 1861 года, причем состав прежних волостей был сохранен, но разрешалось соединять их с обществами других крестьян. Был упразднен институт «добросовестных» и назначены немедленные выборы судей в новые волостные суды, обособленные от исполнительной власти. В компетенцию сельского схода дополнительно включалось обсуждение вопроса о распределении вырубленного леса, а в ведение волостного управления — разрешение ссуд из вспомогательных касс. В десяти западных губерниях сельские общества были переименованы в волости. Государственные крестьяне должны были быть распределены по мировым участкам с дополнительным назначением недостающих мировых посредников.

Создание единой системы управления, слившее государственных крестьян с бывшими крепостными и удельными, не затрагивало особых преимуществ, принадлежавших некоторым разрядам государственного крестьянства (например, однодворцам, панцирным боярам и т. д.). Государственные крестьяне по-прежнему сохраняли свой земельный надел и были обязаны уплачивать за него оброк наряду с отбыванием прежних государственных, земских и мирских повинностей.

Передача государственных крестьян в ведение общих административных учреждений должна была быть закончена в течение 6 месяцев, т. е.

к 15 августа 1866 года. Таким образом, Общее положение 1861 года, вобравшее в себя элементы реформы Киселева, оказало обратное воздействие на управление государственными крестьянами; административная система, созданная Положением 1838 года и подорванная новеллами Муравьева, была окончательно упразднена и заменена той, которой подчинялись бывшие удельные и помещичьи крестьяне. Институт государственного крестьянства сохранил только свои экономические особенности: вопрос о поземельных правах государственных крестьян остался открытым, и существующие феодальные отношения сохранили свою юридическую силу.

Через 11 месяцев, 24 ноября 1866 года, был утвержден новый закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36-ти губерниях» (он не касался Прибалтики, Бессарабии, Области Войска Донского, Кавказа и Сибири). Задачей закона объявлялось «окончательное устройство хозяйственного быта государственных крестьян», причем правительство стремилось «расширить права их по владению и распоряжению предоставленными им в надел землями». Согласно этому закону государственные крестьяне сохранили в своих руках существующие наделы, однако не свыше 8 десятин в малоземельных и 15 десятин — в многоземельных уездах; точное определение размеров надела должно было быть закреплено особым актом под названием «владенной записи», аналогичной уставной грамоте бывших помещичьих крестьян. За право пользования и распоряжения наделом крестьяне по-прежнему должны были платить «государственную оброчную подать». Закон предоставлял право сельским обществам по постановлению двух третей членов сельского схода разделять общинные земли на подворные участки и выделять угодья отдельным домохозяевам с назначением соответствующей оброчной подати. По прошествии трех лет после издания закона крестьяне приобретали право отчуждать свой надел не только односельцам, но и посторонним лицам на основании крепостных актов. Однако вырученная за надел сумма должна была передаваться в казну, а оброчный оклад — соответственно уменьшаться («в размере пяти копеек на каждый рубль поступившей в казну продажной суммы»). Размеры оброчной подати оставались неизменными там, где была произведена оценка угодий; во всех остальных губерниях оброчная подать увеличивалась на 5—12%. Через 20 лет, т. е. в 1886 году, должна была состояться переоброчка. Государственным крестьянам, которые пользовались казенными наделами, присваивались права крестьян-собственников «при соблюдении указанных выше ограничений», т. е. уплаты оброчной подати или внесения продажной суммы в казну. При этом сельским обществам и владельцам подворных участков предоставлялось право единовременно выкупить оброчную подать, внеся в казну капитал (не менее 100 рублей), проценты с которого равнялись установленной оброчной подати. Земельные наделы государственных крестьян, купивших землю или выкупивших оброчную подать, становились полной собственностью приобретателя.

Этот основополагающий закон был дополнен правилами составления и выдачи владенных записей 31 марта 1867 года. Владенные записи должны были составляться чиновниками Министерства государственных имуществ и заключать в себе указание пространства и границ земельных угодий, а также количества платимого за них оброка. В присутствии мирового посредника владенные записи должны были предъявляться и разъясняться крестьянам на сельском сходе. В случае возражений должен был составляться акт, а крестьяне могли приносить в течение трех месяцев жалобы Губернскому по крестьянским делам присутствию, которое утверждало владенные записи и выдавало их на руки крестьянам. С этого момента прекращалось всякое участие Министерства госу-

дарственных имуществ в земельных и оброчных делах государственных крестьян.

Анализируя содержание законов 1866 года, мы видим, что они ставили государственных крестьян в экономическое и правовое положение, промежуточное между бывшими удельными и бывшими помещичьими крестьянами. Хотя владельцам казенных наделов присваивалось право распоряжения землей и сами они объявлялись крестьянами-собственниками, но обязательного выкупа земли, произведенного в удельных имениях, в данном случае применено не было. Государственная казна по-прежнему оставалась собственником земельных угодий, а крестьяне, имевшие на руках владенную запись, пользовались отведенным наделом при условии уплаты оброчной подати. Правда, закон предоставлял возможность пользователю продать земельный надел или выкупить оброчную подать, но государство не давало выкупавшему никакой денежной ссуды, а требовало единовременной уплаты денежной суммы, равной стоимости земли (при покупке) или капитализированной оброчной подати (при выкупе). Другими словами, создавалось положение, аналогичное тому, в которое ставились бывшие крепостные, если помещик не соглашался на выкупную сделку: взаимоотношения между крестьянами и собственником-казной после 1866 года могут быть квалифицированы по аналогии с положением бывших помещичьих крепостных как временнообязанные вплоть до того момента, когда состоится единовременный выкуп. Однако на государственных крестьян не было наложено правовых ограничений, какие сковывали хозяйственную инициативу бывших помещичьих крепостных: к ним не применялась норма о 9-летнем прикреплении к наделу, они могли выйти на выкуп по собственному желанию, без согласия казны, и переставали непосредственно зависеть от казенного ведомства; сама государственная оброчная подать еще более приблизилась к форме поземельного налога Разрыв экономической связи с Министерством государственных имуществ наносил окончательный удар остаткам киселевской реформы. Тем не менее обособленность государственных крестьян от остального сельского населения, так же как и феодальная зависимость от казны, не были полностью ликвидированы законами 1866 года. Выдача владенных записей растянулась на долгие годы; местами она сопровождалась социальными конфликтами, которые нашли отражение в отчетах III Отделения.

Особое положение создалось для государственных крестьян Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Перевод помещичьих крестьян этих районов на обязательный выкуп, произведенный под непосредственным давлением польского восстания 1863 года, заставил правительство распространить эту меру и на местных государственных крестьян. Закон 16 мая 1867 года превратил их не в номинальных, а в действительных собственников земельных наделов. Таким образом бывшие барщинники арендных имений оказались в более выгодном положении, чем основная масса их собратий — европейских оброчников.

Социально-экономическое положение государственных крестьян окончательно определилось через 20 лет, когда наступил установленный срок для пересмотра оброчных окладов. К этому моменту бывшие помещичьи крестьяне, еще остававшиеся на положении временнообязанных, были в обязательном порядке переведены на выкуп. В экономической литературе раздавались настойчивые голоса о необходимости применить ту же финансовую операцию и к государственным крестьянам. В связи с отменой подушной подати Министерство финансов решило компенсировать образовавшийся пробел в доходном бюджете обязательным выкупом «государственной оброчной подати». 12 июня 1886 года Александр III утвердил мнение Государственного совета о реализации этой меры с 1 января 1887 года. Закон распространялся на 44 губернии Европейской России,

т. е. на те, которые охватывались действием закона 24 ноября 1866 года, и на те, которые раньше были изъяты из-под его действия.

Согласно закону 1886 года оброчная подать и лесной налог преобразовывались в выкупные платежи, рассроченные уплатой на 44 года, т. е. до 1 января 1931 года, когда должно было закончиться внесение выкупных платежей бывшими удельными и крепостными крестьянами. При этом существующие оклады повышались на $^2/_3$, однако не выше действующих окладов оброчной и подушной податей и не выше окладов выкупных платежей бывших помещичьих крестьян ближайших селений. Увеличенные оброки капитализировались из 5% и раскладывались между уездами по соглашению трех министров — финансов, внутренних дел и государственных имуществ, а между селениями — Губернскими по крестьянским делам присутствиями. В отдельных случаях допускалось уменьшение поселенных окладов «ввиду исключительно неблагоприятного положения». Сельские общества, уже получившие владенные записи, могли внести весь капитал или только его часть (но не менее 10 рублей) наличными деньгами или процентными бумагами. Закон ничего не говорил о последствиях выкупной операции для определения прав государственных крестьян как земельных собственников; однако сопоставление законов 24 ноября 1866 года и 12 июня 1886 года приводит к определенному выводу: новый закон окончательно устранил сохранившиеся ограничения в праве крестьян пользоваться, владеть и распоряжаться земельными наделами. Обязательный выкуп государственной оброчной подати был такой же финансовой операцией, какой был обязательный выкуп оброчных повинностей удельного крестьянства и остававшейся небольшой категории временнообязанных крестьян частновладельческих имений. Посредством выкупа оброчной подати государственные крестьяне превращались в полных земельных собственников и окончательно приравнивались ко всему остальному крестьянскому населению. Переход государственных крестьян на выкуп был произведен на более выгодных условиях, чем аналогичная операция в помещичьих имениях: существующие наделы сельских обществ остались неприкосновенными, и поэтому размеры душевого надела оказались значительно выше; хотя было произведено новое увеличение оброчных окладов, но отмена подушной подати возместила повышение крестьянских платежей, и в этом отношении государственные крестьяне оказались в более благоприятном положении, чем бывшие крепостные.

Так совершился исторический перелом в жизни государственных крестьян, открывший перед ними дорогу более свободного хозяйственного развития. Но не следует забывать, что бывшие государственные крестьяне, также как другие категории крестьянского населения, вышли на этот путь, отягченные разнообразными феодальными пережитками: на их плечах не только лежали рассроченные выкупные платежи — эта обязательная дань феодальному прошлому; они оставались в составе неравноправного крестьянского сословия, а их «крестьянское самоуправление» по-прежнему было орудием произвольных действий бюрократической власти. Это тяжелое феодальное наследство было воспринято законодательством переломного периода из Положений 1838 года: остатки реформы Киселева, перечеркнутые ходом экономического развития, продолжали тяготеть над бывшими государственными крестьянами вплоть до свержения царского самодержавия [21].

---

[21] ЦГИАЛ, ф. Кнц М, 1858 г., д. 2032; ВПСЗ, XXXVI, 36713; XXXVII, 38897; XLI, 42899, 43888; XLII, 44418, 44590; ТПСЗ, VI, 3807; КД, II, стр. 140—141, 154; Журналы Секретного и Главного комитетов..., т. I, стр. 430—446; «История уделов...», т. I, стр. 108—109; т. II, стр. 528—537; Л. В. Ходский. Земля и земледелец, т. II, гл. IX—X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношение собственников средств производства к непосредственным производителям Маркс называл «самой глубокой тайной, сокровенной основой всего общественного строя», которая определяет все остальные стороны социальной и политической жизни.

Именно с этой точки зрения приобретает научное значение тема о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселева, т. е. об отношении феодала-казны к зависимым от нее мелким сельским производителям. Изучить систему эксплуатации государственных крестьян Российской империи не менее важно, чем исследовать положение крестьян в помещичьих и удельных имениях: чтобы получить всестороннее и правильное представление об экономической структуре феодальной формации, необходимо охватить все категории сельских производителей и выяснить их взаимоотношения с господствующим классом.

Однако научный интерес данной темы не определяется только высказанным общим соображением. Реформа П. Д. Киселева, ее подготовка, реализация и последствия падают на особый исторический период, когда разложение феодально-крепостнического строя вступило в фазу обостряющегося кризиса и привело к революционной ситуации, вызвавшей отмену крепостного права. Взаимоотношения между государственными крестьянами и казной в 40—50-е годы XIX века являлись в одно и то же время продуктом этого кризиса и одним из наиболее ярких его проявлений. При изучении этих взаимоотношений вскрываются не только острые противоречия между враждующими классами, но также процесс расслоения в недрах дворянского сословия и его правительственного аппарата.

Не следует также забывать своеобразного положения, которое занимали государственные крестьяне в феодальной России. В отличие от домениальных крестьян Англии, Франции и Германии, они принадлежали не царской фамилии, а государственной казне, которая соединяла в своих руках огромные материальные ресурсы и централизованную власть самодержавной монархии. В отличие от государственных «податных» и коронных крестьян Швеции, сословие государственных крестьян в России оформилось поздно, когда развитие товарно-денежных отношений подготовляло предпосылки для возникновения новой, капиталистической формации. До последнего времени в исторической литературе обращалось мало внимания на громадный удельный вес этой категории сельских производителей: постепенно возрастая в своей численности, она составила к началу 60-х годов XIX века 45% крестьянского населения Европейской России. Если к этому основному массиву присоединить государственных крестьян Сибири и Закавказья, то окажется, что «свободные сельские обыватели», располагавшие юридически личной свободой, не уступали накануне 1861 года количеству помещичьих и удельных поддан-

ных. Таким образом, в период кризиса феодальной формации в деревне одновременно существовали и оказывали друг на друга социальное, культурное и бытовое воздействие два основных сектора: с одной стороны государственных, с другой,— частновладельческих крестьян, одинаково эксплуатировавшихся феодалами, но развивавшихся в различном, диаметрально противоположном направлении. В то самое время, как в помещичьих имениях, особенно черноземного района, усиливалась барщина и росла так называемая «месячина», на казенных землях происходила классическая эволюция феодальной ренты, описанная Марксом: постепенно ликвидировались отработочная и продуктовая рента, а феодальная эксплуатация принимала форму взимания денежного оброка, приближавшегося к договорному отношению. Если помещики и подражавшее им удельное ведомство стремились увеличить нормы феодальной эксплуатации, то государственные крестьяне платили умеренные оброки — в $1^1/_2$—2 раза менее оброков частновладельческих поместий. Система внеэкономического принуждения на казенных землях никогда не принимала формы вещного права и, несмотря на произвол и насилия коронной администрации, совмещалась с признанием личной свободы крестьянина и с его правом самостоятельно располагать своей рабочей силой. Несмотря на многочисленные нарушения этого права «свободных сельских обывателей», положение государственных крестьян оставалось более независимым и предоставляло им возможность большей экономической свободы.

Эти отличия в положении частновладельческих и государственных крестьян имели многообразные социальные и политические последствия. Помещичьи крепостные, жившие бок о бок с государственными крестьянами, начиная с 90-х годов XVIII века непрестанно выдвигали требование перевести их в казенные поселяне. Это массовое, широко распространенное стремление наблюдалось не только в бурном движении 1796—1797 годов: как показывают документы по истории крестьянского движения первой четверти XIX века, тот же лозунг непрерывно звучал в волнениях следующих десятилетий; он не потерял своей силы и во второй четверти века, даже накануне отмены крепостного права. Чем дальше обострялся кризис феодального строя, тем острее и резче ощущалось противоречие между двумя феодальными системами эксплуатации; его вполне сознавали представители господствующего класса и более проницательные руководители правительственного аппарата.

Если передовая группа дворянских революционеров требовала одновременной ликвидации феодальной зависимости на государственных и частновладельческих землях, то подавляющая масса помещиков подходила к вопросу с крепостнической точки зрения. В течение конца XVIII века и первой половины XIX века непрерывно составлялись дворянские проекты о раздаче государственных земель и крестьян в частные руки или по крайней мере о немедленном обуздании «распустившейся» государственной деревни. Помещичий феодализм вел непрерывное наступление на «феодализм государственный» в форме самовольных захватов и легальных пожалований государственных населенных земель, насильственного закрепощения «свободных сельских обывателей» и переложения на их плечи натуральных государственных повинностей. Перед лицом этих притязаний правящего сословия дворянское государство заняло колеблющуюся, неопределенную позицию, то признавая и декларируя личную свободу своих феодальных подданных, то раздавая их в частные руки и передавая удельному ведомству.

Растущие недоимки и непрекращавшиеся волнения казенного крестьянства — неизбежный результат феодальной системы, особенно в период ее разложения — заставляли дворянскую власть, начиная с 80-х годов

XVIII столетия, выискивать решение вопроса, поставленного стихийным ходом социально-экономической жизни. При этом заметный перевес приобрела «общегосударственная» позиция дворянского государства — стремление самодержавной власти сохранить в своем непосредственном распоряжении крупные земельные владения и немаловажные доходы от феодального оброка. В противовес домогательствам класса помещиков была выдвинута мысль о необходимости хозяйственного подъема государственной деревни, а следовательно, и укрепления государственного бюджета путем ликвидации поземельной общины и насаждения подворно-наследственного землепользования (таково было основное существо проектов Гурьева, Куракина, Кочубея и Сперанского). Когда процесс разложения феодального строя вступил в кризисную фазу и обострившаяся классовая борьба грозила захлестнуть и крепостную, и государственную деревню, правительство Николая I заняло иную позицию, продиктованную стремлением спасти существующий социальный строй, приспособив его к новым экономическим отношениям.

Сохранившиеся материалы Секретных комитетов 1835 и 1839 годов, так же как свидетельства участников и современников событий, раскрывают основную линию этого нового правительственного плана. К середине 30-х годов XIX века помещичий класс и возглавлявшее его правительство отбросили прежнюю идею благотворного влияния мелкой земельной собственности и наследственно-индивидуального землепользования. В условиях развивавшегося товарного оборота и жадной погони за землей началась организованная кампания против закона 1803 года о свободных хлебопашцах, а в рядах правительства стало расти опасение повторить опыт Западной Европы, создав у себя грозящее явление «пролетариатства». На смену аграрно-техническим проектам 20-х и начала 30-х годов была выдвинута иная социально-политическая задача: выйти из состояния нараставшего кризиса путем одновременной реформы государственной и частновладельческой деревни, максимально сблизив главные категории мелких сельских производителей. Правительство стремилось при этом прочно закрепить земельные угодья казны и частных владельцев за прежними феодальными собственниками, постепенно превратить помещичьих крепостных в «свободных сельских обывателей», точно нормировать и здесь, и там крестьянские наделы и повинности и, установив бдительную опеку над государственной деревней, провести в ней систему «попечительных» мероприятий как показательный пример для частных землевладельцев. Николай I, поддерживаемый Сперанским и Киселевым, рассчитывал, что подобное решение крестьянского вопроса заставит дворянское сословие добровольно отказаться от произвольной власти над крестьянами. Именно с этой целью были учреждены V Отделение с. е. в. канцелярии и специальное Министерство государственных имуществ, призванное поднять хозяйственное положение государственной деревни и вместе с тем подчинить ее влиянию близкой надзирающей власти.

Так родилась реформа П. Д. Киселева, которая вылилась в форму ряда административных законов, опиравшихся на феодальную традицию XVIII века, но открывавшую бо́льшие возможности для экономического развития деревни. Противоречивая по своему замыслу и внутреннему содержанию, эта реформа государственного управления деревней предусматривала сложную систему хозяйственных мероприятий: ликвидацию крестьянского малоземелья, введение более совершенной системы фискального обложения и поднятие производительных сил государственной деревни путем агрономических и культурно-бытовых улучшений. Уже в процессе подготовки реформы обнаружилась явная оппозиция правительственным начинаниям со стороны основного массива помещичьего

класса. Киселев и сам Николай I должны были частично капитулировать перед требованиями дворянства и делать ему уступку за уступкой: административные законы 1837—1841 годов вобрали в себя ряд реакционных поправок в противоречии с первоначальными планами правительства. Попытка Киселева инвентаризировать помещичьи имения и сблизить крепостных крестьян с категорией «свободных сельских обывателей» потерпела крушение и закончилась ублюдочным и почти бесплодным законом 1842 года. Служебный аппарат нового Министерства под сильным давлением правящего сословия был заполнен типичными представителями дворянской бюрократии разлагающегося феодального строя. В первые годы управления нового Министерства Киселев и его помощники ориентировались на хозяйственную систему частновладельческого удельного управления. Такое же давление помещичьего класса обнаруживает социально-экономическое законодательство Киселева на протяжении 19 лет его министерского руководства: в соответствии с собственным феодальным мировоззрением, желая завоевать доверие и поддержку класса помещиков, Киселев проводил крайне осторожную земельную, фискальную и «попечительную» политику.

Попытка сохранить систему феодальной эксплуатации и облагодетельствовать крестьян «попечительной опекой» правящего сословия вызвала массовое сопротивление со стороны крестьянства. Создание громоздкого и дорогостоившего административного аппарата, назойливое вмешательство в ведение крестьянского хозяйства, чудовищные насилия и поборы новых чиновников повлекли за собой активные выступления крестьян против новой системы управления. Особенно бурный характер носили волнения 1841—1843 годов в Вологодской, Олонецкой Казанской, Тамбовской, Вятской, Оренбургской и Пермской губерниях. Подавленное с необычайной жестокостью крестьянское движение не прекратилось и в последующие годы управления Киселева. По материалам центральных архивов можно проследить волнения государственных крестьян на территории 22 губерний, не считая частных правонарушений, связанных с борьбой против порядка текущего управления.

Таким образом, с самого начала обнаружилась слабая опорная база предпринятой реформы: против усиления внеэкономического принуждения восстало крестьянство; против «попечительных» мер Киселева, частично улучшавших положение казенной деревни, непрерывно будировало дворянское сословие. Маневрируя между враждующими силами, Министерство государственных имуществ, неизменно поддерживаемое Николаем I, продолжало осуществлять намеченную программу, а официальные отчеты Киселева говорили об успехе начатых мероприятий. Однако многочисленные архивные источники, в том числе документы 183 ревизий, охватывавших 47 губерний, и ведомственная переписка Департаментов Министерства показывают полную неудачу правительственного замысла. Конечно, было бы ошибкой рисовать сплошной черной краской все начинания Министерства Киселева. В составе его аппарата наряду с подавляющим большинством бездушных и продажных чиновников была небольшая группа прогрессивных и достаточно подготовленных деятелей. Из 483 законов, изданных по инициативе и при участии Министерства, были отдельные паллиативные меры, которые означали некоторое движение вперед. Наиболее важными из этих прогрессивных мероприятий были: ликвидация отработочной ренты в западных губерниях, прекращение пресловутого «обмена» земель и крестьян в интересах удельного ведомства, введение жеребьевой системы воинской повинности, частичное наделение землей малоземельных селений, организация вспомогательных и сберегательных касс, устройство сельскохозяйственных выставок садовых питомников и случных конюшен. Белинский и Чернышевский

давали положительную оценку отдельным изданиям, выходившим из-под пера передовых сотрудников Министерства. На безрадостном фоне николаевской реакции приобретали прогрессивное значение самые попытки Министерства государственных имуществ распространять среди крестьян грамотность, оказывать им врачебную и ветеринарную помощь, бороться против крестьянских пожаров. Такой же прогрессивный характер носили тенденция ликвидировать средневековые перегородки между различными категориями государственных крестьян и широкое собирание статистических сведений о хозяйственном положении государственной деревни. Однако внимательное знакомство с реализацией фискальной, земельной и культурно-бытовой программы Киселева показывает не только ничтожные масштабы предпринятых мер и их определенную дворянскую направленность, но часто полное извращение положительных планов правительства местными бюрократическими органами.

Так называемое крестьянское «самоуправление» было превращено в покорное орудие коронной администрации; казнокрадство и лихоимство управляющих Палатами и окружных начальников приняло грандиозные размеры и воспроизвело обычные порядки разлагающегося крепостного строя. Фискальные задачи правительства по-прежнему поглощали главное внимание центральных и местных органов. Крестьянское малоземелье не было ликвидировано; переложение оброка на землю и промыслы, так же как люстрация и регулирование арендных имений, не могли уничтожить прежнего несоответствия между доходами и платежами государственных крестьян; размеры недоимок между 1838 и 1856 годом не сократились, а увеличились на 65%. Агрономические улучшения были недоступны для основной крестьянской массы. Школьное преподавание было поставлено крайне неудовлетворительно. Врачебная помощь и призрение престарелых были организованы в микроскопических размерах. Давая общую оценку реализации выработанной программы, мы вполне понимаем причины правительственной неудачи: V Отделение и Министерство государственных имуществ составляли органическую часть отживающей феодальной системы и не могли остановить процесса ее разложения и гибели. О нарастающем кризисе в недрах государственной деревни ярко свидетельствует сопоставление стихийных экономических процессов с бессильными реформаторскими потугами киселевского Министерства.

За 19 лет управления Киселева развитие товарно-денежных отношений и рост капиталистических элементов в сельском хозяйстве сделали определенные успехи во всех районах Европейской России. Рост производительных сил наблюдался заметнее всего в Центральном промышленном и Озерном районах, но он имел место и в чисто земледельческих черноземных губерниях, особенно на менее заселенных окраинах Заволжья и Северного Причерноморья. В противоположность крепостной деревне неуклонно росло трудовое население государственной деревни, совершенствовались его трудовые навыки, сложнее и многообразнее становилась экономическая жизнь крестьянства. Наряду с ростом крестьянской промышленности и промыслового отхода расширялись размеры посевной площади, увеличивалось количество высеянного зерна, распространялись новые земледельческие культуры и в некоторых районах, преимущественно у зажиточных хозяев, вводились улучшенные приемы земледелия и скотоводства. Параллельно наблюдался процесс расслоения крестьянства: укрепление предпринимательской группы мелкой сельской буржуазии и продажа рабочей силы нуждающейся частью среднего крестьянства. Однако основная масса мелких сельских производителей оставалась во власти традиционных приемов полеводства, была бессильна применять систематическое удобрение полей, производить осушение и орошение почвы, покупать улучшенные сорта семян, повышать количество и качество

скота. Наряду с неуклонным ростом производительных сил мы должны констатировать в различных районах и в разных прослойках крестьянского населения общую застойность сельскохозяйственной техники, низкую урожайность полей, плохое содержание скота и общую бедность государственной деревни. Периодические неурожаи, массовые эпидемии, постоянные эпизоотии и хроническое нищенство наиболее нуждавшегося слоя крестьян были характерными явлениями 40—50-х годов XIX века. Еще тревожнее было начавшееся оскудение природных ресурсов и в северных, и в центральных, и в южных районах: истощение когда-то плодородной почвы, сокращение количества пушного зверя и рыбы, относительное уменьшение лугов и пастбищ, вырубка и недостаток лесов, упадок когда-то процветавшего пчеловодства.

Таким образом, государственная деревня в период управления Киселева подвергалась воздействию двух противоположных процессов: усилия земледельческой массы при очень слабом участии самого Министерства двигали вперед развитие производительных сил, но это явление встречало преграду в системе феодальной опеки, в притеснениях и эксплуатации казны и ее чиновничьего аппарата, в низком уровне культурной и бытовой жизни и во всей обстановке разлагавшегося феодально-крепостнического строя. Задумывая свою реформу, Киселев рассчитывал создать обособленный мир крестьянского благоденствия, который окажет благотворное влияние на положение крепостного крестьянства и на дальнейшее укрепление дворянского государства. Реальная действительность разбила эту утопическую идею: казенные имения, которые были неразрывно связаны с народным хозяйством дореформенной России и управлялись своекорыстным аппаратом дворянской бюрократии, не могли выйти из-под влияния основного социально-экономического процесса, переживавшегося всей страной. Государственная деревня не только не стала счастливым оплодотворяющим оазисом феодальной России, но испытала на себе все отрицательные стороны гниющего, обреченного на слом института крепостничества. Паллиативными мерами Министерства могла воспользоваться преимущественно зажиточная верхушка деревни, но и она подвергалась воздействию отжившей системы феодального властвования. Средние крестьяне и бедняки, составлявшие большинство деревенского населения, в напряженных усилиях повысить доходную часть своего бюджета убеждались в невозможности перенять передовые опыты более обеспеченных соседей. Подъем производительных сил в сельском хозяйстве 40—50-х годов был невысоким, так же как не был высоким подъем производительных сил в западноевропейских странах накануне буржуазных революций XVII века в Англии, конца XVIII века — во Франции, середины XIX века — в Австрии и Германии. Тем не менее этот подъем был достаточен, чтобы обнаружилось разительное несоответствие между процессом развития производительных сил и пережившей себя системой феодальной эксплуатации. Социальным выражением этого нарастающего конфликта и было массовое крестьянское движение, охватившее государственную деревню в 40—50-х годах XIX века.

Крымская война обострила кризис феодальной системы; она ухудшила экономическое положение государственных крестьян, повысила потенциальную энергию их классового протеста и обнаружила тенденцию к слиянию их борьбы с выступлениями крепостного и удельного крестьянства. В обстановке усилившихся классовых противоречий приобрел еще бо́льшую остроту вопрос о взаимоотношении феодализма государственного и феодализма помещичьего. За 19-летнее управление Киселева в результате хищнической политики дворянства различие в хозяйственном положении крепостной и государственной деревни стало еще нагляднее, чем раньше. Реакционная знать мобилизовала силы, чтобы покон-

чить с «попечительным» курсом Киселева и придать руководству государственной деревней иное, откровенно крепостническое направление. Киселев получил почетную отставку, и во главе Министерства государственных имуществ оказался один из самых крайних представителей дворянской реакции Михаил Муравьев. Попытка приблизить помещичьих крепостных к категории «свободных сельских обывателей» сменилась неприкрытым стремлением перевести государственных крестьян в условия частновладельческого хозяйства, сократить их наделы, повысить их оброчные платежи и начать распродажу казенного земельного фонда. Назревание революционной ситуации оборвало эту начатую, но безнадежную попытку и привело к противоположному социально-политическому результату. Хотя с «попечительными» преобразованиями Киселева было покончено, но его основной социально-политический замысел был заимствован авторами первого варианта подготовлявшейся общекрестьянской реформы. Дальнейший рост крестьянского движения заставил дворянское правительство пойти дальше этого первоначального плана, не выходившего за рамки феодальной формации: новый, второй вариант крестьянской реформы, разработанный Редакционными комиссиями под руководством Н. А. Милютина, открыл возможность путем факультативной выкупной операции перейти от феодального строя к строю капиталистическому. Однако и в этот период подготовки реформы, когда делался «первый шаг на пути превращения феодальной монархии в буржуазную», отдельные элементы реформы Киселева, касавшиеся гражданских прав крестьян и их общественного управления, были положены в основу «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», подписанного 19 февраля 1861 года.

Таким образом, реформа Киселева не достигла поставленной ею задачи и наглядно показала неспособность не только отдельных личностей, но и всесильной самодержавной власти остановить закономерный ход исторического процесса. Однако как всякое крупное историческое явление реформа явилась не только проявлением глубокого кризиса феодальной формации, но также оставила определенный след в ходе исторического развития: противоречивая по своему замыслу, содержанию и приемам практического применения, она сохранила ту же противоречивость в своем влиянии на законодательные акты 1861 года. С одной стороны, она облегчила постановку вопроса об отмене крепостного права, с другой,— внесла двойственные, частью прогрессивные, частью реакционно-феодальные черты в юридическое определение личных и корпоративных прав раскрепощаемого крестьянства.

Таковы основные выводы, к которым приводит изучение взаимных отношений между государственными крестьянами и феодалом-казной в период нараставшего кризиса феодально-крепостнического строя.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВЕДОМОСТЬ № 1

Надельное землевладение государственных крестьян в 1843 году *

Губернии	Число ревизских душ	Число десятин земли			На душу	
		удобной	неудобной	всего	удобной	всего
Архангельская	68 002	115 616	Не известно		1,7	—
Астраханская	28 115	607 792	568 383	1 176 175	21,6	41,8
Бессарабская	29 272	335 460	19 807	355 267	11,4	12,1
Виленская	96 429	336 981	85 843	422 824	3,4	4,3
Витебская	67 668	110 354	15 798	126 152	1,6	1,8
Владимирская	125 046	429 503	50 078	479 581	3,4	3,8
Вологодская	204 358	643 486	281 680	925 166	3,1	4,5
Волынская	110 189	258 757	33 475	292 232	2,3	2,6
Воронежская	449 921	2 518 737	200 354	2 719 091	5,5	6,0
Вятская	598 792	3 163 640	204 375	3 368 015	5,2	5,6
Гродненская	133 800	414 461	32 858	447 319	3,0	3,3
Екатеринославская	180 887	1 423 938	136 618	1 560 556	7,8	8,6
Кавказская	58 662	1 243 922	315 059	1 558 981	21,2	26,5
Казанская	447 908	1 723 627	134 170	1 857 797	3,8	4,1
Калужская	89 815	468 829	23 001	491 830	5,2	5,4
Киевская	88 142	244 835	77 731	322 566	2,7	3,6
Ковенская	105 385	343 255	87 214	430 469	3,2	4,0
Костромская	73 040	297 574	19 142	316 716	4,0	4,3
Курляндская	63 954	105 281	4 914	110 195	1,6	1,7
Курская	471 559	1 342 053	62 880	1 404 933	2,8	2,9
Лифляндская	49 679	276 134	95 389	371 523	5,5	7,4
Минская	51 264	139 130	35 576	174 706	2,7	3,4
Могилевская	38 823	110 320	24 910	135 230	2,8	3,4
Московская	154 760	435 943	28 599	464 542	2,8	3,0
Нижегородская	89 633	332 628	35 673	368 301	3,7	4,1
Новгородская	94 794	250 363	180 484	430 847	2,6	4,5
Олонецкая	75 940	285 306	Не известно	285 306	3,7	—
Оренбургская	296 318	2 664 468	490 473	3 154 941	8,9	10,6
Орловская	193 494	709 340	34 908	744 248	3,6	3,8
Пензенская	197 056	905 147	53 684	958 831	4,6	4,8
Пермская	396 855	1 979 523	632 686	2 612 209	4,9	6,5
Подольская	96 733	143 315	38 273	181 588	1,4	1,8
Полтавская	415 025	1 037 345	33 474	1 070 819	2,4	2,5
Псковская	123 738	350 328	45 513	395 841	2,8	3,0
Рязанская	157 143	532 368	51 826	584 194	3,3	3,7
С.-Петербургская	29 018	135 137	18 239	153 376	4,6	5,2
Саратовская	323 178	3 537 588	1 090 667	4 628 255	10,9	14,3
Смоленская	99 835	393 092	41 462	434 554	3,9	4,3
Таврическая	197 413	1 509 405	189 735	1 699 140	7,6	8,6
Тамбовская	351 007	1 850 694	136 604	1 987 298	5,2	5,6
Тверская	193 004	480 611	94 163	574 774	2,4	2,9
Тульская	81 110	332 902	6 926	339 828	4,1	4,1
Харьковская	372 070	1 197 400	105 986	1 303 386	3,2	3,5
Херсонская	39 667	396 780	26 492	423 272	10,0	10,6
Черниговская	291 282	709 457	38 198	747 655	2,4	2,5
Эстляндская	2 210	11 043	2 688	13 731	4,9	6,2
Ярославская	106 457	385 557	34 175	419 732	3,6	3,9

* Отч., 1843 г.

ВЕДОМОСТЬ № 2

Надельное землевладение государственных крестьян в губерниях, остававшихся на душевом оброке в 1856 году *

Губернии	Число ревизских душ	Число десятин земли			На душу	
		удобной	неудобной	всего	удобной	всего
Архангельская	79 078	165 960	Не известно		2,0	—
Астраханская	76 495	841 439	887 734	1 729 173	10,9	22,6
Бессарабская	36 867	331 805	19 812	351 617	9,0	9,5
Вологодская	241 0[illegible]1	655 262	282 277	937 539	2,7	3,8
Вятская	725 463	4 171 908	182 314	4 354 222	5,7	6,0
Казанская	503 244	2 097 405	301 008	2 398 413	4,1	4,7
Курляндская	70 092	169 768	2 471	172 239	2,4	2,4
Лифляндская	53 651	370 189	6 834	377 023	6,8	7,0
Олонецкая	83 110	286 277	3 229	289 506	3,4	3,4
Оренбургская	193 183	1 819 332	257 740	2 077 072	9,4	10,7
Пермская	440 802	2 338 548	327 922	2 666 470	5,3	6,0
Полтавская	420 283	233 001	4 393	237 394	0,5	0,5
Таврическая	228 477	1 530 428	191 935	1 722 363	6,6	7,5
Херсонская	44 407	404 442	41 060	445 502	9,1	10,0
Черниговская	306 483	687 068	29 361	716 429	2,2	2,3
Эстляндская	2 318	16 828	283	17 111	7,2	7,3

* Отч. 1856 г. (ведомости №№ 5 и 16)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Администратор — управляющий государственным имением, находившемся в непосредственном заведовании правительства.

Амт — территориально-административная единица в Белостокской области.

Аншлаг — хозяйственно-правовой акт о владении имением в прибалтийских губерниях.

Башкирские кантоны — административно-войсковые единицы башкирского иррегулярного войска.

«Безуказные» промыслы — мелкие промышленные предприятия XVIII века, не имевшие разрешения на открытие («указа») от правительства.

Вакенбух — хозяйственная опись арендного имения в прибалтийских губерниях, определявшая взаимные отношения арендатора и крестьян и имевшая значение юридического документа.

Войсковые обитатели — категория государственных крестьян, потомков военнослужилых поселенцев, которые составляли в XVIII веке полки ландмилиции.

Войт — выборный представитель исполнительной власти в городских и деревенских общинах на территории, отошедшей к России от Польши.

Выпуск — пастбище.

Гвалт (сгон) — поголовная крестьянская барщина, применявшаяся в западных губерниях для ускоренного выполнения сельскохозяйственных работ.

Грунт — надел крестьянина на Правобережной Украине.

Даремщизна — барщинная повинность в западных арендных имениях, не предусмотренная инвентарем, отбывавшаяся даром, без вознаграждения.

Десятинщик — мелкий арендатор земли из части урожая в южных украинских губерниях.

Диспонент — управляющий имением.

Жеребьевая система воинской повинности — система пополнения армии определенным количеством рекрутов путем вынутия жребия всеми мужчинами призывного возраста.

Инвентарь — хозяйственная опись имения с указанием пространства и качества угодий, крестьянских наделов, повинностей и пр., имевшая значение юридического акта.

Ключ — низшая территориально-административная единица в западных губерниях, отошедших к России от Польши.

Ко́ртома — аренда земель, лесов, рыбных ловель и пр.

Ланкастерский метод взаимного обучения — система занятий в начальной школе, при которой старшие, более успевающие ученики вели занятия с остальными учащимися под руководством учителя.

Ландмилиция — особый род поселенного войска, созданный Петром I для охраны государственных границ.

Лашмане — особая категория крестьянского населения в восточных губерниях Европейской России, сформированная Петром I для работ по рубке и доставке на верфи корабельного леса.

Люстрация — процедура хозяйственного описания государственных имений, сопровождавшаяся подсчетом земельных угодий, количества и состава крестьянского населения, денежных и натуральных повинностей крестьян и т. д.

Пе́стрядь — пеньковая грубая ткань.

Поиезуитские имения — имения, отобранные в казну от ордена иезуитов, закрытого в 1775 году, а после его восстановления — вторично в 1822 году.

Попенные деньги — пошлина, взимавшаяся в казну за каждое дерево, проданное из казенного леса.

Посессор — арендатор казенного имения в западных губерниях.

Репартиционная (раскладочная) система взимания денежных сборов — система, при которой государственные органы устанавливали оклад денежных повинностей для каждой губернии, уезда и волости, а общины раскладывали окладную сумму между отдельными плательщиками.

Руга — вознаграждение деньгами и натурой, которое вносили крестьяне сельскому духовенству.

Скарификатор — сельскохозяйственное орудие, предназначенное для глубокого прорезывания почвы (преимущественно на лугах) с целью обеспечить свободный доступ воздуха к корням растений.

Тептяри — мелкие сельские производители, поселившиеся на башкирских землях на основании письменного договора с вотчинниками башкирами.

Толо́ки — паровое поле отведенное под пастбище, коллективная помощь по уборке урожая.

Четвертные земли — земли, находившиеся в личной собственности или потомственно-подворном пользовании однодворцев, полученные ими от предков — мелких военно-служилых людей, которые вознаграждались определенным количеством «четвертей» (т. е. пространства, засеваемого соответствующим количеством четвертей зерна).

Шарварки — барщинная повинность крестьян западных губерний, заключавшаяся в починке строений арендованного имения.

Экстирпатор — сельскохозяйственное орудие, предназначенное для разрыхления почвы и удаления сорных растений.

Эмфитеутическое право — право вечной наследственной аренды, основанное на традициях римского законодательства.

Яруг (яр) — обрыв.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОКРАЩЕНИЯ

адм. — адмирал
вел. кн.— великий князь, великая княгиня
вол.— волостной
ВЭО — Вольное Экономическое общество
ген.— генерал
г. и.— государственные имущества
гос.— государственный
гр.— граф
губ.— губерния, губернский
деп.— департамент
е. и. в.— его императорское величество
зем.— земский
кн.— князь, княгиня
кр-н — крестьянин
кр-ка — крестьянка
МВД — Министерство внутренних дел
МГИ — Министерство государственных имуществ
МФ — Министерство финансов
нач.— начальник
окр.— окружный
отд.— отделение
пом-к — помещик
пом-ца — помещица
проф.— профессор
св-к — священник
сельск.— сельский
старш.— старшина
упр.— управление
упр-й — управляющий
чин-к — чиновник

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОКРАЩЕНИЯ

войт.— войтовство
вол.— волость
вотч.— вотчина
г.— город
губ.— губерния
д.— деревня
им.— имение
мест.— местечко
о.— остров
об.-г.— обер-гауптманство
обл.— область
оз.— озеро
окр.— округ
пос.— поселок
поч.— починок
прик.— приказ
р.— река
с.— село
сел.— селение
сел. общ.— сельское общество
слоб.— слобода
стар.— староство
у.— уезд
фольв.— фольварк
хут.— хутор

СОКРАЩЕНИЯ

ВЕ — «Вестник Европы», журнал.

ВПСЗ — Второе полное собрание законов Российской империи.

ВСО — Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I Отделении Департамента Генерального штаба. СПб, 1848—1853.

ГИАМО — Государственный исторический архив Московской области

ГМ — «Голос минувшего», журнал.

ГС — Государственный совет.

ГСДЭ — Государственный совет, Департамент экономии.

I Д — I Департамент Министерства государственных имуществ.

II Д — II Департамент Министерства государственных имуществ.

III Д (ДСХ) — III Департамент (Департамент сельского хозяйства) Министерства государственных имуществ.

ДПИ — Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.

ДЭ — Департамент экономии Государственного совета.

ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.

ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ.

ЗГ — «Земледельческая газета».

ЗД — А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, тт. I—IV. СПб, 1882.

ИВ — «Исторический вестник», журнал.

ИЗ — «Исторические записки» (издание Института истории АН СССР).

ИО — «Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ», чч. I—VI. СПб, 1888.

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР («Пушкинский дом») в Ленинграде

КД — «Крестьянское движение. 1827—1869», тт. I—II. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М.—Л., 1931.

Кнц М — Канцелярия министра государственных имуществ.

МГИ — Министерство государственных имуществ.

МИКП — «Материалы для истории крепостного права». Берлин, 1872.

МСР — «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ», вып. I—VI. СПб, 1858—1871.

МЮ — Министерство юстиции.

Отч.— Извлечения из отчетов МГИ за 1842—1856 гг.; напечатаны в приложениях к ЖМГИ, чч. IX (за 1842 г.), XII (за 1843 г.), XVII (за 1844 г.), XXI (за 1845 г.), XXV (за 1846 г.), XXIX (за 1847 г.), XXXIII (за 1848 г.), XXXVII (за 1849 г.), XLI (за 1850 г.), XLV (за 1851 г.), XLIX (за 1852 г.), LIII (за 1853 г.), LVII (за 1854 г.), LXI (за 1855 г.), LXIII (за 1856 г.) и отдельными изданиями.

ПГИ — Палата государственных имуществ.

V О — V Отделение собственной е. и. в. канцелярии.

РА — «Русский архив», журнал.

РОЛБ — Отделение рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

РС — «Русская старина», журнал

СОГА — Свердловский областной государственный архив.
ТПСЗ — Третье полное собрание законов Российской империи.
Тр. ИВЭО — «Труды имп. Вольного экономического общества».
ХСМ — «Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян», вып. I—II. СПб, 1857.
ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив Украинской ССР.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.
д.— дело.
л.— лист.
ф — фонд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Николай Михайлович Дружинин

**Государственные крестьяне
и реформа П. Д. Киселева, т. II**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе* и *Ц. М. Подгорненская*

Технический редактор *Н. Д. Новичкова*

РИСО АН СССР № 41-77В. Сдано в набор 11/VIII 1958 г.
Подп. в печать 15/X 1958 г. Формат бум. 70×108 1/16
Печ. л. 38,75 = 5,09 усл. печ. л. Уч.-изд. лист. 56,3
Тираж 3000 экз. Изд. № 3244. Тип. зак. 3224 Т-09292

Цена 35 руб. 75 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
13	1 сн.	МЖГИ	ЖМГИ
55	24 сн.	ибо всем	обо всем
65	2 сн.	1837	1838
75	3 сн.	1345-а	13145-а
76	24 сн.	сборы	сборы с
82	4 сн.	1894	1849
103	3 сн.	1569	15694
109	2 сн.	2330	2830
122	12 сн.	л. 789	д. 789
122	8—7 сн.	т. I. приложение, лл.	т. I, лл.
123	5 сн.	д. 17763	1852 г., д. 17763
131	5 сн.	1846 г., 1847 г.	1847 г.
131	5 сн.	приложение, лл.	риложение, т. I, лл.
137	30 сн.	1840 г.	1848 г.
152	Табл. 9 колонка 4	290 316	290 216
170	1 сн.	Богичева	Бегичева
171	7 сн.	д. 10527	д. 10257
171	26 св.	65—67½	65—67%
189	24 св.	63 596	63 569
201	12 сн.	частных	частых
206	4 сн.	1852	1952
209	Табл. 27 заголовок	душевные	душевые
219	16 св.	335	407
225	6 сн.	д. 8864, т. I	д. 8864, приложение, т. I
230	4 св.	не подрядчикам	по подрядчикам
252	6 сн.	л. 158	л. 153
255	12 св.	33 девочки	3 девочки
277	3 сн.	ф. 27211	д. 27211
292	3—4 св.	сведения о цепях	сведения о ценах
300	20 св.	и от 60 до 55 лет	и от 60 до 65 лет
304	20 сн.	о душевных наделах	о душевых наделах
321	Табл. 67 заголовок	«Число годовых промышленников»	Число «годовых промышленников»
322	Табл. 68 колонка 8	Р ан ска	Рязанская
325	1 св.	отдельных	отдаленных
326	4 сн.	недельная	надельная
339	26 сн.	Тейков	Тейково
371	3 сн.	МСР, II	МСР, III
381	2 сн.	1857	1957
389	16 св.	65 016	15 302
392	22 сн.	отдельные	отдаленные
397	Табл. 100 колонка 2	1817 2	1 817 241

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
410	20 сн.	4000 хозяев	4400 хозяев
414	15—14 сн.	1851 —1956 годы	1851—1856 годы
415	Табл. 109 колонка 4	301 1	301 351
417	2 сн.	1854 г.	1851 г.
427	28 св.	покрывали	покрывались
440	1 сн.	стр. 294	стр. 29
445	Табл. 127 колонка 3	1,634	634
445	Табл. 127 колонка 2	70.727	70 727
507	11—10 сн.	начальства	начальника
510	12 сн.	Отчет II Отделения	Отчет III Отделения
532	3 сн.	1885 г.	1854 г.
537	6 и 22 сн.	В. П. Долгорукова	В. А. Долгорукова
560	3 сн.	637—654	637—645
584	2 кол. 31 сн.	II 53	II 93
586	1 » 15 сн.	36	I 436
587	2 » 6 сн.	2 238	I 238
588	1 » 9 св.	Кириенго	Кириенко
588	1 » 31 св.	447	I 447
591	1 » 24 св.	Нелюбимов	Нелюдимов
593	1 » 26 св.	536—540	536,540
601	1 » 13 сн.	76	70
602	2 » 9 св.	Демиека	Демиевка
603	2 » 14 сн.	374	371
606	2 » 12 св.	112	122
606	1 » 5 сн.	135	134
609	2 » 15 сн.	541	451
610	2 » 1 сн.	I 114	II 114

Дополнительный список замеченных опечаток

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
55	16 св.	легка	легла
76	3 сн.	ф.У 0,26565	ф.У 0,д.26565
113	13 св.	Кандидатами	Кандидатов
127	7 сн.	Новогородская	Новгородская
137	7 сн.	лл. 6-18	лл. 16-18
153	4 св.	38 копеек	83 копейки
155	22 сн.	68 копеек	58 копеек
161	7 сн.	18216	д.18216
162	10 сн.	В Смоленской и Вятской губерниях	В Вятской губернии
176	9 сн.	д.Кнц М	ф.Кнц М
189	Таблица, I колонка, 3 ряд	1850	1840
212	I св.	мужду	между
217	7 св.		(после слов:"табл.34" - звездочка)
217	Таблица, I колонка, 6 ряд	I 47	1847
225	17 св.	не хватает	не хватало
227	19 св.	цены муки	цены на муку
230	I св.	земене	замене
233	4 сн.	195 (сноска)	196 (сноска)
244	7 сн.	стр. I.75-151	стр.75-151
244	7 сн.	стр. I.187	стр.187
252	Колонцифра	552	252
258	8 сн.	из двух предметов	из этих двух предметов
272	Таблица, 4 колонка, 5 ряд	19606	13606
273	4 сн.	5276	д.5276
273	8 сн.	Сд.ЦГИАЛ	Ср.ЦГИАЛ
275	15 св.	крупным и	крупными
277	Сноска под таблицей	ЖМГИ, 1957	ЖМГИ, 1857
290	9 сн.	обнаружила	обнаруживали
291	8 св.	2.Северное Поморье	3.Северное Поморье
320	15 сн.	всесторонне	всестороннее
325	Таблица, 3 колонка, 14 ряд	2,47	2,46
330	Колонцифра	130	330

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
330	15 сн.	абочих	рабочих
336	7 сн.	промышленность	Промышленность
342	I св.	уж	уже
366	II сн.	В.Вишняков	В.Вешняков
390	20 сн.	огрономической	агрономической
391	15 св.	Нощульскую	Ношульскую
393	18 сн.	531336	531366
394	Таблица, 6 колонка, I ряд	3,067	3067
395	17 сн.	учебной форме	учебной ферме
423	Таблица, I колонка, 3 ряд	Число мужского пола	Число душ мужского пола
426	4 св.	пунктов	пунктах
427	Таблица, 6 колонка, 3 ряд	14052	14062
433	Таблица, 5 колонка, 13 ряд	108585	108586
459 (456)	27 св. (13 св)	подойки (только)	подойти (только что)
485	9 св.	вошел	вышел
511	12 св.	Новогородской	Новгородской
516	Таблица 132, I колонка, I ряд	Уставов монетны	Уставов монетных
521	21 св.	представленному в 1843 году	представленном в 1843 году
529	10 св.	75250 рублей	75256 рублей
567	13 сн.	В десяти	В девяти
617	I сн.	614	615
Опечатки,	4 колонка 13 св.(к 131 стр.)	риложение	приложение
Опечатки,	2 колонка 3 сн.(к 606 стр.)	1 5 сн.	2 5 сн.
Опечатки,	2 колонка 2 сн.(к 609 стр.)	2 15 сн.	I 15 сн.

